This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PS 12V 176.25 1866/4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ДЕКАБРЬ. 1866.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ТОМЪ IV. — ДЕКАБРЬ 1866.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ РОЖДЕНІЯ Н. М. КАРАМЗИНА: — I. Fac-simile письма Н. М. Карамзина къ К. Ѳ. Калайдовичу. — II. Идеи Н. М. Карамзина, какъ публициста. **М. П. Погодина.** — III. Образъ мыслей Н. М. Карамзина, какъ историка. **А. Д. Галахова.** — IV. Торжество юбилея Н. М. Карамзина въ С.-Петербургѣ.

I. — СМУТНОЕ ВРЕМЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА. — II. — ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ И ВОРЫ. — ГЛАВА ТРЕТЬЯ. — **Н. И. Костомарова.**

II. — ЦЕНТРЪ РИМСКАГО МІРА И ЕГО ПРОВИНЦІИ. — II. — **С. В. Ешевскаго.**

III. — ДАНТЕ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ КАТОЛИЧЕСТВА. **А. Н. Веселовскаго.**

IV. — ЭПОХА КОНГРЕССОВЪ. — II. Вторая реставрація до Ахенскаго конгресса. **С. М. Соловьева.**

V. — БОРЬБА ВЕНЕЦІИ СЪ АВСТРІЕЮ въ 1848 и 1849 годахъ. — СТАТЬЯ ВТОРАЯ. — **В. Г. Авсѣенко.**

VI. — ПОЛИТИКА ДАНІИ ПРИ ФРЕДЕРИКѢ VII. — **С. С. Джунковскаго.**

VII. — НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ АВСТРІИ. — СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ. — **В. Д.**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА. — I. Обзоръ книгъ и статей по русской исторіи въ 1866 году: А) Книги. Второе полугодіе. — II. — Новѣйшая литература всеобщей исторіи: А) Русская: 1) Оригинальныя сочиненія, и 2) Переводы.

Замѣтка по поводу сочиненія г. Андреевскаго: «Русское государственное право». Т. I. Спб. 1866. **В. О.**

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Т. Н. Грановскій о классицизмѣ и реализмѣ. — Современные вопросы о наукѣ и о народномъ образованіи въ Германіи.

Замѣтка о ремесленномъ образованіи у насъ и за-границею. **П. С.** — Пятидесятилѣтній юбилей доктората Леопольда Ранке.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Декабрь, 1866. — Земское обозрѣніе: — I. Первые результаты начала дѣятельности земства. Статья третья. **Н. Ѳ. Крузе.** — II. Обзоръ дѣятельности губернскихъ земскихъ собраній: 2) Пути сообщенія. Статья вторая. **Н. П. Колюпанова.** — III. Корреспонденція изъ Либавы: «На Ковну или на Ригу?». **А. Х—овъ.** — Иностранное обозрѣніе: I. Обзоръ современной политики Австріи съ 1859 года. **W.** — II. Корреспонденція изъ Венеціи. **Е. О.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ и БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

Примѣчаніе. Третья и послѣдняя часть сочиненія Н. И. Костомарова, подъ заглавіемъ: «Московское разоренье», печатается въ первомъ томѣ слѣдующаго года.

С. Д. Ефремовъ

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ XXX. — ТОМЪ CLXXVIII. — 9/21 ДЕКАБРЯ 1866.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ДЕКАБРЬ.

С САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Галерная, 20.

1866.

PSlav 176.25
~~Slav 30.2~~

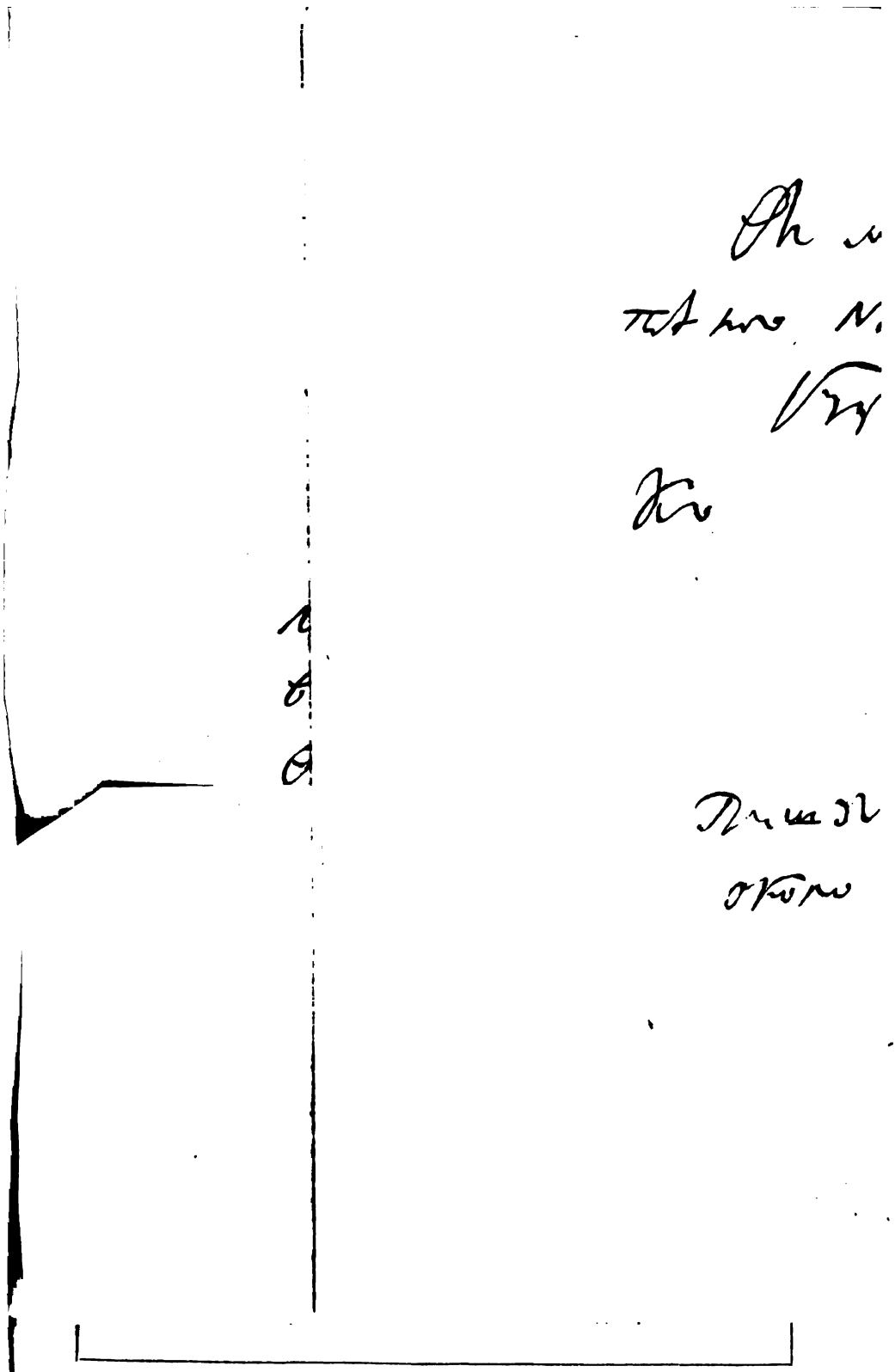
1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler, U.S. Consul.
at Birmingham, Eng.

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.

20

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Заключая первый годъ своей дѣятельности, Редакція «Вѣстника Европы», желала бы разъ на всегда объясниться по поводу обращенія къ намъ одного изъ органовъ нашей журналистики, когда вышелъ въ свѣтъ еще первый томъ нашего журнала. Намъ замѣтили, что «по первой книжкѣ «Вѣстника Европы» нельзя еще судить о его *направленіи:* оно еще не опредѣлилось; но новый журналъ, конечно, не замедлитъ его обнаружить съ полною самостоятельностью, опредѣленностью и искренностью: такими свойствами отличался «Вѣстникъ Европы» временъ Карамзина. Новая редакція, возобновляя это названіе въ заглавіи своего журнала, нѣкоторымъ образомъ обязывается послужить своимъ изданіемъ русской литературѣ и наукѣ столь же благоразумно и благородно, какъ нѣкогда служилъ ей авторъ «Исторіи Россійскаго государства». Какъ ни лестны возлагаемыя на насъ надежды, и какъ бы ни были пріятны возлагаемыя на насъ обязательства, но они всеже слишкомъ общи, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго права дѣлать какого нибудь исключительнаго притязанія на «разумное и благородное служеніе русской литературѣ и наукѣ», и на «самостоятельность, опредѣленность и искренность», какъ на качества, которыми мы желали бы отличиться отъ прочихъ органовъ періодической печати. Все это составляетъ, по нашему убѣжденію, общее достояніе всѣхъ журналовъ; всѣ имѣютъ право дѣлать на то притязаніе, и мы не отличились бы ни отъ кого, еслибы вздумали заявить о томъ, что мы будемъ самостоятельны, опредѣленны и искренни; это даже цѣль вообще всякой дѣятельности, а не одной журнальной. Едва ли найдется такой органъ печати, который, по крайней мѣрѣ, самъ не имѣлъ бы убѣжденія, что онъ дѣйствуетъ честно. Вовсе не такимъ объявленіемъ желали бы мы доставить своему журналу особый характеръ и указать его направленіе: основывая журналъ *исто-*



I.

FAC-SIMILE

ПИСЬМА

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА

К. Ѳ. КАЛАЙДОВИЧУ *).

Царское Село, 27 авг. 1824.

Милостивый Государь мой

Константинъ Ѳедоровичъ!

Въ надеждѣ на ваше доброе ко мнѣ расположеніе и любовь къ историческимъ изслѣдованіямъ убѣдительно прошу васъ побывать въ селѣ Тушинѣ, въ 12 верстахъ отъ Москвы, и описать мѣсто, гдѣ стоялъ вторый Лжедимитрій, или сообщить мнѣ комментарій на слѣдующее польское описаніе:

„Лагерь Самозванца съ южной, западной и сѣверной „стороны былъ окруженъ двумя рѣками, Москвою

*) Доставлено М. П. Погодинымъ. — На оборотѣ письма помѣщенъ адресъ: «*Его Высокоблагородію, Милостивому Государю моему, Константину Ѳедоровичу Калайдовичу, въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ Москвѣ*».

„и Тушиномъ (такъ ли? есть ли тутъ рѣка Ту-„шинъ?); къ востоку простирались равнины, укрѣплен-„ныя валомъ и рвомъ, и (остались ли слѣды?) тутъ „стояли Донскіе казаки, а Татары вдоль Москвы рѣки; „на другой сторонѣ лагеря пѣхота и конница поль-„ская, также вдоль рѣки; за рѣкою Россіяне, слу-„жившіе Самозванцу.“

Вы меня весьма одолжите, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Будьте благополучны и благосклонны къ

Вашему покорнѣйшему

Н. Карамзину.

PS. Пишутъ, что у Самозванца было около 80,000 человѣкъ.

II.

ИДЕИ

Н. М. КАРАМЗИНА

КАКЪ ПУБЛИЦИСТА,

Оды Александру I. — Похвальное слово Екатеринѣ II. — «Вѣстникъ Европы» 1802 и 1803 годовъ, подъ редакціею Карамзина. — Переходъ къ Исторіи россійскаго государства.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра, 12 марта 1801 года, начинается новая эра, какъ въ жизни литературной Карамзина, такъ и домашней. Онъ ожилъ и привѣтствовалъ молодого императора стихами, примѣчательными, если не въ отношеніи къ поэзіи, то въ отношеніи къ мыслямъ, ими выраженнымъ, къ желаніямъ, которыя, какъ видно изъ нихъ, господствовали въ большинствѣ русскаго образованнаго общества. Съ этой точки зрѣнія стихи дѣлаются историческимъ документомъ.

Карамзинъ съ самаго начала сравниваетъ восшествіе на престолъ Александра съ явленіемъ *весны*, которая приноситъ съ собою забвеніе всѣхъ мрачныхъ ужасовъ *зимы*, радуется обѣщанію Александра даровать златой вѣкъ Екатерины, когда милость вѣщала ея устами, и къ повиновенію подданные подвигались одною любовью. Поэтъ предвидитъ много великихъ дѣлъ, но желаетъ, чтобы они относились только къ миру, къ справедливому суду, къ благимъ нравамъ, коихъ дворъ долженъ представлять *образцы;* предостерегаетъ молодого государя отъ льстецовъ, которые описываются самыми черными красками; воспоминаетъ о Пожарскихъ

и Долгорукихъ, и заключаетъ изображеніемъ музъ, которыя, снимая съ себя черный крепъ, ожидаютъ благоволенія Александрова.

Предложимъ нѣсколько строфъ изъ первой оды:

Россіи Императоръ новый!
На тронѣ будь благословенъ.
. . . . . .
. . . . . .
Такъ милыя весны явленье
Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы;
Сердца съ природой разцвѣтаютъ,
И плодъ во цвѣтѣ предвкушаютъ,
Весна у насъ, съ Тобою мы!
Какъ Ангелъ Божій ты сіяешь,
И съ первымъ словомъ обѣщаешь
Екатерининъ вѣкъ златой,
. . . . . .
Когда монаршими устами
Вѣщала *милость* къ намъ одна,
И правила людей сердцами;
Когда и самая вина
Не рѣдко ею отпускалась,
И власть Монаршая казалась
Намъ властію *любви* одной.
. . . . . .
Воспитанникъ Екатерины!
Тебя Господь Россіи далъ.
Ты урну нашея судьбины
Для дѣлъ великихъ восприялъ:
Еще ихъ много въ ней хранится,
И духъ мой сладко веселится,
Предвидя ихъ блестящій рядъ!
Монархъ! довольно лавровъ славы,
Довольно ужасовъ войны!
. . . . . .
Ты будешь Геніемъ покоя;
Въ Тебѣ увидимъ мы Героя
Дѣлъ мирныхъ правоты святой.
Возьми не мечь, — *всѣсы Ѳемиды*,
И бѣдный, не страшась обиды,
Найдетъ безъ злата вѣкъ златой.
. . . . . .
Да царствуютъ *благіе нравы!*
Примѣръ Двора для насъ законъ.
Есть родъ людей, Царю опасный:
Ихъ рѣчи какъ Идійскій медъ;
Улыбки милы и прекрасны;
По виду — ихъ добрѣе нѣтъ.
Они всегда хвалить готовы,
Всегда хвалы ихъ тонки, новы;
Имъ имя — *хитрые льстецы*;
Снаружи Ангеламъ подобны,
Но въ сердцѣ ядовиты, злобны,
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.
Они отечества не знаютъ;
Они не любятъ и Царей,
Но быть любимцами желаютъ,
Корысть ихъ богъ: лишь служатъ ей.
Имъ доступъ къ трону заградится;
Твой слухъ во вѣкъ не обольстится
Коварной, ложной ихъ хвалой.
Ты будешь окруженъ друзьями,
Россіи лучшими сынами;
Отечество одно съ Тобой.
Довольно патріотовъ вѣрныхъ,
Готовыхъ жизнь ему отдать,
Друзей добра не лицемѣрныхъ,
Могущихъ истину сказать!
У насъ *Пожарскіе* сіяли,
И *Долгорукіе* дерзали
Петру отъ сердца говорить;
Великій соглашался съ ними,
И звалъ ихъ братьями своими.
Монархъ! Ты будешь насъ любить
Ты будешь солнцемъ просвѣщенья;
Наукой счастливъ человѣкъ:
. . . . . .
Се Музы къ трону приступая,
И черный крепъ съ себя снимая
Твоей улыбки милой ждутъ!
Онѣ сердца людей смягчаютъ;
Онѣ жизнь нашу услаждаютъ,
И добраго Царя поютъ!

Молодой государь прислалъ поздравителю брилліантовый перстень.

Въ одѣ на коронацію, Карамзинъ выразился еще тверже и яснѣе: онъ говоритъ здѣсь о законахъ для самодержавія, объ его отвѣтственности предъ небомъ, о гнусности рабства, о достоинствахъ свободы, которая одна только можетъ любить, а не бояться, которая мила и согласна съ пользою царей, которая можетъ существовать только тамъ, гдѣ есть уставы. Поэтъ идетъ въ храмъ исторіи, гдѣ надѣется найдти дѣла Александровы:

. . . . . .
Сколь трудно править самовластно
И небу лишь отчетъ давать!
Но сколь велико и прекрасно
Дѣлами Богу подражать!
Его велѣньямъ нѣтъ препоны;
Но онъ, творя, благотворитъ.
Онъ можетъ все, но свято чтитъ
Его же премудрости законы —
И Фебъ въ сіяніи своемъ
Течетъ всегда однимъ путемъ.
. . . . . .
Короны блескомъ ослѣпленный
Другой въ подвластныхъ зритъ — рабовъ;
Но Ты, душею просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ,
Тебѣ одна любовь прелестна:
Но можно ли рабу любить?
Ему ли благодарнымъ быть?
Любовь со страхомъ не совмѣстна;
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.
Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, намъ мила,
И съ пользою Царей согласна;
Ты вѣчно славой ихъ была.
Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый не боясь живетъ;
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но равенство одна мечта,
Трудясь!... давай уставы намъ,
И будешь *первый* — по дѣламъ!

Молодые наши судьи, къ которымъ нѣсколько разъ обращалъ я рѣчь, упрекаютъ старыхъ литераторовъ въ лести. Никакая лесть не опасна, сопровождаемая подобными уроками. Нѣтъ, Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, не льстили, какъ видимъ изъ

приведенныхъ нами мѣстъ, а учили царей между строками кажущейся лести, которая принадлежала къ языку, обычаю, формамъ времени.

Ода представлена была государю Д. П. Трощинскимъ, котораго Карамзинъ просилъ слѣдующимъ письмомъ:

«Естьли приложенные стихи могутъ заслужить Ваше лестное для меня вниманіе, то я осмѣлился бы утрудить Васъ просьбою вручить ихъ нашему Монарху въ знакъ патріотическаго усердія московскихъ Музъ.—Зная, сколь время драгоцѣнно для министра, помогающаго великому Государю управлять великою Имперіею, не могу надѣяться, чтобы я получилъ отъ Васъ дозволеніе лично изъявить Вамъ мою сердечную признательность и то высокопочитаніе, съ которымъ имѣю честь быть» и проч.

Карамзинъ занятъ былъ въ это время сочиненіемъ историческаго похвальнаго слова императрицѣ Екатеринѣ. Ободренный благосклоннымъ принятіемъ двухъ его одъ, онъ вознамѣрился выразить яснѣе свои мысли о желаемомъ правленіи въ описаніи дѣйствій покойной государыни, которыми стяжала она отъ своихъ подданныхъ признательную память. Примѣръ казался для Карамзина гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе всѣхъ умозрительныхъ, отвлеченныхъ разсужденій, тѣмъ болѣе, что они могли подать еще поводъ къ невыгоднымъ предположеніямъ о непрошенныхъ наставленіяхъ, а по мнѣнію другихъ, пожалуй, и дерзкихъ. Подъ щитомъ императрицы Екатерины, которой имя было возвѣщено въ первомъ манифестѣ, Карамзинъ могъ гораздо безопаснѣе проводить свои собственныя мысли, гораздо успѣшнѣе внушать желаемыя понятія о царскихъ обязанностяхъ. Къ чести его надо припомнить, что онъ здѣсь совершенно забылъ несправедливость покойной государыни, въ отношеніи къ нему самому, или объяснилъ ее безпристрастно естественностію ея подозрѣній, тѣми тревожными обстоятельствами и опасеніями, среди которыхъ она провела послѣдніе годы своей жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ умѣлъ возвыситься надъ личностями, частностями и мелочами, и хотѣлъ только почтить благодѣянія, разлитыя императрицею Екатериною въ отечествѣ, чтобъ ея преемникъ выразумѣлъ основательно ея достоинства, и вмѣнилъ себѣ въ обязанность идти по слѣдамъ ея. Въ этомъ отношеніи онъ пропустилъ, и даже не намекнулъ объ ея недостаткахъ и порокахъ, потому ли, что считалъ неприличнымъ принимать на себя слишкомъ явно учительный тонъ, опасался оскорбить тѣмъ самолюбіе молодого государя, или считалъ неумѣстнымъ, въ похвальномъ словѣ, судить обо всей жизни въ совокупности, или,

наконецъ, до того очаровался общимъ впечатлѣніемъ блистательнаго царствованія, что всѣ тѣни ускользнули въ эту минуту отъ его вниманія.

Лира настроена была Карамзинымъ на высокій ладъ, и языкъ его въ этомъ сочиненіи возвышается вмѣстѣ съ предметомъ. Это уже не языкъ „Писемъ Русскаго путешественника“ и прочихъ произведеній его молодости: языкъ Похвальнаго слова, вмѣстѣ съ Маѳою Посадницею, о которой вскорѣ говорить будемъ, составляетъ переходъ къ исторіи, возбуждаетъ новыя надежды на развитіе автора и служитъ доказательствомъ его разнообразныхъ способностей. Вы слышите истиннаго оратора, который переходитъ отъ силы къ силѣ, и начинаетъ говорить со властію.

Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями. По этому простому и ясному чертежу Карамзинъ на нѣсколькихъ страницахъ представляетъ полное обозрѣніе ея царствованія въ картинѣ, истинно великолѣпной. Надо удивляться его умѣнью выбирать главныя существенныя черты изъ множества подробностей, его искусству представлять ихъ въ образахъ привлекательныхъ, соблюдать соразмѣрность въ частяхъ.

Первое отдѣленіе о войнахъ турецкой, польской, шведской, не представляло особыхъ трудностей для таланта, давая краски, такъ сказать, готовыя, но второе и третье по сухости предмета, по множеству составныхъ частей, ихъ относительной неизвѣстности, требовали усилій необыкновенныхъ: поддержать занимательность, упростить, сдѣлать доступнымъ для всѣхъ содержаніе — и авторъ вышелъ изъ своего труднаго положенія со славою.

Мы предложимъ здѣсь важнѣйшія мѣста изъ „Слова“, примѣчательныя по силѣ, вѣрности, смѣлости мыслей, или по краснорѣчію.

«Нетерпѣливыя мысли мои спѣшатъ устремиться на многіе предметы, столь любезные уму и сердцу, но прежде», говоритъ Карамзинъ въ началѣ, «означимъ главное, и столь новое для Россіи, благодѣяніе Екатерины, которое изъясняетъ всѣ другія, и которое всѣми другими изъясняется; означимъ, такъ сказать, священный корень нашего блаженства во дни ея—сію печать, сей духъ всѣхъ ея законовъ....»

Въ чемъ же Карамзинъ полагаетъ это главное и новое для Россіи благодѣяніе? Въ чемъ состоитъ, по его мнѣнію, священный корень нашего блаженства, печать, духъ законовъ императрицы Екатерины?

«Она уважила въ подданномъ санъ человѣка, моральнаго существа, созданнаго для счастія въ гражданской жизни.... Екатерина преломила

обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви, и не только объявила торжественно, что Владыки земные *должны* властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ Россійскаго трона: ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель...» (Т. 1, с. 302).

Послушаемъ, на какихъ основаніяхъ дорожится необходимость самодержавія.

«Мое сердце не менѣе другихъ воспламеняется добродѣтелью великихъ республиканцевъ; но сколь кратковременны блестящія эпохи ея? Сколь часто именемъ свободы пользовалось тиранство, и великодушныхъ друзей ея заключало въ узы? Чье сердце не обливается кровью, воображая Мильтіада въ темницѣ, Аристида, Ѳемистокла въ изгнаніи, Сократа, Фокіона, піющихъ смертную чашу, Катона самоубійцу, и Брута, въ послѣднюю минуту жизни уже не вѣрящаго добродѣтели? Или людямъ надлежитъ быть ангелами, или всякое многосложное правленіе, основанное на дѣйствій различныхъ воль, будетъ вѣчнымъ раздоромъ, а народъ несчастнымъ орудіемъ нѣкоторыхъ властолюбцевъ, жертвующихъ отечествомъ личной пользѣ своей» (312).

А въ чемъ состоитъ сущность самодержавія, по мнѣнію императрицы Екатерины?

«Самодержавство разрушается, когда Государи думаютъ, что имъ надобно изъявлять власть свою не слѣдованіемъ порядку вещей, а перемѣною онаго, и когда они собственныя мечты уважаютъ болѣе законовъ. Самое высшее искусство монарха состоитъ въ томъ, чтобы знать, въ какихъ случаяхъ должно употребить власть свою: ибо благополучіе самодержавія есть отчасти кроткое и снисходительное правленіе. Надобно, чтобы Государь только ободрялъ, и чтобы одни законы угрожали. Несчастливо то государство, въ которомъ никто не дерзаетъ представить своего опасенія въ разсужденіи будущаго, не дерзаетъ свободно объявить своего мнѣнія».

Въ заключеніе, императрица Екатерина говоритъ: „Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые безпрестанно твердятъ земнымъ Владыкамъ, что народы для нихъ существуютъ. Но *мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы живемъ для нашего народа...*“ (327).

Карамзинъ, приводя эти слова, восклицаетъ:

«Я вѣрю своему сердцу: ваше, конечно, тоже чувствуетъ.... Сограждане! сердце мое трепещетъ отъ восторга: удивленіе и благодарность производятъ его. Я лобызаю Державную руку, которая, подъ божественнымъ *вдохновеніемъ* души, начертала сіи священныя строки! Какой Монархъ на тронѣ дерзнулъ такъ, *дерзнулъ* объявить своему народу, что слава и власть Вѣнценосца должны быть подчинены благу народному; что не подданные существуютъ для Монарховъ, но Монархи для подданныхъ?» (327).

Прочитайте еще, на какія правила и на какіе законы императрицы Екатерины указываетъ Карамзинъ, относительно оскорбленій величества, нѣкогда столь страшныхъ и грозныхъ въ Римѣ.

«Монархиня говоритъ, что истинное оскорбленіе Величества есть только злодѣйскій умыселъ противъ Государя, что не должно наказывать за слова, какъ за дѣйствія, кромѣ случая, въ которомъ возмутитель проповѣдуетъ мятежъ и бунтъ, слѣдовательно уже дѣйствуетъ; что слова всего болѣе подвержены изъясненіямъ и толкамъ, что безразсудная нескромность не есть злоба, что для самаго безумнаго поносителя имени Царей должно опредѣлить только исправительное наказаніе; что въ самодержавномъ государствѣ хотя и нетерпимы язвительныя сочиненія, но что ихъ не должно вмѣнять въ преступленіе: ибо излишняя строгость въ разсужденіи сего будетъ *угнетеніемъ разума, производитъ невѣжество, отнимаетъ охоту писать и гаситъ дарованія ума*» (317).

«Монархиня презирала и самыя дерзкія сужденія, когда оныя происходили единственно отъ легкомыслія, и не могли имѣть вредныхъ слѣдствій для государства; ибо она знала, что *личная безопасность* есть первое для человѣка благо, и что безъ нея жизнь наша, среди всѣхъ иныхъ способовъ счастія и наслажденія, есть вѣчное, мучительное безпокойство. Сей кроткій духъ правленія, доказательство ея любви и самаго почтенія къ человѣчеству, долженствовалъ быть и главнымъ характеромъ уставовъ ея» (304).

А чѣмъ можетъ законодатель достигнуть главной цѣли своей: доставить гражданамъ счастіе?

«Дайте способъ человѣку въ каждомъ гражданскомъ отношеніи находить то счастіе, для котораго Всевышній сотворилъ людей: ибо главнымъ корнемъ злодѣяній бываетъ несчастіе. Но, чтобы люди умѣли наслаждаться и быть довольными во всякомъ состояніи мудраго политическаго общества, то *просвѣтите* ихъ» (319).

Выпишемъ прекрасныя слова Карамзина о распространеніи просвѣщенія въ народѣ.

«Екатерина учредила вездѣ въ малѣйшихъ городахъ, и въ глубинѣ Сибири — *народныя училища*, чтобы разлить, такъ сказать, богатство свѣта по всему государству. Особенная коммисія, изъ знающихъ людей составленная, должна была устроить ихъ, предписать способы ученія, издавать полезнѣйшія для нихъ книги, содержащія въ себѣ главныя, нужнѣйшія человѣку свѣдѣнія, которыя возбуждаютъ охоту къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, служатъ ему ступенью къ высшимъ знаніямъ, и сами собою уже достаточны для гражданской жизни народа, выходящаго изъ мрака невѣжества. Сіи школы, образуя учениковъ могутъ образовать и самыхъ учителей, и такимъ образомъ быть всегдашнимъ, и время отъ времени яснѣйшимъ источникомъ просвѣщенія. *Онѣ могутъ и должны быть полезнѣе всѣхъ Академій въ мірѣ*, дѣйствуя на первые элементы народа; и смиренный учитель, который дѣтямъ бѣдности и трудолюбія изъясняетъ буквы,

ариѳметическія числа, и разсказываетъ въ простыхъ словахъ любопытные случаи исторіи, или, развертывая нравственный катихизисъ, доказываетъ, сколь нужно и выгодно человѣку быть добрымъ, въ глазахъ философа почтенъ не менѣе метафизика, котораго глубокомысліе и тонкоуміе самымъ ученымъ едва вразумительно, или мудраго натуралиста, физіолога, астронома, занимающихъ своею наукою только нѣкоторую часть людей. Если въ городахъ, едва возникающихъ, въ семъ новомъ твореніи Екатерины, еще не представлялось глазамъ ни палатъ огромныхъ, ни храмовъ великолѣпныхъ: то въ замѣну сихъ, иногда обманчивыхъ свидѣтельствъ народнаго богатства, взоръ патріота читалъ на смиренныхъ домикахъ любезную надпись: *Народное училище*, и сердце его радовалось. Кто благоговѣлъ предъ Монархинею среди ея пышной столицы и блестящихъ монументовъ славнаго царствованія, тотъ любилъ и восхвалялъ просвѣтительницу отечества, видя и слыша, въ стѣнахъ мирной хижины юнаго ученика градской школы, окруженнаго внимающимъ ему семействомъ, и съ благородною гордостію толкующаго своимъ родителямъ, нѣкоторыя простыя, но любопытныя истины, свѣданныя имъ въ тотъ день отъ своего учителя.»

Присоединимъ здѣсь отзывы Карамзина о цензурѣ, которые полезно имѣть въ виду и въ настоящее время.

«Чтобы еще болѣе размножить народныя свѣдѣнія чрезъ книги, она дозволила заведеніе вольныхъ типографій, учредивъ благоразумную цензуру, необходимую въ гражданскихъ обществахъ: ибо разумъ можетъ уклоняться отъ истины, подобно какъ сердце отъ добродѣтели, и неограниченная свобода писать столь же безразсудна, какъ неограниченная свобода дѣйствовать. Но какъ мудрый законодатель, избѣгая самой тѣни произвольнаго тиранства, запрещаетъ только явное зло, и многія сердечныя слабости предаетъ единому наказанію общаго суда или мнѣнія: такъ Монархиня запрещеніемъ цензуры подвергала только явный развратъ въ важнѣйшихъ для гражданскаго благоденствія предметахъ, оставляя здравому разуму гражданъ отличать истины отъ заблужденій; то есть, она сдѣлала ее не только благоразумною, но и *снисходительною*, и сею довѣренностію къ общему суду пріобрѣла новое право на благодарность народную» (368).

Вотъ какъ отзывается Карамзинъ объ отношеніяхъ императрицы Екатерины къ ученымъ и литераторамъ.

«Европа съ удивленіемъ читаетъ ея переписку съ ними — и не имъ, но ей удивляется. Какое богатство мыслей и знаній! какое проницаніе! какая тонкость разума, чувства и выраженій! Та, которая истощила своимъ царствованіемъ всѣ похвалы міра, умѣла съ неподражаемою пріятностію хвалить цвѣты словесности, игру остроумія, тонкую черту сердца. Сколь трогательно такое снисхожденіе въ монархинѣ! Но *уничтожается ли* Монархъ, когда онъ сходитъ иногда съ высокаго трона, становится на ряду съ людьми, и, будучи любимцемъ судьбы, платитъ дань уваженія любимцамъ природы, отличнымъ дарованіямъ? Власть разума не можетъ

ли еще служить нѣкоторою опорою для политической власти? По крайней мѣрѣ она можетъ быть орудіемъ во всемъ, что касается до блага человѣчества. Такъ думали Августъ, Лудовикъ XIV, Фридрихъ и Петръ Великій, который, приходя къ Боергаву, къ Лейбницу, говорилъ: *я съ вами человѣкъ!* Такъ думала и Великая Екатерина» (365).

....«Монархиня сама имѣла вкусъ и любила нашу словесность, и естьли она своими ободреніями не произвела еще болѣе талантовъ, виною тому независимость Генія, который одинъ не повинуется даже и Монархамъ, одинъ въ своемъ величіи, упрямъ въ своихъ явленіяхъ, и часто самыя неблагопріятныя для себя времена предпочитаетъ блестящему вѣку, когда мудрые Цари съ любовію призываютъ его для торжества и славы.» (364).

Въ изложеніи наказа, учрежденія о губерніяхъ, правъ сената, наставленія губернаторамъ, устава благочинія, городового положенія, грамоты дворянству и проч. нельзя не удивиться, повторяю, искусству выбирать главныя, существенныя черты изъ множества подробностей и частностей, и искусству представлять ихъ въ наглядныхъ, такъ сказать, образахъ.

Приведемъ великолѣпное описаніе собранія депутатовъ въ Москвѣ *):

....«Теперь представляется мнѣ славнѣйшая эпоха славнаго царствованія. Россія имѣла многіе частные, мудрые законы, но не имѣла Уложенія, которое бываетъ основаніемъ государственнаго благоустройства. Обыкновенные умы довольствуются временными, случайными постановленіями. Великіе хотятъ системы, цѣлаго, вѣчнаго. Что Петръ Великій не могъ сдѣлать, то рѣшилась исполнить Екатерина. Чувствуя важность сего предпріятія, она хотѣла раздѣлить славу свою съ подданными, и признала ихъ достойными быть совѣтниками трона. Повелѣвъ собраться государственнымъ чинамъ или депутатамъ изъ всѣхъ судилищъ, изъ всѣхъ частей имперіи, чтобы они предложили свои мысли о полезныхъ уставахъ для государства — Великая говоритъ: «Наше первое желаніе есть видѣть народъ Россійскій столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться. Симъ учрежденіемъ даемъ ему опытъ нашего чистосердечія, великія довѣренности и прямыя материнскія любви, ожидая со стороны любезныхъ подданныхъ благодарности и послушанія.» Воображеніе мое не можетъ представить ничего величественнѣй сего дня, когда въ древней столицѣ нашей соединились обѣ гемисферы земли, явились всѣ народы, разсѣянные въ пространствахъ Россіи, языковъ, обычаевъ и вѣръ различныхъ: потомки Славянъ побѣдителей, Норманновъ, ужасныхъ Европѣ, и Финновъ, столь живо описанныхъ перомъ Тацитовымъ; мирные пастыри южной Россіи, Лапландскіе ихтіофаги и звѣриными кожами одѣянные Камчадалы. Москва

*) «Наказъ» Екатерины II былъ изданъ въ одинъ мѣсяцъ и годъ, въ декабрѣ 1766 года, съ рожденіемъ Н. М. Карамзина. — *Ред.*

казалася тогда столицею вселенныя, и собраніе Россійскихъ депутатовъ сеймомъ міра. Имъ торжественно объявили волю Монархини—и Самоѣдъ удивился слыша, что нужны законы людямъ *). Имъ торжественно вручили сей славный наказъ Екатерины, писанный ею для избранной комисіи депутатовъ, переведенный на всѣ Европейскіе языки, зерцало ея великаго ума и небеснаго человѣколюбія. Никогда еще Монархи не говорили съ подданными такимъ плѣнительнымъ языкомъ! Никто, никто еще изъ сидящихъ на тронѣ столь премудро не изъяснялся, не имѣлъ столь обширныхъ понятій о наукѣ управлять людьми, о средствахъ народнаго счастія» (309).

Изъ первой части мы ограничимся здѣсь изображеніями двухъ главнѣйшихъ полководцевъ, Румянцова и Суворова.

«Если таланты изъясняются сравненіемъ, то Задунайскаго можно назвать Тюреннемъ Россіи. Онъ былъ мудрый полководецъ; зналъ своихъ непріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свойству; мало вѣрилъ слѣпому случаю, и подчинялъ его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ, но былъ только проницателенъ; соединялъ рѣшительность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не зналъ ни страха, ни запальчивости; берегъ себя въ сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, но могъ бы снести и пораженіе, чтобы въ несчастіи доказать свое искуство или величіе; обязанный геніемъ натурѣ, прибавилъ къ ея дарамъ и силу науки: чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ только другихъ; отдавалъ справедливость подчиненнымъ, но огорчился бы въ глубинѣ сердца, если бы кто нибудь изъ нихъ могъ сравниться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ сего неудовольствія. — Такъ думаютъ о Задунайскомъ благодарные ученики его» (288):

Изображеніе Суворова:

«Взятіемъ Варшавы заключилъ при Екатеринѣ подвиги свои герой, котораго имя и дѣла гремятъ еще въ Италіи и на вершинахъ Альпійскихъ; на котораго еще взираетъ изумленная Европа, хотя мы уже осыпали цвѣтами гробъ его — цвѣтами, не кипарисами: ибо смерть великаго воина, который полвѣка жилъ для славы, есть торжество безсмертія, и не представляетъ душѣ ничего горестнаго. Суворовъ былъ одинъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ полководцевъ: подобно Александру, сколько разъ сражался, столько разъ побѣждалъ; подобно Цесарю, ставилъ себя выше рока, и рокъ не смѣлъ изобличить его въ ошибкѣ. Что въ другомъ оказалось бы гибельною дерзостію, то въ немъ было спасительною надежностію и предчувствіемъ событія; онъ не шелъ а летѣлъ къ славѣ, которая съ своей стороны встрѣчала его на половинѣ пути. Вся военная теорія его состояла въ трехъ словахъ: взоръ, быстрота, ударъ — но взоръ сей даетъ природа не многимъ; но быстрота сія была тайною для самыхъ Аннибаловъ; но ударъ сей разителенъ единственно съ Суворовымъ. Онъ не любилъ ничего, кромѣ сла-

*) Сей анекдотъ извѣстенъ: Самоѣдамъ никакъ не могли изъяснить, что такое законъ.

вы, ко всему прочему казался невнимательнымъ, нечувствительнымъ. Объ искуствѣ военноначальниковъ судилъ всегда по ихъ успѣхамъ: какихъ же высокихъ мыслей надлежало ему быть о самомъ себѣ? Нѣкоторые считали его жестокимъ — несправедливо: онъ любилъ побѣжденныхъ непріятелей, ибо они были живыми его трофеями. Суворовъ не хотѣлъ знать, какъ искусный полководецъ спасаетъ остатки разбитой арміи, ибо мѣсто перваго несчастнаго сраженія было бъ ему могилою.»

Замѣтимъ, что о Потемкинѣ Карамзинъ упомянулъ только въ числѣ любимцевъ императрицы, а не соединилъ его имени съ именами Румянцова и Суворова.

Мы кончимъ наше обозрѣніе Похвальнаго Слова приведеніемъ тѣхъ словъ Карамзина о пріобрѣтенныхъ отъ Польши земляхъ, изъ которыхъ читатели увидятъ, какъ старо настоящее о нихъ у насъ понятіе.

«Монархиня взяла въ Польшѣ *только древнее наше достояніе*, и когда уже слабый духъ ветхія республики не могъ управлять ея пространствомъ. Сей раздѣлъ есть дѣйствіе могущества Екатерины и любви ея къ Россіи. Полоцкъ и Могилевъ возвратились въ нѣдра своего отечества, подобно дѣтямъ, которыя, бывъ долго въ горестномъ отсутствіи, съ радостію возвращаются въ нѣдра счастливаго родительскаго семейства (289).

«Польская республика была всегда игралищемъ гордыхъ вельможъ, театромъ ихъ своевольства и народнаго униженія» (297).

Похвальное слово представлено было государю также Д. П. Трощинскимъ, къ которому Карамзинъ написалъ слѣдующее письмо:

Милостивый Государь!

Обязанный вашею милостію, снова прибѣгаю къ ней. — Я осмѣлился сочинить похвальное слово Екатеринѣ и приписать Императору. — Не откажитесь, милостивый государь, представить оное, вмѣстѣ *съ письмомъ*, Его Величеству, и быть моимъ покровителемъ въ случаѣ, естьли вы найдете, что сіе произведеніе стоитъ какаго нибудь вниманія. Второй экземпляръ прилагаю для библіотеки Вашего Превосходительства.

Карамзинъ получилъ за поднесеніе своего сочиненія государю брилліантами осыпанную табакерку.

Литературныя обстоятельства перемѣнились наконецъ къ лучшему, что доказывалось и свободнымъ напечатаніемъ, какъ одъ, такъ и Слова. Цензура обѣщала быть не столь строгою, какъ прежде. Печать не представляла болѣе опасностей. Книгопродавцы и типографщики приступили къ Карамзину съ убѣжденіями издавать журналъ, надѣясь получить большія выгоды, чрезъ любимаго публикою писателя, который такъ долго молчалъ, и котораго такъ нетерпѣливо желала читать она. Между ними особенно усердствовалъ

любитель словесности, университетскій книгопродавецъ и типографщикъ, Иванъ Васильевичь Поповъ, отъ котораго въ молодости я самъ это слышалъ.

Не даромъ въ первой статьѣ журнала было сказано: „хорошія сочиненія кажутся теперь книгопродавцамъ золотомъ, торговля ихъ возростаетъ.“

Вотъ какъ начала распространяться любовь къ чтенію въ Россіи, съ легкой руки Карамзина.

Онъ рѣшился выступить опять на журнальное поприще, на которое давно уже вызывалъ его Дмитріевъ.

Имя данное имъ своему журналу было: „**Вѣстникъ Европы.**“

Къ брату онъ писалъ 31 декабря и просилъ собирать подписчиковъ: „Вы меня одолжите, если соберете нѣсколько охотниковъ для моего журнала. Онъ будетъ вѣрно доставленъ, если вы увѣдомите, кому и гдѣ его надобно.“

Цѣль Вѣстника Европы, желанія издателя, выражены такъ въ письмѣ къ нему, которымъ начинается первая книжка:

«Въ Россіи литература можетъ быть еще полезнѣе, нежели въ другихъ земляхъ: чувство въ насъ новѣе и свѣжѣе; изящное тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на сердце, и тѣмъ болѣе плодовъ приноситъ. Сколь *благородно, сколь утѣшительно помогать нравственному образованію такого великаго и сильнаго народа, какъ Россійскій, развивать идеи, указывать новыя красоты въ жизни, питать душу моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ со благомъ другихъ людей!* И такъ я воображаю себѣ великій предметъ для словесности, одинъ достойный талантовъ.»

«Сколько разъ, читая любопытные Европейскіе журналы, въ которыхъ теперь, такъ сказать, всѣ лучшіе авторскіе умы на сценѣ, желалъ я внутренно, чтобы какой нибудь Русскій писатель вздумалъ и могъ *избирать* пріятнѣйшее изъ сихъ иностранныхъ цвѣтниковъ и пересаживать на землю отечественную. *Сочинять* журналъ одному и трудно и невозможно; достоинство его состоитъ въ разнообразіи, котораго ни одинъ талантъ (не исключая даже и Вольтерова) никогда не имѣлъ. Но разнообразіе пріятно хорошимъ выборомъ; а хорошій выборъ иностранныхъ сочиненій требуетъ еще хорошаго перевода. Надобно, чтобы пересаженный цвѣтокъ не лишился красоты и свѣжести своей.»

Въ объявленіи на второй годъ (1803) Карамзинъ выразилъ цѣль свою подробнѣе:

«*Вѣстникъ* будетъ, сообразно съ его титуломъ, содержать въ себѣ главныя Европейскія новости въ литературѣ и въ политикѣ, все, что намъ покажется любопытнымъ, хорошо написаннымъ, и что выходитъ во Франціи, Англіи, Германіи и проч. Не большія піесы можемъ помѣщать *цѣлыя*, а изъ *важнѣйшихъ* книгъ дѣлать извлеченіе. Такимъ образомъ, лучшіе авторы Европы должны быть въ нѣкоторомъ смыслѣ нашими *сотрудниками*

для удовольствія Русской публики, а намъ остается изображать ихъ мысли, какъ умѣемъ. Не многіе получаютъ иностранные журналы, а многіе хотятъ знать, *что* и *какъ* пишутъ въ Европѣ. *Вѣстникъ* можетъ удовлетворять сему любопытству и притомъ съ нѣкоторою пользою для языка и вкуса. Намъ пріятно думать, что въ Грузіи или въ Сибири читаютъ самыя тѣ піесы, которыя (двумя или тремя мѣсяцами прежде) занимали Парижскую и Лондонскую публику. Сверхъ того въ *Вѣстникѣ* будутъ и Русскія сочиненія въ стихахъ и прозѣ; но издатель желаетъ, чтобы они могли безъ стыда для нашей литературы мѣшаться съ произведеніями иностранныхъ авторовъ. Всякій истинный талантъ, рожденный дѣйствовать на умы въ своемъ отечествѣ, украшать словесность и языкъ, имѣетъ право требовать себѣ мѣста въ журналѣ, удостоенномъ вниманія публики: обѣщаемъ ему нашу искреннюю благодарность. Мы не *аристократы* въ литературѣ. Смотримъ не на имена, а на произведенія, и сердечно рады способствовать извѣстности молодыхъ авторовъ. Желаемъ и просимъ также, чтобы намъ сообщали всякія любопытныя извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Россіи, анекдоты, патріотическія мысли и замѣчанія. — Что принадлежитъ до критики новыхъ Русскихъ книгъ, то мы не считаемъ ее истинною потребностію нашей литературы (не говоря уже о непріятности имѣть дѣло съ безпокойнымъ самолюбіемъ людей). Въ авторствѣ полезнѣе быть судимымъ, нежели судить. Хорошая критика есть роскошь литературы: она рождается отъ великаго богатства; а мы еще не Крезы. Лучше прибавить что нибудь къ общему мнѣнію, нежели заняться его оцѣнкою. Впрочемъ не заказываемся говорить иногда о старыхъ и новыхъ Русскихъ книгахъ, только не входимъ въ рѣшительное обязательство быть критиками. Въ политическомъ отдѣленіи будутъ какъ извѣстія, такъ и разсужденія; постараемся, чтобы читатели Русскихъ вѣдомостей не находили его излишнимъ. Не преступая границъ благоразумной осторожности, можемъ брать изъ Англійскихъ газетъ любопытные и забавные анекдоты, и проч. и проч. — Наконецъ скажемъ, что мы издаемъ журналъ для *всей* Русской публики, и хотимъ не учить, а единственно занимать ее пріятнымъ образомъ не оскорбляя вкуса ни грубымъ невѣжествомъ, ни варварскимъ слогомъ. Честолюбіе наше не простирается далѣе.»

Вѣстникъ Европы имѣетъ другой характеръ, чѣмъ Московскій журналъ. Тамъ господствовали отвлеченные вопросы, литература, искусство, теорія, — здѣсь занимаютъ первое мѣсто вопросы общественные. Цѣль журнала—знакомить читателей съ Европою, сообщать имъ свѣдѣнія обо всемъ, что тамъ происходитъ замѣчательнаго и любопытнаго. Читатели изъ двухнедѣльныхъ ясныхъ обозрѣній Карамзина понимали яснѣе, и узнавали короче положеніе Европы, чѣмъ узнается оно изъ ежедневныхъ нашихъ газетъ. Политическія статьи Карамзина въ высшей степени примѣчательны по своей ясности, вѣрности, убѣдительности, мастерству изложенія. Ихъ читаешь до сихъ поръ съ такимъ любопытствомъ, какъ повѣсти. Столько ума, остроты, спокойствія, независимости! Карам-

зинъ предлагалъ *свое* мнѣніе о событіяхъ, о характерахъ дѣйствующихъ лицъ, напр. Бонапарте и Питта, о замыслахъ французскаго правительства, объ ошибкахъ союзниковъ, объ упадкѣ Швейцаріи, объ отношеніи къ ней Франціи, о высадкѣ; даже о частныхъ мѣрахъ правительствъ, напр. объ учрежденіи почетнаго легіона, какъ опытный, дальновидный, самостоятельный, и вмѣстѣ краснорѣчивый публицистъ.

Второе мѣсто въ журналѣ занимали внутреннія дѣла, — не тѣ, которыя имѣютъ это названіе въ нашихъ фельетонахъ: Карамзинъ подавалъ свой голосъ почти о всѣхъ главныхъ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ общественныхъ, — голосъ кроткій, нѣжный, человѣколюбивый, которымъ никакое самолюбіе не могло оскорбиться, и въ которомъ до сихъ поръ можно найти много поучительнаго.

Наконецъ, въ Вѣстникѣ Европы начали появляться историческіе опыты, одинъ другого удачнѣе, которыми онъ пробовалъ перо — (не теряя ни на минуту давняго намѣренія посвятить свой талантъ исторіи).

Во всякой почти книжкѣ Вѣстника было по собственной статьѣ Карамзина, кромѣ переводовъ.

Поговоримъ о главныхъ статьяхъ, и извлечемъ изъ нихъ примѣчательныя мѣста, какъ образчики его сужденій о насущныхъ русскихъ предметахъ въ его время.

Въ статьѣ „О любви къ отечеству и народной гордости“, онъ хочетъ возбудить сознаніе народнаго достоинства, начинавшее у насъ слабѣть, осуждаетъ пристрастіе къ иностраннымъ языкамъ, въ ущербъ отечественному, возстаетъ противъ подражательности, и призываетъ къ самобытной дѣятельности. Всѣ его слова мы можемъ повторить и теперь: такъ туго идетъ у насъ внутреннее развитіе, и такъ далеко онъ видѣлъ!

«Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было не много патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ, а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самаго себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ.

«Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго, станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое, и повторимъ его съ благородною гордостію (II, ст. 468).

«Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою: Французскіе, Англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но

Русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе Русскихъ. *Расположеніе души моей, слава Богу, совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу;* но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше Парижскихъ жителей всѣ произведенія Французской литературы, не хотятъ и взглянуть на Русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ Французскіе и Нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ. Кому не будетъ обидно походить на Даламбертову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ Русскаго языка; это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ дамамъ утверждать, что Русскій языкъ грубъ и непріятенъ, что charmant и séduisant, expansion и vapeurs, не могутъ быть на немъ выражены, и что, однимъ словомъ, не стоитъ труда знать его? Кто смѣетъ доказывать дамамъ, что онѣ ошибаются? Но мужчины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею, нежели Французскій; способнѣе для изліянія души въ тонахъ, представляетъ болѣе *аналогическихъ* словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ, выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по французски, и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Языкъ важенъ для патріота; и я люблю англичанъ за то, что они лучше хотятъ *сплетать* и *шить* по англійски съ самыми нѣжными любовницами своими, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ (ст. 473).

«Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую морально!* Теперь мы уже имѣемъ столько званій и вкуса въ жизни, что могли бы жить, не спрашивая, какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ? что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ, и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. *Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ.*»

Подобныя мысли Карамзинъ выразилъ еще яснѣе въ отрывкѣ: „Странность“ (ст. 606), на который мы особенно указываемъ читателямъ: онъ идетъ къ явленіямъ нашего времени.

Во второй статьѣ: „Исповѣдь“, Карамзинъ хотѣлъ представить пустую жизнь богатаго барича и указать на нашу небрежность въ воспитаніи.

«Правда, что нѣкоторые люди смотрятъ на меня съ презрѣніемъ,» такъ заставляетъ Карамзинъ исповѣдываться своего героя, «и говорятъ, что я остыдилъ родъ свой; что знатная фамилія есть обязанность быть

полезнымъ человѣкомъ въ государствѣ и добродѣтельнымъ гражданиномъ въ отечествѣ. Но повѣрю ли имъ, видя съ другой стороны, какъ многіе изъ нашихъ любезныхъ соотечественниковъ стараются подражать мнѣ, живутъ безъ цѣли, женятся безъ любви, разводятся для забавы, и разоряются для ужиновъ? и проч. (166).

Въ статьѣ „О легкой одеждѣ модныхъ красавицъ XIX вѣка," Карамзинъ сильно вооружился противъ злоупотребленій тогдашней моды:

«Теперь въ публичномъ собраніи смотрю на молодыхъ красавицъ девятаго на десять вѣка, и думаю: гдѣ я? Въ Мильтоновомъ раю (въ которомъ милая обнажалась предъ взоромъ блаженнаго Адама), или въ кабинетѣ живописца Апелла, гдѣ красота являлась служить моделью для Венерина портрета во весь ростъ?»

Статью *„О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи"* Карамзинъ начинаетъ торжественно:

«24 Января державная рука Александра подписала безсмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи наукъ въ Россіи. Сей счастливый Императоръ — ибо дѣлать добро милліонамъ есть главное на землѣ блаженство — торжественно именуетъ народное просвѣщеніе важною частію государственной системы, любезною сердцу его. Многіе Государи имѣли славу быть покровителями наукъ и дарованій; но едва ли кто нибудь издавалъ такой основательный, всеобъемлющій планъ народнаго ученія, какимъ нынѣ можетъ гордиться Россія. Петръ Великій учредилъ первую Академію въ нашемъ отечествѣ, Елизавета — первый университетъ, Великая Екатерина — городскія школы, но Александръ, размножая университеты и гимназіи, говорилъ еще: *да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!* Новая великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи моральнаго образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою Монарховъ, не отечества, не народа. Россія, сильная и счастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистію, видя торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ, и слабый, невѣрный блескъ его въ обширныхъ ея странахъ. Римляне, уже побѣдители вселенной, были еще презираемы Греками за ихъ невѣжество, и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли наконецъ избавиться отъ имени варваровъ. Не одно народное славолюбіе — хотя оно, вопреки коварнымъ лицемѣрамъ смиренія, есть душа патріотизма — не одно народное славолюбіе терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: нѣтъ, оно мѣшаетъ всякому дѣйствію благодѣтельныхъ намѣреній Правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, рождаетъ злоупотребленія, несправедливости, и однимъ словомъ, не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлію истинно великаго, то есть добродѣтельнаго Монарха. Александръ, пылая святою ревностію къ счастію ввѣренныхъ ему милліоновъ, избираетъ вѣрнѣйшее, *единственное* средство для совершеннаго

успѣха въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ, онъ желаетъ *просвѣтить* Россіянъ, чтобы они могли пользоваться его человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія» (350).

«Предупредимъ гласъ потомства, судъ историка и Европы, которая нынѣ съ величайшимъ любопытствомъ смотритъ на Россію, скажемъ, что всѣ новые законы наши мудры и человѣколюбивы, но что сей уставъ народнаго просвѣщенія есть *сильнѣйшее* доказательство небесной благости Монарха, который во *всѣхъ* своихъ подданныхъ желаетъ найти признательныхъ, *всѣхъ* равно любитъ, и *всѣхъ* считаетъ людьми» (352).

«Усердіемъ своимъ къ народному просвѣщенію,» такъ обращается Карамзинъ къ дворянамъ, «докажемъ, что мы не боимся его слѣдствій и желаемъ пользоваться единственно такими правами, которыя согласны съ общимъ благомъ государства и съ человѣколюбіемъ» (353).

Изложивъ въ предъидущихъ статьяхъ свои мысли вообще о просвѣщеніи, Карамзинъ въ статьѣ: *„О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей“*, обращается къ дѣйствительности.

«Нынѣшнее счастливое состояніе Россіи, мудрый духъ правленія, спокойствіе сердецъ, веселыя лица, чувствительность русскихъ къ добру, вселяютъ въ насъ охоту разсуждать о дѣлахъ общей пользы. Мы знаемъ старцевъ, которые, стоя на краю могилы, съ радостными слезами слушаютъ и говорятъ о надеждахъ человѣколюбія, о благодѣтельныхъ слѣдствіяхъ просвѣщенія, которыхъ имъ безъ сомнѣнія не дождаться. Такія великодушныя, безкорыстныя чувства трогательны для всякаго, еще не мертваго душею. Разныя обстоятельства измѣнили нашъ простой, добрый характеръ, и запятнали его на время; видимъ людей, углубленныхъ въ свою личность и холодныхъ для всего народнаго; но видимъ и патріотовъ, въ которыхъ истинная Русская кровь еще пылаетъ: ихъ сердце всегда откликается на голосъ отечества, когда онъ несется съ трона» (347).

Переходимъ къ статьямъ политическимъ.

Первое свое превосходное *обозрѣніе* Европы въ началѣ XIX столѣтія Карамзинъ заключаетъ такъ:

«Желаемъ, чтобъ Амьенскій конгресъ былъ въ исторіи славнѣе всѣхъ Утрехтскихъ и Ахенскихъ конгресовъ; чтобъ съ него началася новая эпоха не только для политики, но и для самаго человѣчества; по крайней мѣрѣ истинная философія ожидаетъ хотя сего единственнаго счастливаго дѣйствія ужасной революціи, которая останется пятномъ восьмаго на десять вѣка, слишкомъ рано названнаго философскимъ. Но девятый на десять вѣкъ долженъ быть счастливѣе, увѣривъ народы въ необходимости законнаго повиновенія, а Государей въ необходимости благодѣтельнаго, твердаго, но отеческаго правленія. Сія мысль утѣшительна для сердца, которое въ самыхъ бѣдствіяхъ человѣческаго рода находитъ такимъ образомъ залогъ добра для будущихъ временъ.»

Въ статьѣ *„Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“* замѣтимъ слѣдующія мысли:

«Революція объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что, разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти; что самое Турецкое правленіе лучше анархіи, которая всегда бываетъ слѣдствіемъ государственныхъ потрясеній; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать новые законы моральному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ, вмѣстѣ съ другими, болѣе или менѣе любопытными произведеніями остроумія, что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ; и что съ сею довѣренностію къ дѣйствію времени и къ мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать всевозможное добро вокругъ себя.

«То-есть, Французская революція, грозившая ниспровергнуть всѣ правительства, утвердила ихъ. Если бѣдствія рода человѣческаго въ какомъ нибудь смыслѣ могутъ назваться благодѣтельными, то симъ благодѣяніемъ мы, конечно, обязаны революціи. Теперь гражданскія начальства крѣпки не только воинскою силою, но и внутреннимъ убѣжденіемъ разума.

«Съ самой половины восьмаго на десять вѣка всѣ необыкновенные умы страстно желали великихъ перемѣнъ и новостей въ учрежденіи обществъ; всѣ они были, въ нѣкоторомъ смыслѣ, врагами настоящаго, теряясь въ лестныхъ мечтахъ воображенія. Вездѣ обнаруживалось какое-то внутреннее неудовольствіе; люди скучали и жаловались отъ скуки; видѣли одно зло и не чувствовали цѣны блага. Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другіе предсказали ее съ разительною точностію; громъ грянулъ во Франціи.... Мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ.

«Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей, и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новостяхъ. Никогда согласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ.

Съ другой стороны, правительства чувствуютъ важность сего союза и общаго мнѣнія, нужду въ любви народной, необходимость истребить злоупотребленія» (587).

Переходя къ Россіи, авторъ видитъ все, разумѣется, въ еще болѣе розовомъ свѣтѣ.

«Взоръ Русскаго патріота, собравъ пріятныя черты въ нынѣшнемъ состояніи Европы, съ удовольствіемъ обращается на любезное отечество. Какой надежды не можемъ раздѣлять съ другими Европейскими народами, мы, осыпанные блескомъ славы и благотвореніями человѣколюбиваго Монарха? Никогда Россія столько не уважалась въ политикѣ, никогда ея величіе не было такъ живо чувствуемо во всѣхъ земляхъ, какъ нынѣ. Италіанская война доказала міру, что колоссъ Россіи ужасенъ не только

для сосѣдовъ, но что рука его и вдали можетъ достать и сокрушить непріятеля. Когда другія державы трепетали на своемъ основаніи, Россія возвышалась спокойно и величественно. Довольная своимъ пространствомъ, естественными сокровищами и милліонами жителей, не имѣя ни въ чемъ совмѣстниковъ не желая ни чьей гибели, не боясь никакой державы, не боясь даже и союзовъ противъ себя (ибо они не согласны съ особенными выгодами государствъ въ отношеніи къ ней), она можетъ презирать обыкновенныя хитрости дипломатики, и судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народовъ.»

Прошло 65 лѣтъ. Самые умные государственные люди только что повторяютъ это.

«Главнымъ, важнѣйшимъ благомъ въ ея внутреннемъ состояніи назову я... нынѣшнее общее спокойствіе сердецъ; оно всего дороже и милѣе; оно есть вѣрное доказательство мудрости начальства въ гражданскомъ порядкѣ. Съ другой стороны, другъ людей и патріотъ съ радостію видитъ, какъ свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи; какъ благородныя, истинно-человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ; какъ разсудокъ утверждаетъ права свои, и какъ духъ Россіянъ возвышается (590).

«Просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленіе господской власти, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная (591).

«Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и натуры: вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ: вотъ его право!

«Но патріотизмъ не долженъ ослѣплять насъ; любовь къ отечеству есть дѣйствіе яснаго разсудка, а не слѣпая страсть, и, жалѣя о тѣхъ людяхъ, которые смотрятъ на вещи только съ дурной стороны, не видятъ никогда хорошаго, и вѣчно жалуются, мы не хотимъ впасть и въ другую крайность, не хотимъ увѣрять себя, что Россія находится уже на высочайшей степени блага и совершенства. Нѣтъ, мудрое правленіе наше тѣмъ счастливѣе, что оно можетъ сдѣлать еще много добра отечеству.

«Напримѣръ (не говоря о другомъ): какимъ великимъ дѣломъ украсится еще вѣкъ Александровъ, когда исполнится Монаршая воля его; когда будемъ имѣть полное, методическое собраніе гражданскихъ законовъ, ясно и мудро написанныхъ?

«Александръ даруетъ намъ собраніе законовъ, то-есть Кодексъ, или систему гражданскихъ законовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія гражданъ между собою. Тогда законовѣдѣніе будетъ наукою всѣхъ Россіянъ и войдетъ въ систему общаго воспитанія» (593).

«Мы упомянули о воспитаніи: можно сказать, что дѣти у насъ воспитываются лучше отцовъ своихъ; но сколько еще желаній и надеждъ въ разсужденіи сего предмета, имѣетъ въ запасѣ патріотическое сердце? какимъ общимъ нравственнымъ правиламъ слѣдуютъ родители въ образованіи дѣтей своихъ? Много-ли у насъ характеровъ? И молодой человѣкъ съ рѣшительнымъ образомъ мыслей не есть-ли рѣдкое явленіе? (593).

«Безъ хорошихъ отцовъ нѣтъ хорошаго воспитанія, не смотря на всѣ школы, институты и пансіоны.

«Любя жить дома, мы имѣли бы способъ заниматься не только воспитаніемъ дѣтей, но и хозяйствомъ, которое заставило бы насъ лучше соображать расходы съ доходами.»

Выпишемъ нѣсколько мѣстъ изъ статьи *о Россійскомъ посольствѣ въ Японію.*

«Въ первый разъ флагъ Россіи окружитъ шаръ земной, и въ странахъ, гдѣ едва имя ея извѣстно, услышатъ языкъ нашего отечества; увидятъ въ Русскихъ не хищниковъ, не тирановъ, которые нѣкогда спѣшили по слѣдамъ Колумба злодѣйствовать въ новомъ мірѣ, но друзей человѣчества, предлагающихъ народамъ взаимныя выгоды торговли; увидятъ любопытныхъ наблюдателей природы, которые выйдутъ на берегъ съ орудіями мирныхъ наукъ, а не смерти (393).

«Итакъ сія важная экспедиція должна имѣть слѣдствіемъ своимъ: 1) открытіе для насъ морской торговли съ Китаемъ, съ Японіею, можетъ быть съ Южною Америкою и съ Индіею; 2) образованіе Русскихъ колоній и торговыхъ заведеній на островахъ и твердой землѣ въ Сѣверной Америкѣ; 3) наблюденія, открытія ученыя, благодѣтельныя вообще для успѣховъ разума человѣческаго (394).

«Есть люди — и Русскіе, безъ сомнѣнія очень скромные — которые утверждаютъ, что Россія не должна думать о знаменитости въ мореплаваніи (ибо гавани ея запираются льдомъ на шесть мѣсяцевъ въ году), и что благоразуміе велитъ намъ довольствоваться продажею и куплею на мѣстѣ. Петръ Великій не такъ думалъ. Мудрено-ли? Онъ былъ Русскій въ душѣ и патріотъ; а сіи господа или *Англоманы* или *Галломаны*, и желаютъ называться космополитами. Только мы, обыкновенные люди, не можемъ съ ними парить умомъ выше низкаго патріотизма; мы стоимъ на землѣ, и на землѣ Русской; смотримъ на свѣтъ не въ очки систематиковъ, а своими природными глазами; думаемъ, что въ нынѣшнемъ состояніи вещей государство не можетъ достигнуть до совершеннаго величія безъ флотовъ и великихъ успѣховъ мореплаванія; а славное происхожденіе Русскихъ, ихъ гордость народная, безпримѣрная храбрость и внутренняя сила государственная, указываютъ намъ на первую степень въ политикѣ. Если бы Петръ Великій не завелъ флота, то Англійскій фрегатъ пришелъ бы иногда бомбардировать Ревель, и всякій островъ могъ бы смѣло оскорблять Русскихъ: наши арміи не имѣли бы средствъ наказать дерзскихъ за моремъ; а сія мысль не утѣшительна для народнаго, справедливаго самолюбія обширнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ. Сверхъ того сильному государству надобны деньги; а ихъ нельзя имѣть много безъ выгодной внѣшней торговли, которая возбуждаетъ, усиливаетъ внутреннюю промышленность. Россія богата естественными дарами; но они драгоцѣнны единственно своимъ великимъ количествомъ; ихъ можно вывозить только моремъ. Безъ собственныхъ купеческихъ кораблей мы находимся въ совершенной зависимости отъ чужестранныхъ мореплавателей и купцовъ, отпуская, что имъ взять угодно. *Перевозъ* вещей есть также большая выгода — занимаетъ, питаетъ, обогащаетъ множество людей: для чего уступать его другимъ народамъ?...

«Но Русскія моря замерзаютъ!» Однакожъ, кромѣ Чернаго, которое соединяетъ насъ съ Средиземнымъ, пока Геллеспонтъ открытъ для кораблей нашихъ... (Константинополь такъ близокъ! И Турецкая Имперія такъ ветха!...) Да и сіе неудобство главнаго *пункта* Русскаго порта, то-есть Кронштадскаго, можетъ быть побѣждено усиліями торговаго ума и промышленности. Корабль имѣетъ время сходить въ Лондонъ, въ Гавръ, въ Бордо, и чтобы не стоять ему праздно 6 мѣсяцевъ, для чего не воспользоваться симъ временемъ для отдаленнаго мореплаванія съ новымъ грузомъ, чтобы возвратиться лѣтомъ? Было время, когда сѣверные мореходцы Норманы, не чужіе Русскимъ — считались первыми въ Европѣ; являлись безпрестанно на берегахъ Франціи, Италіи, правда, не для торговли, а чтобы славиться храбростію. Русскимъ недостаетъ одного для ихъ мореплаванія: смѣлаго духа предпріимчивости, но онъ созрѣетъ вмѣстѣ съ нашимъ политическимъ умомъ, и любезный, благодѣтельный Монархъ нашъ способствуетъ его развитію сею важною Японскою экспедиціею. Теперь военные корабли снабдили купеческіе офицерами и матросами: современемъ купеческіе могутъ снабдить ими военные, какъ въ другихъ земляхъ бываетъ. Самолюбіе наше не должно оскорбляться тѣмъ, что мы, предпринимая окружить землю, должны были нынѣ купить Англійскіе корабли, или для скорости, или для того, что они лучше и надежнѣе Русскихъ: давно-ли занимаемся искуствомъ мореплаванія? давно-ли мы, какъ сказалъ Ломоносовъ, *сидѣли на лодкѣ въ лужѣ?* Вспомнимъ, что и самая Англія покупала нѣкогда чужіе корабли для своей Индѣйской торговли; Ганзейскіе города продавали ихъ купцамъ Лондонскимъ. Теперь Англія есть первая морская держава.

«Пусть вѣтры благополучные несутъ нашихъ Аргонавтовъ по обширному океану! Мы будемъ слѣдовать за ними взорами и сердцами! Пусть они обозрѣваютъ моря, какъ легкое передовое войско обозрѣваетъ мѣсто, гдѣ скоро должна явиться армія! Мы жгли флоты непріятельскіе на Эгейскомъ морѣ, истребляли ихъ на Балтійскомъ счастіемъ, великимъ духомъ Екатерины и Русскою храбростію: намъ остается доказать, что можемъ господствовать на семъ элементѣ и народною, торговою, умною предпріимчивостію» (397).

Вѣстникомъ Европы заключается періодъ литературной дѣятельности Карамзина.

Въ декабрьской книгѣ 1803 года Карамзинъ распростился съ своими читателями, объяснивъ имъ:

«Сею книжкою заключается *Вѣстникъ Европы*, котораго я былъ издателемъ. Въ продолженіи его не буду имѣть никакого участія.

«Обстоятельства, важныя для меня, а не для публики, не дозволили мнѣ выдать въ срокъ послѣднихъ четырехъ нумеровъ; но кто съ величайшею исправностію издалъ ихъ 44, и сверхъ условія прибавлялъ нѣсколько лишнихъ страницъ почти во всякой книжкѣ, тотъ можетъ надѣяться на благосклонное снисхожденіе читателей.

«Изъявляю публикѣ искреннюю мою признательность. Я работалъ охотно, видя число пренумерантовъ. *Вѣстникъ* имѣлъ счастіе заслужить

лестные отзывы самыхъ иностранныхъ литераторовъ: многія Русскія сочиненія переведены изъ него на Нѣмецкій и Французскій, и помѣщены въ журналахъ, издаваемыхъ на сихъ языкахъ. — Любопытные желали знать, кто сочинялъ нѣкоторыя пьесы въ *Вѣстникѣ*?... Кромѣ... все остальное въ прозѣ писано издателемъ. Удовольствіе читателей казалось мнѣ важнѣе авторскаго хвастовства — и для того я не подписывалъ своего имени подъ сочиненіями.

«Милость нашего Императора доставляетъ мнѣ способъ отнынѣ совершенно посвятить себя дѣлу важному, и безъ сомнѣнія трудному: время покажетъ, могъ ли я безъ дерзости на то отважиться.

«Между тѣмъ съ сожалѣніемъ удаляюсь отъ публики, которая обязывала меня своимъ лестнымъ вниманіемъ и благорасположеніемъ. Одна мысль утѣшаетъ меня: та, что я долговременною работою могу (если имѣю какой нибудь талантъ) оправдать доброе мнѣніе согражданъ о моемъ усердіи къ славѣ отечества и благодѣяніе великодушнаго Монарха.»

— Какому же дѣлу Карамзинъ намѣревался посвятить себя?

— Русской Исторіи.

Въ Именномъ его императорскаго величества указѣ, данномъ кабинету отъ 31 октября, 1803 года, сказано: „Какъ извѣстный писатель, Московскаго университета почетный членъ, Николай Карамзинъ, изъявилъ намъ желаніе посвятить труды свои сочиненію полной Исторіи отечества нашего, то мы, желая ободрить его въ толь похвальномъ предпріятіи, Всемилостивѣйше повелѣваемъ производить ему, въ качествѣ исторіографа, по двѣ тысячи рублей ежегоднаго пенсіона, изъ кабинета нашего.“

М. Погодинъ.

III.

ОБРАЗЪ МЫСЛЕЙ

Н. М. КАРАМЗИНА

КАКЪ ИСТОРИКА.

Посвящается князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Исторія Государства Россійскаго. — Записка о древней и новой Россіи. — Письмо о Польшѣ.

Въ прозаической элегіи: „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“ (1793), Карамзинъ заявилъ намѣреніе когда-нибудь начертать *„исторію своихъ мыслей“*. Къ сожалѣнію, оно не было имъ исполнено. Всецѣло преданный историческому труду, онъ лишилъ насъ возможности слышать отъ него самого его умственную исповѣдь, которая, безъ всякого сомнѣнія, представила бы очень много любопытнаго и поучительнаго. Теперь никто не въ силахъ ни разсказать ее послѣдовательно, ни объяснить ее удовлетворительно: въ дѣлѣ личномъ само лицо служитъ незамѣнимымъ повѣствователемъ и судьею. Но, мнѣ кажется, будетъ не свыше силъ начертать — не исторію, а *образъ мыслей* знаменитаго автора, на сколько то и другое выражается въ его твореніяхъ. Подобная работа, добросовѣстно выполненная, можетъ назваться и своевременнымъ и умѣстнымъ приношеніемъ безсмертной для русскихъ памяти Карамзина, въ столѣтнюю годовщину его рожденія.

При изложеніи образа мыслей Карамзина необходимо имѣть на виду то обстоятельство, что образованіе его завершилось въ прошедшемъ столѣтіи. Четыре года учился онъ въ пансіонѣ Шадена, профессора Московскаго университета (до 1783 или 1784 г.); четыре года работалъ въ новиковскомъ кругу (1785 — 1789); полтора года пробылъ за границей (1789 — 1790). У Шадена пріобрѣлъ онъ познанія въ нѣкоторыхъ языкахъ и наукахъ; польза, принесенная обществомъ Новикова, состояла въ прочномъ закалѣ мысли, державшейся на серьезныхъ занятіяхъ, на обсужденіи предметовъ, которые по своей важности всегда привлекаютъ вниманіе даровитой любознательности; путешествіе служило какъ бы замѣной университетскаго образованія, обогативъ путешественника новыми впечатлѣніями, идеями и знаніями, показавъ ему результаты „мудрыхъ общественныхъ связей“ и доставивъ удовольствіе личнаго знакомства съ знаменитыми учеными и литераторами. Вотъ вся школа Карамзина, въ которой уроки учителей значили менѣе, чѣмъ самодѣятельность ученика. Чего не дала школа, то было восполнено обширною начитанностью и постоянною работой мысли, такъ что убѣжденія Карамзина, касательно важнѣйшихъ предметовъ государственныхъ, соціальныхъ и общечеловѣческихъ, сложились въ первую половину его жизни, до вступленія на престолъ Александра I. По характеру своего образованія, онъ — человѣкъ Екатерининa вѣка. Вторая половина его жизни, относящаяся ко времени Александра I, не представляетъ существенныхъ перемѣнъ въ тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя до того онъ заявлялъ неоднократно, какъ литераторъ и журналистъ. За немногими исключеніями, все осталось по прежнему, въ томъ же смыслѣ и видѣ. „Исторія государства Россійскаго“ (1818 — 1829) [1]) и „Записка о древней и новой Россіи“ (1811) большею частію проводятъ тѣ самые идеалы, которые извѣстны читателю не только „Вѣстника Европы“ (1802—1803), но и „Писемъ русскаго путешественника“ (1791—1792). Общія тѣмъ и другимъ понятія облекаются иногда въ одинаковую форму и даже выражаются одинаковыми словами. Такая преданность однажды усвоеннымъ началамъ свидѣтельствуетъ не то, что Карамзинъ отсталъ отъ новаго вѣка, какъ замѣчала легкомысленная критика, а то, что начала въ немъ стояли на твердомъ, давно уясненномъ сознаніи; равнымъ образомъ, уклоненія Карам-

[1]) Въ 1829 г. вышелъ 12-й т. «Исторіи», черезъ три года по смерти Карамзина.

зина отъ нѣкоторыхъ прежде высказанныхъ имъ мнѣній доказываютъ не измѣнчивость его ума, а то, что мнѣнія, добываемыя наукой и мышленіемъ, естественно уступаютъ мѣсто другимъ, при болѣе основательномъ знакомствѣ съ наукой и при болѣе зрѣломъ размышленіи.

Мы обратимся прямо ко второй половинѣ жизни Карамзина, оставляя за собою ея чисто литературную эпоху, до начала изданія „Вѣстника Европы“ въ 1802 году. „Вѣстникъ Европы“ стоитъ на перепутьи жизни Карамзина, и служитъ связью двухъ ея эпохъ: здѣсь Карамзинъ является не какъ литераторъ только, но и какъ публицистъ; здѣсь же и первые опыты его историческихъ изслѣдованій.

Въ настоящемъ случаѣ, мы не будемъ разсматривать „Исторію государства Россійскаго“ съ научной ея стороны: это дѣло исторической критики, которая должна показать, насколько въ трудѣ Карамзина выполнена научная задача — вѣрное представленіе жизни русскаго государства, отъ его основанія почти до вступленія на престолъ дома Романовыхъ. Для нашей цѣли, трудъ Карамзина важенъ со стороны проведеннаго въ немъ образа мыслей автора, т. е. тѣхъ идеаловъ, господствомъ которыхъ онъ равно дорожилъ и въ историческомъ развитіи народа и въ обыкновенной жизни людей, и служеніе которымъ было для него обязательно, какъ для историка, такъ и для литератора.

Изслѣдованія минувшихъ судебъ Россіи не заслонили отъ историка ея современныхъ интересовъ. Вмѣстѣ съ другими образованными москвичами (графомъ Растопчинымъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ), онъ внимательно слѣдилъ за движеніемъ государственныхъ реформъ, совершавшихся по мысли царя и его совѣтниковъ, между которыми первое мѣсто принадлежало Сперанскому. Мысль его охотно устремлялась къ сличенію прошлаго съ настоящимъ, чтобы на основаніи перваго безошибочнѣе заключить о характерѣ второго. По вызову великой княгини Екатерины Павловны (принцессы Ольденбургской, впослѣдствіи королевы Виртембергской), написалъ онъ „Записку о древней и новой Россіи“ (1811). Въ это время онъ уже кончилъ нѣсколько томовъ „Исторіи“: и потому, говоря объ одномъ трудѣ, необходимо принимать къ соображенію и другой. Они служатъ взаимнымъ дополненіемъ и объясненіемъ. Если въ первыхъ томахъ „Исторіи“ авторъ высказалъ многое, что потомъ „Записка“ повторила въ обзорѣ древне-русскаго періода нашей жизни, то, съ другой стороны,

этотъ обзоръ предварительно изложилъ многое, что впослѣдствіи подробнѣе развито слѣдующими томами „Исторіи.“ По образу мыслей оба сочиненія состоятъ въ тѣсной между собою связи. Да и какъ предполагать, чтобы ихъ авторъ держался различныхъ воззрѣній на одни и тѣ же предметы, въ одно и тоже время?

Самъ авторъ обозначилъ направленіе своей Исторіи, поднося ее императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Вотъ слова его: „Я писалъ съ любовію къ отечеству, ко благу людей въ гражданскомъ обществѣ и къ святымъ уставамъ нравственности“ [1]).

А. Нравственный уставъ господствуетъ у него надъ всѣми другими законами и побужденіями. Онъ проходитъ по всей исторической ткани яркою нитью, не умѣряемый въ строгости даже государственными требованіями. Что въ одинаковой силѣ обязательно для каждаго человѣка, къ тому Карамзинъ и питаетъ особенное уваженіе. На этомъ пунктѣ историкъ и публицистъ сошлись въ немъ самымъ дружнымъ образомъ. Какъ „Вѣстникъ Европы“ не признавалъ Наполеона героемъ, потому что не находилъ *героизма добродѣтели* въ его дѣйствіяхъ, такъ и „Исторія,“ въ характеристикахъ древне-русскихъ князей и царей, съ особенною любовью останавливается на добродѣтельныхъ подвигахъ, даетъ имъ первое мѣсто, а не подчиняетъ ихъ какимъ-либо инымъ заслугамъ. Только та политика одобряется ею, которая согласна съ чувствомъ естественной справедливости. Хотя Карамзинъ и цитируетъ слова Цицерона: „вѣкъ извиняетъ человѣка“; хотя между апоѳегмами, разсѣянными въ его историческомъ трудѣ, мы и встрѣчаемъ мысль, что „самые великіе люди дѣйствуютъ согласно съ образомъ мыслей и правилами вѣка“: однакожъ, призывая мертвыхъ къ суду, онъ выговаривалъ его на основаніи тѣхъ самыхъ положеній, которыя неуклонно примѣнялъ и къ своимъ современникамъ. Передъ его нравственными требованіями были равны всѣ времена и народы, всѣ разряды общества, подвластные и власть имѣющіе. Верховное значеніе этихъ требованій положительно выражено при оцѣнкѣ дѣйствій Калиты. Хваля его за утвержденіе великокняжеской власти, историкъ не прощаетъ ему смерти Александра Тверского: „правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ и служатъ основаніемъ истинной политики“. Съ дурнымъ поступкомъ не мирили его ни похвальная цѣль, ни успѣшное достиженіе цѣли, ибо, говоритъ онъ, „отъ человѣка зависитъ только дѣло, а слѣд-

[1]) Письмо отъ 24 января 1818 (Неизданныя сочиненія Карамзина, ч. I).

ствія отъ Бога," — и потому „судъ исторіи не извиняетъ и самаго счастливаго злодѣйства". Тѣ же мысли повторены по случаю Казимирова умысла убить или отравить Іоанна III: „никогда выгода государственная не можетъ оправдать злодѣянія; нравственность существуетъ не только для частныхъ людей, но и для государей: они должны такъ поступать, чтобы правила ихъ дѣяній могли быть общими законами."

Итакъ, передъ лицомъ нравственнаго закона всѣ люди равноправны. Исторія, имъ вооруженная, ставитъ важнѣйшимъ величіемъ дѣятелей — служеніе добродѣтели, важнѣйшимъ ихъ преступленіемъ — измѣну добродѣтели. Съ этой точки зрѣнія Карамзинъ судитъ неуклонно-строго. Особенной строгости подвергся Іоаннъ Грозный. По объясненіямъ историка, конецъ счастливыхъ дней Грознаго наступилъ въ то время, когда онъ лишился не только супруги, „но и добродѣтели": Анастасія, вмѣстѣ съ Сильвестромъ и Адашевымъ, питала въ немъ любовь „къ святой нравственности". Адашевъ величается мужемъ незабвеннымъ въ нашей исторіи, „красою вѣка и человѣчества": двоякая похвала—и относительная, воздаваемая человѣку извѣстной эпохи, и безотносительная, сохраняющая свою цѣнность для всѣхъ возможныхъ эпохъ. Подвигъ митрополита Филиппа заслужилъ ему славу такого героя, знаменитѣе котораго, какъ говоритъ историкъ, не представляетъ ни древняя, ни новая исторія, ибо „умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели." Карамзинъ жалѣетъ о Курбскомъ, какъ о злополучномъ мужѣ, лишившемъ себя главнаго утѣшенія въ бѣдствіяхъ — „внутренняго чувства добродѣтели". Имя же „добродѣтельнаго" слуги его, Шибанова, сочтено достойною принадлежностію исторіи. Та же мѣрка прилагается къ Годунову, Лжедимитрію, Шуйскому и событіямъ междуцарствія. Ни одно противонравственное дѣло не оставлено безнаказаннымъ. При описаніи блистательныхъ свойствъ Годунова, Карамзинъ даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію, почему проклятіе вѣковъ заглушило въ потомствѣ добрую его славу: „превосходя всѣхъ вельможъ дарованіями, Борисъ *не имѣлъ только.... добродѣтели*; видѣлъ въ ней не цѣль, а средство къ достиженію цѣли; не могъ одолѣть искушеній тамъ, гдѣ зло казалось для него выгодою." Ошибочныя распоряженія Бориса во время успѣховъ Самозванца вновь подтверждаютъ извѣстную истину, „сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутывается въ собственныхъ сѣтяхъ". Ни эта хитрость, ни правительственный

умъ не обольщаютъ Карамзина: они были для него темною силой, направленной къ личнымъ интересамъ. Въ Годуновѣ онъ чуялъ нечистую личность, не столько явными уликами, сколько сердечнымъ удостовѣреніемъ открывая въ благовидности его дѣйствій неблагое ихъ значеніе, въ соблюденіи законныхъ формъ беззаконность содержанія. И потому исторія этого царствованія заключена строгимъ приговоромъ: „Имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ властителей міра, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзеніемъ, *во славу нравственнаго, неуклоннаго правосудія*. Потомство видитъ вездѣ личину добродѣтели, — и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ политикѣ мирной и здравой? Но *сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца*, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны.“ — Далѣе, измѣна Басманова, „честолюбца безъ чести,“ его переходъ на сторону „державнаго пришлеца“, какъ энергически Карамзинъ называетъ Самозванца, даетъ исторіи поводъ заявить нетвердость того, что противно нравственности: „Басмановъ“, говоритъ она, „не зналъ, что сильные духомъ падаютъ какъ младенцы на пути беззаконія.“ Отъ Шуйскаго историкъ не ожидалъ ничего великаго, потому что онъ могъ быть только вторымъ Годуновымъ: „лицемѣромъ, а не *героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и властителей народовъ и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ.*“ Одна изъ такихъ опасностей наступила для нашего отечества въ междуцарствіе: „Россія гибла и могла быть спасена только Богомъ и собственною *добродѣтелью*“.

Какъ бы ни судили объ изложенномъ взглядѣ, но, по крайней мѣрѣ, онъ отличается послѣдовательностью. Карамзинъ выдержалъ его во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Если строго нравственная точка зрѣнія не совсѣмъ удобна въ исторіи, которая поэтому можетъ забывать главную цѣль свою — разъясненіе прошлаго, и имѣть въ виду цѣль стороннюю — поученіе настоящаго; если свѣточъ, который такъ ровно пламенѣлъ въ рукахъ историка, недостаточенъ для озаренія точнаго смысла событій: то блескъ такого свѣточа — все же прекрасный блескъ. Кому извѣстно множество примѣровъ развѣнчаннаго величія, тотъ въ концѣ концовъ долженъ сознаться, что самое главное и прочное дѣло — быть

хорошимъ человѣкомъ. А человѣкъ хорошъ тогда, когда уставъ нравственности для него не мертвая буква, а обязательный законъ. Итакъ, противъ мѣрила, выбраннаго Карамзинымъ, сказать нечего. Разсматриваемый въ самомъ себѣ, онъ безупреченъ. Но, при всемъ внутреннемъ достоинствѣ, соотвѣтствуетъ ли онъ въ равной силѣ различнымъ историческимъ временамъ? На этотъ первый вопросъ сочиненія Карамзина даютъ отвѣтъ положительный: для ихъ автора существовала только одна нравственность, исконная и нескончаемая; никакой другой онъ не признавалъ. Вторымъ вопросомъ требуется рѣшить, всегда ли полно и вѣрно примѣняется его нравственный уставъ? Примѣненіе общаго къ частному подвержено многимъ погрѣшностямъ. Въ томъ случаѣ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, историкъ можетъ иногда проходить молчаніемъ крупные факты, не подозрѣвая въ нихъ права заявлять торжество или затмѣніе нравственнаго идеала, тогда какъ факты не крупные, даже мелкіе могутъ находить въ немъ строгаго судію или апологиста. Есть событія, туго выдающіе нарушеніе правды: необходимо близко подойти къ нимъ и зорко разсмотрѣть ихъ, чтобы понять тяжесть обиды, нанесенной въ нихъ нравственному чувству. Таково, напримѣръ, неуваженіе къ человѣческой личности, нарушеніе гражданской равноправности въ одномъ человѣкѣ или въ коллективной единицѣ (корпораціи, сословіи, значительной части земства и т. д.). Встрѣчаются ли у Карамзина подобныя ошибки? Если въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Карамзинъ можетъ сказать, что на нѣкоторыя историческія явленія (напримѣръ, на крѣпостное право) онъ смотрѣлъ не тѣми глазами, какими смотримъ на нихъ мы, и рѣшалъ ихъ иначе, нежели они рѣшены послѣдующимъ временемъ; то, съ другой стороны, нельзя не сказать, что чувствительность, которую онъ почиталъ лучшимъ даромъ нашей природы и въ тоже время счастливѣйшимъ условіемъ авторства, мѣшала ясности его историческаго созерцанія. Она, пользуясь словами самаго Карамзина, сказанными по иному поводу, иногда малое представляла великимъ, а иногда великое малымъ. Отсюда, между прочимъ, и желаніе подмѣчать слѣды чувствительности въ древне-русскихъ князьяхъ, хотя эти замѣтки ничего не прибавляютъ къ характеристикѣ лицъ и событій. Такъ о Владимірѣ Мономахѣ говорится: „онъ могъ бы сѣсть на престолѣ родителя своего; но сей *чувствительный*, миролюбивый князь уступилъ оный Изяславу“. Глава о Ярославѣ II Всеволодовичѣ, вступившемъ на престолъ по завоеваніи Руси татарами, начинается словами: „въ

такихъ обстоятельствахъ государь *чувствительный* могъ бы возненавидѣть власть". Въ письмахъ Василія Ивановича къ его супругѣ Еленѣ, историкъ указываетъ нѣжность супруга и отца, который, „будучи въ разлукѣ съ женою и дѣтьми, обращается къ нимъ въ мысляхъ, изъясненныхъ простыми словами, но внушаемыми только *чувствительнымъ* сердцемъ". Говоря о жестокомъ характерѣ Іоанна III, Карамзинъ прибавляетъ: „рѣдко основатели монархій славятся *нѣжною чувствительностію*". Излишество и вмѣстѣ наивность этой прибавки не скрылись отъ современныхъ читателей. Записки А. Пушкина разсказываютъ, что нѣкоторые остряки переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ исторіи Карамзина, включивъ въ характеристику Брута приведенныя слова, съ перемѣной одного изъ нихъ: „рѣдко основатели *республикъ* славятся нѣжною чувствительностію".

Б. „Исторія государства Россійскаго" есть исторія государственная, какъ видно изъ самаго ея названія. Она повѣствуетъ объ установленіи государственнаго порядка въ Россіи. По отношенію къ этому предмету и въ связи съ нимъ разсматриваются важнѣйшія явленія древней Руси, какъ послѣдовательныя ступени, ведшія къ рѣшенію главнаго вопроса, къ уразумѣнію того, какъ началась и кончилась наша государственность, какъ въ землѣ русскихъ славянъ, великой и обильной, но не имѣвшей порядка, выработался прочный государственный порядокъ.

Но „порядка нѣтъ безъ власти самодержавной," говоритъ Холмскій новогородцамъ, въ Марѳѣ Посадницѣ. Слова московскаго воеводы выражаютъ мысль Карамзина о направленіи нашей исторіи, указываютъ ту идею, которая, по его взгляду, обнаруживается рядомъ русскихъ событій. Извѣстно, что онъ началъ историческій трудъ свой вскорѣ послѣ упомянутой повѣсти. Къ тому, что имѣли открыть ему русскія лѣтописи, присоединилось и то, что уже было ему извѣстно изъ современныхъ событій, въ особенности изъ самаго крупнаго — французской революціи. Если, говоря словами автора, „исторія есть изъясненіе настоящаго," то и настоящее служитъ къ разъясненію исторіи, дополняя собою свѣдѣнія, найденныя въ письменныхъ памятникахъ, и подтверждая вѣрность выводовъ о значеніи прошлаго. Не надобно терять изъ виду, что начало исторической работы Карамзина отдѣляется немногими годами отъ конца французскаго переворота. Онъ самъ хорошо помнилъ это, даже въ то время, когда двѣ трети его труда были совсѣмъ готовы. Излагая пользу исторіи для правителей и законода-

телей, Карамзинъ пишетъ въ предисловіи (1815): „Должно знать, какъ искони *мятежныя страсти* волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе“. Хотя въ этихъ строкахъ и нѣтъ прямого указанія на историческую годину, т. е. на время революціи, которая явила міру *наибольшій мятежъ страстей*, но оно безспорно подразумѣвается. Прямое указаніе отнесено къ характеристикѣ Грознаго. Здѣсь авторъ, снова касаясь пользы исторіи, говоритъ: „не исправляя злодѣевъ, исторія предупреждаетъ иногда злодѣйства, всегда возможныя, ибо страсти дикія свирѣпствуютъ и въ вѣки гражданскаго обрзованія.“ Въ примѣчаніи къ послѣднимъ словамъ читаемъ: „смотри исторію французской республики“ [1]).

Итакъ, установленіе порядка невозможно безъ самодержавія. Самодержавіе даруетъ государству единство, могущество, независимость и гражданское образованіе — всѣ принадлежности благоустроеннаго общества. Таковъ *государственный уставъ* Карамзина. И его „Исторія“ неотступно слѣдитъ за осуществленіемъ этого устава въ нашемъ отечествѣ. Главными моментами древне-русской жизни служатъ тѣ явленія, которыми выказался наибольшій успѣхъ въ стремленіи къ означенной цѣли. Обозрѣвая ходъ событій съ этой точки зрѣнія, „Записка о древней и новой Россіи“ различаетъ на историческомъ пути нашемъ три періода: „Россія основалась единоначаліемъ, гибла отъ разновластія и спаслась самодержавіемъ“. „Исторія“ въ подробности знакомитъ насъ съ тѣмъ, что слегка намѣчено сжатою формулою: она излагаетъ содержаніе каждаго періода, съ его существенными отличіями. Вотъ какъ развивается свитокъ нашей исторіи. *Первымъ счастливымъ періодомъ* было правленіе Ярослава I, когда „Россія, рожденная, возвеличенная единовластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ европейскимъ державамъ“. *Несчастнѣйшій же періодъ* простирается отъ Василія Ярославича до Калиты, когда Россія утратила главныя государственныя блага — единовластіе и независимость. Имена князей, которыхъ усилія въ это время были направлены къ возвращенію утраченнаго, заслуживаютъ похвалу историка: Андрей Боголюбскій, явно стремившійся „къ спасительному единовластію“; Всеволодъ III, подобно ему напомнившій Рос-

[1]) Примѣчаніе 762 въ IX т.

сіи „счастливые дни единовластія“. Іоаннъ Калита указалъ своимъ преемникамъ путь *къ лучшей системѣ правленія*. Усиленіе Москвы возвысило княжескую власть въ отношеніи къ народу, а съ тѣмъ вмѣстѣ понизило прежнюю важность бояръ: *рождалось самодержавіе*. „Глубокомысленная политика князей московскихъ“, замѣчаетъ Записка, „не удовольствовалась собраніемъ частей въ цѣлое: надлежало еще связать ихъ твердо, и единовластіе усилить самодержавіемъ“. Іоанну III суждено было совершить два великіе подвига: и освободить Россію отъ татаръ и *водворить единовластіе неограниченное, или самодержавіе*. Съ его времени ведетъ свое начало новый и весьма важный моментъ: „исторія наша принимаетъ достоинство истинно-государственной“. Потому-то Карамзинъ изображаетъ Іоанна великимъ монархомъ, „достойнѣйшимъ жить и сіять въ святилищѣ исторіи“.

Безграничное повиновеніе русскихъ своему государю имѣетъ историческія причины: оно, говоритъ Карамзинъ, есть слѣдствіе системы правленія. Приводя слѣдующее мѣсто изъ дневника Герберштейна: „не знаю, свойство ли народа требовало для Россіи такихъ самовластителей, или самовластители дали народу такое свойство“, Исторія Государства Россійскаго рѣшаетъ недоумѣніе иностранца положительнымъ образомъ: „Безъ сомнѣнія *дали*, чтобы Россія спаслась и была великою державою. Два государя, Іоаннъ и Василій, умѣли на-вѣки рѣшить судьбу нашего правленія и сдѣлать самодержавіе какъ бы необходимою принадлежностію Россіи, единственнымъ уставомъ государственнымъ, единственною основою цѣлости ея, силы, благоденствія“. Возможныя злоупотребленія самодержавной власти не были сокрыты и пощажены Карамзинымъ въ исторіи Грознаго, но не заставили его ни мало усомниться въ истинѣ своего убѣжденія. Несчастіе Іоанна IV, состояло въ томъ, что онъ лишился добродѣтели. Онъ измѣнилъ свое поведеніе относительно подданныхъ, но они не измѣнились въ отношеніи къ нему: „они гибли, но спасли для насъ могущество Россіи, ибо сила народнаго повиновенія есть сила государственная“. Во имя неприкосновенности государственнаго устава нашего (самодержавія), авторъ „Записки“ строго осуждаетъ убійство Лжедимитрія: „Самовольныя управы народа бываютъ для гражданскихъ обществъ вреднѣе личныхъ несправедливостей государя. Мудрость цѣлыхъ вѣковъ нужна для утвержденія власти; одинъ часъ народнаго изступленія разрушаетъ основу ея, которая есть уваженіе нравственное къ сану властителей“.

Б. Касательно понятій Карамзина о государственныхъ и общественныхъ преобразованіяхъ, „Исторія“ и „Записка“ держатся того же ученія, которое изложено имъ въ первую эпоху его жизни, проводя это ученіе по событіямъ древней и новой Россіи. Только въ его духѣ и по его начертаніямъ допускаютъ онѣ обновленіе жизни, развитіе гражданственности. Уваженіе къ прошедшему и существующему, при всѣхъ возможныхъ реформахъ, для Карамзина — законъ. Для него дороги историческія основы народнаго быта, и потому онъ ищетъ умиротворенія новаго съ старымъ, а не разрушенія стараго новымъ. По его мнѣнію, столько же необходимо выполнять законно-возникшія, дѣйствительно указанныя временемъ потребности, сколько вредно испытывать дѣйствіе высшихъ улучшеній, которыя не заявлялись обществомъ. Короче: онъ сторонникъ и заступникъ охранительнаго начала; онъ консерваторъ въ разумномъ смыслѣ этого слова. Подобно лучшимъ людямъ Екатерининскаго времени, онъ признавалъ пользу нововведеній только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ они были согласованы съ „умоначертаніемъ“ народа и съ его вѣками сложившимся строемъ жизни. Онъ не мечталъ объ идеальномъ совершенствѣ реформъ: онъ желалъ лучшаго, болѣе отвѣчающаго нуждамъ страны. Реформы перваго рода, какъ умозрительныя, легко сочиняются въ кабинетѣ, но на практикѣ весьма часто оказываются негодными; реформы второго рода, какъ вызванныя обстоятельствами, служатъ орудіемъ общественнаго прогресса. Слова Солона, приведенныя въ „Письмахъ русскаго путешественника“, повторены, хотя нѣсколько иначе, въ „Запискѣ“: „мои законы *несовершенны*, но *лучшіе* для аѳинянъ“. Они указываютъ путь законодателямъ и вообще всѣмъ лицамъ, стоящимъ во главѣ управленія. Когда же новыя учрежденія вступили въ дѣйствіе, тогда они должны пользоваться охраной и почтеніемъ, какими пользовались до нихъ дѣйствовавшія и ими упраздненныя: „уставы отцовъ бываютъ не всегда мудры, но всегда священны для народа“, говоритъ Карамзинъ въ „Исторіи“, какъ бы повторяя прежнюю мысль свою, выраженную еще въ „Письмахъ“: „всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ“.

Съ точки зрѣнія охранительной, „Исторія“ даетъ отчетъ о движеніи государственныхъ реформъ. Іоаннъ III возведенъ на „вышнюю степень величія“ не только передъ другими царями допетровской Руси, но и сравнительно съ Петромъ. Историкъ видитъ въ немъ идеалъ монарха, важнѣйшимъ образомъ потому, что этотъ

царь укрѣпилъ Россію духомъ самодержавія, и кромѣ того, по многимъ инымъ причинамъ, Іоаннъ всегда дѣйствовалъ осторожно, а осторожность „успѣхами, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность“; онъ „уважалъ правила вѣка и общее мнѣніе, не отвергалъ хорошаго для лучшаго, не совсѣмъ вѣрнаго, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ“, короче: поступалъ „благоразумно, т. е. согласно съ истинною пользою отечества“. Историческая точка зрѣнія, сознаніе необходимости самобытнаго, національнаго развитія, побудили Карамзина измѣнить прежній взглядъ на реформы Петра Великаго. „Записка“ осуждаетъ преобразователя за излишнюю страсть къ подражанію иноземнымъ державамъ, во вредъ народному духу. Сущность новаго взгляда выражена слѣдующими словами: „Духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть не что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, не что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству.... Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго.... Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различные. Государство можетъ заимствовать отъ другого полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе.... Съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ мы утратили гражданскія... Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи“. Послѣдними двумя строками отвергается прежній, гуманитарный взглядъ, по которому все народное ничто предъ человѣческимъ, и главное дѣло быть людьми, а не славянами.

Въ исторіи новой Россіи образцомъ правительственной мудрости Карамзинъ ставитъ царствованіе Екатерины Второй: „едва ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшимъ для гражданина россійскаго; едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ бы жить тогда, а не въ иное время“. Такъ говоритъ онъ въ „Запискѣ,“ и этими словами выказываетъ въ себѣ автора „Похвальнаго слова“ (1802) императрицѣ.

Если время Екатерины было счастливѣйшее, то отсюда прямо выходитъ, что Россія должна была держаться порядка, ею установленнаго. Уклоненія отъ этого порядка, какъ наилучшаго, вели

за собою неблагопріятныя послѣдствія: важныя ошибки, общее недовольство, упадокъ довѣрія къ правительству, критику его цѣлей и мѣръ. Вотъ въ чемъ главная мысль „Записки," авторъ которой является здѣсь замѣчательнымъ публицистомъ, какъ бы продолжая, съ большею силою и зрѣлостью, дѣло, начатое имъ въ политическомъ отдѣлѣ „Вѣстника Европы".

Баронъ Корфъ справедливо называетъ Карамзина органомъ консервативнаго мнѣнія о работахъ графа Сперанскаго. „Записка" показываетъ несостоятельность и даже опасность нововведеній этого знаменитаго дѣятеля. За что собственно онъ осуждается? За излишнюю поспѣшность въ государственныхъ преобразованіяхъ, за излишнее уваженіе формъ государственной дѣятельности, въ ущербъ ея содержанію. Эти преобразованія (мы передаемъ смыслъ того, что подробно развито Карамзинымъ) возникали не на исторической основѣ, а изъ умозрѣній, вызывались не дѣйствительною потребностію, а жаждою новизны, подражаніемъ западной Европѣ. Они были не прямымъ и строгимъ выводомъ изученія Россіи, а теоретическими опытами надъ Россіей неизслѣдованной. Они служили не отвѣтами на заявленія прошедшаго и настоящаго, а вопросами будущему. Они своевольно обращались съ завѣтами старины. Они быстро ломали то, что медленно вырабатывалось жизнію. Исправляя дурное, они съ тѣмъ вмѣстѣ не щадили и хорошаго; желая пресѣчь зло, могли породить еще больше зла. И потому они блистательны, но не прочны; изящны на бумагѣ, но мало примѣнимы къ дѣлу.

Всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгать только по необходимости," ибо мы болѣе уважаемъ то, что давно уважаемъ, и все дѣлаемъ лучше отъ привычки.

Мудрые законодатели, принужденные измѣнять уставы политическіе, старались, какъ можно менѣе отходить отъ старыхъ. «Если число и власть сановниковъ должны быть перемѣнены,» говоритъ Макіавель, «то удержите имя ихъ для народа.» Мы поступаемъ иначе: оставляемъ вещь, гоннимъ имена; для произведенія того же дѣйствія вымышляемъ другіе способы... Къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно... Требуемъ болѣе мудрости охранительной, нежели творческой.... Гораздо легче отмѣнить новое, нежели старое. Новости ведутъ къ новостямъ и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола.

Наибольшей критикѣ подверглись труды законодательной коммиссіи, направлявшіеся Сперанскимъ. Коммиссія намѣревалась переводить кодексъ Фридриха Великаго. „Къ чему это?" замѣчаетъ Карамзинъ: „Россія не Пруссія. Не худо знать его, но менѣе ли

нужно знать Юстиніановъ или датскій,—единственно для общихъ соображеній, а не для путеводительства въ нашемъ особенномъ законодательствѣ.“ О томъ предварительныхъ работъ коммиссіи „Записка“ даетъ такой отзывъ: „Множество ученыхъ терминовъ, почерпнутыхъ въ книгахъ, — ни одной мысли, почерпнутой въ содержаніи особеннаго гражданскаго характера Россіи. Голосъ автора въ лунѣ, а не на землѣ русской; соотечественники желали, чтобы сіи умозрители или спустились къ намъ, или не писали для насъ законовъ“ [1]). Двѣ книжки, содержащія въ себѣ, подъ именемъ проекта уложенія, переводъ Наполеонова кодекса, изумили Карамзина: „Законы народа,“ говоритъ онъ, „должны быть извлечены изъ его собственныхъ понятій, нравовъ, обыкновеній и мѣстныхъ обстоятельствъ. Мы имѣли бы уже девять уложеній, если бы надлежало только переводить. Авторы шьютъ намъ кафтанъ по чужой мѣркѣ. Все не русское, все не по-русски: какъ вещи, такъ и предложеніе оныхъ... Для стараго народа не надобно новыхъ законовъ. Мы требуемъ отъ коммиссіи систематическаго предложенія нашихъ... Указы и установленія отъ временъ Алексѣя Михайловича до нашихъ: вотъ содержаніе кодекса.“

Не такъ было въ старину. Быстрой и кабинетной работѣ своихъ современниковъ Карамзинъ противополагаетъ медленную, на опытѣ вѣковъ основанную работу прежняго времени. Въ похвалахъ „Исторіи“ Іоанну IV и его совѣтникамъ за „Судебникъ“ нельзя не видѣть косвеннаго порицанія дѣйствій Сперанскаго по коммиссіи законовъ:

Іоаннъ и добрые его совѣтники искали въ трудѣ своемъ не блеска, не суетной славы, а вѣрной, явной пользы, съ ревностною любовью къ справедливости, къ благоустройству; не дѣйствовали воображеніемъ, умомъ не обгоняли настоящаго порядка вещей, не терялись мыслями въ возможностяхъ будущаго, но смотрѣли вокругъ себя, исправляли злоупотребленія, не измѣняя главной, древней основы законодательства; все оставили какъ было, и чѣмъ народъ казался довольнымъ; устраняли только причину извѣстныхъ жалобъ, хотѣли лучшаго, не думая о совершенствѣ, — и безъ учености, безъ теоріи, не зная ничего кромѣ Россіи, но зная хорошо

[1]) Ср. письмо Карамзина къ женѣ изъ Петербурга (24 и 25 февраля 1816): «Обѣдалъ у Розенкампфа (юриста, занимавшагося въ коммиссіи законовъ) со всею законодательною коммиссіею. Много разсужденій о сочиненіи законовъ и пр. Я сказалъ имъ: Messieurs, le public vous accuse; vous avez eu l'air d'errée beaucoup; vous visitiez la lune sans vous donner la peine de bien connaitre la Russie (Неизд. сочиненія Карамзина).

Россію, написали книгу, которая всегда будетъ любопытною, доколѣ стоитъ наше отечество: ибо она есть вѣрное зерцало нравовъ и понятій вѣка *).

Не въ одной этой тирадѣ слышится движеніе субъективнаго чувства, возбужденнаго современностью. Намеки „Исторіи“ на текущія дѣла какъ бы подтверждаютъ слова ея предисловія о пользѣ этой науки, которая, будучи „зерцаломъ прошедшаго,“ есть въ тоже время „завѣтъ предковъ къ потомству, дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.“ Признаніе своего труда „не безполезнымъ въ государственномъ смыслѣ“ могло явиться у скромнаго автора только по вѣрѣ въ силу историческихъ откровеній для правительственной дѣятельности. Вліяніе живущаго нерѣдко выдается у него и похвалами, и упреками, равно благородными, произносимыми по поводу разсказа объ отжившемъ. Иногда оно такъ ярко, что повѣствованіе допускаетъ лирическую вставку или принимаетъ драматическую форму. Ограничимся немногими примѣрами. Показавъ причину общаго нерасположенія къ Андрею Боголюбскому въ худомъ исполненіи законовъ, иначе въ несправедливости судей, историкъ сопровождаетъ объясненіе совѣтомъ: „столь нужно вѣдать Государю, что онъ не можетъ быть любимъ безъ строгаго, бдительнаго правосудія; что народъ за хищность судей и чиновниковъ ненавидитъ Царя, самаго добродушнаго и милосердаго“! [1]). Вассіановъ совѣтъ Грозному: „не имѣть совѣтниковъ мудрѣе себя“, побудилъ Карамзина даже выйти на сцену изъ-за повѣствуемыхъ событій: „Нѣтъ, Государь! могли бы мы возразить ему: нѣтъ! совѣтъ, тебѣ данный, внушенъ духомъ лжи, а не истины. Царь долженъ не властвовать только, но властвовать благодѣтельно: его мудрость, какъ человѣческая, имѣетъ нужду въ пособіи другихъ умовъ, и тѣмъ превосходнѣе въ глазахъ народа, чѣмъ мудрѣе совѣтники, имъ выбираемые“ [2]). „Исторія не любитъ именовать живыхъ,“ замѣчаетъ Карамзинъ, переносясь отъ времени Іоанна IV къ славнымъ временамъ Петра I и Екатерины II, рядомъ съ которою, въ его мысли, становилось имя Александра I; однако имъ не умалчиваются современныя явленія, когда они уже выказали свое историческое достоинство въ нравственномъ или государственномъ значеніи. Покончивъ изложеніе царствованія Іоанна Грознаго, онъ восклицаетъ: „слава времени,

*) И. Г. Р., изд. Эйнерлинга, кн. III, т. 8, стр. 67—68.

[1]) И. Г. Р., изд. Эйнерлинга, кн. I, т. 3, стр. 20.

[2]) Іb. кн. II, т. 8, стр. 132.

когда вооруженный истиною дѣписатель можетъ, въ правленіи самодержавномъ, выставить на позоръ такого властителя, да не будетъ уже впредь ему подобныхъ!“ [1]). Конечно, одно это восклицаніе, по справедливости мысли и благородству направленія, стоитъ многихъ (если не всѣхъ) одъ, написанныхъ въ эпоху Александра I. Чувствомъ мѣры, умнымъ тактомъ и доблестнымъ образомъ мыслей отличаются эти и подобные имъ голоса историка. Они могутъ быть критикуемы, какъ отступленія отъ строго-историческаго разсказа, но оправданіемъ имъ служитъ взглядъ автора на исторію и обстоятельства времени, въ которое онъ сочинялъ ее. А какъ выраженіе симпатичной личности, они скорѣе возбуждаютъ сочувствіе читателей, или по крайней мѣрѣ не заслуживаютъ ихъ упрека.

Главная ошибка законодательныхъ работъ Сперанскаго состояла, по мнѣнію „Записки“, въ излишнемъ уваженіи формъ государственной дѣятельности: „дѣла не лучше производятся, только въ мѣстахъ и чиновниками другаго званія.“ Что же сдѣлать для исправленія ошибки? „Послѣдовать иному правилу и сказать, что не формы, а люди важны“. Отсюда первое правило: счастливое избраніе людей. Выбранные должны отличаться солиднымъ образованіемъ и доброю нравственностью. Таково руководящее начало мудрой правительственной системы. Начало не новое. Карамзинъ постоянно предлагалъ его и въ „Письмахъ,“ и въ „Вѣстникѣ Европы“; онъ предлагаетъ его также въ Исторіи. „Письма“ объясняютъ гражданское благоустройство Англіи не конституціей, которая есть не что иное, какъ одна изъ бренныхъ и не лучшихъ политическихъ формъ, а просвѣщеніемъ англичанъ и въ особенности ихъ сановниковъ. „Вѣстникъ Европы“ неоднократно развиваетъ мысль, что главный двигатель при управленіи людьми — справедливость, что для желаемаго дѣйствія хорошихъ законовъ необходимо нравственное достоинство ихъ исполнителей. „Исторія“, приводя слова лѣтописи: „царь, самый добрый и мудрый, не въ силахъ искоренить зла человѣческаго; гдѣ законъ, тамъ и многія обиды“ [2]), толкуетъ ими нелюбовь подданныхъ къ Андрею Боголюбскому. При законѣ, требующемъ извѣстнаго дѣйствія, разсуждаетъ она, возможны уклоненія отъ этого дѣйствія, злоупотребленія; не допускать злоупотребленій лежитъ на обязанности охранителей закона, судей; обязанность исполняется исправно только

---

[1]) Іb. кн. III, т. 9, стр. 259.

[2]) Іb. кн. I, т. 3, стр. 20.

людьми просвѣщенными и нравственными: слѣдовательно, вся сущность — въ назначеніи такихъ людей на правительственныя мѣста. Другими словами: администрація должна быть ограждена не только правильнымъ ея устройствомъ, но еще болѣе личными качествами администраторовъ. Присоединимъ сюда нѣсколько выдержекъ изъ переписки Карамзина съ великою княгинею Екатериною Павловною. Въ письмѣ изъ Веймара (29 октября 1813), великая княгиня извѣщаетъ его, съ какимъ любопытствомъ слѣдятъ въ Германіи за тѣмъ, что дѣлается въ Россіи: „Не исторіей, не литературой нашей интересуются здѣсь; интересуются нашимъ политическимъ устройствомъ. Знаютъ указы и постановленія, изданные въ послѣдніе годы, но не знаютъ, по неимѣнію историческихъ и статистическихъ свѣдѣній, приноровлены ли они къ потребностямъ страны“ [1]). Карамзинъ отвѣчалъ (29 ноября 1813): „Политическіе уставы могутъ быть десять разъ измѣнены, а исторія останется, чтобъ объяснить тому причины. Есть предметы моды, фантазіи, вкуса: все это проходитъ, и я предпочелъ прочное“ (т. е. занятіе исторіей). Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Я надѣюсь, что императоръ излечитъ *язвы Россіи* и принесетъ намъ спасительный бальзамъ — *хорошую администрацію*. На Россію можно смотрѣть какъ на тѣло очень крѣпкое и здоровое: надобно только помогать натурѣ лекарствами простыми, добытыми изъ травъ домашнихъ, а не чужеземныхъ — и все пойдетъ хорошо“ [2]).

За умѣньемъ выбирать людей слѣдуетъ другое, не менѣе существенное правило — умѣнье обходиться съ людьми. „Мало ангеловъ на свѣтѣ, немного и злодѣевъ,“ говоритъ Карамзинъ въ „Запискѣ„; гораздо болѣе смѣси, т. е. добрыхъ и худыхъ вмѣстѣ. Мудрое правленіе находитъ способъ усиливать въ чиновникахъ побужденіе къ добру, или обуздывать стремленіе ко злу. Для перваго есть награды, отличія; для втораго — боязнь наказаній“.

Но гдѣ добыть подобныхъ людей? А если ихъ нѣтъ вовсе, или имѣется очень мало, то какъ произвести ихъ? Воспитательные планы Бецкаго мечтали, въ видахъ общественнаго обновленія, создать „новую породу человѣковъ“ [3]). Карамзину, такому же сыну своего времени, какъ и Бецкій, пришлось бы созидать столько имъ желанную породу „друзей добра и человѣчества“. Средства

[1]) Неизданныя сочиненія Карамзина (ч. I, стр. 109).
[2]) Ib. стр. 118.
[3]) См. мою Исторію Русской словесности I, § 270.

къ тому — просвѣщеніе и нравственность. Но самъ Карамзинъ говоритъ: „время медленно и тихо подвигаетъ разумъ народовъ.“ Для повсемѣстнаго и всегдашняго водворенія благихъ общественныхъ нравовъ, спасительныхъ обычаевъ, характеровъ съ твердымъ образомъ мыслей нужны цѣлые вѣка. И вѣка недостаточны для осуществленія такого идеальнаго царства, въ которомъ изъ среды народа постоянно выдѣлялись бы „герои добродѣтели“. Въ чаяніи же того, чтобы явленіе столь рѣдкое, столь исключительное теперь, сдѣлалось когда-либо обычнымъ и нормальнымъ состояніемъ общества, надобно не только жить, но и жить по возможности лучше. Предполагать, что возможно-лучшее гражданское устройство можетъ быть совершено единственно личными качествами избранныхъ лицъ, и вслѣдствіе того на нихъ возложить все бремя и отвѣтственность по дѣлопроизводству, значитъ почитать или бремя слишкомъ легкимъ, или силы людскія слишкомъ мощными. Предположеніе Карамзина тоже, что Сенъ-Пьеровъ проектъ *вѣчнаго мира:* это — „мечта добраго человѣка“, прекраснодушное заблужденіе.

Отдѣлимъ же въ понятіяхъ Карамзина истину отъ того, чего нельзя признать истиннымъ. Онъ правъ, утверждая систему государственныхъ улучшеній на историческомъ подножіи, т. е. допуская поступательное движеніе народа не иначе, какъ на условіяхъ прошедшей и настоящей его жизни, на соображеніяхъ съ дѣйствительными его потребностями. Онъ правъ, видя въ народномъ образованіи и нравственности самое вѣрное орудіе для гражданскаго благоденствія. Но онъ не совсѣмъ правъ, не давая почти никакого участія въ общественномъ прогрессѣ учрежденіямъ, плохо вѣря ихъ организующему дѣйствію и смотря на нихъ не болѣе какъ на „бренныя формы“. Вотъ въ чемъ его ошибка или, точнѣе, неполнота его идеала. Пусть „хорошіе нравы важнѣе хорошихъ законовъ,“ служа благотворнымъ отводомъ злоупотребленій; но и учрежденія, съ своей стороны, задерживаютъ зло, препятствуютъ его разливу. Если серьезное образованіе даетъ способы становиться въ правильныя отношенія къ жизни и содѣйствовать пользамъ отечества, то нѣкоторыя учрежденія умудряютъ людей не хуже школы, сообщая имъ многое, чего они не вычитаютъ въ книгахъ, и пріучая ихъ ко многому, что дается лишь жизненной практикой, а не теоретическимъ изученіемъ. Припомнимъ слова Записки: „мало ангеловъ на свѣтѣ, не много и злодѣевъ; гораздо болѣе смѣси, т. е. добрыхъ и худыхъ вмѣстѣ“. Что дѣлаетъ нравственное образованіе при

такомъ наличномъ составѣ общества? Возвышаетъ добрую сторону, понижаетъ сторону худую, мало по малу доставляя возможность людямъ быть, по выраженію Карамзина, „ангелами на свѣтѣ“ и лишая ихъ возможности быть злодѣями. А что дѣлаютъ учрежденія въ подобномъ случаѣ? открываютъ просторъ доброй сторонѣ и отсѣкаютъ притязанія злой. Въ „Исторіи“ встрѣчается слѣдующая сентенція: „лучше неволею творить добро, нежели волею зло.“ Но гораздо выше творить добро по волѣ, сознательно и постоянно. Только сила нравственнаго просвѣщенія можетъ надѣлить міръ такою благодатью. Пока же этого нѣтъ, полезныя учрежденія оказываютъ помощь человѣческому несовершенству: тамъ, гдѣ еще не выработалась потребность въ самовольной добродѣтели, они вынуждаютъ добро невольное; тамъ, гдѣ сложилась привычка къ самовольному злу, они полагаютъ ему преграду, слѣдовательно производятъ именно то лучшее, о чемъ говорится въ сентенціи.

Наибольшимъ подтвержденіемъ сказаннаго служитъ вопросъ о крѣпостномъ состояніи. Мы знаемъ изъ „Письма сельскаго жителя“, какъ, еще въ 1803 г., Карамзинъ понималъ его рѣшеніе. Онъ думалъ устроить все дѣло на взаимно-любовномъ довѣріи землевладѣльцевъ и помѣщиковъ. Съ этого времени мѣры правительства для постепенной отмѣны крѣпостного права сильно возбуждали общественное мнѣніе и служили поводомъ къ появленію цѣлыхъ книгъ и записокъ. Въ „С.-Петербургскомъ журналѣ“ (1804 — 1809), оффиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и въ „Сѣверной почтѣ“ (1809—1820), газетѣ того же министерства, оповѣщались какъ правительственные акты, такъ и дѣйствія частныхъ лицъ, касательно улучшенія крестьянскаго быта. Сочиненіе сенатора, графа Валеріана Стройновскаго: „о условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“, переведенное съ польскаго языка на русскій Анастасевичемъ (1809), подверглось рѣзкимъ замѣчаніямъ гр. Растопчина [2]). Въ 1811 г. великая княгиня Екатерина Павловна увѣдомляла Карамзина, что у нея есть „русское сочиненіе о вопросѣ чрезвычайно деликатномъ—объ освобожденіи крестьянъ “[2]). Какое это сочиненіе, намъ не извѣстно; конечно не гр. Стройновскаго, напечатанное до того за два года, и притомъ не русское, а польское, и не Грибовскаго: „О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи“, напечатанное въ Харьковѣ позд-

[1]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1860, кн. 2.
[2]) Неизданныя сочиненія Карамзина. Ч. 1, стр. 100.

нѣе (1816 г.). Къ 1818 году относится „Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости“, составленная по повелѣнію императора Александра I [1]). Думаютъ, что авторъ ея — Канкринъ, занимавшій тогда должность генералъ-интенданта (впослѣдствіи министръ финансовъ и графъ). Она содержитъ въ себѣ основныя положенія, назначая для постепеннаго совершенія дѣла тридцатилѣтній срокъ съ раздѣленіемъ его на девять періодовъ. Вѣстникъ Европы 1819 г. (№ 14) помѣстилъ статью: „Взглядъ на постепенный упадокъ рабства и крѣпостного состоянія въ Европѣ“, переведенную изъ Шторхова курса политической экономіи, который былъ напечатанъ на иждивеніи государя. Здѣсь указаны и мѣры нашего правительства, клонившіяся къ той же цѣли. Того же года представлена была государю записка Н. Тургенева объ освобожденіи крестьянъ. — Какое же положеніе занялъ Карамзинъ относительно возбужденнаго вопроса и произведеннаго имъ дѣйствія въ обществѣ и литературѣ? Онъ остался при своемъ прежнемъ мнѣніи, которое было мнѣніемъ Державина, И. В. Лопухина, Н. С. Мордвинова, гр. Растопчина. Взглядъ его не измѣнился ни въ „Исторіи“, ни въ „Запискѣ“. „Исторія“ не осуждаетъ Годунова за прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ; напротивъ, она видитъ въ законѣ желаніе утвердить между владѣльцами и сельскими работниками „союзъ неизмѣнный, какъ бы семейственный, основанный на единствѣ выгодъ, на благосостояніи общемъ“. Авторъ „Записки“ высказывается опредѣленнѣе, по поводу намѣренія современнаго ему правительства дать господскимъ людямъ свободу. Онъ выставляетъ трудности и вредныя стороны освобожденія, не касаясь его выгодъ, вѣроятно потому, что выгоды были достаточно извѣстны, а вредъ и трудности недостаточно взвѣшены. Изложивъ происхожденіе рабства, онъ находитъ, что къ свободѣ надобно готовить человѣка нравственнымъ исправленіемъ, что въ настоящее время она неудобна, что крестьяне, происходящіе отъ холопей, не могутъ быть освобождены безъ нѣкотораго удовлетворенія дворянъ, какъ законная ихъ собственность; а такъ какъ „мы не знаемъ нынѣ, которые происходятъ отъ холопей и которые отъ вольныхъ людей (укрѣпленныхъ Годуновымъ за владѣльцами), то законодателю предстоитъ не малая трудность въ распутываніи сего гордіева узла.“ Вмѣсто того, чтобы разсѣкать его, Карамзинъ почитаетъ лучшимъ сохранить прежнее поло-

[1]) Русскій Архивъ. 1865, №№ 10 и 11.

женіе, принявъ только мѣры противъ злоупотребленій господской власти. „Нѣтъ сомнѣнія,“ говоритъ онъ, „что крестьяне благоразумнаго помѣщика, который довольствуется умѣреннымъ оброкомъ или десятиною пашни на тягло, счастливѣе казенныхъ, имѣя въ немъ бдительнаго попечителя и заступника. Не лучше ли подъ рукою взять мѣры для обузданія господъ жестокихъ? Они извѣстны начальникамъ губерній. Если послѣдніе, вѣрно исполняютъ свою должность, то первыхъ скоро не увидимъ; а ежели не будетъ умныхъ губернаторовъ, то не будетъ благоденствія и для поселянъ вольныхъ.“ Такимъ образомъ, желаемое устройство возлагается съ одной стороны на доброкачественность помѣщиковъ, съ другой на доброкачественность начальниковъ губерній. По идеалу Карамзина, гордіевъ узелъ распутался бы самъ собою въ то время, когда бы и владѣльцы и крестьяне, вполнѣ уразумѣвъ свои права и обязанности, стали пользоваться первыми и выполнять вторыя согласно съ уставомъ естественнымъ и гражданскимъ: тогда, конечно, утвердился бы между ними „союзъ какъ бы семейственный, основанный на единствѣ выгодъ, на благосостояніи общемъ.“ Но когда жъ бы это случилось? и кто бы узрѣлъ осуществленіе такого идеала? Недосягаемое однимъ путемъ, достигнуто нынѣ путемъ законодательства — безсмертнымъ дѣломъ нынѣ царствующаго Государя. „Положеніе 1861 г.“ даровало крестьянамъ и свободу и собственность.

Если бы мысль Карамзина состояла въ томъ, что наилучшее устройство общества зиждется на твердыхъ нравственныхъ началахъ, сознаваемыхъ и приводимыхъ въ дѣйствіе всѣми его членами безъ исключенія, то противъ нея, какъ противъ сочувственнаго идеала, нечего было бы и возражать. Если бы онъ утверждалъ, что наши заимствованія изъ Европы и на половину не приносили ожидаемой отъ нихъ пользы, потому что водворялись между нами самовластно, безъ измѣненій сообразно интересамъ и особенностямъ страны, то и это утвержденіе не подлежало бы спору. Но онъ вообще мало цѣнилъ учрежденія, какъ учрежденія, предоставляя всю мірскую тяжесть единственно идеальному совершенству личности и забывая, что достиженіе возможно-совершеннаго индивидуальнаго развитія немыслимо безъ хорошихъ учрежденій, служащихъ для того однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ.

Отношеніе извѣстнаго класса читателей къ историку рѣзко отличалось отъ тѣхъ чувствъ, съ которыми прежде, до выхода въ свѣтъ „Исторіи“, встрѣчались его литературныя произведенія. Причину

различнаго пріема слѣдуетъ искать, конечно не въ Карамзинѣ, сохранившемъ свои начальныя убѣжденія, а въ читателяхъ, имѣвшихъ иные, новые взгляды. Если прежде въ Карамзинѣ подозрѣвали даже революціонера, то послѣ многіе называли его опять отсталымъ. Если прежде онъ былъ кумиромъ молодыхъ людей, то молодежь двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія осталась недовольна его консерватизмомъ. Какъ авторъ „Записки“, почитавшій время Екатерины образцомъ, отъ котораго напрасно уклонилось новое время, онъ возбудилъ противъ себя тѣхъ, кто въ преобразовательныхъ планахъ Сперанскаго видѣлъ счастливую эру Россіи. Во время поѣздки въ Петербургъ (1816), Карамзинъ былъ даже холодно принятъ однимъ изъ своихъ старыхъ знакомцевъ, объявившимъ, что ему извѣстенъ его образъ мыслей, „противный либеральнымъ идеямъ“ [1]). „Молодые якобинцы“, говоритъ А. Пушкинъ въ своихъ запискахъ, „негодовали на историіографа за его умѣренность“ [2]). Отъ самого Пушкина вышла злая эпиграмма, но онъ искупилъ свой легкомысленный проступокъ на половину, сознавшись, что „это не лучшая черта его жизни“: раскаяніе — половина исправленія; онъ искупилъ его и всецѣло, посвятивъ „Бориса Годунова“ — драгоцѣнной для россіянъ памяти Карамзина.

„Письмо о Польшѣ“ (1819) [3]), читанное Карамзинымъ императору Александру I, по своему содержанію, имѣетъ близкую связь съ идеями „Исторіи“ и „Записки“. Это не первый мемуаръ о томъ же предметѣ. Въ эпоху вѣнскаго конгресса (1814), извѣстный дипломатъ Поццо-ди-Борго вручилъ государю составленную по его приказанію „Записку“, касательно организаціи герцогства Варшавскаго, присоединеннаго къ Россіи. Въ ней, съ точки зрѣнія государственной, разсматривается намѣреніе образовать изъ герцогства Польское королевство, подъ непосредственнымъ и верховнымъ владычествомъ русскаго царя, но отдѣльно отъ имперіи и съ представительнымъ правленіемъ. Выходя изъ того начала, что каждая политическая реформа тогда только благоуспѣшна, когда согласована съ характеромъ народа, для котораго она назначается, съ его настоящими обстоятельствами и съ духомъ времени, „Записка“ не одобряетъ этого намѣренія. Устройство Польши, въ предполагав-

[1]) Письмо къ женѣ 11 февраля 1816 (Неизданныя сочиненія Карамзина, стр. 146).

[2]) Сочиненія Пушкина, изд. Анненкова, V, 8.

[3]) Напеч. въ Неизд. сочин. Карамзина, стр. 3 — 10.

шейся реформѣ, было бы, по убѣжденію автора, оскорбительно для національной гордости русскихъ, противно существеннымъ интересамъ ихъ отечества, постоянной угрозой его спокойствію и безопасности. Между бумагами, оставшимися отъ В. С. Попова, Потемкинскаго секретаря, находятся двѣ записки о Польшѣ (1815). Первая изъ нихъ вызвана нѣкоторыми мѣрами въ западныхъ и югозападныхъ губерніяхъ, представлявшими уклоненіе отъ политическихъ видовъ Екатерины II (наприм.: введеніемъ судопроизводства и преподаванія наукъ на польскомъ языкѣ). „Области эти", говорится въ Запискѣ, „даже при польскомъ правленіи долгое время пользовались своими правами, а не польскими, кои хотятъ завести нынѣ; да и судопроизводство при польскомъ правленіи, какъ явствуетъ изъ многочисленныхъ подлинниковъ, было у нихъ, почти до половины прошедшаго столѣтія, на русскомъ, а не на польскомъ языкѣ, какъ думаютъ нынѣ офранцузившіеся молодые щеголи, частію по невѣдѣнію, частію же по злонамѣренному ухищренію своему... Не противно ли собственнымъ нашимъ выгодамъ и здравой политикѣ поступаемъ мы, прилагая стараніе отдалить отъ себя собственныхъ собратій и стараясь преобразовать ихъ въ поляковъ, всегдашнихъ ихъ притѣснителей и нашихъ враговъ?" [1]).—„Письмо" Карамзина явилось позднѣе и по иному случаю: оно имѣетъ цѣлію отклонить Александра I отъ намѣренія „возстановить Польшу въ ея цѣлости". Доводы свои Карамзинъ почерпаетъ въ правилахъ исторической, національной политики, единственно полезной для государства. Онъ прямо и мужественно высказываетъ мысль, что всецѣлое возстановленіе древняго королевства Польскаго несогласно ни съ законами государственнаго блага, ни съ священною обязанностію царя, ни съ его любовью къ Россіи и къ самой справедливости. „Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ (говоритъ онъ): иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское царство, Новогородскую республику, великое княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же, и по старымъ крѣпостямъ, Бѣлоруссія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего.... Однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровью землю польскую и снова возьмутъ штур-

[1]) Русскій Архивъ, 1865. № 2, стр. 226—240.

момъ Прагу“ [1]). Въ заключеніе, Карамзинъ указываетъ императору на высокое его призваніе — „утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый — безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе, хорошими законами и еще лучшею управою“ [2]). Кромѣ важности содержанія, „Письмо“ отличается прекрасной литературной формой и великимъ патріотическимъ одушевленіемъ, которое одно только способно внушать человѣку гражданскіе подвиги. Карамзинъ имѣлъ полное право озаглавить это письмо „Мнѣніемъ русскаго гражданина“.

Вышеизложенное приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ касательно тѣхъ идеаловъ Карамзина, которые раскрыты имъ въ „Исторіи“ и двухъ „Запискахъ.“

Нравственность служитъ первою и высшею мѣрою человѣческаго достоинства. Ея законы — неизмѣнны и общи для всѣхъ временъ и народовъ. Большимъ или меньшимъ служеніемъ ея уставу опредѣляется большее или меньшее величіе какъ историческихъ дѣятелей, такъ и лицъ, неизвѣстныхъ исторіи.

Поступательный ходъ народнаго развитія измѣряется поступательнымъ ходомъ просвѣщенія, разливаемаго по *всѣмъ* классамъ общества, и доброй нравственности, образуемой дѣйствіемъ просвѣщенія. Только при этихъ двухъ условіяхъ (просвѣщеніи и нравственности) хорошіе законы и учрежденія могутъ приносить пользу; безъ нихъ же, какъ тѣ, такъ и другія, не смотря на либеральный просторъ свой, теряютъ значеніе и остаются пустыми, бренными формами.

Государственныя преобразованія должны совершаться мирнымъ путемъ, обходя всякіе поводы къ потрясеніямъ, насильственнымъ мѣрамъ, легкомысленному подражанію другимъ народамъ, и постоянно имѣя въ виду исторію народа и его дѣйствительныя потребности.

Самобытностью и національностью должны отличаться какъ внутреннее управленіе, такъ и внѣшняя политика. Каждая часть Россіи имѣетъ значеніе только по отношеніи къ своему цѣлому — Россіи; каждый ея житель имѣетъ значеніе только какъ русскій гражданинъ.

А. Галаховъ.

---

[1]) Неизд. Соч. Карамзина, ч. 1, стр. 5 — 7.
[2]) Іb. стр. 8.

IV.

ТОРЖЕСТВО

ЮБИЛЕЯ Н. М. КАРАМЗИНА.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ *).

Мы всѣ еще находимся подъ воспоминаніемъ впечатлѣній о торжествѣ юбилея Ломоносова въ прошломъ году, и сравненіе съ нимъ первыхъ дней этого мѣсяца невольно приходило каждому на мысль. Многіе нашли, что имя Карамзина не вызвало такого одушевленія, какое было обнаружено при имени Ломоносова, что самое торжество не имѣло того общественнаго характера, какой былъ приданъ торжеству прошлогодняго юбилея. Юбилей Карамзина прошелъ у насъ безъ банкета, которымъ сопровождался юбилей Ломоносова, и который придалъ ему тотъ общественный характеръ, на недостатокъ котораго указывали многіе въ послѣднее время, узнавъ о программѣ предполагаемаго торжества юбилея Н. М. Карамзина. Намъ кажется, что уже первый день праздника долженъ

---

*) Такія личности, какъ Н. М. Карамзинъ, принадлежатъ всей странѣ, и мы только по одной необходимости ограничиваемся описаніемъ торжества перваго столѣтняго юбилея дня его рожденія однимъ Петербургомъ: извѣстія о томъ, какъ праздновалось первое декабря въ разныхъ концахъ Россіи придутъ слишкомъ поздно для того, чтобы мы могли занести ихъ на страницы нашего журнала.

былъ навести многихъ на другія мысли, и на торжественномъ собраніи Ак. Наукъ, 1 декабря, мы убѣдились, что нынѣшнее празднество, при всей его строгой ученой обстановкѣ, вызвало не менѣе живыя симпатіи присутствующихъ, какъ и банкетъ Ломоносова. Ломоносовъ — предметъ нашей справедливой народной гордости, живой образецъ того, что возможно нашему простолюдину, пробившему себѣ путь собственными силами и преодолѣвшему безчисленныя затрудненія. Его заслуги велики, но въ нихъ теперь преобладаетъ историческій характеръ; Ломоносовъ — большой шагъ въ исторіи нашей образованности, и, конечно, обусловившій всякій дальнѣйшій ея успѣхъ. Значеніе Карамзина иное. Онъ жилъ въ эпоху, сходную съ нашимъ временемъ; государство выступило тогда далеко впередъ, но, оглянувшись назадъ, оно не нашло бы позади себя массы, развитой политически, или даже просто образованной. Карамзинъ поставилъ себѣ задачею пододвинуть общество и поставить его на ту высоту, которой требовали и прочность государственныхъ реформъ и внѣшнія отношенія государства. Вотъ, причина, вслѣдствіе которой подробное развитіе дѣятельности Карамзина заставляло ораторовъ академическаго юбилея, и Я. К. Грота, и особенно М. П. Погодина, въ ихъ превосходныхъ и оживленныхъ рѣчахъ, говорить не столько о Карамзинѣ, сколько предлагать Карамзину обращаться самому къ публикѣ съ своими идеями и взглядами. Не все, завѣщанное Карамзинымъ, выполнено его потомствомъ; вотъ, почему Карамзинъ, и послѣ своей смерти, сохранилъ для насъ всю современность, вотъ почему для торжества памяти Карамзина былъ нуженъ не столько банкетъ, сколько торжество академическое, на которомъ самъ Карамзинъ, такъ сказать, могъ бы явиться самъ посреди насъ и обратиться къ намъ съ своимъ совѣтомъ, съ своими задушевными мыслями. М. П. Погодинъ далъ намъ вполнѣ понять это особенное значеніе юбиляра для нашей эпохи, и въ стѣнахъ Академіи мы, напримѣръ, слышали, какъ Карамзинъ съ высоты нашего вѣка громко говорилъ намъ: „Народныя училища могутъ и должны быть полезнѣе всѣхъ Академій въ мірѣ“. Однимъ словомъ, форма торжества Карамзинскаго юбилея, если она не имѣла, какъ говорятъ, общенароднаго, болѣе шумнаго характера, то съ другой стороны мы можемъ сказать, что первое декабря 1766 года видѣло *рожденіе* Карамзина, а перваго декабря 1866 года мы усиливались произвести его *возрожденіе*, мы хотѣли заставить Карамзина снова жить посреди насъ, сдѣлать его нашимъ мудрымъ совѣтникомъ и воодушевиться тѣми благород-

ними помыслами, которые занимали нѣкогда его великую душу, его честное и незлобивое сердце.

Заключеніе юбилея имѣло тотъ же характеръ и тотъ же смыслъ, какъ и его начало. „Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“ устроило 3 декабря въ субботу литературный вечеръ въ честь того, кто сказалъ: „угнетеніе разума производитъ невѣжество, отнимаетъ охоту писать и гаситъ дарованіе ума“, кто совѣтовалъ: „*просвѣтить* людей, чтобы они умѣли наслаждаться и быть довольными во всякомъ состояніи мудраго политическаго общества“.

При многочисленномъ стеченіи публики, какого давно не случалось намъ видѣть, въ присутствіи семейства Карамзина, его дѣтей, Владимира Николаевича и Елизаветы Николаевны (нездоровье княгини Екатерины Николаевны Мещерской воспрепятствовало ей присутствовать), его внуковъ, внучекъ, и другихъ родственниковъ, его питомца князя П. А. Вяземскаго и біографа М. П. Погодина съ приглашенными: г. министромъ народнаго просвѣщенія и его товарищемъ, г. президентомъ Академіи Наукъ,—вечеръ открылся слѣдующимъ чтеніемъ отъ имени общества:

„Академія Наукъ уже высказала почти все, что можетъ напомнить нашему обществу во всѣхъ подробностяхъ обширную дѣятельность Н. М. Карамзина, какъ литератора, публициста и народнаго историка. По достоинству оцѣнены ученыя и общественныя заслуги того, кто, начертавъ намъ судьбы нашего прошлаго, самъ занялъ теперь одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи нашей умственной жизни. Мы, съ своей стороны, можемъ ко всему этому присоединить только то, что имя Карамзина снискало себѣ уваженіе и сохраняетъ его по настоящее время далеко за предѣлами русскаго языка. Маститый нѣмецкій историкъ, Леопольдъ Ранке, увѣдомленный о предстоящемъ юбилеѣ нашего исторіографа, надняхъ писалъ по этому поводу къ одному изъ членовъ нашего комитета, и мы пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы заявить этотъ короткій, но почетный отзывъ иностраннаго авторитета о нашемъ юбилярѣ, съ трудами котораго онъ могъ быть знакомъ только въ нѣмецкомъ переводѣ *):

*) Вотъ слова подлинника:

Karamsin hat ein Verdienst, das ich nicht beurtheilen kann. Er schreibt sehr gut russisch, dem Sinne seiner Nation gemäss, und ist dadurch populär geworden. Seine Popularität hat er aber nicht etwa auf Kosten der gelehrten Forschung er-

„Карамзинъ — такъ пишетъ Леопольдъ Ранке — имѣетъ главнымъ образомъ ту заслугу, которой именно я не въ состояніи оцѣнить. Онъ писалъ превосходно на своемъ языкѣ, доступно для своего народа, и чрезъ то сдѣлался популярнымъ. Но его популярность пріобрѣтена имъ не на счетъ учености въ изслѣдованіяхъ. Я обращался къ его труду съ пользою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которыхъ онъ касается, и живо чувствовалъ отсутствіе его въ тѣхъ эпохахъ, о которыхъ онъ не писалъ; но и въ этомъ я не могу присвоивать себѣ рѣшительнаго сужденія. Радуюсь только тому, что въ народномъ русскомъ писателѣ я нашелъ вмѣстѣ человѣка, который умѣлъ связывать, съ наилучшимъ успѣхомъ, русскую исторію съ всеобщею. Онъ, такимъ образомъ, писалъ не только для своего народа, но и вообще для цѣлаго міра.“

Берлинъ, 22 ноября 1866 г.

„Итакъ, наша ученая корпорація и одинъ изъ самыхъ громкихъ авторитетовъ исторической науки въ западной Европѣ, всѣ согласно засвидѣтельствовали прошедшія великія заслуги нашего именитаго юбиляра и изобразили намъ картину его прошедшей дѣятельности. Нашему обществу литераторовъ и ученыхъ осталось только указать на того Карамзина, который не переставалъ жить и дѣйствуетъ по настоящее время среди насъ и въ насъ самихъ. Современное состояніе нашей литературы и нашей исторической науки

---

worben. Ich habe ihn überall mit Nutzen consultirt, soweit er reicht, und in den Epochen vermisst, über die er nicht geschrieben hat; doch kann ich mir auch hierüber kein entscheidendes Urtheil anmassen. Ich freue mich nur, in dem nationalrussischen Autor zugleich einen Mann zu finden, der die russische Geschichte mit der allgemeinen mit dem besten Erfolg zu verbinden weiss. Er hat also nicht nur für seine Nation, sondern für die Welt überhaupt geschrieben.

Berlin $^{10}/_{22}$ Nov. 1866.

Въ нашей «Педагогической хроникѣ» (см. ниже, отд. IV) читатели найдутъ циркуляръ коммиссіи, назначенной по поводу предстоящаго пятидесятилѣтняго докторскаго юбилея Л. Ранке $^{8}/_{20}$ февраля 1867 г.; получивъ приглашеніе принять участіе въ юбилеѣ чрезъ одного изъ близкихъ учениковъ юбиляра, а именно г. Тёкэ, мы въ свою очередь извѣстили о предстоящемъ у насъ торжествѣ, съ просьбою передать это извѣстіе маститому нѣмецкому историку, и въ надеждѣ, что онъ, быть можетъ, пожелаетъ почтить своимъ словомъ память нашего историографа не безъизвѣстнаго ему. На дняхъ, редакція получила въ отвѣтъ на свое извѣщеніе тѣ строки, которыя мы теперь и помѣщаемъ въ отдѣлѣ юбилея Карамзина, какъ замѣтку нѣмецкаго историка, который съумѣлъ сказать non multum, sed multa. *Ред.*

продолжаетъ то развитіе, которому далъ новое и сильное движеніе Карамзинъ. Мы не можемъ въ эту минуту болѣе почтить его память, какъ признавъ торжественно свои настоящіе успѣхи первыми плодами не далекой отъ насъ дѣятельности Карамзина, и въ этомъ смыслѣ мы говоримъ, что дѣятельность его не прекратилась до сихъ поръ, что Карамзинъ еще живетъ въ нашей средѣ. Всякій современный трудъ и въ наукѣ, и въ литературѣ сдѣлался возможнымъ теперь потому, что сто лѣтъ тому назадъ родился Карамзинъ, съ тѣмъ, чтобы много потрудиться за насъ и для насъ въ началѣ нынѣшняго вѣка.

„Нѣкоторые изъ нашихъ литераторовъ и ученыхъ, приготовившихъ или приготовляющихъ въ эпоху столѣтней годовщины Карамзина обширные труды, выразили готовность доставить Комитету общества отрывки изъ своихъ работъ, посвящая ихъ сегодняшнему вечеру, учрежденному нашимъ обществомъ въ память того, въ комъ мы должны видѣть одного изъ главныхъ виновниковъ дальнѣйшихъ успѣховъ умственной жизни Россіи:

1) *Е. П. Ковалевскій* прочтетъ „Страницы о Карамзинѣ изъ сочиненія только что вышедшаго изъ печати: „Графъ Блудовъ и его время“.

2) *Н. И. Костомаровъ* — „Тушинскій таборъ и король Сигизмундъ“, изъ сочиненія „Смутное время Московскаго государства“, печатаемаго въ декабрьской книгѣ „Вѣстника Европы“.

3) *Гр. А. К. Толстой* — Сцены изъ новой драмы „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“.

4) *Ап. Н. Майковъ* — Драматическую сцену „Странникъ“ изъ поэмы „Жаждущій“.

„Вотъ тѣ отрывки изъ современной литературы и науки, которыя всходятъ или уже взошли сто лѣтъ спустя послѣ рожденія Карамзина, и сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ самъ сѣятель сошелъ со сцены.

„Но Карамзинъ имѣетъ и другую славу! Его біографъ, М. П. Погодинъ, третьяго дня, краснорѣчиво начерталъ образъ Карамзина, какъ гражданина. Нашъ именитый поэтъ, Ѳ. И. Тютчевъ, вдохновился тѣмъ же высокимъ гражданскимъ значеніемъ Карамзина, и его поэтическимъ обращеніемъ къ нашему достославному юбиляру мы имѣемъ честь открыть нашъ литературный вечеръ.

„Вотъ, привѣтъ поэта историку-гражданину:

Великій день Карамзина,
Мы, поминая братской тризной,
Что̀ скажемъ здѣсь, передъ отчизной,
На чтобъ откликнулась она?
Какой хвалой благоговѣйной,
Какимъ сочувствіемъ живымъ
Мы этотъ славный день почтимъ
Народный праздникъ и семейный!
Какой пошлемъ тебѣ привѣтъ,
Тебѣ, нашъ добрый, чистый Геній,
Средь колебаній и сомнѣній,
Многотревожныхъ этихъ лѣтъ!
Мы скажемъ: будь намъ путеводной,
Будь вдохновительной звѣздой,—
Свѣти въ нашъ сумракъ роковой
Духъ цѣломудренно-свободный!
Умѣвшій все совокупить
Въ ненарушимомъ полномъ строѣ,
Все человѣчески благое —
И русскимъ чувствомъ закрѣпить!
Умѣвшій, не сгибая выи
Предъ обаяніемъ вѣнца,
Царю — быть другомъ до конца,
И до конца служить Россіи.

I.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

«Źródło tey sprawy, z którego następuiące płynęli potoki, wprawdzie *tajemne rady* skrycie chowane być maią i nie trzeba odkrywać tego, coby na potym przestrzedz nieprzyjaciela miało *).»

(Рукоп. библіот. Красинск. В. 1. 8).

II.

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ И ВОРЫ**).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Приглашеніе шведовъ. — Прибытіе Делагарди въ Новгородъ. — Пораженіе Кернозицкаго. — Покореніе городковъ. — Упорство Пскова.

Еще въ концѣ 1608 года, Скопинъ заключилъ предварительное условіе съ посланцомъ графа Манфельда, Монсомъ Мар-

*) «Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключается въ *тайныхъ умышленіяхъ*, старательно скрываемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что можетъ на будущее время предостеречь непріятеля». *(Слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ на сеймѣ, 1611 г., по поводу вопросовъ, касавшихся смутнаго времени.)*

**) См. предъидущее въ первой части: «Названый царь Димитрій», помѣщенной въ т. I и II, мартъ и іюнь 1866, и въ двухъ первыхъ главахъ второй части въ т. III, сентябрь 1866.

тинсономъ, по которому нанималъ пять тысячъ шведскаго войска съ платою имъ по 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ. Окончательно договоръ поручалось устроить высланнымъ въ Выборгъ, Семену Васильевичу Головину [1]) и дьяку Сыдавному. Этотъ договоръ и былъ заключенъ 28 февраля, въ Выборгѣ, со шведскими уполномоченными [2]). Шведы обязались поставить на вспоможеніе Московскому государству пять тысячъ войска: три пѣшаго, и двѣ коннаго — которымъ Московское государство будетъ платить жалованье суммою въ тридцать двѣ тысячи рублей русскимъ счетомъ, да сверхъ того дастъ не въ зачетъ пять тысячъ рублей; а шведскій король, сверхъ наемнаго войска, обѣщалъ безденежно прибавить вспомогательнаго войска сколько пожелается, съ тѣмъ, чтобъ и Московскій государь отпустилъ безденежно шведскому королю войска въ случаѣ нужды, когда потребуется. Московское государство уступало Швеціи навсегда свои прежнія притязанія на Ливонію. Шведы дорого продавали свои услуги: они потребовали уступки Корѣлы со всѣмъ уѣздомъ. Скопинъ далъ полномочіе согласиться и на это; настоятельна была нужда въ иноземной помощи: она должна была поднять духъ народа; для спасенія цѣлаго государства можно было пожертвовать пограничнымъ уголкомъ. За то Швеція вступила съ Московскимъ государствомъ въ оборонительный союзъ противъ Польши, такъ что ни та, ни другая сторона не могла мириться одна безъ другой. Для облегченія пути, Скопинъ обязывался давать пѣшимъ ратнымъ людямъ до самой Москвы и обратно подводы, коннымъ, у которыхъ падутъ лошади, доставлять по существующимъ цѣнамъ другихъ лошадей, поставлять запасы и конскіе кормы съ платою по существующимъ цѣнамъ или зачитать въ счетъ жалованья, подвергая опалѣ тѣхъ, которые осмѣлятся брать съ наемныхъ воиновъ лишнее противъ обычной цѣны, и дозволить ходить въ Московскомъ государствѣ въ обращеніи шведской монетѣ. Изъ требуемыхъ впередъ не въ зачетъ пяти тысячъ, четыре тысячи восемьсотъ уплачены въ Выборгѣ.

Прежде, чѣмъ договоръ былъ утвержденъ окончательно, шведское правительство уже выслало обѣщанныя пять тысячъ, да сверхъ того охочихъ десять тысячъ, изъ которыхъ однако не

---

[1]) Брату жены Михайла Скопина-Шуйскаго, Анастасіи Васильевны.

[2]) Провинціальнымъ судьею южной Финляндіи Арвидомъ Антоніемъ Вильдманомъ де Тьюстерби, провинціальнымъ судьею Кареліи и выборгскимъ кастелляномъ Антоніемъ Георгомъ де Хегсгердъ (Högsgärd), военнымъ совѣтникомъ абовскимъ губернаторомъ Отто Мерперомъ (Mörner) и королевскимъ совѣтникомъ Эрикомъ Элофсономъ. Videk. 51.

всѣ пришли къ дѣлу. Хотя Швеція и старалась какъ можно больше взять съ Московскаго государства за свои услуги, но въ самомъ дѣлѣ ей самой необходимо было, для собственнаго спасенія, подать помощь въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; иначе, если бы поляки овладѣли Московскимъ государствомъ, то Сигизмундъ, законный шведскій государь, обратилъ бы соединенныя силы двухъ народовъ для возвращенія короны, похищенной его дядею, принявшимъ королевское достоинство подъ именемъ Карла IX. По причинѣ зимняго пути этому войску необходимо было совершить длинный путь, огибая Ботническій заливъ. Главнымъ предводителемъ его былъ Яковъ Понтусъ Делагарди, сынъ французскаго выходца, реформата, знатнаго происхожденія. Въ молодости онъ началъ военное поприще противъ поляковъ, былъ при осадѣ Вольмара взятъ въ плѣнъ, и пробылъ въ плѣну пять лѣтъ; по освобожденіи служилъ въ Голландіи у Морица Нассау Оранскаго, пріобрѣлъ тамъ славу знатока военнаго искусства, и теперь получилъ начальство надъ вспомогательнымъ войскомъ, отправленнымъ на помощь Московскому государству. Подъ его главнымъ начальствомъ были опытные предводители наемнаго войска: Аксель Куркъ, Христіернъ Зоме, Андрей Бойе, и Эдуардъ Горнъ. Это войско вступило въ русскіе предѣлы 16 марта. На границѣ, его встрѣтилъ высланный впередъ Иванисъ Григорьевичъ Ододуровъ съ тремя стами ратныхъ [1]). Тотчасъ показывалось, какъ ничтожны были собственныя силы, какими тогда могло располагать Московское государство. Воины московскіе, по замѣчанію шведовъ, были такіе, что годились болѣе къ сохѣ, чѣмъ къ войнѣ. Эти ратные принадлежали къ отряду, высланному для взятія Копорья; двѣ тысячи, кромѣ этихъ, стояло подъ этимъ городомъ. Делагарди послалъ свой отрядъ къ тому же Копорью. Но потомъ, какъ увидали, что города нельзя взять посредствомъ однихъ увѣщаній, то оставили намѣреніе брать его вовсе. Между тѣмъ Скопинъ прислалъ просить самого Делагарди идти прямо въ Новгороду.

Счастливѣе раздѣлались съ Орѣшкомъ. Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, услышавъ, что идетъ шведская помощь, убѣжалъ изъ Орѣшка въ тушинскій таборъ къ своему царику. Орѣшекъ призналъ Шуйскаго.

Делагарди съ своимъ войскомъ приближался къ Новгороду. Не доходя города верстъ семьдесятъ, прибылъ къ нему посланецъ князя Скопина-Шуйскаго и просилъ, чтобъ онъ не велъ

[1]) А. А. Э. II, 219.

всего войска въ самый Новгородъ. Делагарди оставилъ войско свое въ Тесовѣ.

Знатныя особы проводили самого предводителя въ Новгородъ; 30 марта онъ туда пріѣхалъ; палили изъ пушекъ и ружей при въѣздѣ дорогого гостя. Скопинъ привѣтствовалъ его въ городѣ. Въ первомъ свиданіи двухъ вождей было много ободрительнаго для окружавшихъ. Оба были молоды: Делагарди было двадцать семь лѣтъ, Скопину еще меньше,—только двадцать три года. Оба уже успѣли прославиться. Отъ ихъ дружнаго согласія можно было надѣяться великихъ дѣлъ. Иноземцы любовались русскимъ вождемъ: при своей молодости, онъ былъ необыкновенно красивъ, статенъ, привѣтливъ; но болѣе всего привлекалъ своимъ умомъ и тою силою души, которая высказывалась во всѣхъ его пріемахъ [1]).

«Его величество король шведскій — сказалъ Делагарди — слышалъ о бѣдствіяхъ московской земли, которую по наученію поляковъ терзаютъ обманщики, называясь членами царственнаго дома, и губятъ землю и народъ. Чтобы не дать успѣвать злу далѣе, его величество король, по просьбѣ вашего государя, послалъ на помощь нѣсколько тысячъ ратныхъ людей, а когда нужно будетъ, пришлетъ еще и болѣе, для освобожденія Московскаго государства отъ страха ложныхъ царей. Король желаетъ, чтобъ вашъ государь и все Московское государство процвѣтали вѣчно, а враги, взявшіе теперь такой верхъ, получили бы достойное наказаніе на страхъ другимъ.»

Скопинъ, по московскому обычаю, поклонился низко, прикоснувшись къ землѣ пальцами, и въ своей рѣчи старался скрыть настоящее зло края и представить дѣла въ лучшемъ видѣ, чтобъ не дать союзникамъ права думать, что отъ нихъ однихъ зависитъ все спасеніе земли русской.

«Благодаримъ и вся земля русская благодаритъ великаго короля Карла—сказалъ Скопинъ—что онъ по христіанскому милосердію оказываетъ намъ помощь. Великій государь нашъ, слава Богу, находится въ благополучіи, и всѣ подданные Московскаго государства ему прямятъ; только какихъ нибудь тысячъ восемь русскихъ бездѣльниковъ, по незнанію, пристало къ четыремъ тысячамъ поляковъ да къ двумъ тысячамъ казаковъ да къ разнымъ разбойникамъ, и они заложили дороги къ Москвѣ, къ Смоленску и Новгороду. Мы доселева противъ нихъ не ходили большою силою, ожидая вашего прихода, потому что они выбѣгаютъ, пустошатъ земли и тотчасъ же прячутся за валы въ

[1]) Vidск. 62.

остроги; да и городскіе жители имъ не вѣрятъ. Мы же здѣсь уже тридцать семь недѣль стоимъ: Новгородскую землю пустошили тысячи двѣ литовскихъ людей да тысячи четыре московской земли воровъ, и нашихъ городскихъ людей побито сотни четыре; но только услышали воры, что вы приходите, тотчасъ и убѣжали отъ Новгорода: одни въ воровской тушинскій обозъ, а другіе въ Старую Русу. Мы просимъ, чтобы ты своихъ людей прямо изъ Тесова велъ на Старую Русу. Какъ только слухъ разойдется по московской землѣ, что вы пришли, такъ многіе, что теперь отложились, принесутъ прежнюю покорность.»

Делагарди сказалъ ему, что прежде надобно утвердить договоръ, заключенный въ Выборгѣ, заплатить жалованье войску, дать ему отдыхъ послѣ долгого пути [1]).

Тогда Скопинъ подтвердилъ и 4 апрѣля скрѣпилъ своею подписью выборгскій договоръ и далъ грамату на отдачу Швеціи Корѣлы съ уѣздомъ черезъ два мѣсяца послѣ вступленія шведовъ во владѣнія Московскаго государства [2]). Скопинъ взялъ на себя важное обязательство, отдать въ чужія руки часть русской земли; а это, при тогдашней слабости царя, не могло бы, казалось, совершиться иначе, какъ съ согласія земскаго собора. Стѣсненныя обстоятельства не дозволяли медлить. Скопинъ выдалъ шведскому предводителю остальные двѣсти рублей въ счетъ пяти тысячъ рублей деньгами, которыя слѣдовали не въ зачетъ; сверхъ того три тысячи жалованья уплатилъ собольими мѣхами: звонкой монеты недоставало. Все это не составляло и пятой части мѣсячнаго жалованья: платить было нечѣмъ. Скопинъ успокоивалъ союзниковъ обѣщаніями, а между тѣмъ, посылалъ граматы въ русскіе города и земли, умолялъ скорѣе собирать деньги на жалованье и присылать, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, чтобы ратные люди изъ городовъ собирались и приходили на соединенье съ нимъ, чтобы всѣмъ за одно идти противъ враговъ. Такія граматы разосланы въ сѣверные города, менѣе другихъ разоренные и потому болѣе способные помочь общему земскому дѣлу: въ Вологду, въ Сольвычегодскъ, въ Устюгъ [3]), а отсюда уже мѣстныя земскія власти посылали въ пермскую землю [4]). Получивши грамату и деньги, Делагарди уѣхалъ къ своему войску. Скопинъ провожалъ его съ честію за ворота Великаго Новгорода. Вмѣстѣ съ Делагарди поѣхали Головинъ

---

[1]) Videk. 64.
[2]) А. И. II, 220.
[3]) А. Э. II, 218.
[4]) А. Э. II, 219.

и дьякъ Сыдавный съ ратною силою, состоявшею изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, и казаковъ, сидѣвшихъ въ осадѣ въ Новгородѣ.

Ставши снова въ Тесовѣ, Делагарди распросилъ о положеніи дѣлъ и нашелъ, что походъ на Старую Русу, гдѣ стоялъ Кернозицкій, затруднителенъ: тогда былъ разливъ, нужно было переходить черезъ три рѣки. Удобнымъ и полезнымъ оказалось, пока совсѣмъ установится путь, заняться покореніемъ отпавшихъ городовъ: Ямы, Копорья, Пскова; а тѣмъ временемъ подойдетъ охочее войско изъ Швеціи. Но Головинъ и Сыдавный по наказу Скопина, напротивъ, приглашали идти скорѣе на главныя силы. Самое дѣло состояло въ томъ, чтобъ освободить Москву и уничтожить Тушинскаго вора. Скопинъ разсчитывалъ, что когда въ Москвѣ и подъ Москвою дѣла поправятся въ пользу Шуйскаго, то города русской земли покорятся сами собой. Уже одна вѣсть о пришествіи шведской силы, казалось, располагала ихъ къ этому: русскіе указывали шведамъ на Ярославль, о которомъ тогда пришла утѣшительная вѣсть, что онъ отложился отъ вора, какъ только услышалъ о приходѣ шведовъ. Если же заботиться о городахъ по одиночкѣ, то можетъ быть, что съ потерею крови и силъ хоть и удастся возвратить къ повиновенію одинъ-другой городъ, но тѣ же самые города тотчасъ отпадутъ, какъ скоро отойдетъ отъ нихъ войско. Только Псковъ представлялъ тогда особенную важность. Скопинъ соглашался послать туда отрядъ вмѣстѣ съ шведскимъ; брать же другіе мелкіе сосѣдніе города Скопинъ никакъ не рѣшался, а убѣждалъ Делагарди скорѣе отправить свои силы по прямому пути на Кернозицкаго, къ Старой Русѣ. По этому настоянію Делагарди отправилъ туда [1]) передовой отрядъ въ 200 человѣкъ конницы и 400 пѣхоты подъ начальствомъ Эдуарда Горна.

Къ нимъ присоединилъ Скопинъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ подъ начальствомъ Головина и Ѳедора Чулкова [2]); всего по извѣстію, сообщаемому Скопинымъ, было до четырехъ тысячъ. Скопинъ готовился идти за ними вслѣдъ съ самимъ Делагарди, а имъ велѣлъ выгнать Кернозицкаго и отправлять по возможности подъѣзды къ сосѣднимъ городкамъ для приведенія ихъ на государево имя — къ Пустой-Ржевѣ, Лукамъ, Торопцу; самимъ же, прогнавши Кернозицкаго, слѣдовать по направленію къ Тушину и ожидать остального войска съ предводителями. Кернозицкій выслалъ подъѣздъ изъ 300 человѣкъ про-

[1]) А. Э. II, 219.
[2]) А. А. Э. II, 226.

вѣдать, что дѣлается. Этотъ подъѣздъ наткнулся на передовой отрядъ: его разбили въ пухъ, и набрали много плѣнныхъ. Только шесть человѣкъ успѣло убѣжать.

Делагарди услышалъ объ этомъ и послалъ къ Горну еще свѣжихъ силъ, по извѣстію шведскаго историка 470 конныхъ и 200 пѣшихъ [1]), а по русскимъ извѣстіямъ у него было 1800 человѣкъ [2]).

Кернозицкій какъ провѣдалъ, что на него идетъ значительная сила, сжегъ Старую Русу и поспѣшно удалился. Русско-шведское войско нагнало Кернозицкаго 5 мая подъ селомъ Каменкою. Здѣсь шайка Кернозицкаго была разбита на голову; взяли побѣдители пять мѣдныхъ и пять желѣзныхъ пушекъ, десять бочекъ пороху, лошадей и много плѣнниковъ, и въ томъ числѣ толпу женщинъ, которыхъ отдали тѣмъ, кому слѣдовало отдать [3]). Шведскій историкъ говоритъ, что шестьсотъ тѣлъ литовскихъ и казацкихъ валялось по полю, кромѣ тѣхъ, которые погибли въ болотахъ, куда бѣжали. Разбитый Кернозицкій убѣжалъ въ Тушино и принесъ грозную вѣсть о томъ, что съ сѣвера идетъ сильное войско. Изъ Тушина отправили для защиты пути Зборовскаго съ литовскими людьми, казаками и русскими приверженцами вора.

Скопинъ не ошибся въ разсчетахъ, потому что зналъ положеніе русской земли. Какъ только разнесся слухъ о пораженіи тушинскаго войска, отправленнаго для удержанія новгородской земли, города, до сихъ поръ признававшіе вора, стали одинъ за другимъ приносить повинную и отдаваться царю Василію. Чулковъ съ Горномъ дошелъ до Торопца, и торопчане, дворяне, дѣти боярскіе и посадскіе всякіе люди цѣловали крестъ Василію [4]). Чулковъ остался въ этомъ городѣ. За Торопцемъ сдались Невель, Холмъ, Великія Луки, Ржева. Туда послали подъѣзды привести ихъ къ послушанію царю.

Въ Порховѣ сидѣлъ въ осадѣ стѣсненный воровскою шайкою воевода князь Иванъ Мещерскій. Чулковъ, по приказанію Скопина, отправилъ туда Лазаря Осинина съ отрядомъ дворянъ и дѣтей боярскихъ новгородской земли, и псковскихъ бѣглецовъ того же званія, да Тимофея Шарова съ казаками. 8 мая, они разогнали шайку, осаждавшую Порховъ, освободили Мещерскаго, и вмѣстѣ съ нимъ и съ сидѣвшими въ осадѣ ратными людьми, двинулись

---

[1]) Videk. 68.
[2]) А. Э. II, 226.
[3]) Videk. 69.
[4]) Никон. 118. А. И. II. 274.

на Псковъ. Делагарди отправилъ имъ на помощь еще отрядъ, подъ начальствомъ Зоме [1]). Какой-то выходецъ, псковской посадскій человѣкъ, увѣрилъ Скопина, что Псковъ немедленно передастся [2]). Но не такъ легко было умирить тамъ враждебныя партіи. 18 мая, подошли подъ городъ посланные ратные люди въ такое время, когда городу казалось трудно было устоять: 15 мая онъ потерпѣлъ сильный пожаръ. Загорѣлось на Полонищѣ; выгорѣлъ почти весь городъ и вспыхнулъ порохъ, хранившійся въ стѣнахъ; сдѣлались взломы въ стѣнахъ. Лучшіе люди, бояре, дворяне и дѣти боярскіе и духовенство, знали, что изъ Новгорода идутъ къ нимъ ратные, и хотѣли принести повинную царю Василію; но мелкіе люди, стрѣльцы и казаки, а также поселяне стояли за пепелище Пскова. Имъ столько натрубили о милостяхъ царя Димитрія, что они ожидали большихъ благъ для нихъ въ отдаленіи: все еще не терялъ своего обаятельнаго значенія этотъ царь простыхъ и мелкихъ людей на Руси. Они засадили въ палаты женъ тѣхъ бояръ, что ушли прежде изъ Пскова, а теперь приходили съ Мещерскимъ, Осининымъ и Шаровымъ; они переписали имущество всѣхъ вообще лучшихъ людей, взяли у бояръ насильно лошадей и роздали стрѣльцамъ — воевать на нихъ противъ войска, если оно прійдетъ. Одинъ языкъ пришелъ во Псковъ извѣстить, что Скопиново войско недалеко и уже разгромило отправленную изъ Пскова сторожу. Бояре не допустили этому языку разгласить такую вѣсть между мелкими людьми, воспользовались наступленіемъ дня, когда принесутъ изъ Печерскаго монастыря икону Богородицы, и весь Псковъ по обычаю пойдетъ за городъ встрѣчать ее. Дѣйствительно, въ назначенный день псковичи вышли изъ своего сожженнаго города за Великую рѣку встрѣчать икону; какъ вдругъ позади ихъ со стѣнъ раздались пушечные выстрѣлы. Это стрѣляли казаки — атаманъ Евфимій Корсаковъ по новгородскому войску и по шведскому отряду, которые торопились войти въ Великіе Ворота, нарочно оставленные растворенными по замыслу «лучшихъ» людей. «Еслибъ не казаки, — говоритъ лѣтописецъ [3]) — то никто и не услыхалъ бы, какъ во Псковъ вошли нѣмцы». Но сдѣланный выстрѣлъ заставилъ народъ побѣжать назадъ въ городъ. Ворота поспѣшно заперли, усилили выстрѣлы со стѣнъ и остановили входъ. Тогда мелкіе люди, разсвирѣпѣвъ, выбрали себѣ головою мужика, по имени Тимоѳея, прозвище ему было Кудѣкуша-Трепецъ. Ему дали

[1]) Videk. 71.
[2]) А. А. Э. II, 227.
[3]) Пск. 326.

полную власть творить расправу. Простые люди сходились на вѣче у Смердьихъ воротъ по звону въ одинъ конецъ колокола. Тамъ, по приказанію своего диктатора, они мучили, жгли, кости ломали боярамъ, священникамъ и вообще «лучшимъ» людямъ, которыхъ подозрѣвали въ наклонности сдать Псковъ [1]). Войско стало на Любатовѣ и опустошало окрестныя нивы. Но когда дошла вѣсть до Скопина, что Псковъ не сдается, то онъ разсудилъ, что не годится тратить время и людей, и приказалъ Мещерскому и его товарищамъ отойти оттуда и соединиться съ главнымъ войскомъ.

II.

Походъ русскихъ и шведовъ. — Неудача тушинцевъ подъ Москвою. — Дѣла подъ Торжкомъ и Тверью. — Волненія въ наемномъ войскѣ.

10 мая, выступилъ Скопинъ изъ Новгорода, и шелъ медленно, во первыхъ потому, что къ нему слѣдовали на соединеніе разосланные отряды, во вторыхъ потому, что дожидался, пока прибудетъ къ нему Делагарди. Шведскій вождь вышелъ со всѣмъ своимъ войскомъ изъ Тесова въ тотъ же день, десятаго мая. Изъ Торжка, 16 мая, прислали всѣ сословія, духовные и свѣтскіе, къ Скопину повинную съ выборными посадскими людьми и просили прощенія. Скопинъ отправилъ отрядъ подъ начальствомъ Кирилла Чоглокова занять Торжекъ и удерживать этотъ городъ съ его уѣздомъ до своего прибытія. Чоглоковъ сталъ въ Торжкѣ. За Торжкомъ, Ржева-Володимерова, Старица, Осташково сдались и прислали повинныя; потомъ дворяне, дѣти боярскіе и посадскіе люди изъ Твери, Зубцова и Клина прислали ударить челомъ царю Василію Ивановичу [2]).

Шведы все еще полагали, что будетъ хорошо, если они станутъ покорять городъ за городомъ. Можетъ быть, тутъ были у нихъ своекорыстные виды, чтобъ продлить время и заслужить болѣе жалованья; а можетъ быть при этомъ Делагарди уже соображалъ, что если его войско прослужитъ такъ много времени, что московскому царю невозможно будетъ выплатить всего жалованья, то онъ будетъ вправѣ захватить сѣверныя области и теперь уже приговлялъ себѣ путь къ этому захвату. Но Скопинъ убѣждалъ его черезъ своихъ посланцевъ поспѣшить съ нимъ на соединеніе, чтобы взаимными силами освободить Москву отъ

[1]) Пск. 326.
[2]) А. Э. II, 225.

осады, уничтожить враждебныя царю Василію въ столицѣ партіи, и побѣдою надъ тушинскимъ лагеремъ расположить къ отступленію отъ царика еще покорные ему края. Дожидаясь отвѣта отъ короля на свое донесеніе, Делагарди шелъ медленно, и сошелся со Скопинымъ 6 іюня [1]).

Въ тушинскій лагерь вѣсть о томъ, что Швеція прислала царю Василію помощь, доставилъ Сапѣга въ началѣ мая, перехвативши письма Скопина, которыя были посланы къ царю Василію съ восемью гонцами. Тогда и въ Тушинѣ и подъ Троицею принялись собирать загоны, которые разошлись по государству, приказали, чтобы рыцарство собрало своихъ пахолковъ, бродившихъ тамъ и сямъ, призывали изъ городовъ приставовъ, вообще велѣли войску быть въ сборѣ, и рѣшились послать на встрѣчу идущему непріятелю отрядъ, состоящій изъ поляковъ, казаковъ и русскихъ. Между тѣмъ, прежде чѣмъ успѣетъ придти Скопинъ на освобожденіе Москвы, еще разъ попытались взять ее. Іюня 5, вывели изъ обоза часть войска пѣшаго и коннаго и хотѣли переправлять черезъ узкую и крутобережную рѣчку Ходынку. На другой сторонѣ ея стояла уже московская рать, готовая встрѣтить непріятеля. Это была конница, а ее прикрывали сзади гуляй-городки на колесахъ съ пушками. Поляки не увидали гуляй-городковъ. Ихъ четыре хоругви переправились черезъ рѣку и ударили на московскую конную рать. Конница разступилась, а вслѣдъ за тѣмъ изъ гуляй-городковъ сдѣлали выстрѣлъ. Поляки увлеклись тѣмъ, что сбили конницу, бросились было и на гуляй-городки, стали отнимать у москвичей орудія и лошадей; но московская конница очутилась у нихъ по бокамъ и стала нападать на нихъ. Смущенные такимъ нежданнымъ оборотомъ, поляки и казаки разбѣжались. Москвичи погнались за ними, вогнали ихъ въ Ходынку, побили, взяли въ плѣнъ 197 человѣкъ. Поляки потеряли всю свою пѣхоту, которой насчитываетъ бывшій тогда въ битвѣ до 400 человѣкъ; перебили у нихъ много челяди и лошадей. «Богъ насъ такъ покаралъ (говоритъ Мархоцкій, предводительствовавшій въ этомъ несчастномъ дѣлѣ гусарскою хоругвіею), что еслибъ Заруцкій съ нѣсколькими сотнями донцовъ не подоспѣлъ къ намъ на помощь и не далъ москвичамъ отпора выстрѣлами, то москвичи ворвались бы въ нашъ обозъ [2])».

Эта побѣда произвела радость въ Москвѣ. Царь надѣялся, что теперь уже проучили поляковъ и расположили ихъ къ уступ-

---

[1]) Videk. 71.

[2]) Мархоц. 52. А. Э. II, 238.

камъ. Онъ сталъ обращаться съ польскими плѣнными очень ласково и человѣколюбиво, приказалъ ихъ хорошо содержать: тѣмъ, которыхъ промѣняли на московскихъ плѣнниковъ и отпускали къ своимъ, давалъ въ подарокъ платья, а оставшимся въ плѣну позволилъ отправить одного изъ своей среды съ предложеніемъ къ своимъ товарищамъ-полякамъ покинуть самозванца и помириться. Съ недавнею побѣдою москвичей соединилась еще надежда на прибытіе шведскихъ вспомогательныхъ силъ. Все, такимъ образомъ, должно было склонять поляковъ къ уступкамъ. Но попытка царя Василія не удалась. Напрасно плѣнникъ передавалъ имъ угрозы царя, что, въ случаѣ отказа, плѣннымъ будетъ худо. «Намъ жаль нашихъ братій — сказали на это — но мы не отстанемъ отъ нашего предпріятія». Посланцу, по имени Пачановскому, предложили или оставаться въ обозѣ, или воротиться въ плѣнъ. Онъ предпочелъ послѣднее, чтобы не подвергнуть товарищей преслѣдованіямъ. Москвичи оцѣнили это великодушіе и держали его въ плѣну съ большимъ уваженіемъ.

Михайло Скопинъ-Шуйскій стоялъ въ Крестецкомъ Ямѣ, и тамъ получилъ изъ Торжка отъ Чоглокова донесеніе, что на Торжокъ наступаетъ Зборовскій и съ нимъ князь Шаховской съ русскими ворами. Было ихъ три тысячи, двѣ тысячи литовскихъ людей и тысяча русскихъ [1]). На дорогѣ они напали на городъ Старицу, который только-что отложился отъ Тушинскаго царика. Ратныхъ было тамъ мало, и не могли они устоять противъ воровскаго войска. Осадные люди, убѣжавши въ городъ, заперлись въ церквахъ. Поляки не пощадили никого: перебили даже и малолѣтнихъ; хотѣли они навести страхъ и показать, что̀ будетъ со всѣми кто отпадетъ. Самый городъ Старицу сожгли до тла. Изъ Старицы Зборовскій и Шаховской пришли къ Торжку [2]). Скопинъ отрядилъ туда Головина, а Делагарди Эдуарда Горна съ 800 конныхъ и 200 пѣшихъ. По извѣстію шведскаго историка, всѣхъ съ москвичами было двѣ тысячи человѣкъ [3]). Эта рать подошла къ Торжку, гдѣ едва держался Чоглоковъ. Зборовскій и Шаховской вступили въ битву. Исходъ этой битвы описывается разно. Поляки говорятъ, будто Зборовскій такъ поразилъ шведовъ, что ихъ легло шестьсотъ, досталъ плѣнниковъ, и, узнавши отъ нихъ, что за отрядомъ Горна слѣдуетъ большое войско, самъ ушелъ въ Тверь [4]). Шведскій исто-

---

[1]) Videk. 73. — Petr. 222. — Piasecki, 262.

[2]) Филар. 19.

[3]) Videk. 73.

[4]) Мархоц. 49. — Piasecki, 262.

рикъ, напротивъ, говоритъ, что шведы и московскіе люди разбили Зборовскаго и Шаховскаго, убили у нихъ сто человѣкъ, а остальныхъ обратили въ бѣгство, да еще рѣдкій убѣжалъ безъ ранъ, а сами шведы потеряли пятнадцать человѣкъ [1]). По русскимъ извѣстіямъ, бой былъ кровопролитный, и съ обѣихъ сторонъ пало много людей; литовскіе люди наступали на нѣмецкихъ (на шведовъ) тремя разами: двѣ роты были разбиты, а третья прорвалась сквозь шведскіе и русскіе полки; однако изъ города сдѣлали вылазку и прогнали ее.

Но Зборовскій ушелъ къ Твери, вѣроятно разсчитавши, что если онъ предприметъ осаду Торжка, то подойдетъ большое войско со Скопинымъ и Делагарди [2]), и онъ съ ними не сладитъ. Зборовскій, отходя къ Твери, отправилъ гонца въ Тушино просить подкрѣпленія.

Дѣйствительно, Скопинъ и Делагарди спѣшили застать въ Торжкѣ Зборовскаго. Не заставши его, они остановились въ Торжкѣ. Тутъ силы ихъ увеличились новыми ратными людьми: ихъ привели къ нимъ изъ Смоленской земли воеводы князь Яковъ Барятинскій и Семенъ Ододуровъ. Эти воеводы, вышедши изъ Смоленска со Смоленскою ратью, взяли Дорогобужъ, 2 іюня разбили отрядъ польско-литовско-казацкій подъ начальствомъ Чижа и Запорскаго, 3 іюня разгромили другую враждебную шайку, взяли Вязьму [3]), потомъ взяли Бѣлую и пришли въ Торжокъ съ тремя тысячами человѣкъ. Послѣ такого подкрѣпленія союзники выступили изъ Торжка къ Твери, и на дорогѣ явился посланецъ отъ Зборовскаго съ письмомъ отъ этого пана къ Делагарди. Онъ покушался отвлечь шведскаго военачальника отъ союза съ Шуйскимъ, извѣщалъ, что поляки защищаютъ дѣло правое, стоятъ за законнаго государя московскаго Димитрія противъ похитителя, и убѣждалъ Делагарди со своими шведами перейти на сторону Димитрія, увѣряя, что шведы обмануты людьми лживыми и злыми. Делагарди отправилъ къ нему отвѣтъ такого содержанія: «Я пришелъ сюда въ Московское государство рѣшать не словами, а оружіемъ, вопросъ: кто справедливъ — поляки или московитяне. Мое дѣло служить своему королю, устроивать воинскіе ряды, мечемъ рубить и изъ ружья стрѣлять. Впрочемъ, вы, служащіе тому Димитрію, за котораго вышла Марина, вдова прежняго Димитрія, не слыхали развѣ, что ваши соотечественники поляки отняли у шведовъ Пернову?» — Онъ прибавилъ въ

[1]) Videk. 73.
[2]) Филар. 20.
[3]) А. И. II, 274.

письмѣ своемъ нѣсколько язвительныхъ намековъ на счетъ Димитрія и послалъ это письмо уже не съ тѣмъ, кто его принесъ. Послѣдняго посадили на колъ за то, что онъ, пользуясь приходомъ своимъ, сталъ возмущать наемныхъ солдатъ [1]).

Зборовскій, получивъ этотъ отвѣтъ, не сталъ дожидаться враговъ и рѣшился выйти имъ на встрѣчу. Завидѣли ихъ поляки со стѣнъ тверскаго острога; вышло пестрое войско Зборовскаго, состоявшее изъ поляковъ, казаковъ и московскихъ людей, въ панцыряхъ; впереди были копѣйщики, вооруженные короткими копьями. Делагарди двинулъ наемниковъ. На правомъ крылѣ были финны, на лѣвомъ конные французы и шведскіе и нѣмецкіе пѣхотинцы. Позади ихъ стояло русское и шведское войско. Вдругъ сдѣлалась гроза, пошелъ проливной дождь; отсырѣлъ порохъ въ пушкахъ и ружьяхъ. Пользуясь этимъ, конные копѣйщики, бросились отнимать пушки, которыя не могли уже давать отпора выстрѣлами. Французскіе конники оторопѣли, пустились бѣжать и наперли на московскихъ людей; и тѣ смѣшались и побѣжали и наперли на шведовъ; потомъ и шведы и финны пришли въ безпорядокъ. Многіе изъ финновъ и нѣмцевъ бросились грабить имущество въ обозѣ шведовъ, когда послѣдніе стали-было удерживать непріятеля. Тогда и шведы, увидя что ихъ грабятъ, обратились назадъ въ обозъ. Делагарди напрасно старался удержать финновъ. У нихъ отняли знамена; много ихъ легло подъ непріятельскими ударами. Самъ Делагарди получилъ тогда три раны. Шведскій историкъ говоритъ, что изъ тѣхъ, которые побѣжали, больше было побитыхъ, чѣмъ изъ тѣхъ, которые оставались на мѣстѣ и храбро рѣшились отражать непріятеля: они остались цѣлы, потому что непріятель пустился бить трусовъ и не трогалъ храбрыхъ. Сраженіе прекратилось. Дождь лилъ цѣлый день. Побѣдители вошли въ Тверь. На другой день была такая же дождливая погода. Ни тѣ, ни другіе не выходили начинать сраженіе. Скопинъ вѣроятно, разсчиталъ, что поляки, послѣ перваго успѣха, станутъ самонадѣянны, и тутъ то ихъ можно будетъ разбить. На третій день — это было 13 іюля — за часъ до разсвѣта, когда поляки не ожидали, чтобъ союзники затѣяли приступъ, и воображали, что пораженные недавно не сунутся снова на пораженіе, — тутъ то русскіе и шведы напали на острогъ. Поляки выскочили въ переполохѣ изъ острога, но ихъ тотчасъ вогнали туда же, ворвались за ними по слѣдамъ въ острогъ, били ихъ на-повалъ, отняли у нихъ знамена, пушки, барабаны. Зборовскій и Кернозицкій ушли по дорогѣ въ Волоколамскій монастырь.

[1]) Videk. 75. 81.

Союзники преслѣдовали разбитыхъ и бѣгущихъ враговъ на сорока верстахъ. Часть поляковъ засѣла въ тверскомъ кремлѣ. Здѣсь показалъ Михайло Скопинъ-Шуйскій свой истинный военный талантъ. На слѣдующую ночь Делагарди повелъ свое войско на приступъ. Засѣвшіе въ Твери отбивались стойко, и огненныя ядра наносили вредъ осаждающимъ. Шведамъ хотѣлось во что бы то ни стало взять Тверь. Но московскіе люди, ударившись за бѣгущими врагами въ погоню, почти имъ не содѣйствовали. Быть можетъ, у шведовъ было желаніе ограбить Тверь и вознаградить себя за тѣ похищенія, какія во время похода у нихъ дѣлали союзные москвичи и иноземцы ихъ войска.

Скопинъ настаивалъ идти далѣе съ обыкновеннымъ своимъ невниманіемъ къ маленькимъ городкамъ по дорогѣ: онъ считалъ важнѣе всего достигнуть какъ можно скорѣе столицы и освободить ее отъ осады. Делагарди согласился съ нимъ и оставилъ осаду Твери. Соединенное войско двинулось далѣе. Но едва сдѣлало оно переходъ въ нѣсколько верстъ, какъ въ наемномъ войскѣ Делагарди поднялось возмущеніе. Оно началось сначала въ финскихъ конныхъ и пѣшихъ ротахъ. Финны говорили: «Мы не знали, что насъ поведутъ въ глубину Московскаго государства. Не хотимъ идти на убой въ чужую землю! Намъ обѣщали отъ короля жалованье, и не даютъ. Дома у себя мы оставили женъ и достояніе; кто знаетъ, что теперь съ ними: начальство наше, какъ разбойники, обижаетъ ихъ. Да и какъ намъ идти за московитянъ, когда московитянамъ ни въ чемъ вѣрить нельзя: мы за нихъ сражаемся, а они крадутъ и расхищаютъ наши пожитки въ лагерѣ!» Ропотъ перенесли къ другимъ отдѣламъ войска: къ французамъ, нѣмцамъ и наконецъ шведамъ. Всѣ стали требовать, чтобъ Делагарди велъ ихъ назадъ и оставилъ дѣло Шуйскаго. Ближайшіе офицеры не могли сладить съ солдатами; послѣдніе схватили знамена и поворотили назадъ. Делагарди сначала думалъ-было, что еще найдется довольно такихъ, что останутся съ нимъ и пойдутъ вмѣстѣ съ московскими людьми къ Москвѣ; онъ хотѣлъ покинуть на произволъ судьбы тѣхъ, которые бунтовали. «Попробуютъ—говорилъ онъ—идти по разоренной странѣ безъ вождя. Сами покаются и воротятся». Онъ приказалъ не обращать вниманія на крики, а слѣдовать по предпринятому пути. Но тотчасъ увидѣлъ онъ, что волненіе охватило почти все его войско. Тогда Делагарди послалъ уговаривать мятежныхъ солдатъ трехъ начальниковъ—Бойе, Горна и Зоме, который тогда воротился изъ-подъ Пскова. Они приманивали солдатъ обѣщаніями, и стращали, и стыдили,—ничто не помогло. «Посудите сами—говорили начальники—что же подумаютъ о насъ столько

московскихъ городовъ и людей, когда увидятъ, что мы пришли сюда будто союзники, а въ самомъ дѣлѣ не на помощь, лишь на разореніе московской землѣ?» — «Намъ не платятъ денегъ! — кричали солдаты. За что же мы будемъ драться? Мы уже видимъ, что за обманщики, вѣроломцы и трусы этотъ народъ московитяне; на нихъ нельзя ни въ чемъ положиться. Когда Делагарди заведетъ насъ въ ихъ землю такъ, что уже трудно будетъ намъ идти назадъ, то тѣ изъ московскихъ людей, что теперь идутъ съ нами, перейдутъ въ непріятельскій обозъ».

Когда посланные офицеры ничего не сдѣлали, самъ Делагарди выѣхалъ къ войску и уже не ограничился увѣщаніями и обѣщаніями, а самъ выхватывалъ изъ рукъ мятежниковъ знамена и отдавалъ ихъ послушнымъ; наконецъ, обнажилъ мечъ, приказалъ тоже сдѣлать всѣмъ начальникамъ и грозилъ смертною казнію за непослушаніе. Эта смѣлая выходка утишила нѣсколько волненіе. Дѣло солдатъ не было неправымъ — имъ не платили обѣщаннаго жалованья. Самъ Делагарди долженъ былъ разсудить и согласиться, что нельзя же насильно вести воиновъ на смерть за чужое государство, которое не исполняетъ условій, на которыхъ приглашено было иноземное войско. Притомъ же онъ разсчелъ, что будетъ еще хуже, коли онъ теперь поведетъ ихъ, кое-какъ уговоривши и прельстивши обѣщаніями, а они потомъ опять взбунтуются. Онъ рѣшился не возвращаться въ отечество, чего желали особенно мятежные финны, но не слѣдовать и за Скопинымъ, а стать подъ Тверью и требовать отъ московскаго правительства уплаты жалованья и отдачи Корелы по условію. Послѣднее предъявлено было преимущественно для того, чтобы подать своему отступленію видъ, будто оно сдѣлано не ради одного угожденія войску. Делагарди хотѣлъ оффиціально скрыть отъ московскихъ людей, что его не слушаются подчиненные, и показывалъ видъ будто онъ самъ не хочетъ идти къ Москвѣ, потому что Москва не исполняетъ условій. Онъ расположился лагеремъ подъ Тверью [1]). Но одинъ изъ шведскихъ военачальниковъ, Христіернъ Зоме, съ отрядомъ въ 250 человѣкъ конницы и 720 пѣхоты [2]) пошелъ къ Колязину и соединился со Скопинымъ. Тамъ заключенъ былъ особый договоръ, по которому Зоме обязался служить русскому царю вмѣстѣ съ войсками царскими. Это было важно: по крайней мѣрѣ потому, что какъ для русскихъ, такъ и для враговъ не могло казаться, что между Скопинымъ и Делагарди сдѣлалась совершенная размолвка. Дела-

[1]) Videk. 81—88.
[2]) Ibid. 96.

гарди отправилъ пословъ къ своему королю за совѣтомъ и съ просьбою надѣлить скорѣе жалованьемъ войска, и къ царю Шуйскому Жака Бурьена и Іоганна Франциска съ изложеніемъ требованія объ уплатѣ жалованья, а къ Скопину онъ послалъ въ тоже время своего секретаря Олафсона для установленія съ нимъ согласія. Делагарди не отказывался въ письмѣ своемъ идти далѣе, и показывалъ видъ, будто остановился подъ Тверью только для того, чтобы дать отдыхъ послѣ упорныхъ битвъ съ поляками; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сваливалъ на своихъ подчиненныхъ, что они ропщутъ за неплатежъ жалованья, и просилъ царя поскорѣе послать къ Скопину слѣдуемыя деньги [1]). Между тѣмъ наемное войско бунтовало, не хотѣло стоять подъ Тверью и вести осаду, настаивало на возвращеніе въ отечество. Делагарди долженъ былъ снова уступить имъ и обратился по дорогѣ къ Новгороду, но шелъ медленно, дожидаясь, что дѣла поправятся, и сталъ подъ Торжкомъ. Шведскіе солдаты обращались съ русскими поселянами нелучше поляковъ и воровъ; не только хижины и имущества, но жены и дочери бѣдныхъ крестьянъ были въ распоряженіи солдатскаго произвола [2]).

III.

Дѣла подъ Москвою и подъ Троицею. — Побѣда Скопина подъ Колязинымъ. — Средства удовлетворенія войска.

Дѣла тушинскаго царика шли межъ тѣмъ все хуже и хуже. Іюня 25, сдѣлали вновь нападеніе на Ходынку, и снова москвичи разогнали тушинцевъ, овладѣли знаменами и барабанами, нарядомъ, взяли въ плѣнъ до двухъсотъ литовскихъ людей и русскихъ воровъ. Много тушинцевъ потонуло въ Москвѣ-рѣкѣ, куда загнали ихъ бѣгущихъ побѣдители [3]). На другой сторонѣ Москвы подъ Коломною тоже проигралось ихъ дѣло. Прокопій Ляпуновъ очистилъ рязанскіе города: Переяславль, Пронскъ отъ воровскихъ шаекъ, подступилъ подъ Коломну — и былъ отбитъ Млоцкимъ. Но это не слишкомъ помогло послѣднему. Млоцкій услышалъ, что съ одной стороны идутъ шведы, а съ другой, какъ носились слухи, наступили Крымскія орды, приглашенныя царемъ Василіемъ, и онъ 17 іюля оставилъ Коломну и перешелъ

[1]) Ист. смут. врем. 109.
[2]) Breret. 37.
[3]) А. Э. II, 238.

въ Серпуховъ. Воевода, сидѣвшій въ Коломнѣ, Василій Ѳедоровичъ Мосальскій сдѣлалъ вылазку и разбилъ запоздавшихъ [1]).

Не было воровскому дѣлу удачи и подъ Троицею. Вылазки изъ монастыря стали рѣже; къ ручной оборонѣ мало оставалось годныхъ; народъ умиралъ отъ цынги, но поддаваться не думали. Если кто только захочетъ сдаться, то его тотчасъ убьютъ, говорилъ одинъ перебѣжчикъ. Была попытка зажечь лагерь Лисовскаго; это взялъ-было на себя одинъ монахъ. Онъ пошелъ туда и прикинулся, будто пришелъ изъ Москвы служить царю Димитрію, но не съумѣлъ обмануть никого. Узнали его замыселъ и казнили его. Но оставшись цѣлымъ, станъ Лисовскаго все-таки не могъ ничего сдѣлать монастырю. Люди Сапѣги перехватывали гонцевъ, которыхъ посылалъ Шуйскій къ Скопину и въ восточные и сѣверные города. Это была тогда важнѣйшая услуга называвшему себя царемъ Димитріемъ. Зборовскій послѣ пораженія подъ Тверью прибѣжалъ къ Сапѣгѣ. Положили употребить всѣ силы и во что бы то ни стало взять монастырь прежде, чѣмъ придется отражать шведовъ. Зборовскій, не извѣдавши лично, что значатъ битвы съ этимъ монастыремъ, смѣялся надъ Сапѣгой и Лисовскимъ и говорилъ: «Что это вы стоите безъ дѣла подъ лукошкомъ? Что стоитъ его взять и воронъ передавить! Это вы по нерадѣнію дѣлаете и хотите взять монастырь истомленною чернью; а вы чернь отошлите, да сами идите на приступъ, взявши развѣ только Лисовскаго казаковъ». Попробовали сначала напугать осажденныхъ. Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, прибѣжавшій сюда изъ Орѣшка, да дьякъ Иванъ Грамотинъ выѣхали предъ монастырь и говорили: «Москва уже покорилась, царь Василій съ боярами его у насъ въ рукахъ! Ихъ пособники, что были съ Ѳедоромъ Шереметевымъ, теперь здѣсь всѣ: уже нѣтъ вамъ надежды на понизовую силу. А мы узнали истиннаго царя Димитрія и служимъ ему. Царь Димитрій послалъ насъ передъ собою впередъ: если вы ему не покоритесь, то онъ придетъ съ литовскими людьми; и князь Михайло Скопинъ и Ѳедоръ Шереметевъ съ нимъ за одно идутъ и всѣ русскіе люди; тогда уже онъ не приметъ вашего челобитья».

«Красно вы лжете — отвѣчали имъ со стѣнъ монастыря — да никто вамъ вѣры не иметъ! Вотъ еслибъ вы сказали, что князь Михайло подъ Тверью берега поровнялъ тѣлами вашими, а птицы и звѣри насыщаются мертвечиною вашею, такъ мы бы повѣрили; а теперь дѣлайте то, за чѣмъ пришли: возьмемъ оружіе и пронзимъ сердца другъ другу: кого Богъ оправдитъ, тотъ станетъ

[1]) А. Э. II, 243.

говорить правду и творить правду!» Ясно было, что осажденные не лишены были сообщенія и знали, что дѣлается внѣ стѣнъ ихъ.

31 іюля ночью сдѣлали приступъ. Отчаянно бились измученные сидѣльцы, женщины показывали такую же отвагу, какъ и мужчины, въ ночь эту. Осаждающіе отступили съ потерею. «Что— сказали тогда (по русскому извѣстію) Сапѣга и Лисовскій Зборовскому—взялъ лукошко? Ты такой храбрый, что же не взялъ его [1])?»

12 августа, они оставили Троицу, и только часть войска берегла обозъ и продолжала осаду, но такъ слабо, что осажденные могли уже имѣть свободное обращеніе за предѣлами монастыря. Послѣ неудачнаго приступа къ Троицѣ, Сапѣга и Лисовскій рѣшились лучше напасть на Скопина подъ Колязинымъ. Къ Сапѣгѣ приходили вѣрныя вѣсти о Скопинѣ, что у него было уже двадцать тысячъ войска, и съ каждымъ днемъ приходятъ новыя силы изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства. Такъ съ нимъ соединились уже Вышеславцевъ и Жеребцовъ со своими ратьми. И Скопинъ и царь разсылали повсюду граматы и призывали всѣ отдѣльныя ополченія, составившіяся въ разныхъ мѣстахъ, идти на соединеніе подъ Колязинъ, чтобы освобождать Москву. Пока еще эти войска не знали ратнаго дѣла, Христіернъ Зоме занимался ихъ обученіемъ; онъ нашелъ, что они вооружены были хорошо, но московскіе люди не умѣли ни держаться строя, ни обращать оружія, ни копать валовъ, ни брать ихъ, ни вбивать надолобъ, ни двигать машинъ [2]). Надобно было полководцамъ вора предупредить и напасть на неучей, прежде чѣмъ шведъ успѣетъ имъ дать приличное образованіе. Сапѣга и Зборовскій собрали двѣнадцать тысячъ войска да сверхъ того неопредѣленное количество казаковъ. Тутъ было много и русскихъ измѣнниковъ. Они отправились подъ Колязинъ, 14 августа остановились при Рябовой пустынѣ, въ верстахъ около двадцати отъ Колязина. Но Скопинъ узналъ объ этомъ движеніи и отправилъ за Волгу отрядъ подъ начальствомъ князя Якова Барятинскаго, Валуева и Жеребцова, а самъ располагалъ двинуться имъ на помощь когда нужно будетъ.

Врагамъ приходилось переправляться черезъ болотистую рѣчку Жабну недалеко отъ Колязина. Здѣсь слѣдовало вступить въ бой. Скопинъ разсчитывалъ на удачу во время переправы. Тушинцы выступили изъ-подъ Рябовой пустыни и ночью съ 17

---

[1]) Палиц. 182.
[2]) Videk. 96.

на 18 августа дошли до села Пирогова, лежавшаго на Жабнѣ недалеко отъ ея впаденія въ Волгу. Московскіе воеводы, провѣдали, гдѣ непріятель, и тотчасъ дали знать Скопину. Утромъ тушинцы начали переправу. Только что передовая часть ихъ войска стала переходить рѣку, какъ ударили на нихъ и сбили въ сторону въ болото. Многихъ тогда побили, многихъ перераниля. Остальные побѣжали въ село Пирогово, гдѣ стояло остальное войско.

Прежде чѣмъ Сапѣга и Зборовскій собрались, пришелъ самъ Скопинъ съ войскомъ. Съ нимъ былъ и Зоме со шведами. Они переправились черезъ Жабну и сами напали на тушинцевъ. И той и другой сторонѣ хотѣлось не только удержать поле битвы, но покончить со врагами; отъ этого зависѣлъ дальнѣйшій нравственный перевѣсъ. Тушинцы наконецъ столкнулись съ тѣмъ Скопинымъ, который такъ долго ихъ пугалъ; побѣда надъ нимъ должна была разсѣять обаяніе, окружавшее его личность. Съ другой стороны, Скопинъ зналъ, что отъ побѣды въ этотъ разъ надъ соединенными силами важнѣйшихъ предводителей смуты зависятъ на будущее время его сила и значеніе. Бились цѣлый день. Дымъ былъ такъ густъ, что трудно было распознать кто съ кѣмъ бьется; а среди грома пищалей, треска ломаемыхъ копій, воплей раненныхъ раздавались безпрестанно крики русскихъ.: «преподобный отче Макаріе, моли Бога за насъ! помоги намъ!» «На солнечномъ закатѣ услышалъ Богъ молитвы рабовъ своихъ, говоритъ Палицынъ [1]), тушинцы подались, потомъ стали отступать, и наконецъ побѣжали. Русскіе гнали ихъ чуть не до Рябовой пустыни и все продолжали призывать на помощь святаго Макарія Колязинскаго. Не мало значительныхъ лицъ попалось тогда въ плѣнъ, и воротился князь Михайло Скопинъ въ Колязинъ съ побѣдою и одолѣніемъ.

Сапѣга остановился попрежнему у Рябова, думалъ-было поправиться и начать снова битву. Но войско его послѣ неудачи не хотѣло биться. Тогда дошелъ до жолнѣровъ слухъ, что польскій король подступаетъ къ Смоленску и хочетъ завоевать для Польши русскія области. «Что жъ это? кричали поляки. Мы развѣ трудимся для короля? Король отниметъ у насъ нашу корысть!» Сапѣга и Зборовскій не могли ихъ утишить и уговорить цѣлыхъ четыре дня. 23 августа они снялись съ лагеря и двинулись къ Переяславлю. Зборовскій отправился въ Тушино. Сапѣга оставилъ въ Переяславлѣ гарнизонъ (250 стрѣльцовъ, двѣ казацкихъ роты и толпу дѣтей боярскихъ), а самъ отпра-

[1]) Палиц. 193.

вился опять къ Троицѣ, куда прибылъ 3 сентября. Лисовскій двинулся къ Ростову и Борисоглѣбскому монастырю, и сталъ срывать неудачу на беззащитныхъ и еще покорныхъ жителяхъ.

Троицкіе сидѣльцы узнали о побѣдѣ Скопина, прежде чѣмъ воротился подъ Троицу Сапѣга, отъ косого толмача Яна, который прямо изъ Сапѣгина табора подъ Рябовымъ съ четырьмя пахолками и двумя русскими прибѣжалъ подъ Троицу и передался въ монастырь. Это извѣстіе произвело неописанную радость: зазвонили колокола, начались благодарственныя пѣнія. Ободрились измученные, голодные. Осаждающіе, чтобъ ихъ выманить, пустили въ глазахъ монастыря стадо скота; разсчитывали, что голодные сидѣльцы не утерпятъ и искусятся получить свѣжую говядину: тутъ и побьютъ ихъ. Вышло совсѣмъ не такъ, какъ ожидали. Сидѣльцы сперва долго не трогались, а потомъ, когда ихъ враги потеряли надежду выманить ихъ, выскочили черезъ Благовѣщенскій оврагъ, напали внезапно на сторожей, побили ихъ, захватили скотъ и погнали къ городу, а тутъ имъ на помощь выскочили другіе изъ Пивного двора, и такимъ образомъ въ монастырь вогнали нѣсколько штукъ скота для продовольствія [1]).

Царь Василій, по требованію Делагарди и Скопина, послалъ изъ Москвы двѣнадцать тысячъ ефимковъ для заплаты иноземцамъ. Болѣе не могъ онъ прислать. Остальное нужно было Скопину достать посредствомъ сбора съ городовъ. Пособилъ въ этомъ случаѣ Новгородъ: тамъ собрали съ гостей и торговыхъ людей три тысячи рублей. Такимъ образомъ, Скопинъ 27 августа, по договору съ секретаремъ Делагарди, далъ на жалованье шведскому вспомогательному войску часть чистыми деньгами, а часть соболями; чистыхъ денегъ онъ послалъ шесть тысячъ рублей, и соболей на пять тысячъ [2]). За это Олафсонъ обязался отъ имени Делагарди идти всѣмъ войскомъ на помощь Скопину подъ Колязинъ, а потомъ слѣдовать вмѣстѣ съ русскими силами подъ Москву. Тѣмъ же договоромъ обязался Скопинъ отъ имени царя отдать Корѣлу шведамъ: для этого посланъ былъ Ѳедоръ Чулковъ, съ дьякомъ; вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ ѣхать Олафсонъ, и Корѣла должна быть отдана и принята въ шведское вѣдомство безъ мѣшканья и прекословія по договору [3]). Съ своей стороны, царь Василій писалъ къ Делагарди, благодарилъ и просилъ далѣе содѣйствовать Скопину, и обнадеживалъ наградами.

---

[1]) Палиц. 195.
[2]) А. И. II, 345.
[3]) Ibid. 105.

Король шведскій, получивъ извѣстіе о томъ, что произошло въ Московскомъ государствѣ, понуждалъ Делагарди продолжать начатое дѣло. Присланныя деньги успокоили нѣсколько мятежныхъ наемниковъ. Успокоился Делагарди также и на счетъ Корѣлы [1]). Въ лагерь Делагарди подъ Торжокъ пріѣхали посланцы отъ Скопина (Ѳедоръ Даниловичъ Чулковъ и дьякъ Телепневъ) и объявили, что они прибыли съ сотнею стрѣльцовъ для того, чтобъ съ назначенными отъ Делагарди шведами ѣхать въ Корѣлу и сдать ее въ шведскія руки съ уѣздомъ; но съ условіемъ, чтобы самъ предводитель немедленно отправился на соединеніе со Скопинымъ подъ Колязи́нъ. Делагарди согласился и сдѣлалъ пересмотръ своему войску. Одни изъ его ратныхъ людей согласились идти далѣе, другіе выходили въ отставку, кто по болѣзни и за ранами, кто просто по нежеланію и недовѣрію. Делагарди первымъ роздалъ жалованье, послѣднихъ отправилъ подъ начальствомъ Андрея Бойе и товарищей [2]), и далъ командирамъ наказъ не допускать дѣлать насилій русскимъ жителямъ на пути своемъ. Вмѣсто выбывшихъ изъ строя сдѣлано распоряженіе о наборѣ свѣжихъ войскъ, и для этого отправленъ былъ въ Нарву и Выборгъ Эдуардъ Горнъ. Такимъ образомъ устроилъ свои дѣла Делагарди и двинулся изъ Торжка. Онъ прибылъ въ Колязинъ 26 сентября. Скопинъ былъ чрезвычайно радъ и со всѣмъ войскомъ русскимъ принималъ его почетно и радушно. Черезъ четыре дня послѣ того Скопинъ роздалъ на четырнадцать тысячъ девятьсотъ семьдесятъ четыре рубля мѣховъ прибывшему иноземному войску [3]). Между тѣмъ, Скопинъ писалъ безпрестанно повсюду и просилъ присылать деньги на жалованье и ратныхъ людей на вспоможенье. Монастыри особенно могли пособить въ этомъ дѣлѣ: у нихъ были деньги; и въ самомъ дѣлѣ, Соловецкій монастырь оказалъ тогда ревность. Онъ вмѣстѣ съ Печенскимъ прислалъ въ два раза Скопину около пяти тысячъ пяти сотъ рублей [4]). Это не было только монастырское достояніе; но, по царскому указу, монастыри должны были отдавать и чужое то, что повѣрялось имъ на храненіе (поклажей) [5]). По другимъ монастырямъ происходили складчины, напри-

[1]) Videk. 102.

[2]) Карлъ Олафсонъ и Іоганнъ Стижартъ; послѣдній отправился съ французами, изъ которыхъ также нѣкоторые пошли въ отставку, отзываясь слабостію здоровья и неспособностію.

[3]) Videk. 102.

[4]) Еще когда Скопинъ былъ въ Новгородѣ, прислано было ему 2,000 рублей, а въ Колязинскій станъ 3,150 р., да Печенскій монастырь 398 р. 25 алт., что поставлено было въ Соловецкомъ монастырѣ въ видѣ поклоненія да ложка серебренная.

[5]) А. Э. II, 259.

мѣръ, въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ собрали съ братіи, кромѣ монастырскихъ денегъ, съ чернецовъ съ кого рубль, съ кого полтина, а съ кого менѣе, напримѣръ, по деньгѣ, по три алтына и тому подобное, и это отправлено Скопину [1]). Устюжскій и Архангельскій монастырь, кромѣ того, что прежде отправляли на свой счетъ ратныхъ людей въ ополченія, собираемыя въ Ярославлѣ, Галичѣ, Костромѣ, послали Скопину два раза подмогу людьми: одинъ разъ по два человѣка съ сохи, другой по 3 человѣка, и дали имъ найму на три мѣсяца, да сверхъ того, дали Скопину въ запросъ десять рублей. Это, по ихъ просьбѣ, царемъ обращено было въ зачетъ данныхъ и оброчныхъ денегъ [2]). Въ пермскую землю Скопинъ въ сентябрѣ послалъ гонца съ граматою, и требовалъ, для покоя христіанскаго, чтобы Московское государство въ конецъ не разорилось, со всей пермской земли дать на наемъ ратныхъ людей денегъ и суконъ, камокъ и тафты, сколько кому можно, да кромѣ того, собрать для заплаты нѣмецкимъ ратнымъ людямъ по пятидесяти рублей съ сохи. Пермичи разослали по своей землѣ памяти земскимъ старостамъ, приглашали всѣхъ содѣйствовать Скопину; но послѣдствія были плохи. Пермичи все-таки отвѣчали Скопину, что у нихъ такихъ товаровъ не сыскивается [3]). На пермичей въ то время постоянно жаловались сосѣди сольвычегодцы, обвиняли ихъ въ нерадѣніи и холодности къ общему дѣлу. Еще въ январѣ 1609 года сольвычегодцы замѣчали устюжанамъ, что они писали три раза къ пермичамъ о присылкѣ ратныхъ людей, но пермичи не присылали вовсе, а писали будто собрали [4]). Въ январѣ [5]) и въ мартѣ сольвычегодцы упрекали пермичей за нерадѣніе [6]); въ іюнѣ тѣже сольвычегодцы выставляли свои услуги на общее дѣло, говорили пермичамъ: «вы Бога не боитесь и государя не слушаете, государевымъ ратнымъ дѣломъ нерадѣете [7])»; въ августѣ также укоряли пермичей устюжане, указывали, что съ нихъ за все время только и службы было, что восемьдесятъ человѣкъ въ Ярославлѣ, тогда какъ другія земли много разъ высылали и деньги и людей, и даже иноземцы помогаютъ русской землѣ и ея государю. Въ обличеніе пермичей устюжане припоминали имъ, что во времена царя

[1]) А. Э. II, 273.
[2]) А. Э. II, 271.
[3]) А. Э. II, 256.
[4]) А. И. II, 166.
[5]) А. Э. II, 194.
[6]) Ibid. 214.
[7]) А. Э. II, 228.

Ивана Васильевича пермская земля выставляла по 1000 человѣкъ [1]). Точно также нерадиво пермичи помогали вятчанамъ, когда послѣдніе просили содѣйствія ихъ къ истребленію мятежническихъ шаекъ, овладѣвшихъ временно Котельничемъ. Эта шайка была составлена изъ волжскихъ казаковъ, стрѣльцовъ разныхъ восточныхъ городовъ [2]), луговой черемисы и сброда русскихъ воровъ; разбойники, взявши этотъ городокъ, оскверняли и разоряли церкви, убивали и мучили людей, позорили женщинъ и дѣвицъ [3]). Но вятчанамъ пришлось самимъ освободить отъ нихъ Котельничъ, и послѣ того они писали къ пермичамъ въ такихъ укорительныхъ выраженіяхъ: «Вы подаете вятскую землю въ разореніе, не присылаете ратныхъ людей, не стоите съ нами на воровъ, вы сами себѣ предатели и погибнете за вашу глупость, вы забыли крестное цѣлованіе государю и радуетесь христіанскому кровопролитію и разоренію [4])». Тѣмъ не менѣе однако пермичи такъ умѣли отговориться предъ царемъ, что царь Василій, какъ будто въ укоръ Михайлу Скопину, въ декабрѣ снялъ съ нихъ положенный на нихъ Скопинымъ наборъ по 30 чел. съ сохи [5]). Эти противорѣчащія распоряженія царя и Скопина должны были мѣшать успѣшному ходу дѣлъ, подобно какъ сторонѣ тушинской мѣшали противорѣчащія распоряженія царика и Сапѣги: въ то время, когда Скопинъ заправлялъ всѣмъ дѣломъ, выбиралъ средства для веденія войны, царь самъ разрушалъ ихъ. За то въ это время особенно усердны были вологжане и сольвычегодцы. Въ землѣ послѣднихъ жили Строгановы; Петръ Семеновичъ съ братьями нѣсколько разъ давали служилымъ людямъ на жалованье деньги и сверхъ того на свой счетъ снаряжали и отправляли ратныхъ людей; ихъ увѣщаніямъ приписывалось удержаніе въ покорности городовъ поморскихъ, казанскихъ и пермскихъ, и въ слѣдующемъ году царь въ признательность далъ Петру Семеновичу грамату на безпошлинность торговли и на почетное преимущество писаться съ *«вичемъ»* [6]).

Трудно теперь опредѣлить, при отрывочности свѣдѣній, въ какой степени были пермичи виновны, очевидно только, что Скопину стоило неимовѣрныхъ усилій собрать жалованье наемнымъ войскамъ, призваннымъ спасать Московское государство; съ большою надсадою послѣднее могло доставлять ему средства.

---

[1]) А. Э. II, 250.

[2]) Кузьмодемьянскихъ, Санчурскихъ и Яренскихъ.

[3]) А. Э. II, 258.

[4]) Ibid. 264.

[5]) Ibid. 267.

[6]) Соб. гос. гр. II, 387.

IV.

Дальнѣйшіе успѣхи Скопина. — Козни тушинцевъ. — Снятіе Троицкой осады.

Делагарди со своимъ войскомъ двинулся въ Переяславль 6 октября; шуринъ Скопина, Семенъ Головинъ, и Григорій Валуевъ, при содѣйствіи иноземнаго отряда Христіерна Зоме уже прежде оттуда выгнали тушинцевъ. Отсюда Скопинъ разослалъ гонцовъ по сосѣднимъ городамъ и просилъ воеводъ собирать деньги [1]). Распорядившись на счетъ укрѣпленія Переяславля, союзники двинулись къ Александровской слободѣ, выслали впередъ Іоганна Мира и Христіерна Зоме съ отрядомъ шведовъ; при нихъ были московскіе люди. Этотъ отрядъ вступилъ въ бой и побѣдилъ: сто человѣкъ враговъ потонуло въ водѣ, остальные бѣжали. Александровская слобода была взята, побѣдители забрали знамена и барабаны разбитаго отряда [2]). Вслѣдъ за тѣмъ оба военачальника вступили въ Александровскую слободу и за ними пришло туда все ихъ войско. Взятіе этого города было очень важно, потому что онъ стоялъ на пути доставки провіанта и запасовъ войску Сапѣгѣ. Въ войско московское съ каждымъ днемъ прибывали отряды даточныхъ людей. Къ сожалѣнію Скопина, Делагарди долженъ былъ здѣсь отпустить полезнаго для московитянъ Христіерна Зоме въ отечество: онъ получилъ рану подъ Слободою и нуждался въ отпускѣ для излѣченія. За то 20 числа прибыли новыя вспомогательныя силы Швеціи.

28 октября, Сапѣга, Зборовскій и самъ Ружинскій пошли на Александровскую слободу съ четырьмя тысячами. Бой былъ жестокій и продолжался цѣлый день, — поляки отступили съ потерею: они утратили до 70 человѣкъ убитыми, много было у нихъ захвачено въ полонъ. Тогда у нихъ между начальниками произошло несогласіе: Сапѣга воротился къ Троицѣ, Ружинскій къ Москвѣ [3]).

Съ тѣхъ поръ Скопинъ и Делагарди составили планъ, чтобы строить засѣки, стѣснять пути для поляковъ и мало по малу приближаться къ Москвѣ. Это средство было дѣйствительно несносно для противниковъ, какъ они сами сознаются: Сапѣгѣ приходилось тяжело отъ засѣкъ, которыя строилъ Скопинъ, шагъ за шагомъ, подходя къ Троицѣ. Уже Семенъ Головинъ сталъ за семь

---

[1]) Ник. 122.
[2]) Videk. 103.
[3]) Videk. 108.

верстъ отъ Троицы. Нападать на московскихъ людей было трудно: какъ только нападутъ на нихъ, они укрѣпятся за свои засѣки, и приходилось добывать каждую приступомъ; а какъ только тушинцы отойдутъ, русскіе шагаютъ далѣе и строютъ новыя засѣки, а главное — такой образъ войны отнималъ у непріятеля подвозъ припасовъ [1]). Войско Скопина усилилось приходомъ Шереметева, который изъ Владимира 11 ноября явился въ Александровскую слободу со своимъ войскомъ.

Тушинцы чувствовали, что рѣшительная ихъ минута близка; пытались и напрягали силы, тѣмъ или другимъ способомъ одолѣть Москву прежде прихода Скопина, и опять на время успѣли было пересѣчь пути сообщенія. Млоцкій, стоя въ Серпуховѣ, не пускалъ съ юга подвозовъ; его отрядъ выбѣгалъ партіями на Коломенскую дорогу: эти партіи перехватывали ѣхавшихъ съ хлѣбомъ рязанскихъ крестьянъ. Явилась ему въ содѣйствіе шайка удалыхъ изъ русскаго народа; атаманомъ у ней былъ хатунскій мужикъ Салковъ. Эта шайка быстро сновала съ коломенской дороги на владимирскую, съ владимирской на коломенскую, и не допускала пропуска продовольствія въ столицу. И третья шайка тревожила Москву: это — князя Петра Урусова съ юртовскими татарами; онъ сновалъ по слободской дорогѣ [2]). Отъ такихъ налетовъ въ окрестностяхъ не было въ Москву проѣзду; быстро сдѣлалась опять большая дороговизна: цѣна бочки ржи поднялась до четырехъ рублей [3]). Межъ тѣмъ изъ Тушина подкупили Гороховаго, атамана надъ казаками, служившими царю Василію и стоявшими по-недѣльно въ Красномъ селѣ; онъ склонилъ на измѣну казаковъ, и казаки впустили тушинцевъ въ Красное село. Но въ Красномъ селѣ были не одни казаки, — тамъ были еще и конныя сотни, состоявшія изъ прирожденныхъ людей Московскаго государства. Казаки сговаривались съ тушинцами, намѣреваясь ихъ побить; но тѣ узнали о замыслѣ казаковъ заранѣе, вышли изъ Краснаго села въ Москву и сдѣлали тревогу. Казаки, сдавши Красное село, не могли болѣе ничѣмъ пособить тушинцамъ. Они только зажгли Красное село и сами ушли въ Тушино. Потомъ тушинцы еще подкупили московскихъ измѣнниковъ, и тѣ подрядились имъ сжечь Деревянный городъ и дать возможность овладѣть пространствомъ до самой Бѣлогородской стѣны. Но и это не удалось; они зажгли ночью Деревянный городъ, а москвичи его потушили: сгорѣло стѣны только саженей на сорокъ; мо-

[1]) Марходк. 64.
[2]) Никон. 125.
[3]) Videk. 107.

сквичи потомъ дружно ее починили и задѣлали. Впрочемъ Василію все-таки было не безопасно. Москвичи колебались; царь дрожалъ поминутно за свой вѣнецъ. Какъ только Москвѣ становилось тѣсно, поднимался ропотъ, собирался бунтъ, и Василій удерживалъ возстаніе безпрестанными обѣщаніями, что вотъ скоро придетъ Скопинъ со шведами. Перебѣжчики изъ Москвы въ Тушино говорили, что Василій назначалъ москвичамъ сроки: такимъ образомъ, первый разъ онъ имъ назначилъ срокъ отъ Вознесенья до Петрова дня.

Все это дѣлалось передъ приходомъ Скопина въ Александровскую слободу. Его удачная расправа съ тушинцами поворотила быстро дѣла и въ Москвѣ. Млоцкій ушелъ изъ Серпухова въ Тушино, потому что въ Тушинѣ почувствовалась необходимость не раздѣлять силъ. Салковъ былъ разбитъ княземъ Димитріемъ Пожарскимъ на владимирской дорогѣ, на рѣкѣ Пехоркѣ, съ тридцатью удалыми, оставшимися отъ погрома, явился въ Москву къ царю Василію и принесъ повинную. Какъ только южный путь сталъ свободнѣе, цѣна на хлѣбъ упала быстро, — до семидесяти денегъ за бочку. Тутъ и войско Скопина еще усилилось: изъ Москвы прорвался и соединился съ нимъ отрядъ ратныхъ людей подъ начальствомъ князя Бориса Лыкова. Тогда уже въ Москвѣ не боялись уменьшать ратныя силы, а надѣялись на Скопина и хотѣли, чтобъ и у него было побольше силы.

Скопинъ порывался-было идти прямо на Москву, но Делагарди останавливалъ его, остерегалъ, что сзади, въ Суздалѣ, стоитъ Лисовскій, города еще заняты войсками вора, и нельзя рѣшиться на смѣлое и рѣшительное дѣло прежде, чѣмъ обезпечатъ тылъ. Только къ Троицѣ, по просьбѣ монаховъ, послалъ Скопинъ Жеребцова съ отрядомъ; у него было 600 ратныхъ и 300 слугъ. Сапѣга не ожидалъ этой рѣшимости. Жеребцовъ могъ войти въ монастырь безпрепятственно, никѣмъ незамѣченный. Это обстоятельство объясняетъ, почему монастырь такъ долго держался противъ осаждающихъ: очевидно, плохо велась осада; если могло пройти войско, ужъ тѣмъ скорѣе можно было провозить въ монастырь запасы. Сидѣльцы не разъ выскакивали изъ монастыря за ограду, кто для того, чтобъ нарубить дровъ, а кто для того, чтобъ накопать кореньевъ и нарѣзать травы; а иные ради исцѣленія отъ колодезя, которому приписывали чудодѣйственное свойство. Они возвращались благополучно, и приписывали свою безопасность чудотворному заступничеству Сергія за свою обитель. Когда Жеребцовъ вошелъ въ монастырь, онъ запретилъ имъ выходы, разсчитывая, что это не безопасно: сидѣльцы выходили небольшими партіями, ихъ легко враги могли захватывать и истреблять. Же-

ребцовъ видѣлъ въ этихъ выходахъ безполезную трату людей. Дѣло другое — настоящіе ратные люди; они ратному дѣлу изловчены; имъ можно дѣлать вылазку, и потому самъ Жеребцовъ сдѣлалъ вылазку со своими ратными людьми, но воротился съ уроном. «Вотъ тебѣ и ратные — говорили ему сидѣльцы — а мы простаки, да насъ святой Сергій милуетъ!» Жеребцову не посчастливилось оттого, что сапѣжинцы, послѣ того какъ черезъ ихъ оплошность вошло въ монастырь свѣжее войско, стали осмотрительнѣе и сосредоточили свои силы; тогда какъ до прихода Жеребцова они уже привыкли не обращать большого вниманія, выходитъ ли какой-нибудь десятокъ изъ монастыря. Простаковъ спасала именно незначительность ихъ числа.

Тѣмъ не менѣе, января 4, вслѣдъ за Жеребцовымъ успѣло пройти другое войско въ монастырь подъ начальствомъ Григорія Валуева: онъ привелъ съ собой пятьсотъ сорокъ вооруженныхъ ратныхъ людей. Соединившись съ Жеребцовымъ и со всѣми сидѣльцами, они сдѣлали вылазку. Это былъ послѣдній бой подъ Троицею, и онъ происходилъ главнымъ образомъ на Клементьевскомъ полѣ, на Келаревѣ прудѣ и на горѣ Волкушѣ; были стычки и на другихъ пунктахъ осады. Сапѣга послѣ этого боя почувствовалъ, что ему хуже чѣмъ непріятелямъ его. Осада въ то время уже до того дурно велась, что Валуевъ такъ же свободно и вышелъ изъ монастыря къ Шуйскому, какъ и прошелъ туда.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, именно 12 января, Сапѣга снялъ таборъ и ушелъ изъ-подъ Троицы къ Дмитрову.

V.

Приготовленія Польши къ войнѣ съ Москвою. — Походъ польскаго короля Сигизмунда подъ Смоленскъ.

Но въ то время, когда Московское государство стряхивало съ себя послѣднее обаяніе Димитрія и готовилось возвратиться къ порядку, съ запада на него поднялась Польша. До сихъ поръ она косвенно, чрезъ частныхъ удальцовъ, вредила Московскому государству; теперь самъ король двинулся съ войскомъ и объявилъ себя противъ Шуйскаго. Перемиріе съ Москвою заключено было по неволѣ. Послы, его постановлявшіе, сознавались, что заключали его притворно. Они, воротившись, разсказывали, что Шуйскаго не терпятъ въ Москвѣ, и если бояре держатся его, то потому только, что не хотятъ отдаться вѣдомому обманщику, самозванцу; но у нихъ

есть задушевное желаніе призвать на престолъ польскаго королевича, и этимъ призваніемъ чужеземной царственной крови положить конецъ смутамъ, которымъ иначе не видѣли предѣла. Они увѣряли, что даже братъ царя Василія, Димитрій, присоединилъ свой голосъ къ другимъ въ этомъ желаніи. Сигизмунду и панамъ была по-сердцу такая вѣсть. Она казалась правдоподобною послѣ того, какъ еще, при жизни царствовавшаго подъ именемъ Димитрія, Безобразовъ тайно извѣщалъ пановъ о такомъ желаніи бояръ московскихъ. Изъ сенаторовъ одни съ жаромъ и удовольствіемъ хватились за это и совѣтовали Сигизмунду скорѣе пользоваться обстоятельствами; другіе относились къ такому извѣстію по хладнокровнѣе. Сигизмундъ обратился съ совѣтомъ къ гетману Станиславу Жолкѣвскому черезъ референдарія Короннаго [1]). Жолкѣвскій былъ тогда при войскѣ на Украинѣ. Референдарій объявилъ ему, что король желалъ бы начать это дѣло до собранія сейма; иначе можно упустить благопріятный случай. Жолкѣвскій отвѣчалъ: «Желательно бы, чтобы это дѣло ведено было съ согласія сейма: впрочемъ, что касается лично до меня, я, какъ воинъ и слуга короля, всегда готовъ исполнять королевскую волю. Но на это дѣло потребуется много издержекъ: есть ли на то въ готовности средства?» Референдарій сказалъ, что у короля найдется нѣсколько тысячъ злотыхъ. Король увидалъ, что Жолкѣвскій не очень хватается за это дѣло, послалъ къ нему Витовскаго, бывшаго прежде посломъ въ Москвѣ, и тотъ разсказывалъ гетману, что московскіе бояре расположены отдаться королю. Жолкѣвскій спровадилъ его съ увѣреніями въ своей готовности, но и съ сомнѣніями. Тогда Сигизмундъ разсудилъ, что нельзя безъ воли сейма начать войны, и разослалъ на предварительные сеймики проектъ войны съ Московскимъ государствомъ. Такъ какъ послѣднія событія сильно вооружили поляковъ противъ московскихъ людей, то на разныхъ сеймикахъ послышались одобрительные отзывы въ пользу предпріятія. Но иное дѣло разсуждать, иное дѣло рѣшиться и подать окончательно голосъ. Когда собрался сеймъ въ Варшавѣ, король не заявилъ предложенія о войнѣ въ посольской избѣ. Проведено было единственно распоряженіе о томъ, что дозволяется отсрочивать явки на позывы къ суду тѣмъ, которые будутъ находиться въ военной службѣ. Этимъ король выигрывалъ только то, что могъ надѣяться привлечь въ войско тѣхъ, которыхъ преслѣдовалъ законъ. Съ

[1]) Референдарій (Referendarz) въ Польшѣ назывался сановникъ, котораго обязанность была принимать и докладывать королю подаваемыя верховной особѣ прошенія и разбирать жалобы по управленію королевскими имѣніями.

сенаторами были совѣщанія о войнѣ прямо. Нѣсколько сенаторовъ заявили себя противъ (три или четыре), остальные отзывались въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, одобрительныхъ для королевскаго желанія. Изъ ревностнѣйшихъ проводниковъ предпріятія былъ канцлеръ Литовскій Левъ Сапѣга: онъ болѣе другихъ вѣрилъ въ возможность овладѣть Московскимъ государствомъ, и его мнѣніе значило много: независимо отъ того, что онъ былъ важное лицо по сану, ему могли довѣрять и потому, что онъ зналъ близко Московское государство: онъ нѣсколько разъ былъ посломъ въ этомъ краѣ въ прежнія времена. Старòста Велижскій Александръ Гонсѣвскій, сидя на границѣ, наблюдалъ за дѣлами въ Московскомъ государствѣ, писалъ къ королю донесенія и увѣрялъ, что дѣла идутъ какъ нельзя лучше для Польши, что Смоленскъ готовъ отдаться, какъ только король явится подъ этимъ городомъ. Гонсѣвскому очень хотѣлось войны: онъ москвичами былъ чувствительно оскорбленъ, и ему хотѣлось отомстить Шуйскому за свое заточеніе. Жолкѣвскаго еще разъ спрашивали на счетъ Смоленска, и онъ не совѣтовалъ идти на Смоленскъ, представлялъ, что это городъ крѣпкій, а надежды на то, что его сдадутъ безъ боя, еще не вполнѣ достовѣрны. Если воевать, то, по его мнѣнію, надлежитъ идти черезъ Сѣверскую землю, тамъ города деревянные, и легко взять ихъ, при томъ и жители тамошніе скорѣе могли пристать къ польскому королю, чѣмъ смольняне. Увѣренія Гонсѣвскаго взяли, однако, верхъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ Смоленскъ сдался легко, то дѣйствительно разсчетливѣе было идти смоленскою дорогою, потому что этимъ путемъ можно было скорѣе дойти до Москвы; притомъ представлялась надежда, что поляки, помогающіе тушинскому вору, тотчасъ отстанутъ отъ него и пристанутъ къ своему государю, какъ только онъ явится въ предѣлахъ Московскаго государства.

Король приказалъ канцлеру Лубенскому составить манифестъ, гдѣ изложилъ причины, побудившія его къ войнѣ, и послалъ ко двору нѣмецкаго императора и къ римскому папѣ. Вопросъ представлялся такъ, будто короли польскіе имѣютъ древнее право на Русь, которое опиралось на томъ, что нѣкогда польскій король Болеславъ посадилъ на Кіевскомъ столѣ князя Изяслава Ярославича, а впослѣдствіи, польскіе государи, Болеславъ Кривоустый и Болеславъ Кудрявый, укрощали оружіемъ русскихъ. Присоединенія русскихъ земель къ Москвѣ Іоанномъ III изображались несправедливымъ посягновеніемъ на достояніе польскихъ государей. Излагались насилія, оскорбленія и убійства, причиненныя отъ Шуйскаго полякамъ, бывшимъ въ Москвѣ, задержки пословъ, нарушеніе международнаго права; наконецъ, извѣща-

лось, что многіе московскіе бояре, не терпя тиранніи похитителя Шуйскаго, черезъ освобожденныхъ польскихъ пословъ просили Сигизмунда принять Московскую державу, которая должна перейти послѣ того, когда угасъ родъ ея великихъ князей, къ Сигизмунду, по силѣ его преемничества короны и правъ Ягеллоновъ. Король изъявлялъ опасеніе, что московитяне въ такомъ безвыходномъ положеніи, что, ненавидя Шуйскаго, могутъ отдаться обманщику, называющему себя Димитріемъ, или же подпасть туркамъ и татарамъ, или же призовутъ къ себѣ какого нибудь принца изъ враждебнаго Рѣчи Посполитой дома. Такимъ образомъ, для предупрежденія опасности, польскій король долженъ взяться за оружіе. Итакъ, цѣли его, какъ объявлялось въ этомъ манифестѣ, были: во-первыхъ, привести въ силу свое будтобы древнее право на русскія земли вообще; во-вторыхъ, присоединить къ великому княжеству Литовскому пріобрѣтенныя въ послѣднія времена области, а главное, не дать въ огромной сѣверной странѣ утвердиться какой нибудь силѣ, враждебной Рѣчи Посполитой и католической религіи [1]). Поводомъ къ скорѣйшему вмѣшательству выставлялся союзъ Шуйскаго съ врагомъ Сигизмунда королемъ шведскимъ и призваніе изъ Швеціи вспомогательнаго войска. О королевичѣ Владиславѣ не говорилось ни слова; напротивъ, Сигизмундъ шелъ не пріобрѣтать сыну корону, а присоединить Московское государство ко владѣніямъ Польши и великаго княжества Литовскаго.

Король выступилъ въ походъ послѣ пасхи въ 1609 году и приказалъ сдѣлать тоже обоимъ гетманамъ, и Коронному Жолкѣвскому и Литовскому Ходкѣвичу. Жолкѣвскій хотѣлъ избѣгнуть участія въ войнѣ, продолжалъ возражать противъ нея, представлялъ, что она начинается поздно по времени года, и указывалъ на неудобства, которыя неизбѣжны будутъ въ осеннее и зимнее время; по его мнѣнію, и средства къ веденію войны все-таки были недостаточны. Король не поддавался этимъ совѣтамъ, и Жолкѣвскій долженъ былъ повиноваться.

Въ Минскѣ король свидѣлся съ Жолкѣвскимъ, и гетманъ опять показывалъ себя не на сторонѣ предпріятія. «Имѣете ли, ваше величество — говорилъ онъ — подтвержденіе отъ бояръ, что они дѣйствительно желаютъ нашего прихода, и точно ли Смоленскъ хочетъ сдаться?» Король не могъ ничего представить подобнаго. Но сторонники предпріятія говорили: «Пока король далеко, боярамъ трудно отозваться; а когда услышатъ, что король перешелъ границу, тотчасъ заявятъ свое расположеніе».

---

[1]) Lubienski, 157.

Тутъ для ободренія короля пришло новое письмо Гонсѣвскаго: онъ настаивалъ, чтобъ поляки шли какъ можно скорѣе, дабы пользоваться обстоятельствами. Писалъ онъ: Скопинъ вывелъ изъ Смоленска войско; въ Смоленскѣ нѣтъ ратной силы, и Смоленскъ покорится [1]). Это укрѣпило короля въ намѣреніи, и онъ двинулся къ Смоленску.

Въ сборахъ войска прошло лѣто. Староста Велижскій безпрестанно побуждалъ короля спѣшить и увѣрялъ, что Смоленскъ покорится, что бояринъ Шеинъ, начальствующій въ городѣ, расположенъ къ Сигизмунду, что онъ сдастся, и тогда путь къ Москвѣ будетъ чистъ. У Сигизмунда было до двѣнадцати тысячъ сбороднаго войска, въ томъ числѣ [2]): Станиславъ Стадницкій, староста Перемышльскій, привелъ толпу венгровъ, своевольныхъ людей развратнаго поведенія; много дворовыхъ командъ паны приводили на собственный счетъ [3]); да сверхъ того было нѣмецкой пѣхоты 2,000, и до трехъ тысячъ польской пѣхоты и кромѣ того неизвѣстное число татаръ литовскихъ и тысячъ до десяти запорожскихъ казаковъ конныхъ, вооруженныхъ самопалами и луками, а нѣкоторые имѣли длинные списы (копья) [4]). Но этимъ не ограничивались польскія силы: были еще въ войскѣ охотники, приходившіе и уходившіе какъ ни попало; было много не принадлежавшихъ къ строю обозныхъ слугъ годныхъ къ битвѣ. Число осажденныхъ въ Смоленскѣ одни изъ поляковъ простираютъ до 200,000, другіе [5]) довольствуются болѣе скромнымъ числомъ — семидесяти тысячъ. Изъ нихъ, говорятъ [6]), тридцать тысячъ было дѣтей боярскихъ и прочихъ служилыхъ; а сорокъ тысячъ разнаго народа, собравшагося туда со всюду. Пойманные московскіе люди показывали ихъ съ двадцать тысячъ слишкомъ, и то большею частью простого народа. И это послѣднее конечно вѣрнѣе, потому что негдѣ было взять Московскому государству огромныхъ силъ.

Подошедши къ московской границѣ, Сигизмундъ послалъ къ жителямъ Смоленска всѣхъ сословій грамату. Въ ней король указывалъ, что со смертію Ѳедора, послѣдняго государя изъ царской крови московскаго дома, какъ сдѣлались государями другихъ родовъ люди, то на Московское государство Богъ послалъ несчастія и междоусобія: идетъ братъ на брата, одинъ

---

[1]) Pism. Żołkiew. 26.
[2]) Pam. Mask. 11.
[3]) Pism. Żołk. 26.
[4]) Rel. del. acquis. di Smol. 4.
[5]) Pam. Mask., 12. — Piasecki, 260.
[6]) Piasecki, 260.

другого убиваетъ, а нѣмцы, то-есть шведы, берутъ города и земли съ тѣмъ, чтобы истребить православную вѣру; «и вотъ, говорила грамата, многіе люди Московскаго государства, и большіе и середніе и малые, изъ многихъ городовъ и изъ самой столицы Москвы били намъ челомъ разными тайными присылками, чтобы мы, какъ государь христіанскій и ближайшій пріятель русскаго государства, вспомнили родство и братство, въ которомъ мы находились отъ прадѣдовъ нашихъ съ великими государями московскими, сжалились надъ разореніемъ и истребленіемъ вѣры христіанской и церквей божіихъ, женъ и дѣтей вашихъ не допустили до конечной гибели. Мы, великій государь христіанскій, сообразно челобитью многихъ русскихъ людей, соболѣзнуя о такихъ бѣдствіяхъ и непрестанныхъ кровопролитіяхъ, идемъ къ вамъ своею особою съ великимъ войскомъ не для того, чтобъ васъ воевать и кровь вашу проливать, а для того, чтобы, при помощи божіей, молитвами Пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ угодниковъ божіихъ, охранить васъ отъ всѣхъ вашихъ враговъ, избавить отъ рабства и конечнаго погубленія, остановить разлитіе христіанской крови, непорушимо утвердить православную русскую вѣру и даровать вамъ всѣмъ спокойствіе и тишину. И вы бы, смольняне, были рады нашей королевской милости, и вышли бы къ намъ съ хлѣбомъ солью, и пожелали бы быть подъ высокою королевскою рукою нашею; а мы, принявши васъ въ охраненіе подъ свое царствованіе, будемъ содержать васъ непорушимо въ свободѣ и во всякой чести, не нарушая русской вѣры вашей; и если захотите ударить челомъ намъ съ панами радою и цѣловать намъ крестъ на всемъ этомъ, то мы утвердимъ все листомъ нашимъ съ королевскою печатью и во всемъ поступимъ съ вами такъ, какъ только вамъ будетъ достойно и наилучше. Если же вы пренебрежете настоящимъ божіимъ милосердіемъ и нашею королевскою милостію, то предадите женъ вашихъ, дѣтей и свои домы на опустошеніе войску нашему.»

Говорилось ясно. Сигизмундъ хотѣлъ царствовать на Руси. Тутъ не было рѣчи о какомъ нибудь Владиславѣ. Отецъ самъ претендовалъ на власть надъ Московскимъ государствомъ. Шеинъ оставилъ безъ отвѣта эти приглашенія. Посланцу приказали немедленно удалиться, и его грозили утопить, если онъ станетъ медлить и разговаривать. Поляки, бывшіе съ самозванцемъ, до такой степени раздражили противъ себя тогда русскихъ, что мысль отдаться Сигизмунду соединялась съ ужаснымъ представленіемъ о томъ, что придутъ поляки и будутъ своевольствовать, что̀ уже дѣлали во многихъ городахъ. Какъ только

приближались поляки, поселяне бросали дома, забирали только скотъ и образа и прятались въ лѣсъ. Полякъ современникъ говоритъ [1]), что польскіе жолнѣры ходили партіями въ лѣса, и тамъ отыскивали ихъ и отымали у нихъ скотъ. Поселяне, оставшись только съ образами, ничего не могли придумать въ своемъ горѣ, какъ въ порывѣ отчаянія повѣсить образа на деревьяхъ внизъ головою и причитывать: «мы вамъ молимся, а вы насъ отъ Литвы не оборонили!» Многіе изъ служилаго сословія Смоленской земли были тогда въ войскѣ Скопина, а ихъ кровные находились въ осадѣ въ Смоленскѣ; поэтому иные, еслибъ и хотѣли сдаться, не смѣли, и при томъ въ то время объ успѣхахъ Скопина носились вѣсти даже преувеличенныя и поддерживали надежду на выручку.

Городъ Смоленскъ былъ тогда не изъ такихъ, которые легко брать. Онъ былъ очень великъ. Окружность стѣны была, поляки полагаютъ, до мили; Жолкѣвскій считаетъ ее въ 8000 локтей; по стѣнамъ было 38 башенъ, изъ которыхъ каждая была въ длину саженей до девяти или до десяти; стѣны, изъ огромныхъ квадратныхъ природныхъ камней, толщиною въ подошвѣ до четырехъ, а къ верху до трехъ саженъ, вышиною же въ тридцать локтей. Иноземцы говорили, что они нигдѣ не видали такихъ огромныхъ стѣнъ [2]). Самое мѣстоположеніе Смоленска было выгодно для обороны; онъ стоялъ на холмахъ, перерѣзанныхъ оврагами. На другомъ берегу былъ посадъ, обведенный деревянною стѣною, называемый «Деревяннымъ городомъ» [3]).

Когда войско приблизилось, смольняне зажгли посадъ и ушли въ Каменный городъ. Поляки повторяли предложеніе сдаться нѣсколько разъ. 30 сентября, Жолкѣвскій отправилъ къ смольнянамъ съ убѣжденіемъ какого-то монаха. Смольняне не только не отвѣчали, но и монахъ не воротился. Посланъ былъ какой-то русскій съ убѣжденіями; его повѣсили смольняне за то, что иноземецъ принялъ на себя такое порученіе. Пострѣлявши нѣсколько дней напрасно, 14 октября [4]) отправили посланцевъ собственно къ купцамъ смоленскимъ. Купцы приняли посланца отъ канцлера литовскаго ласково, но приказывали ему говорить и слушать не иначе какъ глядя въ землю, чтобъ онъ не могъ разсмотрѣть крѣпости. Онъ объявилъ, что канцлеръ посылаетъ къ нимъ Бог-

[1]) Pam. Mask. 16.
[2]) Rel. del. acqu. di Smol. 5.
[3]) Piam. Żołk. 28. — Mask. 13.
[4]) Diar. oblęż. Smol. (Рук. Генер. Штаба).

дана Величанина на переговоры. «Мы согласны слушать, что намъ скажетъ Богданъ», отвѣчали смольняне. На другой день Богданъ Величанинъ явился съ королевскимъ словомъ и говорилъ: «Король удивляется вашей грубости и упорству, что вы встрѣчаете его не съ благодарностію; онъ, какъ государь христіанскій, жалѣя о кровопролитіи, вознамѣрился прекратить его, и, если вы окажетесь достойны такой божіей милости, принять васъ въ подданство по случаю прекращенія вашего царскаго рода и такой частой перемѣны государей. Король хочетъ сохранить неприкосновенно ваши права, обычаи и русскую вѣру со всѣми обрядами».

Смольняне отвѣчали:

«Мы восхваляемъ короля за то, что онъ хочетъ съ нами поступать по-христіански; но мы боимся литовскихъ людей: на нихъ на всѣхъ нельзя положиться. Еслибъ король и обѣщался за нихъ, они не послушаютъ короля. Что они дѣлаютъ подъ Москвою и по инымъ городамъ? говорятъ, будто за насъ воюютъ и будто они друзья намъ, а сами разоряютъ насъ, дочерей и женъ безчестятъ и позорятъ.»

Послѣ убѣжденій Богдана, смольняне просили дать имъ сроку подумать до другого дня. На другой день, 16 октября, Богданъ подъѣхалъ къ городу; изъ воротъ вышли смольняне, угостили его водкою, а въ заключеніе сказали: «У насъ есть государь царь Василій Ивановичъ Шуйскій, мы ему крестъ цѣловали; пусть король дѣлаетъ, что хочетъ, а мы останемся вѣрны своему государю.»

— «Этотъ грубый народъ заставилъ насъ потерять два дня» — говорили поляки.

Опять пострѣляли поляки. Королевское войско увеличилось пришедшими запорожцами, подъ начальствомъ Олевченка. Ихъ было до 30 тысячъ.

Другой отрядъ ихъ, служившій тушинскому царику подъ начальствомъ Наливайка, посланный Рожинскимъ, взялъ Бѣлую, а потомъ отложился отъ самозванца и присталъ къ королевскому войску [1]). Но мало утѣшительнаго предвидѣлось въ осадѣ Смоленска. Въ концѣ мѣсяца опять послали убѣждать смольнянъ. Выбрали для этого пойманнаго съ письмомъ смольнянина сына боярскаго, но не пустили его въ городъ, а поставили въ шанцахъ и приказали ему говорить: «Покоритесь, а то бѣды не минете, коли станете упрямиться.» Смольняне отвѣчали: «Еслибъ ты былъ съ нами въ городѣ, такъ бы ты думалъ какъ мы ду-

[1]) Кобѣржк. 102.

маемъ; а теперь ты говоришь такъ потому, что ты плѣнный.» — «Отъ Шуйскаго помощи не дождетесь! — продолжалъ имъ говорить плѣнникъ — у короля людей много; они за ваше упрямство станутъ волости разорять: не губите сами себя и женъ и дѣтей своихъ!» — «Мы не хотимъ губить душъ своихъ!» — отвѣчали ему.

Впрочемъ, по свидѣтельству одного современника [1]), четыре москвитянина, называемые у него воеводами, явились къ королю, послѣ его прихода, били челомъ и говорили: «буди здравъ, великій господарь, мы служебники твоей милости будемъ какъ и поляки, не вели бить насъ по головамъ». Король обошелся съ ними очень ласково.

Въ ноябрѣ, король послалъ депутатовъ къ войску вора подъ Москву съ тѣмъ, чтобъ отвлечь поляковъ и присоединить ихъ къ своему войску (это были Стадницкій, староста Перемышльскій, князь Збаражскій, староста Стадницкій, Людвигъ Вайеръ, писарь литовскій Скуминъ-Тышкевичъ и Домарацкій). Не доѣхавши до Тушина, въ Дорогобужѣ повстрѣчались они со своими соотечественниками, которые ѣхали депутатами отъ тушинскаго войска къ королю. «Съ чѣмъ вы ѣдете?» — допрашивали королевскіе послы цариковыхъ. Послѣдніе не открыли имъ.

VI.

Недоразумѣніе польскаго короля съ тушинцами. — Королевскіе коммисары въ тушинскомъ лагерѣ. — Домогательства тушинцевъ. — Волненія въ таборѣ. — Бѣгство вора и Марины изъ табора. — Сапѣга и Марина въ Дмитровѣ. — Уничтоженіе тушинскаго табора.

Вѣсть о прибытіи короля подъ Смоленскъ произвела волненіе въ тушинскомъ войскѣ. Еслибъ шло дѣло только о Смоленскѣ, тогда тушинцы могли бы войти въ сдѣлку и за своего царя отречься отъ Смоленска съ тѣмъ, чтобъ король помогъ ему владѣть остальнымъ на Руси. Но король объявилъ себя прямымъ соперникомъ тушинскаго царика. Король домогался самъ московской короны и власти надъ государствомъ и признавалъ царика обманщикомъ, а слѣдовательно не уважалъ правъ и видовъ поляковъ, помогавшихъ Димитрію. Рожинскій собралъ коло и говорилъ рѣчь. Онъ доказывалъ, что иное дѣло быть вѣрнымъ своему законному государю, иное дѣло служить дру-

[1]) Pieśń o tyraństwie Szujskiego.

гому за жалованье и выгоды; они поступили въ службу Димитрію безъ нарушенія вѣрности королю и Рѣчи Посполитой и должны теперь сохранять прежнюю вѣрность государю, но не терять однако плодовъ столькихъ усилій, предпринятыхъ въ пользу Димитрія для своихъ выгодъ, и не лишаться заслуженнаго жалованья. Такой смыслъ рѣчи Рожинскаго показывалъ, что онъ ставилъ главнымъ дѣломъ жалованье войску, а слѣдовательно, по его мнѣнію, полякамъ возможно было и предать своего царика, если бы отъ короля получить такія же выгоды, какихъ надѣялись отъ воцаренія Димитрія. Но слѣдовало помучить короля, вытребовать отъ него для себя что нужно, и потому слѣдовало показать видъ, что они стоятъ за Димитрія и протестуютъ противъ посягновенія короля на его права. И вотъ, по побужденію Рожинскаго, коло составило военную конфедерацію, которая должна была тѣснѣе всѣхъ ихъ соединить. Они обязались не покидать Димитрія, пока онъ не достигнетъ престола, не переходить и въ другое войско, хотя бы и королевское, подъ смертною казнію, прекратить всякія несогласія и взаимныя недоразумѣнія, съ тѣмъ, чтобы тотъ, кто сдѣлаетъ въ войскѣ смуту, лишился своего жалованья и имущества. То же наказаніе постигало и тѣхъ, которые самовольно оставятъ службу, и даже тѣхъ, которые отправились прежде въ отпускъ, если не явятся къ пасхѣ и пятидесятницѣ будущаго года. Даже и по воцареніи Димитрія не слѣдовало покидать знаменъ, пока не заплатится все жалованье; если же кто, получа свою часть, выйдетъ изъ войска тогда, когда еще другіе не получили, тотъ подвергается наказанію отъ своихъ товарищей, такъ что его имущество и имѣнія, гдѣ бы они ни были, могли быть разоряемы; наконецъ, настаивали, что всякъ, кто осмѣлится порицать эту конфедерацію словомъ или дѣломъ, подвергается преслѣдованію, какъ непріятель.

Строгій тонъ этой конфедераціи показываетъ, что войско тогда было раздражено сильно противъ своего короля. Выбрали депутатами къ Сигизмунду: Мархоцкаго съ товарищами [1]); Сапѣга послалъ своимъ посломъ Вилямовскаго отъ войска, стоявшаго подъ Троицею.

Король выслалъ на встрѣчу депутатамъ хоругвь подъ начальствомъ Струся и велѣлъ ихъ почетно проводить въ обозъ. Они явились предъ его лицомъ въ шатрѣ, и Мархоцкій говорилъ рѣчь, отъ лица всего рыцарства, служащаго у Димитрія, жаловался, что вступленіе короля есть непріятельскій посту-

[1]) Съ Вржещемъ, Дудзинскимъ, Рознятовскимъ и Сладковскимъ.

покъ противъ Димитрія, что они чрезъ то теряютъ надежды на вознагражденіе своихъ трудовъ, предпринятыхъ на собственныя издержки, что Шуйскій давно старается о томъ, чтобъ оторвать бояръ московской земли отъ Димитрія и до сихъ поръ не успѣвалъ, а теперь король своимъ вступленіемъ поможетъ ему. Между прочимъ, ораторъ выразился рѣшительнѣе такими словами: «Рыцарство черезъ насъ извѣщаетъ ваше королевское величество, что оно не замышляетъ ничего противъ отечества; но если кто войдетъ противъ царя Димитрія и станетъ препятствовать намъ получать свои выгоды въ московской землѣ, то мы уже не будемъ уважать въ такомъ врагѣ ни отечества, ни государя, ни брата» [1]). Послѣ аудіенціи у короля, пословъ пригласили къ Жолкѣвскому. Передъ нимъ они доказывали, что ничего не дѣлали противнаго Рѣчи Посполитой, умоляли заступиться за нихъ и не мѣшать имъ возвести Димитрія на московскій престолъ. Дерзкій тонъ въ рѣчи Мархоцкаго вооружилъ сначала пановъ: они смѣялись депутатамъ въ глаза надъ Димитріемъ, говорили, что Марина вышла замужъ за второго Димитрія; говорили о нихъ съ негодованіемъ, что они за свою дерзость недостойны быть допущенными предъ лицо короля. Наконецъ, порѣшили на томъ, чтобъ въ сильныхъ выраженіяхъ высказать имъ замѣчанія о неприличіи ихъ поступка, потомъ обойтись съ ними ласково. На третій день послѣ прихода, ихъ призвали снова въ присутствіе короля. Тогда подканцлеръ Феликсъ Крискій сказалъ имъ: «Въ прежнее время королю были бы очень пріятны эти изъявленія вѣрности и подданства, какія вы принесли отъ имени рыцарства вашего; но когда помыслить о словахъ вашихъ, то королю, сенату, и наконецъ всѣмъ, которые слушали и читали ваше посольство, нельзя не удивляться тому, что вы, говоря о своей вѣрности, осмѣлились обратиться къ величію вашего государя съ такими дерзкими выраженіями. Вы перешли границы свободы. Кто не почитаетъ государя, тотъ оскорбляетъ отечество, и кто не слушаетъ властей, тотъ противится закону. Вы огорчили короля вашимъ посольствомъ отъ войска, къ которому король, по своему милосердію, уже отправилъ своихъ пословъ. А вы примите писанный отвѣтъ, достойный вашего посольства, и передайте вашимъ товарищамъ, чтобъ они уважали его королевское величество, которому Богъ повѣрилъ въ управленіе своихъ людей, чтобъ они чувствовали, что онъ ихъ король и государь.»

Послѣ рѣчи Крискаго, Янъ Куцборскій, епископъ Кульмскій,

[1]) Мархоц. 150. — Кобѣрж. 107.

подалъ имъ на письмѣ отвѣтъ, гдѣ, послѣ укоровъ за дерзкія выраженія и заявленія, упрекали помощниковъ Лжедимитрія въ нарушеніи правъ и неуваженіи ко властямъ. «Право обоихъ народовъ (польскаго и литовскаго, — сказано было тамъ) запрещаетъ вступать на службу въ иностранныя государства съ хоругвями, чтобы не подать повода другимъ нападать на насъ; право обоихъ народовъ запрещаетъ частнымъ лицамъ оружіемъ отплачивать сосѣдямъ за оскорбленія, и даже самому королю не позволяется начинать войны, чтобы не навлечь опасности на свое государство; а вы безъ дозволенія начальства раздразнили сосѣдняго непріятеля. Теперь король принужденъ вступить войною въ Московское государство, потому что Шуйскій уже вооружилъ на Польшу и Литву съ одной стороны татаръ, съ другой шведовъ; а разсѣявши войско Димитрія, составленное изъ поляковъ, онъ легко могъ бы ворваться въ предѣлы литовскіе. Подробнѣйшее изложеніе всѣхъ поводовъ вступленія и намѣреній короля предоставлено тому посольству, которое отправлено въ тушинскій лагерь». Не смотря на эти суровые отвѣты, посланцовъ Димитріева войска угощали паны одинъ за другимъ съ радушіемъ и честію.

Посланцы Сапѣги изъ-подъ Троицы объяснялись гораздо покорнѣе и воздержнѣе и оказывали склонность повиноваться королю [1]). Посланцы поѣхали назадъ.

Въ тушинскомъ таборѣ были уже королевскіе коммисары. Прежде торжественнаго, офиціальнаго своего пріѣзда, они послали туда агентовъ, пана Добку съ товарищами, которые скоро извѣдали, что войско вовсе не такъ ожесточено вступленіемъ Сигизмунда, какъ кажется, и есть возможность поладить съ нимъ. Говорили, будто Рожинскій не терпитъ своего царика, котораго именемъ распоряжался; толковали даже, будто онъ, поставивши Млоцкаго у Коломны, чтобъ не пропускать водою къ Москвѣ запасовъ, скоро потомъ удалилъ его оттуда, когда увидалъ, что Москва, лишенная продовольствія, въ самомъ дѣлѣ готова сдаться; будто Рожинскій мстилъ Шуйскому, но находилъ невозможнымъ возводить вмѣсто Шуйскаго своего бродягу. Жаръ, съ которымъ поляки составили конфедерацію, ослабѣлъ скоро. Рожинскій былъ черезъ чуръ властолюбивъ: его не терпѣли тѣ, которые считали себя равными ему. Съ Сапѣгою онъ былъ постоянно въ разладѣ; съ Александромъ Зборовскимъ недоразумѣнія у нихъ дошли до того, что они вышли на поединокъ, но ничего другъ другу не повредили своими сабельными ударами, потому что у обоихъ

[1]) Кобѣрж. 125.

были крѣпкіе панцыри. Такое несогласіе главныхъ вождей подавало много надежды на возможность разстроить службу царику въ пользу короля. Большое затрудненіе представлялось удовлетворить войско жалованьемъ; но агенты доносили, что по войсковому приговору придется вознаградить какихъ-нибудь три тысячи; это имъ тайно сообщали офицеры. Послѣ такой провѣдки, пріѣхали коммисары въ таборъ тушинскій. На челѣ ихъ былъ Станиславъ Стадницкій, каштелянъ Перемышльскій, родственникъ Мнишковъ.

Когда послы-коммисары прибдижались къ Тушину, то сдѣлалось волненіе: конфедерація требовала не принимать ихъ, не входить съ ними въ переговоры, а вести впередъ дѣло Димитрія всѣми силами. Но въ войскѣ успѣли присланные агенты разсѣять слухъ, что король привезъ съ собой большую сумму для заплаты войску. Жолнѣрамъ нужно было какъ-нибудь получить жалованье за свои труды; отъ Димитрія они не могли получить обѣщанныхъ благъ иначе какъ, послѣ взятія столицы; она же что-то не давалась въ руки. Естественно, что, не смотря на недавнюю взаимную клятву, первая возможность вознагражденія своихъ трудовъ инымъ способомъ измѣняла ихъ прежній духъ. Сапѣга прислалъ изъ-подъ Троицы посланцовъ извѣстить, что онъ съ своей стороны со всѣмъ войскомъ своимъ покоряется королю, и совѣтовалъ не раздражать своего государя и допустить коммисаровъ. Рожинскій и Зборовскій, какъ главные предводители, не хотѣли-было разставаться съ властію; но увидя, что войско склоняется къ этому, согласились принять пословъ.

Коммисары пріѣхали 17 декабря. Ихъ принималъ за лагеремъ Зборовскій съ двухсотеннымъ гусарскимъ отрядомъ. Онъ проговорилъ имъ рѣчь, состоявшую изъ комплиментовъ, и поѣхалъ съ ними. Когда они приблизились къ обозу, навстрѣчу имъ выѣхалъ самъ Рожинскій, въ своей каретѣ; съ нимъ рядомъ сидѣлъ Станиславъ Мнишекъ, староста Саноцкій. Рожинскій извинялся нездоровьемъ, что не могъ встрѣтить ихъ далѣе отъ обоза. Они поѣхали вмѣстѣ, и, при въѣздѣ въ обозъ, на встрѣчу стали передъ нимъ посланцы царика, Иванъ Плещеевъ и Ѳедоръ Унковскій (Unikovius). Но королевскіе коммисары замѣтили, что не къ этому царю пріѣхали. Они проѣхали мимо его избы прямо къ помѣщенію Рожинскаго. Царикъ и Марина смотрѣли на нихъ въ окна, и чуяли свое горе. Вступили коммисары къ Рожинскому, тамъ ожидалъ ихъ столъ: они пировали со своими соотечественниками прежде, чѣмъ начали говорить о дѣлахъ.

На другой день, коммисары объяснили Рожинскому и панамъ съ нимъ бывшимъ, что должны объявить свое посольство отъ

короля войску. Рожинскій сказалъ на это: «У насъ есть царь Димитрій: прежде ему слѣдуетъ представиться. Мы его войско, служимъ подъ его властію и подъ его знаменемъ. А потому мы спросимъ васъ: имѣете ли что нибудь сообщить его величеству царю Димитрію?» Коммисары на это сказали: «Мы на вашъ вопросъ сдѣлаемъ съ своей стороны вопросъ: тотъ ли этотъ Димитрій Ивановичъ, которому вся земля присягнула, крестъ ему цѣловала и вѣнецъ на него возложила? Намъ его величество король приказалъ узнать въ точности и освѣдомиться объ этомъ у вашихъ милостей. Если онъ дѣйствительно тотъ самый, то намъ поручено объявить ему, что государь нашъ не только не хочетъ ему препятствовать, но еще всѣми силами станетъ ему помогать противъ измѣнниковъ. Если же онъ ложный, то его величество не можетъ посылать своихъ пословъ къ обманщику: онъ не привыкъ давать фальшивыхъ титуловъ, да и вы сами, какъ вѣрные слуги его королевской милости, можете разсудить, можетъ ли король и вся Рѣчь Посполитая, потакая выгодамъ частныхъ лицъ, дѣлать безчестное дѣло и нарушать старинныя права и обычаи?» На это былъ такой отвѣтъ: «Не хотимъ васъ обманывать, господа королевскіе послы; онъ не тотъ, который царствовалъ прежде, и не тотъ, за кого себя выдаетъ, но такъ дѣла требуютъ, и особенно такъ слѣдуетъ поступать ради Москвы, которая смотритъ въ оба глаза на ваше посольство. Если его явно отвергнуть и пренебречь, сдѣлается смута. Предоставьте намъ... для вида... мы лучше знаемъ свойства нашего Димитрія... Мы съумѣемъ сохранить достоинство нашего государя». Рожинскій сообщилъ объ этомъ ротмистрамъ. Нѣкоторые закричали на отрѣзъ: «Мы служимъ Димитрію, и не должны принимать мимо его посольствъ». Но болѣе умѣренные говорили: «Коммисары пріѣхали не къ Димитрію, а къ намъ, полякамъ, людямъ вольнымъ, отъ нашего короля и государя». Послѣ споровъ рѣшили на томъ, чтобы объявить объ этомъ Димитрію и попросить у него дозволенія вступить въ разговоры съ королевскими коммисарами. «Мы скажемъ ему — говорили поляки — пусть будетъ какъ будто по его волѣ; а онъ, разумѣется, противиться не станетъ; знаетъ, что и безъ него будетъ тоже самое». Такъ и случилось. Царикъ не смѣлъ противиться, расчелъ, что будетъ хуже, когда его не послушаютъ. Тогда собралось генеральное коло на просторномъ мѣстѣ, образовало кругъ; въ него вошли коммисары и сѣли въ креслахъ. Каштелянъ Перемышльскій Стадницкій говорилъ рѣчь, излагалъ причины, которыя побудили короля взять оружіе, припомнилъ убійство поляковъ въ Москвѣ, задержаніе польскихъ пословъ, плѣнъ поляковъ. «Король и Рѣчь

Посполитая — говорилъ онъ — не могли терпѣть долѣе, послѣ того, какъ Шуйскій заключилъ союзъ съ герцогомъ зюдерманландскимъ, врагомъ и похитителемъ наслѣдственнаго престола его величества короля нашего, и призвалъ къ себѣ на помощь его войска; кромѣ того онъ подъущаетъ татаръ на земли Рѣчи Посполитой; Московское государство въ крайнемъ упадкѣ и разореніи; невѣрные турки радуются и конечно скоро воспользовались бы этимъ, чтобы завоевать его себѣ, такъ какъ уже случалось, что они находили на него съ Дону и посылали для разоренія татарскія орды. Намъ нельзя было спокойно дожидаться, тогда бы они вошли и въ наши предѣлы; окончательное подпаденіе Московскаго государства турецкому владычеству было бы ударомъ для древней вѣры и гибелью христіанства. Король не хотѣлъ потерпѣть долѣе такого напраснаго пролитія христіанской крови и погибели государства, съ которымъ предки его величества жили по-сосѣдски, и съ Божіею помощію желаетъ вѣрными средствами его успокоить, а вы не должны этимъ пренебрегать; напротивъ, король надѣется и желаетъ вашего содѣйствія; теперь дѣло идетъ о васъ самихъ, о правахъ, святой вѣрѣ, женахъ и дѣтяхъ, собственности, землѣ, которой вы принадлежите.»

Выслушавъ рѣчь, старый полковникъ, по имени Витковскій, сказалъ на нее:

— «Все войско объявляетъ благодарность его величеству королю нашему за честь, которую онъ оказалъ намъ, прославши такихъ знатныхъ и почетныхъ людей; мы готовы принести жизнь нашу и достояніе на службу короля, и просимъ, чтобы намъ удѣлили на письмѣ поводъ къ посольству, зачѣмъ вы пріѣхали».

Комисары на это согласились. Но тогда отъ имени войска попросили показать также инструкцію, данную имъ отъ короля. Въ этомъ отказали комисары, и князь Збаражскій сказалъ, что король поручилъ ихъ благоусмотрѣнію сдѣлать войску уступки, какія найдутся нужными.

Въ инструкціи, кромѣ явныхъ пунктовъ, которые гласно объявилъ Стадницкій въ своей рѣчи, были еще скрытныя поученія, которыя обнародовать никакъ нельзя было. Тамъ поручалось комисарамъ завести тайныя сношенія съ каждымъ изъ пановъ особо, давать имъ различныя надежды, располагать ихъ смотря по ихъ обстоятельствамъ, вообще соблазнять ихъ обѣщаніями выгодъ, и представить имъ, что не всегда можетъ быть для нихъ такой счастливый случай: надлежитъ воспользоваться этимъ. Между панами въ таборѣ вора, были такіе, которые тайно отъ своихъ пріятелей переписывались съ другими пріятелями въ

Польшѣ, а тѣ, по ихъ просьбѣ, выставляли ихъ передъ королемъ, сенаторами и членами вальнаго сейма людьми, которые стараются о томъ, чтобы обратить тушинскій таборъ на вѣрность королю и Рѣчи Посполитой. Этимъ лицамъ коммисары должны были сказать, что король всегда будетъ помнить ихъ заслуги, и такъ какъ они первые повели дѣло на пользу короля и Рѣчи Посполитой, то при раздачѣ наградъ не будутъ послѣдними. Однимъ слѣдовало обѣщать староства, другимъ каштелянства, экономіи и проч. Коммисары вообще должны были отвлекать поляковъ отъ вора и представить имъ, что пристать къ королю для нихъ выгоднѣе, чѣмъ оставаться съ воромъ. Но это слѣдовало дѣлать также исподоволь, высматривать и соображать, съ какими требованіями вознагражденій отзовутся тушинскіе поляки, и уступать имъ тогда, когда иначе нельзя. Въ тоже время, коммисары должны были склонять на свою сторону нареченнаго въ Тушинѣ патріархомъ митрополита Филарета, и бояръ и дворянъ, державшихся вора. «Если — сказано въ инструкціи — московскіе люди пожелаютъ отдаться подъ власть короля и не пренебрегутъ его покровительствомъ, то слѣдуетъ имъ объявить, что король ихъ расположеніе приметъ съ величайшею о нихъ заботливостію, сохранитъ имъ вѣру, права, обычаи церковные и судебные, и не только оставитъ неприкосновенными ихъ имѣнія и имущества, но еще по своимъ королевскимъ щедротамъ надѣлитъ новыми тѣхъ, которые къ нему обратятся.» Сигизмундъ поручилъ также коммисарамъ тайно послать къ Шуйскому, вступить съ нимъ въ переговоры, и вручилъ королевскую грамату къ нему, которую слѣдовало доставить по назначенію, когда окажется надобность. Король оправдывалъ свое вступленіе въ предѣлы Московскаго государства, приглашалъ прислать изъ Москвы уполномоченныхъ для переговоровъ съ послами, прибывшими въ тушинское войско; такъ какъ Шуйскій разъ уже поступилъ коварно, задержавъ пословъ, то ему болѣе нѣтъ вѣры, и потому переговоры должны происходить не въ столицѣ, а въ полѣ; пусть онъ вышлетъ туда своихъ думныхъ бояръ. Но этотъ пунктъ слѣдовало держать особенно втайнѣ до времени, и когда придетъ пора, то надобно было объявить тушинскимъ полякамъ, что король обращается къ Шуйскому единственно съ предложеніемъ прекратить кровопролитіе и помирить его съ тушинскими поляками на выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Къ Димитрію не было никакихъ граматъ; король считалъ унизительнымъ для своего достоинства писать къ вѣдомому обманщику, но къ нему писали сенаторы, просили допустить королевскихъ пословъ къ войску и давали ему титулъ свѣтлѣйшаго (Jaśnie oświecony).

Понятно, что инструкціи этой коммисары не могли объявить по требованію тушинскихъ пословъ, да и сами тѣ, которые этого домогались, знали, что коммисары не исполнятъ ихъ желанія. Это заявлено было нарочно, чтобы выдумать предлогъ и не допустить коммисаровъ до ихъ дѣла. Послѣ этого требованія начались споры, и нѣкоторые, въ раздраженіи, наговорили коммисарамъ колкостей. Тогда коммисары сказали: «Послѣ такого обращенія съ нами, намъ ничего больше не остается, какъ уѣзжать, и сообщить его величеству и Рѣчи Посполитой о томъ уваженіи, какое вы имъ въ настоящее время оказываете». Но болѣе умѣренные стали успокоивать волненіе, и наконецъ порѣшили на томъ, чтобы выбрать изъ всѣхъ ротъ депутатовъ для переговоровъ съ коммисарами отъ цѣлаго тушинскаго войска. Выбрали отъ каждой роты по ротмистру и сверхъ того по два товарища, а когда выборные отдѣлились, то ихъ оказалась большая толпа въ двѣсти человѣкъ. Стали толковать съ коммисарами; стали выпытывать, чего желаетъ король, какія порученія онъ далъ коммисарамъ. Коммисары отговаривались только общими выраженіями и говорили, что король ничего не желаетъ, какъ только успокоить кровопролитіе и обезпечить спокойствіе границъ королевства. «Но съ такимъ большимъ числомъ людей намъ нельзя столковаться — сказали они наконецъ — выберите поменьше». Выборные стали было упрямиться; коммисары стояли на своемъ и твердили, что не находятъ удобнымъ толковать съ двухсотенною толпою. Наконецъ, выборные уступили и выбрали изъ среды себя двадцать шесть человѣкъ. Переговоры назначены на другой день, 21 декабря. Тутъ были и посланцы отъ Сапѣги. Сапѣга особенно побуждалъ Рожинскаго и Зборовскаго вступить въ переговоры съ королевскими коммисарами.

Коммисары сказали:

— «Его величество, нашъ милостивый король, желаетъ, чтобы храброе рыцарство свои труды, подвиги и жертвы принесло на пользу своему государю и Рѣчи Посполитой, своему отечеству, а не кому-нибудь иному. Отечество наградитъ васъ, какъ вѣрныхъ сыновъ своихъ.»

На это былъ такой отвѣтъ:

— «Рыцарство желаетъ всего добраго его королевской милости и отечеству, и хочетъ служить королю, какъ своему государю, но оно связано присягою на вѣрность нынѣшнему государю московскому Димитрію Ивановичу для славы народа своего, и не можетъ поступить противъ совѣсти. Мы можемъ только потребовать отъ царя Димитрія Ивановича, чтобы онъ согласился уступить Польшѣ Сѣверское княжество, а со стороны короля будетъ

очень справедливо пособить ему завоевать столицу; мы же отъ его милости короля никакихъ наградъ не требуемъ, и уступаемъ добровольно право своей ассекураціи на полученіе жалованья».

Коммисары поняли дѣло такъ, что это выдумка недобрыхъ людей; «они думаютъ — сказали они шопотомъ другъ другу — что бросаютъ намъ лакомый кусокъ». На заявленіе выборныхъ послѣдовалъ отъ коммисаровъ отвѣтъ въ такихъ выраженіяхъ:

— «Его милость, король, не привыкъ помогать такимъ пріобрѣтать государство, у которыхъ нѣтъ никакихъ правъ на государство. Вотъ изъ этого видно, что вы нерасположены къ королю и Рѣчи Посполитой. Вы сами слуги и подданные его величества, а ведете его къ такому безчестному дѣлу, чтобы онъ, монархъ, помогалъ и служилъ какому-то бродягѣ; видно, что не любите вы отечества, когда вы не за него проливаете кровь, а за того, кто вамъ даетъ то, чего самъ еще не имѣетъ. У Рѣчи Посполитой древнѣе и законнѣе право на то самое, что онъ даритъ. Не то что Сѣверской земли — ни одной деревушки не имѣетъ онъ права раздавать».

Поднялся споръ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ шума, депутаты сказали: «Мы не можемъ осрамить чести польскаго народа и своей совѣсти — нарушить свою присягу; оставить царя намъ нельзя иначе какъ тогда, когда удовлетворятъ его. Мы привели его на то; онъ согласится на то, что мы захотимъ; но опасно, если мы отступимъ отъ него: то какъ бы не взбунтовались города и москвитяне, которые при немъ находятся! Мы взяли его подъ свое покровительство и ожидали отъ него наградъ; онъ въ долгу у насъ. Возьмется ли его величество король заплатить намъ все, что слѣдуетъ намъ получить съ Димитрія?»

— «Ваша присяга недѣйствительна — сказали коммисары — потому что дана человѣку, носящему фальшивое имя: вы въ этомъ сами сознались по совѣсти. По какимъ же правамъ можно обманщику давать награды? Но чтобъ не произошло смятенія, король согласенъ наградить и его. Полковники и ротмистры! ступайте къ нему и объявите, что вы служили ему долгое время, но по причинѣ неудачъ его служить ему больше не будете. Припомните, на какой верхъ счастія вы его возвели; вы собрались во имя его, достояніе свое для него тратили, кровь свою для него проливали. Пусть же онъ теперь отдастся на ваше благоусмотрѣніе, и помнитъ, что причиною его возвышенія были вы. Пока люди думали, что онъ истинный Димитрій, — къ нему приставали, а теперь узнали кто онъ такой и стали отлагаться отъ него, и чтобъ ему не погибнуть, пусть прибѣгнетъ къ его величеству королю, который ему обѣщаетъ вѣрную награду!»

Тогда они сказали: «Пусть король намъ заплатитъ долгъ, который намъ обязанъ выплатить Димитрій; выйдетъ всего на двадцать милліоновъ злотыхъ; изъ нихъ пять милліоновъ пусть намъ уплатится теперь же отъ Рѣчи Посполитой за нашу службу Димитрію, а пятнадцать мы получимъ съ Московской земли, когда его величество овладѣетъ ею. А если почему нибудь не состоится предпріятіе, то все-таки пусть наша награда не пропадаетъ. Мы проложили королю дорогу въ Московское государство и дали къ нему доступъ.»

Коммисары сказали:

— «Вы, собравшись во имя Димитрія, и зная, что онъ обманщикъ, служили ему и творили фальшивое дѣло. Москвитяне думали, что онъ настоящій, и воевали за него съ вами за одно съ успѣхомъ, а какъ узнали, что онъ обманщикъ, то стали отпадать отъ него, особенно послѣ вашихъ грабежей и потерь. Тверская земля совсѣмъ отпала. Города возмутились противъ васъ прежде чѣмъ король вступилъ въ Московское государство; еще Сѣверская земля, страшась мести Шуйскаго, за васъ держится, а вовсе не ради вѣры въ вашего царя; частыя сраженія обезсилили васъ; счастье ваше упало; вамъ не только не возможно взять столицы, но еще вы должны будете отступить и показать свою слабость непріятелю. Было время, [redacted] вы держали всю землю въ рукахъ вашего обманщика, и [redacted] вы не получили себѣ желанной награды; а теперь куда вамъ ее получить, когда вы ослабѣли, а силы вашихъ непріятелей возрасли! Да если бы и вся земля досталась вашему обманщику, онъ все-таки вамъ не могъ бы заплатить этихъ милліоновъ. Легко ему обѣщать и писать обѣщанія — каково-то дать! Хоть бы и Москву вы взяли, — надѣлили бы васъ не равно; одинъ взялъ бы много, другому не досталось бы ничего! Вы вѣрите своему обманщику больше, чѣмъ законному королю! Какіе же вы друзья отечества, когда желаете, чтобы король, безъ согласія чиновъ государства, обязался такимъ огромнымъ долгомъ? Впрочемъ, вѣдь вы и отъ вашего царя не надѣялись такой награды иначе, какъ только тогда, когда Москву возьмете. Развѣ это можетъ теперь статься? Король не покинетъ этой войны, не отойдетъ домой; не съ тѣмъ онъ сюда пришелъ; если бы онъ ее оставилъ, то непріятель, оправившись, сталъ бы искать короля въ его собственныхъ предѣлахъ, сохрани Богъ! Король лучше съ жизнью разстанется, чѣмъ добрую славу утратитъ. Если король или мечемъ, или договоромъ покоритъ Московское государство, то знайте, что васъ за упрямство ожидаетъ гибель. Не вѣрьте, панове, что вамъ тамъ недобрые люди разсказываютъ о Польшѣ.

Правда, есть у насъ разбойники, негодяи, но Богъ простираетъ руку свою надъ нашимъ отечествомъ, и теперь таково его милосердіе, что добрые люди не допустятъ сдѣлаться ничему злому: найдутся такіе, что жизнь свою положатъ за государя и вольность. Домашнія недоразумѣнія не заставятъ короля возвратиться. Что же, что вы служили? Вы проливали вашу кровь за обманщика, забывали своего законнаго государя; отъ тѣхъ, которые изъ васъ пали въ битвѣ, не было никакой пользы отечеству, и ваша служба начнется тогда, когда вы начнете служить ею великому королю и получите отъ него приповѣдные листы. Король своимъ приходомъ вамъ ничѣмъ не помѣшалъ: онъ пришелъ въ ту сторону, гдѣ васъ не было, и гдѣ самая сильная сторона Московскаго государства. Король безъ васъ обойдется, а вы безъ короля не обойдетесь. Слабость скоро уничтожитъ васъ, а король хочетъ васъ усилить. Король хочетъ, чтобы вы и награду себѣ и славу получили. Теперь королю вамъ платить не за что; вы служили Димитрію, и если Димитрій что вамъ обѣщалъ, то обѣщалъ то, чего не имѣлъ; это была ложь, какъ и Димитрій вашъ ложный, а король что обѣщаетъ, то исполнитъ, только вы будьте умѣреннѣе. Есть два способа уплатить вамъ жалованье: первый щедрѣе, да не такъ вѣренъ, хотя и вѣрон[illegible]ъ; второй скупѣе, за то вѣрнѣе. Первый — заплатить вам[illegible] московской казны, когда мы овладѣемъ Москвою; второй — дать вамъ ассекурацію въ уплатѣ жалованья по вашей службѣ королю. Если удастся овладѣть Москвою или черезъ договоръ или мечемъ, мы предложимъ москвитянамъ, въ числѣ условій, заплатить вамъ, хоть бы и больше той суммы, какую вы запросили, лишь бы у нихъ казны достало; а если же они не захотятъ мирно покориться, то нужно будетъ войну вести съ ними. Ну, война требуетъ издержекъ и времени! На это обратите вниманіе. То, что издержится на войну, нужно будетъ вознаградить съ той же Московской столицы. Предоставьте лучше его милости королю правильный разсчетъ для ассекураціи вамъ на жалованье. А мы обѣщаемъ вамъ въ эту же зиму, если Богъ поможетъ его милости королю овладѣть Москвою, награду, только въ размѣрѣ справедливомъ. А то вѣдь у насъ нѣтъ перуанскихъ рудникозъ.»

Эти совѣщанія не окончились успѣхомъ: тушинцы пошумѣли и разошлись толковать между собою. Прошло нѣсколько дней. Это время употребили коммисары на то, чтобы обдѣлать дѣло поодиночкѣ. Они воздерживались отъ обѣщанія удовлетворить все войско; это было невозможно, за то они были щедры на обѣщанія начальникамъ и въ короткое время всѣхъ склонили на

свою сторону, въ томъ числѣ и Зборовскаго и самого Рожинскаго: ихъ приманили обѣщаніями старостъ. Между тѣмъ жолнѣры шумѣли; доходило у нихъ до дракъ. Воръ не смѣлъ и не въ силахъ былъ вмѣшиваться. Онъ попробовалъ было спросить Рожинскаго: зачѣмъ пріѣхали королевскіе коммисары? Рожинскій, тогда подпившій, сказалъ ему въ отвѣтъ: «А тебѣ, б..... сынъ, что за дѣло? они ко мнѣ, а не къ тебѣ пріѣхали. Чортъ тебя знаетъ, кто ты таковъ! Довольно мы служили тебѣ и проливали кровь, а награды не видимъ!» Какого-то Вишневецкаго, котораго воръ любилъ, не взлюбилъ Рожинскій и поколотилъ въ присутствіи своего царика, а потомъ прикрикнулъ на самого вора такъ, что тотъ запрятался куда-то. Другой польскій панъ Тышкевичъ обругалъ царика воромъ и мошенникомъ. Съ каждымъ днемъ положеніе его становилось опаснѣе. Но оно стало безвыходнымъ, когда королевскіе коммисары сошлись потомъ съ московскими людьми скорѣе, чѣмъ съ подданными своего государя. Они пригласили на разговоръ, знатнѣйшихъ изъ послѣднихъ; на челѣ ихъ былъ Филаретъ Никитичъ, съ нимъ были Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, князь Трубецкой; съ нимъ былъ и атаманъ Заруцкій.

Коммисары имъ говорили:

— «Не страшитесь того, что король вошелъ въ землю вашу съ войскомъ. Онъ не желаетъ вамъ зла, а по христіанскому милосердію и по сосѣдству хочетъ утишить Московское государство, потрясенное смутою отъ безстыднаго вора, и освободить народъ отъ мучителей, которые его утѣсняютъ. Если вы не пренебрежете его расположеніемъ и пожелаете, то король не только сохранитъ ваши обычаи, но будетъ оборонять ваши права, вѣру, вольности, женъ и дѣтей и ваши имущества. Вотъ къ королю пришли вѣрные слухи, что поганые турки и татары, пользуясь вашимъ раздѣленіемъ, приступаютъ къ нашимъ границамъ съ тѣмъ, чтобы пробившись черезъ наши земли, овладѣть вашими. Тогда постигнетъ погибель вашу древнюю вѣру христіанскую. Взирая на это, его величество король пришелъ на помощь государству Московскому, не желая, чтобъ его собственныя земли были окружены невѣрными. За ваше расположеніе къ вѣрнымъ подданнымъ и честному народу обоихъ своихъ государствъ его величество король окажетъ вамъ свою милость: вы узнаете ее не на словахъ, а на дѣлѣ, изъ добраго окончанія этого предпріятія [1]).

[1]) March. 159.

Коммисары вручили имъ королевскую грамату. Филаретъ и бояре заплакали отъ такихъ словъ и сказали въ отвѣтъ:

— «Слава высочайшему Господу Богу, что вдохнулъ наилучшему королю желаніе положить конецъ долгимъ нашимъ бѣдамъ и страданіямъ! Мы объ одномъ только просимъ, одного молимъ: чтобъ онъ нашу православную вѣру сохранилъ ненарушимо и наши монастыри и святыню.»

Коммисары отвѣчали: «Именемъ короля мы клянемся вамъ, что все станется по вашему желанію.»

Бояре порѣшили отречься отъ царика, отречься и отъ Шуйскаго, отдаться Сигизмунду и стараться привести ему въ подданство всѣ Московское государство.

Воръ увидѣлъ, что уже ему нѣтъ надежды; поляки поодиночкѣ склонялись на сторону коммисаровъ; московскіе бояре и дворяне были противъ него; онъ боялся, что его не сегодня-завтра свяжутъ. Онъ рѣшился бѣжать. Говорятъ, что онъ пришелъ къ своей женѣ и сказалъ: «Либо мнѣ, либо Рожинскому приходится пропасть! Онъ оскорбляетъ меня! Я недостоинъ буду видѣть твоихъ очей, если не отомщу ему. Онъ заодно съ королемъ своимъ, у нихъ противъ меня злой умыселъ. Оставайся здѣсь ты, а я убѣгу! [1])» По другому извѣстію [2]), Димитрій утаилъ отъ Марины свой замыселъ. Какъ бы то ни было, онъ переодѣлся въ крестьянское платье и вечеромъ убѣжалъ изъ табора. Съ нимъ ушелъ шутъ его Кошелевъ. Онъ убѣжалъ въ Калугу, куда уже прежде отослали его бояре свои семьи [3]), и первымъ его дѣломъ было написать грамату и разослать по городамъ, чтобъ московскіе люди ловили и убивали поляковъ, а ихъ имущества свозили въ Калугу [4]). Въ таборѣ нѣсколько времени не знали, куда дѣвался царикъ, и думали, что онъ убитъ [5]). Такая вѣсть распространилась и въ войскѣ Скопина, и предводитель московскаго войска писалъ въ своей граматѣ за вѣрное, что тушинскаго вора убили польскіе и литовскіе люди.

Въ ту же ночь послѣ бѣгства вора произошелъ страшнѣйшій безпорядокъ въ таборѣ. Пестрое войско, собранное во имя призрачнаго царя, узнавши, что его нѣтъ, металось во всѣ стороны. Толпы напали на Рожинскаго, кричали: «Гдѣ царь? куда ты его дѣвалъ? это ты его спровадилъ!» Рожинскій увѣрялъ и клялся, что онъ невиненъ, не знаетъ, куда убѣжалъ царикъ; но

---

[1]) Buss. 97.
[2]) Кобѣржицкій, 152.
[3]) Marchoc. 62.
[4]) Buss. 48.
[5]) Buss. ibid.

въ тоже время удачно дѣйствовалъ на подчиненныхъ присутствіемъ духа и умѣньемъ сохранять повелительный тонъ. Московскіе люди не только не пожалѣли о ворѣ, но пошли процессіею къ ставкѣ коммисаровъ: впереди шелъ Филаретъ. Они возвѣстили, что радуются и благодарятъ Бога за то, что избавилъ ихъ отъ вора. Коммисары имъ сказали: «До сихъ поръ мы явно не смѣли объявить вамъ наше къ вамъ посольство, бояре, а теперь вручаемъ вамъ грамату его милости короля, и сами готовы положить за васъ жизнь свою». Тутъ они вручили имъ королевское письмо. Утромъ волненіе въ таборѣ усилилось. Поляки побѣжали къ ставкѣ коммисаровъ. «Это вы его прогнали, кричали они: изрубить гетмана! перебить коммисаровъ!»

Тѣ ротмистры, которые хотѣли укротить волненіе, не могли ничего сдѣлать; но такъ какъ бунтовавшіе не вѣрили въ Димитрія, не были привязаны къ нему, а всполошились отъ того, что у нихъ отняли знамя, подъ которымъ они всѣ надѣялись не потерять того, что заслужили, и получить золотыя горы, то въ концѣ концовъ—они воспользовались тѣмъ, чѣмъ можно было: напали на царскія избы, перетрясли все въ нихъ, и захватили изъ нихъ то, что было подороже: серебро, золото, что было тамъ въ сосудахъ и въ деньгахъ — все это въ мигъ разошлось по рукамъ. Къ вечеру волненіе улеглось.

Но на другой или на третій день какой-то Казимирскій распространялъ по обозу вѣсть, будто Димитрій прислалъ письмо къ тушинцамъ. Таборъ взволновался снова. Нѣсколько дней — говорятъ коммисары въ своемъ донесеніи[1]) — таборъ похожъ былъ на толпу бѣшеныхъ или сумасшедшихъ. Вѣсть оказалась ложною, и Рожинскій приказалъ повѣстить, что впередъ кто будетъ распространять такія вѣсти, тотъ подвергнется наказанію. Волненіе утишили болѣе всего московскіе люди, гласно заявлявшіе расположеніе къ Сигизмунду. Они оказывали готовность не признавать отнюдь ни вора, ни Шуйскаго, и пригласить на Московское государство царемъ, сына Сигизмундова, Владислава. Приверженцы вора, какъ поляки, такъ и русскіе, злобились на московскихъ знатныхъ людей, изъявившихъ это желаніе. Но поляки, видя, что ихъ царика нѣтъ болѣе на лицо, а русскіе склоняются къ польскому королю, поставлены были въ такое положеніе, что невольно должны были согласиться съ коммисарами. Невозможно было имъ, подданнымъ короля, идти противъ него и держаться того, кто назывался московскимъ царемъ, когда тѣ, которые считались законными подданными этого царя, отверглись отъ него

[1]) Bibl. Krasin. B. 1. 6.

и обратились къ польскому королю. Коммисары обѣщали имъ жалованье и побуждали послать депутацію къ королю, ободряя надеждами, что посольство ихъ будетъ успѣшно. И они наконецъ, собравшись въ кòло, положили отправить депутатовъ къ королю, но такъ, чтобы выторговать у него побольше для себя выгодъ. Но въ тоже время Янушъ Тышкевичъ поѣхалъ въ Калугу къ вору, съ посольствомъ отъ рыцарства.

Московскіе люди за одно съ поляками отправили изъ своей среды посольство къ Сигизмунду.

Коммисары окончили свое дѣло. Собравшись ѣхать къ королю, Стадницкій написалъ къ Маринѣ письмо. Онъ называлъ ее не царицею, даже не великою княгинею, а воеводянкою сендомирскою, и уговаривалъ оставить честолюбивыя намѣренія. Марина отвѣчала ему: «Доброжелательство вашей милости для меня пріятно какъ отъ лица, связаннаго со мною родствомъ. Я имѣю надежду, что Богъ — мститель неправдамъ, охранитель невинности; онъ не дозволитъ моему врагу Шуйскому пользоваться плодами измѣны и злодѣяній своихъ. Ваша милость должны помнить, что кого Богъ разъ осіялъ блескомъ царственнаго величія, тотъ не потеряетъ этого блеска никогда, такъ какъ солнце не потеряетъ своего блеска отъ того, что иногда закроетъ его скоропроходящее облако». Она подписалась «царицею московскою». Вмѣстѣ съ тѣмъ она написала письмо къ королю, подписанное числомъ 15 января. Въ этомъ письмѣ Марина извѣщала, что, узнавши о вступленіи Сигизмунда, желаетъ успѣха его намѣреніямъ. Она говорила, что находилась до сихъ поръ въ заключеніи, которое мѣшало ей обратиться къ королю. Марина выражалась такъ: «Если чѣмъ нибудь на свѣтѣ играла судьба, то, конечно, мною: изъ шляхетскаго званія она вознесла меня на высоту московскаго престола для того, чтобъ бросить въ ужасное заключеніе: только-что лишь проглянула обманчивая свобода, какъ судьба ввергнула меня въ неволю, повидимому, лучшую, но въ самомъ дѣлѣ еще злополучнѣйшую, такъ что я не могу жить сообразно моему сану. Все отняла у меня судьба: остались только справедливость и право на московскій престолъ, обезпеченное коронаціею, утвержденное признаніемъ въ званіи царицы и укрѣпленное двойною присягою всѣхъ сословій Московскаго государства. Я увѣрена, что ваше величество по мудрости своей вознаградите съ королевскою щедростію и меня и фамилію мою, которая достигала этой цѣли съ потерею права и съ большими издержками [1])». Марина подписалась «московской царицей».

[1]) Кобѣржн. 158. — Ист. См. Вр. 10, пр. П. стр. 6.

Партія, склонная къ переходу на сторону короля, опять составила коло и приговорила послать къ нему депутацію, которая должна была представить ему на письмѣ пункты. Выбрали для этого восемь депутатовъ [1]). Послы отъ московскихъ людей, находившихся въ лагерѣ были: Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и сынъ его Иванъ, князь Василій Рубецъ-Мосальскій, Юрій Хворостининъ, князь Ѳедоръ Мещерскій, дьякъ Иванъ Грамотинъ и другіе дворяне и дьяки, числомъ 42 [2]).

Прибытіе московскихъ пословъ было истиннымъ праздникомъ для національнаго польскаго самолюбія. Поляки радовались и думали, что завоеваніе Московіи совершено безъ боя. Бояре прибыли въ лагерь подъ Смоленскъ 27 января. Имъ дали отдохнуть, и 31 позвали на аудіенцію къ королю. Король сидѣлъ въ шатрѣ, окруженный сенаторами. По дипломатическимъ обычаямъ, послы произносили предъ королемъ рѣчь такимъ образомъ, что одинъ начиналъ и останавливался, продолжалъ другой съ того мѣста, гдѣ остановился первый, а другого смѣнялъ такимъ же образомъ третій. Сначала приблизился къ королю Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, поцѣловалъ руку и сказалъ привѣтствіе: онъ поздравлялъ короля съ прибытіемъ въ московскую землю, благодарилъ за письмо, присланное королемъ, заявлялъ, что московскій народъ расположенъ къ королю и желаетъ отдаться ему въ покровительство и повѣрить ему судьбу свою. Салтыковъ сказалъ, что нужно теперь войти въ совѣщаніе объ этомъ важномъ дѣлѣ. Михайло Глѣбовичъ остановился; его смѣнилъ сынъ его Иванъ. Онъ объявилъ отъ лица Филарета, котораго назвалъ патріархомъ, отъ всего духовенства и отъ всего народа благодарность за то, что король пожаловалъ въ московскую землю, какъ государь христіанскій и милосердый, соболѣзнуя о всеобщемъ смятеніи всѣхъ людей Московскаго государства, о повсемѣстномъ разореніи и опустошеніи его областей, для того, наконецъ, чтобы своимъ вліяніемъ при Божіей милости водворить въ разоренной странѣ миръ и тишину. Иванъ Салтыковъ перечислилъ русскихъ государей, начиная отъ Рюрика, котораго производилъ отъ Августа Кесаря, дошелъ до Ѳедора Ивановича, сказалъ объ убійствѣ Димитрія и о томъ, что послѣ того московскими государями явились незаконные государи, похитители престола. Ивана

---

[1]) Хруслинскаго, Стоборовскаго, Яйковскаго, Войтковскаго, Дворжицкаго, Павловскаго и Пепловскаго, отъ Сапѣги — Стравинскаго. (Рукоп. Генер. Штаба).

[2]) Между ними значатся: Левъ Плещеевъ, Никита Вельяминовъ, Тимоѳей Грязной, Ѳедоръ Андроновъ, Иванъ Чичеринъ, Степанъ Соловецкій, Евдокимъ Витовтовъ и др. (Собр. гос. гр. II, 451. — Карамзинъ, XII, 225).

Салтыкова смѣнилъ князь Василій Мосальскій и въ пышныхъ выраженіяхъ сравнилъ московскую землю съ бурнымъ моремъ, а потомъ и о королѣ сказалъ, что онъ съ войскомъ пришелъ по Божію указанію для того, чтобъ спасти корабль государства, разбиваемый разъяренными волнами. За княземъ Мосальскимъ держалъ рѣчь дьякъ Иванъ Грамотинъ: ему приходилось сказать самую суть дѣла. Онъ говорилъ: «Такъ какъ самъ Богъ поручилъ королю прекратить кровопролитіе, междоусобіе въ московской землѣ, то патріархъ Филаретъ, духовенство, бояре, окольничьи, дворяне, думные дьяки, стольники, стряпчіе и всякаго званія московскіе люди бьютъ челомъ королю и объявляютъ, что они желаютъ возвести на престолъ Московскаго государства королевича Владислава, съ тѣмъ чтобъ король сохранилъ неприкосновенно святую вѣру греческаго закона, которую столько вѣковъ свято исповѣдывали московскіе люди.» Тогда Михайло Салтыковъ сталъ говорить снова и также изъявилъ желаніе имѣть въ Московскомъ государствѣ царемъ королевича Владислава, если только то согласно съ королевскою волею. Рѣчь Салтыкова на этотъ разъ была коротка, — его замѣнилъ снова дьякъ Грамотинъ и рисовалъ выгоды, какія могутъ послѣдовать отъ соединенія двухъ государствъ, Польши и Россіи. «Мы просимъ — сказалъ Салтыковъ — чтобъ немедленно были назначены паны-сенаторы для совѣщанія съ нами объ этомъ важномъ дѣлѣ, ибо мы имѣемъ на то порученіе отъ нашихъ братій, какъ находящихся въ Тушинѣ, такъ и тѣхъ, что находятся въ Москвѣ».

По повелѣнію короля, имъ далъ отвѣтъ по должности канцлера Левъ Сапѣга: «Его величество король очень радъ прибытію такихъ почтенныхъ пословъ отъ чиновъ Московскаго государства, и принимаетъ подъ свое покровительство св. греческую вѣру и храмы, сообразно благочестію христіанскаго государя и вашему расположенію къ его величеству. По важности дѣла, съ которымъ вы прибыли, король чрезъ нѣсколько дней назначитъ пановъ-сенаторовъ, которые будутъ съ вами совѣщаться объ этомъ».

Послѣ этого отвѣта пословъ провели въ назначенные имъ ставки съ большими почестями [1]).

Чрезъ полчаса послѣ отпуска московскихъ пословъ, допущены были въ присутствіе польскаго короля посолъ отъ поляковъ тушинскаго войска. Хруслинскій на челѣ ихъ проговорилъ рѣчь, исполненную покорности и готовности служить королю.

[1]) Кобѣрж. 165. — Ист. См. Вр. III, прил. 173.

Но вслѣдъ за тѣмъ подано было на бумагѣ двѣнадцать пунктовъ такого содержанія:

Они домогались, чтобъ король, овладѣвши Москвою, исполнилъ всѣ обѣщанія, какихъ имъ надавалъ Димитрій, и чтобы придалъ къ этому еще пошлины и общественные доходы. Но такъ какъ всякое счастіе непостоянно, то пусть король обѣщаетъ, въ случаѣ неудачъ, жалованье за двѣ четверти, которое должно быть обезпечено королевскими старостами и имуществами. Сверхъ того, они просили еще за одну четверть на покупку вооруженія, лошадей и лагернаго хозяйства. Независимо отъ этого, они просили, чтобъ король засчиталъ имъ въ службу время отъ праздника Рождества Христова 1609 года наравнѣ съ прочими своими войсками, на томъ основаніи, что они покинули Димитрія. Въ добавокъ они просили, чтобы король обезпечилъ Марину и отдалъ ей въ надѣлъ тѣ города и волости, которыя царь Димитрій ей обѣщалъ предъ бракосочетаніемъ, а для самого Димитрія выговаривали одно изъ большихъ удѣльныхъ княженій русскихъ. Эти требованія не показались пріятными, ни для короля, ни для сенаторовъ.

Переговоры съ московскими людьми происходили въ половинѣ февраля. Мѣсто для совѣщаній назначено у короннаго подканцлера Крискаго. Салтыковъ говорилъ длинную рѣчь, гдѣ между прочимъ сказалъ: «У насъ давно было желаніе, чтобы, послѣ прекращенія дома нашихъ старыхъ государей изъ рода Рюрикова, принялъ скипетръ россійской державы родъ польскаго короля Жигимонта». Онъ свидѣтельствовалъ о такомъ общемъ желаніи, какъ членъ боярской думы, которому извѣстны были политическія побужденія. «Намъ — продолжалъ онъ — мѣшала злоба Годунова, убійцы послѣдняго наслѣдника; потомъ появился ложный Димитрій, низложилъ похитителя Бориса, и захватилъ неправедно царство, и достойно былъ наказанъ. Тогда въ умахъ московскихъ людей было желаніе, чтобы царствовалъ у насъ Владиславъ; но Василій Шуйскій похитилъ престолъ, достигши его убійствомъ поляковъ. Не терпѣла московская земля злодѣя, были смѣлые и безстрашные люди, которые явно говорили, что онъ недостоинъ этого сана; распространилась въ Москвѣ книжечка, гдѣ показано предсказаніе царя Ѳедора Ивановича, что одному роду короля польскаго придется успокоить царство московское, избавить его отъ бѣдъ и привести въ прежнюю славу. Тимоѳей явно обличалъ Шуйскаго за убійство поляковъ и доказывалъ очевидно, что черезъ это онъ подалъ поводъ ко всѣмъ бѣдствіямъ и смутамъ. Тимоѳей жизнію заплатилъ за вольныя рѣчи; но бояре все-таки памятовали свой прежній совѣтъ, не хотѣли служить Шуйскому и

пристали лучше къ вору, хоть не считали его дѣло справедливымъ, хоть и знали, что онъ права не имѣетъ, но изъ ненависти къ Шуйскому къ нему пристали, ожидая только случая и перемѣны къ лучшему; а какъ услышали о прибытіи короля, то стали сноситься съ тѣми своими братьями, что были въ столицѣ, и положили на томъ, что и другіе вмѣстѣ отрекутся отъ Шуйскаго какъ и отъ вора, и согласно всею душею и всѣми силами обратятся къ королю и станутъ просить, чтобъ его родъ воцарился въ Московскомъ государствѣ. Когда же послы вашего величества прибыли въ тушинскій лагерь, то патріархъ и всѣ чины тѣмъ охотнѣе изъявили свои задушевныя желанія, чѣмъ долѣе должны были ихъ таить. Теперь мы просимъ короля, чтобы позволилъ намъ выбрать государя изъ его дома, потому что нельзя самому королю управлять Московскимъ государствомъ чрезъ намѣстниковъ; пусть король соизволитъ намъ дать королевича Владислава. А самъ какъ можетъ скорѣе изволитъ идти къ столицѣ нашей; тогда мы свергнемъ и казнимъ ненавистнаго Шуйскаго, тогда и Смоленскъ, подъ которымъ тратите столько силъ, и всѣ города по примѣру Москвы покорятся».

Сенаторы, назначенные для совѣщанія, отвѣчали московскимъ посламъ любезностями. У короля съ сенаторами происходилъ послѣ того совѣтъ, и тутъ сенаторы стали говорить съ недовѣрчивостію. «Ничего не можетъ быть славнѣе какъ призвать къ этому великому назначенію царственнаго отрока Владислава, надежду христіанства; но только не надобно забывать, съ какимъ народомъ имѣемъ дѣло: у этого народа такіе же суровые нравы, какъ сурово небо ихъ земли: онъ негостепріименъ, ненавидитъ иноземцевъ, вѣроломенъ, коваренъ; съ нимъ надобно водиться съ большою осторожностію. Надобно извѣдать, что у нихъ на умѣ. Можетъ быть, они только хотятъ избавиться отъ Шуйскаго и поневолѣ къ намъ обращаются. Царствомъ этимъ легко овладѣть, да удержать его будетъ много труда. Но все же не слѣдуетъ пренебрегать случаемъ, такъ какъ небо даетъ намъ въ руки это государство; надобно ласкать ихъ, когда они теперь расположены лучше отдаться чужимъ государямъ чѣмъ своимъ, и когда нѣтъ въ виду у нихъ претендента, которому бы они приносили законное повиновеніе». Вообще однако сенаторы порѣшили на томъ, что такого важнаго дѣла окончательно рѣшить нельзя безъ согласія всѣхъ чиновъ польскаго королевства и не узнавши дѣйствительнаго расположенія москвитянъ, а потому и невозможно постановить что-нибудь прочное. Послѣ этихъ разговоровъ дали отвѣтъ московскимъ посламъ въ такомъ смыслѣ:

«Его величество король, будучи сильно оскорбленъ Шуйскимъ, вошелъ въ землю московскую не ради мщенія, а чтобъ успокоить ее и прекратить кровопролитіе. Но такъ какъ всѣ чины Московскаго государства желаютъ избрать государемъ королевича Владислава, то если такова воля Божія, король не отказываетъ дать вамъ своего сына на престолъ московскій, но тогда, когда весь народъ московскій пожелаетъ этого, все успокоится и разойдутся тучи, висящія надъ Московскимъ государствомъ,—только тогда король согласится исполнить желаніе всего московскаго народа. Его величество ожидаетъ, чтобъ всѣ поляки, которые держатся еще обманщика, соединились съ королевскими войсками, тогда (если Богъ дозволитъ) первымъ стараніемъ короля будетъ идти къ Москвѣ и даровать ей спокойствіе [1]».

Послѣ того было нѣсколько совѣщаній, которыя на первыхъ порахъ привели къ недоразумѣніямъ. Московскіе послы предложили 18 пунктовъ предварительныхъ условій, на которыхъ они отдаютъ Московское государство въ волю короля. Важнѣйшимъ пунктомъ столкновенія было требованіе русскихъ, чтобъ будущій ихъ царь Владиславъ отрекся отъ римской вѣры, принялъ православную вѣру греческаго закона и вѣнчался отъ московскаго патріарха, и чтобы не впускать католиковъ и лютеранъ въ русскія церкви. Поляки соглашались на вѣнчаніе отъ патріарха, но спорили сильно за прочее. Двѣ недѣли прошло въ этихъ спорахъ. Наконецъ, сенаторы отъ имени короля дали такой отвѣтъ:

«Король не противится, чтобъ не пускать иновѣрцевъ въ русскія церкви, но желаетъ, чтобъ для поляковъ и литвиновъ, когда они будутъ жить въ Москвѣ, построенъ былъ по крайней мѣрѣ хотя одинъ костелъ, и русскій, если захочетъ войти туда, обязанъ вести себя прилично. Что же касается до обращенія сына въ греческую вѣру, то король ни сына своего, ни кого другого не станетъ насильно удерживать или обращать въ римскую вѣру; ибо къ вѣрѣ слѣдуетъ склонять убѣжденіями, а не насиліемъ.»

Тогда составленъ былъ договоръ изъ осьмнадцати пунктовъ, которые послужили на будущее время основаніемъ при избраніи Владислава всею землею московскою. Однако тогда были постановлены нѣкоторыя правила, не вошедшія въ послѣдующій договоръ, а именно: чтобы учители римской и лютерской вѣры «не учинили разоренія въ церкви.» Такимъ образомъ, видно, что московскихъ людей смущалъ уже примѣръ цер-

[1]) Кобѣрж. 177.

ковной уніи въ польскихъ владѣніяхъ; они хотѣли избавить себя отъ іезуитскихъ козней. Дозволялось входить въ русскую церковь католикамъ, но не въ шапкахъ, не сидѣть въ церкви во время богослуженія, не водить съ собою собакъ и вообще вести себя безъ высокомѣрія, со смиреніемъ; слѣдовало сохранить денежные оброки и помѣстья и вотчины, дозволять изъ Московскаго государства ѣздить учиться въ христіанскіе края, исключая бусурманскихъ, также русскимъ купцамъ ѣздить для торговли, какъ и польскимъ позволять торговать въ Россіи. Въ этомъ видно, что Салтыковъ былъ одинъ изъ совѣтниковъ перваго Димитрія и также какъ онъ хотѣлъ введенія западной цивилизаціи въ Россію. Бояре обезпечивали за собою власть надъ холопами. Постановлено было правило, впослѣдствіи выброшенное, что государь не будетъ давать вольности холопамъ боярскимъ [1]).

Окончательное признаніе Владислава отложено до будущаго времени, и послы, обнадеженные и обласканные, пировали у Сигизмунда, пировали съ панами и были плѣнены любезностію, съ какой обращались съ ними поляки. Какъ бы въ подтвержденіе словъ ихъ, что москвитяне желаютъ Владислава, явились воеводы изъ Ржевы-Володимеровой и Зубцова, били челомъ и отдавали управляемую ими землю Сигизмунду. Но Смоленскъ не думалъ имъ послѣдовать. Салтыковъ напрасно заохочивалъ Шеина къ сдачѣ и представлялъ, что черезъ это успокоится вся земля московская, что всего лучше быть въ союзѣ съ Польшею. Шеинъ, съ совѣта архіепископа Сергія, не хотѣлъ слушать предложеній и толковать объ нихъ [2]).

Послы собирались возвращаться, какъ депутаты отъ войска, которые не получили удовлетворенія отъ короля, обратились къ нимъ съ притязаніями, ссылались на то, что москвитяне въ Тушинѣ обѣщались дѣлиться нераздѣльно съ поляками, и теперь настаивали, чтобъ они взяли на себя посредство и не отдѣляли своего дѣла отъ ихъ дѣла. Король приказалъ призвать посланцовъ отъ войска и въ присутствіи своемъ дать отвѣтъ рѣшительный. Канцлеръ вручилъ имъ этотъ отвѣтъ на письмѣ, гдѣ объяснено было, что король не беретъ на себя того, чего онъ взять не можетъ по правамъ польскимъ безъ согласія чиновъ Рѣчи Посполитой, то есть налагать налоговъ и распоряжаться королевскими имѣніями; но король обѣщалъ имъ вознагражденіе послѣ того, какъ овладѣетъ Московскимъ государствомъ, и опре-

---

[1]) Сб. Мух. 178.

[2]) Кобержицк. 190.

дѣлялъ Сѣверскую и Рязанскую земли на сборъ изъ ихъ доходовъ жалованья войску, сверхъ того, онъ обѣщалъ имъ на поправку особую *донативу*, т. е. въ подарокъ извѣстную сумму. Что касается до Марины, то ей, какъ женѣ бывшаго на престолѣ Димитрія, король изъявлялъ готовность сохранить, сообразно справедливости, часть Московскаго государства, уступленную боярами, и обѣщалъ говорить объ этомъ при договорѣ съ московскимъ народомъ, хотя замѣчено было, что поступки Марины не приносятъ пользы ни королю, ни Рѣчи Посполитой; о тогдашнемъ Димитріѣ сказано было, что этотъ человѣкъ, постыдно убѣжавшій отъ рыцарства, безъ всякой причины бросался на людей его королевскаго величества, и королю извѣстно, что онъ на нихъ самихъ зломыслитъ; но, если онъ не будетъ впередъ мѣшать дѣлу короля и Рѣчи Посполитой и не станетъ отвлекать московскаго народа отъ короля, то и ему окажется вниманіе. Канцлеръ объявилъ посламъ, что они могутъ ѣхать къ войску, а вслѣдъ за ними поѣдетъ воевода Брацлавскій Янъ Потоцкій, уполномоченный подробнѣе уладить съ ними ихъ дѣло.

Московскіе послы уѣхали 20 февраля. Польскіе — 1 марта.

Между тѣмъ, въ обозѣ подъ Тушинымъ происходило ужасное волненіе. Посланный къ Димитрію отъ рыцарства Янушъ Тышкевичъ пріѣхалъ назадъ въ Тушино и привезъ письмо отъ царика. Воръ жаловался на коварство польскаго короля, называлъ его виновникомъ своихъ неудачъ, обвинялъ въ измѣнѣ своихъ московскихъ людей и въ предательствѣ служившихъ ему польскихъ пановъ, особенно Рожинскаго и Конаровскаго, убѣждалъ рыцарство ѣхать къ нему на службу въ Калугу и привезти къ нему его супругу; предлагалъ тотчасъ же имъ по 30 злот. на коня, подтверждалъ прежнія свои обѣщанія, которыя должны исполниться по завоеваніи Москвы, припоминалъ, что онъ прежде ничего не дѣлалъ безъ совѣта со старшими въ рыцарствѣ, и впередъ будетъ совѣтоваться съ рыцарствомъ во всемъ; только въ дѣлахъ, касающихся его собственной особы и его государства, онъ предоставляетъ себѣ право совѣтоваться съ своими Московскаго государства боярами. Царикъ требовалъ, чтобы рыцарство казнило Рожинскаго и другихъ, кто окажется виновнымъ противъ царя, а если ихъ нельзя казнить, то по крайней мѣрѣ не держать ихъ въ войскѣ, и чтобы они были изгнаны изъ Московскаго государства навсегда, а впередъ рыцарство пусть избираетъ себѣ гетмана не иначе, какъ съ царскаго соизволенія. Виновныхъ въ измѣнѣ бояръ и дворянъ, людей Московскаго государства, царикъ требовалъ привезти къ нему въ Калугу на казнь. Съ своей стороны, царикъ обязывался освободить

всѣхъ поляковъ, которыхъ задержали въ разныхъ городахъ по его граматамъ [1]). Это письмо произвело волненіе. Сторонники вора и недоброжелатели короля воспользовались имъ. Марина бѣгала по ставкамъ, умоляла, заклинала рыцарство, обращалась къ знаемымъ, являлась съ распущенными волосами, со слезами на глазахъ; въ ея голосѣ и рѣчахъ было столько увлекательнаго! въ ней была сильная воля, неустрашимость: она, говоритъ современникъ [2]), не останавливалась ни предъ какими средствами, хотя бы противными женской стыдливости, лишь бы расположить къ себѣ сердца.... въ ея устахъ обѣщанія выгодъ принимали особенную силу.... ея агенты разсѣевали по обозу вѣсти отъ Димитрія. Рѣчи ихъ были таковы: «Неужели всѣ униженія, всѣ труды должны пропадать въ угоду королю? Московское государство было почти въ нашихъ рукахъ, а мы его упускаемъ. Будемъ держаться Димитрія, получимъ больше отъ него; завладѣемъ Москвою, тогда-то заплатятся намъ всѣ наши лишенія и труды.» Отъ имени Димитрія нечего было жалѣть обѣщаній. Поджигали воиновъ противъ Стадницкаго, Вайера: «Это они обошли насъ!» Предводители, которые были родомъ познатнѣе, не соблазнялись этимъ.

Но Димитрій былъ необходимъ для тѣхъ поляковъ, которые вышли изъ отечества, потому что потеряли собственность, или не имѣли ее и хотѣли пріобрѣсть въ завоеванной московской землѣ; равно и для тѣхъ, которые не думали вовсе о собственности, а хотѣли пожить весело и своевольно. И тѣ и другіе больше надѣялись отъ Димитрія, чѣмъ отъ короля. При томъ же, вступивши въ королевское войско, нужно было подчиняться дисциплинѣ, а въ войскѣ тушинскаго вора ея не было: тутъ у самого того, кого называли царемъ, не просили милостей, а требовали дерзко, даже съ ругательствами. И такое обращеніе дѣлало для нихъ привлекательнымъ тушинскій таборъ. Жаль было веселаго, своевольнаго житья въ немъ. Болѣе всего несогласны были служить королю донскіе казаки. Поляковъ могли привязывать къ королю хотя отношенія подданныхъ; но донскимъ казакамъ Сигизмундъ совершенно чужой, какъ и Шуйскій, какъ отчасти и сама Москва была имъ также чужою: имъ нуженъ былъ свой государь, царь своеволія. Ихъ атаманъ Заруцкій, раздѣлявшій впослѣдствіи свою участь съ Мариною, тогда еще должно быть не сошелся съ нею; онъ присталъ было къ сторонѣ короля и хотѣлъ своихъ подчиненныхъ вести подъ

[1]) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Hist. Pol. IV, № 33.
[2]) Кобѣрж. 202.

Смоленскъ. Но донскіе казаки выходили изъ табора и шли къ Димитрію въ Калугу. Заруцкій объявилъ объ этомъ Рожинскому. Поляки говорили: «Можетъ быть, они даже не къ Димитрію пойдутъ, а въ Москву къ Шуйскому. Не слѣдуетъ выпускать ихъ.» Только что они вышли, какъ Рожинскій послѣдовалъ за ними и началъ стрѣлять по нимъ изъ пушекъ. Такимъ образомъ положили ихъ тысячи двѣ, другіе успѣли уйти впередъ и пошли къ Калугѣ. Не посчастливилось одному отряду, который успѣлъ уйти отъ Рожинскаго: его разбилъ Млоцкій на дорогѣ. Остальные достигли Калуги. Въ числѣ пришедшихъ съ казаками были: князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой и Засѣкинъ. Были и такіе изъ донцовъ, что воротились и послушались Заруцкаго [1]).

Однако, по уходѣ казаковъ, польскій обозъ не успокоился. Тѣ, которые были расположены къ Димитрію, не могли поспѣть на помощь казакамъ, за которыми погнался Рожинскій. Марина приведена была внѣ себя поступкомъ Рожинскаго; дѣлавшись открытымъ врагомъ донскихъ казаковъ, онъ заявилъ себя и ея врагомъ. Марина рѣшилась бѣжать, и 10 февраля 1610 года оставила у себя въ шатрѣ письмо такого содержанія.

«Безъ родителей и кровныхъ, безъ друзей и покровителей, въ одиночествѣ съ моимъ горемъ, мнѣ остается спасать себя отъ послѣдняго искушенія, что готовятъ мнѣ тѣ, которые должны бы оказывать мнѣ защиту и попеченіе. Горько моему сердцу! Меня держатъ какъ плѣнницу; негодные ругаются надъ моею честью, въ своихъ пьяныхъ бесѣдахъ приравниваютъ меня къ распутницамъ, и строятъ противъ меня измѣны и заговоры. За меня торгуются, замышляютъ отдать меня въ руки того, кто не имѣетъ никакого права ни на меня, ни на мое государство. Гонимая отовсюду, я свидѣтельствуюсь Богомъ, что вѣчно буду стоять за свою честь и достоинство. Разъ бывши государыней столькихъ народовъ, царицею московскою, я не могу возвратиться въ званіе польской шляхтянки и никогда не захочу. Поручаю честь свою и охраненіе храброму рыцарству польскому; надѣюсь, что это благородное рыцарство будетъ помнить свою присягу и тѣ дары, которыхъ отъ меня ожидаетъ» [2]).

Ночью съ 16 на 17, убѣжала Марина изъ лагеря, переодѣтая въ мужское платье. Ее провожала дѣвочка служанка и нѣсколько казаковъ. Путь ея лежалъ въ Калугу къ мужу; но она сбилась съ дороги и попала въ Дмитровъ, гдѣ былъ от-

---

[1]) Мархоц. 64.

[2]) Кобѣрж. 205. — Нѣмцев. II, 282.

рядъ Сапѣги [1]). По другимъ [2]) извѣстіямъ, она напередъ условилась съ Сапѣгою и убѣжала прямо подъ его защиту.

Когда не оставалось болѣе въ лагерѣ ни царика, ни жены его, нужно было или приставать къ Сигизмунду, или убѣгать изъ-подъ Москвы. Негодованіе противъ Рожинскаго возрастало болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ. Буйныя толпы жолнѣровъ сходились и кричали: «Негодяй, Рожинскій! ты своимъ высокомѣріемъ прогналъ Димитрія, и бѣдная супруга его отъ тебя убѣгать должна была! Гдѣ наши выгоды? Подъ чье предводительство пойдемъ теперь? гдѣ вѣрность твоя, Рожинскій? Зачѣмъ черезъ тебя мы теряемъ наше жалованье и награды? Нѣтъ, ты намъ болѣе не гетманъ, Рожинскій! ты бѣглецъ, негодный измѣнникъ! Отдай намъ царя нашего, и если ты задумалъ выдать его непріятельскому мечу, то знай, что самъ прежде ляжешь подъ нимъ [3])!»

Рожинскій убѣждалъ ихъ имѣть терпѣніе, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока возвратятся отправленные къ королю послы, а между тѣмъ писалъ къ королю: «войско волнуется; если на положенный срокъ оно не получитъ удовлетворенія, то трудно будетъ удержать его отъ дальнѣйшихъ безпорядковъ».

Московскіе люди, оставшіеся въ лагерѣ вмѣстѣ съ Филаретомъ, котораго все-таки продолжали величать патріархомъ, такъ же роптали, что не имѣютъ никакихъ свѣдѣній о расположеніи короля, и жаловались, что запорожскіе казаки, подданные Сигизмунда, безчинствуютъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ, не смотря на то, что этотъ уѣздъ весь передался Сигизмунду [4]). Наконецъ, прибыли послы въ лагерь и прочитали отвѣтъ короля, изъ котораго увидали, что тамъ одни обѣщанія. Многіе тогда же оказали недовѣріе и волновались сильнѣе. Требовали немедленно денегъ. Рожинскій скорѣе отправилъ къ королю Комаровскаго и Оболковскаго. «Войско, доносилъ онъ, готово идти къ Димитрію снова, уже и посланцовъ къ нему назначаетъ; если жалованье ему не будетъ какъ можно скорѣе заплачено, то оно уйдетъ. Если воевода Брацлавскій пріѣдетъ безъ денегъ, — его выгонятъ; а когда онъ окажетъ сопротивленіе, то и оружіе на него поднимутъ.» Млоцкій доносилъ, что Димитрій изъ Калуги обѣщаетъ имъ жалованье, говорилъ, что у него есть 80,000 злотыхъ; войско пойдетъ за нимъ, и тогда королю станетъ

---

[1]) Ист. См. Вр. III, пр. VII, стр. 27.
[2]) March. 62.
[3]) Кобѣржк. 207.
[4]) Ист. См. Вр. III, прилож. № VII, письмо Рожинскаго.

большая помѣха. Присылка ста тысячъ злотыхъ дѣйствительно могла бы водворить порядокъ. Денегъ не дождались. Самъ воевода Брацлавскій интриговалъ и медлилъ съ умысломъ; ему не хотѣлось оставлять Смоленска. Волненіе дошло до высшей степени 10 марта (20 нов. стил.). Составилось кòло. Собрались на него съ тѣмъ, чтобы порѣшить, что дѣлать. Мѣсто собранія выбрано было не далеко отъ ставки Рожинскаго. Тѣ, которые сошлись дѣйствительно съ цѣлію совѣщанія, пришли пѣшкомъ съ одними саблями. Но были такіе, которые замыслили дурное: тѣ явились на лошадяхъ, съ ружьями, въ доспѣхахъ. Ихъ было человѣкъ со сто. Они стали поодаль. Въ кòлѣ стали разбирать такой вопросъ: что дѣлать имъ, идти ли за Димитріемъ, или слушаться короля?

— «Нужно снова поднять Димитрія, говорили одни. Если мы будемъ держаться за Димитрія, то принесемъ противъ своей воли королю пользу, а насъ за то благодарить не станутъ; Москва ненавидитъ Димитрія и тѣмъ болѣе будетъ расположена отдаться королю.»

— «Будемъ вести переговоры съ Шуйскимъ!» откликнулись иные.

— «Шуйскій не такой себѣ простачокъ, чтобы сталъ у васъ миръ покупать, когда съ королемъ ведетъ войну безъ насъ!» отвѣчали имъ.

— «Отойдемъ за Волгу, говорили нѣкоторые, мы откроемъ бокъ королевскій: пусть его стѣснитъ непріятель!»

На это возразили: «И этимъ способомъ мы будемъ противъ воли приносить пользу королю; и король намъ за то не будетъ обязанъ; москва, увидянась въ землѣ своей, должна будетъ раздѣлить свои силы.

— «Пойдемъ, когда такъ, въ Польшу!» крикнули иные.

— «Нечего намъ требовать отъ Польши! возразили имъ. Хоть бы мы и разъѣхались, король не оставитъ войны; мы же не обойдемся безъ службы: такъ много потерявши заслуженнаго, должны будемъ служить за новое жалованье.»

Тутъ тѣ, что сидѣли на лошадяхъ, дали сигналъ къ смятенію. Коноводомъ у нихъ былъ тогда Тышкевичъ, лютый недругъ Рожинскаго. Пристали къ нимъ сторонники Димитрія. Обнажили оружіе, разогнали кòло, кричали, чтобъ шли въ другое кòло кто не хочетъ измѣнять Димитрію. Добрались до Рожинскаго и стали стрѣлять въ него изъ ружьевъ. Его сторонники успѣли увести его въ шатеръ и дали нѣсколько обратныхъ выстрѣловъ.

Прогнавши Рожинскаго, недовольные кричали: «Честные люди, за нами! за нами!» Къ нимъ пристала толпа: собрались за

таборомъ. Тутъ сперва большинство рѣшило за походъ въ Калугу къ Димитрію; противники упорствовали. Тогда благоразумнѣйшая партія возвысила такой голосъ:

«Если мы станемъ отсюда расходиться, то непріятель услышитъ о нашемъ намѣреніи и нападетъ на насъ, и одолѣетъ насъ. Лучше мы будемъ здѣсь пока въ согласіи, подождемъ, пока услышимъ отъ короля какія нибудь условія. По крайней мѣрѣ, если уходить, то станемъ за нѣсколько миль отъ обоза, и оттуда пускай себѣ идетъ кто куда хочетъ!»

На томъ порѣшили и всѣ дали другъ другу въ кòлѣ шляхетное слово не убѣгать изъ обоза [1]).

Когда въ тушинскомъ обозѣ все разлагалось, Сапѣга въ Дмитровѣ съ Мариною выдержалъ напоръ Скопинова войска. Изъ-подъ Троицы Скопинъ отправилъ въ Дмитровъ отрядъ подъ начальствомъ князя Ив. Сем. Куракина; съ нимъ были иноземцы, посланные Делагарди. Было ихъ тысячъ до четырехъ. Сапѣга сначала далъ бой за городомъ. Оказалось, что онъ былъ не подъ стать такому непріятелю. Поляки на коняхъ и въ тяжелыхъ вооруженіяхъ не могли ловко поворачиваться, тогда какъ русскіе и шведы (уроженцы сѣверныхъ странъ) быстро бѣгали по снѣгамъ и льдамъ, на деревянныхъ лыжахъ, загнутыхъ внутрь, легкихъ, длиною въ пять, а шириною въ одинъ футъ. Русскіе и шведы сразу побили многихъ сапѣжинцевъ. Сапѣга долженъ былъ запереться въ городѣ. Всего войска съ нимъ было тысяча пять сотъ человѣкъ. Значительная часть его отряда разбрелась за Волгу. У него недоставало съѣстныхъ и боевыхъ запасовъ. Онъ отправилъ гонца къ Рожинскому просить скорѣе подмоги. Но то было время сильной разладицы въ обозѣ, и Рожинскій, втайнѣ недоброжелатель Сапѣги, не слишкомъ усердно принялся помогать своему сопернику. Мархоцкій разсказываетъ, что насилу упросили его послать двое саней съ боевыми запасами; насилу нашлось двадцать человѣкъ, которые согласились везти ихъ. Въ зимнюю ночь, пользуясь темнотою, они пробились въ Дмитровъ, обманувши русскихъ, которымъ показалось, что идетъ большая сила. Потомъ московскіе люди начали сильный приступъ къ Дмитрову, такъ что осаждавшіе стали терять духъ; тогда Марина взошла на стѣны въ виду непріятеля и кричала воинамъ: «Смотрите и стыдитесь! Я женщина, а не теряю мужества!» Но московское войско не могло долго тѣснить Сапѣгу: у него самого не было подъ Дмитро-

---

[1]) Мархоц. 67. Большая часть подробностей о послѣднихъ событіяхъ въ тушинскомъ таборѣ взята изъ рукописей Библ. Красинскихъ, В. 1, 6; В. 3.

вымъ запасовъ. Сперва стали уходить подъ Троицу шведы, а потомъ и русскіе. Оставили подъ Дмитровымъ однихъ лыжниковъ.

Марина рѣшилась ѣхать въ Калугу къ своему Димитрію. Сначала Сапѣга ее удерживалъ. «Не безопаснѣе ли вамъ, говорилъ онъ, воротиться въ Польшу, къ отцу и матери, а то вы попадете въ руки Скопина и Делагарди.» — «Я царица всея Руси, отвѣчала Марина, лучше исчезну здѣсь, чѣмъ со срамомъ ворочусь къ моимъ ближнимъ въ Польшу.» Сапѣга хотѣлъ ее удержать противъ ея воли. Она сказала: «Никогда этого не будетъ, чтобы ты мною торговалъ. Если ты меня не пустишь, то я тебѣ дамъ битву. У меня есть триста пятьдесятъ казаковъ.» Тогда Сапѣга не сталъ ее останавливать. Она надѣла польскій мужской бархатный кафтанъ, краснаго цвѣта, сапоги со шпорами, вооружилась саблею и пистолетомъ, и отправилась въ дорогу. До Калуги ѣхала она то верхомъ, то въ саняхъ [1]). Отрядъ охочихъ казаковъ провожалъ ее. Ея братъ, староста Саноцкій, не захотѣлъ долѣе раздѣлять странническую судьбу сестры и уѣхалъ къ королю [2]). Сапѣга, избѣгая новаго нападенія отъ Скопина, отошелъ къ Волоку. Онъ разсчитывалъ, что на помощь полякамъ противъ Скопина должно придти королевское войско, которое, какъ слышно было, Сигизмундъ посылаетъ подъ начальствомъ Яна Потоцкаго.

Въ это время въ Тушинѣ волненіе дошло до крайнихъ предѣловъ. Рожинскій разсудилъ, что при такой неурядицѣ, если нападетъ на таборъ Скопинъ, да еще къ тому ударятъ изъ Москвы, то будетъ плохо. Рожинскій объявилъ: кому куда угодно, туда пусть всякій и идетъ. 15 марта (25 н. с.) онъ зажегъ таборъ со всѣми въ немъ строеніями и ушелъ къ Волоку. Часть казаковъ пошла въ Калугу къ Димитрію, другая, тысячъ до трехъ, пошла за Рожинскимъ. Стали подъ Іосифовымъ монастыремъ. Тамъ войско взволновалось, и на Рожинскаго въ шумной сходкѣ подняли оружіе. Его приверженцы стали защищать его и увели изъ толпы. Въ день этой суматохи онъ упалъ на каменную лѣстницу (монастыря) и повредилъ себѣ бокъ, гдѣ уже была старая рана отъ пули. Ушибъ подѣйствовалъ на нее зловредно при томъ раздраженіи, въ какомъ Рожинскій находился постоянно въ послѣднее время. Съ нимъ сдѣлалась горячка. Проболѣвши недолго, 4 апрѣля онъ умеръ. Его тѣло отвезли въ королевскій станъ, а оттуда повезли на погребеніе въ Кіевъ.

---

[1]) Buss. 100. — March. 78.

[2]) Videk. 192. — March. 71.

Послѣ суматохи подъ монастыремъ, Зборовскій, Вилямовскій, Ландскоронскій, Мархоцкій, Русецкій, Вильковскій, Млоцкій, Копыцинскій, Бобовскій съ своими (у иныхъ неполными) отрядами объявили, что служатъ одному королю. Зборовскій самъ лично отправился къ королю.

1 апрѣля, прибывъ подъ Смоленскъ Зборовскій. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ поклониться польскому королю касимовскій царь. Ихъ приняли отлично. Касимовскій царь говорилъ Сигизмунду: «Я холопъ твой; служить хочу твоему величеству, дай мнѣ людей!» Сигизмундъ въ знакъ уваженія къ его царскому титулу посадилъ его на первомъ мѣстѣ, выше всѣхъ своихъ радныхъ пановъ. Зборовскій, отъ лица всего рыцарства, вѣрнаго королю, стоявшаго подъ Іосифовымъ монастыремъ, просилъ пособія для поправки недостатковъ и нуждъ въ войскѣ. Сто тысячъ злотыхъ просили заплатить войску за двѣ четверти назадъ, кромѣ платы съ настоящаго времени, когда оно поступило на дѣйствительную службу короля, и, сверхъ того, требовали обѣщанія заплатить ему то, что обѣщалъ называющій себя царемъ Димитріемъ. Просили, чтобы эти долги были обезпечены имѣніями королевскими. Подканцлеръ далъ Зборовскому отвѣтъ, что король принимаетъ его посольство милостиво, а о способахъ вознагражденія войску будетъ военное совѣщаніе, и о томъ, что постановится, сообщится войску. Зборовскій уѣхалъ 12 апрѣля и сталъ въ Линцахъ, недалеко отъ Іосифова монастыря. Того же числа посланъ былъ обѣщанный отвѣтъ войску. Король хвалилъ храбрость и доблести войска, указывалъ на возможность полученія наградъ тогда, когда удастся пріобрѣсть Московское государство, но отказывалъ дать ассекурацію (обезпеченіе) долга королевскими имѣніями, потому что этого невозможно было сдѣлать безъ воли сейма; обѣщалъ за то имъ сто тысячъ на поправку [1]), но денегъ въ наличности прислано не было. Это не могло понравиться рыцарству, которое нуждалось не только въ обѣщаніяхъ, но и въ наличныхъ деньгахъ. Оттого многіе ушли къ вору подъ начальствомъ Хруслинскаго и Янковскаго, а потомъ Каминскаго и Быховца [2]), и стали въ Прудкахъ. Другіе остались со Зборовскимъ и его товарищами, потому что не разсчитывали, чтобы дѣло вора могло при тогдашнихъ обстоятельствахъ быть выиграно. Черезъ мѣсяцъ рыцарство, оставшееся на сторонѣ короля, опять отправило къ нему посольство, и опять вмѣсто денегъ получило отвѣтъ, что король готовъ за-

[1]) Bibl. Kras. B. 3. — Рукоп. Имп. Публ. Библ. Pol. Hist. IV, 33.

[2]) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Pol. Hist. IV, 33.

платить ему обѣщанное, что, кромѣ того, на сеймѣ будетъ сдѣлано распоряженіе, а если король овладѣетъ Московскимъ государствомъ, то они прежде всѣхъ получатъ вознагражденіе [1]). Съѣздилъ къ королю Сапѣга, и поклонился ему, а отъ него поѣхалъ служить вору. Говорятъ [2]), что это сдѣлалъ онъ съ тайнаго согласія короля. Такъ какъ столица теперь освободилась отъ тушинскаго войска, то Шуйскій могъ сосредоточить всѣ силы противъ одного королевскаго войска; напротивъ, царю будетъ труднѣе, когда, кромѣ короля, съ другой стороны его станетъ безпокоить воръ. Рыцарство, служившее вору, избрало Сапѣгу гетманомъ. Быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ, Сапѣга, служа вору, и желая сохранить хорошія отношенія съ королемъ, употребилъ передъ послѣднимъ такой благовидный предлогъ, но кажется, что на самомъ дѣлѣ на умѣ у него было другое, и главное — ему хотѣлось быть первымъ и независимымъ, а этого не достигъ бы онъ, служа королю. Войско, приставшее къ королю, стояло подъ Іосифовымъ монастыремъ.

VII.

Прибытіе въ Москву Скопина. — Его смерть.

Москва освободилась отъ тушинскаго войска; ея положеніе облегчилось. Хлѣбъ, продававшійся недавно еще по 5 р. за четверть, упалъ въ цѣнѣ. Отовсюду повезли припасы къ столицѣ. Скопинъ съ Делагарди отправились къ Москвѣ и 12 марта въѣхали въ нее. Рядомъ съ московскимъ бояриномъ Михайломъ Васильевичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ ѣхалъ Делагарди. Толпа народа обоего пола ожидала ихъ за воротами; бояре встрѣтили ихъ почестно и поднесли хлѣбъ-соль. Скопинъ слышалъ, какъ его величали освободителемъ земли, избавителемъ. Царь Василій со слезами благодарилъ, величалъ его, обнималъ, цѣловалъ въ присутствіи бояръ. Послѣ горькихъ лѣтъ тѣсноты и униженія, Москва, наконецъ, отправляла давно невиданное празднество. Начались пиры. Царь Василій угощалъ шведовъ, дарилъ имъ лошадей, сосуды, ожерелья. Всѣ москвичи наперерывъ приглашали ихъ къ себѣ въ домы и старались показать имъ расположеніе и признательность [3]). У Скопина былъ тогда планъ от-

[1]) Рукоп. генер. штаба: Diar. oblężenia Smoleńska.
[2]) Кобержицкій, 219.
[3]) Videk. 133.

дохнуть до просухи и потомъ съ весною идти со всѣми силами противъ Сигизмунда. На счастіе Шуйскаго, Можайскъ, находившійся уже нѣсколько мѣсяцевъ въ рукахъ поляковъ, достался ему безъ боя. Тамошній воевода съ польской стороны, Михайло Вильчекъ, сдалъ городъ и самъ уѣхалъ въ Москву, за что отъ царя Василія получилъ сто рублей [1]).

Недолго пришлось Москвѣ порадоваться. Народъ величалъ Скопина, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастало въ народѣ презрѣніе къ царю Василію и ближнимъ его. Повсюду о томъ поговаривали, что было бы пристойнѣе избрать на царство всею землею боярина, который доказалъ уже передъ цѣлымъ свѣтомъ свою способность и заслужилъ эту честь подвигами и трудами на пользу и избавленіе всей землѣ, чѣмъ оставить на престолѣ Василія, который сѣлъ на этотъ престолъ неправильно и ничего не сдѣлалъ для земли, кромѣ зла и бѣдъ. Еще когда Михайло Васильевичъ былъ въ Слободѣ, Прокопій Ляпуновъ присылалъ къ нему станицу отъ всей рязанской земли, объявлялъ, что вся земля хочетъ, чтобы онъ былъ избранъ въ цари, и признаетъ, что никто, кромѣ его, не достоинъ сидѣть на престолѣ. Михайло Васильевичъ не вошелъ объ этомъ въ разсужденіе, удалилъ отъ себя искусительное посольство, но не казнилъ никого за него, не разбиралъ этого дѣла, да въ добавокъ и царя о немъ не извѣстилъ. Василій узналъ обо всемъ не отъ него. Понятно стало Василію, что если Михайло Васильевичъ самъ и не подъискивается подъ нимъ, а все таки не прочь принять тотъ вѣнецъ, который хотятъ отнять у Василія. Царю Василію Скопинъ невольно стоялъ костью въ горлѣ. Торжественныя встрѣчи, безпрерывные знаки народнаго расположенія показывали Василію, что съ каждымъ днемъ народъ болѣе и болѣе хочетъ Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго выбрать царемъ, а это могло быть только съ низверженіемъ Василія. Василій рѣшился объясниться съ нимъ прямо, и изъявилъ ему свои опасенія. Князь Михайло Васильевичъ увѣрялъ его, что ему въ голову никогда не приходило ничего подобнаго. Василія этимъ нельзя было увѣрить: Василій помнилъ, что онъ самъ когда-то въ подобныхъ случаяхъ говорилъ Борису и Димитрію. Василій возненавидѣлъ Михайла Васильевича [2]). Онъ вспоминалъ, что гадатели пророчили ему, что послѣ него сядетъ на престолѣ царь Михаилъ, и соображалъ, что это—Скопинъ его

---

[1]) Кобѣржицкій, 240. — Diar. obl. Sm. рукоп. генер. штаба.

[2]) Рукоп. Филарета 25. — Авраам. Палиц. 230.

соперникъ [1]). Но еще болѣе злобился на Михайла братъ царя, Димитрій Ивановичъ Шуйскій. Онъ не могъ сдержать своей непріязни и среди всеобщихъ восторженныхъ похвалъ, которыми осыпали князя Михайла Васильевича всѣ московскіе люди, подалъ царю на Михайла Васильевича извѣтъ въ томъ, что князь Михайло самовольно отдалъ шведскому королю Корѣлу съ областію. Василій Ивановичъ лучше умѣлъ себя сдерживать, чѣмъ его братъ, и не только оправдалъ Скопина, но даже замахнулся палкою на брата, а къ Скопину отнесся съ уваженіемъ, хвалилъ его и благодарилъ за всѣ его распоряженія. Делагарди однако совѣтовалъ Михайлу Васильевичу поскорѣе выбираться изъ Москвы въ поле, и замѣчалъ, что ему грозитъ дурное. Вездѣ говорили, что царь готовитъ Михайлу Васильевичу тайное зло, всѣ на него смотрѣли какъ на соперника царскаго. Перемётчики изъ Москвы и плѣнные сообщали даже полякамъ, что Скопинъ, будучи во враждѣ съ царемъ, втайнѣ доброжелательствуетъ польскому королю, и если королевское войско поспѣшитъ къ столицѣ, оно найдетъ въ немъ союзника.

23 апрѣля, князя Михайла Васильевича позвали крестить къ князю Ивану Воротынскому. Кумою была Екатерина, жена Димитрія Шуйскаго, дочь извѣстнаго своими злодѣяніями въ царствованіе Грознаго Малюты Скуратова. На этомъ пирѣ ему сдѣлалось дурно. Его отвезли домой. У него открылось кровотеченіе изъ носа. Делагарди прислалъ къ нему медика: ничто не помогло. Михайло Васильевичъ скончался черезъ нѣсколько дней на рукахъ своей матери и жены. Всеобщая молва тотчасъ же сказалась, что его отравила кума Екатерина Шуйская въ чашѣ на перепиваньѣ. Народъ уже прежде боялся, чтобы тайное недоброжелательство Шуйскихъ не сдѣлало чего нибудь дурного его избавителю, и теперь взволновался до того, что чуть не разорилъ всего двора Димитрія Шуйскаго. Насилу царь Василій охранилъ его военною силою отъ ярости толпы. Иностранцы современники увѣряютъ, что Скопинъ былъ отравленъ по приказанію царя Василія [2]). Въ народѣ сохранилось полное убѣжденіе, что онъ былъ отравленъ, и такъ перешло это событіе въ народную поэзію. Таково же было мнѣніе Делагарди и вообще всѣхъ шведовъ. Когда тѣло Михайла Васильевича лежало приготовленное

[1]) Milton. 63.

[2]) Procul dubio jussu Suischii, cui ob excellentem virtutem invisus erat, clam veneno sublatus interiit. (Videk. 139). Въ хроникѣ Буссова говорится: Suiski demselben ein Gift beybringen und ihn damit ertödten liess. Изъ русскихъ источниковъ псковская лѣтопись приписываетъ смерть Скопина положительно царю Василію.

къ погребенію, пріѣхалъ Делагарди; москвичи не хотѣли было дозволить ему прикоснуться къ мертвецу, потому что Делагарди былъ неправославный, но шведскій военачальникъ сказалъ, что онъ имѣетъ на это право, какъ его другъ и товарищъ, взглянулъ на мертваго, прослезился и сказалъ: «московскіе люди, не только на вашей Руси, но и въ королевскихъ земляхъ государя моего не видать мнѣ такого человѣка [1])!»

Толпа народа провожала его останки. Гробъ его несли его сослуживцы и пѣли надгробныя пѣсни; ихъ окружала толпа женщинъ; тутъ были вдовы, сестры и дочери убитыхъ въ бою служилыхъ; онѣ поддерживали мать и жену усопшаго, которыя отъ тоски лишались памяти и чувства. Разливался слезами и вопилъ царь Василій, но ему не вѣрили; всѣ понимали, что онъ плачетъ надъ трупомъ того, который можетъ быть черезъ нѣсколько дней заступилъ бы его мѣсто. Михайлу Васильевичу не удалось быть на московскомъ престолѣ; за то гробъ его поставили между гробами царей и великихъ князей Московскаго государства въ Архангельскомъ соборѣ.

VIII.

Волненіе въ Московскомъ государствѣ. — Успѣхи поляковъ. — Побѣда русскихъ подъ Іосифовымъ монастыремъ.

Разнеслась вѣсть по русской землѣ, что не стало единаго лучшаго воеводы, спасителя русской земли. Прокопій Ляпуновъ, почитатель Скопина, давній ненавистникъ царя Василія, думавшій постоянно, какъ бы свести его съ престола и посадить достойнаго Михайла Васильевича, разослалъ по городамъ граматы, обвинялъ Василія и его брата и приглашалъ возстать единодушно, низложить недостойнаго царя, неправильно захватившаго престолъ и такъ ужасно награждающаго тѣхъ, которые трудятся для русской земли. Онъ послалъ въ Зарайскъ своего племянника Ѳедора Ляпунова къ воеводѣ Димитрію Михайловичу Пожарскому приглашать его на соумышленіе. Пожарскій отвергъ предложеніе и далъ знать царю, чтобы онъ присылалъ къ нему скорѣе людей. Лѣтописецъ говоритъ [2]), что Ляпуновъ начиналъ даже ссылаться съ воромъ, находившимся въ Калугѣ; но подлинно неизвѣстно, съ какою цѣлью и какимъ способомъ. Быть можетъ Ля-

[1]) Повѣсть о Мих. Скоп.-Шуйскомъ въ рукоп. Рум. музея.
[2]) Никон. 134.

пуновъ начиналъ сношенія собственно не съ воромъ, а съ окружавшими его русскими, чтобы соединить ихъ на совмѣстное дѣло противъ Шуйскаго. Онъ перенялъ помощь, присланную Шуйскимъ подъ Шацкъ воеводѣ Василію Мосальскому, который осаждалъ воровскаго воеводу Димитрія Майстриковича Черкасскаго. Это то и бросило на Ляпунова подозрѣніе, что онъ благопріятствовалъ самому вору. Но въ самой Москвѣ нашелся у Ляпунова сильный сотрудникъ, Василій Васильевичъ Голицынъ. Хитрый и лукавый бояринъ, прежде пособникъ перваго претендента на званіе Димитрія, потомъ соучастникъ убійства его вмѣстѣ съ Василіемъ Шуйскимъ, онъ былъ тайнымъ врагомъ и соперникомъ послѣдняго. Ему самому представлялся престолъ; онъ присталъ къ Ляпунову мстителемъ Скопина, но для своихъ цѣлей. Ненависть къ Шуйскому возрастала быстро. Рязанская земля по призыву Ляпунова стала въ открытую вражду съ царемъ и не хотѣла болѣе посылать въ его войско ратныхъ людей.

Между тѣмъ на Москву находили вновь тучи. Ей не угрожалъ болѣе воръ, но онъ не потерялъ еще вовсе значенія и могъ опять быть опаснымъ. Страшнѣе его были поляки. Когда самъ король стоялъ подъ Смоленскомъ и ничего не могъ сдѣлать съ этимъ городомъ, отряды его успѣшно воевали въ другихъ мѣстахъ, и люди Московскаго государства поневолѣ готовы были изъявлять желаніе, чтобы на престолъ былъ избранъ польскій королевичъ Владиславъ. Еще въ мартѣ запорожцы подъ начальствомъ атамана Искорки взяли и сожгли Стародубъ. Московскіе люди защищались геройски въ этомъ городѣ и бросались въ пламя, не сдаваясь польскому королю. Воевода ихъ Андрей Хованскій, взятый въ плѣнъ, былъ представленъ Сигизмунду съ нѣсколькими другими чиновными плѣнниками. Потомъ другой отрядъ запорожцевъ, подъ начальствомъ служившаго нѣкогда первому Димитрію Запорскаго, взялъ Почепъ. Здѣсь московскіе люди защищались также упорно какъ и стародубцы, съ утра до вечера, пока казаки не успѣли зажечь стѣну. Дѣться было некуда. Двое воеводъ первые стали просить милости и выслали священника съ готовностію покориться на имя королевича Владислава. Бой въ Почепѣ былъ такъ жестокъ, что убитыхъ московскихъ людей было до четырехъ тысячъ человѣкъ, какъ говорятъ. Въ концѣ марта, кіевскій подкоморій Горностай взялъ Черниговъ. И городъ и посадъ были разграблены. Сигизмундъ казался недоволенъ жестокостію своего войска при взятіи городовъ и издалъ универсалъ, чтобы впередъ въ подобныхъ случаяхъ поступали кротко. Въ апрѣлѣ, Новгородъ-Сѣверскій былъ взятъ безъ кровопролитія. Запорожскіе начальники, Богушевскій

и Ганченко, условились съ новгородъ-сѣверскими дворянами, дѣтьми боярскими и посадскими людьми, на томъ, что послѣдніе признаютъ государемъ королевича Владислава и пошлютъ королю посольство. Вслѣдъ затѣмъ тамошній воевода Карповъ поѣхалъ подъ Смоленскъ. 13 апрѣля, Александръ Гонсѣвскій взялъ голодомъ Бѣлую. Уже болѣе полугода запорожскіе казаки осаждали этотъ городъ. Ратные люди, сидѣвшіе тамъ, покорились Гонсѣвскому на имя королевича Владислава. 17 апрѣля, сдался Рославль, принужденный къ этому внезапнымъ налетомъ королевскихъ пахолковъ. Рославльскій воевода пріѣхалъ подъ Смоленскъ и цѣловалъ крестъ отъ всѣхъ жителей своего города [1]). Между тѣмъ поляки, служившіе тушинскому вору, овладѣли Волокомъ и Іосифовымъ монастыремъ.

По смерти Скопина, Василій назначилъ главнымъ воеводою своего брата и постарался поладить съ Делагарди и его шведскимъ войскомъ. Было много поводовъ къ неудовольствію. Корѣла, вопреки договору, не была сдана; жители не поддавались шведамъ и упорно отбивались отъ шведской рати. Жалованье не было выплачено, да и надежды на сборъ его съ Московскаго государства были плохи; когда распространилась вѣсть объ убійствѣ Скопина, вездѣ исчезали послѣдніе остатки уваженія и повиновенія Василію. Въ добавокъ шведы, увѣренные, что Скопинъ умерщвленъ по тайному приказанію Василія, не охотно шли на новый бой за него. Они уважали Михайла Васильевича и презирали Шуйскихъ, особенно Димитрія, и притомъ считали его совершенно неспособнымъ. Самъ Делагарди питалъ къ нему омерзѣніе. Только выгоды Швеціи заставляли его преодолѣвать свое чувство. Сигизмундъ бралъ верхъ. Нужно было такъ или иначе, а дѣйствовать противъ поляковъ, подавать помощь Московскому государству. Куда бы ни привели запутанныя обстоятельства, во всякомъ случаѣ нужно было наблюдать, чтобы Швеція не вышла изъ этого союза безъ всякой для себя пользы. Василій подтвердилъ Выборгскій договоръ, обѣщалъ сдать Корѣлу къ Иванову дню (24 іюня) и приказалъ перелить въ монету, для уплаты иноземцамъ, серебро и золото, бывшія у него въ сосудахъ, шейныхъ цѣпяхъ и другихъ украшеніяхъ. Тогда Василій не побоялся навлечь на себя нерасположеніе Троицкаго монастыря, такъ высоко стоявшаго во всеобщемъ уваженіи, и послалъ дьяка Семенка въ монастырь требовать вспомоществованія. Архимандритъ Іосифъ тотчасъ далъ знать въ Москву келарю Авраамію, чтобы онъ упросилъ царя не трогать монастырскаго

[1]) Diar. oblęż. Smol., рукоп. генер. штаба.

достоянія. Авраамій представлялъ царю, что обитель выдержала тяжелую осаду, теперь находится въ скудости и нужно поправить пострадавшія отъ приступовъ стѣны; кельи и службы стояли безъ кровлей; мельницы, дворы, села, волости — все разграблено. Но царь не послушалъ келаря и велѣлъ насильно брать изъ монастыря драгоцѣнности. Тогда — говоритъ троицкій историкъ [1]) — и у монаховъ, и у сидѣльцевъ (т. е. находившихся въ осадѣ и тамъ оставившихъ свое достояніе) побрали все, до послѣдняго платка, которымъ они могли бы утирать свои горькія слезы. Взяли тогда и вклады прежнихъ царей и великихъ князей и бояръ — золотые и серебряные сосуды; оставляли монастырю что похуже. Этимъ поступкомъ, на который Василій былъ вынужденъ крайнею бѣдою всей земли, онъ умножилъ число враговъ себѣ, когда ихъ у него и безъ того было черезъ чуръ много.

Делагарди, презирая Димитрія Шуйскаго, тѣмъ охотнѣе однако рѣшился идти вмѣстѣ съ нимъ, еще и оттого, что, будучи знатнѣйшею послѣ царя особою, Димитрій, находясь въ войскѣ, служилъ ему какъ бы заложникомъ [2]). Положили идти противъ Сигизмунда, съ тѣмъ, чтобы принудить его оставить осаду Смоленска. Прежде чѣмъ Делагарди вышелъ противъ королевскаго войска, съ другой стороны оказана была помощь московскому дѣлу. Эдуардъ Горнъ, посланный въ Швецію для набора свѣжихъ силъ, воротился въ Московское государство и привелъ около четырехъ тысячъ сброднаго войска; тутъ были англичане и шотландцы, подъ начальствомъ капитановъ Кальвина и Коброна, французы подъ начальствомъ Пьера де-ла-Виля, голландцы и нѣмцы подъ начальствомъ полковника Таубе. Этотъ сбродъ, прошедши черезъ Финляндію, зимовалъ въ Выборгѣ, много перенесъ отъ непривычки къ суровому климату, и съ раннею весною прибылъ въ русскіе края. Немилыми были эти новые гости для народа; вездѣ, гдѣ они проходили, народъ покидалъ свои дома и прятался въ лѣса отъ ихъ своеволія. Они выгнали польскія шайки изъ Старой Русы, изъ Осташкова, побились съ поляками подъ Ржевою, прогнали ихъ и много поляковъ тогда утонуло въ Волгѣ. За это поляки въ виду прибылыхъ пособниковъ московскаго дѣла зажгли за Волгою посадъ и варварски рѣзали и мучили русскихъ — и старыхъ и малыхъ, не щадили и грудныхъ младенцевъ. Простоявши недѣли двѣ во Ржевѣ, Пьеръ де-ла-Виль занялъ Погорѣлое Городище, гдѣ перебили всѣхъ находившихся тамъ поляковъ и самого начальника отряда, взятаго въ плѣнъ [3]).

[1]) Авр. Палиц. 227.
[2]) Vid. 142.
[3]) Bretét. 43.

Поляки и здѣсь въ виду пришельцевъ свирѣпствовали надъ русскими жителями. 24 апрѣля, самъ Горнъ взялъ Зубцовъ. Тамошній польскій отрядъ въ пять сотъ человѣкъ окопался валомъ въ трехъ верстахъ отъ Зубцова, но триста человѣкъ изъ него пали въ битвѣ, остальные бѣжали и взяты были въ плѣнъ [1]). Отсюда Эдуардъ Горнъ послалъ французовъ съ ихъ командиромъ де-ла-Вилемъ на помощь Григорію Валуеву, который передъ тѣмъ удачно отнялъ у поляковъ Волокъ и теперь приступалъ къ Іосифову монастырю. Въ монастырѣ сидѣло тысячъ до двухъ поляковъ тушинскаго войска, подъ начальствомъ Рупкаго, и отрядъ украинскихъ казаковъ, да еще въ ихъ распоряженіи былъ отрядъ донцовъ; но они не довѣряли честности этого народа и не дозволили имъ находиться вмѣстѣ съ собою, а помѣстили въ особомъ деревянномъ острогѣ, недалеко отъ монастыря. У де-ла-Виля, по извѣстію шведскаго историка, было до пяти сотъ [2]), а по извѣстію поляка [3]) до девяти сотъ человѣкъ, у Валуева же до двухъ тысячъ. Монастырь защищала каменная ограда, да сверхъ того онъ былъ окруженъ внѣшнимъ деревяннымъ острогомъ. Русскіе и французы ночью притащили большую мѣдную пушку къ воротамъ деревяннаго острога, разбили ихъ, и ворвались въ острогъ [4]). Поляки увидѣли себя запертыми со всѣхъ сторонъ въ каменной оградѣ монастыря. Задніе ворота, куда еще казалось можно было до поры до времени уйти, были завалены. Поляки дѣлали вылазки, успѣли зажечь острожныя стѣны, которыя теперь, находясь въ рукахъ непріятеля, были имъ вредны, но это не помогало дѣлу; русскіе и французы могли заморить ихъ голодомъ. Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ поляки попытались сойтись съ французами и отвлечь ихъ отъ московскихъ людей. Де-ла-Виль предложилъ размѣнъ плѣнныхъ. Пользуясь этимъ, поляки написали де-ла-Вилю письмо, и приглашали его вмѣсто того, чтобы драться съ ними, вступить въ службу къ польскому королю, у котораго довольно всякихъ иноземцевъ на службѣ. «Не вѣрьте Москвѣ, писали поляки, у нихъ такой обычай, что кого изъ иноземцевъ заманятъ къ себѣ на службу, тѣхъ по окончаніи войны приневолятъ жить въ землѣ своей; оттого въ Московскомъ государствѣ много всякаго народа; они къ себѣ послѣ замиренія съ королемъ Стефаномъ пригласили три тысячи нашихъ противъ татаръ, а потомъ и не выпустили ихъ

[1]) Vid. 146.
[2]) Vid. 147.
[3]) Marchocki, 73.
[4]) Vid. 147.

изъ своей земли.» Съ такимъ посланіемъ отправленъ къ французамъ монахъ, который думалъ именемъ католической вѣры склонить французовъ. Отвѣтъ принесъ имъ французъ Жакъ Беринжье, съ двумя товарищами; французы просили поляковъ уволить ихъ отъ такихъ предложеній и изъявили желаніе толковать объ однихъ плѣнникахъ. «Вы, французы, (говорили поляки посланцамъ) люди одной съ нами вѣры, и гдѣ въ чужихъ земляхъ наши братья поляки съ вашими людьми встрѣчались, всегда обращались по пріятельски между собою. Праведнѣе было бы вамъ за одно съ нами воевать противъ Москвы». — «Мы люди военные, ищемъ славы (отвѣчали французы), а чтобъ это была за слава намъ, если бы мы стали воевать противъ московскаго народа, грубаго, вмѣстѣ съ вами, народомъ самымъ доблестнымъ, которому подобнаго нѣтъ въ подсолнечной? А вотъ бы намъ была слава, когда бы мы съ этимъ народомъ да вашъ народъ завоевали!» Казаки, бывшіе вмѣстѣ съ поляками въ осадѣ, услыхали объ этихъ переговорахъ съ французами и заволновались. «Это паны поляки», кричали они, «себѣ хотятъ выговорить свободный выходъ, а насъ оставить на убой!» Поляки должны были прекратить сношенія съ непріятелемъ. Еще нѣсколько дней продержались они и послали гонца къ Зборовскому просить помощи; но этому гонцу, вѣроятно, не удалось добраться до Зборовскаго. Недостатокъ съѣстного одолѣвалъ ихъ. Прорваться было трудно. Валуевъ стоялъ на лѣвой, французы на правой сторонѣ монастыря: между ними и своею ставкою Валуевъ наскоро построилъ острогъ, гдѣ засѣло болѣе тысячи человѣкъ. Казаки прежде поляковъ потеряли терпѣніе, и въ день Вознесенія отвалили колоды отъ заднихъ воротъ и отворили ихъ. Тогда полякамъ ничего не оставалось какъ уходить. На ихъ счастіе осаждавшіе не обратили-было на нихъ большого вниманія: ихъ путь лежалъ между острожкомъ и французами. Но двое измѣнниковъ — одинъ изъ нихъ назывался Забржицкій — побѣжали къ Валуеву и дали знать, что поляки намѣрены уходить; а Валуевъ немедленно отправилъ въ засаду до пяти сотъ пѣшихъ человѣкъ къ плотинѣ на болотистой рѣкѣ Ламѣ, черезъ которую надобно было переходить непріятелю. Поляки стали выходить на закатѣ солнца. Московскіе люди ихъ нарочно пропустили, а когда уже смерклось, съ крикомъ ударили на ихъ заднюю сторожу. Поляки остановились, готовые принять бой — московскіе люди отступили. Поляки пошли далѣе; опять на нихъ ударили, и опять отступили, когда поляки хотѣли обороняться. Утромъ дошли они до рѣки Ламы, а тутъ выскочили на нихъ засады спереди и сзади, ударили на нихъ всѣми силами, и поразили ихъ такъ, что, по извѣстію Мархоцкаго, быв-

шаго тогда въ дѣлѣ, изъ полуторы тысячи едва въ живыхъ осталось и успѣло убѣжать триста человѣкъ: знамена, орудія, всѣ возы достались побѣдителямъ. Если бы не донскіе казаки, — говоритъ Мархоцкій, которые проводили поляковъ и вездѣ по дорогѣ передъ крестьянами называли себя людьми Шуйскаго, то ни одинъ бы не спасся, и трудно было бы узнать, что̀ сталось съ нашимъ войскомъ. Тогда московскіе люди отгромили и своихъ земляковъ, которые держались прежде вора, а потомъ пристали къ полякамъ: на челѣ ихъ былъ ростовскій митрополитъ Филаретъ; его отвезли въ Москву [1]). Бѣглецы достигли смоленскаго стана. Валуевъ шелъ по слѣдамъ ихъ и остановился подъ Царевымъ-Займищемъ; тамъ онъ окопался и состроилъ острожекъ. Горнъ съ двумя тысячами англичанъ и французовъ соединился съ четырьмя тысячами московскаго войска подъ начальствомъ князя Барятинскаго. Они пошли на Бѣлую, гдѣ заперся Александръ Гонсѣвскій. По дорогѣ къ Бѣлой крестьяне охотно подвозили продовольствіе войску, и не боялись иноземцевъ, какъ на сѣверѣ, а изъ Бѣлой русскіе увѣдомили тайно своихъ начальныхъ людей, что жители города зажгутъ стѣны во время приступа, чтобы пособить землякамъ. Но перебѣжчики изъ французскаго отряда сообщили Гонсѣвскому объ умыслѣ жителей Бѣлой, и Гонсѣвскій взялъ подъ стражу подозрительныхъ людей и этимъ предупредилъ злой противъ него умыселъ. Горнъ и Барятинскій подошли къ Бѣлой 26 мая; поляки вышли изъ города, побились съ ними и опять ушли въ городъ. Горнъ предлагалъ Гонсѣвскому выступить въ открытый бой, а Гонсѣвскій уговаривалъ Горна отступиться отъ Шуйскаго и перейти на службу къ польскому королю. Горнъ отвѣчалъ, что онъ служитъ шведскому королю, своему государю. Переговоры эти прервались, когда разнесся слухъ, что на выручку Гонсѣвскаго идетъ отъ Смоленска польское войско. Горнъ отступилъ къ Зубцову [2]).

IX.

Битва подъ Царевымъ-Займищемъ. — Битва подъ Клушинымъ. — Пораженіе московскаго войска. — Сдача Царева-Займища и Можайска.

Давно уже въ станѣ Сигизмунда шли толки о томъ, чтобы отправить отрядъ, присоединить къ нему бывшее тушинское

---

[1]) Vid. 149. — Marchocki, 84.
[2]) Vid. 155.

войско, и идти на Шуйскаго. Это дѣло возлагалъ Сигизмундъ на брацлавскаго воеводу Яна Потоцкаго. Но этотъ панъ хоть не отказывался отъ порученія, за то медлилъ и собирался долго. Онъ хотѣлъ избѣжать трудной обязанности умиротворить окончательно буйное тушинское войско. Это было слишкомъ нелегко. Сигизмундъ, продолжая ограничиваться обѣщаніями, не имѣлъ возможности хотя въ половину сдержать ихъ и выплатить войску деньги, которыя оно ожидало и вправѣ было ожидать. Кромѣ того, Потоцкій былъ соперникомъ Жолкѣвскаго: ему было досадно, что безъ него возьмутъ Смоленскъ. Овладѣть сильной крѣпостью считалось великимъ подвигомъ; онъ полагалъ, что это было возможно, и, напротивъ, мало вѣрилъ въ успѣхъ подъ Москвой, особенно когда надежды на склоненіе тушинскаго войска было не много. Сигизмундъ предложилъ это порученіе Жолкѣвскому, не смотря на то, что это былъ человѣкъ неодобрявшій самой войны въ началѣ. Жолкѣвскій не сталъ противорѣчить и принялъ порученіе. Онъ взялъ съ собою двѣ тысячи конницы и тысячу пѣхоты, да еще присталъ къ нему отрядъ вольныхъ казаковъ въ три тысячи, подъ начальствомъ полковниковъ Пясковскаго и Ивашины. Жолкѣвскій двинулся на встрѣчу Гонсѣвскаго къ Бѣлой, но услышалъ, что русскіе отошли оттуда, и поворотилъ къ Цареву-Займищу. Говорятъ, что часть иноземцевъ, находившихся подъ Бѣлой, прислала изъ среды себя восемнадцать человѣкъ, но когда они были еще въ дорогѣ, роты Ляндскоронскаго и Млоцкаго и двѣ тысячи запорожскихъ казаковъ напали на нихъ. Они бросили оружіе, просили пощады, кричали, что служатъ польскому королю; ихъ не слушали и били; они спаслись только бѣгствомъ.

Схваченные въ плѣнъ московскіе люди пророчили Жолкѣвскому успѣхъ; они открыли ему, что народъ не терпитъ царя Василія, что его считаютъ убійцею Скопина, не хотятъ видѣть его на престолѣ; увѣряли, что русскіе хотятъ лучше покориться Сигизмунду и получить отъ него въ цари сына Владислава. Съ такими добрыми свѣдѣніями Жолкѣвскій дошелъ до Царева-Займища. Оттуда не подалеку стояли полки Зборовскаго и Казановскаго, остатки тушинскаго полчища; съ ними хотѣлъ уладить дѣло Жолкѣвскій, поѣхалъ къ нимъ и вызывалъ на разговоръ Зборовскаго. Зборовскій выѣхалъ, но первое его слово было, чтобъ Жолкѣвскій уѣхалъ прочь и прислалъ вмѣсто себя переговорщика. Жолкѣвскій послалъ къ нему пана Гербурта. Зборовскій и Казановскій увѣряли, что вѣрны королю, но собрали военное коло, — а на немъ поднялся такой крикъ: «Мы не хотимъ знать гетмана, не хотимъ быть у него подъ командою, пока

намъ не выплатятъ жалованья.» Гербуртъ увѣрялъ ихъ, что если имъ не успѣли до сихъ поръ выплатить, то этому причиною дурныя дороги. Но этимъ нельзя было обольстить буйную шайку. Она шумѣла. Она хорошо знала, что не та причина. «Давайте намъ сто тысячъ злотыхъ, которые обѣщалъ король, кричала шляхта, тогда мы пойдемъ служить и покоримся ему, а не заплатятъ — будемъ стоять, сконфедеровавшись, до субботы, а если и тогда не дождемся обѣщанной донативы, такъ найдемъ себѣ другой путь». Жолкѣвскій, когда донесли ему объ упорствѣ жолнѣровъ, разсудилъ, что не слѣдуетъ болѣе настаивать и принуждать. «Мы накажемъ ихъ презрѣніемъ, говорилъ онъ, и они скорѣе опомнятся [1]).» Онъ двинулся къ Цареву-Займищу.

Войско Шуйскаго тысячъ въ тридцать двигалось къ Можайску, подъ начальствомъ Димитрія Шуйскаго; къ нему шли Делагарди и Горнъ съ ихъ разноязычною ратью. Де-ла-Виль находился еще во Ржевѣ. Часть московскаго войска въ шесть тысячъ [2]), а по другимъ въ 10,000 [3]) подъ начальствомъ князя Елецкаго, отправлена впередъ къ Валуеву въ Царево-Займище. Въ Царевѣ-Займищѣ была широкая плотина, устроенная царемъ Борисомъ. Она находилась впереди острожка, который недавно построилъ Валуевъ. Извѣдавъ, что Жолкѣвскій долженъ будетъ переходить черезъ эту плотину, московскіе военачальники устроили засаду; посадили нѣсколько сотъ стрѣльцовъ въ водомойные рвы, которые были по краямъ этой плотины, и въ густой зарослн около нея, такъ что посаженные люди не могли быть видимы, когда сидѣли неподвижно. Подобный способъ разъ удался Валуеву подъ Іосифовымъ монастыремъ; думали, что тоже и въ другой разъ удастся здѣсь. Но Жолкѣвскій узналъ объ этой засадѣ въ пору, и 14 іюня, дошедши до мѣста засады, остановился, запретилъ приближаться къ плотинѣ и показывалъ непріятелю видъ, что не думаетъ переходить рѣки, а хочетъ съ войскомъ ночевать на мѣстѣ. Московскіе люди ожидали, что имъ придется употребить въ дѣло свою засаду только на другой день и стали безпечны; тѣ, которые сидѣли во рвахъ и кустахъ, отъ скуки стали перебѣгать одни къ другимъ и вести разговоры, такъ что поляки это видѣли и говорили: «они пренебрегаютъ нами; думаютъ, что мы хотя и видимъ ихъ, а напасть на нихъ не смѣемъ.» Жолкѣвскій воспользовался тѣмъ, что вода, черезъ которую лежала плотина, была спущена, и отрядилъ одну часть

---

[1]) Bibl. Krasińsk. B. 1. 8.

[2]) Videk. 157.

[3]) Żołkiewski. 43.

пѣхоты и спѣшенныхъ казаковъ по обѣ стороны плотины, а другую часть пѣхоты двинулъ прямо на плотину; тѣ, которые пошли по сторонамъ отъ плотины, вскочили на нее внезапно въ то время, когда на московскихъ людей напирали прямо по плотинѣ, и стали ихъ съ трехъ сторонъ стрѣлять и рубить. Московскіе люди оробѣли и пустились въ разсыпную по кустамъ. Тутъ Валуевъ увидѣлъ, что поставленную имъ засаду гонятъ непріятели, вмѣсто того, чтобы этой засадѣ гнать непріятелей, и послалъ бѣгущимъ подкрѣпленіе изъ острожка, до трехъ тысячъ. Польской и казацкой пѣхотѣ также могло быть теперь плохо, потому что черезъ болото нельзя было подать имъ помощи лошадьми. Валуевъ заранѣе приказалъ разобрать мостикъ на плотинѣ; но Жолкѣвскій велѣлъ, какъ можно скорѣе, наводить новый; онъ былъ наведенъ въ мигъ. Жолкѣвскій двинулъ черезъ него конницу; скоро до тысячи человѣкъ конницы очутилось на другой сторонѣ. Завязалась битва. Московскіе ратные люди были отбиты и ушли—одни въ острожекъ, а другіе въ страхѣ бѣжали мимо острожка. Жолкѣвскій одержалъ побѣду, которая показывала его военный талантъ; ловкимъ распоряженіемъ онъ не только избѣжалъ приготовленныхъ ему затрудненій, но еще изъ того самаго, что ему должно было вредить, устроилъ вредъ врагу своему. Побѣда однако стоила польскому войску начальника пѣхоты Мартина Вайера, убитаго пулею. Это былъ военачальникъ опытный и даровитый [1]).

Послѣ этой побѣды Жолкѣвскій подступилъ къ Цареву-Займищу; тогда Зборовскій уговорилъ свое упрямое войско и присталъ къ Жолкѣвскому. Его рыцарское коло согласилось служить въ предстоящей войнѣ, только съ условіемъ, если черезъ недѣлю будетъ выплачена обѣщанная донатива. Добывать приступомъ Валуева и Елецкаго было трудно. Жолкѣвскій нашелъ, что удобнѣе будетъ осадить ихъ и отрѣзать имъ подвозъ продовольствія; съ этой цѣлью онъ построилъ вокругъ острога, гдѣ сидѣло московское войско, небольшіе острожки, окопалъ ихъ рвами, поставилъ между ними, гдѣ нужно оказалось, надолбы, и въ каждомъ острожкѣ помѣстилъ пѣхоту и казаковъ, сколько было достаточно, чтобы держать московское войско въ заперти. Валуеву однако, не смотря на это, удалось послать нѣсколько гонцовъ одного за другимъ черезъ лѣсъ, къ Димитрію Шуйскому; онъ извѣщалъ, что его осадили, лишили продовольствія, и просилъ поспѣшить къ нему на выручку.

---

[1]) Bibl. Kras. B. 1. 8. — Pisma St. Żołkiewsk. 46. — Dz. pan. Zygm. III. II. Прилож. 2. — Vid. 157.

Димитрій Шуйскій и прибывшій Делагарди стояли тогда на дорогѣ между Москвою и Можайскомъ. Иноземцы роптали. Срокъ платежа подходилъ. Жалованья не присылали. «Пусть — кричали они — намъ даютъ скорѣе жалованье, а не то — мы служить не станемъ.» Делагарди ихъ успокоивалъ, уговаривалъ. Они не слушали, но все болѣе и болѣе волновались. Выбившись съ ними изъ силъ, полководецъ написалъ къ царю Василію: «Если будетъ прислано жалованье, которое могло бы удовлетворить солдатъ моихъ — то я надѣюсь еще разъ повести храброе войско подъ непріятельскіе мечи и съ Божіею помощію побѣдить. Если нѣтъ— пусть тогда царь самому себѣ припишетъ несчастный исходъ войны, и на меня да не падетъ конечная гибель и разрушеніе Московскаго государства.» Царь совѣтовался съ боярами. Поспѣшили написать къ Делагарди, что жалованье будетъ выплачено тканями и мѣхами, какъ только войско дойдетъ до Можайска. Тогда Делагарди двинулся далѣе, и написалъ Горну, ставшему подъ Зубцовымъ, чтобъ онъ скорѣе сходился съ нимъ. У Горна тогда смятеніе было хуже чѣмъ у Делагарди. Двое ротмистровъ, Николай Пинартъ и Кольвиль, были заводчиками смутъ. По ихъ подущенію убѣжало восемьдесятъ англичанъ въ непріятельскій станъ; на другой день, Горнъ казнилъ возмутителей и тѣмъ только остановилъ на время измѣну. По требованію Делагарди онъ повелъ свой отрядъ къ Можайску, и сошелся съ Делагарди у деревни Масловой, верстахъ въ двадцати пяти отъ Можайска. Послѣ этого соединенія, 21 іюня прислано было изъ Москвы тканей и мѣховъ для уплаты наемному войску, но когда дошло до раздачи, то поднялись недоразумѣнія: Делагарди не хотѣлъ платить, какъ требовали начальники отрядовъ, по первоначальной росписи, потому что многіе были убиты, другіе выбыли, а считалъ справедливымъ раздѣлить присланное жалованье по числу наличныхъ. По этому поводу нужно было нѣсколько дней, чтобы дѣлать счетъ наличному войску, а тутъ прибѣжали гонцы отъ Валуева, и Димитрій Шуйскій умолялъ поскорѣе идти на выручку осажденнымъ въ Царевѣ-Займищѣ. Успѣли раздать жалованье только новоприбывшимъ, остальныхъ Делагарди понуждалъ идти на дѣло и обѣщалъ ихъ удовлетворить послѣ. Съ досадою и ропотомъ услышали воины эти слова своего военачальника. Конница кинегольмская забунтовала-было и поджигала другихъ къ неповиновенію; но Делагарди схватилъ и предалъ войсковой казни зачинщика смуты; остальные покорились. Однако всѣ были очень недовольны и шли вовсе безъ желанія жертвовать жизнью за Московское государство, которое имъ худо платитъ за труды.

Димитрій Шуйскій держалъ у себя военный совѣтъ; съ нимъ были: князья Андрей Голицынъ, Яковъ Барятинскій, Данило Мышецкій, Василій Бутурлинъ. Они разсудили, что слѣдуетъ обойти непріятельскій обозъ и ударить на него съ боку. Съ этою цѣлью они двинули войско на деревню Клушино.

Гетманъ Жолкѣвскій тотчасъ же узналъ отъ перебѣжчиковъ, что̀ дѣлается въ непріятельскомъ станѣ, что̀ замышляется, куда войско направляется, узналъ онъ также и о томъ, что помогающіе Московскому государству иноземцы жалуются на неуплату жалованья и готовы передаться туда, гдѣ имъ будутъ получше платить. Перебѣжчики говорили: «Если бы только къ нимъ гетманъ написалъ, передалось бы къ нему и больше!» Тогда Жолкѣвскій вручилъ одному французу такого содержанія воззваніе на латинскомъ языкѣ къ французамъ и шотландцамъ, находившимся въ иноземномъ войскѣ, помогавшемъ Московскому государству:

«Между нашими народами не было вражды. Короли наши жили и до сихъ поръ живутъ въ дружбѣ. Хорошо ли это, что вы, не будучи отъ насъ ничѣмъ оскорблены, помогаете прирожденнымъ нашимъ врагамъ московитянамъ? Хотите быть нашими друзьями или врагами? Выбирайте. Мы же и на то, и на другое готовы. Прощайте.» Французъ, которому вручено это посланіе, попалъ въ руки Горна и былъ повѣшенъ.

Отправивши это посланіе, 23 іюня, гетманъ собралъ къ себѣ военный совѣтъ и сообщилъ, что непріятель недалеко.

Иные были того мнѣнія, что надо продолжать осаду и ожидать непріятеля, другіе, напротивъ, совѣтовали выйти ему на встрѣчу и не допустить до Царева-Займища. Послѣднихъ было меньше.

Противъ нихъ поднимались голоса: «Развѣ вамъ жизнь надоѣла? Безразсудно съ такимъ малымъ числомъ выходить самимъ въ бой противъ многочисленнаго непріятеля; какъ только мы снимемся, тѣ, что сидятъ въ острогѣ, ударятъ на оставленную для осады малую часть войска.»

— «Нѣтъ—говорили противники—если мы непріятеля допустимъ близко сюда, то онъ начнетъ насъ стѣснять острожками и лишитъ насъ продовольствія. Москвитяне такъ уже дѣлали съ нашими у Троицы и у Дмитрова.»

Гетманъ Жолкѣвскій, повидимому, не склонялся ни на ту, ни на другую сторону, и велѣлъ только всѣмъ быть готовыми къ выступленію, когда прикажутъ; а той части войска, которая сидѣла въ острожкахъ, не велѣлъ двигаться съ мѣста и приказалъ оставаться въ прежнемъ положеніи, чтобы не дать осажденнымъ замѣтить у себя какой-нибудь перемѣны. Жолкѣвскій скрывалъ

ото всѣхъ, что̀ онъ задумалъ и на что рѣшился, чтобы не сдѣлалось у него того, что дѣлалось у непріятелей, и перебѣжчики не принесли бы въ непріятельскій станъ свѣдѣній. За два часа до вечера Жолкѣвскій разослалъ полковникамъ письменные приказы немедленно выступать въ походъ, но не велѣлъ ни трубить въ трубы, ни бить въ барабаны, чтобы осажденные ничего такого не услышали, что̀ бы могло ихъ встревожить. Осаду подъ Царевымъ-Займищемъ Жолкѣвскій повѣрилъ Бобовскому: у него была королевская пѣхота, семьсотъ конныхъ и нѣсколько сотъ казаковъ [1]). Съ наступленіемъ сумерковъ, войско было уже въ дорогѣ по направленію къ Клушину, гдѣ, какъ сообщили гетману перебѣжчики, онъ долженъ былъ найти непріятельское войско. Ночь была свѣтлая. Войско шло по болотистой почвѣ, посреди зарослей, и дошло до Клушина еще до разсвѣта.

Русскіе и иноземцы стояли обозомъ въ удобномъ мѣстѣ; сзади ихъ былъ лѣсъ; передъ ними поле, по которому московскіе люди заплели плетень для обороны своего обоза. Впереди плетня стояли двѣ деревушки. Русскіе спали. Наканунѣ у предводителей былъ пиръ. Делагарди, вспоминая свои прежнія военныя дѣла, сказалъ: «Я былъ въ плѣну у Жолкѣвскаго: онъ мнѣ подарилъ кунью шубу; теперь, когда я его возьму въ плѣнъ, то подарю соболью.»

Жолкѣвскій подошелъ близко къ стану такъ тихо, что никто въ непріязненномъ станѣ не слышалъ. Гетманъ тотчасъ приказалъ зажечь деревушки, чтобы не дать московскимъ людямъ засѣсть въ нихъ и стрѣлять оттуда, а вслѣдъ затѣмъ приказалъ громко затрубить въ трубы и ударить въ барабаны. Пожаръ и военная музыка всполошили русскій станъ. Съ крикомъ бросились всѣ къ оружію; полякъ очевидецъ говоритъ съ насмѣшкою объ ихъ безпорядкѣ: «Это значитъ: сѣдлай порты, надѣвай коня!»

Правую сторону польскаго войска занималъ полкъ Александра Зборовскаго — прежніе тушинцы; лѣвую, полкъ Николая Струся, каменецкаго старосты; по бокамъ и въ резервѣ, на правой сторонѣ полки Мартина Казановскаго и Людовика Вайера, на лѣво гетманскій полкъ подъ начальствомъ князя Януша Корецкаго. За лѣвою стороною были кусты; въ нихъ разсѣялось четыреста украинскихъ казаковъ: они назывались погребыщане,

---

[1]) По извѣстію Маскевича оставлено было двѣ роты Калиновскаго и Бобовскаго, въ которыхъ оказалось 700 всадниковъ, 200 чел. пѣхоты, и 4,000 запорожцевъ. Число взятыхъ гетманомъ съ собою Маскевичъ уменьшаетъ до 2,500 конныхъ и 200 пѣшихъ, съ 2 полевыми орудіями.

потому что были изъ погребыщанской волости, принадлежавшей князьямъ Збаражскимъ. Въ противоположномъ войскѣ, лѣвую сторону занималъ Димитрій Шуйскій съ московскою конницею, которую сзади закрывала стоявшая въ кустахъ пѣхота, готовая броситься въ бой, когда конница раздвинется. Иноземцы стояли на правой сторонѣ. По извѣстію Жолкѣвскаго, московскихъ людей въ этомъ войскѣ считалось до сорока тысячъ, а иноземцевъ десять тысячъ, но въ наличности послѣднихъ было тамъ не болѣе восьми, а по другимъ ихъ было только пять тысячъ.

Поляки начали битву нападеніемъ на плетень, который стоялъ впереди обоза. Делагарди выслалъ къ нему иноземную пѣхоту; она храбро и стойко защищала его. Плетень не былъ сплошной, но прерывался и возобновлялся, и сильный бой былъ на прогалинахъ. Но въ то время, когда у плетня происходила битва съ равными силами, на правой сторонѣ Зборовскій съ своими бывшими тушинцами ударилъ на московскую конницу. Московскіе ратные люди были плохіе воины: бывалые бойцы или были побиты въ прежнихъ бояхъ, или лежали по домамъ раненные; въ войскѣ подъ Клушинымъ были все новобранцы, въ первый разъ увидавшіе бой и смерть, да въ добавокъ и охоты было мало охранять державу царя Василія, и предводитель Димитрій Шуйскій не могъ ихъ привязать къ себѣ своею личностію. Отъ этихъ причинъ, какъ только Зборовскій ударилъ съ своимъ полкомъ на московскую конницу, такъ она и пустилась бѣжать, и смѣшала пѣхоту, которая должна была ей подавать помощь. Побѣжала и пѣхота. Димитрій Шуйскій съ пятью тысячами заперся въ сдѣланномъ наскоро острогѣ.

Не смотря на это бѣгство, иноземцы на лѣвой сторонѣ продолжали защищать плетень. «Часовъ пять бились мы — говоритъ участникъ Маскевичъ — каждому изъ насъ по восьми и по десяти разъ приходилось схватываться съ непріятелемъ. Гетманъ стоялъ на возвышеніи, какъ Моисей, поднималъ руки вверхъ и призывалъ небесную помощь.» Но тутъ прибыла на мѣсто битвы гетманская хоругвь и привезла съ собою два фальконета, единственныя орудія, какія взялъ съ собою Жолкѣвскій въ дѣло: они замедлили по причинѣ дурной дороги. Какъ ударили пушкари изъ фальконетовъ, прорвали и повалили плетень; пѣхота Струся бросилась по немъ на иноземцевъ, тѣ подались и побѣжали въ лѣсъ. Тутъ Делагарди двинулъ на нихъ конницу. Битва опять возобновилась. Но случилось, что когда передовой отрядъ, давши залпъ по полякамъ, оборотился назадъ, чтобы зарядить ружья, поляки воспользовались этимъ, ударили на него въ тылъ; этотъ отрядъ наперъ на другой, стоявшій позади, а тотъ поворо-

тился назадъ и уперся на московское войско, стоявшее позади его, а московскіе люди пустились въ разсыпную. Поляки за ними ворвались въ непріятельскій обозъ. Димитрій Шуйскій, стоявшій въ острожкѣ, не подалъ имъ помощи. Тогда нѣмцы и французы стали передаваться полякамъ, сначала по одному и по два, кидали оружіе и вступали въ разговоры съ непріятелемъ, а потомъ ротмистры Конрадъ Линкъ и Вильгельмъ Таубе съ цѣлыми своими отрядами послали просить у Жолкѣвскаго свободнаго пропуска на родину изъ московской земли. Гетманъ послалъ къ нимъ своего племянника Адама, человѣка ловкаго и знавшаго иноземные языки и обычаи. Они съ нимъ условились о сдачѣ. Положили, что иноземцы, служившіе Московскому государству, откажутся отъ этой службы и за то получатъ отъ поляковъ свободное право удалиться въ отечество, а кто захочетъ, тотъ будетъ принятъ въ польскую службу. О Линкѣ шведскій историкъ замѣчаетъ, что этотъ нѣмецъ передъ тѣмъ только получилъ нѣсколько тысячъ рублей отъ Димитрія Шуйскаго. За нѣмцами вслѣдъ и другіе иноземцы стали сдаваться. Делагарди сначала вмѣстѣ съ Горномъ увлеченъ былъ общимъ движеніемъ и убѣжалъ въ лѣсъ, а потомъ воротился и сталъ уговаривать свое разноязычное войско, чтобы оно не срамило военной чести, что дѣло еще не проиграно; не помогали ни увѣщанія, ни угрозы. Присылалъ къ нимъ Димитрій Шуйскій, сулилъ, какъ говорится, золотыя горы; но обѣщаніямъ Шуйскихъ не вѣрили. Иноземцы, съ своей стороны, стали грозить Делагарди и принуждать его пристать къ договору, заключенному съ Адамомъ Жолкѣвскимъ. Делагарди съ презрѣніемъ отказался. Разсерженные иноземцы бросились на него. Онъ убѣжалъ отъ нихъ, а потомъ вмѣстѣ съ Горномъ и своими природными шведами поспѣшилъ отступить. Тогда иноземцы стали во множествѣ передаваться полякамъ и вмѣстѣ съ ними бросились грабить московскій обозъ. Начальники московскаго войска, Димитрій Шуйскій, Голицынъ, Мезецкій, какъ увидали, что Делагарди ничего не сдѣлаетъ съ иноземцами, и самъ съ своими шведами убѣгаетъ съ поля битвы, то покинули свой острожекъ и побѣжали въ лѣсъ. Всѣ московскіе люди по ихъ примѣру бѣжали. Каждый думалъ только о спасеніи одной жизни и все добро кидалъ нарочно, въ надеждѣ, авось преслѣдующіе враги наткнутся на брошенное, а тѣмъ временемъ можно уйти. Полякамъ достались: карета Димитрія Шуйскаго, его шатеръ, сабля, булава, его княжеское знамя, вышитое золотомъ по адамашкѣ и на двадцать тысячъ рублей собольихъ мѣховъ: это онъ только-что получилъ изъ Москвы и не успѣлъ раздать иноземцамъ. Теперь пришлось

такъ, что иные изъ тѣхъ, кому слѣдовало раздать, сами взяли. Московскіе люди покинули такъ много вещей—серебра, одеждъ, а въ особенности мѣховъ, что казалось, говоритъ польскій историкъ Кобѣржицкій, какъ будто они ихъ для продажи разложили. Стояли возы совсѣмъ запряженные. Полякамъ оставалось накладывать на нихъ, что лежало на землѣ, и везти. «Мы, говоритъ современникъ полякъ, какъ шли на непріятеля, такъ всѣхъ возовъ было только-что подъ пушечками, да гетманская карета, а назадъ возвращались, такъ возовъ у насъ было больше насъ самихъ.» Пушки и знамена достались побѣдителямъ. Часть польскаго войска еще долго гналась за бѣглецами по лѣсамъ. Князь Яковъ Барятинскій былъ убитъ. Василія Бутурлина и дьяка Демидова, который изъ Москвы соболей привезъ, поймали. Самъ Димитрій Шуйскій бѣжалъ такъ, что загналъ въ болотѣ коня, принужденъ былъ спасаться пѣшкомъ, и оставилъ въ трясинѣ сапоги; потомъ уже досталъ деревенскую клячу и на ней благополучно добрался до Можайскаго монастыря. Тамъ осыпали его вопросами, а онъ говорилъ: «просите милости и милосердія у поляковъ!» Изъ Можайска вмѣстѣ съ Голицынымъ онъ уѣхалъ въ Москву съ постыдною вѣстью о своемъ роковомъ пораженіи [1]). По извѣстіямъ польскимъ, эта побѣда стоила полякамъ только 220 конныхъ товарищей и пахолковъ, пѣхоты до 200 человѣкъ и множество лошадей, а противная имъ сторона потеряла иноземцевъ до 1,200, по другимъ же извѣстіямъ до 800; число же убитыхъ московскихъ людей неизвѣстно. Салтыковы и другіе русскіе, приглашавшіе Владислава въ цари, находились въ польскомъ войскѣ во время битвы съ ихъ единоземцами.

Жолкѣвскій не оставилъ Делагарди и послалъ къ нему Петра Борковскаго съ однимъ изъ передавшихся французскихъ ротмистровъ приглашать его приступить къ договору, заключенному на полѣ сраженія Линкомъ. Делагарди отвѣчалъ: «Я не знаю договора Линка и знать его не хочу.» Но оставшіеся съ нимъ ротмистры стали совѣтовать помириться съ Жолкѣвскимъ; силы ихъ были малы, и нельзя было, да и не для чего было болѣе биться, когда бѣжали тѣ, за которыхъ бились. Делагарди согласился повидаться лично съ Жолкѣвскимъ. Польскій гетманъ пріѣхалъ въ лагерь Делагарди съ небольшимъ отрядомъ конницы. Делагарди выѣхалъ къ нему на встрѣчу. «Я не только надѣюсь, сказалъ онъ, но увѣренъ, что вы панъ гетманъ, мой противникъ, по

[1]) Pisma Żołkiewsk. 49—60, 198—204. Bibl. Krasińsk. B. I. 8. Kobierz. 270—279. Piasecki. 265. Vid. 162—173. Нѣмцев. Dzieje panow. прил. къ 3 т. 398—402. Marchocki. Hist. Wojny Mosk. 87. Maskiew. 24—29.

великодушію своему, согласитесь со мною и припишете мою неудачу, не упадку и недостатку доблести и крѣпости, но неспособности русскихъ и вѣроломству моихъ наемныхъ воиновъ. Въ этомъ вы увѣритесь, когда вспомните, что дѣлали мы прежде въ союзѣ съ тѣми же русскими, когда ими начальствовалъ достойный Скопинъ; но его извели, и счастье москвитянъ измѣнилось. Мое войско, утомленное долгою службою, не получая въ пору жалованья, дало вамъ достаточный образецъ измѣнчивости душъ человѣческихъ, когда для пользы непріятеля увеличило значительно его силу перебѣгомъ; теперь съ остальными, которыхъ я удержалъ въ вѣрности долгу, я надѣюсь, что сообразно народному праву вы согласитесь заключить слѣдующія условія: мы свободно уйдемъ въ отечество съ распущенными знаменами и со всѣми военными орудіями и запасами; никто не будетъ принуждаемъ къ насильному поступленію въ польскую службу, если самъ не захочетъ, и, наконецъ, мнѣ не будетъ препятствія, пока мы не выйдемъ изъ предѣловъ Московскаго государства, собрать должное жалованье, сколько можно и угодно будетъ.»

Жолкѣвскій согласился, но прибавилъ къ этому, чтобы Делагарди далъ обѣщаніе не помогать болѣе Василію Шуйскому, и похвалилъ храбрость и мужество Делагарди и его шведовъ. Делагарди не сразу поддался на требованіе Жолкѣвскаго, но такъ какъ гетманъ былъ настойчивъ, а силы шведскаго полководца до того умалились, что не было возможности рѣшиться на сопротивленіе, то онъ наконецъ согласился. Составили и подписали съ обѣихъ сторонъ договоръ въ такомъ смыслѣ.

Заключивши этотъ договоръ, Делагарди воротился въ свой лагерь и засталъ въ немъ большую перемѣну; взбунтовались девятнадцать конныхъ и двѣнадцать пѣшихъ хоругвей и собрались переходить въ польскій лагерь. Напрасно Делагарди увѣрялъ ихъ, что они еще могутъ получить жалованье, и если имъ не дадутъ добровольно, то можно самимъ собрать на дорогѣ, какъ это и дозволялось по договору, заключенному съ Жолкѣвскимъ. Ратныхъ поджигалъ Линкъ. Они зашумѣли, стали бранить полководца, порывались грабить весь обозъ. Делагарди и Горнъ хотѣли было стрѣлять въ мятежниковъ, но другіе отговорили и совѣтовали оставить имъ волю. Ратные ограбили лагерь и ушли; съ предводителями осталось человѣкъ четыреста шведовъ и финновъ. Съ ними Делагарди и Горнъ ушли къ Погорѣлому Городищу, гдѣ стоялъ Пьеръ де-ла-Виль съ двумя отрядами конницы.

Полководцы пришли туда вечеромъ, а ночью распространилась вѣсть о ихъ приходѣ между оставшимися тамъ фран-

цузами. Утромъ они стали требовать жалованья; имъ отказали; они бросились грабить обозъ, ограбили самихъ предводителей и ушли. Делагарди съ Горномъ и де-ла-Вилемъ двинулись въ Торжокъ [1]).

Послѣ своей побѣды Жолкѣвскій подошелъ къ Цареву-Займищу. Елецкій и Валуевъ не видѣли болѣе возможности защищаться, разсудили, что дѣло Василія Шуйскаго проиграно, царство его миновалось. Они послали къ Жолкѣвскому сказать, что желаютъ цѣловать крестъ королевичу Владиславу на томъ цѣлованіи, какое уже произнесли тушинскіе бояре. Съ своей стороны Жолкѣвскій далъ имъ цѣловальную запись (объ ней впослѣдствіи онъ говорилъ, что не знаетъ самъ и не помнитъ, что въ ней было). Онъ тогда обѣщалъ за себя и за все войско, излагалъ условія, на которыхъ Владиславъ будетъ государемъ: охранять вѣру, не строить костеловъ, не посылать на воеводства польскихъ и литовскихъ людей, не отдавать въ старосты городовъ, не лишать московскихъ служилыхъ людей ихъ жалованья, не отнимать имуществъ, взятыхъ съ боя у литовскихъ людей въ прежнее время, не высылать въ Польшу и Литву плѣнныхъ и выпустить всѣхъ, какіе теперь найдутся, назадъ съ женами и дѣтьми, идти польскимъ войскамъ противъ вора и очищать отъ него города, а королю отступить отъ Смоленска и оставить этотъ городъ по прежнему при Московскомъ государствѣ, наравнѣ съ другими городами, какъ скоро смольняне поцѣлуютъ крестъ королевичу Владиславу. Послѣ этого Елецкій и Валуевъ вышли изъ острога и присоединились къ польскому войску съ своимъ отрядомъ, гдѣ было тысячъ пять. Гетманъ отправилъ Елецкаго какъ старѣйшаго къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, а Валуева, котораго считалъ умнѣе, оставилъ при себѣ, и 25 іюня двинулся къ Можайску. Этотъ городъ сдался ему безъ сопротивленія. За нимъ вслѣдъ покорились сами собою Волокъ, Ржевъ, Погорѣлое Городище, Іосифовъ монастырь [2]).

X.

Козни Жолкѣвскаго. — Приходъ вора къ Москвѣ. — Заговоръ. — Низложеніе и постриженіе царя Василія.

Гетману послѣ этого оставалось идти прямо на Москву; она была беззащитна, и невозможно было Василію устоять противъ

[1]) Vid. 174.

[2]) Сборн. Мух. 179.

поляковъ, но Жолкѣвскій разсчелъ, что можно взять ее вовсе безъ боя. Такъ совѣтовалъ ему Валуевъ и другіе русскіе, на челѣ которыхъ былъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ. По ихъ совѣту Жолкѣвскій послалъ изъ передавшихся русскихъ въ Москву агентовъ, чтобы расположить московскихъ жителей свергнуть Шуйскаго и избрать Владислава. Въ числѣ такихъ былъ Ѳедоръ Суселинъ съ товарищами. Онъ отправился къ смольнянамъ и брянчанамъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ склонять ихъ на сторону королевича [1]). Другіе [2]) повезли письма къ разнымъ лицамъ. Жолкѣвскій писалъ, что Московское государство страдаетъ подъ правленіемъ Шуйскаго, дѣла идутъ дурно, кровь безпрестанно льется, и обѣщалъ тишину и благоденствіе подъ правленіемъ Владислава, если Москва приметъ его къ себѣ въ цари. Такія возбудительныя грамоты переписывались, ходили по рукамъ, и разбрасывались по улицамъ. Царь Василій не въ силахъ былъ останавливать волненія. Никто уже не боялся его. Смоленскіе дворяне безпрепятственно собрали свою братью дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ на сходку. Тамъ открыто читалась грамата Жолкѣвскаго и толковалось о принятіи въ цари королевича Владислава. Всѣ на сходкѣ сказали, что это дѣло хорошее, но въ записи не написано, что Владиславъ крестится въ православную вѣру. Выбрали одиннадцать человѣкъ, изъ которыхъ десять было смольнянъ, и отправили къ Жолкѣвскому. Это число смольнянъ показываетъ, что дѣло это велось одною партіею, настроенною поляками; смольняне хлопотали о воцареніи Владислава потому, что думали этимъ освободить свой городъ отъ осады и свой край отъ военнаго разоренія. Посольство это прибыло въ Можайскъ 5 іюля, и на другой день Жолкѣвскій послалъ въ Москву двухъ смольнянъ съ новою граматою ко всѣмъ московскимъ служилымъ людямъ, которые захотятъ служить Владиславу, величалъ ихъ пріятелями, но о важномъ вопросѣ крещенія будущаго царя отдѣлался такою увертkою: «крещеніе есть дѣло духовное; вольно патріарху со всѣмъ освященнымъ соборомъ совѣщаться съ наияснѣйшимъ королемъ.» Московскіе жители подумали, что, дѣйствительно, теперь объ этомъ спорить много нечего, дѣло состоится впослѣдствіи, и притомъ Жолкѣвскій не подавалъ имъ опасенія, чтобы оно не состоялось; а между тѣмъ новыя несчастныя для царя Василія обстоятельства располагали ихъ къ скорѣйшей уступкѣ польскому военачальнику.

---

[1]) Сбор. Мух. 179.

[2]) Pisma Żołkiewsk. 69.

Вѣсть о пораженіи подъ Клушинымъ дошла до Калуги, и тамъ нашли, что будетъ кстати двинуться къ Москвѣ; такимъ образомъ Москва съ двухъ сторонъ увидитъ подлѣ себя непріятелей, и Шуйскій, какъ разсчитывали, не въ состояніи будетъ удержаться и полетитъ съ престола. Дѣлами царика руководилъ Сапѣга, и ему стала входить мысль самому сдѣлаться царемъ во всеобщей суматохѣ. Полчище калужское двинулось къ Серпухову.

На царя Василія отовсюду находили бѣды, а помощи не было ни отвуда. Ратные люди, бывшіе съ Димитріемъ Шуйскимъ, разъѣхались самовольно по домамъ. Если кое-какое войско и оставалось въ Москвѣ, то было не надежно. Клушинская битва отнимала надежду на возможность биться съ поляками; притомъ нужно было раздѣлить рать: одну половину посылать на поляковъ, другую на калужскаго вора. Делагарди изъ Торжка писалъ къ Димитрію Шуйскому письмо; обвинялъ московскихъ людей, что они были причиною клушинскаго пораженія, но вмѣстѣ утѣшалъ, увѣрялъ, что дѣло поправимо, и обѣщалъ свѣжія силы изъ Швеціи, если только будетъ немедленно отдана Корѣла съ уѣздомъ. Въ отвѣтъ на это письмо Шуйскій послалъ къ нему гонца съ переводчикомъ, и умолялъ поспѣшить на выручку Москвы отъ калужскаго вора, но гонецъ не засталъ его въ Торжкѣ. Делагарди считалъ опаснымъ долго оставаться такъ близко къ Жолкѣвскому, которому далъ обѣщаніе не помогать Шуйскому. Онъ двинулся къ Новгороду. Новгородцы, такъ недавно принимавшіе его какъ будто онъ къ нимъ съ неба спалъ, по выраженію современнаго шведскаго историка, теперь затворили передъ нимъ ворота и отказали ему въ продовольствіи. Тутъ то ему привезли грамату отъ Шуйскаго, но въ то же время, какъ говорятъ, Шуйскій писалъ въ Новгородъ и ко всѣмъ пограничнымъ воеводамъ, чтобы они не сдавали городовъ Делагарди. Впрочемъ, Делагарди, если бы и хотѣлъ, не въ состояніи былъ помочь дѣлу Шуйскаго; царь Василій никакъ не могъ удержаться на престолѣ.

Все еще собирая послѣднія силы, царь Василій однако отправилъ изъ Москвы войско; начальниками были царскій свояк Иванъ Михайловичъ Воротынскій, князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и окольничій Артемій Васильевичъ Измайловъ. Они сошлись съ крымцами, которые стояли въ Серпуховскомъ уѣздѣ: ханъ прислалъ ихъ по просьбѣ московскаго государя на помощь. Но московскіе воеводы, вмѣсто того, чтобы идти противъ вора, сами остались въ Серпуховскомъ уѣздѣ, а выслали на войну союзныхъ крымцевъ. Послѣдніе побились немного съ ка-

лужскимъ войскомъ, воротились, и перешли Оку назадъ. «Нельзя больше биться, насъ голодъ одолѣваетъ», говорили они. Послѣ этого высланные воеводы отправились себѣ въ Москву [1]).

Воръ напалъ по слѣдамъ ихъ на монастырь Пафнутія Боровскаго. Тамъ укрѣпленія были хороши; но двое воеводъ, Яковъ Змѣевъ и Аѳанасій Челищевъ измѣнили царю Василію и впустили враговъ. Третій воевода, Михайло Волконскій, не былъ съ ними въ совѣтѣ. Воры нежданно вошли въ отворенные для нихъ ворота, начали бить людей, столпившихся въ осадѣ, погнались за ними въ церковь. Волконскій оборонялъ церковныя двери, былъ раненъ, въ изнеможеніи побѣжалъ къ клиросу, и тамъ изрубили его воры. Кровь его брызнула на камень, и послѣ, — сколько ни скребли, сколько ни смывали эту кровь, не могли уничтожить кровавыхъ пятенъ на камнѣ. Воры ограбили монастырь и пошли далѣе къ Москвѣ. Объ этомъ событіи осталось такое преданіе: когда тѣла убитыхъ сложили въ могилу и стали пѣть надъ ними панихиду, изъ могилы на верхъ выступила кровь, и потомъ долго, сколько разъ ни служили надъ могилою панихиды, только-что запоютъ вѣчную память, кровь и выступитъ на могилѣ [2]).

Воровское войско дошло до Николы на Угрѣшѣ. Города сдавались ему. Коломна прельстилась и цѣловала Димитрію крестъ: не послушали коломенцы своего владыки Іосифа, который ихъ останавливалъ, а еще послали въ Каширу и Зарайскъ граматы съ убѣжденіемъ цѣловать крестъ царю Димитрію Ивановичу. Кашира повиновалась. Тамошній воевода князь Григорій Петровичъ Ромодановскій сначала уговаривалъ жителей не дѣлать этого, но его чуть не убили и онъ покорился общей волѣ. Въ Зарайскѣ воевода князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій не поддался цѣлому посаду; его хотѣли убить; онъ заперся въ каменномъ городѣ съ немногими людьми, которые, какъ и онъ, не хотѣли сотворить худого дѣла; протопопъ зарайскій Димитрій благословилъ и укрѣпилъ его стоять и умирать за правду. Въ городѣ съ Пожарскимъ были имущества тѣхъ, которые отложились отъ царя Василія и хотѣли принудить Пожарскаго признать Димитрія; они, поэтому, поневолѣ должны были предложить мировую. Согласились цѣловать крестъ тому, кто на Москвѣ будетъ царемъ; будетъ Москва вѣрна Василію, — ему служить; а поставятъ въ Москвѣ иного — и тотъ будетъ всѣмъ царемъ. По примѣру Зарайска, Коломна отложилась отъ вора, такъ

[1]) Никон. 136.
[2]) Ник. 137.

недавно ею признаннаго, и постановила цѣловать крестъ тому, кого Москва царемъ признаетъ [1]).

Воръ оставилъ жену свою въ монастырѣ Николы на Угрѣшѣ, а самъ съ войскомъ сталъ 11 іюля подъ Москвою въ селѣ Коломенскомъ. Москва всполошилась. Москвѣ памятно было ея положеніе, когда подъ тѣмъ же знаменемъ полчище стояло въ Тушинѣ. Тогда съ большимъ трудомъ избавились отъ него, и то съ помощью иноземцевъ, да тогда Скопинъ былъ у Московскаго государства. Теперь Москвѣ могло быть хуже. Тутъ воръ наступаетъ, а тамъ поляки. Трудно защищаться противъ двухъ; было опасеніе, какъ бы оба за одно не стали. Одно средство оставалось—свести Шуйскаго и поладить съ какою нибудь стороною.

Въ это время Прокопій Ляпуновъ, отъ имени покорной ему рязанской земли, послалъ Алексѣя Пѣшкова въ Москву къ брату своему Захару и также написалъ письмо къ боярину Василію Васильевичу Голицыну о необходимости скорѣе свести Шуйскаго. При его содѣйствіи, Захаръ Ляпуновъ 17 іюля собралъ дворянъ и дѣтей боярскихъ за Арбатскими воротами на совѣщаніе. Тамъ говорилось:

«Московское государство доходитъ до конечнаго разоренія и расхищенія. Тутъ пришли на него поляки и литва, а тамъ калужскій воръ: съ обѣихъ сторонъ стало тѣсно. Украинскихъ городовъ люди не любятъ давно царя Василія и не служатъ ему; льется христіанская кровь; отецъ возсталъ на сына, сынъ на отца. Василій Ивановичъ не по правдѣ сѣлъ на царство и несчастенъ на царствѣ. Будемъ бить ему челомъ, чтобъ оставилъ престолъ, и къ калужскимъ людямъ пошлемъ: пусть они своего вора оставятъ, и мы съобща выберемъ всею землею новаго царя и станемъ тогда единомысленно на всякаго врага.»

Послали въ Коломенское, къ русскимъ, находившимся при ворѣ. «Сведите Шуйскаго, — сказали калужане — а мы своего Димитрія тотчасъ свяжемъ и приведемъ въ Москву.»

Послѣ такого отвѣта толпа дворянъ и дѣтей боярскихъ отправилась въ Кремль просить царя Василія, чтобъ онъ оставилъ престолъ. Выступилъ впередъ Захаръ Ляпуновъ, дюжій, плечистый дѣтина, и сталъ говорить царю Василію:

— «Долго ли за тебя кровь христіанская литься будетъ? Ничего добраго въ царствѣ твоемъ не дѣлается. Земля наша черезъ тебя раздѣлилась, разорена и опустошена; ты воцарился не по выбору всей земли; ты погубилъ многихъ невинныхъ; братья твои государя нашего, оборонителя и заступника, окор-

[1]) Никон. 188.

мили отравою. Сжалься надъ умаленіемъ нашимъ. Положи посохъ свой! Сойди съ царства, а мы посовѣтуемъ о себѣ иными мѣрами.»

Василій вышелъ изъ себя, выхватилъ большой ножъ, который, по тогдашнему обычаю, носилъ при себѣ, бросился на Ляпунова и закричалъ: «Какъ ты (тутъ онъ ввернулъ крѣпкое московское слово) смѣешь мнѣ это говорить, когда бояре мнѣ этого не говорятъ!»

Ляпуновъ погрозилъ ему своею мускулистою рукою и сказалъ:

— «Василій Ивановичъ! Не бросайся на меня, а не то — я какъ возьму тебя въ руки, такъ вотъ-тутъ и изотру!»

«Пойдемъ! пойдемъ! сказали бывшіе въ толпѣ Иванъ Никитичъ Салтыковъ и дворянинъ Хомутовъ, объявимъ народу!»

Они вышли изъ Кремля на Красную площадь. Ударили въ колокола. Захаръ Ляпуновъ съ Салтыковымъ и Хомутовымъ взошли на высокое лобное мѣсто и стали приглашать бояръ, патріарха, духовныхъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и весь православный народъ на всенародное собраніе за Серпуховскими воротами. Хоть Красная площадь была не мала, но полагали, что народа будетъ такъ много, что онъ на ней не помѣстится; хотѣли, чтобы какъ можно поболѣе русскаго народа приняло участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Народъ отовсюду повалилъ за Серпуховскіе ворота. Съѣхались туда бояре. Прибылъ и патріархъ. Тамъ говорили:

«Наше Московское государство дошло до конечнаго разоренія. Мы — словно овчарня, когда на нее волки нападутъ. Бѣдныхъ православныхъ христіанъ душатъ безъ милости, и никто не обороняетъ насъ, никто не хочетъ помочь намъ. Вотъ три-года-четвертый на царствѣ сидитъ Василій Шуйскій; неправдой онъ на царство сѣлъ, не по выбору всей земли, и оттого нѣтъ на немъ божія благословенія, нѣтъ счастья землѣ. Сотни тысячъ душъ погибло напрасно. Какъ только братья его пойдутъ на войну, такъ и понесутъ пораженіе; сами прячутся въ осадѣ, а ратные люди разбѣгаются. Православные христіане! Тѣ наши земляки, что въ Коломенскомъ съ воромъ, согласны своего вора оставить и быть съ нами въ соединеніи, если мы Шуйскаго отставимъ. Собирайтесь на совѣтъ, какъ бы намъ Шуйскаго отставить, а вмѣсто его единомысленно выбрать всею землею государемъ того, кого Богъ намъ укажетъ!»

Тогда было такъ мало охотниковъ стоять за Шуйскаго, что въ собраніи не произошло смятенія и большого разногласія. Объ избраніи Владислава кажется въ то время и не заикнулись, во-

первыхъ потому, что простой народъ боялся поляковъ; во вторыхъ потому, что тогда еще, уничтоживши вора, можно будетъ соединить русскую землю и дать полякамъ отпоръ. Потачка польскимъ замысламъ только тогда стала неизбѣжна, когда со сторонниками вора сойтись было нельзя. Патріархъ, вообще не любившій Шуйскаго, удерживалъ нѣсколько толпу: его призваніе, какъ первопрестольника русской церкви, побуждало его сохранять существующую власть, но и онъ не слишкомъ настаивалъ. Порѣшили идти къ царю и бить ему челомъ, отъ всего міра, чтобы оставилъ царство. Патріархъ уѣхалъ изъ собранія. Бояре отправились къ царю. Впередъ выступилъ своякъ царя Василія, Иванъ Воротынскій, и говорилъ:

«Вся земля бьетъ тебѣ челомъ, царь Василій Ивановичъ, оставь свое государство ради междоусобной брани, чтобы тѣ, которые тебя, государь, не любятъ и служить тебѣ не хотятъ и боятся твоей опалы, не отстали отъ Московскаго государства, а были бы съ нами въ соединеніи и стояли бы за православную вѣру всѣ за одно.»

Царю Василію теперь ничего не оставалось, какъ повиноваться. Та же сила, которая его возвела на царство, теперь объявляетъ ему, что не хочетъ видѣть его на царствѣ. Онъ положилъ свой посохъ и переѣхалъ изъ царскихъ палатъ въ свой княжескій домъ. Вѣнецъ, бармы, скипетръ, всѣ принадлежности царскаго чина взяли въ казну. Временное правительство поручено, по обычному порядку, боярской думѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, старшій по роду между боярами.

На другой день, 18 іюля утромъ, москвичи толпою вышли къ Данилову монастырю и отправили посольство въ коломенскій станъ. «Мы своего Шуйскаго свели съ престола — говорили послы; — мы клятвенное слово свое совершили; теперь ведите къ намъ въ Москву своего вора.»

Русскіе сторонники вора расхохотались и сказали: «Дурно, что вы не помните крестнаго цѣлованія вашему государю, а мы за своего помереть рады.»

Москва заволновалась, когда принесли туда такой отвѣтъ. Москвичамъ стало стыдно, что ихъ такъ одурачили и посрамили. Многіе стали жалѣть о Шуйскомъ. Прежде падѣялись, что если его не будетъ, то и вора не будетъ, а теперь вышло, что царя въ Москвѣ нѣтъ, а воръ продолжаетъ съ прежними силами стоять подъ столицею. Дошло это до сверженнаго царя. Онъ тотчасъ послалъ денегъ раздавать стрѣльцамъ, которыхъ въ

Москвѣ было тысячъ до восьми, чтобы съ ихъ помощью захватить престолъ.

Тогда ясно показалось, что, за невозможностію уничтожить вора, приходится склониться къ полякамъ; а чтобъ Шуйскій не мѣшалъ и не творилъ смуты, надобно было съ нимъ раздѣлаться.

19 іюля, Захаръ Ляпуновъ подобралъ себѣ товарищей; въ числѣ ихъ были: Иванъ Никитичъ Салтыковъ, Петръ Засѣкинъ, князь Туренинъ, князь Василій Тюфякинъ, князь Ѳедоръ Меринъ-Волконскій; подговорили іеромонаховъ изъ Чудова монастыря, пришли въ домъ Шуйскаго, разлучили его съ женой, ее увели въ Вознесенскій монастырь, а ему объявили, что слѣдуетъ постричься. «Люди московскіе! — говорилъ онъ — что̀ я вамъ такое сдѣлалъ? какую обиду учинилъ? Развѣ за то, что воздалъ месть тѣмъ, которые содѣявали возмущеніе на святую нашу православную вѣру и тщились разорить домъ Божій, развѣ за то, что мы не покорились Гришкѣ Растригѣ и его богомерзкимъ совѣтникамъ?» Рѣчь его не разжалобила никого. Ему повторили, что онъ долженъ постричься. Василій наотрѣзъ сказалъ, что не хочетъ. Тогда приказано было іеромонахамъ совершать обрядъ постриженія. Когда по обряду спрашивали постригаемаго, желаетъ ли онъ? Василій громко кричалъ, что не хочетъ, а стоявшій близь него князь Тюфякинъ, а по другимъ лѣтописнымъ сказаніямъ князь Туренинъ, произносилъ за него обѣщаніе, Ляпуновъ же крѣпко держалъ Василія Шуйскаго за руки, чтобъ онъ не отмахивался. Его насильно одѣли въ иноческое платье и отвезли въ Чудовъ монастырь, въ закрытомъ каптанѣ. Въ то же время въ Вознесенскомъ монастырѣ постригли супругу его, царицу Марью Петровну.

Патріархъ не признавалъ Василія въ иноческомъ званіи: онъ говорилъ, что теперь инокомъ сталъ тотъ, кто за царя Василія отрекался отъ міра, и изъявилъ желаніе принять иночество.

Такъ окончилось царствованіе Василія [1]). Тогда вспомнили московскіе люди о видѣніи, которое нѣсколько мѣсяцевъ назадъ было, какъ говорили, въ Архангельскомъ соборѣ. Ровно въ полночь съ четверга на пятницу, въ той церкви, гдѣ покоились московскіе великіе князья и цари, слышанъ былъ плачь великій, и чтеніе 168 псалма, и пѣніе вѣчной памяти. Плачемъ началось, съ плачемъ затихло. Этотъ плачь въ царской усыпальницѣ

---

[1]) Pisma Żołkiewsk. 65—68. — Хроногр. Арх. Ком. рук. — Рукоп. Имп. публ. библ. Hist. Pol. № 31. — Diar. oblęż. Smol. рук. ген. шт. — Diar. Sapiehy рук. Никон. лѣт. 138. — Врем. XVI. 112. — Повѣств. о Рос. Арцыб. 242. — Buss. 133. — Bibl. Kras. B. 6.

предвѣщалъ низверженіе Шуйскаго и грядущія за тѣмъ бѣдствія, постигшія русскую землю въ эпоху, которую русскій народъ удачно прозвалъ «московскимъ разореньемъ».

Исторія «Московскаго разоренья» составитъ третью и послѣднюю часть нашего труда.

Н. Костомаровъ.

II.

ЦЕНТРЪ РИМСКАГО МІРА

и

ЕГО ПРОВИНЦІИ*).

II.

Я не могу разсматривать восточной, эллинской части римской имперіи съ тою же подробностію, какъ западныя ея провинціи, и ограничусь самымъ бѣглымъ общимъ очеркомъ. Для исторіи средневѣковой Европы, христіанско-европейскихъ государствъ, изслѣдованіе племенныхъ элементовъ Востока очевидно не представляетъ такой важности, какъ племенной элементъ западной Европы. На послѣднемъ зиждется зданіе западной христіанской цивилизаціи, и потому для историка западной Европы онъ имѣетъ интересъ особенной важности, тогда какъ Востокъ представляетъ только посредственное вліяніе на всемірно-историческія судьбы новой Европы.

Говоря о восточной половинѣ римской имперіи, прежде всего необходимо сказать о положеніи той страны, откуда исходило образованіе, соединявшее въ одну семью разнородныя племена азіятскаго и частію африканскаго Востока, — о *Греціи*.

Свободное развитіе исторической жизни древней Эллады было насильственно прервано македонскою тиранією. Послѣдователи

*) См. предъидущее въ Т. III, отд. I, стр. 175.

фаталистической школы въ исторіи видятъ въ существованіи извѣстнаго факта ясное доказательство его законности. Съ этой точки зрѣнія македонская гегемонія, такъ скоро обратившаяся въ полную тиранію, въ худшемъ смыслѣ этого слова, была естественнымъ завершеніемъ всего развитія политической жизни свободной Греціи; къ этому печальному результату неминуемо вели всѣ предшествовавшія событія. Изъ самой свободы возникла потребность деспотизма, и кто стоялъ на сторонѣ македонскаго деспота противъ великодушныхъ бойцевъ за народную независимость, за тѣмъ, по ихъ мнѣнію, осталась не одна побѣда, такъ часто вѣнчающая неправое дѣло, за тѣмъ осталась историческая законность измѣны. Исторія Греціи послѣ македонскаго завоеванія служитъ лучшимъ опроверженіемъ этой безотрадной, и прибавимъ, безнравственной теоріи. Это въ высшей степени грустная исторія послѣдней борьбы свободныхъ инстинктовъ противъ подавляющаго гнета грубой матеріальной силы. Нравственное чувство историка оскорбляется на каждомъ шагу, и одна уже позорная эпоха Діадоховъ [1]) способна отвратить его отъ изученія этого времени. Одинъ главный результатъ выносится изъ этого изученія, это — убѣжденіе въ насильственности переворота, доставившаго власть въ руки Македоніи, неоправдываемой исторической необходимостію. Паденіе Греціи невозможно становить на ряду съ паденіемъ Рима, еще раньше паденія изжившаго всѣ свои силы, потерявшаго все, чѣмъ условливается самостоятельное существованіе государства. Въ Греціи, въ эпоху ея политическаго паденія, не было этого истощенія, этой мертвенности государственнаго организма; для нея была еще возможность иного лучшаго исхода, чѣмъ постепенное замираніе подъ тяжелой рукой македонскаго тирана. Свѣжія силы еще рвались наружу, въ греческомъ обществѣ. Самыя формы политическаго быта не лишены еще были внутренней крѣпости.

Правда, внутренняя борьба на время утомила Грецію и обнаружила несостоятельность многихъ учрежденій, результатовъ предшествовавшаго развитія. Но, отказываясь отъ многихъ политическихъ формъ, Греція могла не отказываться отъ права на самобытное существованіе. Событія послѣдующаго времени ясно показали, что она могла выйти на другую дорогу, соединить выгоды болѣе крѣпкой федераціи съ политическою самостоятельностію, съ автономіею каждаго изъ ея членовъ, чего не было въ прежнихъ союзахъ городовъ греческихъ, и что явилось въ

[1]) Такъ назывались преемники Александра Великаго, раздѣлившіе между собою его монархію, въ концѣ IV вѣка до Р. Х.

союзахъ — ахэйскомъ и этолійскомъ. Македонская гегемонія застала Элладу въ полномъ развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ народа. Попытки отстоять свою свободу отъ власти чуждаго тирана оказались несостоятельными, исполнены были ошибокъ, обнаружили много слѣдствій разъединенія; но уже то обстоятельство, что греческіе города на-время успѣли забыть свои частные интересы въ виду опасности, грозившей ихъ національной свободѣ, заставляетъ смотрѣть съ участіемъ на ихъ послѣднюю борьбу съ Македоніей. Разъединеніе, борьба частныхъ интересовъ, эти часто печальные результаты свободнаго развитія могутъ быть лучше того крѣпкаго единства, которое дается деспотизмомъ. Мысль о свободѣ долго не умирала въ покоренной Элладѣ. Племена Этоліи и Ахайи съумѣли отстоять свою независимость противъ Македоніи. Только Римъ вполнѣ довершилъ дѣло Филиппа и Александра. Съ этимъ убѣжденіемъ въ возможности обновленія Эллады собственными средствами, въ насильственности перерыва ея свободнаго развитія, трудно смотрѣть безъ предубѣжденія на губителей греческой независимости, хотя бы въ числѣ ихъ стояла личность Александра Великаго. Указываютъ на распространеніе эллинизма, какъ на великій результатъ македонской гегемоніи, безъ нея не возможной. Утрата свободы забывается въ виду великихъ результатовъ, купленныхъ цѣною этой утраты, какъ будто Греція не могла передать Востоку плодовъ своего свободнаго развитія иначе, какъ сама отказавшись отъ свободы. Лучшіе историки не могутъ защититься отъ враждебнаго взгляда на Македонію. Нибуръ идетъ въ своей враждѣ даже до отрицанія геніальныхъ способностей Александра Великаго, даже до отрицанія прекрасныхъ сторонъ его характера. Знаменитый Гротъ точно также не можетъ разсказывать равнодушно послѣднихъ событій исторіи независимой Греціи. Это враждебное чувство, часто увлекающее историка въ ряды описываемыхъ имъ партій, особенно становится понятнымъ, когда посмотримъ, что же дала Македонія Греціи въ замѣнъ отнятой независимости. Поднялось ли матеріальное благостояніе Эллады подъ властію македонскихъ монарховъ, отозвались ли на возбужденіи умственной дѣятельности, благодѣяній мира, на отсутствіи борьбы партій, выгоды единства?

Положеніе Греціи подъ римскимъ владычествомъ служитъ тому отвѣтомъ. Римъ продолжалъ дѣло Македоніи. Уничтоживъ политическое могущество Македоніи, обольстивъ на время грековъ обманчивымъ призывомъ къ свободѣ, онъ мало однако измѣнилъ положеніе дѣла. Греція мало выиграла, перемѣнивъ властителей: на нее легла только новая тяжесть отъ войнъ за право

владѣть ею. Подъ властію Рима, только продолжалось то, что было начато во время македонской гегемоніи. Новыя развалины прибавлялись къ старымъ, уже существовавшимъ. Повсюду рѣзко обозначалось послѣдовательное опустошеніе. Древніе цвѣтущіе города частію лежали въ развалинахъ, въ другихъ еще жило бѣдное населеніе. Беотійскіе Оивы, аркадскій Мегалополисъ обратились въ жалкія деревни. Многіе острова, славившіеся своимъ торговымъ предпріимчивымъ населеніемъ, пустынными скалами возвышались надъ равниною моря, какъ могильные памятники. Племена около горы Эты почти совершенно исчезли. Акарнанія и Этолія обращены въ пустыни. Города Оессаліи разрушились, и богатая страна обѣднѣла и народонаселеніемъ и матеріальнымъ благосостояніемъ. Эпиръ не поднялся послѣ сраженій Павла-Эмилія. Въ рѣдко разсѣянныхъ деревняхъ жили только бѣдные остатки прежняго многочисленнаго населенія. Изъ двѣнадцати городовъ Ахайи, пять были разрушены или покинуты жителями. Аркадія и Мессенія почти необитаемы. Въ Лаконіи, когда-то славившейся множествомъ городовъ, осталось теперь не болѣе 30 деревень. Особенно рѣзко бросалась въ глаза бѣдность и малонаселенность Греціи сравнительно съ богатымъ прибрежьемъ Азіи, гдѣ роскошнымъ цвѣтомъ распустился эллинизмъ. Въ I вѣкѣ по Р. Х., описывая Грецію, Страбонъ изучаетъ ее преимущественно какъ археологъ, отыскивая среди пустынныхъ развалинъ слѣды древнихъ городовъ. Не смотря на опустошеніе, на перевозъ въ Римъ драгоцѣнныхъ памятниковъ эллинскаго искусства, Грецію была покрыта безсмертными произведеніями и тѣмъ глубже было впечатлѣніе, производимое ея настоящимъ запустѣніемъ. По свидѣтельству Плутарха, вся Грецію съ трудомъ могла выставить и не болѣе 3,000 оплитовъ,—войско, выставляемое прежде однимъ городомъ. Въ самыхъ Аѳинахъ проскрипціи Суллы уничтожили цвѣтъ населенія, и городъ наполнялся по преимуществу чужестранцами. Римскія колоніи, Мегара въ Аттикѣ, Коринѳъ или Colonia Julia, Dime Patra или Colonia Augusta, Никополисъ, назначались столько же для утвержденія римскаго владычества въ Греціи, сколько и для заселенія опустѣвшей страны. Изъ нихъ только одинъ Коринѳъ, благодаря своему превосходному положенію на перешейкѣ между двумя морями, возвысился снова на степень богатаго торговаго города. Прежняго значенія возвратить онъ не могъ, точно также, какъ матеріальное благосостояніе жителей выражалось не въ тѣхъ изящныхъ формахъ, какъ въ древней свободной Греціи. Коринѳъ славился своимъ развратомъ. Тяжесть римскаго фискальнаго управленія налегла на Грецію. Отсутствіе политическихъ интересовъ,

паденіе интересовъ умственныхъ, неразлучныхъ съ утратою свободы, все это понизило значительно уровень образованія въ Элладѣ. Неронъ во время артистическаго путешествія по Греціи даровалъ-было ей свободу отъ податей. Это право отнято было у нея Веспасіаномъ. Чувствуя всю невыгоду подчиненія чуждой власти, Греція сохранила только тѣнь прежнихъ учрежденій безъ всякого внутренняго значенія. Города сохранили свои муниципальныя привилегіи, на сколько не противурѣчили онѣ римскому владычеству, мѣстные суды и областныя собранія. Это производило иногда обманчивый эффектъ. Ареопагъ въ Аѳинахъ судилъ по древнимъ обычаямъ. Собирался и судъ амфиктіоновъ. Депутаты союзныхъ городовъ и мѣстечекъ Фокиды, Ахаіи и Беотіи сходились для обсужденія общихъ вопросовъ. Все это не имѣло никакого дѣйствительнаго значенія, не имѣло даже смысла при полнѣйшемъ подчиненіи Риму, при безусловной покорности передъ римскимъ проконсуломъ, и однакоже все это льстило тщеславію грековъ, ласкало ихъ народную гордость.

Крѣпко держась за національный культъ, за народный языкъ, греки нисколько не утратили прежней горделивой исключительности. Самыхъ римлянъ они считали не иначе какъ за варваровъ. Латинскій языкъ они не хотѣли знать, римскую литературу презирали. Укоренившееся мнѣніе между греческими учеными и между прочими, мнѣніе Страбона, было то, что изученіе латинской литературы совершенно безполезно, потому что все хорошее въ ней почерпнуто изъ греческихъ источниковъ. Замѣчательный фактъ этого презрѣнія представляетъ то обстоятельство, что, начиная съ Діонисія и до самаго Либанія, ни одинъ изъ греческихъ критиковъ ни разу не упомянулъ даже имени Горація или Виргилія. Какъ ни далеко зашло это презрѣніе, въ немъ просвѣчивала живая сторона греческаго характера, послѣдній призракъ угасающей жизни. Какъ ни понизился общій уровень умственной жизни Греціи подъ властію Рима, но только въ ней одной могъ находить грекъ забвеніе печальной дѣйствительности, утраты свободы, утраты даже матеріальнаго благостоянія. Въ сферѣ умственной дѣятельности и искусствѣ онъ сознавалъ свое превосходство надъ своими побѣдителями, и только тамъ онъ возвращалъ себѣ тотъ авторитетъ, который безвозвратно утраченъ былъ въ политической сферѣ. Во все время римскаго владычества, Аѳины были главнѣйшимъ центромъ образованія. Сюда стекалось любознательное юношество со всѣхъ областей римскаго міра. Здѣсь въ виду Акрополя среди безчисленныхъ памятниковъ искусства, среди славныхъ воспоминаній, греческая наука могла говорить внятнѣе уму, производить силь-

нѣйшее впечатлѣніе, здѣсь же она неразрывно связана была съ прошедшимъ народнымъ культомъ, съ народнымъ языкомъ. Аѳинскія школы мало имѣли соперниковъ. Здѣсь были самые знаменитые преподаватели и самый обширный кругъ преподаванія. Я буду имѣть еще случай коснуться значенія этихъ школъ въ послѣднее время языческой литературы греко-римскаго міра и особенно во время послѣдней борьбы древняго культа съ христіанствомъ. Въ настоящее время достаточно указать на то, что умственная дѣятельность была единственною живою стороною Греціи, глубоко павшей во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, утратившей даже тотъ ясный политическій смыслъ, которымъ отличались ея свободные обитатели.

Македонія, сгубившая свободу Греціи, сама была теперь подъ чуждымъ владычествомъ римлянъ. Ея прежнія границы и административное дѣленіе были измѣнены римскимъ правительствомъ. Чтобы образовать изъ нея отдѣльную провинцію, римляне присоединили къ ней часть Иллиріи и Ѳессаліи, отчисливъ берегъ, къ востоку отъ Неста, къ Ѳракіи. Римская Македонія занимала пространство отъ Адріатическаго до Эгейскаго моря. Заключенная какъ въ стѣнахъ между горными хребтами, она была превосходнымъ стратегическимъ пунктомъ для Рима, отсюда дѣйствовавшаго на области нижняго Дуная. Населеніе, не утратившее еще своей воинственности, доставляло превосходныхъ рекрутъ для легіоновъ. Сѣверная и сѣверозападная часть населенія сохраняла еще особенности иллирійскаго происхожденія; въ ихъ гористыя мѣстности мало проникало греческое вліяніе. За то жители южныхъ равнинъ давно уже были греками по образованію. Завоеваніе Македоніи Римомъ отозвалось тяжело на благосостояніи страны; Павелъ-Эмилій послѣ побѣды надъ Персеемъ въ одинъ день предалъ на разграбленіе 72 македонскіе города. Съ утвержденіемъ власти Рима здѣсь было основано нѣсколько римскихъ колоній (16). Ѳессалоника и Амфиполисъ, свободные города Македоніи, пріобрѣли и нѣкоторое значеніе, особенно Ѳессалоника, одинъ изъ богатѣйшихъ торговыхъ городовъ римской имперіи. Вообще положеніе Македоніи было во многомъ лучше положенія самой Греціи.

Къ в. отъ Македоніи лежала *Ѳракія*, римская провинція, занимавшая однако не все пространство древней Ѳракіи, а только юговосточную ея часть, къ ю. отъ Гемуса. Гористая мѣстность Ѳракіи была занята суровымъ населеніемъ разныхъ племенъ, которыхъ грубость и хищническія привычки мало смягчались давнимъ основаніемъ по всему ѳракійскому прибрежью многочисленныхъ греческихъ колоній. Во времена римскаго вла-

дичества, ѳракійцы мало утратили изъ первобытной суровости нравовъ. Страбонъ называетъ разбойниками изъ разбойниковъ племя бессеровъ, съ большимъ трудомъ покоренное римлянами. Греческая цивилизація утвердилась только по берегамъ; здѣсь былъ Перинѳъ, древняя колонія самосцевъ, здѣсь же при сліяніи Пропонтиды съ Босфоромъ лежала Византія, которой готовилась роль столицы въ послѣднее время римской имперіи.

Эллинизмъ давно уже распространился по Азіи и сѣверовосточной Африкѣ. Греческія колоніи утвердились по берегамъ Средиземнаго и Чернаго морей, становясь передовыми пунктами цивилизаціи. Повсюду, куда бы ни явился греческій колонистъ, онъ приносилъ съ собою презрѣніе къ варварамъ, среди которыхъ онъ селился, а варварами въ греческомъ смыслѣ были всѣ народы не-эллинской цивилизаціи. Въ мѣстахъ своего поселенія онъ воздвигалъ алтари божествамъ своей родины и свято хранилъ національный культъ. Культъ греческихъ божествъ былъ лучшимъ по этому признакомъ утвержденія греческой цивилизаціи. Если мы находимъ его во Ѳракіи, Херсонесѣ Таврическомъ, въ Малой Азіи, Египтѣ и Ливіи, это знакъ, что туземцы уже начали покоряться вліянію эллинизма. На Левкѣ, островѣ въ устьяхъ Дуная, въ Ольвіи на устьяхъ Днѣпра, греки утвердили культъ Ахиллеса, въ Херсонесѣ Таврическомъ культъ Аполлона, Діаны, Геркулеса, и ихъ вѣрованія были приняты туземцами. Греческія колоніи Малой Азіи были мѣстомъ полнѣйшаго развитія греческой цивилизаціи. Завоеваніе Персіи Александромъ Македонскимъ перенесло ее съ береговъ моря въ самую внутренность страны. Греческое населеніе явилось на самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ прежней персидской монархіи.

Полуостровъ Малой Азіи рѣкою Галисомъ дѣлился на двѣ части. Населеніе западной части, лидяне, карійцы, мизіи, виѳиняне принадлежали къ одному племени съ европейскими ѳракійцами. Древніе туземные діалекты сохранились только частію, а нѣкоторые, какъ напр. языкъ лидійцевъ, исчезли совершенно безслѣдно. Греческій языкъ и греческія формы быта и цивилизаціи господствовали почти безъ раздѣла. На востокъ отъ Галиса жили племена сирійско-аравійскаго происхожденія—каппадокійцы, киликійцы, памфилійцы и т. п., древніе обитатели Ликіи и Писидіи. Здѣсь была такая сильная примѣсь греческаго населенія, что многія племена считались чисто греческими. Сѣверное прибрежье Малой Азіи по Черному морю было занято странами Виѳиніи, Пафлагоніи и Понта. Въ Виѳиніи, Никомедія, Халкедонъ, Никея, Гераклея, города сравнительно новѣйшаго происхожденія, вмѣстѣ съ прежними греческими колоніями были

проводниками эллинизма между ѳракійскимъ и мизійскимъ населеніями Виѳиніи. Сирійское населеніе Пафлагоніи, извѣстное своимъ суевѣріемъ, также приняло значительное число греческихъ поселенцевъ особенно по берегамъ моря, гдѣ находился богатый Синопъ, колонія Милета. Понтъ, по сѣверовосточному берегу Малой Азіи, со временъ Нерона римская провинція, простирался до Колхиды и Великой Арменіи. Населеніе внутреннихъ областей Понта говорило нѣсколькими языками, доказывавшими его разноплеменность. Понтійскіе города важны были и по богатству и по религіозному значенію; съ I вѣка начинается процвѣтаніе Неокесаріи. Къ югу отъ Галатіи и Понта была Каппадокія, одна изъ обширнѣйшихъ провинцій римской имперіи, занимавшая почти третью часть всего полуострова. Народонаселеніе Каппадокіи называлось у персовъ бѣлыми сирійцами. Богатѣйшею и образованнѣйшею частію полуострова были безспорно области передней Азіи (Мизія, Карія, Лидія и часть Фригіи), пріобрѣтенныя римлянами по смерти пергамскаго царя Аттала въ 621 г. отъ О. Р. и организованныя въ римскую провинцію подъ именемъ Азіи въ 628 г. отъ О. Р. Здѣсь среди роскошной природы жило густое населеніе, возвышалось до 500 городовъ, богатыхъ торговлею, наполненныхъ великолѣпными памятниками греческаго искусства. Въ послѣднее время ихъ считалось даже до тысячи. Въ этихъ областяхъ, покрытыхъ издавна дорійскими и іонійскими колоніями, греческій элементъ давно уже окончательно восторжествовалъ надъ туземными элементами. Римляне не имѣли нужды содержать здѣсь постоянное войско, и, пользуясь благодѣяніями мира, торговля и промышленность, были слѣдствіями превосходнаго, приморскаго положенія страны. Греческіе города передней Азіи съ гордостію называли себя автономными на монетахъ и надписяхъ, потому что и здѣсь римляне оставили еще тѣнь прежнихъ свободныхъ городскихъ учрежденій и политической самостоятельности. Въ провинціи Азіи находилась Смирна, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ древности, часто разрушаемая землетрясеніями и рукой непріятелей и снова вставшая изъ развалинъ съ прежнимъ богатствомъ, благодаря превосходной гавани. Эфесъ, называвшій себя въ надписяхъ первою и величайшею метрополіею Азіи, гордился своимъ храмомъ Артемиды-Діаны, однимъ изъ чудесъ греческаго искусства. Лидія съ городами Сарды, Тіатира, Магнезія, во времена Страбона подчинилась почти совершенно вліянію эллинизма. Тоже можно сказать объ областяхъ Каріи, Ликіи и Фригіи. Въ послѣдней, когда-то могущественномъ государствѣ, съ древнѣйшимъ населеніемъ, прежній туземный элементъ совершенно подавленъ

былъ греческимъ вліяніемъ. На языкѣ фригійскомъ говорили только жители отдаленныхъ деревень и рабы въ городахъ; города Апамея, Колоссэ, Лаодицея извѣстны преимущественно въ исторіи христіанской церкви. Въ гористой Галатіи, куда проникли за 278 лѣтъ до Р. Х. три кельтскія племени тамъ поселившіяся, лучше сохранился прежній элементъ. Во времена Страбона здѣсь еще господствовалъ кельтскій языкъ и кельтскіе нравы. Свои племенныя особенности сохранили также и племена гористыхъ странъ южной части полуострова Писидіи, Исавріи, Киликіи. Римское правительство рядомъ укрѣпленій старалось сдержать ихъ хищническія наклонности. На плоскости приморскаго берега лежали цвѣтущіе города съ греческимъ образованіемъ, между прочимъ древній Тирсъ. Эллинизмъ, впрочемъ, мало проникалъ въ неприступныя ущелья гористой части.

Мѣстный элементъ Малой Азіи упорно сохранился во многихъ сферахъ народной жизни, не смотря на сильное распространеніе греческаго вліянія, не смотря на то, что это вліяніе такъ давно уже укоренилось на всемъ прибрежьи Малой Азіи. Всего замѣтнѣе воздѣйствіе мѣстнаго элемента и его соединеніе съ греческимъ въ сферѣ искусства и религіозныхъ вѣрованіяхъ. Для насъ особенно важно мѣстное вліяніе въ послѣднихъ, потому что, не ограничиваясь предѣлами Малой Азіи, оно перешло почти во всѣ области римскаго міра, сохраняя свой первоначальный характеръ. Вліяніе же мѣстнаго малоазіатскаго элемента въ искусствѣ имѣетъ интересъ болѣе ограниченный; хотя и здѣсь для насъ представляются нѣкоторые весьма любопытные факты. Изслѣдованіе памятниковъ Малой Азіи далеко еще не окончено; можно сказать что въ настоящее время, ему едва только положено прочное начало трудами Лика (Leake), Гамильтона, Fellows, Spratt и другихъ ученыхъ. Повсюду даже на весьма древнихъ памятникахъ видѣнъ слѣдъ вліянія греческаго искусства. Въ долинѣ Доганлу, до сихъ поръ еще остались надгробные памятники древнихъ фригійскихъ царей, и большая часть изъ нихъ по грубой отдѣлкѣ можетъ быть отнесена къ весьма древней эпохѣ. Тѣмъ не менѣе на нѣкоторыхъ изъ нихъ національная архитектура уступила уже мѣсто дорійскимъ колоннамъ. Рядомъ съ длинными фригійскими надписями, еще до сихъ поръ неразобранными, вырѣзаны короткія греческія; на другихъ фригійская рѣчь выражена греческими письменами. Такія доказательства греческаго вліянія и притомъ почти въ самую раннюю эпоху встрѣчаемъ мы повсюду въ Малой Азіи. Еще болѣе чѣмъ на древней фригійской мѣстности встрѣчаются такого рода памятники въ Ликіи. Могильные памятники, разсѣян-

ные во множествѣ по всему ея пространству, частію изсѣчены въ скалахъ, частію возвышаются отдѣльными зданіями. Подлѣ саркофаговъ находятся иногда могильные столбы и обелиски. И саркофаги, и обелиски часто покрыты барельефами, изображающими то звѣрей и рѣже птицъ, то событія человѣческой жизни, процессіи, битвы, домашнія сцены. Туземный стиль стоитъ рядомъ съ чисто греческимъ, или смѣшивается съ нимъ. Ликійскія надписи, покрывающія памятники, еще не разобраны. Древнѣйшія изъ греческихъ, встрѣчающіяся и здѣсь какъ во Фригіи, не восходятъ, кажется, далѣе V вѣка до Р. Х., хотя, разумѣется, греческое вліяніе должно было отразиться на жизни и искусствѣ туземцевъ несравненно ранѣе. Если изученіемъ памятниковъ Малой Азіи можно наглядно убѣдиться въ древности греческаго вліянія, то это же изученіе приводитъ и къ другому результату. Мѣстный элементъ не вытѣсненъ былъ совершенно; напротивъ, еще не вполнѣ оконченныя изслѣдованія въ области малоазіатскаго искусства убѣждаютъ въ живучести мѣстнаго элемента, замѣтнаго повсюду даже на памятникахъ чисто греческаго стиля. Какъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ долгой живучести мѣстныхъ исконныхъ элементовъ, приведу замѣчаніе нѣмецкаго путешественника Росса, изслѣдовавшаго Малую Азію въ 1844 году съ цѣлію привлечь туда нѣмецкихъ колонистовъ. Нынѣшніе обитатели древней Ликіи строятъ и теперь свои деревянные хлѣбные амбары совершенно по образцу, то отдѣльно стоящихъ саркофаговъ, то могильныхъ покоевъ высѣченныхъ въ скалахъ. Что это не случайное сходство, доказывается прекращеніемъ подобнаго рода строеній за предѣлами древней Ликіи, даже въ сосѣднихъ областяхъ, напр. въ области древней южной Каріи. Другой примѣръ, замѣченный тѣмъ же Россомъ, это одежда нынѣшнихъ обитателей ликійской мѣстности, напоминающая сильно одежду монументальныхъ изображеній. Костюмъ ликійскихъ поселянъ рѣзко отличается отъ одежды сѣверныхъ карійскихъ и лидійскихъ. Такъ, даже въ настоящее время, на самыхъ отдаленныхъ потомкахъ послѣ столькихъ переворотовъ и столькихъ измѣненій въ племенномъ составѣ населенія, еще видѣнъ слѣдъ древнѣйшаго быта. Подобнаго рода указанія относительно другихъ областей Малой Азіи отняли бы слишкомъ много времени, но и примѣръ памятниковъ искусства Ликіи и Фригіи очень достаточенъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что эллинизмъ, какъ бы сильно распространенъ ни былъ, не могъ однакоже совершенно вытѣснить мѣстнаго элемента.

Еще яснѣе представится этотъ результатъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Малой Азіи. Два главныя племени, населявшія полу-

островъ, не смотря на племенное развитіе, имѣли однакоже много общаго въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Кромѣ того эти вѣрованія не были исключительною принадлежностію одной только Малой Азіи. Многія изъ нихъ принадлежали къ общему культу семитовъ, на другихъ особенно отразилось вліяніе религіи Вавилоніи и Ассиріи. Религіозныя вѣрованія Малой Азіи сохранились въ народномъ сознаніи не только не смотря на вліяніе эллинизма, но и во все время римскаго владычества. Мало того, завоеваніе этихъ странъ содѣйствовало только распространенію мѣстнаго культа. Въ Каппадокіи и Понтѣ главнѣйшее божество было женское, Ма или Мэнэ. Знаменитѣйшіе храмы богини находились въ двухъ городахъ, называвшихся Комана. Храмы въ Команѣ были при томъ и самые древніе. Еще въ послѣднемъ столѣтіи до Р. Х. Митридатъ возбудилъ къ возстанію все населеніе Малой Азіи, распустивъ слухъ, что римляне идутъ разграбить эту святыню. Два разъ въ годъ были торжественныя процессіи въ честь богини, при которыхъ жрецы носили царское украшеніе. Во время Страбона, въ Команѣ на рѣкѣ Сарусѣ и въ Команѣ на Ирисѣ было 6,000 гіеродуловъ, а въ другомъ городѣ Веназѣ 3,000, жившихъ при храмахъ. Греки называли команскую богиню Артемидой, римляне Беллоной. Рядомъ съ женскимъ божествомъ Ма, было мужеское божество Мэнъ. Относительно перваго трудно не признать въ немъ сходства, если не тождества съ Астартой, воинственной богиней Сиріи. Въ Киликіи главнымъ божествомъ былъ Баалъ, особенно въ Тарсѣ. Главный жрецъ его носилъ царское одѣяніе. Другое имя Баала было Санданъ, указывающее на ассирійское вліяніе. Самый замѣчательный мѣстный культъ принадлежитъ Фригіи, хотя и здѣсь замѣтна близость къ сирійскому культу. Здѣсь чтили *великую матерь боговъ* Кибелу. Культъ Кибелы, господствующій во Фригіи былъ также національнымъ и для Лидіи. Софоклъ называетъ богиню «блаженная», сидящая на львѣ, губителѣ быковъ. Матерь горъ — всепитающая земля, обитаетъ на золотоносномъ Пактолѣ. Ей поклонялись въ древнее время въ священныхъ дубравахъ и на горахъ, на Диндимѣ и Идѣ, отчего греки называютъ ее также диндименійской или идайской матерью; ее звали иногда Агдистисъ, отъ горы Агдусъ или Агдистисъ. Ея главное святилище было въ Пессинунтѣ, гдѣ хранилось и ея изображеніе, камень, по всей вѣроятности аэролитъ. Ей посвящены были животныя, отличающіяся богатствомъ производительной силы, наприм. козелъ, впослѣдствіи времени также голуби; изъ растеній, сосны и гранаты. Въ честь богини и при ея храмѣ дѣвицы приносили въ жертву свою дѣвственность, предаваясь чуже-

странцамъ, посѣщавшимъ святилище. Кибела была воспріимчивая и рождающая (производительная) сила природы. Съ этимъ значеніемъ перешла она и въ грекоримскую миѳологію. Она изображалась здѣсь сидящею на львѣ или въ колесницѣ, влекомой львами, или на престолѣ, подлѣ котораго стоятъ львы, съ вѣнцомъ изъ крѣпостныхъ зубцовъ на головѣ. Въ двухъ главныхъ святилищахъ Кибелы, въ Пессинунтѣ и Гіерополисѣ, жрецами Кибелы были скопцы (galli). Въ Пессинунтѣ archi-gallus носилъ царственное одѣяніе. Богослуженіе сопровождалось оргіастическими плясками; жрецы поражали себя острыми орудіями, проливали кровь въ честь богини. Кибела, божество женское, можетъ однакоже назваться божествомъ гермафродическимъ. Поклоненіе великой матери Фригіи и Лидіи, сходное съ сирійской Астартой-Asheva, было давно уже принято греками. Съ 204 г. до Р. Х. оно распространилось и въ Римѣ: тогда по указанію сивиллинскихъ книгъ священный камень богини привезенъ былъ изъ Пессинунта въ Римъ, а фригійскіе скопцы въ длинныхъ и въ широкихъ одѣяніяхъ впервые появились среди фламиновъ и весталокъ. Римлянамъ впрочемъ запрещено было закономъ обрѣзываться (скопиться) и поступать въ число жрецовъ фригійской богини. Галлы или жрецы Кибелы странствовали по всѣмъ провинціямъ римской имперіи въ IV вѣкѣ по Р. Х. Особенно сильно было ихъ вліяніе на жителей деревень, которыхъ поражали ихъ странные обряды, ихъ изступленіе во время священныхъ плясокъ. Изъ жизни св. Симплиція видно, что поклоненіе матери боговъ было укоренено въ Отенѣ, въ Галліи. Пруденцій говоритъ о камнѣ—изображеніи Кибелы, такъ, какъ будто бы онъ существовалъ еще въ его время. «Когда я былъ молодъ, говоритъ бл. Августинъ, родившійся въ 354 г., я ходилъ иногда смотрѣть, что происходило въ храмахъ.... я созерцалъ странныя позы изступленныхъ, я слушалъ музыку и находилъ удовольствіе въ постыдныхъ играхъ, которыя давались въ честь боговъ и богинь въ тотъ день, когда торжественно омывали въ рѣкѣ Кибелу, эту дѣвственную матерь всѣхъ боговъ.» По свидѣтельству бл. Августина и Іеронима, жрецы Кибелы еще въ ихъ время подвергались мучительной операціи оскопленія. Надписи, находимыя по всему пространству римской имперіи, свидѣтельствуютъ о распространеніи культа Кибелы. Повсюду видимъ жрецовъ фригійской богини и памятники, воздвигнутые въ воспоминаніе торжественныхъ жертвоприношеній, извѣстныхъ подъ именемъ *тауроболовъ*, совершавшихся съ особенною пышностію. Кромѣ другихъ обрядовъ здѣсь особенно важенъ былъ одинъ. Совершавшій жертву становился во рву, надъ которымъ закалали

быка и принималъ на голову, руки и одежду кровь жертвеннаго животнаго. Если такъ былъ распространенъ культъ матери боговъ въ областяхъ западной римской имперіи, очень понятно, что онъ долженъ былъ имѣть еще болѣе силы на самыхъ мѣстахъ своего возникновенія. И дѣйствительно, мы видимъ, что только разрушеніемъ фригійскихъ святилищъ, совершеннымъ около 401 г. по настоянію св. Іоанна Златоустаго, нанесенъ былъ смертельный ударъ этому культу.

Рядомъ съ поклоненіемъ женскому божеству во Фригіи стояло поклоненіе божеству мужскому Мэну или Манесу, хотя заслоненное нѣсколько культомъ Кибелы. Неразрывно съ почитаніемъ Кибелы было почитаніе Аттиса, по нѣкоторымъ миѳамъ сына Мэна. Значеніе Аттиса не совсѣмъ ясно. Шеллингъ называетъ его демономъ въ принятомъ имъ смыслѣ этого слова. По нѣкоторымъ миѳамъ, Аттисъ возникъ самъ изъ творящей мужской силы Агдистисъ, такъ что онъ почти отождествляется съ самимъ Мэномъ. Положительно говорятъ преданія объ оскопленіи самого Аттиса, въ честь чего въ самомъ Римѣ временъ имперіи совершалось особое торжество на третій день праздника матери боговъ. Плачь объ Аттисѣ составлялъ существенную часть культа самой Кибелы. По извѣстіямъ древнихъ, во Фригіи чтилось золотое изображеніе Аттиса, болѣе цѣнное по матеріалу, чѣмъ по художественности исполненія. На римскихъ памятникахъ онъ изображается какъ юноша и съ пастушеской свирѣлью— и это объясняется намъ главнымъ значеніемъ Кибелы въ грекоримской миѳологіи, какъ божества земли, сшедшей съ горъ. Въ Мизіи, кромѣ поклоненія великой матери боговъ фригійской Кибелы, распространено еще было поклоненіе Аполлону, стрѣляющему изъ лука. Подъ этимъ греческимъ именемъ можетъ скрываться точно также мѣстное божество, какъ подъ именемъ Артемиды — воинственная богиня Малой Азіи. Въ Каріи чтили воителя Зевса Лабрандеа (Labrandeus) [1]) котораго знаменитѣйшій храмъ находился недалеко отъ города Меласса на крутой скалѣ, среди пальмоваго лѣса. Священная дорога соединяла впослѣдствіи храмъ съ городомъ. Туземное названіе Зевса-воителя было Мэнъ — то же божество, что и въ другихъ областяхъ Малой Азіи, только здѣсь мужской элементъ не заслоненъ женскимъ. Въ Лидіи, кромѣ культа Кибелы, распространено было поклоненіе сирійской Астартѣ. Пляски съ оружіемъ въ честь богини сохранились въ служеніи эфесской Артемидѣ. Здѣсь же былъ и культъ Геркулеса-Сандона.

[1]) Labrys, боевой топоръ.

Такимъ образомъ, на всемъ пространствѣ Малой Азіи отъ границъ Сиріи, чрезъ Киликію и Каппадокію до Понта на Черномъ морѣ и на западъ чрезъ Фригію, Мизію, Лидію и Карію до береговъ Эгейскаго моря находимъ разнообразные слѣды общаго поклоненія однимъ и тѣмъ же божествамъ, господствующій культъ женскаго божества Ма (Кибела) и мужского Мэна, являющихся то творческою производительною силою природы, то враждебною, разрушительною. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рядомъ съ этими главными божествами стоятъ другія: въ Киликіи Баалъ-Сандонъ, въ Лидіи Геркулесъ-Сандонъ. Греки звали большую почти часть населенія Малой Азіи (Каппадокіи и Киликіи) бѣлыми сирійцами, и тѣсная связь малоазіатскихъ вѣрованій съ сирійскимъ культомъ доказываетъ справедливость этого опредѣленія. Малоазіатскій культъ, достигшій высшей степени развитія въ поклоненіи фригійской матери боговъ, не только удержался отъ вліянія чуждыхъ племенъ, эллинизма и римскаго вліянія, но имѣлъ самъ сильное вліяніе на религіозное сознаніе грековъ и римлянъ, распространившихъ его по всему пространству древняго міра. Въ этомъ распространеніи фригійскаго культа всего яснѣе выражается сила туземнаго элемента не сокрушеннаго чуждымъ вліяніемъ.

Сирія, бывшая также римской провинціей, прежнее царство Селевкидовъ отъ Киликіи между Средиземнымъ моремъ и Ефратомъ до Аравійскихъ пустынь—границъ Египта, также была страною греческаго образованія. Это была страна городовъ, извѣстныхъ съ глубокой древности. Греческое вліяніе распространялось частію въ этихъ старыхъ городахъ, частію въ новыхъ городахъ уже чисто греческаго происхожденія. На востокѣ до Тадмора или Пальмиры простирались эти города, изъ которыхъ многіе въ Сирійской пустынѣ исчезли въ самыхъ развалинахъ. Въ верхней Сиріи у начала Ливанскихъ горъ лежалъ первый приморскій городъ Сиріи Лаодицея (Гіерополисъ); потомъ Апамея и Эмеза на Оронтѣ, и Антіохія, созданная Селевкидами и главный городъ Сиріи. По богатству и пышности зданій Антіохія равнялась почти Риму и Селевкіи на Тигрѣ, уступая только развѣ Александріи въ монументальномъ великолѣпіи. Богатый городъ много страдалъ отъ землетрясеній. Въ семь столѣтій 10 разъ онъ падалъ въ развалинахъ и каждый разъ возставалъ съ прежнею пышностію. Либаній во время Юліана говорилъ, что это уже четвертый городъ стоитъ на древнихъ основаніяхъ. Населеніе, смѣсь грековъ съ сирійцами, отличалось страстнымъ увлеченіемъ ко всякого рода наслажденіямъ. Школы Антіохіи столько же славились въ древности какъ и театры и храмы. Грече-

ское образованіе соединялось съ сирійскою безнравственностію. Легкомысленное, подвижное и безпокойное населеніе, по словамъ Юліана, думало только о смѣхѣ и удовольствіяхъ. Въ Антіохіи, какъ сказалъ другой римскій императоръ, было гораздо болѣе актеровъ, чѣмъ гражданъ. Въ нижней Сиріи или Келе-Сиріи находился Дамаскъ, извѣстный уже во времена Авраама, оставленный сирійскими царями, какъ не совсѣмъ надежное мѣстопребываніе и снова возвысившійся подъ властію Рима. На Ливанѣ Геліополисъ (Бальбекъ), гдѣ воздвигнутъ былъ императоромъ Антониномъ, великолѣпнѣйшее зданіе древняго міра, храмъ Юпитера. Императоръ Адріанъ раздѣлилъ Сирію на 3 провинціи: 1) Сирію (Magna, Coele, Major Syria), 2) Сирію Финикійскую (Phoenice) и 3) Сирію Палестинскую (Palestina). Къ Сиріи Палестинской принадлежало между прочимъ все прибрежье древней Финикіи. Метрополіей или главнымъ городомъ былъ Тиръ, какъ видно по монетамъ. Геліогабалъ сдѣлалъ-было метрополіей Сидонъ, но при Александрѣ-Северѣ прежнее значеніе снова было возвращено. Тируритъ, возстановленный Августомъ и обращенный въ римскую военную колонію, впослѣдствіи времени славился своими школами. Переходъ Финикіи отъ завоевателей къ завоевателямъ, отъ ассиріянъ къ вавилонянамъ, отъ персовъ къ македонянамъ и наконецъ къ римлянамъ, разрушительно дѣйствовалъ на матеріальное благосостояніе страны, точно также ослабилъ и туземный племенной элементъ. Греческому вліянію открыта была дорога прежними политическими переворотами. Финикійскій элементъ долѣе хранился въ колоніяхъ, чѣмъ въ самой метрополіи. По крайней мѣрѣ это видно изъ судьбы языка, угасшаго въ Финикіи во II столѣтіи по Р. Х. и сохранившагося въ областяхъ Карѳагена до самаго VI вѣка. Политическіе перевороты сильно дѣйствовали и на ослабленіе туземнаго элемента въ племени филистимлянъ, замѣчательномъ по своему быту и религіознымъ вѣрованіямъ. Возстановленные римлянами города, Газа и Аскалонъ, были наполнены жителями другого племени или выродившимися потомками филистимлянъ. Оставляя въ сторонѣ Іудею, для которой совершенно нѣтъ нужды доказывать существованіе туземнаго элемента, оказавшаго свое дѣйствіе на многіе города Сиріи, даже на египетскую Александрію, и сохранившагося почти въ первобытной чистотѣ до нашего времени, — не останавливаясь тѣмъ болѣе на административномъ дѣленіи Сиріи, измѣнявшемся во время римскаго владычества, остановимся на отношеніи чуждаго вліянія къ мѣстнымъ элементамъ.

Первобытное населеніе Сиріи, вмѣстѣ съ ассиріянами, месопотамлянами, бѣлыми сирійцами Малой Азіи, принадлежало къ

племени семитовъ, отличающемуся многими особенностями народнаго характера. Въ религіозномъ сознаніи жителей Сиріи мы видимъ большое разнообразіе вѣрованій, только съ трудомъ подводимое къ какому нибудь единству. Довольно сильное различіе находимъ мы уже въ вѣрованіяхъ филистимлянъ и финикіянъ. Въ религіозномъ сознаніи первыхъ идея божества прямо заимствуется изъ явленій природы. Четыре божества дѣлятъ поклоненіе филистимлянъ: Дагонъ въ Газѣ, за нимъ богиня Деркетто; оба божества имѣютъ чисто мѣстный характеръ и поклоненіе имъ мало переходило границы филистимскихъ владѣній; въ изображеніяхъ обоихъ видна смѣсь человѣческаго тѣла съ рыбьимъ. Рядомъ съ этими, чисто мѣстными божествами являются два другія, общія многимъ племенамъ Сиріи: Баалъ и Астарта. Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ финикіянъ мы встрѣчаемъ не только другія божества, но и другую почти основу. Поклоненіе отличается жестокостію и чувственностію. Сирійскій Баалъ или вавилонскій Белъ чтился особенно на горахъ; богинѣ Ашерѣ, во многомъ сходной съ малоазійскимъ женскимъ божествомъ (Ма, Кибела), покланялись также на возвышенностяхъ, и характеръ поклоненія во многомъ сходенъ съ малоазіатскимъ. Та же чувственность освященная религіей, тоже поклоненіе плодотворной творческой силѣ природы. Дѣвицы также должны были приносить въ жертву свою дѣвственность богинѣ, предаваясь въ ея храмѣ чужеземцамъ. Многочисленные гіеродулы и здѣсь, какъ въ храмѣ Команы, жили около храма, посвящая себя богинѣ. Кромѣ Баала и Ашеры, въ Финикіи особенно чтились еще Молохъ съ значеніемъ той же творческой силы природы въ ея высшемъ напряженіи и Астарта, присоединявшая къ тому же значенію значеніе астральное. Оба божества изображались или сидящими на быкахъ или съ бычачьей головою; обоимъ приносились кровавыя жертвы. Собственно мѣстный финикійскій элементъ отразился въ представленіи о Мелькартѣ—тирскомъ Геркулесѣ. Въ этомъ исключительно-финикійскомъ божествѣ много сходнаго и съ Бааломъ и съ Молохомъ; немногимъ также и различался онъ отъ нихъ, являясь собственно финикійскимъ божествомъ. Адонисъ, Thammus, чтился въ Библосѣ. Въ тѣхъ же финикійскихъ городахъ, гдѣ господствовало поклоненіе Мелькарту нѣтъ слѣдовъ культа Адониса. Syria Dea, женское божество, котораго значеніе различно толкуется греками, но по всей вѣроятности близкое финикійской Ашерѣ и фригійской Кибелѣ, имѣла знаменитый храмъ въ Гіерополисѣ. Элагобалъ, богъ солнца, имѣлъ храмъ въ Эмезѣ; его изображеніе состояло изъ чернаго камня, и жрецы его носили женское платье. Всѣ эти мѣстные племенные элементы сохра-

нили свою силу, не смотря на вліяніе эллинизма. Греческій культъ не уничтожилъ туземнаго, онъ иногда могъ слиться съ нимъ, или стоять рядомъ. Въ Іерополисѣ, въ храмѣ сирійской богини, видны были греческія божества. Самое поклоненіе сирійской богинѣ, ея изображеніе, видоизмѣнялись подъ вліяніемъ эллинизма, сущность впрочемъ осталась. Самый блестящій изъ городовъ Сиріи, Антіохія, съ своимъ полуварварскимъ, въ греческомъ смыслѣ, населеніемъ, представляетъ одинъ изъ видныхъ примѣровъ подобнаго вліянія. Въ Дафнѣ, близъ Антіохіи среди кипарисныхъ рощей, чтили Артемиду и Аполлона, божества греческія по имени, вся же сущность и даже внѣшняя обстановка культа носила на себѣ явный слѣдъ туземнаго происхожденія, поклоненія Баалу и Астартѣ. Характеръ чувственнаго оргіастическаго поклоненія сохранился и во все время римскаго владычества. На праздникахъ, по словамъ Либанія, защитника язычества, были въ ходу всѣ постыдныя страсти, забывался послѣдній остатокъ стыда. Во всѣхъ областяхъ Сиріи мы видимъ древнія божества съ ихъ прежнимъ значеніемъ и часто съ прежними именами. Римское владычество не могло значительно измѣнить положеніе дѣлъ. Религіозная пропаганда не лежала вовсе въ характерѣ римлянъ. Къ тому же національный культъ Рима самъ подвергался вліянію эллинизма и утратилъ многое изъ своей первоначальной основы. Римское владычество оставило слѣдъ въ религіозномъ отношеніи воздвиженіемъ весьма немногихъ храмовъ и статуй римскимъ божествамъ, какъ, напр., воздвигнутъ Тиберіемъ, близъ Антіохіи, храмъ Юпитера Капитолійскаго, а большею частію ограничивалось только перевезеніемъ въ Римъ и Константинополь замѣчательнѣйшихъ произведеній искусства. Самое христіанство долго боролось противъ мѣстныхъ религій, упорно отстаивавшихъ свою власть надъ умами и опиравшихся на бытъ и привычки туземнаго населенія и потому сохранявшихся весьма долго.

Какъ на любопытнѣйшій примѣръ живучести мѣстнаго культа укажу на фактъ, относящійся впрочемъ къ Месопотаміи. Здѣсь, въ Каррѣ или Гарранѣ, во все продолженіе владычества сначала Рима, а потомъ Византіи, сохранялось язычество, состоявшее изъ смѣшенія греческихъ идей съ сирійскимъ культомъ. Самый городъ назывался Эллинополисъ. Здѣсь была греческая школа съ неоплатоническимъ направленіемъ. Жители Гаррана поклонялись мужеско-женскому божеству. Въ 540 г., персидскій царь Хозрой пощадилъ городъ именно потому, что въ немъ преобладали язычники. Въ 820 году, при калифѣ Мамунѣ, жители Гаррана встрѣчались, кромѣ своей родины, еще въ большемъ количествѣ

въ Эдессѣ и въ городахъ сѣверовосточной Сиріи и Месопотаміи. Когда этотъ калифъ началъ грозить смертію тѣмъ изъ нихъ, которые не примутъ или магометанства, по крайней мѣрѣ одной изъ терпимыхъ кораномъ религіи, они объявили себя сабеями, и съ этихъ поръ подъ этимъ именемъ извѣстны восточнымъ писателямъ. Сирійскіе же христіане продолжали называть ихъ язычниками. И дѣйствительно, перемѣна имени не влекла за собою перемѣны вѣроученія. По прежнему они чтили божество солнца и луны и 7 другихъ мужскихъ и женскихъ планетныхъ божествъ. По прежнему сжигали живыхъ еще животныхъ въ честь богинѣ *Белтисъ* или Мелиты, и женщины продолжали оплакивать участь Таммуса или Адониса. Къ числу тайныхъ обрядовъ этихъ язычниковъ принадлежало также ежегодное принесеніе въ жертву новорожденнаго младенца. Жители Гаррана сохранили свой культъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ, и его остатки живутъ еще до сихъ поръ во многихъ мѣстныхъ преданіяхъ и повѣріяхъ.

Перехожу къ *Египту*, важнѣйшей изъ римскихъ провинцій на востокѣ, къ сѣверовосточной части Африки, къ долинѣ Нила, огражденной горными цѣпями и песчаной пустыней. Необычайное плодородіе страны, слѣдствіе ежегодныхъ разлитій Нила, вливавшагося семью рукавами въ Средиземное море, географическое положеніе, важное въ стратегическомъ отношеніи, какъ надежнаго опорнаго пункта противъ Африки, и необычайное значеніе Александріи, какъ торговаго центра для всего древняго міра — все это заставляло римское правительство особенно дорожить этой провинціей. По конституціи Августа, Египетъ получилъ исключительное положеніе въ ряду другихъ провинцій имперіи. Августъ se posuit Aegyptum. Никто изъ римскихъ сенаторовъ, никто изъ людей знатнаго происхожденія не имѣлъ права посѣтить Египетъ безъ особеннаго разрѣшенія императора. Управленіе было ввѣрено не лицу прошедшему извѣстныя степени римскихъ государственныхъ должностей, но простому отпущеннику императора или много-много римскому всаднику. Относительно Египта не видно со стороны римскаго правительства и той терпимости, что касается мѣстныхъ учрежденій. Римскій Juridicus управляетъ Александріей. Ни одинъ египтянинъ не можетъ быть римскимъ сенаторомъ, онъ не можетъ быть даже римскимъ гражданиномъ, если предварительно не получитъ званія гражданина Александріи, потому что Александрія, основанная на почвѣ Египта греками, мало имѣла египетскаго характера. Отдѣленная почти отъ твердой земли, составляющая какъ бы особую республику въ Египтѣ, *центръ* торговаго движенія древняго

міра, царица городовъ, какъ называли ее древніе, Александрія возвышалась между Средиземнымъ моремъ и Мареотійскимъ озеромъ. Великолѣпная гавань была единственною въ своемъ родѣ. Дворцы и храмы занимали четвертую часть всего пространства города. Рядомъ съ обсерваторіей, основанной Птоломеемъ, рядомъ съ громадной библіотекой, находятся многочисленныя мастерскія, наполненныя рабочими и мастерами всякого рода, фабрики льняныя, папирусныя, стеклянныя и металлическія. Работали даже слѣпые. Народонаселеніе Александріи, простиравшееся до 800,000, состояло изъ весьма разнородныхъ элементовъ. Первое мѣсто занимали греки и египтяне, — вошедшіе съ ними въ родственныя связи, посредствомъ браковъ, и принявшіе на себя внѣшнія формы греческой цивилизаціи. Греки имѣли и своихъ особыхъ городскихъ чиновниковъ, архидикастовъ и экзегетовъ. Оффиціальнымъ языкомъ города былъ языкъ греческій. Греческая же цивилизація была господствующею въ Александріи. За греками слѣдовали евреи, во множествѣ поселившіеся здѣсь еще при Птоломеяхъ и получившіе здѣсь права полнаго гражданства. Они избирали также своихъ особенныхъ чиновниковъ—этнарховъ, стоявшихъ вмѣстѣ съ греческими подъ верховною властію римскаго юридика. Египтяне и чужеземцы, во множествѣ жившіе въ Александріи, своимъ положеніемъ напоминали аѳинскихъ мэтэковъ. Затѣмъ слѣдовали толпы рабовъ. Подобно Риму, Александрія была сборнымъ мѣстомъ для людей всѣхъ націй. Рядомъ съ греками, италиками, ливійцами и сирійцами на ея улицахъ встрѣчались бактріяне, индійцы, персы и скиѳы. Такое разнообразіе въ племенномъ составѣ постояннаго и текучаго населенія Александріи давало этому населенію особый, только ему одному свойственный, характеръ. Не даромъ Александрія по оффиціальному устройству не принадлежала ни къ одному изъ египетскихъ номовъ или округовъ и составляла совершенно отдѣльное цѣлое. Сопоставленіе различныхъ вѣрованій не ослабило религіознаго фанатизма. Въ нравахъ безпокойнаго населенія Александріи было много жестокаго. Часто споры, возникавшіе изъ религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, оканчивались кровавыми сценами. Этой жестокости нравовъ не смягчала ни образованность, глубоко укоренившаяся въ Александріи, ни развитіе матеріальнаго благосостоянія.

Египетъ, подобно Сиріи, былъ страною городовъ. Въ древнее время египетской самостоятельности считалось отъ 18 до 20,000; при Птоломеяхъ 30,000 городовъ и мѣстечекъ. Во время римскаго владычества число народонаселенія Египта увеличилось. Прежде считалось до 7,000,000, при римлянахъ до 7,800,000, въ

томъ числѣ 100,000 евреевъ. Если нѣкоторые города, славные въ прежнее время, преданы были теперь запустѣнію или по крайней мѣрѣ много утратили изъ своего прежняго значенія, за то другіе выдвинулись на первый планъ. Мемфисъ съ своимъ смѣшаннымъ, подобно Александріи, населеніемъ былъ еще значительнымъ городомъ во время римскаго владычества, и по числу населенія, по богатству храмовъ, публичныхъ и частныхъ зданій, уступалъ одной только Александріи. Какъ Александрія въ Египтѣ являлась центромъ греческаго культа и греческой образованности, точно также Мемфисъ былъ главнымъ святилищемъ туземнаго поклоненія, сохранившагося здѣсь еще до IV вѣка по Р. Х. Не такова была участь древнѣйшаго города Египта, знаменитыхъ Ѳивъ или великаго Діосполиса, какъ называли его греки. Ѳивы во время римской власти глубоко пали. Обращенные въ незначительную деревню, они почти преданы были запустѣнію. Древніе памятники фараоновъ, дворцы, храмы, лабиринты стояли какъ будто въ пустынѣ, которая дѣйствительно вступала въ свои права, замѣтая сыпучими песками основанія древнихъ сооруженій. Геліополисъ, священный городъ Египта, съ его знаменитымъ храмомъ солнца, былъ также почти оставленъ жителями. Точно также и Абидосъ. За то поднялась Птоломаида, едва уступавшая Мемфису, населенная почти исключительно греками, управлявшаяся греческими законами. Въ то время, какъ древнѣйшіе города внутренняго Египта имѣли значеніе только монументальное, города новаго сооруженія или на выгодной мѣстности возвышались быстро на счетъ городовъ старыхъ. Такова была судьба, кромѣ Птоломаиды, города Антинои, основаннаго императоромъ Адріаномъ. Въ немъ мы видимъ и сенатъ и устройство городскихъ филъ, какъ въ городахъ греческихъ. На тѣхъ же основаніяхъ, кажется, были города Навкратисъ, Hermopolis magna и Ликополисъ. Греческое вліяніе, начавшееся еще при послѣднихъ царяхъ свободнаго Египта, особую силу получило послѣ утвержденія здѣсь македонской власти. Лагиды употребляли всѣ средства для доставленія побѣды эллинизму въ своемъ государствѣ, для сліянія грековъ и египтянъ въ одинъ народъ подъ господствующими формами греческой цивилизаціи. Ихъ усиліе не могло остаться безъ важныхъ послѣдствій. Въ Египтѣ греки пользовались правомъ вступать въ бракъ съ туземцами, и скоро образовалось поколѣніе смѣшанное, ведущее происхожденіе столько же отъ грековъ какъ и египтянъ. Внѣшнимъ образомъ это обнаружилось на распространеніи греческихъ именъ, составлявшихъ большинство именъ Египта, хотя нѣтъ сомнѣнія, что египтяне имѣли за собою большое числен-

ное превосходство. По надписямъ, собраннымъ Летроннемъ, видно, какъ часты и обыкновенны были браки между лицами греческаго и египетскаго происхожденія. Правительство не проводило, оффиціальнаго разграниченія между греками и туземцами, и отъ того первыхъ мы видимъ во всѣхъ государственныхъ областныхъ должностяхъ, точно также какъ и по всему пространству Египта. Греческое вліяніе отразилось и въ искусствѣ и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Въ первомъ оно стало на ряду съ древнимъ народнымъ искусствомъ и частію видоизмѣнило его. Въ религіи культъ грековъ сильно распространился на счетъ туземныхъ вѣрованій, хотя и не могъ вполнѣ уничтожить его, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ греческій элементъ господствовалъ почти исключительно. По словамъ Либанія, одинъ изъ Птоломеевъ перевезъ въ Египетъ изъ Сиріи статую Діаны, но египетскіе жрецы воспользовались болѣзнію царицы, чтобы удалить чужое божество изъ Египта. Точно также они на нѣкоторое время уничтожили было въ Египтѣ культъ Хронoса - Сатурна подъ предлогомъ, что приношеніе въ жертву извѣстныхъ животныхъ противно египетскимъ вѣрованіямъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ относительно туземцевъ греки не отличались фанатизмомъ. Поступки Клеомена составляютъ почти единственное исключеніе, а примѣръ Александра Великаго, покланявшагося Юпитеру Аммону, приносившаго жертвы Апису и воздвигшаго храмъ Изидѣ, имѣлъ кромѣ того сильное вліяніе. Греки, поселившіеся въ Египтѣ, показывали уваженіе къ мѣстному культу и жреческому сословію. Памятникъ розетскій и многія другія надписи служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Изида, Озирисъ и другія божества египетской миѳологіи пользовались даже поклоненіемъ со стороны грековъ, а особенно со стороны смѣшаннаго племени. Такимъ образомъ, отношеніе греческаго культа къ мѣстному совершенно не имѣетъ характера враждебнаго, что впрочемъ нисколько не мѣшало, напротивъ благопріятствовало, мирному распространенію перваго. Греческій культъ особенно утвердился въ главныхъ центраҳъ греческаго населенія. Страбонъ видѣлъ въ самомъ Мемфисѣ храмы греческой Венеры. Въ Гермонтисѣ были храмы Зевса и Аполлона. Тѣмъ болѣе должны были распространиться религіозныя вѣрованія грековъ въ Александріи. Греки часто занимали жреческія мѣста въ храмахъ египетскихъ божествъ, и вносили туда элементъ чуждый основному египетскому религіозному воззрѣнію. Подъ вліяніемъ эллинизма измѣнилось изображеніе Сераписа. Изъ безобразной широкой вазы на маленькихъ ногахъ и съ человѣческой головой, оно обратилось въ изящную статую Зевса съ сосудомъ на го-

ловѣ. Птоломей перенесъ изъ Синопа въ Александрію колоссальное изображеніе Зевса синопскаго, въ значеніи котораго замѣтна еще мѣстная малоазіатская основа, принявшая греческую наружную форму. Тимоѳей и Манеѳонъ, двое египетскихъ ученыхъ, изучая его аттрибуты, признали въ немъ египетскаго Сераписа. Но, кромѣ того, для египтянъ онъ отождествлялся также то съ Озирисомъ, то съ главнымъ божествомъ Ра. Новое божество, сохраняя въ греческихъ надписяхъ имя Зевса съ значеніемъ однакоже то Плутона, то Діониса, распространилось по всему Египту такъ, что одинъ изъ позднѣйшихъ греческихъ писателей насчитываетъ до 42 святилищъ, посвященныхъ ему. Въ самомъ Мемфисѣ культъ Озириса былъ почти вытѣсненъ поклоненіемъ новому божеству, и имя Озириса чаще встрѣчается на греческихъ и латинскихъ надписяхъ, чѣмъ на самыхъ египетскихъ. Греческое вліяніе обнаружилось также и на распространеніи греческаго языка со временъ Птоломея, ставшаго языкомъ правительственнымъ, оффиціальнымъ, и сохранившаго это значеніе во все время римскаго владычества.

Элементъ еврейскій былъ также весьма силенъ въ Египтѣ. Изъ 7,800,000 населенія 100,000 было евреевъ. Его распространенію препятствовала только религіозная и племенная исключительность евреевъ, ихъ презрѣніе ко всѣмъ, кто не происходилъ отъ Авраама. Если мало было число тѣхъ язычниковъ, которые присутствовали при іудейскомъ богослуженіи въ синагогахъ, — еще меньше было прозелитовъ, подвергавшихся обрѣзанію и вступавшихъ въ число вѣрныхъ. Іудейство особенно могло бы распространиться во время конечнаго паденія язычества, когда религіозное чувство, не находившее себѣ удовлетворенія, съ жадностію стремилось повсюду, гдѣ была надежда пріобрѣсти его. Но въ это время іудейство, если бы отреклось отъ своей исключительности, встрѣтило бы сильнаго противника въ христіанствѣ.

Владычество римлянъ не осталось также безъ вліянія на Египетъ. Во многомъ этому вліянію облегченъ уже былъ путь предшествовавшею исторіею. Такъ, обоготвореніе сначала древнихъ мѣстныхъ царей и потомъ Лагидовъ пролагало дорогу поклоненію божеству цезарей. Вскорѣ послѣ смерти Клеопатры въ гіероглифическихъ надписяхъ храма Изиды въ Филэ, Августъ уже называется «сыномъ солнца, царемъ верхняго и нижняго Египта.»

Римскій религіозный элементъ, такъ много принявшій на себя изъ греческой миѳологіи, тѣмъ самымъ легко могъ проникать туда, гдѣ утвердились греческія вѣрованія. Какъ греки, рим-

ляне не отличались религіозною нетерпимостью. Если Каракалла, въ первомъ гнѣвѣ противъ жителей Александріи, разрушилъ многіе изъ александрійскихъ храмовъ; за то надписи, находимыя на египетской почвѣ, представляютъ многочисленныя доказательства почитанія римлянами мѣстныхъ божествъ. Бальбиллусъ, префектъ Египта при Неронѣ, поклонялся великому богу, Солнцу. Есть даже указанія на нѣкоторые храмы, воздвигнутые римлянами въ честь египетскихъ божествъ. Римляне, подобно грекамъ, назначали изъ своихъ соотечественниковъ верховнаго начальника греческаго сословія въ Египтѣ. Изъ римлянъ же обыкновенно бывалъ начальникъ александрійскаго музея. Римское владычество мирнымъ путемъ содѣйствовало однакоже утвержденію въ Египтѣ поклоненія божествъ, общихъ имъ съ греками или собственно римскихъ. Въ Дендерѣ былъ воздвигнутъ римлянами храмъ въ честь Юліи-Августы, супруги Траяна. Адріанъ и въ Египтѣ, какъ въ Греціи, установилъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ культъ Антиноя, въ честь умершаго своего любовника этого имени.

Какъ бы ни было сильно чуждое вліяніе въ Египтѣ, всего менѣе оно могло уничтожить мѣстный элементъ, произведеніе своеобразной цивилизаціи, воспитанный вѣковою историческою, почти замкнутою, жизнію. Мы видѣли, какъ осторожно обращались съ мѣстнымъ культомъ греки и римляне, какъ на нихъ самихъ частію отразились религіозныя вѣрованія египтянъ. Мало того, что по всему Египту сохранился національный культъ, сохранилось поклоненіе древнимъ божествамъ; многія изъ вѣрованій утратили свой прежній мѣстный характеръ, втѣснившись въ религіозное сознаніе всего грекоримскаго міра, сдѣлавшись его общимъ достояніемъ. Нѣкоторымъ божествамъ Египта приносились точно также жертвы въ городахъ Испаніи, римской Африкѣ, Греціи, Галліи, Сиріи, какъ и въ самомъ Мемфисѣ или въ Филэ. Эти божества были послѣдними продуктами самостоятельнаго миѳологическаго процесса Египта. Таковы были по преимуществу Изида и Озирисъ. Изображенія Изиды и Озириса встрѣчаются уже въ пирамидахъ; тѣмъ не менѣе ихъ нельзя отнести къ кругу древнѣйшихъ божествъ. Этому противится и болѣе живой и искусный характеръ ихъ изображеній и въ особенности богатство миѳовъ, къ нимъ относящихся, чего совершенно не замѣтно относительно божествъ древнѣйшаго періода. Самые жрецы Изиды и Озириса относили ихъ генеалогію къ божествамъ уже второго цикла. Въ значеніи обоихъ божествъ мы видимъ перенесеніе значенія отъ другихъ божествъ. Такъ, на Изидѣ видѣнъ характеръ старѣйшихъ богинь: саиской Нейты, Hathor, Пахты; греки сравнивали ея съ Деметрой, Аѳиной, Персефоной,

Селеной и т. п. Сами египтяне называли ея богиней съ 10,000 именами. Изида была земля, которой производительная сила оплодотворялась Озирисомъ. Женская воспріимчивая потенція, выражавшаяся въ этой богинѣ, неразрывно соединена съ мужскою, творческою силою, представляемою Озирисомъ братомъ, супругомъ, сыномъ и отцомъ Изиды по разнымъ миѳамъ. Озирисъ былъ владыка міра, вѣчный владыка, владыка жизни. Въ поэтическихъ миѳахъ, на которыхъ, не смотря на ихъ древность, кажется, отразилось уже греческое вліяніе, выразилось отношеніе Озириса къ женской потенціи Изиды. Греки узнавали въ немъ Діониса своихъ мистерій. Вѣчно зеленый тамарискъ былъ его деревомъ, цапля была его священнымъ животнымъ. Изидѣ, представляющей воспріимчивую силу природы, посвящена была корова. Сама она во дворцѣ фараоновъ въ Саисѣ изображена въ образѣ коровы. На другихъ памятникахъ она изображается то съ рогами, то съ головою коровы съ дискомъ или короной на головѣ со скипетромъ изъ цвѣтовъ въ рукахъ. Доисторическій городъ Тисъ (Thys), Мемфисъ и Абидосъ были главными городами поклоненія Изидѣ и Озирису, общему впрочемъ для всего Египта. Въ солнцѣ и лунѣ видѣли также Изиду и Озириса. *Гвамиліи*, праздники въ честь Озириса, во многомъ напоминаютъ мистеріи греческаго Діониса. Фаллосъ, игралъ важнѣйшую роль на этомъ праздникѣ. Горусъ, сынъ Озириса, былъ отождествляемъ съ нимъ какъ воскресшій Озирисъ. Поклоненіе Изидѣ и Озирису, только нѣсколько видоизмѣненное, перешло изъ Египта во всѣ стороны грекоримскаго міра. По надписямъ мы видимъ культъ египетской богини еще въ IV столѣтіи почти повсюду, не говоря уже о самомъ Римѣ. Рутилій въ V вѣкѣ нашелъ поклоненіе Озирису на островѣ Эльбы. Этотъ же культъ встрѣчаемъ мы и въ Греціи, Сиріи и Малой Азіи.

Въ заключеніе обозрѣнія греческой половины римскаго міра должно сказать нѣсколько словъ о Марморикѣ и Пентаполисѣ, африканскихъ областяхъ къ западу отъ Египта, съ 96 г. до Р. Х. бывшихъ подъ властію римлянъ, организированныхъ въ римскую провинцію вмѣстѣ съ островомъ Критомъ (Creta — Cyrene или Creta et Cyrene, сенатская провинція въ 74 или 67 гг. до Р. Х.). Марморика была песчаная, безводная степь, по которой бродили кочевыя племена. Не такова была Киренаика или ливійскій Пентаполь. Сюда съ давняго времени проникла греческая колонизація, сюда же переселилось множество евреевъ. Плодородіе почвы заслужило Киренаикѣ названіе сада Венеры; сильное развитіе торговли нѣкоторое время дѣлало ея соперницей Карѳагена. Пять городовъ дали странѣ имя Пентаполя. На мор-

скомъ берегу была Птоломаида; во внутренности страны Кирена. За тѣмъ слѣдовали Аполлонія (Sozusa), Арсиноэ (Tauchira) и Береника (Hesperides). Населеніе этихъ городовъ состояло изъ грековъ, пользовавшихся здѣсь тѣмъ же самымъ значеніемъ какъ и въ Александріи, ливійцевъ, игравшихъ ту же роль какъ египтяне въ Александріи, и наконецъ евреевъ, со временъ Птоломеевъ составлявшихъ большинство городского населенія, пользовавшихся всѣми гражданскими правами и имѣвшихъ своихъ магистратовъ. Первый ударъ благосостоянію Киренаики нанесенъ былъ присоединеніемъ ея къ Египту въ 322 г. до Р. Х. и усиленіемъ торговаго значенія Александріи. На нѣкоторое время Киренаика возвратила-было свою самостоятельность, но была потомъ покорена Птоломеемъ Апіономъ и по смерти его завѣщана римлянамъ. Римское владычество не могло измѣнить господствующихъ формъ греческой цивилизаціи, точно также какъ не могло поднять упавшаго благосостоянія страны до прежняго значенія. Римляне, впрочемъ, старались объ этомъ. Подъ именемъ Flavia Cyrene, Кирена получила права римской колоніи. Временемъ высшаго развитія Киренаики было IV столѣтіе, время епископства извѣстнаго Синегія. Въ гимнахъ и словахъ этого христіанскаго поэта и оратора всего лучше выражаются особенности и характеръ мѣстной цивилизаціи, они же служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для знакомства съ самою страною.

Говоря о воздѣйствіи туземныхъ элементовъ на греко-римскую цивилизацію, дававшую единство древнему міру, нельзя обойти страны, хотя и не подчиненной Риму, тѣмъ не менѣе находившейся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и оказывавшей довольно значительное на него вліяніе. Это вліяніе чувствовалось не столько на бытѣ, потому что тамъ оно мало имѣло своеобразности, сколько на дѣятельности древней мысли въ сферѣ религіозныхъ вѣрованій. Необходимо сказать нѣсколько словъ объ областяхъ передней Азіи, гдѣ началась историческая жизнь древнихъ народовъ, гдѣ почва покрыта древнѣйшими памятниками своеобразной цивилизаціи, о мѣстности семитическаго междурѣчья, о зендскомъ Иранѣ. Сюда мало проникала власть Рима, потому что она встрѣтила неодолимыя сопротивленія, о которыя не разъ разбивались ея усилія. Здѣсь многочисленныя племена семитическаго и арійскаго происхожденія сложились въ огромное государство парѳянъ, и когда оно распалось, изъ его развалинъ столь же быстро возникло государство персидское. Арзакиды возвысили могущество парѳянской монархіи. Имъ повиновались персы, мидяне, элимеи. Въ зависимости отъ нихъ стояли и тѣ области, которыя, пользуясь смутами и

безсиліемъ сирійскихъ селевкидовъ, образовали изъ себя особыя государства. Такова была Адіабена на равнинѣ Тигра, которой цари, во времена императора Клавдія, приняли іудейство. Частію таковы же были и владѣнія въ Месопотаміи (Междурѣчьи): Озроена въ западной части, основанная кочевою ордою арабовъ, и Мигдонія на восточной. Древній Синеаръ, позднѣйшая Вавилонія, былъ сатрапіей парѳянъ. Въ 245 году по Р. Х., пала династія аршакидовъ и съ нею самое владычество парѳянъ; Артаксерксъ, основавъ новую персидскую монархію, возстановилъ при этомъ и религію Зороастра. Государство новыхъ персовъ, своею силою, едвали не превосходило и силы парѳянъ. Если послѣдніе гордились уничтоженіемъ легіоновъ Красса, за то персы видѣли плѣнникомъ римскаго императора, подвергавшагося всевозможнымъ униженіямъ во дворцѣ Сапора, даже послѣ своей смерти.

Намъ, впрочемъ, нѣтъ особенной надобности останавливаться на политическихъ судьбахъ персидскаго государства и на его борьбѣ съ Римомъ. Несравненно интереснѣе вліяніе персидскаго религіозно-философскаго ученія на умы греко-римскаго міра. Это вліяніе чувствуется почти во всѣхъ сферахъ его умственной жизни, и чѣмъ болѣе слабѣли преданія и духъ древней Эллады или древняго Рима, тѣмъ шире отворялся просторъ вліянію Востока. Персидскій дуализмъ, къ которому сводится міросозерцаніе иранца, отозвался на философскихъ системахъ послѣднихъ столѣтій Римской имперіи. Его же присутствіе замѣтно и въ тѣхъ христіанскихъ ересяхъ, которыя пробовали примирить ученіе откровенія съ таинственными преданіями восточной мудрости. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ почти всѣмъ своимъ содержаніемъ примыкаютъ къ основнымъ положеніямъ Зороастрова ученія, и только по имени могутъ назваться христіанскими. Но если дѣйствіе персидскаго вліянія такъ сильно чувствовалось даже въ средѣ, повидимому, совершенно ему недоступной, тѣмъ болѣе оно должно было оказываться на политеизмѣ Рима, безъ того уже представлявшаго довольно странное смѣшеніе почти всѣхъ религій древняго міра. И дѣйствительно, одна изъ главнѣйшихъ причинъ, заставляющая остановиться нѣсколько времени на Персіи, — это важное значеніе персидскаго культа въ исторіи религіозныхъ вѣрованій Римской имперіи. Замѣтимъ, впрочемъ, одно. Если на философскихъ системахъ послѣднихъ вѣковъ Римской имперіи, на ересяхъ, выходившихъ почти изъ границъ христіанскихъ воззрѣній, оказывалось вліяніе самой сущности религіозно-философскаго сознанія персовъ, то въ языческой религіи Римской имперіи, мы

встрѣчаемся не съ главными догматами ученія Зороастра, а скорѣе только съ позднѣйшимъ продуктомъ религіознаго развитія Ирана и притомъ съ значительно видоизмѣненнымъ чуждыми вліяніями. Дуализмъ, такъ сильно поражавшій греко-римскихъ мыслителей, мало замѣтенъ въ тѣхъ вѣрованіяхъ, которыя заимствованы Римомъ изъ Персіи. Въ этихъ вѣрованіяхъ нѣтъ также и главнѣйшихъ представителей этого дуализма. Самое имя Агурамазда (Ормузда) и Аримана почти неизвѣстны въ римскомъ мірѣ. На первый планъ выдвинулось божество, далеко не имѣвшее первостепеннаго значенія въ религіи Зороастра. Это — божество Митра, котораго памятники во множествѣ разсѣяны по всему пространству Римской имперіи и поклоненіе которому сохранилось до ея послѣднято времени. Митра является уже какъ божество въ Зендавестѣ. Тамъ его призываютъ какъ «божество, дающее силы природѣ, умножающее воды и деревья, какъ владыку жизни, властителя всѣхъ тварей.» Митра возвеличенъ Агурамаздомъ болѣе другихъ божествъ. Его можно назвать дѣятельною силою самого верховнаго божества добра и свѣта. Онъ поставленъ надъ всѣми феруерами (геніями-хранителями). Отъ него идетъ плодородіе, здоровье и чистота. Онъ же судитъ умершихъ на мосту чиневадъ. Въ то же время Митра является божествомъ дневного свѣта. Ему приносится молитва между молитвами, обращенными къ солнцу и лунѣ. Митра однакоже далеко не можетъ равняться съ Агурамаздомъ: подчиненный ему, онъ дѣйствуетъ въ нисшей сферѣ. Около половины V вѣка, первоначальное значеніе Митры нѣсколько измѣнилось. Онъ явился въ сознаніи преимущественно какъ божество солнца, и съ этимъ значеніемъ перешелъ и къ другимъ народамъ. Изъ грековъ первый Страбонъ говоритъ о немъ какъ о богѣ солнца. Съ измѣненіемъ его значенія измѣнилась и самая его важность, и уже въ числѣ персепольскихъ надписей есть одна, въ которой рядомъ съ именемъ Агурамазда стоитъ имя другого божества, можетъ быть Митры. Какъ божеству солнца, Митрѣ посвящены были особыя мистеріи, въ которыхъ раскрывалось его таинственное значеніе, и въ этихъ мистеріяхъ Митра далеко не походитъ на соименное ему божество Зендавесты. Въ нихъ исчезло уже сотвореніе Митры Агурамаздомъ; Митра является изъ скалы родившимся богомъ. Въ мистеріяхъ тоже Митра какъ бы вытѣсняетъ собою Агурамазда, верховное божество древне-персидскаго сознанія, и самъ занимаетъ его мѣсто. На памятникахъ, Митра является убивающимъ быка, котораго сѣмя должно оплодотворить землю, произвести животныхъ и растеній. Митра же въ мистеріяхъ служитъ путеводителемъ душъ

по небеснымъ жилищамъ. Въ мистеріяхъ могли участвовать только посвященные. Обрядъ посвященія совершался большею частію въ пещерахъ или гротахъ, имѣвшихъ космическое значеніе. Посвященію предшествовали испытанія, болѣе или менѣе продолжительныя и отличавшіяся по нѣкоторымъ извѣстіямъ разными ужасами и даже истязаніями. Эти испытанія и подготовленія посвящаемаго смягчились впослѣдствіи времени. Посвященные были разныхъ степеней, и въ семи степеняхъ, посвященныхъ въ ихъ названіяхъ и аттрибутахъ, повсюду видно астральное значеніе.

Таково было первоначальное и позднѣйшее значеніе Митры на персидскомъ Востокѣ. Переходя къ другимъ народамъ, Митра, разумѣется, могъ являться только съ послѣднимъ значеніемъ, выработаннымъ въ мистеріяхъ. Распространенію культа Митры въ областяхъ Римской имперіи много содѣйствовало посредничество греческихъ колоній въ глубинѣ Азіи, которыя прежде другихъ могли подчиниться восточному, азіатскому вліянію, и передать его въ другія страны греко-римскаго запада.

Знакомство съ культомъ Митры относится къ послѣднимъ временамъ Римской республики, именно къ 70 г. до Р. Х., когда морскіе разбойники киликійскихъ береговъ Малой Азіи разнесли его по Греціи и Италіи. Распространеніе же культа Митры принадлежитъ уже временамъ имперіи, когда онъ утвердился повсюду какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ, и притомъ одинаково, какъ въ западныхъ — латинскихъ, такъ и въ восточныхъ — греческихъ. Въ самомъ Римѣ мы находимъ поклоненіе Митрѣ уже при императорахъ Августова дома, и съ тѣхъ поръ оно не прекращалось тамъ, до времени конечнаго паденія язычества. Культъ Митры не былъ распространенъ только между низшими слоями общества. Въ мистеріяхъ принимали напротивъ участіе люди самыхъ высшихъ сословій, привлекаемые таинственностію и кажущеюся глубиною открываемаго тамъ ученія. Есть извѣстіе, что императоръ Коммодъ, во время испытаній при посвященіи въ таинства Митры, убилъ одного человѣка. По всей вѣроятности, это было во время того испытанія, когда, по разсказамъ древнихъ, бросались съ мечами на испытуемаго, желая испугать его. Памятники Митры находились во всѣхъ областяхъ имперіи, даже въ тѣхъ, куда еще недавно проникло римское владычество, напримѣръ, даже въ областяхъ Придунайскихъ. Подобно матери боговъ, Митрѣ также посвящались торжественныя жертвоприношенія тавроболовъ, въ воспоминаніе которыхъ ставились памятники и вырѣзывались надписи, въ большомъ количествѣ до насъ дошедшія. По нимъ можно слѣдить за распро-

страненіемъ культа Митры по областямъ, а также о непрерываемомъ существованіи этого культа. Въ Римѣ, по надписямъ IV вѣка по Р. Х., видно, что главные жрецы Митры назывались patres patrum; за ними слѣдовали patres sacrorum, а далѣе, посвященные въ мистеріи разныхъ степеней. Первые сановники Рима съ гордостію принимали титулъ pater patrum Митры. Главный храмъ Митры (Specus, Speloeum), или его пещера, находилась въ Римѣ въ подземельяхъ Капитолія. Причиною этого было, по всей вѣроятности, желаніе подражать чисто римскому культу, средоточіемъ котораго былъ Капитолій. Культъ Митры не былъ преслѣдуемъ во все время императорства Граціана, хотя въ это время и были частныя попытки его уничтожить. Такъ по свидѣтельству бл. Іеронима, который, между прочимъ, приводитъ и латинскія названія различныхъ степеней въ мистеріяхъ Митры (Corvus, griphius, miles, leo, Perseus heliodromus et pater), префектъ Рима Гракхъ разрушилъ пещеру Митры въ 376 или 377 году. Что это было дѣломъ частнаго лица, а не правительственнымъ распоряженіемъ, видно изъ того, что въ то же время одинъ изъ важнѣйшихъ чиновниковъ публично совершалъ тавроболъ, какъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся надпись, и носилъ титулъ pater patrum. Даже и послѣ, когда Ѳеодосій запретилъ подъ страхомъ смертной казни совершеніе публичныхъ и частныхъ жертвоприношеній, они совершались въ честь Митры. На любопытномъ стекляномъ барельефѣ, относящемся къ этому времени, видно самое изображеніе обряда тавробола, а въ надписи выражено восторженное благоговѣніе къ мощному Митрѣ. Культъ Митры пережилъ въ западныхъ провинціяхъ имперіи не только другія вѣрованія, принесенныя изъ Египта, или азіатскаго Востока, но даже и греко-римскія религіозныя вѣрованія. По крайней мѣрѣ, только о немъ есть нѣкоторое основаніе предполагать, что онъ существовалъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ около и нѣсколько послѣ половины V вѣка, когда всѣ остальныя языческія вѣрованія были уже окончательно вытѣснены христіанствомъ, давно уже ставшимъ оффиціальною религіею Римскаго государства. Этою долговѣчностію обязано поклоненіе Митрѣ столько же тому, что оно дѣйствительно давало болѣе пищи воображенію и религіозному чувству, чѣмъ всѣ религіи древняго язычества.

Таково было внутреннее отношеніе Рима къ покореннымъ имъ народамъ. Римское вліяніе, какъ бы быстро и глубоко, повидимому, ни распространялось, нигдѣ не могло вполнѣ одолѣть чуждаго туземнаго элемента. Побѣда Рима была полнѣе тамъ, гдѣ римское вліяніе встрѣчалось съ племенами, еще не вышед-

шими изъ первобытнаго, полудикаго состоянія, или по крайней мѣрѣ не выработавшими еще своеобразной цивилизаціи. Здѣсь, если Римъ и не могъ подчинить своему языку и своей цивилизаціи вполнѣ эти племена, если они и хранили еще нѣкоторые признаки и особенности своей народности, то по крайней мѣрѣ вся внѣшность была латинская. Самое воздѣйствіе со стороны побѣжденныхъ народностей проявлялось въ формахъ принятой ими латинской образованности. Притомъ, это воздѣйствіе скорѣе обнаруживалось на характерѣ, на складѣ ума, на оборотахъ рѣчи, чѣмъ въ какихъ нибудь болѣе внѣшнихъ признакахъ. Въ религіи Рима мы не видимъ вліянія, напримѣръ, религіозныхъ вѣрованій Галліи, Испаніи, Британіи и т. п. Не то было, когда Римъ встрѣчался съ племенами древнѣйшей цивилизаціи. Здѣсь не было уже той уступчивости, той внутренней слабости храненія особенностей быта и вѣрованій. Чтобы утвердить свое вліяніе, Риму необходимо было изгладить прежде всего слѣды всего историческаго прошедшаго, а для этого мало одной матеріальной силы, одного политическаго могущества. Въ столкновеніяхъ Рима съ племенами древней и развитой цивилизаціи мы не видимъ съ его стороны быстрыхъ успѣховъ; видимъ, напротивъ, какъ слабо проникало и утверждалось это римское вліяніе. Разительный примѣръ представляетъ южная, греческая Италія. Слишкомъ семи столѣтій римскаго владычества было недостаточно, чтобы уничтожить греческую народность южной Италіи, и она надолго пережила политическую самобытность самого Рима. Напротивъ, если слабо было римское вліяніе, тѣмъ сильнѣе было воздѣйствіе на Римъ со стороны народовъ древнѣйшей цивилизаціи. Побѣжденная Греція подчинила совершенно своему вліянію Римъ и Италію. Блестящее развитіе римской литературы обязано своимъ существованіемъ вліянію Эллады. Въ Римѣ царила греческая философія. Простыя формы древне-римскаго культа почти исчезли передъ художественными ликами боговъ Гомера и Фидія. Ту же слабость римскаго вліянія и ту же силу воздѣйствія мѣстныхъ элементовъ видимъ мы и въ отношеніяхъ Рима къ Египту и азіатскому Востоку. Кромѣ нѣсколькихъ храмовъ, римляне мало оставили памятниковъ своего вліянія, да и эти храмы скорѣе походили на трофеи, сооруженные побѣдителемъ послѣ битвы, такъ мало они имѣли внутренняго значенія для туземнаго населенія, среди котораго они воздвигались. Не такова была сила воздѣйствія идеи, и религіозныя вѣрованія Египта и Азіи втѣснились въ самое сознаніе римлянъ, завладѣли имъ съ неудержимою силою. Для нихъ потомокъ древнихъ квиритовъ отрекался отъ коренныхъ римскихъ понятій и убѣжде-

ній, перерождался подъ ихъ вліяніемъ. Культъ Митры хранился самими римлянами несравненно долѣе, чѣмъ поклоненіе кореннымъ римскимъ божествамъ, Юпитеру, Сатурну, Вестѣ, тогда какъ въ Азіи и Африкѣ оффиціальная религія Рима не имѣла ни смысла, ни значенія, тѣмъ менѣе еще какой нибудь власти надъ умами.

Римская имперія не могла такимъ образомъ исполнить вполнѣ своего историческаго назначенія. Громадное пространство (болѣе 100,000 кв. миль) было охвачено ея границами. Римскіе поэты могли справедливо сливать понятіе о вселенной съ понятіемъ о римскомъ мірѣ: «Romanæ spatium est urbis et orbis idem», и говорить, что со временъ Цезаря солнце восходитъ и заходитъ въ предѣлахъ имперіи. Горделивое притязаніе находило себѣ оправданіе въ дѣйствительности. Болѣе лишено было справедливости другое представленіе о характерѣ Римской имперіи, какъ общей родины для всѣхъ народовъ тогдашняго міра: Una cunctarum gentium in toto orbe patria. Общая родина предполагаетъ не одно матеріальное единеніе, а Римская имперія не могла еще нюка дать покореннымъ народамъ другого единства, кромѣ того, которое дается подчиненіемъ одной и той же власти. Если сравнивать внѣшнее единство римскаго міра съ предшествующимъ ему политическимъ и внутреннимъ разъединеніемъ древнихъ народовъ, то, конечно, нельзя не поразиться огромнымъ шагомъ впередъ, сдѣланнымъ въ этомъ отношеніи Римскою имперіею. Дѣйствительно, никогда народы древняго міра не были такъ близки другъ къ другу, никогда не былъ такъ быстръ и силенъ размѣнъ идей и понятій, никогда передъ глазами древняго мыслителя такъ наглядно не являлось и понятіе объ единствѣ человѣческаго рода. Ни въ какую эпоху древней исторіи божественное ученіе, призывавшее къ жизни всѣ народы, какъ бы разноплеменны они ни были, не могло бы распространиться съ такою быстротою и легкостію, потому что никогда умы не были такъ подготовлены къ его принятію. Христіанскіе мыслители справедливо останавливаются на провиденціальномъ значеніи Римской имперіи. «Богъ — говорятъ они — положившій образовать новый народъ изъ всѣхъ націй, прежде всего соединилъ землю и море подъ единою властію. Взаимное сношеніе столькихъ различныхъ народовъ, чуждыхъ другъ другу и теперь соединенныхъ подъ римскимъ владычествомъ, было однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ, которыми Провидѣніе пользовалось, чтобы проложить путь евангелію» (Bossuet). Къ той же мысли приходятъ и тѣ изъ свѣтскихъ историковъ, которые хотятъ объяснить для

себя историческую задачу Римской имперіи. Внѣшнее единство Римской имперіи имѣло значеніе главнымъ образомъ потому, что оно пролагало пути для единства внутренняго, духовнаго. Этого духовнаго единства не могла дать власть императоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, какъ разнообразны были составныя части Римской имперіи, соединенныя почти только механически одна съ другою, не смотря на вѣковую работу римской централизаціи. Каждое племя хранило свои народныя особенности, часто даже свою исключительность. Греко-римская цивилизація давала только внѣшній видъ единенія. Она не могла проникнуть до самыхъ основъ народной жизни и тѣмъ менѣе переработать ихъ. Въ то время, когда для этой цивилизаціи открывалось такое широкое поле дѣйствія, она сама поражена была смертельнымъ недугомъ и не могла служить источникомъ новой жизни. Нѣкоторое время она сама поддерживалась только свѣжими силами покорившихся ей народовъ, пока не истощились и эти силы, частію подъ губительнымъ вліяніемъ самого же Рима. Теряя годъ за годомъ въ жизненномъ содержаніи, въ глубинѣ и крѣпости, она выигрывала только распространяясь, такъ сказать, по поверхности. Точно также было безплодно и возвращеніе къ древнѣйшимъ преданіямъ восточной цивилизаціи, попытка дать новую жизнь и силу результатамъ восточной мысли, перенеся ихъ на новую свѣжую почву. Во время Римской имперіи мы видимъ какъ бы возрожденіе религій и ученій древняго востока. Въ Римѣ, до тѣхъ поръ подчинявшемся только эллинизму, одна за другой являются, какъ бы вызванныя изъ могилъ, религіозныя системы Египта, Малой Азіи, Зендскаго Ирана. Историкъ съ удивленіемъ видитъ ихъ появленіе за предѣлами, которыми до тѣхъ поръ замыкалось ихъ самостоятельное развитіе. Не находя примиренія въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ, Римъ какъ будто ищетъ его повсюду. Но продукты восточнаго мышленія и религіознаго сознанія, оторванные отъ родной исторической почвы и притомъ въ то время, когда они сами утратили свою жизненную силу, очевидно, не могли дать внутренняго единства римскому міру; точно такъ какъ не дала единства и крѣпости философскому сознанію послѣдняя попытка неоплатониковъ, слившихъ во едино самые разнородные элементы. Притомъ, дѣйствіе восточныхъ элементовъ было не послѣдовательное, другъ друга смѣняющее. Поклоненіе Озирису и Изидѣ въ западномъ римскомъ мірѣ было одновременно съ культомъ фригійской матери боговъ, съ персидскимъ поклоненіемъ Митрѣ. Это было то же механическое сопоставленіе разныхъ вѣрованій, какъ механически сопоставлены были народности подъ властію

римскихъ императоровъ, такой же аггрегатъ разнородныхъ элементовъ. Внутренняго единства не могла дать ни греко-римская цивилизація, ни религія древняго міра. Римскій міръ не выработалъ, даже внутри своего общественнаго устройства, полнаго единства. Не смотря на признаніе всѣхъ подданныхъ Рима римскими гражданами по конституціи Антонина, въ римскомъ обществѣ существовало еще гибельное, мертвящее раздѣленіе, распаденіе общества на рабовъ и свободныхъ. Для римскаго міра возможно было единство только чисто внѣшнее и притомъ единство принудительное, которымъ и сдерживалось постоянное стремленіе къ разъединенію, къ разложенію народныхъ элементовъ.

III.

Внѣшнею связью для разноплеменныхъ и разноязычныхъ провинцій Римскаго государства была власть императоровъ, но и она давала внѣшнее единство подъ общимъ уровнемъ абсолютизма. Измѣненіе въ коренныхъ римскихъ учрежденіяхъ, опасность для республиканской свободы Рима, началось одновременно съ завоевательными стремленіями римлянъ, перешедшимъ за предѣлъ Италіи, и чѣмъ болѣе чуждыхъ народовъ склонялось передъ оружіемъ Рима, признавая власть его, тѣмъ болѣе обнаруживалось это измѣненіе въ составѣ народонаселенія, въ характерѣ и взаимной постановкѣ римскихъ партій, въ самыхъ потребностяхъ государственнаго устройства. Если нельзя положительно сказать, чтобы имперія была историческою необходимостью, законнымъ завершеніемъ всего предшествовавшаго развитія, тѣмъ не менѣе ясно, что ея утвержденіе было подготовлено и облегчено, даже вызвано предшествовавшими событіями. Отъ того переходъ отъ республики къ монархіи совершился такъ легко и почти такъ незамѣтно безъ особенно рѣзкихъ потрясеній. Стремленіе Августа не было новостью для римлянъ, умы давно уже были подготовлены, для многихъ казалось это переходомъ къ лучшему. Мнѣнія многихъ новѣйшихъ историковъ о необходимости перехода республики въ монархію по большей части суть только отголоски мнѣній современниковъ совершившагося переворота, а часто оправданіе деспотизма идетъ не изъ любви къ нему. Число его приверженцевъ ради него самого весьма ограничено, и въ рядахъ защитниковъ монархіи Августа ихъ было еще меньше; однако, отвуда взялась такая снисходительность къ виновнику самаго переворота, когда всѣ отвращаются отъ чудовищныхъ слѣдствій тѣхъ началъ, которыя были положены Августомъ въ основу совершеннаго имъ

преобразованія римскихъ государственныхъ учрежденій? Много значитъ голосъ самихъ современниковъ Августа. Сонмъ блестящихъ поэтовъ дружнымъ хоромъ прославлялъ золотые дни его правленія. Къ этому хору присоединилъ свой голосъ и злополучный Овидій, сосланный Августомъ же на далекій берегъ Эвксинскаго понта, къ полудикимъ обитателямъ Скиѳіи; за что? неизвѣстно! но едвали ли самая тайна, которою облечена была причина ссылки, не послужила къ счастію самого Августа. Изъ темныхъ полупризнаній Овидія можно предположить, что ея разглашеніе наложило бы неизгладимое пятно на самое семейство римскаго властелина и прежде всего на самого Августа. Но Овидій унесъ въ могилу эту тайну, а не умиравшая надежда возврата на родину заставляла слабаго поэта обращаться съ льстивыми похвалами къ своему гонителю и вмѣстѣ съ Гораціемъ и Виргиліемъ надолго отвести глаза потомству. Обличительный голосъ Тацита раздался послѣ, и, выведя къ позорному столбу Тиверія, не коснулся Августа. Жизнь Августа, написанная Плутархомъ, не дошла до насъ. Позднѣйшіе историки, Светоній и Діонъ Кассій, жили уже послѣ того, какъ разыгрались сатурналіи деспотизма при Тиверіѣ, Калигулѣ, Клавдіѣ, Неронѣ и тому подобныхъ чудовищахъ; для нихъ правленіе Августа, по сравненію, казалось счастливымъ временемъ. Для поколѣній, среди которыхъ воспитались и жили названные историки, уже почти потеряна была самая память свободныхъ учрежденій, и мало говорила душѣ ненависть къ разрушителю этихъ учрежденій. Значительная часть историковъ новой Европы со временъ возрожденія писала съ голоса современниковъ Августа. Другіе закуплены были пышнымъ развитіемъ литературы, великодушнымъ покровительствомъ, которое оказывалъ Августъ ученымъ и поэтамъ. Третьи, проходя мыслію исторію послѣднихъ временъ республики, ожесточенную борьбу партій, видя въ послѣднихъ поколѣніяхъ республики не только утрату гражданской доблести, но утрату и самаго политическаго смысла, потеряли вѣру въ возможность другого исхода для тогдашняго Рима и признали имперію единственнымъ цѣлебнымъ средствомъ для больного общества, не умѣвшаго и не могшаго справиться съ внутреннимъ бореніемъ. Ихъ увлекла также и республиканская, демократическая внѣшность деспотическаго содержанія, естественность, и почти неизбѣжность переворота, наконецъ, *на первое время*, несомнѣнно благодѣтельное значеніе императорской власти для провинціаловъ, скоро сдѣлавшихся полноправными римскими гражданами подъ ея покровительствомъ. Между анархіей, внутреннимъ и, повидимому, безъисходнымъ

бореніемъ партій, и абсолютизмомъ они предпочли послѣдній, какъ тяжелое, но вѣрное средство противъ анархіи республиканскаго Рима. И дѣйствительно, какъ средство противъ борьбы партій, деспотизмъ былъ точно такимъ же радикальнымъ лекарствомъ, какъ смерть для болѣзненнаго боренія въ человѣческомъ организмѣ. Партіи, дѣйствительно, исчезли со сцены, но на бѣду, сдѣлавъ свое дѣло, Августъ и его преемники не возвратили Риму его свободныхъ учрежденій. Въ данный моментъ можетъ быть оправдано такое насильственное успокоеніе партій, хотя примириться съ нимъ едва ли возможно вполнѣ для кого нибудь. Но чѣмъ можетъ быть оправдано намѣренное обращеніе не всегда вѣрнаго лекарства, въ вѣрный всегда ядъ? Предполагать же въ Августѣ искреннее намѣреніе сохранить для Рима возможность возврата къ прежнимъ свободнымъ учрежденіямъ, — было бы уже слишкомъ наивно. Комедія, разыгранная Августомъ въ римскомъ сенатѣ, среди котораго онъ объявилъ свою рѣшимость сложить съ себя власть и возвратиться къ жизни частнаго человѣка — эта комедія по всей вѣроятности столь же мало обманывала современниковъ, какъ и отсутствіе внѣшнихъ аттрибутовъ и имени неограниченной власти, какъ и кажущіяся мягкость характера Августа и его, безпрестанно выставляемое на показъ, уваженіе къ прежнимъ учрежденіямъ. Будемъ откровенны: если абсолютизмъ былъ историческою необходимостію для римскаго общества, то признаемъ, что Августъ не только положилъ первый камень той пирамиды, подъ гнетомъ которой исчезло дыханіе жизни политической и государственной древняго міра, но что онъ же былъ творцемъ цѣлой системы, которую его преемникамъ осталось только развивать въ приложеніяхъ къ дѣйствительности, — т. е., другими словами, дать себѣ полный произволъ для всѣхъ страстей, какъ бы грубы и разрушительны онѣ ни были. Все содержаніе деспотизма заготовлено было Августомъ; его наслѣдникамъ оставалось развѣ только формировать, если бы имъ пришла къ тому охота, и если бы для этого не нашлись усердные и досужіе юристы, взявшіе на себя этотъ трудъ. Если же изъ анархіи Рима послѣднихъ временъ республики былъ возможенъ иной выходъ, кромѣ выхода въ деспотизмъ, если послѣдній даже въ крайнемъ случаѣ могъ быть употребленъ только какъ временное средство, то оставимъ за Августомъ всю отвѣтственность за послѣдствія произведеннаго имъ переворота, за то лицемѣріе, съ которымъ онъ высказывалъ мнимое желаніе сохранить прежнія учрежденія, неутомимо подрываясь подъ самыя ихъ основанія.

Разсмотримъ управленіе Августа и тѣ элементы, изъ кото-

рыхъ началось его ничѣмъ неограниченное, кромѣ страха передъ кинжаломъ, самовластіе. Прежде всего замѣтимъ, что переворотъ, произведенный Августомъ, не былъ разобранъ современными историками, а позднѣйшіе во многомъ затемнили его исторію для потомства. Для насъ, не смотря на видимое обиліе показаній, не совсѣмъ извѣстны, а тѣмъ менѣе точны, даже нѣкоторыя хронологическія данныя. Самовластіе Августа сложилось не вдругъ, не было слѣдствіемъ какого нибудь coup d'état; напротивъ, оно развивалось послѣдовательно, мало по малу притягивая къ себѣ одинъ за другимъ аттрибуты власти. Оттого трудно означить годъ, съ котораго началось самовластіе Октавіана Августа [1]). Званіе диктатора онъ принять не хотѣлъ. Передъ его глазами носился образъ Цезаря, убитаго въ полномъ сенатѣ. Октавіанъ хотѣлъ и достигъ диктаторской власти, но боялся принять ея имя. Онъ не назывался также и Dominus, еще менѣе хотѣлъ подвергаться опасности, принявъ гордое титло царя (Rex). Была минута, когда, желая принять новое имя, болѣе приличное своему положенію, онъ хотѣлъ было прибавить къ другимъ своимъ именамъ имя Ромула, но и тутъ благоразуміе и осторожность заставили его довольствоваться тѣмъ, что, по предложенію Планка, сенатъ и народъ назвали его Августомъ. Титулъ императора до Августа имѣлъ совершенно не тотъ смыслъ, какой получилъ онъ впослѣдствіи. Императоры были и во время республики [2]). Этимъ титуломъ удостоивали побѣдителя послѣ каждой одержанной побѣды. Такъ, самъ Августъ во время своего правленія провозглашаемъ былъ императоромъ 21 разъ за побѣды, одержанныя надъ врагами Рима или имъ самимъ, или, что случалось чаще, подчиненными ему полководцами. Въ этомъ же смыслѣ при самомъ Августѣ императорами провозглашались не разъ и другія лица. Въ самомъ высшемъ развитіи стараго значенія, титулъ императора обозначалъ только верховное начальство надъ войсками, и въ этомъ смыслѣ старался выставить его Августъ, въ сущности придававшій ему на фактѣ уже иное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, при безотрадномъ состояніи общества военная сила рѣшала все, и тотъ, кто имѣлъ въ рукахъ легіоны, тотъ могъ рѣшиться на все и про-

[1]) Считаютъ правленіе Августа: 1) со смерти Цезаря, 2) съ перваго консульства Августа, 3) съ тріумвирата Августа, 4) съ битвы при Акціумѣ, 5) со взятія Александріи, 6) съ 7 января 711 г. (43 г. до Р. Х.), когда Августъ получилъ управленіе съ титуломъ proprietor, 7) съ 27 іюня 731 г. отъ основанія (23 до Р. Х.), когда онъ облеченъ былъ tribunitia potestate, 8) съ принятія имени Августа 17 января 727 г. и т. д.

[2]) Такъ, Цицеронъ носилъ одно время титулъ императора.

тивъ сената, и противъ народа, потому что въ легіонахъ давно уже не было гражданъ, хотя и были отличные солдаты. Легіонарій привыкъ считать себя негражданиномъ, даже обижался, когда ему давали названіе квирита; для него Капитолій не былъ уже святыней, и за своимъ вождемъ онъ готовъ былъ ворваться туда съ оружіемъ въ рукахъ. Августъ же былъ главнымъ вождемъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ Рима. Болѣе 400,000 воиновъ находились подъ начальствомъ его легатовъ (legati Augusti), вполнѣ ему подчиненныхъ. Власть военачальника давала, кромѣ того, извѣстныя права, но прежде всего возможность насильственнаго подавленія всякого сопротивленія, и потому-то титулъ императора сдѣлался любимымъ титуломъ властелиновъ Рима. Со времени Веспасіана, кромѣ лица занимавшаго престолъ, и его наслѣдниковъ, никто уже не назывался этимъ именемъ, и такимъ образомъ имя императора начало получать уже новое значеніе.

Званіе императора, какъ верховнаго предводителя войскъ, давало возможность насильственнаго подавленія, но Августъ, утверждая свою власть на прочныхъ основахъ, не любилъ прибѣгать къ насилію, или, что будетъ вѣрнѣе, боялся прибѣгать къ нему; потому-то его поступки во время тріумвирата и борьбы съ Антоніемъ показали, что въ его характерѣ было много хладнокровной жестокости, сдерживаемой однимъ только опасеніемъ за свою жизнь. Имѣя въ рукахъ армію и флотъ, ему нужно было имѣть и легальное признаніе своего авторитета въ дѣлахъ гражданскаго управленія, imperium proconsulare, и другіе аттрибуты давали ему то значеніе, которое не могло дать званіе императора. Проконсульская власть не разъ уже предоставлялась сенатомъ послѣднихъ временъ республики нѣкоторымъ лицамъ. Такъ, эту власть, infinitum imperium, какъ называетъ ее Веллей Патеркулъ, получилъ Помпей во время войны съ морскими разбойниками. Ее же получилъ Кассій. Даже при императорахъ ее давали также нѣкоторымъ лицамъ, впрочемъ, только въ извѣстныхъ предѣлахъ и для извѣстной цѣли: при Августѣ-Агриппѣ, его сыну Каю; при Тиверіѣ, Германику и Вителію; при Неронѣ, Корбулону. Августу передано было imperium proconsulare на всю жизнь и надъ всѣми провинціями по опредѣленію сената въ 731 г. (23 г. до Р. Х.). Эта власть, обыкновенно вручавшаяся и тому, кого хотѣлъ императоръ признать своимъ наслѣдникомъ, передавала почти все управленіе имперіи въ руки императора, давая ему верховный надзоръ надъ управленіемъ провинціями, даже надъ тѣми, которыя были имъ уступлены въ непосредственное вѣдѣніе сената. Прокон-

сульская же власть переносила въ руки императора и всѣ аппеляціи изъ провинцій; онъ разбиралъ ихъ или самъ, или поручалъ этотъ разборъ, какъ это обыкновенно было впослѣдствіи, префекту преторіи. Управленіе императорскими провинціями отдано было чиновникамъ, зависѣвшимъ непосредственно отъ императора и назначавшимся на неопредѣленное время, тогда какъ правители сенатскихъ провинцій назначались обыкновенно только на одинъ годъ. Еще важнѣе была трибунская власть, tribunitia potestas, предоставленная сенатомъ и народомъ Августу. Какъ патрицій. Августъ не могъ быть трибуномъ. Кромѣ того, государственныя дѣла, требовавшія безпрестанныхъ поѣздокъ въ разныя провинціи имперіи, были также препятствіемъ къ отправленію должности трибуна. По старымъ законамъ, трибунъ не могъ удалиться отъ Рима далѣе какъ на одну милю. Кромѣ того, для боязливаго и подозрительнаго Августа неудобно было и другое условіе народнаго трибуната: день и ночь открытыя двери дома трибуна. Августъ, сверхъ того, и не хотѣлъ быть народнымъ трибуномъ, хотя tribunitia potestas была для него необходимостію. Tribunitia potestas дѣлала священною и неприкосновенною особу императора, и можно представить, какъ дорожилъ ею Августъ, ходившій въ кирасѣ въ сенатъ, и то не иначе, какъ окруженный десятью особенно сильными и преданными ему сенаторами, недопускавшими къ нему лицъ сколько нибудь подозрительныхъ. Tribunitia potestas давала ему право интерцессіи противъ постановленій сената и народа и власть преслѣдовать всѣ нарушенія государственныхъ учрежденій. Auxilium tribunitium послужила основой для судебной власти императоровъ. Преступленія въ оскорбленіи величества могли быть судимы только на основаніи tribunitiæ potestatis. Августъ и его преемники никогда не назывались трибунами, но крѣпко держались за трибунскую власть. Въ первый разъ получилъ Августъ tribunitia potestas еще за 38 лѣтъ до Р. Х., но окончательно она осталась за нимъ современи его II консульства, въ 731 г. отъ основанія Рима. 27 іюня ежегодно принималъ ее Августъ до самой смерти, и, раздѣляя съ другими званіе консула, цензора, даже императора, онъ ревниво слѣдилъ за трибунскою властію, давая ее только преданному Агриппѣ, мужу его дочери Юліи, да Тиверію, который долженъ былъ быть его наслѣдникомъ. Тиверій далъ ее только Друзу, Веспасіанъ Титу. Съ года полученія трибунской власти считалъ Августъ и свое правленіе, и уже одно это доказываетъ, что tribunitia potestas была главнѣйшей основой его самовластія. Преемники Августа считали также по годамъ

полученія трибунской власти годы своего правленія, и этотъ обычай сохранился до послѣднихъ временъ имперіи. Только съ Клавдія II, 270 годъ по Р. Х., начинаетъ исчезать упоминаніе о tribunitia potestas съ медалей и монетъ имперіи, на которыхъ она постоянно была до того времени.

Цензорская власть была также одною изъ принадлежностей императорскаго самовластія, хотя цензура въ ея старомъ смыслѣ является только изрѣдка при Августѣ, Клавдіѣ и Веспасіанѣ. Домиціанъ объявилъ себя censor perpetuus. Изъ двухъ цѣлей цензуры особенно важно было опредѣленіе государственныхъ повинностей, налагаемыхъ на гражданъ; съ этою цѣлію цензъ былъ распространенъ на всѣ области имперіи, и въ Римѣ, какъ въ провинціяхъ, онъ совершался отъ имени императора. Августъ не назывался цензоромъ, а носилъ подобно Цезарю званіе præfectus morum; тѣмъ не менѣе званіе цензора было въ послѣдствіи постоянно приписываемо Августу, потому что цензорская власть была однимъ изъ существенныхъ элементовъ власти императорской. Totius orbis humani suscipe censuram, говоритъ одинъ изъ ораторовъ императору Валеріану, quam tibi detulit Romana respublica. Титулъ цензора иногда встрѣчается послѣ Августа. По мѣрѣ того, какъ Римъ утрачивалъ исключительныя особенности своего прежняго управленія и приравнивался къ другимъ городамъ имперіи, аттрибуты цензорской власти сливались съ imperium proconsulare императоровъ.

Съ элементами политической власти императоровъ соединилось также и высшее религіозное значеніе. Императоры были или членами всѣхъ жреческихъ коллегій, или съ 742 г. отъ основанія города они постоянно носили титулъ великихъ первосвященниковъ pontifex maximus. Замѣчательно то обстоятельство, что римскіе императоры, со временъ Августа pontifices maximi языческаго культа, сохранили этотъ титулъ даже и послѣ того времени, когда отреклись совершенно отъ древнихъ вѣрованій Рима и Греціи. Какъ ни странно названіе великаго первосвященника Рима для христіанскихъ императоровъ, они носили его и называли себя этимъ именемъ въ своихъ эдиктахъ и на монетахъ и надписяхъ. Послѣ своего вступленія на престолъ они съ торжественною церемоніею облекались въ тогу великаго первосвященника, и это продолжалось до самаго Граціана, наконецъ, отвергшаго титулъ давно уже не имѣвшій смысла.

Имя, заключавшее въ себѣ всѣ названныя власти, носило на себѣ печать лицемѣрія, которой отмѣчены всѣ дѣйствія Августа. Это не было, какъ уже было замѣчено, имя царя или

диктатора. Августъ довольствовался скромнымъ именемъ перваго изъ сенаторовъ, princeps senatus, которое обыкновенно давалось старѣйшему и болѣе всѣхъ уважаемому изъ сенаторовъ; онъ вотировалъ первый и особымъ постановленіемъ ему дано было право предлагать по одному дѣлу въ каждое засѣданіе на обсужденіе сената, даже и тогда, когда онъ не былъ консуломъ. (Jus relationis) Законодательная власть сосредоточилась также въ рукахъ императора, сначала только фактически, а потомъ и легально, такъ что эдикты и рескрипты получили силу законовъ. Діонъ Кассій, писавшій во время Александра Севера, говоритъ о томъ, будто бы Августъ особымъ опредѣленіемъ сената и народа былъ поставленъ выше закона и освобожденъ отъ исполненія и повиновенія дѣйствующему законодательству. Юристы Юстиніана утверждали, что Августъ lege regia получилъ освященіе своего всемогущества. Это вопросы довольно спорные, надъ которыми не разъ изощрялась критика. Фактически Августъ былъ выше закона, потому что законъ давно уже былъ безсиленъ передъ всякимъ, кто имѣлъ въ своихъ рукахъ матеріальную, физическую силу. Что сенатъ и народъ римскій времени Августа способны были закономъ признать безсиліе всякого закона — это также можетъ быть весьма вѣроятно. При Августѣ въ Римѣ не разъ уже разыгрывались сцены самаго позорнаго раболѣпства, достойнаго временъ самыхъ худшихъ императоровъ. Достаточно привести одинъ случай. По предложенію Планка, Октавіанъ названъ былъ Августомъ. Народный трибунъ Секстъ Пакувій объявилъ, что, по примѣру галловъ, испанцевъ и германцевъ, онъ посвящаетъ свою жизнь императору и клянется не пережить того, кому съ этой минуты онъ отдаетъ все свое существованіе. Какъ ни былъ Августъ склоненъ въ душѣ къ принятію подобной адуляціи, онъ чувствовалъ, что принятіе посвященія Секста Пакувія унизитъ его самого въ глазахъ римлянъ, нисколько не содѣйствуя его власти. Августъ отвергъ предложеніе трибуна, но отвергъ его не рѣшительно, не заклеймилъ приличнымъ именемъ подобнаго поступка. Тогда Пакувій, увѣренный въ неискренности отказа, рѣшительно объявляетъ священныя права народныхъ трибуновъ, не признающихъ надъ собою никакой власти, кромѣ римскаго народа, выходитъ изъ сената, созываетъ народъ, высказываетъ свою рѣшимость и въ сопровожденіи многихъ, принявшихъ участіе въ его раболѣпномъ сумасшествіи, въ храмѣ посвящаетъ себя императору. Пакувій не ошибся въ своемъ разсчетѣ. Если Августу на первое время стыдно было наградить его, то въ послѣдствіи времени онъ не забылъ того, кто рѣшился не ис-

полнить его оффиціально высказанной воли, чтобы исполнить его тайное желаніе. По предложенію того же Пакувія, мѣсяцъ Sextilis названъ былъ Августомъ. По этому свидѣтельство Діона Кассія не имѣетъ въ себѣ ничего не вѣроятнаго. Дѣло состоитъ только въ томъ, что это свидѣтельство слишкомъ позднее и нуждается въ подтвержденіи болѣе современныхъ извѣстій; а ихъ то именно и нѣтъ подъ руками. Къ тому же Августъ, de facto уже стоявшій выше закона, едва ли бы рѣшился на такое оффиціальное признаніе своей власти, которую онъ скорѣе старался маскировать, чѣмъ выставлять на показъ. Разумѣется, побужденіемъ къ этому было нисколько не уваженіе къ закону и безъ того подавно уже попираемому, тѣмъ менѣе еще желаніе возстановленія прежнихъ формъ правленія. Августъ могъ руководствоваться только тѣмъ чувствомъ, которое заставило его отказаться отъ царскаго титула, отъ пожизненной диктатуры, отъ имени Ромула, которое вызвало его лицемѣрное отрѣченіе отъ власти, которое заставило его принять власть будто бы только на время (на 10 лѣтъ), окружить себя стражею и терпѣть подлѣ себя ненавистныя формы республиканскаго правленія, оказывая имъ постоянно наружное уваженіе — чувствомъ страха, боязнью подвергнуться участи Цезаря. Весьма вѣроятно поэтому, что мнѣніе, по которому если народъ издалъ какое нибудь опредѣленіе въ родѣ упоминаемаго Діономъ Кассіемъ, то по нему Августъ освобождался не отъ подчиненія всякимъ законамъ, а только освобождался отъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ для него полицейскихъ постановленій. Дѣйствительно, послѣ мы видимъ, что Августъ обращался къ сенату съ просьбою освободить его отъ исполненія закона Воконіева (lex Voconia), стѣснявшаго его распоряженія, задуманныя имъ въ пользу жены его Ливіи. Утвержденіе же Юстиніановыхъ юристовъ о lege regia объясняется желаніемъ ихъ придать легальныя формы существующему факту императорскаго самовластія. Титулы pater patriae и princeps juventutis не имѣли особеннаго политическаго значенія.

Таковы были элементы Августовой власти. Какъ лицо, облеченное tribunitia potestate, онъ былъ неприкосновененъ, и малѣйшее оскорбленіе, нанесенное его особѣ, даже простая неподчиненность были государственными преступленіями. Эта же власть давала ему право veto не только надъ опредѣленіями сената и народа, но и надъ предложеніями коллегіи трибуновъ. Какъ императоръ, онъ имѣлъ въ рукахъ всю военную силу государства и всѣ права соединенныя съ верховнымъ предводительствомъ. Imperium proconsulare дѣлало его полновластнымъ распорядителемъ судебъ провинцій, даже уступленныхъ сенату.

Власть цензора и præfecti morum дополняла то, чего не могла дать проконсульская власть, отдавала въ его руки распредѣленіе податей, исключеніе сенаторовъ и всадниковъ. Верховный понтификатъ придавалъ ему религіозное значеніе; гвардія — военную силу въ самомъ Римѣ. Со всѣмъ этимъ онъ былъ и безъ народнаго опредѣленія, ставившаго его выше закона, и безъ lege regia, полновластнымъ господиномъ и Рима и провинцій. Такимъ образомъ, преемники Августа могли отличаться отъ него не объемомъ власти, потому что вся власть уже была не только фактически, но и формально въ рукахъ его, но однимъ только ея приложеніемъ. Не было аттрибута власти, который бы не былъ переданъ Августу опредѣленіями сената или комицій, хотя, разумѣется, смѣшно видѣть въ senatus consulta и плебисцитахъ легальное основаніе власти Августа. Если бы сенатъ и не передалъ ему въ болѣе или менѣе законныхъ формахъ imperium proconsulare и tribunitia potestas, эти основанія были бы не менѣе дѣйствительны потому, что опирались на дѣйствительную силу, бывшую въ рукахъ Августа. Придавать серьезное значеніе постановленіямъ республиканскаго сената и народа, освящавшихъ деспотизмъ, уничтожавшихъ республиканскую свободу, очевидно невозможно. Но пользуясь всею полнотою власти на дѣлѣ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всѣ отрасли государственнаго управленія, произведя, однимъ словомъ, коренной переворотъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, Августъ всего менѣе хотѣлъ выставлять на видъ сущность этого переворота. Всѣ силы свои напротивъ онъ устремлялъ къ тому, чтобы казаться не нововводителемъ, а скорѣе только охранителемъ существующаго порядка, возстановителемъ прежнихъ учрежденій. Этотъ консервативный характеръ власти, это кажущееся уваженіе къ прежнимъ формамъ государственной жизни постоянно выдерживались Августомъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Сенатъ продолжалъ собираться съ прежнею точностію. Августъ не только не препятствовалъ дѣятельности сената, но употреблялъ всѣ средства для его возвышенія. Онъ очистилъ его отъ недостойныхъ членовъ, во множествѣ вошедшихъ туда, пользуясь смутами. Это очищеніе сената произведено было со всевозможною осторожностію и безъ явнаго насилія. 190 сенаторовъ были исключены изъ списка, но такъ, что это исключеніе было по ихъ добровольному согласію, по ихъ просьбѣ. За ними оставлено право носить сенаторскую тогу и занимать сенаторскія мѣста во время игръ и общественныхъ празднествъ. Августъ возвысилъ цензъ требуемый отъ сенаторовъ, но онъ дополнялъ изъ своихъ доходовъ то, чего недоставало достойнымъ кандидатамъ для исполненія законныхъ

требованій ценза. Форма собраній и совѣщаній сената осталась по прежнему; сохранилась и видимая свобода мнѣній. Сенатъ былъ представителемъ республиканскихъ преданій, и его члены сохранили эти преданія даже въ то время, когда они сдѣлались мертвою буквою для всѣхъ почти римлянъ. Августъ довольствовался безсиліемъ сената и терпѣлъ эту привязанность къ республиканскимъ формамъ, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ высказывалъ наружнымъ образомъ тоже самое уваженіе къ прежнимъ учрежденіямъ. Подобно сенату съ тѣми же прежними независимыми наружными формами и съ тѣмъ же внутреннимъ безсиліемъ сохранились и народныя комиціи. Здѣсь избирались консулы, преторы, квесторы и другіе магистраты. Августъ и здѣсь старался сохранить наружную свободу совѣщаній и выборовъ и далъ силу старымъ законамъ противъ интригъ при выборахъ, подкуповъ, и т. п. Онъ самъ удовольствовался только тѣмъ, что предлагалъ своихъ кандидатовъ, и, само собою разумѣется, его кандидаты были избираемы. Строгій блюститель закона противъ подкуповъ, онъ однакоже постоянно раздавалъ по 1000 сестерцій каждому гражданину тѣхъ двухъ трибъ, съ которыми онъ вотировалъ въ комиціяхъ. Свобода выборовъ особенно обнаруживалась въ тѣхъ случаяхъ, когда на извѣстное мѣсто не было предложено Августомъ кандидата. Во время отсутствія изъ Рима Августа при избраніи консуловъ не только были употреблены всѣ обыкновенные избирательные происки и интриги со стороны претендентовъ, но во всемъ Римѣ было довольно сильное волненіе, частію напоминавшее времена республики. Къ народу римскому Августъ обнаруживалъ всѣ знаки уваженія. Онъ называлъ гражданъ владыками міра, и чрезвычайно скупъ былъ на раздачу правъ римскаго гражданства, не уступая даже усильнымъ просьбамъ людей близкихъ, напр. самой Ливіи. Любопытный случай этого лицемѣрнаго уваженія къ правамъ народа представляетъ сооруженіе форума Августомъ. Форумъ Августа одно изъ весьма замѣчательныхъ сооруженій временъ имперіи. Его стѣны существуютъ еще большею частію и въ наше время; этрусская форма ихъ кладки, употреблявшаяся во времена царей, какъ-то странной кажется во времена Августа, когда она совершенно уже вышла изъ употребленія за долго передъ тѣмъ. Форумъ Августа украшенъ былъ статуями знаменитыхъ полководцевъ Рима и всѣхъ членовъ фамиліи Julia въ томъ числѣ и Ромула. Самое замѣчательное въ этомъ форумѣ было, впрочемъ, не его громадность и монументальное великолѣпіе, а неправильность его очертанія. Чтобы построить его на выбранномъ мѣстѣ, Августъ скупилъ землю у частныхъ владѣльцевъ, и такъ

какъ нѣкоторые неохотно соглашались продать свои дома, то Августъ рѣшился лучше дать форуму неправильную форму, нежели насильно принудить къ уступкѣ. При этомъ невольно приходитъ на память достойный преемникъ Августа Тиверій. Онъ тоже далъ замѣчательное доказательство своего уваженія къ волѣ народной, и пожалуй на этомъ основаніи его можно также какъ Августа считать однимъ изъ возстановителей прежней республиканской свободы. Знаменитая мраморная статуя атлета съ бронзоваго оригинала Лизиппа украшала портикъ, прилегавшій къ пантеону. Тиверій приказалъ ее перенести въ свой дворецъ; но когда народъ въ циркѣ выразилъ свое неудовольствіе по этому случаю, Тиверій тотчасъ приказалъ поставить ее на прежнемъ мѣстѣ. Подобными продѣлками, ничего не стоящими деспоту, удовлетворялось народное тщеславіе, и увлекались легкомысленные. Августъ оказывалъ такое же наружное уваженіе къ свободѣ мысли и слова, что также не мало содѣйствовало доброму мнѣнію о немъ современниковъ и потомства. Зорко слѣдилъ онъ за поступками и оставлялъ свободу словамъ. Вся его политика въ этомъ отношеніи высказалась въ письмѣ къ Тиверію, желавшему болѣе стѣснительныхъ мѣръ. Августъ просилъ его minime indignari, quemquam esse, qui de me male loquatur. Satis est enim, si hoc habemus, ne quis nobis malefacere possit. Пусть говорятъ, только бы не дѣлали. Это было такимъ же постояннымъ принципомъ Августа, какъ и стремленіе захватить сущность власти, не заботясь нисколько о внѣшней формѣ власти. Свобода рѣчи была терпима Августомъ и въ преніяхъ сената, и въ комиціяхъ, и въ разговорахъ. Безнаказанными оставались даже эпиграммы и пасквили на Августа, позволявшаго себѣ только словами отвѣчать на слова. Все, что онъ сдѣлалъ, было приказаніе на будущее время наказывать тѣхъ, кто подъ чужимъ именемъ распространялъ стихи или пасквили (libellos), безчестящіе кого бы то ни было, и одинъ разъ въ эдиктѣ отвѣчалъ на безъименныя обвиненія, направленныя противъ его дѣйствій. Первый процессъ въ оскорбленіи величества относится уже къ послѣднимъ годамъ правленія Августа, когда упроченная власть сдѣлала менѣе нужной лицемѣрную маску свободы.

Въ частной жизни Августъ также старательно избѣгалъ всего, что могло обращать общее вниманіе на громадность его дѣйствительной власти. Его домъ на Палатинскомъ холму отличался большою простотою и былъ какъ бы заслоненъ другими болѣе великолѣпными дворцами римскихъ аристократовъ. Даже колонны портиковъ Августова дома были не изъ мрамора, хотя

мраморъ былъ уже тогда въ довольно большомъ употребленіи въ Римѣ. Ничто во внѣшности скромнаго зданія не показывало жилища властелина римскаго міра. Вниманіе привлекали развѣ только два лавра, посаженные передъ дверями и надъ ними дубовый вѣнокъ. Эта почесть была оказана Августу сенатомъ послѣ того, какъ разыграна была та сцена, въ которой Августъ отказывался отъ власти и объявилъ свою рѣшимость возвратиться къ жизни частнаго человѣка. Въ это время не одинъ, впрочемъ, скромный дубовый вѣнокъ былъ наградою искусному актеру отъ зрителей, такъ скоро вошедшихъ въ его роль и помогшихъ ея успѣшному исполненію. Въ это же засѣданіе сенатъ далъ Августу особую гвардію, положивъ ей двойной окладъ жалованья сравнительно съ прочими войсками имперіи.

Простота была постоянною, глубоко задуманною и хорошо выдержанною особенностію домашней жизни Августа. Она еще болѣе выставлялась на видъ въ сравненіи съ тѣмъ великолѣпіемъ, которое обнаруживалъ Августъ во всѣхъ общественныхъ сооруженіяхъ, имъ предпринимаемыхъ. Какъ бы для контраста, близъ своего скромнаго жилища онъ выстроилъ великолѣпный храмъ Аполлона. Его украшали знаменитѣйшія статуи, въ томъ числѣ статуя Аполлона, работы Скопаса, 4 бронзовыя коровы Мирона, 50 Данаидъ и т. п. Въ этомъ же храмѣ была и коллекція рѣзныхъ камней; къ нему же примыкала библіотека греческихъ и латинскихъ сочиненій, украшенная изображеніями замѣчательнѣйшихъ писателей. Въ самыхъ общественныхъ сооруженіяхъ Августъ не пропускалъ случая выставить на видъ свою скромность. Такъ, воздвигая храмъ Юпитеру громовержцу и опасаясь упрековъ затмить капитолійскій храмъ въ честь того же божества, бывшій до того времени главнѣйшею святыней Рима, онъ выставилъ свое сооруженіе только скромной пристройкой къ древнему храму. Постоянно заботясь остаться въ тѣни, не выставляясь слишкомъ впередъ, Августъ имѣлъ еще и другую заботу, не мало содѣйствовавшую его популярности, заботу при всякомъ возможномъ случаѣ прикрыться Цезаремъ, связать свое имя съ этимъ дорогимъ для массы римскаго народа именемъ. Съ этою цѣлію онъ частію окончилъ задуманныя Цезаремъ сооруженія, между прочимъ, храмъ Марса Мстителя (Mars Ultor), имѣя въ послѣднемъ случаѣ еще и цѣль освятить этимъ построеніемъ кровавую месть за убійство диктатора, месть безпощадную, далеко перешедшую за границы всякой справедливости. Съ этой же цѣлію воздвигнутъ былъ Heroon, небольшой храмъ въ честь Цезаря-героя.

Во всѣхъ поступкахъ Августа мы видимъ, такимъ образомъ,

два стремленія. Одно — захватить въ свои руки всю власть, сдѣлаться неограниченнымъ и самовластнымъ повелителемъ Рима; другое — прикрыться законностію, скрыть подъ лицемѣрнымъ уваженіемъ къ республиканскимъ формамъ свое безграничное самовластіе, и, владѣя всею полнотою деспотическаго произвола, казаться однакоже скромнымъ труженикомъ на пользу и для счастія Рима, готовымъ во всякое время сложить съ себя тяжкое бремя государственнаго управленія, принятаго имъ противъ воли. Деспотизмъ и лицемѣріе были основаніями системы, завѣщанной Августомъ его наслѣдникамъ. Въ томъ и другомъ Августъ нашелъ себѣ достойнаго преемника въ лицѣ Тиверія. И деспотизмъ и лицемѣріе только развиты были послѣднимъ гораздо далѣе. И Тиверій, подобно Августу, speciem quamdam libertatis induxit, какъ говоритъ Светоній, и онъ не хотѣлъ носить царскаго титула или званія диктатора, онъ даже не хотѣлъ называться и императоромъ. Ему довольно было чести называться princeps senatus. Къ сенаторамъ онъ постоянно обращался съ ироническою почтительностію, съ презрительною довѣрчивостію. Тиверій перенесъ въ сенатъ выборы, совершавшіеся до него въ народныхъ комиціяхъ и такимъ образомъ на дѣлѣ уничтожилъ всякую свободу избранія, вполнѣ сохраняя всѣ ея наружныя формы. Я уже привелъ случай лицемѣрной внимательности его къ народной волѣ или даже къ народной прихоти. Но идя еще далѣе Августа по пути лицемѣрія, Тиверій далеко опередилъ своего предшественника относительно деспотизма. Тотъ и другой еще впрочемъ сдерживали свои деспотическія наклонности. Подобно Августу во все время его правленія, Тиверій долго не давалъ полной воли своей жестокости. Деспотизмъ, впрочемъ, владѣетъ способностію быстро развивать до крайнихъ предѣловъ возможности свои основанія. Переходъ отъ лицемѣрной умѣренности къ полному разгулу тиранніи совершился въ необыкновенно короткое время, въ небольшой періодъ времени, обнимающій правленіе Августова дома. Уже самъ Тиверій подъ конецъ своего управленія сбросилъ почти окончательно стѣснительную для него маску принужденія и притворства. Единственная уступка, сдѣланная имъ правиламъ Августа, состояла въ томъ, что онъ еще сохранялъ невольное, сознательное или безсознательное уваженіе передъ величіемъ Рима, что театромъ своей позорной жизни онъ избралъ Капрею, что, два раза приближаясь къ Риму, онъ какъ будто подъ вліяніемъ безотчетнаго страха останавливался въ самомъ предмѣстіи и возвращался назадъ. Этого страха не было въ его преемникахъ. Я не имѣю времени останавливаться на положеніи Рима въ управленіе Калигулы, Клавдія и

Нерона. *Римскія женщины* П. Н. Кудрявцева хорошо всѣмъ знакомы; авторъ достаточно вводитъ читателя въ этотъ позорный періодъ, достаточно обнаруживаетъ всю глубину паденія римскаго общества. Кто прочиталъ со вниманіемъ это сочиненіе, тотъ можетъ судить, что было лучше: анархія ли послѣднихъ временъ республиканскаго Рима или деспотизмъ, если не лучшее, то единственное средство противъ анархіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ. Укажу еще на одно сочиненіе, на трудъ берлинскаго профессора Адольфа Шмита: Geschichte der Denk und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserherrschaft und des Christenthums. Какъ видно изъ самого заглавія, Шмитъ беретъ только одну сторону внутренней исторіи Рима, точно такъ какъ П. Н. Кудрявцевъ, повидимому, одну изъ сторонъ общественной жизни. Политическихъ учрежденій Шмитъ не касается почти совершенно, тѣмъ не менѣе картина является чрезвычайно полная, потому что общественная жизнь, литература и религія исчерпываютъ почти все содержаніе внутренней жизни народа въ данный періодъ времени. Превосходную оцѣнку труда А. Шмита можно найти въ собраніи сочиненій Т. Н. Грановскаго*). Всѣ переходы общественнаго разложенія и вся быстрота нравственнаго и политическаго паденія общества ярко выступаютъ передъ читателемъ. Глубина впечатлѣній не ослабляется даже многочисленными подробностями, на которыхъ останавливается авторъ. Эти подробности только довершаютъ полноту картины. Послѣ императоровъ Августова дома насъ уже немного удивятъ дѣянія Коммода, Каракаллы, Геліогабала и другихъ монстровъ, называвшихся преемниками *милостиваго* Августа. До самаго Септимія Севера система Августа оставалась безъ значительныхъ измѣненій въ ея основаніяхъ. Если Калигула имѣлъ намѣреніе сдѣлать свою лошадь консуломъ, это не мѣшало другимъ обращаться къ сенату съ такою наружною почтительностію, которой могли бы позавидовать Августъ или Тиверій. Августъ держалъ преторіанцевъ размѣщенными небольшими отрядами по городамъ Италіи, его преемникъ впервые соединилъ въ нарочно устроенномъ для нихъ лагерѣ, котораго боевая сторона обращена была къ самому Риму, подъ стѣнами котораго расположены были преторіанскія когорты. De facto преторіанцы со временъ Калигулы были рѣшителями судьбы имперіи, вмѣшиваясь въ избраніе императоровъ, иногда даже продавая съ публичнаго торга императорскую порфиру (Дидій Юліанъ); de jure однакоже первое мѣсто въ государственномъ организмѣ

*) Сочиненія Грановскаго вышли на-дняхъ вторымъ изданіемъ. — *Ред.*

принадлежало сенату по конституціи Августа. Измѣненіе этой конституціи было сдѣлано Септиміемъ Северомъ или по крайней мѣрѣ отъ него получило освященіе.

Опираясь на военную силу, Августъ однакоже прежде всего являлся вождемъ демократической партіи и охранителемъ народнаго самодержавія. По крайней мѣрѣ, такимъ хотѣлъ онъ казаться до самаго послѣдняго времени. Кромѣ того, Августъ, какъ мы видѣли, выказывалъ полнѣйшее наружное уваженіе къ авторитету сената, и, изгоняя изъ него недостойныхъ членовъ, онъ хотѣлъ придать ему болѣе нравственное значеніе. Въ его конституціи народъ, сенатъ и войско являлись одинаково важными элементами. И все искусство и политическая ловкость Августа направлены были къ поддержанію, по возможности, равновѣсія между ними. Равновѣсіе не могло, впрочемъ, долго сохраняться. Въ то время, когда одинъ изъ элементовъ все болѣе и болѣе выдвигался на первый планъ, другіе утрачивали свое политическое значеніе, измѣнялись въ самой своей сущности. Демократія всего скорѣе утратила свою жизненность подъ губительнымъ, деморализирующимъ вліяніемъ абсолютизма, и ея нравственное и политическое паденіе совершилось съ необыкновенною быстротою. Не забудемъ, что въ Римѣ воспитаніе народное было пренебрежено. Ни школы, ни жрецы не передавали народу ясныхъ понятій о его обязанностяхъ. До нѣкоторой степени политическою школою могли служить для римскаго плебея форумъ и комиціи, но во время имперіи и форумъ и комиціи скоро потеряли всякое значеніе. Великіе ораторы, свободное обсужденіе государственныхъ вопросовъ исчезли вмѣстѣ съ республикой. Предоставленный самому себѣ, народъ скоро привыкъ прислушиваться только къ голосу своихъ матеріальныхъ интересовъ, животныхъ побужденій. Притомъ, чѣмъ далѣе раздвигались предѣлы римскихъ владѣній, тѣмъ болѣе былъ притокъ къ Риму рабовъ, число которыхъ увеличилось въ огромныхъ размѣрахъ въ послѣднее время республики, и, конечно, не уменьшилось и во время имперіи. Въ извѣстномъ сочиненіи Валлона, Histoire de l'ésclavage, можно найти полныя указанія по этому предмету. Кромѣ общаго безнравственнаго вліянія — обыкновеннаго, неминуемаго слѣдствія рабства — рабство имѣло еще одно важное значеніе въ исторіи римскаго свободнаго населенія. Съ увеличеніемъ въ Римѣ числа рабовъ, росло и число отпущенниковъ, поступавшихъ въ городскія трибы. Становясь римскими гражданами, они вносили въ свое новое положеніе всѣ привычки рабскаго состоянія; а значеніе, которое часто пріобрѣтали отпущенники, еще болѣе способствовало заразительности этого

вліянія. Скоро свободное населеніе Рима только по имени называлось римскими гражданами, и все болѣе и болѣе принимало характеръ черни. Тиверій былъ правъ, до нѣкоторой степени, перенеся выборы изъ народныхъ комицій въ сенатъ. Въ послѣднемъ были еще по крайней мѣрѣ какія нибудь нравственныя гарантіи. Какъ скоро угасли въ массѣ римскаго народонаселенія свободные инстинкты, послѣдніе остатки политическаго смысла, и самое нравственное чутье, видно изъ того, какихъ императоровъ особенно оно любило. Калигула и Неронъ, не смотря на свои кровожадныя безумства, пользовались особеннымъ расположеніемъ черни. Во время пожара при Неронѣ, римское народонаселеніе пережило тяжелыя минуты; на самого императора падало подозрѣніе въ поджогѣ, тѣмъ не менѣе, оно съ неудовольствіемъ смотрѣло на стараго и экономнаго Гальбу и радостно *привѣтствовало* Оттона именемъ Нерона. Оттонъ хотѣлъ даже торжественно праздновать память Нерона, ere vulgus alliciendi, какъ говоритъ Тацитъ. Римская демократія теряла быстро свое значеніе, а съ тѣхъ поръ, какъ римское гражданство сдѣлалось общимъ правомъ всѣхъ свободныхъ подданныхъ Римской имперіи, слова: Quirites, populus romanus и т. п. совершенно лишились всякого смысла. Исчезла не только чистота республиканскихъ преданій, но и чистота римской крови замутилась среди притоковъ въ Римъ со всѣхъ концовъ римскаго міра. Народъ совершенно сошелъ съ политической сцены.

Сенатъ очевидно дольше народа могъ хранить преданія прошлаго значенія. Этому много содѣйствовала и родовая гордость его членовъ и аристократическое его устройство. Августъ и его преемники лучше выдерживали свою роль относительно сената, чѣмъ относительно народа. Лучшіе изъ императоровъ охотно пользовались правительственною и административною опытностію сенаторовъ. Для императоровъ въ родѣ Нерона, сенатъ, не смотря на свое безсиліе и униженіе, казался единственною помѣхою ихъ произвола. Чтобы польстить Нерону, одинъ изъ льстецовъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ сказать: «я ненавижу тебя, Цезарь, потому что ты сенаторъ». Ненавидѣли или уважали сенаторовъ императоры, но сенатъ не утратилъ еще вполнѣ въ глазахъ римлянъ своего прежняго высокаго значенія. Самъ Тиверій не разъ повторялъ: «Я господинъ надъ моими рабами, я полководецъ моихъ солдатъ, но для всѣхъ остальныхъ я только первый между сенаторами.» Дѣйствительный авторитетъ сената далеко былъ ниже его кажущагося значенія. Взять снова въ свои руки управленіе государствомъ онъ, очевидно, не былъ въ состояніи. Послѣ каждой насильственной смѣны власти-

теля, сенатъ принималъ новаго изъ рукъ преторіанцевъ или легіоновъ и даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда сами арміи отдавали избраніе императора въ его волю; избранники его далеко не всегда пользовались достаточнымъ авторитетомъ. До конца Римской имперіи сенатъ сохранилъ преданія, память о своемъ прежнемъ значеніи, не разъ предъявлялъ онъ претензіи на возвращеніе того, но въ дѣйствительности эти притязанія оказывались вполнѣ несостоятельными. Переворотъ, положившій начало абсолютизму, сокрушилъ и его дѣйствительное значеніе, неразрывно соединенное съ республиканскими формами политической жизни Рима. И такъ, оставалась одна армія, и по крайней мѣрѣ въ ея участіи въ государственныхъ дѣлахъ невозможно было сомнѣваться. Дѣйствительно, войско было крѣпкою, единственною основою, на которой воздвигалось зданіе абсолютизма, окрашенное демократическимъ цвѣтомъ и освященное санкціей сената. Преторіанцы уже со временъ Калигулы показали, что они вполнѣ сознаютъ свою силу, свое право на избраніе владыки римскаго міра. Императорскій пурпуръ они имѣли право считать своею полною собственностію, которою они могли распоряжаться по произволу, даже продать съ публичнаго торга. Со стороны народа и сената нечего было ждать протеста, онъ могъ быть только со стороны другихъ войскъ, считавшихъ себя обиженными. И дѣйствительно, легіоны, несшіе на своихъ плечахъ защиту имперіи, оскорбились при видѣ выгоднаго положенія италіанскихъ тунеядцевъ, какими были преторіанцы, набиравшіеся преимущественно изъ жителей Италіи. Между легіонами и преторіанскими когортами должна была начаться борьба за право распоряжаться императорскимъ пурпуромъ, и она повторялась не одинъ разъ. Положеніе дѣлъ мало, впрочемъ, измѣнялось отъ того, легіоны или преторіанцы посадятъ на престолъ императора? Распорядителемъ судебъ имперіи все-таки было войско, а не сенатъ и народъ римскій. Единственнымъ выгоднымъ слѣдствіемъ борьбы арміи съ преторіанцами могла быть только побѣда достойнѣйшаго или болѣе ловкаго изъ претендентовъ. Войско давно полновластно распоряжалось судьбами имперіи, и однако ничего не измѣнилось въ наружныхъ формахъ управленія. Императоръ, возведенный войскомъ вопреки заявленной воли сената, тѣмъ неменѣе обращался къ послѣднему съ тѣмъ же лицемѣрнымъ выраженіемъ почтительности и наружнаго уваженія, какъ и Августъ и Тиверій.

Первый Септимій Северъ не только ясно созналъ настоящее положеніе дѣла — сознавали его и прежде него очень многіе — но рѣшился отбросить лживыя формы и громко вы-

сказать свое настоящее убѣжденіе. Для сената печальной годиной было время его императорства. Септимій Северъ, родомъ изъ Лептиса въ Африкѣ, былъ суровый, закаленный воинъ. Въ его характерѣ нѣтъ и слѣдовъ мягкости. Современники звали его imperator vere nominis sui, vere pertinax, vere severus, также Sylla punicus. Обязанный своимъ возвышеніемъ войску, онъ ставилъ войско выше безсильной власти сената, но къ сенату притомъ онъ имѣлъ личную ненависть. Избранникомъ сената былъ начальникъ британскихъ легіоновъ Клодій Альбинъ, обѣщавшій употребить всю власть для возстановленія государственнаго значенія этого учрежденія. Во время открытой борьбы между Северомъ и Альбиномъ, сенатъ ясно высказалъ свои симпатіи къ послѣднему, хотя давно уже призналъ императоромъ Севера. За то послѣ погибели Альбина на сенатъ обрушилась ненависть Севера. Не смотря на прежнія опредѣленія сената, по предложенію самого же Севера, что императоръ безъ суда и приговора сената не можетъ казнить ни одного изъ сенаторовъ, не подвергаясь объявленію врагомъ отечества, 29 изъ нихъ погибло по приказу императора; по извѣстіямъ же другихъ источниковъ, число казненныхъ Септиміемъ Северомъ дошло до 41. Власть сената была подорвана въ самомъ основаніи. Всѣ дѣла обсуживались и рѣшались въ частномъ совѣтѣ самого императора. Членами совѣта были довѣренные юристы, къ которымъ Северъ оказывалъ постоянное уваженіе. Почтительное обращеніе, внимательность къ сенату исчезли. Септимій Северъ разогналъ преторіанцевъ, продавшихъ пурпуръ презрѣнному Дидію Юліану. Ненависти легіоновъ противъ когортъ преторіанскихъ онъ обязанъ своими успѣхами; и однако онъ не только не уничтожилъ преторіанскую гвардію, но даже вмѣсто прежнихъ 10 когортъ сдѣлалъ 40. Измѣненъ былъ только составъ преторіанцевъ. Прежде они набирались изъ италиковъ, и, постоянно живя или въ самомъ Римѣ или въ Италіи, почти незнакомы были съ военнымъ дѣломъ. Теперь Северъ образовалъ когорты изъ опытнѣйшихъ и старыхъ воиновъ легіоновъ. Такимъ образомъ, между преторіанцами и легіонаріями не могло быть ненависти, потому что преторіанская служба съ ея праздностію и выгодами сдѣлалась наградою каждаго заслуженнаго воина; съ другой стороны, 50,000 преторіанцевъ, набранныхъ изъ лучшихъ воиновъ изъ всѣхъ легіоновъ, были самою надежною опорою для императора даже противъ арміи. Съ измѣненіемъ состава преторіанцевъ Северъ измѣнилъ нѣсколько и значеніе ихъ предводителя. Префектъ преторіи сдѣлался начальникомъ арміи, имѣлъ въ рукахъ финансы и частію законодательную власть, представляя собою особу им-

ператора. Во главѣ преторіанцевъ, въ послѣднее время правленія Септимія Севера, стоялъ знаменитый юристъ Ульпіанъ. Пріобрѣтя расположеніе войска и щедрыми наградами и своими несомнѣнными военными талантами и перенесеніемъ всѣхъ трудовъ боевой и лагерной жизни, Септимій Северъ не скрывалъ, что привязанность войска онъ считалъ главною основою своей власти. Выказывая полнѣйшее презрѣніе къ сенату, отнявъ у него всякое участіе въ администраціи и законодательствѣ, Септимій Северъ повторялъ своимъ сыновьямъ свое любимое правило: «Обогощайте солдатъ и не заботьтесь ни о чемъ остальномъ». Онъ увеличилъ жалованье солдатамъ и раздачу наградъ, польстилъ ихъ тщеславію дозволеніемъ носить золотое кольцо, принадлежность сословія всадниковъ, наконецъ, что было всего важнѣе для солдата, позволилъ ему жениться и имѣть постоянно съ собою и жену и дѣтей.

Солдатъ сдѣлался такимъ образомъ по праву важнымъ членомъ политическаго тѣла, получилъ законный и притомъ рѣшительный голосъ въ дѣлахъ государственныхъ. Самъ Северъ, опирая свою власть на арміи, требовалъ отъ нея строгой дисциплины, но когда его не стало, то армія осталась единственною, даже законною обладательницею власти. На нее перешли права народа и сената. Результаты извѣстны. Армія могла часто возводить на престолъ достойныхъ предводителей, Клавдія Готскаго, Авреліана. Даже значительная часть узурпаторовъ, извѣстныхъ подъ именемъ 30 тирановъ, были люди съ замѣчательными достоинствами. Армія не могла однакоже дать имперіи твердости и прочности. Напротивъ, при военномъ деспотизмѣ ослабѣло и почти рушилось даже то внѣшнее единство, которымъ сдерживались вмѣстѣ разнородныя части имперіи. Легіоны невольно подчинялись стремленію къ разъединенію, къ сепаратизму. Въ высшей степени это стремленіе обнаружилось въ то время, когда каждая армія, каждая провинція облекла своего собственнаго императора, мало заботясь, что дѣлается въ Римѣ и въ другихъ областяхъ государства. Императорское достоинство сдѣлалось игрушкою своевольныхъ легіоновъ. Часто случайное обстоятельство, пустая прихоть легіоновъ, рѣшали участь имперіи. Тронула сирійскіе легіоны красота молодого жреца въ храмѣ Солнца, и минутному увлеченію солдатъ обязанъ былъ Римъ безумнымъ правленіемъ Геліогабала. Ѳракійскій пастухъ внушалъ удивленіе солдатамъ своимъ гигантскимъ ростомъ, своею необычайною силою; онъ везъ на себѣ нагруженную повозку, разбивалъ кулакомъ лошадиную челюсть, выпивалъ амфору вина, — и вотъ Максиміанъ римскій императоръ. Арабскій кочевникъ также садился

на тронъ Августа. Напрасно нѣкоторые императоры хотѣли поднять власть и значеніе сената, чтобы въ немъ найти противодѣйствіе солдатскому своеволію. Напрасно Александръ Северъ, окруженный учеными юристами, желавшими выработать юридическіе институты императорской власти, обращался къ сенату въ выраженіяхъ, напоминавшихъ Августа: «Перестаньте, patres conscripti, принуждать меня принять названіе великаго, смотрите на меня, какъ на одного изъ васъ, и этого будетъ очень довольно для моей чести.» Сенату не помогло даже признаніе его власти и права на выборъ императора, сдѣланное самими войсками въ минуту усталости. Когда сенаторы по требованію арміи провозгласили Августомъ старѣйшаго изъ среды своей, достойнаго Тацита (275 по Р. Х.), когда это избраніе признано было легіонами, восторгъ сенаторовъ не зналъ предѣловъ. «Оставьте вашу бездѣятельность, выходите изъ вашихъ виллъ въ Байяхъ и Пуццолѣ, писали сенаторы другъ къ другу; отдайте себя народу и сенату. Римъ благоденствуетъ, благоденствуетъ вся республика. Тысячу разъ благодарность римскому войску, войску по истинѣ римскому. Наша законная власть, предметъ нашихъ стремленій, вполнѣ возстановлена. Мы принимаемъ аппеляціи, мы назначаемъ проконсуловъ, мы выбираемъ императоровъ, не можемъ ли мы также положить предѣлъ ихъ самовластію?» Тацитъ дѣйствительно хотѣлъ сосредоточить все управленіе въ рукахъ сената и на тронѣ остаться тѣмъ же, чѣмъ былъ до императорства princeps senatus. Обольщеніе было, впрочемъ, минутное. Тацитъ погибъ, и сенатъ тѣмъ ниже палъ, чѣмъ смѣлѣе были его надежды. Снова власть возвратилась къ тому, кто имѣлъ силу — къ арміи. Дѣло, впрочемъ, не могло оставаться долго въ такомъ положеніи. Результатомъ борьбы арміи должно было неминуемо быть распаденіе имперіи, внутренняя анархія въ соединеніи съ внѣшнимъ безсиліемъ. До нѣкоторой степени положеніе Рима въ эту эпоху могло напомнить печальное время послѣднихъ дней республики съ тою только разницею, что теперь государственный организмъ былъ уже пораженъ неисцѣлимымъ недугомъ, противъ котораго безсильны были всякія врачеванія. Діоклетіанъ сдѣлалъ новую попытку еще разъ построить систему абсолютизма на новыхъ основаніяхъ. Прежде всего онъ освятилъ закономъ дѣйствительное положеніе. Внѣшнее единство не существовало на дѣлѣ, части имперіи стремились къ обособленію. Интересы ихъ были слишкомъ различны. Діоклетіанъ раздѣлилъ имперію сначала на 2, потомъ на 4 части. Вмѣсто единаго государства явилась федерація нѣсколькихъ. Идея единства не

была уничтожена. Каждый эдиктъ выходилъ отъ общаго имени всѣхъ царствующихъ августовъ и цезарей, но каждый изъ нихъ внутри своей области былъ полновластнымъ и самостоятельнымъ властелиномъ. Раздѣленіемъ имперіи не ограничивалась реформа Діоклетіана. Свое самовластіе онъ не хотѣлъ выводить ни отъ сената, ни отъ войска. Сенатъ былъ какъ бы совершенно въ сторонѣ. Даже Римъ утратилъ значеніе столицы имперіи. Августы, владѣвшіе Италіей, жили не въ Римѣ, а въ Миланѣ и другихъ городахъ. Императоръ пересталъ быть первымъ магистратомъ республики. Прежде только пурпурная тога отличала его отъ другихъ гражданъ и отъ сенаторовъ, у которыхъ пурпуръ шелъ широкою полосою только по краямъ тоги. Въ обращеніи гражданъ къ императорамъ господствовала только простая почтительность. Богомъ признанъ Августъ послѣ смерти, и только немногіе сумасшедшіе изверги принимали при жизни вынужденныя божескія почести. Съ Діоклетіаномъ исчезла эта гражданская, служебная сторона характера императорской власти. Не первымъ изъ римскихъ магистратовъ, а существомъ высшей породы явился императоръ въ лицѣ Діоклетіана. Въ эдиктахъ говорилось о божественной натурѣ императора, о его священномъ величествѣ; его рѣшеніе признавалось божественнымъ изрѣченіемъ. Императоръ былъ не princeps senatus, отнынѣ онъ былъ dominus, владыка; римляне увидѣли на главѣ его ненавистную имъ діадему. Вмѣсто простой пурпурной одежды, онъ облекся въ одежду изъ золотыхъ и шелковыхъ тканей. Даже на обуви явились драгоцѣнные камни. Доступъ къ его особѣ сдѣлался труднымъ. Божество не всегда доступно и не часто нисходитъ до смертныхъ. Являясь предъ лицо властителя, подданный падалъ ницъ, склонялся во прахъ, какъ будто въ храмѣ передъ богомъ. Цѣлая іерархія придворныхъ чиновъ отдѣляла священную особу императора отъ простыхъ гражданъ. Азіатскою пышностію облекъ Діоклетіанъ тронъ Августа, раболѣпныхъ восточныхъ формъ этикета требовалъ отъ подданныхъ. Онъ слишкомъ былъ уменъ и воздержанъ въ своей жизни, чтобы дѣлать это для удовлетворенія малодушнаго тщеславія. Это была глубоко обдуманная система. Діоклетіанъ хотѣлъ придать императорской власти торжественное значеніе, хотѣлъ, чтобы въ умахъ народа она казалась чѣмъ-то священнымъ, недоступнымъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Самъ онъ, разумѣется, вѣрилъ въ это священное значеніе своей власти столь же мало, какъ Августъ въ чисто гражданскій и демократическій характеръ своего самовластія. Окончательно подорвавъ даже кажущуюся власть сената, отвергнувъ гражданское происхожденіе

своего самовластія, Діоклетіанъ еще менѣе хотѣлъ казаться простымъ предводителемъ войска, достигшимъ власти только по праву сильнаго. Съ его времени имя императора перестало значить республиканскаго предводителя войска, а получило тотъ смыслъ, который имѣетъ оно въ новой Европѣ.

Дальнѣйшее развитіе реформы Діоклетіана представляютъ преобразованія Константина Великаго. Онъ устроилъ до самыхъ мелочныхъ подробностей сложную систему государственнаго управленія, мало имѣвшаго общаго съ управленіемъ Римской имперіи временъ Августа и его преемниковъ. Коренными преобразованіями въ составѣ войскъ, отдѣленіемъ гражданской власти отъ военной онъ подорвалъ военное самовластіе. Въ служебной аристократіи, рѣзко отличавшейся отъ родовой, ведущей свое начало отъ республики, отъ аристократіи прежняго Рима, онъ хотѣлъ найти надежную опору для трона. Основаніемъ новаго Рима, принятіемъ христіанства, Константинъ окончательно разрывалъ связь съ прошедшимъ. Строя еще на древней почвѣ, онъ давалъ уже однако своему зданію стиль и размѣры новаго европейскаго общества. Императорская власть получила окончательную организацію отъ Константина Великаго, и большая часть ея чертъ замѣтны на монархической власти новой Европы.

Любопытно взглянуть на отношеніе христіанства къ императорской власти.

Христіанство никогда не становилось въ оппозицію противъ существующаго образа правленія, никогда подъ владычествомъ Римской имперіи не предъявляло претензій преобразовать его по своимъ началамъ. Гонимое императорами, оно признавало власть ихъ и повиновалось существующимъ властямъ. «Христіане, говоритъ одинъ изъ христіанскихъ писателей II вѣка, не отличаются отъ другихъ народовъ ни языкомъ, ни одеждою, ни обычаями, они не заключаются въ особыхъ городахъ, они остаются среди грековъ и варваровъ, къ которымъ принадлежатъ по рожденію.» Въ ихъ храмахъ возносились молитвы за императора (часто гонителя); они молили о дарованіи ему спокойнаго царствованія, побѣды его оружію, вѣрнаго совѣта и мира народу. Въ переворотахъ и возмущеніяхъ, которыми такъ богата исторія Римской имперіи, нѣтъ слѣдовъ участія христіанъ, какъ извѣстной секты, извѣстной партіи. Христіане всегда были защитниками принципа повиновенія существующей власти. И однако въ ожесточенныхъ гоненіяхъ, воздвигнутыхъ императорами на христіанъ, главнымъ побужденіемъ была, конечно, не религіозная нетерпимость, а политическая ненависть и подозрѣніе. Дѣйствительно, при всей своей покорности импе-

раторской власти, христіане были самыми сильными врагами ея. Первымъ ударомъ нанесеннымъ самой основѣ римской императорской власти христіанствомъ были слова Спасителя: «Воздадите кесарева кесареви, а Божія Богови.» Императоръ становился простымъ магистратомъ. Исчезла его божественность, признаваемая языческимъ Римомъ. Своимъ ученіемъ, своею жизнію христіане протестовали противъ существующаго порядка, даже покоряясь ему, не признавая за собою права сопротивленія. Всѣ основы римскаго общества должны были переработаться подъ вліяніемъ христіанства, и принятіе новаго ученія было отреченіемъ отъ всего историческаго прошедшаго. Начало распространенія христіанства было началомъ конечнаго разложенія государственныхъ и общественныхъ формъ Рима. Въ этомъ видно не одно хронологическое совпаденіе. Къ римскому быту христіанство чувствовало неодолимое отвращеніе. Уже въ пророческихъ видѣніяхъ Апокалипсиса въ образѣ жены любодѣйки, упившейся кровію святыхъ и кровію свидѣтелей Іисусовыхъ, трудно не признать языческаго Рима. Христіанство, не возставая противъ римскихъ императоровъ, шло однакоже на встрѣчу варваровъ, долженствовавшихъ разрушить имперію, громко высказывало свои симпатіи къ суровымъ и полудикимъ племенамъ и признавало ихъ нравственное превосходство даже передъ христіанскими римлянами. Христіанская церковь не отвращалась передъ мыслію о паденіи Рима даже принявшаго христіанство. Христіанскіе мыслители любили спрашивать отчета отъ имперіи въ томъ, какое благо принесла она человѣчеству, любили унижать римскую доблесть и видѣть блестящій порокъ тамъ, гдѣ римляне удивлялись высокой добродѣтели. Ни религія, ни наука, ни слава Рима не пощажены христіанскими писателями. Самое признаніе христіанства господствующею религіею государства, самое возведеніе христіанства на тронъ цезарей въ лицѣ Константина и его преемниковъ не смягчали его враждебности къ римскому міру. Реформа, произведенная въ государственной конституціи Константиномъ Великимъ, столь же мало возбуждала въ нихъ сочувствія, какъ и реформы гонителя Діоклетіана. Приведу многознаменательныя слова бл. Августина; въ нихъ лучше всего видно отличіе христіанскаго воззрѣнія на имперію и отъ старо-римскаго и отъ того, которое выработано было учеными юристами, со временъ Септимія Севера, окружавшими императоровъ. Заимствую эти слова изъ IV книги знаменитаго сочиненія епископа Гиппоны: «О градѣ Господнемъ (De civitate Dei)», самаго краснорѣчиваго оправ-

данія съ точки зрѣнія христіанской совершавшемуся распаденію Римской имперіи:

«Отстранивъ понятіе о правдѣ (remota justitia), что̀ такое будутъ царства, если не разбойничья шайка въ огромныхъ размѣрахъ (nisi magna latrocinia), ибо что̀ иное разбойничья шайка какъ не царство въ маломъ видѣ? И тамъ собраніе людей, повинующихся единой власти, и тамъ въ основѣ лежитъ договоръ, и тамъ, по извѣстнымъ законамъ, дѣлится добыча. Если на бѣду эта шайка, вслѣдствіе присоединенія къ ней погибшихъ людей, разрастется въ большіе размѣры, такъ что займетъ извѣстную область и получитъ осѣдлость и овладѣетъ городами и подчинитъ народы, она открыто присвоитъ себѣ имя царства, имя, которое, очевидно, дается ей, не вслѣдствіе отреченія отъ любостяжанія, а вслѣдствіе пріобрѣтенія безнаказанности. Остроумно и вѣрно отвѣтилъ Александру Македонскому одинъ взятый въ плѣнъ морской разбойникъ: «По какому праву — спросилъ его царь — смѣешь ты грабить на морѣ?» «По тому же — смѣло отвѣтилъ разбойникъ — по какому ты опустошаешь земли. Меня зовутъ разбойникомъ, потому что у меня ничтожный кораблик; тебя зовутъ завоевателемъ, ибо ты имѣешь огромный флотъ.»

Бл. Августинъ писалъ свое сочиненіе подъ властію христіанскихъ императоровъ Рима, въ виду приближавшихся варваровъ. Въ своемъ обличеніи онъ не дѣлаетъ различія между конституціями Августа, Септимія Севера, Діоклетіана, или Константина Великаго. Общимъ осужденіемъ онъ покрываетъ все, что носитъ на себѣ болѣе или менѣе рѣзкую печать языческихъ основаній. Церковь желаетъ полнаго отреченія отъ прежнихъ началъ, а не видоизмѣненія ихъ. Въ основу своихъ понятій о монархической власти она положила прежде всего библейское воззрѣніе, а изъ VIII главы Книги Самуила (I Царствъ) мы знаемъ, какое было это первоначальное воззрѣніе. Церковь воспользовалась также и понятіями, выработанными римскими юристами, по скольку они не противорѣчили христіанско-библейской основѣ. Въ исторіи монархической власти новой Европы мы видимъ борьбу этихъ двухъ стихій: христіано-библейской и римско-юридической. Творенія римскихъ юристовъ были надежною точкою опоры для зарождавшагося абсолютизма новой Европы. Легисты, воспитанные на преданіяхъ римскаго права, оказали монархической власти во Франціи точно такую же услугу, какъ болонскіе доктора римскаго права власти германскихъ императоровъ. Тѣ и другіе засудили, на основаніи римскихъ положеній, не только феодализмъ, стоявшій почти неодолимой преградой на пути развитія европейскаго общества, но

и свободныя учрежденія городскихъ общинъ и всѣ политическія гарантіи противъ произвола. Вселенская церковь послѣдняго времени Римской имперіи требовала, чтобы въ основѣ власти лежала идея правды. Католическая церковь въ средніе вѣка требовала полнаго подчиненія свѣтской власти и авторитету римскихъ первосвященниковъ. Въ борьбѣ съ теократіей свѣтская власть на западѣ обратилась снова къ юридической практикѣ и къ теоріямъ присяжныхъ юрисконсультовъ римскихъ императоровъ, точно также какъ изъ преданій Римской имперіи вынесла она и стремленія къ централизаціи и институтъ крѣпостного права и фискальное управленіе. Потому-то въ исторіи среднихъ вѣковъ не разъ приходится обращаться ко временамъ древней имперіи, чтобы понять смыслъ явленій, совершавшихся въ новой Европѣ.

С. Ешевскій.

III.

ДАНТЕ

и

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ КАТОЛИЧЕСТВА.

I.

Возносясь по слѣдамъ Беатриче, Данте увидѣлъ, въ небѣ Марса, души тѣхъ, которые пролили кровь за Господа и за церковь. Онѣ сложились въ образѣ креста и блестятъ крупными и мелкими звѣздами, какъ между полюсами млечный путь (Galassia), надъ тайной котораго задумываются мудрецы [1]). Одна звѣзда скатывается къ подножію креста — это душа Каччьягвиды, одного изъ предковъ Данте, убитаго въ Палестинѣ въ крестовомъ походѣ Конрада III. Онъ пришелъ поговорить съ правнукомъ о старомъ добромъ времени, какъ онъ его помнитъ, когда Флоренція еще не выходила изъ предѣловъ своихъ древнихъ стѣнъ, люди были просты и матери сидѣли дома, убаюкивая своихъ дѣтей родною рѣчью, разсказами про Трою, Фьезоле и вѣчный Римъ. Теперь все это измѣнилось, жалуется Каччьягвида; исчезла античная простота нравовъ, уже женщины не отходятъ отъ зеркала неприкрашенныя и ненарумяненныя, какъ бывало прежде; городъ разросся, потянувъ въ себя окружную Кампанью, и гордый своимъ родомъ аристократъ никакъ не мо-

[1]) Par. c. XIV, vv. 96—99.

жетъ помириться съ мыслью, что наплывъ пришлаго деревенскаго населенія могъ измѣнить наслѣдственную чистоту флорентійской крови [1]). И онъ принимается горевать надъ грядущими бѣдами родного города и самому Данте прочитъ ссылку.

Non vo' però, ch' a' tuoi vicini invidie,
Poscia che s'infutura la tua vita
Vie più là che'l punir di lor perfidie.
Par. c. XVII, vv. 97—9.

«Но ты не завидуй имъ: ты еще переживешь кару, которая постигнетъ ихъ нечестіе». Пророчество Каччьягвиды было разсчитано на ближайшее время; можетъ быть, его нашептала поэту надежда, никогда не оставлявшая его: надежда возврата и оправданія. Надежда не сбылась, какъ извѣстно; но пророчество уже давно начало сбываться, и 14 мая 1865 года завершилось на нашихъ глазахъ торжественной жертвой очищенія: та же самая Флоренція, которая изгнала поэта изъ своихъ стѣнъ, праздновала теперь его шестисотлѣтній юбилей. Поэту, дѣйствительно, нечего было завидовать минутному торжеству современныхъ партій: онъ пережилъ ихъ всѣхъ — не переживши самого себя.

Очистительная жертва памяти поэта началась впрочемъ гораздо раньше — при ближайшемъ поколѣніи. Уже Боккачіо твердилъ о ней, когда наканунѣ смерти, подрываемый медленной болѣзнью, онъ комментировалъ Божественную комедію въ церкви Santo-Stefano: «Неблагодарная родина! Какое безуміе побудило тебя изгнать твоего поэта? Какими преимуществами гордишься ты, что позволила себѣ изгнать такого гражданина, которому ни одинъ сосѣдній городъ не можетъ указать равнаго!..... Открой глаза, посмотри и постыдись: умеръ твой Данте, въ изгнаніи, на которое ты обрекла его; онъ покоится подъ другимъ небомъ и тебѣ больше не видать его, развѣ въ тотъ день, когда увидишь всѣхъ твоихъ гражданъ со всѣми ихъ прегрѣшеніями передъ лицомъ праведнаго Судьи!» Онъ совѣтуетъ флорентійцамъ обратиться къ жителямъ Равенны съ просьбою объ уступкѣ тѣла Данте, хотя напередъ увѣренъ, что оно не будетъ возвращено.

Интересно, что почти непосредственно по смерти Данте его начали *изучать*, комментировать, какъ изучаютъ древніе тексты, какъ въ старину писались глоссы къ римскому кодексу, къ «Суммѣ теологіи» Ѳомы Аквината. Уже Боккачіо обращается къ нему какъ толкователь, вдумывающійся въ тайный смыслъ непонятнаго слова, хоть это слово только вчера перестало звучать. Какъ

[1]) Par. c. XVI, vv. 49—51.

спеціалистъ, привыкающій любить свою спеціальность, онъ дѣлается ревностнымъ поклонникомъ Данте и собственноручно переписываетъ Божественную комедію, чтобъ подарить ее Петраркѣ, которому она была незнакома. Все это даетъ мѣру того отношенія, въ которое стала къ Данте ближайшая къ нему эпоха. О немъ начинала составляться цѣлая легенда, какъ о лицѣ, на которое успѣло налечь нѣсколько слоевъ исторической пыли. Онъ какъ будто завершающій камень, на которомъ ничего далѣе не строится, — гигантскій аккордъ во весь оркестръ, въ которомъ замерла эпическая симфонія средневѣкового католичества. Непосредственно за нимъ слѣдуетъ буйный разгулъ Декамерона.

Для позднѣйшихъ комментаторовъ разстояніе должно было увеличиться само собою, стало быть и потребность въ комментаріи стала больше. Чѣмъ дальше они стояли отъ поэта, тѣмъ меньше понимали смыслъ его частыхъ намековъ на современныя ему политическія обстоятельства; его страстныя выходки, объяснимыя борьбою партій, трудно подавались на толкованіе, потому что недоставало самой страсти. Наконецъ, и время ушло впередъ, и давно перестали ходить въ школу къ схоластикамъ, углубляться въ «Сумму теологіи», въ которую углублялся Данте. И комментаторы ревностно принялись толковать, что было для нихъ непонятнаго въ Божественной комедіи, и всякій, разумѣется, думалъ видѣть въ ней то, чего ему хотѣлось, т. е. что онъ могъ понять. Платонизирующіе ученые XV и XVI вѣковъ внесли въ нее свои видѣнія, на которыя впрочемъ Данте легко подавался, такъ какъ самъ онъ ходилъ въ школу къ платоническому св. Бонавентурѣ. Многихъ это насильственное внесеніе философскаго смысла можетъ не удовлетворить, какъ не удовлетворило оно, напр., Пиччи. Ландино, Сансовино, Vellutello, Daniello и др. ему не нравятся, говоритъ Шлоссеръ [1]): «Признаемся, нѣсколько болѣе расположенные къ мистицизму, чѣмъ новѣйшіе итальянцы, мы многому научились отъ Ландино и Веллутело, которыхъ толкованія, на сколько они не касаются жизненной практики и нападокъ на духовенство, пришлись намъ тѣмъ болѣе по сердцу, что они не очень искусственны и не натянуты. Мы, впрочемъ, не желаемъ навязывать ихъ другимъ, потому что въ Данте мы искали не столько свѣта, сколько облака, въ которое уходили отъ горькой дѣйствительности и безъотраднаго свѣта исторической критики.» И далѣе онъ продолжаетъ на ту же тему: «Разнообразныя толкованія такого всеобъемлющаго произведенія, какъ Божественная комедія, могутъ въ одно и тоже время

[1]) Dante, Studien von Fr. Ch. Schlosser. Leipzig u. Heidelberg. Winter, 1855, pp. 41—42.

удовлетворить самые противоположные умы, при чемъ очень мало приходитъ въ разсчетъ, *что собственно думалъ и какъ чувствовалъ самъ поэтъ, потому что онъ былъ только органомъ высшаго, присущаго всему человѣчеству и въ одиночныхъ личностяхъ проявляющагося, духа*, и его трудъ, какъ свободное творчество также богатъ разнообразнымъ смысломъ, какъ всякое другое проявленіе божественной, творческой силы во внѣшнемъ мірѣ». Отмѣривъ такимъ образомъ толкованію широкій лирическій просторъ, упрекнувъ французовъ и новѣйшихъ итальянцевъ въ отсутствіи всякой склонности къ созерцанію и къ внутренней самозаключенной жизни, Шлоссеръ выгораживаетъ самого себя и свою любовь къ платоническимъ комментаторамъ XV вѣка, тѣмъ болѣе, «что они отвѣчали внутренней потребности его души». И этой внутренней потребностью души онъ руководится и начинаетъ толковать Божественную комедію по Ландино и Веллутело.

Блестящій примѣръ Шлоссера можетъ служить намъ образчикомъ того критическаго метода, которому слѣдовала и еще слѣдуетъ большая часть комментаторовъ Данте. Странная вообще участь великихъ людей, этихъ органовъ всему человѣчеству присущаго божественнаго духа! Какъ сами они стояли въ челѣ своего времени, выдвинутые имъ, носители его идей, его міровыхъ представленій, его загробныхъ желаній, такъ всякая послѣдующая эпоха въ свою очередь спѣшитъ овладѣть ихъ величавыми образами и къ нимъ привязать руководящія идеи своего развитія. Какъ будто оттого ея надежды становятся сбыточнѣе, что нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ тѣ же надежды высказаны были какимъ-то великимъ человѣкомъ. И такъ, съ каждой эпохой, пока еще не вымерла въ насъ сила преданія, и мы, не установившись на прочныхъ положительныхъ требованіяхъ, неувѣренные въ своемъ правѣ, все еще ждемъ, чтобъ наше прошлое сказало за насъ слово. Какъ отъ всего этого приходится иногда нашимъ великимъ людямъ, легко себѣ представить.. Они дѣлаются какими-то собирательными существами, въ которыхъ каждая мимоидущая пора складываетъ свои прошедшія страданія и свой завѣтъ будущему. Если въ XIII столѣтіи Данте отразилъ въ себѣ поэтическую космогонію среднихъ вѣковъ католичества, то въ XV его заставили отзываться на платоническія пренія флорентійскихъ академій; въ XVI онъ принужденъ былъ пойти въ сравненіе съ Гомеромъ и благодушно выслушивать грамматическія тонкости блюстителей чистоты языка [1]). Потомъ поочe-

[1]) Срав. Ortensio Lando: «Sforza degli scrittori antichi e moderni». Venezia, 1550. Онъ называетъ Данте «uomo di soverchio ardito nel rimare e che si fa con l'oscurità

редно онъ становился еретикомъ, революціонеромъ, рьянымъ защитникомъ единой Италіи — всегда по требованію времени. На бѣду ему случилось сказать нѣсколько рѣзкихъ словъ, по поводу распущенности современнаго духовенства, и нѣсколькихъ папъ помѣстить въ преисподнюю. На нравы духовенства нападалъ тогда не одинъ онъ, на нихъ обращали постоянное вниманіе и римская курія и соборы — и никто не выводилъ изъ этого заключенія о реформаціонныхъ попыткахъ римской церкви, пришедшей къ сознанію своей собственной грѣховности. Что между папами было много несостоятельныхъ—это тоже никому не могло быть тайной, и не одинъ Данте считалъ ихъ достойными, по крайней мѣрѣ, чистилища. Всѣ эти благочестивыя нападки, совершенно соединимыя съ должнымъ уваженіемъ къ существующей религіи, въ терцинахъ Данте становились подозрительными. Не довольно было объяснить ихъ обыкновеннымъ негодованіемъ,—ихъ возвели къ другому, болѣе скрытому источнику: изъ Данте сдѣлали заговорщика и реформатора, всю Божественную комедію—однимъ длиннымъ заговоромъ. Россетти, итальянскій изгнанникъ, комментировавшій Божественную комедію въ Лондонѣ, доказываетъ это до подробностей: послушать его, такъ вся итальянская поэзія XIII — XV вѣковъ не что иное, какъ одно сплошное франкмасонство во всѣхъ возможныхъ поэтическихъ видахъ, въ сонетахъ, дивирамбахъ и видѣніяхъ загробнаго міра. Беатриче Данте, Лаура Петрарки, даже прозаическая Фіамметта Боккаціо—все это не что иное, какъ политическія аллегоріи, безъ тѣла и крови; терцины Данте и воркованія Петрарки — условные знаки партій. Замѣтьте — говоритъ Россетти — только стихи гибеллинскихъ поэтовъ носятъ на себѣ тотъ эротико-платоническій покровъ, о который разбивается пытливое вниманіе комментаторовъ; всѣ они воспѣваютъ женщину, къ которой питаютъ безграничную любовь; поэты гвельфской партіи, напротивъ, просты, ясны, и любви не знаютъ. Не заставляетъ ли все это предполагать, что за неестественною восторженностью Гибеллиновъ

---

e bizzaresco spirito tener molto bestiale». Тому-же Ландо приписывается хотя и не съ совершенною достовѣрностью «Discorso nel quale si mostra l'imperfezione della Commedia di Dante», изданный подъ именемъ Ridolfo Castravilla. О Божественной комедіи, тамъ говорится между прочимъ, что tant'è lontano che sia quel, che dice il Varchi nel suo Ercolano, un oceano di tutte le meraviglie, che anzi *non è pur poema;* e dato, e non concesso, che fosse poema, *non è poema eroico;* e dato che fosse poema eroico, *è infra poemi eroici malo poema, ed é tutto pieno d'imperfezione in tutte le sue parti, cio è nella favola* — dato che avesse favola, *e nel costume e nella Dianea,* o vogliasi dir concetto, *e nella dizione* o si dica Eloquenza». Такъ узкіе принципы классической реторики прилагались къ произведенію „al quale ha posto mano e cielo e terra".

кроется тайный смыслъ, недоступный толпѣ? Вся Италія раздѣлялась тогда на двѣ партіи, и условная стихотворная рѣчь прикрывала для одной изъ нихъ политическія рѣчи..... Гибеллины составляли тайное общество, съ условными выраженіями и шифрами; кто хотѣлъ быть понятымъ всѣми, тотъ писалъ по-латыни, въ противномъ случаѣ онъ пользовался народнымъ языкомъ и аллегорическими оборотами. Оттого такъ темны всѣ стихотворенія Петра de la Vigna, Фридриха II, Giacomo da Lentino, Guido Guinicelli, и многія мѣста Данте; всюду идеальные вздохи по какой-то тѣни; любовь (amore) означала для нихъ ненависть къ папской власти, madonna — императора; когда говорили о живыхъ (vivi), разумѣли Гибеллиновъ; мертвые (morti) были Гвельфы. Восьмидесятилѣтній старикъ умираетъ, какъ того слѣдуетъ ожидать въ его возрастѣ: «Плачьте мадонны» — восклицаетъ по этому поводу поэтъ Гибеллинъ — «плачьте любовники всѣхъ странъ! Мессеръ Чино умеръ! онъ умиралъ уже три раза, но теперь онъ въ самомъ дѣлѣ скончался». Это должно означать, по толкованію Россетти, что мессеръ Чино былъ человѣкъ непостоянный въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ и до трехъ разъ мѣнялъ знамя; любовники, которыхъ поэтъ приглашаетъ къ похоронному плачу, это члены тайныхъ обществъ; мадонны — ихъ руководители. И такъ во всемъ остальномъ. Мы оставляемъ за Россетти его проницательность, какими бы побужденіями она ни была вызвана. Въ частностяхъ онъ можетъ быть напалъ на удачное разрѣшеніе нѣкоторыхъ стихотворныхъ загадокъ, за то пониманіе цѣлаго убѣгало отъ него всякій разъ, какъ онъ подходилъ къ нему вооруженный своею теоріей. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: его теорія слишкомъ послѣдовательна, и эта послѣдовательность основана на слишкомъ не большомъ количествѣ односторонне истолкованныхъ фактовъ, чтобы свободное развитіе исторіи могло улечься въ положительныя мѣрки, не выбиваясь наружу. Если аллегоріи гибеллинскихъ поэтовъ въ самомъ дѣлѣ скрывали широкій заговоръ итальянскаго народа противъ авторитета римской церкви, то намъ оставалось-бы только удивиться, какъ онъ ни разу не обнаружился и не сказался въ большемъ числѣ фактовъ. Намъ толкуютъ о какой-то тайной попыткѣ реформы, задуманной за долго до реформаціоннаго движенія XV и XVI вѣковъ — а между тѣмъ въ самый разгаръ гибеллинскихъ аллегорій Jacopo Passavanti собираетъ въ своемъ «Specchio della vera penitenza» золотыя легенды католичества; Jacopone di Todi доходитъ до крайностей мистическаго восторга: нищенскіе ордена основались, и св. Францискъ d'Assisi пропѣлъ свой гимнъ солнцу; Бонифацій VIII зоветъ въ Римъ на празднество юбилея

весь крещеный людъ, Данте выноситъ оттуда мысль Божественной комедіи, какъ многіе думали, и какъ Виллани на самомъ дѣлѣ вывезъ планъ своей хроники, о чемъ онъ самъ и сообщаетъ. Схоластическая философія вошла въ третью пору своего развитія и одолжена ею почти исключительно Италіи, что ни говоритъ Cousin, который хотѣлъ бы отдать Франціи и Ѳому Аквината и св. Бонавентуру. Если рвеніе крестовыхъ походовъ успѣло улечься, то лишь для того, чтобы подъ верховнымъ руководствомъ папъ вырѣзать Альбигойскую ересь. Нигдѣ религіознаго протеста, хотя жалобы на злоупотребленія и могли подыматься, и въ слѣдующемъ столѣтіи запечатлѣлись рѣзкимъ смѣхомъ новеллы. Но послѣ этого всѣ лучшіе папы — реформаторы; между тѣмъ они только были послѣдовательны въ строгомъ отдѣленіи алтаря отъ его служителей: если первый неприкосновененъ, то послѣдніе могутъ падать по извинительной слабости плоти.

Что касается вѣковой распри Гвельфовъ и Гибеллиновъ, то въ сущности она никогда не была религіозной, хоть на сторонѣ послѣднихъ и чаще стояли папы. Кто сколько нибудь знакомъ съ политической исторіей того времени, тотъ знаетъ, какъ не осязаемы въ своемъ значеніи эти клички двухъ партій, къ которымъ привыкли пристраивать всю исторію средневѣковой Италіи, и какъ часто онѣ переходили отъ одного знамени къ другому [1]). Въ религіозныхъ партіяхъ мы обыкновенно не встрѣчаемъ такого непостоянства; борьба въ самомъ дѣлѣ была политическая въ своей задачѣ и въ послѣдствіяхъ. Папа могъ называть императора еретикомъ, антихристомъ и всѣми ораторскими украшеніями папской буллы; императорская партія, съ своей стороны, могла казаться посягающею на прерогативы римской церкви, посягая на свѣтскій авторитетъ папы. Все это, разумѣется, догмата нисколько не касалось. Между тѣмъ, на основаніи подобнаго рода данныхъ, хотѣли сдѣлать изъ Фридриха II что-то въ родѣ преобразователя, замышлявшаго религіозный расколъ въ средѣ католической церкви, вскормившей его на своемъ лонѣ; Петръ de la Vigna, его ученый канцлеръ — это верховный апостолъ, на которомъ должна была основаться крѣпость будущей церкви; кстати подавалось на сравненіе и самое имя Петра, и въ дошедшей до насъ перепискѣ какъ будто попадаются на это аллегорическіе намеки. Литературный дворъ, окружавшій Фридриха II, зараженный близостью востока и философіей Аверроэса, являлся главнымъ разсадникомъ раскола. Все

---

[1]) См. «Dante et la philosophie catholique au XIII siècle», Озанама; и Ferrari, «Histoire des révolutions d'Italie» passim.

это Huillard-Bréholles открылъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ введеніи къ изданной имъ дипломатической исторіи Фридриха II [1]). Ему отвѣчали De Blasiis [2]) и Waitz [3]): они упрекали автора въ увлеченіяхъ, составляющихъ слабую сторону теоріи Россетти, въ исканіи какого-то тайнаго смысла въ метафорическихъ выраженіяхъ библейскаго стиля, освященныхъ церемоніаломъ полувосточнаго двора, въ которыхъ, если хотите, велико искаженіе библіи, но о новой императорской церкви и помину нѣтъ. Huillard-Bréholles написалъ по этому поводу цѣлую книгу о Петрѣ de la Vigna, главнымъ образомъ на основаніи его переписки [4]). Мы прочли книгу и нисколько не убѣдились въ томъ, что хотѣлъ бы доказать ея авторъ: будто XIII вѣкъ есть вѣкъ потрясенный до своихъ крайнихъ соціальныхъ слоевъ, движимый неяснымъ желаніемъ религіознаго обновленія, самымъ насущнымъ вопросомъ, какой, когда бы то ни было, ставили себѣ люди: кому будетъ управлять міромъ — свѣтской или духовной власти, папѣ или императору? «Другого, съ точки зрѣнія искусства, можетъ быть поразитъ величаво-разумное устройство готическихъ соборовъ», говоритъ далѣе нашъ авторъ; *«но на самомъ дѣлѣ въ нихъ слѣдуетъ видѣть зарожденіе свѣтской школы, архитектуры и упадокъ церковнаго преданія.* Громадныя зданія, назначенныя, по мысли своихъ основателей, принимать подъ свои тройчатые своды все общество, отвѣчать всѣмъ его духовнымъ потребностямъ, уже не отвѣчаютъ болѣе ни движенію его мысли, ни его жизненнымъ переворотамъ; многіе изъ соборовъ такъ и остались неконченными. Перейдя въ другую сферу идей можно удивиться глубокому, систематическому уму такого мыслителя, какъ св. Ѳома Аквинатъ, неизмѣнному служенію правдѣ въ Лудовикѣ Святомъ — но все это только исключенія. Самъ Лудовикъ Святой, уже по тому одному что въ немъ нѣтъ ни одного изъ недостатковъ и крайностей его времени, не можетъ быть вѣрнымъ представителемъ настоящаго XIII вѣка, хотя онъ и связанъ съ

---

[1]) Introduction à l'histoire diplomatique de l'empereur Fréderic II.

[2]) Della vita e delle opere di Pietro de la Vigna. Ricerche storiche di Giuseppe de Blasiis, Napoli. 1860, 1 v.

[3]) Götting. Gelehrte Anzeigen 1861 № 24: «Zu dieser Annahme veranlassen den Verfasser aber auch nur einige schwülstige und geschmacklose, aus Reminiscenzen oder Theilen biblischer Sätze gebildete Redewendungen einzelner Anhänger Friedrichs, die kaum irgend welche andere Bedeutung haben, als die, zu zeigen, wie auch orientalische Schmeicheleien in der Umgebung des Kaisers immer mehr Eingang haben», etc.

[4]) Huillard-Bréholles: Vie et correspondance de Pierre de la Vigne, ministre de l'empereur Fréderic II, avec une étude sur le mouvement réformiste au XIII siècle. Paris. 1864.

нимъ нѣкоторыми отношеніями, монашескимъ аскетизмомъ и независимымъ положеніемъ относительно папскаго престола. Вообще, онъ *представляетъ высшій нравственный идеалъ, не принадлежащій тому либо другому вѣку, но который можетъ стать образцомъ во всѣ возрасты человѣчества*, какія бы впрочемъ ни были его политическія отношенія. На нашъ взглядъ единственнымъ полнымъ представителемъ этой эпохи бурной, ломающей, скептической, былъ Фридрихъ II».

Такъ, въ угоду предвзятому мнѣнію, цѣлый вѣкъ принужденъ совлечь съ себя вѣтхаго человѣка, изъ религіознаго, легендарнаго, готическаго пойти въ предвѣстники реформаціи. Онъ долженъ проститься съ своимъ Ѳомой Аквинатомъ, который былъ только исключеніемъ изъ него; самъ Лудовикъ Святой испаряется въ какого-то отвлеченнаго великаго человѣка, носителя общечеловѣческихъ идей, страдальца за все историческое человѣчество, какого Шлоссеръ хотѣлъ бы видѣть въ Данте.

Вообще, прежде чѣмъ говорить о реформѣ, надо бы напередъ условиться, что понимать подъ реформой. Въ послѣднее время намъ такъ часто толковали о предшественникахъ великаго сѣвернаго движенія въ XIII, XII, XI и еще въ болѣе отдаленныхъ вѣкахъ, что мы рѣшительно опустили руки въ неизвѣстности, гдѣ начать и на чемъ остановиться. Намъ кажется весь вопросъ сводится къ petitio principii: не всякій протестъ есть реформа, хотя всякая реформа предполагаетъ протестъ. Если смѣшивать то и другое, какъ теперь часто дѣлается, то послѣ этого въ первомъ человѣкѣ, который перевязалъ ремень у сапога, потому что ремень рѣзалъ ногу, придется признать перваго реформатора, и изъ великихъ. Между тѣмъ онъ сдѣлалъ только первый amendement къ биллю не имъ предложенному, обрекавшему свободную ногу на хожденіе въ стѣсняющей обуви. Если хотите — кто выдумалъ обувь, былъ первый реформаторъ. Мы, по крайней мѣрѣ, съ понятіемъ реформы соединяемъ понятіе о новыхъ принципахъ, вмѣстѣ съ нею пришедшихъ въ жизнь, чего протестъ вовсе не предполагаетъ. Протестуется во имя одного вѣчнаго принципа свободы, противъ всѣхъ возможныхъ соціальныхъ и физическихъ гнетовъ, стѣсняющихъ развитіе этой свободы; протестъ самъ по себѣ всегда отрицателенъ, послѣ него всегда возможно возвращеніе къ старому; онъ только удаляетъ гнетъ, но не предотвращаетъ его, потому что не предполагаетъ преобразовательной силы, пересоздающей отношенія, вызывающей новыя формы жизни. Эпоха Фридриха II и Данте была именно такой эпохой протеста: протеста политическаго, соціальнаго, коммунальнаго, религіознаго, если хотите; ремни рѣзали всюду,

и тѣло сильно наболѣло, но умѣнья не хватило даже развязать ремня у сапога, не то чтобъ освободиться отъ него совершенно. Еще реформація была за горами съ своей силой, разрушающей и создающей вмѣстѣ; но реформаторы были вмѣстѣ съ тѣмъ и протестантами.

Мы не столько остановились на грамматическомъ отличіи словъ, остающихся во всякомъ случаѣ условными, растяжимыми, смотря по значенію, которое съ ними соединяютъ, сколько старались выяснить отношеніе понятій, которыя мы часто не раздѣляемъ, сами не замѣчая непріятныхъ практическихъ послѣдствій, какія ведетъ за собою подобное смѣшеніе. Распространяя такимъ образомъ на прошлые вѣка наши настоящія требованія, наши гаданія, мы поневолѣ дѣлаемся солидарными съ этимъ прошлымъ и заставляемъ его отвѣчать за насъ, и потому самому поставлены въ необходимость отвѣчать за него. Такимъ образомъ, мы никогда не выходимъ изъ круга исторически-патріархальныхъ отношеній, гдѣ прошлые вѣка сидятъ отцами, дѣдами, набольшими въ семействѣ, а мы являемся дѣтьми и юношами, которыхъ вѣчно приструнаваетъ строгое слово стараго дѣда, и мы ничего не говоримъ такого, что бы не было сказано до насъ и за насъ. Собственно говоря, мы ничего не говоримъ отъ себя, потому что всегда оглядываемся назадъ, на вѣщее слово; мы не говорящіе люди, не *μέροπες ἄνθρωποι* Гомера — нашу личность поглотило историческое право. Это то же самое смѣшеніе, которое заставляетъ нашихъ великихъ людей отзываться на всѣ очередные вопросы дня, лишая ихъ исторической почвы и растягивая ихъ личность до космополитическихъ размѣровъ. Встрѣчаясь съ ними, мы всегда ожидаемъ встрѣтить въ нихъ самихъ себя и только для приличія одѣваемъ ихъ въ античныя платья по Kostümkunde Вейса.

Мы видѣли, что̀ подобная критическая метода поочередно дѣлала изъ Данте, и наперед знаемъ, чего ждать отъ его комментаторовъ, старыхъ и новыхъ. Въ крайнемъ случаѣ мы дознаемся отъ нихъ, какъ ихъ время смотрѣло на пѣвца Божественной комедіи, какія философскія системы были въ ходу, и какія политическія теоріи созрѣвали въ современной имъ соціальной средѣ. Мы поочередно знакомимся съ вѣкомъ Боккачіо, Ландино, Daniello, потомъ съ Вентури, Вольпи, Коста и т. п., съ Томмазео и Россетти; вѣкъ и понятія самого Данте обрисовываются не ясно сквозь противорѣчивую мглу толкованій. Въ этомъ случаѣ вѣрнѣе всего объяснять Данте изъ него самого, какъ дѣлаетъ Giuliani, наслѣдникъ Боккачіо на дантовской каѳедрѣ во Флоренціи; лишь бы поменьше богословія и оффиціаль-

ныхъ патріотическихъ вздоховъ [1]). Blanc, профессоръ въ Галле и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Данте въ Германіи, недавно издавшій свой переводъ Божественной комедіи [2]), слѣдовалъ той же методѣ толкованія, ограничиваясь, впрочемъ, однимъ филологическимъ комментаріемъ и не вдаваясь въ изслѣдованіе, скрытаго подъ аллегоріей, смысла [3]). Отъ подобнаго рода работъ мы ожидаемъ всего болѣе результатовъ, какъ и съ другой стороны не можемъ не радоваться всякой новой попыткѣ, какъ бы она ни была мелочна, исторически выяснить такую интересную эпоху, какъ XIII и XIV вѣка, эпоху Данте и Фридриха II. Въ матеріалахъ нѣтъ недостатка; многое было собрано старыми комментаторами, многое еще лежитъ въ архивахъ; надо только умѣть богатство комментаторовъ освободить отъ ложнаго освѣщенія, стряхнуть съ архивовъ залежавшуюся пыль. Такому двойному труду мы одолжены книгой извѣстнаго Karlo Troja «Del veltro allegorico de' Ghibellini», въ которой по поводу дантовскаго *veltro* онъ сообщилъ много новыхъ подробностей о взаимныхъ отношеніяхъ Гвельфовъ и Гибеллиновъ и о главныхъ вождяхъ императорской партіи, собранныхъ Данте въ аллегорію борзой собаки (veltro) [4]), преслѣдующей римскую волчицу. Нѣчто подобное сдѣлалъ Тонини по поводу поэтическаго эпизода Франчески di Rimini [5]), разъяснивъ ея генеалогію, обстоятельства ея брака и несчастной любви. Изъ многого мы выбираемъ немногое, потому что, если бы все поминать, пришлось бы дать полную библіографію Данте — а

---

[1]) Giulianei Giambatista, Metodo di commentare la Divina commedia di Dante Alighieri, 1 v.

[2]) Dante Alighieri, Die göttliche Komödie, übersetzt und erläutert von L. B. Blanc. 1864, Halle.

[3]) Blanc, Versuch einer blos philologischen Erklärung mehrerer dunklen und streitigen Stellen der göttlichen Komödie. Die Hölle. 2 Hefte, Halle, 1860 — 1: «Dieser allegorische Sinn aber ist seit Jahrhunderten durch die verschiedenen Versuche älterer und besonders neuerer Ausleger so gründlich mit Hypothesen aller Art verschüttet und verwirrt, dass ich weder den Muth, den Faden der aus diesem Labyrinthe führen könnte, zu suchen, noch die Hoffnung ihn zu finden in mir verspüre, und das um so weniger, *als bei jeder versuchten Erklärung man viel mehr noch, als bei dem Versuch ein Räthsel zu lösen, zuletzt immer noch in der traurigen Ungewissheit bleibt, ob man auch wirklich das Rechte gefunden* und ob nicht dennoch der Dichter eine ganz andere noch tiefer versteckte Beziehung in sein Werk gelegt habe. Срав. Blanc, Saggio di una interpretazione filologica etc., prima versione italiana con proemio, osservazioni ed aggiunte di O. Occioni, Trieste, 1865. Альфьери говорилъ почти тоже: кто хочетъ изучать и понимать Данте долженъ отложить въ сторону всякій комментарій.

[4]) См. Diez, Etymolog. Wörterbuch. Veltro=vertragus Марціала, средневѣк. veltrahus, veltrum, veltrem, *ουέρτραγος* Ael.; по Zeuss'y кельтскаго происхожденія. Срав. Blanc, Vocabulario Dantesco, vers. di G. Carbone ad v.

[5]) Luigi Tonini, Memorie storiche intorno a Francesca di Rimini.

на это мы не готовы. Здѣсь скажемъ лишь нѣсколько словъ объ одномъ изъ послѣднихъ трудовъ по литературѣ Данте и его періода, о книгѣ вѣнскаго профессора Zamboni [1]): «Данте, Эдцелины и рабы». Мы какъ-то трудно понимаемъ эту трилогію, предполагающую цѣлое столѣтіе и странную связь именъ. Между тѣмъ вся она не что иное, какъ пространный экскурсъ въ слишкомъ 300 страницъ къ нѣсколькимъ терцинамъ Божественной комедіи.

Данте встрѣтился въ небѣ Венеры съ Куниццой, сестрой Эццелина III, послѣдняго изъ de' Romano. Между тѣмъ этого самого Эццелина онъ помѣстилъ въ аду, да и о сестрѣ его только и было извѣстно, что она широко прожила свою молодость и была любовницей Сорделло; и въ райскомъ жилищѣ, куда помѣстилъ ее поэтъ, въ ней прорываются такія черты гибеллинской злобы, которыя дѣлаютъ ее достойною участи брата. Эццелинъ III принадлежалъ къ демоническимъ натурамъ, какія часто должны были встрѣчаться въ средніе вѣка; это Франческо Ченчи XIII столѣтія [2]). Союзникъ Фридриха II въ его борьбѣ съ ломбардскими коммунами, онъ держалъ подъ собою всю тревизскую марку; весь сѣверъ Италіи дрожалъ отъ его имени. Трудно себѣ представить такое соединеніе ума, проницательности съ эгоистическимъ равнодушіемъ къ выбору средствъ, съ безумной отвагой и трусливой вѣрой въ примѣты. Засадивъ половину народонаселенія въ тюрьмы, чтобъ самому было просторнѣе, онъ живетъ одинокій, удаляясь отъ женщинъ и удовольствій, ревниво вмѣшиваясь въ частную жизнь подданныхъ, прислушиваясь къ разговорамъ, вѣчно окруженный астрологами. Онъ не снималъ лагеря не спросившись прежде звѣздъ, держалъ при дворѣ одного звѣздочета сарацина, страшнаго вида, и извѣстнаго Гвидо Бонатти; кого не могъ залучить къ себѣ, съ тѣмъ велъ астрологическую переписку. Онъ царствовалъ страхомъ; въ латинскихъ стихахъ Альбертино Муссато, современника Данте, написавшаго свою Eccerinis по плану Сенековыхъ трагедій, какъ будто проглядываютъ изъ-подъ тяжелаго классическаго покрова предсмертныя судороги кончающагося.

Мы не удивились бы, еслибъ Эццелинъ самъ, наконецъ, увѣрилъ въ свое демоническое призваніе, окруженный тупымъ страхомъ и темными, можетъ быть до него доходившими, разсказами. По крайней мѣрѣ Муссато сохранилъ въ своей тра-

---

[1]) Gli Ezzelini, Dante e gli schiavi. Pensieri storici e letterari del dr. prof. Filippo Zamboni, con documenti inediti. Firenze, Molini. 1864.

[2]) Срав. характеръ Франческо Ченчи въ романѣ Гверрацци: Beatrice Cenci.

гедіи такое преданіе о немъ. Въ первомъ актѣ, Аделейта или Аделаида призываетъ къ себѣ сыновей Эццелина и Альберика, чтобъ открыть имъ тайну ихъ рожденія. Нѣсколько разъ она принимается за разсказъ и всякій разъ не въ силахъ; она падаетъ въ обморокъ. Когда, наконецъ, она пришла въ себя, Эццелинъ пристаетъ къ ней съ вопросами: «Говори, говори скорѣе, матушка!»

— Въ первомъ часу ночи, когда все было тихо кругомъ, мнѣ послышалось, какъ земля разверзлась громаднымъ мычаніемъ, будто раскрылся старый хаосъ. Въ небѣ отдалось его эхо, въ воздухѣ пошелъ сѣрный дымъ, будто облако; молнія освѣтила домъ, громъ грянулъ, и покои наполнилъ смрадный запахъ. Тогда, о ужасъ! я почувствовала приближеніе невиданнаго любовника.

— Кто-жъ это былъ, матушка?

— На мохнатой головѣ у него два рога, словно у быка, глаза налиты ядовитой кровью, изъ ноздрей пышетъ пламя, изъ пасти сыплются искры на бороду и на обросшія уши. Побѣдное чудовище провалилось въ преисподнюю; я осталась беременной. Какихъ страданій стоило мнѣ смертоносное сѣмя, которое я заключала въ себѣ! Ты, Эццелинъ, былъ достойнымъ сыномъ такого отца. Въ продолженіе десяти мѣсяцевъ моя жизнь прошла въ слезахъ, вздохахъ и мукахъ, мои внутренности горѣли — и твое рожденіе было не менѣе страшно твоего зачатія.

— Разсказывай далѣе.

— Кровавый ребенокъ, грознаго вида, ты былъ чудовищемъ...

Затѣмъ Аделейта обращается къ Альберику, чтобъ и ему разсказать тоже самое.

Онъ въ отчаяніи; но Эццелинъ видимо торжествуетъ въ сознаніи своей демонической силы.

«Чего-жъ тебѣ больше?» говоритъ онъ брату; «ты не стыдишься-ли родителя? Ты хотѣлъ-бы отвергнуть твое божественное происхожденіе? Мужайся: мы рождены божествомъ, нашъ родъ славнѣе рода Ромула и Рема, сыновей Марса. Нашъ отецъ-богъ болѣе могущественный, царь пространнаго царства, царь мести; ему повинуются бичи божіе, всѣ сильные, царствующіе, повелѣвающіе. Мы будемъ достойными судьями отцовскаго судилища, если нашими дѣлами вновь завоюемъ себѣ царство отца, которому люба война, убійство, обманъ, измѣна, гибель всего человѣческаго рода [1]).»

Альберикъ ни въ чемъ не уступалъ брату, даже былъ пре-

[1]) Срав. Cantu: «Ezzelino da Romano»; Giudici, Storia del teatro in Italia, vol. 1.

ступнѣе его, потому что лицемѣрнѣе. Но народное преданіе сдѣлало его мягче характеромъ, и все, что было въ немъ мрачнаго перевело на фигуру Эццелина, которая, такимъ образомъ, разрослась до размѣровъ дантовскаго Капанея.

Такъ плодотворно дѣйствуетъ народная фантазія, что, прикасаясь съ нею въ преданіи, реторическій Муссато становится выше себя. Его Эццелинъ прямо годился въ адъ, гдѣ Данте помѣстилъ его съ тѣми, кто въ жизни насильничалъ ближнихъ.

Не помогли ему ни достоинство императорскаго викарія, ни ярость Гибеллина, которая столь многое скрашивала въ глазахъ Данте.

Тотчасъ по битвѣ при С. Кассано, въ 1260 году, гдѣ погибла сила гибеллинской партіи въ Маркѣ и самъ Эццелинъ потерялъ жизнь, — владѣнія, принадлежавшія его роду, были раскассированы между союзными городами, поднявшими противъ него знамя, Вероной, Падуей, Тревизо и др. Съ этимъ вмѣстѣ связанъ одинъ изъ важнѣйшихъ экономическихъ фактовъ, ознаменовавшихъ XIII вѣкъ: уничтожено было въ имѣніяхъ Эццелиновъ крѣпостное состояніе, исчезло сословіе «сервовъ глебы» — переворотъ приготовленный, впрочемъ, заранѣе буллой Евгенія IV отъ 1258 года, хоть и разсчитанъ онъ былъ, какъ временная политическая мѣра. Личное рабство съ этимъ не исчезло, и его можно прослѣдить по частнымъ случаямъ вплоть до XV вѣка; за то названіе «schiavi della gleba», столь часто встрѣчающееся въ документахъ ранѣе 1261 года, съ этого года болѣе не попадается; крестьянинъ, работавшій до тѣхъ поръ на господина, начинаетъ работать на самого себя, на извѣстныхъ условіяхъ, за условленную плату, либо беретъ землю на аренду. Такъ было во всей тревизской Маркѣ, гдѣ переходъ отъ крѣпостного состоянія къ свободному труду совершался постепенно между 1256 и 60 годами. Ему отвѣчали частныя попытки среднеитальянскихъ городовъ, Флоренціи, Перуджіи, Болоньи, гдѣ въ концѣ того же столѣтія также было обращено вниманіе на улучшеніе земледѣльческаго быта. Во всемъ этомъ, разумѣется, не справлялись съ владѣльческими правами Эццелиновъ, потому что съ битвы при Кассано они перестали de facto существовать; къ тому же и родъ весь вымеръ или былъ вырѣзанъ, и изъ сестеръ оставалась одна Куницца, на которую права на поземельную собственность не переходили, по завѣщанію ея отца, Эццелина II Монаха.

Бѣдная, всѣми оставленная, она живетъ во Флоренціи, помирилась съ церковью и небомъ, и въ 1265 году подписываетъ актъ, которымъ даруетъ вольность всѣмъ крѣпостнымъ людямъ,

бывшимъ у ея отца и братьевъ, Эццелина и Альберика; даже жителей S. Zenone отпускаетъ, пославши ихъ напередъ къ чорту, съ душей и тѣломъ, за то, что они измѣннически отстали отъ Альберика: «praeter (вм. praeterea) illos qui steterunt cum domino Aubrico in castro et turim Sancti Zenonis, qui de eo fecerunt feloniam in dicto castro et turim illos dimixit centum diabollis de inferno cum animo et corpore.» Гибеллинская злоба и тутъ не позабыла сказаться. Какъ бы то ни было, она приходила слишкомъ поздно, потому что вольность давно уже существовала на дѣлѣ, завоеванная лѣтъ пять тому назадъ. Какое же значеніе могло имѣть это новое дарованіе свободы, когда у Куниццы и дарить было не изъ чего? Дѣйствовало-ли тутъ пустое самолюбіе, думающее обмануть людей на счетъ своего безсилія заявленіемъ не существующей силы? Или въ самомъ дѣлѣ она пришла къ сознанію своей грѣховности и наканунѣ смерти задумала отступиться отъ своего человѣческаго права, въ святость котораго она продолжала вѣрить? Была-ли заслуга въ ея поступкѣ или не было никакой, во всякомъ случаѣ въ Тосканѣ, гдѣ жила Куницца и гдѣ могли не знать подробностей сѣвероитальянскаго переворота, ея самовольное отреченіе должно было произвесть сильный эффектъ и окружить ореоломъ святости ея догоравшіе дни. Прибавьте къ тому, что актъ о волѣ подписанъ былъ ею въ 1265 году, въ самый годъ рожденія Данте, въ домѣ Кавальканта, и что свидѣтелемъ былъ отецъ одного изъ самыхъ близкихъ поэту людей. Понятно послѣ этого, почему свѣтская женщина, поэтическая любовница Сорделло, исчезла для него за ликомъ преображенной святой. Между ней и звѣрскимъ Эццелиномъ пропадало всякое нравственное родство, хоть и пошли они изъ одного корня (d'una radice nacqui ed io ed ella); оттого Данте встрѣчается съ нею въ раю, въ небѣ Венеры: тамъ она блещетъ, потому, что подвластна была вліянію небеснаго свѣтила; но она радостно покоряется своей судьбѣ и ей не скучно (Par. c. IX, v. 31—36).

Такъ, выглянувъ изъ любого мѣста Божественной комедіи, какъ изъ рѣзного кіоска, изъ котораго виды открываются во всѣ стороны, мы всегда выйдемъ къ XIII вѣку, чтобъ посмотрѣть на него съ какой нибудь новой, невиданной стороны. Другое дѣло: открылъ-ли ее самъ Данте, или только любовь позднѣйшихъ поколѣній привыкла связывать съ его именемъ, что высокаго дѣлается и дѣлалось въ итальянскомъ народѣ? Мы протестовали противъ критическаго метода, но не протестуемъ противъ памятника, если основанія его раздвигаются на цѣлые вѣка и не хотятъ ограничиться площадью S. Croce.

II.

Планъ Божественной комедіи болѣе или менѣе знакомъ всякому, и мы можемъ ограничиться здѣсь указаніемъ его главныхъ архитектоническихъ очертаній. Данте заблудился на половинѣ жизненнаго пути въ темномъ лѣсу; три страшные звѣря переходятъ ему дорогу: левъ, пантера и волчица, и онъ уже готовъ воротиться, еслибъ не дорогая тѣнь поэта Виргилія. Она ведетъ его къ селеніямъ вѣчной печали, гдѣ надежда покидаетъ всѣхъ входящихъ. Здѣсь, по мѣрѣ того какъ они спускаются къ центру земли, гдѣ крылья Луцифера вѣютъ надъ ледянымъ озеромъ, тысячи разнообразныхъ мученій проносятся мимо нихъ въ плачѣ, въ безумныхъ вызовахъ судьбѣ, въ молчаливо сосредоточенной злобѣ. Всѣ эти грѣшники не знаютъ настоящаго на землѣ и съ любопытствомъ распрашиваютъ Данте, какъ живется людямъ на томъ свѣтѣ; если передъ ними раскрыта книга будущаго, то это будущее не для нихъ, и всѣ они обращены къ своей прошлой жизни, относятся къ ней съ страстью: тамъ не для одной изъ нихъ были счастливыя времена, о которыхъ такъ больно поминать Франческѣ. Оттого такъ полны жизни эпизоды дантовскаго ада, что они навѣяны воспоминаніемъ, которое спѣшитъ удалиться отъ мрачной дѣйствительности къ образамъ прошлыхъ дней и судорожно хватается за малѣйшія подробности, анализируя ихъ болѣзненностью мономана. Сонъ Уголино, книга, въ которой читали Франческа и ея любовникъ—все получаетъ значеніе; подробно описываются горы, рѣки, долины, половина ада состоитъ изъ воспоминаній, потому что нѣтъ надеждъ, и издалека земля кажется лучше. Такъ въ изгнаніи Данте, когда громитъ Флоренцію и когда поетъ ея античную простоту, все-таки возвращается къ мысли:

Del bello ovili, ov' io dormii agnello.

Потомъ, цѣпляясь за мохнатые члены адскаго бога, Данте и Виргилій выходятъ на другую сторону земли, гдѣ на тихихъ водахъ стоитъ гора чистилища. Здѣсь къ нимъ присоединяется поэтъ Стацій; здѣсь меньше воспоминаній, потому что больше надеждъ на будущее: на верху горы разстилаются цвѣтущія сѣни земного рая, и каждому открываетъ туда путь добровольная жертва очищенія. Здѣсь царство будущаго, какъ въ аду была любовь прошедшаго; только странствуя съ Беатриче по кругамъ птоломеевскаго неба, мы добираемся до того мирнаго

довольства настоящимъ, о которомъ не снится земнымъ людямъ. Такъ прошедшее, будущее, настоящее свѣтятъ различнымъ свѣтомъ по мѣрѣ того, какъ Божественная комедія подвигается къ своей развязкѣ въ небѣ; для эстетической оцѣнки Данте, намъ кажется необходимымъ удержать эту троякую точку зрѣнія, совершенно опредѣляемую католическимъ взглядомъ на жизнь. Позднѣе мы подойдемъ къ ней съ другой стороны.

Странно, что въ эпоху самую близкую ко времени Данте почти вовсе не было обращено вниманія на то, что, собственно говоря, насъ всего болѣе интересуетъ: на легендарную основу Божественной комедіи. Современники Данте и его ближайшіе наслѣдники не находили въ ней ничего страннаго, выходящаго изъ ряда символическихъ представленій, которыми они были окружены; оттого они и не остановились на ней. Позднѣе, когда классическая мѣрка была приложена къ Данте, онъ принужденъ былъ одинъ отвѣчать за свой нерукотворенный планъ, надъ которымъ работали и небо и земля и вся католическая поэзія среднихъ вѣковъ. У него также стали искать fabula, съ завязкой и развязкой и аллегорическимъ содержаніемъ, такъ какъ другого содержанія въ немъ не умѣли найти. Кстати, самое названіе комедіи подлежало реторической ферулѣ, а какъ поэма, въ стилѣ Иліады и Энеиды, Божественная комедія не удовлетворяла. Такъ вся тяжесть плана легла на Данте; сравненіе было не возможно при слабомъ знакомствѣ съ литературами другихъ народовъ и исключительномъ развитіи классическаго образованія, оттѣснившаго въ народъ всю богатую литературу легендъ и безъ того отличавшуюся мѣстнымъ характеромъ. Только въ XVII столѣтіи Убальдини вспомнилъ о ser Brunetto, бывшемъ учителѣ Данте, который также блуждалъ въ темномъ лѣсу, гдѣ тѣнь Овидія явилась ему руководителемъ, и онъ самъ толкуетъ съ Природой и Добродѣтелью о путяхъ, которыми она пріобрѣтается. Изъ всего этого Убальдини заключилъ: «aver Dante imitato dal Tesoretto (поэма Брунетто Латини, дидактическаго рода) lo smarrimento per una selva oscura.» Но сходство ограничивается однимъ введеніемъ, далѣе обѣ поэмы расходятся какъ небо отъ земли; странно только какъ Pelli, Corniani и Ginguené все еще разсуждаютъ о сродствѣ. Позже явилась гипотеза, что на идею загробнаго хожденія Данте могъ быть наведенъ извѣстнымъ романомъ Guerino il Meschino, котораго герой спускается въ чистилище св. Патрика. Но уже Боттари утверждалъ, что итальянская редакція романа, будто бы первоначально написаннаго на провансальскомъ языкѣ (?), относится ко времени послѣ Данте и принадлежитъ Андрею di Jacopo di

Tieri di Barberino di Valdesa; переводъ въ ottava rima съ испанскаго текста, сдѣланный Тулліей d'Arragona относится къ еще позднѣйшему періоду. Что касается легенды о чистилищѣ св. Патрика, то она извѣстна въ редакціяхъ конца XII вѣка и могла имѣть вліяніе на Данте; доказательства на это должны были выйти изъ ближайшаго сравненія, на которое XVIII вѣкъ былъ неспособенъ.

Болѣе полная оцѣнка легендарнаго круга, стоящаго въ связи съ Божественной комедіей, предоставлена была позднѣйшему времени. Между итальянцами писалъ о немъ Уго Фосколо, ограничиваясь, впрочемъ, христіанской эпохой. Если не ошибаемся, въ примѣчаніяхъ къ нѣмецкому переводу Божественной комедіи Kopisch'a собрано много матеріаловъ для сравнительнаго изученія средневѣковыхъ повѣрій [1]). Въ книгѣ Озанама: «Dante et la philosophie catholique au XIII siècle», цѣлая глава посвящена такому труду сравненія [2]). Озанамъ тоже не касается классическихъ повѣрій, которыя сдѣлалъ предметомъ особой диссертаціи, представленной имъ въ парижскій университетъ [3]), ни всего богатства миѳическихъ аналогій, какія могли ему представить вѣрованія другихъ народовъ. Онъ восходитъ къ евангельской повѣсти о сошествіи І. Христа въ преисподнюю, къ видѣніямъ апостоловъ Павла и Іоанна, къ страданіямъ св. Перпетуи и житію св. Григорія чудотворца, къ письмамъ св. Кипріяна, и къ угодникамъ Ѳиваиды и римскихъ катакомбъ. Этимъ завершается первый періодъ литературной исторіи загробныхъ странствованій — отъ I до V вѣка [4]).

Второй періодъ обнимаетъ время отъ VI до X столѣтія. Легенда, оставаясь набожною, принимаетъ болѣе и болѣе литературный характеръ. Въ житіи св. Макарія нѣсколько монаховъ отправляются искать земной рай, проходятъ невѣдомыя страны, добираясь до границъ извѣстнаго тогда географическаго

---

[1]) Книги Kopisch'a у насъ нѣтъ подъ руками и вообще мы рѣдко ссылаемся на нѣмецкія сочиненія по этой части за недостаткомъ ихъ въ итальянскихъ библіотекахъ.

[2]) Нѣкоторыя подробности можно найти у Форіэля: «Dante et les origines de la langue et de la litterature italienne» 2 vv. Delécluse въ своей въ высшей степени поверхностной книгѣ «Dante Alighiere ou la poésie amoureuse» p. 104, указываетъ еще на одинъ опытъ исторіи сновъ и видѣній до Dante: Ch. Labitte, «La divine comédie avant Dante». Только когда нашъ трудъ былъ конченъ, мы узнали, что статья Лабитта помѣщена въ Revue des deux mondes 1842 г. 1-er sept. Мы нашли въ ней мало новаго.

[3]) De frequente apud veteres poetas heroum ad inferos descensu.

[4]) Упоминаемъ съ своей стороны апокрифическое евангеліе Никодима, видѣнія Карпа, св. Сатура и св. Христины (у Labitte l. c.).

міра, и по дорогѣ встрѣча ютъразличныя мученія и райскіе виды. Существуетъ одна итальянская редакція этого житія, почти современная Данте и оставшаяся неизвѣстною Озанаму [1]). Здѣсь уже видѣнъ литературный пріемъ и знакомство съ общими мѣстами средневѣковыхъ путешествій: монахи обращаютъ въ бѣгство цѣлое войско пигмеевъ. Въ латинской поэмѣ Страбона Валафрида, изъ позднихъ произведеній карловингской эпохи, даже замѣтно сатирическое направленіе: много монаховъ и прелатовъ томится въ аду, уже чистилище представлено горою, какъ у Данте, на ней епископы наказаны за потворство, графы платятся за свою хищность, и самъ великій императоръ запада, сынъ Пиппина, оплакиваетъ неудержимую похоть плоти [2]).

Видѣніе обмершаго нортумберландца, сохраненное Бэдой и путешествіе св. Брандана, изданное Jubinal'емъ [3]), мы не хотѣли бы раздѣлять, оба онѣ насъ переносятъ на сѣверъ и къ новымъ чертамъ легенды. У Брандана адская гора царитъ надъ моремъ, на ней черные кузнецы днемъ и ночью расковываютъ грѣшниковъ; земной рай въ запустѣніи, онъ заселится христіанами, когда новыя гоненія поднимутся на Христову вѣру. Интересны подробности объ раѣ птицъ: это нейтральные ангелы, не отпадшіе, но и не приставшіе къ небесному воинству. Въ житіи Макарія мы встрѣчаемъ ту же черту, не замѣченную Озанамомъ. «Мы пришли въ другое мѣсто, разсказывали путники, гдѣ было много высокихъ деревьевъ въ родѣ фиговыхъ, на вѣтвяхъ сидѣли птицы, похожія на райскихъ [4]) и человѣческими голосами воспѣвали, громко восклицая: «пощади насъ, Боже создавшій насъ, пощади насъ, милосердый, согрѣшили мы передъ лицомъ твоимъ, по всей землѣ.» Мы же стали молиться, говоря: милосердый Боже, объяви намъ чудеса, которыя мы зримъ, зане мы не разумѣемъ

---

[1]) Leggende del secolo XIV ed. I. Del Lungo, 2 vv. Vita di S. Macario Romano.

[2]) Литературу видѣній за этотъ періодъ легендарной исторіи можно легко распространить, хотя всѣ онѣ представляютъ только разрозненныя черты великаго загробнаго эпоса. Сюда относятся: Видѣніе обмершаго воина въ Діалогахъ Григорія Великаго; св. Сальвія и Фурсея; сонъ Гонтрама, брата Хильперика, письма св. Бонифація; мытарства короля Дагоберта и Карла Великаго; откровеніе бывшее одному англійскому священнику, разсказанное Пруденціемъ въ Annales Bertiniani подъ 839 годомъ; видѣніе какого-то Бернольда, сохраненное Хинкмаромъ; легенда о Карлѣ Толстомъ; наконецъ, приведенныя Форіэлемъ разсказы о Сунніульфѣ (Григорій Турскій ad. an. 571), св. Баронтѣ (ibid. ad. an. 679), монахѣ Рогеріѣ и одной дѣвушкѣ изъ окрестности Реймса. См. Fauriel, Dante etc. tome 1, pp. 412—413 и Labitte l. c. pp. 717 — 724.

[3]) La légende de S. Brandaine, ed. Achille Jubinal, Paris. 1836.

[4]) Similia *avibus coeli?* Ronveyde, Vitae patrum: Vita Sancti Macarii Romani servi Dei, qui inventus est juxta paradisum, p. I, стр. 226 — 7.

ихъ. Бысть же гласъ: не достоитъ вамъ знать тайны, которыя вы видѣли — идите своимъ путемъ.» Представленіе человѣческой души птицей—очень обыкновенный миѳологическій мотивъ; интересно, что въ христіанской символикѣ птицами всего чаще изображаютъ души чистилища. Такъ, Петръ Дамьяни разсказываетъ о душахъ, освобождавшихся по воскреснымъ днямъ отъ чистилищныхъ мукъ и летавшихъ птицами; св. Патрика онѣ сопровождали стадами, черныя и бѣлыя. Какъ у Петра Дамьяни, такъ и въ англонормандской поэмѣ Адама de Ros о сошествіи въ адъ апостола Павла, Богъ даетъ грѣшникамъ одинъ день въ недѣлю на отдыхъ — воскресенье.

Съ путешествіемъ св. Брандана, съ поэмой о посѣщеніи ада апостоломъ Павломъ (о чемъ Данте упоминаетъ во второй пѣснѣ Inferno), и съ чистилищемъ св. Патрика, будто бы имѣвшемъ косвенное вліяніе на устроеніе Божественной комедіи, мы переходимъ отъ XI вѣка прямо къ эпохѣ Данте и XIV столѣтію. Приключенія Owayn'a (Oen), англійскаго рыцаря, въ пургаторіи св. Патрика стали извѣстны съ 1140 г., когда они описаны монахомъ Генрихомъ de Saltry (of Saltrey), впослѣдствіи повторены Винченцомъ de Beauvais и Матѳеемъ Парижскимъ (ad. an. 1153 г.), пока они не перешли въ стихотворную обработку Marie de France и англонормансскихъ труверовъ. На островѣ озера Dungal (Donegal) открылась по молитвамъ св. Патрика чудесная пещера — это чистилище. Приготовившись молитвами и покаяніемъ, Owayn вступаетъ въ темную область мученій, гдѣ, какъ и въ предъидущихъ разсказахъ, временныя страданія не отдѣлены отъ вѣчныхъ. Между грѣшниками Owayn встрѣчаетъ своихъ старыхъ соратниковъ. По мосту, переброшенному черезъ пропасть, который съуживается подъ ногами грѣшниковъ и только искупленнымъ даетъ проходъ, расширяясь, Owayn достигаетъ Эдема, гдѣ живутъ праведники, прежде чѣмъ вознестись на небо. Сонмъ святыхъ мужей съ пѣніемъ и ликованіями встрѣчаетъ новаго пришельца и ведетъ его къ одному мѣсту, откуда ему становится видна божественная слава [1]).

---

[1]) У Матѳея Парижскаго это происшествіе разсказывается подъ 1158 годомъ; имя героя то Hnoes, то Oenus. Намъ кажется гораздо интереснѣе, что тотъ же лѣтописецъ сообщаетъ, подъ 1196 г., объ одномъ монахѣ de Evesham, который также обмиралъ и также ходилъ въ чистилище. Тамъ есть одна подробность, такъ прямо напоминающая наказаніе воровъ у Данте, Inf. c. XXIV, что по неволѣ приходитъ мысль о непосредственномъ вліяніи. У Данте грѣшники осуждены бѣгать по усѣянной змѣями ночвѣ; руки у нихъ связаны назади тоже змѣями, которыя прокусили имъ бока, такъ что голова и хвостъ соединились напереди. Одна змѣя бросается на грѣшника и кусаетъ его въ горло; тотъ горитъ, обращается въ пепелъ, но тотчасъ возвращается

Къ этой эпохѣ относится Solarliôd, послѣднее христіанское преображеніе грозныхъ образовъ Эдды, не уступающее имъ въ яркости красокъ, видѣніе монаха Альберика, о которомъ мы предоставляемъ себѣ поговорить подробнѣе [1]). Но вообще легенда начинаетъ разлагаться, уступая свое мѣсто умильной повѣсти, народной прибауткѣ, сатирическимъ fabliaux, и надо было явиться Данте, чтобъ изжившееся содержаніе загробнаго міра снова поднять до величавой строгости христіанскаго вѣрованія. Жонглёры уже пріучились обращаться съ нимъ какъ съ литературной темой: райскій дворъ, крестьянинъ попавшій въ рай по протекціи, путь къ аду, Le jongleur qui va à l'enfer и т. п. [2]). Мы своей стороны могли бы указать на народныя сказки и повѣрья, до сихъ поръ ходящія въ народѣ, гдѣ миѳологія граничитъ съ христіанской легендой, и обѣ просвѣтляются порой здоровымъ смѣхомъ. Эллиссенъ издалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ средневѣковую греческую повѣсть сатирическаго направленія, которая также относится къ нашей литературѣ (Тимаріонъ). Вообще матеріаловъ много, надо только критически разобрать ихъ по эпохамъ, чтобъ исторія религіознаго сознанія выяснилась цѣлой значительной стороною: хро-

---

въ прежній видъ. Прочтите теперь Матѳея Парижскаго и судите о прогрессѣ эстетическихъ понятій отъ него къ Данте. «*Planities loci illius multitudine vermium constrata scatebat*, ut junco solent domorum areae operiri. *Et hii super omnem aestimationem horridi, deformes et monstrosi, terribili oris rictu et naribus ignem spirantes execrabilem turmas miserorum voracitate inexatiabili lacerabant.* Quos jam assumptos daemones ubique discurrentes insanientium more in miseros saevientes, nunc eos frustratim ignigeris truncabant ferramentis, nunc omnem carnem ad ossa funditus abradebant, nunc igni injectos ut solent metalla liquefaciebant eos, et in modum ignis ardentis eos candentes reddebant. Parum est, Dominum testor, imo nihil quod refero de poenis loci illius: novit enim Deus quod *in brevissimo temporis spatio centum vel amplius omnimodis poenarum diversitatibus annullatos et mox restitutos, iterumque in nihilum poene redactos ac denuo redintegratos intuebar*, quos eo loco vita perdita cruciare cogebat.... *Hos itaque monstra quaedam ingentia, igneam qualitatem praeferentia, visu autem super omnia quae excogitari valent horrida et horrende terribilia, jugiter impetebant, et quamvis renitentes ac multum refugientes, sibi genere abusionis damnabili, permisceri cogebantur.* (Такъ наказываются содомиты). Ita enim inter nefandos complexus, prae nimio dolore, palpitabant, rugiebant et ejulabant, et deinde velut exanimati et in mortem deficientes collabebantur, excipiendi mox cruciatibus innovatis. См. Matthaei Paris, monachi Albanensis Historia major etc. Tiguri. 1606.

[1]) Къ литературѣ этого легендарнаго періода относится, кромѣ того, проповѣдь Григорія VII, произнесенная имъ, когда онъ еще былъ архидіакономъ, въ присутствіи папы Николая II, и разсказъ одного моденскаго монаха, Николая de Guidonis, обмершаго въ 1300 г., въ самый годъ, избранный Данте исходной порой своей поэмы. См. Fauriel. l. c. стр. 416 — 17, и Labitte l. c. стр. 727 — 8.

[2]) Въ дополненіе къ литературѣ мелкихъ повѣстей собранныхъ у Озанама, какъ стоящихъ въ связи съ идеей Божественной комедіи, приведемъ здѣсь Libellus de raptu animae Tundali et ejus visione, tractans de poenis Inferni et gaudiis Paradisi.

нологическое раздѣленіе Озанама чисто внѣшнее и можетъ только послужить памяти. Такое сравнительно-историческое изученіе можетъ быть полезно своими результатами и для вопроса о византійскомъ вліяніи, который до сихъ поръ стоитъ надъ нами не разрѣшеннымъ призракомъ. Сравнивая легенду о св. Брандан'ѣ съ житіемъ св. Макарія, Озанамъ нашелъ въ нихъ отличія востока и запада, въ видѣніяхъ сирійскихъ монаховъ отпечатокъ византійскаго стиля и суроваго восточнаго мистицизма. Мы не находимъ лучшей характеристики для нашихъ древнихъ легендъ въ родѣ повѣсти о грѣшной матери, видѣнія мукъ грѣшницы въ адѣ, легенды о временномъ посѣщеніи ада и о бѣсноватой женѣ Соломоніи [1]). Здѣсь краски даже форсированы. Монахи Макарія приходятъ въ глубокую, скалистую лощину, гдѣ имъ показывается женщина нагая съ страшнымъ, растерзаннымъ лицомъ, ее охватилъ громадный змѣй, и когда она открывала ротъ, чтобъ говорить или закричать, змѣй вкладывалъ ей въ ротъ голову и кусалъ ее за языкъ. Волосы у ней были длинные и доходили до земли. Въ нашемъ «Видѣніи мукъ грѣшницы въ адѣ» двумъ добродѣтельнымъ мнихамъ попадается на дорогѣ та же самая жена, только, если можно, еще страшнѣе: «и третіяго дня, вкупѣ, имъ идущимъ, показася имъ она жена сидящи на страшномъ и лютомъ змѣи и два ужа велика сокрушаху выю ея, и два перси ссуще [2]), два же нетопыря деруще очи ея; и отъ устъ ея исходитъ огнь жупелный, руцѣ же ея грызяху два пса великіе, во ушахъ ея двѣ стрѣлы великія огненніи, вонзени во главу ея, колико бѣша власовъ толико ящерицъ.» Византійская фантазія какъ будто съ любовью останавливается на этихъ ужасахъ, чтобъ запугать ими грѣшную плоть, пытавшуюся разорвать аскетическія узы подъ благословеннымъ небомъ востока. Въ райскихъ видѣніяхъ не было нужды, онѣ встрѣчались на каждомъ шагу, и надо было бѣжать отъ

---

[1]) Памятники старинной русской литературы изд. подъ редакціею Н. Костомарова, вып. I.

[2]) Въ видѣніи Альберика это наказаніе злыхъ женщинъ, отказавшихъ въ своей груди бѣднымъ дѣтямъ, оставшимся безъ матери. Сар. 4. «Inde in aliam vallem nimis terribiliorem deveni, plenam subtilissimis arboribus in modum hastarum sexaginta brachiorum longitudinem habentibus, quarum omnium capita ac si sudes acutissima erant et spinosa: in quibus vidi transfixis uberibus mulieres dependentes et uniuscujusque illarum mammillas duo serpentes ebibebant. Срав. Maury, Essais sur les legendes pieuses du moyen âge стр. 152—4. Фигура женщины наказываемой сосущими змѣями была распространена въ средневѣковомъ искусствѣ. «Ces figures de femme, tétées par des reptiles, et comme on le voit d'origine payenne, pourraient fort bien avoir été apportées par les templiers, dont les doctrines orientales et en partie empruntées aux idées gnostiques admettaient de semblables simulacres.»

нихъ въ самозабвеніе, въ Өиваиду, къ небу, въ эгоистическую заключенность столпниковъ. Западный религіозный человѣкъ шелъ болѣе съ жизнью, любилъ прислушиваться къ райской птицѣ и за ея небеснымъ пѣніемъ забывался на цѣлыя сотни лѣтъ. Онъ былъ непослѣдовательнѣе въ своей борьбѣ съ плотью, потому что переносилъ въ небо много плотскихъ порывовъ, языческихъ воспоминаній и земныхъ красотъ, за то онъ болѣе поэтъ; онъ меньше различалъ въ тонкихъ богословскихъ спорахъ и не отъ него выходили толки о догматахъ—онъ больше переживалъ ихъ чувствомъ. Византійскій богословъ счелъ бы кощунствомъ такое наивное перенесеніе феодальныхъ понятій и cours d'amour въ небесныя жилища, какое нерѣдко въ западныхъ легендахъ. Я говорю здѣсь не столько объ авторѣ Геліанда, сколько о венеціанскомъ поэтѣ XIII вѣка, fra Giacomino, можетъ быть одномъ изъ учениковъ с. Франциска д'Ассизи. У Giacomino въ небѣ заведенъ феодальный порядокъ, Богоматерь — рыцарская дама, у которой свой дворъ и она даритъ своимъ поклонникамъ богатыхъ коней [1]).

Живая вода, молодящія яблоки — всѣ воспоминанія незабытой миѳологіи перенесены въ описаніе библейскаго рая, которое каждый разнообразилъ по своему, не справляясь съ канономъ. Старая миѳологія играла, разумѣется, главную роль въ этомъ художественномъ распространеніи: она давала готовые образы и опредѣляла краски. Мы выше сказали какъ скандинавскій Solarliôd ничѣмъ не уступаетъ дикимъ красотамъ Эдды. Покойный отецъ является во снѣ сыну и разсказываетъ ему въ видѣ поученія все, что онъ видѣлъ на томъ свѣтѣ: адскую область, раздѣленную на семь поясовъ, у входа которой стаями кружатся почернѣвшія отъ дыма птицы, все грѣшныя души — еще приношеніе къ христіанской символикѣ птицъ. На груди завистливыхъ стоятъ кровавыя руны, зловѣщія звѣзды горятъ надъ головой отлученныхъ отъ церкви грѣшниковъ, змѣи грызутъ сердце убійцъ — все дантовскія картины, одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ, когда одиночное воображеніе поэта сходится съ вѣковой фантазіей народа.

Помимо миѳологическихъ воспоминаній еще другой поэтическій элементъ принялъ сильное участіе въ созданіи той католической космогоніи, которая въ комедіи Данте достигла

---

[1]) Ozanam, Documents pour servir à l'histoire littéraire de l'Italie du VIII au XIII siècle. — Massafia, Monumenti antichi di dialetti italiani, Wien, Gerold, 1864; и статья Alessandro d'Ancona въ Revista italiana di scienze, lettere ed arti colle effemeridi della pubblica istruzione, 1865, 3 Aprile.

своего идеала. Это—сантиментальное отношеніе къ природѣ, характеризующее вообще христіанское созерцаніе въ его отличіи отъ языческаго. Въ древнемъ мірѣ человѣкъ стоялъ въ природѣ, вмѣстѣ съ нею, не отдаляясь отъ нея и она отвѣчала на его разспросы. Тогда звѣри еще говорили, растенія жили человѣческой жизнью и также плакали и радовались, какъ обыкновенные люди. Христіанство измѣнило эти отношенія, лишивъ природу ея богатой индивидуальной жизни, поставивъ человѣка внѣ окружающаго его міра. Онъ сталъ выше его, потому что выше въ ряду существующаго, но съ другой стороны на немъ одномъ лежала печать перваго грѣха, онъ вышелъ изъ общаго единства жизни и пересталъ понимать тайны творенія. Природа сдѣлалась для него загадкой, съ тѣхъ поръ какъ онъ святотатски коснулся заповѣднаго дерева; то знаніе, которое онъ въ ней такъ жадно искалъ, навѣки скрылось отъ него въ грѣхопаденіи. И онъ начинаетъ бѣжать отъ самого себя въ природу, въ зеленой «матери пустынѣ», какъ поэтически выражаются наши духовные стихи; чистая отъ первороднаго грѣха, она продолжаетъ славословить Бога въ пѣніи птицъ, въ шумѣ вѣковой чащи, и онъ спѣшитъ слиться съ нею въ пантеистическомъ поклоненіи. Нигдѣ, можетъ быть, это сантиментальное чувство природы не выказалось такъ откровенно, какъ въ извѣстномъ гимнѣ къ солнцу Франциска д'Ассизи — онъ весь въ нее погрузился: «Да похваленъ будетъ Господь Богъ мой со всѣми твореніями, наипаче съ батюшкой братцемъ солнцемъ (Messer lo frate Sole); въ немъ онъ намъ свѣтитъ и подаетъ день, въ немъ, прекрасномъ, въ полномъ блескѣ свѣтящемъ, во свидѣтельство твое, Господи. Похвалимъ Господа за луну сестрицу (suor Luna) и за звѣзды: онъ создалъ ихъ въ небѣ, свѣтлыя и прекрасныя. За братца вѣтра, и за воздухъ, за облако, за ясную погоду и всякую другую да похваленъ будетъ Господь, который даетъ ими жизнь всѣмъ твореніямъ. Похваленъ буди Господи за сестру воду, низменную, полезную, драгоцѣнную, чистую (la quale è molto utile, e humele, e preciosa, e casta).... и за братца огня, которымъ ты освѣщаешь ночь, за прекраснаго, могучаго, веселаго (e ello è bello, e jocundo, e robustissimo, e forte). И за нашу мать землю (у слав. нашу мать сыру землю) благодаримъ тебя Господи, что она носитъ и кормитъ насъ (ne sostenta è governa) и всякіе плоды производитъ, цвѣты разные и травы [1].» Такъ изъ догмата человѣческой

[1]) Montalembert, Les moines d'Occident, vol. 1 Introd. p. XXXII: «Ils (les moines) avaient en outre un sentiment profond de la beauté du monde extérieur et de la nature;

грѣховности развивалось то болѣзненно страстное отношеніе къ природѣ, изъ котораго вышелъ нашъ пейзажъ, игравшій такую незначительную роль въ древнемъ искусствѣ, живописные виды на землю, открывающіеся изъ Божественной комедіи, и тѣ цвѣтистыя описанія земного рая, полныя чудныхъ деревьевъ и цѣлебныхъ водъ, какія мы встрѣчаемъ въ христіанскихъ легендахъ. Библія подала тутъ руку мистическому воображенію средневѣкового человѣка; темныя свѣдѣнія о востокѣ, распространенныя средневѣковыми путешественниками и паломниками, довершили остальное. Земной рай являлся садомъ, иногда на горѣ, которая «всѣмъ горамъ мати» и выше всего стоитъ на землѣ, какъ разсказываетъ одна итальянская легенда. Какъ изъ него пошло, что̀ есть въ мірѣ, люди, звѣри и растенія, такъ вообще онъ былъ разсадникомъ всего живого, хранилищемъ сѣмянъ міровой жизни, въ родѣ нашего сказочнаго острова Буяна. Отсюда эти сѣмена разносятся вѣтромъ и принимаются на землѣ; такъ по крайней мѣрѣ объяснили Данте на берегу райской рѣки [1]). Иногда вѣтеръ обламываетъ вѣтки съ райскихъ деревьевъ, сноситъ ихъ въ рѣку и такъ доставляетъ людямъ, которые ихъ вылавливаютъ и называютъ имбиремъ, алоэ и корицей. Это пишетъ сиръ de Joinville, по понятіямъ котораго Нилъ выходитъ изъ земного рая [2]), хотя обыкновенно райская гидрографія ограничивается четырьмя рѣками, отекающими весь свѣтъ: Тигромъ, Евфратомъ, Гіономъ и Физономъ.

Но тутъ начинается легенда. На берегу одной изъ этихъ рѣкъ стоялъ когда-то монастырь и жили въ немъ богобоязнен-

---

ils l'admiraient comme le temple de la bonté, de la lumière de Dieu, et comme un réflet de sa beauté. Ils en ont laissé la preuve, d'abord dans le choix de la plupart des emplacements de leurs monastères, si rémarquables par la convénance intime et le charme ineffable du site; puis dans la description qu'ils nous ont souvent laissé de ces sites préférés.»

[1]) Purg. c. XXVIII, vv. 109—114:

E la percossa pianta tanto puote
Che della sua virtùte l'aria impregna,
E quella poi, girando intorno, scuote:
E l'altra terra, secondo ch'è degna
Per se o per suo ciel, concepe' e figlia
Di diverse virtù diverse legna.

[2]) Mémoires de Jean, sire de Joinville, publ. par Francisque Michel, pag. 59: «Avant que le fium entre en Egypte les gens qui ont acoustumé à ce faire getent leurs roys desliées parmi le fium, au soir; et quant ce vient au matin si trouvent en leurs roys cel avoir de poiz que l'en aporte en ceste terre, c'est à savoir gingimbre, rubarbe, lignaloecy et canele; et dit l'en que les choses viennent du paradis terrestre, que le vent abat des arbres qui sont en paradis, aussi comme le vent abat en la forest en cest pais le bois sec; et ce qui chiet du bois sec ou fium, nous vendent les marcheans en ce pais.»

ные иноки. Случилось однажды, что трое изъ нихъ, гуляя по монастырскому саду, пришли къ берегу Гіона, омыли себѣ ноги и руки и сидятъ. Смотрятъ: плыветъ по водѣ древесная вѣтка вся въ разноцвѣтныхъ листьяхъ — одинъ листокъ золотой, другой серебрянный, третій лазоревой, четвертый зеленый, и такъ всякій иного цвѣта, а на вѣткѣ висѣли яблоки и всякіе другіе вкусные плоды. Стали иноки разглядывать чудную вѣтку и прослезились: должно быть изъ святого мѣста эта вѣтка, думалъ каждый про себя; видно тамъ пребываетъ Господь со своими ангелами. И стали они другъ у друга спрашивать, почему тотъ и другой плачетъ, и всѣ сошлись въ одной мысли: искать имъ святого мѣста вверхъ по рѣкѣ, куда Богъ доведетъ. И пошли, не сказавшись даже настоятелю; по дорогѣ питались сладкою манною, которую собирали по травѣ, и яблоками, упавшими на землю. Цѣлый годъ продолжалось ихъ странствованіе; они шли такъ легко и бодро, что почти не касались почвы. Когда остановились они у подошвы горы, на которой находился земной рай (lo Paradiso deliciano), имъ стало слышно пѣніе райскихъ ангеловъ; и они исполнились веселія и шли еще съ большей охотой. Гора была въ вышину сто миль, вся покрытая разнаго рода деревьями, на деревьяхъ висѣли плоды сладкіе и пріятные на вкусъ, кругомъ разлегалась святая нива, въ цвѣтахъ, чудныхъ запахахъ и тысячахъ оттѣнкахъ свѣта. На вершинѣ горы райскія двери были заперты, и херувимъ сторожилъ ихъ съ огненнымъ мечемъ въ рукѣ. Монахи сѣли у дверей и смотрѣли на херувима; и такъ неизреченна была его красота, что, глядя на него, они позабыли весь міръ, земной и надземный. Такъ пробыли они пять дней и пять ночей. Спрашиваетъ ихъ херувимъ: чего вы ищете?—Мы бы желали войти внутрь, если тебѣ угодно—отвѣчали монахи—на три либо на четыре дня. Двери тотчасъ же раскрылись, послышался звукъ вращавшагося небеснаго круга, и этотъ звукъ былъ такъ пріятенъ, что монахи совсѣмъ позабыли, гдѣ они, сѣли и заслушались. Такъ, къ сидящимъ имъ подошли два прекрасныхъ старца, бѣлые какъ лунь, съ бородой и волосами по землю, Илья и Энохъ, которыхъ Богъ помѣстилъ въ земномъ раю, чтобъ они пребывали тамъ до скончанія свѣта и свидѣтельствовали о смерти І. Христа, его единороднаго сына. Спрашиваютъ Илья и Энохъ: что вы тутъ дѣлаете? Монахи отвѣчали, что пришли посмотрѣть на святое мѣсто. Возблагодарите Господа, говорятъ старцы, за его великую милость; потому что еще никогда тѣлесный человѣкъ не приходилъ сюда, только души прославленныя и чистыя. Они взяли монаховъ за руки и пошли имъ показывать чудеса рая, которыя ни словомъ не разсказать, ни сердцемъ во-

образить. Чудесное пѣніе ангеловъ раздавалось въ небѣ, и наши монахи млѣли отъ его неизреченной сладости. Тутъ увидѣли они ключъ живой воды, кто ея напьется во вѣкъ не состарится, а кто старъ, станетъ тридцати лѣтъ. Увидѣли древо познанія добра и зла, черезъ которое всѣ мы подпали грѣху, когда отъ него отвѣдали Адамъ и Ева, и древо нашего спасенія, изъ котораго сдѣланъ былъ святой крестъ — передъ нимъ путники преклонили колѣна и обратились къ Богу въ молитвѣ и слезахъ. Кто отвѣдалъ плодовъ третьяго дерева, никогда не умиралъ. Еще видѣли четыре источника, изъ которыхъ выходили четыре рѣки, окружающія свѣтъ; озеро разстилалось на пять миль въ длину и столько же въ ширину, полное всякихъ рыбъ, которыя денно и нощно отзывались на райское пѣніе. Дерево славы простирало вѣтви на цѣлую милю вокругъ, листья были изъ золота, широкіе какъ фиговый листъ, плоды сладости неописанной; на вѣтвяхъ сидѣли малыя птицы съ красными перьями будто горячіе угли либо развѣшанные по дереву фонари, и пѣли во всѣ часы дня, славословя райскія жилища (la corte del Paradiso). Монахи поѣли плодовъ молодящаго дерева, напились воды, удаляющей старость, и семьсотъ лѣтъ, проведенныхъ ими въ земномъ раѣ, показались имъ недѣлей. По приказанію Ильи и Эноха они возвращаются на землю, въ свой монастырь, гдѣ ихъ никто не узнаетъ, и тамъ по прошествіи сорока дней обращаются въ пепелъ, въ поученіе своимъ младшимъ братьямъ и во спасеніе людямъ [1]).

Виллари, профессоръ пизанскаго университета и авторъ извѣстной жизни Савонаролы, готовилъ къ празднику Данте критическое изслѣдованіе объ источникахъ и легендарномъ кругѣ Божественной комедіи. Намъ кажется, что въ такомъ трудѣ не надо ограничиваться одними загробными хожденіями, которыя во всякомъ случаѣ были только литературной формой, а допустить къ сравненію всякую вѣсть о томъ свѣтѣ, въ какой бы она формѣ ни являлась: въ мистеріи и легендѣ, въ проповѣди и новеллѣ [2]), въ догматическомъ разсужденіи или монастырской

---

[1]) Del paradiso terrestre, Leggende del secolo XIV, ed. Del Lungo, vol. 1°.

[2]) Срав. Boccaccio Dec. giorn. V, nov. 8. Nastagio degli Onesti, amando una de' Traversari, spende le sue ricchezze senza essere amato. Vassene, pregato da' suoi, a Chiassi; quivi *vede cacciare ad un cavaliere una giovane et ucciderla e divorarla da due cani.* Invita i parenti suoi e quella donna amata da lui a desinare, la qual vede questa medesima giovane sbranare; e, temendo di simile avvenimento, prende marito Nastagio. Неземной всадникъ, гонящійся съ собаками за женщиной и вымѣщающій на ней ю смерти неудачную любовь, напоминаетъ Дикого охотника нѣмецкой миѳологіи въ его погонѣ за лѣсной бабой. Манни Storia del Dec. говоритъ, что Боккачіо заимствовалъ

хроникѣ. Главная задача, которая манитъ насъ, въ Божественной комедіи сводится къ изслѣдованію пути, которымъ христіанское созерцаніе, въ началѣ робкое и скупое на образы, потомъ незамѣтно все болѣе и болѣе поддаваясь эстетическому чутью и желанію разъяснить себѣ тайны будущей жизни, отъ бѣднаго своими формами зародыша легенды постепенно приходило къ такому симметрическому созданію, какъ поэма Данте. Четырнадцать вѣковъ работали надъ нею, оттого и царитъ она надъ четырнадцатью вѣками. За то надо же и человѣка, крѣпкаго мышцами, чтобы выдержать на себѣ ихъ вѣками накопленную тяжесть.

Первые шаги къ неизвѣстному робки. Одному въ минуты религіознаго восторга раскрывались небесныя сѣни, другого сознаніе грѣха заставляло преимущественно останавливаться на видѣніяхъ мукъ, ожидающихъ его по смерти. Но и тѣ и другіе образы были шатки и далеки отъ архитектонической крѣпости дантовской космогоніи. Между адомъ и раемъ проходила слабая

эту легенду у Гелинанда; не знаемъ, замѣтилъ ли кто нибудь до насъ, что та же самая легенда разсказана по Гелинанду (Elinaldo) Яковомъ Пассаванти въ его Lo specchio della vera penitenza (ed. Fraticelli, Firenze. 1843, vol. 1° distinz. III, cap. 2°). «Записано у Гелинанда, что въ графствѣ Неверскомъ (di Niversa) жилъ-былъ бѣдный человѣкъ, добрый и богобоязненный, промышлявшій ремесломъ угольщика. Разъ, зажегши яму уголья, когда ночью онъ стоялъ на сторожѣ, ему послышались около полуночи громкіе крики. Онъ вышелъ посмотрѣть, что такое — видитъ прямо на яму бѣжитъ голая, растерзанная женщина и кричитъ, а за ней гонится на черномъ конѣ всадникъ съ ножемъ въ рукѣ; и конь и всадникъ пышутъ пламенемъ. Когда женщина подбѣжала къ зажженной ямѣ она не пошла дальше, но стала бѣгать вокругъ нея; тутъ настигъ ее всадникъ, схватилъ за волосы, ударилъ ножемъ посередъ груди и бросилъ на горящіе уголья, гдѣ, оставивъ ее нѣкоторое время, снова ее поднялъ, перекинулъ поперегъ лошади и отправился, откуда пришелъ. Видѣніе повторилось на вторую и третью ночь; на четвертую онъ даетъ такое объясненіе Неверскому графу: «Знай, что я былъ Giuffredi, твой рыцарь, выросшій при твоемъ дворѣ; женщина, къ которой я такъ жестокъ — Беатриче, бывшая жена дорогого тебѣ Берлингьери. Питая другъ къ другу нечистую любовь, мы сошлись въ грѣхѣ, который привелъ ее къ тому, что она убила мужа, дабы свободнѣе было творить зло. Мы пребывали во грѣхѣ до самой смерти; но передъ кончиной покаялись, прежде она, потомъ я; за это милосердіе божіе перемѣнило намъ вѣчныя муки на временныя мученія чистилища. Потому знай, что мы осуждены на мытарства, которыя ты видѣлъ». У Боккачіо всадникъ зовется Guido degli Anastagi, женщина принадлежала къ семейству Траверсари и причины преслѣдованія другія: отверженная любовь, приведшая любовника къ самоубійству. Такъ новелла по своему передѣлывала легендарный матеріалъ, приспособливая его къ свѣтскимъ цѣлямъ. См. что мы сказали выше о fabliaux въ ихъ отношеніи къ легендамъ. У Данте несчастные любовники также носятся въ вихрѣ.

Срав. Боккачіо Decam. giorn. VII, nov. 10. Due Sanesi amano una donna comare dell' uno: muore il compare e torna al compagno, secondo la promessa fattagli, e raconta gli come di là si dimora.

черта раздѣла, вѣчныя муки сплывались съ временными, не исключающими надежду на небесный покой, изъ которыхъ впослѣдствіи, отвѣчая на соціальныя и нравственныя требованія западной мысли, разовьется догматъ чистилища. Въ старыхъ легендахъ онъ еще не выяснился [1]): узкій мостъ, перекинутый черезъ огненную пропасть, прямо ведетъ изъ ада къ райскимъ жилищамъ; подъ шагами праведныхъ онъ расширяется, грѣшники обрываются съ него и падаютъ въ рѣку, гдѣ очищаются мученіями, пока не сдѣлаются достойными пройти по мосту. Hoc autem insinuante Apostolo *purgatorii* nomen habere cognovi, сообщаетъ Альберикъ со словъ апостола. Богословскіе эстетики XVIII вѣка чуть было не обвинили Альберика въ Оригеновской ереси за такое неканоническое смѣшеніе чистилища и ада. Но послѣ этого вся старая легендарная литература подлежитъ тому же упреку, и даже большему, потому что въ видѣніи Альберика догматъ чистилища формулированъ, хотя неясно, чего нѣтъ въ старыхъ легендахъ, и вездѣ тотъ же миѳическій мостъ, перекинутый между адомъ и раемъ, по которому проходятъ очистившіяся души. Чистилище выдѣлялось изъ ада постепенно. Оно вышло изъ видѣній Эрма, изъ Stromaton Климента Александрійскаго, изъ сивиллинскихъ книгъ, приписываемыхъ еретику Монтану (во II вѣкѣ по Р. Х.), и ученій Оригена. Въ половинѣ III столѣтія, Мани училъ о грѣшныхъ душахъ, что, прежде чѣмъ достигнутъ неба, онѣ должны пройти черезъ луну, наполненную по его понятіямъ водою, гдѣ остаются двѣ недѣли, чтобы потомъ въ теченіи еще двухъ недѣль быть очищенными огнемъ. По слѣдамъ другихъ отцовъ церкви, Григорій Великій въ концѣ VI вѣка первый опредѣляетъ идею чистилища: какъ передъ концомъ ночи, прежде чѣмъ поднимется солнце, появляется заря полусмѣшанная съ мглою, такъ до кончины видимаго міра просвѣчиваетъ въ его мракѣ духовный міръ будущаго. И онъ разсказываетъ по этому поводу цѣлый рядъ видѣній: какъ душа готскаго короля Теодерика кипятится въ большомъ чанѣ въ нѣдрахъ Этны, и діаконъ Пасхазій обреченъ мучиться въ дыму пуццольскихъ бань. Въ Этнѣ помѣщены всѣ котлы чистилища, которые кипятъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе въ нихъ падаетъ душъ. Случилось однажды, что какой-то Стефанъ умеръ, и его хотѣли уже ввергнуть въ котелъ, когда оказалось, что это не тотъ Стефанъ, котораго было нужно, и что смерть ошиблась въ лицахъ. Тогда умершій тотчасъ же воскресъ, за то настоящій Стефанъ и отправился занять назначенное ему мѣсто.

---

[1]) Fauriel, Dante, v. I, p. 413. Видѣніе Баронта—ne fais pas mention du purgatoire.

Въ X вѣкѣ легендаріи, цвѣтники, золотыя легенды наполнены разсказами о чистилищѣ, которые іезуитъ Россиньоли собралъ въ своей книгѣ: Meraviglie di Dio nelle anime del Purgatorio. Между прочимъ какой-то неизвѣстный писатель, скрывшійся подъ именемъ Кирилла Александрійскаго, написалъ книгу подобнаго рода, гдѣ говоритъ, какъ блаженный Іеронимъ явился по своей смерти какому-то Евсевію и повелѣлъ ему возложить свою одежду на трехъ покойниковъ, которые тотчасъ же воскресли и еще двадцать дней жили, проповѣдуя чистилище. Они разсказывали, что были обречены на адскія муки, но что бл. Іеронимъ будто воспротивился этому рѣшенію, и Богъ возвратилъ ихъ къ жизни, чтобъ они успѣли покаяться въ грѣхахъ. Тогда бл. Іеронимъ, чтобы дать имъ почувствовать, чѣмъ они ему одолжены, заставилъ ихъ пройти черезъ адъ и чистилище и на самихъ себѣ испытать двойныя муки. Сочинитель разсказываетъ потомъ, каковы были эти муки. Это одинъ изъ первообразовъ позднѣйшихъ загробныхъ путешествій, оставшійся неизвѣстнымъ Озанаму.

Такъ ученіе о чистилищѣ понемногу проникало въ жизнь съ поучительной легендой, но еще не было признано богословскимъ догматомъ. Въ XI вѣкѣ Одилонъ, аббатъ Клюнійскаго монастыря, сдѣлался извѣстенъ чудеснымъ освобожденіемъ чистилищныхъ душъ; въ XII Оттонъ Фрейзингенскій говоритъ объ этомъ догматѣ, что онъ принятъ нѣкоторыми (quidam asserunt), то есть еще не былъ церковнымъ. Въ эпоху Данте, въ XIII — XIV вв., онъ долженъ былъ окончательно установиться, когда въ слѣдующемъ столѣтіи онъ могъ быть предметомъ спора на флорентійскомъ соборѣ 1439 года.

Видѣніе Альберика относится именно къ той переходной порѣ, когда загробная трилогія католицизма еще только создавалась, но уже начинали устанавливаться ея основныя формы. Уже душа обрекалась по смерти на одно изъ трехъ существованій, даже въ этихъ существованіяхъ есть переходы, раздѣленія, адскіе круги и отличія небесныхъ сферъ. Альберикъ, ближайшій предшественникъ Данте, пришелъ раньше его, не обладалъ его геніемъ и не такъ цѣльно, не такъ поэтически ясно понималъ величавое созданіе католической космогоніи; но если, изучая Шекспира, мы оглядываемся на утлую мистерію, предшествовавшую ему на англійской сценѣ, мы не понимаемъ презрѣнія Пертикари къ бѣдному монтекассинскому монаху, у котораго будто бы Данте не могъ украсть идеи Божественной комедіи. Идея не принадлежала ни ему, ни Данте: она выходила изъ самаго вѣка.

Хожденіе Альберика очень мало извѣстно: Фосколо и Озанамъ говорятъ о немъ лишь нѣсколько словъ; въ 1814 году Канчелльери издалъ его съ плохимъ итальянскимъ переводомъ въ книгѣ, которая теперь не читается и ее трудно достать [1]); въ 1845 году Тости въ исторіи Монтекассинскаго монастыря сообщилъ роспись заглавій въ исправленномъ переводѣ [2]). Мы послѣдуемъ здѣсь за наивными видѣніями монаха, пользуясь книгой Канчелльери и разсказомъ Петра діакона, современника Альберика, и продолжателя лѣтописи Монтекассинскаго монастыря [3]).

Во времена аббата Герарда (1111 — 1123) случилось чудо въ Кампаніи «во всемъ подобное древнимъ чудесамъ.» Въ мѣстечкѣ Комино, построенномъ въ честь святыхъ семи братьевъ [4]), сынъ одного именитаго рыцаря, по имени Альберикъ, по десятому году возраста, схваченъ былъ внезапною немочью, въ которой пролежалъ девять дней и девять ночей какъ мертвый. Въ это время, вотъ что съ нимъ было.

Бѣлая птица, въ родѣ голубя, подлетѣла къ-нему, вложила клювъ въ его уста, откуда ему показалось что-то вышло; потомъ, схвативъ его за волосы, она приподняла его отъ земли на ростъ человѣка. Тутъ явился ему Петръ апостолъ съ двумя ангелами Hemanuel (Emmanuhel) и Helos (Eloy), и вмѣстѣ стали показывать ему обитель адскихъ мукъ.

Въ первой долинѣ полной огня и жгучихъ паровъ очищаются дѣтскія души, какъ у Данте некрещеныя дѣти помѣщены въ предверіи ада. Петръ объясняетъ Альберику постепенность адскихъ мукъ и почему души дѣтей не свободны отъ грѣха: они могли опечалить мать, ударить ее въ лицо и т. п. У Данте великіе мужи древности, не дожившіе до вѣсти спасенія, также находятся въ лимбѣ — отчего у Альберика первый кругъ ада зовется *Prudentia?*

Въ слѣдующей долинѣ грѣшники сидятъ во льду, болѣе или менѣе глубоко, смотря по винѣ, самые виновные на высотѣ. Это развратники и прелюбодѣйцы (ср. Inf. c. XXXII). У злыхъ женщинъ, отказавшихъ въ своей груди осиротѣвшимъ младенцамъ,

---

[1]) Osservazioni intorno alla questione promossa dal Vannozzi, dal Mazzocchi, dal Bottari e specialmente dal P. abate D. Giuseppe Giustino di Costanzo sopra l'originalità della divina commedia di Dante, appogiata alla storia della Visione del monaco Casinese Alberico; ora per la prima volta pubblicata dal Latino in Italiano da Francesco Cancellieri Roma, Fr. Bourlie, 1814, 1 v. Видѣніе Альберика нашло также мѣсто въ изданіи Божественной комедіи Ломбарди.

[2]) Tosti, Storia della badia di Monte Cassino, Napoli, 1845.

[3]) Muratori Script. tom IV, Chronicon Sancti monasterii Casinensis, lib. IV, cap. 66.

[4]) Quod in honore sanctorum *septem fratrum* constructum est. Нынѣшнее Settefrutte.

змѣи сосутъ груди; невѣрныя жены повѣшены за волосы надъ огнемъ.

Невоздержные, не почитавшіе господнихъ праздниковъ и постовъ воздержаніемъ отъ женъ, пытались въ слѣдующей долинѣ: они обречены были идти по лѣстницѣ въ 365 локтей длины, накаленной и испускавшей искры, какъ только-что изъ огня вынутое желѣзо; внизу кипѣла въ громадномъ вмѣстилищѣ смола, куда они падали (Purg. c. XXVI?).

Только что объяснилъ ему это апостолъ, какъ онъ увидѣлъ огненные шары и синеватое пламя: въ этомъ пламени показываются тѣ, которые управляли своими подданными не какъ господа, а какъ тираны неправедные; передъ ними стоятъ тѣ, которыхъ они гнали при жизни и осыпаютъ ихъ упреками. Точно также передъ злыми матерями, заморившими въ себѣ младенцевъ, стоятъ они и также упрекаютъ ихъ. Но это не они сами, а только злые духи приняли ихъ образъ, потому что злой духъ принимаетъ различные виды: людей, животныхъ и т. п. (Такъ у Данте, Inf. c. VII, скупые и расточительные упрекаютъ другъ друга во взаимныхъ грѣхахъ. Срав. Inf. c. XXVI).

Убійцы и ненавистники погружены въ кровяное озеро, но эта кровь — огонь. У Данте гнѣвные и вялые точно также погружены въ воду Стикса (Inf. c. VII in fine и VIII), а насильники въ кровавую рѣку, la riviera del sangue, in la qual bolle

> Qual che per violenza in altrui noccia.
> Inf. c. VII, v. 47—8.

Всего интереснѣе по своей оригинальности наказаніе недобрыхъ прихожанъ, которые знаютъ про своего духовнаго пастыря, что онъ развратникъ, клятвопреступникъ и находится подъ церковнымъ отлученіемъ, и не смотря на все это терпятъ и слушаютъ его. Самое мѣсто наказанія зовется *Covinium* [1]): родъ бассейна, громадной длины и ширины, наполненный расплавленною мѣдью, оловомъ, свинцомъ, сѣрой и смолой. Съ одной стороны его держалъ голову огненный конь, шестьдесятъ локтей въ длину, тридцать въ вышину, двадцать въ ширину; съ другой открывалось въ бассейнъ небольшое отверстіе, которымъ входили грѣшники, чтобы пройти черезъ раскаленную массу и черезъ голову коня выйти его задомъ.

---

[1]) У Ducange'a Gloss. *covina* = agendi ratio, rerum status, conspiratio; стар. англ. *covin*, стар. франц. convine, couvine, covine (срав. Diez, Etym. Wörterb. ad v. convine). Такъ въ поэмѣ Du Médisant: «Médisans set maint *mal couvine*. Mal couvine можетъ быть въ противоположность къ *Prudenza*, названію лимба у Альберика?

Адское путешествіе приближается къ концу. Уже Альберикъ стоитъ у зѣва пропасти (hos infernalis baratri), которую какъ и Данте сравниваетъ съ гигантскимъ колодцемъ. Все полно смрада, воплей и отчаянныхъ криковъ. Общее среднимъ вѣкамъ представленіе сатаны въ видѣ громаднаго змѣя, которое у Данте уже антропоморфизировалось (впрочемъ, Inf. c. XXXIV, v. 108, онъ еще называетъ его verme reo), принято и Альберикомъ: онъ прикованъ къ цѣпи, передъ нимъ стоитъ множество грѣшныхъ душъ, которыя онъ втягиваетъ въ себя дыханіемъ, словно мухъ, и потомъ снова выдыхаетъ обращенныя въ пепелъ, и это повторяется надъ ними, пока не очистятся отъ грѣха, за который осуждены. И здѣсь, какъ въ предъидущихъ легендахъ, безсознательное смѣшеніе чистилища съ адомъ, у входа въ который, по слову поэта, должна остаться всякая надежда. Почти непосредственно за этимъ видѣніе себѣ противорѣчитъ, когда говоритъ о грѣшникахъ помѣщенныхъ въ преисподней, что они не будутъ судимы, но безъ суда погибнутъ. Между ними находятся: Іуда, Анна, Каифасъ и Иродъ.

Описавъ обитель сатаны, Альберикъ еще останавливается на мученіяхъ, постигшихъ святотатцевъ, симоньяковъ (у Данте, Inf. c. XIX, они также мучимы огнемъ), оставившихъ духовный чинъ и монашеское званіе, клятвопреступниковъ, погруженныхъ въ черное озеро, полное гадовъ, гдѣ демоны бичуютъ ихъ змѣями (у Данте, Inf. c. XVIII, бичеваніе присуждено соблазнителямъ женщинъ), наконецъ воровъ (fures et rapaces), обремененныхъ огненными цѣпями и тяжелыми привѣсами къ шеѣ, не позволявшими имъ поднять лицо (см. Данте, Inf. c. XXIII, наказаніе лицемѣровъ и еще болѣе въ Purg. cc. X—XII, гдѣ надменные обременены тяжестями, которыя также гнутъ ихъ къ землѣ, гдѣ начерчены въ лицахъ поучительные примѣры смиренія; въ Purg. c. XIX, скупые лежатъ ничкомъ по словамъ псалмопѣвца: adhaesit pavimento anima mea). Зачѣмъ эти грѣшники поставлены въ такое близкое сосѣдство съ центромъ ада, мы не знаемъ. У Альберика вообще нѣтъ того чувства красокъ и тѣней, которыми въ такой высокой степени обладалъ Данте, когда у него тѣни располагаются гуще и краски становятся темнѣе по мѣрѣ приближенія къ источнику мрака, и потомъ постепенно яснѣютъ и блещутъ съ каждымъ шагомъ къ небу. Наконецъ, Альберикъ былъ просто набожный сказатель, безотчетно слѣдовавшій мистическому откровенію легенды, тогда какъ Данте проникнулся всей современной богословской наукой и ученіями схоластики, которыя помогали ему внести болѣе строгую систему въ распре-

дѣленіе мукъ и степеней блаженства. Степени грѣховности у него расположены по Аристотелю (Ethica lib. VII cap. I):

Non ti rimembra di quelle parole,
Con le quai la tua Etica pertratta
Le tre disposizion, che' Ciel non vuole;
Incontinenza, malizia, e la matta
Bestialitade?
Inf. c. XI, vv. 79 — 83.

Въ этомъ раздѣленіи обозначенъ весь послѣдующій ходъ его ада. И Альберика апостолъ Петръ наставляетъ въ смертныхъ грѣхахъ, которые сводитъ къ главнымъ тремъ: *Gula, Cupiditas* и *Superbia* — отъ нихъ пошли всѣ остальные [1]); но на внутренней экономіи разсказа такое раздѣленіе не оставило слѣда.

Альберикъ все еще стоитъ въ преисподней, juxta inferni claustra, когда онъ увидѣлъ птицу удивительной величины и красоты, несшую подъ крыломъ вѣтхаго днями монаха, котораго она уронила надъ огненной пропастью. Злые духи тотчасъ же къ нему приступили, но птица снова подхватила его и понесла. Тогда апостолъ Петръ оставилъ Альберика, чтобы пойти отворить райскія двери божьему слугѣ; въ его отсутствіе одинъ изъ демоновъ уже думаетъ приняться за Альберика, какъ Данте въ аду досаждаютъ злые духи; и какъ тамъ Виргилій, такъ здѣсь апостолъ является на выручку и открываетъ Альберику видѣнія славы (meque subito arripiens in quendam locum gloriose projecit visionis). Отсюда перекидывается на другую сторону адской рѣки тотъ мостъ, пытающій грѣшниковъ, о которомъ мы говорили, и Петръ объясняетъ своему спутнику, что они въ чистилищѣ. По этому поводу онъ говоритъ ему о силѣ покаянія и приводитъ въ примѣръ легенду о спасшемся богачѣ. Жилъ-былъ одинъ благочестивый отшельникъ, разставшійся съ свѣтомъ для поста и молитвы. И сталъ онъ просить Бога объ откровеніи: кому онъ уподобленъ будетъ на томъ свѣтѣ? Ему указано было на неправеднаго богача. Смутился святой отецъ: зачѣмъ было молиться и поститься, когда на томъ свѣтѣ уподоблену быть богачу неправедному? И вотъ смущенный святой идетъ къ нему и слышитъ отъ него повѣсть его прегрѣшеній: какъ онъ

[1]) Отъ *gula* происходитъ ventris ingluvies, concupiscentia mala, fornicatio et cetera istiusmodi; cupidus autem Deo et hominibus odibilis animam suam dare Deo non vult ... de superbia vero oritur vana gloria, dominandi desiderium, sui altitudo, despectus alterius. De superbia nascitur injuria de injuria odium, de odio homicidium, et sic de his tribus vitiis cetera peccata coalescunt, Cap. 32.

прежде былъ преданъ страстямъ и питалъ нечистую любовь къ одной замужней женщинѣ, которая противилась его обольщеніямъ: какъ ея мужа забрали сарацины, и она, не находя денегъ для его выкупа, сама пришла къ богачу и отдалась ему. Тронутый ея привязанностью, онъ ея не коснулся, заплатилъ выкупъ за мужа и покаялся во грѣхахъ. Когда отшельникъ въ другой разъ видится съ покаявшимся богачемъ, онъ застаетъ его на смертномъ ложѣ и видитъ какъ ангелъ смываетъ его слезами рукопись прегрѣшеній, представленную діаволомъ. Эта легенда часто встрѣчается въ средневѣковой европейской литературѣ, и, если не ошибаюсь, извѣстна была и у насъ.

Короткое изображеніе чистилища интересно въ особенности по эпическому мотиву охоты и преслѣдованія, съ которымъ любили соединять въ средніе вѣка понятіе загробнаго очищенія. Мы видѣли выше [1]), какъ, слѣдуя Гелинанду, Боккаччіо и Пассаванти, каждый съ своей точки зрѣнія воспользовался этимъ мотивомъ, котораго связь съ германскимъ миѳомъ о дикомъ охотникѣ заслуживаетъ вниманіе. Болѣе, чѣмъ литература романовъ и странствующихъ повѣстей, легенды и житія соединяли разрозненные члены христіанскаго міра и быстро народнѣли, такъ что иногда трудно бываетъ различить непосредственное вліяніе отъ общаго сходства культурныхъ формъ, языческій миѳъ отъ самостоятельнаго творчества христіанской мысли. И у Альберика дьяволъ ѣздитъ на осѣдланномъ и взнузданномъ драконѣ, будто рыцарь (in specie militis), съ змѣей въ рукѣ, которою стегаетъ настигнутыя души. Поле простирается далекое, на трое сутокъ пути, покрытое терніемъ и иглами, промежъ которыхъ негдѣ поставить ноги; по немъ бѣгаютъ души, спасаясь отъ дракона, тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе очистились отъ грѣховъ въ мучительномъ бѣгѣ, пока не перейдутъ наконецъ на другую поляну, такую обширную, исполненную такой красоты и славы, что ни одинъ языкъ, никакая рѣчь не могутъ передать. Тамъ запахъ розъ и лилій, тамъ манна и вѣчное довольство. Только-что вступилъ въ нее очистившійся грѣшникъ, растерзанные члены и порвавшаяся на терніяхъ одежда возобновляется; ихъ привѣтствуютъ, вставши, души успокоившихся праведниковъ и поютъ хвалу Богу. Такъ у Данте гора чистилища содрагается отъ веселія при вѣсти о спасенномъ грѣшникѣ.

Тутъ были сонмы ангеловъ и другихъ святыхъ, покоящихся въ шестомъ небѣ [2]), сонмъ монаховъ и исповѣдниковъ — между

[1]) См. на стр. 178, ссыл. 2.

[2]) Такъ души праведныхъ сходятъ съ неба славы, чтобъ привѣтствовать Данте на различныхъ кругахъ небесной сферы.

ними блаженный Бенедиктъ пользуется бо́льшей славой чѣмъ другіе. Апостолъ Петръ долго говоритъ съ Альберикомъ объ обязанностяхъ и подвигѣ монашеской жизни.

Посреди поля на высокой горѣ и ближе къ небу находится земной рай съ древомъ жизни, охраняемымъ херувимами, и деревомъ, отъ котораго плодовъ отвѣдалъ Адамъ: имя ему *Neptalim*. Здѣсь покоятся Авель, Авраамъ, Лазарь и праведный разбойникъ — другихъ не назвалъ апостолъ. Возлѣ рая Альберику показано было ложе, богато убранное, по бокамъ котораго стояли два священника въ облаченіи съ кадильницами; онъ услышалъ имя возлежавшаго, но ему запрещено было повѣдать о немъ.

Голубь, появившійся въ началѣ видѣнія и потомъ исчезнувшій во время адскаго путешествія, теперь снова является, вѣроятно изображая собою благодать св. Духа, и ведетъ Альберика на небо, въ сопровожденіи ап. Петра и двухъ ангеловъ.

Первое небо воздушное (aereum), гдѣ находится звѣзда полуденная (stella meridiana), и надъ этимъ небомъ вращается луна, а не ниже, какъ то кажется людямъ.

Второе небо эѳирное (æthereum) съ звѣздой Марса.

Третье звѣздное (sidereum) съ Меркуріемъ.

Четвертое зовется *Orleons* (?), гдѣ въ 365 дней солнце совершаетъ свое обращеніе.

Пятое *Junion* съ звѣздой Юпитера (Junion—юпитеровское?)

Шестое *Venustion*, гдѣ звѣзда Венеры, хоры ангеловъ, архангеловъ, патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, исповѣдниковъ и дѣвственницъ. Надо всѣми хоръ апостоловъ, а выше всѣхъ Петръ апостолъ.

Седьмое зовется *Anapecon* (?), гдѣ находится Сатурнъ, вращающійся въ 365 дней, какъ и солнце, дающій ему блескъ и теплоту: «потому что какъ утромъ и вечеромъ солнце умѣренно свѣтитъ и грѣетъ, такъ было бы и днемъ, еслибы сверху ходящая звѣзда не давала ему силы и жару [1]). Здѣсь передъ престоломъ Всевышняго хоры шестикрылыхъ херувимовъ славословятъ Бога трикратной славой. О херувимахъ же мнѣ повѣдалъ св. Петръ, что они предстоятъ Богу въ томъ видѣ, въ какомъ до созданія неба и земли Господь носился на крыльяхъ вѣтряныхъ.»

---

[1]) Мы не знаемъ, изъ какихъ средневѣковыхъ космографій почерпнуты эти свѣдѣнія о солнцѣ и Сатурнѣ. У Брунетто Латини (Li livres dou Trésor, od Chabaille, pag. 132) говорится о солнцѣ: «car sanz faille li solaus est fondemenz de toutes lumières et de toute chalor»; напротивъ, p. 128, «Saturnus, qui est le Souverains sor tous, est cruex et felons et de *froide nature*». Также Данте, Purg. c. XIX, v. 3 и Par. XXII, гдѣ холодъ Сатурна противополагается жару Марса.

Наконецъ, голубь приводитъ Альберика къ мѣсту окруженному высокими стѣнами. Что онъ тамъ видѣлъ, онъ не можетъ разсказать. Такъ и у Данте въ виду неизрѣченныхъ откровеній неба подломились крылья фантазіи:

All'alta fantasia qui mancò possa.
Par. c. XXXIII, v. 142.

Выше мы сказали нѣсколько словъ о связи средневѣковыхъ путешествій съ пейзажами легендарнаго рая. Только нѣсколько шаговъ далѣе къ Востоку за Imagène du Monde [1]) и Dittamondo [2]), за странами баснословныхъ пигмеевъ и одноглазыхъ людей—и мы очутимся у воротъ, сторожимыхъ херувимомъ. Путешествіе на небо было въ средніе вѣка гораздо легче, чѣмъ теперь, нужно было только идти да идти, пока не дойдешь туда, гдѣ земля сходится съ небомъ. Оттого, показавши Альберику тайны неба, мистическій голубь обращаетъ его вниманіе на землю съ ея пятьюдесятью одною областью [3]), которыя называетъ по имени. Поэтическое чутье не позволило Данте такого шага назадъ: съ высоты небесныхъ сферъ земля кажется ему небольшимъ клочкомъ матеріи, дѣлающимъ насъ столь жестокими другъ къ другу, и онъ обозрѣваетъ ее однимъ взглядомъ, отъ горъ и до моря (Par. c. XXII, vv. 151—153; c. XXVII, vv. 85—6).

Въ одной изъ этихъ областей Альберикъ видитъ аллегорію страждущей церкви, не такую общую, міровую, какъ апокалипсическое видѣніе послѣднихъ пѣсенъ чистилища, а болѣе мѣстнаго, узко наставительнаго, свойства. Опустѣлый городъ, разрушенный храмъ, толпы дѣтей быстро проходятъ мимо, гонимые людьми мрачнаго вида—демонами. Они хотѣли бы остановиться, войти въ церковь, положить на себя знаменіе креста, но не могутъ; обнаженная женщина съ распущенными волосами и двумя зажженными свѣчами въ рукахъ пытается сдѣлать тоже самое—и не въ силахъ. А изъ города въ это время слышатся вопли. Это наказаніе его нечестивымъ жителямъ, не чтившимъ церковь, приходившимъ въ нее не для того, чтобы молиться и слышать божественное слово, но чтобъ затѣвать ссоры. Женщина

[1]) Histoire littéraire de la France, tome XXIII, fin du XIII siècle, pp. 287—335: «L'Image du monde et autres enseignements».

[2]) Il Dittamondo di Fazio degli Uberti fiorentino, ridotto a buona lezione colla correzioni pubblicate dal cav. Vincenzo Monti nella Proposta e con più altre. Milano, Silvestri, 1826.

[3]) Петръ діаконъ, Chron. Casin. (Murat. ibid.), говоритъ о «septuaginta et duas provincias».

была владѣтельницей города, ничего не подававшая ни бѣднымъ, ни на божій храмъ; въ рукахъ у ней зажженныя свѣчи — при жизни у ней ихъ было множество, но она не ставила ихъ передъ образами. Какъ-то разъ случилось ей отдать нищему башмаки, за то Богъ и облегчилъ ей наказаніе, и она обута, хотя совсѣмъ нагая; распущенные ея волосы жгутъ ее пламенемъ. Совсѣмъ картина чистилища, еслибъ дѣйствіе не помѣщено было на землѣ, и мы не могли истолковать его аллегоріей грѣшной церкви, отошедшей отъ чистоты своего божественнаго призванія.

Извѣстенъ поэтическій разсказъ Данте о происхожденіи адскихъ рѣкъ: на островѣ Критѣ стоитъ гора, которую Рея избрала колыбелью своему сыну; на горѣ стоитъ старецъ исполинъ, голова его чистаго золота, руки и грудь чистаго серебра, мѣдное все остальное до раздвоенія ногъ, весь низъ желѣзный, только правая нога изъ глины. И всѣ части его надтреснуты, кромѣ золотой головы; изъ трещинъ капаютъ слезы, собирающіяся въ адскія рѣки: Ахеронъ, Стиксъ, Флегетонъ и Коцитъ. Легенда о плачущихъ образахъ очень обыкновенна въ средневѣковой символикѣ; если мы встрѣчаемъ ее у Альберика, то это еще новая черта общаго сходства мотивовъ между нимъ и Божественной комедіей. И Альберику видится въ Галатіи церковь, гдѣ «super amulam cristallinam» стоитъ гигантское распятіе, льющее слезы надъ людскими грѣхами.

И еще многое другое показалъ апостолъ Альберику и велѣлъ передать людямъ. Былъ же Петръ росту средняго, худой тѣломъ, съ нѣсколько толстымъ лицомъ, волоса съ просѣдью, въ бѣлой туникѣ и съ золотой цѣпью на шеѣ, на головѣ золотая корона, въ рукахъ ключи съ драгоцѣнными каменьями—какого металла, Альберикъ не могъ различить. Апостолъ вложилъ ему въ ротъ длинную, мелко исписанную хартію со словами: «Ты не имѣешь власти извергнуть ее, ни кровь твоя не можетъ ее разрушить.»

Тутъ Альберикъ очнулся.

«Съ тѣхъ поръ и даже до сего дня, повѣствуетъ о немъ Петръ діаконъ [1]), видѣвшій его въ монастырѣ, онъ такой воздержной жизни, такихъ строгихъ нравовъ, что никто не усумнится въ видѣніи имъ адскихъ мукъ и славы божьихъ святыхъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ онъ не ѣстъ ни мяса, ни сала, не пьетъ вина, ходитъ босой, даже до сего дня, по благословенію Божію. Если не его слово, то его жизнь могла бы служить свидѣтельствомъ, что онъ многое видѣлъ такое, и страшное и желанное, что скрыто для другихъ.» Его хожденіе въ скоромъ времени распростра-

[1]) Murat. ibid.

лось въ народѣ, и, какъ водится, дополнено разными апокрифическими статьями; такъ что аббатъ Герардъ принужденъ былъ поручить исправленіе текста монаху Гвидону и тому же Петру діакону. Ихъ-то редакція лежитъ передъ нами; въ введеніи Гвидонъ сообщаетъ роспись отброшенныхъ статей: о высотѣ адскихъ вратъ; о блуждающихъ корабельщикахъ; страданія св. Пандида; церковь св. исповѣдника Архилегія; слова Моисея къ Богу; о сотвореніи Адама, объ его имени, объ его пищѣ, и о смерти; о Ноевомъ виноградникѣ; о высотѣ неба и т. п. При такой распространенности сказанія [1]), нельзя предположить, чтобъ оно осталось неизвѣстнымъ Данте: кромѣ общаго сходства мотивовъ, въ Божественной комедіи встрѣчаются такія подробности, на которыхъ отзывается скучная латинская проза Альберика; даже въ метафорахъ и нѣкоторыхъ картинныхъ выраженіяхъ слышится будто ея далекій отзывъ [2]). Вспомнимъ, что Данте бывалъ въ Monte Cassino на пути къ неаполитанскому двору, куда онъ ходилъ посланникомъ отъ флорентійской синьоріи; и что еще въ Par. c. XXII, v. 37 онъ поминаетъ:

Quel monte, a cui Cassino è nella costa.

Если отложить въ сторону вопросъ о болѣе близкихъ отношеніяхъ между поэтомъ и ясновидящимъ XII вѣка, то все же за Альберикомъ остается болѣе ясное формулированіе космогоническихъ представленій католичества въ эпоху предшествовавшую Данте; онъ ее сдалъ ему на руки; это—вѣтка съ золотыми, серебряными и лазоревыми листьями, приплывшая изъ небеснаго сада, по которой Данте добрался до своего Божественнаго рая.

III.

Сознаніе среднихъ вѣковъ отличалось глубокимъ характеромъ символизма. Всѣ мы болѣе или менѣе понимаемъ жизнь символически, вслѣдствіе нашего субъективнаго отношенія къ предметамъ внѣшняго міра. Полное, всестороннее пониманіе можетъ быть развѣ идеаломъ науки: въ ежедневномъ обиходѣ мы обыкновенно довольствуемся общими очертаніями предмета, по большей части одною какой-нибудь чертою, почему бы то ни было поразившею насъ — и эта одна выдающаяся черта опредѣляетъ

[1]) Петръ діаконъ, Chron. Casin. ibid.: .... quia per omnium fere ora volvitur.
[2]) Срав. Боттари, di Costanzo; Тости, «Storia della badia di M. Cassino.»

характеръ нашего внутренняго воспріятія. Такое одностороннее впечатлѣніе становится для насъ символомъ всего предмета и въ свою очередь устанавливаетъ наши дальнѣйшія отношенія къ нему; послѣдующія впечатлѣнія уже находятъ въ душѣ не tabula rasa, а крѣпко сложившійся символическій образъ, въ который они спѣшатъ уложиться, распространяя и обогащая его подробностями. Каждый послѣдующій символъ опредѣляется предъидущимъ, прежде составленнымъ, который съ своей стороны связанъ съ цѣлымъ рядомъ символическихъ представленій, отвѣчавшихъ образамъ внѣшняго міра на разныхъ степеняхъ человѣческаго развитія.

Такимъ образомъ, восходя далѣе и далѣе къ началу, мы дойдемъ наконецъ до миѳической поры, когда первыя символическія впечатлѣнія міра закрѣплены были въ языкѣ, въ конкретной односторонности слова. Мы стоимъ въ природѣ по крайней мѣрѣ на столько же, на сколько въ исторіи, и также опредѣляемся субъективными преданіями человѣчества, какъ разнообразіемъ объективныхъ вліяній природы. Раскроются ли когда нибудь законы ихъ взаимнодѣйствія и возможна ли будетъ когда наука исторіи?

Не въ этомъ смыслѣ назвали мы «символическимъ» христіанское сознаніе среднихъ вѣковъ; мы хотѣли охарактеризовать его, и не дали бы никакой характеристики, отнеся его къ общему символическому процессу. Между тѣмъ нѣтъ ничего болѣе противоположнаго ему, ничего столь прямо идущаго въ разрѣзъ съ этимъ процессомъ. Выше мы указали, какъ всякое наше представленіе, всегда символическое, въ разной степени одностороннее, по необходимости связано съ исторіей предшествовавшихъ представленій и ими опредѣляется: символъ вырабатывался жизнью. Съ христіанствомъ это вырабатываніе пріостанавливается на всѣхъ точкахъ развитія: масса новаго умственнаго матеріала, чуждыя идеи, не приготовленныя исторіей, не чаемыя жизнью! Сознаніе начинаетъ относиться къ нимъ, какъ привыкло относиться къ міру объективныхъ явленій, также символически, односторонне, прилаживая ихъ къ себѣ, приводя ихъ содержаніе къ своей собственной мѣркѣ. Оно создало христіанскую символику. Но такова послѣдовательная сила внесенныхъ идей, далекая отъ пассивнаго характера природныхъ впечатлѣній, что даже подъ узкой оболочкой символа она продолжала доходить до своихъ послѣдствій, не спрашиваясь органическаго хода исторіи: какъ прежде символъ выходилъ изъ жизни, такъ жизнь начинаетъ теперь опредѣляться внесеннымъ въ нее умственнымъ матеріаломъ, къ которому отнеслась символически. Въ этомъ смыслѣ мы и

назвали ее символической; въ этомъ отличіе древняго развитія отъ новаго, христіанскаго.

Интересъ, возбужденный въ послѣдніе годы наукой миѳологіи, оставилъ на время въ тѣни животрепещущій вопросъ о вліяніи христіанскихъ идей, столь важный для полнаго пониманія средневѣковой жизни и ея идеаловъ религіозныхъ, общественныхъ и литературныхъ. Старые миѳы выдвинулись на первый планъ въ наивной прозрачности своего символизма; если Гриммъ, Вольфъ и Mannhardt обращаются иногда къ набожнымъ легендамъ, то, главнымъ образомъ, для того, чтобы вскрыть затаившуюся въ нихъ языческую сагу. Но лишь одна струя—въ разнообразномъ теченіи среднихъ вѣковъ, гдѣ столько неразрѣшимо смѣшанныхъ вліяній, гдѣ тонкая струя классическаго преданія пробивается въ основу народнаго миѳа, и всѣ вмѣстѣ отливаются въ христіанскія формы, такъ что иногда и не отличишь, гдѣ кончается одно и начинается другое. У христіанскихъ идей была, кромѣ того, своя особенная исторія, онѣ послѣдовательно развивались изъ своихъ собственныхъ началъ, на долго впередъ опредѣляя соціальные и эстетическіе типы; тогда какъ національный и классическій элементы продолжали прозябать подъ землею, въ монастыряхъ, и только позднѣе объявилось, что они никогда не умирали совершенно.

На этой-то исторіи христіанскихъ вліяній намъ хочется остановиться, чтобъ указать ея главные результаты. Христіанство выработалось въ иной средѣ, въ концѣ другого, болѣе законченнаго развитія, чѣмъ среди какого ему привелось потомъ дѣйствовать. Понятно, что въ этой новой средѣ отношенія къ нему могли быть только неполныя, одностороннія, потому что умы еще не были приготовлены къ цѣльному принятію его ученій. Оттого его понимаютъ здѣсь символически: его высокія тайны, его руководящіе догматы, нравственные типы, даже восточный колоритъ его евангельскаго слова. Извѣстно, что почти все богатство пластическихъ образовъ, которыми красуется старое христіанское искусство, вышло, главнымъ образомъ, изъ такого вѣкового недоразумѣнія: слово, эпитетъ, названіе принималось конкретно за то, что оно всего ближе обозначало, потому что еще недоступенъ былъ, скрытый за эпитетомъ и метафорой, отвлеченный смыслъ. Въ этомъ внѣшнемъ отношеніи къ предмету, исключающемъ его полное пониманіе — основа христіанскаго символизма, какъ вообще всякого другого. Такъ имя св. *Христофора* истолковано было этимологически какъ богоносца, и на этимологіи основалась цѣлая легенда: онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ носильщикомъ и на своихъ плечахъ перенесъ божествен-

наго младенца; ему и фигура была дана такая, высокая, съ кряковистымъ сукомъ въ рукахъ. Старая легенда приписывала ему страшный видъ—и эта подробность понята была конкретно: русскіе иконописцы изображали его съ лошадиной либо пёсьей головой. *Renatz* (Renatus) былъ дважды рожденный, т. е. изъ тьмы невѣрія воскрешенный къ жизни вѣры — о немъ пошло преданіе, какъ о дѣйствительно возставшемъ отъ мертвыхъ. На устахъ святыхъ, обладавшихъ сладостью божественной рѣчи, пчёлы стали класть соты; мудрые зміи и незлобивые голуби евангелія вмѣстѣ съ библейскимъ змѣемъ и представленіемъ св. Духа подъ видомъ голубя—подали поводъ къ безчисленному множеству легендъ, разнообразившихъ ту же самую тему; съ первыхъ же временъ христіанства голубь является символомъ душевной чистоты, въ его видѣ души праведныхъ возносятся на небо, Духъ святой сходитъ голубемъ на плечи святыхъ. Съ другой стороны, змѣй становится общимъ символомъ злого духа. Такъ всѣ звѣри и растенія библейскихъ аллегорій и евангельской притчи, левъ и волкъ, мистическій агнецъ, виноградникъ, роза и лилія, поочередно переходили въ символъ, утрачивая за собою тотъ смыслъ, въ которомъ они встрѣтились разъ въ священномъ текстѣ, а символъ въ свою очередь рождалъ легенду. Что старые миѳы могли принимать участіе въ такой символизаціи — нѣтъ сомнѣнія; здѣсь насъ собственно интересуетъ воспроизводительность христіанскихъ представленій, перенесенныхъ на языческую почву.

Все это впрочемъ внѣшняя сторона символическаго отношенія къ христіанству, характеризующая средніе вѣка, хотя и по ней можно составить себѣ понятіе о его внутреннихъ послѣдствіяхъ для общества. Гораздо интереснѣе по своимъ результатамъ символически-одностороннее пониманіе христіанскихъ типовъ, представляемое средневѣковыми легендами, потому что имъ опредѣлялся кодексъ нравственныхъ правилъ, семейныя отношенія и общественное положеніе женщины. Не даромъ Лія и Рахиль представлены у Данте символами жизни дѣятельной и самозаключенной, и апостолы Петръ, Іоаннъ и Іаковъ подѣлили между собою ученія вѣры, любви и надежды — такъ понимали ихъ средніе вѣка. Всѣ выдающіяся личности вѣтхаго и новаго завѣтовъ и апостольской церкви являлись символами, представителями одной идеи, извѣстнаго типа добродѣтели; они живые примѣры, которымъ оставалось слѣдовать, чтобы достигнуть совершенства. Кто хотѣлъ укрѣпиться въ вѣрѣ, руководился твердостью апостола, на которомъ покоится церковь Христова; къ любимому ученику Іисуса Христа обращались всѣ жаждавшіе

небесной любви [1]). Это отразилось на литературномъ характерѣ позднѣйшихъ легендъ, гдѣ житія святыхъ слѣдуютъ до подробностей установившимся первообразамъ христіанской жизни: пустынники Ѳиваиды давали норму пустынножителямъ, житія главныхъ святыхъ католическаго монашества очевидно расположены по евангельскому разсказу о земной жизни Іисуса Христа [2]), буддистская легенда о Варлаамѣ и Іосафатѣ, которой греческая редакція долгое время приписывалась Іоанну Дамаскину, повела за собой вереницу родственныхъ сказаній [3]); грѣшники каялись съ Маріей Магдалиной, Іосифъ прекрасный былъ образомъ дѣвственной чистоты, и всѣ повѣсти объ аскетическомъ забвеніи плоти восходили къ нему какъ къ своему прототипу. Мы позволимъ себѣ остановиться на послѣднемъ сказаніи, чтобъ разъяснить на немъ, какъ символическое пониманіе библіи вело къ созданію типа, проникнутаго всѣми крайностями восточнаго аскетизма, и изъ легенды проходило въ жизнь, въ народную пѣснь и духовные стихи, съ побѣдною пѣснью надъ грѣшною плотью.

Въ разсказѣ библіи эпизодъ о женѣ Пентефрія (Потифара) играетъ второстепенную роль, соединяя около себя вторую половину разсказа: местью за отверженную любовь мотивируется заключеніе въ темницу, толкованіе сновъ Фараона и позднѣйшія судьбы Іосифа. Во всемъ этомъ и слѣда нѣтъ, чтобъ его воздержанію придавался какой либо особый смыслъ въ общемъ ходѣ событій. Между тѣмъ такъ его поняли средніе вѣка, которыхъ болѣе чѣмъ что другое должна была поразить аскетическая дѣвственность, незнакомая пластическому чувству язычника: Іосифъ прекрасный сталъ по преимуществу дѣвственникомъ, весь библейскій разсказъ сошелся къ эпизоду объ искушеніи, и братья Іосифа очутились паломниками, странниками ко святымъ мѣстамъ. Надо только было спасти романическую подробность о чашѣ, которую Іосифъ запряталъ въ мѣшокъ Веніамина, чтобъ испытать своихъ братьевъ: въ христіанской редакціи сказанія, Веніаминъ смѣшанъ съ Іосифомъ — кстати, уже въ библіи оба брата стоятъ ближе другъ къ другу, какъ сыновья одной матери и болѣе мягкаго характера чѣмъ другіе братья. Но теперь чашу

---

[1]) Въ четырехъ различныхъ толкованіяхъ св. писанія, какія допускала средневѣковая богословская наука, апостолъ Матѳей сдѣлался представителемъ *историческаго*, Маркъ — *аллегорическаго*, Лука — *нравственнаго*, Іоаннъ — *анагогическаго*.

[2]) Maury, Essais sur les légendes pieuses du moyen âge.

[3]) По извѣстной легендѣ о Семи спящихъ братьяхъ могли составляться позднѣйшіе разсказы о чудесномъ успеніи. Большое вліяніе должны были имѣть легенды о мѣстныхъ святыхъ: Альберикъ родился въ Settefratte, «quod in honorem sanctorum septem fratrum constructum est — и, какъ они, засыпаетъ.

прячетъ не Іосифъ, а жена Пентефрія подкладываетъ ее Іосифу, чтобы служить уликой къ ея навѣтамъ. Интересно, что на востокѣ и на западѣ Европы библейскій разсказъ пришелъ къ однимъ и тѣмъ же сокращеніямъ подъ вліяніемъ символическаго характера, котораго дѣвственный Іосифъ сдѣлался носителемъ въ средніе вѣка. Мы говоримъ именно о русскомъ духовномъ стихѣ: «Сорокъ каликъ со каликою», и о западной легендѣ о странникахъ ко гробу св. Іакова Кампостелльскаго. Касьянъ сынъ Михайловичъ духовнаго стиха — народная передѣлка прекраснаго Іосифа; его братья перешли въ каликъ. Они идутъ въ Іерусалимъ и промежъ себя положили заповѣдь великую:

Кто украдетъ или кто солжетъ
Али кто пустится на женскій блудъ
. . . . . .
. . . . . .
И окопать по плеча во сыру землю
. . . . . .
Еще кто изъ насъ изъ сорока каликъ,
Котора калика заворуется,
Котора калика заплутуется,
Котора обзарится на бабицу —
Отвести того, дородна молодца,
Отвести далеко во чисто поле:
Копать ему ямище глубокое
Зарывать его во сыру землю
Во сыру землю по бѣлымъ грудямъ,
Чисть-рѣчистъ языкъ вынять теменемъ,
Очи ясныя — косицами,
Ретиво сердце промежду плечей.

Молода княгиня Апраксѣевна, жена Пентефрія въ библейскомъ разсказѣ, обзарилась на атамана каликъ, молодого Касьяна сына Михайловича; не успѣвши въ своемъ намѣреніи она велитъ:

Прорѣзать бы ему суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну

(«наливную чашу однозолотную,» въ стихѣ объ Іосифѣ прекрасномъ «золотую чашу *волховую*»). Калики уходятъ, не замѣчая хитрости; Алеша Поповичъ (либо Добрыня) настигаетъ ложныхъ грабителей, послѣ чего калики исполняютъ надъ атаманомъ свою заповѣдь:

Братъ его Михайло Михайловичъ
Принимался за заповѣдь великую.

Между тѣмъ странники побывали въ Іерусалимѣ, искупались въ Ерданъ-рѣкѣ, утирались нетлѣнной ризой, и идутъ назадъ къ городу Кіеву:

А идутъ назадъ уже мѣсяца два,
На то мѣсто не угодили они,
Обошли маленько сторонкою
Его молода Касьяна Михайловича.
Голосокъ наноситъ по малехоньку:
А и тутъ калики остоялися,
А и мѣсто стали опознавать;
Подалися малехонько — и увидѣли
Молода Касьяна сына Михайловича.

По одной редакціи стиха прилетала къ покинутому каликѣ райская птичка, велѣла ему умыться росой съ шелковой травы и его раны заросли:

Вскакивалъ изъ сырой земли:
Какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда.

Если перейти теперь къ западной легендѣ о кампостелльскихъ странникахъ, мы поражены будемъ сходствомъ мотива, вышедшимъ изъ одинаково-символическаго отношенія къ библейской повѣсти. И здѣсь три паломника, отецъ, мать и сынъ, идутъ на поклоненіе къ гробницѣ св. Іакова въ Галиціи. По дорогѣ они останавливаются въ гостинницѣ; племянница хозяина пристаетъ къ молодому страннику: «Поцѣлуй меня, будь-же вѣжливъ».—«Не тому учитъ заповѣдь Господня, ни св. Іаковъ Кампостелльскій.» Дѣвушка беретъ золотую чашу и прячетъ ее въ карманъ путнику. За обѣдомъ хватаются кубка: «Гдѣ же золотой кубокъ, изъ котораго пьетъ дядя?» Дѣвушка указываетъ на юношу, котораго судья приговариваетъ къ висѣлицѣ. Не смотря на это, отецъ и мать исполняютъ данный обѣтъ и доходятъ до святого гроба. На возвратномъ пути матери хотѣлось бы еще разъ поглядѣть на сына; еще издалека только-что завидѣла его она принимается плакать. А онъ какъ ни въ чемъ не бывало: св. Іаковъ поддерживалъ его за ноги, Богородица держала голову и ангелы его окружали. Его снимаютъ съ висѣлицы и его мѣсто занимаетъ ложная доносчица. Вольфъ сообщилъ эту духовную легенду, какъ она поется въ Каталоніи, почти не обращая вниманія на относящуюся сюда литературу [1]); Reinhold Köhler, въ журналѣ Эберта, занялся изысканіемъ ея источниковъ,

[1]) Ferdinand Wolf, «Proben portugiesischer und catalanischer Volksromanzen» въ Sitzungsberichte d. k. k. Akad. d. Wiss. 1856, März.

и приводитъ сходныя сказанія у Луція Маринея, Людовика della Vega, Николая Бертрана, Цесаря Гейстербахскаго, въ нидерландской народной пѣснѣ и итальянской мистеріи [1]). О библейскомъ Іосифѣ онъ поминаетъ только въ концѣ по поводу спрятанной чаши, не подозрѣвая общаго родства содержанія, котораго не замѣтилъ и Вольфъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ статьѣ Köhler'a. Обоимъ остался неизвѣстнымъ русскій стихъ о сорока калибахъ и наши духовные стихи объ Іосифѣ прекрасномъ, изъ котораго онъ очевидно вышелъ, повинуясь влеченію къ символической цѣлости типа, отличающему христіанскую фантазію, и обставляясь чертами народнаго эпоса [2]).

Мы видѣли, какъ евангельское слово и образы откровенныхъ сказаній, переходя въ сознаніе новыхъ людей, принимали новыя формы, вслѣдствіе односторонняго отношенія къ нимъ, и вели къ богатству христіанской символики и тѣмъ узкимъ символическимъ типамъ, по которымъ начинала слагаться средневѣковая жизнь. То же самое было съ догматомъ. Къ числу самыхъ запу-

---

[1]) Köhler въ Ebert Jahrbuch, III B., 1 Heft. Изданіе Emiliani Giudici въ его Storia del teatro in Italia vol. 1° было ему неизвѣстно (La rappresentazione d'uno miracolo di tre peregrini che andarono a Santo Jacopo di Galizia pp. 453—473). Сравн. также Ludus Sancti Jacobi, fragment de mystère provençal, découvert et publié par Camille Arnaud. Marseille, 1858, и статью Edelestand du Méril въ Ebert Jahrbuch, III B., 2 Heft.

[2]) Къ такимъ чертамъ мы относимъ эпическую казнь Касьяна Михайловича: его зарываютъ въ землю, а западнаго паломника просто вѣшаютъ. Зарытіемъ заживо наказывались преступныя женщины до поздней поры средніхъ вѣковъ. См. Grimm, Rechtsalterthümer, p. 694: «Lebendig begraben war noch bis spät ins Mittelalter (neben verbrennen und ersäufen) gewöhnliche Todesstrafe der Frauen für die Verbrechen, um derentwillen Männer gehängt oder gerädert wurden, z. B. nach dem Baireuther Stadtbuch (Lang's Baireuth, I, 85); ein Beispiel aus dem XVI Jahrh. besingt Hans Sachs II. 3, 192. War bei den Dietmarsen eine Jungfrau geschwängert, so stand nichts im Wege sie mit dem Rath und Beistand der Geschlechtsfreunde lebendig unter der Erde zu verbergen, oder unterm Eise. Neocorus 2, 547. *Indessen wurden auch Männer auf diese Weise hingerichtet.* Сравн. наказаніе весталокъ у римлянъ; въ аду Альберика прелюбодѣйцы наказываются во льду. Не можемъ не указать еще на одну подробность каталонской пѣсни, встрѣчающуюся и въ русскихъ легендахъ. Когда мать повѣшеннаго приходитъ къ судьѣ извѣстить его, что ея сынъ еще живъ, тотъ не хочетъ вѣрить: это также невозможно, какъ невозможно ожить зажаренному пѣтуху и курицѣ—судья въ это время обѣдалъ. Вдругъ курица и пѣтухъ запѣли. Вольфъ предполагаетъ источникомъ этого сказанія какое-нибудь апокрифическое евангеліе, такъ какъ оно часто поставлялось въ связи съ невѣріемъ Ирода, когда ему пришли сказать о воскресеніи Спасителя. Въ «Памятникахъ старинной русской литературы» вып. 1, находится легенда объ оживленной курицѣ; христіанинъ и жидовинъ спорятъ о воскресеніи: «и се вареное куря восплеска крилома, испусти гласъ и изнесе яйце». Въ Червоной Руси эта легендарная черта сохранилась въ одной колядкѣ; объ относящейся сюда литературѣ см. статьи Köhler'a и Вольфа въ Ebert, Jahrbuch, III B., 1 Heft.

танныхъ вопросовъ цивилизаціи принадлежитъ странное въ своей двойственности положеніе женщины въ среднихъ вѣкахъ, загнанной дома, въ лицѣ жены и дочерей, а внѣ дома поставленной на пьедесталъ, въ лицѣ рыцарской дамы, какъ предметъ реторическихъ вздоховъ трубадура. Все, что говорено было по этому поводу объ идеальномъ положеніи женщины въ древне-германской семьѣ, нисколько не ведетъ къ дѣлу, и всегда остается вопросъ: откуда пошелъ этотъ необъяснимый поворотъ семейныхъ отношеній? Намъ кажется, что германскую женщину слишкомъ идеализировали вслѣдъ за «Германіей» Тацита: если онѣ сильнѣе и самостоятельнѣе нашихъ, если онѣ сражаются на ряду съ мужьями и убиваютъ себя, когда римляне отказываютъ кимврянкамъ въ священствѣ, то все это потому, что тогда всѣ были сильнѣе и самостоятельнѣе. Общественныя отношенія опредѣлялись силой, одна сила мускуловъ цѣнилась, съ нею сообразовалась вира, за раба платилось меньше, какъ за побѣжденнаго, стало быть малосильнаго, уступившаго бо́льшей силѣ; права личности на относительную свободу опредѣлялись относительною крѣпостью мышцъ; права въ собственномъ смыслѣ еще не было. Мы не понимаемъ, какъ подобныя бытовыя отношенія могли не отразиться и на семейныхъ; надо помнить, что Тацитъ писалъ сатиру на римское общество и, во что бы то ни стало, долженъ былъ находить похвальнымъ въ германскомъ устройствѣ многое такое, что само въ себѣ не имѣло ничего хорошаго и чего можетъ быть онъ самъ не понималъ, потому что не все ему было показано. Намъ, по крайней мѣрѣ, которые не вѣримъ въ необъяснимые историческіе скачки, забитая семейная жизнь средневѣкового рыцарства кажется только органическимъ продолженіемъ германской семьи, какъ существовала она въ до-христіанскую эпоху. Съ другой стороны, догматъ воплощенія поставилъ образъ женщины высоко надъ обыденными потребностями страсти и домашняго обихода. Средневѣковой человѣкъ понялъ ее также символически, односторонне, какъ многое другое въ христіанствѣ, и столь же мало перевелъ его въ жизнь, еще не раскрывшуюся для пониманія его таинствъ. Католическій культъ мадонны, освященный въ XI вѣкѣ, и тѣсно связанное съ нимъ поэтическое обожаніе женщины—лучшее тому доказательство. Тамъ и здѣсь посторонняя владѣтельная дама, окруженная могуществомъ и блескомъ двора, отъ которой ждутъ милостиваго взгляда, предстательства, которую окружаютъ реторической фразой либо мистическимъ поклоненіемъ. И та и другая въ далекѣ: въ небѣ или неприступномъ замкѣ; въ жизнь онѣ не сошли и у семейнаго очага продолжается та же тяжелая доля женщины, какъ и пре-

же—можетъ быть жить стало еще хуже, потому что, опьяненный восторгомъ, человѣкъ неохотно отрывался отъ пластическаго символизма мадонны, и семейная дѣйствительность казалась ему еще сѣрѣе прежняго. Въ такія минуты онъ могъ серьезно разсуждать о томъ, возможна ли любовь при брачныхъ узахъ, и совершенно сознательно рѣшать его въ отрицательную сторону. Такъ рыцарско-католическій идеалъ нисколько не поднялъ общественнаго уровня женщины, но, если возможно, еще понизилъ его своимъ узкимъ символизмомъ.

Мы бы хотѣли указать здѣсь еще на одно слѣдствіе символически внѣшняго пониманія нашего догмата, слѣдствіе, котораго намъ кажется никто не замѣтилъ, хотя оно и отозвалось въ средневѣковой литературѣ рядомъ символическихъ сагъ и цѣлымъ цикломъ романовъ. Извѣстны легенды о демоническомъ происхожденіи и о любви демона къ земной женщинѣ, бывшія въ большомъ ходу въ средніе вѣка. Выше мы видимъ, что подобная легенда ходила о братьяхъ Эццелинѣ и Альберикѣ; можетъ быть еще менѣе извѣстно, что такое же происхожденіе приписывалось императору Юстиніану [1]). Преданія, сохраненныя венгерскими лѣтописями объ Альмѣ и св. Стефанѣ, миѳъ о демоническомъ происхожденіи гунновъ, русская повѣсть о бѣсноватой женѣ Саломоніи — не что иное, какъ развитіе того же мотива. Какъ божество сошло на землю и приняло человѣческую плоть, чтобъ искупить людей, такъ злая сила пользуется иногда тѣмъ же способомъ, чтобъ сѣять на землѣ плевела грѣха. Миѳы о Мерлинѣ и связанный съ нимъ романическій кругъ всего яснѣе покажутъ намъ, что именно въ этомъ смыслѣ средніе вѣка понимали легенды о демоническомъ зачатіи. Все, что толкуютъ о кельтскихъ источникахъ этого преданія или о его связи съ востокомъ въ цѣломъ и въ подробностяхъ [2]), нисколько не поколебало нашего убѣжденія, что мистическій смыслъ, который это преданіе приняло въ средневѣковомъ романѣ, никогда не могъ выработаться изъ народнаго эпоса и всѣми своими частями вышелъ изъ символической поэзіи христіанства. Какъ она не остановилась на безъискусственной простотѣ евангельскаго разсказа и создала апокрифическую литературу евангелій, такъ, послѣдовательно развиваясь изъ своихъ началъ, отъ апокрифовъ

---

[1]) Procop. Hist. arcana, 12: «Ferunt Justiniani matrem narrasse, hunc non Sabbatii conjugis aut hominum cujuspiam esse sobolem, sed eo gravida antequam esset quamdam dæmonis speciem ad se ventitasse... Perniciosus dæmon etc.

[2]) См. Orient u. Occident. 1-er Jahrg. 2 H. 1861: «Merlin» von Felix Liebrecht; «Nachtrag zu Merlin» von Theodor Benfey.

перешла къ романамъ Мерлина и св. Граля. Христіанскій символическій романъ становился о-бокъ съ послѣдними отпрысками языческаго эпоса, особой полосою, и между тѣмъ и другимъ проходила частая связь вліяній, обременившая христіанскую идею подробностями народнаго миѳа; при чемъ было совершенною случайностью, что этотъ миѳъ — кельтскій.

Въ апокрифическомъ евангеліи Никодима [1]) разсказывается, что Каринъ и Лентій (Charinus et Lenthius), сыновья Симеона Богопріимца, возстали изъ мертвыхъ, когда Іисусъ Христосъ сошелъ въ преисподнюю и сокрушилъ врата адовы. Они вернулись на землю съ этой благовѣстью; молчаливые, какъ мертвые, они пребываютъ въ Аримаѳіи, только прохожіе слышатъ ихъ воздыхающихъ (simul audiunt clamantes). Когда книжники и фарисеи приступили къ нимъ съ распросами, они кладутъ себѣ на языкъ знаменіе креста, отчего ихъ молчаніе разрѣшилось, и требуютъ хартіи (singulos tomos chartæ), гдѣ бы имъ написать, что они видѣли и слышали. Они находились въ аду, когда вѣсть о пришествіи Спасителя распространилась: святые ликуютъ, адское сборище сошлось на совѣтъ, что̀ дѣлать, какъ быть. Сатана, князь смерти (princeps et dux mortis), сообщаетъ грозную вѣсть Вельзевулу, царю ада (princeps inferorum). Послѣ взаимныхъ увѣреній и опасеній, гонимые грядущимъ страхомъ, демоны набрасываются на своего вождя, осыпая его упреками. Тутъ является Спаситель и выводитъ святыхъ изъ лимба.

Адъ пораженъ — здѣсь собственно начинается романъ Мерлина [2]) — но не хочетъ поступиться своими правами на землю. Новый совѣтъ демоновъ собирается, гдѣ совратившій Эву злой духъ предлагаетъ Луциферу свои услуги: «Какъ я былъ причиной соблазна Адама и Эвы, такъ теперь я буду причиной, что *родится другой человѣкъ отъ дѣвственницы, не знавшей мужа.* Этотъ человѣкъ будетъ Мерлинъ. Чтобъ исполнить свое намѣреніе, демонъ отправляется въ Англію, гдѣ у одной женщины, по имени *Filides*, были три дочери. Онъ совращаетъ ее самую, доводитъ до отчаянія ея мужа и развращаетъ двухъ дочерей, не смотря на благочестивыя попеченія пустынника Блазія. Съ третьей

---

[1]) J. A. Fabricii codex apocryphus novi testamenti etc. Ed. 2, Hamburgi, 1719. Nicodemi Evangelium.

[2]) Первое изданіе старо-итальянскаго романа о Мерлинѣ, слѣдовавшее вѣроятно французской редакціи, относится къ 1480 году; въ рукописяхъ онъ могъ быть извѣстенъ и раньше. Мы пользовались изданіемъ XVI вѣка: «La vita di Merlino con le sue profetie, nuovamente ristampata, et con somma diligenzia corrette. Le quali trata delle cose che hanno a venire». In Vinegia per Bartolomeo imperatore et Francesco suo genero 1554.

онъ соединяется самъ во время сна [1]). Позднѣе самъ Мерлинъ такъ разсказываетъ о своемъ происхожденіи: «И такъ я хочу, чтобъ ты зналъ и вѣрилъ», говоритъ онъ судьѣ, «что я сынъ проклятаго адскаго демона, который соблазнилъ мою мать; этотъ родъ демоновъ зовется *Eschibedes*, обитаетъ въ воздухѣ, и Господь Богъ дозволилъ мнѣ имѣть ихъ умъ и память вещей сказанныхъ, совершенныхъ и прошедшихъ [2]).» Натура Мерлина въ самомъ дѣлѣ совершенно демоническая: его вѣщее знаніе, его неуловимыя метаморфозы, быстрота, съ которой онъ переносится съ мѣста на мѣсто, его проказы и продѣлки напоминаютъ затѣйливую демонологію среднихъ вѣковъ, домашнихъ духовъ-проказниковъ, добродушныхъ и злобно-шутливыхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вѣритъ въ истиннаго Бога, онъ сообщаетъ пустыннику Блазію, что если въ немъ тѣло принадлежитъ злому началу, то его душа божья; его мать, навѣщенная демономъ, проводитъ жизнь въ молитвѣ и постѣ; онъ самъ удостоился крещенія. Оттого онъ обманываетъ ожиданія ада, пытавшагося сверхъестественнымъ образомъ возвратить утраченную власть: еще грѣшная слабость плоти осталась въ немъ, какъ онъ самъ сознается, но свое знаніе онъ употребляетъ только на благо людямъ. Небо еще разъ побѣдило адъ его же оружіемъ: Мерлинъ дѣлается проповѣдникомъ божественнаго слова, его учительной дѣятельности отведено широкое мѣсто въ романѣ. Интересно прослѣдить, какимъ образомъ вся исторія его жизни складывается по аналогіи его евангельскаго прототипа, какъ, по замѣчанію Maury, житія святыхъ подражали земной жизни Іисуса Христа. Мы уже сказали о сверхъестественномъ происхожденіи Мерлина; онъ только что родился, и Вортиргернъ начинаетъ искать его крови, какъ Иродъ младенцевъ Виѳлеема; онъ проповѣдуетъ, учитъ, дѣлаетъ чудеса, ученики записываютъ его вѣщія слова. Учрежденіе Круглаго стола при дворѣ Утерпандрагона — прямое напоминаніе Тайной Вечери; съ этою мыслью учредилъ его

---

[1]) Il quale (т. е. демонъ) secondo che si narra in questa historia avea possanza di ingraveder alcuna femina, portando a lei de la sperma del' huomo».

[2]) У Галфрида Монмутскаго, Maugantius объясняетъ Вортиргерну (Vortegirnus), какой это родъ демоновъ: «In libris philosophorum nostrorum et in plurimis historiis reperi, multos homines hujusmodi procreationem habuisse. Nam ut Apulejus de Deo Socratis perhibet, inter lunam et terram habitant spiritus, quos incubos dæmones appellamus: hi partim hominum, partim vero Angelorum naturam habent: et cum volunt, assumunt sibi humanas figuras et cum mulieribus coeunt. Forsitan unus ex iis huic mulieri apparuit et juvenem istum in ipsa generavit.» См. Galfredi Monumetensis Historia Britonum nunc primum in Anglia novem codd. Mss. collatis ed. J. A. Giles, Londini, 1844, p. 116—117.

Мерлинъ. «Ты долженъ знать», говоритъ онъ королю, «что Господь нашъ Іисусъ Христосъ пришелъ на землю единственно для того, чтобы спасти отъ грѣховъ міръ и человѣка, и долженъ вѣрить въ то, что онъ дѣлалъ на Тайной Вечери и что онъ сказалъ своимъ апостоламъ: «Одинъ изъ васъ предастъ меня»; и какъ одинъ изъ нихъ отдалился отъ него и его предалъ, и самъ онъ претерпѣлъ за насъ страданіе и смерть. Тогда пришелъ другой мужъ (un cavallier), по имени Іосифъ Аримаѳейскій (Joseph Abarimathia), и попросилъ въ награду за свою службу тѣло Іисуса Христа; и оно было ему отдано. Этотъ мужъ питалъ великую любовь къ Господу и долгое время спустя по его воскресеніи пошелъ въ пустыню, взявъ съ собой часть своего племени и народа, гдѣ они терпѣли голодъ и большую нужду. Однажды народъ приступилъ къ тому мужу и сталъ жаловаться на свою нужду; онъ обратился съ молитвой къ Господу нашему Іисусу Христу, чтобы онъ открылъ ему, откуда имъ такая бѣда. И приказалъ ему Господь Богъ устроить столъ во имя его святой вечери и поставить на столъ сосудъ и покрыть его бѣлымъ платомъ. А сосудъ этотъ даровалъ ему Іисусъ Христосъ, *имъ онъ раздѣлялъ грѣшныхъ людей отъ праведныхъ;* кто будетъ сидѣть за тѣмъ столомъ, тому сбудутся всѣ желанія его сердца; и есть у того стола одно пустое мѣсто, то самое, на которомъ сидѣлъ Іуда предатель... За этимъ вторымъ столомъ сосудъ зовется *Gradale*, что означаетъ вечерю Іисуса Христа [1]). Въ воспоминаніе этихъ двухъ столовъ Мерлинъ совѣтуетъ Утерпандрагону устроить третій, за которымъ также оставлено незанятое мѣсто, и если нѣтъ св. Граля, то только потому, что еще не родился дѣвственный витязь, который прикоснулся бы къ нему чистыми руками. Но сосудъ невидимо существуетъ, потому что еще продолжаетъ дѣйствовать и приносить плоды жертвы, принесенной на Голгоѳѣ: она то изображается въ чашѣ, дарованной Іосифу Аримаѳейскому, и ею спасаются люди. Такъ, символическіе образы Мерлина и св. Граля сводятся въ своемъ основаніи къ наивному разсказу Никодимова евангелія, въ которомъ неудовлетворенный евангельской повѣстью умъ искалъ осязательно раскрыть себѣ тайну искупленія.

Если мы вѣрно поняли связь представленій, то имѣемъ право повторить здѣсь то, что уже высказали не разъ, предваряя свидѣтельство фактовъ: а именно, что символическое отношеніе средневѣковой мысли къ догматамъ и ученію христіанства оставило долгіе слѣды въ литературныхъ типахъ и въ жизни, ко-

[1]) *Menestra* di Giesu Christo.

торой они были выраженіемъ. Вся жизнь, всѣ космогоническія представленія средневѣкового человѣчества распредѣлялись по символамъ: человѣкъ принадлежалъ либо небу, либо аду, либо чистилищу, но почти никогда не принадлежалъ землѣ, по которой ступалъ. Борьба добра со зломъ, плоти и духа, начавшаяся у подножія райскаго дерева, происходитъ и въ жизни: тогда плоть побѣдила, она и теперь побѣждаетъ, потому что еще грѣхи совершаются. Змѣй, соблазнившій Эву, обратился въ постоянный источникъ грѣха: отъ него выходятъ соблазны и нечистыя похоти, сами несущія наказаніе себѣ; онъ прикованъ въ глубинѣ ада, въ которомъ символически выражено злое начало, царство плоти, какъ въ небѣ царство духа. Небо и адъ, добро и зло сходятся на землѣ, продолжая вѣковую борьбу въ человѣкѣ: злой духъ и добрый ангелъ сопутствуютъ ему по средневѣковымъ понятіямъ, каждый увлекая его въ свою сторону; небо посылаетъ ему откровенія, адъ свои соблазны; демоны вселяются въ людей, владѣютъ земными женщинами; у Данте разсказывается объ одномъ грѣшникѣ, котораго душа уже давно томилась въ аду, между тѣмъ какъ тѣло продолжало ходить по землѣ оживленное демонической силой. Даже у постели умирающаго продолжается борьба: ангелъ представляетъ рукописаніе добрыхъ дѣлъ, злой духъ считаетъ накопившіеся грѣхи, и душа шла въ адъ либо въ рай, смотря по тому, въ какую сторону подались вѣсы правосудія. Католическіе вѣка понимали только святыхъ — или отверженныхъ, избранныхъ небомъ — или закабалившихъ себя аду, и не понимали человѣка.

Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ было развиться личности, когда небо и адъ подѣлили такимъ образомъ между собою землю? Все, что человѣкъ ни дѣлалъ, что ни совершалось въ его сознаніи, не ему принадлежало и почти никогда не ставилось въ заслугу или осужденіе: его просвѣщала небесная благодать, его окружали адскія козни. Если онъ пытался скрыться отъ этой мучительной двойственности, загораживаясь отъ міра и уходя въ самого себя — и тамъ онъ встрѣчалъ тоже самое: мистическое предвкусіе рая, демоновъ совращавшихъ пустынниковъ Ѳиваиды. Вся жизнь становилась однимъ огромнымъ чистилищемъ, какъ самое ученіе о немъ выходило изъ догматической послѣдовательности средневѣкового ума. Не всякого посѣщаетъ благодать и не всякому дано на столько силы, чтобы избѣгнуть мірскихъ козней, со всѣхъ сторонъ преграждающихъ ему путь къ спасенію. Иногда подвигъ цѣлой жизни слишкомъ малъ, чтобъ искупить иной грѣхъ, а то бываетъ, что грѣшникъ покается на смертномъ ложѣ и у него отнято время дѣлами доказать свое

раскаяніе. Тогда передъ нимъ раскрывалось чистилище, продолжавшее собою жизнь покаянія: здѣсь онъ могъ завершить начатую борьбу, поддерживаемый надеждою, свѣтившею ему съ вершины земного рая; здѣсь ему легче нести грѣховное бремя, когда согбенному подъ его тяжестью ему видятся начертанные на пути наставительные примѣры добродѣтели, когда въ воздухѣ слышится бодрящій голосъ и ангелъ спѣшитъ съ неба, чтобъ отразить нападеніе древняго змія. И онъ весь обращается въ надежду и раскаяніе, съ восторгомъ терпитъ положенныя муки, отрѣшающія его отъ личности съ ея плотской опредѣленностью, но также и съ ея плотской грѣховностью. Собственно говоря, чистилище — это католическій идеалъ жизни, идеалъ загробный, потому-то недостижимый по сю сторону смерти, но все же приводившій въ жизнь разными своими сторонами и опредѣлявшій ея стремленія. Въ самомъ дѣлѣ: есть ли что нибудь драматичнѣе средневѣковой исторіи, гдѣ такое столкновеніе страстей, такое богатство переворотовъ? Между тѣмъ поглядите въ современныя хроники, въ монастырскія записки — личности какъ будто не бывало, все, что дѣлается на землѣ, совершается не ея силами, а вмѣшательствомъ другихъ, высшихъ силъ. Борется ли церковь съ священною римскою имперіею — это не Григорій VII и не Григорій IX и не нѣмецкіе императоры, а Христосъ поражающій Антихриста; монашескіе ордена — это христово стадо, еретики — сѣмя древняго змія. Сколько драмы было въ одномъ Данте, въ Боккачіо, между тѣмъ ни тотъ ни другой драмы не написалъ; Божественная комедія — космогоническая мистерія въ 100 пѣсняхъ, какъ всѣ мистеріи, съ ихъ тройственнымъ раздѣленіемъ неба, земли и ада, были божественныя комедіи въ маломъ видѣ. Если Альбертино Муссато пишетъ трагедіи, то у него выходятъ плохія подражанія Сенекѣ, привитыя къ безличному однообразію мистерій. Католическое совершаніе не было способно къ драмѣ; надо было реформацію, надо было возрожденіе языческаго міра, чтобы личность снова пришла къ сознанію своей драматической самостоятельности, и чтобы явился Шекспиръ.

Теперь мы понимаемъ, почему чистилище Данте вышло такое безцвѣтное, будто написанное полутонами. Обыкновенно думаютъ, что, потративъ краски на описаніе ада и рая, поэтическая фантазія сложила крылья на полупути, отдыхая отъ понесеннаго труда. Намъ, напротивъ, представляется въ чистилищѣ высшій подвигъ можетъ быть безсознательнаго поэтическаго ясновидѣнія: только такое чистилище достойно завершало католическую трилогію Данте. Если въ аду собрались всѣ земныя стра-

сти, совлекающія людей, любовь, ненависть, демоническіе порывы злобы, все, что такъ мощно движетъ человѣкомъ на землѣ то это требовало рѣзкихъ красокъ и форсированнаго колорита. Оттого въ аду и помѣщены всѣ пластическіе эпизоды Божественной комедіи, ибо, по понятіямъ католичества, человѣкъ грѣшитъ по преимуществу своей пластикой. На долю неба отнесены неземные восторги, гармонія сферъ, райскія пѣсни и невиданная игра безконечнаго свѣта; если адъ мы назвали пластическимъ, то рай расплывается въ одну сплошную мелодію. Такъ, между адомъ и раемъ подѣлены грѣшныя страсти и небесные восторги; по серединѣ, на узкой полосѣ земли, кажущейся столь ничтожною съ высоты неба, человѣку не оставалось ничего, кромѣ слезъ и надежды. Это чистилище жизни.

Данте — поэтъ католичества; мы не знаемъ другого болѣе полнаго выраженія католической трилогіи, обнимавшей всю жизнь, земную и небесную. Къ ней сходились всѣ разнообразныя символическія представленія средневѣкового христіанства, укладываясь въ ея широкую тройственность; къ ней стремились общественные идеалы, о ней говорили мистеріи, устройство народнаго театра [1]), гдѣ по серединѣ шло дѣйствіе на землѣ, сверху царила Троица и демоны выходили изъ преисподней, расположенной ниже; современныя живописныя представленія на стѣнахъ церквей и монастырей и аллегорическія игры на ponte alla Carraja и молча и громко проповѣдывали о ней народу. Въ тиши монастырскаго затворничества она посѣщала Альберика въ нѣжныхъ, мистическихъ образахъ; богословы ее доказывали, астрологія преслѣдовала ее по слѣдамъ птоломеевской системы неба, и наивные путешественники привозили о ней загадочныя вѣсти съ Востока. Послѣ всѣхъ отрывочныхъ попытокъ разъяснить себѣ мглу неизвѣстнаго явился Данте. Онъ не даромъ учился у Брунетто Латини, не даромъ ходилъ въ школу къ схоластикамъ и публично защищалъ тезисъ о водѣ и землѣ. Въ немъ счастливо соединилась большая часть энциклопедическихъ свѣдѣній, которыми такъ богаты въ высшей степени энциклопедическіе средніе вѣка. Онъ тоже былъ собирателемъ, какъ Гомеръ, какъ всѣ великіе эпическіе поэты древности, великіе потому, что содержали въ себѣ все свое время и многое изъ прошлаго; и какъ про Гомера говорили, что онъ создалъ грекамъ ихъ боговъ, такъ Данте просвѣтилъ единствомъ поэтической мысли символическую космогонію среднихъ вѣковъ, отъ ада и

[1]) Съ веронскимъ амфитеатромъ даже приводили въ связь систему Божественной комедіи.

земли до вершинъ христіанскаго Олимпа, гдѣ его манила къ себѣ мистическая роза, а въ мистической розѣ, въ сонмѣ блаженныхъ душъ, сіяла неземною любовью его Беатриче.

IV.

Беатриче Божественной комедіи — что̀ это? Земная ли женщина, не забытая ли страсть, или аллегорія, символическое изображеніе науки богословія? Такимъ вопросомъ задавались многіе и томили себя ненужными толкованіями. Кому ясенъ символическій смыслъ Божественной комедіи, того не удовлетворитъ ни одно изъ нихъ. Земной женщинѣ само собою недоступны были небесныя сѣни, передъ которыми остановилась даже великая тѣнь Виргилія. Кромѣ того, задуманная аллегорія не гармонируетъ съ цѣльностью символическаго впечатлѣнія, производимаго поэмой Данте; гдѣ всѣ богословскія и человѣческія добродѣтели распредѣлены между историческими носителями, давно освященными католической символикой, или выражены въ общихъ, полныхъ смысла, символахъ, тамъ человѣческая фигура Беатриче, представительницы теологіи, должна была являться рѣзкимъ диссонансомъ. И странно видѣть, какъ богословскія загадки рѣшаетъ не всегда она, какъ апостолы Петръ, Іоаннъ и Іаковъ наставляютъ поэта, и послѣднее посвященіе его въ таинства Троицы она опять же предоставляетъ св. Бернарду.

Насъ болѣе привлекаетъ другая гипотеза, недавно высказанная Пересомъ [1]). Какъ мы старались привязать идею Божественной комедіи къ космогоническимъ идеямъ католичества, такъ онъ приводитъ ее въ непосредственную связь съ психологическими понятіями средневѣковыхъ схоластиковъ. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ ихъ ученія; скажемъ только, что въ душѣ человѣческой они признавали двѣ способности: разсудокъ (ragione) и разумъ (intelligenza possibile), обѣ потенціальныя, существующія только въ возможности, необходимо предполагающія участіе дѣятельнаго начала, чтобъ эта возможность перешла въ дѣйствіе. Фантазія является такимъ дѣятельнымъ началомъ для разсудка; безъ участія «дѣятельнаго разума» (intelligenza attiva), безличнаго, мірового, единственнаго для всѣхъ, нашъ потенціальный разумъ никогда не возвысится

---

[1]) La Beatrice svelata, preparazione all'intelligenza di tutte le opere di Dante Alighieri. 1 v. Palermo, 1865. — По нашему мнѣнію, одно изъ лучшихъ сочиненій, вышедшихъ въ послѣднее время для объясненія Данте.

до высоты созерцанія (intelletto speculativo); только при постоянномъ единеніи съ нимъ, съ этимъ міровымъ разумомъ, мы достигаемъ того божественнаго, откровеннаго разума, который одинъ дѣлаетъ человѣка совершеннымъ, подобнымъ Богу. Къ нему то стремится Данте: его Беатриче не что иное, какъ такое блаженство непосредственнаго созерцанія, приближающаго насъ къ божеству, отъ котораго его отдалила одно время ложная философская наука — эта другая дама его мыслей. Выражаясь языкомъ схоластиковъ, Беатриче — это «intelligenza attiva, illuminatrice dell'intelletto possibile, che unendosi a quello si fa beatrice beata» p. 196. Что свое стремленіе къ божественному разуму Данте выразилъ въ повѣсти любви — въ этомъ не было ничего необыкновеннаго для среднихъ вѣковъ, гдѣ Пѣснь пѣсней перетолковывалась точно такимъ же мистическимъ образомъ, душа стремившаяся къ божеству представлялась любовницей, ждущей прихода любовника, и всѣ подробности плотской любви отражали въ себѣ исторію мистическихъ порывовъ духа. И здѣсь Данте оставался въ предѣлахъ средневѣковой символики.

Съ чѣмъ мы не можемъ согласиться — это то, что будто бы всѣ произведенія Данте, не выключая и его юношескія, его Vita nuova, Convito и Божественная комедія, всѣ безъ исключенія были только различными развитіями одного и того же аллегорическаго образа. Такъ толкуетъ Пересъ: по его мнѣнію, любовь Данте къ дочери Портинари — эротическій романъ, изображенный Боккачіо; будто самъ Данте никогда не говорилъ о земной любви. А между тѣмъ Боккачіо комментировалъ Данте всего какихъ нибудь 50 лѣтъ спустя по его смерти и не могъ выдумывать факты, на которые могли быть улики и свидѣтели. Съ такой методой, пожалуй, мы всѣ любовныя исторіи XIII вѣка переведемъ въ одно общее исканіе божественнаго разума, лицемѣрно прикидывающееся земной страстью. Бѣдныя Лауры и Беатриче и всѣ любимыя женщины XIII вѣка!

А мы все еще не отказались отъ Беатриче-женщины [1]); нашему эстетическому чувству противна мысль, обращающая всю эту цвѣтущую исторію любви въ какое-то аллегорическое исканіе истины, хотя бы эта истина и была высшая, доступная человѣку, правда. И мы сами себѣ объяснили исторію Беатриче,

---

[1]) Намъ было пріятно встрѣтиться здѣсь съ мнѣніемъ такого знатока итальянской и вообще средневѣковой литературы, какъ Alessandro d'Ancona (въ его только что вышедшей брошюрѣ: «La Beatrice di Dante». Pisa, 1865), хотя его объясненіе Беатриче не совсѣмъ сходится съ нашимъ.

не выходя изъ предѣловъ человѣчности. Хорошенькая девятилѣтняя дѣвочка, тихая и застѣнчивая, какъ самъ Данте, произвела на него сильное впечатлѣніе на майскомъ праздникѣ. Онъ любилъ ее тою чистою любовью, къ которой способно бываетъ только молодое сердце, еще не тронутое житейскими дрязгами. Онъ блѣднѣлъ при ея встрѣчѣ, каждый ея взглядъ, каждый шагъ, привѣтливое слово, неотданный поклонъ получали для него значеніе, и онъ принялся писать стихи, что въ двадцатилѣтнемъ юношѣ не удивитъ никого. Особенно же тогда была пора трубадуровъ, стихи писались въ запуски, и всѣ объяснялись стихами. Можетъ быть и Данте не ушелъ бы отъ ихъ реторической пустоты, еслибъ въ красотѣ Беатриче не было той очищающей силы, которая отводитъ мысль отъ плотскаго помысла и заставляетъ человѣка быть лучше. Данте говоритъ о такомъ нравственномъ вліяніи Беатриче въ своей Vita nuova; онъ и самъ на себѣ долженъ былъ испытать это вліяніе:

Alcun tempo'l sostenni col mio volto,

говоритъ ему Беатриче на вершинѣ чистилища,

Monstrando gli occhi giovinetti a lui
Meco'l menava in dritta parte volto.
Purg. c. XXX, vv. 121—123.

Когда она покинула его для лучшей жизни, и онъ не встрѣчалъ болѣе глубокихъ глазъ, которыхъ красота была ему безмолвнымъ упрекомъ, онъ будто потерялся въ темномъ лѣсу, отдавшись другимъ привязанностямъ:

Questi si tolse a me, e diessi altrui.
Purg. c. XXX, v. 126.

Между тѣмъ, время шло и приносило съ собой утѣшеніе. Данте старѣлъ, занимался богословскими спорами и одно время даже объявилъ исключительной дамой своего сердца «прекрасную и достойную дочь императора міра, которой Пиѳагоръ далъ названіе философіи» [1]). Но это была его вторая любовь,

[1]) Convito, trattato 2°, cap. XVI, въ концѣ: «dico e affermo, che la donna di cui io innamorai appresso lo primo amore fu la bellissima e onestissima figlia dello Imperadore dell Universo, alla quale Pittagora pose nome Filosofia». La vita nuova, гдѣ разсказана юношеская любовь Данте къ Беатриче, написана въ 1292 году, когда поэту было 27 лѣтъ; Convito въ 1297—8 и 1314 годахъ; Divina Commedia между 1302—1321 годами. Эти цифры интересны для исторіи внутренняго развитія Данте.

и онъ тщательно отдѣлялъ ее отъ своей первой, съ которой началась его «молодая жизнь» (Vita nuova).

Прошли еще годы: Данте еще постарѣлъ; по слѣдамъ поэтическихъ богослововъ XIII вѣка онъ сталъ задумываться надъ тайнами жизни за гробомъ, надъ ея откровеніями, которыми руководилась наивная набожность среднихъ вѣковъ. Онъ спускался вмѣстѣ съ Виргиліемъ къ мученіямъ ада, въ мытарствахъ чистилища увидѣлъ идеалъ того безличнаго существованія, который ставился въ поученіе средневѣковымъ людямъ; потомъ, становясь все легче, свѣтлѣе и радостнѣе, будто освобождаясь отъ земного бремени, онъ доходилъ до тѣхъ круговъ неба, гдѣ очищается все земное. Тогда ему вспомнилось другое счастливое время, когда и онъ становился выше и поднимался нравственно подъ вліяніемъ своей молодой любви. И на высотѣ неба, очищающаго отъ грѣховныхъ помысловъ, онъ не могъ позабыть Беатриче, этого символа любви, очищающей. Такъ, наивный иконописецъ среднихъ вѣковъ писалъ иногда славу Богоматери и святыхъ, и въ сосѣдствѣ, гдѣ нибудь на краю картины, фигуру набожнаго даятеля на колѣняхъ, съ руками сложившимися къ молитвѣ, съ глазами обращенными къ совершающемуся передъ нимъ чуду. Въ сосѣдствѣ неба какъ будто преображался самъ человѣкъ.

А. Весѣловскій.

Флоренція, 14-го мая, 1865 г.
день юбилея Данте.

IV.

ЭПОХА

КОНГРЕССОВЪ.

II.

Вторая реставрація до Ахенскаго конгресса *).

Великій полководецъ поставилъ на одну битву всю свою будущность, и битва была проиграна. Въ Лаонѣ остановился на нѣсколько часовъ побѣжденный императоръ, чтобъ хотя сколько нибудь собраться съ силами и съ мыслями. Зашумѣли мнѣнія: надобно возвратиться въ Парижъ немедленно, обратиться къ палатамъ за помощью, ободрить патріотовъ своимъ присутствіемъ, напугать противныя партіи. Въѣхать императору въ Парижъ въ настоящую минуту, значитъ погубить себя, говорили другіе; палаты, не видя его болѣе въ челѣ арміи, пожертвуютъ имъ для своего спасенія. Наполеонъ хотѣлъ-было сначала предпочесть второе мнѣніе, засѣсть въ Лаонѣ и собирать остатки разбитой арміи; но огромное большинство было противъ этого рѣшенія, а Наполеонъ уже потерялъ вѣру въ самого себя и привычку брать все на свою отвѣтственность; въ такомъ положеніи голосъ большинства даетъ человѣку ту опору, которую онъ потерялъ внутри самого себя, хотя умъ и протестуетъ противъ этого голоса. «Я увѣренъ, говорилъ Наполе-

*) См. предъидущее въ т. III, отд. I, стр. 232—284.

онъ, садясь въ карету, что меня заставляютъ сдѣлать глупость: мое настоящее мѣсто здѣсь.»

Возвратиться въ Парижъ безъ побѣды, безъ мира, требовать крайнихъ усилій у людей истощенныхъ, жаждущихъ покоя? Наполеонъ и окружавшіе его должны были помнить, въ какомъ положеніи они оставили Парижъ: глубокое молчаніе царствовало повсюду, печаль была написана на всѣхъ лицахъ; знакомые избѣгали встрѣчи другъ съ другомъ, боялись промолвить слово, потому что вездѣ сновали шпіоны; мѣста публичныхъ прогулокъ, самъ Палерояль, превратились въ пустыню; торговля остановилась, купцы, издерживавшіе по 50 и 60 франковъ въ день, не продавали и на 6 франковъ въ недѣлю. Только миръ могъ прекратить это невыносимое положеніе, а Наполеонъ шелъ въ Парижъ предлагать ожесточенную войну.

Ночью съ 20 на 21 іюня сильное движеніе въ Елисейскомъ дворцѣ: пріѣхалъ императоръ. Задыхающимся отъ усталости и волненія голосомъ, въ отрывочныхъ фразахъ разсказывалъ Наполеонъ Коленкуру о страшномъ пораженіи, складывая вину на паническій страхъ, овладѣвшій войскомъ, на маршала Нея. «А что палаты?» — «Плохо, отвѣчалъ Коленкуръ: желаютъ отреченія, у всѣхъ дурное расположеніе духа.» — «Я это предвидѣлъ, говоритъ Наполеонъ: я былъ увѣренъ, что будетъ раздѣленіе и потеряютъ послѣднія средства, которыя у насъ еще остаются. Бѣдствіе велико, но въ соединеніи мы могли бы поправиться, раздѣленные—мы добыча иностранцевъ!» На другой день, братья Наполеона и министры собрались во дворецъ для совѣщанія: надобно принять рѣшительныя мѣры, объявить отечество въ опасности, призвать всѣхъ къ оружію, защищаться до послѣдней крайности; но это все пустыя слова безъ рѣшенія главнаго вопроса: что палаты? — одни говорятъ, что на нихъ нельзя положиться, другіе утверждаютъ противное; одни говорятъ, что если палата депутатовъ откажется помогать императору, то онъ долженъ распустить ее и овладѣть диктатурою для спасенія страны; другіе предлагаютъ, что не нужно распускать палату, а только прекратить на время ея засѣданія.

Въ Елисейскомъ дворцѣ разсуждали о томъ, что сдѣлать съ палатою; въ палатѣ разсуждали о томъ, что дѣлать съ Наполеономъ. Если во дворцѣ естественно и необходимо рождался вопросъ объ отстраненіи палаты, о диктатурѣ, то между членами палаты естественно и необходимо являлась прежде всего мысль, что во дворцѣ будетъ поставленъ вопросъ о ея отстраненіи, а натура Наполеона, его положеніе заставляли думать, что вопросъ будетъ имъ рѣшенъ не въ пользу палаты.

Фушé тутъ и дѣйствуетъ на первомъ планѣ, пользуется *своимъ временемъ*. Домъ горитъ, надобно изъ него бѣжать, надобно какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ Наполеона для собственной безопасности; Фушé уже прежде пугалъ членовъ палаты: «*Онъ* возвратится какъ бѣшеный, предложитъ чрезвычайныя мѣры, и если вы не согласитесь, то распуститъ палаты.» Когда *онъ* возвратился, то Фушé прямо давалъ знать, что въ Елисейскомъ дворцѣ уже рѣшено распущеніе палаты. И палата дѣйствуетъ по инстинкту самосохраненія, спѣшитъ отстоять себя, при чемъ, разумѣется, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія, видитъ въ Наполеонѣ врага своего, котораго существованіе не совмѣстимо съ ея существованіемъ. Но кто же первый начнетъ дѣйствовать въ палатѣ, кто первый подастъ голосъ? Подаетъ его человѣкъ передовой въ революціи, имѣвшій право нѣкоторое время считать себя главною силою во Франціи, забытый потомъ, но теперь дождавшійся своего времени. Въ палатѣ говоритъ Лафайетъ: «Въ первый разъ послѣ двадцати пяти лѣтъ я поднимаю голосъ, который конечно узнаютъ старые друзья свободы: я чувствую призваніе говорить вамъ объ опасностяхъ отечества, которое вы одни теперь можете спасти. Зловѣщіе слухи, къ несчастію, подтвердились. Наступило время собраться около стараго трехцвѣтнаго знамени, знамени 89 года, знамени свободы, равенства и общественнаго порядка; это знамя мы должны теперь защищать противъ иностранныхъ притязаній и противъ внутреннихъ попытокъ сломить его. Позвольте ветерану этого священнаго дѣла, всегда чуждому духа партій, сдѣлать вамъ нѣсколько предложеній.» Предложенія состояли въ слѣдующемъ: «Палата объявляетъ, что независимость націи въ опасности. Палата объявляетъ себя постоянною; всякая попытка распустить ее есть измѣна; виновный въ подобной попыткѣ будетъ провозглашенъ измѣнникомъ отечества и немедленно судимъ какъ таковой. Министры военный, иностранныхъ дѣлъ, полиціи и внутреннихъ дѣлъ приглашаются немедленно явиться въ палату.»

Не было толковъ о томъ, что эти предложенія были революціонныя, не конституціонныя, что палата незаконно захватывала въ свои руки всю власть, незаконно отнимала у власти исполнительной право распускать палату, грозя этой исполнительной власти обвиненіемъ въ измѣнѣ отечеству. Палата, по призыву знаменитаго революціонера, открыто устремилась по революціонной дорогѣ, дѣйствуя по инстинкту самосохраненія, поставивши прямо вопросъ: *или я, или онъ?* Предложенія Лафайета были приняты съ восторгомъ; когда одинъ изъ депутатовъ спросилъ Лафайета: можно ли надѣяться безъ Наполеона спа-

дить съ врагами внутренними и внѣшними, тотъ отвѣчалъ ему: «Будьте покойны: когда мы избавимся отъ него, то все уладится.» Палата перовъ послѣдовала примѣру палаты депутатовъ.

Въ Елисейскомъ дворцѣ тотчасъ же узнали о рѣшеніяхъ палатъ, и началась агонія власти: то вдругъ выскажется чувство своей силы, память о прошломъ значеніи; то вдругъ ясный умъ представитъ всѣ трудности положенія, отсутствіе средствъ къ борьбѣ, и наступаетъ убѣжденіе въ необходимости прекратить борьбу, отказаться отъ дѣятельности: «Передъ 500,000 враговъ я все, другіе ничто; пошлю отрядъ гвардіи и разгоню дерзкую палату: армія будетъ въ восторгѣ, народъ не тронется, приму диктатуру и спасу Францію!» Но гдѣ эта армія, которая будетъ въ восторгѣ? гдѣ средства спасти Францію? Одного человѣка не достаточно, хотя бы этотъ человѣкъ и назывался Наполеономъ; притомъ же очарованіе имени исчезло, ибо къ нему нельзя было больше прибавить эпитетъ: *непобѣдимый*. «Если Франція во мнѣ больше не нуждается, то я отрекусь.» — Потомъ опять гнѣвъ и угроза бросить въ Сену депутатовъ. Съ императоромъ братъ его Луціанъ, человѣкъ смѣлый, рѣшительный, но безъ средствъ распознавать знаменія времени; Луціанъ не могъ понять различія 1815 года отъ 1799, когда онъ помогъ брату низвергнуть Директорію. «Смѣлѣй, смѣлѣй!» говоритъ онъ теперь Наполеону.— «Увы! отвѣчалъ тотъ: я былъ слишкомъ смѣлъ. Я разгоню депутатовъ, но они поднимутъ противъ меня провинцію, и я останусь императоромъ якобинцевъ.»

Въ палатѣ продолжается волненіе. Фушé лжетъ; но Наполеонъ лишилъ себя права жаловаться на ложь, солгавши самъ: когда онъ явился во Францію съ Эльбы, то не побрезгалъ обмануть народъ ложью, что Австрія за него; теперь Фушé выдаетъ за вѣрное, что Наполеонъ—единственное препятствіе къ миру, что коалиція согласна дать Франціи Наполеона II. Какъ не вѣрить Фушé? — онъ знаетъ все! Люди, враждебные Бурбонамъ, спокойны на счетъ будущаго и съ нетерпѣніемъ ждутъ второго отреченія. Министры повинуются рѣшенію палаты, несутъ ей свои отчеты, съ ними идетъ и Луціанъ Бонапарте, какъ коммиссаръ императора; Луціанъ еще надѣется убѣдить палату въ необходимости удержать Наполеона на престолѣ: онъ представляетъ возможность борьбы, стыдъ для Франціи—принять Наполеона какъ освободителя, и чрезъ 25 дней, испугавшись одной потерянной битвы, угрозы иностранцевъ, объявлятъ того же Наполеона причиною всѣхъ золъ, гнать его съ престола: какое непостоянство! Но Лафайетъ спѣшитъ изгладить впечатлѣніе, произведенное словами Луціана: «Князь! говоритъ онъ, вы клевещете на народъ:

потомство обвинитъ Францію не за то, что она покинула вашего брата, но за то, что слишкомъ долго за нимъ слѣдовала — въ Италію, въ Египетъ, въ Испанію, въ Германію, въ Россію; 600,000 французовъ полегло на берегахъ Эбро и Таго; можете вы счесть, сколько лежитъ на Дунаѣ, на Эльбѣ, Нѣманѣ и Москвѣ? Если бы Франція не была такъ постоянна, то она сохранила бы 2,000,000 своихъ сыновъ, избавила бы вашего брата, вашу фамилію, насъ всѣхъ отъ той пропасти, въ какую мы теперь ввергаемся.» Луціанъ былъ уничтоженъ этими громовыми словами, и не одинъ Луціанъ: палата рѣшаетъ отправить къ союзнымъ государямъ депутацію для переговоровъ, не отъ имени Наполеона, но отъ имени палатъ. Наполеонъ отрекся отъ престола въ пользу сына. Биржевой барометръ поднялся еще выше, но чтобъ не дать ему упасть, нужно было отстранить признаніе Наполеона II императоромъ, что и было сдѣлано.

Образовалось временное правительство (Исполнительная Коммиссія) изъ пяти членовъ: троихъ — Карно, Фушé и Гренье выбрала палата депутатовъ, двоихъ—Коленкура и Кинетта назначила палата перовъ. Всеобщее разслабленіе, желаніе выхода изъ тяжкаго, неутѣшительнаго положенія какими бы то ни было средствами, жажда покоя заставили отдать судьбу Франціи въ нечистыя руки Фушé, который сталъ президентомъ Исполнительной Коммиссіи. Безъ соблюденія народнаго достоинства отступились отъ Людовика XVIII и приняли Наполеона; безъ соблюденія народнаго достоинства отступились отъ побѣжденнаго Наполеона, не чувствовали въ себѣ силъ съ честію выйти изъ критическаго положенія, видѣли впереди униженіе и пошли къ нему на встрѣчу подъ предводительствомъ Фушé, который былъ преклоненнымъ знаменемъ побѣжденной Франціи, побѣжденной матеріально и нравственно. Были суевѣрные люди, которые думали, что Фушé свергнулъ Наполеона, что Фушé можетъ отдать корону Франціи кому хочетъ, что могущественный волшебникъ можетъ заклясть бурю. Волшебникъ самъ этого не думалъ; онъ старался только угадать, на чьей сторонѣ сила, чтобъ предложить этой сторонѣ свои услуги, а между тѣмъ съ каждымъ держалъ особую рѣчь: революціонерамъ онъ говорилъ, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ, кромѣ Бурбоновъ не должно исключать никого рѣшительно, что неблагоразумно связывать себя въ какомъ бы то ни было смыслѣ, пусть идетъ свободно вопросъ о Наполеонѣ II, герцогѣ Орлеанскомъ, о какомъ нибудь иностранномъ принцѣ, даже о республикѣ, что, оставаясь въ нерѣшительномъ положеніи, можно содѣйствовать раздѣленію въ коалиціи. Людямъ робкимъ онъ говорилъ: зачѣмъ высказываться

заранѣе, даже противъ Бурбоновъ? не должно лишать себя возможности трактовать и съ ними въ случаѣ, если неодолимая сила снова введетъ ихъ во Францію. Бонапартистамъ Фуше́ обѣщалъ, что вмѣстѣ съ Меттернихомъ устроитъ регентство для Наполеона II.

Но для Фуше́ было ясно, что у Франціи нѣтъ возможности рѣшить вопросъ своими внутренними средствами, независимо отъ посторонняго вмѣшательства; какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, иностранцы должны были дать Франціи правительство, не смотря на то, что, повидимому, союзные государи отклоняли отъ себя это дѣло. На комъ же остановится ихъ выборъ? Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправленный императоромъ Александромъ въ Гентъ, Поццо-ди-Борго писалъ лорду Кесльри: «Не смотря на таланты и бѣшенство людей, овладѣвшихъ властію во Франціи, народъ находится еще въ состояніи нерѣшительности и волненія: если мы пойдемъ сплоченными рядами, то проникнемъ повсюду. Въ этомъ случаѣ переходъ французовъ на нашу сторону очень вѣроятенъ, особенно если мы выставимъ французскій интересъ, къ которому можно будетъ примкнуть. Я не перестаю думать, что единственный человѣкъ, котораго мы должны призвать и выставить впередъ, это король Людовикъ XVIII: если мы отступимъ отъ этого правила, то не будемъ знать, гдѣ остановиться. Всякое другое правительство, даже изъ Бурбонской династіи, будетъ договоромъ съ якобинцами, и новый государь, каковъ бы ни былъ его титулъ, будетъ только орудіемъ въ ихъ рукахъ. Не политично давать поводъ думать, что мы можемъ легко склониться къ подобной мѣрѣ; если мы можемъ только одного короля Людовика XVIII представить Франціи какъ средство установить прочно наши отношенія къ ней, то было бы крайне неблагоразумно уменьшать интересъ, который онъ можетъ внушить націи, равнодушіемъ, какое мы будемъ ему оказывать совершенно не кстати. Я знаю, что его обвиняютъ въ неумѣньи управлять; онъ сдѣлалъ большую ошибку тѣмъ, что не имѣлъ иниціативы; но отдѣльные акты его администраціи вообще безукоризненны, и не должно забывать, что еще никогда человѣкъ не находился въ такомъ трудномъ положеніи. Мы его поставили лицомъ къ лицу со всѣми демонами революціи, мы сложили на его плеча всѣ ошибки, его и свои. Тутъ является Бонапартъ, войско низвергаетъ тронъ, который оно было обязано поддерживать, народъ остается изумленнымъ и безсмысленнымъ зрителемъ; онъ больше будетъ апплодировать пьесѣ противоположной, когда мы, какъ надѣюсь, дадимъ ему этотъ праздникъ; но мы не должны удовольствоваться комплиментами,

насъ ожидающими. Если мы хотимъ спокойствія, то надобно дать королю Людовику XVIII средства распустить старое французское войско, создать новое и очистить Францію отъ пятидесяти великихъ преступниковъ, которыхъ существованіе несовмѣстимо съ миромъ. Французы должны взять на себя исполненіе, а союзники должны дать имъ возможность это сдѣлать. Мы обязаны своимъ спасеніемъ единству, но единство наше есть преимущественно слѣдствіе счастливыхъ обстоятельствъ, которыя не легко возобновляются».

Такимъ образомъ, еще въ апрѣлѣ была начертана программа будущаго поведенія союзниковъ относительно французскаго правительства и вмѣстѣ программа дѣйствій этого правительства; Англія была совершенно согласна съ программою; другіе союзники согласны или равнодушны; но они не были равнодушны къ другому вопросу: что̀ сдѣлать съ Франціею, оставить ли ее въ прежнихъ границахъ, или раздробить, урѣзать, чтобы отнять у страшнаго народа средства безпокоить Европу на будущее время? Мы видѣли, какъ въ Германіи обнаружилось сильное движеніе въ пользу второго рѣшенія вопроса. Самые видные государственные люди этой страны, печать, были за него; за него былъ и знаменитѣйшій изъ полководцевъ германскихъ, Блюхеръ, получившій, вмѣстѣ съ герцогомъ Веллингтономъ, особенное значеніе по событіямъ послѣдней кампаніи, и могущій скорѣе всѣхъ быть съ войскомъ у Парижа. Послѣ побѣды оба полководца сильно порознились въ своихъ взглядахъ относительно судьбы побѣжденнаго. Временное французское правительство послало къ Веллингтону генерала Номмелэна ходатайствовать, чтобъ отрекшемуся императору позволено было отправиться въ Америку. Веллингтонъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ никакого права ни позволять, ни не позволять этого. Но иначе смотрѣлъ на дѣло Блюхеръ: онъ далъ знать Веллингтону, что намѣренъ захватить Наполеона и убить его. Веллингтонъ отвѣчалъ, что онъ никакъ не можетъ согласиться на это, что судьба Наполеона должна быть рѣшена по общему соглашенію всѣхъ союзныхъ правительствъ, и во всякомъ случаѣ, если государи пожелаютъ казнить Наполеона, то пусть назначутъ палача, а онъ, Веллингтонъ, этимъ палачемъ не будетъ. Временное правительство прислало также къ Веллингтону пятерыхъ депутатовъ просить о прекращеніи военныхъ дѣйствій, потому что человѣкъ, противъ котораго вооружилась Европа, не былъ уже болѣе императоромъ французовъ. На это герцогъ отвѣчалъ, что отреченіе Наполеона не представляетъ еще для союзниковъ такого ручательства, которое могло бы побудить его къ немедленному прекращенію военныхъ дѣйствій;

онъ сдѣлаетъ это въ томъ случаѣ, когда Наполеонъ будетъ выданъ союзнымъ государямъ, когда авангарды союзныхъ войскъ вступятъ въ Парижъ, и когда во Франціи установится правительство, которое будетъ пользоваться довѣріемъ не только Франціи, но и всей Европы. Депутаты спросили герцога, что онъ хочетъ сказать послѣдними словами? Веллингтонъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ права распространяться объ этомъ; но если они хотятъ знать его мнѣніе, какъ частнаго человѣка, то онъ думаетъ, что Франція должна призвать Людовика XVIII безъ всякихъ условій, что честь Франціи требуетъ сдѣлать это какъ можно скорѣе, прежде чѣмъ могло бы явиться предположеніе, что король возвращенъ по настоянію союзниковъ. Депутаты согласились съ мнѣніемъ герцога, и хотя объявили, что въ конституціи должны быть сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, однако признали за лучшее не дѣлать этой перемѣны условіемъ королевскаго возвращенія.

Итакъ, Людовикъ XVIII долженъ былъ возвратиться; Франція приметъ его безъ условій; но что̀ такое Франція? гдѣ слышится ея голосъ? все молчитъ, все недвижимо; Наполеонъ уѣхалъ изъ Парижа, онъ живетъ въ Мальмезонѣ вмѣстѣ съ падчерицею своею, бывшею голландскою королевою Гортензіею; онъ не ѣдетъ къ западнымъ берегамъ Франціи, чтобъ оттуда отправиться въ Америку, онъ все еще чего то ждетъ, нетерпѣливо прислушивается, не раздастся ли гдѣ голосъ, призывающій его остаться; но все тихо. Вмѣсто Наполеона, во главѣ французскаго правительства Фушé; но и Фушé нечего дѣлать при этомъ всеобщемъ бездѣйствіи; если не съ кѣмъ бороться, нечего улаживать, ему остается одно — обманывать людей, которые не знакомы съ положеніемъ дѣлъ во Франціи и которые, видя Фушé на верху, думаютъ, что онъ силенъ, можетъ все сдѣлать. И Фушé обманываетъ Людовика XVIII, всю Европу; король думаетъ, что если Франція приметъ его и приметъ хорошо, то по милости Фушé; колдуну отлично удался обманъ: бури вовсе нѣтъ и не отъ чего ей быть, а всѣ думаютъ, что она заклята чародѣйною силою. Фушé — сила, съ которою надобно считаться, онъ держитъ въ своихъ рукахъ корону. Но есть еще другая сила внѣ Франціи: это Талейранъ. Фушé увѣряетъ, что онъ возвращаетъ Бурбоновъ и долженъ удержать за это при нихъ первенствующее значеніе. Талейранъ также хочетъ имѣть первенствующее значеніе: онъ въ прошломъ году настоялъ на возвращеніи Бурбоновъ; онъ въ Вѣнѣ поднялъ значеніе Франціи; безъ него Людовикъ XVIII со своимъ любимцемъ Блакà, со своими эмигрантами надѣлалъ множество ошибокъ и потерялъ престолъ;

онъ, Талейранъ, устроилъ новую коалицію противъ Наполеона, онъ поддерживалъ Бурбоновъ; Людовикъ XVIII возвратится теперь снова по его милости, и, чтобъ удержаться на престолѣ, долженъ подчиниться вполнѣ его руководству, чтобъ не было при дворѣ никакого другого вліянія. На другой день послѣ Ватерлооской битвы, Талейранъ пріѣхалъ въ Брюссель, возвращаясь изъ Вѣны; онъ остановился здѣсь, не поѣхалъ къ королю въ Гентъ, явился особою, самостоятельною силою, съ которою Людовикъ XVIII долженъ былъ договариваться. Талейранъ сейчасъ же сталъ разглашать условія договора: катастрофа 20 марта была прямымъ результатомъ ошибокъ нѣкоторыхъ министровъ, особенно Блака, прямымъ результатомъ дѣйствія эмигрантовъ, которыми окружилъ себя графъ Артуа; Блака долженъ быть удаленъ, министры должны дѣйствовать за одно и отвѣчать другъ за друга, должно быть провозглашено всепрощеніе, людямъ и интересамъ революціи должна быть дана полная безопасность. Талейранъ говорилъ, что королю нельзя возвратиться въ Парижъ прямою дорогою чрезъ сѣверные департаменты вслѣдъ за иностранными войсками, что ему надобно явиться въ южныхъ областяхъ, гдѣ народонаселеніе болѣе предано Бурбонамъ, здѣсь окружить себя французами и такимъ образомъ заставить иностранцевъ уважать въ себѣ независимую силу.

Но Веллингтонъ далъ знать королю, что ему выгодно приблизиться къ сѣверной французской границѣ. 22 іюня, Людовикъ XVIII оставилъ Гентъ и пріѣхалъ въ Монсъ въ одно время съ Талейраномъ; но послѣдній и тутъ не поспѣшилъ представиться королю, занялъ домъ на противоположномъ концѣ города, началъ принимать посѣтителей и говорить съ ними безъ всякой сдержанности о текущихъ событіяхъ. Король не приглашалъ Талейрана, а между тѣмъ главное условіе его было исполнено: Блака удаленъ, потому что противъ любимца были и либералы и эмигранты; первые требовали удаленія человѣка, который, по ихъ мнѣнію, оттягивалъ короля къ старой Франціи; эмигрантамъ Блака мѣшалъ своею самостоятельностью, они надѣялись безъ него совершенно овладѣть слабымъ королемъ; со всѣхъ сторонъ кричали, что Блака страшно не популяренъ во Франціи, что съ нимъ нельзя возвратиться. Блака подалъ въ отставку и назначенъ былъ посланникомъ въ Неаполь. Людовикъ XVIII плакалъ на разставаньи съ своимъ другомъ, который очень хорошо понималъ старика: «Первые дни, говорилъ Блака, онъ обо мнѣ потоскуетъ, но скоро привыкнетъ безъ меня обходиться, скоро привыкнетъ къ другому.»

У Людовика XVIII не достало твердости удержать Блака;

но у него достало твердости не послать за Талейраномъ, а Талейранъ не зналъ, въ чемъ король слабъ и въ чемъ твердъ. Составлялось новое министерство, а за Талейраномъ не посылали. Поццо-ди-Борго, Шатобріанъ и другіе, считавшіе въ это время нужнымъ имѣть Талейрана въ министерствѣ и его вліяніемъ уравновѣшивать вліяніе графа Артуа съ эмигрантами, уговаривали Талейрана ѣхать къ королю: «Если вы не поѣдете, то онъ не станетъ васъ дожидаться, уѣдетъ изъ Монса». Талейранъ улыбался. Это было вечеромъ, а ночью ему даютъ знать, что король велѣлъ приготовить лошадей къ четыремъ часамъ утра. Тутъ лицо знаменитаго дипломата приняло другое выраженіе, улыбка исчезла; Талейранъ спѣшитъ одѣться и скорѣе къ королю; тотъ принялъ его какъ побѣдитель, и, быть можетъ, ни одинъ полководецъ такъ не торжествовалъ своей побѣды, рѣшавшей судьбу царствъ, какъ Людовикъ XVIII торжествовалъ побѣду надъ Талейраномъ; онъ далъ вполнѣ почувствовать побѣжденному всю тяжесть пораженія. Чтобъ поправиться, сломить гордость побѣдителя, Талейранъ грозитъ покинуть службу, проситъ позволенія ѣхать въ Карлсбадъ. «Карлсбадскія воды превосходны, отвѣчаетъ король, онѣ вамъ очень помогутъ, до свиданія!» Король уѣхалъ.

Выдержалъ, — а Талейранъ все же остался министромъ, остался точно такимъ же образомъ, какъ Блакà былъ удаленъ: и свои, а главное чужіе, Поццо-ди-Борго, Веллингтонъ представили необходимость удержать Талейрана, который и получилъ приказаніе вмѣстѣ съ другими министрами, остававшимися въ Монсѣ, пріѣхать къ королю. Письмо отъ Веллингтона: совѣтуетъ ѣхать; и Талейранъ ѣдетъ, въ Камбрэ представляется королю и принимается благосклонно; ни слова о томъ, что было въ Монсѣ. Но теперь пришла очередь Талейрану трубить побѣду: онъ убѣждаетъ министровъ, что королю, при вступленіи во Францію, необходимо издать прокламацію, гдѣ онъ долженъ сознаться въ своихъ ошибкахъ и дать обѣщаніе поправиться. Прокламація написана; ее читаютъ въ совѣтѣ, гдѣ присутствуютъ принцы. Графъ Артуа жалуется на униженіе, которому хотятъ подвергнуть короля, заставляя его просить прощенія въ прошлыхъ ошибкахъ и обѣщать, что впередъ не повторитъ ихъ. Въ прокламаціи говорится, что король былъ увлеченъ своими привязанностями. — «Не хотятъ ли здѣсь указать на меня?» спрашиваетъ графъ Артуа. — «Да, отвѣчаетъ Талейранъ: вы сдѣлали много зла.» — «Князь Талейранъ забывается», говоритъ графъ Артуа. — «Быть можетъ, я и забываюсь, но правда выше всего», отвѣчаетъ Талейранъ. — «Только присутствіе короля меня сдер-

живаетъ, кричитъ герцогъ Беррійскій: иначе я не позволилъ бы никому такъ обращаться съ моимъ отцомъ». Король спѣшитъ утишить бурю, объявляетъ, что ему одному принадлежитъ право судить о томъ, что говорится въ его присутствіи, что онъ не можетъ одобрить ни прокламаціи, ни спора, который произошелъ по ея поводу, что надобно измѣнить ее. Составили новую прокламацію, которую король одобрилъ; но и въ ней король признавалъ, что, можетъ быть, сдѣланы ошибки, потому что бываютъ трудныя времена, когда самыя чистыя намѣренія не могутъ направить на путь истинный; одинъ опытъ можетъ научить, и онъ не будетъ потерянъ. Король обѣщалъ, что отнынѣ министры будутъ дѣйствовать за одно; увѣрялъ владѣльцевъ національныхъ имуществъ (прежнихъ церковныхъ и эмигрантскихъ), что пріобрѣтенная ими собственность неприкосновенна; обѣщалъ прощеніе тѣмъ французамъ, которые были увлечены другими къ измѣнѣ, но исключалъ изъ прощенія главныхъ виновниковъ преступленія. Партія графа Артуа была недовольна прокламаціею: программа Талейрана была въ ней слишкомъ явна; не были довольны и тѣ, которыхъ именно хотѣлось удовольствовать, не были довольны исключеніями изъ амнистіи. Не прокламація прокладывала дорогу Бурбонамъ къ вторичному возвращенію; какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, прокладывали имъ дорогу иностранныя войска, которыхъ государи считали возвращеніе Бурбоновъ простѣйшимъ разрѣшеніемъ труднаго вопроса; и чѣмъ далѣе входили иностранныя войска во внутренность Франціи, тѣмъ биржевой барометръ поднимался все болѣе и болѣе, и Парижъ оживился по прежнему, — самый вѣрный знакъ, что Людовикъ XVIII поселится опять въ Тюльери. Остатки императорскихъ войскъ пошумѣли было противъ Бурбоновъ, представивъ на видъ палатамъ, что войско было оскорблено Бурбонами, что ему нельзя съ ними ужиться. Но на это не палаты, а само войско должно было отвѣчать, отвѣчать не словомъ, а дѣломъ, должно было побѣдить иностранныя арміи; но такъ какъ никто не могъ надѣяться на эту побѣду, то обращеніе войска къ палатамъ съ просьбою о защитѣ отъ Бурбоновъ было странно и безплодно.

Исходъ дѣла былъ ясенъ для Фуше́, и, онъ завелъ сношенія съ Людовикомъ XVIII; роялисты ободрились и съ разныхъ сторонъ начали пріѣзжать къ королю; но до какой степени господствовала смута, до какой степени всѣ ходили въ потемкахъ, не могли различать предметовъ и создавали себѣ небывалые страхи, доказательствомъ служитъ то, что роялисты, пріѣзжавшіе къ королю, говорили о могуществѣ Фуше́, безъ котораго ничего нельзя

сдѣлать, настаивали, что королю надобно сблизиться съ нимъ во что бы-то ни стало; графъ Артуа съ своими настаивалъ на то же самое; необходимость сближенія съ Фушé выставлялъ и Веллингтонъ. Впослѣдствіи, Шатобріанъ вѣрно представилъ этотъ хаосъ, благодаря которому Фушé получилъ такое значеніе, вѣрно представилъ, какъ все противоположное перемѣшалось, соединилось, чтобъ превознести могущество колдуна, «религія и нечестіе, добродѣтель и порокъ, роялистъ и революціонеръ, иностранецъ и французъ». 6 іюля, Людовикъ XVIII, находившійся въ С. Дени, далъ знать Веллингтону и Талейрану, что готовъ принять Фушé и назначить его министромъ полиціи. На другой день Талейранъ ввелъ съ торжествомъ Фушé въ кабинетъ королевскій: Бурбоны преклонились предъ революціею, цареубійца сдѣлался министромъ брата Людовика XVI. «Я знаю услуги, вами мнѣ оказанныя, сказалъ король Фушé: герцогъ Веллингтонъ увѣдомилъ меня объ нихъ. Я назначилъ васъ министромъ полиціи; надѣюсь, что въ этомъ званіи вы мнѣ окажете новыя услуги.» Когда новый министръ откланялся, король сказалъ: «Нынче я потерялъ свое дѣвство.»

На другой день, 7 іюля, пруссаки и англичане вошли въ Парижъ и разставили пушки на всѣхъ мостахъ; прусскій офицеръ вошелъ въ залу, гдѣ засѣдала Исполнительная Коммиссія, и положилъ на бюро бумагу, подписанную Блюхеромъ: въ бумагѣ требовалось 100 милліоновъ военной контрибуціи; члены Коммиссіи исчезли при видѣ магической бумаги, оставивъ ее въ наслѣдство Людовику XVIII; палаты разошлись; вмѣсто трехцвѣтнаго знамени на Тюльери поднялось бѣлое, и 8 іюля Людовикъ XVIII вторично вступилъ въ Парижъ. Вечеромъ Веллингтонъ и Кесльри были приглашены въ Тюльери и нашли короля въ сильномъ волненіи и восторгѣ отъ пріема, сдѣланнаго ему парижанами; по его мнѣнію, онъ былъ принятъ еще радушнѣе, чѣмъ въ прошломъ году. И теперь вечеромъ почти невозможно было разговаривать съ королемъ: такъ оглушительны были крики народа, наполнявшаго Тюльерійскій садъ, не смотря на темноту. На разставаніи король подвелъ Веллингтона и Кесльри къ открытому окну; свѣчи были поданы и дали возможность народу видѣть короля вмѣстѣ съ герцогомъ; народъ сбѣжался на это зрѣлище со всѣхъ концовъ сада, образовалъ огромную, густую массу и наполнилъ воздухъ восклицаніями.

Веллингтонъ ввелъ короля въ Парижъ: но что̀ скажутъ союзные государи? зачѣмъ до нихъ и безъ нихъ произведена была вторая реставрація? Разумѣется, всего опаснѣе могло быть неудовольствіе русскаго императора; поэтому Кесльри и Веллинг-

тонъ почли за нужное отправить Поццо-ди-Борго на встрѣчу къ императору Александру съ объясненіемъ, почему надобно было спѣшить со второю реставраціею. Другою, бо́льшею заботою Веллингтона и Кесльри было сдерживаніе Блюхера и его пруссаковъ: кромѣ огромной контрибуціи, наложенной ими на Парижъ, они обнаруживали твердое намѣреніе взорвать Іенскій мостъ, чтобъ не было въ Парижѣ ненавистнаго памятника ихъ безславія. Веллингтонъ требовалъ, чтобъ они удержались, по крайней мѣрѣ, до пріѣзда государей. Государи пріѣхали 10 іюля: Людовикъ XVIII бросился къ императору Александру съ мольбою о защитѣ, и Блюхеръ былъ сдержанъ: контрибуція уменьшена до 8 милліоновъ и мостъ Іенскій спасенъ отъ разрушенія. Обнаружилось ясно могущество русскаго императора; ясно было, что, при рѣшеніи вопроса о будущемъ положеніи Франціи относительно сосѣдей, въ немъ одномъ Франція могла найти защитника: за это ручался характеръ императора, извѣстная любовь его къ французскому народу и наконецъ разсчетъ политическій: Франція была опасна Россіи менѣе, чѣмъ какой нибудь другой державѣ европейской; для Россіи выгодно было сблизиться съ Франціею и уничтожить возможность возобновленія талейрановскаго тройного союза между Франціею, Англіею и Австріею противъ Россіи и Пруссіи; союзъ Англіи и Австріи не былъ опасенъ для тройного союза Россіи, Франціи и Пруссіи. Если въ 1814 году, во время Вѣнскаго конгресса, Талейранъ хлопоталъ о союзѣ бурбонской Франціи съ Англіею и Австріею противъ Россіи и Пруссіи, то послѣ 20 марта приверженцы Наполеона хлопотали о подобномъ же союзѣ бонапартовской Франціи съ Англіею и Австріею противъ Россіи и Пруссіи, стараясь отвести Англію отъ союза съ Россіею, возбуждая опасеніе англичанъ на счетъ могущества императора Александра. Знаменитая Сталь, сдѣлавшаяся изъ непримиримаго врага Наполеона его защитницею, когда онъ сталъ играть въ конституцію и сблизился съ ея пріятелемъ Бенжаменъ Констаномъ, — Сталь писала въ Англію въ апрѣлѣ 1815 года: «О, да будетъ принцъ-регентъ великъ, великодушенъ! пусть онъ станетъ посредникомъ; пусть скажетъ народамъ: *я хочу мира и вы останетесь въ мирѣ!* Чрезъ это Англія можетъ быть владычицею міра, тогда какъ во время войны она будетъ только частію цѣлаго, уже раздѣленнаго. Принцъ-регентъ не можетъ начальствовать англійскими войсками; онъ можетъ владычествовать народами, только предписывая имъ всѣмъ миръ. Если они устремятся на войну, то владыкою ихъ станетъ императоръ русскій, *Агамемнонъ*, царь царей! Принцу-регенту дается на выборъ —

или быть богомъ мира или позволить русскому императору стать царемъ этой войны.»

Въ Англіи, и безъ внушеній Стааль, очень хорошо понимали, что русскій императоръ будетъ снова Агамемнономъ союза, и очень хорошо понимали также, что съ русскимъ императоромъ возможенъ миръ, а съ Наполеономъ онъ не возможенъ, и потому прежде всего хотѣли покончить съ бонапартовскою Франціею, для чего общее дѣйствіе съ Россіею было необходимо. Императоръ Александръ, съ своей стороны, дѣлалъ все возможное, чтобъ не возбуждать подозрительности и зависти Англіи, сохранить съ нею доброе согласіе. Въ маѣ 1815, въ Вѣнѣ, разговаривая съ лордомъ Каткартомъ о движеніяхъ русскихъ войскъ, онъ сказалъ: «Надѣюсь, пришло время, когда увидятъ, что могущество Россіи можетъ быть только полезно для Европы, а не опасно для нея». Теперь въ Парижѣ императоръ выразилъ лорду Кесльри свое желаніе дѣйствовать сообща съ принцемъ-регентомъ для упроченія европейскаго мира, и спросилъ его прямо, не питаетъ ли принцъ-регентъ какого нибудь неудовольствія противъ него за его поведеніе въ Лондонѣ въ прошломъ году [1])? Сообщая объ этомъ вопросѣ лорду Ливерпулю, Кесльри прибавилъ, что императоръ Александръ оказываетъ необыкновенное вниманіе герцогу Веллингтону и англійскому войску. Чрезъ нѣсколько дней Кесльри получилъ отвѣтъ: принцъ-регентъ поручалъ ему передать русскому императору, что онъ совершенно удовлетворенъ заявленіемъ, что если что нибудь было, то было совершенно ненамѣренно, и что онъ, принцъ, не можетъ питать къ его императорскому величеству другихъ чувствъ, кромѣ чувства искренней дружбы. Такимъ образомъ спѣшили отстранить всѣ препятствія къ дружному дѣйствію при рѣшеніи предстоящаго вопроса: на какихъ условіяхъ заключать новый миръ съ Франціею, какія обезпеченія нужны для того, чтобъ страшный народъ не нарушилъ снова мира Европы? Благодаря преимущественно Англіи, послѣдовало и второе возстановленіе Бурбоновъ; но именно потому, что Англія была главною виновницею дѣла, она больше всѣхъ и должна была безпокоиться на счетъ его послѣдствій. 10 іюля, лордъ Ливерпуль писалъ Кесльри тревожное письмо: «Очевидно, что у короля нѣтъ партій; Геркулесова работа — дать вещественную силу этому правительству; что̀ это за король, который не поддерживается общественнымъ мнѣніемъ, войскомъ или сильною національною партіею? Я радъ, что онъ принялъ въ службу Фуше́. Фуше́

[1]) Здѣсь разумѣется сближеніе императора съ нѣкоторыми членами оппозиціи.

можетъ измѣнить королю; но онъ можетъ и понять, что ему выгодно и спасти его. При отчаянномъ положеніи дѣлъ мы должны употреблять и отчаянныя средства. Чѣмъ болѣе я разсматриваю настоящее внутреннее состояніе Франціи, чѣмъ менѣе нахожу обезпеченія для безопасности Европы въ характерѣ и силѣ французскаго правительства, тѣмъ болѣе мы должны искать безопасности на границахъ въ матеріальномъ ослабленіи могущества Франціи. Это мнѣніе быстро распространилось у насъ.»

Такимъ образомъ, взглядъ англійскаго министерства, руководимаго общественнымъ мнѣніемъ страны, совпадалъ со взглядомъ нѣмецкихъ патріотовъ. Но нѣмецкіе патріоты не впадали въ противорѣчія; они были равнодушны къ вопросу: кто будетъ царствовать во Франціи? лишь бы Франція была ослаблена и не грозила болѣе Германіи. Англія же хлопотала объ утвержденіи Бурбоновъ, видѣла слабость короля, отъ этой слабости заключала къ необходимости ослабить Францію, и тѣмъ сильнѣе наносила ударъ возстановленной династіи, отнимая у нея популярность, возбуждая противъ нея упрекъ, что иностранцы, ея союзники, ея возстановители, обрѣзали, унизили Францію. Положеніе императора Александра было самое выгодное: онъ не настаивалъ на возвращеніи Бурбоновъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, за Францію, и потому всѣ французы, которымъ дорога честь и сила родной страны, должны обратиться къ нему, какъ единственному своему покровителю, и прежде всѣхъ долженъ обратиться къ нему король. Ливерпуль, въ письмахъ своихъ къ Кесльри, твердилъ свое, что слабость французскаго правительства очевидна; что уступки, которыя оно дѣлаетъ, суть слѣдствія слабости, а не милосердія; король распустилъ армію, но какую надежду можно возложить на новую армію, составленную изъ стараго матеріала? да если бы можно было создать и совершенно новое войско, то какая опасность будетъ грозить отъ 40,000 отставныхъ офицеровъ, людей безъ средствъ къ жизни и между тѣмъ обладающихъ значительною долею талантовъ и энергіи народа. Строгое наказаніе заговорщиковъ, вызвавшихъ Бонапарта съ Эльбы, могло бы послужить спасительнымъ примѣромъ, но его трудно ожидать теперь, когда король принужденъ дать правительственныя мѣста членамъ якобинской партіи. При такомъ положеніи дѣлъ надобно принять иныя мѣры безопасности, и союзники сдѣлаютъ непростительную ошибку, если оставятъ Францію, не устроивши границы, достаточной для защиты сосѣднихъ государствъ. Въ Англіи господствующая мысль, что союзники имѣютъ полное право воспользоваться настоящимъ случаемъ и взять у Франціи назадъ главныя пріобрѣтенія Людовика XIV. Все равно, Фран-

ція никогда не забудетъ униженія, которому уже подверглась, и воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ для возстановленія своей военной славы: слѣдовательно, союзники обязаны воспользоваться настоящимъ временемъ и предупредить вредныя послѣдствія собственныхъ успѣховъ; въ прошломъ году союзники были великодушны, и какіе оказались результаты этого великодушія? теперь надобно промыслить самимъ о себѣ. Понятно, что русскій императоръ пожелаетъ принять роль покровителя французскаго народа; но это расположеніе его императорскаго величества должно быть сдержано въ разумныхъ предѣлахъ; онъ не долженъ забывать о сосѣднихъ съ Франціею державахъ; онъ, какъ посредникъ, естественно долженъ сдерживать чрезмѣрныя и неразумныя претензіи нѣкоторыхъ изъ союзниковъ, но онъ не долженъ безопасность союзниковъ приносить въ жертву претензіямъ французскаго народа. «Мы не должны забывать, писалъ Ливерпуль лорду Кесльри, что Австрія и Пруссія во всемъ этомъ вопросѣ имѣютъ съ нами гораздо болѣе общихъ интересовъ, чѣмъ Россія».

Такъ смотрѣли на дѣло англичане, находившіеся въ Англіи; нѣсколько иначе должны были смотрѣть на него англичане, находившіеся во Франціи. «Я совершенно согласенъ съ вашимъ заключеніемъ — отвѣчалъ Кесльри Ливерпулю — что основные интересы Великобританіи въ настоящее время тождественнѣе съ интересами Австріи и Пруссіи, чѣмъ Россіи; но въ то же самое время я долженъ замѣтить, что за этими обоими дворами надобно внимательно смотрѣть, какъ они преслѣдуютъ свои частныя цѣли, чтобъ намъ не впутаться въ такую политику, съ которою Великобританія не имѣетъ ничего общаго. Ни Австрія, ни Пруссія, и ни одна изъ меньшихъ державъ не имѣютъ искренняго желанія поскорѣе окончить настоящее положеніе дѣлъ, потому что оно доставляетъ имъ возможность кормить, одѣвать и платить жалованье своему войску на счетъ Франціи, отвладывая при этомъ себѣ въ карманы англійскія субсидіи. Австрійцы ввели цѣлую армію въ Провансъ, чтобъ кормить ее на счетъ этой бѣдной и вѣрной королю страны. Пруссаки кормятъ на счетъ Франціи 200,000 войска. Баварцы, чтобъ не потерять удобнаго случая покормиться на чужой счетъ, поспѣшили перевезти на телѣгахъ свое войско отъ Мюнхена на берега Луары, когда въ ихъ помощи уже не было болѣе никакой нужды, и перевозка, разумѣется, поставлена на счетъ Франціи. Теперь во Франціи союзныхъ войскъ не менѣе 900,000, содержаніе которыхъ стоитъ ежедневно странѣ 112,000 фунтовъ стерлинговъ. Безупречно въ этомъ отношеніи ведетъ себя русскій императоръ: онъ согла-

сился со мною, что треть контрибуціи, которую возьмутъ союзники съ Франціи, должна идти на пограничныя укрѣпленія: если взять въ разсчетъ отдаленный интересъ Россіи въ этомъ дѣлѣ, то это очень безкорыстно со стороны его императорскаго величества. Онъ привелъ въ движеніе свою вторую армію безъ всякихъ уговоровъ съ нами на счетъ субсидій, прежде чѣмъ получилъ малѣйшее увѣреніе въ помощи; онъ остановилъ свои войска, велѣлъ имъ возвратиться назадъ въ Россію, какъ только я представилъ ему, что въ нихъ нѣтъ болѣе нужды. Теперь онъ торопитъ насъ, чтобы мы какъ можно скорѣе оканчивали съ Франціею въ собственныхъ нашихъ интересахъ, ибо миръ освободитъ насъ отъ обязанности платить субсидіи, причемъ императоръ желаетъ отправить свои войска назадъ».

26 іюля, графъ Капо д' Истрія, уполномоченный императора Александра въ конференціяхъ между министрами союзныхъ государей, представилъ мемуаръ, въ которомъ заявлялось, что цѣлію союза было освобожденіе Франціи отъ Бонапарта и революціонной системы, возстановленіе для нея внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, установленныхъ Парижскимъ договоромъ, обезпеченіе для нея и для всей Европы постановленій этого договора и Вѣнскаго конгресса. Такъ какъ поддержаніе Парижскаго договора было выставлено причиною войны, то для прекращенія войны нельзя требовать его измѣненія. Притомъ, если посягнуть на цѣлость французской территоріи, то надобно будетъ все снова передѣлать, перемѣнить и вѣнскія постановленія, служащія основою европейскаго равновѣсія. Союзники, возстановившіе Людовика XVIII на тронѣ, должны по справедливости и въ собственныхъ интересахъ, утвердить его власть, помочь ему основать нравственную силу его правительства на общемъ и національномъ интересѣ. Принудить короля къ уступкамъ, которыя будутъ въ глазахъ французовъ доказательствомъ неувѣренности союзныхъ державъ въ прочности ихъ собственнаго дѣла, — значитъ нанести смертельный ударъ реставраціи. Соглашаясь въ недостаточности однихъ нравственныхъ обезпеченій, Капо д' Истрія предлагалъ, чтобъ союзники объявили Наполеона Бонапарта и его фамилію лишенными права когда либо царствовать во Франціи; чтобъ они, съ согласія Людовика XVIII, приняли во Франціи военное положеніе и сохраняли его до тѣхъ поръ, пока новое правительство не утвердится во Франціи и пока союзныя государства не успѣютъ усилить свою оборонительную систему; наконецъ, взять съ Франціи контрибуцію, которая пойдетъ на покрытіе военныхъ издержекъ и на устройство новыхъ укрѣпленій, которыя союзныя государства выста-

вятъ противъ громадной линіи французскихъ крѣпостей. Капо д' Истрія объявилъ, что пора прервать грозное молчаніе союзниковъ относительно Франціи, что надобно войти въ прямыя, откровенныя объясненія съ народомъ, въ высшей степени гордымъ и самолюбивымъ, способнымъ еще обнаружить сильную энергію, съ народомъ, котораго нельзя доводить до отчаянія.

Мемуаръ Капо д' Истрія встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны нѣмецкихъ дипломатовъ и генераловъ: Гарденбергъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, генералъ Кнезебекъ, Меттернихъ, фонъ-Гагернъ подали мемуары, въ которыхъ старались доказать необходимость измѣнить границы Франціи: Франція, говорилось въ нѣмецкихъ мемуарахъ, перешла свои естественныя границы, отнявши со временъ Людовика XIV естественныя границы у своихъ сосѣдей; чтобъ получить теперь миръ продолжительный и прочный, надобно, чтобъ Франція отдала своимъ сосѣдямъ ихъ оборонительную линію, которую она у нихъ отняла, т. е. Альзасъ и крѣпости нидерландскія, крѣпости Мааса, Мозеля и Сарры, тогда только и Франція получитъ свою настоящую оборонительную линію, т. е. Вогезскія горы и двойную линію крѣпостей отъ Мааса до моря. На основаніи этихъ мемуаровъ, Франція должна была лишиться почти всей Фландріи, сѣверной части Шампаніи и Лотарингіи, всего Альзаса и значительной части Франшъ-Конте и Бургундіи, должна была потерять не менѣе трехъ милліоновъ народонаселенія. Нѣмцы, разумѣется, настаивали на томъ, что союзники имѣютъ полное право отнять все это у Франціи: смѣшно было бы думать, говорили они, что послѣдняя война велась противъ одного Наполеона, что французы въ ней не участвовали. Англійское министерство также вооружилось противъ мемуара Капо д' Истрія; въ замѣчаніяхъ на этотъ мемуаръ, пересланныхъ Ливерпулемъ лорду Кесльри, говорилось: «Еслибы французскій народъ отозвался на призывъ, сдѣланный въ декларацiяхъ союзниковъ изъ Вѣны въ мартѣ и маѣ мѣсяцахъ и матеріально содѣйствовалъ низверженію Бонапарта, то союзныя державы могли бы считать себя связанными Парижскимъ трактатомъ и не могли бы претендовать на вѣчныя уступки земель со стороны Франціи по праву завоеванія. Но если обратить вниманіе, какъ велики были пожертвованія союзниковъ кровію и деньгами въ послѣднюю войну; если обратить вниманіе на то, что король Людовикъ XVIII былъ возстановленъ союзными войсками; что крѣпости французскія сопротивлялись до тѣхъ поръ, пока оставалась хотя малѣйшая надежда на помощь, и что занятіе союзными арміями страны къ сѣверу отъ Луары есть дѣйствительно занятіе вслѣдствіе завоеванія,—

то не можетъ быть сомнѣнія, что союзники имѣютъ право на плоды завоеванія, на пріобрѣтенія, которыя, по ихъ мнѣнію, необходимы для ихъ собственной безопасности.» Не смотря на такой взглядъ, англійское министерство заявляло, что союзники должны были получить себѣ обезпеченіе уменьшеніемъ наступательныхъ средствъ французскаго народа; но это уменьшеніе могло произойти или посредствомъ территоріальныхъ пріобрѣтеній или посредствомъ временнаго занятія французскихъ областей союзными войсками.

Относительно права союзниковъ требовать обезпеченіе отъ Франціи, не стѣсняясь Парижскимъ договоромъ 1814 года, Англія соглашалась съ нѣмцами; относительно же того, въ чемъ должно было заключаться это обезпеченіе, она не рѣшала вопроса, допуская возможность и того средства, какое предлагала Россія, т. е. временного занятія нѣкоторыхъ частей Франціи союзными войсками. Но англійское министерство скоро должно было принять русское предложеніе, потому что за него высказались и герцогъ Веллингтонъ и лордъ Кесльри. Послѣдній писалъ Ливерпулю, что онъ не можетъ не признать справедливости мнѣнія герцога Веллингтона, который предпочитаетъ временное занятіе французскихъ областей совершенному ихъ отторженію отъ Франціи, потому что это отторженіе соединитъ всѣхъ французовъ противъ Англіи или скорѣе противъ того государства, которое возьметъ себѣ отторженныя области; по всѣмъ вѣроятностямъ король Нидерландскій первый подвергнется нападенію со стороны Франціи, и потому надобно хорошенько подумать объ этомъ. Временное же занятіе, напротивъ, не представляетъ никакой опасности: извѣстно, что Людовикъ XVIII и его министры желаютъ, чтобъ иностранныя войска остались во Франціи; если дѣло уладится съ обращеніемъ вниманія на чувства и на интересы французскаго народа, то король, его правительство и роялистская партія будутъ на сторонѣ союзниковъ; король, поддержанный ими, будетъ имѣть возможность постепенно утвердить свою власть, что важнѣе для союзниковъ всѣхъ другихъ обезпеченій. Если онъ падетъ, то союзники будутъ свободны отъ упрека, что ускорили его паденіе, и будутъ имѣть время принять всѣ нужныя предосторожности. Если же, наоборотъ, союзники будутъ вести дѣло до крайности, то они оттолкнутъ отъ себя короля, который будетъ принужденъ или вести народъ свой на войну или уступить престолъ болѣе смѣлому и предпріимчивому сопернику. Этотъ взглядъ основывается на убѣжденіи, что дѣло королевское во Франціи вовсе не безнадежно, если будетъ хорошо ведено, и европейскій союзъ мо-

жетъ поддержать его, если при взятіи обезпеченій не будутъ дѣйствовать враждебно къ Франціи. — 23 августа, Ливерпуль отвѣчалъ Кесльри, что лондонскій кабинетъ согласенъ съ мнѣніемъ герцога Веллингтона. Франція должна была сдѣлать нѣсколько земельныхъ уступокъ, но ничтожныхъ въ сравненіи съ нѣмецкими требованіями [1]); но она должна была заплатить союзникамъ 600 милліоновъ контрибуціи да 200 милліоновъ на постройку крѣпостей, долженствующихъ охранять сосѣднія государства отъ Франціи; наконецъ, 150,000 иностраннаго войска, содержимаго Франціею въ продолженіе семи лѣтъ, должно было занимать 18 крѣпостей. Но при томъ значеніи, какое имѣлъ Парижъ, самымъ тяжелымъ и оскорбительнымъ слѣдствіемъ вторичнаго занятія иностранными войсками столицы Франціи была отдача по принадлежности произведеній искусствъ, забранныхъ Наполеономъ въ разныхъ странахъ и сосредоточенныхъ въ Луврѣ. Еще 15 іюля лордъ Ливерпуль писалъ Кесльри: «Принцъ-регентъ поручилъ мнѣ обратить ваше вниманіе на собраніе статуй и картинъ, которыя французы захватили въ Италіи, Германіи и Нидерландахъ. Рѣшатъ ли возвратить ихъ по принадлежности, или раздѣлить ихъ между союзниками, во всякомъ случаѣ союзныя войска имѣютъ относительно ихъ то же право завоеванія, какое имѣли французы, овладѣвая ими. Желательно удалить ихъ изъ Франціи съ политической точки зрѣнія, ибо, находясь въ ней, они будутъ необходимо поддерживать воспоминаніе о прежнихъ завоеваніяхъ, поддерживать воинственный духъ и тщеславіе народа.» Французское правительство, соглашаясь на всѣ другія условія, не согласилось на это: картины и статуи были взяты насильно нѣмецкими и англійскими солдатами; герцогъ Веллингтонъ принялъ дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и навлекъ на себя сильную ненависть французовъ: тѣмъ еще сильнѣе стала популярность русскаго императора.

Занятіе союзными войсками французскихъ крѣпостей считалось необходимымъ для укрѣпленія правительства Бурбоновъ; но кто же могъ мѣшать этому укрѣпленію? Наполеонъ, упустивъ благопріятное время для отправленія въ Америку, отдался англичанамъ и былъ отправленъ на островъ св. Елены. Если Наполеонъ, по возвращеніи съ Эльбы, говорилъ, что Бурбоны своими ошибками возстановили его, то теперь Бурбоны, въ свою очередь, имѣли право говорить, что Наполеонъ своимъ стоднев-

---

[1]) Она должна была уступить Нидерландамъ: Конде, Филиппевиль, Маріенбургъ, Живе; Германіи — Саррлуи и Ландау; Швейцаріи — фортъ Жу; Сардиніи — фортъ Эклюзъ, Шамбери и часть Савоіи, удержанную въ 1814 году.

нымъ царствованіемъ оказалъ имъ большую услугу. Имъ страшна была слава знаменитаго императора, страшно было сожалѣніе о немъ въ народѣ: императоръ на долго помрачилъ свою славу при Ватерлоо. Имъ страшно было императорское войско, жившее воспоминаніями о своемъ непобѣдимомъ вождѣ: этотъ вождь явился, и подъ его предводительствомъ войско потерпѣло сильное, окончательное пораженіе. Наполеонъ истощилъ всѣ средства своей партіи, которая была такъ грозна во время первой реставраціи. Съ паденіемъ Бонапарта Бурбонамъ нечего было бояться другихъ партій: республиканская была слишкомъ слаба, орлеанская только въ зародышѣ. Отсюда, кромѣ истощенія народа, жаждущаго отдыха, мира, причиною страдательнаго положенія Франціи было отсутствіе знаменъ, около которыхъ можно было бы сосредоточиться для дѣйствія. Одно только знамя было поднято, знамя Бурбоновъ, поднято было иностранцами, безъ вѣдома и сочувствія народнаго большинства — нѣтъ нужды! Все же это было единственное поднятое знамя, которому другихъ противопоставить было нельзя; кто хотѣлъ дѣйствовать, шелъ подъ это знамя; кто не сочувствовалъ знамени, тотъ осуждалъ себя на страдательное положеніе, не имѣя на что опереться. Бурбонская партія была такъ безсильна, что не могла собственными средствами возстановить короля; она поднялась чужими средствами, именно, когда союзники ввели Людовика XVIII въ Парижъ, но все же поднялась и могла дѣйствовать на просторѣ, безъ помѣхи со стороны другихъ партій, была *во времени* и воспользовалась своимъ временемъ. Во всякомъ обществѣ есть люди, которые хотятъ дать волю страстямъ своимъ, разнуздать ихъ, побушевать. Въ спокойное время, при правильномъ общественномъ движеніи, эти люди связаны, и если позволятъ себѣ что нибудь, то испытываютъ очень непріятныя для себя послѣдствія; но когда происходитъ въ обществѣ неправильное, революціонное движеніе, эти люди тутъ и предлагаютъ свои услуги сильнѣйшей партіи, знаменемъ которой прикрываются; партіи обыкновенно имѣютъ неосторожность принимать услуги подобныхъ людей, набирать изъ нихъ себѣ войско и такимъ образомъ брать на себя отвѣтственность за ихъ дѣйствія, брать на себя обязанность оправдывать эти дѣйствія, какъ бы они ни были возмутительны. Такъ было и теперь во Франціи, когда бурбонская партія хотѣла воспользоваться своимъ временемъ: на югѣ, гдѣ народонаселеніе склонно къ страстной борьбѣ партій, обнаружилось движеніе противъ бонапартистовъ и вообще людей, не сочувствующихъ Бурбонамъ: ихъ сотнями запирали въ тюрьмы, не по судебному рѣшенію, а вслѣдствіе

народной воли; убійства и пожары распространились по деревнямъ; въ Нимѣ, въ продолженіе трехъ дней, толпы убійцъ бѣгали по улицамъ, врываясь въ дома бонапартистовъ или тѣхъ, кому захотѣли дать это имя. Такъ начался «бѣлый терроръ юга», который обнаруживался въ разныхъ мѣстахъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Приверженцы Бурбоновъ считали необходимымъ, чтобъ нѣкоторыя лица были исключены изъ амнистіи, дарованной королемъ при его возвращеніи во Францію; англійское министерство и англійскіе журналы высказывали тоже требованіе; 57 именъ внесено было въ этотъ списокъ исключенныхъ и два имени стояли впереди: Ней и Лабедуайеръ: оба были разстрѣляны. Господство бурбонской партіи, исключительно дѣйствовавшей и дѣйствовавшей на югѣ бѣлымъ террором, естественно произвело то, что новая палата наполнилась роялистами; возрастъ депутата, опредѣленный хартіею въ 40 лѣтъ, теперь былъ пониженъ до 25, возрастъ избирателя въ 30 былъ пониженъ до 21 года; число депутатовъ вмѣсто прежняго 258 было увеличено до 402. Исключеніемъ людей, замѣшанныхъ въ переворотѣ 20 марта, и назначеніемъ новыхъ членовъ въ палатѣ перовъ также перевѣсилъ роялистскій элементъ; званіе пера объявлено наслѣдственнымъ.

•Чѣмъ болѣе прежде при дворѣ боялись сопротивленія Бурбонамъ и соглашались на разныя сдѣлки и уступки для его ослабленія, тѣмъ болѣе теперь раскаявались въ этихъ уступкахъ и стыдились ихъ, когда видѣли, что сопротивленія нѣтъ, что были обмануты, напуганы ложными страхами. Человѣкъ, въ приближеніи котораго къ королю была сдѣлана самая тяжелая уступка, который обманулъ фальшивою важностію своего значенія, которымъ по напрасну напугали, — этотъ человѣкъ долженъ былъ скоро поплатиться за обманъ. Какъ скоро увидали, что бури нѣтъ, то Фушé, могущественный чародѣй, призванный заклинать бурю, превратился въ ловкаго обманщика—не больше, и судьба его была рѣшена. Относительно Фушé при дворѣ чувствовали такое же раздраженіе, какое чувствуетъ знатный баринъ, когда, по ошибкѣ, протянулъ руку простолюдину и обошелся съ нимъ, какъ съ равнымъ себѣ. Какъ только исчезъ первый страхъ и началась роялистская реакція, такъ начались нападки на Фушé: въ одной изъ роялистскихъ брошюръ, упрекали Людовика XVIII за презрѣніе, оказанное имъ французскому народу тѣмъ, что онъ сдѣлалъ своимъ министромъ Фушé, «чудовище, запятнанное всѣми преступленіями». Не будучи въ состояніи плыть противъ теченія, желая показаться усерднымъ, Фушé представляетъ длинный списокъ лицъ, которыхъ должно исключить изъ амнистіи: роя-

листы не довольны, что не всѣ тутъ, которыхъ надобно; побѣжденныя партіи озлоблены тѣмъ, что Фушé выдаетъ людей, которыхъ былъ самъ недавно соумышленникомъ, товарищемъ. Академикъ Арно поутру завтракалъ вмѣстѣ съ Фушé, который не сказалъ ему ничего, а вечеромъ узналъ, что осужденъ на изгнаніе; онъ бѣжитъ къ Фушé съ вопросомъ: что̀ это значитъ? Тотъ отвѣчаетъ ему: «Что же дѣлать! проливной дождь; надобно спрятаться подъ большое дерево; быть можетъ, ваше изгнаніе послужитъ нѣкогда для васъ правомъ на почести и благосклонность». Колдунъ опять принялся за предсказанія будущаго, но теперь эти предсказанія не спасутъ его. Напрасно онъ прибѣгаетъ къ своимъ обычнымъ средствамъ, напрасно пугаетъ, напрасно читаетъ въ совѣтѣ министровъ, въ присутствіи короля мемуаръ, что поведеніе союзныхъ войскъ довело народъ до крайняго раздраженія, вслѣдствіе котораго самыя противоположныя партіи сливаются, и готовится всеобщее возстаніе, страшная рѣзня, при чемъ король снова долженъ будетъ удалиться; напрасно читаетъ другой мемуаръ, въ которомъ доказываетъ, что роялисты сильны только въ 10 департаментахъ, что въ 15 уравниваются другими партіями, а въ другихъ департаментахъ составляютъ только ничтожное меньшинство; что Франція не снесетъ отъ Бурбоновъ того, что сносила отъ Наполеона, опиравшагося на свои побѣды и на униженіе Европы; что̀ короля любятъ и уважаютъ, но боятся его наслѣдниковъ; что равенство и свобода пустили такіе глубокіе корни, что нельзя безнаказанно до нихъ дотрогиваться. Все это напрасно; прежде вѣрили ложнымъ страхамъ, теперь не вѣрятъ и тому, что было справедливаго въ указаніяхъ Фушé. Наконецъ, палата депутатовъ, съ преобладаніемъ людей, которыхъ Фушé впервые назвалъ *крайними* (ultras), не допускала никакой возможности оставаться ему долѣе министромъ. Фушé все еще упорствовалъ, говорилъ, что палатою надобно управлять посредствомъ мятежей, но никто изъ его товарищей, министровъ, не соглашался помогать ему устраивать эти мятежи.

Одинаковая участь грозила и Талейрану: и его оставили министромъ иностранныхъ дѣлъ и даже сдѣлали предсѣдателемъ совѣта министровъ по настоянію герцога Веллингтона, изъ страха передъ сильными препятствіями, которыя встрѣтятся при вторичномъ утвержденіи Бурбоновъ на французскомъ престолѣ, въ надеждѣ, что Талейранъ поможетъ преодолѣть эти препятствія, особенно въ отношеніи къ союзникамъ. Но скоро увидали, что Талейранъ вмѣсто помощи служитъ только препятствіемъ: между союзными государями единственнымъ доброжелателемъ Франціи,

единственнымъ ея защитникомъ являлся императоръ Александръ, которому король и долженъ былъ поэтому предаться вполнѣ; но императоръ Александръ очень хорошо помнилъ поведеніе Талейрана въ Вѣнѣ, и оказывалъ ему совершенную холодность. Такимъ образомъ, Талейранъ становился между Франціею и Россіею, и потому его надобно было отстранить. Людовику XVIII тѣмъ легче было это сдѣлать, что ему навязали насильно Талейрана, властительныхъ манеръ котораго онъ не могъ выносить. Ультра-роялисты, съ своей стороны, преслѣдовали Талейрана, какъ человѣка болѣе другихъ напоминавшаго революцію и имперію; ультра-роялисты преслѣдовали его наравнѣ съ Фушé, преслѣдовали какъ «отступника, чуждаго всякой религіи, всякой нравственности, всякого стыда».

Талейранъ и Фушé были удалены. Кто же могъ замѣнить Талейрана на трудномъ мѣстѣ министра иностранныхъ дѣлъ? Выбранъ былъ человѣкъ, совершенно ему противоположный, безупречный въ нравственномъ отношеніи, герцогъ Ришельé. Внукъ знаменитаго маршала, герцогъ покинулъ Францію въ началѣ революціи и вступилъ въ русскую службу; при императорѣ Александрѣ онъ былъ правителемъ Новороссійскаго края, гдѣ оставилъ по себѣ добрую память. Императоръ очень любилъ его и уважалъ; Людовикъ XVIII, желая угодить покровителю Франціи, назначилъ-было Ришельé министромъ двора на мѣсто любимца своего Блакà, но герцогъ отклонилъ предложеніе, не желая быть товарищемъ Фушé. Теперь, когда Фушé не было болѣе между министрами, императоръ и король настояли, чтобъ Ришельé принялъ мѣсто Талейрана. Назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ человѣка, имѣвшаго, можно сказать, два отечества, Францію и Россію, съ одинакими обязанностями къ обѣимъ, было яснымъ знàкомъ преобладающаго вліянія русскаго императора на дѣла Франціи и тѣснаго союза ея съ Россіею. Разумѣется, многимъ и многимъ это сильно не понравилось; но дѣлать было нечего, и Кесльри, въ письмахъ къ Ливерпулю, старается успокоить министерство именно тѣмъ, что дѣлать нечего и нѣтъ еще большой бѣды отъ преобладающаго вліянія русскаго императора; онъ писалъ: «Связь герцога Ришельé съ русскимъ императоромъ и вмѣшательство Поццо во всѣ дѣла, естественно, даетъ новому правительству сильный русскій цвѣтъ, и на него уже нападаютъ за это. Но, не смотря на тонъ покровительства, употребляемый императоромъ, я не нахожу причины жаловаться на поведеніе его императорскаго величества, и онъ спокойно смотритъ на нашу работу въ Луврѣ [1]). Зависть къ преобладающему вліянію

[1]) Увозъ произведеній искусства.

Россіи, по моему мнѣнію, не должна побуждать насъ къ ослабленію правительства герцога Ришельё. Главная наша цѣль—поддерживать на престолѣ Людовика XVIII; система умѣренности, по моему мнѣнію, есть самое лучшее къ тому средство, и я не думаю, чтобы герцогъ вдался въ крайности. У герцога много здраваго смысла, и онъ могъ бы быть отличнымъ министромъ въ честной странѣ; но публичная жизнь его ограничивается крымскимъ губернаторствомъ. Онъ мнѣ сказалъ, что не знаетъ въ лицо ни одного изъ своихъ товарищей, и что не былъ во Франціи съ 1790 года; можете представить себѣ трудности, которыя онъ долженъ встрѣтить». Этотъ упрекъ Ришельё, что онъ знаетъ лучше Россію, нѣмъ Францію, былъ въ устахъ всѣхъ тѣхъ, которымъ не нравилось его новое назначеніе, начиная съ Талейрана: «Это французъ, который лучше всего знаетъ Крымъ», сказалъ свергнутый министръ о своемъ преемникѣ, и острое слово съ наслажденіемъ повторялось противниками русскаго вліянія. Это вліяніе сильно давало себя чувствовать, и Франція увидѣла ясно, какъ выгодно ей имѣть министромъ иностранныхъ дѣлъ человѣка, лучше всего знающаго Крымъ: Франція удержала пять крѣпостей изъ числа тѣхъ, которыя должна была уступить по прежнему плану; сумма контрибуціи уменьшалась на сто милліоновъ; союзныя войска должны были оставаться во Франціи не семь, а пять лѣтъ.

Талейранъ и по выходѣ изъ министерства остался въ Парижѣ — ждать своего времени; знаменитый оракулъ не утратилъ своего авторитета, своихъ поклонниковъ; домъ его былъ открытъ для всѣхъ недовольныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, для всѣхъ недовольныхъ вліяніемъ Россіи. Не то было съ Фушé, котораго дѣятельность была всегда мелка въ сравненіи съ дѣятельностью Талейрана; ненависть ультра-роялистовъ налегла со всею силою на жертву, которую никто не рѣшался защищать. Фушé отправился въ почетную ссылку, министромъ къ саксонскому двору, а въ слѣдующемъ году почетная ссылка была замѣнена дѣйствительною. Понапрасну обращался Фушé къ Кесльри и Веллингтону; въ длинномъ письмѣ къ послѣднему онъ наговорилъ много прекрасныхъ вещей: «Развратъ и неспособность губятъ государства, писалъ онъ; добродѣтель и талантъ возстановляютъ ихъ. Если господствуетъ партія, то обязательства частныя являются сильнѣе обязательствъ общихъ; теперь не союзные государи торжествуютъ надъ Франціею, партія торжествуетъ надъ народомъ; междоусобная война только перемѣнила мѣсто; ультра-роялисты побѣдители, а всѣ остальные французы побѣжденные. Какую выгоду можно извлечь изъ господства партіи?

Конецъ ея близокъ, самый терроръ ее не поддержитъ, потому что терроръ исчезаетъ при первомъ проблескѣ безопасности. Придетъ чередъ господству другой партіи. Что станется съ Франціею, что станется съ Европою, если насъ будутъ терзать очередныя и скоропреходящія торжества партій? При такомъ порядкѣ вещей гдѣ найти націю? Нѣтъ болѣе общихъ интересовъ; всѣ пружины, всѣ связи общественнаго существованія сокрушены; сердце государства поражено; остается только тѣнь отечества. Въ дѣлахъ человѣческихъ часто приходятъ къ самымъ печальнымъ крайностямъ, увлекаясь словами, которыя ихъ освящаютъ. Не дай Богъ, чтобъ слово *легитимность* стоило намъ также дорого, какъ и слово *равенство!* Зло происходитъ почти всегда подъ священными предлогами. Къ счастію, заблужденіе не безсмертно какъ истина. Я не жалуюсь и не удивляюсь, что изгнанъ изъ Франціи тѣми, которымъ я протянулъ руку, чтобъ помочь имъ войти во Францію. Я знаю пороки сердца человѣческаго, я привыкъ къ капризамъ судьбы. Въ моемъ положеніи утѣшаюсь мыслію, что никто не можетъ измѣнить природы вещей: ложь не можетъ стать истиною. Правосудіе и голосъ вѣковъ произнесутъ: въ событіяхъ, навлекшихъ бѣдствіе отечеству своему, виноваты или нѣтъ всѣ стороны, и на которой сторонѣ самая большая вина». Фушé аппеллировалъ къ правосудію и голосу вѣковъ, но онъ произнесъ страшныя для себя слова: «ложь не можетъ стать истиною».

Министромъ полиціи вмѣсто Фушé назначенъ былъ уже извѣстный намъ Деказъ. Будучи самымъ младшимъ членомъ королевскаго парижскаго суда, Деказъ обратилъ на себя вниманіе смѣлостью, съ какою отказался подписать адресъ и присягнуть на вѣрность Наполеону послѣ 20 марта. Этотъ поступокъ не могъ быть забытъ по возвращеніи Бурбоновъ, и Деказъ былъ сдѣланъ префектомъ полиціи подъ начальствомъ Фушé. Подозрительность, какую питали къ Фушѐ, заставила выдвинуть Деказа и ввести его въ непосредственныя сношенія съ королемъ. Префектъ полиціи былъ тогда 35 лѣтъ; пріятная наружность, талантъ, живость ума, быстрота, ловкость, неутомимость въ исполненіи, испытанная вѣрность и въ то же время отсутствіе крайности въ направленіи обратили на него вниманіе Людовика XVIII; по удаленіи Фушé, Деказъ сдѣлался министромъ полиціи, и скоро увидали, что мѣсто Блакà при старомъ королѣ замѣщается. Деказъ становился любимцемъ.

Союзные государи оставили Парижъ; но посланники ихъ здѣсь образовали постоянную конференцію, которая собиралась каждую недѣлю, чтобъ разсуждать о состояніи страны, о мѣрахъ, какія

нужно было принимать со стороны союзныхъ государей, о совѣтахъ, какіе должны были подавать ихъ посланники французскому министерству. Главную роль между дипломатами игралъ русскій посланникъ Поццо-ди-Борго, личныя качества котораго вполнѣ соотвѣтствовали тому положенію, какое занимала Россія среди европейскихъ державъ. Англійскимъ посланникомъ былъ кавалеръ Стюартъ, братъ лорда Кесльри, человѣкъ невыдававшійся впередъ своими личными достоинствами и кромѣ того уступавшій первое мѣсто герцогу Веллингтону, который жилъ въ Парижѣ, какъ главный начальникъ союзныхъ войскъ, оставленныхъ во Франціи. Положеніе Веллингтона было незавидное, потому что поведеніе Англіи въ послѣднее время возбудило сильную ненависть въ французахъ; особенно не могли простить Веллингтону его дѣятельнаго участія въ опустошеніи Лувра; при дворѣ не могли простить ему того, что не нашли въ немъ ожидаемой поддержки. Видя всеобщее ожесточеніе, видя холодность при дворѣ, тогда какъ онъ привыкъ находить тамъ одни восторженные пріемы, герцогъ сердился и не старался сдерживаться въ выраженіяхъ своего гнѣва. Онъ удалился изъ роялистскаго общества, гдѣ имѣли неосторожность показать къ нему презрѣніе, и началъ посѣщать общества, отличавшіяся противоположными политическими мнѣніями; особенно часто стали видѣть его у госпожи Гамелэнъ, которая у роялистовъ пользовалась дурною репутаціею, о которой шла молва, что она сильно интриговала въ пользу Бонапарта передъ его возвращеніемъ съ Эльбы. Поццо-ди-Борго обезпокоило такое поведеніе герцога; онъ боялся, что противныя правительству партіи станутъ пользоваться его неудовольствіемъ; разговоръ съ Стюартомъ еще болѣе усилилъ его опасенія: англійскій посланникъ сталъ открыто жаловаться на короля и окружавшихъ его, объявилъ, что негодованіе Веллингтона достигло высшей степени, и прибавилъ, что если съ Бурбонами случится новое несчастіе, то народное негодованіе въ Англіи воспрепятствуетъ министерству вооружиться за нихъ. Спустя нѣсколько времени, самъ Веллингтонъ, разговаривая съ Поццо-ди-Борго въ томъ же смыслѣ, кончилъ словами: «Неужели мы должны еще обнажить шпагу и драться *за нихъ?*» Поццо, послѣ совѣщанія съ графомъ Капо д'Истрія и герцогомъ Ришельё, предложилъ королю и графу Артуа приласкать Веллингтона. Графъ Артуа поѣхалъ къ нему, и герцогъ остался доволенъ посѣщеніемъ и разговоромъ наслѣдника престола. Спустя нѣсколько времени, герцогъ поѣхалъ къ королю и былъ обласканъ; при прощаніи, король подалъ ему руку, герцогъ нагнулся было, чтобъ ее поцѣловать, но король сказалъ

ему: «Позвольте мнѣ поступить по французскому обычаю», и поцѣловалъ его. На другой день Ришельё имѣлъ разговоръ съ Веллингтономъ и остался очень доволенъ; когда онъ намекнулъ, что заговорщики, въ своихъ движеніяхъ противъ Бурбоновъ, разсчитываютъ на его равнодушіе, то Веллингтонъ сказалъ: «Пусть попробуютъ: узнаютъ меня!» Между тѣмъ пруссаки предложили Ришельё, что, въ случаѣ новыхъ волненій, прусская нижнерейнская армія будетъ готова вступить во Францію. Но король не хотѣлъ принимать никакихъ предложеній ни отъ кого безъ вѣдома русскаго императора. По мнѣнію Поццо, французское правительство должно было гнать отъ себя мысль объ иностранной помощи или вмѣшательствѣ; если Франція, къ своему несчастію, снова принуждена будетъ просить помощи у иностранцевъ, то погибель ея будетъ неминуема; ея внутреннее спокойствіе должно поддерживаться собственными средствами, и Поццо изъявлялъ полную увѣренность, что эти средства можно найти.

Средства дѣйствительно были; опасности для Бурбоновъ сильно преувеличивались. Главная опасность заключалась въ нихъ самихъ, въ слабости короля, который не умѣлъ сдержать своихъ, который далъ приверженцамъ Бурбоновъ раздѣлиться на двѣ партіи, ультра-роялистовъ и приверженцевъ конституціонной монархіи, позволилъ имъ вступить въ ожесточенную борьбу другъ съ другомъ, благодаря которой противныя партіи поднялись и окрѣпли. Представители иностранныхъ державъ, видя, что ультра-роялистская партія не имѣетъ глубокихъ корней во французской почвѣ, боясь новыхъ переворотовъ, какіе могли произойти отъ неблагоразумныхъ ея стремленій, внушали королю и его министерству, чтобъ они не слѣдовали увлеченіямъ графа Артуа и окружавшихъ его, соблюдали умѣренность, давали своему правленію либеральное направленіе и такимъ образомъ привлекали къ себѣ сочувствіе большинства. Но совѣтовать слабому умѣренность и либеральность, значитъ побуждать его къ послабленію и либеральничанью, точно такъ какъ совѣтовать ему твердость значитъ побуждать его къ жестокости и къ задерживанію живыхъ силъ народа, къ погашенію въ обществѣ свѣта, необходимаго для правильной его дѣятельности.

Осенью 1815 года, бурбонская реакція была въ полномъ ходу и отразилась на выборахъ въ новую палату депутатовъ (chambre introuvable, по выраженію Людовика XVIII); надежды ультра-роялистовъ сначала были возбуждены и тѣмъ, что министерство было очищено отъ людей, представлявшихъ новую Францію, Талейрана и Фуше; члены палаты перовъ, Полиньякъ и Лабурдоннэ прямо отказались присягать въ соблюденіи хар-

тіи. Въ палатѣ депутатовъ прошли строгіе законы противъ лицъ, которыя бы вздумали устно или письменно возбуждать народъ противъ правительства, хотя бы ихъ поступки не имѣли слѣдствій и не были связаны ни съ какимъ заговоромъ; учрежденъ былъ въ каждомъ департаментѣ *превотальный* (военный) судъ; въ палатѣ слышались слова: «Время положить конецъ милосердію». Между ультра-роялистскими депутатами обозначился человѣкъ, которому суждено было играть важную роль въ исторіи реставраціи; то былъ Виллель. Обиженный природою, которая дала ему вовсе невидную наружность и непріятное произношеніе, Виллель привлекалъ вниманіе вѣрностію, практичностью своихъ замѣчаній; его административная дѣятельность началась далеко, на островѣ Бурбонѣ, гдѣ онъ укрылся отъ революціонныхъ бурь; во время имперіи онъ возвратился во Францію, купилъ землю подлѣ Тулузы и занимался сельскимъ хозяйствомъ; при отправленіи административныхъ должностей въ провинціи онъ выказалъ тѣ же способности, какъ и на островѣ Бурбонѣ, и теперь принесъ въ палату свой здравый смыслъ, свой практическій, но часто узкій взглядъ, слѣдствіе прежней узкой сферы дѣятельности и недостатка научнаго образованія. Сочиненіе его, написанное противъ конституціоннаго правленія, опредѣляло его мѣсто и значеніе въ палатѣ.

Въ то время, когда въ палатѣ строгими мѣрами хотѣли сдержать всякое публичное выраженіе несочувствія къ бурбонскому правительству,—хотѣли также очистить администрацію отъ людей, заявлявшихъ прежде, какимъ бы то ни было образомъ, свое несочувствіе къ нему, и здѣсь не ограничились людьми, занимавшими важныя должности, но коснулись людей самыхъ мелкихъ, отыскивая въ прежнемъ ихъ поведеніи, въ увлеченіяхъ молодости во время революціи, причины къ удаленію. Всѣ эти люди, которые при сильномъ правительствѣ, умѣющемъ дать направленіе дѣятельности своихъ служителей, спокойно подчинились бы этому направленію и остались полезными работниками, — теперь, удаленные и лишенные средствъ къ жизни, явились въ первыхъ рядахъ недовольныхъ. Но этимъ очищеніемъ администраціи дѣло не ограничивалось: по поводу правительственнаго предложенія объ амнистіи, въ палатѣ былъ составленъ проектъ закона, который грозилъ смертію, тюремнымъ заключеніемъ, изгнаніемъ огромному числу лицъ (не менѣе тысячи). Страстные крики членовъ господствующей партіи въ палатѣ и въ салонахъ напоминали страстные крики революціонеровъ девяностыхъ годовъ, и теперь, какъ тогда, женщины превосходили мужчинъ. «Неужели думаютъ, говорила одна знатная дама, что мы удо-

вольствуемся двумя головами (Нея и Лабедуайера) за 20-е марта?» Между господствующею партіею и министерствомъ произошелъ явный разрывъ, потому что министерство не раздѣляло крайнихъ стремленій партій. Противъ министерства была господствующая партія съ одной стороны, съ другой работалъ противъ него Талейранъ, окруженный интригантами всякого рода. Не имѣя возможности дѣйствовать въ Парижѣ, они перенесли свою сцену дѣйствія въ Лондонъ, установили политическую корреспонденцію, которую публиковали посредствомъ журналовъ. Здѣсь король и королевская фамилія подвергались постояннымъ нападкамъ; Талейранъ представлялся гонимымъ мудрецомъ, удаленіе котораго изъ министерства было причиною всей смуты; подкапывались подъ русское вліяніе, порицая зависимость королевскаго правительства отъ С.-Петербургскаго двора. Герцогъ Орлеанскій, находившійся въ Англіи, подъ рукою, ободрялъ эту тактику, и его сторонники въ Парижѣ приняли въ ней участіе; англійскій посланникъ въ Парижѣ, Стюартъ, человѣкъ ограниченный и мелочной, раздраженный тѣмъ, что не могъ играть при французскомъ дворѣ первенствующей роли, поддерживалъ интригу покровительствомъ, какое оказывалъ корреспонденціи, зная очень хорошо ея содержаніе. Подвергаясь нападеніямъ съ разныхъ сторонъ, министерство Ришельё не находило подпоры въ королѣ, слабость котораго оказывалась для всѣхъ самымъ очевиднымъ образомъ, ибо направленіе господствующаго движенія перешло къ графу Артуа, къ партіи *павильона Марсанъ*, какъ тогда выражались (потому что графъ Артуа жилъ въ части тюльерійскаго дворца, носившей это названіе). Слабость короля послужила предлогомъ новой интриги, направленной противъ министерства Ришельё. Партія павильона Морсанъ и партія Талейрана подали другъ другу руку; съ обѣихъ сторонъ пошло предложеніе возвратить бывшаго любимца Блака; на конференцію представителей иностранныхъ державъ дѣйствовали тѣмъ, что призваніе Блака есть единственное средство вывести короля изъ бездѣйственнаго положенія. Сопротивленіе Ришельё, поддержаннаго Поццо, разстроило интригу.

Такъ кончился 1815 годъ. 1 января 1816 года, депутація второй палаты обратилась къ королю съ такою краткою рѣчью: «Государь! ваши вѣрноподданные палаты депутатовъ желаютъ и приготовляютъ вамъ болѣе счастливый годъ!» На другой же день въ палатѣ начались жаркія пренія объ амнистіи. Послышались рѣчи противъ «новой филантропіи, этой революціонной выдумки, которая покрыла Европу преступленіями, кровью и слезами», послышались горькіе упреки нерѣшительному поведенію мини-

стровъ, которые хотятъ возобновить слабую политику 1814 года, рискуя навлечь на Францію тѣ же самыя бѣдствія. Главные ораторы умѣренной партіи, Руайе-Колларъ, Пакье, де Серръ произнесли также сильныя рѣчи въ пользу амнистіи, какъ акта политической необходимости. Большинство палаты отвергло ту обширную проскрипцію, на которую настаивали ультра-роялисты; но приняло исключеніе изъ амнистіи для людей, участвовавшихъ въ осужденіи Людовика XVIII: имъ опредѣлено изгнаніе, и король согласился съ рѣшеніемъ палаты. Въ провинціяхъ перестала литься кровь; но сцены насилія и грабежа продолжались по деревнямъ. Во многихъ мѣстахъ, протестантское богослуженіе было прервано, администраторы и суды, или по духу партіи, или по слабости, изъ страха предъ мятежными толпами, не могли обезпечить полнаго правосудія протестантамъ и людямъ, считавшимся бонапартистами. Большая часть людей, виновныхъ въ убійствахъ, оставались нетронутыми; тѣ изъ нихъ, которыхъ притягивали къ суду, были торжественно оправдываемы, потому что никто не смѣлъ противъ нихъ свидѣтельствовать. Въ Тарасконѣ, въ департаментѣ Устьевъ-Роны, два человѣка были отданы подъ судъ за участіе въ народныхъ волненіяхъ: мятежная толпа освободила ихъ изъ тюрьмы съ криками: «Долой бонапартистовъ! долой богачей!» и принудила судъ произнести приговоръ объ освобожденіи обвиненныхъ. Въ палатѣ, если кто нибудь изъ депутатовъ былъ такъ смѣлъ, что указывалъ на такія явленія, то голосъ его былъ заглушаемъ. Очищенія администраціи продолжались; очищено было и учебное вѣдомство или такъ называемый «Университетъ»: больше трети ректоровъ академій, и цѣлая толпа инспекторовъ, профессоровъ и учителей были отставлены; вакантныя каѳедры были замѣщены духовными лицами; многія высшія школы были закрыты изъ экономіи. Закрыта была и Политехническая школа, подозрительная по своему духу; но обратили вниманіе на первоначальное народное обученіе: первоначальныя школы были ввѣрены надзору комитетовъ, учрежденныхъ въ каждомъ кантонѣ подъ предсѣдательствомъ священника; верховная коммиссія народнаго просвѣщенія должна была постановить правила и указать методы преподаванія; ежегодно назначалось 50,000 франковъ на изданіе нужныхъ книгъ, на учрежденіе образцовыхъ школъ и на награды отличнымъ учителямъ; религіозныя и благотворительныя общества были допущены къ учрежденію и веденію школъ съ условіемъ, чтобъ ихъ правила и методы были одобрены Коммиссіею народнаго просвѣщенія, и чтобъ школы ихъ подвергались общему установленному надзору; епископы, объѣзжая епархіи, имѣли

право освѣдомляться о преподаваніи закона Божія въ школахъ; префекты, субпрефекты и мэры сохраняли свой прежній административный надзоръ. Этимъ регламентомъ и нѣкоторыми другими постановленіями, благопріятными для народнаго образованія, Франція была преимущественно обязана дѣятельности предсѣдателя верховной Коммиссіи народнаго просвѣщенія, Роайе-Коллару.

Роайе-Колларъ принадлежалъ къ небольшому кружку людей, которые въ палатѣ выставляли открытое сопротивленіе «крайнимъ». Эта борьба между двумя роялистскими партіями—крайнею и умѣренною, очень важна, потому что объясняетъ многое въ положеніи Франціи. «Крайніе» стремились къ возстановленію стараго порядка вещей, какъ было до революціи; но, видя министерство противъ себя и въ то же время видя свое выгодное положеніе въ палатѣ, пользовались парламентскою формою для достиженія своихъ цѣлей и временно стояли за эту форму, прикрывались ею; уваженіе къ конституціи было у нихъ условною фразою, но иногда они переговаривались не въ палатѣ, а въ салонахъ; такъ однажды одинъ изъ крайнихъ, Бувилль, сказалъ: «Говорятъ, что я не люблю хартіи; я на ней сижу верхомъ, но стану гнать лошадь до тѣхъ поръ, пока она издохнетъ». Монморанси сказалъ одному изъ политическихъ противниковъ: «Да, вы любите короля точно также, какъ мы любимъ хартію». Въ палатѣ они стояли горой за конституцію; а умѣренные, или приверженцы конституціонной монархіи, наоборотъ, настаивали на усиленіе королевской власти, королевскаго значенія, утверждали, что французская конституція не должна быть совершенно похожа на англійскую. Во время сильныхъ преній по вопросу, должна ли палата возобновляться по частямъ, какъ постановлено было въ хартіи, или всецѣло, какъ хотѣли крайніе, Роайе-Колларъ говорилъ: «Въ Англіи инціатива, высшая администрація и большая часть правительства находятся у палаты общинъ; у насъ правительство всецѣло находится въ рукахъ короля, который нуждается въ содѣйствіи палаты только, когда надобенъ новый законъ и для бюджета. Какъ только правительство перейдетъ къ большинству палаты, какъ скоро палата получитъ возможность низвергать министровъ короля и навязывать ему другихъ, такъ будетъ покончено не только съ хартіею, но и съ независимою королевскою властью,—у насъ будетъ республика. Если вмѣсто французской хартіи вы дадите намъ британское правленіе, то дайте намъ всѣ физическія и нравственныя условія Англіи; сдѣлайте, чтобъ англійская исторія была нашею; дайте намъ сильную аристократію,

неразрывно связанную съ короною; сдѣлайте еще болѣе: вмѣстѣ съ теоріею, на которой зиждется ея политическая система, дайте намъ злоупотребленія Англіи, злоупотребленія столь могущественныя, что самая теорія находится подъ ихъ охраною. У насъ нѣтъ еще аристократіи, мы должны получить ее съ теченіемъ времени. Аристократія, созданная хартіею, есть еще только фикція; она получитъ дѣйствительное существованіе только тогда, когда будетъ вѣрнымъ выраженіемъ превосходства, дѣйствительно существующаго и всѣми признаннаго. До тѣхъ поръ не думайте, что если королевская власть будетъ ослаблена, то палата перовъ будетъ въ состояніи придти къ ней на помощь и поднять ее. Разъ униженная королевская власть поднимется только посредствомъ революціи и бурь. Ученіе о представительствѣ страны есть предразсудокъ, и депутаты вовсе не уполномоченные народа. Палата у насъ есть власть, а не представительство; она существуетъ только благодаря хартіи, она выражаетъ только собственное свое мнѣніе, а не мнѣніе народа. Гдѣ существуетъ народное представительство, тамъ въ немъ сосредоточены всѣ силы: передъ нимъ остаются только власти подчиненныя или враждебныя, осужденныя повиноваться или исчезнуть. Революція есть не иное что, какъ ученіе о народномъ представительствѣ, приведенное въ дѣйствіе.» — «Англія не монархія, говорилъ де Серръ: хартія французская не похожа на хартію британскую; въ Англіи существуютъ партіи давно образовавшіяся, тѣсно связанныя съ конституціею, слѣдовательно, не опасныя; король обязанъ избирать министровъ между ихъ вождями: присоединяя къ ихъ вліянію вліяніе двора, онъ легко получаетъ перевѣсъ и овладѣваетъ на фактѣ, хотя не прямо, иниціативою въ законодательствѣ. Во Франціи, наоборотъ, не должно быть партій, и если онѣ есть, король долженъ возвышаться надъ всѣми; королевская власть во Франціи не должна быть бездѣйственною, не подвижною, но дѣятельною; ей не слѣдуетъ скрываться подъ покрываломъ, но являться постоянно, сіять предъ глазами всѣхъ.»

Въ преніяхъ о бюджетѣ крайніе обнаружили ясно свое намѣреніе низвергнуть министерство Ришелье. Посланники четырехъ союзныхъ державъ пришли въ сильное волненіе: если министерство будетъ свѣргнуто, то произойдетъ страшная смута; представителей Англіи, Австріи и Пруссіи особенно безпокоило то, что во время этой смуты нельзя будетъ получить съ Франціи денегъ, которыя она обязалась платить по послѣднему договору. Посланники пригласили въ конференцію герцога Веллингтона и упросили его написать письмо къ королю, представить печальное положеніе дѣлъ, и выразить надежду, что его величество

побудитъ свой дворъ содѣйствовать интересамъ правительства. Веллингтонъ написалъ письмо: «Вашему величеству извѣстны начала, на которыхъ союзныя державы основали систему временного занятія части вашихъ владѣній, инструкціи, ими мнѣ данныя, и отвѣтственность, ими на меня возложенную. Хотя я смотрю на это занятіе какъ на средство для поддержанія мира, однако я могу быть принужденъ опять поставить всю Европу подъ ружье; моя обязанность предувѣдомить ваше величество, когда обстоятельства будутъ клониться къ такому кризису. Извѣстно, что фамилія вашего величества, лица принадлежащія къ вашему двору и къ двору принцевъ, дѣйствуютъ въ палатѣ наперекоръ министрамъ. Въ настоящее время необходимость требуетъ, чтобъ ваше величество высказались съ твердостію и поддержали свое министерство всѣмъ вліяніемъ двора, который до сихъ поръ имѣлъ только вредное вліяніе на дѣло». Отославши письмо къ королю, Веллингтонъ, спустя нѣсколько времени, отправился къ графу Артуа съ тѣми же представленіями перемѣнить вредное вліяніе на полезное: Артуа отвѣчалъ, что ни онъ, ни сыновья его не вмѣшиваются ни во что и не имѣютъ никакого вліянія на дѣла; а между тѣмъ въ павильонѣ Марсанъ было положено отправить Полиньяка къ Веллингтону, вывѣдать, какъ союзныя державы примутъ низверженіе министерства Ришельё. Веллингтонъ отвѣчалъ ему, что примутъ очень дурно.

Посланники дожидались, какое впечатлѣніе произведетъ на короля письмо Веллингтона. Впечатлѣніе было неблагопріятное: король разсердился; ему не понравилось, что его хотѣли учить. Но рѣзко высказать свой гнѣвъ было нельзя; чрезъ нѣсколько недѣль онъ сказалъ герцогу: «Дѣйствія правительства должны были вамъ показать, что на ваши совѣты обращено вниманіе». Герцогъ и тутъ опять повторилъ свои совѣты. Поццо-ди-Борго, съ своей стороны, сдѣлалъ подобныя же представленія, и ему отвѣчали также уклончиво, а графъ Артуа рѣшился сказать, что императоръ Александръ получилъ невѣрныя извѣстія о положеніи дѣлъ во Франціи, тогда какъ эти извѣстія могъ сообщить ему никто другой, какъ Поццо. Съ посланникомъ императора Александра стали обходиться съ холодною учтивостью при дворѣ; но противъ герцога Веллингтона и англичанъ вообще ожесточеніе крайнихъ дошло до высшей степени; уже начали поговаривать, что Бурбоны могутъ сдѣлаться популярны только посредствомъ войны.

Засѣданія палаты прекратились. Депутаты, наиболѣе потрудившіеся въ дѣлѣ реакціи, были съ торжествомъ приняты въ своихъ провинціяхъ; въ Тулузѣ въ честь Виллеля устроили трі-

умфальную арку, народъ отпрягъ его карету и повезъ ее на себѣ, вечеромъ городъ былъ освѣщенъ; въ театрахъ пѣли куплеты въ честь ему. Повидимому, торжество крайнихъ было полное: такое сочувствіе народа! Хотѣли пользоваться своимъ временемъ, упрочить торжество: 15 депутатовъ большинства, жившіе въ Парижѣ, образовали, подъ покровительствомъ графа Артуа, комитетъ, который сносился съ депутатами, жившими въ департаментахъ, передавалъ имъ, какъ нужно дѣйствовать. Неудовлетворительное состояніе здоровья Людовика XVIII, ожиданіе скорой перемѣны на престолѣ, усиливали также партію крайнихъ, въ челѣ которыхъ находился наслѣдникъ престола: честолюбцы со всѣхъ сторонъ примыкали къ партіи, за которой было скорое будущее. Но для людей, смотрѣвшихъ безпристрастно на состояніе Франціи, все болѣе и болѣе оказывалось яснымъ, что «крайніе» составляютъ незначительное меньшинство; что большинство раздражено и волнуется, волнуется безсильно, потому что нѣтъ пока вождей и знаменъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорываются возстанія, разсчитанныя на сильное раздраженіе въ народѣ. Видя, что во Франціи играютъ въ опасную игру, императоръ Александръ не хотѣлъ оставаться спокойнымъ зрителемъ этой игры. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, Поццо-ди-Борго, по приказанію императора, прочелъ Людовику XVIII мемуаръ, въ которомъ указывалось несоотвѣтствіе дѣйствій французскаго правительства видамъ союзныхъ державъ, какіе они имѣли при возстановленіи Бурбоновъ, несоотвѣтствіе поступковъ французскаго правительства совѣтамъ императора Александра. Король оправдывался, какъ могъ. И другія союзныя державы, какъ ихъ ни тяготило то, что Россія дѣлаетъ первый шагъ въ этомъ дѣлѣ, должны были признать необходимость поддерживать представленія русскаго правительства. Но однихъ представленій было мало; надобно было указать средства, какъ унять «крайнихъ». Необходимое слѣдствіе слабости — употребленіе сильныхъ, крайнихъ средствъ. Король, по слабости своей, не умѣлъ взять въ руки своихъ ярыхъ приверженцевъ, сдержать и направить ихъ дѣятельность; позволилъ брату стать въ ихъ челѣ; они надѣлали вреда своею ревностью не по разуму; король, потерявъ надъ ними всякую власть, не былъ въ состояніи ихъ остановить, и потому нужно было прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ, къ распущенію палаты, которую король называлъ безподобною (introuvable), которая состояла изъ его ревностныхъ приверженцевъ! Безсмыслица, и безсмыслица страшно вредная по своимъ послѣдствіямъ; но другого средства нельзя было придумать. Поццо началъ настаивать на распущеніе палаты и на избраніе новой порядкомъ,

опредѣленнымъ въ хартіи. Чтобъ побудить короля къ принятію этой мѣры, онъ представилъ ему, что императоръ Александръ очень желаетъ уменьшить тягость военнаго занятія французскихъ областей; но что помощь, которую императоръ можетъ оказать въ этомъ случаѣ, зависитъ совершенно отъ мудрости и твердости королевскаго правленія. Король отвѣчалъ: «Увѣрьте императора, что я останусь конституціоннымъ государемъ». Но Поццо-ди-Борго, зная, что здѣсь надежда на будущую свою твердость только прикрываетъ настоящую слабость, началъ представлять, что его величество, желая теперь пощадить себя отъ тяжелаго усилія воли, увидитъ себя принужденнымъ сдѣлать еще большее усиліе впослѣдствіи, среди смятенія и скандала преній, придворныхъ интригъ и шума парижскихъ салоновъ. Король отвѣчалъ, что министры занимаются этимъ вопросомъ въ совѣтѣ, что онъ самъ думаетъ о немъ безпрестанно и подвергнетъ его обсужденію послѣ самаго серьезнаго изслѣдованія. Ришельё былъ совершенно согласенъ съ Поццо, что противъ «крайнихъ» нѣтъ другого средства, кромѣ распущенія палаты. Но ни Поццо, ни Ришельё не могли бы достигнуть своей цѣли безъ помощи любимца королевскаго, министра полиціи Деказа, который мало по малу умѣлъ привести Людовика XVIII къ убѣжденію въ необходимости распустить палату. Онъ представлялъ ему донесенія главныхъ полицейскихъ агентовъ о состояніи страны; а въ донесеніяхъ ярко изображалось всеобщее неудовольствіе въ странѣ на «крайнихъ», ужасъ отъ ихъ рѣчей и предложеній во время засѣданій палаты. Когда король подчинился вліянію этихъ донесеній, то Деказъ поставилъ вопросъ: хочетъ ли онъ быть королемъ партіи или королемъ Франціи? Было употреблено и другое сильное средство: донесено, какъ-оскорбительно отзываются «крайніе» о королѣ, какую радость изъявляютъ они каждый разъ, какъ пойдутъ слухи о плохомъ состояніи его здоровья. Надобно распустить палату,— и страшно, какъ распустить? Король колеблется, и Ришельё колеблется; Деказъ настаиваетъ: надобно уничтожить палату, которая постоянно мѣшаетъ правительству, ослабляетъ его авторитетъ, похищаетъ его власть, стремится унизить его, поднимаясь выше трона, ставя свою волю выше воли королевской, пріучая народъ къ мысли, что настоящая верховная власть находится у собранія депутатовъ, имъ избранныхъ. Надобно уничтожить палату, которая обнаружила свою несовмѣстимость со всякою мыслію о примиреніи, которая оскорбляла и раздражала армію, оскорбляла народъ во всѣхъ его чувствахъ, тревожила всѣ интересы, подрывала публичный кредитъ, и, поддерживая безпокойство и неудовольствіе въ народѣ, отнимала у правительства возможность установить спокой-

ствіе внутреннее и пріобрѣсти независимость внѣшнюю. Бюджетъ не возможенъ съ палатою, которая ввела въ честь банкротство, которая объявила войну всякому, кто дастъ правительству деньги въ займы, которая не побоялась возвести въ принципъ, что никакой контрактъ не обязателенъ для казны, если депутатамъ угодно освободить ее отъ него. Идея о чемъ нибудь прочномъ не можетъ укорениться въ дѣлахъ народа, когда члены большинства палаты при каждомъ удобномъ случаѣ обнаруживаютъ свою ненависть къ хартіи и надежду на возстановленіе стараго порядка.

5 сентября (нов. ст.) 1816 года подписанъ былъ знаменитый ордонансъ о распущеніи *безподобной* (introuvable) палаты; подписанъ былъ тайкомъ отъ графа Артуа. Поведеніе Людовика XVIII въ этомъ случаѣ всего лучше показываетъ характеръ его. Считали неприличнымъ не увѣдомить наслѣдника престола объ ордонансѣ прежде, чѣмъ узнаетъ о немъ публика, и въ то же время король хотѣлъ избѣжать сцены съ братомъ. Для этого онъ велѣлъ Ришельё въ двѣнадцатомъ часу ночи увѣдомить графа Артуа объ ордонансѣ, въ то время какъ самъ уже заперся въ спальнѣ, чтобъ лечь въ постель. Артуа, узнавши отъ Ришельё, въ чемъ дѣло, закричалъ, что это невозможно и что онъ сейчасъ же пойдетъ уговаривать короля перемѣнить рѣшеніе; но Ришельё, хотя съ трудомъ, удержалъ его, увѣривши, что король уже легъ и не велѣлъ никого впускать къ себѣ. Видя, что дѣлать нечего, Артуа ничего не говорилъ потомъ брату; но герцогиня Ангулемская не выдержала; не выдержалъ и король, котораго ничѣмъ нельзя было такъ раздражить, какъ знаками внѣшняго неуваженія и неповиновенія. «Если бы вы не были дочерью Людовика XVI, сказалъ онъ племянницѣ, то не испытали бы крайняго снисхожденія, съ какимъ я на этотъ разъ обхожусь съ вами». Раздраженіе «крайнихъ» не знало предѣловъ; въ салонахъ С. Жермэнскаго предмѣстья гремѣли проклятія Деказу, котораго считали главнымъ виновникомъ ордонанса 5 сентября, не щадили и короля; разсказывали, что одна знатная дама велѣла вынести бюстъ Людовика XVIII на чердакъ. Огорченію «крайнихъ» соотвѣтствовала неописанная радость въ другихъ кружкахъ: цѣловались на улицахъ, разсказывая другъ другу радостную вѣсть, и превозносили до небесъ Деказа. Толпу ликующихъ, разумѣется, увеличивали и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые недавно готовы были впрягаться въ карету Виллеля: вѣтеръ перемѣнился, сила оказалась на другой сторонѣ. Перемѣну вѣтра на хорошую погоду показывало то, что биржевой барометръ поднялся сильно.

Барометръ говорилъ правду только на завтрашній день, а

въ отдаленіи собиралась буря. Распущеніе «безподобной» палаты было событіемъ, показывавшимъ лучше всего ложное положеніе правительства: самые ревностные приверженцы династіи становились самыми злыми врагами правительства, которое, поэтому, необходимо отталкивалось въ противоположную сторону. Какъ далеко могло оно пойти въ этомъ направленіи, опредѣлить было нельзя. Разумѣется, сначала хотѣли опереться на *умѣренныхъ* роялистовъ, въ которыхъ видѣли большинство; но переходъ отъ умѣренныхъ роялистовъ къ разнымъ либеральнымъ и нелиберальнымъ партіямъ былъ не замѣтенъ, потому что ихъ связывала приверженность къ интересамъ новой Франціи и вражда къ старой; переходъ былъ не замѣтенъ и потому, что въ началѣ члены разныхъ партій, чтобъ подняться на ноги, являлись умѣренными роялистами. Еслибъ правительство было сильно и имѣло за себя будущность, то и члены разныхъ партій легко бы сдѣлались умѣренными роялистами, т. е. искренними приверженцами правительства; но какое обезпеченіе могъ представить имъ тронъ, занимаемый слабымъ болѣзненнымъ старикомъ, котораго смерть была не далеко, а послѣ него вступитъ на престолъ предводитель «крайнихъ», предводитель приверженцевъ старой Франціи! Понятно, что члены партій воспользовались только ссорою правительства съ «крайними», чтобъ подняться на ноги и поднять свои знамена, понятно, что и умѣренные роялисты, не видя никакого ручательства за свое будущее въ старшей линіи Бурбоновъ, имѣли побужденіе переходить подъ эти знамена, и именно подъ ближайшее, Орлеанское. Сначала и «крайніе», и правительство, сдерживаясь страхомъ предъ враждебными династіи партіями, хотѣли дѣйствовать осторожно; но съ теченіемъ времени вражда между ними разгорѣлась до такой степени, что «крайніе» не стали разбирать средствъ, лишь бы только повредить ненавистному министерству; въ ихъ глазахъ члены враждебныхъ династіи партій были предпочтительнѣе членовъ партіи министерской: такое поведеніе «крайнихъ» заставляло и министерство все болѣе и болѣе сближаться съ либеральными людьми разныхъ оттѣнковъ, заискивать въ нихъ, дѣлать свою программу все либеральнѣе, и такимъ образомъ содѣйствовать оживленію и усиленію враговъ династіи.

Наступали выборы въ новую палату депутатовъ: кто придетъ? — вопросъ первой важности для министерства. Ришельё писалъ Деказу: «Употребите всѣ усилія, чтобъ между депутатами не было настоящихъ якобинцевъ; крайніе роялисты все лучше революціонеровъ; такъ называемые либералы, умѣренные Ста дней — якобинцы; намъ нужны умѣренные, но чистые, ни ultra ни citra».

Коммиссары правительства разъѣзжали по департаментамъ, чтобъ дѣлать внушенія относительно выборовъ; агенты партіи графа Артуа разъѣзжали также съ этими цѣлями; а въ тоже время, между обѣими сторонами происходила печатная борьба: Шатобріанъ издалъ сочиненіе: «*Конституціонная монархія*» (La monarchie selon la Charte), гдѣ требовалъ для палаты депутатовъ всѣхъ правъ англійской палаты общинъ, требовалъ, чтобъ министерство исходило изъ большинства палаты, раздѣляло его мнѣнія; въ то же самое время требовалъ, чтобъ церковь содержалась доходами съ своей собственности, а не была на жалованьи у правительства, чтобъ церкви были возвращены ея судебныя привилегіи, чтобъ ей принадлежало направленіе народнаго просвѣщенія. Признавая, что надобно уважать матеріальные интересы революціи, Шатобріанъ утверждалъ, что не должно давать никакой пощады ея нравственнымъ интересамъ. Самое сильное раздраженіе высказывалось въ сочиненіи противъ Деказа, вѣдомство котораго называлось министерствомъ, рожденнымъ въ революціонной грязи отъ сочетанія деспотизма съ анархіею. Кромѣ министерскихъ журналовъ, Шатобріану отвѣчалъ Гизо въ особомъ сочиненіи: «О представительномъ правленіи и настоящемъ состояніи Франціи». Гизо повторилъ утвержденіе умѣренныхъ роялистовъ, что нельзя вдругъ перенести англійскія учрежденія на французскую почву: для этого нужна привычка къ авторитету и возстановленіе крѣпкихъ нравственныхъ вѣрованій; Гизо отвергъ различіе, сдѣланное Шатобріаномъ между матеріальными и нравственными интересами революціи, утверждая, что хартія считалась одинаково съ обоими. Шатобріанъ требовалъ англійской конституціи; но были другія сочиненія членовъ крайней партіи, которыя подбрасывались тайкомъ: въ нихъ требовалось, чтобъ французы взяли примѣръ съ испанцевъ и уничтоженіемъ хартіи завоевали себѣ короля.

«Крайніе» были побѣждены на выборахъ: правительство получило большинство. Хотя Виллель и человѣка четыре главныхъ ораторовъ ультра-роялистской партіи и были избраны вновь, однако много другихъ именъ рьяныхъ членовъ этой партіи не досчитывалось въ спискахъ, не досчитывалось много людей древнихъ фамилій, придворныхъ, провинціальныхъ дворянъ, которые составляли основу большинства въ «безподобной» палатѣ; вмѣсто ихъ теперь явились въ новую палату купцы и чиновники. Иностранные дипломаты, желавшіе перемѣны 5 сентября и содѣйствовавшіе ей, поздравляли себя съ успѣхомъ: они съ удовольствіемъ указывали, что ревностные роялисты прежней палаты сдѣлались демагогами, называли ихъ придворными якобин-

цами за то, что, въ своей ярости противъ министерства, они поддерживали принципъ неограниченной свободы печати; съ удовольствіемъ указывали они на то, что люди, упрекаемые прежде въ якобинствѣ, явившись теперь въ большинствѣ, обнаруживаютъ умѣренность, уваженіе къ желаніямъ короля и къ предложеніямъ министровъ. Вслѣдствіе этого, число иностраннаго войска, находившагося во Франціи, было уменьшено на 30,000. Это облегченіе, разумѣется, было очень выгодно для министерства, ибо и здѣсь главную роль играла Россія, поддерживавшая герцога Ришельё. Съ другой стороны, французскіе изгнанники, столпившіеся преимущественно въ Нидерландахъ, обманулись въ своихъ надеждахъ относительно Россіи. Интригуя противъ Бурбоновъ, они обратились къ наслѣдному принцу Нидерландскому, женившемуся на сестрѣ русскаго императора, открывая ему виды на французскую корону: «Нація не хочетъ Бурбоновъ, говорили они ему, и потому ей остается на выборъ: или взять герцога Орлеанскаго, покровительствуемаго Англіею, или маленькаго Наполеона, поддерживаемаго Австріей, или ваше высочество, на сторонѣ котораго будетъ наиболѣе голосовъ, ибо Орлеанскій не любимъ старыми военными, которые думаютъ, что въ немъ нѣтъ мужества, что онъ слишкомъ облѣнился, а остальные французы будутъ недовольны, видя, что его поддерживаютъ англичане, ненавидимые больше всѣхъ иностранцевъ. Маленькій Наполеонъ, еслибъ имѣлъ 20 лѣтъ вмѣсто 5, имѣлъ бы за себя большинство; но онъ малъ, и потому боятся долгаго регентства и вліянія Австріи. Къ вашему же высочеству всѣ партіи будутъ расположены одинаково хорошо, какъ къ иностранцу, кромѣ того вы принесете союзъ съ Россіею, самый желанный для французовъ, ибо самый естественный для Франціи; старики военные склонны къ вамъ; тотчасъ послѣ отреченія Наполеона въ арміи уже говорили, что надобно завести сношенія съ вами; ваша религія не можетъ служить препятствіемъ, напротивъ, представляетъ ручательство для протестантовъ, угнетаемыхъ правительствомъ, да и католики будутъ рады, потому что они освободятся отъ пагубнаго вліянія своихъ поповъ». Но твердое рѣшеніе императора Александра поддерживать старшую линію Бурбоновъ отнимало у французскихъ изгнанниковъ надежду употребить наслѣднаго принца Нидерландскаго орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей. Имъ оставалось держаться герцога Орлеанскаго; его агентомъ въ Брюсселѣ былъ одинъ англійскій лордъ, который тайно раздавалъ деньги жившимъ здѣсь въ изгнаніи французскимъ офицерамъ. Говорили, что герцогъ Орлеанскій предлагалъ жезлъ

коннетабля Франціи принцу Евгенію Богарне, въ случаѣ, если ему удастся получить французскій престолъ.

Но главнымъ союзникомъ Людовика-Филиппа во Франціи былъ графъ Артуа, который своимъ поведеніемъ уничтожалъ всѣ надежды умѣренныхъ и заставлялъ ихъ по неволѣ обращать взоры къ младшей линіи Бурбоновъ. Герцогъ Веллингтонъ, по совѣту Поццо, опять рѣшился обратиться къ наслѣднику престола съ представленіями, чтобъ онъ пересталъ находиться въ постоянной и ожесточенной оппозиціи правительству. Артуа встрѣтилъ эти представленія съ «невозмутимою неисправимостію»; онъ отвѣчалъ герцогу, что во всемъ виноваты министры; что Ришельё честный человѣкъ, но его водятъ другіе; впрочемъ, онъ Артуа, не прочь войти въ соглашеніе съ Ришельё. Веллингтонъ спросилъ, какія условія соглашенія? Отвѣтъ: удалить дурныхъ министровъ, перестать давать должности врагамъ законной монархіи и управлять посредствомъ честныхъ людей. Веллингтонъ возразилъ, что такимъ поведеніемъ Ришельё погубитъ короля и свою репутацію. Артуа отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ онъ остается вѣренъ своей партіи и своей системѣ.

Веллингтонъ: «Я думалъ, что говорю съ наслѣдникомъ престола, а не съ вождемъ партіи.»

Артуа: «Я прежде всего человѣкъ, и хочу дѣйствовать по чести и совѣсти.»

Веллингтонъ: «Честь и обязанность предписываютъ вамъ быть въ соединеніи съ интересами и чувствами народа, которымъ вы будете управлять, а не возбуждать раздѣленія, которыя вамъ могутъ быть гибельны».

Артуа: «Я не знаю расположеній народа; большинство раздѣлитъ мои мнѣнія, если правительство захочетъ дать власть людямъ, которые имѣютъ одинакіе со мною принципы».

Веллингтонъ: «Вы принимаете меня за глупца, полагая, что я не знаю состоянія Франціи».

Артуа: «Вы, иностранцы, не знаете людей; я знаю дѣло лучше, — моя партія, конечно, самая сильная».

»Невозмутимая неисправимость» графа Артуа, основанная на сознаніи, что его партія самая сильная, неумолимая вражда «крайнихъ» къ министерству, естественно, заставляли послѣднее усиливать свою партію, все болѣе и болѣе сближаться съ такъ называемыми либералами разныхъ оттѣнковъ. Герцогъ Ришельё сознавалъ опасность этого сближенія; онъ упирался при каждомъ новомъ шагѣ, который правительство хотѣло сдѣлать въ этомъ направленіи, но онъ не имѣлъ ни достаточной силы воли, ни достаточной силы разумѣнія, и невольно увлекался роковою силою

обстоятельствъ. Не смотря на первенство Ришельё, сильнѣе его въ министерствѣ былъ Деказъ, сильнѣе по своей живости и энергіи и по своимъ отношеніямъ къ королю; но Деказъ, на котораго преимущественно, исключительно была направлена ненависть «крайнихъ», имѣлъ всѣ побужденія къ тому, чтобы удариться въ противоположную сторону; онъ дѣлалъ это и по инстинкту самосохраненія, ибо какъ человѣку, совершенно новому, ему не было примиренія ни съ чѣмъ старымъ; онъ дѣлалъ это и по самолюбію, потому что онъ считался главнымъ виновникомъ дѣла 5 сентября, ему трудно было возвращаться назадъ, раздѣлывать собственное дѣло. Онъ провозгласилъ, что въ сближеніи съ новою Франціею правительство должно себя *популяризировать* и *націонализировать*. Дѣйствительно, правительство должно было это дѣлать; но у Деказа недоставало ни личныхъ средствъ, ни средствъ положенія, чтобъ дѣлать это съ успѣхомъ. Тонъ составляетъ музыку; въ обществѣ ясно различается тонъ правительственной музыки, управляемые чуютъ инстинктивно твердость или слабость правительства, способность или неспособность направлять движеніе; такъ, въ стремленіи Деказа популяризировать правительство сейчасъ же почуялась слабость, стараніе заискивать популярность, и сейчасъ же выросли силы, независимыя отъ правительства и начали смотрѣть на правительство, какъ на средство для достиженія своихъ цѣлей. Желая ослабить оппозицію ультра-роялистскую, подали руку либераламъ; либералы оперлись на поданную имъ руку; но вмѣсто одной ультрароялистской оппозиціи приготовилась другая, либеральная, и слабое правительство стало между двухъ огней.

И мадамъ де-Сталь была независимая и опасная сила съ своею литературною знаменитостью, съ своимъ неизмѣримымъ самолюбіемъ и съ своимъ безцѣльнымъ либерализмомъ, служащимъ для пріятнаго препровожденія времени и для украшенія салона наравнѣ съ картинами, статуями и цвѣтами. И старый министръ иностранныхъ дѣлъ Талейранъ былъ независимая и опасная сила: около оракула собирались поклонники и съ благоговѣніемъ внимали гнѣвнымъ выходкамъ и злымъ насмѣшкамъ мстительнаго бога, направленнымъ противъ каждаго дѣйствія правительства, противъ каждаго министерства, потому что богъ былъ согнанъ съ Олимпа и теперь занимался подведеніемъ подкоповъ подъ священную гору. Независимою и опасною силою былъ и банкиръ Лафиттъ: заискиванія и ласкательство правительства вздули и безъ того страшное тщеславіе человѣка, который не умѣлъ ни о чемъ серьёзно подумать, но умѣлъ обо всемъ красно поговорить и прослылъ поэтому человѣкомъ очень

способнымъ. Лафиттъ не хотѣлъ служить слабому правительству; онъ стремился быть самостоятельною силою; денежный царёкъ бросалъ деньги на право и на лѣво и составлялъ себѣ обширный кругъ поклонниковъ, подданныхъ изъ остатковъ бонапартистской партіи, изъ адвокатовъ, революціонныхъ писателей, изъ мелкихъ торговцевъ парижскихъ. Независимою и опасною силою былъ и Лафайетъ, perpetuum mobile революціи. И много другихъ независимыхъ и опасныхъ силъ было вызвано слабостію правительства.

Стремленіе министерства популяризировать и національзировать правительство высказалось сильно въ войсковыхъ преобразованіяхъ, совершенныхъ новымъ военнымъ министромъ, маршаломъ Гувіономъ С.-Сиромъ: люди изъ партіи крайнихъ были имъ замѣнены людьми болѣе способными, но неизвѣстными своею преданностію династіи Бурбоновъ: многіе изъ военныхъ временъ имперіи, находившіеся въ опалѣ послѣдніе два года, были приняты снова въ службу. Мѣры очень хорошія, если бы бурбонская династія могла привязать къ себѣ войско, могла заставить его забыть недавнее прошедшее, если бы крайніе яростными воплями противъ военнаго министра не напоминали войску, что̀ ждетъ его въ скоромъ будущемъ. Не долго министерство могло предаваться обольщенію, что либералы будутъ поддерживать его противъ ультра-роялистовъ; противъ правой стороны (ультрароялистовъ) въ палатѣ образовалась лѣвая, которая чрезъ возобновленіе пятой части палаты становилась все сильнѣе, въ ущербъ правой сторонѣ, но не въ пользу министерства: въ нѣкоторыхъ вопросахъ и правая и лѣвая стороны соединялись противъ министерства. Борьба партій, ставшихъ теперь на ноги, отразилась въ литературѣ. Если «крайніе» печатали, что французская революція была зломъ, возведеннымъ на высшую степень своего могущества; что людей должно собирать только въ церковь да подъ ружье, потому что тутъ они не разсуждаютъ, а только слушаютъ и повинуются, — то либералы въ своихъ сочиненіяхъ оправдывали революцію, называли конвентъ по преимуществу французскимъ собраніемъ, пытались даже извинять казнь Людовика XVI. Либералы спѣшили отомстить за недавнее униженіе и гоненіе, за *бѣлый терроръ* 1815 года: не было конца ихъ разсказамъ объ этомъ времени, ихъ жалобамъ на злодѣйства реакціонеровъ. Если въ сочиненіяхъ либераловъ еще не было прямого нападенія на короля и на монархію, то крайнія демократическія стремленія высказывались ясно, дворянство и духовенство преслѣдовались съ страшною ненавистью. Чтобъ противодѣйствовать нечестію дѣтей Вольтера, миссіонеры разсѣялись

по провинціямъ, возбуждая религіозное чувство горячею проповѣдію и благочестивыми упражненіями; но въ своей дѣятельности они руководились часто одною ревностію не по разуму; не отличаясь образованностію, они рѣдко обращали вниманіе на свойства той среды, въ которой должны были дѣйствовать, и ихъ неловкое поведеніе служило богатымъ содержаніемъ для выходокъ и насмѣшекъ дѣтей Вольтера, которые указывали на явное возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ. Появленіе іезуитовъ особенно было вредно для дѣла религіи, потому что заставляло и людей религіозныхъ присоединяться къ такъ называемымъ философамъ. Славолюбивая нація, особенно молодежь, съ жадностью бросилась на приманку, выставленную бонапартистами и вообще врагами бурбонской династіи, съ жадностію бросилась на разсказы о недавней военной славѣ Франціи, о временахъ столь противоположныхъ настоящему унизительному положенію отечества; однѣ пѣсни Беранжé сколько надѣлали вреда Бурбонамъ! Въ водевиляхъ рѣдко не вставлялся куплетецъ въ честь *храбрымъ*, потому что онъ непремѣнно возбуждалъ сильныя рукоплесканія.

Эти явленія причиняли сильное безпокойство иностраннымъ дипломатамъ. Въ маѣ 1818 года, герцогъ Веллингтонъ такъ высказался на счетъ состоянія Франціи: «Французское правительство въ послѣдніе 8—10 мѣсяцевъ вело себя не благоразумно, не принимая въ разсчетъ истинныхъ интересовъ Франціи, особенно монархическихъ принциповъ, на которыхъ это государство должно быть управляемо. Желаніе популяризировать, національзировать (какъ выражаются министры) правительство, привело ихъ на ложную дорогу. Они обратили вниманіе на публичные крики, не на крики партіи самой многочисленной, самой разумной, роялистовъ (я отличаю здѣсь крайнихъ, которые хотятъ возстановленія до-революціоннаго порядка вещей), — они обратили вниманіе на крики партіи, которая кричала всѣхъ громче, на крики либераловъ, бонапартистовъ, якобинцевъ. Избирательный законъ даетъ все вліяніе мелкимъ землевладѣльцамъ, которые во время революціи пріобрѣли національныя имущества. Имъ выгодно поддерживать принципы, которымъ они обязаны своимъ богатствомъ. Законъ о рекрутскомъ наборѣ и повышеніяхъ въ арміи есть мѣра, которую я громко порицаю, потому что онъ подрываетъ французскую монархію, отнимаетъ у короля всю власть, всякое вліяніе на войско, и дѣлаетъ изъ арміи королевской, какою она должна быть, армію національную. Общественный духъ во Франціи обнаруживаетъ пагубное вліяніе на правительство. Первая забота мудрой

администраціи состоитъ въ томъ, чтобъ овладѣть общественнымъ мнѣніемъ, предвидѣть заранѣе все то, что можетъ его волновать, и вò-время брать инціативу, чтобъ дать ему надлежащее направленіе; но французскіе министры, будучи слишкомъ слабы для того, чтобъ стать въ челѣ общества, вздумали популяризировать себя, идя вслѣдъ за обществомъ. Они ошиблись относительно выбора. Они сочли демагоговъ органами большинства націи. Они испугались ихъ крику. Какое англійское министерство осмѣлилось бы, безъ потери общаго уваженія и власти, слушаться ярыхъ декламацій лондонскихъ демагоговъ. А такихъ-то именно людей французское правительство ласкаетъ; истинныхъ же защитниковъ трона оно отталкиваетъ и отнимаетъ у нихъ духъ. Якобинцы, бонапартисты въ такомъ поведеніи французскаго министерства почерпаютъ себѣ ободреніе и смѣлость. Они громко проповѣдуютъ свои принципы. Несчастіе Франціи состоитъ въ томъ, что аристократическій классъ, на счетъ котораго мелкіе землевладѣльцы обогатились, не имѣетъ ни богатства, ни кредита для обнаруженія вліянія, необходимаго для безопасности трона. Я считаю герцога Ришельѣ честнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, но онъ слабъ. Самый сильный человѣкъ, Деказъ, тщеславенъ, легкомысленъ, неспособенъ выказать силу, необходимую въ настоящемъ положеніи правительства. По моему мнѣнію, во Франціи нѣтъ ни одного человѣка, способнаго энергически вести дѣло. На всѣ мои замѣчанія у короля одинъ отвѣтъ, что необходимо популяризировать его правительство. Франціи грозятъ волненія и смуты. Она не вышла изъ состоянія революціи, и съ 1815 года она пошла назадъ въ своей реставраціи.»

Но тотъ же Веллингтонъ объявилъ, что какъ ни неправиленъ ходъ правительства во Франціи, сколько элементовъ смуты ни представляетъ столкновеніе партій, однако нельзя еще опасаться серьезнаго волненія: союзъ державъ въ состояніи сдержать всѣ партіи. Итакъ, можно ли вывести союзныя войска изъ Франціи, и въ какомъ отношеніи должны были стать къ ней союзныя державы? вотъ вопросы, которые предстояло рѣшить на конгрессѣ, назначенномъ въ Ахенѣ осенью 1818 года.

С. Соловьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

V.

БОРЬБА

ВЕНЕЦІИ СЪ АВСТРІЕЮ

въ 1848—1849 годахъ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

IV.

Въ третій разъ удавалось Манину захватить въ свои руки неограниченную власть надъ обожавшимъ его народомъ, въ третій разъ Венеція слѣпо ввѣряла судьбу свою человѣку, въ которомъ она видѣла виновника своего недавняго возрожденія. Но какъ несходны были условія, среди которыхъ Манинъ принималъ снова диктатуру, съ положеніемъ дѣлъ въ началѣ революціи! Пять мѣсяцевъ назадъ, все улыбалось счастливому демагогу; австрійцы очищали безъ сопротивленія городъ за городомъ, крѣпость за крѣпостью; Венеція была одушевлена первымъ упоеніемъ успѣха и съ довѣріемъ и надеждой смотрѣла на вождя своего; Европа, охваченная изъ конца въ конецъ революціоннымъ движеніемъ, сочувственно прислушивалась къ отголоскамъ народной борьбы за Альпами. Въ пять мѣсяцевъ, утекло много воды. Австрійцы успѣли завоевать шагъ за шагомъ всю терри-

*) См. начало въ т. III, отд. I, стр. 285—326.

торію новорожденной республики, и побѣдоносныя войска ихъ облагали со всѣхъ сторонъ мятежную столицу. Преобразовательное движеніе въ Италіи улеглось, ничего не оставивъ послѣ себя, кромѣ потоковъ человѣческой крови и глухого, глубокаго раздраженія; первосвященникъ, взявшій въ свои руки знамя свободы и независимости, измѣнилъ этому знамени; военная гроза тяжело обрушилась на короля сардинскаго, единственнаго изъ вѣнценосцевъ Италіи, который могъ сгруппировать вокругъ себя разрозненныя силы полуострова и открыто противостоять австрійской монархіи. Въ самой Венеціи многое измѣнилось. Восторгъ и единодушіе, съ которымъ она привѣтствовала свое освобожденіе, не устояли въ борьбѣ со множествомъ испытаній; трудно было разсчитывать, чтобы патріотическое одушевленіе, въ первые дни революціи могучею силою двигавшее умы возставшаго народа, не ослабѣло подъ ударами тяжкихъ потрясеній; надежда, поддерживавшая бодрость венеціанцевъ, плохо питалась непрерывными успѣхами австрійскаго оружія и упорнымъ равнодушіемъ западныхъ державъ. Венеціанскій народъ не шелъ уже за вождемъ своимъ, какъ одинъ человѣкъ; обнаружились признаки внутренняго раскола, опаснѣе котораго ничего не могло быть среди обстоятельствъ, тяготѣвшихъ надъ республикой. Австрійская партія, тайно группировавшаяся около англійскаго консула, поддерживала постоянныя сношенія съ австрійскимъ лагеремъ; еще опаснѣе была партія монархическая, мечтавшая о конституціи и видѣвшая въ диктатурѣ Манина бездну, вырытую между анархіей, въ которой находилась Венеція, и законной свободой, улыбавшейся конституціоналистамъ вдали. Тяжкія жертвы, принесенныя венеціанцами ради освобожденія отечества и не приведшія покамѣстъ ни къ какому прочному результату, тѣмъ сильнѣе давали чувствовать свою тяжесть, что, судя по ходу дѣлъ, имъ не предвидѣлось конца. Въ первые же дни диктатуры, Манинъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, крайнюю обременительность которыхъ для гражданъ, разоренныхъ нѣсколькими мѣсяцами войны и лишеній, онъ самъ сознавалъ. Недостатокъ въ деньгахъ побудилъ его предписать обращеніе въ монету всѣхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, составлявшихъ частную собственность, и объявить новый національный заемъ въ 10 милліоновъ; недостатокъ въ людяхъ продиктовалъ декретъ, которымъ всѣ граждане, способные носить оружіе, приглашались вступить въ ряды національной арміи. Эти мѣры, хотя и вызванныя гнетущею необходимостью, были встрѣчены сдержаннымъ ропотомъ; Венеція еще повиновалась безпрекословно вождю своему, но она уже чувствовала тяжесть наложенной на нее

диктатуры. Положеніе дѣлъ принимало тотъ видъ, когда въ тылу у насъ нѣтъ возможности отступленія, а впереди — борьба съ сомнительными шансами на успѣхъ, и когда нашими двигателями служатъ только сила необходимости и энергія отчаянія.

Но что могло побудить Манина возложить на себя тяжелый подвигъ диктатуры среди условій, которыя, конечно, не были для него тайною, а безнадежность ихъ, повидимому, онъ не могъ не сознавать?

Полагаемъ, что мы не ошибемся, если будемъ искать отвѣта на вопросъ въ той дипломатической лжи, которая опутала революціонное движеніе Италіи отъ самыхъ первыхъ дней, и обманчивыми призраками которой Манинъ сначала самъ былъ обольщенъ, а впослѣдствіи, силою печальной необходимости, принужденъ былъ обольщать и другихъ. На европейской дипломаціи того времени главнымъ образомъ лежитъ вина въ безобразныхъ и безполезныхъ пролитіяхъ крови, запятнавшихъ событія 1848—1849 годовъ. Политика недомолвленныхъ обѣщаній, исподтишка разжигаемыхъ надеждъ, изустнаго и письменнаго дипломатическаго вмѣшательства, словомъ, та политика, которою съ такимъ успѣхомъ руководствовался Западъ, чтобъ поддержать и продлить агонію послѣдняго польскаго мятежа — эта самая политика запутала и направила по роковому пути венеціанскій вопросъ 1848 года. Мы уже видѣли, какое значеніе придавали Манинъ и его друзья надеждѣ на иностранную помощь, и на сколько разсчетъ на нее управлялъ всѣми ихъ дѣйствіями. Собственныя средства венеціанской республики были на столько ничтожны, что на нихъ не могъ быть основанъ ни одинъ политическій шагъ. Ни Манинъ, ни друзья его, ни одной минуты не разсчитывали на эти средства; они создали республику и усиливались поддержать ея существованіе только потому, что надежда на иностранную помощь, на европейское вмѣшательство, не покидала ихъ до того времени, когда борьба приняла роковой исходъ, и отступленіе сдѣлалось невозможнымъ. Перечитывая дипломатическую переписку того времени, съ трудомъ понимаешь, до какой степени могли быть слѣпы въ этомъ отношеніи вожди венеціанской революціи. Вѣра въ европейскую помощь, особливо въ вооруженное вмѣшательство Франціи, до такой степени отуманила Манина, такъ упорно внѣдрилась въ его мысляхъ, что ее не могла поколебать никакая очевидность. Для человѣка посторонняго, неослѣпленнаго личнымъ участіемъ въ дѣлѣ, не потребовалось бы особенной проницательности, чтобы различить сразу нехитрую игру, какую вела съ венеціанскою республикой европейская дипломація. Революціонная Франція, управляемая

эгоистической политикой Ламартина, была неизмѣнно такъ же далека отъ мысли подать искреннюю помощь Венеціи, какъ и монархическая Англія съ либеральнымъ министерствомъ Пальмерстона, или клерикальный Римъ съ преобразовательной программой Пія IX. Это понимали, хотя далеко не вполнѣ, собственные агенты Манина, депеши которыхъ изъ Парижа и Лондона почти постоянно отличались безнадежнымъ тономъ; но въ самомъ Манинѣ такъ глубоко была вкоренена вѣра въ европейское сочувствіе, что онъ не довѣрялъ собственнымъ своимъ консуламъ, даже собственнымъ глазамъ своимъ. Онъ не могъ допустить мысли, чтобы республиканская Франція или конституціонная Англія оставались до конца безучастными зрителями въ борьбѣ, исходъ которой не могъ не отозваться такъ или иначе на торжествѣ принциповъ, составлявшихъ часть ихъ собственнаго существованія; онъ отказывался понять, что участь крошечной венеціанской республики, паденіе которой было заранѣе угадано или предрѣшено политическими людьми Европы, имѣла такъ мало значенія на вѣсахъ дипломаціи, что ею могли играть для маленькихъ дипломатическихъ цѣлей, но никто за предѣлами итальянскаго полуострова не подумалъ бы взглянуть на нее серьезно. Ради такихъ-то небольшихъ дипломатическихъ цѣлей, парижскій и лондонскій кабинеты не отказывались иногда мистифицировать другъ друга отношеніями къ венеціанскому вопросу, поперемѣнно повышая и понижая венеціанскій фондъ на политической биржѣ, но слишкомъ опрометчиво было бы смотрѣть на эту игру съ ея лицевой стороны. Тѣмъ не менѣе, Венеціи отъ того приходилось плохо; дипломатическія недомолвки, въ сущности лишенныя всякого значенія, разжигали въ умахъ венеціанцевъ несбыточныя надежды и подливали масла въ патріотическій огонь, который иначе, за неимѣніемъ пищи, погасъ бы въ ту минуту, когда было проиграно дѣло Италіи, и когда выдѣлившейся изъ общаго національнаго дѣла Венеціи ничего не предстояло въ будущемъ, какъ погибнуть среди собственныхъ развалинъ.

Мы должны посвятить двѣ-три страницы уясненію этой дипломатической интриги, опутавшей венеціанскій вопросъ въ самую критическую для него минуту, когда отъ правильнаго пониманія международныхъ отношеній и политическихъ комбинацій зависѣло рѣшеніе — продолжать ли борьбу во что бы то ни стало, или покориться роковому ходу вещей и отказаться отъ всякой надежды на успѣхъ, шансы котораго съ каждымъ днемъ уменьшались.

Мы знаемъ уже, какъ недовѣрчиво смотрѣла патріотическая

партія въ Венеціи на вооруженную помощь Франціи, пока въ сердцахъ венеціанцевъ жила еще надежда на собственныя силы полуострова, когда девизъ: «Italia fara da se» не казался пустымъ звукомъ, но притягивалъ къ себѣ всѣ симпатіи и упованія патріотовъ. Среди разгара итальянской кампаніи 1848 года, сочувствіе Манина къ иностранной помощи одно время едва не погубило его громадной популярности. Но въ ту минуту, до которой мы довели нашъ разсказъ, положеніе дѣлъ много измѣнилось. Піемонтская армія была уничтожена, и Карлъ-Альбертъ капитулировалъ съ Австріей; Неаполь, Тоскана, Римъ, измѣнили національному дѣлу; коалиція итальянскихъ державъ, такъ долго и съ такими невѣроятными усиліями подготовлявшаяся патріотами, рушилась сама собою, и мечта о возможности устроить судьбы Италіи собственными средствами полуострова разсѣялась въ одинъ день. Венеціи, лишившейся союзниковъ на полуостровѣ, ничего не оставалось, какъ пасть къ ногамъ побѣдоноснаго маршала Радецкаго, или воззвать къ иностранной помощи. Сущность вопроса, конечно, заключалась въ томъ, приведетъ ли такое воззваніе къ какому нибудь результату; но въ Венеціи думали иначе: Манинъ все еще не допускалъ мысли, чтобы Франція отказала въ помощи. Уже 14 августа, черезъ нѣсколько дней послѣ принятія диктатуры, съ полною увѣренностью въ успѣхѣ писалъ онъ къ Жюлю Бастиду: «Гражданинъ-министръ, опасность наша чрезвычайна; наша народность, наша свобода зависятъ съ этихъ поръ отъ быстрой помощи, которую подастъ намъ свободный народъ французскій.» Манинъ писалъ эти строки скрѣпя сердце, потому что тяжело ему было отказаться отъ дорогой для каждаго итальянца мечты: «Italia fara da se»; но ему едва ли приходило на мысль, какъ далека была Франція отъ готовности поднять оружіе въ защиту безпомощной республики св. Марка! Ударъ для Манина былъ вполнѣ неожиданъ, когда, прежде чѣмъ письмо его дошло по назначенію, Томмасео написалъ ему изъ Парижа по поводу разговора, происшедшаго между Бастидомъ и итальянскимъ агентомъ маркизомъ Ричи, словесно просившимъ французскаго министра о помощи: «Просьба ваша, отвѣтилъ ему Жюль Бастидъ, пришла слишкомъ поздно; Франція въ настоящее время ничего не можетъ предложить, кромѣ посредничества совмѣстно съ Англіей.» Сколько можно догадываться, Манинъ не придалъ этому заявленію большого значенія; онъ считалъ Томмасео пессимистомъ и не довѣрялъ его мрачному взгляду на политическія дѣла. Предположенія его, повидимому, подтвердились, когда, спустя двѣ недѣли послѣ письма Томмасео, получены были въ Венеціи отъ другого агента, Менгальдо, извѣстія

гораздо болѣе утѣшительныя: «Довѣріе видимо возрождается въ странѣ, писалъ Менгальдо, и положеніе дѣлъ значительно измѣнилось; доказательства тому я вынесъ изъ аудіенціи, которую далъ мнѣ третьяго дня генералъ Кавеньякъ во время вечерняго пріема у него. До сихъ поръ онъ былъ всегда чрезвычайно сдержанъ; но на этотъ разъ онъ распрашивалъ меня съ видимымъ участіемъ о положеніи дѣлъ въ Венеціи, о рѣшимости нашей стоять твердо до конца, о нашихъ средствахъ и пр. Я отвѣчалъ ему, что Венеція держится и будетъ держаться столько времени, сколько требуется, чтобъ могла придти помощь, о которой мы умоляемъ Францію; но всякая медлительность можетъ сдѣлать наше положеніе въ высшей степени критическимъ и опаснымъ. Кавеньякъ сказалъ тогда: — Въ то время, когда я говорю съ вами, французскій флотъ долженъ уже стоять передъ Венеціей. Прежде всего, будьте спокойны; Франція предложила Австріи свое посредничество къ примиренію на началѣ итальянской независимости; если она его отвергнетъ, мы займемъ Венецію и объявимъ войну! Не я объявлю, а весь народъ французскій! въ случаѣ отказа Австріи, я обращусь къ національному собранію. Хорошо ли вы меня поняли? я старался открыто объяснить вамъ положеніе дѣлъ и намѣренія Франціи. Ну! я уполномочиваю васъ передать все это венеціанскому правительству, сообщить всему сказанному мною самую широкую гласность. Подпишитесь подъ моими словами—я не сдѣлаю васъ лгуномъ.» Менгальдо заключалъ письмо свое слѣдующей припиской: «Франція и Англія, на сколько объ этомъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по внѣшнимъ признакамъ, хотятъ принудить Австрію придти къ соглашенію. Необходимость быстрой помощи всѣми признана, и я надѣюсь, что въ минуту, когда ты получишь это письмо, она будетъ уже передъ Венеціей.» Менгальдо, конечно, не написалъ бы этихъ опрометчивыхъ строкъ, еслибъ зналъ, что въ ту самую минуту Бомонъ, французскій посолъ въ Лондонѣ, говорилъ лорду Пальмерстону, указывая на мужественное сопротивленіе Венеціи: «Если, съ одной стороны, обстоятельство это порождаетъ нѣкоторыя новыя компликаціи, то съ другой, его можно разсматривать, какъ полезную опору для нашихъ дипломатическихъ переговоровъ съ Австріей; потому-то французское правительство нашло нужнымъ поддерживать патріотическое настроеніе Венеціи, избѣгая въ то же время принятія въ дѣлѣ излишняго участія и заботясь, чтобы все это осталось безъ всякого вліянія на окончательное рѣшеніе вопроса.»

Понятно само собою, какое неблагопріятное вліяніе имѣла эта дипломатическая игра на положеніе дѣлъ въ Венеціи, для

которой закулисныя политическія пружины оставались тайною, и правительство которой, не заключая въ средѣ своей ни одного талантливаго дипломатическаго дѣятеля, со связанными руками отдавалось на жертву политической интригѣ. Затрудненіе было тѣмъ сложнѣе, что извѣстія изъ дипломатическихъ центровъ приходили въ Венецію самыя разнородныя, и противорѣчіе смѣнялось противорѣчіемъ. Такъ, напримѣръ, черезъ нѣсколько дней послѣ приведеннаго выше письма Менгальдо, получено было въ Венеціи извѣстіе изъ Вѣны, утверждавшее, что англо-французское посредничество принято Австріей, и что приступлено уже къ мѣрамъ, необходимымъ для прекращенія непріязненныхъ дѣйствій. 7 сентября, извѣстіе это появилось въ «Оффиціальной Газетѣ», а 8-го Томмасео писалъ къ Манину изъ Парижа тономъ совершенной безнадежности: «Кажется, что изъ здѣшнихъ министровъ самые расположенные къ намъ хотятъ образованія ломбардо-венеціанскаго государства, съ королемъ *по возможности* независимымъ, а для самой Венеціи готовятъ участь ганзейскаго города.» Манинъ, конечно, всѣми силами возсталъ противъ такой сдѣлки; въ одномъ изъ писемъ къ Томмасео, относящихся къ этому времени, онъ формулировалъ три комбинаціи, которыя, по его мнѣнію, могли разрѣшить участь Венеціи; онъ предлагалъ или образовать отдѣльное государство изъ венеціанскихъ провинцій, съ тѣмъ, чтобы форма правленія предоставлена была усмотрѣнію учредительнаго собранія, созваннаго всеобщею подачею голосовъ, или образовать на тѣхъ же началахъ соединенное государство ломбардо-венеціанское, или наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, присоединить венеціанскую область къ какому нибудь другому, свободному и независимому, субальпинскому государству. На эти же самыя комбинаціи указывалъ Манинъ и въ письмахъ къ Пазини, который назначался представителемъ Венеціи на конференціяхъ, предполагавшихся въ Вѣнѣ; но тутъ Манинъ дѣлалъ уже дальнѣйшую уступку — онъ соглашался на образованіе изъ ломбардо-венеціанскихъ областей монархическаго государства, съ принцемъ Лейхтенбергскимъ во главѣ, тогда какъ первоначальное требованіе его, чтобъ форма правительства установлена была всенародною подачею голосовъ, маскировало тайную надежду сохранить въ Венеціи республиканское устройство.

Такъ, блуждая въ дипломатическихъ потемкахъ, незнакомое съ настроеніемъ политическихъ сферъ, правительство Манина безпрерывно переходило отъ несбыточныхъ надеждъ къ отчаянію и глядѣло на независимую ломбардо-венеціанскую монархію, какъ на крайній выходъ изъ коллизіи, тогда какъ дѣй-

ствительное намѣреніе Австріи, передъ которымъ она не мечтала отступать, заключалось въ томъ, чтобъ завоевать и совершенно инкорпорировать Венецію.

Между тѣмъ, въ то время какъ Манинъ и друзья его съ часу на часъ ожидали изъ австрійскаго лагеря парламентера съ мирными предложеніями, военныя дѣйствія принимали болѣе и болѣе угрожающій видъ. Австрійцы, повидимому, готовились къ правильной блокадѣ Венеціи. Мы уже знаемъ обстоятельства, лишившія венеціанцевъ военнаго флота и оставившія беззащитными ихъ коммерческую и рыболовную флотилію. Этими обстоятельствами какъ нельзя лучше воспользовался непріятель: нѣсколько незначительныхъ австрійскихъ судовъ, расположенныхъ въ заливѣ, заперли Венецію съ моря и лишили ее всѣхъ средствъ морского сообщенія. Ни одинъ пароходъ, ни одна гондола не могли ни войти въ портъ, ни выйти изъ него. Для осажденныхъ это было тѣмъ тяжелѣе, что провинціи, частью занятыя, частью опустошенныя непріятелемъ, лишились производительности и не могли питать городское населеніе; съ прекращеніемъ подвоза съѣстныхъ припасовъ съ моря, Венеціи угрожали всѣ ужасы голода. Одно время лучъ надежды блеснулъ для осажденныхъ, когда французскія суда появились передъ Лидо, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Венеціи, и одинъ видъ ихъ заставилъ австрійскую флотилію ретироваться; но французскія суда остались въ совершенномъ бездѣйствіи, повинуясь секретному предписанію изъ Тулона, и блокада возобновилась. Время было зимнее, холодное; венеціанскіе волонтеры терпѣли всевозможныя лишенія; въ городѣ не было достаточнаго количества матеріала, чтобъ одѣть солдатъ, хотя жители жертвовали всѣмъ, что имѣли; пришлось употребить на мундиры даже сукно съ билліардовъ. Французскому пароходу «Океанъ» удалось ввезти изъ Генуи въ Венецію 6,000 ружей, но въ городѣ чувствовался недостатокъ въ военныхъ снарядахъ, особливо въ порохѣ. Сардинское правительство прислало къ осажденнымъ съ адмираломъ Альбини 540,000 франковъ; но много ли могла помочь эта скромная сумма среди чрезвычайныхъ усилій, требовавшихся со стороны республиканскаго правительства? Притомъ, пріобрѣтать что нибудь даже на наличныя деньги становилось все труднѣе и труднѣе, такъ какъ линія австрійскихъ укрѣпленій на сушѣ и блокада на морѣ отрѣзывали Венецію отъ остальнаго человѣчества. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ давалъ себя чувствовать сильнѣе и сильнѣе. Положеніе дѣлъ дошло до того, что самые богатые лишены были за своимъ столомъ мяса. Туринскій кабинетъ, сочувствуя жестокой участи осажденныхъ,

ободрялъ ихъ надеждою выслать флотъ въ Адріатическое море, чтобъ принудить австрійцевъ снять блокаду, но для приведенія этой мѣры въ исполненіе требовалось время. Французская дипломація продолжала игру, съ которой мы уже ознакомились. 17 октября, Бастидъ писалъ къ Вассёру, французскому консулу въ Венеціи: «Мы приняли мѣры, чтобы воспрепятствовать открытому нападенію австрійцевъ съ суши или строгой блокадѣ съ моря. Пароходъ и фрегатъ отправлены въ Адріатическое море, чтобъ замѣнить удалившіяся оттуда наши суда. Будьте увѣрены, что Венеція не погибнетъ по доброй волѣ французскаго правительства.» Тѣ же увѣренія повторялъ Бастидъ и мѣсяцъ спустя, не переставая обнадеживать Манина скорою помощью со стороны Франціи; а между тѣмъ, почти одновременно съ этими завѣреніями, Пазини писалъ изъ Парижа, что тамъ министры избѣгаютъ говорить съ нимъ о венеціанскомъ вопросѣ, а если зайдетъ о томъ рѣчь, то стараются отдѣлаться общими фразами, ссылаясь на необходимость дѣйствовать сообща съ Англіей, или на то, что вопросъ еще не достаточно разработанъ (!).

Между тѣмъ военныя дѣйствія, пріостановленныя со дня подписанія сардино-австрійской конвенціи, возобновились въ октябрѣ 1848 года. Венеціанское правительство само отдало генералу Пепе приказъ завязать аванпостныя стычки, чтобъ дать занятіе волонтерамъ и поднять сильно упавшій духъ народа. Непріязненныя дѣйствія открылись маленькой экспедиціей противъ деревушки Каваллино, занятой сотнею австрійцевъ. Волонтеры, въ числѣ 400 человѣкъ, выбили непріятеля изъ позиціи, захватили два орудія и съ торжествомъ вернулись въ городъ. Первый успѣхъ ободрилъ венеціанцевъ; Пепе рѣшился произвесть вылазку въ бо́льшихъ размѣрахъ, противъ форта Местре, расположеннаго въ незначительномъ разстояніи отъ Мальгеры. 27 октября, рано утромъ, волонтеры двумя небольшими колоннами выступили въ аттаку. Австрійскій отрядъ, занимавшій Местре и состоявшій преимущественно изъ кроатовъ, уступалъ венеціанцамъ въ численности; но надежда генерала Пепе настичь непріятеля въ расплохъ не оправдалась, потому что какой то шпіонъ или дезертиръ успѣлъ во-время предупредить австрійцевъ. Кроаты храбро отбили первый натискъ волонтеровъ и разстроили ряды ихъ: но итальянцы, ободряемые своими офицерами, скоро оправились, и при громкихъ кликахъ: «да здравствуетъ Италія!» бросились на непріятеля въ штыки. Не смотря на мужественную оборону кроатовъ, они были вытѣснены изъ форта; одинъ изъ венеціанскихъ отрядовъ долго пре-

слѣдовалъ ихъ, почти не встрѣчая сопротивленія. Австрійцы потеряли на полѣ битвы полтораста человѣкъ убитыми и ранеными, и 500 плѣнныхъ; шесть орудій, военные снаряды и багажъ были трофеями побѣдителей; потеря венеціанцевъ заключалась въ 40 убитыхъ и 70 раненыхъ.

Ничто не могло сравниться съ народнымъ энтузіазмомъ, овладѣвшимъ Венеціей при первой вѣсти о побѣдѣ. Многочисленныя толпы цѣлый день стояли на площадяхъ, ожидая новостей съ поля битвы; въ два часа по полудни колокольный звонъ призвалъ ихъ въ храмы, принести благодарственныя молитвы Мадоннѣ св. Марка. На другой день войска церемоніальнымъ маршемъ прошли по городу, сопровождаемыя радостными криками народа и братскими привѣтствіями тріумвировъ, Манина, Граціани и Каведалиса. «Звуки музыки, солнце, обливавшее сіяніемъ площадь, присутствіе членовъ правительства и славнаго генерала Пепе, окруженнаго свитой морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, все соединилось, чтобы придать торжеству самый блестящій видъ (говорилось въ статьѣ Оффиціальной Газеты). По сдачѣ правительству отбитыхъ у непріятеля пушекъ, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. Впереди шелъ, между двумя морскими офицерами, маленькій мальчикъ, неся въ рукахъ знамя, концы котораго совершенно его закрывали. Этотъ ребенокъ, служившій юнгой на одной изъ военныхъ шлюпокъ, прикрывавшихъ фортъ Фузину, прославился блистательнымъ подвигомъ. Увидавъ, что знамя на шлюпкѣ, опрокинутое картечнымъ выстрѣломъ, падаетъ въ море, онъ бросился за нимъ вплавь, потомъ взобрался на вершину мачты и тамъ укрѣпилъ его, при крикахъ: «да здравствуетъ Италія», и громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Правительство наградило отважнаго ребенка, помѣстивъ его безплатно въ морскую школу.»

Тріумвиры не теряли однако времени для усиленія средствъ обороны, и дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи по истинѣ заслуживаетъ удивленія. Благодаря ревностнымъ усиліямъ военнаго министра Каведалиса, Венеція въ октябрѣ 1848 года обладала двадцатью тысячами войска, хотя не вполнѣ дисциплинированнаго, но воодушевленнаго мужествомъ и руководимаго опытнымъ генераломъ. Семьдесятъ укрѣпленій защищали городъ съ суши; служба во всѣхъ частяхъ войскъ была упрощена до послѣдней возможности, чтобъ не обременять солдатъ ненужными тягостями; для наблюденія за безопасностью города учрежденъ былъ комитетъ обороны, подъ предсѣдательствомъ генерала Пепе. Усилія Манина и Граціани, соединенныя съ щедрою благотворительностью гражданъ, дали возможность устроить въ городѣ

помѣщеніе для 16,000 солдатъ, одежду для 12,000 и 4,000 кроватей въ госпиталяхъ. Національная гвардія, постоянно упражняемая въ военныхъ экзерциціяхъ, научилась владѣть оружіемъ и ревностно исполняла всѣ обязанности милиціонной службы.

Но что могли значить эти усилія, стоившія Венеціи невѣроятныхъ жертвъ, въ борьбѣ съ врагомъ, въ нѣсколько кратъ превосходившимъ венеціанцевъ многочисленностью, и еще болѣе возвышавшимся надъ ними вооруженіемъ, дисциплиной и привычкой къ службѣ? По несомнѣннымъ даннымъ, въ концѣ 1848 года число австрійскихъ войскъ, расположенныхъ въ венеціанскихъ провинціяхъ, доходило до 85 тысячъ; изъ нихъ 4 т. стояли во Фріулѣ, столько же въ Тревизѣ, 5 т. въ Падуѣ и Виченцѣ, 2,500 по лѣвому берегу По, 11 т. въ крѣпостяхъ Веронѣ, Мантуѣ, Пескьерѣ; остальныя стояли передъ Венеціей, ежеминутно готовыя къ аттакѣ. Венеціанское правительство само понимало невозможность противостоять этимъ силамъ, и если еще не падало духомъ, то только потому, что его поддерживала надежда на возобновленіе піемонтской кампаніи. Его не покидала еще и увѣренность въ иностранной помощи, хотя дипломатическая переписка Манина того времени поражаетъ тономъ горькаго разочарованія. Пазини все еще находился въ Парижѣ, тщетно добиваясь даже того, чтобъ его признали уполномоченнымъ венеціанской республики. Манинъ изрѣдка переписывался съ нимъ, поддерживая въ немъ надежду на успѣхъ переговоровъ; но порою крикъ отчаянія невольно прорывался въ этихъ письмахъ. «Потоки крови — восклицалъ Манинъ въ депешѣ отъ 3 января 1849 года — и неисчислимыя бѣдствія будутъ результатомъ политики, которой до сихъ поръ хотятъ слѣдовать, ради мнимой пользы Австріи; и Австрія кончитъ тѣмъ, что увлечетъ всю Европу въ бездну, приготовленную для нея одной ея постыдными и жестокими ошибками!»

Къ затрудненіямъ внѣшнимъ, окружавшимъ со всѣхъ сторонъ Венецію, присоединилось скоро внутреннее зло — раздоръ, явные признаки котораго обнаруживались сильнѣе и сильнѣе. Въ Венеціи существовалъ тайный политическій клубъ, недовольный республиканскимъ правленіемъ и недоброжелательствовавшій Манину. Къ этому клубу принадлежали богатые и знатные граждане, болѣе всѣхъ потерявшіе вслѣдствіе революціи и продолжительной осады, и честолюбіе которыхъ не могло не ставить ихъ во враждебное отношеніе къ демагогу, нашедшему себѣ опору въ безграничной преданности черни. Политическія событія, вновь замутившія полуостровъ, также подавали поводъ къ соперничеству партій. Карлъ-Альбертъ возобновилъ воен-

ныя дѣйствія противъ австрійцевъ; въ Римѣ вспыхнула революція, повлекшая за собою бѣгство папы; партія федералистовъ, руководимая Монтанелли и желавшая объединенія Италіи съ средоточіемъ въ Римѣ, нашла оттолосокъ въ венеціанскомъ учредительномъ собраніи. Но опаснѣе всего для внутренняго спокойствія Венеціи была чернь, восторженно обожавшая Манина и увлекавшаяся этимъ чувствомъ въ крайности. Ее давно уже смущали слухи о замыслахъ аристократовъ, будто бы посягавшихъ на ея любимца; взволнованная этими толками, она, наконецъ, встала на ноги и 5 марта вечеромъ появилась подъ окнами дворца, громко вызывая Манина. Манинъ явился. Толпа привѣтствовала его восторженными криками, требуя, чтобъ онъ принялъ диктатуру. «Вы не что иное, какъ фракція народа, избравшаго учредительное собраніе — сказалъ имъ Манинъ. Если вы меня любите, вы должны мнѣ повиноваться; враги отечества, враги ваши, не преминутъ утверждать, что это я взволновалъ васъ; оставайтесь же спокойны и вѣрьте мнѣ.» Толпа и на этотъ разъ, какъ всегда, повиновалась слову своего любимца; но манифестація эта оказала весьма рѣшительное вліяніе на ходъ преній въ учредительномъ собраніи и привела къ тому, что черезъ два дня состоялось почти единогласное избраніе Манина президентомъ республики, почти съ неограниченною исполнительною властью и со слабою тѣнью отвѣтственности передъ собраніемъ. Такъ разрѣшились внутреннія волненія Венеціи, угрожавшія ей серьёзными опасностями, и переворотъ, въ сущности малозначительный, позволилъ правительству сосредоточить все свое вниманіе на дѣлахъ внѣшнихъ, пріобрѣвшихъ въ послѣдніе дни особенный интересъ.

Карлъ-Альбертъ возобновилъ по прежнему военныя дѣйствія противъ Австріи, и участь Венеціи такимъ образомъ еще разъ соединилась съ общими судьбами Италіи. Генералъ Пепе, находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ туринскимъ кабинетомъ, пріурочилъ свои дѣйствія къ цѣлому плану кампаніи и возобновилъ аттаки по непріятельской линіи. Венеціанское оружіе вновь одержало побѣду надъ австрійцами, выдержавъ на одномъ изъ аванпостовъ пятичасовую аттаку превосходнаго въ силахъ непріятеля; волонтеры воодушевились мужествомъ и громко требовали боя. Надежда еще разъ улыбнулась венеціанцамъ; но какъ быстро смѣнилась она разочарованіемъ! 27 марта, австрійскій парламентеръ вручилъ Манину ноту маршала Гайнау, съ извѣстіемъ о роковомъ пораженіи піемонтской арміи при Новарѣ. «Такъ какъ съ этихъ поръ Венеція не можетъ разсчи-

тывать на помощь Піемонта, прибавлялъ Гайнау въ письмѣ своемъ, то я приглашаю венеціанское правительство прекратить безполезное сопротивленіе и сдать городъ императору.» Вслѣдъ за этимъ роковымъ извѣстіемъ, до Венеціи достигъ слухъ объ отреченіи Карла-Альберта отъ престола въ пользу сына своего Виктора-Эммануила, и о перемиріи съ австрійцами.

Судьбы Венеціи, повидимому, свершались. Оторванная вновь отъ національнаго дѣла Италіи, обманутая столько разъ въ надеждахъ на иностранную помощь, предоставленная на жертву собственной безпомощности, что могла она предпринять, какъ не положиться на великодушіе побѣдителей? Австрія предлагала Венеціи почетныя условія, если она тотчасъ окажетъ покорность; въ противномъ случаѣ, ей угрожали всѣ ужасы мщенія.

Въ эти то трудныя минуты высказалось все отчаянное мужество венеціанскаго народа, для котораго легче было погибнуть, нежели отдаться ненавистному врагу.

Не сразу узнала Венеція печальную вѣсть; ей предшествовало нѣсколько дней мучительной неизвѣстности. Еще 27 марта утромъ у всѣхъ на устахъ были слухи о блистательной побѣдѣ, будто бы одержанной піемонтской арміей; но въ то же время быстро распространившееся извѣстіе о депешѣ маршала Гайнау повергало каждаго въ ужасъ и разсѣевало возрождавшіяся надежды. Манинъ, боясь довѣриться вполнѣ извѣстіямъ изъ непріятельскаго лагеря, терялъ голову; въ народѣ смятеніе возрастало съ каждымъ часомъ; толпы весь день и всю ночь неподвижно стояли на площади св. Марка, не смотря на проливной дождь, мочившій ихъ до костей; мучительная неизвѣстность терзала каждаго. Слухи смѣнялись слухами; имъ боялись вѣрить, боялись утратить послѣдній лучъ надежды.

Только 1 апрѣля утромъ появился на стѣнахъ города бюллетень правительства, не оставлявшій болѣе ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ спокойномъ и мрачномъ молчаніи прочитала его толпа и тихо разошлась по домамъ.

Въ обычномъ порядкѣ открылось въ этотъ день засѣданіе въ учредительномъ собраніи; но ни министры, ни депутаты, не находили словъ, чтобъ говорить, и по предложенію Манина засѣданіе было отложено до слѣдующаго дня.

— Вы знаете новости; на что вы рѣшаетесь? тихо, почти шопотомъ произнесъ Манинъ, открывая засѣданіе 2-го апрѣля. — Пусть правительство первое подастъ голосъ, отвѣчали депутаты. — Готовы ли вы сопротивляться? продолжалъ Манинъ. — Готовы! — Хотите ли вы предоставить мнѣ неограниченную

власть, чтобы руководить обороной? — Хотимъ! единодушно послышалось въ отвѣтъ [1]).

И депутаты, окруживъ своего вождя, обнимая его и другъ друга, вотировали единогласно краткое опредѣленіе:

«Венеція будетъ сопротивляться Австріи до послѣдней крайности. Президентъ Манинъ облекается съ этою цѣлью неограниченною властью.»

V.

Принимая на себя тяжелый и трудный подвигъ руководить отчаянной обороной Венеціи въ борьбѣ съ могущественными силами Австріи, Манинъ и на этотъ разъ, какъ и прежде, основывалъ всѣ свои соображенія и надежды на вѣрѣ въ иностранную помощь. Какъ ни страннымъ можетъ показаться, но Манинъ, вопреки всѣмъ прежнимъ разочарованіямъ, не переставалъ мечтать о томъ, что безнадежно-отчаянное положеніе республики пробудитъ наконецъ сочувствіе европейскихъ дворовъ и побудитъ ихъ подать руку помощи, такъ давно обѣщанной и такъ долго и тщетно ожидаемой. Теперь, когда Венеція, оторванная отъ Италіи, поставлена была лицомъ къ лицу съ врагомъ, лишенная всякой другой опоры, кромѣ патріотизма своихъ разоренныхъ гражданъ и мужества своей малочисленной арміи — теперь, болѣе чѣмъ когда либо, нужна была ей эта помощь. Манинъ на другой же день послѣ того, какъ народное венеціанское собраніе приняло рѣшеніе продолжать борьбу на жизнь и смерть, послалъ торжественныя ноты къ Друэну-де-Луи, управлявшему въ то время министерствомъ иностранныхъ дѣлъ во Франціи, и къ лорду Пальмерстону. «Во имя человѣчности и справедливости, во имя права и свободы — писалъ въ этихъ нотахъ Манинъ — народъ венеціанскій умоляетъ о благодѣтельномъ посредничествѣ, которымъ обнадеживаютъ его уже нѣсколько мѣсяцевъ правительства самыхъ могущественныхъ и свободныхъ европейскихъ народовъ. Венеція не домогается ничего болѣе, какъ только освободиться изъ-подъ ига вѣнскаго двора; она ищетъ возвратить то, что отнялъ у нея Кампо-формійскій миръ, она проситъ только, чтобы ей дали ея имя и лишь самое необходимое для ея политическаго существованія. Она

---

[1]) Разговоръ этотъ переданъ нами такъ, какъ онъ записанъ въ книгѣ Флагга: *Venice, the city of the sea*, by Edmund Flagg, London, 1853. Въ собственныхъ запискахъ Манина тотъ же разговоръ передается въ слѣдующихъ, не переводимыхъ, выраженіяхъ: «Volete resistere? — Si. — Ad ogni costo? — Ad ogni costo. — Badate che v'imporrò sacrifizii enormi? — Li faremo.»

поручаетъ себя покровительству Франціи и Англіи, предоставляя имъ выборъ средствъ для ея спасенія. Для дипломаціи все это слишкомъ не трудно, потому что наше освобожденіе — не революція, а только возстановленіе нашихъ историческихъ правъ». На эту ноту правительства Франціи и Англіи отвѣчали въ первый разъ съ тою откровенностью, которая не оставляла для Венеціи ни малѣйшей надежды на сочувствіе европейскихъ дворовъ и позволяла Манину понять, что съ этихъ поръ Венеція вполнѣ и до конца предоставлена собственнымъ ея средствамъ. Республиканскому правительству оставался еще одинъ, весьма невѣрный и сомнительный, шагъ — обратиться къ великодушію европейскихъ народовъ и подѣйствовать на политику дворовъ силою возбужденнаго общественнаго мнѣнія. Съ цѣлію испытать это послѣднее средство, Томмасео написалъ свой знаменитый революціонный манифестъ къ Европѣ, оканчивавшійся словами: «Голосъ, возвышающійся нынѣ изъ этихъ лачугъ, раздастся когда нибудь во вселенной! Горе тому, кто откажется его слышать!»

Пока западная дипломація занималась этой безцѣльной и непроизводительной перепиской, военныя дѣйствія шли своимъ порядкомъ. Австрійцы сосредоточивали свои силы около Местре и Мальгеры; замѣтно было, что на эти пункты устремлено ихъ главное вниманіе, и что здѣсь слѣдовало ожидать рѣшительной аттаки. Австрійская эскадра показывалась по временамъ на адріатическихъ водахъ, поддерживая блокаду и лишая осажденный городъ всякого подвоза съ моря. Въ Венеціи еще сохранялись внутренняя тишина и спокойствіе, но паденіе бумажныхъ денегъ произвело внезапную дороговизну всѣхъ жизненныхъ потребностей; цѣны на съѣстные припасы поднялись чрезвычайно, и перспектива близкаго голода поселила сомнѣніе и отчаяніе даже въ сердцахъ мужественной національной гвардіи. Республиканское правительство, предвидя грозившую Мальгерѣ опасность быть аттакованной превосходными силами непріятеля, рѣшилось обезоружить безполезную по своей слабости морскую флотилію и перевести находившійся на ней экипажъ на сушу, для защиты фортовъ. Въ Венеціи не замедлили убѣдиться въ разумности этой мѣры: приготовленія къ аттакѣ Мальгеры быстро подвигались впередъ. Въ концѣ апрѣля, генералъ Гайнау сосредоточилъ противъ этого пункта 24,000 войска, въ томъ числѣ 2,000 артиллеристовъ и нѣсколько сотенъ саперовъ и инженеровъ, и къ 25 апрѣля успѣлъ приблизить свои траншеи на разстояніе 1,900 метровъ отъ форта. Къ маю мѣсяцу австрійцы успѣли заложить параллель, а къ 4 мая на этой параллели уже возвышались батареи. День этотъ назначенъ былъ для рѣшительной аттаки форта:

Радецкій предполагалъ овладѣть имъ безъ большого труда и готовился 7 мая совершить торжественное вступленіе въ Венецію. Въ первомъ часу по полудни разомъ открылась жестокая канонада съ семи батарей, воздвигнутыхъ непріятелемъ противъ крайняго венеціанскаго бастіона. Не пріученные къ ужасамъ артилерійской стрѣльбы волонтеры сначала совершенно растерялись; но ободряемые мужествомъ офицеровъ, между которыми находился и генералъ Пепе со своимъ штабомъ, они скоро оправились и принялись бодро отвѣчать на непріятельскій огонь. Канонада завязалась жестокая; австрійскія бомбы, ядра и гранаты осыпали фортъ изъ шестидесяти пушечныхъ жерлъ. Шестнадцать тысячъ выстрѣловъ было размѣнено въ этотъ день съ обѣихъ сторонъ. Огонь съ небольшими перерывами продолжался до 8 часовъ вечера, но, при всемъ томъ, не причинилъ враждующимъ сторонамъ значительныхъ уроновъ: со стороны венеціанцевъ потеря въ людяхъ заключалась всего въ 4 убитыхъ и 18 раненыхъ, потеря австрійцевъ въ точности неизвѣстна.

Рано утромъ, на другой день, австрійскій парламентеръ явился въ Мальгерѣ съ незапечатаннымъ письмомъ генерала Гайнау къ коменданту форта, слѣдующаго содержанія: «Чтобы комендантъ Мальгеры зналъ, по какому поводу непріязненныя дѣйствія прекратились со стороны осаждающихъ, прилагается при семъ копія воззванія маршала Радецкаго къ жителямъ Венеціи.» Воззваніе, адресованное Радецкимъ къ венеціанцамъ, убѣждало ихъ въ безполезности сопротивленія послѣ того, какъ побѣдоносныя непріятельскія войска обложили городъ со всѣхъ сторонъ и когда погибель осажденныхъ неизбѣжна. «Рано или поздно, писалъ Радецкій, вы будете отданы на произволъ побѣдителя. Я пришелъ сюда изъ моей главной квартиры въ Миланѣ, чтобы въ послѣдній разъ предупредить васъ, и держу въ одной рукѣ оливковую вѣтвь для васъ, если вы послушаетесь голоса разсудка, а въ другой — мечъ, готовый казнить васъ до совершеннаго истребленія, если вы будете упорствовать на пути, лишающемъ васъ права на милосердіе вашего законнаго государя.» Далѣе фельдмаршалъ излагалъ слѣдующія условія, на которыхъ онъ готовъ былъ прекратить осаду: 1) Полная и безусловная покорность; 2) непосредственная передача непріятелю всѣхъ крѣпостей, арсеналовъ и цѣлаго города, а также военной флотиліи, публичныхъ зданій, военныхъ снарядовъ и общественной казны; 3) выдача всякого оружія, принадлежащаго какъ государству, такъ и частнымъ лицамъ. Съ своей стороны Радецкій предлагалъ побѣжденнымъ слѣдующія уступки: 1) Дозволеніе всѣмъ безъ исключенія, желающимъ покинуть городъ, выселиться изъ него въ теченіе

сорока восьми часовъ, и 2) амнистію для всѣхъ унтеръ-офицеровъ и простыхъ солдатъ республиканскаго войска. Комендантъ Мальгеры, генералъ Ульлоа, оставившій превосходное описаніе итальянской кампаніи 1848—49 годовъ, отвѣчалъ Гайнау: «Письмо фельдмаршала Радецкаго, присланное вами сегодня утромъ, передано президенту венеціанскаго правительства. Безъ точнаго приказанія упомянутаго правительства, я не считаю себя въ правѣ пріостановить военныя дѣйствія; я буду продолжать огонь тѣмъ съ бо́льшею силою, что вы ясно обнаруживаете намѣреніе воспользоваться предлагаемымъ перемиріемъ для продолженія осадныхъ работъ, вопреки всѣмъ военнымъ обычаямъ.»

Австрійцы, раздраженные неудачею первой бомбардировки, съ усиленнымъ рвеніемъ принялись за продолженіе осадныхъ работъ. Ядра ежедневно падали съ непріятельскихъ баттарей на Мальгеру, и хотя не причиняли осажденнымъ значительныхъ уроновъ, но держали гарнизонъ постоянно подъ ружьемъ и утомляли его безпрерывными фальшивыми тревогами. Венеціанскіе стрѣлки съ своей стороны не лѣнились поддерживать съ непріятелемъ ежедневную перестрѣлку, а частыя вылазки безпокоили работавшую на непріятельскихъ траншеяхъ прислугу и нерѣдко причиняли ей значительный ущербъ. Венеціанцамъ удалось однажды наводнить посредствомъ искусно исполненной гидравлической операціи австрійскія траншеи; это пріостановило на нѣсколько дней осадныя работы и дало время осажденнымъ исправить нѣкоторыя поврежденія въ фортѣ.

Но при всемъ томъ, положеніе Мальгеры съ каждымъ днемъ становилось болѣе и болѣе опаснымъ. Вторая параллель, возведеніемъ которой австрійцы занялись тотчасъ послѣ неудачнаго дѣла 4 мая, быстро унизывалась баттареями; непріятельскія ядра не только достигали форта, но перелетали черезъ него, обстрѣливая коммуникаціонную линію между Мальгерой и Венеціей. Все предвѣщало близкую грозу.

24 мая, рано утромъ, открылась жестокая пальба со всѣхъ баттарей второй параллели. Въ лѣтописяхъ военной исторіи еще не было примѣра, чтобы такое количество разрушительныхъ силъ было сосредоточено на такомъ маломъ пространствѣ. Два огненныя полукружія охватили Мальгеру; сто двадцать жерлъ непрерывно изрыгали массу раскаленныхъ ядеръ, бомбъ и гранатъ; стѣны рушились, парапеты взлетали на воздухъ, люди падали кругомъ во множествѣ. Даже ночная темнота не прекратила адскаго огня — канонада продолжалась всю ночь и возобновилась съ удвоенною яростью на слѣдующій день. Австрійцы, обладая многочисленною артиллерійскою прислугой, могли мѣнять утом-

ленныхъ канонеровъ свѣжими силами; венеціанскіе артиллеристы два дня безсмѣнно стояли при своихъ орудіяхъ, почернѣвшіе отъ пороху и пыли, забывая усталость, голодъ и безсонницу. Но не смотря на все мужество осажденныхъ, двухдневная бомбардировка произвела такія поврежденія въ фортѣ и такую значительную убыль въ людяхъ, что республиканское правительство убѣдилось въ невозможности держаться долѣе въ Мальгерѣ. Положено было очистить Мальгеру въ ночь съ 26 на 27 мая, и исполненіе этой трудной мѣры поручено полковнику Ульоа. Послѣдній, еще утромъ 26 числа, сдѣлалъ тайно всѣ необходимыя распоряженія къ выступленію гарнизона изъ полуразрушеннаго форта, и привелъ ихъ въ исполненіе съ необыкновеннымъ искусствомъ, не смотря на то, что тайна не была соблюдена какъ слѣдуетъ, и распространившійся между канонерами слухъ объ измѣнѣ могъ повести къ важнымъ затрудненіямъ. Отступленіе началось съ девяти часовъ вечера, а въ полночь уже ни одного солдата не оставалось въ крѣпости. Орудія были заклепаны, военные снаряды впередъ израсходованы или испорчены; гарнизонъ въ совершенномъ порядкѣ и безъ малѣйшей потери прибылъ въ ту же ночь въ Венецію.

Непріятель ничего не зналъ объ очищеніи форта и всю ночь продолжалъ канонаду: онъ готовился на другой день къ рѣшительному приступу. Отрядъ стрѣлковъ, посланный на разсвѣтѣ на рекогносцировку, первый увидалъ, что Мальгера оставлена своими защитниками, и далъ знать о томъ въ лагерь.

Въ 7 часовъ утра австрійцы вступили въ Мальгеру. «Повсюду — разсказываетъ одинъ изъ ихъ офицеровъ — виднѣлись слѣды страшныхъ опустошеній, причиненныхъ бомбардировкой. По мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ, сцена становилась все ужаснѣе. Трудно составить себѣ точное понятіе о томъ положеніи, въ какое приведенъ былъ фортъ; черезъ каждые три-четыре шага приходилось падать въ яму, вырытую бомбой. Земля была усѣяна картечью; изъ построекъ, возведенныхъ осажденными, не было ни одной, которая не представляла бы груду мусора; всѣ пушки были сбиты. Надо воздать честь чести! Мальгерскій гарнизонъ велъ себя отважно, и, какъ это всѣ здѣсь признаютъ, ни одно войско въ мірѣ не могло бы продолжить сопротивленіе долѣе мальгерцевъ.»

Признательные граждане Венеціи воздали должную почесть своимъ храбрымъ защитникамъ. Полковникъ Ульоа былъ произведенъ въ чинъ генерала; мальгерскій гарнизонъ получилъ выраженіе признательности отъ правительства и народа, и по-

явленіе его на улицахъ города всюду встрѣчалось восторженными кликами.

Оставимъ на время въ сторонѣ ходъ военныхъ дѣйствій и обратимся къ событіямъ дипломатическаго міра, вліянію котораго еще разъ — и уже въ послѣдній — подпала участь венеціанской республики.

Около этого времени во всѣхъ дипломатическихъ кружкахъ Европы обнаружилось весьма замѣтное волненіе, произведенное быстрымъ ходомъ венгерской революціи. Австрійское правительство, побѣдоносно разсѣкая всѣ затрудненія, противопоставленныя ему національнымъ движеніемъ въ Италіи, почувствовало несостоятельность собственныхъ средствъ своихъ въ борьбѣ съ врагомъ, суровая храбрость и единодушіе котораго до сихъ поръ стойко выдерживали всѣ удары врага, превосходившаго его матеріальнымъ могуществомъ. Рядъ стычекъ, происшедшихъ между австрійскими и венгерскими войсками, показалъ вѣнскому кабинету, что на этотъ разъ ему приходится имѣть дѣло съ непріятелемъ, который гораздо опаснѣе Карла-Альберта или мелкихъ и разрозненныхъ итальянскихъ державъ. Императоръ австрійскій рѣшился обратиться съ просьбою о помощи къ своему могущественному сосѣду на востокѣ. Всѣмъ извѣстна та готовность, съ которою императоръ Николай I протянулъ руку помощи австрійскому правительству. Европа, до сихъ поръ довольно равнодушно слѣдившая за развитіемъ мадьярскаго движенія, сочла русское вмѣшательство въ этотъ вопросъ весьма удобнымъ поводомъ для возобновленія дипломатической игры, прерванной на время быстрыми успѣхами Австріи. Вмѣшательство Россіи, въ глазахъ западныхъ дипломатовъ, сообщало венгерскому вопросу новое значеніе, превращая его въ вопросъ общеевропейскій; слухи о томъ, что Франція и Англія не преминутъ съ своей стороны принять участіе въ дѣлѣ, потерявшемъ уже характеръ вопроса внутренней политики, наполняли столбцы всевозможныхъ газетъ и были на устахъ у каждаго. Въ Венеціи они еще разъ возродили надежду если не на непосредственную помощь Франціи, то по крайней мѣрѣ на перемѣну въ международныхъ отношеніяхъ. Австрія, въ союзѣ съ могущественной Россіей, не могла уже быть для западныхъ державъ предметомъ ихъ заботливыхъ попеченій; положеніе дѣлъ измѣнялось, а для Венеціи, среди ея безвыходныхъ затрудненій, всякая перемѣна въ положеніи дѣлъ равнялась выигранной битвѣ. Потому-то съ такимъ всеобщимъ сочувствіемъ встрѣчено было въ Венеціи приглашеніе Кошута, вождя венгерскаго возстанія, къ тѣсному союзу между обоими революціонными правитель-

ствами. Агенты обѣихъ сторонъ, Янъ Братичъ и Л. Пазини, (братъ венеціанскаго посла въ Парижѣ), заключили отъ имени договаривающихся конвенцію, въ силу которой Венгрія и Венеція обязывались взаимно не заключать отдѣльныхъ договоровъ съ Австріей, дѣйствовать на сушѣ и на морѣ сообща, соединить морскія силы и помогать другъ другу деньгами по мѣрѣ средствъ каждой и смотря по ходу вещей.

Если надежды, возбужденныя въ Венеціи первоначальными успѣхами мадьярской революціи, не осуществились на дѣлѣ, если конвенція, заключенная съ Кошутомъ, не привела ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, то, съ другой стороны, австрійское правительство, поставленное венгерскимъ возстаніемъ въ новыя затрудненія, въ виду угрожающаго положенія, которое готовилась принять дипломація, обнаружило нѣкоторую нерѣшительность въ своемъ продолженіи венеціанской кампаніи и готовность, по крайней мѣрѣ кажущуюся, къ уступкамъ. Мы знаемъ уже, что условія сдачи города, предложенныя Радецкимъ, были переданы президенту венеціанской республики; послѣдній, въ отвѣтѣ своемъ фельдмаршалу, указывая на ожидаемое посредничество западныхъ державъ, заявлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ готовность вести переговоры непосредственно съ императорскимъ правительствомъ, если ему будутъ указаны пути къ тому. Фельдмаршалъ, приведенный въ негодованіе ссылкой на англо-французское посредничество, отвѣчалъ рѣзко, что его величество императоръ австрійскій принялъ за правило не допускать никакого посторонняго вмѣшательства въ собственныя дѣла его, и что онъ оплакиваетъ участь Венеціи, предоставленной отнынѣ всѣмъ ужасамъ войны; но въ то же время Манинъ получилъ слѣдующее письмо за подписью министра торговли, фонъ-Брука: «Въ отвѣтѣ отъ 5-го мая на прокламацію его сіятельства фельдмаршала Радецкаго вы намекнули на непосредственные переговоры съ императорскимъ правительствомъ, съ цѣлію придти къ болѣе легкому и скорому соглашенію. Хотя я вовсе не знаю, въ чемъ могутъ состоять эти переговоры, но уполномоченъ сказать вамъ, что буду находиться въ главной квартирѣ близъ Местре до 8 часовъ утра завтрашняго дня.» Письмо это было прочитано Маниномъ въ состоявшемся въ тотъ же день секретномъ засѣданіи собранія, и депутаты послѣ непродолжительныхъ преній уполномочили Манина вести съ фонъ-Брукомъ переговоры на началахъ, которыя обезпечивали бы Венеціи самостоятельное политическое существованіе. Вслѣдствіе того двое изъ друзей Манина, Калучи и Фосколо, отправились на другой же день къ Бруку. Австрійскій министръ принялъ ихъ съ чрезвычайною предупредительностію,

приглашалъ говорить съ нимъ съ полною откровенностію, безъ всякого стѣсненія, и разсыпался въ увѣреніяхъ о либеральномъ настроеніи вѣнскаго двора и готовности его ко всякимъ пожертвованіямъ ради блага своихъ подданныхъ; затѣмъ онъ просилъ уполномоченныхъ республики объяснить ему, что они подразумѣваютъ подъ выраженіемъ: «приличное политическое существованіе», употребленнымъ у Манина въ письмѣ его къ Радецкому. Посланные отвѣчали, что подъ этими словами слѣдуетъ подразумѣвать независимое существованіе Венеціи, съ территоріей, которая дѣлала бы такое существованіе экономически возможнымъ. Трудно было бы придти ко всякому иному соглашенію, прибавили они, потому что высказанныя ими желанія не служатъ девизомъ немногихъ фанатиковъ, а раздѣляются всѣмъ венеціанскимъ народомъ, выражаютъ глубокое его убѣжденіе. Брукъ отвѣчалъ напрямикъ что на такихъ основаніяхъ переговоры невозможны; что Австрія твердо рѣшилась возвратить себѣ Венецію, и что весь вопросъ заключается только въ условіяхъ будущей конституціи. Онъ прибавилъ, что ему лично поручено составить эту конституцію, и сообщилъ посланнымъ главныя основанія своего проекта. Онъ предполагалъ образовать нераздѣльное королевство ломбардо-венеціанское, управляемое императорскимъ намѣстникомъ, сообща съ государственной консультой; столицею назначалась Верона; законодательная власть вручалась сенату и палатѣ депутатовъ, избираемыхъ почти поголовною подачею голосовъ; эти учрежденія завѣдывали бы всѣми отправленіями законодательной власти, за исключеніемъ вопросовъ внѣшней политики, рѣшать которые предоставлялось центральному сейму въ Вѣнѣ, составленному изъ депутатовъ всѣхъ провинцій австрійской монархіи. Изложивъ посланнымъ венеціанской республики этотъ планъ будущей конституціи, Брукъ присовокупилъ, что венеціанскому правительству предоставляется въ настоящее время выборъ между слѣдующими тремя условіями: или составить изъ Венеціи часть предполагаемаго ломбардо-венеціанскаго королевства, или образовать особое королевство съ собственными столицею и парламентомъ, или же, наконецъ, устроиться на подобіе Тріеста, какъ имперскій городъ, съ муниципальными правами. Посланные, выслушавъ со вниманіемъ всѣ сообщенія Брука, объявили, что вести переговоры на этихъ основаніяхъ было бы съ ихъ стороны превышеніемъ даннаго имъ полномочія, но что они съ готовностью передадутъ все слышанное ими своему правительству и ручаются доставить Бруку самый скорый отвѣтъ.

Отвѣтъ этотъ былъ посланъ къ австрійскому министру на

другой же день. Въ немъ Калучи и Фосколо, по соглашенію съ Маниномъ, выставляли на видъ неопредѣленность выраженій, въ какихъ сообщены были предположенія на счетъ будущей участи Венеціи, и невозможность для венеціанскаго учредительнаго собранія основывать свои заключенія на фактахъ, передаваемыхъ на память, безъ всякихъ точныхъ и опредѣленныхъ данныхъ. Уполномоченные просили фонъ-Брука дать имъ письменное и болѣе опредѣленное повтореніе того, что было сказано имъ на изустной конференціи, если уже нельзя сообщить въ копіи самаго проекта конституціи. Фонъ-Брукъ, въ письмѣ на имя Калучи и Фосколо, поясняя невозможность сообщить копію конституціонной хартіи, такъ какъ она существуетъ только въ проектѣ, не получившемъ еще утвержденія, разъяснилъ въ общихъ и еще болѣе неопредѣленныхъ выраженіяхъ намѣреніе правительства обезпечить за своими итальянскими подданными неприкосновенность ихъ національности и торжество католической религіи; онъ намекнулъ, между прочимъ, на желаніе правительства довести до возможной степени развитіе общинной свободы и самоуправленія и примѣнить къ итальянскимъ провинціямъ общія гражданскія начала, вырабатываемыя для цѣлой имперіи.

Отвѣтъ этотъ, конечно, не могъ удовлетворить венеціанское правительство, такъ какъ онъ въ сущности ничего не прибавлялъ къ отчету, данному Калучи и Фосколо въ ихъ первой конференціи съ фонъ-Брукомъ. Собраніе, которому была доложена вся переписка по этому дѣлу, сочло себя внѣ возможности придти къ какому нибудь заключенію и предложило на волю президента прекратить или продолжать переговоры. Манинъ, не терявшій надежды добиться отъ австрійскаго правительства какихъ-либо уступокъ, уполномочилъ Калучи и Пазини (замѣнившаго собою Фосколо) вновь отправиться къ фонъ-Бруку и еще разъ просить его высказаться опредѣленно и откровенно на счетъ участи, приготовляемой Австріей венеціанскимъ провинціямъ. Свиданіе произошло въ Веронѣ, 21-го іюня, и осталось почти также безъ всякихъ существенныхъ послѣдствій, какъ и первое. Инструкціи, данныя Калучи и Пазини, слишкомъ далеко расходились съ видами австрійскаго министра. Начертанный имъ планъ будущаго устройства Ломбардо-Венеціи ничѣмъ не отличался отъ того порядка, который существовалъ въ этихъ провинціяхъ до 1848 года, и на который венеціанскіе посланные не безъ основанія смотрѣли какъ на главную причину революціи. Вся сущность реформы состояла въ томъ, что на будущее время итальянцамъ предоставлялось право посылать сво-

ихъ депутатовъ въ центральный сеймъ, засѣдающій въ Вѣнѣ, и въ которомъ они, по своей малочисленности, не могли разсчитывать ни на малѣйшее вліяніе. Все это слишкомъ мало отвѣчало упорному стремленію республиканскаго правительства дать Венеціи существованіе, по возможности, независимое, отдѣльное, не связанное съ судьбами и интересами австрійской монархіи. Оно готово было допустить личное соединеніе Ломбардо-Венеціи съ имперіей, но съ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ внутреннимъ устройствомъ, съ особой провинціальной конституціей. Въ довершеніе всего, фонъ-Брукъ откровенно объявилъ, что проектированное имъ устройство можетъ быть дано итальянскимъ провинціямъ современемъ, послѣ окончательнаго водворенія въ нихъ тишины и порядка, а до тѣхъ поръ Венеція должна подпасть военному управленію.

Не успѣли уполномоченные республиканскато правительства представить Манину отчетъ объ ихъ вторичныхъ переговорахъ съ фонъ-Брукомъ, какъ послѣдній прислалъ на имя президента республики письмо, въ которомъ, въ дополненіе къ сказанному изустно, излагалъ нѣкоторыя другія условія умиротворенія Венеціи, отъ которыхъ императорское правительство, по его словамъ, не могло отступить ни въ какомъ случаѣ. Въ числѣ этихъ условій, между прочимъ, значилось пониженіе цѣнности бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ революціоннымъ правительствомъ, до двухъ третей, а билетовъ патріотическаго займа до половины ихъ номинальной стоимости, съ обязательствомъ извлечь эти денежные знаки вовсе изъ обращенія въ самое короткое время; всѣ чиновники, смѣщенные революціей, должны возвратиться къ своимъ должностямъ; сверхъ числа офицеровъ національной арміи, изъятыхъ изъ амнистіи, должны подвергнуться немедленному изгнанію сорокъ гражданъ города, по указанію правительства.

Печальный результатъ переговоровъ, доложенный вмѣстѣ со всею перепискою собранію, возбудилъ въ депутатахъ сильное негодованіе. Послѣ непродолжительныхъ преній, собраніе постановило слѣдующее рѣшеніе: «Собраніе народныхъ депутатовъ, выслушавъ сообщенія правительства и прочитавъ дипломатическую переписку, принимая во вниманіе, что мнимыя уступки Австріи въ отношеніи ломбардо-венеціанскихъ провинцій, съ одной стороны не обезпечиваютъ нашихъ правъ и не уважаютъ нашего народнаго достоинства, а съ другой, ограничиваются лишь простыми обѣщаніями, ничѣмъ не гарантированными, и исполненіе которыхъ зависитъ отъ доброй воли Австріи; принимая во вниманіе, что предложенія, касающіяся собственно Венеціи, ограничиваются позорными условіями капитуляціи,— полагаетъ: об-

народовать всю дипломатическую переписку, чтобъ Европа могла быть судьей между Венеціей и Австріей.» Затѣмъ собраніе, предоставивъ Манину сообщить свое рѣшеніе фонъ-Бруку, перешло къ очереднымъ занятіямъ.

Такъ, не приведя ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, окончилась послѣдняя попытка Венеціи устроить свою участь дипломатическимъ путемъ; отнынѣ судьба ея должна была рѣшиться оружіемъ.

Съ паденіемъ Мальгеры осажденные потеряли весьма важный форпостъ, державшій непріятеля въ значительномъ отдаленіи отъ города. Теперь австрійцы могли воздвигать баттареи противъ самой Венеціи и осыпать ее градомъ ядеръ. Непрерывная канонада, начавшаяся съ 27 мая, продолжалась съ неослабною яростью до половины іюня. Новыя баттареи воздвигались почти ежедневно; самые отдаленные кварталы города находились подъ перекрестнымъ огнемъ. Осажденные сначала стойко отвѣчали выстрѣломъ на выстрѣлъ; но скоро недостатокъ въ военныхъ снарядахъ принудилъ ихъ расходовать порохъ и ядра съ крайнею бережливостью. Правительство принимало самыя энергическія мѣры къ тому, чтобы артиллерійскіе матеріалы своевременно пополнялись свѣжими; устроена была съ этою цѣлью особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ артиллерійскаго полковника Маркези; объявлена была значительная награда тому, кто укажетъ селитряныя залежи; дѣти и женщины собирали на улицахъ остывшія непріятельскія ядра и приносили ихъ въ національный арсеналъ. Всѣ эти мѣры, безъ сомнѣнія, надолго снабдили бы Венецію военными снарядами, если бы сама судьба не обрушилась на осажденный городъ: поздно вечеромъ, 19 іюня, Венеція дрогнула отъ страшнаго взрыва, происшедшаго на небольшомъ островѣ Isola de la Grazia: пороховой заводъ взлетѣлъ на воздухъ, со всѣми своими богатствами. Смятеніе овладѣло венеціанцами; въ постигшемъ ихъ несчастіи они видѣли измѣну и требовали мщенія. Причина взрыва осталась неразгаданною, такъ какъ виновники его, умышленные или неумышленные, погибли подъ развалинами взлетѣвшаго на воздухъ зданія. Потребовались невѣроятныя усилія и три недѣли времени, чтобы возстановить разрушенную мастерскую; но едва этотъ громадный трудъ былъ оконченъ, какъ новый взрывъ, столько же таинственный, во второй разъ разрушилъ заводъ.

Непріятельскія баттареи ближе и ближе придвигались къ осажденному городу; уже не было въ Венеціи такого квартала, который могъ бы считаться безопаснымъ отъ огня. Но австрійцы

до поры до времени щадили городъ, обращая всю свою ярость противъ передовыхъ форпостовъ. Канонада продолжалась непрерывно каждый день, затихая къ вечеру, чтобы съ новою силою возобновиться на слѣдующее утро. Венеціанцы не переставали храбро отстрѣливаться, не смотря на то, что недостаточность военныхъ снарядовъ принуждала ихъ дорожить каждымъ выстрѣломъ и бить только на-вѣрняка. Австрійцы избирали обыкновенно одинъ какой нибудь пунктъ, на которомъ сосредоточивали всѣ удары своей громадной артиллеріи; когда на этомъ пунктѣ всѣ сооруженія были разрушены, пушки сбиты, артиллерійская прислуга разогнана, тогда они переносили огонь дальше. Одна изъ венеціанскихъ баттарей, Сан-Антоніо, дольше всѣхъ противилась ихъ усиліямъ. Ею командовалъ полковникъ Розароль, имя котораго навсегда останется памятно въ лѣтописяхъ венеціанской исторіи. Онъ былъ родомъ изъ Неаполя и провелъ пятнадцать лѣтъ жизни въ смрадной тюрьмѣ, низкіе своды которой согнули и сгорбили его высокую фигуру. Освобожденный въ 1848 году, онъ тотчасъ вступилъ въ ряды волонтеровъ и, раненный въ голову при Куртатоне, бѣжалъ въ Венецію, гдѣ его соотечественникъ, генералъ Пепе, ввѣрилъ ему баттарею. Страшный огонь, направленный на эту баттарею, произвелъ взрывъ порохового магазина; канонеры смѣшались, пальба остановилась; Розароль схватилъ въ руки итальянское знамя и старался личнымъ примѣромъ ободрить солдатъ. Въ эту минуту непріятельское ядро ударило его въ плечо и опрокинуло навзничь. «Къ орудіямъ!» крикнулъ онъ сбѣжавшимся къ нему на помощь канонерамъ. Перенесенный затѣмъ въ Венецію, онъ умеръ черезъ два часа на рукахъ у генерала Пепе.

Съ первыхъ чиселъ іюля, ярость непріятельскихъ баттарей удвоилась. Нѣсколько дней сряду огонь не прекращался ни днемъ, ни ночью; только вечеромъ 6 числа пріостановилась канонада. Венеціанцы на баттареи Сан-Антоніо поспѣшили воспользоваться этимъ краткимъ отдыхомъ, чтобы исправить поврежденія, причиненныя непріятелемъ въ послѣдніе дни. Но отдыхъ былъ слишкомъ непродолжителенъ: ровно въ полночь пущенъ былъ въ баттарею брандеръ, внезапно охватившій ее тучею густого дыма. Пока венеціанскіе солдаты, захваченные врасплохъ, бросились предупреждать послѣдствія брандера, небольшой отрядъ австрійцевъ, незамѣтно подплывшій по каналу, высадился позади Сан-Антоніо и взобрался на парапетъ маленькой баттареи Піаццале, находившейся подъ командою мужественнаго полковника Козенца. На Піаццале въ то время работали надъ исправленіемъ поврежденій, и оружіе солдатъ

было сложено въ сторонѣ; испуганные внезапнымъ нападеніемъ, канонеры бросились искать свои ружья; только Козенцъ съ однимъ рядовымъ артиллеристомъ оставались на парапетѣ. Козенцъ схватился грудь съ грудью съ офицеромъ, предводительствовавшимъ австрійскимъ отрядомъ; онъ уже былъ раненъ въ лицо и, безъ сомнѣнія, погибъ бы, если бы артиллеристъ не пришибъ австрійца простою дубиной. Тутъ подоспѣли солдаты, съ яростію кинулись на непріятеля, сбросили его съ парапета, и частью перекололи, частью загнали въ воду.

Мы упоминали уже не разъ о недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ, обнаруживавшемся въ Венеціи. Правительство всѣми мѣрами старалось предупредить грозившее бѣдствіе, не страшась ропота голодной черни, не привыкшей заботиться о завтрашнемъ днѣ. Учреждена была особая коммиссія, долженствовавшая заботиться о народномъ продовольствіи. Отъ всѣхъ гражданъ затребованы были точныя свѣдѣнія о количествѣ имѣющихся у нихъ хлѣбныхъ запасовъ и о числѣ членовъ каждаго семейства. Данныя, собранныя объ этихъ предметахъ, открыли правительству страшную истину — хлѣба оставалось въ городѣ только на нѣсколько недѣль! Городъ, запертый съ моря и съ суши, лишенъ былъ всякого подвоза; двѣ-три удачныя вылазки, въ которыхъ венеціанцы успѣли отбить часть непріятельскаго провіанта, могли отдалить совершенное израсходованіе запасовъ лишь на нѣсколько дней. Правительство рѣшилось организовать правильную продажу хлѣба посредствомъ учрежденныхъ въ каждомъ кварталѣ конторъ, состоявшихъ подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ. Мяса никто не ѣлъ — оно сберегалось для госпиталей; богатые питались кониной, бѣдные однимъ маисомъ и зеленью. Когда единственная въ городѣ мельница, давно уже привлекшая на себя вниманіе непріятеля, подверглась значительнымъ поврежденіямъ и перестала работать, правительство роздало гражданамъ ручныя мельницы, приглашая матерей семействъ самимъ молоть хлѣбъ. Надо удивляться предусмотрительности Манина, который, при самомъ началѣ блокады, озаботился ввести въ городъ 100 т. гектолитровъ хлѣба и сберегать его въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, до тѣхъ поръ, пока всякая возможность подвоза была устранена строгостью блокады. Теперь этотъ хлѣбъ приходилъ уже къ концу; по точному разсчету, сдѣланному правительствомъ, послѣдній гектолитръ долженъ былъ быть употребленъ 24 августа. Чтобы ввести порядокъ въ распредѣленіе этихъ скудныхъ остатковъ народнаго продовольствія, Манинъ въ іюлѣ мѣсяцѣ издалъ декретъ, которымъ граждане из-

вѣщались, что отнынѣ продажа хлѣба будетъ производиться не иначе, какъ по ассигновкамъ, на которыхъ будутъ означаться число членовъ каждаго семейства, количество необходимаго для нихъ хлѣба, и депо, изъ котораго хлѣбъ для нихъ будетъ отпущенъ. Другимъ декретомъ правительства была установлена пропорція, въ которой рожь должна была подмѣшиваться къ пшеницѣ въ общественныхъ магазинахъ. Этими мѣрами, какъ ни тяжело онѣ падали на привыкшій къ довольству венеціанскій народъ, достигались двѣ весьма важныя цѣли: хлѣбный запасъ, правильно расходуемый, сохранялся на болѣе продолжительное время, и республика избѣгала опасности смутъ, которыя во время голода неизбѣжно возникаютъ вслѣдствіе подозрѣній въ скрытіи хлѣба.

Убыль въ людяхъ, произведенная ежедневными канонадами и частыми схватками съ непріятелемъ, требовала также немедленнаго пополненія. Огромное большинство венеціанской молодежи давно уже стояло подъ ружьемъ; менѣе способные къ фронтовой службѣ наполняли ряды національной гвардіи; въ городѣ оставалось очень не много лицъ, способныхъ носить оружіе и не успѣвшихъ еще откликнуться на зовъ отечества. Тѣмъ не менѣе, правительство нашло себя вынужденнымъ потребовать отъ гражданъ новыхъ жертвъ. Декретомъ 18 іюля народное собраніе призвало къ оружію поголовно всѣхъ гражданъ, отъ 18 до 55 лѣтъ возрастомъ, за немногими, строго обозначенными, исключеніями. Составъ національной гвардіи, употреблявшейся преимущественно для внутренней охранительной и полицейской службы, сокращенъ былъ до 1000 чел.; весь наличный излишекъ преобразованъ былъ въ дѣйствующіе отряды и высланъ на баттареи: Венеція понимала, что гроза надъ нею уже скопилась, и напрягала послѣднія силы, чтобъ мужественно пасть подъ неотразимымъ ударомъ.

Это уже не была борьба за независимость, это была ярость безнадежнаго отчаянія. Надежда на иноземную помощь давно изсякла; Италія, вторично побѣжденная, лежала у ногъ Австріи; никакой разумъ не могъ оправдать борьбы, въ которой Венеція слѣпо искала своей ногибели. Да это и не была разумная борьба; это было одно судорожное движеніе народной ярости.

VI.

Въ полночь 29 іюля, необычайный громъ орудій разбудилъ Венецію. Земля тряслась отъ учащенныхъ залповъ; небо освѣ-

тилось зловѣщимъ свѣтомъ; раскаленныя до-красна ядра разсѣкали воздухъ, бороздя небо огненными полосами. Жители въ невыразимомъ смятеніи высыпали на площади; всюду царствовалъ хаосъ; стѣны рушились съ трескомъ, бомбы разрывались на крышахъ домовъ, на мостовой, въ комнатахъ. Во все продолженіе осады, ни разу еще ничего подобнаго не видѣли венеціанцы. Въ какой нибудь часъ времени, двѣ трети города были разрушены. Страшное зрѣлище представляли эти беззащитныя толпы, тѣснившіяся другъ къ другу подъ градомъ смертоносныхъ ядеръ, бомбъ и гранатъ, при грохотѣ разрушавшихся зданій, при заревѣ вспыхивавшихъ тамъ-и-сямъ пожаровъ. Взрослые и здоровые тащили на плечахъ больныхъ, спѣша укрыть ихъ въ отдаленныхъ кварталахъ города, куда не досягали непріятельскіе выстрѣлы.

Правительство на другой же день приняло мѣры, чтобы облегчить участь несчастныхъ, жилища которыхъ были разрушены въ ночь. Всѣ общественныя зданія открыты были для пріема безпріютныхъ; частныя семейства приглашались принимать въ свои жилища всякого, знакомаго и незнакомаго.

Мы можемъ познакомить читателя съ двумя-тремя подробностями этой ужасной ночи, по описанію, сдѣланному Томмасео въ рѣчи къ національному собранію:

«Въ глубокую полночь, внезапно, дождь ядеръ и гранатъ, брошенныхъ гораздо дальше, чѣмъ это считалось возможнымъ, упалъ на городъ. Цѣлыя семейства спокойно покидали кварталы, находившіеся подъ выстрѣлами; женщины, съ грудными младенцами на рукахъ, удалялись отъ ихъ жилищъ въ тишинѣ, исполненной достоинства; мужчины, проклиная ярость непріятеля, восклицали: «они могутъ прогнать насъ изъ нашихъ домовъ, но не могутъ устрашить насъ.

«Одинъ гражданинъ спалъ, когда ядро опрокинуло его кровать; онъ поправилъ ее и опять легъ спать. Одна дѣвушка подняла ядро, упавшее къ ея ногамъ, говоря: «когда состарѣюсь, я буду разсказывать объ этомъ». Одна мать, упрекая въ трусости сына, убѣждавшаго ее бѣжать, сказала: «здѣсь я родилась, здѣсь я и умру».

«Толпа прониклась жалостью при видѣ одной бѣдной женщины, окруженной маленькими дѣтьми, и у которой испортилось молоко; другая женщина, изъ простого класса, никогда не видавшая первую, приблизилась къ ней, взяла ея проголодавшагося ребенка и принялась кормить грудью.»

Но выслушавъ разсказъ лица, говорившаго отъ имени республиканскаго правительства, нельзя не прислушаться къ го-

лосу человѣка посторонняго, испытавшаго на себѣ самомъ всѣ ужасы осады и исповѣдавшаго откровенно свою человѣческую слабость. Вотъ, что говоритъ безъименный очевидецъ описываемыхъ событій, названный въ сборникѣ, изъ котораго мы главнымъ образомъ черпаемъ своимъ матеріалы, «партизаномъ Австріи»:

«Городъ былъ до половины разрушенъ; народъ бѣжалъ на площадь, влача за собою стариковъ и дѣтей. То была страшная ночь, полная глубокаго ужаса.

«На другой день правительство имѣло дерзость напечатать въ «Оффиціальной Газетѣ», что народъ собрался на площади, какъ въ увеселительномъ мѣстѣ, смѣясь и подшучивая надъ безсиліемъ австрійцевъ, и что на другое утро каждый спокойно вошелъ въ домъ свой.

«Это было безграничнымъ безстыдствомъ со стороны правительства, потому что въ то же утро тысячи гражданъ переселились въ часть города, которой не достигали бомбы, и перо, увѣрявшее, что каждый возвратился въ домъ свой, въ то же время предписало начальникамъ всѣхъ общественныхъ учрежденій принимать бѣглецовъ и вмѣнило въ обязанность частнымъ семействамъ давать пріютъ всякому, знакомому и незнакомому.

«Двѣ трети Венеціи были опустошены; остальное было запружено толпой, наполнявшей дома, магазины, погреба; жара была невыносимая, съѣстные припасы скудны и плохи, тѣснота страшная; холера развилась до полной ярости. Сотни лицъ всѣхъ возрастовъ и состояній были поражены ею разомъ, госпитали переполнились, не доставало ни кроватей, ни медикаментовъ; Венеція испытывала, во всей ихъ ярости, разомъ три жесточайшіе бича человѣчества: войну, голодъ и эпидемію.

«И правительство, не доступное жалости, настаивало на своемъ безумномъ намѣреніи: сопротивляться до послѣдней крайности! Съ трудомъ можно вѣрить, чтобы цѣлое народонаселеніе рѣшилось подчиниться подобнымъ страданіямъ, подобной жестокой тиранніи — и однакожъ оно переносило все это угрожаемое и терроризуемое господствующею партіей.

«Манинъ ничего больше не хотѣлъ, какъ только продолжать свое царствованіе, на сколько возможно; зная очень хорошо, что Австрія никогда не дастъ Венеціи больше, чѣмъ сколько предлагалъ ея ультиматумъ, онъ однако претендовалъ добиться болѣе выгодныхъ условій. Онъ говорилъ, что *иначе* уступить было бы трусостью, т. е. другими словами, что надо будетъ уступить тогда, когда народъ будетъ въ рукахъ голодной смерти. И этотъ-то планъ ему удалось выполнить!»

Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что въ приведенныхъ нами словахъ неизвѣстнаго очевидца слишкомъ щедро наложены черныя краски на картину бѣдствій, испытанныхъ Венеціей въ ночь на 30-е іюля 1849 года; не отрицаемъ и того, что онъ слишкомъ явно обнаружилъ нерасположеніе къ революціонному правительству и въ особенности къ вождю его, въ которомъ онъ не видитъ ничего, кромѣ безграничнаго властолюбія; но нельзя также не согласиться съ безъименнымъ авторомъ въ основномъ взглядѣ его на вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, политика Манина въ послѣдніе мѣсяцы его политической карьеры не находитъ себѣ никакого оправданія. Какой смыслъ имѣла борьба съ могущественнымъ и озлобленнымъ врагомъ послѣ того, когда совершенная безпомощность Венеціи вполнѣ обнаружилась, когда надежда на иноземную помощь была разрушена, а замиреніе Венгріи уничтожило послѣдній шагъ успѣха? Участь Венеціи была рѣшена 23 марта, на поляхъ Новары; съ тѣхъ поръ погибель висѣла у нея надъ головою, неотразимая и неизбѣжная. До тѣхъ поръ Венеція, храбро выдерживавшая всѣ удары непріятеля, служила очагомъ итальянской свободы; она поддерживала на полуостровѣ мысль, что борьба еще не кончена, что за пораженіемъ можетъ слѣдовать побѣда; мужественная стойкость Венеціи, безъ сомнѣнія, много содѣйствовала рѣшимости Карла-Альберта возобновить въ 1849 году прошлогоднюю кампанію. Но съ тѣхъ поръ, какъ судьбы Италіи свершились, Венеціи оставалось покориться своей участи: борьба на жизнь и смерть, безъ надежды на успѣхъ, не имѣла смысла, не имѣла оправданія. Нельзя потому не согласиться съ словами англійскаго консула Докинса, который, въ письмѣ отъ 2-го августа, писалъ къ Манину: «Не можетъ быть, чтобы временное правительство продолжало смотрѣть закрытыми глазами на бѣдствія, неизбѣжно грозящія Венеціи, если будутъ идти дальше по пути, на которомъ стоимъ мы теперь. Нижеподписавшійся считаетъ своею обязанностью еще разъ воззвать къ правительству, заклиная его во имя человѣчности размыслить прежде, чѣмъ упорствовать въ сопротивленіи, которое хотя и можетъ быть еще продолжено, но въ результатѣ неминуемо окажется столько же безполезнымъ, какъ и бѣдственнымъ, — заклиная взвѣсить ту отвѣтственность, какую правительство беретъ на себя, увлекая къ погибели жизнь и благосостояніе своихъ согражданъ.»

Канонада, разбудившая Венецію въ ночь съ 29 на 30-е іюля, продолжалась съ страшною силою въ теченіи нѣсколькихъ дней. Непріятель, повидимому, рѣшился не щадить городъ. Давъ своимъ ядрамъ усиленный полетъ, онъ осыпалъ ими крыши и стѣны

городскихъ зданій, безжалостно разрушая дивныя произведенія архитектуры и ваянія. Знаменитый Ріальто, любоваться на который съѣзжалась вся образованная Европа, уже лежалъ въ развалинахъ; множество статуй, барельефовъ, портиковъ, украшавшихъ прекрасную царицу Адріатики, были повержены ницъ, изувѣченные и обезображенные. Все, что только было дорогого для венеціанцевъ, преимущественно навлекло на себя ярость непріятеля. Когда нѣсколько бомбъ ударилось о крышу госпиталя и потревожило скорбный покой больныхъ, правительство вывѣсило на зданіи черный флагъ, въ надеждѣ, что этотъ сигналъ страданій и смерти защититъ его отъ мѣткости непріятельскихъ канонеровъ; но австрійцы не обратили на это ни малѣйшаго вниманія.

Военное начальство города, желая развлечь непріятеля и вмѣстѣ съ тѣмъ ободрить упавшихъ духомъ своихъ солдатъ, рѣшилось попробовать счастія въ вылазкѣ; предположено было послать значительный отрядъ волонтеровъ, подъ начальствомъ заслужившаго всеобщее довѣріе подполковника Сиртори, черезъ Бренту, во флангъ непріятеля, гдѣ находился у него главный складъ съѣстныхъ припасовъ и фуража. Вылазка, руководимая опытнымъ военачальникомъ, удалась какъ нельзя лучше. Венеціанскій отрядъ вышелъ 1-го августа изъ форта Брондоло по направленію къ небольшой деревушкѣ Чире, и, захвативъ тамъ незначительное количество съѣстныхъ припасовъ, двинулся далѣе на встрѣчу непріятелю. Подойдя никѣмъ не замѣченные къ первому австрійскому палисаду, венеціанцы бросились въ аттаку на застигнутаго врасплохъ непріятеля; врагъ бѣжалъ послѣ перваго выстрѣла, оставивъ въ рукахъ итальянцевъ оружіе, военные снаряды и съѣстные припасы. Ободренный первою удачею, экспедиціонный отрядъ двинулся дальше и аттаковалъ сильно укрѣпленный природой и искусствомъ фортъ Кальчинару. Австрійцы и здѣсь бѣжали почти безъ выстрѣла, оставивъ въ рукахъ непріятеля 200 штукъ скота, офицерскій багажъ, значительный запасъ хлѣба и вина, нѣсколько плѣнныхъ и знамя. Неожиданность нападенія лишила австрійцевъ ихъ обычной самоувѣренности: имъ ничего не стоило бы обойти съ тылу малочисленный экспедиціонный отрядъ, отрѣзать ему сообщеніе съ городомъ и совершенно уничтожить его; но офицеры потеряли голову и дѣйствовали съ крайнею нерѣшительностью. Въ тотъ же день вечеромъ венеціанцы съ торжествомъ вернулись на свои лагуны.

Какъ ни блистательною казалась венеціанцамъ побѣда, случайно одержанная ими надъ непріятелемъ, никто однако не заблуждался на счетъ истиннаго положенія дѣлъ. Одна только чернь,

для которой всѣ шансы были равны, воображала, что экспедиція Сиртори открыла новый способъ продовольствовать осажденный городъ, и что теперь, въ случаѣ недостатка съѣстныхъ припасовъ, стоитъ только выслать горсть удальцовъ къ непріятельскимъ ретраншементамъ. Образованное народонаселеніе Венеціи, во главѣ котораго стояли патріархъ и нѣсколько представителей знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, судило иначе, и въ средѣ его обнаружились серьезныя волненія. Нѣсколько дней уже ходилъ у всѣхъ по рукамъ проектъ петиціи, адресованной къ собранію народныхъ представителей и имѣвшій цѣлію убѣдить правительство въ безполезности дальнѣйшаго сопротивленія и побудить его прекратить наконецъ бѣдствія долговременной осады. Патриціи Дандоло, на котораго приверженцы Манина давно указывали, какъ на сторонника Австріи, лично собиралъ подписи на адрессѣ; слухи ходили по городу, что и патріархъ принимаетъ въ агитаціи дѣятельное участіе. Все это взволновало чернь, почуявшую въ воздухѣ измѣну. 3-го августа, весь городъ съ утра пришелъ въ волненіе; народныя толпы бродили по улицамъ, оглашая воздухъ криками: «смерть патріарху!» Приблизившись ко дворцу архіепископа, чернь принялась бросать камнями въ окно, вломилась въ двери, разбила мебель и побросала ее на улицу. Къ счастію, въ эту минуту на помощь къ патріарху подоспѣлъ Томмасео съ отрядомъ національной гвардіи и разогналъ чернь; патріархъ, воспользовавшись подоспѣвшею защитою, успѣлъ сѣсть съ друзьями своими на фрегатъ, благополучно доставившій его въ Австрію. Республиканское правительство обнаружило на этотъ разъ на столько твердости, что рѣшилось нарядить надъ зачинщиками безпорядковъ строгое слѣдствіе, и наиболѣе виновные изъ нихъ понесли строгую кару.

Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ, убыль въ людяхъ, произведенная ежедневными перестрѣлками съ непріятелемъ, болѣзнями и въ особенности холерою, которая съ страшною жестокостью свирѣпствовала на лагунахъ, признаки внутренняго броженія — все это побуждало венеціанское правительство искать кругомъ себя какой нибудь опоры, или по крайней мѣрѣ возможности раздѣлить съ кѣмъ нибудь принятую имъ на себя тяжелую отвѣтственность. Въ секретномъ засѣданіи народнаго собранія 6-го августа Манинъ въ первый разъ рѣшился объяснить депутатамъ истинное положеніе дѣлъ въ осажденномъ городѣ. Факты, предложенные обсужденію собранія, оказались самые неутѣшительные. Непріятельская блокада долго задерживала распространеніе холеры; но эпидемія, разъ проникнувъ

чрезъ военный кордонъ, нашла обильную жатву среди населенія, лишеннаго всѣхъ выгодныхъ гигіеническихъ условій, голоднаго и безпріютнаго; она развивалась съ ужасающею быстротою. Не доставало рукъ, чтобы хоронить мертвыхъ, число которыхъ, возрастая непрерывно, дошло до 250 въ день. Въ медикаментахъ также чувствовался крайній недостатокъ; правительство обратилось къ Франціи съ просьбою о помощи, но оттуда былъ полученъ отвѣтъ, достойный средневѣкового варварства: «снабдить васъ медикаментами—отвѣчала Франція—было бы противно международному праву; и, напротивъ, совершенно сообразно этому праву стремленіе осаждающихъ причинить какъ можно болѣе зла осажденнымъ.» Что касается до американскаго консула, то онъ, при всемъ своемъ желаніи, ничѣмъ не могъ помочь венеціанцамъ, потому что въ осажденномъ городѣ не было американскихъ подданныхъ, и австрійцы на этомъ основаніи отказали въ пропускѣ американскому судну, пытавшемуся проникнуть въ портъ. Кромѣ холеры, другія болѣзни, и въ особенности болотная лихорадка, опустошали лагуны, переполняя, лишенные всякихъ средствъ, госпитали. Пожары, ежедневно вспыхивавшіе какъ въ центрѣ города, такъ и въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ, увеличивали непрерывно число несчастныхъ, остававшихся безъ крова и пристанища. Съѣстные припасы истощались съ зловѣщею правильностію; Манинъ еще не рѣшался объявить, до какого срока они могли питать населеніе, но нашелъ нужнымъ предупредить собраніе о приближавшемся голодѣ. Пороховой заводъ на Isola de la Grazia не могъ болѣе снабжать баттареи военными снарядами, вслѣдствіе двукратныхъ разрушеній и недостатка сырыхъ матеріаловъ. Національная гвардія, вслѣдствіе безпрестанныхъ переселеній жителей изъ разрушенныхъ кварталовъ въ лучше сохранившіеся, не могла уже исполнять обязанностей, необходимыхъ для охраненія общественной безопасности; наконецъ, что до иностранной помощи, то объ ней не могло уже быть рѣчи.

Изложивъ въ этихъ чертахъ положеніе дѣлъ въ Венеціи, Манинъ предложилъ собранію принять немедленно какое либо рѣшеніе. «Два пути—сказалъ Манинъ—представляются намъ: или продолжать сопротивленіе до тѣхъ поръ, пока не истощатся послѣдній кусокъ хлѣба и послѣдняя горсть пороха, или, предвидя уже нынѣ приближеніе этой роковой минуты, начать немедленно переговоры съ непріятелемъ. Чтобы съ успѣхомъ слѣдовать первому пути, необходимо, чтобы люди, призванные управлять нами, сохраняли въ самихъ себѣ какую нибудь надежду на возможность счастливаго результата. Что до меня, я рѣшаюсь сказать

съ печальною отвагою, что вслѣдствіе ли усталости, или другихъ причинъ, но во мнѣ подобная надежда не существуетъ! Другіе однако еще надѣятся, и потому другіе могутъ управлять нами.»

Вслѣдъ за тѣмъ, Манинъ, попросивъ позволенія откинуть въ сторону парламентскій этикетъ и говорить съ депутатами, какъ со своимъ семействомъ, указалъ на Авезани, Томмасео и Сиртори, какъ на людей, которые могутъ управлять страною, если собраніе рѣшится идти по первому пути. Послѣ долгихъ преній о томъ, возможно или нѣтъ снабдить Венецію хлѣбомъ при помощи поголовной вылазки, которая прорвала бы линію непріятельскихъ укрѣпленій, засѣданіе было отсрочено на часъ. Когда представители народа вновь собрались въ залѣ засѣданій, депутатъ Минотто обратился къ собранію съ слѣдующимъ предложеніемъ: «Мы созваны сюда сегодня вовсе не для того, чтобы рѣшать, слѣдуетъ или не слѣдуетъ идти на капитуляцію; мы должны обсудить мѣры на тотъ случай, когда важность обстоятельствъ принудитъ насъ принять какое либо немедленное рѣшеніе. Я полагаю, что для этого намъ необходимо избрать лицо, столько же неспособное идти на позорную сдѣлку, какъ и обречь Венецію безполезному разрушенію; я думаю, что прежде чѣмъ вступать въ переговоры съ врагомъ, надо проникнуться убѣжденіемъ, что всякое дальнѣйшее самопожертвованіе будетъ безполезно, а чтобъ пріобрѣсть эту увѣренность, собраніе должно обратиться къ лицу, облеченному его полнымъ довѣріемъ. Такимъ лицомъ можетъ быть только Даніель Манинъ, потому что онъ съ самаго начала стоялъ во главѣ правительства, потому что никто не заподозритъ Манина въ томъ, чтобы онъ рѣшился уступить прежде, чѣмъ всякое сопротивленіе станетъ невозможнымъ, потому наконецъ, что никто не рѣшится заступить мѣсто Манина. На этихъ основаніяхъ, я вношу слѣдующее предложеніе:

«Въ виду важности настоящихъ обстоятельствъ, собраніе облекаетъ Даніеля Манина неограниченною властью, поручая ему заботиться, о чести и спасеніи Венеціи.»

Депутатъ Пинкерле внесъ къ этому предложенію поправку, предлагая прибавить къ нему слова: «съ тѣмъ только, чтобы мѣры, касающіяся нашего политическаго существованія, утверждались собраніемъ». Послѣ продолжительныхъ преній, предложеніе Минотто съ незначительнымъ измѣненіемъ и съ поправкой Пинкерле было принято большинствомъ 56 голосовъ противъ 37. Манинъ вышелъ къ народу, толпившемуся передъ залами собранія и давно нетерпѣливо ждавшему услышать о результатахъ преній, и обратился къ нему съ слѣдующими сло-

вами: «Среди настоящихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, собраніе вашихъ представителей сочло долгомъ сдѣлать то, что обыкновенно дѣлается въ другихъ странахъ, при подобныхъ обстоятельствахъ. Оно сосредоточило всю власть въ рукахъ одного человѣка, и этотъ человѣкъ — президентъ республики. Вы знаете, какъ искренно люблю я Венецію; и я сдѣлаю все, что будетъ возможно, для блага и чести нашего города, при помощи венеціанцевъ и другихъ итальянцевъ, здѣсь соединившихся. Божественное Провидѣніе не оставитъ насъ.»

Но впечатлительный и легко увлекающійся всякими иллюзіями народъ венеціанскій не легко было разомъ отрезвить отъ возбужденныхъ въ немъ мечтаній и поставить на ту точку зрѣнія, къ какой пришло правительство путемъ долгихъ и послѣдовательныхъ неудачъ. Рѣшеніе 6 августа, которымъ собраніе представителей, отказавшись отъ несбыточныхъ упованій, въ предвидѣніи рокового часа, когда торжествующій врагъ долженъ былъ вступить въ обагренную кровью Венецію, спѣшило послѣднимъ актомъ своей правительственной воли сложить съ себя всякую отвѣтственность за грядущую впереди развязку и передавало всю присущую ему власть тому, кто былъ вождемъ и виновникомъ всего свершившагося — этотъ предсмертный актъ, все скорбное значеніе котораго, казалось, для всякого должно было быть понятно, не произвелъ на Венецію впечатлѣнія. Чернь не предалась отчаянію, потому что не поняла внутренняго значенія факта, и не обнаружила чрезвычайной радости, потому что личность Манина, какъ сознавалъ онъ самъ, какъ съ ужасомъ замѣчали друзья его, не производила уже на нее прежняго магическаго, чарующаго впечатлѣнія. Ее занимало не правительство, ее занималъ голодъ. Нѣсколько безпокойныхъ, мечтательныхъ головъ внушили ей мысль, что можно пріобрѣсть сколько угодно съѣстныхъ припасовъ, если вооружиться всѣмъ, поголовно, и произвесть громадную вылазку. На стѣнахъ города давно уже висѣлъ соблазнительный проектъ этой вылазки. Въ немъ предлагалось къ наличному шеститысячному составу венеціанской арміи прибавить еще тысячъ пять-шесть новобранцевъ, вооруженныхъ именно для этого случая, и съ такими силами прорвать линію непріятельскихъ укрѣпленій. Проектомъ этимъ увлекалась не одна только чернь — сторонники его нашлись и въ средѣ національнаго собранія; мы уже знаемъ, что планъ народнаго продовольствія посредствомъ вылазокъ дебатировался въ засѣданіи 6 августа. Теперь, когда вопросъ этотъ потерпѣлъ пораженіе на парламентской трибунѣ, тѣмъ съ большею ревностью сторонники его принялись агитировать въ его

пользу, падкую на всякія блестящія утопіи, массу. 8 августа, по утру, на стѣнахъ городскихъ зданій появилось воззваніе, на столько замѣчательное своею нелѣпостью, что мы рѣшаемся привести его здѣсь въ буквальномъ переводѣ:

«Народъ! Хочешь ты сопротивляться, такъ старайся о томъ позаботиться; хочешь уступить, такъ продолжай дѣлать то, что дѣлалъ до сихъ поръ. Дѣло идетъ о жизни и смерти; но если хочешь жить, то вотъ единственное средство; постанови простой законъ: на баттареяхъ останется лишь столько защитниковъ, сколько необходимо. Городъ и внутренній порядокъ будутъ ввѣрены старикамъ и матерямъ семействъ. Всякій, кто въ состояніи нести оружіе, выйдетъ изъ Венеціи вмѣстѣ съ арміей и флотомъ, съ тѣмъ, чтобы не возвращаться до тѣхъ поръ, пока городъ не будетъ снабженъ продовольствіемъ на цѣлый годъ. Кто откажется взяться за оружіе, того каждый имѣетъ право убить. Со всякимъ иностранцемъ, который не оставитъ Венецію въ 48 часовъ, будетъ поступлено, какъ съ венеціанцемъ. Ровно въ полночь, сегодня, на площади св. Марка, принесена будетъ торжественная клятва побѣдить или умереть за отечество. Правительству поручается исполненіе настоящаго указа.» Авторъ этого воззванія, нѣкто Тонделли, полупомѣшанный, былъ арестованъ; тѣмъ не менѣе, къ девяти часамъ вечера многочисленная толпа собралась передъ окнами Манина, требуя поголовнаго возстанія. — Венеціанцы знаютъ мое мнѣніе на этотъ счетъ, отвѣчалъ Манинъ на усиливавшіеся вызовы толпы. — Но мы хотимъ сражаться — возражала толпа. — Сражаться? Прекрасно; развѣ кто нибудь запрещалъ вамъ это? Сколько разъ повторялъ я вамъ, что списки для записыванія въ волонтеры открыты? Записывайтесь, да, записывайтесь, а не приходите горланить, какъ бабы, на площади. — Крики, однако, не унимались. Манинъ приказалъ вынести на площадь столъ и листъ бумаги и предложилъ самъ записывать желающихъ. Такихъ нашлось только семь; пристыженная чернь разошлась...

Къ 11 августу съѣстныхъ припасовъ оставалось въ городѣ столько, что ихъ могло хватить лишь дней на десять; повинуясь гнетущему закону необходимости, Манинъ дрожащей рукой написалъ къ фонъ-Бруку слѣдующее краткое письмо: «Облеченный, декретомъ національнаго собранія отъ 6 августа, всѣми необходимыми полномочіями, я вновь обращаюсь къ вашему сіятельству съ заявленіемъ, что я готовъ вступить въ переговоры касательно условій договора, сообразнаго съ достоинствомъ и благомъ Венеціи.» Два дня спустя, еще не получая отвѣта на свое письмо, но какъ будто предчувствуя близкую судьбу свою,

Манинъ сдѣлалъ смотръ національной гвардіи и обратился къ ней и къ толпившемуся вокругъ нея народу съ рѣчью, навсегда сохранившеюся въ памяти свидѣтелей этой глубоко-трогательной сцены.

«Граждане-солдаты! началъ Манинъ. Во все продолженіе нашей революціи, въ теченіе семьнадцати мѣсяцевъ, мы сохранили чистымъ имя Венеціи, нѣкогда презираемой, а теперь уважаемой не только нашими друзьями, но даже и врагами!

«Главная заслуга въ томъ принадлежитъ твердости, неутомимости и бдительности національной гвардіи. Народъ, который сдѣлалъ и выстрадалъ столько, сколько вы сдѣлали и выстрадали, не можетъ погибнуть; настанетъ день, когда блистательныя судьбы этого народа будутъ наградою вашимъ заслугамъ.

«Когда придетъ этотъ день? О томъ вѣдаетъ одинъ Господь. Мы посѣяли; доброе сѣмя, положенное въ эту плодородную почву, принесетъ свой плодъ.

«Великія несчастія могутъ насъ постигнуть; они, быть можетъ, неизбѣжны. Но среди этихъ несчастій великимъ утѣшеніемъ для насъ будетъ сказать: «Они пришли не по нашей винѣ!» Если мы не въ силахъ предотвратить эти бѣдствія, то, по крайней мѣрѣ, отъ насъ вполнѣ зависитъ сохранить до послѣдняго часа незапятнанною честь нашего города. Вамъ предстоитъ беречь для вашихъ дѣтей это наслѣдство. Вамъ предстоитъ охранять его, потому что безъ него все совершённое нами погибнетъ, и сами мы сдѣлаемся предметомъ насмѣшки не только для враговъ нашихъ, но, что всего хуже, для друзей нашихъ.

«Вотъ, почему пригласилъ я національную гвардію, уже утомленную трудами, пораженную скорбью, соединиться вокругъ меня, чтобъ я могъ снова умолять, заклинать ее — оставаться непоколебимою въ своемъ великомъ и отважномъ подвигѣ и продолжать его, если это возможно, еще съ большею ревностью, чѣмъ когда либо.

«Я откровенно спрашиваю національную гвардію: имѣетъ ли она полное довѣріе къ правотѣ моей?»

— Да, да! раздались въ рядахъ восторженныя восклицанія.

«Эта любовь, это несокрушимое довѣріе ко мнѣ — продолжалъ Манинъ — глубоко трогаютъ меня и печалятъ меня; да, печалятъ—сильнѣе, чѣмъ я могу выразить! Потому что они воскрешаютъ передъ моими глазами яснѣе, чѣмъ когда нибудь, если это возможно — все, что вытерпѣлъ этотъ народъ!

«Вы не можете, къ несчастію, всегда разсчитывать на мой

умъ, на мои силы физическія или нравственныя, но на мою любовь къ вамъ, глубокую, пламенную, неизмѣнную, полагайтесь всегда, каковы бы ни были испытанія, уготованныя для насъ Провидѣніемъ. Вы, быть можетъ, въ правѣ будете сказать: *этотъ человѣкъ обманывался*, но никогда не скажете: *онъ обманулъ насъ!*

— Никогда! никогда! воскликнула толпа.

«Никогда, продолжалъ Манинъ, я никого не обманывалъ, никогда не старался порождать въ комъ нибудь иллюзій, которыхъ не раздѣлялъ самъ; никогда я не говорилъ: надѣйтесь, когда самъ не надѣялся....»

Въ эту минуту внезапный припадокъ болѣзни сразилъ Манина; онъ не могъ продолжать, ноги подкосились, онъ упалъ на землю. Толпа, глубоко тронутая, рыдала; вопль наполнялъ площадь.

«E con tale popolo, bisogna cedere [1])!» воскликнулъ Манинъ въ судорожныхъ рыданіяхъ.

За два дня до этой трогательной сцены, глубоко запечатлѣвшейся въ памяти очевидцевъ, грустное явленіе огорчило друзей венеціанской свободы. Нѣсколько безпокойныхъ головъ между милиціонерами, которымъ наскучили продолжительныя бѣдствія осады, возобновили въ массѣ народа агитацію въ пользу поголовной вылазки. Между агитаторами большинство состояло изъ офицеровъ, за которыми нельзя было отрицать извѣстной доли вліянія; ночью 10 августа они собрались въ отелѣ «Британія», подговаривая товарищей слѣдовать ихъ примѣру и условиться на счетъ поголовнаго возстанія. Главнокомандующій Пепе, не желая прибѣгать къ мѣрамъ насилія, не рѣшился помѣшать совѣщанію и удовольствовался тѣмъ, что арестовалъ на другой день главныхъ зачинщиковъ безпорядковъ; но дурной примѣръ, поданный заговорщиками, не остался безъ послѣдствій и вызвалъ печальныя явленія, положившія пятно на послѣдніе дни республики. Манинъ, желая разрушить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на войска заговоромъ въ «Британіи», и возвысить бодрость національной гвардіи, чрезмѣрно утомленной трудами въ ночь на 15 августа самъ съ десяткомъ милиціонеровъ ходилъ по отдаленнѣйшимъ кварталамъ города, ободряя своимъ примѣромъ усталые и малочисленные патрули.

16 августа пришелъ отвѣтъ на извѣстное намъ письмо Манина къ фонъ-Бруку.

«Такъ какъ предъидущіе переговоры, писалъ австрійскій ми-

[1]) Т. е. «И съ такимъ народомъ — быть вынужденнымъ сдаться!»

нистръ, не имѣли другой цѣли, какъ прекратить сопротивленіе, увлекавшее Венецію къ погибели, а венеціанцы остались глухи къ самымъ справедливымъ предложеніямъ, то теперь не можетъ быть принято никакое условіе, кромѣ безусловной покорности.

«Тѣмъ не менѣе, чтобъ дать новое доказательство чувствъ человѣколюбія и умѣренности, одушевлявшихъ прежніе переговоры, я уполномоченъ, г. адвокатъ [1]), предложить вамъ отъ имени фельдмаршала графа Радецкаго слѣдующее: его сіятельство, отказываясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ, какъ не могущихъ имѣть болѣе мѣста, предлагаетъ, какъ единственную возможную уступку, подтвердить условія, предложенныя уже 4 прошлаго мая и предлагаемыя вновь нынѣ, въ препровождаемой при семъ прокламаціи отъ 14 августа. Фельдмаршалъ надѣется, что венеціанская печать дастъ этой прокламаціи возможно бо́льшую гласность, подъ опасеніемъ измѣнить интересамъ и чести страны. Если венеціанцы примутъ настоящія условія, то имѣютъ обратиться къ генералу Горшковскому, который озаботится выполненіемъ условій согласно даннымъ ему предписаніямъ.

«Въ этомъ желанномъ случаѣ, тотчасъ послѣ ратификаціи мирнаго договора съ Піемонтомъ (заключеніе котораго удерживаетъ меня въ настоящую минуту въ Миланѣ), я прибуду въ Местре, счастливый видѣть намѣренія лучшаго изъ монарховъ осуществленными, а Венецію — участницею въ общемъ умиротвореніи Италіи.»

Прокламація, подписанная графомъ Радецкимъ 14 августа въ Миланѣ, заключала въ себѣ слѣдующее:

«Миръ между Австріей и Піемонтомъ заключенъ; это событіе устраняетъ послѣднюю надежду на возобновленіе непріязненныхъ дѣйствій. Мало по малу миръ и законный порядокъ возвратятъ спокойствіе и остальной Италіи, народы которой, отданные на жертву анархіи, съ благодарнымъ довѣріемъ обращаютъ свои взоры къ новой эрѣ. Партія, наложившая на васъ свое иго, заставляетъ васъ *однихъ между всѣми* упорствовать въ вашемъ безправномъ сопро́тивленіи правительству, предлагающему вамъ всѣ гарантіи порядка и разумнаго прогресса, ко́торыхъ вы тщетно ожидаете отъ правительства революціоннаго. Въ эту торжественную минуту, я вновь возвышаю свой голосъ, чтобъ чистосердечно призвать васъ оставить путь, на которомъ, безъ ма-

[1]) Настоящее письмо фонъ-Брука было адресовано просто: «Господину адвокату Манину», тогда какъ прежнія онъ надписывалъ: «Президенту временнаго правительства Венеціи.»

лѣйшей надежды на успѣхъ, вы встрѣтите только новыя бѣдствія. Съ моей стороны, чтобы положить конецъ этимъ бѣдствіямъ, я еще разъ готовъ предложить вамъ условія, уже предложенныя 4 мая, т. е. полная и безусловная покорность, и т. д. [1]). Принявъ эти условія, вы сдѣлаете первый шагъ по пути, который, вознаграждая испытанныя вами бѣдствія, приведетъ васъ къ лучшему и болѣе счастливому будущему.»

Когда этотъ ультиматумъ прибылъ въ Венецію, положеніе дѣлъ въ осажденномъ городѣ достигло уже крайнихъ бѣдствій; хлѣба, не смотря на возраставшую постоянно примѣсь ржи, осталось только на одну недѣлю; холерная эпидемія страшно усиливалась; умирало слишкомъ по двѣсти человѣкъ въ день; уныніе, безнадежное отчаяніе царствовали въ городѣ. Не смотря на то, Манинъ рѣшился послать къ генералу Горшковскому уполномоченныхъ, которые должны были требовать отъ австрійскаго правительства точнѣйшихъ условій капитуляціи и ходатайствовать о значительныхъ уступкахъ. Хотя графъ Радецкій заранѣе воспрещалъ всѣ дальнѣйшіе переговоры, но неизвѣстность, въ которой находились австрійцы на счетъ истиннаго положенія дѣлъ въ республикѣ, побудила Горшковскаго, не произнося рѣшительнаго отказа венеціанскимъ посланнымъ, обратиться къ фельдмаршалу за дополнительной инструкціей. Отвѣтъ изъ Милана, предоставлявшій Горшковскому полномочіе въ веденіи переговоровъ, полученъ былъ 22 августа; въ тотъ же день заключены были и подписаны обѣими сторонами окончательныя условія сдачи. По смыслу этой конвенціи, сдача должна была совершиться въ теченіе четырехъ дней, начиная отъ 24 августа; распорядительными дѣйствіями при этомъ должна была руководить особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Горшковскаго. Къ немедленному изгнанію изъ Венеціи присуждались всѣ офицеры императорской арміи, поднявшіе оружіе противъ своего законнаго государя; всѣ иностранцы, находившіеся въ республиканскомъ войскѣ, и, наконецъ, нѣкоторые изъ гражданъ, поименованные въ особомъ спискѣ. Финансовыя мѣры, предложенныя Радецкимъ еще прежде, для изъятія изъ обращенія бумажныхъ денегъ и билетовъ внутреннихъ займовъ, подтверждались конвенціей безъ измѣненія.

Народъ, еще не зная, какъ далеко зашли переговоры съ австрійцами, томился въ мучительной неизвѣстности и нетерпѣливо ждалъ вѣстей; по временамъ имъ еще овладѣвала надежда и онъ обращалъ свои взоры къ малочисленной венеціанской фло-

[1]) См. выше на стр. 270.

тиліи, стоявшей въ нѣсколькихъ миляхъ отъ порта, въ виду непріятельской эскадры. Чернь все еще вѣрила въ возможность прорвать морскую блокаду и, снабдивъ Венецію хлѣбомъ, дать новыя силы и средства сопротивленію. 18 августа многочисленная толпа собралась на площади св. Марка, громко вызывая диктатора. «Венеціанцы! сказалъ Манинъ, внезапно появившись среди народа. Я уже говорилъ вамъ правдиво и открыто, что положеніе наше — тяжкое; я сказалъ это правдиво и открыто собранію, въ то время, когда нужна была большая отвага, чтобы осмѣлиться произнесть это. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, я былъ уполномоченъ вести переговоры, и я веду ихъ — вы всѣ знаете это! У меня спрашиваютъ новостей о нашемъ флотѣ. Онъ долго держался въ морѣ, готовый къ бою, въ виду непріятельской эскадры, гораздо сильнѣйшей. Но страшная эпидемія, опустошающая нашъ городъ, проникла также и во флотъ; холера на немъ свирѣпствуетъ; было бы безчеловѣчно не принять тотчасъ мѣръ для борьбы съ подобнымъ бѣдствіемъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе холеры и неблагопріятныхъ вѣтровъ, эскадра принуждена была возвратиться въ портъ; но она готова выступить снова въ море при первой возможности.» Тутъ голосъ изъ толпы: *я голоденъ!* прервалъ Манина. — «Мнѣ послышалось, что кто-то сказалъ: «я голоденъ?» переспросилъ диктаторъ. — Нѣтъ, нѣтъ, это не изъ насъ! — воскликнула толпа. «Пусть тотъ, кто голоденъ, подойдетъ ко мнѣ!» продолжалъ Манинъ.— Мы итальянцы! да здравствуетъ Манинъ! — отвѣчала толпа. «Нѣтъ — настойчиво продолжалъ диктаторъ — въ Венеціи еще нѣтъ голода. Повторяю, пусть тотъ, кто голоденъ, подойдетъ ко мнѣ!» — Да здравствуетъ Манинъ! — еще разъ прогремѣла толпа.

Слухи о переговорахъ, постоянно преувеличиваемые агитаторами, число которыхъ возрастало въ Венеціи по мѣрѣ того, какъ событія приближались къ ихъ неминуемой развязкѣ, продолжали волновать толпу, слишкомъ быстро забывавшую увѣщанія диктатора. Капитуляція возбуждала всеобщее неудовольствіе; особенно неблагопріятное впечатлѣніе производили слухи объ условіяхъ сдачи на ту часть республиканскаго войска, которая прежде служила подъ императорскими знаменами и теперь ожидала для себя строгой кары. Въ средѣ этого войска обнаружились серьезныя волненія. Утромъ 23 августа депутація недовольныхъ явилась къ Манину, требуя объясненія, почему въ конвенціи ничего не выговорено для войскъ, перешедшихъ подъ знамя республики изъ австрійской службы. Личное вліяніе Манина, повидимому, успокоило депутацію; но вечеромъ того же

дня, четыреста или пятьсотъ человѣкъ солдатъ, руководимые тайными агитаторами, овладѣли баттареей «Римъ», угрожая бомбардировать городъ, если правительство не выплатитъ имъ третное жалованье. Устрашенный муниципалитетъ хотѣлъ уже просить австрійцевъ поспѣшить вступленіемъ въ городъ; обстоятельства приняли еще болѣе опасный оборотъ, когда, въ девятомъ часу вечера, многочисленная народная толпа высыпала на площадь, громко заявляя свое нетерпѣніе узнать о результатахъ переговоровъ. Къ счастію, личное вліяніе Манина, его умѣнье говорить съ толпой и успокоивать народныя волненія, и на этотъ разъ предотвратили опасность. Явившись на громкіе вызовы толпы, онъ объявилъ, что такъ какъ нѣкоторые пункты конвенціи потребовали объясненій, то генералъ Каведалисъ отправился съ этою цѣлію въ австрійскій лагерь, и что всѣ условія капитуляціи будутъ немедленно по подписаніи объявлены путемъ печати. Когда толпа, успокоенная вначалѣ этимъ объясненіемъ, вновь заволновалась, Манинъ вторично появился на балконѣ. «Итальянцы ли вы?» звучно спросилъ онъ шумѣвшую толпу. — Да, да, послышалось со всѣхъ сторонъ. — «Хотите ли вы быть достойны свободы въ вашемъ будущемъ?» — Да! снова откликнулся народъ. — «Если такъ, изгоните изъ своей среды недостойныхъ, которые васъ поджигаютъ. Что до меня, я обѣщаю вамъ, что скорѣе дамъ себя убить, нежели соглашусь подписать какое нибудь позорное условіе. Если превосходство непріятельскаго оружія, если равнодушіе всей Европы...» — Да здравствуетъ Манинъ! прервала его толпа. «Сохранимъ, продолжалъ диктаторъ, незапятнанною честь Венеціи, поведенію которой до настоящаго дня удивлялся весь міръ. Да здравствуетъ Италія!» Единодушныя восклицанія потрясли воздухъ и еще разъ прервали Манина. Когда клики стихли, диктаторъ, измученный внутреннимъ волненіемъ, могъ только воскликнуть: «Пусть каждый истинный венеціанецъ идетъ со мною въ патрули!» и, сойдя съ балкона, окруженный преданными ему офицерами, онъ отправился въ обходъ по городу.

Эта рѣчь къ венеціанскому народу была послѣднею въ жизни Манина. Утромъ на другой день генералъ Каведалисъ принесъ декларацію Горшковскаго, заключавшую въ себѣ послѣднія разъясненія условій капитуляціи и списокъ сорока лицъ, осужденныхъ въ изгнаніе. Между этими сорока изгнанниками встрѣчались, кромѣ самого Манина, знакомыя намъ имена Авезани, Минотто, Менгальдо, Пинкерле, Томмасео, Мальфатти, Сиртори и др. Всѣ они должны были навсегда оставить Венецію немедленно по сдачѣ

города; нѣсколько французскихъ судовъ уже стояли къ ихъ услугамъ въ венеціанскомъ портѣ.

Временное республиканское правительство, съ Маниномъ во главѣ, подписало 24 августа, въ два часа по полудни, декретъ слѣдующаго содержанія: «Принимая въ соображеніе, что необходимость принуждаетъ насъ къ поступкамъ, въ которыхъ не могутъ принять участія ни собраніе народныхъ представителей, ни лицо, облеченное имъ исполнительною властью, временное правительство Венеціи объявляетъ: 1) Дѣйствіе временнаго правительства прекращается; 2) власть переходитъ въ руки венеціанскаго муниципалитета, распространяясь на всю территорію, подвластную до настоящаго времени республиканскому правительству; 3) общественный порядокъ и спокойствіе, безопасность личности и собственности, довѣряются покровительству гражданъ, патріотизму національной гвардіи и чести войска. *Президентъ Манинъ.*»

Городской муниципалитетъ, облеченный вновь тою самою властью, которою не умѣлъ воспользоваться въ мартѣ 1848 года, началъ свою дѣятельность актомъ признательности къ тому, кто былъ душою республики во все продолженіе ея кратковременнаго существованія. Онъ адресовалъ къ Манину письмо, приглашая его принять въ даръ отъ Венеціи скромную сумму въ 24 тысячи ливровъ для поддержанія его существованія. «Венеція не можетъ потерпѣть, говорилось въ этомъ письмѣ, чтобы безкорыстіе, съ которымъ вы рѣшились на великія пожертвованія, съ цѣлію посвятить себя исключительно общественному дѣлу, сдѣлалось для васъ новымъ источникомъ страданій во время изгнанія изъ отечества, такъ много вами любимаго. Муниципалитетъ надѣется быть истолкователемъ единодушнаго чувства своихъ согражданъ, стараясь уменьшить, хотя отчасти, эти жертвы, предложивъ вамъ скромную сумму въ 24 тысячи ливровъ. Когда, чтобы смягчить тоску изгнанія, вы вспомните дни, въ которые ваша неустрашимость и мужество предохранили Венецію отъ величайшихъ бѣдствій и поддержали общественный порядокъ посреди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, вы вспомните въ то же время, что Венеція неизмѣнно сохраняетъ къ вамъ благодарную и глубокую привязанность.»

Манинъ не отказался отъ этого дара; онъ былъ для него болѣе чѣмъ необходимъ, потому что изгнаніе застигло его лишеннымъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, и съ здоровьемъ, слишкомъ разстроеннымъ для того, чтобы немедленно приняться за работу изъ-за насущнаго хлѣба.

Австрійцы, съ вечера 24 августа, начали вступленіе въ Ве-

нецію; никакихъ столкновеній и безпорядковъ не произошло при этомъ; народъ встрѣчалъ ихъ ледянымъ спокойствіемъ и глубокимъ молчаніемъ. Сдача фортовъ, арсеналовъ, общественныхъ зданій, происходила въ установленномъ заранѣе порядкѣ; 27 августа, императорскій флагъ уже развѣвался на всѣхъ кровляхъ города.

Въ тотъ же день, въ 3 часа по полудни, французскій паровой фрегатъ «Плутонъ» вышелъ изъ венеціанскаго порта въ море. Громадная толпа народа, среди которой мелькали уже австрійскіе мундиры, съ сдержаннымъ молчаніемъ слѣдила за отплывавшимъ судномъ. На палубѣ небольшая кучка людей, съ обнаженными головами, благоговѣйно глядѣли на удалявшійся берегъ; между ними можно было различать Томмасео, Пепе, Сиртори, Ульоа и Манина...

Манинъ поселился въ Парижѣ, гдѣ мирно и грустно прожилъ восемь лѣтъ, поддерживая себя и семейство процентами съ капитала, подареннаго ему Венеціей, и уроками итальянскаго языка. Въ 1857 году, жестокій припадокъ болѣзни, давно уже подтачивавшій организмъ Манина, прекратилъ его жизнь на пятьдесятъ третьемъ году отъ роду; тѣсная семья друзей проводила его въ могилу.

Въ Венеціи, на дверяхъ дома, нѣкогда занимаемаго Маниномъ, сохранялась каменная дощечка съ вырѣзаннымъ на ней его именемъ. Въ 1849 году австрійская полиція приказала ее разбить; венеціанцы тщательно подобрали и сохранили всѣ осколки...

Въ минуту, когда мы пишемъ эти строки, трехцвѣтное итальянское знамя развивается надъ Венеціей, послѣдніе австрійскіе отряды выступаютъ изъ города и локомотивъ уноситъ на всѣхъ парахъ персоналъ *бывшей* австрійской администраціи*). Сцена та же, и пьеса также называется, только какъ будто актеры, наскучивъ повтореніями, вздумали на этотъ разъ помѣняться ролями и сыграть пьесу на выворотъ. Фатумъ, невидимый авторъ пьесы, съ недоумѣніемъ смотритъ на сцену и не узнаетъ собственнаго произведенія... За то публика чрезвычайно довольна сюрпризомъ, рукоплещетъ и громко вызываетъ актеровъ...

Въ послѣднее время мы много видѣли подобныхъ сюрпри-

*) См. ниже въ Иностранномъ обозрѣніи «Исторической Хроники» настоящаго тома: «Корреспонденція изъ Венеціи». — *Ред.*

зовъ. Движущая сила исторіи работаетъ въ нашъ вѣкъ быстрѣе, чѣмъ прежде; рычагъ, управляющій событіями, много усовершенствовался. На маленькой плоскости Европы перевороты зрѣютъ удивительно скоро, развиваясь одинъ изъ другого. Прежде, въ доброе старое время, нужно было нашествіе готовъ или гунновъ, чтобы ниспровергнуть воздвигнутый вѣками порядокъ; теперь это дѣлается гораздо проще. Мы на столько знаемъ самихъ себя, что предугадываемъ потребности времени, предвидимъ историческіе шансы. Изъ политики мы сдѣлали науку, изучили двигающіе нашимъ вѣкомъ принципы и ведемъ разсчитанную игру. Вмѣсто прежнихъ дѣятелей — слѣпой случайности и грубой физической силы — жизнью новаго человѣчества двигаетъ внутренній дѣятель — мысль; а мысль въ современной Европѣ работаетъ и зрѣетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ нарождаются орды азіатскихъ завоевателей. Правда, политическая мысль, хотя и созрѣвшая, никогда сразу не торжествуетъ; но она рано или поздно беретъ свое, какъ дубовый жолудь, который долженъ долго пролежать въ почвѣ, но за то, пробившись на свѣтъ божій, разростается въ исполинское дерево. Италія, такъ пламенно стремившаяся къ политическому единству и независимости, такъ долго лелѣявшая въ груди своей эти стремленія, дождалась своего часа. Осуществленію ея стремленій предшествовали попытки, которыя рѣдко бываютъ удачны; одна изъ такихъ попытокъ была сдѣлана въ 1848 — 1849 годахъ, и мы знаемъ о ея результатахъ. Она не удалась не потому, чтобы почва не была для нея вполнѣ готова, а по той причинѣ, что взялись за нее слишкомъ неумѣлою рукою. Вожди итальянской независимости 1848 года слишкомъ прилѣпились къ идеалу, созданному ихъ мечтаніями и плохо соотвѣтствовавшему дѣйствительности. Они хотѣли создать единую и свободную Италію собственными средствами полуострова—мечта, жестоко осмѣянная исторіей. Жизнь не имѣетъ мечтателей — она награждаетъ успѣхомъ только людей практическихъ. Кавуръ оказался несравненно практичнѣе Карла-Альберта, рѣшившись отбросить въ сторону всякіе идеалы и войдя запросто въ политическую сдѣлку. Притомъ, и обстоятельства времени представлялись для него много благопріятнѣе. Съ Наполеономъ III всякая подобная сдѣлка была легче, чѣмъ съ Лудовикомъ-Филиппомъ; съ другой стороны, Піемонтъ, успѣвшій уже однажды стать во главѣ національнаго движенія, сдѣлался для Италіи нравственнымъ средоточіемъ, притягивавшимъ къ себѣ стремленія и надежды патріотовъ; десять лѣтъ правильной конституціонной жизни упрочили въ немъ тѣсную связь между правительствомъ и народомъ, сдѣлали имя

и личность Виктора-Эммануила популярными отъ Генуи до Палермо. Италія, выступая въ 1859 году вновь на арену національной борьбы, имѣла уже позади себя опытъ прошедшаго и сознавала присутствіе среди себя нравственнаго центра, который весьма легко могъ сдѣлаться и центромъ политическимъ. Десять лѣтъ назадъ, положеніе дѣлъ было иное. Стремленіе къ единству хотя обнаруживалось и въ литературѣ, и въ народномъ сознаніи, но идеалъ единой и независимой Италіи смутно и неопредѣленно носился въ мечтахъ патріотовъ; хотѣли единства нравственнаго, почти мистическаго, подъ прозрачной гегемоніей Рима; мечты о политическомъ объединеніи не переходили за предѣлы федеративныхъ формъ, о которыхъ туманно и безтѣлесно проповѣдывалъ Монтанелли. Піемонтъ былъ слишкомъ слабъ матеріально и нравственно, чтобы сдѣлаться центромъ слитія разрозненныхъ государствъ полуострова. Мысль о такомъ слитіи встрѣчалась недоброжелательно даже тѣми, которые съ осуществленіемъ этой мысли несомнѣнно выигрывали: въ Ломбардіи и Венеціи пропаганда Карла-Альберта о присоединеніи къ Піемонту встрѣчалась всеобщимъ ропотомъ, хотя для этихъ провинцій завоевать независимость собственными средствами не предвидѣлось никакой возможности, а принадлежать Піемонту было во всякомъ случаѣ несравненно выгоднѣе, чѣмъ оставаться въ австрійскомъ подданствѣ. Какъ ни преувеличена мысль, высказанная Маниномъ въ его запискахъ, будто кампанія 1848 года не удалась, благодаря высказанному Карломъ-Альбертомъ намѣренію присоединить къ Піемонту Ломбардо-Венецію, но нельзя отрицать того, что возбужденное сардинской пропагандой охлажденіе между сѣверной Италіей и Піемонтомъ много содѣйствовало неуспѣху итальянскаго оружія. Нужны были, какъ мы уже замѣтили, опытъ прошедшаго и десятилѣтняя твердость туринскаго кабинета въ либеральной политикѣ, чтобы заставить итальянцевъ отстать отъ укоренившагося между ними вѣками муниципализма — мѣстнаго патріотизма, patriotisme du clocher.

Бросая взглядъ на разсказанныя въ нашемъ краткомъ очеркѣ событія, мы безъ труда можемъ уловить въ нихъ дѣйствіе тѣхъ же самыхъ политическихъ и общественныхъ причинъ, вліянію которыхъ Италія была обязана печальными результатами кампаніи 1848 года. Венеція не могла бороться съ могущественнымъ врагомъ своими собственными средствами; благодаря отсутствію на полуостровѣ центра, къ которому естественно тяготѣли бы отдѣльныя части, она не могла въ этой борьбѣ опереться и на рычагъ національнаго единства Италіи. Венеція

возстала не въ силу своей внутренней связи съ полуостровомъ; она подняла оружіе вслѣдствіе ненависти къ австрійскому правительству, такъ точно, какъ подняла оружіе вслѣдствіе той же причины Венгрія и самая Вѣна. Вожди венеціанской революціи стремились не къ соединенію съ Піемонтомъ, они хотѣли дать Венеціи отдѣльное политическое существованіе. Въ этомъ заключалась роковая ошибка, погубившая дѣло итальянской независимости въ 1848 году. Отдѣлившись отъ общаго національнаго дѣла, Венеція сама предавала себя въ жертву европейской дипломаціи, которая, поддерживая въ республиканскомъ правительствѣ надежду на иностранную помощь, завлекла его такъ далеко, что отступленіе сдѣлалось невозможнымъ.

Нельзя не сознаться и въ томъ, что Италія, въ критическую минуту своего существованія, бросившись въ предпріятіе, грозившее громаднымъ рискомъ, обнаружила крайній недостатокъ въ людяхъ. Ни одно изъ громкихъ именъ, съ которыми связаны воспоминанія о событіяхъ 1848 года, не заявило правъ на трудныя роли, выпавшія на долю дѣятелей той эпохи. Бездарность лицъ, руководившихъ дѣйствіями туринскаго кабинета, поражаетъ каждаго; вся кампанія 1848 г. была рядомъ колоссальныхъ ошибокъ, политическихъ, дипломатическихъ и стратегическихъ. Венеція, полтора года державшаяся твердо противъ могущественныхъ усилій Австріи, обнаружила много народнаго героизма, но не выставила никого, кому предпринятая задача казалась бы по плечу. Манинъ спасъ Венецію отъ анархіи, неизбѣжной при всякомъ насильственномъ переворотѣ, но онъ былъ не болѣе, какъ демагогъ и агитаторъ; онъ умѣлъ управлять венеціанскимъ народомъ при помощи обаятельной силы своего личнаго вліянія, но оказался слишкомъ несостоятельнымъ для того, чтобы господствовать надъ событіями. Онъ не умѣлъ соединить дѣло Венеціи съ предпріятіями Карла-Альберта, пожертвовавъ благомъ страны ради личныхъ республиканскихъ инстинктовъ, и не умѣлъ благоразумно примириться съ обстоятельствами въ тотъ моментъ, когда, послѣ пораженія піемонтской арміи при Новарѣ, участь Венеціи была рѣшена и всякое дальнѣйшее сопротивленіе становилось безумнымъ. Будучи самъ личностью увлекающеюся и мечтательною, онъ воспользовался во зло своимъ вліяніемъ и бросилъ Венецію въ бездну, которой самъ сначала не замѣтилъ, а потомъ не хотѣлъ замѣчать.

Не онъ одинъ, впрочемъ, повиненъ былъ въ увлеченіяхъ и ошибкахъ: онъ былъ только представителемъ того момента политическаго развитія, на которомъ стояло современное ему по-

колѣніе. 1848 годъ былъ именно годомъ такихъ увлеченій, иллюзій, невыясненныхъ и порою дикихъ стремленій; передъ нами выступило теперь на поприще вѣчно движущейся жизни другое поколѣніе, болѣе бодрое, трезвое, яснѣе сознающее практическую цѣль своихъ стремленій — и потому пророческія слова Манина: «Близокъ часъ освобожденія Италіи» — сбылись на нашихъ глазахъ.

В. Авсѣенко.

VI.

ПОЛИТИКА ДАНІИ

ПРИ

ФРЕДЕРИКѢ VII.

(Изъ «Записокъ» очевидца: 1855—1861 гг.) *).

Источники свѣдѣній. — Принципъ нераздѣльности Даніи. — Отношеніе къ нему европейской дипломаціи. — Фредерикъ VII. — Внутренняя его политика. — Народная церковь. — Датскія колоніи.

..... О политикѣ (особенно внѣшней) Даніи, при Фредерикѣ VII, въ промежутокъ времени отъ 1855 до 1861 г., я могу говорить не по книгамъ, а по живымъ источникамъ, и увѣренъ, что государственные люди этой страны подтвердили бы истину сообщаемыхъ мною свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе я обязанъ самъ указать тѣ средства, которыми я пользовался, какъ исто-

*) Въ программѣ нашего журнала, мы обѣщали читателямъ доставлять мемуары современниковъ, записки очевидцевъ, автобіографіи, замѣчательныя переписки и т. п., но только теперь нашли возможность въ первый разъ исполнить свое обѣщаніе: такъ велико было накопленіе оригинальныхъ историческихъ трудовъ и статей, которымъ мы обязаны давать преимущество. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы высказать свой взглядъ вообще на то значеніе, которое мы придаемъ «мемуарамъ» и «запискамъ», помѣщая ихъ вмѣстѣ съ научными трудами. Мемуаръ современника есть будущая работа для историка, которому предстоитъ одинаково изучать и эпоху, по свидѣтельству очевидца, и въ тоже время изучать самого очевидца по характеру его

рическій свидѣтель. Вотъ мои доказательства на то, что я многое могъ видѣть самъ, или по крайней мѣрѣ имѣлъ всю возможность получать свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, и притомъ такія свѣдѣнія, для пріобрѣтенія которыхъ необходимо иногда исключительное положеніе.

Римъ посылалъ меня изучать Данію и назначилъ апостольскимъ намѣстникомъ ея сѣверныхъ колоній: Феройскихъ острововъ, Исландіи и Гренландіи. Въ Даніи я получилъ оффиціальный паспортъ съ моимъ титуломъ, а о моихъ отношеніяхъ къ тамошнему правительству можно судить потому, что я, по своему званію попечителя знаменитой тогда въ Римѣ академіи Квиритовъ, могъ дать дипломъ почетнаго члена предсѣдателю совѣта министровъ, министру иностранныхъ дѣлъ, главному представителю и исполнителю плановъ Фредерика VII, и онъ не отказался принять мое предложеніе. Въ Копенгагенъ я пріѣзжалъ ежегодно, оставался тамъ иногда значительное время, и, по своему званію, имѣлъ сношенія почти со всѣми вліятельными лицами, обязанъ былъ давать оффиціальные обѣды представителямъ наукъ, художествъ, дипломаціи. Даже мое положеніе какъ русскаго, но тогда не русскаго подданнаго, а высшаго члена римско-католическаго духовенства, заставляло обращаться ко мнѣ оффиціально нашего консула для исповѣди и причастія русскихъ матросовъ военныхъ кораблей, католическаго исповѣданія.

Но гораздо болѣе важнымъ средствомъ для собранія моихъ настоящихъ свѣдѣній было не оффиціальное мое положеніе: я

свидѣтельства. Таковъ первый законъ исторической критики. Поэтому на мемуаръ нельзя смотрѣть, какъ на научное историческое изслѣдованіе: историкъ обязанъ прежде всего отрѣшиться отъ интересовъ партій и оставаться внѣ предмета своего изслѣдованія, смотрѣть со стороны; составитель мемуара, напротивъ, обязанъ, по сущности своей задачи, жить вмѣстѣ съ описываемыми имъ лицами и событіями, видѣть вещи такими, какими онѣ ему представляются, а если онъ иногда и дѣлаетъ усилія стать историкомъ своего времени, то и въ этихъ усиліяхъ онъ оставляетъ намъ новый матеріалъ для оцѣнки того, какъ въ извѣстную эпоху думали или судили. Такимъ образомъ, важность мемуаровъ для исторіи очевидна: составители ихъ являются предъ наукою историческими свидѣтелями, къ которымъ должно относиться точно также, какъ въ судѣ относятся къ показаніямъ очевидцевъ совершившагося факта. Все это мы должны сказать вообще о каждомъ мемуарѣ: мемуаръ расчищаетъ во многихъ отношеніяхъ путь для исторіи, и въ тоже время самъ очищается исторіею. Нынѣ напечатанный отрывокъ изъ «Записокъ» Степана Степановича Джунковскаго представляетъ довольно рѣдкую особенность: его мемуаръ печатается при жизни составителя; это обстоятельство должно служить ручательствомъ истины показанія или глубокаго убѣжденія автора въ томъ, что онъ судитъ и описываетъ справедливо. Во всякомъ случаѣ, авторъ, очевидно, не боится поправокъ и ищетъ одного, чтобы тѣмъ или другимъ путемъ обнаруживалась правда. Такимъ мемуарамъ мы придаемъ исключительную цѣну. — *Ред.*

имѣлъ тайное порученіе отъ папы, сопровожденное впрочемъ письменною довѣренностью: наблюдать надъ всѣми нунціями, архіереями, правительствами, народами, чтобы докладывать еженедѣльно папѣ, какіе представляются шансы, выгоды или невыгоды Риму въ каждомъ обстоятельствѣ. Документы для этой тайной миссіи были такъ искусно написаны, что иностранные дипломаты и лютеранскіе епископы и правительство считали удовольствіемъ и даже честью помогать мнѣ. Тамъ было сказано между прочимъ отъ имени папы, что «мужъ чрезвычайно послужившій церкви» (vir de Ecclesia maxime meritus) рекомендуется всѣмъ, и что тѣ, которые хотятъ угодить папѣ (quis, ut ei ipso factum existimaret), лично доставляли бы ему статистическія и этнографическія извѣстія (ut statisticis et ethnographicis notitiis operam impendant), и помогали бы избраннымъ отъ него для этой цѣли лицамъ. Разумѣется, подобная бумага поддерживалась прежде всего католическими министерствами иностранныхъ дѣлъ, архіереями, вліятельными лицами, и даже льстила лютеранскимъ архіереямъ, когда я съ нею обращался къ нимъ, ибо они принимали одно двусмысленное мѣсто въ ней (omnibus ordinariis locorum episcopis vehementer commendamus) за косвенное признаніе ихъ со стороны Рима и католичества.

Въ 1854-мъ году прелатъ Б. (нынѣ кардиналъ), посредникъ между папою и мною, передавая мнѣ оффиціальныя бумаги по дѣламъ миссіи, сказалъ при отъѣздѣ моемъ изъ Рима: «Вотъ документы для вашей открытой дѣятельности на сѣверѣ. Что касается до вашей главной миссіи, мы объ ней уже говорили много и часто. Вы знаете отъ самого святого отца, чего онъ отъ васъ желаетъ. *Наблюдайте*, дѣйствуйте неограниченно, по вашимъ прежнимъ бумагамъ. Но въ этомъ случаѣ, вся отвѣтственность возлагается на васъ. Пишите, ничего не скрывая, и какъ можно чаще. Всѣ ваши письма будутъ доставлены исправно святому отцу. Intelligenti pauca....»

Уже въ то время и папа, и кардиналы тяготились деспотизмомъ Антонелли, а потому для ограниченія его прибѣгали къ тайному контролю оффиціальныхъ свѣдѣній. Такова была цѣль моихъ различныхъ миссій непосредственно отъ папы; такъ я ѣздилъ къ герцогинѣ Пармской, по случаю убійства ея мужа и замѣны нѣмецкаго епископа итальянскимъ; австрійскій конкордатъ и другіе порученія, внѣ сферы дѣятельности Антонелли, [illegible]ыли причиною моихъ поѣздокъ въ сѣверную Германію, Англію, [illegible]анцію, Бельгію, Голландію; послѣдняя миссія привела меня въ Данію. При своемъ полномочіи, я могъ стоять близко къ

лицамъ, руководившимъ политикою Даніи при Фредерикѣ VII, и потому имѣлъ право, не нарушая скромности, сказать австрійскому посланнику графу Кароли въ Копенгагенѣ, что онъ, можетъ узнать отъ мена болѣе о состояніи Даніи въ одинъ часъ, нежели изъ книгъ въ одинъ годъ.

Вся внѣшняя политика Даніи, при Фредерикѣ VII, была занята поддержаніемъ торжественныхъ международныхъ договоровъ, заключенныхъ еще при его предшественникѣ, Христіанѣ VIII, съ цѣлью сохраненія *нераздѣльности* Датской монархіи. Весьма естественно, что впослѣдствіи вся дипломатическая игра должна была сосредоточиться около этой же самой темы. А потому и мы начнемъ съ изложенія именно этой игры, гдѣ Франціи принадлежитъ самая существенная роль.

Франція, зная задушевную мысль короля, разсчитывала легко держать такимъ образомъ на привязи Данію для достиженія своихъ цѣлей. Таково было назначеніе миссіи Канробера; съ этою же цѣлью Франція вмѣшалась дѣятельно даже по случаю брака принца Валлійскаго съ датскою принцессою, о чемъ впрочемъ мало знаютъ; польское возстаніе было третьимъ случаемъ для Франціи; и наконецъ миссія генерала Флёри имѣла подобное же назначеніе.

Въ Даніи до сихъ поръ думаютъ, что бракъ дочери тогдашняго наслѣднаго принца датскаго, нынѣ короля Христіана IX, съ наслѣдникомъ престола Великобританіи былъ задуманъ еще графинею Даннеръ, этою искусною въ политикѣ и дипломаціи супругою въ морганатическомъ бракѣ Фредерика VII, которому она была также искренне предана въ личныхъ и государственныхъ дѣлахъ, какъ Екатерина I Петру Великому. Но если подобный брачный союзъ и могъ зародиться въ ея мысляхъ, то никто не оказалъ болѣе дѣятельности въ исполненіи этого плана, какъ дипломація Наполеона III.

Въ 1858 году, много поговаривали въ Римѣ, когда тамъ находилась прусская королевская фамилія съ принцессою Александриною прусскою (нынѣ мекленбургскою), и когда туда же ожидали принца Валлійскаго, что французская дипломація старалась помѣшать ихъ сближенію, слѣдствіемъ котораго могло быть новое династическое сближеніе Англіи съ Пруссіею. Это сближеніе шло въ разрѣзъ съ задушевною мыслью императора французовъ. Многіе, правда, увѣряютъ, что у него никогда не

было одной опредѣленной цѣли, и даже одинъ изъ именитыхъ новѣйшихъ публицистовъ замѣчалъ въ Наполеонѣ III отсутствіе строгой политической системы; но при всемъ томъ несомнѣнно то, что, хотя съ самаго начала второй Имперіи, Наполеонъ казался нерѣшительнымъ и дѣйствовалъ будто по внушеніямъ минутной выгоды, склоняясь къ союзу то съ Россіею, то съ Англіею, то съ революціею, однако въ сущности онъ имѣлъ постоянно въ виду возстановленіе границъ первой Имперіи, особенно со стороны Рейна. Это желаніе представлялось ему слишкомъ рискованнымъ; онъ боялся вмѣшательства Англіи и даже Австріи и Россіи, которыхъ союзъ съ Пруссіею съ 1815 года, какъ трехъ сѣверныхъ державъ, онъ считалъ вначалѣ болѣе прочнымъ, чѣмъ то было въ сущности. Еще не задолго до разрушенія турецкаго флота при Синопѣ, я неоднократно слышалъ въ Парижѣ отъ самыхъ приближенныхъ лицъ Наполеона, что только чрезъ союзъ съ Россіею Наполеонъ думаетъ достичь своей цѣли и предупредить господство германскаго и англосаксонскаго племенъ. Одна ультрамонтанская партія, тогда особенно сильная, была совершенно противъ этого союза, представляя планъ всемірной монархіи (авторъ этого проекта, простой священникъ, былъ сдѣланъ кардиналомъ по настоянію Наполеона) или необходимость ослабить Россію прежде чѣмъ вступить съ нею въ союзъ, который въ противномъ случаѣ былъ бы въ ущербъ Франціи. На этой-то мысли и остановился Наполеонъ, начиная Крымскую войну. Разъ начавъ войну съ Россіею, Наполеонъ не преминулъ тяготѣть надъ Австріею, чтобъ отвлечь ее отъ Россіи, чему особенно способствовали іезуиты въ Парижѣ, Вѣнѣ и Римѣ. Но ни при Крымской войнѣ, ни въ Итальянской, Наполеонъ не терялъ изъ виду Рейна и надѣялся найти въ освобожденной Италіи вѣрнаго союзника въ этомъ дѣлѣ, которое было на дальнемъ планѣ. Какъ я слышалъ во Флоренціи въ 1861 году, движеніе къ Рейну занимало до того мысли французскаго правительства, что имъ было представлено положительное требованіе, какъ вознагражденіе отъ Италіи, 200,000 арміи итальянцевъ для возстановленія прежнихъ границъ Франціи. Объ этомъ была рѣчь и съ Кавуромъ и съ Чіальдини, и даже записка, которую видѣли передавшія мнѣ эти факты лица, и заслуживающія полнаго довѣрія. Только дипломація Риказоли и особенно оппозиція Гарибальди и патріотовъ откладывали и устраняли подобное содѣйствіе противъ принципа германской національности. Риказоли уже тогда чувствовалъ опеку Франціи и замышлялъ избавиться отъ нее при помощи Пруссіи. Наполеонъ обращалъ на это мало вниманія, опасаясь не Пруссіи, но

Англіи и ея союза съ Италіею. Въ этомъ смыслѣ, когда, послѣ Итальянской войны, Леопольдъ король бельгійцевъ отправился во Францію, чтобъ успокоить себя на счетъ намѣреній Наполеона относительно Бельгіи, императоръ французовъ отвѣчалъ: «Будьте спокойны! только въ одномъ случаѣ можетъ быть опасность для Бельгіи, а именно, если Англія будетъ связывать мои руки въ Италіи. Въ тотъ же день, когда я получу депешу, что англичане заняли Сицилію, я со 100,000 арміею отправлюсь ночевать въ Брюссель». Эти слова были переданы королемъ кардиналу примасу Бельгіи, а я ихъ слышалъ отъ него. Если Наполеонъ въ своей внѣшней политикѣ, повидимому, и не имѣлъ послѣдовательности, но на дѣлѣ онъ былъ также послѣдователенъ, какъ способенъ при малѣйшемъ рискѣ, напримѣръ, въ Мексикѣ, Римѣ, Даніи, Пруссіи,—измѣнять прежніе планы и избѣгать дальнѣйшихъ опасностей, спасая только по возможности честь своего отступленія. Такъ, чрезъ уступку коммерческихъ выгодъ партіи Кобдена и Брайта, которая одинаково ищетъ и свободу торговли и миръ, онъ уступилъ ей первую, чтобъ получить отъ нее миръ, т. е. мирное расположеніе англійскаго парламента при присоединеніи Савоіи и Ниццы, что и было подтверждено короткою рѣчью Брайта (онъ только сказалъ: «ни одинъ англичанинъ не дастъ пенни, чтобъ драться за Савоію и Ниццу»). Этого было мало. Ослабивъ Россію и Австрію, найдя союзниковъ въ Италіи и Швеціи, Наполеонъ думалъ уже безъ опрометчивости идти на Пруссію за Рейнъ (всѣ оффиціозныя брошюры и карты Европы на новый ладъ намекали на это), если будетъ къ тому имѣть, не только противъ себя или нейтральною, но за себя Англію. Для этого представлялся ему отличный случай въ датскомъ вопросѣ, гдѣ чрезъ династическую связь онъ думалъ скрѣпить интересъ Англіи съ интересами Даніи, опасавшейся нападенія Пруссіи, чтобы воспользоваться этимъ нападеніемъ для возстановленія границъ прежней Имперіи на Рейнѣ. Вотъ простое объясненіе той ревности, съ которою французская дипломація содѣйствовала браку принца Валлійскаго съ принцессою датскою. Въ 1861 году, осенью, находившись въ Гамбургѣ, встрѣтилъ я тамъ одного изъ французскихъ дипломатовъ, особенно занятаго дѣлами Даніи, и который зналъ довѣріе, которымъ я пользовался въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, особенно по случаю моей записки 1859 года о необходимости присоединенія Савоіи и Ниццы къ Франціи. Отъ этого дипломата я узналъ, что онъ былъ посланъ въ Вильгельмсбадъ, гдѣ было свиданіе принца Валлійскаго съ принцессою датскою, чтобы содѣйствовать ихъ браку, который принимаетъ

особенно горячо къ сердцу самъ императоръ. Фактъ этотъ не подверженъ сомнѣнію. При этомъ былъ еще и другой планъ, а именно, въ случаѣ смерти Фредерика VII, послать предложеніе его преемнику, которое бы изолировало Данію въ пользу исключительнаго союза съ Франціею, чрезъ что самый бракъ принца Валлійскаго послужилъ бы къ ея выгодамъ и подкрѣпленію союза съ Англіею противъ Пруссіи, въ случаѣ нападенія ея на Данію.

Маршалъ Канроберъ, отправляясь въ Стокгольмъ съ цѣлію заключить тамъ трактатъ между Франціею и Англіею съ одной стороны, и Швеціею и Норвегіею съ другой, въ чемъ и успѣлъ, хотѣлъ завлечь въ тоже предпріятіе и Данію; но это ему не удалось.

При польскомъ возстаніи, Франція домогалась у всѣхъ европейскихъ правительствъ дипломатическаго вмѣшательства въ пользу Польши чрезъ ихъ посольства въ Петербургѣ; но, именно въ Даніи, французская дипломація осталась далеко неудовлетворенною, ибо Данія хотя и послала Россіи дипломатическую ноту, но скорѣе осуждала въ ней это возстаніе, очѣмъ брала за щиту его.

Послѣднее и самое неудачное вмѣшательств Франціи въ дѣла Даніи было по случаю смерти Фредерика VII. Наполеонъ послалъ генерала Флёри съ предложеніемъ слѣдующаго содержанія: Франція готова помогать Даніи, если Данія обяжется имѣть только въ ней союзника, отказываясь навсегда отъ всякого союза съ другою державою. Говорятъ, королева, вслѣдствіе супружества дочери ея съ принцемъ Валлійскимъ до того оскорбилась этимъ предложеніемъ, что поспѣшила сообщить о томъ въ Англію; такимъ образомъ, именно бракъ устроенный Наполеономъ и послужилъ первымъ препятствіемъ къ исполненію его плановъ. Правительство датское уклонилось отъ этого предложенія, ссылаясь на трактаты и на нравственную невозможность измѣнить свои отношенія къ Англіи, Россіи и къ собственному народу. Впрочемъ всякій могъ понять, что подобное предложеніе Франціи равнялось совершенному подчиненію ей со стороны Даніи и политическому самоубійству.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ неудачъ Наполеонъ рѣшился оставить Данію въ жертву Пруссіи, а потомъ, когда Эльбскія герцогства отдѣлятся, что нужно было предвидѣть, дѣйствовать къ подчиненію ослабленной Даніи въ пользу Швеціи, какъ то было вмѣстѣ сообразно съ духомъ скандинавоманіи въ Стокгольмѣ и даже Копенгагенѣ. Въ этой же надеждѣ дѣйствуетъ и теперь французская дипломація, но весьма нерѣшительно, вслѣдствіе

личнаго характера французскаго посланника въ Копенгагенѣ, который едва ли не самый старѣйшій по времени своей должности, такъ какъ онъ былъ, назначенъ въ Данію еще республикою 1848 года.

Чему приписать всѣ послѣднія дипломатическія неудачи императора французовъ? Во всякомъ случаѣ объясненія ультрамонтановъ ничего не объясняютъ. Ультрамонтаны кричатъ, что, съ тѣхъ поръ какъ Наполеонъ началъ приводить въ исполненіе свои планы для уничтоженія свѣтской власти папы, ничто ему не удается, и все начатое обращается противъ него. Но, если ручательствомъ успѣха въ политикѣ можетъ служить согласіе ея со здравымъ смысломъ и потребностью времени, то ультрамонтанамъ слѣдовало бы скорѣе объяснить намъ, какимъ образомъ Наполеонъ, ослабляя, согласно съ здравымъ смысломъ, свѣтскую власть папы, не вызвалъ однако къ своей политикѣ той симпатіи, какой можно было бы ожидать тому, кто, повидимому, содѣйствовалъ прогрессу человѣчества.

Данія поплатилась такимъ образомъ, хотя и въ другой формѣ, какъ поплатилась и Италія. И Италіи, и Даніи, Франція предложила свои благодѣянія и свое покровительство подъ условіемъ служить интересамъ императора французовъ. Италія потеряла за это Ниццу и Савойю; Данія была отдана на жертву Пруссіи и лишилась Эльбскихъ герцогствъ. Весьма естественно, что въ Даніи еще менѣе нежели въ Италіи, французская политика могла найти искреннихъ друзей и приверженцевъ. Италія сдѣлалась болѣе независимою, нежели то могъ желать тюльерійскій кабинетъ; Данія, вмѣстѣ съ утратою Эльбскихъ герцогствъ, не представляетъ болѣе поприща новымъ интригамъ, и потому въ настоящую минуту французское вліяніе въ Копенгагенѣ едвали не самое ничтожное.

Отношеніе Англіи или лучше сказать англійскаго министерства того времени, къ тому же вопросу о нераздѣльности Датской монархіи, представляетъ иную картину. Мнѣ довелось имѣть личную бесѣду по этому предмету съ графомъ Джономъ Россселемъ въ 1860 году, и я приведу ее буквально, какъ она врѣзалась мнѣ въ память. Графъ Россель не можетъ имѣть ничего противъ публикаціи частныхъ разговоровъ, такъ какъ онъ самъ допускалъ это въ своей собственной практикѣ; даже, какъ извѣстно, лордъ Сеймуръ за публикацію своего частнаго разговора «о больномъ человѣкѣ» былъ назначенъ посланникомъ въ Вѣну.

Вотъ обстоятельства, поставившія меня въ необходимость быть въ кабинетѣ гр. Дж. Росселя по датскому дѣлу.

По прибытіи своемъ въ Данію, я нашелъ въ этой странѣ

полную религіозную свободу совѣсти и даже нѣкоторыя привилегіи для католиковъ въ собственной Даніи, но говорили о значительной религіозной нетерпимости въ Исландіи и въ Эльбскихъ герцогствахъ. Управленіе католиками въ этихъ герцогствахъ было въ рукахъ нѣмца, который представилъ мнѣ совершенно неосновательные документы, съ тѣмъ, чтобы я поддерживалъ въ силу ихъ ходатайство въ пользу католиковъ Даніи, предъ англійскимъ правительствомъ. Этотъ нѣмецъ никто иной какъ нынѣшній архіепископъ кельнскій Мельхерсъ. По этому дѣлу можно судить вообще, какъ Пруссія во все правленіе Фредерика VII пользовалась его либерализмомъ и религіозною терпимостью, чтобъ возбуждать противъ него разомъ и датчанъ и нѣмцевъ съ религіозной точки зрѣнія, и приготовить чрезъ то путь своему вооруженному вмѣшательству. Главную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ упомянутый Павелъ Мельхерсъ, человѣкъ чрезвычайно ловкій, однимъ словомъ, успѣвавшій перехитрить не разъ самихъ іезуитовъ. Вотъ его краткая біографія. Онъ былъ племянникъ бывшаго кельнскаго викарія, и сдѣлался изъ прусскаго бюрократа-чиновника священникомъ, но сохранилъ свои бюрократическія отношенія къ прусскому министерству и считался агентомъ его, такъ что, при представленіи его этимъ министерствомъ на званіе епископа въ Падерборнѣ, оппозиція, считая его агентомъ правительства, забаллотировала его въ капитулѣ. Министерство не сочло себя побѣжденнымъ, и когда, по моей иниціативѣ, была возстановлена Оснабрюкская епархія въ Ганноверѣ, прусскій король лично отнесся и къ королю ганноверскому и къ папѣ, чтобы отстранить кандидата, желаемаго всѣми, а именно управлявшаго епархіею декана Бекмана, члена верхней палаты Ганновера, и который, какъ свидѣтельствуетъ оффиціальный документъ, напечатанный въ Римѣ, болѣе всего содѣйствовалъ возстановленію епархіи. Король ганноверскій поддался, но подъ условіемъ, чтобы папа подчинилъ этому Мельхерсу, назначенному епископомъ оснабрюкскимъ, католиковъ Датской монархіи. Король требовалъ этого, чтобъ дѣятельно наблюдать за Даніею, которой онъ былъ главнымъ врагомъ въ Германіи, не зная, что нѣчто подобное имѣло въ виду и прусское министерство по отношенію къ нему самому, а именно наблюдать чрезъ Мельхерса за Ганноверомъ и приготовлять умы въ пользу Пруссіи, за что онъ и былъ награжденъ назначеніемъ его нынѣ въ кельнскіе архіепископы. Іезуиты поддерживали также Мельхерса для Оснабрюкской епархіи, думая, что онъ пригласитъ ихъ туда, но онъ обманулъ ихъ ожиданія и направилъ все вниманіе на Данію, чтобы возбудить римское духовенство Шлезвигъ-Голштейна противъ нея. Между

тѣмъ и назначеніе нѣмца епископомъ надъ датчанами также было ненавистно имъ, какъ то бывало съ назначеніемъ нѣмцевъ епископами въ Италіи. Многіе кардиналы понимали несправедливость назначенія нѣмецкаго епископа въ Данію, только по ходатайству короля ганноверскаго, главнѣйшаго врага ея. Но Антонелли не хотѣлъ уступать, а дѣйствовалъ на Австрію, чтобъ чрезъ ея посредство успокоить датчанъ чрезъ личное сближеніе Мельхерса съ Фредерикомъ VII. Австрійское министерство иностранныхъ дѣлъ предписало своему представителю въ Копенгагенѣ представить Мельхерса королю, а прусскій посланникъ содѣйствовалъ австрійскому и французскому, чтобы король принялъ Мельхерса почти съ такою же честію, какая была оказываема только принцамъ крови. Король поддался, а Мельхерсъ собралъ между тѣмъ цѣлый рядъ обвиненій противъ нетерпимости Даніи въ Эльбскихъ герцогствахъ. Эти-то факты я и долженъ былъ принять за основу моихъ переговоровъ съ графомъ Росселемъ, не подозрѣвая еще тогда, что цѣль прусскаго министерства была поддерживать въ глазахъ Англіи свое вмѣшательство въ дѣла Даніи. Какъ прежде оно поддерживало его, чрезъ возбужденіе протестантскихъ духовныхъ, жалобами германскому союзу и обращеніемъ къ публичному мнѣнію Германіи, за угнѣтеніе нѣмецкаго языка въ церквахъ Шлезвигъ-Голштейна, такъ теперь оно хотѣло извинять себя предъ Англіею жалобами католическаго духовенства въ герцогствахъ, противъ Даніи, хотя въ сущности именно сама Пруссія чрезъ свое лютеранское духовенство притѣсняла тамъ католиковъ, а король датскій былъ готовъ дать имъ такую же религіозную свободу, какъ въ собственной Даніи.

14-го іюля 1860 г., я посѣтилъ сэра Джорджа Бойера, члена парламента, представителя города Дундака въ Ирландіи, внука извѣстнаго англійскаго адмирала, и доктора правъ, обратившагося изъ протестантизма въ римско-католическую вѣру, юрисконсульта у кардинала Вайзмена и монаха мальтійскаго ордена. Онъ живъ до сихъ поръ и нерѣдко журналы говорятъ о немъ, по случаю его парламентскихъ рѣчей, особенно въ пользу папы. Къ Бойеру я отправился, чтобы просить аудіенціи у лорда Росселя и изложилъ цѣль этой аудіенціи: искать дипломатическаго вмѣшательства Англіи въ пользу католиковъ Даніи, Швеціи и Норвегіи. Бойеръ написалъ тотчасъ нѣсколько строкъ лорду Росселю по почтѣ, и на другой день прислалъ мнѣ отвѣтъ его, а именно: что лордъ Россель министръ иностранныхъ дѣлъ, готовъ принять меня въ своемъ кабинетѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и будетъ ждать моего визита въ полдень слѣдующаго дня. Это было 16 іюля. Къ означенному сроку я от-

правился вмѣстѣ съ сэромъ Джорджемъ Бойеромъ. Когда мы усѣлись, я передалъ лорду записку, гдѣ стояло въ заглавіи: «О религіозной нетерпимости въ Даніи, Швеціи, Норвегіи и Россіи», и прибавилъ: «что касается до Россіи, милордъ, то это вовсе не относится къ моей должности, но я присоединилъ къ перечню законовъ Скандинавскихъ государствъ противъ свободы совѣсти — подобные же законы въ Россіи, какъ для сравненія, такъ и для вашего свѣдѣнія милордъ».

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ онъ; особенно дѣло Даніи приходитъ кстати. Я уже настаиваю, чтобъ Данія не раздражала Пруссію и Германію. Меня не слушаются. Не хотятъ сдѣлать конституціонныхъ уступокъ. Послѣ раскаются, но будетъ поздно. Вы говорите о притѣсненіяхъ въ Шлезвигъ-Голштейнѣ?

— Именно, милордъ. Это замѣчательно, — полная свобода совѣсти, вѣры, печати въ самой Даніи, а между тѣмъ ни въ Исландіи, ни въ Шлезвигъ-Голштейнѣ этого нѣтъ. Само датское правительство болѣе либерально, чѣмъ народъ. Только со стороны частныхъ лицъ я нашелъ нетерпимость въ Копенгагенѣ и на зависящихъ отъ меня Феройскихъ островахъ по дѣлу католиковъ, но правительство было всегда ко мнѣ либерально. Въ Исландіи же датскіе чиновники притѣсняютъ, не смотря на расположеніе парламента. Исландія въ мою пользу. Даже нѣкоторыхъ его членовъ подкупаютъ надеждою повышеній на службѣ или страхомъ отставки, ибо въ исландскомъ парламентѣ засѣдаютъ чиновники. Но на что болѣе всего жалуются, это на притѣсненія въ Шлезвигъ-Голштейнѣ; тамъ запрещаютъ строить новыя церкви, призывать священниковъ, взыскиваютъ денежный штрафъ за крещеніе и бракъ католиковъ, которые для этой цѣли должны предпринимать значительную по издержкамъ, пространству и времени поѣздку въ Копенгагенъ, гдѣ законы другіе.

(Я уже указалъ выше, изъ какого мутнаго источника приходилось мнѣ почерпнуть всѣ эти свѣдѣнія о состояніи католиковъ въ Эльбскихъ герцогствахъ.)

— Я выговорю датскому посланнику, сказалъ онъ. Ваши слова поддерживаютъ меня въ мысли, что намъ нельзя стоять за Данію; она кругомъ виновата.

Затѣмъ вопросъ перешелъ къ Швеціи и Россіи.

— Объ этомъ, замѣтилъ Россель, я поговорю съ шведскимъ посланникомъ; ему нужно также замѣтить; но въ дѣла Россіи я положительно отказываюсь вмѣшиваться. Она слишкомъ сильна. Она насъ не послушаетъ. Стоило бы черезъ чуръ много жертвъ, какъ показала Крымская война, затѣвать съ нею вражду. Исторія раздѣла Польши показываетъ, что религіозное вмѣшатель-

ство служитъ часто предлогомъ къ завоеваніямъ. Гуманность можетъ быть выиграетъ, если я поговорю съ датскимъ и шведскимъ посланниками, но вмѣшательство въ дѣла Россіи не представляетъ никакихъ шансовъ успѣха.....

Мы еще долго говорили вмѣстѣ, особенно о принципѣ политическаго невмѣшательства, который Кобденъ сдѣлалъ догматомъ послѣ торговаго трактата съ Франціею, заключеннаго съ цѣлью вознаградить ее невмѣшательствомъ Англіи по случаю присоединенія Ниццы и Савоіи.

Объ отношеніи русской дипломаціи къ датскому вопросу можно выразиться въ нѣсколькихъ словахъ. Россія сдѣлала съ своей стороны всѣ уступки, отреклась отъ всѣхъ своихъ историческихъ правъ принять въ этомъ дѣлѣ самое дѣятельное участіе, какого не имѣли другіе кабинеты, и все это съ единственною цѣлью сохранить миръ въ Европѣ и поддержать цѣлость Датской монархіи. Если безкорыстіе Россіи не принесло желательныхъ результатовъ, то въ этомъ не ея вина.

Пруссія въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Даніею дѣйствовала открыто, но въ то же время, какъ мы видѣли, ловко, и потому, естественно, достигла своихъ цѣлей. Но безъ колебаній и ошибокъ французской дипломаціи и совершеннаго легковѣрія австрійской, едва ли она пришла бы къ тѣмъ же результатамъ.

При восшествіи на престолъ Фредерика VII, Пруссія руководилась въ Германіи почти революціонными тенденціями. Либеральная партія требовала Шлезвигъ-Голштейна, и Пруссія уже намѣревалась занять его войсками своими подъ начальствомъ герцога Эрнеста Кобургскаго. Но Пруссія, хотя и шла по теченію общественнаго мнѣнія, однако сначала остановилась, и совершенно во-время: ее остановилъ союзъ Россіи съ Австріею предъ Венгерскою войною и свиданіе монарховъ въ Ольмюцѣ. Шталь, основатель такъ называемой партіи *Крестовой газеты*, которую поддерживалъ король Фридрихъ Вильгельмъ IV, всѣ консерваторы Пруссіи, и теперь даже графъ Бисмаркъ, — Шталь, котораго я зналъ 15 лѣтъ тому назадъ всегда кроткимъ, глубоко преданнымъ Россіи, воодушевился, почти выходилъ изъ терпѣнія, когда вспоминалъ, что Николай Павловичъ предпочелъ союзъ Австріи союзу съ Пруссіею на бѣду всѣмъ. Послѣдствія показали, что Шталь не ошибался. Хотя фактически Пруссія и уступила Россіи и Австріи, выведя войска изъ Голштиніи, но Шталь до конца жизни, не смотря на вражду съ либералами, требовалъ отъ Пруссіи защиты Шлезвигъ-Голштейна противъ вліянія Даніи. Принятіе этого вопроса подъ

покровительство партіи Шталя и Герлаха, генералъ-адъютанта и друга Фридриха Вильгельма IV, имѣло огромное вліяніе на исторію Даніи, Пруссіи, Европы. Подъ ея крыломъ образовался независимый духъ графа Бисмарка, и она же поддерживала его смѣлыя выходки противъ Австріи. Неожиданное приглашеніе Франца-Іосифа ко всѣмъ членамъ германскаго союза, подписанное въ фатальный день Лойолы, праздника іезуитовъ, безъ всякого сношенія съ королемъ прусскимъ, хотя днемъ позже его свиданія съ императоромъ австрійскимъ, оскорбило чувствительно короля прусскаго. Безъ оскорбленія въ день Лойолы едва ли король прусскій согласился бы на подобное предпріятіе. Еще я помню мои бесѣды съ Герлахомъ по вопросу о присоединеніи Исландіи къ Пруссіи, чрезъ покупку острова у Даніи для развитія прусскаго флота, о чемъ я имѣлъ переговоръ и съ первымъ министромъ короля Леопольда (Дедекеромъ, 1858 года), желавшимъ пріобрѣсти колонію для Бельгіи. Герлахъ, какъ и вся его могущественная партія, никогда бы не рѣшился самъ дать поводъ къ нарушенію трактатовъ, а намѣреніе пріобрѣсти покупкою Исландію доказывало, что прусское правительство ищетъ миролюбивыхъ средствъ къ созданію Германскаго флота. Сама Австрія поддерживала Данію во все время правленія Фредерика VII, и легко поддалась стратегическимъ и дипломатическимъ планамъ Бисмарка, который еще за нѣсколько лѣтъ, находясь посланникомъ въ Петербургѣ, явно писалъ министру иностранныхъ дѣлъ Берлина: Delenda Austria, и что нужно воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы унизить Австрію огнемъ и мечемъ: ferro et igne. Австрія не знала сама, что дѣлала, не во-время ссылалась на Германскій союзъ, не во-время поддерживала принца Аугустенбургскаго, не во-время хотѣла поддерживать герцога Ольденбургскаго, весьма не во-время соединилась съ Пруссіею вести войну противъ Даніи, что послужило только поводомъ Наполеону напомнить Австріи, что, поднявъ мечъ противъ Даніи за національность Шлезвигъ-Голштейна, она тѣмъ потеряла права на Венецію.

Намъ остается упомянуть о Швеціи и Норвегіи, которымъ датскій вопросъ, по одному единству племенному этихъ странъ, не могъ быть безразличенъ.

Швеція и Норвегія, находясь подъ властью одного монарха, до того расходятся другъ съ другомъ въ законахъ, симпатіяхъ, стремленіяхъ, что едва ли найдутся другія два государства различной вѣры, національности и правленія, которыя могли бы быть болѣе чужды и почти враждебны. Когда, напримѣръ, университетъ Христіаніи, столицы Норвегіи, замѣчательный своими

учеными членами и либеральнымъ направленіемъ, вызывалъ въ профессоры химіи, знаменитѣйшаго изъ корифеевъ этой науки въ свое время, Берцеліуса изъ Упсалы, вся Норвегія взволновалась, говоря, что это будетъ нарушеніемъ закона, который хотя дозволяетъ всякому иностранцу, но никогда шведу, быть на службѣ Норвегіи. Другой примѣръ покажетъ все различіе народныхъ обычаевъ, въ которыхъ обѣ страны стремятся, даже съ преувеличеніемъ, быть противоположными. Такъ, въ Швеціи на каждой почти станціи находится на столѣ водка, которую чуть не даромъ даютъ проѣзжимъ, чтобы возбудить ихъ аппетитъ и чрезъ то плату за съѣстное; а въ Норвегіи, даже въ крайней нуждѣ запрещается давать путешественникамъ водку, безъ дозволенія лекаря. Въ политическомъ отношеніи норвежцы также ненавидятъ шведовъ какъ и датчанъ, и никакія усилія студентовъ и литераторовъ, мечтающихъ о скандинавскомъ единствѣ, не въ силахъ склонить къ нему норвежскій народъ, живо помнящій свое древнее могущество, свои войны съ Швеціею и угнетенія Даніи. Въ эпоху Крымской войны, во всемъ сѣверѣ Норвегіи были такія же жаркія симпатіи къ Россіи, какъ въ Швеціи противъ нея. Норвегія положительно остановила Швецію отъ дѣятельнаго участія противъ Россіи, къ чему побуждали ее Франція и Римъ, чрезъ вліяніе духовенства при католическихъ королевахъ. Тоже препятствіе представляетъ Норвегія противъ скандинавскаго единства. Центромъ этого единства скандинавоманы предлагаютъ избрать городъ Гётеборгъ (Готенбургъ) за его положеніе между Христіаніею, Стокгольмомъ и Копенгагеномъ, а въ короли наслѣднаго принца датскаго съ условіемъ брака его съ дочерью Карла XV шведскаго. Кстати замѣтимъ, что Норвегія долго протестовала противъ названія Карлъ XV, замѣняя его Карломъ II, ибо если было 14 Карловъ королями Швеціи, то только одинъ (Карлъ XIII) въ Норвегіи. Франція не перестаетъ поддерживать при стокгольмскомъ дворѣ мысль о скандинавскомъ единствѣ въ смыслѣ враждебномъ Россіи. Но теперь далеко то время, когда Карлъ XV, посѣщая короля Фредерика VII, въ Копенгагенѣ раздавалъ сигары датскимъ офицерамъ, что было объяснено въ смыслѣ его намѣреній имѣть для себя партію въ Даніи. Можно сказать, что, во все время Фредерика VII, шведское вліяніе въ Даніи не подвинулось ни на шагъ, и что Фредерикъ VII умѣлъ поддерживать Данію до смерти своей внѣ всякой опасности.

Среди всѣхъ такихъ стремленій европейской политики построить на Даніи планы своихъ дипломатическихъ кампаній, положеніе Фредерика VII было не изъ легкихъ. И при всемъ

томъ Фредерикъ VII представилъ собою блестящій примѣръ въ исторіи безусловной вѣрности законамъ страны, данной имъ конституціи и народной независимости. Виктора Эммануила назвали за подобныя же качества королемъ-galantuomo, Леопольда бельгійскаго мудрымъ правителемъ, но и въ нихъ можно найти нѣкоторую шаткость и уступки давленію партій и сильныхъ сосѣдей. Не разъ пострадали за это не только журналы, но и министерства Италіи и Бельгіи. Въ Даніи ничего подобнаго не было. Фредерикъ VII, еще бывши принцемъ, долго жилъ въ Швейцаріи и полюбилъ обычаи этой страны. Онъ обѣщалъ по восшествіи на престолъ наградить Данію такою же свободою, и никогда ни на минуту, ни на одинъ шагъ не уклонился отъ законовъ и конституціи, чего не могли сдѣлать даже Сѣвероамериканскіе Штаты въ годину тяжелой междоусобной брани. Самая обширная свобода печати, вѣры, ассоціацій развивалась при немъ въ Даніи и не было ни малѣйшаго случая сѣтовать на эту свободу. Фредерикъ VII какъ бы хотѣлъ доказать, что свобода не противорѣчитъ законамъ. Между тѣмъ переходъ отъ Христіана VIII къ Фредерику VII былъ весьма рѣзкій. Прежде одна лютеранская господствующая церковь могла открыто существовать въ Даніи. Вдругъ являются даже въ самомъ Копенгагенѣ мормоны съ своимъ многоженствомъ и іезуиты. Вездѣ имъ позволено публично распространять свое ученіе... И что же? Именно вслѣдствіе этой свободы ни мормоны, ни іезуиты не могли имѣть успѣха въ Даніи, не могли держаться въ ней, и давнымъ давно уже покинули ее безъ всякого шума *). Датская свобода печатанія, перешагнувшая разомъ съ конституціею Фредерика VII изъ неволи въ родѣ римской или австрійской при Меттернихѣ на почву американскую, никому не послужила во вредъ. Фредерикъ VII, всю жизнь свою, какъ Фридрихъ II прусскій только *однажды*, смѣялся надъ пасквилями и каррикатурами противъ него. Самыя сильныя сочиненія противъ лютеранизма и господствующей церкви начали являться въ Даніи. Докторъ Сёрнъ Киркегоръ, глубокій богословъ, издавалъ одну за одною брошюры противъ злоупотребленій господствующей церкви, которыя перепечатывались въ журналахъ и читались вездѣ. Католическія, самыя сильныя опроверженія

*) Справедливость требуетъ замѣтить, что исторія тѣхъ же іезуитовъ всегда смущала собою истинныхъ друзей свободнаго развитія человѣческихъ обществъ. Сколько разъ іезуиты сами являлись ревностными поборниками свободы совѣсти тамъ, гдѣ ихъ не допускали, въ единственной надеждѣ, что съ ними никто не выдержитъ конкурренціи, и напоминали собою волковъ, которые стали бы ходатайствовать о пользѣ держать въ овчарнѣ двери настежь, будто бы для свободнаго притока свѣжаго воздуха. — *Ред.*

противъ лютеранизма, писанныя самимъ мною, которыхъ бы никогда не позволили въ Германіи или Австріи, изъ такъ называемаго уваженія къ признаннымъ вѣроисповѣданіямъ, были печатаны въ типографіи оффиціальной газеты. Что же вышло? Датская церковь только выиграла. Индифферентизмъ замѣнился убѣжденіемъ въ христіанскихъ истинахъ, и вся потеря датской церкви едва ли состояла въ дюжинѣ перешедшихъ въ папизмъ. Въ выборѣ министровъ король буквально сообразовался съ желаніемъ парламента, не обращая вовсе вниманія на личныя предпочтенія. Каждое рѣшеніе копенгагенскаго парламента, какъ бы оно ни было противно ему, Фредерикъ VII принималъ радостно, только бы оно соотвѣтствовало свободѣ. Вотъ, почему онъ не рѣдко жаловался на голштинскихъ бароновъ и духовныхъ, что они не даютъ достаточно свободы народу, но не считалъ справедливымъ принуждать ихъ къ тому въ противность ихъ мѣстной феодальной конституціи. Въ придворной и частной жизни король жилъ въ простотѣ американскаго президента и потому особенно любилъ общество американскаго посланника и привыкъ къ французскому, назначенному еще при республикѣ 1848 года, препятствуя его вызову во Францію, ибо г. Дотезакъ совершенно не былъ похожъ на другихъ французскихъ посланниковъ, маркизовъ, аристократовъ съ претензіями. Бюджетъ короля былъ ничтожный, но это не мѣшало ему поощрять науки, литературы, художества. Спокойная жизнь не препятствовала ему показывать самоотверженіе, и на каждомъ пожарѣ, въ какомъ бы часу ночи онъ ни случился, король первый скакалъ туда верхомъ распоряжаться помощью. Въ Копенгагенѣ, въ государственныхъ дѣлахъ, король былъ, такъ сказать, менѣе замѣтенъ чѣмъ королева Викторія въ Англіи, а между тѣмъ, когда дѣло шло о свободѣ, о конституціи, объ интересахъ и самостоятельности государства, онъ всегда давалъ чувствовать свою волю не отступать отъ конституціи. Ни одна иностранная держава не имѣла на него ни малѣйшаго вліянія. Твердо поддерживалъ онъ свои требованія для уплаты въ государственную казну за уничтоженіе пошлинъ Зунда, хотя, напримѣръ, Сѣвероамериканскіе Штаты долго противились этому. Твердо поддерживалъ онъ конституцію, не смотря ни на какія личныя чувства. Когда парламентъ нашелъ, что безъ позволенія его министръ финансовъ и военный истратили весьма незначительную сумму свыше бюджета, оправдываясь минутною необходимостью войска и надеждою, что парламентъ одобритъ эти незначительныя издержки, король приговорилъ обоихъ министровъ, какъ уголовныхъ государственныхъ преступниковъ, къ лишенію всѣхъ правъ и строжайшему заключенію. Наконецъ,

когда не за долго до смерти короля, Германскій союзъ и Пруссія грозили нераздѣльности Даніи, король, видя, что у нихъ, по примѣру Наполеона, права національности замѣнили права торжественныхъ международныхъ договоровъ, и сознавая, что часть нѣмецкаго населенія въ Шлезвигъ-Голштейнѣ имѣла свои права къ соединенію съ нѣмцами и отдѣленію отъ датской монархіи, тогда какъ въ республиканскомъ правленіи различныя племена могутъ оставаться въ одномъ государствѣ безъ ущерба другъ другу, Фредерикъ VII громко произнесъ, что для сохраненія до смерти своей единства государства въ томъ составѣ, въ какомъ онъ получилъ его, онъ не затруднится отказаться отъ трона и провозгласить конфедеративную республику, какъ въ Швейцаріи, которую онъ привыкъ уважать, находясь въ ней, и гдѣ нѣмцы, французы, итальянцы составляютъ одно государство, желая лучше быть его гражданами, чѣмъ подчиниться Франціи, Германіи, Италіи.

Три партіи управляли датскою внутреннею политикою, будучи различны по своимъ цѣлямъ, и составляя только двѣ, какъ министерства: партія Галля и партія Бликсенъ-Финеке. Ихъ можно сравнить съ вигами и торіями, либералами и консерваторами.

Датскій Риксдагъ, послѣ переходнаго состоянія отъ прежняго правленія, скоро выставилъ впередъ такъ называемую профессорскую, университетскую партію. Даже профессоръ богословія Монрадъ, впослѣдствіи епископъ и первый министръ при нынѣшнемъ королѣ Христіанѣ IX, занялъ мѣсто въ министерствѣ. Въ этой партіи были оттѣнки скандинавизма и либераловъ всѣхъ цвѣтовъ. Она держалась въ теченіе значительнаго времени правленія Фредерика VII и упала только съ нимъ, и до того упала, что бывшій министръ-президентъ Галль, хотя и сблизился съ крайнею партіею либераловъ, но уже потерялъ всякое значеніе. Подобно тому, его преемникъ министръ-президентъ епископъ Монрадъ, по свойственной духовнымъ консервативной склонности, сблизился впослѣдствіи съ консервативною партіею, но также мало успѣлъ и эмигрировалъ въ Австралію; оттуда, потерявъ имущество, чрезъ банкротство своего банкира, онъ переселился въ Новую Зеландію и сдѣлался прикащикомъ у одного купца. Этому факту удивляться нечего тому, кто знаетъ простоту датскаго характера. Христіанъ IX избралъ его предсѣдателемъ совѣта министровъ, чтобъ не впасть совершенно въ руки ультралиберальной партіи или партіи Эйдера, т. е. той, которая поддерживала, во что бы то ни стало границу Эйдера, какъ крайне возможную уступку Германіи, и надѣялась на тѣсный союзъ съ Швеціею и даже Франціею.

Разскажу одинъ небольшой случай, гдѣ мнѣ пришлось лично испытать всю силу той твердости датскаго правительства при Фредерикѣ VII, съ какою оно держалось на конституціонной почвѣ. Живя въ странѣ протестантской, мой бывшій секретарь Карупъ, національный литераторъ, по вѣрѣ однако католикъ, собиралъ по тысячамъ ремесленниковъ, составя изъ нихъ общество съ своимъ журналомъ, своею казною и пр. Его радикальныя лекціи заставили оберъ-полиціймейстера закрыть ихъ, на основаніи какого-то закона, хорошо или дурно имъ понятаго. На другой же день, парламентъ узнавъ объ этомъ, осудилъ полиціймейстера, и собранія ремесленниковъ были открыты съ торжествомъ.

По конституціи Фредерика VII, имя государственной церкви было измѣнено въ имя *народной* церкви, и дана полная свобода всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Фредерикъ VII, котораго мать была католичка и погребена въ Римѣ, бывши еще наслѣднымъ принцемъ, принялъ тамъ тайно католичество, и еще при жизни его копенгагенскіе журналы печатали объ этомъ, не получая ни малѣйшихъ замѣчаній за то, и приводили копію со свидѣтельства о его пріобщеніи св. таинъ въ католическомъ монастырѣ Эйнзидельнъ въ Швейцаріи. Онъ показывалъ одному ксендзу въ Копенгагенѣ образокъ католическій, который носилъ всегда на груди. Но въ тоже время Фредерикъ VII былъ ревностный франмассонъ, что запрещено подъ проклятіемъ римскою церковью. Словомъ, онъ понималъ католичество по своему, какъ различное отъ протестантства только по обрядамъ, и потому никакой католическій священникъ не счёлъ бы его за католика. Еще бывши принцемъ, онъ обѣщалъ, по случаю заклада съ однимъ католическимъ священникомъ, дать свободу католикамъ немедленно по вступленіи на престолъ, что и исполнилъ буквально, въ первомъ своемъ декретѣ о безусловной свободѣ совѣсти для всѣхъ вѣроисповѣданій. Но это не имѣло ни малѣйшаго дурного слѣдствія для господствующей церкви. Между тѣмъ переворотъ былъ ужасный. Данія съ принятіемъ лютеранизма преслѣдовала католиковъ съ ужасною строгостью, три столѣтія, во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, кромѣ острова св. Ѳомы, гдѣ глядѣли на это менѣе строго, по случаю пребыванія тамъ негровъ римской вѣры. Смертная казнь — вотъ наказаніе датскаго уголовнаго права каждому римскому священнику, кромѣ посольскихъ, посѣщавшему датскія владѣнія, наказаніе отмѣненное только 16-го іюля 1846 года въ Норвегіи. Первое слѣдствіе декрета Фредерика VII было введеніе іезуитовъ и мормоновъ. Это разбудило вполнѣ спавшую въ индифферентизмѣ и невѣріи датскую государственную церковь. Явились энергиче-

скіе обличители индифферентизма, невѣрія, іезуитовъ и мормоновъ — и восторжествовали. Іезуиты и мормоны, видя неуспѣшное дѣйствіе на полѣ совѣстливой свободы, удалились. Христіанство начало возрождаться съ такою силою, что самые безутѣшные факты не помѣшали этому возрожденію христіанства внутренняго, основаннаго на убѣжденіи, доказываемаго ревностью къ миссіямъ, къ благочестію, къ защитѣ и поддержанію вѣры наукою. Я былъ постояннымъ свидѣтелемъ того факта, что въ Даніи церковь, столь сильно поддерживаемая прежде одною свѣтскою властію, только усилилась на свободѣ. А было отъ чего отчаяться. Едва дали свободу, въ началѣ церкви до того стали пусты, какъ онѣ наполняются теперь. Тогда же должно было прибѣгнуть къ средству, едва ли бывшему въ исторіи и похожему на то, что еслибъ у насъ сломали Исакіевскій соборъ и продавали его камни съ молотка. А это случилось именно въ Копенгагенѣ. Почти сто лѣтъ какъ красовался тамъ огромный соборъ изъ норвежскаго мрамора. Нерѣдко любовался я имъ. Онъ не былъ достроенъ, хотя возвышался уже какъ нашъ Исакіевскій соборъ. Ни правительство, ни частныя лица не давали денегъ, чтобы окончить зданіе. Городъ рѣшился сломать его и продать камни съ молотка, для кладбищенскихъ памятниковъ, и пр. Такъ и сдѣлали. Другой примѣръ болѣе характеризуетъ тогдашнее минутное, переходное состояніе умовъ. Въ Королевской улицѣ № 63 появилась слѣдующая вывѣска, а за нею и объявленія:

«Карлъ Нёрингъ, продавецъ старой мебели и платьевъ, агентъ для квартиръ, получилъ верховное разрѣшеніе доставлять дешево и скоро слѣдующія таинства (?!?): крещеніе, миропомазаніе, бракъ, разводъ и погребеніе. Для этого онъ имѣетъ на службѣ своей юриста и священника».

Нѣсколько страницъ можно бы было составить изъ анекдотовъ объ этомъ Нёрингѣ, который представлялся и мнѣ, говоря, что онъ теперь духовный человѣкъ. Это былъ большой оригиналъ, веселый, добрый малый, въ бѣломъ галстукѣ, какъ духовные.

Чтожъ вышло изъ всего этого? Скоро забыли его, какъ іезуитовъ и мормоновъ, а народное духовенство исправилось, отвергло преувеличенныя взысканія при священнодѣйствіи, сдѣлалось уважаемымъ.

Въ тоже время явились двѣ партіи въ высшемъ духовенствѣ; одна, подъ управленіемъ доктора Киркегора, требовавшая искорененія злоупотребленій, другая, доведшая датскій пьюзеизмъ Грундвига до симпатіи къ папизму. Все кончилось освѣженіемъ

народной церкви. Свобода никому не повредила, а христіанское чувство и убѣжденіе развились вполнѣ.

Примѣръ Даніи въ этомъ отношеніи болѣе чѣмъ поучителенъ. Нельзя при этомъ не вспомнить словъ Ю. Ѳ. Самарина въ его «Исторіи іезуитовъ въ Россіи»: «Вслѣдствіе разныхъ формальностей, говоритъ онъ, служители православной церкви, въ сравненіи съ тою свободою, которою пользуются католическіе ксендзы на западѣ Россіи, могутъ назваться, по истинѣ, связанными». Можно ли послѣ того удивляться, что связанные во всемъ уступаютъ развязаннымъ, а въ случаѣ столкновенія должны искать опоры внѣ себя, и уже всего менѣе могутъ послужить опорою другимъ. Въ исторіи мы еще встрѣчаемъ примѣры угнетеннаго положенія иновѣрческихъ религій, но найти въ стѣсненіи народную церковь у себя, какъ говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ — весьма трудно!

Ближе всего мнѣ было знакомо въ Даніи при Фредерикѣ VII состояніе ея колоній. Эти колоніи состоятъ изъ острововъ Ферейскихъ, Исландіи, Гренландіи и острова св. Ѳомы въ Вестъ-Индіи. Вездѣ мы видѣли слѣды благодѣяній Фредерика VII, и его необыкновенной терпимости. На островѣ св. Ѳомы, значительно богатомъ, негры получили свободу, католики своего епископа, хотя иностранца. Даже въ копенгагенской тюрьмѣ, гдѣ обыкновенно содержатся преступники изъ негровъ католиковъ, для нихъ на счетъ правительства основана католическая капелла, гдѣ за службу священника, за вино и облаты при богослуженіи платитъ правительство. Негры говорятъ по-англійски; я былъ исповѣдникомъ ихъ, и когда жалъ ихъ руки, нѣмецъ ксендзъ обижался, но смотритель всегда былъ доволенъ этимъ братскимъ обхожденіемъ, которое заставляло негровъ плакать. Въ Гренландіи, гдѣ, до Фредерика VII, дикость эскимосовъ доходила до каннибальства, такъ что одинъ изъ двухъ братьевъ эскимосовъ, ѣхавшихъ по морскому льду въ Лабрадоръ на собакахъ, зарѣзалъ брата, чтобъ кормить собакъ, вдругъ подъ начальствомъ губернатора Ринка образовались школы, семинаріи эскимосовъ, гдѣ они имѣютъ типографію, литографію и уже печатали множество книгъ и географическихъ картъ безъ всякого содѣйствія европейцевъ.

Исландія знаменита ученостью съ среднихъ вѣковъ. Едва узнали исландцы о моемъ прибытіи въ Копенгагенъ, какъ на другой же день ихъ клубъ радушно и даже торжественно принималъ меня. Три столѣтія прошло, какъ Римъ не думалъ болѣе объ Исландіи. На первый разъ я предложилъ регулярное сообщеніе

съ Исландіею, на пароходѣ, что и было исполнено. Предсѣдатель исландскаго парламента самъ посѣтилъ меня, далъ дипломъ на званіе члена датскаго королевскаго общества исландской литературы, и провожалъ меня съ другимъ членомъ парламента, на пароходъ въ Норвегію. Безъ либеральности датскаго правительства все это было бы невозможно. Не смотря на оппозицію пасторовъ и чиновниковъ, я купилъ земли бывшаго епископа и семинаріи всей Исландіи, построилъ тамъ католическую церковь, особенно для рыбаковъ французской Фландріи, являвшихся каждый годъ на ловлю трески, оставилъ двухъ миссіонеровъ, издалъ въ первый разъ особенно самое народное сочиненіе Исландіи, XIV вѣка, обратилъ двухъ ученыхъ ея въ папизмъ и одинъ изъ нихъ былъ принятъ потомъ въ государственную службу Даніи.

На Феройскихъ островахъ, которые весьма мало извѣстны Россіи, хотя имѣютъ городъ въ честь Тора (Торсгавенъ) также древній какъ Новгородъ, составлена епархія мною вполнѣ. Три столѣтія проклинали папу на этихъ островахъ; смертная казнь грозила каждому ксендзу, который бы рѣшился туда явиться, и народъ, дѣйствительно, не видя ни одного католика у себя въ продолженіе столѣтій, недовѣрчиво смотрѣлъ на папизмъ. Я посылаю туда двухъ миссіонеровъ. Народъ возстаетъ на нихъ. Они обязаны жить среди скалъ безъ покрова, почти безъ пищи. Но датскій губернаторъ Далерупъ, братъ австрійскаго адмирала, успокоиваетъ народъ, беретъ миссіонеровъ католическихъ, явно пришедшихъ съ цѣлію обращать протестантовъ въ папизмъ, намекаетъ миссіонерамъ шутя, что столица острововъ нуждается въ перемѣнѣ направленія единственной рѣки, откуда иностранные корабли, не только жители, достаютъ прѣсную воду, но скалы заграждаютъ ея путь, такъ что трудно достичь съ моря до чистой воды, да и улицы города страдаютъ отъ этого какъ отъ наводненія. «Знаете ли, прибавилъ онъ, уже давно лежитъ премія отъ правительства для тѣхъ, которые уничтожатъ эти скалы, дадутъ правильное направленіе рѣкѣ, и тогда, кромѣ преміи имъ принадлежитъ земля и монополія воды для иностранныхъ судовъ.» Одинъ изъ моихъ миссіонеровъ, итальянецъ, докторъ естественныхъ наукъ Туринскаго университета, обрадовался, выписалъ изъ Шотландіи порохъ, взорвалъ скалы, построилъ изъ нихъ и досокъ церковь, которую я пріѣхалъ освящать. Правительство приняло насъ съ почестями, и миссіонеры, дотолѣ гонимые, стали столь популярны, что главный лютеранскій духовный всѣхъ Острововъ, родомъ датчанинъ, болѣе всѣхъ угощалъ и поддер-

живалъ меня, не для меня, а ради христіанской свободы, безъ которой, конечно, католицизмъ нашелъ бы физическія препятствія для себя, но эти препятствія не остались бы безъ вреда и для народной церкви, содѣйствуя въ ней развитію индифферентизма и самодовольствія, усыпляющаго все живое....

Ст. Жуковской.

VII.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ

АВСТРІИ.

Anton Springer, Geschichte Oestereichs seit dem Wiener Frieden, 1809. 2 Bde. Leipzig, 1863—1865.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ *).

I.

Пештъ и Загребъ. — Начало междоусобной войны.

Съ возвращеніемъ императора изъ Инспрука въ Вѣну, въ половинѣ августа 1848 г., прежнее безначаліе не прекратилось, тѣмъ не менѣе однако обстоятельства стали укладываться для правительства болѣе благопріятнымъ образомъ. Правительство было сильнѣе въ провинціяхъ, нежели въ столицѣ, гдѣ ему приходилось считаться и съ сеймомъ, съ которымъ оно подѣлилось законодательною властью, и съ разными революціонными демагогическими элементами, готовыми помѣшать ему въ самыя рѣшительныя минуты. Прага, а съ нею вся Богемія, были основательно усмирены послѣ неудачной вспышки въ день св. Духа;

*) См. выше, 1866, т. I, отд II, стр. 393—468; т. II, отд. II, стр. 287—324.

въ Галиціи польское движеніе было парализовано крестьянами; въ Италіи старикъ Радецкій, отразивъ напоръ войскъ Карла-Альберта, готовился къ наступательному движенію на Миланъ. Одна Венгрія отложилась, уединилась и по имени только признаваля императорскую власть; но въ пестрой смѣси земель и народностей подвластныхъ венгерской коронѣ не было никакого единодушія, напротивъ того, въ ней обнаруживалось сильное броженіе, которое должно было въ скоромъ времени разразиться неумолимою и неудержимою междоусобною войною національностей. Правительству оставалось только повременить и ждать спокойно исхода этой борьбы, въ которой для него исключительно трудились, сами того не подозрѣвая, сербы и хорваты. Изъ всѣхъ дѣятелей южнославянскаго движенія одинъ только человѣкъ не раздѣлялъ ни надеждъ, ни мечтаній своихъ единоплеменниковъ, шелъ не колеблясь къ ясно сознаваемой и весьма опредѣленной цѣли; это былъ новый банъ тріединаго королевства Іеллачичъ. Австрійцамъ лучшаго пособника нельзя было бы и найти, но не правительство его отыскало, отмѣтило; онъ былъ данъ просто случаемъ, его выдвинули впередъ обстоятельства.

Положеніе новаго бана было крайне затруднительно между дворомъ, который его назначилъ, но не могъ поддерживать, венгерскимъ министерствомъ, которое имѣло еще приверженцевъ въ Кроаціи, и хорвато-сербскимъ движеніемъ, весьма радикальнымъ, вовсе не династическимъ, которому органами служили образовавшійся здѣсь, какъ и вездѣ въ другихъ областяхъ, народный комитетъ и газета Гая. Іеллачичъ былъ прежде всего солдатъ, человѣкъ дисциплины, власти, человѣкъ глубоко преданный династіи, но на столько умный, что онъ былъ способенъ дѣйствовать самостоятельно безъ всякихъ инструкцій отъ правительства или даже и помимо инструкцій. Благоразуміе внушало ему опереться на одну изъ существующихъ партій; Іеллачичъ сталъ тотчасъ дѣйствовать за одно съ сильнѣйшею партіею, которой обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ—съ національною иллирійскою, уволилъ отъ земскихъ должностей многихъ мадъяръ, закрылъ мадъярское казино въ Загребѣ, воспретилъ присутственнымъ мѣстамъ получать отъ кого бы ни было приказанія, и предписалъ имъ вступать въ оффиціальныя сношенія съ посторонними властями, не иначе какъ при посредствѣ банской канцеляріи; наконецъ, обнародовалъ 2 мая указъ, остріемъ своимъ направленный прямо противъ мадъяръ и въ особенности противъ партіи Кошута. Этотъ указъ грозилъ скорорѣшительнымъ судомъ (т. е. въ сущности смертною казнью повѣшеніемъ) всякимъ разбойникамъ, поджигателямъ, и бунтовщикамъ, наущающимъ на-

родъ противъ короля и бана, пугающимъ мелкое дворянство обложеніемъ его податьми и внушающимъ крестьянамъ, будто они освобождены мадъярами отъ барщины. Издавая этотъ указъ, Іеллачичъ не разсчиталъ, что онъ задѣваетъ за живое не только партію Кошута, но и самого палатина, и становится чрезъ то нѣкоторымъ образомъ бунтовщикомъ, чѣмъ и воспользовалось венгерское министерство съ замѣчательнымъ искусствомъ. По старанію и ходатайству Батіани, императоръ осудилъ «кроатскій сепаратизмъ», далъ палатину полномочіе наряжать для подавленія его чрезвычайныхъ коммиссаровъ, предписалъ состоящимъ въ Венгріи генераламъ слушаться венгерскаго военнаго министра, а Іеллачичу, какъ бану, исполнять точнымъ образомъ всѣ приказанія венгерскаго министерства. Венгерское министерство потребовало Іеллачича въ Буду для личныхъ объясненій, а когда онъ не явился, назначило своимъ коммиссаромъ старика генерала Грабовскаго съ полномочіемъ отрѣшить Іеллачича отъ должности и предать его суду. Между тѣмъ императоръ бѣжалъ изъ Вѣны и очутился въ Инспрукѣ. Батіани поѣхалъ туда, увѣрилъ дворъ въ преданности мадъяръ, обѣщалъ пособія со стороны венгерскаго сейма на италіанскую войну, но въ тоже время изобразилъ Іеллачича въ видѣ крамольника, вреднаго и для Венгріи и для австрійскаго престола. Императоръ потребовалъ къ себѣ бана, когда же банъ не явился, связанный отношеніями своими къ сейму въ Загребѣ, то подписаны были императоромъ сочиненные мадъярами роковые, повидимому, для Іеллачича манифесты 10 іюня, въ которыхъ южнымъ славянамъ ставилось на видъ, что они «употребили во зло довѣріе и милость монаршую, водворили знамя національнаго фанатизма, и послѣдовали внушеніямъ того, кто, бывъ поставленъ стражемъ законовъ, дерзнулъ посягнуть на цѣлость нашей священной короны.» Манифесты оканчивались отставленіемъ Іеллачича отъ банства и отъ военныхъ должностей впредь до оправданія его передъ государемъ.

Опасность заставила Іеллачича еще тѣснѣе примкнуть къ національной партіи и стать во главѣ ея. Если бы онъ поколебался, то національно-иллирійское движеніе пошло бы все-таки своимъ чередомъ, отъ чего онъ только одинъ остался бы въ убыткѣ. Притомъ слѣдовало, во что бы то ни стало, предупредить сербовъ въ Банатѣ и взять на себя и рискъ и честь почина въ дѣлѣ единенія южныхъ славянъ. Сеймъ загребскій долженъ былъ собраться 19 іюня; Іеллачичъ сократилъ этотъ срокъ, открылъ его 5 іюня и старался сообщить этому сейму по возможности панславянскій характеръ. Изъ Карловца прибыло 70 сербовъ

съ патріархомъ Раячичемъ, нашлись и сербы турецкіе; почетное мѣсто занималъ, какъ предсѣдатель чеховъ, одинъ изъ пражскихъ студентовъ; были и словинцы изъ Штиріи, и Гурбанъ отъ сѣверовенгерскихъ словаковъ. По неимѣнію помѣщенія, первое засѣданіе происходило на площади, службу божественную отправлялъ патріархъ, а Te deum пропѣто римско-католическимъ духовенствомъ на старославянскомъ языкѣ. Всеобщая радость была омрачена положительнымъ отчужденіемъ отъ сейма далматовъ и спорами за первенство между хорватами и сербами. По поводу вопроса: чего просить у императора, раскрылись задушевныя желанія южныхъ славянъ, которыя клонились къ образованію подъ скипетромъ австрійскимъ особаго южнославянскаго государства, простирающагося отъ Трансильваніи до Адріатическаго моря, со включеніемъ сербской войводовины, части Штиріи, Каринтіи, Краины, Истріи, Горицы,—государства, которое бы имѣло своего особаго гоф-канцлера при лицѣ государя и было зависимо отъ вѣнскаго кабинета только въ отношеніи войны, финансовъ и внѣшнихъ сношеній. Понятно, что, при столь широкихъ планахъ будущаго устройства, южные славяне вовсе не были намѣрены служить орудіемъ государственной централизаціи. Засѣдающіе въ сеймѣ солдаты-гренцеры горѣли нетерпѣніемъ войны съ мадъярами; одинъ изъ нихъ сказалъ рѣчь, напоминающую по своей наивности и простотѣ эпическій слогъ античныхъ героевъ: «Мои друзья и сосѣди спросили меня, какъ идутъ дѣла? Я имъ отвѣтилъ: отливайте пули и чистите ружья, стягивайте сумки, точите клинки, дабы быть готовыми, когда позоветъ банъ. Они писали сегодня: пули отлиты, ружья вычищены, сумки стянуты, клинки отточены; куда же зоветъ нашъ банъ?» Болѣе образованные изъ загребскихъ радикаловъ не хотѣли, чтобы дѣло дошло до совершеннаго разрыва восемьсотлѣтней связи съ Венгріею, пока нѣтъ никакой увѣренности въ томъ, согласится ли дворъ австрійскій на требованія южныхъ славянъ. Наряжена была депутація въ Инспрукъ, имѣющая во главѣ патріарха Раячича и Іеллачича. Такъ какъ эта депутація прибыла въ Инспрукъ 16 іюня, въ тотъ самый день, когда появились въ газетахъ манифесты 10 іюня, то понятно, что она не могла поднимать высоко головы. Надо было разувѣрять всѣхъ и каждаго въ панславянскихъ тенденціяхъ южныхъ славянъ, увѣрять въ искренности вѣрноподданническихъ чувствъ, просить о новомъ пересмотрѣ рѣшеннаго дѣла и добиваться, чтобы эрцгерцогъ Іоаннъ взялся посредничать между хорватами и венгерскими министрами. Съ большимъ трудомъ достигнута пріостановка въ исполненіи манифестовъ 10 іюня; пріемъ императора былъ холоденъ и сухъ:

въ глазахъ двора Іеллачичъ не переставъ считаться крамольникомъ. Всего хуже досталось Рэячичу и сербамъ. Въ своемъ отвѣтѣ императоръ не употребилъ даже слова: «сербы», и кассировалъ всѣ карловицкія постановленія «незаконнаго съѣзда какихъ-то подданныхъ австрійскихъ греческаго вѣроисповѣданія, при участіи нѣкоихъ иноземцевъ изъ Сербіи.» Третейское разбирательство спора между венгерскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Эстергази и Іеллачичемъ шло туго, во первыхъ потому, что всеавстрійскій миротворецъ Іоаннъ долженъ былъ поспѣвать и во Франкфуртъ и въ Вѣну, и не имѣлъ времени для хорватовъ и Венгріи; во вторыхъ, Іеллачичъ, связанный постановленіями загребскаго сейма, могъ обѣщать только, что онъ будетъ дѣйствовать извѣстнымъ образомъ на своихъ земляковъ, но не имѣлъ отъ нихъ достаточнаго уполномочія на мировую. Хорватскіе депутаты уѣхали съ пустыми руками изъ Инспрука, получивъ только временную отсрочку спорнаго дѣла; тѣмъ не менѣе Іеллачичъ съ тонкою проницательностью, которая дѣлаетъ честь его государственнымъ способностямъ, успѣлъ воспользоваться пребываніемъ въ Инспрукѣ для образованія связей, если не съ дворомъ, то по крайней мѣрѣ съ военною партіею при дворѣ, которая оказала ему потомъ великія услуги. Вся будущность монархіи висѣла на волоскѣ и обусловливалась успѣхами Радецкаго въ Италіи. Всякая національность имѣла въ лагерѣ Радецкаго свои полки и рада бы была отозвать ихъ назадъ на родину; сильнѣе другихъ настаивали на томъ пештскіе радикалы, возбуждая тѣмъ сильнѣйшее недовѣріе при дворѣ на счетъ обѣщаемой венгерскими министрами поддержки въ италіанской войнѣ. И гренцеры у Радецкаго тяготились войною съ Сардиніею и горѣли желаніемъ вернуться во свояси, но ихъ остановила слѣдующая прокламація бана, подписанная въ Инспрукѣ 20 іюня: «Не давайте отклонять себя отъ обязанности воевать въ Италіи извѣстіями объ опасностяхъ, грозящихъ вашему отечеству. Не огорчайте вашего императора вѣроломствомъ. Вамъ подобаетъ стоять грудью тамъ, гдѣ вы стоите за любимаго государя, за общее отечество. Будьте увѣрены, что мы достаточно сильны въ Кроаціи и Славоніи, и безъ васъ, для защищенія нашего очага и нашихъ правъ». Эта прокламація привлекла все австрійское войско на сторону Іеллачича, и, уѣзжая въ видѣ опальнаго, онъ могъ быть увѣренъ, что оставляетъ за собою друзей недремлющихъ и вѣрныхъ.

Пора было возвратиться бану въ Загребъ. Во время его отсутствія, между сербами въ Банатѣ и венгерскими войсками дошло до открытой партизанской войны, а сеймъ въ Загребѣ

рѣшилъ 21 іюля послать ультиматумъ къ императору съ просьбою о возстановленіи бана въ должности и объ удовлетвореніи всѣхъ просьбъ выраженныхъ въ посланномъ прежде адресѣ, а между тѣмъ нарядить временное правительство съ диктаторскою властью. Іеллачичъ постарался успокоить недовольныхъ, воздержать нетерпѣливыхъ отъ опрометчивыхъ дѣйствій, и поставилъ себя такимъ образомъ, что ему поручено вести дальнѣйшіе переговоры по международному спору съ мадъярами. Онъ, не колеблясь, принялъ въ руководство самую радикальную изъ инструкцій для этихъ переговоровъ, сочиненную Мазураничемъ и клонящуюся подъ именемъ единства монархіи къ превращенію ея въ слабосвязанную федерацію земель и народовъ. Довѣріе, внушаемое баномъ, было столь велико, что сеймъ уполномочилъ его дѣйствовать единолично, и не приставилъ ему даже совѣта, который бы дѣлилъ съ нимъ отвѣтственность и надзиралъ за его дѣйствіями. Получивъ это полномочіе, Іеллачичъ тотчасъ же закрылъ сеймъ, отстрочивъ засѣданія на неопредѣленное время; послѣ чего, развязавъ себѣ такимъ образомъ руки, онъ прибылъ 27 іюля въ Вѣну на третейское разбирательство венгерско-хорватскаго спора. Наканунѣ этого дня, по тому же дѣлу прибыли палатинъ и Батіани. Пріемъ обѣихъ сторонъ нисколько не походилъ на отношенія къ нимъ двора въ Инспрукѣ. И дворъ относился подозрительно къ венгерскимъ министрамъ, и вѣнское населеніе было въ сердцахъ на мадъяръ за ихъ презрительные отзывы о вѣнской революціи; напротивъ того, Іеллачичъ понравился многимъ либераламъ увѣреніями въ томъ, что онъ не дипломатъ, что у него одна только политика чувства, въ томъ, что у него австрійское сердце, и что онъ рыцарски преданъ престолу. Офицеры австрійскаго гарнизона устроили въ честь бана овацію и услышали отъ него слѣдующія слова: «Я не врагъ венгерскаго народа, но противникъ людей, которые изъ корыстныхъ или сепаратистическихъ видовъ хотѣли бы оторвать Венгрію отъ Австріи и ослабить Австрію.» При такихъ условіяхъ переговоры должны были кончиться ничѣмъ. Какъ ни далекъ былъ Батіани отъ политики Кошута, какъ ни былъ онъ умѣренъ, но и онъ былъ мадъяръ до мозга костей, привыкшій съ дѣтства пренебрегать хорватами, судить о нихъ не безпристрастно; онъ не могъ вынести хладнокровно того, чтобы «служащій на жалованьи пролетарій» бралъ на себя роль представителя австрійской монархіи и домогался, какъ будто бы по праву, разрушенія венгерской конституціи и почти разчлененія короны св. Стефана. Отъ неуспѣшности переговоровъ выиграли, одни только хорваты. Отношенія между Вѣною и Пештомъ становились все болѣе и

болѣе натянутыми, и близилась минута, когда Іеллачичъ могъ поднять оружіе противъ венгровъ, не какъ глава иллирійской націи, но какъ императорскій коммиссаръ и главнокомандующій войсками по приказанію своего монарха. Слѣдующія обстоятельства сдѣлали неизбѣжнымъ окончательный разрывъ между Венгріею и габсбургскимъ престоломъ.

Эрцгерцогъ палатинъ, снабженный отъ императора обширнѣйшими полномочіями заступать его во всѣхъ отношеніяхъ, санкціонировать законы, созывать и распускать сеймы, командовать войсками, открылъ 5 іюля засѣданія венгерскаго сейма въ Пештѣ, заступая мѣсто «больного» короля. Все было ново въ этомъ собраніи, имена, формы и содержаніе. Оно не называлось болѣе *«Собраніемъ края»:* Orszag gyülés, но *«Народнымъ собраніемъ»:* Nemzetgyülés, и дѣлилось не на столы магнатовъ и состояній, а на двѣ палаты: верхнюю и нижнюю (Felzö-ház и Alsó-ház). Верхняя палата въ загонѣ и пренебреженіи тянулась сзади за нижнею, являлась для общихъ засѣданій въ мѣсто собранія нижней палаты—редутовый залъ, и влачила едва терпимое существованіе. Одинъ изъ членовъ ея Бэёти (Beöthy) предложилъ ей закрыться самой, такъ какъ она несовмѣстна съ духомъ времени при наличности настоящаго выборнаго представительства. Она не закрылась, но видимо пустѣла; одинъ за другимъ оставляли ее и удалялись изъ Пешта магнаты, чувствуя, что присутствіе ихъ лишнее, такъ что подъ-конецъ она состояла изъ однихъ новоназначенныхъ обергеспановъ. Въ нижней палатѣ, всѣ 377 членовъ имѣли одинаковые голоса безъ различія состояній, правъ и привилегій, тѣмъ не менѣе дворянскій элементъ господствовалъ здѣсь почти исключительно; города прислали весьма мало депутатовъ изъ своего сословія, а крестьянъ обрѣталось не болѣе двухъ въ составѣ сейма. Огромное большинство депутатовъ принадлежало къ рядамъ той умѣренной либеральной оппозиціи, которой дѣломъ собственно и были всѣ проведенныя въ послѣднее время реформы. Консерваторы почти совсѣмъ исчезли, за то на лѣвой сторонѣ появилась небольшая группа (около 40 человѣкъ) ультрарадикаловъ, смотрѣвшихъ на Венгрію, какъ на одинъ изъ членовъ всеевропейской демократіи и какъ на одного изъ дѣятелей всеевропейской революціи; главные вожди этой фракціи были братья Мадараши, Ніари, Морисъ Перчель. Большинство лицъ, занимавшихъ скамью министровъ, настроено было консервативно. Батіани, Деакъ, Этвешъ не хотѣли ставить судьбы Венгріи на карту, считали, что революція завершена и остерегались всякихъ связей и всякого соприкосновенія съ европейскою демократіею. Одинъ только членъ министерства чувствовалъ

себя въ неловкомъ положеніи, въ средѣ своихъ товарищей не находилъ себѣ между ними мѣста, соотвѣтствующаго своимъ обширнымъ замысламъ и силамъ, искалъ точекъ опоры внѣ кабинета, даже внѣ сейма, и мощный, страстный, одинокій, увлекалъ всѣхъ съ собою въ неизвѣстное — это былъ новый министръ финансовъ Людвигъ Кошутъ. На своемъ министерскомъ постѣ, Кошутъ остался вполнѣ вѣренъ своему прошедшему. Тѣ же идеи, которыя руководили имъ при основаніи *Vedegyleť a*, заставили его совершить отложеніе Венгріи отъ Австріи въ финансовомъ отношеніи и создать особый венгерскій кредитъ. При всеобщемъ недостаткѣ звонкой монеты для размѣна, австрійскій національный банкъ выпустилъ множество мелкихъ бумажныхъ денегъ въ 1 и 2 гульдена, и предложилъ венгерскому министерству ссудить ему 12½ м. гульденовъ въ такихъ мелкихъ банкоцеттеляхъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы министерство признало за банкомъ исключительное право пускать въ обращеніе бумажныя деньги. Кошутъ отклонилъ предложеніе и выпустилъ 12½ м. въ бумажкахъ венгерскихъ. Съ тѣхъ поръ австрійское правительство и въ финансовомъ отношеніи было заинтересовано въ паденіи венгерской конституціи. Наканунѣ открытія сейма, венгерскій агитаторъ привелъ въ исполненіе странную и при другихъ обстоятельствахъ неосуществимую мысль — соединить министерскую дѣятельность съ редакторскою, и открылъ 3 іюля свою собственную «Кошутову газету» (Kossuth Hirlapja), въ которой онъ говорилъ съ публикою запросто, несвязанный условіями своего оффиціальнаго положенія, и о себѣ и о своихъ финансовыхъ планахъ и о своей министерской дѣятельности: «Когда отъ меня требовали денегъ на защиту отечества и нашей народной чести, я всегда говорилъ: впередъ! Для спасенія отечества есть деньги, будутъ деньги. Народъ насъ не оставитъ. Если бы небо насъ оставило, то деньги добудемъ мы изъ самой преисподней.» 11 іюля, Кошутъ открылъ сейму свои планы на счетъ мѣръ для спасенія отечества и далъ генеральное сраженіе противникамъ, которыхъ онъ имѣлъ въ кабинетѣ, сеймѣ и цѣломъ народѣ мадъярскомъ. Измученный лихорадкою, утомленный, блѣдный, онъ произнесъ дрожащимъ отъ нервнаго раздраженія голосомъ двухчасовую рѣчь, въ которой изобразилъ яркими красками опасность положенія, панславянскій заговоръ, интриги камариллы, пособничество вѣнскаго, зависящаго отъ аулы, кабинета бунтовщику Іеллачичу, которому съ венгерской стороны можно только отвѣчать петлею скорорѣшительнаго суда. «Мнѣ сдается, говорилъ ораторъ, какъ будто бы Богъ вручилъ мнѣ трубу суда, воскрешающаго мертвыхъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ

изъ нихъ, которые грѣшны и слабы, заснули опять, но тѣ, которые имѣютъ жизненную силу, пробудились на всю вѣчность.... Народъ венгерскій переживаетъ теперь роковую, рѣшительную минуту.... Богъ далъ мнѣ дожить до этой минуты, венгерецъ воодушевленъ, и я не отчаяваюсь нынѣ въ будущности націи. Тотъ только народъ будетъ живъ, который можетъ существовать самъ своею силою, а не помощью другихъ». Задыхаясь отъ внутренняго волненія, Кошутъ поставилъ слѣдующее предложеніе: «благоволитъ сеймъ уполномочить министерство возвысить численный составъ венгерской арміи до 200,000 чел. и разрѣшить на покрытіе издержекъ, или сдѣлать заемъ или выпустить бумажныхъ денегъ на 42 м. гульденовъ». Мертвое молчаніе господствовало въ палатѣ; когда ораторъ послѣ этого предложенія опустился изнеможенный на свою скамью, оно смѣнилось тотчасъ потрясающимъ взрывомъ энтузіазма. Членъ крайней лѣвой Ніари далъ примѣръ, которому послѣдовало все собраніе до единаго человѣка; вскочивъ съ своего мѣста и приподнявъ руку къ небу, какъ для произнесенія присяги, онъ вскричалъ: «Мы даемъ все» (megadjuk)! Побѣда Кошута была полная, блистательная; до его рѣчи, большинство представителей пожимало плечами при одной мысли о столь громадныхъ требованіяхъ рекрутъ и денегъ; послѣ рѣчи никто не сомнѣвался и въ цѣлесообразности и въ совершенной удобоисполнимости правительственнаго предложенія, и по всему народу всеобщее вооруженіе стало дѣломъ рѣшеннымъ, противу котораго никто не дерзалъ возражать.

Успѣхъ былъ великъ, но имѣлъ и свою оборотную сторону; онъ удвоилъ трудность положенія министерства, разширилъ пропасть между Кошутомъ и товарищами, между Пештомъ и Вѣною, и далъ великую силу въ руки сеймовой оппозиціи, крайней лѣвой сторонѣ. Эта крайняя лѣвая напомнила вскорѣ Кошуту, по поводу италіанскаго вопроса, что его ораторскія побѣды могутъ покупаться иногда на счетъ его репутаціи какъ министра. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. За всю свою уступчивость въ отношеніи къ Венгріи, императоръ и дворъ требовали настойчиво одной только жертвы: отправки венгерскихъ войскъ въ Италію на помощь Радецкому, и Кошутъ, какъ министръ, взялся доказывать необходимость этой мѣры и защищалъ ее очевидно слабо, непослѣдовательно, обнаруживая всю шаткость политики безъ твердыхъ принциповъ; потомъ, когда замѣтилъ, что лѣвая сторона бьетъ его собственнымъ его же оружіемъ и доказываетъ несомнѣнную тожественность дѣла Италіи и дѣла Венгріи, Кошутъ поставилъ товарищей своихъ въ самое неловкое положеніе, заявивъ произвольно, что венгерское правительство

въ томъ только случаѣ обязуется помогать Австріи въ италіанской войнѣ, если Австрія согласится перенести свою границу на Эчь и дать Венеціи конституцію; потомъ, когда товарищи напали на него за это компрометирующее ихъ заявленіе, Кошутъ долженъ былъ взять назадъ свои слова и объявить, что они сказаны имъ какъ частнымъ человѣкомъ, а не какъ министромъ, и выражаютъ только его личное мнѣніе. Результатъ голосованія показалъ, до какой степени напрасны были колебанія Кошута; большинство палаты, заранѣе и напередъ убѣжденное въ необходимости дать Австріи требуемую помощь, 233 голосами противъ 36 рѣшило: «Помогать императору къ достиженію мира, который бы соотвѣтствовалъ и достоинству народа и справедливымъ желаніямъ италіанской націи.»—Этотъ адресъ не поправилъ дѣла, не наладилъ попорченныя отношенія между императоромъ и венгерскимъ кабинетомъ; достаточно было одного присутствія Кошута въ кабинетѣ, чтобы подорвать къ этому кабинету всякое довѣріе со стороны правительства. Надобно сказать притомъ, что слова и дѣйствія Кошута были такого рода, что они вполнѣ оправдывали эту подозрительность. Кошутъ шелъ скорѣе рука-объ-руку съ лѣвою стороною, нежели съ большинствомъ; его газета проводила мысль о томъ, что нѣмецкія земли Австріи должны отойти къ германскому государству, а остальныя прилѣпиться къ венгерской коронѣ. По поводу высылки во Франкфуртъ двухъ депутатовъ отъ сейма, Кошутъ выразился за одно съ лѣвою стороною, что Вѣна должна тянуть къ Франкфурту, и что, въ случаѣ войны Австріи съ объединенною Германіею, Австрія не должна разсчитывать на помощь Венгріи. Когда зашла рѣчь объ новонабираемой венгерской арміи и о томъ, распредѣлять ли рекруть по имѣющимся кадрамъ или дать имъ совершенно новую національно-мадьярскую организацію, военный министръ Мессарошъ отстаивалъ первый способъ, а лѣвая сторона послѣдній. Кошутъ явился посредникомъ между обѣими сторонами, сказалъ, что въ принципѣ онъ согласенъ съ лѣвою стороною, но что обстоятельства требуютъ осторожнаго образа дѣйствій; по его предложенію рѣшено, что три баталіона каждаго венгерскаго полка будутъ укомплектованы и останутся на старомъ положеніи, четвертому же баталіону даны будутъ національный видъ, команда и костюмъ. Въ своей финансовой политикѣ Кошутъ былъ рѣзокъ, неуживчивъ; когда національный австрійскій банкъ, имѣющій привилегію на исключительный выпускъ бумажныхъ денегъ, воспретилъ обращеніе венгерскихъ бумажекъ по ту сторону Лейты, Кошутъ воспретилъ въ видѣ репрессаліи пріемъ кредитныхъ билетовъ австрійскаго банка во

всѣхъ венгерскихъ казначействахъ и вывозъ изъ Венгріи звонкой монеты. Тучи собирались въ воздухѣ и буря должна была разразиться съ той минуты, какъ только австрійское правительство стало бы нѣсколько свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Эта благопріятная для него минута наступила въ началѣ осени 1848 года.

Дворъ въ Инспрукѣ смотрѣлъ на все происходившее въ Пештѣ, какъ на продолженіе революціи, но онъ ничего не могъ сдѣлать, пока императоръ оффиціально считался больнымъ, пока вмѣсто него управляли два намѣстника, одинъ въ Вѣнѣ, другой въ Пештѣ, и пока судьбы монархіи разыгрывались на поляхъ Ломбардіи. Но въ іюлѣ мѣсяцѣ Радецкій окончательно разбилъ Карла-Альберта и сардинцевъ, отбросилъ ихъ за По и вошелъ тріумфаторомъ 6 августа въ Миланъ. Неисчислимы были послѣдствія этихъ побѣдъ, и воздѣйствіе ихъ на настроеніе общественное въ Австріи. Въ сборной дружинѣ Радецкаго мадъярскій гусарь дрался бокъ-о-бокъ съ гренцеромъ, хорватомъ; тирольскій егерь подавалъ руку польскому улану и пѣхотинцу чеху; надъ ними развѣвалось черножелтое знамя, а вкупѣ ихъ держало строгое военное чиноначаліе. Блистательный успѣхъ оружія породилъ мысль, что, подобно тому какъ сѣдого полководца поднимали на щитъ разноязычные солдаты (въ такомъ видѣ изображенъ онъ на памятникѣ, который воздвинутъ недавно въ честь его въ Вѣнѣ), такъ и австрійскаго императора должны держать на своихъ плечахъ разноплеменные народы, внимая командѣ, подчиняясь строгой дисциплинѣ, и что спасеніе государства заключается въ одной только самодержавной централизаціи, налагающей молчаніе на всякіе національные сепаратизмы. Съ возвращеніемъ императора въ Вѣну (12 августа), дворъ вздохнулъ свободнѣе, и вѣнскій кабинетъ сталъ несравненно рѣшительнѣе въ отношеніи къ венгерцамъ. Отъ палатина взято назадъ (22 августа) то полномочіе, которое дѣлало его полновластнымъ alter-ego австрійскаго монарха; не смотря на всѣ усилія пріѣхавшихъ въ Вѣну Батіани и Деака, отказано было венгерцамъ въ утвержденіи императоромъ двухъ законовъ: о займѣ въ 42 м. гульд. и о новомъ образованіи войска. Въ отношеніи къ бану правительство преисполнено было вниманія и щадило его всячески. 31 августа, въ рескриптѣ къ палатину императоръ указалъ на опасность для имперіи отъ политическаго направленія Венгріи со времени послѣдняго *Пресбургскаго* сейма, и о необходимости упрочить прагматическую санкцію; причемъ онъ сдѣлалъ венгерскому кабинету предложеніе глубоко оскорбительное для министровъ, продолжавшихъ

считать Іеллачича бунтовщикомъ; венгерскіе министры приглашены для совѣщаній съ австрійскими въ Вѣну, куда будетъ вызванъ для соглашенія съ венгерцами и банъ кроатскій, возстановленный во всѣ свои званія и должности. Начиная съ августа, ходили слухи о какой-то меморіи, приготовляемой вѣнскими министрами по венгерскому вопросу; она явилась въ концѣ августа одновременно съ рескриптомъ къ палатину. Разоблачая въ ней свой взглядъ на этотъ вопросъ и программу своей политики, вѣнскій кабинетъ бросалъ ее сознательно венгерцамъ въ лицо, въ видѣ боевой перчатки. Содержаніе меморіи было слѣдующее.

Она изображала въ идиллическихъ картинахъ золотое время благодушныхъ и счастливыхъ прежнихъ отношеній Венгріи и Австріи, нашедшихъ свое политическое выраженіе въ прагматической санкціи 1723 г., которая соединила воедино indivisibiliter ac inseparabiliter всѣ члены монархіи. Меморія доказывала рядомъ подобранныхъ фактовъ, что австрійскіе монархи соблюдали свято и ненарушимо условія тѣснаго союза; съ другой стороны, она развертывала длинный перечень обвиненій противъ венгерскихъ министровъ. Въ числѣ этихъ обвиненій первое мѣсто занимали финансовыя мѣры Кошута, но не были позабыты и такія дѣйствія, которыя чинились съ вѣдома и согласія вѣнскаго кабинета или эрцгерцога Іоанна, напримѣръ, отправка уполномоченныхъ венгерскихъ на сеймъ во Франфуртъ. Затѣмъ, переходя къ заключеніямъ, меморія утверждала, что всѣ такъ называемыя конституціонныя пріобрѣтенія венгерцевъ, начиная съ мая, несовмѣстны съ прагматическою санкціею 1723 г., несогласны съ благомъ монархіи и не обязательны потому, что утвержденіе ихъ переходило за предѣлы власти монарха. До 15 марта, императоръ могъ бы утвердить ихъ не иначе какъ по соглашенію съ земскими чинами всѣхъ другихъ областей; послѣ 15 марта, они подлежали утвержденію и короля и имперскаго сейма, съ которымъ императоръ подѣлился, начиная съ 15 марта, законодательною властью. Натяжки въ этихъ выводахъ были очевидны. Прагматическая санкція — это простой актъ о порядкѣ престолонаслѣдія, устанавливающій нераздѣльное подчиненіе земель по ту и другую сторону Лейты одной династіи и одному лицу, но не вводящій никакихъ новыхъ юридическихъ отношеній между различными владѣніями и вотчинами габсбургскаго дома. Меморія винила венгерцевъ въ революціонномъ духѣ и новшествѣ, но обходила молчаніемъ причины, вызвавшія венгерскій сепаратизмъ, и вопросъ о томъ, кто въ этомъ сепаратизмѣ виноватъ. Всѣ попытки сближенія со стороны венгерцевъ были отталкиваемы въ теченіе многихъ десятилѣтій изъ боязни, чтобы

нѣмецко-славянскія земли не заразились конституціоннымъ вольнодумствомъ; съ другой стороны, не было пропускаемо ни одного случая перенести въ Венгрію всѣ методы и пріемы абсолютизма, господствующаго въ нѣмецко-славянскихъ земляхъ. Эти условія заставили по необходимости венгровъ уединяться; уединеніе оказывалось вреднымъ для Австріи, но его возростило само правительство, и упразднить его не были въ силахъ какія бы то ни было юридическія наведенія. Меморія винила венгерцевъ въ революціонерствѣ, но сама она предлагала такую новость, такой радикальный переворотъ въ духѣ абсолютизма, разрывающій всякую связь съ прошедшимъ, такое подведеніе Венгріи подъ одинъ общій для всей монархіи знаменатель, на которое ни одинъ изъ крайнихъ консерваторовъ между венгерцами, ни одинъ изъ самыхъ ревностныхъ правительственныхъ приверженцевъ, не могъ бы согласиться. Одно въ выводахъ меморіи было вѣрно, очевидно и несомнѣнно: «Что существованіе единой Австрійской имперіи несовмѣстно съ особностью венгерскаго королевства.» Изъ этого предложенія слѣдовала роковая необходимость столкновенія между правомъ формальнымъ, историческимъ и требованіями единства государства, между бунтомъ съ одной и правительственнымъ coup d'état, съ другой стороны. Ни одна изъ готовящихся на бой партій не спѣшила начать битву. Сеймъ венгерскій постановилъ сдѣлать послѣднюю попытку примиренія. Громадная депутація изо ста членовъ сейма, имѣя во главѣ предсѣдателя нижней палаты Дениса Пазманди, отправилась въ Вѣну просить императора-короля, чтобы онъ отозвалъ изъ Италіи всѣ венгерскіе полки, укротилъ бунтующагося бана, приказалъ возвратить занятые хорватами Фіуме и славонскіе комитаты, и переѣхалъ изъ Вѣны въ Буду-Пештъ. Адресъ заканчивался фразою, которую пришлось смягчить при подачѣ адреса императору, но которая въ первоначальной своей редакціи звучала подобно угрозѣ: «отказъ короля поколеблетъ довѣріе націи и заставитъ ее вступить на путь не ею избранный, но по которому она должна будетъ пойти по чувству самосохраненія.» Императоръ принялъ депутацію въ Шенбруннѣ холодно и сухо, упомянулъ о намѣреніи соблюсти свою коронаціонную присягу, отклонилъ приглашеніе поѣздки въ Буду-Пештъ по болѣзни, объ остальномъ отзывался уклончиво и неопредѣленно. Важнѣе и знаменательнѣе этого отвѣта былъ, помѣщенный въ загребскихъ газетахъ, которыя получены того числа въ Вѣнѣ, рескриптъ императора, данный Іеллачичу, возвращающій ему за его вѣрность, преданность династіи и интересамъ державы, всѣ его прежнія достоинства и должности. Подъ впечатлѣніемъ этого посланія, Ба-

тіани сложилъ съ себя званіе венгерскаго премье-министра, вся почетная дворянская венгерская гвардія подала въ отставку, и многіе изъ членовъ депутаціи, возвращаясь на пароходѣ въ Пештъ, украсили свои шляпы красными перьями, символомъ единенія и братства съ вѣнскими революціонерами демократами. 11 сентября, Пазманди сообщилъ въ секретномъ засѣданіи нижней палаты объ отставкѣ Эстергази и Батіани и о намѣреніи палатина взять въ свои руки бразды управленія. Министры сошли съ своихъ мѣстъ, за исключеніемъ Деака и Семере, изъ которыхъ первый заявилъ сомнѣніе на счетъ законности резолюціи палатина, а второй объявилъ, что онъ желаетъ остаться, пока ему не будетъ пріисканъ преемникъ, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ опасается, что, съ выходомъ министровъ, преемники ихъ не будутъ никогда назначены. Слова Семере подѣйствовали на Кошута, который вернулся опять на оставленный министерскій постъ и сказалъ: «Я сажусь опять на скамьѣ министровъ и желалъ бы знать, кто меня прогонитъ съ этого мѣста? Я беру на себя болѣе не болѣть. Приказываю статсъ-секретарямъ сѣсть возлѣ меня.» Оглушающія рукоплесканія встрѣтили это взятіе на себя диктатуры Кошутомъ; онъ воспользовался немедленно одобреніемъ палаты для предложенія ей слѣдующихъ мѣръ, которыя были приняты и получили силу закона: выпуска бумажныхъ денегъ, образованія народнаго ополченія (honved) и назначенія жалованія и содержанія ополченцамъ одною третью выше того, какое получаемо было регулярнымъ войскомъ. Палатинъ испугался, узнавъ о происшедшемъ въ нижней палатѣ, и убѣдилъ Батіани образовать новый кабинетъ, не заключающій въ своей средѣ ни Кошута, ни Семере; этому кабинету Кошутъ уступилъ тотчасъ мѣсто и обѣщалъ свою поддержку. Изъ прежнихъ министровъ вошли сюда только Этвешъ и Мессарошъ. Сечени не вынесъ томительнаго положенія и находился съ начала сентября въ домѣ сумасшедшихъ. Остальные портфели разобраны людьми умѣренно-либеральными: Гичи, Сент-Кирали, Эрдеди, Кемени. Безнадежно трудна и непріятна была задача этого кабинета; условій, на которыхъ онъ взялся управлять, не утвердили въ Вѣнѣ; одновременно съ его образованіемъ пришла въ Пештъ вѣсть о томъ, что банъ Іеллачичъ открылъ военныя дѣйствія, и, переправившись чрезъ Драву, вступилъ 11 сентября на коренную венгерскую территорію. На это дѣйствіе никто его не уполномочивалъ; самъ же онъ выражался такимъ образомъ относительно приказаній свыше: «Я получилъ отъ императора, съ тѣхъ поръ какъ я баномъ, 21 рескриптъ, которыхъ я слушался. Императоръ можетъ мнѣ прислать еще 21 рескриптъ, которыхъ

я уже не послушаюсь, если они будутъ отводить меня отъ цѣли. Я долженъ дѣйствовать для императора, хотя бы даже и противъ его воли.» Іеллачичъ былъ въ такомъ положеніи, что если бы самыя положительныя приказанія обязывали его не двигаться, то и тогда онъ долженъ бы былъ ихъ нарушить. Его пестрыя полчища, доходящія числомъ до 40,000 чел. и вооруженныя чѣмъ ни попало, старыми кремневыми ружьями, даже косами и пиками, нуждались въ одеждѣ, въ деньгахъ, удерживаемы были съ трудомъ въ повиновеніи при самыхъ строгихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ; при дальнѣйшемъ бездѣйствіи, они бы непремѣнно разбрелись. Онъ двинулъ ихъ впередъ, лѣвымъ крыломъ опираясь на озеро Платенъ, правымъ на Фюнфкирхенъ, и на первыхъ порахъ не встрѣтилъ почти никакого сопротивленія. Онъ разсчитывалъ на скорое занятіе столицы, а офицеры его арміи приказывали адресовать къ нимъ письма въ Пештъ.

При такихъ условіяхъ, никакой кабинетъ, какъ бы тонко онъ ни дѣйствовалъ, не могъ имѣть никакой силы. Настоящимъ правителемъ и распорядителемъ являлся Кошутъ: онъ писалъ воззванія къ народу, руководилъ сеймомъ, билъ набатъ въ своей газетѣ и дѣлалъ частыя поѣздки изъ Пешта въ провинцію въ костюмѣ ополченца, съ саблею въ рукахъ, воспламеняя народъ и зовя всѣхъ на великую народную войну. Не смотря на сопротивленіе Батіани, сеймъ приставилъ къ нему въ помощь совѣтъ изъ 6 человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ Кошутъ; этотъ совѣтъ и послужилъ зародышемъ *Комитета защиты страны*, революціоннаго венгерскаго правительства, именемъ котораго Кошутъ правилъ потомъ съ неограниченною властью. Отъ палатина сеймъ потребовалъ, чтобы онъ принялъ лично команду надъ войскомъ; кромѣ того, ему дано было и полномочіе заключить миръ на условіяхъ непротивныхъ чести націи и цѣлости венгерской короны. Палатинъ сдѣлалъ послѣднюю попытку къ примиренію, и предложилъ Іеллачичу свиданіе на пароходѣ среди озера Платена близъ Сетеша, гдѣ имѣлъ тогда Іеллачичъ свою квартиру. Въ день условленный для свиданія, 21 сентября, разыграна была Іеллачичемъ слѣдующая заранѣе подготовленная сцена. Банъ обратился къ офицерамъ и спросилъ: «Офицеры императорской арміи, долженъ ли я покинуть берегъ?» — Всѣ закричали въ одинъ голосъ: нѣтъ, нѣтъ! и банъ остался, уступая, повидимому, насилію людей опасающихся, что сила паровъ можетъ оказаться дѣйствительнѣе, нежели честное слово эрцгерцога Стефана. Палатинъ увидѣлъ, что миръ немыслимъ, а драться ему ни за что не хотѣлось; тайкомъ бѣжалъ онъ изъ лагеря въ Буду, тайкомъ и переодѣтый пробрался онъ, 24 сентября, въ

Вѣну, сложилъ съ себя свое званіе въ руки императора и удалился частнымъ человѣкомъ въ Германію, сопровождаемый именемъ народнаго предателя, которое такъ легко дается всякому, поскользнувшемуся въ минуты великихъ народныхъ волненій. Отставка палатина заставила вѣнскій дворъ высказаться рѣшительнѣе, стать прямо и непосредственно на одной или другой сторонѣ въ спорѣ національностей. Judex curiae, графъ Георгъ Майлатъ, назначенъ временно исправляющимъ должность палатина, барону Ваю поручено составить новый кабинетъ вмѣсто Батіани, но, что всего важнѣе, генералъ графъ Лансбергъ опредѣленъ въ званіи императорскаго коммиссара главнокомандующимъ всѣми войсками въ Венгріи, какъ хорватскими, такъ и венгерскими. Назначеніе графа Лансберга, человѣка гуманнаго, друга Батіани, венгерца по рожденію и потому чуждаго всякихъ славянскихъ фантазій, обозначало, что дворъ не рѣшается сжечь свои корабли и не прочь отъ мира; оно было встрѣчено роптомъ со стороны друзей бана; въ томъ же смыслѣ понялъ его и Батіани, который, получивъ извѣстіе о немъ, поспѣшилъ тотчасъ на встрѣчу Лансберга, причемъ они разъѣхались: Батіани не засталъ Лансберга въ лагерѣ венгерскомъ, а Лансбергъ прибылъ между тѣмъ, 27 сентября, въ Пештъ въ самый разгаръ народныхъ страстей, когда разъяренная чернь ходила толпами по улицамъ, прислушивалась вѣстямъ съ театра войны, вездѣ доискивалась измѣны, озиралась на пушки на окопахъ Буды и поджидала съ минуты на минуту начала бомбардированія. Несчастный графъ остановился въ Будѣ, съѣздилъ въ Пештъ искать Батіани или Майлата съ тѣмъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ скрѣпилъ патентъ императорскій о возведеніи его въ званіе коммиссара, не нашедши ихъ, возвращался, когда на пловучемъ мосту чрезъ Дунай напала на него толпа людей вооруженныхъ косами, кистенями, топорами и умертвила его на мѣстѣ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. На другой день, 29 сентября, произошла первая серьезная стычка между войсками бана и венгерцами; венгерцы одержали верхъ, и банъ, изъ опасенія недостатка въ припасахъ среди непріятельской страны, удалился столь поспѣшно со своими полчищами за Драву, что пожертвовалъ при этомъ случаѣ своимъ правымъ крыломъ (10 т. чел. подъ командою генераловъ Рота и Филиповича), которое взято было въ плѣнъ венгерцами. На третій день, 30 сентября, случилось событіе на первый взглядъ мелкое, но произведшее громадное впечатлѣніе: на одномъ изъ острововъ Дуная ниже Пешта — Чепелѣ, по приговору скорорѣшительнаго военнаго суда, повѣшенъ по подозрѣнію въ измѣнѣ одинъ изъ первѣйшихъ ма-

гнатовъ Венгріи, администраторъ фегерскаго комитата, графъ Евгеній Зичи, который пробирался на юговостокъ, какъ будто бы по направленію къ Іеллачичу, слылъ отъявленнымъ реакціонеромъ, имѣлъ при себѣ паспортъ отъ Іеллачича и въ чемоданѣ пачку съ послѣдними манифестами императора, направленными противъ венгерцевъ. Молодой (30 лѣтъ) предсѣдатель этого суда, взявшій на свою совѣсть смерть Зичи, былъ маіоръ гонведовъ Артуръ *Гергей* (Görgei), вскорѣ отличенный Кошутомъ и произведенный въ полковники и генералы. Великій страхъ поразилъ аристократію, въ рядахъ которой Австрія считала еще своихъ приверженцевъ; съ этой минуты начался революціонный терроризмъ.

Батіани поѣхалъ въ Вѣну удерживать по мѣрѣ возможности вѣнскихъ министровъ отъ мѣръ слишкомъ крутыхъ и смягчать впечатлѣніе произведенное убіеніемъ Ламберга, но всѣ старанія его оказались напрасными. Общественное мнѣніе было сильно возбуждено противъ мадьяръ, и сознавалась всѣми безотлагательная необходимость потушить венгерскую революцію въ самомъ ея началѣ, пока она не вполнѣ развилась, пока она не укрѣпилась. Такъ какъ назначенный премье-министромъ баронъ Вай находился въ Трансильваніи, медлить же до прибытія его не оказывалось возможнымъ, то пріискано въ Вѣнѣ подставное лицо, которое согласилось взять на свои плечи это тяжелое и незавидное званіе. Предсѣдателемъ венгерскаго кабинета назначенъ нѣкто Речей (Récsey), отставной инвалидъ, бывшій капитанъ гвардіи, который и скрѣпилъ императорскій манифестъ 3 октября, направленный непосредственно противъ Кошута и его приверженцевъ. Этимъ манифестомъ сеймъ венгерскій распускался, постановленія его отмѣнялись, вся Венгрія поставлена на военное положеніе, и бану передана была команда надъ всѣми войсками, находящимися въ Венгріи, на правахъ императорскаго намѣстника.

Жребій былъ такимъ образомъ брошенъ, но прежде нежели этотъ жребій рѣшилъ участь короны св. Стефана, а слѣдовательно и Австрійской монархіи,—революціонные элементы, скопившіеся въ Вѣнѣ и обжившіеся тамъ съ марта мѣсяца, произвели еще одну и послѣднюю октябрскую вспышку, которая заставила императора вторично бѣжать изъ столицы и подвергла величайшей опасности будущность имперіи; но она можетъ быть вмѣстѣ разсматриваема и какъ переломъ въ ходѣ развитія революціи. Съ взбунтовавшеюся Вѣною императорское правительство справилось своими собственными средствами, венгерцевъ оно одолѣло съ помощью русскаго оружія; одновременно оно избавилось и

отъ парламентствующихъ корпорацій, положивъ конецъ всякому собиранію сеймовъ. Если богатые событіями восемь мѣсяцевъ, съ марта по октябрь 1848 г., могутъ быть названы исторіею австрійской революціи, то все затѣмъ послѣдовавшее послѣ октября 1848 г. принадлежитъ къ исторіи реакціи и возврата къ абсолютизму, похожему на прежній во внѣшнихъ формахъ, но совершенно отличному по содержанію.

II.

Октябрьскій переворотъ.

Цѣлые полвѣка подготовлялась въ Австріи революція 1848 г.; семи мѣсяцевъ, съ марта по октябрь, было достаточно для того, чтобы революція могла произойти, совершить то, что слѣдовало сдѣлать, то-есть разрушить старый порядокъ вещей, отцвѣсти и опротивѣть всякому сколько нибудь честному и добропорядочному человѣку. Поэзія движенія прошла, разсѣялась подобно туману; возвышенные идеалы: свобода, братство народовъ, оказались или пустыми мечтами воображенія, превратившимися въ избитыя фразы и прельщающими только болтуновъ и фантастовъ, или просто ловушками въ рукахъ у ловкихъ проходимцовъ. Тѣ изъ умѣренныхъ либераловъ, которые были дальновиднѣе, умнѣе и разборчивѣе на счетъ средствъ, поспѣшили уйти со сцены, предоставляя полную свободу дѣйствій крайнимъ радикаламъ и студентамъ. Потеря, которую понесла чрезъ то партія движенія, была значительна не въ количественномъ, а въ качественномъ отношеніи; численный перевѣсъ былъ все-таки еще на сторонѣ революціонеровъ, которые утвердились въ Вѣнѣ и пустили глубокіе корни на этой рыхлой почвѣ, представляющей самыя благопріятныя условія для успѣшнаго ихъ дѣйствія: правительство слабое, колеблющееся и непослѣдовательное, студенты произведенные въ герои, мелкое мѣщанство, водимое за носъ звучными фразами, рабочій пролетаріатъ, кочующій на мостовой и предлагающій охотно вождямъ уличнаго движенія свои жилистыя руки. Съ мая по августъ, революціонное движеніе какъ будто бы притихло, вслѣдствіе того, что общественное вниманіе обращено было преимущественно на засѣданія сейма въ манежѣ, что министерство дѣйствовало уклончиво, мягко, ласкало комитетъ безопасности и взяло къ себѣ студентовъ въ ординарцы; наконецъ, что заболѣлъ самый дѣятельный и умный изъ коноводовъ движенія учитель Таузенау. Тѣмъ не менѣе продол-

жались непрерывно подземныя работы, состоящія въ основаніи многочисленныхъ клубовъ, обществъ и ассоціацій. Въ срединѣ августа (19), министерство пріободрилось и предприняло энергическую мѣру: оно понизило на 5 крейцеровъ задѣльную плату тѣмъ полчищамъ рабочихъ, которые отъ нечего дѣлать занимаемы были, по примѣру парижскихъ своихъ собратьевъ, безполезными земляными сооруженіями на Пратерѣ и въ Бригиттенау. Рабочіе приняли сначала эту мѣру безъ всякого ропота, пока друзья-демократы не научили ихъ, что не слѣдуетъ поддаваться. Четыре дня продолжалось возмущеніе рабочихъ; оно было усмирено вооруженною силою и принесло плоды, которыхъ никто не ожидалъ. Между тѣмъ какъ мелкое мѣщанство стояло за правительство и противъ рабочихъ, студентская аула объявила себя нейтральною въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ навлекла на себя подозрѣніе въ анархическихъ стремленіяхъ; напротивъ того, демократическое общество и комитетъ безопасности обѣщали рабочимъ положительно свою поддержку. По усмиреніи мятежа, комитетъ вздумалъ озадачить правительство тѣмъ, что погрозилъ ему своею отставкою и закрытіемъ, въ полной увѣренности, что правительство не посмѣетъ допустить это закрытіе. Велико было удивленіе, когда министерство изъявило свою готовность взять непосредственно въ свое вѣдѣніе всѣ органы столичной полиціи со включеніемъ національной гвардіи и увѣрило членовъ комитета въ изысканныхъ выраженіяхъ, что они унесутъ съ собою въ частную жизнь сознаніе честно исполненнаго долга. По невозможности взять назадъ свое предложеніе, комитетъ долженъ былъ приступить къ экзекуціи надъ самимъ собою и отпраздновать торжественно свои похороны въ тайной надеждѣ, что въ послѣднюю минуту поднимется на поддержаніе его народонаселеніе столицы. Члены комитета удостоились того, что ихъ увѣнчали цвѣтами дамы-радикалки, и что университетскій священникъ Фюстеръ, заискивающій у революціонеровъ, почтилъ ихъ шумною рѣчью; но общественное мнѣніе склонилось, повидимому, на сторону министерства, образовалось нѣсколько консервативныхъ обществъ, сеймъ видимо отвернулся отъ демократической партіи, и рукоплескалъ рѣчамъ министра юстиціи Баха, когда сей послѣдній доказывалъ необходимость энергическаго противодѣйствія анархическимъ и республиканскимъ проискамъ различныхъ ассоціацій.

Вскорѣ потомъ сеймъ имперскій уронилъ себя въ общественномъ мнѣніи столицы и отшатнулся отъ министерства по роковому для Австріи вопросу о языкахъ. Вопросъ этотъ подымался и прежде, когда русины заявляли, что они не понимаютъ по-нѣмецки, и потребовали переводчиковъ; но пока дѣло ограничивалось

заявленіями русиновъ или словаковъ, на него, казалось, можно было не обращать вниманія, потому что, будь пренія ведены даже на славянскомъ нарѣчіи, они все же были бы еще недоступны по содержанію крестьянамъ изъ Галиціи или Буковины, будь они переведены и напечатаны, ихъ бы не поняли опять депутаты не знающіе грамотѣ, притомъ по недостатку выработанной терминологіи юридической и политической, даже на такомъ языкѣ, какъ напримѣръ чешскій, надлежало бы предварительно нарядить коммиссію изъ филологовъ для созданія подобной терминологіи. Но въ началѣ сентября составъ сейма усилился новоприбывшими далматскими депутатами, чистыми италіанцами, которыхъ природному языку нельзя было никакъ отказать въ столь же высокой, если не въ большей культурѣ, какую имѣлъ нѣмецкій, и которые съ трудомъ отказались отъ притязанія говорить рѣчи на италіанскомъ языкѣ, за то поставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ пренія были печатаемы съ италіанскимъ переводомъ, и чтобы имъ позволено было дѣлать предложенія и запросы, обращаясь къ сейму посредствомъ ими же самими избранныхъ довѣренныхъ переводчиковъ. Вслѣдъ за далматами пошли и другія народности, молчавшія до сихъ поръ на счетъ правъ своихъ, и предложено, чтобы по требованію не менѣе десяти депутатовъ каждый вопросъ, предлагаемый сейму на рѣшеніе, провозглашаемъ былъ на польскомъ, русинскомъ, чешскомъ и румынскомъ языкахъ. Пустому болтуну Боррошу предоставлено было лѣвою стороною отстаивать исключительное господство въ парламентѣ нѣмецкаго языка. Боррошъ не озаботился унять страсти, но еще болѣе раздражилъ ихъ, заявляя педантскимъ тономъ школьнаго учителя, что только и есть одинъ приличный парламентскій языкъ нѣмецкій, всѣ же остальные годятся только для домашняго употребленія и обихода. Правая сторона подняла тотчасъ перчатку брошенную въ нее Боррошемъ, причемъ пылкій Ригеръ произнесъ нѣсколько словъ неудобозабываемыхъ, хотя и не встрѣтившихъ въ то время отпора: «Мы, славяне, составляемъ главную силу Австріи, она держится нашими деньгами, нашею кровью, она просуществуетъ до тѣхъ только поръ, пока мы захотимъ, но мы желаемъ, чтобы она существовала.» Какъ ни рѣзки были чешскія угрозы, никто изъ нѣмцевъ не смѣлъ послѣ того возражать, боясь послѣдствій борьбы въ собраніи, очевидно составленномъ преимущественно изъ ненѣмецкихъ элементовъ. Просьба далматовъ принята 244 голосами противъ 16; вслѣдъ за нею прошло и другое предложеніе о провозглашеніи всякого подлежащаго голосованію вопроса на разныхъ языкахъ. Нельзя сказать, чтобы это рѣшеніе оказало

какое либо ощутительное вліяніе на ходъ работъ сейма, которыя вообще туго подвигались впередъ по разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, но раздающаяся при каждомъ голосованіи многоязычность не могла не охлаждать краснорѣчія, напоминая ораторамъ, что значительная часть собранія состоитъ изъ людей похожихъ на глухонѣмыхъ. Министерство, имѣвшее до того времени намѣреніе пригласить въ кабинетъ нѣсколькихъ вліятельныхъ членовъ правой стороны, отказалось отъ этой мысли; нѣмецкая демократія Вѣны поняла, что ей не зачѣмъ разсчитывать на сеймъ, а члены лѣвой стороны въ сеймѣ и коноводы клубовъ нашлись вынужденными прибѣгнуть къ уличной агитаціи для возстановленія опять органа городского управленія, который демократія имѣла въ комитетѣ безопасности, столь не вовремя закрывшемся. Эти стремленія лѣвой стороны сообщили политическую окраску суматохѣ, приключившейся 12 сентября и не имѣвшей первоначально ничего общаго съ политикою.

Отъ переворота, волновавшаго Вѣну съ марта, страдали не только рабочіе, но и мелкіе промышленники, потерявшіе покупщиковъ, обязанные службою въ національной гвардіи и втянувшіеся во всевозможныя народныя собранія, которыя отвлекали ихъ отъ работы. Многіе издержались до послѣдней копѣйки; заложили движимости и дошли до крайней нищеты. Чѣмъ сильнѣе ихъ давила нужда, тѣмъ притязательнѣе становились они къ правительству и тѣмъ были податливѣе внушеніямъ разныхъ аферистовъ, разсчитывающихъ на легковѣріе толпы. Одинъ изъ такихъ спекулянтовъ, настройщикъ *Свобода*, основалъ общество «взаимнаго кредита для неимущихъ ремесленниковъ» и сталъ пускать акціи ничѣмъ не обезпеченныя, которыя, не смотря на то, расходились въ громадномъ количествѣ, до тѣхъ поръ пока не обнаружилось, что нѣтъ никакихъ фондовъ для обмѣна этихъ бумагъ на монету. Тогда тысячи, обманутыхъ такимъ образомъ, ремесленниковъ стали просить, чтобы императоръ заплатилъ имъ за ихъ акціи, то-есть вступилъ въ компанію съ настройщикомъ. Толпы ихъ осаждали министерство внутреннихъ дѣлъ и не давали покоя Доббльгофу, крича: «Народный министръ долженъ помогать народу; вѣнскіе граждане не допустятъ, чтобы ихъ оставили въ дуракахъ». Эти нашествія скопомъ происходили 11 и 12 сентября; въ послѣднее число народъ ворвался въ канцелярію, поломалъ столы и стулья и заставилъ бѣжать чиновниковъ и самого министра. Можетъ быть, тѣмъ бы все и кончилось, еслибы ночью, съ 12 на 13, коноводы демократическихъ общинъ и клубовъ не рѣшили воспользоваться волненіемъ, внушить народу мысль требовать возстановленія комитета безопасности и низвергнуть

при этомъ случаѣ трехъ самыхъ ненавистныхъ министровъ: Латура, Шварцера и Баха, изъ которыхъ первый былъ особенно противенъ демократамъ, какъ представитель войска, а послѣдній раздражилъ ихъ до послѣдней степени тѣмъ, что, добравшись чрезъ нихъ до министерства, оттолкнулъ ногою лѣстницу, по которой взошелъ, и совѣтовалъ самыя крутыя мѣры въ отношеніи къ бывшимъ своимъ сподвижникамъ. 13 марта, аула наполнилась при большомъ стеченіи народа; сочинили наскоро прошеніе за громаднымъ числомъ подписей о возстановленіи комитета безопасности. Министръ Латуръ объявилъ сейму, собиравшемуся прекратить засѣданіе, что скопище въ аулѣ предполагаетъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, низвергнуть министерство и разогнать сеймующихъ. Минутой тревоги, которую причинило это извѣстіе, воспользовался членъ лѣвой стороны Лёнеръ и сдѣлалъ предложеніе, которое принято тотчасъ и единогласно: объявить засѣданіе сейма непрерывнымъ. Непрерывность засѣданія могла имѣть смыслъ тогда только, когда бы собраніе соединило ее съ рѣшимостью вмѣшаться въ происходящее и взять въ свои руки исполнительную власть. Такъ ее поняли Лёнеръ и другіе депутаты, но они испортили свое дѣло поспѣшностью, съ какою обнаружили свои намѣренія и цѣли, которыхъ большинство не раздѣляло и которыхъ оно испугалось: «Министерство обязано доводить до свѣдѣнія сейма ежеминутно обо всемъ происходящемъ; оно не должно предпринимать никакихъ мѣръ безъ согласія сейма». Въ виду подобныхъ требованій, сеймъ, постановившій страха-ради непрерывность, сталъ раскаяваться въ излишней поспѣшности, сталъ пятиться назадъ, избѣгая дальнѣйшихъ увлеченій. Предсѣдательствующій въ засѣданіи Штробахъ, входя въ идеи сейма, съигралъ превосходно роль медлителя, не допускающаго состояться никакому рѣшенію, но дающаго наговориться досыта всякому, кому взбрело на умъ какое бы то ни было предложеніе, хотя бы самое неумѣстное. Сеймъ прислушивался ко всякому уличному шуму, ко всякой «уткѣ» и небылицѣ, посылая ежеминутно освѣдомляться, точно ли студенты провозглашаютъ республику, точно ли строятся баррикады, точно ли крестьяне изъ окрестностей идутъ на выручку горожанъ и студентовъ, точно ли войско выступаетъ съ пушками противъ университета. Между тѣмъ народное движеніе пріостановилось само собою, не встрѣтивъ достаточной поддержки ни въ народѣ, озиравшемся на штыки и заряженныя ружья солдатъ, ни въ національной гвардіи. Поздно вечеромъ небольшое число храбрецовъ, взявъ себѣ въ предводители Фюстера, двинулось въ военное министерство, гдѣ собрались-было министры, и намѣрено

было требовать возстановленія комитета безопасности, но войско разогнало ихъ тотчасъ безъ всякого труда и кровопролитія. Въ 11 часовъ улицы опустѣли, войско разошлось по казармамъ, и сеймъ прекратилъ засѣданіе. Событія этого дня научили вѣнскихъ демократовъ, что они не могутъ разсчитывать безусловно даже на содѣйствіе со стороны столичной черни, и что они не далеко уйдутъ впередъ, если будутъ опираться на одни мѣстные интересы, что имъ надо и дружнѣе сплотиться и искать друзей и союзниковъ внѣ городской черты въ германскихъ радикалахъ, въ венгерскомъ движеніи. Таузенау успѣлъ образовать центральный комитетъ всѣхъ радикальныхъ клубовъ, настоящее подземное правительство изъ какихъ нибудь 8 или 10 человѣкъ. Въ тоже самое время завязывались сношенія вѣнской демократіи съ національною мадьярскою партіею и дѣломъ венгерской революціи, — которыя усложнились, окрѣпли и превратились потомъ въ настоящій оборонительный и наступательный союзъ. Отставной министръ, но de facto полновластный диктаторъ, Кошутъ протянулъ первый руку вѣнскимъ радикаламъ и сдѣлалъ въ засѣданіи венгерскаго сейма 18 сентября слѣдующее предложеніе: «Отправимте пословъ въ Вѣну, но не къ предательскому двору, а къ народу. Скажемте народу, что мы готовы всѣ наши распри съ ними, если таковыя окажутся, окончить полюбовно, что мы постоимъ за него въ минуту опасности, но что мы также разсчитываемъ на его помощь въ борьбѣ съ абсолютизмомъ». Двѣнадцать членовъ сейма, въ томъ числѣ Деакъ, Этвешъ, Семере, взялись поѣхать въ Вѣну и сдѣлать попытку соглашенія и полюбовнаго разрѣшенія спорныхъ пунктовъ съ сеймомъ имперскимъ. Трудно рѣшить, вѣрили ли они въ возможность успѣха своего предпріятія, но несомнѣнно, что они поставили сеймъ имперскій въ самое непріятное, фальшивое и критическое положеніе. Вопросъ состоялъ въ томъ, принять ли или не принять венгерскую депутацію. Имперскій сеймъ очутился въ клещахъ слѣдующей дилеммы: или подружиться съ кровными національными врагами значительной части славянскихъ племенъ, представляемыхъ на сеймѣ, и содѣйствовать вмѣстѣ съ ними разчлененію государства, котораго существованіе признаваемо было необходимымъ съ точки зрѣнія общеславянскихъ интересовъ, или помочь этому государству разрушить венгерскую конституцію и подписать такимъ образомъ свой собственный смертный приговоръ, такъ какъ нельзя было и предполагать, чтобы правительство, разъ ступивъ на этотъ путь, пощадило и въ невенгерскихъ земляхъ парламентскія формы правленія и пріобрѣтенія мартовскія и іюньскія. Формально вопросъ рѣшался отвазомъ, на основаніи сеймоваго

устава, воспрещающаго пріемъ депутацій; но споръ не могъ происходить подъ маскою формальнаго права: и друзья и враги мадьяръ гнушались подобнымъ лицемѣріемъ. Онъ разыгрался въ засѣданіи 19 сентября, одномъ изъ самыхъ бурныхъ, къ которому мадьярскіе депутаты прислушивались изъ ложи дипломатическаго корпуса, куда они были допущены.

Бой открытъ былъ требованіемъ лѣвой стороны, обойти уставъ и допустить депутатовъ, и рѣчью Борроша, преисполненною шумныхъ фразъ и риторическихъ фигуръ: «Духъ вѣка стучится въ дверь этого зданія, но сеймовый уставъ не пускаетъ его; можетъ ли этотъ уставъ тиранить насъ законодателей? можемъ ли мы совѣщаться о конституціи, когда кругомъ грозитъ междоусобная война. Я точно также предложилъ бы пріемъ депутаціи, еслибы у дверей стояли не мадьяры, а хорваты или валахи. Геній Венгріи, геній мира и цивилизаціи просится къ намъ; я требую того, что внушаетъ право гостепріимства и чувство чести: дружелюбнаго пріема этого посольства». Обратную роль противиться пріему взяли на себя чехи; въ каждомъ ихъ словѣ звучала глубокая ненависть къ мадьярамъ. «Зачѣмъ явились сюда посланники? говорилъ Ригеръ, затѣмъ ли, чтобы предложить образованіе общаго сейма, или чтобъ взять на себя часть государственнаго долга, или чтобы увѣрить насъ въ томъ, что они дадутъ національную равноправность не-мадьярскимъ племенамъ Венгріи? Нѣтъ, они пребываютъ въ своемъ сепаратизмѣ и требуютъ отъ насъ поддержки противъ нашихъ друзей и единоплеменниковъ...» Страсть увлекла оратора даже за предѣлы приличія, и общее шиканіе поднялось при его словахъ: «Должны ли мы принять депутатовъ, чтобы любоваться богатыми костюмами и окладистыми бородами рыцарственныхъ мадьяръ?» Отъ чеховъ нельзя было и ожидать, чтобы они отказались отъ своей политики, отъ проповѣдуемаго много лѣтъ крестоваго похода противъ мадьяръ и отъ вѣры въ возможность немедленно ославянить имперію. Многое совершалось не такъ какъ бы имъ хотѣлось, министры сказывались далеко не сочувствующими панславянскимъ стремленіямъ; и въ Іеллачичѣ чехи стали разувѣряться, потому что Іеллачичъ глядѣлъ скорѣе австрійскимъ генераломъ, нежели кроатскимъ баномъ; однако они продолжали идти впередъ, не оглядываясь, по избранному пути. Самый даровитый изъ членовъ лѣвой стороны, Лёнеръ, сдѣлалъ сильное нападеніе на ихъ совѣсть и старался показнить ихъ за отступничество отъ либеральныхъ началъ и раскрыть то, что могло скрываться за оболочкою ихъ національнаго ожесточенія. Его рѣчь потрясла до глубины души противниковъ, и врѣза-

лась въ память зловѣщими предсказаніями, которыя оправдались потомъ на дѣлѣ, но не одолѣли сопротивленія упорствующихъ. — «Ладно, славяне; вы говорите, что монархія держится до тѣхъ поръ, пока вы этого хотите; покажите же теперь, что у васъ лежитъ по истинѣ на душѣ поддержать ее. Посмотрите кругомъ; большинство здѣсь ваше. Мадьяре просятъ васъ, мы полагаемся на ваше безпристрастіе; отъ васъ мы ожидаемъ большей справедливости нежели отъ извивающейся по змѣиному придворной политики. Если вы рѣшаете въ настоящую минуту перейти къ очереднымъ занятіямъ, отказываясь выслушать венгерцевъ, что̀ сдѣлаете вы, когда придутъ къ вамъ италіанцы и скажутъ: мы не хотимъ разбираться съ вашими генералами и гоф-коммиссарами, мы желаемъ по соглашенію съ вами устроить наши отношенія къ вамъ. Когда Венгрія падетъ, тогда рука демократа напрасно будетъ пытаться остановить оружіе, занесенное солдатомъ; тогда засѣдающимъ здѣсь народностямъ придется убираться со стыдомъ изъ этого собранія и краснѣть, когда объ нихъ будутъ говорить: «они допустили умереть одного изъ своихъ собратьевъ, да и сами подверглись вскорѣ потомъ порабощенію». Поздно вечеромъ поднялось сказать свое слово министерство, которое до того времени держало себя пассивно. Министръ иностранныхъ дѣлъ Вессенбергъ заявилъ сухо и коротко о миролюбивыхъ намѣреніяхъ и посреднической роли министерства въ отношеніи къ венгерцамъ. Потомъ Бахъ прочелъ меморію правительства, комментировалъ ее, не оспаривалъ у сейма права входить въ разборъ венгерскаго вопроса, намекалъ на то, что правительство не было бы противно по принципу допущенію въ засѣданіе депутаціи, если бы можно было ожидать отъ присутствія ея какихъ бы то ни было практическихъ результатовъ, и билъ главнымъ образомъ на то, что депутаты не имѣютъ никакихъ полномочій отъ пештскаго министерства и не могутъ служить представителями его мыслей и намѣреній. Еслибы сеймъ склонился въ пользу мадьяръ, то министерство по всей вѣроятности подало бы въ отставку, но теперь оно могло, выражаясь мягко, стоя въ сторонѣ, и являя изъ себя видъ миротворца, вкушать плоды пожатые чужими руками. При голосованіи, большинствомъ 78 голосовъ (186 противъ 108) рѣшено отказать въ пріемѣ мадьярамъ, предоставивъ имъ вручить письменно предсѣдателю свои сообщенія. Министры и ихъ приверженцы не скрывали своего торжества; горою тяготѣло на нихъ до сихъ поръ опасеніе того, что оба сейма вѣнскій и пештскій сойдутся и станутъ дѣйствовать за одно. Теперь оно исчезло. Депутація, отвергнутая сеймомъ, нашла за

то самый теплый, самый восторженный пріемъ у вѣнской публики. Того же 19 октября, устроено громадное шествіе съ факелами въ гостинницу «Франкфуртъ», гдѣ квартировали пріѣзжіе мадьяре; нескончаемыми криками привѣтствуема была рѣчь стараго слѣпого Вешелени, и энтузіазмъ народный дошелъ до апогея, когда Таузенау, проклиная «гіеноподобное министерство» и его «шашни» и грозя «жалкому сейму», обѣщалъ мадьярамъ помощь вѣнскаго народа. Это обѣщаніе не было впрочемъ пустою фразою; съ тѣхъ поръ запала глубоко въ вѣнскую демократію мысль отстоять венгерцевъ, и одинъ только венгерскій вопросъ поглощалъ всецѣло ея вниманіе. Событія шли быстро къ развязкѣ, когда послѣ бѣгства палатина, убіенія Лансберга и отступленія Іеллачича за Драву, военный министръ Латуръ распорядился отправленіемъ въ подмогу ему всѣхъ войскъ, какія только были у него подъ рукою, въ томъ числѣ и тѣхъ полковъ, которые стояли гарнизономъ въ столицѣ; отправка этихъ войскъ послужила сигналомъ къ октябрьской революціи.

Засидѣвшимся и обжившимся въ Вѣнѣ солдатамъ сильно не хотѣлось идти на войну. Правительство было вынуждено конвоировать сильнымъ кавалерійскимъ эскортомъ италіанскій гренадерскій баталіонъ на желѣзную дорогу 5 октября. На слѣдующій день пришлось отправлять тѣмъ же порядкомъ гренадерскій баталіонъ Рихтера, дѣтей городского пролетаріата, кость отъ костей вѣнской черни, избалованныхъ, распущенныхъ, издавна подстрекаемыхъ къ бунту клубистами и находящихся съ ними въ непрерывномъ общеніи. Особыя депутаціи отъ разныхъ демократическихъ обществъ осаждали военнаго министра, прося отмѣнить приказъ. Латуръ остался непреклоненъ, но не предпринялъ никакихъ мѣръ къ изолированію отправляемыхъ войскъ и занятію вооруженною силою станціи желѣзной дороги. Солдаты шли на станцію перемѣшанные съ публикою и національною гвардіею изъ предмѣстьевъ; на станціи до ихъ прибытія студенты-легіонисты и рабочіе сняли рельсы и испортили мосты. Командующій войсками генералъ Бреды приказалъ разогнать толпу и возстановить сообщеніе, но онъ палъ въ схваткѣ съ бунтовщиками. Въ то самое время, когда кровь лилась у моста Таборъ за Пратеромъ, на сѣверной оконечности города, и въ центрѣ Вѣны обнаружилось волненіе; барабаннымъ боемъ созываема была національная гвардія во внутреннемъ городѣ, гдѣ она состояла изъ зажиточнѣйшихъ классовъ для охраненія порядка, и въ предмѣстіяхъ, гдѣ она была радикальнѣе настроена, для подачи помощи возмущенію. Сеймъ не былъ въ сборѣ и занимался по отдѣленіямъ предварительною подготовкою законодательныхъ во-

просовъ. Лѣвая сторона пристала къ предсѣдателю Штробаху съ требованіемъ открыть экстренное засѣданіе, но Штробахъ, проученный событіями 13 сентября, отказалъ. По всей вѣроятности, если бы сеймъ собрался, если бы и министры очутились въ его средѣ, то не было бы сценъ гнуснаго убійства, которыя запятнали этотъ день, но столь же вѣроятно, что сеймъ заставилъ бы министровъ пойти на уступки, чрезъ что уроненъ бы былъ еще болѣе авторитетъ правительства съ отсрочкою кризиса на весьма непродолжительное время. Такъ какъ министры собрались для совѣщаній въ зданіе военнаго министерства, то туда же направились многіе члены сейма, вслѣдствіе чего въ ту самую минуту, когда нужно было употребить самыя сильныя мѣры противъ мятежа, кабинетъ превратился въ пріемную комнату, гдѣ набралось множество лицъ и шли разнообразные переговоры безъ всякого порядка. Пиллерсдорфъ распрашивалъ министровъ о причинахъ безпокойства, Лёнеръ домогался перемѣны политики, Фишгофъ диктовалъ прокламаціи, чехи совѣтовали укрощать мятежъ. Противурѣчащіе одинъ другому приказы приводили въ окончательное смущеніе солдатъ; гудѣли колокола, ударяемые въ набатъ; раздавались выстрѣлы изъ пушекъ, которыя чернь отняла у національной гвардіи; по улицамъ бродили вооруженныя толпы весьма подозрительнаго свойства, влача за собою длинные хвосты сующейся всюду въ подобныхъ случаяхъ публики. У толпы не было опредѣленнаго плана дѣйствій, но мишенью для ея ударовъ послужило одно имя, самое не популярное въ эту минуту, потому что въ теченіе послѣднихъ недѣль его ставили всѣ газеты у позорнаго столба: имя военнаго министра Латура. Густыя массы стали осаждать императорскій замокъ, стараясь проникнуть въ зданіе военнаго министерства. Замѣтивъ, что замокъ подвергается формальной осадѣ, министры подписали на скорую руку на лоскуткахъ бумаги приказы войскамъ о прекращеніи пальбы для пріостановленія кровопролитія, послѣ чего поторопились, переодѣвшись какъ кто могъ, убраться по добру по здорову, между тѣмъ какъ разъяренная толпа вламывалась въ запертыя главныя замковыя ворота. На дворцовомъ дворѣ стояла пушка, заряженная картечью; съ помощью этой пушки, собравъ роту гренадеръ, стоящую на гауптвахтѣ, можно было бы сдѣлать вылазку, ударить въ штыки и обратить чернь въ бѣгство; но графъ Латуръ отвергнулъ этотъ проектъ, и, понадѣявшись, что его не тронутъ, когда онъ безоружный и спокойный выйдетъ на встрѣчу толпѣ, приказалъ отпереть ворота. Онъ понялъ свою ошибку, когда эта толпа нахлынула съ дикимъ воемъ на дворъ, взобралась на лѣстницы, ри-

ча: «гдѣ военный министръ? подавайте намъ его!», и стала ломать двери, перилы, мебель, грабить канцелярскія бумаги — предполагаемыя доказательства измѣны. Оставшись одинъ, онъ принужденъ былъ переодѣться въ штатское, и спрятаться въ темной кладовой, предназначенной для дровъ, между тѣмъ какъ адъютантъ его донесъ министрамъ въ зданіи сейма объ отчаянномъ положеніи ихъ товарища. Министры слишкомъ озабочены были собою, чтобы помогать Латуру; войско, стоявшее на гласисѣ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, не двинулось ни на одинъ шагъ, на выручку его, потому что военачальники потеряли голову, и только нѣкоторые изъ самыхъ популярныхъ членовъ лѣвой стороны на сеймѣ, Смолька, Фишгофъ, Боррошъ, Сѣраковскій, бросились въ самую гущу толпы, въ самую средину опасности, въ надеждѣ спасти во что бы то ни стало жизнь погибающаго человѣка. Боррошъ умолялъ со слезами народъ: «повѣсьте меня, убейте меня, но не марайте вашей свободы!» Пролетаріи поднимали его на плеча, называли его «батюшкою Боррошемъ», посадили его на коня; онъ спѣшилъ объѣзжать одну улицу за другою съ бѣлымъ флагомъ въ рукахъ, проповѣдывая миръ и пощаду, за нимъ смыкались опять волны народа, и страсти бушевали пуще прежняго. Другіе депутаты надѣялись, что они усмирятъ народъ, когда покажутъ отставку Латура и объявятъ его арестантомъ. По просьбѣ ихъ, Латуръ написалъ на листѣ бумаги, что слагаетъ съ себя должность министра. Смолька прочелъ во всеуслышаніе эту подписку, но результатъ былъ только тотъ, что чернь убѣдилась, что Латуръ находится по близости, и стала ревѣть еще сильнѣе. Смолька и Фишгофъ дали слово народу, что они выведутъ Латура изъ его убѣжища, если найдется въ толпѣ достаточное число людей, которые обяжутся быть его тѣлохранителями. Около двадцати національныхъ гвардейцевъ и рабочихъ поклялись служить ему эскортомъ. Оставалось провести его подъ этою стражею изъ замка въ арсеналъ. Латуръ выведенъ былъ къ нимъ Фишгофомъ и сказалъ: «Я здѣсь, я не боялся пуль и штыковъ, не боюсь и кинжаловъ, потому что я честный человѣкъ и у меня чистая совѣсть.» Уже на лѣстницѣ эскортъ не въ силахъ оказался охранять старика отъ обидъ и побоевъ; напирающая со всѣхъ сторонъ чернь сшибла съ него шляпу и рвала его за волосы. Лишь только очутился онъ на дворѣ, какъ остервененіе черни дошло до крайнихъ предѣловъ, его тѣлохранители были насильственно отъ него оторваны, одновременно получилъ онъ два удара въ голову саблею и молотомъ, упалъ на землю, былъ страшно исколотъ и избитъ пиками, штыками, кистенями, и по-

вѣшенъ на веревкѣ укрѣпленной у окошечной рѣшетки. Веревка лопнула, тогда его потащили по мостовой съ 43 страшными ранами на тѣлѣ и повѣсили вторично на ручкѣ отъ газоваго фонаря. О немъ можно сказать, что онъ былъ не только убитъ, но и на смерть замученъ кровопійцами, которые потомъ, совершивъ свое мрачное дѣло, ударили всею силою на арсеналъ, взяли его приступомъ поздно ночью и занялись вооруженіемъ содѣйствовавшаго имъ вѣнскаго пролетаріата.

Штробахъ медлилъ до 5 часовъ вечера открыть засѣданіе. Тотчасъ послѣ открытія засѣданія принесена очевидцами событія Смолькою Фишгофомъ, Сѣраковскимъ, вѣсть о смерти Латура. Среди смятенія, произведеннаго этою новостью, Штробахъ сошелъ съ предсѣдательскаго мѣста, ускользнулъ незамѣтнымъ образомъ изъ собранія и бѣжалъ изъ Вѣны въ Прагу, куда еще раньше его спасались Ригеръ, Гавличекъ и большинство чешскихъ депутатовъ. Вакантное предсѣдательское кресло занялъ полякъ, львовскій адвокатъ Смолька, человѣкъ либеральный, но умѣренный. Подъ его руководствомъ, сеймъ предпринялъ, по соглашенію съ наличными министрами, въ ночи съ 6 на 7 октября, всевозможныя мѣры къ возстановленію спокойствія, установилъ изъ своихъ членовъ комитетъ безопасности, просилъ командующаго войсками генерала Ауэршперга не нападать на народъ, запретилъ директорамъ желѣзныхъ дорогъ провозъ новыхъ войскъ въ столицу; наконецъ, отправилъ въ Шенбруннъ депутацію просить о всеобщей амнистіи, отмѣнѣ манифестовъ 3 октября направленныхъ противу Венгріи, и объ образованіи новаго министерства съ Доббльгофомъ и Горнбостлемъ во главѣ кабинета. Къ величайшему изумленію ѣздившихъ въ Шенбруннъ депутатовъ, императоръ, принявшій ихъ въ глубокую ночь, выразился спокойно, ласково и обѣщалъ назначить новое министерство. Узнавъ объ этомъ, сеймъ видимо повеселѣлъ, пріободрился и у многихъ членовъ вертѣлись уже на языкѣ готовыя похвалы славной октябрьской революціи. Радость эта длилась коротко. Дворъ или не зналъ въ подробности о вѣнскихъ происшествіяхъ или хотѣлъ выиграть время, давая ласковый отвѣтъ депутаціи. Чрезъ нѣсколько часовъ потомъ, на разсвѣтѣ 7 октября, императоръ оставилъ Шенбруннъ въ сопровожденіи 6,000 отборнаго войска, переправился чрезъ Дунай у Кремса и остановился на квартирѣ въ Ольмюцѣ. Министру финансовъ Краусу доставленъ былъ для скрѣпы и опубликованія манифестъ, не только порицающій происшедшее, но и содержащій слѣдующее грозное воззваніе: «Вѣна осквернена поджогами и убійствомъ; мой министръ погибъ подъ руками убійцъ. Полагаясь на Бога и на

права мои, я удаляюсь изъ окрестностей столицы для пріисканія средствъ освобожденія порабощеннаго народонаселенія Вѣны. Кто любитъ Австрію и свободу, да присоединится къ своему императору!» Краусъ, не зная самъ, какъ поступить съ этимъ манифестомъ, внесъ его на усмотрѣніе сейма. Сеймъ нашелся въ безвыходномъ положеніи, не хотѣлъ высказываться ни за что противъ октябрской революціи, задался мыслью посредничать между народомъ и монархомъ, издавалъ прокламаціи и переписывался со всѣми, тянулъ канитель, изобрѣтая занятія для замаскированія своего бездѣлія, но не могъ скрыть ни своей немощи, ни происшедшаго въ своихъ нѣдрахъ раскола. Вся правая сторона, состоящая изъ чеховъ, уѣхала въ Прагу и вступила въ ожесточенную войну со своими вѣнскими товарищами. Она протестовала противъ всѣхъ постановленій сейма, начиная съ 6 октября, обвинила сеймующихъ въ Вѣнѣ въ попустительствѣ убійствамъ, въ подразумѣваемомъ одобреніи всѣхъ злодѣйствъ, совершенныхъ чернью. Въ изданной въ тоже время брошюрѣ о послѣднихъ событіяхъ чешскіе депутаты указали по имени нѣкоторыхъ товарищей, какъ зачинщиковъ, и изобразили, намекая на всю лѣвую сторону, какъ въ буфетѣ сейма распивалось шампанское въ то самое время, когда кровь Латура обагряла мостовую.

Вслѣдствіе недѣятельности имперскаго сейма, рѣшеніе судьбы столицы и имперіи перешло въ руки отчасти вѣнскихъ революціонныхъ властей, отчасти войска, стягиваемаго со всѣхъ сторонъ, которое опоясало вскорѣ городъ желѣзнымъ кольцомъ, отчасти наконецъ венгерцевъ. Въ самомъ городѣ далеко не вся вооруженная сила признавала революціонныя власти. Комендантъ гарнизона графъ Ауэршпергъ собралъ его остатки, расположился лагеремъ въ предмѣстіи Виденъ, въ садахъ дворца князей Шварценберговъ. Хотя онъ и увѣрялъ, что не питаетъ никакихъ враждебныхъ замысловъ и вскорѣ разведетъ войска по казармамъ, но жителямъ Вѣны плохо вѣрилось въ искренность этихъ заявленій. 12 октября Ауэршпергъ двинулся изъ Видена за городъ, но съ тѣмъ только, чтобы подкрѣпить себя и соединиться съ другимъ, несравненно болѣе опаснымъ непріятелемъ, съ баномъ Іеллачичемъ и его «хорватскими ордами», которыя перешли чрезъ Лейту, на территорію эрцгерцогства Австріи и очутились подъ самими стѣнами столицы. Жестокая необходимость загнала сюда бана; его разнокалиберныя, истощенныя войска, числомъ около 20,000 человѣкъ, просто на просто бѣжали, уступая передъ натискомъ, преслѣдовавшихъ ихъ до самой Лейты, венгерцевъ. Сеймовая депутація явилась къ нему требовать очи-

щенія эрцгерцогства, но получила слѣдующій отвѣтъ: «Какъ слуга государства, я обязанъ противодѣйствовать анархіи; какъ воинъ, я направляюсь туда, гдѣ послышу пушечную пальбу. На австрійской землѣ я не знаю хорватскихъ, а одни только австрійскія войска.» Красные плащи Іеллачича растянулись отъ Ротнейзиделя до Мёдлинга, между тѣмъ какъ съ другой стороны Дуная двигалась медленно другая громовая туча — близился князь Виндишгрецъ со всѣми силами, какія только можно было собрать въ Богеміи и Моравіи, оставляя обѣ эти области совершенно беззащитными. 12 октября, князь опубликовалъ манифестъ, въ которомъ объявилъ собственнымъ своимъ починомъ, что ополчается за монархію, и хвалилъ чеховъ, нисколько того неожидавшихъ, за ихъ вѣрноподданическія чувства. 16 октября, подписанъ другой манифестъ, императорскій, которымъ князю Виндишгрецу поручаемо было начальство надъ всѣми австрійскими войсками, кромѣ арміи Радецкаго, въ званіи фельдмаршала, и которымъ самостоятельной дѣятельности бана Іеллачича положенъ былъ конецъ. 20 октября, князь Виндишгрецъ обнародовалъ прокламацію, въ которой возвѣщалъ свои намѣренія: осадное положеніе, скорорѣшительный военный судъ и подчиненіе гражданскихъ властей военнымъ, пріостановленіе всякихъ повременныхъ изданій, за исключеніемъ одной вѣнской правительственной газеты. Такъ какъ въ сущности онъ требовалъ, чтобъ городъ сдался ему безъ всякихъ кондицій, на милость и немилость, то-есть, такъ какъ онъ предлагалъ всѣ удовольствія города взятаго приступомъ въ случаѣ добровольной сдачи, то въ самихъ трусовъ вступило по необходимости мужество отчаянія. Князь Виндишгрецъ дѣйствовалъ, какъ будто бы имъ руководило желаніе вызвать какъ можно большее сопротивленіе въ народонаселеніи столицы, возстановить всѣхъ противъ себя, и дать мятежу время устроиться. Въ городѣ было множество лицъ искренно желавшихъ покончить во что бы то ни стало съ революціею и съ господствомъ вооруженной черни; депутаціи отъ городского совѣта и разныхъ корпорацій внушали главнокомандующему, что принять его условій невозможно, но что онъ въ силахъ немедленно занять городъ своими войсками. Виндишгрецъ медлилъ, дѣлалъ рекогносцировки въ предмѣстіяхъ, и дождался того, что, 28 октября, пришлось брать съ боя, успѣвшія выстроиться на досугѣ и сильно укрѣпленныя, баррикады. Организація защиты столицы шла слѣдующимъ порядкомъ.

Центрами движенія въ Вѣнѣ служили осколокъ сейма съ министромъ Краусомъ, прибравшимъ въ свои руки почти всѣ портфели, студентскій комитетъ, который сильно ступевался, городской совѣтъ (Gemeinderath), учрежденный вновь 7 октября и состоящій

главнымъ образомъ изъ радикаловъ, наконецъ, разные демократическіе клубы и ассоціаціи. Сеймъ упорно держался на почвѣ законности, которая между тѣмъ уходила изъ-подъ ногъ его все болѣе и болѣе. Защита Вѣны имѣла, по его понятіямъ, значеніе борьбы съ генералами, пренебрегающими волею государя; распоряженія Виндишгреца признаваемы были сеймомъ недѣйствительными его полномочіе не имѣющимъ силы. Сеймъ не рѣшился вооружить людъ столичный, предоставивъ это дѣло городскому совѣту, тѣмъ менѣе могъ онъ думать о зазываніи венгерцевъ въ помощь осажденной и изнемогающей столицѣ. Городской совѣтъ занялся прежде всего ополченіемъ и учредилъ, по готовому примѣру Парижа, подвижную національную гвардію (Mobilgarde) изъ городского пролетаріата, получивъ на то, сверхъ всякого ожиданія, разрѣшеніе отъ министра финансовъ Крауса и деньги изъ казны. Первымъ и самоважнѣйшимъ дѣломъ въ этихъ смутныхъ обстоятельствахъ былъ выборъ главнокомандующаго надъ городскимъ ополченіемъ. Уступая сильному натиску со стороны демократическихъ клубовъ, городской совѣтъ купно съ сеймомъ и министерствомъ назначили на этотъ передовой постъ отставного офицера, промѣнявшаго шпагу на перо и сдѣлавшагося революціоннымъ публицистомъ, *Венцеля Мессенгаузера*. Добрый малый, уморительно наивный, ребячески простой, Мессенгаузеръ былъ неистощимъ въ произнесеніи рѣчей въ родѣ слѣдующей, которою онъ ознаменовалъ свое вступленіе въ должность 13 октября: «Въ эти часы, когда каждый день наполняетъ цѣлую страницу всемірной исторіи, погрузимте на вѣки грустныя воспоминанія въ потокъ забвенія и будемте отстаивать дорогія пріобрѣтенія отъ грозныхъ опасностей съ восторженною преданностью и хладнокровною обдуманностью.» Мессенгаузеръ былъ мастеръ писать къ Іеллачичу, къ Ауэршпергу ноты, «имѣющія мрачный характеръ ультиматумовъ», или сочинять прокламаціи о томъ, что «въ полѣ на крыльяхъ минутъ носятся успѣхъ и побѣда», что онъ «человѣкъ, недѣлимое, гражданинъ Мессенгаузеръ, не имѣетъ собственнаго мнѣнія, но исполняетъ только волю сеймующихъ народовъ.» Понятно, что Мессенгаузеръ не могъ быть настоящимъ военачальникомъ; онъ и его штабъ-офицеры, Гаугъ, Феннеръ фонъ-Феннебергъ, были только поставлены для виду; настоящая команда въ силу обстоятельствъ перешла къ подвернувшемуся въ самую пору сѣдому воину наполеоновскихъ временъ, сражавшемуся подъ Остроленкою въ 1831 г., генералу Іосифу Бему. Бемъ устроилъ лагерь подвижной гвардіи въ Бельведерѣ, на куполѣ котораго устроилъ обсерваторію; онъ вербовалъ и формировалъ полки, подъ градомъ пуль и картечи осматривалъ земляныя сооруженія

и столь неутомимо работалъ и днемъ и ночью, не зная сна и отказываясь отъ перевязыванія ранъ, что въ нѣсколько дней беззащитный городъ представилъ уже возможность какого нибудь, хотя весьма непродолжительнаго, сопротивленія. Серьезная оборона собственными средствами была просто невозможна, но въ народонаселеніи столицы существовали еще съ каждымъ днемъ слабѣющія надежды на поддержку со стороны франкфуртскаго парламента, на вооруженную помощь венгерцевъ.

Франкфуртскій сеймъ былъ сильно озабоченъ вѣнскими событіями. По предложенію министра предполагаемой имперіи Шмерлинга, онъ рѣшилъ отправить двухъ имперскихъ коммиссаровъ, Велькера и Мосле, въ Австрію для примиренія столицы съ императоромъ. Съ своей стороны, клубъ и лѣвая сторона сейма, находя этотъ выборъ весьма ненадежнымъ, нарядили туда же представителями «соединенной лѣвой» четырехъ извѣстныхъ демократовъ, Трампуша, Ю. Фрёбеля, поэта Гартмана и лейпцигскаго книгопродавца и публициста Роберта Блюма. Рейхскоммиссары, прислушавшись дорогою къ тому, что происходитъ въ Вѣнѣ, сочли за лучшее миновать ее и отправиться прямо въ Ольмюцъ. На пути они заѣхали въ лагерь къ Виндишгрецу, котораго едва успѣли убѣдить, что они не какіе нибудь красные демократы, не изъ тѣхъ, кого онъ намѣренъ разстрѣливать и вѣшать. Получивъ отъ Вессенберга въ Ольмюцѣ увѣреніе, что императоръ не намѣренъ отмѣнять конституціи, рейхскоммиссары тѣмъ и удовольствовались и отправились преспокойно во-свояси. Но депутаты лѣвой стороны вызвали сильное одушевленіе въ вѣнской публикѣ, когда (18 окт.) они объявили, что привезли братскіе поцѣлуи многихъ тысячъ и что пріѣхали дѣлить опасности съ вѣнскимъ народонаселеніемъ, стоять съ нимъ вмѣстѣ или пасть. Если у депутатовъ и были какія либо иллюзіи, относительно силы и средствъ вѣнской демократіи, то эти иллюзіи разсѣялись при посѣщеніи клубовъ и при видѣ внутреннихъ раздоровъ между коноводами движенія. По словамъ Фрёбеля, они хотѣли-было уѣхать 20 октября, и только совершенная невозможность исполнить это намѣреніе заставила ихъ возвратиться къ болѣе героическому настроенію. Въ народномъ собраніи въ стѣнахъ аулы, 23 октября, Робертъ Блюмъ поставилъ вопросъ: «какой найдется трусъ, который откажется принять участіе въ этомъ священномъ боѣ». Послѣ сихъ словъ всѣмъ четыремъ франкфуртскимъ депутатамъ осталось только записаться въ члены національной гвардіи и взяться за ружья, но подмога, оказанная ими Вѣнѣ, была очевидно незначительная и ограничилась увеличеніемъ боевой силы четырьмя парами рукъ.

20 октября, кончилъ Виндишгрецъ свои приготовленія и опоясалъ городъ своими войсками. 26 октября, открылась на всѣхъ пунктахъ и со всѣхъ сторонъ перестрѣлка, но настоящій приступъ начался не ранѣе 28 октября, причемъ главныя силы направлены были на предмѣстіе Леопольдштадтъ и на широкую улицу Егерцейле, загороженную баррикадами, которыхъ защитою управлялъ лично Бемъ. Послѣ девятичасового упорнаго боя баррикады были взяты, солдаты грабили жителей предмѣстій; огненнымъ вѣнцомъ въ ночномъ мракѣ горѣли зажженные мосты, дровяные дворы, загородныя дачи и окраины предмѣстій. Вечеромъ Мессенгауэръ заявилъ лично городскому совѣту, что у защитниковъ Вѣны истощены всѣ запасы аммуниціи и что остается только думать о сдачѣ. Сильно контуженный и истомленный Бемъ, убѣдившись въ невозможности обороняться, бросилъ команду, провелъ послѣднюю ночь въ военномъ министерствѣ въ комнатѣ и на постелѣ Латура, послѣ чего исчезъ на разсвѣтѣ и пробрался удачно въ Венгрію, между тѣмъ какъ депутація отъ городского совѣта ѣздила къ Виндишгрецу переговариваться о сдачѣ. Педантъ и формалистъ князь мѣшкалъ еще и теперь и требовалъ наряженія особой коммиссіи для обезоруженія пролетаріата. Въ этихъ переговорахъ прошло безполезно 29 октября, въ теченіе коего войска могли занять Вѣну безъ выстрѣла, потому что аула давно опустѣла, центральное демократическое общество закрылось, сжегши бумаги, національная гвардія кидала ружья и пушки. Но 30 октября по полудни произошла опять перемѣна, и догорающій мятежъ зардѣлся снова. Разнесся слухъ, что, наконецъ, подходятъ къ Вѣнѣ на выручку столь долго и столь напрасно ожидаемые венгерцы. Съ высоты башни св. Стефана, не смотря на туманъ, замѣтны были пушечные выстрѣлы и движенія войскъ, знаменующія битву, но того же дня вечеромъ стало извѣстно, что венгерцы отбиты и пошли назадъ за Лейту. Эта неудача запоздалыхъ союзниковъ требуетъ особаго поясненія.

Манифестъ 3 октября вызвалъ сильнѣйшее негодованіе въ Пештѣ и возбудилъ въ горячихъ головахъ лѣвой стороны народнаго собранія первую мысль о низложеніи династіи съ престола. Народное собраніе не рѣшилось и теперь отложиться вполнѣ отъ императора, оно только заявило, что манифестъ поддѣльный, подпись государя фальшивая, потому что какъ ни болѣнъ онъ, нельзя допустить, чтобы онъ предалъ Венгрію въ жертву атаману разбойниковъ; если же она и не фальшивая, то тѣмъ не менѣе манифестъ недѣйствителенъ, какъ по незаконности своей формы и отсутствію скрѣпы настоящаго министра, такъ и по незаконно-

сти содержанія. Изъ уваженія къ государю пештскій сеймъ назвалъ совѣтниковъ императора поддѣльщиками, Іеллачича государственнымъ измѣнникомъ и отдалъ Речея подъ судъ. Комитетъ защиты страны превратился въ настоящее временное правительство подъ предсѣдательствомъ Кошута. Въ это время пронеслось извѣстіе о вѣнской революціи, и стало ясно, что венгерскимъ войскамъ надлежитъ идти подъ самую Вѣну на помощь протягивающей венгерцамъ руки революціи. Войска венгерскія имѣли полную возможность, слѣдуя по пятамъ Іеллачича, освободить городъ отъ осады, но венгерцы, фанатики законности, поклонники законныхъ формъ, дошли до Лейты и поколебались. За Лейтою была уже австрійская земля, на которую они совѣстились ступить безъ призыва со стороны законныхъ по ихъ понятіямъ властей, продолжавшихъ функціонировать въ Вѣнѣ, какъ-то, имперскаго сейма или по крайней мѣрѣ городского совѣта. Призывъ не послѣдовалъ по отсутствію рѣшимости на это дѣйствіе и въ сеймѣ и въ городскомъ совѣтѣ. Дважды венгерцы пытались перейти Лейту (17 и 21 октября), но возвращались назадъ какъ бы испуганные привидѣніемъ. Наконецъ, въ лагерь венгерскій прибылъ самъ Кошутъ глубоко убѣжденный въ томъ, что Венгрія обязана, во что бы то ни стало, помочь и поддержать Вѣну. 25 октября послалъ онъ Виндишгрецу родъ ультиматума съ требованіемъ обезоружить бана, признать права Венгріи, снять осаду. Виндишгрецъ далъ обычный отвѣтъ: «Я не вхожу въ переговоры съ мятежниками», — и арестовалъ парламентера. Тогда венгерцы перешли въ наступательное движеніе и столкнулись у рѣки Швехата съ Іеллачичемъ, имѣющимъ подъ командою не своихъ сербовъ, но отличныя нѣмецкія войска, съ которыми не могли сражаться съ успѣхомъ венгерскіе гонведы и національная гвардія. На полѣ битвы Кошутъ отрѣшилъ отъ должности главнокомандующаго Могу и передалъ начальство Гергею, въ которомъ онъ усматривалъ будущаго народнаго героя. Пораженіе было далеко не полное и кончилось только отступленіемъ въ порядкѣ за Лейту, но оно рѣшило окончательно участь Вѣны, предавъ ее въ руки осаждающихъ.

Съ появленіемъ венгерцевъ на горизонтѣ Вѣны произошелъ неудержимый бѣшеный взрывъ народныхъ страстей. Уличная чернь слышать не хотѣла о сдачѣ, вѣрить не хотѣла пораженію и отступленію венгерцевъ, обозвала Мессенгаузера измѣнникомъ, открыла перестрѣлку. Вооруженныя толпы бродили по улицамъ, готовыя на всякія насилія; даже такіе демократы, какъ Блюмъ и Фребель, боялись показываться. Всю ночь пускаемы были ракеты съ башни св. Стефана, въ знакъ требованія помощи отъ вен-

герцевъ. 31 октября, депутація отъ городского совѣта явилась къ Виндишгрецу просить о скорѣйшей защитѣ отъ разнузданнаго пролетаріата. Такъ какъ всѣ предмѣстія были заняты 30 октября, то оставалось покорить только внутренній городъ. Войска были встрѣчены пушечными выстрѣлами съ окоповъ, но когда артиллерія Виндишгреца отвѣчала гранатами и картечью и зажгла манежъ, церковь св. Августина и дворцовую библіотеку, то у самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ прошла охота къ сопротивленію. Войска заняли весь городъ, обезоруживая подвижную гвардію, расположились биваками на площадяхъ, разбили въ дребезги фонарный столбъ, на которомъ повѣшенъ былъ Латуръ, и водрузили на башнѣ св. Стефана исполинское знамя черножелтаго цвѣта. Видъ города перемѣнился, какъ будто бы все прежнее народонаселеніе убралось куда-то, и появилось новое. Публика мгновенно разсталась съ калабрезами, короткими кафтанами и всѣмъ революціоннымъ гардеробомъ, и парикмахеры не поспѣвали стричь и брить всѣхъ желающихъ, потому что на другой день можно было попасть въ тюрьму за бездѣлицу, за бороду, перо на шляпѣ, усы или студентскую шапку. Аресты производились самые многочисленные (до 2,000 человѣкъ); пресса подчинена военной цензурѣ; военно-слѣдственныя и судныя коммиссіи дѣйствовали усиленно и неусыпно, нашлись и доносчики въ великомъ множествѣ и изобиліи. Тѣ самые вѣнскіе филистеры, которые недавно поклонялись всякому студенту какъ полубогу, падали теперь ничкомъ передъ всякою военною фуражкою и съ рабскимъ подобострастіемъ домогались казненія агитаторовъ. Казни начались 10 ноября; онѣ не были столь многочисленны, какъ домогались нѣкоторые (съ ноября 1848 по май 1849 казнено смертью 24 человѣка, иными тяжкими наказаніями 120); бывали примѣры нежданныхъ помилованій, но какъ казни такъ и помилованія не сообразовались со степенью вины и въ распредѣленіи ихъ не было никакого раціональнаго мотива, а только личный произволъ и фантазія князя Виндишгреца. 10 ноября разстрѣлянъ *Робертъ Блюмъ*, котораго участіе въ вѣнскомъ движеніи было далеко не изъ первыхъ и котораго осужденіе даже и въ глазахъ консерваторовъ имѣло характеръ политической демонстраціи противъ франкфуртскаго парламента и противъ неприкосновенности его депутатовъ; въ то же самое время безусловно помилованъ его товарищъ и спутникъ Ю. Фрёбель за то только, что въ одной изъ своихъ брошюръ онъ предлагалъ изъ Вѣны сдѣлать центръ всеевропейскаго союза государствъ. Смертной казни подверглись Мессенгауэръ, въ которомъ, по общему мнѣнію, князь хотѣлъ наказать членовъ им-

перскаго парламента, утвердившій выборъ Мессенгаузера въ военачальники; казнены также два ничтожные редактора ничтожной газеты «Радикалъ», Бехеръ и Іеллинекъ, въ лицѣ коихъ князь казнилъ прессу и подвизавшихся въ ней публицистовъ изъ евреевъ. Значительная партія въ Вѣнѣ одобрила эти казни, величала князя за его милосердіе и кротость, и покрывала шумными рукоплесканіями всякую похвалу добрымъ старымъ временамъ.

III.

Начало венгерской кампаніи.

Взятіе и усмиреніе Вѣны положили конецъ дѣятельности того осколка парламента, который остался въ столицѣ послѣ октябрьскаго переворота, но парламентская жизнь и представительныя формы правленія еще остались на нѣкоторое время, и только центръ ихъ въ пространствѣ измѣнился. Рескриптомъ 22 октября сейму имперскому велѣно собраться въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ Моравіи, въ Кремзирѣ, для выработанія на досугѣ издавна сочиняемой конституціи. На одной только Венгріи паденіе столицы отразилось прямыми и непосредственными послѣдствіями. Значительная масса войскъ стала свободна и можно было приступить къ давно задуманному плану покоренія Венгріи, завоеванія ея силою оружія. Планъ этотъ начертанъ былъ еще Латуромъ и состоялъ въ томъ, чтобы со всѣхъ концовъ и сторонъ проникнуть одновременно въ мятежную страну, поднявъ на ноги и ополчивъ враждебныя мадьярамъ національности, сдавить возстаніе и потушить пожаръ въ средоточіи его Буда-Пештѣ. Главная армія въ 65,000 подъ командою Виндишгреца должна была направиться по обоимъ берегамъ Дуная, поддерживаемая съ лѣвой стороны корпусами Симунича, идущимъ изъ Моравіи на Тирнау, и Геца изъ Силезіи на Тренчинъ по Вагу. Генералъ Шликъ ждалъ приказа ударить изъ Галиціи чрезъ Дуклю и Карпаты на Эперіешъ. На юговостокѣ, Пюхнеръ съ 30 т. арміею, занимавшею Трансильванію, долженъ былъ направиться по Марошу на выручку осажденной крѣпости Араду и соединиться съ отрядомъ генерала Рукавины изъ Баната. Сербское ополченіе устраивалось въ Бачкѣ, словакское въ сѣверозападныхъ комитетахъ, гренцеры должны были ударить на Фюнфкирхенъ; наконецъ, непрерывная сѣть опоясывающихъ со всѣхъ сторонъ Венгрію силъ довершаема была корпусомъ Нугента, которому приказано было изъ Штиріи двинуться

по направленію къ озеру Платену. Этой подавляющей массѣ силъ изъ 110,000 регулярнаго войска и 30,000 ополченцевъ венгерцы могли противопоставить только остатки прежней военной организаціи, невышколенные отряды никогда не бывавшихъ въ войнѣ новобранцевъ, весьма недостаточно снабженныхъ порохомъ, оружіемъ, самую скудную артиллерію и пустыя кассы. Венгрія находилась въ смертной опасности, въ крайне критическомъ положеніи; къ счастію для нея искусно придуманный планъ оказался неудобоосуществимымъ, и нельзя было со всѣхъ сторонъ оцѣпить возставшую страну; народныя ополченія не вездѣ шли успѣшно и рука объ руку съ правительствомъ; наконецъ, австрійскіе главнокомандующіе явили изумительную неспособность и дали всѣ средства мадьярамъ устроиться, опомниться, и оправиться.

Самымъ плохимъ изъ всѣхъ ополченій оказалось словакское. Колларъ отъ него отрекся самымъ торжественнымъ образомъ. Конецъ ополченія, вербуемаго пасторомъ Гурбаномъ въ Вѣнѣ при содѣйствіи Штура и Годжи, былъ самый плачевный, и лучшимъ доказательствомъ, что затѣи энтузіастовъ словакской народности не нашли никакого отголоска въ народѣ, служила поразительная многочисленность словаковъ въ баталіонахъ венгерскихъ гонведовъ. Гораздо опаснѣе было бы народное сербское движеніе въ Бачкѣ и въ Банатѣ, если бы оно не раздроблялось на безчисленное множество враждующихъ между собою партій. Величаемый «патріархомъ» и возведенный въ званіе «управителя народа», Раячичъ былъ въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ съ карловицкимъ отборомъ и молодымъ талантливымъ любимцемъ народной партіи Стратимировичемъ, исправляющимъ должность «верховнаго вождя» сербовъ, въ ожиданіи прибытія изъ Италіи избраннаго въ сербскіе воеводы Супликача. Изъ Задунайскаго княжества въ Сербію подоспѣли добровольные ополченцы подъ предводительствомъ Кничанина, которому поручено было однако не только помогать собратьямъ, но и наблюдать за вертѣвшимся между австрійскими сербами претендентомъ на сербскій престолъ, сыномъ Милоша Обреновича. Мадьярское знамя развѣвалось въ крѣпостяхъ Эшегѣ на Дравѣ и Петервардейнѣ по Дунаю, преграждая сербамъ доступъ въ Бараньи и Сремъ. Нѣмцы по городамъ относились къ сербамъ весьма враждебно; наконецъ, опаснѣе сербской свободы, нежели мадьяре и командующій ими въ Банатѣ Кишъ, былъ генералъ Майергоферъ, плохой военачальникъ, но ловкій интриганъ, бывшій австрійскимъ консуломъ въ Бѣлградѣ, и назначенный теперь командовать гренцерами и регулярными императорскими войсками. Образомъ своихъ дѣй-

ствій Раячичъ обнаружилъ, что онъ вовсе не раздѣляетъ мечтаній сербскихъ патріотовъ, что ему дороги только интересы православной церкви, но что во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ онъ стоялъ за власть и за австрійское правительство. Еще сильнѣе ошиблись сербы въ прибывшемъ наконецъ, 7 октября, за отпускомъ Радецкаго изъ Италіи, Супликачѣ. Супликачъ заявилъ сразу, что онъ австрійскій офицеръ, что если императоръ пожалуетъ его званіемъ воеводы, то онъ и будетъ исправлять эту должность, а до тѣхъ поръ радъ побывать въ отпускѣ у своихъ земляковъ и давать имъ добрые совѣты. Супликачъ приструнилъ гренцеровъ, превратилъ ополченіе въ австрійско-сербскій корпусъ, возстановилъ строжайшее чиноначаліе. Стратимировичъ, мѣшавшій Раячичу, отправленъ былъ подъ благовиднымъ предлогомъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Ольмюцъ. 27 октября получены императорскіе патенты, утверждающіе Раячича патріархомъ, а Супликача воеводою, но Супликачъ скончался того же числа скоропостижно отъ удара, и власть военная передана была по предложенію Раячича Майергоферу. При наступившей тогда сильнѣйшей реакціи противъ всѣхъ либеральныхъ и національныхъ стремленій, многіе сербскіе патріоты, позабывъ племенную вражду, стали мало по малу склоняться къ миролюбивому соглашенію съ мадьярами.

Гораздо въ худшемъ положеніи представлялось дѣло мадьярское въ Трансильваніи. Саксы, составляющіе нѣмецкій отдѣлъ населенія Трансильваніи, только скрѣпя сердце, подъ давленіемъ опасности подписали актъ присоединенія страны къ коронѣ венгерской, они снарядили въ Пештъ депутацію просить о признаніи и болѣе точномъ опредѣленіи правъ саксонской націи. Венгерскіе министры встрѣтили ихъ холодно и сухо; на сеймѣ Деакъ не хотѣлъ слышать объ условіяхъ присоединенія, такъ какъ присоединеніе — дѣло уже рѣшенное. Кошутъ удивлялся, что саксы отстаивали какія-то привилегіи въ виду возстающихъ румынъ. Они протестовали противу состоявшагося при нихъ, но безъ вѣдома ихъ, постановленія объ отмѣнѣ драгоцѣнной прерогативы имѣть у себя выборныхъ земскихъ чиновниковъ и уѣхали (17 сентября), громко жалуясь на сеймъ не признающій законности. Если мадьярамъ не удалось сладить съ миролюбивыми нѣмцами, то во сто кратъ еще труднѣе было и невозможнѣе совладать съ румынскимъ движеніемъ, которое яркимъ пламенемъ обхватило страну и увлекло за собою даже часть регулярнаго войска. Гренцерскіе полки валахскаго состава поднялись одинъ за другимъ, арестовали своихъ начальниковъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи венгерцамъ, и торжественно

отложились отъ измѣнническаго пештскаго правительства. Повсюду появлялись шайки партизановъ, плохо вооруженныя, но которыя при недостаткѣ оружія искусно пускали краснаго пѣтуха и знаменовали вездѣ свою бытность примѣрами неслыханнаго варварства и каннибализма. Несмѣтныя толпы стекались на сѣверѣ Трансильваніи къ заявившему себя своею рѣшительностью гренцерскому полковнику Урбану присягать на вѣрность службы императору и записаться въ ополченіе, котораго начальники именовались по-римски центуріонами, префектами, трибунами. Старые офицеры приходили въ ужасъ отъ разрушенія дисциплины. Главный воинскій начальникъ баронъ Пухнеръ, больной старикъ, держалъ, на сколько могъ, нейтралитетъ, колеблясь между пештскимъ правительствомъ и ополченскими шайками, пока категорическія приказанія изъ Вѣны не заставили его въ половинѣ октября возстать открыто противъ «кошутовскаго терроризма», объявить Трансильванію на военномъ положеніи и разсѣять мадьярскія военныя силы. Главное средоточіе этихъ силъ составлялъ Клаузенбургъ (Колошваръ), резиденція губерніума, защищаемая 4,000 гонведовъ и національныхъ гвардейцевъ подъ предводительствомъ Бальдаччи. Въ то самое время, когда шайки Янку, Бутеану и другихъ свирѣпствовали по комитетамъ, совершая неслыханныя жестокости, достойныя африканскихъ дикарей, регулярныя австрійскія войска подъ командою Урбана, движущагося съ сѣвера, и Каліани съ востока осадили Клаузенбургъ и заставили его сдаться на капитуляцію. Остатки мадьярскаго войска спаслись по горамъ и крѣпостцамъ. Прокламаціи Урбана грозили разстрѣляніемъ всякому за малѣйшее сопротивленіе, и предвѣщали, что за каждаго убитаго румына намѣренъ онъ повѣсить по крайней мѣрѣ двухъ мадьяръ. При такихъ условіяхъ, Трансильванія должна была считаться страною окончательно пропавшею для мадьяръ, безъ малѣйшей надежды на вторичное ея завоеваніе.

Какъ ни чувствительны могли быть пораженія на нижнемъ Дунаѣ или въ Трансильваніи, не они рѣшали венгерскій вопросъ. Рѣшительныхъ ударовъ можно было ожидать только со стороны Вѣны и верхняго Дуная. Цѣлые мѣсяцы венгерцами укрѣпляемы были Пресбургъ и Раабъ. Виндишгрецъ убѣжденъ былъ также, что завоеваніе Венгріи—дѣло нелегкое, не обойдется безъ сильнѣйшаго сопротивленія, а потому медлилъ и снаряжался до самой зимы. 15 декабря, двинулъ онъ войска по обоимъ берегамъ Дуная; къ величайшему его удивленію венгерцы нигдѣ не устояли передъ его напоромъ. Своенравный Гергей, не вѣрившій въ неудачу народнаго дѣла, не слушался приказаній Кошута, отдалъ

безъ выстрѣла Пресбургъ и оставилъ безъ боя въ добычу непріятелямъ укрѣпленія Рааба, стоившія милліоновъ. Въ подкрѣпленіе Гергею призванъ былъ отъ кроатской границы Перчель; но Перчель и Гергей—два заклятые врага не могли никакъ ужиться; неподдерживаемый Гергеемъ, Перчель былъ на-голову разбитъ при Моорѣ. Паническимъ страхомъ объята была столица, когда къ стѣнамъ ея приблизились вслѣдъ за отступающимъ народнымъ ополченіемъ непріятельскія силы. Никакія иллюзіи не были теперь возможны, гонведы просто бѣжали, столица находилась въ величайшей опасности. Предсѣдатель нижней палаты Пазманди потребовалъ отъ предсѣдателя «комитета защиты страны» Кошута обстоятельнаго отвѣта о положеніи дѣлъ и о намѣреніяхъ правительства. Кошутъ объявилъ безъ обиняковъ, что сейму и комитету остается покинуть Буду-Пештъ и искать средствъ для дальнѣйшей обороны края въ какомъ нибудь иномъ, болѣе безопасномъ городѣ за Тейсомъ, напримѣръ въ Дебречинѣ, а между тѣмъ не мѣшало бы отправить депутацію къ фельдмаршалу спросить: «чего собственно хотятъ австрійцы отъ венгерцевъ, и за что венгерцы подвергаются нападенію»? Неисправимо добродушный Людвигъ Батіани, по выходѣ изъ министерства засѣдающій въ качествѣ простого депутата въ нижней палатѣ, совѣтовалъ комитету уѣхать, а сейму остаться въ Пештѣ для новыхъ попытокъ примиренія. Въ видѣ особой милости Батіани просилъ, чтобы его назначили въ члены депутаціи, долженствующей отправиться въ главную квартиру Виндишгреца въ Бичке. Знаменитѣйшіе и первостепенные государственные мужи отправились туда: кромѣ Батіани, Деакъ, графы Майлаты, архіепископъ Лоновичъ. У Виндишгреца на всѣ ихъ рѣчи былъ одинъ отвѣтъ: «я не вступаю въ переговоры съ мятежниками». Сеймъ не дождался ихъ возвращенія; большинство его не раздѣляло надеждъ и не ожидало никакой пощады; оно рѣшило соборомъ перебраться за Тейсъ. На Новый годъ, 1849 г., отправлены по желѣзной дорогѣ въ Сольнокъ и потомъ въ Дебречинъ тщательно упакованныя регаліи, въ томъ числѣ корона св. Стефана, казна, станокъ для печатанія кредитныхъ билетовъ и всѣ снаряды оружейной фабрики; за ними послѣдовалъ весь персоналъ правительства и сейма, въ которомъ открылся при достиженіи цѣли путешествія значительный недочетъ. Военный совѣтъ, которому предоставлено рѣшить судьбу столицы, единогласно отказался отъ мысли дать непріятелю сраженіе въ виду Буды и постановилъ спасти армію заблаговременнымъ отступленіемъ. Послѣдніе отряды выступили 4 января изъ Пешта, а 5 числа оба города заняты были австрійскими войсками. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія побѣди-

телей; прокламаціи Виндишгреца и газеты гласили о предстоящей сдачѣ Коморна, считали дѣло усмиренія Венгріи конченнымъ, публиковали примѣты бѣглыхъ коноводовъ кошутовской партіи и недоумѣвали только о томъ, не успѣли ли спастись эти злодѣи за предѣлы государства. Фельдмаршалъ распорядился наложить секвестръ на всѣхъ сторонниковъ Кошута и арестовалъ огуломъ безъ разбора масти всѣхъ людей, занимавшихъ въ послѣднее время высшія общественныя должности, генерала Грабовскаго, генераловъ Лязара, Могу, Д. Пазманди и графа Л. Батіани съ шуриномъ его Кароли. Въ то время когда солдатъ отдыхалъ, работали усердно аудиторы и профосы. Передъ центральною политическо-военною коммиссіею въ Будѣ должны были оправдываться даже лица въ малой степени или совсѣмъ незамѣченныя въ революціонерствѣ. Началось преслѣдованіе не только людей, но и именъ и знаковъ, названій улицъ, цвѣтовъ, нарядовъ, и оказалось, что нѣмцевъ весьма много въ Пештѣ, изъ тѣхъ оборотней, которые въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій старались втесаться между мадьяръ, а теперь вспомнили о своемъ германскомъ происхожденіи. О народномъ собраніи въ Дебречинѣ не слышно было ровно ничего, оно молчало и превращалось въ миѳъ. Ожидали ежеминутно, что положатъ оружіе оба корпуса: одинъ Гергея, отступившій къ Вайцену, другой Перчеля, прикрывавшій въ Сольнокѣ переходъ чрезъ Тейсъ. Упоенію побѣды помѣшало непріятное извѣстіе о томъ, что Гергей не только не сдается, но еще обратилъ въ бѣгство 8-тысячный корпусъ Шлика.

По приведенному въ исполненіе латуровскому плану кампаніи, лихой кавалеристъ генералъ Шликъ долженъ былъ проникнуть изъ Галиціи въ сѣверную Венгрію. Изъ Дуклы прошелъ онъ, въ началѣ декабря, ущелья Карпатовъ, занялъ Эперіешъ и разбилъ на-голову Пульскаго, а потомъ военнаго министра Мессароша. Въ ту самую минуту, когда сеймъ перебирался въ Дебречинъ, Шликъ угрожалъ Мискольчу, а отъ Мискольча чрезъ Тейсъ не далеко и до Дебречина. Къ счастію для венгерцевъ, Шликъ далъ своимъ войскамъ двухнедѣльный отдыхъ, въ теченіе котораго венгерцы успѣли оправиться, мѣсто Мессароша занялъ самый талантливый изъ военныхъ людей, выдвинутыхъ впередъ революціею, Георгъ Клапка, между тѣмъ какъ Гергей, преслѣдуемый австрійцами длиннымъ путемъ на Шемницъ, Альтзоль, Левочу, зашелъ ему въ тылъ и отрѣзалъ ему отступленіе въ Галицію. Только благодаря быстротѣ своихъ движеній, Шликъ, поставленный между двумя огнями, избѣгнулъ постыднаго плѣна, и воспослѣдовало соединеніе корпусовъ Клапки и Гергея въ то

самое время, когда и на Тейсѣ готовился отпоръ Виндишгрецу подъ предводительствомъ новоназначеннаго, съ трудомъ пріисканнаго, главнокомандующаго.

Съ самаго начала, комитетъ защиты страны только о томъ и думалъ, гдѣ бы взять дѣльнаго и опытнаго полководца. За неимѣніемъ своихъ, надо было просить иностранцевъ. Лучшую коллекцію подходящихъ къ этимъ требованіямъ экземпляровъ представляла безспорно польская эмиграція. Солдаты наполеоновскихъ временъ, офицеры великаго княжества Варшавскаго, потомъ конституціоннаго королевства Польскаго, пріобрѣвшіе генеральскіе чины во время кампаніи 1831 года, готовы были предложить себя всякой революціи, коль скоро переворотъ имѣлъ или могъ имѣть малѣйшую связь съ ихъ завѣтными мечтами о своемъ дѣлѣ. Одинъ изъ такихъ, Бемъ, ускользнулъ во-время изъ Вѣны и находился въ Пештѣ, но Бемъ былъ неизвѣстенъ и чуждъ венгерцамъ какъ иностранецъ, да и у своихъ земляковъ не пользовался хорошею репутаціею. Въ изгнаніи, отъ скуки, эмиграція раздробилась на безчисленное множество партій, которыя ругались на чемъ свѣтъ стоитъ и слагали другъ на друга вину испытываемыхъ неудачъ и бѣдствій. Самая многочисленная и голосистая изъ этихъ партій — демократическая, подозрѣвала Бема въ панславизмѣ, обзывала его нахлѣбникомъ Чарторыскихъ; съ своей стороны Бемъ, платя тою же монетою, въ демократахъ усматривалъ или сумазбродовъ и коммунистовъ или измѣнниковъ, русскихъ шпіоновъ и агентовъ. Демократы почти было уладили съ Кошутомъ образованіе польскаго легіона, но Бемъ разстроилъ этотъ планъ, вслѣдствіе чего одинъ фанатикъ Колодзѣйскій выстрѣлилъ въ него почти въ упоръ изъ пистолета. Вмѣсто невозможнаго Бема, выборъ палъ на старика Дембинскаго, съ которымъ сошелся въ Парижѣ уполномоченный венгерскій графъ Телеки. Дембинскій имѣлъ въ виду прежде всего свое польское дѣло, стоялъ также и за славянъ, и, получивъ увѣреніе, что мадьяре готовы дать самую широкую автономію и равноправность хорватамъ и словакамъ, перебрался окольными путями въ Дебречинъ и принялъ главное начальство надъ всѣми военными силами венгерскаго народа. Назначеніе Дембинскаго была громадная политическая ошибка. Явилось на сцену лицо, преслѣдующее иныя цѣли и дѣйствующее по извѣстной программѣ, непонятной и непріятной большинству мадьярскаго народа, который, конечно, возсталъ не за Польшу и не ради вступленія въ федерацію съ хорватами и словаками. Притомъ Дембинскій при полномъ незнакомствѣ съ почвою, на которую ступилъ, былъ

еще крайне суровъ и неуживчивъ, такъ что въ скоромъ времени перессорился со всѣми венгерскими генералами.

Довольно искусно задуманный планъ Дембинскаго состоялъ въ томъ, чтобы одновременно съ двухъ сторонъ ударить на столицу, изъ Мискольча на Эрлау и Геньесъ и изъ Сольнока. Планъ этотъ могъ бы оказаться вполнѣ удачнымъ, если бы Виндишгрецъ не двигался и, сложа руки, допустилъ соединеніе силъ непріятельскихъ; но Виндишгрецъ, подстрекаемый соединившимся съ нимъ Шликомъ, предупредилъ венгерцевъ и выступилъ имъ на встрѣчу. Обѣ арміи столкнулись на рѣчкѣ Тиннѣ, близъ деревни Копольны; произошло сраженіе, длившееся два дня (27 и 28 февраля) и кончившееся тѣмъ, что хотя венгерцы понесли незначительныя потери, но были отбиты и принуждены отступить у Поросла за Тейсъ. Это отступленіе подѣйствовало весьма невыгоднымъ образомъ на духъ войска и на самое настроеніе сейма. Сеймъ въ Дебречинѣ, недосчитывавшійся 155 депутатовъ, не былъ вовсе расположенъ подчиняться безмолвно и безпрекословно диктатору. Всемогущій у простонародія Кошутъ могъ насчитывать не болѣе тридцати безусловно ему преданныхъ депутатовъ, да и то изъ людей далеко незамѣчательныхъ, заносчивыхъ горлановъ, въ родѣ братьевъ Мадарашей или слѣпыхъ подражателей. Болѣе достойныя лица (Ковачь, Ньяри, Казинчи, Безереди) не пропускали случая заявить свое несочувствіе къ образу дѣйствій диктатора; пораженіе у Копольны заставило ихъ громко заговорить о мирѣ. Войско по поводу этого пораженія подняло почти явный бунтъ противъ главнокомандующаго, обвиняемаго въ недостаткѣ распорядительности. Кошутъ и Мессарошъ пріѣхали мирить Дембинскаго съ корпусными командирами, но ихъ попытки остались тщетными; кончилось тѣмъ, что главная команда взята была отъ Дембинскаго и передана, по недовѣрію, которое возбуждалъ старшій въ чинѣ Гергей, генералу Феттеру. Виндишгрецъ съ своей стороны, удовольствовавшись тѣмъ, что заставилъ отступить венгерцевъ, вернулся въ Пештъ отдыхать на лаврахъ въ полной увѣренности, что враги окончательно разсѣяны и разбиты. О томъ, что происходило въ Дебречинѣ и въ лагерѣ венгерцевъ, Виндишгрецъ не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ свѣдѣній. Строгія наказанія, которыми грозили его прокламаціи за всякій найденный у кого либо экземпляръ газеты кошутовской партіи, смертная казнь за всякую корреспонденцію съ затейсскимъ краемъ, 20,000 гульденовъ контрибуціи съ каждой еврейской общины, если виновный въ сношеніяхъ съ врагами былъ еврей, дѣлали то, что всякій держалъ все, что зналъ про себя, нисколько не показывая, что онъ что-

нибудь знаетъ. Австрійцы бродили точно въ потьмахъ; они толковали всякое событіе въ свою пользу; самоувѣренность ихъ доходила до того, что вѣнское министерство, получивъ извѣстіе о битвѣ у Копольны, почувствовало въ себѣ достаточную силу на то, чтобъ разъ навсегда покончить съ ненавистнымъ ему парламентаризмомъ. Въ первыхъ числахъ марта закрытъ, много трудившійся надъ изготовленіемъ конституціи, сеймъ въ Кремзирѣ, и пожалована для виду иная конституція, которой не суждено было никогда войти въ силу и дѣйствіе.

IV.

Досуги имперскаго сейма въ Кремзирѣ. — Октроированная конституція и усмиреніе Венгріи.

Октябрьскія событія въ Вѣнѣ, произведшія расколъ въ имперскомъ сеймѣ и разбившія его на два куска, пріостановили его законодательную дѣятельность, но не положили конца принципу сеймованія и конституціонному порядку. Конституціонный снарядъ остался цѣлъ; уничтоженія его правительство не могло еще желать; объ упраздненіи его оно не могло помышлять, во первыхъ, потому, что оно нуждалось въ содѣйствіи бѣжавшей въ Прагу правой стороны для подавленія вѣнской и венгерской революцій; во вторыхъ, потому, что оно не знало на сколько многочисленны и крѣпки корни конституціоннаго порядка въ обществѣ. Въ виду громаднаго движенія, взволновавшаго общественную поверхность во всѣхъ частицахъ разношерстной имперіи, можно было думать, что за созданіемъ, порожденнымъ всенароднымъ движеніемъ еще и теперь стоятъ густыми толпами народныя массы. Дворъ и министерство, пользуясь тѣмъ, что сеймовое большинство отшатнулось съ ужасомъ отъ кровавыхъ послѣдствій октябрьской революціи, должны были поддерживать увѣренность въ искренности своего либерализма. Прокламація императора отъ 15 октября къ крестьянамъ гласила, что измѣнникъ тотъ, кто сомнѣвается въ ненарушимости государева слова. Манифестомъ 19 октября утверждены всѣ народы Австріи въ пользованіи предоставленными имъ правами и вольностями, и выражено твердое желаніе приведенія къ концу начатаго учредительнымъ имперскимъ сеймомъ дѣла составленія конституціи. Министерство готово было дать партіи, на которую оно опиралось въ эту минуту, новый залогъ своего истинно конституціоннаго настроенія: оно предложило предводителямъ чешской фрак-

ціи чрезъ посредство графа Стадіона нѣсколько министерскихъ портфелей. Если бы эта партія одарена была политическимъ смысломъ, то она бы могла взять въ руки въ эту минуту бразды правленія; но тяжелые на подъемъ ученые, въ родѣ Палацкаго, побоялись неизбѣжной съ властью отвѣтственности. Послѣ долгихъ разсужденій въ стѣнахъ редакціи славянской «Бесѣды» и въ пражской ратушѣ, рѣшено отказаться отъ участія въ правленіи, дабы сохранить независимость въ дѣйствіяхъ, явить примѣръ безкорыстія и избѣжать подозрѣнія въ эгоистическихъ разсчетахъ. Въ политикѣ отреченіе отъ власти всегда равносильно признанію своей собственной несостоятельности; послѣ этой громадной ошибки за чехами остались только косвенные способы дѣйствія, отправка депутацій въ Ольмюцъ съ представленіями, совѣтами и прошеніями объ оставленіи мѣръ видимо реакціонныхъ, — средства, которыя становились съ каждымъ днемъ слабѣе и недѣйствительнѣе.

Такъ какъ императоръ изъявилъ положительно свою волю, чтобы сеймъ докончилъ конституцію, то дѣло стало только за выборомъ приличнаго мѣста для законодательныхъ работъ. О Вѣнѣ не могло быть и рѣчи, равно какъ и о Пресбургѣ, который могъ бы сдѣлаться австрійскимъ Вашингтономъ только въ такомъ случаѣ, если бы и мадъяре рѣшились приступить къ федерализаціи, отказавшись отъ своего вѣкового сепаратизма. Брюннъ оправдывалъ вполнѣ свое прозвище *предмѣстья Вѣны;* его народонаселеніе слишкомъ расположено было стоять за мятежную столицу, и потому могло сдѣлаться помѣхою законодателямъ. Сами чехи признавали, что перенесеніе сейма въ Прагу дастъ поводъ неславянскимъ депутатамъ кричать о притѣсненіи. Недоумѣніе рѣшилъ Палацкій, предложивши пунктъ никому почти неизвѣстный, вполнѣ уединенный, вдали отъ путей сообщенія и отъ суеты и толкотни городской—лѣтнюю резиденцію ольмюцкихъ архіепископовъ — *Кремзиръ.* Степенному лѣтописцу, привыкшему чаще бесѣдовать съ старинными хартіями, нежели съ людьми, показалось, что чѣмъ больше будутъ удалены сеймующіе отъ всякихъ вліяній, тѣмъ идеальнѣе и совершеннѣе выйдетъ обдуманное въ тиши и на досугѣ ихъ произведеніе. Кремзиръ вполнѣ соотвѣтствовалъ этимъ условіямъ; единственныя средства развлеченія, какія могъ онъ представлять депутатамъ, состояли въ обширномъ паркѣ, прогулкѣ на образцовую ферму, да праздничныхъ деревенскихъ увеселеніяхъ туземцевъ ганнаковъ крестьянъ. Отъ скуки многіе депутаты выписали женъ и дѣтей. Съ великимъ трудомъ и на скорую руку пришлось устраивать помѣщеніе для засѣданій сейма, который открытъ былъ наконецъ 22 ноября и состоялъ

изъ слѣдующихъ элементовъ. Къ удивленію чеховъ, лѣвая сторона оказалась въ Кремзирѣ въ полномъ комплектѣ, что объясняется очень просто паденіемъ Вѣны и опасеніемъ членовъ быть исключенными изъ сейма за неявку, потерять характеръ депутатовъ и попасть подъ скорорѣшительные военные суды Виндишгреца. Лѣвая сторона поспѣшила заявить свою силу тѣмъ, что на предсѣдательское мѣсто посадила не Штробаха, а Смольку. Малочисленный центръ, отличающійся антиславянскимъ направленіемъ, устроился подъ руководствомъ К. Майера и образовалъ единственную партію, на которую могло разсчитывать министерство, даже въ случаѣ coup d'état. Правая сторона изъ чеховъ съ примѣсью русиновъ и иллирійцевъ отомстила своимъ противникамъ по вопросу о томъ, считать ли дѣйствительными или недѣйствительными постановленія имперскаго сейма въ Вѣнѣ, начиная съ рокового 6 октября. Что признаніе ихъ дѣйствительности несовмѣстно съ фактомъ существованія сейма въ Кремзирѣ, это понятно было всякому; но при преніяхъ по этому вопросу Ригеръ, горячо поддерживаемый своей партіею, сталъ безпощадно глумиться надъ безсиліемъ лѣвой стороны и издѣваться надъ нею такимъ образомъ, который могъ быть пріятенъ однимъ только сторонникамъ абсолютизма и ненавистникамъ либеральныхъ учрежденій: «Признавая эти протоколы, говоритъ Ригеръ, вы признаете переворотъ 6 октября и всѣ его послѣдствія. Вслѣдствіе переворота заключено, что распоряженія князя Виндишгреца незаконны. Почему же вы допускаете князя хозяйничать въ Вѣнѣ? Князь разстрѣлялъ Мессенгаузера; Мессенгаузеръ палъ за свободу, неправда ли? онъ дѣйствовалъ по порученію комитета безопасности; если онъ палъ, исполняя свой долгъ гражданскій, то Виндишгрецъ простой убійца. Но въ такомъ случаѣ священный долгъ вашъ состоитъ въ слѣдующемъ: потребуйте, чтобы этого убійцу казнили, выразите благодарность бѣглецамъ, соорудите памятникъ погибшимъ и назначьте пенсіоны ихъ вдовамъ и дѣтямъ». Слова Ригера произвели сильное впечатлѣніе, но и возбудили отвращеніе къ чехамъ въ людяхъ болѣе проницательныхъ и искренне преданныхъ дѣлу истинной свободы; при такой злопамятности и заносчивости въ партіяхъ, едва ли можно было надѣяться, чтобы общими ихъ усиліями воздвигнута была прочная конституція. Вскорѣ потомъ новыя внѣшнія событія приковали къ себѣ исключительно общественное вниманіе и заставили забыть о лицахъ, ивощряющихся въ ораторскихъ упражненіяхъ въ Кремзирѣ. Наканунѣ открытія сейма образовалось новое министерство, и новый императоръ вступилъ на колеблющійся престолъ.

Съ измѣнившимися вслѣдствіе быстраго отцвѣтанія революціи обстоятельствами, измѣнились и требованія общества въ отношеніи къ правительству. Правительство требовалось устойчивое, сильное; кабинетъ самостоятельный, не поддающійся придворнымъ интригамъ, не гнущійся передъ натискомъ черни, кабинетъ, который бы крѣпкими руками держалъ въ рукахъ кормило государственнаго корабля. Матеріальная сила торжествовала въ Италіи съ Радецкимъ и въ Вѣнѣ съ Виндишгрецомъ. Войско вынесло на своихъ плечахъ цѣлость монархіи, и, упоенное своими успѣхами, заявляло себя какъ политическую силу, претендовало на непосредственное участіе въ правленіи. Министерство прежнее вессенбергъ-добелльгофовское было осуждено окончательно; вслѣдствіе октябрьскаго переворота, начинающееся преобладаніе военнаго элемента выразилось въ составѣ новаго кабинета, во главѣ коего сталъ «военный дипломатъ» князь Феликсъ *Шварценбергъ*, лицо во многихъ отношеніяхъ замѣчательное. Родившійся въ 1800 г., князь Шварценбергъ началъ свою дипломатическую карьеру въ Петербургѣ, гдѣ, состоя при посольствѣ, замѣченъ былъ въ связяхъ съ декабристами. Съ тѣхъ поръ онъ побывалъ въ Испаніи и Лондонѣ, Бразиліи и Туринѣ, доставляя вездѣ скандальной хроникѣ богатый матеріалъ (въ Лондонѣ его судила палата лордовъ за прелюбодѣяніе съ женою лорда Элленборо). Истощенный всякого рода излишествами, князь Шварценбергъ игралъ съ революціею, какъ съ средствомъ искусственно потрясающимъ его организмъ; онъ находилъ удовольствіе въ опасности, съ которою сопряжено дѣйствіе наперекоръ народнымъ страстямъ; онъ щеголялъ безусловною преданностью абсолютизму, даже такому, который воплощался въ лицѣ короля Фердинанда неаполитанскаго, не по убѣжденію, но по глубокой ненависти ко всему, что только носило печать либеральныхъ идей и ограниченія произвола власти. Твердыхъ принциповъ дѣйствія у него не было, но никто не могъ ему отказать въ талантливости, въ хладнокровіи и вѣрности взгляда при оцѣнкѣ обстоятельствъ, въ неразборчивости при выборѣ средствъ для достиженія цѣлей. Изъ прежняго министерства въ новое перешли только два лица: *Краусъ* (финансы) и *Бахъ*, политическій хамелеонъ, нѣсколько разъ мѣнявшій въ теченіе послѣдняго полугода свои точки зрѣнія и цвѣтъ своихъ убѣжденій. Риттеру *Тинфельду*, штирійскому помѣщику, дотолѣ неизвѣстному, данъ былъ портфель земледѣлія съ тѣмъ только, чтобы онъ, какъ депутатъ сейма кремзирскаго, представлялъ правительство на этомъ сеймѣ, когда другіе министры будутъ работать въ Ольмюцѣ. Лучшаго спеціалиста по части торговли нельзя было из-

брать, какъ Брука, геніальнаго создателя тріестскаго Ллойда, но Брукъ былъ только спеціалистъ, занятый исключительно своимъ дѣломъ и не касающійся другихъ вѣдомствъ. Опасенія, возбуждаемыя явнымъ реакціонеромъ Шварценбергомъ, затмѣвали другое имя, стоящее съ нимъ рядомъ, во главѣ кабинета. Министромъ внутреннихъ дѣлъ сдѣланъ графъ Францъ *Стадіонъ*, энергическій реформаторъ, правда, въ духѣ централизаціи, но съ извѣстною примѣсью представительныхъ учрежденій, на сколько сіи послѣднія не вредятъ единству монархіи и не ограничиваютъ мощной правительственной иниціативы. Стадіонъ былъ въ оппозиціи съ Меттернихомъ и слылъ когда-то вольнодумцемъ, теперь онъ могъ казаться отсталымъ, во всякомъ случаѣ онъ былъ человѣкъ дѣловой, весьма дѣятельный и прогрессивный, способный вывести государство изъ старой колеи на новые пути. Программа министерства отъ 27 ноября признала конституціонный порядокъ, обѣщала либеральныя реформы, самоуправленіе общинъ, отмѣну владѣльческихъ судовъ, отдѣленіе властей административной отъ судебной. Программа эта вообще понравилась. Вслѣдъ за ея опубликованіемъ 2 декабря весьма неожиданно императоръ Фердинандъ отрекся отъ престола въ присутствіи семьи, министровъ, двора и прибывшихъ изъ Вѣны Виндишгреца и Іеллачича, послѣ чего тотчасъ уѣхалъ изъ Ольмюца въ Прагу, гдѣ и до сихъ поръ живетъ частнымъ человѣкомъ. Власть перешла въ руки племянника его, 18-лѣтняго юноши, объявленнаго наканунѣ того дня совершеннолѣтнимъ. Еще и до сихъ поръ не вполнѣ уяснены обстоятельства, сопровождавшія эту перемѣну, внезапное сочтено загадочнымъ, загадочное объяснялось миѳами; стали ходить темные слухи о закулисной борьбѣ двухъ партій, конституціонной, поддерживающей Фердинанда, и антиконституціонной, отставившей его отъ короны за привязанность къ конституціи и возведшей Франца-Іосифа. Въ сущности загадка рѣшается несравненно проще. Императоръ не имѣлъ своей собственной воли, вслѣдствіе чего онъ и уступалъ предъ всякимъ натискомъ, подписывая, что угодно; всѣ рѣшительныя дѣйствія въ интересахъ династіи совершаемы были отдѣльными государственными людьми на ихъ собственный страхъ и отвѣтственность. Теперь задача этихъ вѣрныхъ слугъ монархіи стала несравненно легче, сомкнутые ихъ ряды окружали со всѣхъ сторонъ престолъ, они располагали подписью императора, но какіе бы указы и манифесты ни подписывалъ государь, ничто не могло разувѣрить многочисленныхъ скептиковъ въ томъ, что указъ не подлиненъ, что подпись вынуждена обманомъ или силою. Императоръ становился такимъ образомъ безсознательнымъ союзникомъ революціонной

партіи; дабы побороть эту партію, необходимо было замѣнить царственный призракъ живымъ лицомъ, относительно котораго никто бы не сомнѣвался, что онъ и думаетъ и дѣйствуетъ съ своими министрами за-одно. Была еще и другая причина отреченія: война съ Венгріей, необходимость вырвать у нихъ изъ рукъ одно изъ самыхъ сильныхъ ихъ орудій. Всѣ венгерскія притязанія выводимы были изъ императорскихъ дипломовъ, присягъ, рескриптовъ, обѣщаній, но именно эти-то обѣщанія и не могли связывать новаго человѣка ничѣмъ не обязавшагося, ни на что не присягавшаго и потому рѣшительно отклоняющаго отъ себя обязательства своихъ предшественниковъ. Необходимостью взять лицо совершенно свѣжее и новое объясняется и то, что устраненъ былъ и обойденъ прямой наслѣдникъ, братъ императора Францъ-Карлъ, малоспособный, безхарактерный и слишкомъ поддающійся вліяніямъ своей супруги эрцгерцогини Софіи, женщины весьма не популярной. Чѣмъ моложе и ближе къ отрочеству былъ новый владыка, тѣмъ болѣе внушалъ надеждъ на будущее. Можно было предвидѣть, что венгерцы его не признаютъ и будутъ противъ него сражаться именемъ коронованнаго короля Фердинанда, но съ венгерцами приходилось идти на Божій судъ, на открытую войну; вызовомъ на этотъ бой звучали слѣдующія слова императорскаго манифеста, возвѣщающія полный разрывъ съ прошедшимъ и объединеніе разношерстнаго государства: «Мы уповаемъ, что съ Божіею помощію и при содѣйствіи народовъ намъ удастся соединить въ одно великое государственное тѣло всѣ земли и племена монархіи».

Судьба большей части имперіи предрѣшалась этимъ манифестомъ не конституціонно, безъ спроса кого бы то ни было и въ смыслѣ самой рѣшительной централизаціи. Рождался вопросъ: какъ отнесется новый государь съ своею унитарною программою къ кремзирскимъ федералистамъ, и можетъ ли половинчатый сеймъ изъ депутатовъ меньшей части державы сочинить конституцію, которая бы пришлась въ пору даже и тѣмъ землямъ, чьи голоса не собраны по этому вопросу, и которыя вовсе не желаютъ надѣть на себя этотъ нарядъ. Между программою манифеста и существованіемъ сейма въ Кремзирѣ было коренное противорѣчіе, замѣтное всякому изъ публики; не понимали его только сами сеймующіе, отдѣленные отъ всего живого міра и обсуждающіе преважно, какъ будто бы они дѣло дѣлали, какія основныя права должны быть укрѣплены за гражданами въ началѣ конституціи. Опредѣленіемъ неотъемлемыхъ правъ человѣка и гражданина занимались усердно въ 1848 году теоретики революціи; на первыхъ порахъ всѣ вошедшіе изъ нѣдръ пере-

ворота народныя собранія спѣшили наперерывъ, въ упоеніи побѣды надъ разбитою властью, занести на бумагу трофеи, добытые единичнымъ лицомъ надъ государствомъ, связать верховную власть по рукамъ. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, упоеніе прошло, и народъ, ради котораго писались основныя права, отвернулся отъ нихъ, не интересовался ими, они остались для него тарабарскою грамотою или становились поперегъ его стариннымъ предразсудкамъ и привычкамъ. Первоначальный проектъ основныхъ правъ изготовленъ былъ еще въ Вѣнѣ и носилъ явственные слѣды неуспокоившагося уличнаго движенія. Однимъ почеркомъ пера уничтожалось въ немъ дворянство, маіораты, преобладаніе церкви римско-католической; дано гражданамъ широкое право собираться, подавать прошенія, носить оружіе, гарантирована свобода печати и неприкосновенность жилища; включены даже и такія мелочи, какъ напримѣръ, воспрещеніе размѣщать солдатъ въ крестьянскихъ избахъ постоемъ изъ опасенія за нравственность женской части населенія. Въ челѣ основныхъ правъ поставленъ эффектно формулированный принципъ державности народа: «господство настоящимъ образомъ выраженной воли народа составляетъ прирожденное и неотъемлемое его право. Правительство существуетъ только въ силу этой воли». Члены редакціоннаго комитета кремзирскаго сейма начали съ того, что, взявъ за основаніе вѣнскій проектъ, стали его исправлять и передѣлывать съ невозмутимымъ спокойствіемъ углубленныхъ исключительно въ свою работу доктринеровъ. У многихъ было смутное предчувствіе, что не все пройдетъ теперь, что прошло бы за три мѣсяца назадъ, но была надежда на то, что можно, ступевавъ рѣзкости, обрѣзавъ многое до корешковъ, прійти къ какому нибудь, безобидному для сторонъ, соглашенію съ властью. Первый § смягченъ и выраженъ въ слѣдующей невинной формѣ: «Всѣ государственныя власти исходятъ отъ народа и исправляются опредѣленнымъ конституціею способомъ». Многіе изъ членовъ сейма были готовы, въ случаѣ несогласія правительства даже и на эту формулу, упразднить § 1 и отвести принцину державности народа какое нибудь мѣстечко въ одномъ изъ менѣе замѣтныхъ уголковъ конституціи.

Прежде нежели открылись пренія объ основныхъ правахъ, 4 января явился Стадіонъ въ средѣ сейма и заявилъ торжественный протестъ противъ теоріи державности народа, подъ знаменемъ которой безчинствовала чернь и пролита кровь благороднаго Латура. Не воля народа, но наслѣдственное монархическое право составляетъ въ Австріи источникъ всякой власти; въ положеніи: «власть исходитъ отъ народа», министерство усматривало

прямое нападеніе на монархическій принципъ. Министерство знало, что большинство готово на уступки; заявленіе Стадіона до начала преній имѣло видъ прямого нападенія на самый корень парламентаризма, помѣшательства работамъ сейма, уничтоженія свободы его совѣщаній. Если министръ запрещаетъ обсуждать ту или другую статью проекта, то можно было предвидѣть, что въ будущемъ онъ будетъ диктовать статью за статьею. Сеймующее собраніе взволновалось, у благодушнаго центра опустились руки, лѣвая сторона думала убираться, не дожидаясь coup d'état, всего сильнѣе раздражены были члены славянскаго клуба и чешскіе депутаты. Они поддерживали правительство въ октябрѣ, они отказались отъ непосредственнаго участія во власти съ тѣмъ, чтобы направлять ее по своему посредствомъ сейма, и много разъ заявляли съ гордостью, что «Австрія существуетъ, пока мы этого желаемъ». Теперь, выведенные изъ себя черною неблагодарностью, они употребили всѣ усилія, чтобы сплотить всѣ партіи воедино и дать дружный отпоръ министерству. Засѣданія пріостановлены на четыре дня, въ теченіе коихъ сильно работали клубы; въ концѣ концовъ, братское единеніе состоялось, всѣ рѣшились стоять за одно, всѣ, кромѣ чиновниковъ, русиновъ и тирольцевъ. 178 человѣкъ подписали предложеніе объ изъявленіи сеймомъ сожалѣнія о недостойной и несовмѣстной съ существованіемъ сейма выходкѣ министерства. Докладчикомъ предложенія избранъ былъ всѣми уважаемый Пинкасъ; громкія рукоплесканія покрыли конецъ его рѣчи: «хотя бы этому собранію и суждено было погибнуть, да будетъ по крайней мѣрѣ честь его спасена»; и предложеніе принято 196 голосами противъ 99. Послѣ этой побѣды, съ удвоеннымъ вниманіемъ слѣдили всѣ за судьбою § 1; если порицаніе министерства не холостой зарядъ, то § 1 долженъ бы былъ быть принятъ собраніемъ съ такимъ же единодушіемъ. Но собраніе видимо испугалось послѣдствій своихъ дѣйствій и, не смотря на великолѣпную рѣчь Ригера, постановило: § 1, о державности народа, какъ не относящійся къ основнымъ правамъ, перенести въ тѣ главы, которыя будутъ посвящены государственному устройству, возложивъ на редакціонный комитетъ пріискать ему приличное мѣсто и форму. Такимъ образомъ, гора родила мышь, и министерство могло хвастать тѣмъ, что въ сущности его требованіе прошло и было принято собраніемъ. Съ тѣхъ поръ министерство стало придерживаться слѣдующей политики: оно почти не появлялось въ Кремзирѣ, изрѣдка показывался Стадіонъ, отвѣчалъ однимъ разомъ на накопляющіяся интерпеляціи, и для виду только сидѣлъ на министерской скамьѣ Риттеръ Тиннфельдъ, хранящій упорное молчаніе. Ничто не мѣшало

собранію обсуждать основныя права; такъ какъ ему не возражали, то пренія шли быстро; такъ какъ партіи сблизились во время борьбы съ министерствомъ, то рѣшенія выходили самыя либеральныя, столь либеральныя, что они изумляли публику, не надѣявшуюся на готовность къ подвигамъ, на чувство самостоятельности въ собраніи, которое было вполнѣ въ силѣ и власти правительства и могло быть разогнано по первому его мановенію. Значительнымъ большинствомъ голосовъ упразднены сословныя привилегіи, въ томъ числѣ и всѣ права дворянства, доступъ на государственную службу закрытъ иностраннымъ наемникамъ, искателямъ карьеры; введены гласность, устность въ судопроизводствѣ вмѣстѣ съ habeas corpus и съ институтомъ присяжныхъ; наконецъ, послѣ оживленныхъ преній, приняты основныя начала іозефинской системы: свобода вѣроисповѣданій, ихъ равенство и отдѣленіе церкви отъ государства. Какъ при всѣхъ сильныхъ сотрясеніяхъ общества, такъ и въ 1848 г., переворотъ политическій шелъ вмѣстѣ съ движеніемъ религіознымъ, и прочія вѣроисповѣданія домогались равноправности съ римскими католиками; въ средѣ самой римской іерархіи, нисшее духовенство требовало улучшенія матеріальныхъ условій своего быта, высшее же или такъ называемый епископатъ, подъ тѣмъ же именемъ и фирмою свободы вѣры, но свободы только для себя, претендовало на подчиненіе государства церкви, безпрепятственную и никѣмъ не контролируемую связь съ Римомъ, и передачу въ руки духовенства семьи чрезъ измѣненіе законовъ о бракѣ и воспитаніи юношества. Хотя въ средѣ сейма не обошлось безъ клерикаловъ, и хотя клерикальныя тенденціи становились съ каждымъ днемъ сильнѣе въ высшихъ кругахъ общества, въ лицахъ непосредственно окружающихъ престолъ, но на сеймъ они не могли имѣть никакого вліянія, потому что значительное большинство сеймующихъ принадлежало къ тому доброму и благоразумному среднему состоянію, которое не особенно помнило заученный въ дѣтствѣ катихизисъ, исполняло внѣшніе обряды и имѣло римско-католическіе нравы, но не римско-католическія убѣжденія. При преніяхъ оказалось, что не всѣ даже духовныя лица одушевлены одинаковымъ духомъ, и сильно было впечатлѣніе, произведенное слѣдующими словами сѣдого зальцбургскаго священника Гальтера: «Я стою рѣшительно за іозефинизмъ, потому что онъ доставляетъ все-таки болѣе свободы, нежели епископскія меморіи, которыя дышатъ свободою въ каждой строкѣ. Только іозефинской системѣ одолжены мы сохраненіемъ мира между вѣроисповѣданіями въ Австріи».

Признаніе вѣротерпимости и равенства церквей подѣйство-

вало весьма благопріятно на общественное мнѣніе, возбудило его интересъ къ происходившимъ въ Кремзирѣ совѣщаніямъ, которыя по исчерпаніи вопроса объ основныхъ правахъ должны были обратиться на предметъ несравненно труднѣйшій, на вопросъ о формѣ государственнаго устройства. Пятичленный комитетъ (Палацкій, Годди, Гольдмаркъ, Майеръ, Смолька) работалъ надъ этою мудрою задачею, потомъ проектъ долженъ былъ быть просмотрѣнъ въ конституціонной коммиссіи изъ 30 человѣкъ, наконецъ предложенъ на обсужденіе сейму.

Австрійская монархія не укладывается никакимъ образомъ ни въ одинъ изъ двухъ главныхъ ходячихъ нынѣ типовъ государства: централизаціи или федераціи. Слишкомъ пестрый ея составъ дѣлалъ всякое объединеніе невозможнымъ; съ другой стороны, узелъ, стягивающій, части былъ столь крѣпокъ, что не допускалъ ни одной изъ нихъ дойти до полной самостоятельности. Централизаторы лѣвой стороны должны были поколебаться въ своихъ убѣжденіяхъ съ тѣхъ поръ, какъ обстоятельства заставили ихъ вступить въ союзъ съ венгерскимъ сепаратизмомъ; съ другой стороны, славяне правой стороны, ревностные федералисты, не могли не замѣтить, что поддержка, оказываемая ими правительству противъ мадъяръ, идетъ впрокъ одной только централизаціи, оставляя ихъ въ чистѣйшемъ убыткѣ. Къ довершенію путаницы понятій, федерализмъ земель съ опредѣленными исторіею границами перекрещивался съ федерализмомъ національностей безъ географически опредѣленныхъ границъ, наслоенныхъ однѣ на другія и стремящихся расширяться однѣ на счетъ другихъ. Члены коммиссіи медлили приступомъ къ дѣлу, ожидая, что ихъ выручитъ великій чешскій историкъ, а Палацкій съ своей стороны долгое время былъ таинственъ какъ оракулъ. Наконецъ, онъ разоблачилъ свой взглядъ и поставилъ на показъ свой идеалъ, въ которомъ проводилъ свои одностороннія національныя идеи, не считаясь нисколько съ живою дѣйствительностью. Палацкій дѣлилъ государство на нѣсколько большихъ областей по крупнымъ національностямъ; во главѣ каждой ставилъ министра-президента или вицекороля, равнаго по чину съ министромъ имперіи, окруженнаго отвѣтственнымъ совѣтомъ изъ земскихъ министровъ. Въ каждой области собирается земскій сеймъ; изъ депутатовъ отъ земскихъ сеймовъ образуется сеймъ имперскій. Такъ какъ внутри каждой земли господствуетъ строжайшая централизація и такъ какъ въ кругъ земской автономіи входятъ цѣликомъ вся администрація, вся юстиція, культъ, народное воспитаніе и большая часть финансовъ, то понятно, что на долю императора и имперскаго сейма приходился самомалѣйшій оста-

токъ силъ и власти, и что отъ доброй воли каждой земской единицы зависѣло оставаться въ составѣ имперіи или вполнѣ отъ имперіи отрѣшиться. Еслибы этотъ планъ осуществился, то чехамъ было бы конечно хорошо, имъ бы удалось аннексировать моравань и словаковъ и задавить посредствомъ централизаціи тѣ частицы нѣмецкаго элемента, коими изпещренъ составъ населенія славянскихъ земель. Революціонеръ въ мысляхъ и консерваторъ въ дѣйствіи, историкъ чешскій забывалъ, что на его проектъ никогда не согласятся дворъ, войско, дворянство, нѣмцы, мелкія провинціи, и что потребуется новая революція для того, чтобы заставить ихъ пойти подъ уготованное иго. Даже въ средѣ пятичленнаго комитета, мысли Палацкаго встрѣтили сильнѣйшее сопротивленіе и не нашли ни одного защитника. Для противодѣйствія ему К. Майеръ написалъ другой проектъ централистическій, выкроенный изъ брошюры графа Ностица и изъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ германскихъ конституцій. Оба проекта Палацкаго и Майера отпечатаны и розданы членамъ конституціонной коммиссіи, которая приступила къ разсмотрѣнію ихъ 22 января.

Проектъ Палацкаго предлагалъ новое дѣленіе Австріи по національностямъ. Спрашивалось, должны ли входить всѣ земли въ этотъ передѣлъ, напримѣръ, венгерскія, или нѣтъ? Большинство было того мнѣнія, что надо создать столь широкую рамку, чтобы въ ней умѣстилась и Венгрія послѣ своего покоренія. По поводу Венгріи оказалось, что Палацкій иную мѣрку прилагаетъ къ своей и иную къ чужимъ національностямъ, чехизму ставитъ задачею объединять и поглощать не чешскія части, а Венгрію намѣренъ разбить на слѣдующіе куски: славянскую, мадъярскую, румынскую, сербскую и хорватскую земли. Точно также по вопросу о Галиціи чехи, поддерживая русинъ, заявили себя въ пользу раздѣленія этой области на польскую и русинскую, чѣмъ возбудили сильнѣйшее негодованіе. Противники чеховъ напомнили имъ съ великимъ озлобленіемъ ихъ непослѣдовательность и довели ихъ до того, что Палацкій и Ригеръ уже соглашались на отдѣленіе отъ богемской короны нѣмецкихъ ея частей; но прежде нежели они согласились, на сколько эту корону слѣдуетъ обрѣзать, одна мысль о передѣлѣ подняла гвалтъ въ средѣ мелкихъ частичекъ, спрятанныхъ въ большихъ группахъ, заголосили дробные партикуляризмы, на каждый клочекъ земли явилось много претендентовъ (італіанскій Тироль и нѣмецкій Тироль, Тріентъ, Зальцбургъ, Форальбергъ, Герцъ). При такой суматохѣ надо было отказаться отъ фантазій націо-

налистическихъ; рѣшено оставить всякіе передѣлы и держаться стараго историческаго дѣленія по областямъ.

Побитые на этомъ пунктѣ федералисты пытались наверстать потерянное при дѣлежѣ власти между имперіею и земствами. Они требовали, чтобы центральному правительству и сейму отведено было столько власти, сколько требуетъ крайняя необходимость, чтобы ея аттрибуціи были строго опредѣлены, чтобы все остальное считалось само собою принадлежностью земской автономіи, которой и отдавалось бы преимущество во всѣхъ сомнительныхъ и спорныхъ случаяхъ. Послѣ жаркаго боя, централисты одолѣли и здѣсь и заставили начать съ опредѣленія круга вѣдомства земствъ съ переходомъ потомъ къ центральной власти. Сначала все шло какъ по маслу, пока дѣло касалось только мелочей; но чехи хотѣли всю администрацію и всю юстицію изъять изъ вѣдѣнія имперіи и сдѣлать дѣломъ земскимъ, при чемъ они сослались не впопадъ на патентъ 8 апрѣля и на обезпеченную этимъ патентомъ самостоятельность чешскаго сейма. Ссылка была изъ самыхъ неудачныхъ; всѣму свѣту было извѣстно, что чехи засѣдаютъ въ Кремзирѣ только по милости князя Виндишгреца, и что еслибы не бомбардированіе Праги, то они бы сидѣли и теперь въ Градчинѣ и диктовали бы законы австрійскому императору. Патентъ 8 апрѣля былъ чехами же уничтоженъ разъ, когда они согласились войти въ учредительный сеймъ имперскій, и другой разъ, когда они протестовали 19 октября противъ венгерскаго сепаратизма, основывающагося на императорскихъ указахъ и концессіяхъ, точь въ точь похожихъ на патентъ 8 апрѣля. Наперекоръ чехамъ, коммиссія не только отняла у земства администрацію и юстицію, но даже и законодательство о промышленности. Тогда Палацкій, обиженный систематически враждебнымъ отношеніемъ коммиссіи къ его федеративнымъ идеямъ, вышелъ изъ этой коммиссіи, уступивъ свое мѣсто болѣе сговорчивому Штробаху. Съ выходомъ его пала мысль объ образованіи центральнаго сейма изъ однихъ выборныхъ отъ земскихъ собраній. Къ началу 1849 г. увѣренность въ превосходство однопалатной системы значительно ослабѣла, и безъ особеннаго сопротивленія рѣшено имѣть двѣ палаты: народную (Volkskammer) и земскую (Landerkammer). Къ великому огорченію федералистовъ, опирающихся главнымъ образомъ на крестьянство, изъ 360 депутатовъ палаты народной 80 отдѣлено для городовъ и мѣстечекъ и 280 для уѣздовъ. Что касается до земской палаты, то постановлено, что она будетъ состоять изъ выборныхъ отъ сеймовъ и изъ выборныхъ отъ округовъ, на которые дѣлится всякая земля. Въ

устройствѣ округовъ централисты успѣли заручиться противъ сепаратизма земель, поддерживая неопасную для имперіи автономію округовъ, общинъ и настоявъ на томъ, чтобы начальникъ каждаго округа зависѣлъ и отъ земскихъ властей и отъ имперскаго министерства. Напрасно Ригеръ протестовалъ противъ французской системы департаментовъ съ префектами, переносимой этимъ путемъ на австрійскую почву; лучше префекты, думало большинство, лучше сложная машина управленія, лучше многочисленность инстанцій, нежели такое слабое единеніе частей, которое бы расклеивалось ежеминутно.

Къ концу февраля работы коммиссіи кончились, и изъ рукъ ея вышло произведеніе, не вполнѣ можетъ быть соотвѣтствующее ожиданіямъ рьяныхъ сторонниковъ крайняго федерализма или абсолютной централизаціи, но способное, повидимому, жить, примиряющее противоположныя начала и состоящее изъ значительныхъ взаимныхъ пожертвованій и уступокъ. Съ каждымъ днемъ возрастало упованіе коммиссіи въ скорое достиженіе цѣли, въ плодотворный конецъ работъ. Сеймъ привѣтствовалъ съ восторгомъ членовъ коммиссіи, когда они явились въ засѣданіе сейма 2 марта возвѣстить объ окончаніи проекта конституціи. Сильныхъ споровъ не предвидѣлось; можно было думать, что къ 14 марта сеймъ просмотритъ проектъ, исправитъ его и будетъ праздновать 15 марта и фактъ рожденія конституціи и первую годовщину революціи. Никто не предчувствовалъ, что дни собранія сочтены, что надъ нимъ сбираются тучи и что занесена рука, которая должна разсѣять, какъ паутину, всѣ его работы. Исполненный надеждъ 2 марта, сеймъ пересталъ существовать 7 марта. Слѣдующія обстоятельства сопровождали его плачевную кончину.

Съ давнихъ поръ сеймъ былъ не въ ладахъ съ кабинетомъ и имѣлъ бездну враговъ въ Ольмюцѣ. Князь Виндишгрецъ называлъ его «пригоршнемъ негодяевъ»; аристократія, дворъ, войско, въ особенности епископатъ, терпѣть его не могли; министры поставили себѣ за правило не обращать на него никакого вниманія. Сотни голосовъ настаивали на томъ, чтобы его разогнать. Министерство медлило, будучи запутано въ войну съ Венгріею и опасаясь, чтобы общественное мнѣніе народа не ополчилось за народныхъ представителей. Но послѣ сраженія при Копольнѣ Венгрія, казалось, почти усмирена, и настало самое удобное время раздѣлаться съ непріятнымъ собраніемъ, давъ вдвое меньше правъ, свободъ и гарантій противу того, что было записано въ изготовляемой сеймомъ конституціи. Предлогомъ октроированія послужила медленность, съ которою подвигались будто бы сеймовыя

работы, но былъ и другой болѣе основательный резонъ, который трудно было опровергнуть: сеймъ не въ состояніи начертить конституцію для своего государства, потому что не всѣ земли имѣютъ въ немъ своихъ представителей.

Поздно вечеромъ 6 марта, Стадіонъ прибылъ внезапно въ Кремзиръ и пригласилъ къ себѣ для секретныхъ совѣщаній нѣкоторыхъ вліятельнѣйшихъ представителей центра и правой стороны. Въ присутствіи ихъ онъ объявилъ, что императоръ пожаловалъ своимъ народамъ конституцію, подписанную имъ 4 марта. Конституція эта прочтена была вслухъ депутатомъ Майеромъ. То самое лицо, котораго скрѣпа значилась на этомъ актѣ — князь Шварценбергъ, осудило его потомъ оффиціально самымъ безпощаднымъ образомъ, какъ скороспѣлое подражаніе иностранному, въ циркулярной депешѣ къ австрійскимъ дипломатическимъ агентамъ, писанной въ концѣ 1851 г. и возвѣщающей ея окончательное упраздненіе съ прямымъ возвратомъ къ абсолютизму. Конституція 4 марта была видимо сшита изъ кусковъ бельгійской хартіи, прусской октроированной, основныхъ правъ франкфуртскаго парламента и проекта графа Альберта Ностица, опубликованнаго въ 1848 г. Никто изъ присутствующихъ не слушалъ ее и не разбиралъ въ эту минуту ея недостатковъ, всѣхъ безъ изъятія возмутило только до глубины души одно: они получали въ видѣ милости то, что считали до сихъ поръ своимъ неотъемлемымъ правомъ. Стадіонъ не ожидалъ такого единодушія; на него видимо подѣйствовало, когда люди самые консервативные, самые умѣренные одинъ за другимъ протестовали противъ намѣреній правительства и дѣлали его отвѣтственнымъ за всѣ послѣдствія его дѣйствій. Стадіонъ былъ озадаченъ предложеніемъ одного изъ членовъ центра, Нейвала, который поручился за сеймъ, что если дѣло въ спѣхѣ, то проектъ сеймовый будетъ принятъ немедленно сеймомъ безъ преній и представленъ на императорское одобреніе и утвержденіе. Стадіонъ ушелъ въ другую комнату подумать надъ этимъ предложеніемъ, обѣщалъ, что онъ берется поддерживать его въ совѣтѣ министровъ въ Ольмюцѣ, взялъ съ присутствующихъ слово, что они сохранятъ въ тайнѣ предметъ совѣщаній и уѣхалъ съ экстреннымъ поѣздомъ въ Ольмюцъ. На другой день утромъ войска заняли Кремзиръ; нѣкоторые депутаты, опасавшіеся преслѣдованій: Гольдмаркъ, Кудлихъ, Фюстеръ, бѣжали тайкомъ за границу.

Телеграмма изъ Ольмюца съ обѣщаннымъ отвѣтомъ Стадіона не послѣдовала. Вмѣсто того члены сейма, собравшіеся поспѣшно въ замокъ, нашли дворъ его занятымъ солдатами, двери залы засѣданій запертыми и запечатанными. Къ стѣнамъ

приклеены были экземпляры указа распускающаго сеймъ и пожалованной конституціи 4 марта. Правительство боялось со стороны сеймующихъ открытаго сопротивленія и воззванія къ оружію. Оно ошиблось; большинство членовъ были отважны только in corpore, но не чувствовали никакого призванія распинаться за права сейма поодиночкѣ разсыпнымъ строемъ послѣ потери и оффиціальнаго характера народныхъ представителей и сопряженныхъ съ нимъ правъ неприкосновенности и неподсудности. Только тридцать три человѣка рѣшились подписать весьма робкій протестъ, въ коемъ они скорѣе сами себя оправдывали, нежели нападали на правительство. Они уѣзжали изъ Кремзира не безъ тайной надежды, что народъ приметъ горячо ихъ дѣло къ сердцу и озлобится на тѣхъ, которые поругались надъ его величіемъ, но дни проходили за днями, миновали мѣсяцы и года и никто ихъ не поддержалъ, никто ихъ не вспомнилъ даже добрымъ словомъ, ихъ дѣятельность прошла безслѣдно, жизнь общественная пошла иными путями, минуя сеймъ имперскій 1848 и 1849 г. и не выводя изъ его начинаній, идей и работъ никакихъ ровно послѣдствій. Чрезъ нѣсколько времени сеймъ этотъ былъ вполнѣ и основательно позабытъ. Многіе члены думали, что они будутъ имѣть возможность возобновить свою борьбу съ правительствомъ на иномъ поприщѣ, въ тѣхъ земскихъ сеймахъ, которые были обѣщаны конституціею 4 марта, въ особенности утѣшали этою мыслью чехи съ вожатымъ своимъ Палацкимъ, но они ждали, не дождались и кончили тѣмъ, что вступили въ государственную службу или совсѣмъ отказались отъ дѣятельности общественной. Правительство не созывало сеймовъ, ни земскихъ, ни имперскаго, оно даже упразднило формальнымъ образомъ послужившую ему ширмами конституцію 4 марта 1849 г. и десять лѣтъ управляло государствомъ безъ всякихъ конституціонныхъ гарантій и сеймованія въ духѣ чистѣйшей бюрократической централизаціи. Конституціонный періодъ былъ слишкомъ коротокъ и не могъ произвести великихъ государственныхъ людей, сильныхъ талантовъ; онъ не произвелъ также ни героевъ, ни мучениковъ. Воспоминанія о конституціонализмѣ стушевались еще и потому, что въ тоже самое время разыгрывалась и приближалась къ развязкѣ другая драма, несравненно болѣе потрясающая и оканчивающаяся не громкими фразами, а потоками крови — драма венгерской революціи, смерть, какъ думали современники, великой исторической національности, которой существованіе оказывалось несовмѣстнымъ съ условіями жизни подунайской имперіи и которая поплатилась прежде другихъ за то, что сдѣлалась органомъ теоріи національностей исклю-

чительной, односторонней и несбыточной. Борьба шла трудно; перевѣсъ склонялся то на одну, то на другую сторону. Намъ остается обрисовать нѣсколькими чертами главные моменты этой борьбы.

Ровно съ изданіемъ новой октроированной конституціи 4 марта счастіе покинуло австрійскія знамена: вмѣсто ожидаемыхъ побѣдъ, пораженіе слѣдовало за пораженіемъ, такъ что стало крайне сомнительно, удержитъ ли габсбургскій домъ за собою тѣ земли, ради которыхъ онъ пренебрегъ конституціею, изготовляемою въ Кремзирѣ, и пожаловалъ общую для всей имперіи конституціонную хартію. Въ Трансильваніи случилась перемѣна уму непостижимая по необычайной быстротѣ. Въ концѣ 1848 года туда былъ посланъ безъ всякой надежды на успѣхъ Бемъ, которому венгерское министерство не могло пріискать въ самой Венгріи приличнаго мѣста, ни занятія. Силы, которыми онъ могъ располагать, состояли изъ плохо вооруженныхъ гонведовъ, разсѣянныхъ въ числѣ 10,000 по крѣпостцамъ и горнымъ ущеліямъ и имѣющихъ противъ себя численно вдвое сильнѣйшаго непріятеля. Бемъ воспользовался превосходно оплошностью и нераспорядительностью австрійскихъ генераловъ, разбитыхъ имъ поодиночкѣ, соединился съ воинственными секлерами, повелъ партизанскую войну и попытался напасть на Германштадтъ. Побитый на голову въ открытомъ полѣ, онъ ускользнулъ изъ рукъ Пухнера, который считалъ его погибшимъ и навелъ такой паническій страхъ на всю землю трансильванскихъ саксовъ, что по настоянію жителей Германштадта и Кронштадта, Пухнеръ обратился съ просьбою о помощи къ русскому генералу Лидерсу. 2 февраля, русскіе заняли Германштадтъ и Кронштадтъ; въ то самое время, когда Пухнеръ, сосредоточивъ всѣ свои силы, обѣщался напасть на Бема и окружить его въ Сегешварѣ, искусный партизанъ былъ уже подъ стѣнами Германштадта, взялъ городъ штурмомъ 11 марта и принудилъ русскихъ уйти поспѣшно въ Валахію. Извѣстіе о взятіи Германштадта было до того неожиданно для Пухнера, что старикъ потерялъ голову и бѣжалъ со штабомъ въ Валахію, куда за нимъ послѣдовалъ и русскій гарнизонъ, занимавшій Кронштадтъ. Такимъ образомъ, вся Трансильванія очутилась опять въ рукахъ мадъяръ за исключеніемъ крѣпостцы Карльсбурга. Не менѣе побѣдоносны были венгерцы въ Банатѣ, гдѣ патріархъ Раячичъ восторжествовалъ правда надъ отборомъ и народною партіею, но въ свою очередь былъ вполнѣ оттѣсненъ отъ власти и сдѣланъ подначальнымъ австрійскихъ полководцевъ Виндишгреца и Майергофера Патріоты, мечтавшіе о независимости, увидѣли, что

они не въ выигрышѣ отъ того, что будутъ тянуть вмѣсто Пешта къ Вѣнѣ. Они старались дѣйствовать на дворъ чрезъ Іеллачича, но Іеллачичъ съ каждымъ днемъ меньше значилъ при дворѣ и не въ состояніи былъ ничего выхлопотать для своихъ земляковъ. Народное одушевленіе прошло, но вмѣстѣ съ тѣмъ пропала и храбрость въ войскахъ. Съ конца марта сталъ ихъ бить безпощадно, грубый, заносчивый радикалъ Морицъ Перчель, плохой членъ сейма, но хорошій революціонный генералъ, очистившій въ самое короткое время большую часть Баната.

Успѣхи Перчеля и Бема были только введеніемъ къ гораздо значительнѣйшимъ побѣдамъ главной арміи венгерской надъ княземъ Виндишгрецомъ. Два мѣсяца князь сидѣлъ, не двигаясь, въ Пештѣ, не преслѣдуя врага, не стараясь о созданіи австрійской партіи и ничего не зная о замыслахъ непріятеля, до тѣхъ поръ, пока самъ этотъ непріятель не переправился чрезъ Тейсъ и не перешелъ изъ оборонительнаго положенія въ движеніе наступательное. Новый планъ дѣйствій имѣлъ поразительное сходство съ прежнимъ планомъ Дембинскаго и состоялъ въ томъ, чтобы ударить на австрійскія войска по направленію въ Пешту двумя путями: изъ Мискольча на Геньешъ и южнѣе изъ Тиссафюреда. Четыре венгерскіе корпуса (50,000 чел.) принимали участіе въ исполненіи этого плана; за болѣзнью Феттера главное начальство досталось Гергею. Послѣ кровопролитныхъ сраженій подъ Гатваномъ, Таніо-Бикче, Годолло, Изашегомъ австрійцы были оттѣснены 7 апрѣля до самыхъ стѣнъ Пешта. Что главною причиною побѣдъ венгерскихъ была совершенная неспособность князя Виндишгреца, то зналъ всякій, и другъ и недругъ Австріи; не только имя его стало позоромъ и посмѣшищемъ, не только на его глазахъ въ самомъ Пештѣ стали показываться мадъярскіе цвѣта, и народонаселеніе столицы начало выставлять на показъ свои антиавстрійскія чувства, но даже вездѣ въ провинціяхъ произошла перемѣна въ общественномъ мнѣніи, сильно озадачившая правительство; сочувствіе къ мадъярамъ заступило мѣсто прежняго равнодушія или національной ненависти, и имя Кошута сдѣлалось, напримѣръ, самымъ популярнымъ въ ненавидѣвшей его недавно Прагѣ. Даже румыны стали дружелюбнѣе относиться къ мадъярамъ со времени послѣднихъ событій въ Трансильваніи. Какъ ни дорогъ былъ Виндишгрецъ всей ультра-аристократической партіи при дворѣ, но само пребываніе его на постѣ главнокомандующаго становилось скандаломъ; смѣнить его надо было во что бы то ни стало. Въ военномъ совѣтѣ въ Ольмюцѣ 12 апрѣля онъ былъ отозванъ, а преемникомъ его назначенъ вѣнскій губернаторъ *Вельденъ*, который началъ съ

того, что озаботился защитою, не Пешта, а Вѣны. Іеллачичъ былъ командированъ на югъ къ Эшегу для образованія самостоятельной южнодунайской арміи; въ Будѣ оставленъ крѣпкій гарнизонъ; изъ Пешта отправлены заблаговременно обозы, канцеляріи, арестанты, въ числѣ которыхъ находился несчастный графъ, Людвигъ Батіани. За нимъ вслѣдъ отправилась армія, которая очутилась опять 21 апрѣля за венгерскою границею.

Тяжелые дни переживала австрійская имперія, но и для венгерской націи наступила роковая критическая минута. До сихъ поръ борьба велась подъ превосходнымъ предлогомъ, который примирялъ умѣренныхъ съ радикалами, льстилъ чувству законности, коимъ отличается мадъярскій народный характеръ, и сообщалъ громадную силу движенію: мадъяре сражались за законнаго коронованнаго короля Фердинанда, лишеннаго свободы и престола, противъ незаконнаго короля Франца-Іосифа. Предлогъ былъ хорошъ, но онъ износился; послѣ блистательныхъ побѣдъ надо было дать венгерской оппозиціи соотвѣтствующее этимъ побѣдамъ политическое выраженіе и опредѣлить отношенія венгерской самостоятельности въ конституціи 4 марта; вмѣсто вопроса личнаго поставить вопросъ реальный, быть ли Венгріи отдѣльною политическою единицею или ей разсыпаться въ сумму дробныхъ частицъ иного централизированнаго государства? Интересно было знать, что сдѣлаетъ Дебречинскій сеймъ, въ средѣ котораго происходила упорная и завзятая борьба двухъ партій: умѣреннаго большинства съ радикальною фракціею, во главѣ которой стоялъ, никѣмъ незамѣнимый и безпредѣльно популярный, Кошутъ. Тотчасъ послѣ побѣды подъ Изашегомъ сопутствовавшій арміи Кошутъ вернулся поспѣшно въ Дебречинъ и изъяснилъ сейму въ секретномъ засѣданіи необходимость отложиться отъ династіи, которая потеряла всѣ права свои на корону отмѣною конституціи и призваніемъ русскихъ въ Трансильванію. Два дня длились пренія, послѣ которыхъ сопротивлявшіеся предложенію уступили и обѣщали молчать. 14 апрѣля назначено было засѣданіе парламента въ реформатской церкви для провозглашенія заранѣе рѣшеннаго вѣчнаго разрыва съ Австріей. На проповѣдническій амвонъ взошелъ агитаторъ, блѣдный, исхудалый; онъ отклонялъ всякую мысль обращенія къ страстямъ, толковалъ о неумолимой логикѣ событій, о невозможности оставаться подъ игомъ: «Богъ можетъ посѣтить меня болѣзнями, приговорить меня къ изгнанію, необходимости принять яду, одного только не можетъ допустить, чтобы я когда либо сдѣлался опять австрійскимъ подданнымъ.» Слово Кошута оказало и при этомъ случаѣ свою волшебную силу; когда онъ провозгласилъ, что

домъ габсбургско-лотарингскій отрѣшенъ отъ престола и на вѣки изгнанъ изъ Венгріи и сказалъ: аминь! то по всей церкви разнеслось это аминь, повторяемое тысячами голосовъ. Ни при голосованіи въ сеймѣ, ни въ сеймовой прокламаціи 19 апрѣля, возвѣщающей міру громадное событіе, не былъ предрѣшенъ вопросъ о будущей формѣ правленія, но всякій понималъ, что другого выхода нѣтъ изъ труднаго положенія. Война Венгріи съ Австріею не возбуждала дипломатическихъ вопросовъ, не подстрекала честолюбія въ европейскихъ державахъ, не могла разсчитывать на ихъ вмѣшательство. Никто изъ принцевъ крови, даже изъ младшихъ линій, не могъ бы прельститься надеждою на завладѣніе тяжелымъ вѣнцомъ. Мадъяре стояли теперь на чисто революціонной почвѣ и могли разсчитывать на содѣйствіе только крайнихъ революціонныхъ партій, то есть на самыхъ ненадежныхъ и дискредитованныхъ союзниковъ. Диктаторъ Кошутъ медлилъ съ провозглашеніемъ республики, но первый министръ Семере и другіе члены новаго кабинета открыто заявляли свои республиканскія убѣжденія. Чистая демократія не знаетъ различія состояній, ни различія національностей, вотъ почему Кошутъ и радикальная партія сдѣлались теперь сговорчивѣе и готовы были идти на мировую не только со славянами, но даже и съ румынами. Революціонное направленіе политики не допускало также войны оборонительной, но требовало наступательнаго движенія за границы Венгріи съ тѣмъ, чтобы протянуть руку помощи и поддержать изнемогающіе остатки революціонной демократической партіи, разсѣянные по всей Европѣ. Новый корпусъ формировался на сѣверѣ для вторженія въ Галицію подъ предводительствомъ Дембинскаго и Высоцкаго. Отъ Гергея можно было ожидать, что онъ перенесетъ войну за Лейту и ударитъ прямо на Вѣну; вмѣсто того, онъ занялся безполезною осадою Офена. Храбрый комендантъ Офена Генци бомбардировалъ Пештъ, защищался отчаянно; грудами труповъ при штурмѣ окуплено было 21 мая взятіе крѣпости и истрачено много драгоцѣннаго времени, въ теченіе котораго австрійцы успѣли оправиться и подготовиться къ новому походу.

Въ концѣ апрѣля венгерское дѣло представлялось въ слѣдующемъ, далеко неутѣшительномъ, видѣ. Народъ колеблющійся, неохраняемый щитомъ законности и потому чувствующій себя въ неловкомъ положеніи въ омутѣ революціонной политики; кабинетъ состоящій изъ людей незамѣчательныхъ; правленіе въ рукахъ неутомимаго и краснорѣчиваго агитатора, у котораго страсть и увлеченіе заступали мѣсто политическаго таланта; сеймъ, оставленный большею частью знаменитостей и находящійся подъ

давленіемъ крайнихъ радикаловъ; наконецъ, во главѣ арміи человѣкъ безпредѣльно самолюбивый, своенравный, двусмысленный, въ рукахъ котораго судьбы народа подвергались постоянной опасности. Артуръ Гергей — вѣчный скептикъ, не вѣрилъ ни на одну минуту въ удачу революціи и, не скрывая, высказывалъ, какъ мало цѣнитъ онъ диктатора, министровъ и всѣхъ «дебреченскихъ болтуновъ». Между нимъ и Кошутомъ антагонизмъ былъ давнишній; не смотря на то, что отрѣшеніе габсбургской династіи отъ престола считалъ онъ пагубною ошибкою, онъ не вышелъ въ отставку и изъ разсчетовъ честолюбія принялъ въ кабинетѣ Семере предложенное ему званіе министра войны, соединивъ это званіе съ должностью главнокомандующаго.

Надежды Кошута и радикальной партіи основывались главнымъ образомъ на двухъ предположеніяхъ: на томъ, что венгерцамъ придется имѣть дѣло съ одними только австрійцами и на томъ, что половина военныхъ силъ Австріи отвлечена будетъ и задержана италіанскою войною. Оба предположенія оказались напрасными. Весною 1849 г., послѣ краткаго перемирія Радецкій окончательно разбилъ сардинцевъ подъ Новаррою и отнялъ у нихъ всякую возможность дальнѣйшаго продолженія неравной войны. Часть арміи Радецкаго была теперь свободна, изъ этой арміи и изъ этой школы взятъ былъ и новый главнокомандующій въ Венгріи баронъ Гайнау, побочный сынъ курфирста Гессенкассельскаго. Военныя дарованія Гайнау были безспорны, его дикая энергія, его безпощадность всѣмъ извѣстны, но даже и въ обыкновенной, а не междоусобной войнѣ, пользоваться имъ можно было только съ разборчивостью; «онъ точно бритва, говорилъ Радецкій, которую, употребивъ, надо потомъ прятать въ футляръ». Никто не упрекнетъ австрійскихъ генераловъ италіанской арміи въ кротости и мягкосердечіи, самому Радецкому случалось приказывать сѣчь женщинъ и разстрѣливать мужчинъ, но Гайнау выходилъ изъ ряда этихъ людей, по неукротимо злому нраву, по сумашедшимъ выходкамъ и наклонности наводить ужасъ, слыть палачемъ. Этому-то опасному человѣку вручена судьба милліоновъ, даны не только военная власть, но и неограниченныя въ дѣлахъ гражданскихъ полномочія. Наконецъ, для большей увѣренности въ побѣдѣ, правительство австрійское заручилось и помощью извнѣ. 1 мая оффиціальныя газеты возвѣстили одновременно въ С.-Петербургѣ и въ Вѣнѣ вмѣшательство Россіи въ дѣла венгерскія въ видахъ подавленія соединенными силами опасной общеевропейской революціонной партіи. Подробности переговоровъ до сихъ поръ съ точностью неизвѣстны; достовѣрно, что Австрія не приняла на себя никакихъ положи-

тельныхъ обязательствъ, но самъ фактъ испрашиванія чужой помощи для своего спасенія былъ въ высшей степени унизителенъ для дома габсбургскаго и походилъ на родъ вассальнаго отношенія къ помогающей державѣ, на родъ отреченія отъ политической самостоятельности.

Главныя военныя силы Венгріи сосредоточивались въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Коморномъ. Сплошною массою двигалась русская армія подъ предводительствомъ Паскевича чрезъ Дуклю и Карпаты на Эперіешъ и Мискольчъ; въ тоже самое время австрійскія войска взяли Раабъ, послѣ чего Гергей, поставленный подъ Коморномъ между двумя огнями, объявилъ о невозможности защитить Пештъ и совѣтовалъ правительству искать въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ безопасности. Почти наканунѣ второго и послѣдняго бѣгства изъ столицы, проявился со всею силою антагонизмъ между диктаторомъ, къ которому довѣріе въ народѣ пошатнулось, и полководцемъ, за котораго горою стояло войско. Кошутъ пытался было отрѣшить Гергея отъ должности, но долженъ былъ отступить, встрѣтивъ сильнѣйшую оппозицію. Правительство венгерское съ сеймомъ очутилось въ Сегединѣ 12 іюля; за день передъ тѣмъ австрійцы заняли Буду и Пештъ. Въ Сегединѣ диктаторъ пробовалъ опять воспламенить населеніе силою слова, но сила этого слова уже не дѣйствовала, смѣшнымъ казалось увѣреніе, что ударитъ онъ ногою и тридцать тысячъ человѣкъ выростетъ изъ земли, которыхъ поведетъ онъ на врага; невѣроятнымъ считалось предсказаніе, что Сегединъ сдѣлается колыбелью свободы Европы, наконецъ, громкимъ ропотомъ встрѣчены были намеки на измѣну со стороны Гергея. Сеймъ оказывался въ недочетѣ, палаты магнатовъ не стало; изъ магнатовъ былъ на лицо одинъ старикъ Перени. Дѣйствовала одна только палата депутатовъ, въ ней слышались горькія жалобы на весь міръ, на Австрію, на европейскую дипломацію и обсуждались два закона, которые въ полномъ развитіи могущества потребовали бы не малыхъ напряженій и усилій, а теперь, въ моментъ паденія, могли имѣть значеніе только духовнаго завѣщанія падающаго государства: освобожденіе евреевъ и уравненіе въ правахъ всѣхъ національностей земли венгерской. Большинствомъ голосовъ рѣшено допустить немадьярскіе языки и нарѣчія въ присутственныхъ мѣстахъ комитатовъ и въ судахъ, равно какъ въ народныхъ школахъ, предоставить широкое самоуправленіе православной церкви, удовлетворить разнымъ требованіямъ сербовъ и румынъ. Признаніемъ равноправности національностей сеймъ закончилъ

свою дѣятельность; 28 іюля онъ рѣшилъ переселиться въ Арадъ по случаю приближенія непріятелей.

Собраться опять ему суждено не было: пока члены его добрались до Арада, венгерская революція была окончательно подавлена. Вслѣдъ за отступающимъ отъ Коморна на Гроссвардейнъ къ Араду Гергеемъ подвигались преслѣдующія его непріятельскія силы; пораженіе слѣдовало за пораженіемъ. Кошутъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ друзей и въ увѣренности, что все потеряно, сложилъ съ себя диктатуру, которую взялъ Гергей съ тѣмъ только, чтобы положить конецъ невозможной войнѣ посредствомъ переговоровъ съ непріятелями. Только недобросовѣстность или слѣпая страсть могутъ взводить на Гергея обвиненія въ измѣнѣ; переговоры ведены были открыто, явно, завѣдомо о томъ всѣхъ партій, но если Гергей неповиненъ въ измѣнѣ, то тѣмъ не менѣе онъ виноватъ въ важной ошибкѣ политической, — въ томъ, что онъ вступилъ въ переговоры не съ австрійцами и только озлобилъ противъ себя, противъ войска и венгерцевъ, ту власть, которой, въ силу обстоятельствъ, предоставлено было господствовать надъ побѣжденною націею. Капитуляція, вслѣдствіе которой 25,000 войска положили оружіе подъ Вилагошемъ, не принесла ни одного изъ результатовъ, которыхъ Гергей надѣялся достигнуть. Тотчасъ послѣ нея начались кровавыя дѣйствія военно-судныхъ коммиссій въ Арадѣ и Пештѣ, сотни людей казнены смертью, въ томъ числѣ несчастный графъ Людвигъ Батіани, и безмолвная страна обречена была на всѣ ужасы нескончаемаго военнаго положенія.

Въ то же время и въ остальныхъ частяхъ Австрійской имперіи водворилась безмолвная тишина, господство провизоріума, временныхъ мѣръ и правилъ безъ мысли о будущемъ, глубокій сонъ усталаго организма, вынесшаго счастливо тифозную горячку революціи. Волны движенія улеглись, общество, повидимому, успокоилось, и только въ недосягаемыхъ его глубинахъ, мало доступныхъ глазу, совершалось тихое, медленное развитіе, возстановляющее лѣтами и десятками лѣтъ тѣ силы, которыя потрясены были въ одну минуту.

В. Д.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

Когда годъ тому назадъ, приступая къ изданію новаго журнала, мы старались очертить характеръ и предѣлы его дѣятельности, намъ необходимо было высказаться положительно о значеніи «Литературной Хроники», составляющей особый, третій отдѣлъ нашей общей программы. Мы объявили, что «третій отдѣлъ будетъ у насъ служить только *дополненіемъ* второго, *обозрѣніемъ общаго хода исторической литературы и указаніемъ вкратцѣ* на важнѣйшія изъ ея произведеній, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующихъ книжкахъ мы могли представить о нѣкоторыхъ изъ нихъ обстоятельный отчетъ во второмъ отдѣлѣ.»

Приступивъ къ осуществленію своей программы, въ первомъ же томѣ нынѣшняго года, мы могли въ предисловіи къ «Литературной Хроникѣ» выразиться еще точнѣе относительно того, какъ мы понимаемъ задачу и цѣль ея, а именно — «довести литературную хронику до значенія современной исторіи въ *словѣ*»; но мы тутъ же поспѣшили оговорить, что «все это составляетъ для насъ пока еще отдаленную цѣль, къ которой мы будемъ постоянно стремиться, но достигнуть которой нѣтъ возможности съ перваго шага. А нынѣ мы дѣлаемъ не больше, какъ такой первый шагъ. Намъ, сознаемся, далеко недостаетъ еще той полноты, которая необходима для изображенія современной исторической литературы, какъ картины современныхъ стремленій и мѣрила нашихъ интеллектуальныхъ средствъ. Къ достиженію такой полноты, мы встрѣтили съ перваго раза даже самыя простыя матеріальныя препятствія, которыя постараемся устранить при послѣдующихъ выпускахъ нашего журнала. Всякому, сколько нибудь знакомому съ библіографическими работами, извѣстно, что подобная работа требуетъ, если можно такъ выразиться, цѣлаго механизма съ немалымъ числомъ рабочихъ рукъ; установить же такой механизмъ можно только при помощи времени.»

Но первый годъ существованія журнала, какъ это мы знаемъ теперь по собственному опыту, и въ чемъ намъ повѣрятъ люди близко знакомые съ подобнымъ дѣломъ, — первый годъ еще далеко недостаточенъ для устройства того механизма.

Трудность нашего дѣла мы можемъ засвидѣтельствовать всего лучше разнообразіемъ тѣхъ требованій, которыя были намъ предъявлены съ различныхъ сторонъ въ отношеніи «Литературной Хроники». Одни выражали желаніе, чтобы въ ней былъ представляемъ подробный и обстоятельный разборъ не болѣе какъ двухъ-трехъ важнѣйшихъ современныхъ литературныхъ произведеній; другіе жаловались на то, что мы слишкомъ долго останавливаемся при разборѣ книгъ на ихъ содержаніи, и что было бы лучше сказать немного, но за то обо всѣхъ, чтобы читатель имѣлъ гарантію, что онъ найдетъ указаніе на все, вышедшее въ свѣтъ въ извѣстный періодъ времени. Короче, одни желали, чтобы наша «Литературная Хроника» приближалась болѣе къ тому, что французы называютъ Catalogue raisonné; другіе же, напротивъ, хотѣли видѣть въ ней строго-критическій отдѣлъ.

Мы предвидѣли эту двойственность противоположныхъ требованій, и съ этою цѣлью объявили, что у насъ «Литературная Хроника» будетъ только *дополненіемъ* второго отдѣла; а именно, второй-то отдѣлъ и предназначался для критическихъ работъ. Второй отдѣлъ, такимъ образомъ, долженъ былъ удовлетворять требованію тѣхъ, которые предпочитаютъ найти въ журналѣ одинъ строгій выборъ новыхъ книгъ, а третій — долженъ былъ представить краткое, но по возможности всеобъемлющее, указаніе на всякое явленіе въ литературѣ.

Между тѣмъ, въ нынѣшнемъ году, второй отдѣлъ, по обилію самостоятельныхъ работъ, такъ былъ стѣсненъ, что мы едва могли помѣстить двѣ-три критическія работы, какъ напримѣръ, «Новѣйшая исторія Австріи», «Мысли и замѣтки о русской исторіи», «Европа наканунѣ 30-хъ годовъ»; вслѣдствіе чего многіе принимали нашу «Литературную Хронику» за строго-критическій отдѣлъ, между тѣмъ, какъ на ней главнымъ образомъ лежитъ одна библіографическая обязанность.

Мы надѣемся въ послѣдующее время уравновѣсить отдѣлы нашего журнала, и тогда второй отдѣлъ будетъ удовлетворять предпочитающихъ чисто-критическую работу, третій же отдѣлъ ограничится строго библіографическою задачею. Во второмъ отдѣлѣ мы будемъ останавливаться на немногихъ важнѣйшихъ трудахъ вообще послѣдняго времени; въ третьемъ отдѣлѣ мы будемъ спѣшить дать краткій отчетъ о литературныхъ новостяхъ послѣднихъ мѣсяцевъ, и чѣмъ болѣе помѣстимъ мы заглавій, чѣмъ хроника наша будетъ полнѣе и всестороннѣе, тѣмъ лучше она будетъ служить «дополненіемъ» къ второму

отдѣлу чисто-критическому, и который потому самому необходимо долженъ ограничиваться весьма небольшимъ числомъ литературныхъ произведеній.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ И СТАТЕЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВЪ 1866 ГОДУ.

А. КНИГИ.

Второе полугодіе.

Положеніе инородцевъ сѣверовосточной Россіи въ Московскомъ государствѣ. *Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра русской исторіи И. Фирсовымъ.* Казань. 1866. Стр. 261.

Въ предисловіи къ этому разсужденію объяснено, что намѣреніе автора было — собрать преимущественно тѣ свѣдѣнія, которыя разсѣяны въ актахъ на счетъ того: 1) въ какія условія жизнь инородцевъ старалось поставить и поставило Московское государство, покорившее ихъ, съ указаніемъ по возможности результатовъ отъ возникавшихъ вслѣдствіе того отношеній для жизни, какъ побѣдителей такъ и побѣжденныхъ; и 2) какъ различныя инородческія группы, и каждая въ отдѣльности, относились къ этимъ большею частію новымъ для нихъ условіямъ. Теперь издается только первая часть труда; но объявляется, что есть намѣреніе изложить особо исторію каждой инородческой группы въ отдѣльности. Вопросъ о физическихъ условіяхъ, подъ которыми жили инородцы, и о значеніи этихъ условій въ ихъ жизни «оставленъ въ сторонѣ». А безъ знанія и научнаго изложенія этихъ условій нельзя внести въ науку ничего прочнаго; съ этого вопроса слѣдуетъ начинать; иначе — все это будетъ собраніемъ отрывочныхъ явленій безъ причинъ, и на каждомъ шагу почувствуется нетвердость почвы.

Авторъ предпосылаетъ обзоръ внутренней жизни инородцевъ предъ временемъ вступленія ихъ въ составъ Московскаго государства. Восточные инородцы раздѣлены у него на три группы: 1) въ Поволжьи, 2) на сѣверѣ и въ западной Сибири, 3) въ восточной Сибири.

Собственно въ отдѣлѣ, который носитъ названіе «Положеніе инородцевъ въ Московскомъ государствѣ» разсматривается отношеніе верховной государственной власти къ землѣ въ инородческомъ краѣ, къ населившимъ ее людямъ, къ ихъ труду, управленіе, судъ, соціальныя отношенія и религіозно-нравственная жизнь тяглыхъ и ясачныхъ инородцевъ по видамъ московской власти, вліяніе на нихъ духовенства и положеніе русскихъ служилыхъ и черныхъ людей въ инород-

ческихъ земляхъ — все это на основаніи разныхъ извѣстій, взятыхъ преимущественно изъ актовъ Археографической Коммиссіи. Собственныхъ и непосредственныхъ наблюденій автора надъ жизнію инородцевъ не видно.

Говоря вообще, авторъ указываетъ на то, что сначала отношенія инородцевъ къ Московскому государству имѣли значеніе неполнаго подданства или полуподданства; но сила обстоятельствъ приводила ихъ къ тому, что московская государственная власть подчинила ихъ состоянію «бо́льшаго въ сравненіи съ прежнимъ холопства». Но такое явленіе сплошь и рядомъ мы встрѣчаемъ въ исторіи всѣхъ краевъ, и, конечно, оно главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что слабый покоряется сильному, выговаривая себѣ сначала извѣстную степень самобытности, и сильный соглашается на это, чтобы избѣжать лишнихъ усилій, да притомъ онъ довольствуется на первый разъ пріобрѣтеніемъ власти на столько, на сколько прежде у него не было, а потомъ уже даетъ почувствовать свою власть слабому; слабый же, не привыкши къ новому положенію, ищетъ средствъ освободиться отъ него, возмущается противъ господства сильнаго, не сладитъ съ нимъ, и тогда сильный подвергаетъ его такимъ условіямъ, которыя бы предотвращали новыя покушенія къ сверженію зависимости. Тогда обыкновенно слабый жалуется на свое утѣсненіе и порабощеніе, а сильный обвиняетъ слабаго въ вѣроломствѣ и непостоянствѣ, но, въ сущности, ни тотъ ни другой не виноваты предъ судомъ исторіи. Слабый не можетъ не домогаться освобожденія, пока представляется хоть какая нибудь возможность; и сильный, укротивши попытки слабаго, неизбѣжно долженъ, какъ говорится, взять его въ тиски, потому что повтореніе такихъ попытокъ для него дорого и вредно. Исторія всѣхъ народовъ полна такихъ явленій.

Далѣе, авторъ дѣлаетъ предположеніе, что изъ Москвы и изъ инородческихъ государствъ могла бы образоваться федерація, если бы въ Москвѣ преобладалъ аристократическій элементъ въ равной степени какъ у инородцевъ; но всякое стремленіе къ подобному сближенію уничтожалъ демократическій духъ народа (стр. 71), и оттого-то Москва не могла довольствоваться полуподданствомъ, но должна была подчинить инородцевъ тѣснѣйшей зависимости. Намъ кажется, что федеративной связи между русскими и инородцами нельзя было образоваться вовсе не потому; кромѣ историческихъ причинъ, препятствовавшихъ этому, русскіе имѣли болѣе задатковъ цивилизаціи, чѣмъ инородцы; на чудскихъ инородцевъ русскіе славяне привыкли смотрѣть какъ на существа низшія себя, а на татаръ какъ на враждебное племя, которое властвовало надъ русскими, и надъ которыми по естественному закону взаимности слѣдуетъ, когда оно ослабѣло, властвовать русскимъ. Притомъ же Москва, уничтоживши удѣльно-фе-

деративный строй въ русскихъ земляхъ, по своимъ государственнымъ основамъ, была очень далека отъ того, чтобы находиться съ кѣмъ нибудь въ федеративномъ единеніи. По этой причинѣ, въ управленіи покоренными инородцами, у насъ видно стремленіе подчинить ихъ тѣмъ же правиламъ, какими руководствовалось московское правительство въ управленіи русскими землями. Такимъ образомъ, чтобы убить вліяніе родовыхъ преимуществъ знатнѣйшихъ фамилій, оно устроило служилую аристократію изъ нихъ же, также точно, какъ у себя на Руси, оно убивало силу древнихъ княжескихъ и боярскихъ фамилій устройствомъ служилой аристократіи. Оттого оно руководствовалось одинакими правилами въ извлеченіи доходовъ, какъ по отношенію къ инородческимъ, такъ и по отношенію къ чисто русскимъ землямъ.

Таковы были естественныя причины подчиненія инородцевъ Московскому государству. Совершенно напрасно авторъ видитъ въ «демократическомъ духѣ» московскаго правительства препятствія къ сближенію съ инородцами. Этотъ демократическій духъ есть не болѣе какъ гипотеза, неоправданная фактами, и потому всякое заключеніе, основанное на ней, только затемняетъ дѣло и вредитъ наукѣ. Во всякомъ случаѣ, автору слѣдовало бы объяснить, что онъ разумѣетъ подъ демократическимъ духомъ, а не опираться на это понятіе, какъ на нѣчто уже доказанное и всѣми признанное явленіе въ исторіи московскаго правительства.

Между Московскимъ государствомъ и татарскимъ племенемъ историческая судьба устроила такія отношенія, которыя открыли первому широкій путь на востокъ. Московское государство освободилось отъ власти татаръ какъ по причинѣ своего внутренняго усиленія, такъ и по причинѣ разслабленія золотоордынской монархіи. На развалинахъ Золотой Орды образовались государства, которыя носили въ себѣ заранѣе тѣ же элементы гнилости и недолговѣчности, какъ были и въ Золотой Ордѣ. Московское государство должно было неизбѣжно покорить ихъ по той причинѣ, что общество, неимѣющее средствъ и внутренней силы для самостоятельнаго историческаго бытія, неизбѣжно подпадаетъ власти сосѣда, который его сильнѣе. Если бы даже сосѣдъ не имѣлъ заданнаго намѣренія овладѣть падающимъ обществомъ, то послѣднее непремѣнно вызоветъ его на то и поставитъ его въ необходимость поступить такъ. Такъ и сталось съ Казанью, а за нею съ Астраханью. Знаменитое покореніе Казани въ 1552 году было только конечнымъ торжествомъ русской силы уже надъ послѣдними, во всякомъ случаѣ безплодными, усиліями умирающаго государственнаго организма въ казанскомъ царствѣ. Казань гораздо ранѣе, по своей слабости, навлекла на себя московскую власть и много разъ предавала свою судьбу этой власти. Раздѣлавшись съ Казанью, Московское государство въ силу сцѣпленія вещей должно было поко-

рить и другія татарскія царства: удерживались долѣе тѣ, которыя по отдаленности пространства не могли скоро встать къ Москвѣ въ такія отношенія, за которыми слѣдовала необходимость для Москвы овладѣть ими. Но что трудно было сдѣлать въ одинъ вѣкъ, то неизбѣжно приходилось сдѣлать въ другой. Движеніе московской власти на востокъ, подпавшій прежде на далекое пространство татарскому господству, было непосредственнымъ слѣдствіемъ расширенія Московскаго государства на счетъ казанскаго царства. Движеніе это было очень удачно, потому что русская стихія встрѣчала стихіи слабѣе себя по цивилизаціи; оттого каждый шагъ впередъ независимо отъ воли самого правительства побуждалъ дѣлать новые шаги и такимъ образомъ Русь дошла до восточнаго Океана. Все это громадное, многознаменательное и въ настоящее время еще далеко не оконченное, дѣло движенія русской народности на востокъ есть непосредственное слѣдствіе татарскаго завоеванія и того способа, какимъ Русь освободилась отъ татарской власти.

Самая важнѣйшая сторона въ исторіи отношеній Россіи къ инородцамъ — это распространеніе русскаго элемента и претвореніе инородцевъ въ русскихъ. Можно смѣло сказать: вообще въ русской исторіи нѣтъ предмета болѣе важнаго для уразумѣнія истиннаго характера русской національности и слѣдовательно для уясненія многихъ историческихъ явленій. Надобно вспомнить, что это началось не съ татаръ. Въ незапамятныя времена материкъ, занимаемый нынѣшнимъ государствомъ русскимъ, обитаемъ былъ народами чуждаго намъ племени. Славянское племя, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій жизни, двигалось на суровый сѣверъ съ роскошныхъ береговъ Дуная и его притоковъ. Конечно, это совершилось не въ одинъ разъ; цѣлые вѣка отдѣляли одно населеніе отъ другого; но у всѣхъ осталось темное воспоминаніе объ отечествѣ праотцевъ, какъ бы въ свидѣтельство того, что славяне на сѣверѣ не аборигены. Тутъ суждено было имъ встрѣчать народы, ниже себя по цивилизаціи и по задаткамъ саморазвитія, вести съ ними борьбу, побѣждать ихъ и уничтожать ихъ народность, претворяя въ свою, — судьба, противоположная судьбѣ тѣхъ славянъ, которые поселились западнѣе и столкнулись съ нѣмецкимъ племенемъ, которое оказалось внутренно сильнѣе славянъ почти на столько же, на сколько славяне были внутренно сильнѣе народовъ чудскаго, летскаго, татарскаго и монгольскаго племенъ. Въ IX вѣкѣ, когда для насъ начинается болѣе ясная русская исторія, мы застаемъ славянское племя уже занявшимъ западное протяженіе нынѣшняго россійскаго европейскаго материка. Все остальное на востокъ, теперь уже обрусѣвшее, тогда было чуждо славянскаго элемента; но и тамъ, гдѣ мы съ IX вѣка видимъ сплошное славянское населеніе, никакъ нельзя допустить, чтобы славяне овладѣли этимъ краемъ безъ борьбы

съ инородцами и безъ смѣшенія съ ними. Неславянскія названія урочищъ и рѣкъ, а также и могильные остатки служатъ этому свидѣтельствомъ, да притомъ лѣтописцы говорятъ о пребываніи между славянами народовъ, которыхъ теперь и слѣда нѣтъ. Гдѣ ятвяги, деремела, голядь? Гдѣ колѣна тюркскаго племени, скитавшіяся между южноруссами? Гдѣ меря, весь, мурома, обитавшіе тамъ, гдѣ потомъ образовалось ядро великорускаго міра? Зная, что во многихъ мѣстахъ жили инородцы тамъ, гдѣ теперь сплошное племя славянское, и эти инородцы претворялись въ славянъ, мы по аналогіи должны допустить, что и въ другихъ болѣе южныхъ мѣстностяхъ жившіе инородцы уступили въ незапамятное время силѣ славянскаго племени. Такимъ образомъ, окажется, что вся русская исторія состоитъ въ борьбѣ славянскаго племени съ инородцами и въ претвореніи инородцевъ въ славянъ. Поглощеніе и обрусѣніе инородцевъ на востокѣ было такимъ образомъ продолженіе того, чего начало ускользаетъ отъ насъ во мракѣ доисторической древности, и вообще это — важнѣйшая историческая задача русской исторіи: ея конечнаго разрѣшенія мы не видимъ и теперь. Овладѣніе Амуромъ, покореніе Кавказа, взятіе Ташкента—все это не что иное, какъ дальнѣйшее исполненіе древней исторической задачи нашей, которую намъ придется разрѣшать, хотя бы и противъ нашихъ намѣреній, въ силу физическихъ, историческихъ и нравственныхъ условій нашей жизни. Чтобы намъ ни говорили о вредѣ растяжимости нашей имперіи, о невозможности удержать громадное пространство, наша историческая судьба все будетъ влечь насъ на востокъ далѣе и далѣе, пока не встрѣтимся съ такою цивилизаціею, которая выше нашей: тогда только будетъ естественно остановиться; для цивилизаціи берегомъ можетъ служить только другая цивилизація, какъ для воды предѣломъ служитъ не воздухъ, но материкъ. До тѣхъ поръ— передъ нами Малая Азія, Персія, Хива, Бухара, Монголія, даже Китай и Японія, и намъ справедливо кажется, что наша задача—все это покорить, обрусить и ввести въ міръ христіанства и европейской цивилизаціи. Отъ насъ, разумѣется, зависитъ ускорить или замедлить разрѣшеніе своей задачи. Нельзя сказать, чтобы мы до сихъ поръ сознательно помогали такому ускоренію. На западѣ насъ хотя обыкновенно и обвиняютъ въ жаждѣ къ расширенію предѣловъ, но это потому, что смотрятъ только на конечные результаты, а не знаютъ или не принимаютъ во вниманіе того, какъ это дѣлается. Конечно, при Алексѣѣ Михайловичѣ писались изъ приказовъ отписки въ Сибирь о томъ, «какъ бы провѣдать новую землицу и присоединить ее подъ высокую государеву руку»; такія желанія перешли и въ послѣдующія времена въ наши думы, но нельзя сказать, чтобы мы послѣдовательно и неустанно старались объ этомъ. Напротивъ, мы напрасно упускали изъ рукъ то, что у насъ было, какъ напримѣръ сдѣлалось при Аннѣ

Ивановнѣ съ южными берегами Каспійскаго моря; мы брали только то, что намъ само давалось, или что мы должны были покорять для собственной безопасности. Но дѣло можетъ пойти быстрѣе, если мы обратимся на востокъ всею силою нашего матеріальнаго и *духовнаго* бытія, если ревнители христіанства пойдутъ туда съ проповѣдью евангельской истины въ духѣ христіанскаго самоотверженія, если торговцы взвѣсятъ всѣ выгоды, какія могутъ происходить для нихъ отъ сношеній съ востокомъ и направятъ туда свою коммерческую дѣятельность, если изученіе восточныхъ языковъ и восточныхъ нравовъ сдѣлается у насъ важнымъ и прибыточнымъ дѣломъ, если оживитъ насъ, въ сообразной нашему вѣку формѣ, предпріимчивый духъ Ермака, Хабарева, Дежнева, если мы поймемъ, что вреда растяжимости намъ бояться нечего, когда мы будемъ стараться не о томъ, чтобы скорѣе политически присоединить восточныя земли, а о томъ, чтобы распространить въ нихъ русскій элементъ и вмѣстѣ съ нимъ христіанство и цивилизацію; когда мы сознаемъ, что намъ предстоитъ покорить востокъ не физическимъ, а нравственнымъ оружіемъ, и прибѣгать къ первому только въ крайности; когда, наконецъ, мы перестанемъ, еще не овладѣвши чужими землями, бояться, чтобы въ нихъ, когда мы ими овладѣемъ, не явилось сепаратизма и вслѣдствіе такой боязни считать за лучшее вовсе не предпринимать ничего по отношенію къ нимъ; напротивъ, когда мы будемъ за такими землями обезпечивать ихъ будущее, лишь бы эти земли стали русскими, и разсудимъ, что на первый разъ лучше для насъ, если какая нибудь Бухара приметъ христіанство, усвоитъ, на сколько возможно, русскую національность и русскій языкъ, но сохранитъ пока свое особое правленіе, чѣмъ если та же Бухара, оставаясь со всѣми признаками своего магометанскаго восточнаго строя, будетъ политически принадлежать намъ: въ первомъ случаѣ, была бы всегдашняя надежда, что Бухара добровольно присоединится со временемъ, во второмъ, опасеніе, что Бухара попытается отдѣлиться отъ насъ.

Противъ такого стремленія къ внѣшней дѣятельности, многіе указываютъ на необходимость намъ заниматься болѣе внутреннимъ усовершенствованіемъ нашего строя и думаютъ, что внѣшнія стремленія мѣшаютъ внутреннему устроенію. Въ такихъ возраженіяхъ есть правда только отчасти. Конечно, если наше стремленіе на востокъ будетъ исключительно завоевательное, оно неизбѣжно будетъ совершаться намъ во вредъ и къ ущербу нашего внутренняго прогресса. Государства, чисто завоевательныя, обыкновенно скоро погибаютъ подъ тягостью своего объема; но если мы будемъ имѣть въ виду не увеличеніе географической карты Россійской имперіи, а распространеніе русскихъ элементовъ на востокѣ и прямыя ближайшія выгоды отъ этого дѣла для нашей торговли, а тѣмъ самымъ и для благосостоянія на-

шего общества, тогда наше стремленіе на востокъ и самое расширеніе государства не только не будутъ помѣхою нашему внутреннему развитію, но еще станутъ ему способствовать. Нація тогда наиболѣе бодра, здорова, способна къ благоустройству и прогрессу, когда она воздѣйствуетъ на другіе народы, стоящіе ниже ея въ умственномъ и нравственномъ развитіи. Только тогда мы и будемъ охотно и успѣшно работать головою, когда плоды нашихъ работъ можемъ передавать другимъ. Географія и исторія поставили насъ въ такое положеніе, что мы отстали въ образованности отъ западной Европы и можемъ только усвоивать и примѣнять къ условіямъ своей жизни то, что приготовилъ для насъ западъ; но мы выше Азіи: тамъ мы цивилизаторы и притомъ на громадное пространство; передавая азіатскимъ народамъ свою цивилизацію, и неизбѣжно пріобрѣтая себѣ отъ того выгоды, мы тѣмъ самымъ будемъ имѣть сильнѣйшее побужденіе къ собственному нашему усовершенствованію. Наша исторія сложилась такъ, что развитіе наше тѣсно связано съ движеніемъ на востокъ: оно началось еще тогда, когда предки наши славяне, «волохамъ нашедшимъ» на нихъ, покинули дунайскія страны; оно тянется черезъ всю нашу исторію, съ нимъ выработалась наша національность; оно далеко не окончено; останавливаться на полдорогѣ значитъ погрѣшать противъ нашего историческаго призванія, сложившагося нашею прежнею исторіею.

Связывая отношенія наши къ востоку съ величайшею историческою задачею русско-славянскаго міра, намъ станетъ понятна важность ученыхъ трудовъ, разъясняющихъ эти отношенія въ протекшіе вѣка. Неоцѣненную услугу отечественной исторіи оказалъ бы тотъ ученый, который бы систематически показалъ намъ всѣ пути и способы, какими инородцы входили въ нашу жизнь, и что въ нее вносили, а равно какія обстоятельства, и на сколько, способствовали этому теченію нашей исторіи и задерживали его.

Сборникъ Муханова. Изданіе второе, дополненное. Спб. Стр. 692. Прим. стр. XVII.

Изданная въ 1836 году книга подъ названіемъ «Сборникъ Муханова» достаточно извѣстна занимающимся русскою исторіею. Кромѣ перепечатки ее въ прежнемъ видѣ вмѣстѣ съ рукописью Филарета, изданною прежде отдѣльно, въ настоящее изданіе включено 154 акта; изъ нихъ нѣкоторые были уже по другимъ спискамъ напечатаны въ другихъ изданіяхъ, а нѣкоторые появляются вновь. Въ числѣ ихъ — десять напечатаны съ пергаментныхъ рукописей, относящихся къ правамъ на имущества главнымъ образомъ новгородской земли; они немаловажны для изученія правъ собственности и сельскаго хозяйства XIV вѣка. Изъ другихъ, позднѣйшаго времени, много монастырскихъ актовъ, преимущественно монастырей Троицкаго Сергіева, Спасоевфи-

міевскаго, Суздальскаго, Ярославскаго Спасскаго. Значительная часть актовъ относится къ исторіи западной и южной Руси во время бытности ея подъ властію Литвы и Польши. Изъ нихъ важны для изученія городской жизни акты, относящіеся къ правамъ и устройству городовъ Вильны и Кіева въ царствованіе Сигизмунда I, Сигизмунда Августа и Сигизмунда III. По отношенію къ древней торговлѣ и цѣнности вещей въ XVI вѣкѣ важна напечатанная въ предлагаемомъ сборникѣ «память товарамъ нѣмецкимъ всякимъ и ефимкамъ и золотымъ, и жемчугамъ и всякой рухляди, почему въ Москвѣ и на Мурманскомъ и въ нѣмцахъ и купать и продають»: Любопытенъ дневникъ Бростовскаго, бывшаго на съѣздѣ въ Вильнѣ въ 1656 году, когда поляки хотѣли избрать преемникомъ своему королю царя Алексѣя Михайловича. При сборникѣ приложенъ указатель, нѣсколько подобинъ старыхъ почерковъ, и предпосланы «desiderata» — сорокъ восемь соображеній о томъ, какъ подвинуть впередъ русскую археологію и исторію. Предоставляемъ читателямъ самимъ съ ними познакомиться; мы же съ своей стороны совершенно ихъ раздѣляемъ и только относительно одного позволяемъ себѣ заявить наше разномысліе. Замѣтивъ, что есть много памятниковъ на польскомъ и латинскомъ языкахъ, относящихся къ русской исторіи, авторъ предлагаетъ издавать ихъ въ русскомъ переводѣ убористымъ шрифтомъ, чтобы сдѣлать дешевымъ и доступнымъ изданіе. Намъ кажется, что какъ бы переводъ ни былъ вѣренъ и точенъ, онъ не можетъ замѣнить подлинника, и всякій ученый, когда ему придетъ нужда пользоваться какимъ нибудь актомъ, охотнѣе заглянетъ въ подлинникъ, чѣмъ въ переводъ. Не думаемъ также, чтобы дешевизна могла расположить къ чтенію актовъ тѣхъ, которые до того времени не имѣли побужденій ихъ читать. Изданія Археографической Коммиссіи недороги, а раскупаются однако не въ громадномъ количествѣ. Чтеніе актовъ у насъ не общеупотребительное занятіе и нѣтъ никакихъ условій, которыя бы могли сдѣлать его такимъ. Читать акты дѣло нелегкое, часто очень утомительное, и требующее вообще много времени и труда, особенно когда ихъ издаютъ безъ объясненій непонятныхъ словъ, встрѣчаемыхъ безпрестанно. Слѣдовательно, при изданіи актовъ должно имѣть въ виду ученыхъ, а для нихъ неизбѣжно нужны подлинники, и конечно тѣ, которымъ нужно будетъ познакомиться съ тѣми актами, которые въ предлагаемомъ сборникѣ помѣщены въ переводахъ съ латинскаго и польскаго, пожалѣютъ, что не приложено самыхъ подлинниковъ. Если бы дѣло шло о передачѣ однихъ только фактовъ, переводы, хорошо составленные, были бы удовлетворительны; но въ каждомъ языкѣ есть свое словосочиненіе, сообразное съ характеромъ народа, который говоритъ этимъ языкомъ, и въ каждомъ вѣкѣ есть свои оттѣнки словосочиненія; кромѣ того въ письмахъ историческихъ лицъ способъ выраженія, не всегда легко переводимый

на чужой языкъ, часто представляетъ черты, объясняющія характеръ этихъ лицъ. Все это составляетъ тамъ особенности, которыя трудно объяснить словами, а между тѣмъ историкъ усвоиваетъ это и черезъ это лучше понимаетъ и событія и побужденія. Что касается до переводовъ, то, разумѣется, за нихъ можно только благодарить издателей, особенно когда это не будетъ значительно возвышать цѣнъ изданій. Мы вполнѣ сочувствуемъ желанію автора, чтобы издаваемы были относящіеся къ русской исторіи акты, писанные на польскомъ и латинскомъ языкахъ. Такихъ актовъ очень много въ рукописяхъ Императорской Публичной Библіотеки, не говоря о другихъ книгохранилищахъ и архивахъ.

Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ. *Соч. Василія Ключевскаго.* Москва. Стр. 264.

Авторъ даетъ сначала понятіе вообще о важности иностранныхъ путешественниковъ XV, XVI, XVII вѣка, потомъ нѣкоторые изъ нихъ пересчитываются по Аделунгу, при чемъ важнѣйшій, а именно, Олеарій приводится на основаніи плохого французскаго перевода и въ такомъ видѣ служитъ источникомъ во всей книгѣ. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе разныхъ сторонъ древняго быта и жизни въ Московскомъ государствѣ по иностраннымъ источникамъ съ ошибками въ родѣ, напримѣръ, такихъ, что сказанное Даніиломъ принцомъ фонъ Бухау приписывается, съ искаженіемъ смысла, Герберштейну, не жившему уже на свѣтѣ въ то время, когда происходили описываемыя событія.

Разсказы изъ исторіи русской церкви, *графа М. Толстаго.* Книжка первая. Москва. Стр. 182.

Это не болѣе какъ сборникъ разныхъ чертъ, относящихся къ событіямъ отечественной церковной исторіи, съ біографіями святыхъ, и вообще къ предметамъ благочестія въ періодъ русской исторіи включительно до татаръ.

Взглядъ на мою жизнь. *Записки дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Дмитріева.* Москва. Стр. 313.

Записки о своей жизни такого человѣка, который въ свое время былъ извѣстнымъ литераторомъ и государственнымъ человѣкомъ, не могутъ не имѣть важности. Достоинство изданія ихъ увеличивается примѣчаніями г. Лонгинова, гдѣ означены къ сожалѣнію впрочемъ короткія біографическія свѣдѣнія о множествѣ лицъ, встрѣчаемыхъ въ книгѣ.

Записки раздѣляются на три части. Авторъ былъ уже шестидесяти слишкомъ лѣтъ, когда писалъ ихъ. Онъ начинаетъ свою біографію съ рожденія; описываетъ свое дѣтство, проведенное въ Симбирской губерніи, близъ города Сызраня, свое воспитаніе, свои раннія

чтенія и впечатлѣнія. Бунтъ Пугачева прогналъ его семью въ Москву, гдѣ молодой Дмитріевъ былъ свидѣтелемъ казни мятежника, о которой сообщаетъ подробности. Въ Москвѣ онъ сошелся съ Карамзинымъ, котораго отецъ былъ женатъ въ другой разъ на теткѣ Дмитріева. На глазахъ Дмитріева Карамзинъ началъ свои литературныя пробы; по смерти своего отца, онъ уѣхалъ изъ Москвы на родину, велъ разсѣянную свѣтскую жизнь, любезничалъ съ дамами и резонерствовалъ со стариками, но скоро Иванъ Петровичъ Тургеневъ увлекъ его снова въ Москву, познакомилъ съ Новиковымъ и ввелъ въ основанное Новиковымъ общество дружеское типографическое, гдѣ Карамзинъ, по словамъ Дмитріева, началъ свое образованіе не только авторское, но и нравственное. Въ домѣ, нѣкогда принадлежавшемъ профессору Шварцу и уступленномъ дружескому обществу Новикова (близъ Мстиславской башни, Мясн. ч. Банковскій переулокъ № 236) жилъ нашъ будущій историкъ вмѣстѣ съ Александромъ Андреевичемъ Петровымъ, котораго полюбилъ и оплакалъ его преждевременную кончину въ сочиненіи: «Цвѣтокъ на гробѣ моего Агатона». Отъ Новикова Карамзинъ уѣхалъ за границу, на свой счетъ, а не на чужой, какъ думали иные. О Карамзинѣ, въ числѣ различныхъ чертъ, сообщаетъ Дмитріевъ о томъ, какъ онъ самъ, Дмитріевъ, имѣлъ вліяніе на исторію Карамзина. Уже въ царствованіе Александра I Карамзинъ издавалъ «Вѣстникъ Европы», хотя любилъ читать исторію и прилѣпился, какъ выражается Дмитріевъ, къ отечественнымъ лѣтописямъ, но въ положеніи частнаго человѣка не находилъ удобнымъ начать дѣло историка и оставить изданіе журнала, дававшаго ему доходъ. По совѣту Дмитріева, нѣсколько разъ настоятельно повторенному, онъ, наконецъ, прибѣгнулъ къ ходатайству Михайла Николаевича Муравьева, который выхлопоталъ ему высочайшій указъ о назначеніи его исторіографомъ, съ переименованіемъ его изъ отставныхъ поручиковъ въ надворные совѣтники съ назначеніемъ ему двухъ тысячъ рублей годового оклада.

Дмитріевъ хорошо былъ знакомъ съ Державинымъ и сообщаетъ любопытныя черты изъ его домашней частной жизни. Дениса фонъ-Визина видѣлъ онъ только однажды предъ его смертью. Съ особеннымъ сочувствіемъ помнитъ онъ Ѳедора Ильича Козлятева, который имѣлъ въ свое время нравственное благотворное вліяніе на свою среду. Самъ Дмитріевъ очень любилъ литературу, хотя въ точномъ смыслѣ поэтомъ не былъ ни по призванію, ни по глубинѣ таланта, въ чемъ самъ благородно сознается.

Воспитаніе его было, можно всего удачнѣе назвать риторическимъ, и оно, какъ продуктъ развитія тогдашняго общества, соотвѣтствовало господствовавшему въ Россіи направленію всего нашего государственнаго и общественнаго прогресса, при которомъ полагали очень важнымъ дѣломъ, когда воображаемому идеалу приличествуетъ наруж-

ность, не видя часто подъ этою наружностью пустоты содержанія. Что потребность стихотворства не истекала у Дмитріева непреодолимымъ потокомъ изъ глубины его природы, видно уже изъ того, что какъ только онъ достигъ большихъ чиновъ по службѣ — музы его оставили, и онъ сохранялъ имя живого литератора только потому, что прежнія его произведенія перепечатались. Онъ самъ строго и безпристрастно говоритъ о себѣ: «одну только плавность стиха и богатую риѳму я считалъ красотой и совершенствомъ поэзіи.» Но въ то время у насъ такъ думали не только читатели, но и самые первостепенные стихотворцы. «Въ стихахъ моихъ — продолжаетъ онъ — примѣчается скудость въ идеяхъ, болѣе живости и украшеній, чѣмъ глубокомыслія и силы». Вмѣстѣ съ тѣмъ Дмитріевъ сознается, что едва ли кто изъ его современниковъ проходилъ авторское поприще съ меньшею заботою и бо́льшимъ успѣхомъ. По авторскимъ трудамъ, его считали быть достойнымъ должности попечителя Московскаго университета, званія дѣйствительнаго члена Россійской академіи и почетнымъ членомъ русскихъ университетовъ.

Вторая и третья часть «Записокъ» Дмитріева относятся исключительно къ его гражданскому служебному поприщу. Во время кончины Екатерины II онъ былъ въ званіи полковника. Страхъ попасть во всеобщую ломку, которая постигала служебную Россію съ воцареніемъ Павла, побудилъ его выйти въ отставку, но оригинальный случай, характеризующій, между прочимъ, оное время, повернулъ его судьбу иначе. Его внезапно арестовали по безъименному доносу въ злоумышленіи на жизнь государя; къ счастію, сочинитель доноса, крѣпостной человѣкъ, мечтавшій, какъ видно, получить свободу и открыться, когда послѣ ареста останется какое нибудь подозрѣніе на обвиненныхъ, былъ въ пору отысканъ: Дмитріевъ оправданъ, обласканъ государемъ, удостоился обѣдать за высочайшимъ столомъ и быть принятымъ ко двору. Случай съ нимъ сталъ для него *случаемъ* въ томъ техническомъ, такъ сказать, смыслѣ этого слова, которое оно когда-то имѣло. Дмитріевъ получилъ мѣсто оберъ-прокурора въ сенатѣ. Но время было незавидное и непрочное для служащихъ: важнѣйшее мѣсто въ службѣ имперіи мѣсто генералъ-прокурора, отъ котораго зависѣло управленіе сената, безпрестанно замѣнялось новыми лицами. Князь Алексѣй Куракинъ впалъ въ немилость; мѣсто его заступилъ Лопухинъ, вошедшій въ милость чрезъ посредство дочери, возвысился быстро, сталъ первымъ человѣкомъ; но овладѣвшій довѣріемъ императора Павла, бывшій его камердинеръ, плѣнный турокъ по происхожденію, возведенный въ графское достоинство въ званіи оберъ-шталмейстера и награжденный орденомъ Андрея Первозваннаго, Кутайсовъ, низложилъ Лопухина, хотя и былъ съ нимъ въ свойствѣ; мѣсто его заступилъ Беклешовъ, но и тотъ не усидѣлъ долго. При такихъ

коловратностяхъ судебъ, постигавшихъ сильныхъ того вѣка, Дмитріевъ заблагоразсудилъ въ 1799 г. выйти въ отставку, тѣмъ болѣе, когда онъ за свою прокурорскую службу награжденъ былъ только орденомъ св. Анны, тогда какъ другіе оберъ-прокуроры, кромѣ Анны, получали еще кресты Іоанна Іерусалимскаго, да еще по нѣсколько тысячъ десятинъ земли на выборъ въ лучшихъ мѣстахъ. Вокругъ происходила государственная перестройка, но исключительно во внѣшности; измѣнялись учрежденія, одни упразднялись, другія вновь возникали; города разжаловывались въ посады, съ южныхъ поселеній снимались, по ненависти къ Потемкину, пышныя греческія имена и возвращались менѣе звучныя татарскія; перемѣнялись мундиры, выдумывались новыя слова команды; люди Екатерининскаго вѣка удалялись и ссылались, любимцы быстро поднимались, но быстро и падали, а при дворѣ было такое великолѣпіе, какое превосходило все прежнее. «Выходъ императора изъ внутреннихъ покоевъ для слушанія въ дворцовой церкви литургіи предваряемъ былъ громогласнымъ командным словомъ и стукомъ ружей и палашей, раздававшимся въ нѣсколькихъ комнатахъ, вдоль коихъ, по обѣимъ сторонамъ, построены были фронтомъ великорослые кавалергарды, подъ шлемами и въ латахъ, а за императорскимъ домомъ слѣдовалъ всегда бывшій польскій король Станиславъ Понятовскій подъ золотою порфирою на горностаѣ. Подолъ ея несомъ былъ императорскимъ камеръ-юнкеромъ. Непрерывные походы князя Суворова въ Италіи подавали случай къ большимъ при дворѣ выходамъ и знаменитымъ баламъ. Государь любилъ называться и на обыкновенные балы своихъ вельможъ. Тогда, на перерывъ другъ передъ другомъ, истощаемы были всѣ способы къ приданію пиршествамъ большаго блеска и великолѣпія. Но вся эта наружная веселость не заглушала и въ хозяевахъ и въ гостяхъ страха и не мѣшала коварнымъ царедворцамъ строить ковы другъ на друга, выслуживаться тайными доносами и возбуждать недовѣрчивость въ государѣ, по природѣ добромъ и щедромъ, но вспыльчивомъ. Отъ того происходили скоропостижныя паденія чиновныхъ особъ, внезапныя высылки изъ столицы даже и отставныхъ, изъ знатнаго и средняго круга, уже нѣсколько лѣтъ наслаждавшихся спокойствіемъ скромной независимой жизни.»

При Александрѣ, въ 1806 году, возобновилась служебная карьера Дмитріева съ бо́льшимъ блескомъ. Онъ былъ сенаторъ. Изъ его сенаторской дѣятельности останавливаетъ вниманіе, произведенное имъ въ Рязанской губерніи, дѣло о злоупотребленіяхъ по откупамъ, ничего впрочемъ не показывающее, кромѣ всѣмъ извѣстнаго часто повторявшагося обстоятельства, что люди правительственные брали искусно взятки и умѣли такъ хорошо хоронить концы, что послѣ суда получали вновь хорошія мѣста, а вся вина падала на мелюзгу, на

писарей, конторщиковъ, канцеляристовъ etc., которые и несли на себѣ всю тяжесть грѣха, какъ волъ за чужое сѣно. Въ началѣ 1810 года Дмитріевъ получилъ должность министра юстиціи: говоря о своей дѣятельности на этомъ поприщѣ, онъ излагаетъ свои неосуществившіеся проэкты, относящіеся, впрочемъ, къ внѣшней перестройкѣ сената, сообщаетъ вскользь нѣсколько чертъ о нѣкоторыхъ государственныхъ лицахъ и въ томъ числѣ о Сперанскомъ, и распространяется о неудовольствіяхъ, какія онъ имѣлъ; эти неудовольствія ограничивались тѣмъ, что иногда не такъ поступали, какъ ему хотѣлось. Въ особенности легло ему на сердце дѣло, перерѣшенное вопреки прежнему, предложенному имъ и состоявшемуся, рѣшенію дѣла объ одной опекѣ: оно до того огорчило его, что онъ уѣхалъ въ долговременный отпускъ. По возвращеніи, его честолюбіе было снова подвергнуто искушеніямъ, между прочимъ и тѣмъ, что по поводу наименованія Александра I Благословеннымъ не ему поручили сочиненіе адреса или прошенія государю. Еще сильнѣйшій опытъ для честолюбія, какъ онъ самъ выражается, Дмитріевъ перенесъ, когда, по поводу дѣла о винныхъ откупахъ, по которому сенаторы были и противъ него и противъ министра финансовъ Гурьева, хотя дѣло это окончилось согласно ихъ желанію, государь не принялъ Дмитріева. До него дошло, что государь «изволилъ сказываться предъ одною особою, будто Дмитріевъ сталъ лѣнивъ и гордъ, и потому государь задалъ ему урокъ въ смиреніи». Дмитріевъ подалъ въ отставку и получилъ ее съ ежегоднымъ пенсіономъ въ десять тысячъ ассигнаціями, а его мѣсто заступилъ Трощинскій. Государь, однако, утѣшилъ его милостивымъ вниманіемъ. Съ 1819 года, сентября 20 онъ началъ жить въ Москвѣ и черезъ два года былъ предсѣдателемъ коммиссіи для пособія разореннымъ въ Москвѣ отъ пожара и непріятеля, но и тутъ самолюбіе его было уязвлено, такъ что онъ хотѣлъ было бѣжать подъ предлогомъ посѣтить восьмидесятилѣтняго отца, но смерть послѣдняго лишила его этого предлога и онъ остался до окончанія коммиссіи. Въ 1822 году Дмитріевъ былъ въ Петербургѣ; государь обласкалъ его и дозволилъ помѣститься для временного житья на лѣто въ Сарскомъ (Царскомъ) Селѣ въ одномъ изъ китайскихъ домиковъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Карамзинымъ, которому даны были для лѣтняго житья съ семьею два китайскихъ домика.

Карамзинъ, нѣкогда товарищъ его московской молодости, теперь уже стоялъ высоко. Еще въ 1811 году, когда Дмитріевъ былъ министромъ, государь, по словамъ его, однажды сказалъ ему: «Какъ ты думаешь, можно ли употребить Карамзина по письмоводству? Разумѣется не съ тѣмъ, чтобы отвлечь его отъ настоящаго занятія по его званію исторіографа, но чтобы иногда только поручать ему кабинетную работу. Мнѣ довольно извѣстенъ авторскій талантъ его,

но я видѣлся съ нимъ только однажды мимоходомъ (въ декабрѣ 1809 года, какъ объяснено въ примѣчаніяхъ) когда пріѣзжалъ съ сестрою Екатериною Павловною въ Москву. Она мнѣ указала его. Я желалъ бы съ нимъ сблизиться.» Отвѣчавъ на то, что было можно (говоритъ Дмитріевъ), я осмѣлился доложить государю: позволено ли мнѣ будетъ сообщить Карамзину о томъ, что имѣлъ счастіе слышать. «Съ тѣмъ то я и началъ рѣчь объ немъ — сказалъ императоръ — ты можешь отписать къ нему, что я скоро поѣду въ Тверь для свиданія съ сестрою. Хорошо было бы, еслибъ онъ къ тому же времени туда пріѣхалъ.» Послѣдствіемъ сего было только то, что государь, возвратясь изъ Твери, изволилъ сказать мнѣ, что онъ очень доволенъ новымъ знакомствомъ съ исторіографомъ и столько же отрывками изъ его исторіи, которые онъ въ первый вечеръ прослушалъ до второго часа ночи. Даже изволилъ вспомнить, что было читано: о древнихъ обычаяхъ россіянъ и о нашествіи монголовъ на Россію.»

Теперь Дмитріевъ увидалъ Карамзина въ высокой милости у монарха. Никто — говоритъ Дмитріевъ — ни одинъ изъ монарховъ не награждалъ съ такимъ блескомъ авторскія заслуги, какъ Александръ I, и ни одинъ изъ нашихъ писателей не былъ столько отличонъ почестями, какъ Карамзинъ, не смотря на то, что онъ во всю жизнь свою не употреблялъ никакихъ происковъ и однажды только прибѣгалъ къ покровительству М. Н. Муравьева.

«Право гражданства (пишетъ Дмитріевъ), полученное мною въ китайскомъ поселеніи, доставило мнѣ удовольствіе быть чаще въ Царскомъ Селѣ и проводить по нѣсколько дней сряду вмѣстѣ съ Карамзинымъ. Наши домики раздѣляемы были однимъ только садикомъ, чрезъ который мы другъ къ другу ходили. Всякое утро онъ, отправляясь въ придворный садъ, захаживалъ ко мнѣ и заставалъ меня еще въ постелѣ. Въ саду онъ почти всегда встрѣчался съ государемъ и ходилъ съ нимъ по большей аллеѣ прозванной августѣйшимъ хозяиномъ зеленымъ кабинетомъ. По возвращеніи съ прогулки Карамзинъ выкуривалъ трубку табаку и пилъ кофе съ своимъ семействомъ. Потомъ уходилъ въ кабинетъ и возвращался къ намъ уже въ исходѣ четвертаго часа прямо къ обѣду. Послѣ же онъ садился въ кресла дремать или читать заграничныя вѣдомости, потомъ, сдѣлавъ еще прогулку, проводилъ вечеръ съ сосѣдями или короткими пріятелями. Въ числѣ послѣднихъ чаще другихъ бывали В. А. Жуковскій и старшій Тургеневъ.

«Сколь ни пріятно для меня было жить почти подъ одною кровлею съ стариннымъ единственнымъ моимъ другомъ, слушать его и восхищаться чертами прекрасной души его, любоваться его и славою и домашнимъ счастьемъ; признаюсь, однако, что ни одного тогдашняго утра и вечера не могъ я сравнить съ тѣми, кои мы просижи-

вали въ Москвѣ одинъ на одинъ, когда Карамзинъ, еще до первой женитьбы своей, жилъ на Никольской улицѣ, въ четырехъ маленькихъ покояхъ въ нижнемъ этажѣ, здѣсь я бывалъ съ нимъ по нѣскольку дней неразлучнымъ, но не помню, чтобы хоть четверть часа мы были безъ свидѣтелей. Казалось, будто мы встрѣчались все мимоходомъ. Дворъ, изрѣдка и легкія исторіи, городскія вѣсти были единственнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ...»

Понятно, почему Дмитріеву казались въ воспоминаніи пріятнѣе дни, проведенные нѣкогда съ тѣмъ же Карамзинымъ въ Москвѣ: онъ вспоминалъ собственную молодость.

Шестидесятипятилѣтній старикъ, оглядываясь на свою жизнь, говоритъ, что, кромѣ неизбѣжныхъ для всѣхъ потерей близкихъ людей вслѣдствіе естественной ихъ смерти, онъ не испыталъ въ жизни несчастій. «Безъ покровителей, безъ происковъ, достигалъ онъ высокихъ чиновъ, а на тринадцатомъ году (выражается онъ) я былъ оторванъ отъ ученья и достигъ нѣкоторой извѣстности въ кругу нашихъ словесниковъ.» Жизнь необыкновенно удачная, ясная: судя по запискамъ, только изрѣдка ее омрачали легкія уязвленія служебнаго самолюбія. Соотвѣтственно такой спокойной жизни — въ запискахъ этихъ отражается легкость, поверхностность взгляда, равнодушіе къ истиннымъ интересамъ жизни. Здѣсь нѣтъ ни любви, ни семьи, ни религіи, ни философіи, ни опыта жизни, ни наблюдательности надъ жизнію, ни уразумѣнія среды и людскихъ характеровъ; если встрѣчаются извѣстія о лицахъ, то всѣ эти извѣстія болѣе или менѣе носятъ внѣшній, анекдотическій характеръ. Нѣтъ ни общественныхъ вопросовъ своего времени, ни народныхъ потребностей — а если отъ кого можно было ожидать этого, то, конечно, отъ министра юстиціи. Вездѣ видна натура прямая, честная, но дѣтская, легкая, даже мелкая, неспособная ко злу, и при избыткѣ избалованнаго самолюбія неспособная и къ борьбѣ съ препятствіями къ добру. Важнѣйшая сторона этихъ записокъ для исторіи — это сама личность писателя, связанная съ тогдашнимъ строемъ жизни и требованіями общественной дѣятельности, съ характеромъ воспитанія и съ складомъ нравственныхъ понятій. Разумѣется, мы судимъ о личности, на сколько она высказываетъ сама себя въ этихъ запискахъ.

При запискахъ приложены два письма Погодина о кончинѣ и похоронахъ Ивана Ивановича Дмитріева, умершаго въ октябрѣ 1837 года, и надгробное слово, сказанное священникомъ при его погребеніи.

Записки Алексѣя Петровича Ермолова съ приложеніями. *Изданіе И. П. Ермолова.* Часть I. 1801—1812. Москва. Стр. 282. Прилож. 385 стр.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ при императорѣ Павлѣ I, на 21 году своей жизни, послѣ заключенія въ Петропавловской крѣпости былъ со-

сланъ на вѣчное пребываніе въ Костромскую губернію и можетъ быть тамъ бы заглохъ и не пришлось бы ему занимать того блестящаго положенія, какое имѣлъ послѣ въ русской исторіи, еслибъ скоропостижная смерть императора Павла и воцареніе благодушнаго Александра не возвратили его отечеству.

Съ этой эпохи онъ начинаетъ свои записки, которыя относятся исключительно къ военному поприщу автора. Напечатанная здѣсь только первая часть этихъ записокъ раздѣляется, въ свою очередь, на три неравныя главы: первая, въ 113 стр., обнимаетъ собою время отъ 1805 до 1807 г. включительно до свиданія двухъ императоровъ на Нѣманѣ въ Тильзитѣ и заключаетъ подробныя описанія отступленія русскихъ войскъ и Аустерлицкую битву, дѣла при Пултускѣ и Голыминѣ, походы въ Пруссію въ началѣ 1807 года, предварительныя дѣла, отступленіе русскихъ и сраженіе при Прейссишъ-Эйлау. Затѣмъ слѣдуетъ вторая глава (стр. 113—119), отъ 1807 до начала отечественной войны, служащая какъ бы переходомъ къ описанію войны 1812 года, которая составляетъ третью главу (стр. 119—282). Ермоловъ сообщаетъ, что передъ войной 1812 года были различныя мнѣнія о ея веденіи; одно, очевидно, раздѣляемое и авторомъ, было то, что удобнѣе вести войну наступательную и выступить войсками изъ Россіи, потому что тогда Пруссія могла къ намъ пристать, да и вести войну всегда лучше въ чужой землѣ, чѣмъ подвергать разоренію свою, допустивши ее быть театромъ военныхъ дѣйствій; но бывшій прусскій генералъ Толь далъ противные совѣты, между прочимъ построеніе укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ; и разрозненность второй арміи отъ первой Ермоловъ приписываетъ ему и находитъ, что этотъ совѣтъ, показывающій неспособность совѣтника, принятъ былъ потому, что тогда привыкли считать нѣмцевъ вообще умнѣе русскихъ. Ермоловъ не любитъ нѣмцевъ и высказываетъ эту нелюбовь много разъ въ своихъ запискахъ. Лагерь, построенный по совѣту нѣмца, оказался негоднымъ. Армія начала отступленіе. Ермоловъ получилъ званіе начальника главнаго штаба (арміи). Важная должность, въ которой онъ, такимъ образомъ, находился, даетъ еще болѣе значенія его запискамъ. «Все описываемое мною — говоритъ онъ — почерпнуто или изъ самыхъ источниковъ или основано на точныхъ свѣдѣніяхъ». Ермоловъ излагаетъ отступленіе русскихъ войскъ до самой Москвы, подробно описываетъ битвы подъ Смоленскомъ и подъ Бородинымъ, отдачу Москвы, обратное отступленіе Наполеона, преслѣдованіе его, партизанскую войну, Березинскую переправу. Записки его прекращаются на началѣ 1813 года. Разсказъ его точенъ и не многорѣчивъ, иногда облитъ желчію и не лишенъ остроумія. Онъ живо изображаетъ характеры и способности дѣйствующихъ тогда героевъ нашихъ, указываетъ на ихъ ошибки; вообще эти записки снимаютъ со многихъ тотъ ореолъ, кото-

римъ окружило ихъ для насъ патріотическое чувство. Человѣческія слабости и недостатки выказываются рѣзко. Мелкая зависть, чванство, начальническая спѣсь, недозволяющая слушать правды, грубое обращеніе съ подчиненными, коварства, раздоры, видны вездѣ. Князь Кутузовъ особенно представляется совсѣмъ не въ привлекательномъ свѣтѣ. Прочитавши эти записки, можно вывести заключеніе, что успѣхъ отечественной войны меньше всего зависѣлъ отъ военачальническихъ талантовъ или здравыхъ соображеній. Ермоловъ чуждъ того патріотизма, который любитъ скрывать дурныя стороны своихъ соотечественниковъ. Онъ не стыдится объявить, что въ Австріи наши солдаты въ 1805 году свирѣпствовали надъ жителями и оставляли ихъ нищими, а въ 1812 разоряли и насиловали своихъ земляковъ въ Порѣчьѣ, не щадили даже св. церквей. Но Ермоловъ не ограничивается и одними хулами: онъ отдаетъ каждому свое, и часто одни и тѣ же лица за одно одобряетъ, за другое порицаетъ. Замѣчательно, что онъ иногда обращаетъ вниманіе на частныя событія и обстоятельства, которыя имѣли вліяніе на дѣла и могли бы у другихъ пройти незамѣченными. Ограничившись преимущественно военными дѣйствіями, онъ мало сообщаетъ свѣдѣній о средствахъ содержанія войскъ, и о нравственномъ состояніи ихъ массъ. Историкъ онаго славнаго времени, конечно, признаетъ эти записки важнымъ источникомъ и оцѣнитъ его критически въ ряду другихъ. Въ приложеніяхъ собраны разные документы, относящіеся къ описываемымъ въ запискахъ войнамъ.

Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ Сѣверозападномъ краѣ. *Изданіе редакціи Виленскаго Вѣстника.* Вильно. Стр. 300.

Въ сборникѣ помѣщено триста пѣсенъ, 151 пословица и 53 загадки; эти народные памятники собраны преимущественно въ Гродненской губерніи (въ уѣздахъ Кобринскомъ, Брестскомъ, Слонимскомъ, Бѣльскомъ и Пружанскомъ), частію въ Виленской (въ уѣздахъ Дисненскомъ и Виленскомъ) и Минской (въ уѣздахъ Новогрудскомъ и Пинскомъ); изъ нихъ 162 малорусскихъ, 122 бѣлорусскихъ и шестнадцать на (такъ называемомъ въ предисловіи) заблудскомъ говорѣ.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, по поводу одной книги, гдѣ высказывалось, что народныя пѣсни для историка могутъ быть иногда также важны какъ лѣтописи, въ нашихъ журналахъ было великое глумленіе. Одни со смѣхомъ приглашали Нибура, Тьерри, Гизо полюбоваться нашими славянскими открытіями, другіе рѣшали, что народною поэзіею можетъ заниматься тотъ, кто не можетъ или не хочетъ заняться чѣмъ нибудь посерьезнѣе. Теперь — никто не скажетъ этого. Теперь понимаютъ, что важнѣйшій элементъ исторіи есть народъ — его бытъ, чувства, понятія, вѣрованія, думы, страданія, его внутренняя жизнь, его саморазвитіе, а поэтому само собою разумѣется, что

народныя произведенія, памятники дѣятельности его чувства, фантазіи и мысли не только могутъ быть для историка столько же важны какъ лѣтописи, способствуя притомъ ясному пониманію внутренняго смысла послѣднихъ, но даже важнѣе иныхъ лѣтописей, также точно какъ для исторіи эпохъ, богатыхъ поэтическою и философскою письменностію, произведенія этой письменности бываютъ нерѣдко важнѣе собственно историческихъ сочиненій, касающихся совершившихся событій. Нашей наукѣ предстоитъ еще работа привести этотъ матеріалъ (до сихъ поръ сырой) въ возможность быть полезнымъ для историка мыслителя. Съ пѣснями приходится дѣлать почти тоже, что съ лѣтописями: надобно разложить эти сбитыя въ кучи произведенія многихъ вѣковъ и разныхъ мѣстностей, отдѣлить древнее отъ позднѣйшаго, самодѣльное народное отъ наплывшаго и привившагося, найти условія мѣстности и обстоятельствъ, вліявшія на передѣлку и видоизмѣненія народныхъ произведеній, указать формы взглядовъ, понятій и выраженія народнаго по отношеніямъ къ природѣ и жизни, показать сходства и различія произведеній одной народности съ другими. Но прежде такого ученаго труда надъ народными памятниками необходимъ, къ сожалѣнію, еще предварительный трудъ—обмолотить, если можно такъ выразиться, наши сборники народныхъ произведеній и выдѣлить изъ нихъ то, что въ нихъ безспорно народнаго, отъ того, что попало туда вслѣдствіе ошибокъ или недобросовѣстности. Настоящему сборнику не выдержать такого рода обмолотки, если приняться за него со всею строгостью критики.

Съ удивленіемъ мы прочли въ предисловіи къ нему на CVIII страницѣ, что въ числѣ изданныхъ пѣсенъ есть такія, гдѣ упоминается о Чернобогѣ и о древнихъ божествахъ Ладѣ и Дивѣ! Открывая указанныя страницы, мы находимъ въ одной пѣсни такіе стихи:

Бывъ на Руси Чернобогъ,
Предъ нимъ стоявъ Туровъ рогъ.
Зонъ (онъ) из Кіевъ поглядавъ,
Гомонъ вѣдьмамъ подававъ,
А Владимиръ нашъ святый
Чорна Бога сколотывъ,
А мученица Варвара
Усѣ вѣдьмы разогнала,
Вѣдьмы, что у ночну пору
Слеталисъ на Лысу гору, и т. д.

Въ другой пѣснѣ встрѣчаются такіе стихи:

Есть заклятый сухій сукъ;
На томъ суку сидитъ крукъ.
Пане круку, пане круку!
Чорна Бога старшій внуку!

Ти въ свой рожокъ затрубы
И (имя рекъ) загубы;
Загубы яго ты душу,
Высуши якъ гэту грушу,
Якъ Русь ляхи загубили,
Якъ Русь ляхи полонили.
Слети съ древа чорный крукъ —
Дай ему у душу стукъ.
Ладно ладо, дивно диво:
Не живи, моспане, криво! и т. д.

Кто много слышалъ народныхъ пѣсенъ отъ самого народа и вдумывался въ ихъ складъ и пріемы, тотъ съ перваго раза инстинктивно отличитъ фальшивыя и сочиненныя отъ дѣйствительно народныхъ, такъ точно какъ опытный кассиръ по одному осязанію отличаетъ фальшивый бумажный денежный знакъ отъ настоящаго, какъ музыкантъ въ многосложномъ оркестрѣ чувствуетъ фальшиво взятую ноту, какъ антикварій съ разу узнаетъ поддѣлку. Это своего рода чутье, которое никогда не обманываетъ даже и тогда, когда поддѣлка сдѣлана чрезвычайно искусно. Приведенныя же выше фальшивыя пѣсни до того неискусною рукою изготовлены, что развѣ только совершенно незнакомый съ пріемами народной поэзіи можетъ усомниться въ ихъ поддѣльности. *Гомонъ вѣдьмамъ подававъ* — выраженіе не только невозможное въ народной рѣчи, но безсмысленное. Гомонъ значитъ — шумъ отъ разговора, котораго словъ нельзя разобрать. Говорятъ, напримѣръ: *чую, хтось гомонитъ; я прислухуюсь*... это значитъ: *слышу кто-то разговариваетъ, а словъ не слышно; я прислушиваюсь.* Существительное *гомонъ* какъ и глаголъ *гомоню* во всѣхъ его видахъ не употребляется тогда, когда говорится объ одномъ лицѣ, а только тогда, когда идетъ дѣло о двухъ или многихъ, говорящихъ между собою, какъ и слова: «разговоръ», «разговаривать» не приложимы къ одному лицу. При этомъ значеніи слова *гомонъ*, понятно, что оно здѣсь не согласимо съ глаголомъ подавать. Также лишено смысла выраженіе: *Чорна Бога сколотывъ.* Сколотить значитъ возмутить и употребляется по отношенію къ жидкостямъ: воду сколотить, масло сколотить, а въ переносномъ смыслѣ значитъ поссорить, произвести безпорядокъ (колотъ, колотеча, колотільня — свалка). Чернобога сколотить нельзя. Народъ такъ не скажетъ.

Два стиха. *Усъ вѣдьмы разогнала, вѣдьмы что у ночну пору* и т. д. не народны. Намъ не укажутъ ни одной пѣсни, гдѣ бы существительное, находящееся въ предыдущемъ стихѣ, повторилось въ послѣдующемъ съ указательнымъ мѣстоименіемъ. Чернобогъ — миѳологическое существо западныхъ славянъ, но еслибъ оно и существовало на Руси въ отдаленные вѣка язычества, то названіе его не могло бы удержаться, потому что слово Богъ, которымъ народъ означалъ высочайшее

существо христіанскаго міра, этотъ народъ не осмѣлился бы употребить его съ эпитетомъ черный въ качествѣ злого духа.

Пѣсня, помѣщенная на стр. 7, «Изъ-за Слуцка, изъ-за Клецка», которая въ предисловіи приписывается временамъ удѣльнымъ, очевидно, также выдуманная. Она, какъ сообщается въ примѣчаніи, перепечатана въ Вѣнской газетѣ «Золотая грамота», а издатель оной газеты Ливчакъ получилъ ее отъ какого-то петербургскаго студента. А петербургскій студентъ гдѣ взялъ ее? Вообще слѣдуетъ обозначать отъ кого именно изъ лицъ простого народа записана пѣсня и гдѣ именно?

Пѣсня на стр. 111: *Я Гриць козакъ* — не народная, а сочиненная полякомъ, хотѣвшимъ понародничать; она, какъ намъ давно извѣстно, ходила по рукамъ въ тетрадкахъ, а въ народѣ едва ли пѣлась. На стр. 93, пѣсня: *Отъ села до села*—выписана изъ «Гайдамакъ» Шевченка и сочинена имъ. Съ такою-то неразборчивостію составлялся этотъ сборникъ. Хотя большая часть пѣсенъ и дѣйствительно записаны отъ народа, но многія изъ нихъ переправлены, подправлены, припрaвлены, и потому остается желать, чтобы народныя произведенія западнаго края впередъ появлялись въ такихъ сборникахъ, которые бы могли служить матеріаломъ и для науки.

Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности. *Ореста Миллера.* Часть I, выпускъ 1. Отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины. Изд. 2-е, передѣланное и дополненное тремя новыми главами. С.-Петербургъ. Стр. 406. Дополн. 25 стр.

Первыя 240 страницъ этой книги посвящены устной народной словесности, преимущественно съ цѣлію примѣнить русскія народныя произведенія къ выводамъ, добытымъ, по сравнительной миѳологіи, изслѣдованіями Куна, Маннгардта, Шварца, Макса Миллера, Альфреда Мори и др. Вторая часть посвящена письменной словесности.

Относительно устной словесности, намъ, при чтеніи этой книги, является необходимость сдѣлать два вопроса: всякую ли поэтическую фигуру слѣдуетъ принимать за содержащую миѳъ, или же слѣдуетъ различать то и другое, и во всякой ли народной пѣсни можно отыскивать первообразы глубокой древности, или надлежитъ въ этомъ отношеніи полагать различіе между пѣснями древняго и позднѣйшаго склада? Еслибы намъ отвѣтили утвердительно — мы бы сочли безполезнымъ толковать объ этомъ; но въ книгѣ съ приведеннымъ названіемъ не разъ отмѣчается то, что̀ признается поэтическою фигурою, и позднѣйшіе образы въ пѣсняхъ отличаются отъ признаваемыхъ древними. А если такъ, — то мы дозволимъ себѣ сказать, что многое, чему придается миѳическое значеніе, удобнѣе можетъ быть отнесено къ разряду простыхъ поэтическихъ фигуръ, и на нѣкоторыхъ пѣсняхъ, принимаемыхъ за древнія, лежитъ явный отпечатокъ позднѣйшаго сочиненія. Для убѣжденія въ этомъ, возьмемъ

хоть колядки, съ которыхъ начинается ученое обозрѣніе по памятникамъ народной словесности. Колядки въ Малороссіи поются однажды въ годъ, вечеромъ въ первый день Рождества, преимущественно не мальчиками, какъ говорится въ книгѣ, а дѣвушками, непремѣнно подъ окнами хатъ; предметъ ихъ — величаніе хозяина и его домочадцевъ, и поэтому все, что поется въ колядкахъ, слѣдуетъ принимать въ большей или меньшей степени примѣняемости къ тѣмъ, кому колядуютъ. Надобно замѣтить, что слово колядовать всегда употребляется съ дательнымъ падежомъ [1]). Въ этихъ колядкахъ ученый авторъ отыскиваетъ выпуклые слѣды первобытныхъ миѳовъ. На стр. 33, нашедши, что *зоря* (звѣзда) идетъ гостить у пана Ивана, занятаго свадьбою своего сына и дочери, онъ говоритъ: «этотъ панъ Иванъ только замѣна первоначальнаго существа миѳологическаго». По всему видно (примѣръ, который мы укажемъ ниже, еще болѣе убѣждаетъ въ этомъ), авторъ думаетъ, что имя Иванъ навсегда приросло къ этой колядкѣ, что это такое слово, которое, какъ говорится, изъ пѣсни вонъ не выкидывается. Нѣтъ; этотъ панъ Иванъ здѣсь только «имя рекъ», и вмѣсто пана Ивана можетъ быть панъ Павло́, Петро́ и т. п., смотря потому, какъ зовутъ того, кому колядуютъ; а почему здѣсь звѣзда идетъ къ нему гостить, такъ это можетъ объясняться тѣмъ значеніемъ, какое звѣзда имѣетъ въ народной жизни на праздникъ Рождества Христова: наканунѣ этого праздника не ѣдятъ до звѣзды, и явленіе первой вечерней звѣзды считается началомъ праздничнаго торжества, а въ самый день праздника ходятъ Христа славить со звѣздою; поэтому выраженіе: «звѣзда идетъ гостить къ пану Ивану», не имѣя миѳологической основы, можетъ относиться прямо къ этой праздничной звѣздѣ.

Существуетъ колядка, которую на различные лады поютъ молодцамъ: представляется молодецъ, котораго называютъ именемъ того, кому колядуютъ, онъ идетъ въ невѣрную землю, одерживаетъ побѣду, осаждаетъ городъ; побѣжденные выносятъ ему мису червонцевъ; онъ, по однимъ варіантамъ, беретъ, но не снимаетъ шапки, не благодаритъ, по другимъ не беретъ вовсе, и въ томъ и въ другомъ случаѣ продолжаетъ безпокоить городъ; ему выводятъ красивую панну: этотъ подарокъ любъ ему; онъ снимаетъ шапку, благодаритъ и отступаетъ отъ города. Эта колядка во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ явно указываетъ

---

[1]) Слово коляда встрѣчается въ кормчей XIII вѣка, гдѣ имъ переведено съ греческаго *καλανδας*, которымъ означали увеселенія 1 января, признаваемыя языческими (calendæ januariæ). Въ XVII вѣкѣ, въ Малороссіи ученые называли этимъ именемъ выдуманное божество. Въ Польшѣ слово kolęda коляда означаетъ святочной подарокъ, а глаголъ kolędować (колядовать) примѣняется даже къ церковнымъ пѣснопѣніямъ, какъ показываетъ выраженіе kościół kolęduje. Иностранное происхожденіе этого слова едвали можетъ подвергаться опроверженію.

на казацкій бытъ. Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ изъявить такого рода желаніе молодымъ казакамъ, которые считали долгомъ воевать съ невѣрными, и какъ люди холостые желали жениться на красавицахъ. Даже «миса червонцевъ» показываетъ произведеніе казацкой эпохи; много разъ случалось, что казаки, воюя, брали окупъ съ городовъ. Замѣтимъ, что въ Червонной Руси именно эту колядку относили къ Богдану Хмельницкому, осаждавшему два раза въ жизни Львовъ и бравшему съ него окупъ. Въ «Опытѣ историческаго обозрѣнія русской словесности» на стр. 34, напротивъ, говорится о ней, что «въ невѣрной землѣ, куда отправляется молодецъ со своими сподвижниками, слѣдуетъ видѣть уже позднѣйшую замѣну первоначальныхъ враговъ совершенно иного рода, какихъ нибудь темныхъ чудовищъ, противъ которыхъ выступало свѣтлое божество. «По всей вѣроятности» — говорится на той же страницѣ — «въ добромъ молодцѣ нашихъ колядокъ является молніеносный громовникъ. На это можетъ указывать и самое его имя Иванъ, постоянно придаваемое и въ сказкахъ народныхъ чудесному доброму молодцу.» Подобныя догадки, были бы, можетъ быть, на своемъ мѣстѣ, еслибъ дѣло шло о какомъ нибудь произведеніи глубокой древности. Иванъ здѣсь вовсе не постоянно придаваемое пѣсни лицо, и вмѣсто его можетъ быть другое лицо, такъ какъ и «стоящая въ свѣтлицѣ Орышечка,» обратившая на себя вниманіе автора, можетъ быть не только Орышечка, но Галечка, Марусенька и т. д., смотря потому какъ звать дѣвицу, которой колядуютъ. «Выраженіе пѣсни — говорится на стр. 32—что она какъ заря взошла, должно быть позднѣйшимъ измѣненіемъ въ поэтическую фигуру того, что первоначально представлялось дѣйствительностію; въ первообразѣ пѣсни, она должна быть въ самомъ дѣлѣ заря, а не какъ заря; церковь же, въ которую она входитъ въ теперешнемъ видѣ пѣсни, должна быть небомъ.» Тутъ нѣтъ никакой зари, ни въ какомъ смыслѣ. Въ малорусской поэзіи и даже вообще въ малорусской жизни существуетъ ласкательное обращеніе къ дѣвицамъ: зірочко ясная! (звѣздочка ясная!) Неужели всякій разъ, когда скажутъ дѣвицѣ такой комплиментъ, слѣдуетъ подозрѣвать миѳологію? Церковь здѣсь прямо церковь, а не небо: колядовницы желаютъ дѣвицѣ выйти замужъ, и, слѣдовательно, вѣнчаться въ церкви. Ни въ этой колядкѣ, ни въ предъидущей мы не видимъ ничего, чтобы могло указывать на ихъ древность или по крайней мѣрѣ на существованіе какого-нибудь первообраза, впослѣдствіи измѣнившагося. Еслибы авторъ находилъ связь этихъ колядокъ съ миѳологическими представленіями только въ томъ смыслѣ, что всѣ поэтическія фигуры вообще, истекая изъ свойствъ человѣческой природы, связаны съ признаками первоначальнаго человѣческаго развитія, — тогда можно было бы сказать ему, что съ такой точки зрѣнія не только всѣ безъ исключенія народныя пѣсни, но и

сочиненія поэтовъ находятся въ связи съ миѳологическими представленіями; но почтенный авторъ, очевидно, разумѣетъ не то: онъ думаетъ, что эти колядки составлены въ древности и только нѣсколько измѣнились; онъ хочетъ возстановить, до извѣстной степени, ихъ первообразъ.

Въ тѣхъ колядкахъ, гдѣ говорится о рожденіи Спасителя, также не всегда умѣстно искать миѳологіи. Такой образъ, какъ купаніе младенца Іисуса, незачѣмъ объяснять «солнцевою матерью», стоитъ взглянуть на старыя иконы Рождества Христова, гдѣ изображается купаніе родившагося Спасителя. Вообще явленіе въ народѣ такихъ образовъ о рожденіи Спасителя, какихъ нѣтъ въ евангельскомъ разсказѣ, объясняется во первыхъ распространеніемъ апокрифическихъ сказаній, которыя въ Польшѣ входили даже въ печатныя книжечки, во вторыхъ тѣмъ, что народная фантазія прилаживала событія Рождества къ своему сельскому быту. Такимъ путемъ могла возникнуть колядка, гдѣ описывается, что Іосифъ Обручникъ ѣхалъ на возѣ, запряженномъ кобылою, и попалъ въ грязь; сбѣжались люди, стали вытаскивать возъ изъ грязи и оторвали хвостъ у кобылы. Неужели и здѣсь слѣдуетъ подозрѣвать свѣтоносное существо, попавшее въ тучу, и молніеноснаго громовника, освобождающаго его отъ темныхъ чудовищъ?

На стр. 50, по поводу хороводныхъ пѣсенъ сказано, что онѣ относятся большею частью къ позднѣйшему времени и имѣютъ предметомъ любовь или различныя семейныя отношенія семейной жизни. Вотъ одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ авторъ показываетъ, что, отыскивая въ пѣсняхъ миѳологическую сторону, онъ различаетъ въ народной поэзіи, то, что древнѣе, отъ позднѣйшаго. Но малорусскія веснянки, соотвѣтствующія тѣмъ великорусскимъ пѣснямъ, съ которыми водятся весенніе хороводы, въ этомъ отношеніи намъ кажутся предпочтительнѣе тѣхъ именно колядокъ, о которыхъ шла рѣчь. Тотъ признакъ, что въ нихъ воспѣвается любовь и другія отношенія семейной жизни не умаляетъ достоинства ихъ древности. Извѣстная игра *сѣяніе проса* съ пѣснію, гдѣ припѣвается: ой диду ладо! относится къ этому разряду пѣсенъ, однако въ древности ея нельзя сомнѣваться. Примемъ во вниманіе частые припѣвы: ой диду ладо! ой лелю ладо! воспоминаніе Дуная, призываніе матери, которая должна отворить небо и выпустить росу, олицетвореніе весны въ видѣ дочери этой матери, наименованіе солнца крапивнымъ [1]) колесомъ, остатки миѳологическихъ исторій, погребеніе и воскресеніе миѳологическаго существа, наконецъ въ самыхъ играхъ и во всей такъ сказать процедурѣ весенняго празднества, которое продолжается до Купала, вѣетъ отличными отъ жиз-

[1]) Вѣроятно жгучимъ, горячимъ. Сравн. слово укропъ — кипятокъ. Слово крапива (rutica) также происходитъ отсюда.

ненной среды пріемами. Хороводныя пѣсни должны были сохраниться долѣе другихъ именно потому, что онѣ соединены съ играми, которыя имѣютъ свой обрядъ; здѣсь пѣсня держится до тѣхъ поръ, пока обрядъ существуетъ, или по крайней мѣрѣ она, приросши къ существующему обряду, не такъ легко подвергается измѣненіямъ, какъ другая, не связанная ни съ какими опредѣленными тѣлодвиженіями.— Къ нашимъ былинамъ прилагаются выводы нѣмецкихъ ученыхъ изслѣдователей миѳологіи.

По поводу новгородскихъ былинъ замѣчено, что Новгородъ принялъ въ себя «много заморскаго, много такого, что дѣлало его вольность вольною не въ древне-славянскомъ смыслѣ, что въ этомъ торговомъ городѣ она приняла варяжское направленіе». Желательно было бы, еслибъ когда нибудь ученые изложили намъ вольность въ древнеславянскомъ смыслѣ и представили о заморскомъ вліяніи на торговый Новгородъ болѣе прочныя и очевидныя доказательства, чѣмъ тѣ, которыя мы слышали до сихъ поръ въ видоизмѣненіяхъ на всякіе лады; они не идутъ въ сущности дальше того, что ганзейскіе купцы временно пріѣзжали въ Новгородъ торговать и проживали въ нѣмецкомъ дворѣ, не вмѣшиваясь въ дѣла города.

Съ 240 стр., начинается изложеніе письменной христіанской словесности. Авторъ различаетъ здѣсь памятники XI и XII вѣка, потомъ слѣдуютъ устныя христіанскія сказанія, а потомъ памятники XIII вѣка. Вездѣ у автора является желаніе осмыслить наши памятники, показать ихъ отношенія къ жизни. По поводу лѣтописи, авторъ высказываетъ мысль, что дружина завелась у насъ съ призванія князей и была стихіею не славянскою, а новою для славянъ. Мысль черезъ чуръ смѣлая, хотя и не новая. Откуда же извѣстно, что до прибытія варяговъ не было дружины (слово славянское и не значитъ именно тоже, что Geleite)? Если только у славянъ были князья и наступательныя войны, то непремѣнно должны быть и дружины съ какими бы то ни было отмѣнами. У онаго Лавритаса (можетъ быть, какъ предполагали, Врастислава), который отвѣчалъ аварамъ, что славяне привыкли покорять другихъ, конечно, была дружина. Авторъ видитъ исключительно германскія особенности въ чертахъ жестокости у нашихъ варяжскихъ князей языческаго періода и въ доказательство этого приводитъ слова древлянъ Ольгѣ объ Игорѣ: «наши князья добры, пекутся о нашей землѣ какъ добрые пастухи, твой же мужъ, словно волкъ, только и зналъ, что грабилъ!» Тутъ усматривается противоположность туземной славянской стихіи съ примѣсью варяжскаго. Но въ томъ же лѣтописцѣ есть извѣстіе, что поляне, гораздо ранѣе принятія варяжскихъ князей, «были обидимы отъ древлянъ»; слѣдовательно, до пришествія варяговъ уже существовала въ нѣкоторой степени вражда между полянами и древлянами; при такихъ давнихъ отношеніяхъ, если бы

Игорь въ званіи кіевскаго князя, покоривши древлянъ, былъ не чужеплеменнымъ, а чистымъ полянииномъ,—все равно власть его надъ древлянами не могла бы показаться послѣднимъ пріятною и легкою въ сравненіи съ властію ихъ собственныхъ князей. Въ книгѣ «Опытъ историческаго обозрѣнія» все кроткое, мягкое, человѣколюбивое, однимъ словомъ, все сочувственное — приписывается славянству, все жестокое, грубое, кровавое, отвратительное — иноземному вліянію. Но развѣ славяне не люди и при добрыхъ свойствахъ не имѣли дурныхъ, особенно въ варварскіе вѣка? Чѣмъ же хоть бы убійство Людмилы Драгомирою, убійство святого Вацлава братомъ своимъ Болеславомъ и другія варварства первой эпохи, въ чешской исторіи, лучше любыхъ варварствъ Германіи или Скандинавіи?

Во всемъ поученіи Мономаховомъ, приписываются наитію безспорно славянскому (стр. 286) черты кротости, человѣколюбія и вообще благодушія, разлитыя въ этомъ превосходномъ произведеніи нашей древней словесности. Но въ томъ же поученіи, писанномъ рукою человѣка говорящаго: «ни крива, ни права не убивайте», есть и такого рода признаніе: «и на ту осень идохомъ съ черниговцы а съ половцы съ Читьевичи къ Мѣньску; изъѣхахомъ городъ и не оставихомъ въ немъ ни челядина, ни скотины». Тотъ же Мономахъ, котораго авторъ спѣшитъ оправдать въ убіеніи пословъ половецкихъ, сознается, однако, что онъ не слишкомъ церемонился съ плѣнными и безоружными, разсказывая, что, взявши въ плѣнъ половецкихъ князей, уже безоружныхъ — «тѣхъ живы ведъ изсѣкъ вметахъ въ ту рѣчку въ Славію». Доблести умной личности Владиміра неоспоримы, но также неоспоримо и то, что онъ во многомъ былъ сынъ своего варварскаго вѣка, и потому, чтобы избѣжать односторонности и натяжекъ, нужно разсматривать его всецѣло.

Сообразно объему нашей «Литературной Хроники» мы не считаемъ удобнымъ излагать здѣсь другія подобныя замѣчанія, къ которымъ бы могла привести довольно эта книга; написанная съ запасомъ дарованій и учености, она безспорно будетъ оцѣнена, какъ почтенное явленіе въ нашей литературѣ. Впрочемъ, наше мнѣніе не должно имѣть цѣны для автора, который въ этой же самой книгѣ счелъ умѣстнымъ аттестовать наши познанія дурно за то, что мы не признаемъ большого научнаго достоинства въ изслѣдованіи о Бабѣ-Ягѣ, напечатанномъ въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древности», гдѣ видимъ крайнюю несвязность, насильственныя сопоставленія и произвольные выводы, построенные на основаніи чисто внѣшнихъ и случайно сходящихся признаковъ. Охотно признаемъ, впрочемъ, за этой статьею значеніе сборника любопытныхъ данныхъ, къ сожалѣнію передаваемыхъ безсвязно. Избѣгая всякой полемики за себя, мы не станемъ оправдываться; но не можемъ не замѣтить несправедливости

автора къ К. Д. Кавелину, о которомъ г. Орестъ Миллеръ въ своемъ «Опытѣ» выразился, что онъ пишетъ «по слухамъ». Это выраженіе сказано по тому поводу, что г. Кавелинъ, въ «Мысляхъ и Замѣткахъ о русской исторіи», признаетъ миѳологію русскихъ славянъ крайне бѣдною въ сравненіи съ миѳологіею другихъ народовъ. Г. Орестъ Миллеръ можетъ имѣть основаніе на другое, противоположное этому, убѣжденіе, но сказать такъ, какъ онъ выразился объ авторѣ, несправедливо уже потому, что такую же бѣдность славянской миѳологіи въ сравненіи съ германскою признавалъ г. Буслаевъ, занимавшійся спеціально этимъ вопросомъ. Слѣдовательно, если г. Миллеръ даже и правъ, считая за русскими славянами болѣе миѳологическаго богатства, чѣмъ сколько полагаетъ за ними г. Кавелинъ, то все-таки сходство взглядовъ послѣдняго со взглядами такихъ ученыхъ, о которыхъ г. Орестъ Миллеръ (мы увѣрены) не скажетъ, что они пишутъ по слухамъ, показываетъ, что г. Кавелинъ изучаетъ, на сколько ему нужно, тотъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, и слѣдовательно, говорить, что г. Кавелинъ пишетъ «по слухамъ» еще неумѣстнѣе, чѣмъ если бы мы стали утверждать, что «Опытъ» г. Ореста Миллера написанъ по слухамъ, и, утверждая такимъ образомъ, опирались бы только на томъ, что онъ дѣлаетъ ученые выводы изъ употребленія въ колядкахъ постоянно имени *Иванъ*, не видя того, что это имя внесено въ пѣсни издателемъ пѣсенъ вмѣсто «имя рекъ». Но едва ли неуважительное обращеніе съ именами авторовъ можетъ придавать силу ученымъ доводамъ критика, и потому мы ограничились строго повѣркою фактовъ и заключеній, приводимыхъ авторомъ, сохраняя однако все наше уваженіе къ почтенному его имени. Притомъ мы разъ на всегда избрали правиломъ для своей критики извѣстныя слова, указанныя нами еще въ началѣ нашей дѣятельности: «Съ книгою должно обращаться такъ, какъ мы обращаемся съ людьми». Если другіе желаютъ нарушать это правило, то это нисколько не обязательно для насъ.

Проповѣдническіе подвиги апостоловъ славянъ, святыхъ Кирилла и Меѳодія. Спб. Стр. 68. Прилож. стр. VIII.

Изъ жившихъ послѣ апостольскихъ вѣковъ угодниковъ, почитаемыхъ церковью, никто не имѣлъ болѣе важнаго вліянія на нашу историческую судьбу, никто по близости къ намъ своей земной дѣятельности не имѣетъ болѣе правъ на полное всеобщее чествованіе всѣмъ славянскимъ племенамъ, какъ наши первоучители — Константинъ въ иночествѣ Кириллъ и братъ его Меѳодій. Церковное богослуженіе, школьное ученіе, наша письменность, самая наша повседневная рѣчь — все должно намъ напоминать объ этихъ великихъ личностяхъ, объ этихъ первовиновникахъ нашей цивилизаціи. И однако, прошло почти уже тысячелѣтіе съ ихъ кончины, а у насъ знало объ нихъ только

ограниченное число грамотѣевъ, да и изъ тѣхъ очень немногіе понимали важность ихъ заслугъ; не было ни церквей во имя ихъ, нельзя было нигдѣ, ни въ храмахъ, ни въ домахъ, найти ихъ изображеній, не было въ ходу ихъ житій, не праздновали день, посвященный ихъ памяти, даже въ календаряхъ, печатаемыхъ Академіею, верховнымъ ареопагомъ просвѣщенія на Руси, не считалось прежде нужнымъ упомянуть о нихъ подъ числомъ одиннадцатаго мая. Между тѣмъ, сообразно благодѣяніямъ, которыя мы отъ нихъ получили и которыми продолжаемъ пользоваться, можно было надѣяться и ожидать, что имена ихъ будутъ чтимы повсемѣстно какъ покровителей всего славянскаго племени и въ особенности Руси, которая, кромѣ сохраненія того, что они передали намъ въ памятникахъ словесности—плодъ трудовъ ихъ, т. е. созданный ими книжный языкъ, переработываетъ и вливаетъ въ свою народную рѣчь. Невниманіе къ памяти славянскихъ апостоловъ, конечно, объясняется печальнымъ невѣжествомъ, тяготѣвшимъ надъ нами, и свидѣтельствуетъ, какъ чужда намъ была идея славянства, идея племеннаго единенія и братства. Только въ послѣднее время, разумѣется, благодаря болѣе распространившемуся просвѣщенію, имена Кирилла и Меѳодія не только пользуются уваженіемъ образованныхъ людей, но отчасти начинаютъ уже быть предметомъ и благочестиваго чествованія. Существуетъ даже желаніе, которое мы раздѣляемъ вполнѣ, чтобы день 11 мая, день, посвященный памяти славянскихъ апостоловъ, праздновался у насъ на всей Руси такъ, какъ празднуются праздники, означаемые въ календарѣ кругомъ. Это было бы весьма справедливо и достойно; такимъ путемъ народная громада узнаетъ о своихъ просвѣтителяхъ, и, вмѣстѣ съ благоговѣніемъ передъ изобрѣтателями азбуки, будетъ укрѣпляться въ народѣ уваженіе и охота къ самой грамотности и вообще къ книжному просвѣщенію. Къ такимъ же мѣрамъ распространенія въ народѣ чествованія памяти славянскихъ апостоловъ принадлежитъ и печатаніе житія ихъ, въ родѣ того, какое издалъ слѣпецъ Григорій Ширяевъ. Книга напечатана превосходно на веленевой бумагѣ, украшена восемнадцатью политипажами, изображающими различныя сцены изъ жизни святыхъ братьевъ апостоловъ, прекрасными, хотя не совсѣмъ археологически вѣрными. Доставленнымъ издателю для этихъ рисунковъ текстомъ нельзя быть довольнымъ; нужно было бы взять такъ называемое Паннонское житіе, добавить его подходящими извѣстіями изъ другихъ источниковъ, обозначая, внизу, откуда что взято, и изложить это простымъ удобопонятнымъ языкомъ. Чѣмъ меньше риторики, тѣмъ лучше. Напротивъ, въ текстѣ книги слѣпца Ширяева много вялой, безжизненной, водянистой риторики, закрывающей дѣло. Кромѣ того, книга начинается темными, недосказанными жалобами на современныя стремленія распространить въ народѣ воспитаніе; эти мѣста по своей неясности могутъ подать

поводъ къ уразумѣнію ихъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ быть можетъ самъ авторъ не хочетъ, чтобы его понимали.

Дворцовое царское село Измайлово (съ двумя рисунками). Четырнадцатый и пятнадцатый выпуски русскихъ достопамятностей. *Изданіе А. Мартынова; текстъ составленъ И. М. Снегиревымъ, при сотрудничествѣ самого издателя.* Москва. Стр. 43.

Съ селомъ Измайловымъ соединено воспоминаніе о рожденіи Петра Великаго. Это одно даетъ ему значеніе такой мѣстности, на которую преимущественно обращается вниманіе изслѣдователя и любителя старины. Прежде, какъ извѣстно, думали, что Петръ родился въ Коломенскомъ, но этому противорѣчитъ достовѣрное сказаніе о зачатіи и рожденіи великаго государя императора Петра I, писанное (какъ видно изъ приписки, сдѣланной умершимъ стопятнадцати лѣтъ старикомъ Брыкинымъ) подъячимъ Саввою Григорьевичемъ Брыкинымъ, жившимъ въ Измайловскомъ во время рожденія Петра и свидѣтельствующимъ, что великій государь родился въ этомъ селѣ. Еще болѣе любопытно это село по своимъ археологическимъ воспоминаніямъ, сохранившимся въ разныхъ старинныхъ бумагахъ, по которымъ и составлено описаніе, вышедшее теперь въ свѣтъ. Изъ него можно видѣть образъ постройки царской усадьбы, а равно содержаніе сельскаго и домашняго хозяйства; оно можетъ вообще служить образцомъ хозяйственнаго быта зажиточныхъ владѣльцевъ того времени, разумѣется, въ меньшей степени въ сравненіи съ царскимъ.

Восемнадцать надгробныхъ надписей изъ Крыма, служащихъ матеріаломъ для объясненія нѣкоторыхъ вопросовъ касающихся библейской хронологіи, семитической палеографіи, древней этнографіи и исторіи южной Россіи. *Сочиненіе Д. А. Хвольсона.* Спб. Стр. 188.

Эти надписи, открытыя г. Фирковичемъ на еврейскомъ кладбищѣ въ Чуфутъ-Кале близъ Бахчисарая, подали ученому профессору поводъ приступить къ разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ исторіи о судьбѣ израильскихъ 10 колѣнъ, отведенныхъ въ плѣнъ послѣ разрушенія Самаріи въ 696 году до нашего лѣтосчисленія. Оказывается, что они разселились по Азіи и зашли въ Таврическій полуостровъ, гдѣ Чуфутъ-Кале былъ потомъ ихъ главнымъ мѣстопребываніемъ. Они вели свое лѣтосчисленіе отъ изгнанія. Древнѣйшая изъ надписей относится къ 6 году по Р. Х.: «Это гробъ Буки сына Ицхака священника; да покоится онъ въ раю (умеръ) во время избавленія Израиля въ 702 году послѣ нашего изгнанія (т. е. считая съ 696 года до Р. Х.).» Слова: во время избавленія Израиля, совпадая съ временемъ рожденія Спасителя, могли бы повести къ догадкамъ, что въ этихъ отдаленныхъ израильскихъ селитьбахъ чуяли великое міровое событіе; но ученый профессоръ полагаетъ, что здѣсь намекаютъ,

вѣроятно, на какое нибудь намъ незнакомое, благопріятное для евреевъ Крыма вообще, или для живущихъ въ Чуфутъ-Кале въ особенности, событіе. Кромѣ надписей, пояснительными источниками для г. Хвольсона служатъ различныя приписки, сдѣланныя въ разныя времена на пергаментныхъ библіяхъ еврейскихъ. Объ одной изъ нихъ, писанной въ XVI столѣтіи, есть такое извѣстіе: «Я одинъ изъ вѣропреданныхъ Израилю Авраамъ сынъ Маръ-Симхи изъ города Сафарадъ (Босфоръ, Керчь), въ царствѣ братьевъ нашихъ, благочестивыхъ прозелитовъ, былъ въ 1682 г. послѣ изгнанія нашего т. е. 4746 г. по сотвореніи, по эрѣ, по которой считаютъ братья наши евреи города Матархи, въ то время когда послы князя Рошъ Мешехъ изъ города Ціобъ (Кіевъ) пришли къ государю нашему хазарскому князю Давиду развѣдывать о дѣлахъ религіи» и проч. Г. Хвольсонъ думаетъ, что подъ Рошъ Мешехъ разумѣются русскіе, а подъ Ціобомъ—Кіевъ; это совпадаетъ съ 986 годомъ, годомъ принятія Владимиромъ христіанства, когда по извѣстію нашего лѣтописца хазары-евреи предлагали ему принять ихъ вѣру. Замѣтимъ только, что лѣтописецъ не говоритъ о посылкѣ къ евреямъ, и по смыслу его повѣствованія это было не нужно, когда русскій великій князь отвергъ еврейскую вѣру прежде.

Какъ ни скудны, повидимому, эти источники, но ученый профессоръ успѣваетъ однако на ихъ основѣ сдѣлать многіе любопытные выводы о внутренней жизни и судьбѣ крымскихъ евреевъ. Только спеціалисты могутъ всесторонне оцѣнить это важное сочиненіе.

Объ языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси, и о славянскихъ словахъ встрѣчаемыхъ у еврейскихъ писателей. *А. А. Гаркави.* Спб. Стр. 65.

Брошюра эта сообщаетъ намъ, что въ нѣкоторыхъ комментаріяхъ на Талмудъ иныя темныя мѣста пояснены славянскими словами; изъ нихъ однако многія неудобопонятны. Языкъ славянъ носитъ названіе хананскаго. Кромѣ этого, были еврейскія монеты въ Польшѣ съ именами польскихъ королей начеканенными по-польски, но еврейскими буквами. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что у евреевъ употреблялись славянскія собственныя имена. Изъ этого не видно, однако, повсемѣстнаго употребленія славянскихъ языковъ въ жизни у евреевъ, и вообще пребываніе евреевъ въ славянскихъ земляхъ съ чужимъ, для туземцевъ обыденнымъ, языкомъ есть исключительный фактъ въ судьбѣ евреевъ, обыкновенно вездѣ усвоивавшихъ языкъ края, гдѣ жили. Любопытно было бы разъяснить причину этого явленія.

Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія, *составленная Сергѣемъ Соловьевымъ.* Москва. Стр. 226.

Составитель въ предисловіи своемъ поясняетъ, что этотъ трудъ выполненъ имъ по предложенію профессора Рѣдкина еще въ 1846 г. Цѣль его была познакомить съ древнею лѣтописью тѣхъ русскихъ

читателей, которые по своимъ спеціальнымъ занятіямъ не могутъ читать ее въ подлинникѣ. Это — изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Въ видахъ бо́льшаго распространенія мы находимъ, что цѣна, назначенная за эту книгу, 40 копѣекъ — относительно высока и не сообразна съ необходимостью сдѣлать такія книги доступными именно для тѣхъ, которые по своимъ средствамъ не могутъ пріобрѣтать другого рода изданій. Особенно пріятно въ этомъ изданіи видѣть, что и у насъ такіе ученые, какъ С. М. Соловьевъ, посвящаютъ свой трудъ для распространенія свѣдѣній въ массахъ, чѣмъ обыкновенно наши ученые пренебрегаютъ, оставляя подобную заботу спекуляторамъ или лицамъ, убѣжденнымъ, что учебники и пособія не требуютъ отъ составителя большихъ знаній.

Русскіе замѣчательные люди. *Разсказы А. Суворина.* I. Патріархъ Никонъ. II. Ермакъ покоритель Сибири. III. Боярина Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Спб. Стр. 191.

Сочиненіе это принадлежитъ къ разряду такихъ, которыя исключительно предназначаются для общедоступнаго чтенія, и гдѣ, при добросовѣстности заимствованій изъ ученыхъ трудовъ, ясность изложенія, легкость разсказа, умѣнье привлечь вниманіе составляютъ главное достоинство. Успѣхъ такихъ сочиненій зависитъ отъ литературнаго таланта автора, и потому книга г. Суворина найдетъ, безъ сомнѣнія, многочисленныхъ читателей. Не ограничиваясь передачею данныхъ, относящихся къ біографіи избранныхъ (весьма удачно для характеристики XVII вѣка) лицъ, авторъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы изобразить внутреннюю сторону того общественнаго строя, среди котораго совершалась ихъ дѣятельность. Съ этой стороны, какъ намъ извѣстно, книга эта претерпѣла упреки отъ тѣхъ, которые не любятъ встрѣчаться съ черными сторонами прошедшей жизни. Можетъ быть, авторъ подалъ къ тому поводъ, оставивши въ тѣни, безъ вниманія, то, что могло придать старинной русской жизни болѣе свѣтлый колоритъ; но все это могло произойти также отъ встрѣчаемаго авторомъ въ самыхъ источникахъ относительнаго богатства тѣхъ явленій, которыя хотѣлось бы скрыть почитателямъ старины. Намъ кажется вообще, что чувство патріотизма, похвальное и плодотворное въ сферѣ животрепещущихъ вопросовъ, касающихся существующаго порядка вещей и вытекающихъ изъ него побужденій для будущаго, перенесенное въ область исторіи, особенно такой, которая уже идетъ рука объ руку съ археологіей — это чувство переводитъ насъ въ область суетной риторики, заслоняющей свѣтъ безпристрастной исторической правды. Замѣтимъ также, что такой патріотизмъ, по отношенію къ старинѣ, можетъ высказаться не одними только восхваленіями старины и страхомъ за ея репутацію: если одни изъ патріотизма налѣпливаютъ цвѣты хвалебнаго краснословія на сѣдую ста-

рину, то другіе изъ того же патріотизма, но обращеннаго въ противоположную сторону, боятся иногда указать на свѣтлыя стороны прошедшаго, чтобъ ихъ самихъ не заподозрили въ ретроградности и въ недостаткѣ сочувствія къ современному прогрессу. Первые, упрекая послѣднихъ, всегда забываютъ, что они сами выходятъ изъ того же предразсудка, и потому ихъ защита старины можетъ представлять не лучшее качество, какъ и нападки послѣднихъ. Знакомство съ стариною поучительно только тогда, когда оно сдѣлано путемъ строгаго изслѣдованія и безпристрастной оцѣнки. Въ отношеніи къ старинѣ можно сказать, что изучать старину значитъ уже любить ее. Всякая другая любовь къ старинѣ, съ цѣлью, напримѣръ, отнестись извѣстнымъ образомъ къ настоящему, походила бы на то, если бы кто вздумалъ дуть на парусъ, желая тѣмъ дать движеніе кораблю.

Промышленность древней Руси. *С. И. Аристова.* Спб. Стр. 321.

Эта книга — есть собраніе разсѣянныхъ извѣстій, касающихся промышленности Руси до XV и даже до XVI в. въ слѣдующемъ порядкѣ изложенія: промышленность, относящаяся къ потребностямъ пищи (звѣроловство, птицеловство, рыболовство, пчеловодство, скотоводство, земледѣліе, огородничество съ садоводствомъ, солевареніе, приготовленіе пищи и питья), промышленность, относящаяся къ устройству жилищъ (плотничество, каменное и кирпичное дѣло, металлическое производство), къ одеждѣ (холстинныя, шерстяныя, кожевенныя издѣлія, мѣховой промыселъ, наряды и украшенія), и промышленность передаточная, т. е. торговля, (сбытъ внутренній, сбытъ внѣшній, способъ и характеръ торговли, торговыя пошлины); наконецъ, задержки и препятствія промышленности вообще. За текстомъ слѣдуютъ положенія, вытекающія изъ всего обзора промышленности древней Руси, и показывающія, что книга назначается для полученія ученой степени. За ними — приложенія, изъ которыхъ особенно любопытно второе (первое есть перечень съ извлеченіями нѣкоторыхъ напечатанныхъ въ разныхъ мѣстахъ относящихся къ торговлѣ договорныхъ грамотъ): это собраніе извѣстій о цѣнахъ на разные предметы съ попыткою опредѣлить ихъ на нынѣшнюю цѣнность денегъ. Какъ трудны подобныя перекладки — показываетъ, напримѣръ, хоть то, что упоминаемый въ Русской Правдѣ волъ въ однихъ спискахъ оцѣненъ въ одну гривну, что̀ по толкованію Карамзина составляетъ 2 р. 50 коп., по мнѣнію Лешкова = 12 р. 30 коп., а по выводамъ Прозоровскаго 7 руб., по другимъ же спискамъ той же Русской Правды тотъ же волъ оцѣненъ въ 3 гр., что̀ у Карамзина составляетъ 7 р. 40 коп., у Лешкова 40 р., у Прозоровскаго 21 руб. За приложеніями слѣдуетъ указатель къ книгѣ, за который слѣдуетъ благодарить автора и пожелать возобновленія похвальнаго обычая издавать такимъ образомъ ученыя

историческія сочиненія. Книга эта до извѣстной степени можетъ быть подготовительнымъ пособіемъ для будущаго изслѣдователя того же предмета. Желательно было бы, чтобы впередъ при подобномъ трудѣ былъ заранѣе составленъ планъ, какихъ сторонъ слѣдуетъ искать въ каждой промышленности, дабы, такимъ образомъ, ясно само собою открылось: въ какихъ отношеніяхъ оказываются достаточными существующіе источники и до какой степени, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти откроется: что было и чего не было въ нашей промышленности. Желательно было бы также, чтобы будущій изслѣдователь — объясненія археологическихъ названій и выраженій поставилъ одною изъ первыхъ и необходимыхъ задачъ своего труда, а для этого ознакомился бы какъ съ разными названіями предметовъ быта и особенностями рѣчи въ областяхъ Россіи, такъ и со старинным образомъ выраженія въ литературномъ языкѣ; иначе онъ можетъ попадать въ невольныя ошибки, почитая иныя названія вышедшими изъ употребленія, тогда какъ они продолжаютъ существовать въ живой рѣчи народа, или принимая продукты славяноцерковной риторики за означенія дѣйствительныхъ особыхъ предметовъ. Не слѣдуетъ отнюдь оставлять, безъ вниманія и безъ объясненій, встрѣчаемыхъ въ сферѣ промышленности и торговли названій и выраженій, а если ихъ объяснить нельзя, то все-таки объ этой невозможности или трудности надобно упоминать. Надлежитъ, то, что принадлежало равно всѣмъ краямъ обширнаго русскаго міра и всѣмъ вѣтвямъ русскаго народа отличать отъ того, что составляло особенности краевъ. Слѣдуетъ строго и болѣе всего въ изложеніи промышленности слѣдить за перемѣнами въ ней совершавшимися, за ея историческимъ движеніемъ, а гдѣ не видно такого движенія, то слѣдуетъ объ этомъ замѣтить; правду сказать, знаніе археологическихъ признаковъ еще мало приноситъ пользы исторіи, если мы не въ силахъ подмѣтить движенія въ томъ, о чемъ толкуемъ. Было бы полезно, излагая состояніе нашей древней промышленности и торговли, обращать вниманіе на современное ей состояніе промышленности и торговли у другихъ народовъ, потому что опредѣлить степень собственнаго развитія, въ какихъ бы то ни было видахъ жизни, мы не можемъ иначе, какъ только по сравненіи съ другими. Въ пользованіи самыми источниками слѣдуетъ отличать наиболѣе вѣрные отъ менѣе вѣрныхъ, и нельзя, по отношенію къ русскимъ, пользоваться равномѣрно какъ нашею лѣтописью, такъ и Ибнъ Фоцланомъ, который сообщаетъ извѣстіе о такихъ русскихъ, о которыхъ нельзя окончательно рѣшить кто они. Желательно было бы также, чтобы будущій изслѣдователь этого предмета избѣгалъ опрометчивыхъ приговоровъ въ родѣ такихъ: «такъ какъ природа, служа естественнымъ источникомъ довольства народнаго, была богаче въ древнее время, то и общее благосостояніе народа было болѣе удовлетво-

рительно до XV вѣка, чѣмъ напр. въ XVI и XVII в., когда природа сдѣлалась скуднѣе, лѣсовъ, звѣрей и другихъ источниковъ богатства меньше.» Нѣтъ данныхъ на то, чтобы въ XVI и XVII вѣкахъ оскудѣніе мѣстныхъ и звѣриныхъ богатствъ ложилось такою тягостью на народное благосостояніе, да природа черезъ это оскудѣніе не сдѣлалась и не могла сдѣлаться бѣднѣе. Если истреблялись дикіе лѣса, то для того, чтобы мѣсто ихъ произрастанія обратить въ нивы или сѣнокосъ: послѣдняго рода богатства иногда важнѣе лѣсного. Уменьшеніе звѣрей не могло привести къ ощутительной бѣдности; человѣкъ не только не сталъ бѣднѣе, но становился богаче, когда его окружали, вмѣсто волковъ и медвѣдей, волы, овцы и лошади. Въ XVI и XVII вѣкахъ пушного товара вывозилось за границу болѣе чѣмъ прежде, потому что открытіе Сибири дало Россіи такой громадный запасъ богатствъ этого рода, какой превосходилъ все, что могла бы доставить европейская Россія. Лѣсная торговля, сколько намъ извѣстно, процвѣтала въ Россіи особенно въ XVI и XVII вѣкахъ, когда открытіе бѣломорскаго водяного пути облегчило сбытъ этого товара; но вывозъ лѣса въ тѣ времена никакъ не могъ подѣйствовать зловредно и произвести оскудѣніе лѣсовъ, потому что порубка съ этой цѣлію производилась исключительно на сѣверѣ, гдѣ лѣса было черезъ чуръ много, и истребленіе его еще составляло необходимость для жилья.

По поводу труда г. Аристова мы укажемъ на вышедшій недавно въ русскомъ переводѣ трудъ г. Марша: «Человѣкъ и Природа», гдѣ изложены въ смаой общедоступной формѣ общія начала, которыми должно руководиться при оцѣнкѣ и объясненіи воздѣйствія человѣка на природу. О содержаніи этого сочиненія будетъ сказано въ отдѣлѣ переводной русской литературы по всеобщей исторіи.

Воспоминаніе о путешествіи по Уралу Е. И. В. герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго. *Е. Богдановича.* Спб. 1866. Стр. 27.

Отъ сочиненія г. Аристова: «Промышленность древней Руси», будетъ весьма кстати перейти къ воспоминаніямъ нашего современника о путешествіи по Уралу, гдѣ мы можемъ увидѣть картину одной изъ важныхъ вѣтвей промышленности нашего времени. «Пишущій эти строки — говоритъ авторъ въ самомъ началѣ — имѣлъ случай собрать довольно подробныя свѣдѣнія о пребываніи высокаго гостя на Уралѣ. Развитіе нашей горной промышленности, по особымъ условіямъ экономической жизни нашего отечества и его отношеній къ Европѣ, несомнѣнно много условливаетъ собою дальнѣйшее движеніе Россіи по пути прогресса. Понятно, какое значеніе и какой интересъ связаны съ путешествіемъ августѣйшей особы на Уралъ, составляющій главный центръ русской горнозаводской дѣя-

тельности.» Вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе автора, и именно потому находимъ прежде всего, что *двадцать семь* страницъ «Воспоминаній» недостаточно соотвѣтствуютъ тому интересу, который авторъ справедливо предполагаетъ въ каждомъ къ избранному имъ предмету воспоминаній.

Этотъ край былъ посѣщаемъ почти 20 лѣтъ тому назадъ (1834) нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, а въ 1845 году туда же сдѣлалъ путешествіе герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій. Въ нынѣшнемъ маѣ Е. И. В. герцогъ Николай Максимиліановичъ отправился въ уральскій край въ сопровожденіи К. Г. Ребиндера и спеціалистовъ-академиковъ Кокшарова и Зинина. Самъ августѣйшій путешественникъ, какъ извѣстно, съ первой молодости ознакомился близко съ естественными науками, и въ особенности съ химіей и минералогіей. Авторъ замѣчаетъ, что «страсть къ минералогіи въ его высочествѣ наслѣдственна; во время путешествія, въ разговорѣ съ окружающими, онъ самъ, высказавъ это, сообщилъ имъ, что его сестра Марія Максимиліановна (принцесса Баденская), а потомъ и Евгенія Максимиліановна занимались минералогіей прежде его.»

До Екатеринбурга, по пути чрезъ Москву, Нижній Новгородъ, Казань, Пермь, авторъ упоминаетъ о бесѣдѣ съ московскими натуралистами, Щуровскимъ, Ауэрбахомъ, Германомъ и Траутшольдомъ, объ академическомъ завтракѣ въ Петровско-Разумовской академіи, и осмотрахъ мѣстностей на дорогѣ, представлявшихъ какую нибудь замѣчательность въ геологическомъ отношеніи. Съ Екатеринбурга собственно путешествіе приняло чисто-спеціальный характеръ, и мы опять повторяемъ наше сожалѣніе, что авторъ, при такомъ превосходномъ случаѣ—познакомить насъ подробно со всѣми сторонами бытовой жизни столь интереснаго края, не послѣдовалъ примѣру спутниковъ покойнаго Государя Наслѣдника Цесаревича, и не подарилъ намъ болѣе обширнаго труда.

При всемъ томъ, «Воспоминанія» г. Е. Богдановича представляютъ много замѣчательнаго для современной науки и жизни, какъ безпристрастное свидѣтельство о состояніи видѣннаго имъ края. Авторъ положительно говоритъ, что пути сообщенія на Уралѣ, равно и другія обстоятельства (какія?) задерживаютъ развитіе нашей заводской дѣятельности на Уралѣ, что необходимо выйти изъ настоящаго положенія, что положеніе заводскаго населенія далеко неудовлетворительно, что Александровскій заводъ, который могъ бы быть однимъ изъ первыхъ на Уралѣ, представляетъ грустную картину, полуразрушенныя фабрики, полуразломанныя машины, пустыя заводскія площади и т. д., что лѣса истощаются, а мѣсторожденія каменнаго угля недоступны, потому что недостаетъ желѣзной дороги до Камы, на протяженіи *восьмидесяти* (!) верстъ. Всѣ эти показанія необыкновенно важны и

вызываютъ тѣмъ болѣе желанія имѣть въ нашей литературѣ всестороннее изслѣдованіе быта и промышленной жизни того края, о которомъ поэтъ сказалъ:

Богатая Сибирь, наклонись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и серебро.

Но хорошо было поэту рисовать намъ величавый образъ Сибири, которой стóитъ только *наклониться*, чтобы осыпать насъ золотомъ и серебромъ; въ дѣйствительности же мы должны собственно наклоняться, чтобы овладѣть богатствами природы; а ими нельзя овладѣть безъ извѣстной свободы для труда и пріобрѣтенія знаній. «Уралъ ждетъ много, заключаетъ авторъ, отъ серьёзнаго обзора его заводовъ высокимъ путешественникомъ»; а Уралъ долженъ занимать не маловажную страницу въ экономической исторіи нашего отечества. При извѣстной всѣмъ любви къ дѣлу герцога Лейхтенбергскаго, мы вполнѣ готовы раздѣлять убѣжденіе автора, «что этотъ богатый, но мало развитой, край не обманется въ своихъ ожиданіяхъ.»

Оборотень въ его миѳическомъ и пластическомъ олицетвореніяхъ. *Д. О. Шепинга.* Воронежъ. 1866. Стр. 18.

Намъ рѣдко приходится встрѣчать результаты книжной дѣятельности въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, и потому мы съ удовольствіемъ указываемъ на только-что полученную нами брошюру г. Шепинга. Въ столичныхъ книжныхъ магазинахъ почти нѣтъ возможности достать того, что издано не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ. Авторы, желающіе содѣйствовать полнотѣ нашей библіографической работы, оказали бы намъ большое содѣйствіе, доставляя свои изданія въ Редакцію. Съ другой стороны, о литературной дѣятельности въ провинціи намъ приходится говорить рѣдко потому, что въ провинціи такая дѣятельность скорѣе встрѣчаетъ препятствія, нежели поощренія. Даже новый цензурный уставъ 6 апрѣля 1865 г. исключаетъ изъ предоставленныхъ имъ выгодъ провинціальнаго литератора и ученаго, потому что освобожденіе отъ предварительной цензуры пока распространено на однихъ столичныхъ литераторовъ и ученыхъ. Правда, до сихъ поръ, исторія всѣхъ почти странъ слагалась такъ, что вся жизнь ихъ сосредоточивалась въ столицѣ; но едва ли это можетъ быть названо ихъ преимуществомъ и стóитъ того, чтобы еще искусственно заботиться о добываніи у себя такого же факта.

Авторъ поименованнаго выше изслѣдованія поставилъ себѣ задачею открыть источники одного изъ нашихъ народныхъ повѣрій — этихъ древнихъ остáтковъ исчезнувшей цивилизаціи, и вмѣстѣ объяснить психологическіе мотивы ихъ первичной формаціи и дальнѣйшія видоизмѣненія. Еще Вико замѣтилъ, что миѳы есть первобытный

языкъ людей, которымъ они выражали или свои убѣжденія, или исторію предшествующихъ временъ. Вытекая изъ общихъ законовъ мышленія и воображенія, миѳы естественно имѣютъ сходство у различныхъ народовъ. Авторъ приводитъ исторію оборотня у древнихъ и новыхъ народовъ; но мы не согласны съ нимъ, что замѣченное имъ сходство нашего оборотня съ иноземными есть уже доказательство того, что первый заимствованъ у послѣднихъ (стр. 10). Это самый скользкій путь для миѳологіи, на которомъ историкъ иногда долженъ отказаться слѣдовать за нимъ, изъ опасенія еще болѣе заблудиться.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ XVI. *Исторія Россіи въ эпоху преобразованія.* Томъ IV. *Сочиненіе Сергѣя Соловьева.* Москва. 1866. Стр. 408. Ц. 2 р.

Новое продолженіе столь извѣстнаго и капитальнаго труда профессора С. М. Соловьева вышло слишкомъ поздно, чтобы мы имѣли время познакомиться съ нимъ ближе и дать о немъ подробный отчетъ, какого онъ заслуживаетъ по своей важности и великому интересу изученной въ немъ эпохи. На этотъ разъ ограничимся однимъ краткимъ указаніемъ программы новаго тома. Въ трехъ главахъ, авторъ, продолжая царствованіе Петра I, обозрѣваетъ внутреннее состояніе Россіи съ 1705 года до учрежденія Сената, излагаетъ всю Турецкую войну до заключенія окончательнаго мира съ Портою, и наконецъ, еще разъ возвращается къ исторіи внутреннихъ преобразованій отъ учрежденія Сената до прекращенія Сѣверной войны. Авторъ вступилъ съ этимъ томомъ въ эпоху самой кипучей дѣятельности Петра В., когда вмѣстѣ имъ были совершаемы и важныя внутреннія реформы и была ведена отчаянная борьба на Прутѣ, гдѣ одна несчастная минута могла бы получить огромное значеніе въ судьбахъ всего государства. Пр. Соловьевъ не считаетъ доводы тѣхъ, которые заподозрѣли подлинность извѣстнаго письма Петра I изъ лагеря подъ Прутомъ Сенату, убѣдительными, и потому не отвергаетъ его безусловно. Особенно важна въ этомъ томѣ послѣдняя глава, гдѣ авторъ къ преобразованіямъ Петра I присоединяетъ весьма живую и разнообразную картину внутренняго быта Россіи въ ту эпоху. Въ слѣдующей книгѣ мы надѣемся остановиться на всемъ этомъ подробнѣе.

II. НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

А. РУССКАЯ.

Современное состояніе литературы всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ и отсутствіе въ ней по временамъ всякого движенія могли бы

быть приняты за отсутствіе въ нашемъ обществѣ интереса къ великимъ моментамъ общей жизни человѣчества, этого великаго отечества всѣхъ народовъ, если бы мы имѣли право думать, что судьба всеобщей исторіи у насъ предоставлена одному случайному направленію вкуса публики, изъ среды которой proprio motu должны явиться ученые съ значеніемъ проводниковъ общеисторическихъ идей. Но это несправедливо. Мы имѣемъ Академію наукъ и нѣсколько университетовъ, гдѣ наука всеобщей исторіи имѣетъ для себя особую каѳедру. Это послѣднее обстоятельство остается почти совершенно незамѣтнымъ, если мы захотимъ заключать о существованіи у насъ каѳедръ всеобщей исторіи по участію ихъ профессоровъ въ литературѣ того же предмета; и мы поневолѣ сдѣлаемъ большую ошибку, вздумавъ отрицать ихъ существованіе. Между тѣмъ, наше общество вовсе не богато историческою литературою до того, чтобы профессора всеобщей исторіи нашли болѣе полезнымъ ограничиться однимъ устнымъ преподаваніемъ; впрочемъ, литературные труды нисколько не находятся въ противорѣчіи съ этимъ устнымъ преподаваніемъ, и даже, наоборотъ, увеличиваютъ пользу послѣдняго. Въ Германіи, гдѣ профессора обременены чутъ не десятками лекцій въ недѣлю, они всегда находятъ возможнымъ издавать иногда цѣлые томы своихъ литаратурныхъ трудовъ, изслѣдованій и т. п. Мало того, за границей, почти каждый профессоръ устраиваетъ свои занятія лекціями такъ, чтобы онѣ послужили ему основою какого нибудь напередъ задуманнаго сочиненія. Они выбираютъ «приватные» часы для развитія какой нибудь спеціальной темы, а чрезъ годъ или два эти лекціи слагаются въ цѣлое сочиненіе. Но у насъ было бы особенно полезно, если бы профессора исторіи, читая лекціи общаго содержанія, имѣли въ виду приготовлять ихъ къ печати и издавали бы такимъ образомъ свои цѣлые курсы, или по крайней мѣрѣ отдѣльные періоды. До сихъ поръ всѣ болѣе общія историческія познанія у насъ почерпаются въ школьный періодъ времени изъ руководствъ, которыя не всегда считаются пригодными и для школы. Услуги, которыхъ мы ожидали бы естественно отъ своихъ профессоровъ, исполняются одними переводчиками. Мы не имѣемъ ничего противъ переводовъ: хорошая книга переводится на всѣ языки; но различіе состоитъ въ томъ, что, напримѣръ, въ Англіи переводятъ какой нибудь замѣчательный трудъ нѣмецкаго ученаго съ цѣлью познакомить съ нѣмецкою точкою зрѣнія на тотъ или другой предметъ, а у насъ съ цѣлью сообщить новыя свѣдѣнія, которыхъ совсѣмъ нельзя добыть въ русской литературѣ. Въ другихъ странахъ переводная литература дополняетъ свое собственное познаніе, у насъ же она замѣняетъ его собою. Результатомъ того является всегда отсутствіе руководительныхъ началъ и въ наукѣ и въ жизни; мы, въ массѣ, похожи на человѣка, которому сегодня говорятъ одно, завтра другое,

послѣ завтра третье, смотря по тому, что вздумается переводчику внести въ нашу литературу, или всѣ вдругъ заговорятъ въ нѣсколько голосовъ.

Указывая такимъ образомъ на отсутствіе нашихъ профессоровъ всеобщей исторіи въ литературѣ, мы говоримъ только о многихъ, но отнюдь не обо всѣхъ. Примѣръ покойнаго С. В. Ешевскаго къ сожалѣнію мало находитъ себѣ подражанія; его лекціи, образовавшія теперь изслѣдованіе о русской колонизаціи сѣверо-восточнаго края могутъ убѣдить въ томъ, что значеніе профессорской дѣятельности выигрываетъ много, если профессоръ ведетъ свой трудъ такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность отдать его на обсужденіе всѣхъ. Уже давно сказалъ одинъ древній поэтъ:

Scire tuum nihil est, nisi te scire hoc sciat alter!

Текущій періодъ трехъ мѣсяцевъ русской литературы всеобщей исторіи не дѣлаетъ исключенія изъ того, что почти сдѣлалось нашею нормою. Мы въ состояніи указать въ русской оригинальной литературѣ только на два изданія по всеобщей исторіи, и то благодаря тому обстоятельству, что одно изданіе *второе*, слѣдовательно самый трудъ не нашей эпохи, а другое мы относимъ къ оригинальнымъ, потому что это сокращеніе оригинала; переводныхъ же сочиненій мы можемъ насчитать почти до десяти. Литературный балансъ, очевидно, не въ нашу пользу: ввозъ продуктовъ иностранной мысли достаточно великъ и свидѣтельствуетъ о потребностяхъ общества; вывозъ же весьма ограниченъ и говоритъ о ничтожествѣ нашей литературной самодѣятельности.

1) Оригинальныя сочиненія.

Сочиненія Т. Н. Грановскаго. *Въ двухъ частяхъ, съ портретомъ автора.* Изданіе (второе) К. Солдатенкова. Ц. 2 р. Москва, 1866.

Кто не зналъ Грановскаго и случайно не слыхалъ о немъ, тотъ едва пойметъ сердечный трепетъ, съ которымъ эта книга снова будетъ встрѣчена его друзьями и многочисленными слушателями, разбросанными по всей Россіи; лишь очень немногіе, умѣющіе вдумываться въ писателя по его произведеніямъ, открывать живую душу въ неподвижныхъ чертахъ портрета,—тѣ догадаются, отчего не могутъ забыть Грановскаго всѣ, кто зналъ его болѣе или менѣе близко, или кто слушалъ его лекціи.

Имя Грановскаго неразрывно связано съ блестящей эпохой Московскаго университета во время попечительства графа С. Г. Строганова и съ лучшимъ временемъ московскихъ литературныхъ кружковъ и салоновъ. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не было у насъ со-

средоточено въ одномъ пунктѣ столько образованности, ума, талантовъ, знанія. Москва была, въ сороковыхъ годахъ, центромъ умственнаго движенія въ Россіи, къ которому, прямо или косвенно, примыкало почти все замѣчательное въ ней въ умственномъ и научномъ мірѣ. Здѣсь запасались и вырабатывались тѣ нравственныя силы, которыя пошли въ дѣло, при начавшемся, послѣ Крымской войны, обновленіи нашего внутренняго быта и строя.

Въ этотъ знаменательный разсвѣтъ нашей умственной и научной жизни, короткій какъ наше сѣверное лѣто, Грановскій былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и видныхъ дѣятелей. Онъ точно былъ созданъ для роли, которая выпала ему на долю. Трудно вообразить себѣ натуру болѣе гармоническую, болѣе сочувственную и обаятельную. Чуждый односторонности и исключительности, Грановскій былъ не столько ученымъ и педагогомъ, сколько художникомъ на каѳедрѣ. Дѣйствіе его на слушателей и окружавшихъ объясняется не строгой послѣдовательностью ученой аргументаціи, а тайной непосредственной убѣдительности самаго изящнаго, глубоко-прочувствованнаго изложенія. Этого рода силѣ всегда и вездѣ предназначенъ самый обширный кругъ вліянія, по свойству человѣческой природы, и особливо насъ русскихъ, сохранившихъ, Богъ вѣсть какимъ образомъ, южныя черты подъ полярными широтами. Огромная начитанность, изумительная память, тонкая образованность и вкусъ, наконецъ, самая наружность, вѣрно передававшая его лучшія внутреннія качества, — все это вмѣстѣ дѣлало Грановскаго однимъ изъ самыхъ значительныхъ и вліятельныхъ лицъ и въ университетѣ и въ образованномъ московскомъ обществѣ. Въ то время какъ большинство талантливыхъ и мыслящихъ людей легко вдавались въ крайности, Грановскій, въ цвѣтущую пору своей дѣятельности, принадлежалъ къ числу тѣхъ очень немногихъ, которые умѣли понимать и цѣнить долю истины, заключающуюся въ каждомъ направленіи, въ каждой мысли, и потому онъ оставался связующею нитью между противоположными взглядами, уже въ то время начинавшими зарождаться въ московскихъ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ. И сильными и слабыми своими сторонами, Грановскій полнѣе, лучше всѣхъ другихъ выражалъ характеристическую черту тогдашняго умственнаго движенія въ Москвѣ. То было пробужденіе умственной жизни. Существенный и важный смыслъ его заключался въ неопредѣлившихся еще стремленіяхъ и предчувствіяхъ; напрасно старались бы мы увидать въ немъ развитіе и борьбу уже установившихся мнѣній и взглядовъ; ни тѣхъ, ни другихъ еще не существовало. Тогда совершался такой же переломъ въ русской мысли, какой, вслѣдъ затѣмъ, начался и во внутренней жизни Россіи. Между тѣмъ и другимъ явленіемъ нельзя не замѣтить тѣсной органической связи. Взгляды, появившіеся во время этого ли-

тературнаго и научнаго движенія, представляютъ первыя попытки самостоятельнаго критическаго отношенія къ нашему прошедшему и настоящему; они многозначительны не какъ твердые результаты науки, а какъ признаки пробужденія у насъ литературныхъ и научныхъ интересовъ. При этомъ характерѣ тогдашняго нашего умственнаго движенія, натура, подобная Грановскому, должна была играть одну изъ первенствующихъ ролей. Его чуткій, исполненный такта умъ какъ будто сознавалъ, что время формулировать мнѣнія и взгляды для насъ еще не пришло, и онъ какъ будто медлилъ рѣшительно стать въ ряды которой либо изъ враждовавшихъ между собою литературныхъ партій. Все это необходимо взвѣсить и принять въ самое внимательное соображеніе, чтобъ понять и по заслугамъ оцѣнить то весьма немногое, что уцѣлѣло отъ многообразной и чрезвычайно обширной дѣятельности Грановскаго. По самому свойству его личнаго характера и того времени, лучшія стороны этой дѣятельности не могли укладываться въ книгу или статью, а выражались въ лекціяхъ, въ бесѣдахъ, въ личныхъ сношеніяхъ, переходили этими путями въ повседневный оборотъ и оплодотворяли русскую мысль и жизнь новыми живительными мотивами. Только тупая близорукость способна сказать, глядя на два неслишкомъ большихъ тома сочиненій Грановскаго: что же такого замѣчательнаго сдѣлалъ прославленный московскій профессоръ? Гдѣ его труды, гдѣ его заслуги? Труды его въ тѣхъ поколѣніяхъ, которыя съ университетской скамьи понесли въ русскую жизнь честный образъ мыслей, честный трудъ, сочувственно отозвались къ дѣлу преобразованія; заслуги его въ воззрѣніяхъ, выработавшихся въ московскихъ кружкахъ, въ умственной работѣ которыхъ онъ принималъ такое живое и дѣятельное участіе и въ которыхъ занималъ такое видное мѣсто. Мы теперь мало цѣнимъ этого рода труды и заслуги. Когда литературные и ученые кружки пришли въ упадокъ, надъ ними стали подсмѣиваться, объ нихъ начали отзываться съ пренебреженіемъ. По мѣрѣ того, какъ они разлагались, значеніе ихъ, разумѣется, утратилось. Но по тому состоянію, въ которое они тогда пришли, было бы крайне ошибочно судить о томъ, что они были въ эпоху ихъ процвѣтанія. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ московскихъ литературныхъ кружкахъ зародилось и созрѣло все наше послѣдующее умственное движеніе, какъ нѣкогда изъ средневѣковыхъ цеховъ преподавателей и учащихся выработалась впослѣдствіи нѣмецкая наука. Оттого мы убѣждены, что исторія образованія, развитія и преемства нашихъ литературно-ученыхъ кружковъ составитъ, современемъ, любопытнѣйшій и поучительнѣйшій отдѣлъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Для теперешняго, поверхностнаго на нихъ взгляда, существованіе ихъ было будто бы блѣдно, ничтожно и почти безслѣдно; но вспомнимъ, напримѣръ, литературный кружокъ «Арзамасскаго гуся». Мы знаемъ о немъ кое-

что, только благодаря разсказамъ бывшихъ его членовъ; а между тѣмъ, изъ него вышла цѣлая фаланга замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей. Кто измѣритъ то вліяніе, которое этотъ кружокъ имѣлъ на своихъ сочленовъ? Кто опредѣлитъ, въ какой мѣрѣ это благотворное вліяніе перешло потомъ въ замѣчательныя литературныя произведенія, въ законодательныя и административныя мѣры, въ практическую дѣятельность, въ общественную и даже частную жизнь? П. В. Анненковъ, обычнымъ своимъ мастерскимъ перомъ, возстановилъ для насъ, на сколько было возможно, стертый образъ другого кружка, который, въ тридцатыхъ годахъ, составился въ Москвѣ около Н. В. Станкевича. Для того, кто не имѣетъ смысла къ такого рода явленіямъ, глубокое уваженіе и сочувствіе, съ которымъ біографъ Станкевича говоритъ о немъ, покажется совершенно непонятнымъ. Что же такое въ самомъ дѣлѣ Станкевичъ? подумаетъ онъ; что же онъ написалъ, что сдѣлалъ замѣчательнаго? Неужели право на уваженіе потомства и на страницу въ исторіи даютъ какихъ-нибудь два, три десятка писемъ къ друзьямъ, въ которыхъ выражаются одни, никогда неосуществившіяся, намѣренія исполнить разные литературные и ученые труды? Такъ, съ видимымъ основаніемъ, скажетъ всякій, кто самъ не испыталъ на себѣ чарующаго, живительнаго и благотворнаго вліянія нашихъ исчезнувшихъ литературныхъ и ученыхъ кружковъ, — и, разумѣется, жестоко обманется. Станкевичъ былъ другомъ и предшественникомъ Грановскаго. Ихъ натуры, характеръ ихъ дѣйствія и вліянія на людей были чрезвычайно сходны и родственны между собою. Станкевичъ, подобно Грановскому, стоялъ во главѣ литературнаго кружка, изъ котораго вышло нѣсколько замѣчательнѣйшихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей; только кружокъ этотъ былъ гораздо тѣснѣе, а потому и сфера непосредственнаго вліянія и дѣйствія Станкевича гораздо ограниченнѣе. Но если мы припомнимъ, что изъ этого кружка вышли Грановскій, Бѣлинскій, Кольцовъ, Боткинъ, не считая многихъ второстепенныхъ дѣятелей, то должны будемъ признать, что онъ далеко не безплодно существовалъ для Россіи и для русскаго образованія; что Станкевичъ оставилъ по себѣ нѣчто большее тѣхъ немногихъ писемъ, въ которыхъ мы напрасно стараемся теперь уловить тайну вліянія его на окружавшихъ его друзей; указывая на нихъ, онъ могъ бы сказать: «вотъ — мои книги!»

Къ исходу сороковыхъ годовъ, блистательное развитіе московской литературной и научной жизни ослабѣло. Будущее раскроетъ и объяснитъ, произошло ли это отъ случайныхъ причинъ, или къ тому привелъ цѣлый ходъ русской жизни и возраставшее, съ каждымъ годомъ, разъединеніе мнѣній и взглядовъ: намъ, современникамъ, нельзя судить съ необходимымъ безпристрастіемъ о томъ, чему мы были жи-

выми свидѣтелями. Какъ бы то ни было, на Грановскомъ эта перемѣна отразилась болѣзненно и скорбно. Рѣзкая противоположность направленій шла въ разрѣзъ съ тѣмъ гармоническимъ складомъ умственныхъ и нравственныхъ стремленій, который составлялъ, можно сказать, его живую душу. Послѣднія шесть-семь лѣтъ своей жизни, Грановскій былъ уже не тотъ, полный силъ и вѣры, какимъ его знали всѣ прежде. Печальный исходъ Крымской войны надрывалъ глубокой скорбью его русское сердце. Мы увидимъ, что онъ какъ будто снова встрепенулся, но умеръ внезапно, среди заботъ объ основаніи въ Москвѣ учено-литературнаго журнала и съ живымъ предчувствіемъ новаго времени, котораго только начало суждено было ему увидѣть.

Рѣдкій человѣкъ проходилъ у насъ въ жизни съ такимъ поэтическимъ ореоломъ, какъ Грановскій; рѣдкій внушалъ къ себѣ столько сочувствія и умѣлъ такъ глубоко сочувствовать другимъ. Послѣ него, изъ видимаго, осязательнаго наслѣдства, осталось только два тома сочиненій; невидимое наслѣдство осталось громадное, — въ воспоминаніяхъ о немъ, въ томъ, что думалось и дѣлалось хорошаго и честнаго посреди насъ, подъ вліяніемъ, по наитію, въ память Грановскаго. Пройдетъ одно какое-нибудь поколѣніе, и имя этого замѣчательнаго русскаго общественнаго дѣятеля будетъ жить развѣ еще въ разсказахъ отцовъ дѣтямъ; но никогда не исчезнутъ и не изгладятся въ Россіи плоды честной его мысли и честной его дѣятельности.

Благоговѣйная память почитателей и друзей снабдила новое изданіе сочиненій Грановскаго лучшимъ его портретомъ изъ всѣхъ, какіе намъ удавалось видѣть. Тяжело и горестно думать, что мы должны уже бережно и заботливо сберегать для грядущихъ поколѣній память о томъ, кто могъ бы еще жить теперь между нами и былъ бы такъ полезенъ своимъ словомъ, мыслью, авторитетомъ, значеніемъ. Грановскій умеръ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, на 42-мъ году отъ рожденія.

Намъ остается сказать о Грановскомъ, какъ о писателѣ, но въ немъ трудно отличить писателя отъ человѣка, а именно въ этомъ тѣсномъ и рѣдкомъ соединеніи двухъ дѣятелей состоитъ вся неотразимая сила литературнаго значенія Грановскаго и отвѣтъ на вопросъ, который невольно представляется каждому съ перваго взгляда на посмертное собраніе его сочиненій: почему человѣкъ, обладавшій такою силою мыслителя и такимъ изяществомъ литературнаго слова, оставилъ намъ такъ мало произведеній? отчего Грановскій такъ мало писалъ? Этимъ же вопросомъ открываетъ и покойный Кудрявцевъ свое «Извѣстіе о литературныхъ трудахъ Грановскаго», помѣщенное въ видѣ предисловія къ обоимъ изданіямъ «Сочиненій Т. Н. Грановскаго». Кудрявцевъ, отказываясь дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на предложенные выше вопросы, приводитъ только нѣкоторыя сообра-

женія, основанныя на томъ, что Грановскій находилъ препятствія къ литературной дѣятельности писателя въ самыхъ достоинствахъ своего ума; его живой умъ не давалъ ему сосредочиться на какой нибудь части и увлекалъ его далѣе за другими сторонами предмета: съ другой стороны, этотъ же живой умъ былъ вмѣстѣ столь основателенъ, что не дозволялъ ему приниматься за перо, переложить мысль на бумагу, отлить идею въ окончательную форму, прежде нежели въ немъ явится убѣжденіе, что всѣ предварительныя работы готовы. Къ живости и основательности умъ Грановскаго присоединялъ симпатичность, увлекавшую его ко всѣмъ живымъ явленіямъ въ современности, что опять препятствовало ему уединить мысль на продолжительное время, какъ мы уединяемъ физическій глазъ, чтобъ всмотрѣться въ картину. Все, сказанное Кудрявцевымъ о качествахъ ума Грановскаго безусловно справедливо, но мы не видимъ во всемъ этомъ настоящихъ причинъ, почему онъ такъ мало творилъ въ литературѣ. Самъ Грановскій, по поводу біографіи Н. Г. Фролова, высказалъ намъ свой литературный процессъ: «Я обдумалъ ее (біографію)—пишетъ онъ вдовѣ покойнаго — сколько мнѣ кажется, хорошо. Жду только, чтобы на меня сошла хорошая, свѣтлая минута, чтобы тотчасъ взяться за работу и кончить ее съ разу, безъ промежутковъ, охлаждающихъ мысль». Вотъ, намъ кажется, гдѣ заключалась настоящая причина того, что Грановскій писалъ мало; только люди, въ которыхъ писатель и человѣкъ, какъ мы сказали выше, соединены неразрывно, не рѣшаются писать иначе, какъ въ одни «свѣтлыя и хорошія минуты» жизни своего ума и сердца; они боятся промежутковъ, охлаждающихъ, какъ замѣчаетъ справедливо Грановскій, мысль. Въ томъ же письмѣ онъ прибавляетъ въ высшей степени характеристическія слова: «Если не съумѣешь сказать въ немногихъ словахъ того, чѣмъ полно сердце, то многорѣчіемъ только разведешь водою собственное чувство. Вотъ моя литературная теорія». Такимъ образомъ, Грановскій избавляетъ своего біографа отъ объясненія причинъ, почему онъ такъ мало написалъ, и вмѣстѣ, самъ не сознавая того, даетъ намъ ключъ къ понятію и оцѣнкѣ его литературной дѣятельности.

Къ собственнымъ словамъ Грановскаго мы можемъ прибавить еще одно: всякому существу прирождено дѣйствовать тѣмъ способомъ, въ которомъ оно чувствуетъ себя сильнѣе и могущественнѣе. Грановскій, по свидѣтельству всѣхъ испытавшихъ его личную бесѣду, говорилъ не однимъ языкомъ: самый тонъ его рѣчи, выраженіе глазъ, власть нравственнаго обаянія, все это относило его къ разряду тѣхъ немногихъ избранниковъ, которые всегда предпочитаютъ устную бесѣду письму — а писанныя буквы, хотя и представляютъ вѣчность, но теряютъ жизнь. Въ этой любви къ устному слову, любви, основанной

на личномъ дарѣ, удѣляемомъ весьма немногимъ, заключается, по нашему мнѣнію, вся разгадка аномаліи, замѣчаемой въ Грановскомъ.

Нельзя также не замѣтить при этомъ и того обстоятельства, что Грановскій умеръ, если можно такъ выразиться, далеко не кончивъ жизни. Смерть, какъ мы замѣтили, остановила его въ ту пору, когда человѣкъ достигаетъ полноты силъ своего развитія, не утрачивая въ то же время ихъ энергіи; 4 октября 1855, въ день его смерти, ему было *сорокъ два* года отъ роду. Обратите вниманіе на цифру года, когда ему было суждено разстаться съ жизнью, и вы поймете слова Кудрявцева о необыкновенной перемѣнѣ, которая произошла въ Грановскомъ наканунѣ его смерти. «По особенному стеченію обстоятельствъ, замѣчаетъ біографъ Грановскаго, послѣдній годъ вообще былъ для него эпохою самаго сильнаго возбужденія умственныхъ и всѣхъ душевныхъ силъ. Никогда еще не порывался онъ такъ дѣйствовать всѣми зависящими отъ него средствами, на общую пользу, на пользу образованія въ особенности. Слѣды жизненнаго утомленія, которые еще не за долго предъ тѣмъ туманили его взоръ и по временамъ отзывались въ самыхъ его рѣчахъ, вдругъ исчезли, оставивъ мѣсто болѣе ясному и свѣтлому воззрѣнію на жизнь. Съ отрадою и упованіемъ начиналъ онъ смотрѣть на будущее, и глаза его попрежнему загорались огнемъ, когда онъ начиналъ говорить о своихъ надеждахъ. Люди особенно близкіе къ Грановскому, уже во время пребыванія его въ деревнѣ лѣтомъ, замѣтили это внезапное обновленіе его нравственныхъ силъ.» Такъ свидѣтельствуетъ о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни современникъ-очевидецъ, въ началѣ 1856 года, и намъ его слова теперь сдѣлались еще понятнѣе, нежели они были десять лѣтъ тому назадъ: біографъ, въ 1856 году, могъ объяснять перемѣну въ Грановскомъ однимъ «особеннымъ стеченіемъ обстоятельствъ»; но, мы уже теперь знаемъ, что годъ смерти Грановскаго былъ вмѣстѣ годомъ новой эпохи въ жизни нашего общества. Избранная натура Грановскаго какъ бы предчувствовала наше будущее и выпрямлялась во весь ростъ въ ту минуту, когда, въ его организмѣ уже совершались физическіе законы. Онъ какъ будто дожилъ только для того, чтобы ему можно было сказать: «Нынѣ отпущаеши...»

Однимъ словомъ, предъ нами лежитъ только небольшой періодъ жизни Грановскаго, и потому собственно нельзя задавать вопроса, почему онъ не принялъ того участія въ литературѣ, котораго можно было ожидать отъ его таланта и силы мысли. Доказательствомъ тому служитъ необыкновенное возбужденіе въ немъ жажды къ дѣятельности наканунѣ смерти, и наконецъ положительные факты, о которыхъ свидѣтельствуетъ тотъ же современникъ-біографъ. «Возвратившись къ намъ въ Москву осенью (1855 года)—пишетъ Кудрявцевъ,—онъ поразилъ всѣхъ своею необыкновенною возбужденностью. Онъ самъ постоянно былъ за-

нять одною заботою и говорилъ намъ всѣмъ о необходимости работать дѣятельно для пользы общей.» Очевидно, Грановскій какъ бы говорилъ этимъ, что время работы только наступало, что до того времени и онъ самъ и все окружавшее его, ждало этого времени и готовилось къ труду. Но Грановскій не ограничился однимъ общимъ мѣстомъ; лично для него идея работы облеклась уже въ плоть; онъ имѣлъ цѣлую программу труда, которая, говоритъ Кудрявцевъ, занимала его съ давнихъ поръ, но только въ 1855 году ему показалось, что эта программа наконецъ можетъ быть приведена въ исполненіе. Грановскій рѣшился въ 1855 году предпринять періодическое изданіе литературно-историческаго журнала, на первый разъ отъ 3 до 4 книжекъ въ годъ. О планѣ этого предпріятія мы можемъ судить только по немногимъ словамъ того же Кудрявцева. «Это изданіе, говоритъ онъ, должно было обнять въ себѣ современное движеніе не только исторической науки въ обширномъ смыслѣ, но также литературы и политики». Самъ Грановскій бралъ на себя редакцію и дѣятельное участіе; онъ имѣлъ въ виду помѣстить тамъ цѣлый рядъ статей подъ названіемъ «Историческія письма» и большое изслѣдованіе «Городъ» въ трехъ его главныхъ моментахъ, въ древнемъ, средневѣковомъ и новомъ порядкѣ вещей. Второго октября ему читали окончательную редакцію программы; онъ ждалъ только облегченія отъ болѣзни, чтобы ѣхать въ Петербургъ съ цѣлью испросить дозволеніе на изданіе новаго журнала; четвертаго октября его не было уже въ живыхъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ ничего не открыто изъ оставшихся бумагъ Грановскаго, на которыя намекаетъ Кудрявцевъ. Въ третьемъ томѣ нашего журнала мы помѣстили «Записку» и «Программу» курса всеобщей исторіи, какъ предполагалъ Грановскій составить его. При новомъ изданіи его сочиненій помѣщена только одна новая статья: «Объ ослабленіи классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ этой перемѣны»; мы отсылаемъ нашихъ читателей къ «Педагогической хроникѣ», гдѣ будемъ имѣть случай остановиться подробнѣе на идеяхъ Грановскаго о предметѣ, важность котораго не утратила до сихъ поръ своего значенія.

Сочиненія Грановскаго давно уже были раскуплены и сдѣлались библіографическою рѣдкостью; потому новое изданіе явилось кстати. Намъ говорили, что издатели предназначаютъ деньги, которыя выручатся отъ продажи новаго изданія для составленія капитала, а на проценты съ него предполагается устроить стипендію Грановскаго въ Московскомъ университетѣ. Такая цѣль почти вмѣняла бы въ обязанность всѣмъ, кто желаетъ почтить память одного изъ лучшихъ людей нашего времени, содѣйствовать къ достиженію цѣли издателей; притомъ такое содѣйствіе будетъ соединено съ пріобрѣтеніемъ собранія произведеній, которыя по внѣшней отдѣлкѣ слова, по ясности,

опредѣленности и силѣ мысли, по честности убѣжденій останутся всегда замѣчательнымъ памятникомъ нашей исторической литературы. Грановскій не былъ ученымъ въ узкомъ значеніи этого слова; онъ писалъ и говорилъ для того, чтобы понимали то, что онъ пишетъ и говоритъ; чтобъ быть ученымъ въ самомъ присяжномъ смыслѣ этого слова, ему недоставало не знаній, не начитанности, не критическаго взгляда, не обобщающихъ идей — всѣмъ этимъ онъ былъ богатъ, какъ нельзя болѣе; но ему недоставало аффектаціи, чопорности, презрѣнія ко всякому независѣвшему отъ него мнѣнію, однимъ словомъ, всего того, что такъ часто одними выдается, а другими принимается за ученость.

Бэконъ Веруламскій. *Сочиненіе Куно-Фишера, изданное въ русскомъ изложеніи э. о. профессоромъ кіевской духовной академіи Ф. Терновскимъ.* (Съ портретомъ Бэкона). Кіевъ. 1866. Стр. 133.

Собственно трудъ пр. Терновскаго занимаетъ средину между оригиналомъ и переводомъ. Мы согласны съ авторомъ, что его предпріятіе дѣлаетъ доступнымъ существенныя идеи Куно-Фишера о Бэконѣ, и тотъ, кто не могъ пожертвовать тремя рублями на пріобрѣтеніе полнаго сочиненія, можетъ теперь пріобрѣсть сокращеніе его въ переводѣ за пятьдесятъ копѣекъ. Но нельзя согласиться съ обвиненіемъ, которое возводитъ на Куно-Фишера авторъ, желая тѣмъ оправдать свою работу. Онъ утверждаетъ, что сочиненіе Куно-Фишера преисполнено «амплификацій»; въ доказательство противнаго, мы можемъ привести собственныя же слова автора, гдѣ онъ говоритъ, что «Куно-Фишеръ отличается необыкновенною ясностью историко-философскаго представленія», что совершенно и справедливо, и что не бываетъ участью людей, наклонныхъ къ амплификаціи. И авторъ дѣлаетъ такую ошибку не разъ: самый выборъ Куно-Фишера сочиненія доказываетъ уваженіе автора къ нѣмецкому философу, а между тѣмъ, пр. Терновскій, опуская въ концѣ XII главы полемику Куно-Фишера съ Маколеемъ по важному вопросу о теоретической и практической философіи, замѣчаетъ: «Мы сочли возможнымъ безъ ущерба для читателей опустить эти *разглагольствія*» (!). Мы объясняемъ возможность подобныхъ выраженій со стороны уважаемаго профессора о другомъ профессорѣ, не менѣе уважаемомъ, единственно утвердившеюся у насъ въ печати привычкою выражаться на письмѣ такъ, какъ мы не позволили бы себѣ выразиться въ личномъ разговорѣ другъ съ другомъ. Пр. Терновскій ставитъ своего читателя рѣшительно въ недоумѣніе: къ чему, спроситъ каждый, знакомить публику, да еще въ сокращеніи, съ трудомъ людей, способныхъ къ «разглагольствію», т. е. къ переливанію изъ пустого въ порожнее? Но читатель можетъ совершенно успокоиться относительно авторитета Куно-Фишера; и мы съ своей стороны находимъ трудъ пр. Терновскаго не безполезнымъ для тѣхъ,

которые хотѣли бы получить общее понятіе объ оцѣнкѣ Бэкона Куно-Фишеромъ, усиливающимся спасти нѣсколько нравственную репутацію геніальнаго мыслителя. Хотя, признаемся, всѣ доводы Куно-Фишера сводятся къ тому, что уже выражено въ нашей поговоркѣ: «Но умный человѣкъ не можетъ быть не плутъ!» За то вопросъ объ отношеніи философіи Бэкона къ исторіи анализированъ у Куно-Фишера превосходно: никто съ такою ясностью не указывалъ на необходимость различать «историческое объясненіе» отъ «историческаго изслѣдованія»; въ отношеніе послѣдняго, физіологическія требованія Бэкона неопровержимы; относительно перваго они остаются совершенно безсильны. Таже погрѣшность встрѣчается и въ новѣйшей системѣ Бокля.

Весьма жаль, что пр. Терновскій опустилъ XIII главу у Куно-Фишера о дальнѣйшемъ развитіи реалистической философіи послѣ Бэкона, потому что, именно въ этомъ дальнѣйшемъ развитіи, всего нагляднѣе обнаруживались и достоинства и недостатки философскаго метода у англійскаго мыслителя XVII вѣка.

2) Переводы.

Говоря вообще о являющихся переводахъ историческихъ книгъ на русскій языкъ, мы можемъ утверждать, что наши переводы весьма часто не уступаютъ въ своихъ достоинствахъ иностраннымъ, и въ особенности французскимъ. Но мы должны обратиться однако къ нимъ почти съ общимъ упрекомъ, а именно, что лица, берущіяся за такой трудъ, относятся къ нему весьма пассивно и притомъ во вредъ самому дѣлу. Переводчикъ, у насъ, считаетъ себя достигнувшимъ цѣли, если онъ исправно переведетъ иностраннаго писателя, но онъ рѣдко беретъ на себя предпослать своему труду предисловіе съ извѣстіемъ объ иностранномъ авторѣ, его жизни, отношеніи къ описываемому предмету и тому подобное, что могло бы приготовить читателя къ воспринятію и оцѣнкѣ идей, съ которыми ему предстоитъ познакомиться. Конечно, самый выборъ книги для перевода есть уже ея одобреніе, но переводчику необходимо объяснить свои доводы, побудившіе потратить трудъ на переводъ того или другого сочиненія. Мы полагаемъ, что подобное предисловіе слѣдовало бы вмѣнить въ обязанность переводчику, который желалъ бы руководить своимъ читателемъ. Это необходимо тѣмъ болѣе, что переводчикъ имѣетъ въ виду преимущественно людей, мало знакомыхъ съ иностранными литературами, и потому комментарій съ его стороны ни въ какомъ случаѣ не могъ бы считаться излишнимъ.

Исторія американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, *К. Ф. Неймана*. Томъ первый. Отъ основанія колоній до президентства Томаса Джефферсона. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. Изд. Бакста. 1866. Ц. 2 р.

По проэкту автора, все сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ томовъ; въ подлинникѣ вышло уже два тома; русскій переводъ втораго тома, по объявленію издателя, готовится къ выходу. Первый, нынѣ вышедшій, томъ содержитъ въ себѣ очеркъ исторіи основанія колоній и ихъ учрежденій, въ зависимости отъ метрополіи, описаніе событій, предшествовавшихъ войнѣ ихъ за независимость, по окончаніи въ Европѣ Семилѣтней войны, и изложеніе самой войны освобожденія и новой конституціи Соединенныхъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ; въ послѣдней главѣ авторъ приступаетъ, наконецъ, къ самой исторіи новаго государства, и въ первомъ томѣ ограничивается эпохою двухъ президентовъ Георга Вашингтона и Джона Адамса, до избранія Томаса Джефферсона въ 1801 году.

Происхожденіе Сѣвероамериканскихъ Штатовъ и ихъ дальнѣйшая судьба вызвали большую литературу, и сочиненія такихъ писателей, какъ Грагамъ, Банкрофтъ, Бентонъ, можно причислить къ классическимъ произведеніямъ. Но при всемъ томъ мы не имѣли до сихъ поръ полной исторіи этого предмета отъ основанія колоній до нашего времени, и именно такой, которая удовлетворяла бы вмѣстѣ и ученаго точнымъ указаніемъ источниковъ и вообще образованнаго читателя доступностью объема и формою изложенія. Этотъ пробѣлъ, какъ въ американской, такъ и въ европейской литературѣ, взялъ теперь на себя пополнить нѣмецкій писатель Нейманнъ. Авторъ, принявшись за этотъ трудъ еще 10 лѣтъ тому назадъ, желалъ первоначально ограничиться новѣйшею исторіею Союза, но она оказалась такъ тѣсно связанною съ своимъ предъидущимъ, что необходимо было подняться выше, и Нейманнъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, началъ трудъ съ исторіи колоній до возстанія, ограничившись при этомъ одною внутреннею стороною, а именно государственными, религіозными и гражданскими отношеніями. Авторъ совершенно справедливъ, разсуждая, что нѣтъ возможности понять духа новѣйшей цивилизаціи Союза, не поднявшись до прежней исторіи внутренняго быта колоній, въ эпоху англійскаго владычества; такъ поступали и всѣ предшествовавшіе ему историки; но, по нашему мнѣнію, всѣ эти историки, а вмѣстѣ съ ними и Нейманнъ, грѣшили въ томъ отношеніи, что исторію американскихъ идей слишкомъ связывали съ ихъ почвой, и только на почвѣ Америки хотѣли видѣть начало исторіи Штатовъ. Американцевъ, еще до переселенія ихъ въ Америку, приготовляла старая феодальная Европа, потому, чтобы понять вполнѣ духъ колонистовъ, необходимо во главѣ исторіи Сѣвероамериканскихъ Штатовъ поставить исторію той части населенія Европы, которая страдала отъ

средневѣковыхъ порядковъ, вела имъ оппозицію, начинала уже исторію будущей Америки, такъ сказать, въ Европѣ, и въ Америкѣ нашла себѣ только болѣе раздолья и менѣе препятствій. Эта древняя эпоха исторіи американской идеи опускается всѣми историками цивилизаціи Соединенныхъ Штатовъ, опускается также и Нейманномъ, который именно поставилъ своею задачею описывать не матеріальную сторону основанія колоній, но исторію ихъ внутренняго быта.

Трудъ Неймана имѣетъ однако одно большое отличіе отъ всѣхъ предъидущихъ трудовъ, явившееся у него, очевидно, вслѣдствіе патріотизма. До сихъ поръ исторія Сѣвероамериканскихъ Штатовъ разсматривалась преимущественно какъ созданіе почти исключительно англосаксонской расы, какъ колоссальный эпизодъ изъ исторіи одной Англіи. Между тѣмъ, въ одно послѣднее время переселялось въ Америку до 200,000 человѣкъ ежегодно изъ Германіи; Германія такимъ образомъ какъ бы пріобрѣтаетъ право видѣть въ продолженіи исторіи Штатовъ свою собственную исторію, и наоборотъ желаетъ въ ихъ прошедшемъ доказать свое участіе. Именно эту задачу преслѣдуетъ постоянно Нейманнъ, который вслѣдствіе того вводитъ въ исторію Штатовъ много новыхъ фактовъ, но въ тоже время, какъ бываетъ часто съ людьми, преслѣдующими новую идею, впадаетъ въ преувеличеніе и дѣлаетъ самыя широкія заключенія на основаніи единичныхъ и разсѣянныхъ событій. Хочетъ ли, напримѣръ, авторъ, представить отношенія общественнаго мнѣнія къ Вашингтону, онъ заботится особенно о томъ, чтобы указать, какъ уважали его въ Германіи, и «изъ многихъ фактовъ всеобщаго уваженія» приводитъ только два, именно потому, что они касаются нѣмцевъ. Какіе же это два факта? Письмо министра прусскаго короля графа Герцберга къ Вашингтону; но это оффиціальный актъ оффиціальнаго лица, и историкъ не можетъ принимать его за выраженіе общественнаго мнѣнія страны. Для другого примѣра избранъ сапожный мастеръ Теофилъ Альте изъ Солингена, который прислалъ Вашингтону шпагу въ дорогихъ ножнахъ съ нѣмецкою надписью; такой человѣкъ могъ бы скорѣе служить выраженіемъ общественнаго мнѣнія, но въ выноскѣ авторъ замѣчаетъ, что «въ Солингенѣ и до сихъ поръ ходятъ всевозможные *недобрые* слухи объ этомъ вѣроятно оригинально-самостоятельномъ человѣкѣ». Такимъ образомъ, мы должны отказаться и отъ второго факта, свидѣтельствующаго объ уваженіи въ Германіи къ Вашингтону, такъ какъ Альте самъ не пользовался уваженіемъ между своими соотечественниками и считался оригиналомъ. Вообще, авторъ смотритъ на отношеніе Германіи къ дѣлу освобожденія Штатовъ съ апостеріористической точки зрѣнія, и старается доказать, что нѣмцы прошедшаго столѣтія также думали и чувствовали, какъ авторъ и его современники. Между тѣмъ, въ прошедшемъ столѣтіи нѣмецкія правительства прода-

вали нѣмцевъ англичанамъ для усмиренія колонистовъ. По выраженію англійскаго лорда Магона, памятникомъ роли, которую играла Германія при возстаніи колоній, служатъ великолѣпные сады Гессенъ-Кассельскихъ герцоговъ въ Вильгельмсгёхѣ, удивительные затѣи и каскады котораго устроены цѣною крови проданныхъ гессенцевъ на службу англичанамъ для усмиренія колоній. «На проданныхъ и уведенныхъ какъ скотъ гессенцевъ и брауншвейгцевъ слѣдовало бы наложить и обыкновенную пошлину, взимаемую со скота», говаривалъ Фридрихъ Великій. Авторъ, правда, считаетъ всѣ остроты прусскаго короля по поводу Американской войны «неумѣстными», но нельзя не признать ихъ справедливыми и вмѣстѣ обличающими прямо противоположное тому, что хотѣлъ бы доказать авторъ относительно всегдашняго сочувствія Германіи къ свободѣ и независимости Сѣвероамериканскихъ Штатовъ.

Есть еще одна особенность въ новомъ трудѣ Нейманна, которой мы обязаны послѣднимъ событіямъ въ Америкѣ и междоусобной войнѣ южанъ съ сѣверянами. Находясь подъ вліяніемъ совершившихся фактовъ и сочувствуя вполнѣ торжеству сѣверянъ, авторъ старается отыскать и указать съ самаго начала основанія Штатовъ какъ постоянный токъ идей враждебныхъ основѣ Союза, такъ и зловредный элементъ, вкравшійся издавна въ составъ его. Авторъ поднимается до первыхъ основаній всѣхъ колоній, образовавшихъ въ послѣдствіи цѣлое государство, и указываетъ различіе въ людяхъ, которые селились на сѣверѣ и на югѣ, въ особенности же въ штатѣ Каролинѣ. Каролина получила свое названіе, по странному случаю, въ честь французскаго короля Карла IX, участника Варѳоломеевской ночи. «Ее населили, говоритъ авторъ, лицемѣрные, безхарактерные придворные, служившіе на родинѣ всякому произволу, говорившіе въ пользу всякой низости; они разослали повсюду, для всѣхъ желающихъ селиться въ Каролинѣ, объявленія, обѣщая полную религіозную и государственную свободу. Этимъ, естественно, хотѣли привлечь колонистовъ, поднять собственность въ цѣнѣ и обогатиться, не обращая вниманія на средства. Развратная сволочь всякого рода, игроки, моты, разстратившіе свое состояніе, обнищавшіе кавалеры и должники — все это, чтобы избѣгнуть стыда, отправилось въ Каролину... Такимъ образомъ понятно, что одинъ виргинскій намѣстникъ (1681 г.) могъ сказать: «Каролина — стыдъ Америки, убѣжище всѣхъ негодяевъ; пираты и разбойники находятъ здѣсь радушный пріемъ и рынки для всѣхъ награбленныхъ предметовъ.» Одному плантатору изъ Барбадоса, отъ котораго собственники ожидали содѣйствія ихъ планамъ, удалось даже добыть титулъ баронета, — первый примѣръ въ британской колоніальной исторіи! Эти негодные люди дѣлали съ своими

рабами, особенно въ южной Каролинѣ, ужасныя жестокости; Карлъ Уисли разсказываетъ едва вѣроятные случаи», и. т. д.

Такими красками рисуетъ авторъ предковъ южанъ, и слѣдитъ по всему труду за рѣзкимъ различіемъ въ идеяхъ и нравственныхъ интересахъ двухъ частей Штатовъ, чтобы тѣмъ сдѣлать понятнѣе послѣднюю схватку давно уже враждовавшихъ элементовъ.

Трудъ Нейманна будетъ возбуждать все болѣе и болѣе интереса по мѣрѣ приближенія автора къ нашему времени, и мы съ своей стороны также отложимъ полный о немъ отчетъ до выхода третьяго и послѣдняго тома.

Гражданское развитіе Америки, *Джона Вилліама Дрэпера.* Перев. съ англійскаго. Изд. А. Аргамакова. Спб. 1866. Стр. 334. Ц. 1 р. 30 к.

Мы имѣли уже случай познакомить съ методомъ и воззрѣніями Дрэпера на исторію человѣчества, когда говорили о появленіи русскаго перевода его же «Исторіи умственнаго развитія Европы» *). Въ прошедшемъ году, нью-іоркское историческое общество просило Дрэпера прочесть четыре лекціи о гражданскомъ развитіи Америки; профессоръ распространилъ прочитанное имъ, подкрѣпилъ многія положенія новыми доводами и издалъ особою книжкой. Пріемы автора остались тѣже; онъ беретъ изъ своего прежняго труда добытые имъ результаты и примѣняетъ ихъ къ Америкѣ. Мы видѣли, что сущность метода Дрэпера состоитъ въ томъ, что судьба народа есть въ огромномъ видѣ судьба отдѣльнаго человѣка, а потому законы развитія послѣдняго могутъ быть вполнѣ примѣнены къ развитію перваго. При такой точкѣ зрѣнія, Дрэперъ весьма послѣдовательно приходитъ къ заключенію, что цѣль исторической науки составляетъ *«предвидѣніе* и *предсказываніе будущаго»*. «Человѣкъ не лишенъ исторической предусмотрительности, продолжаетъ авторъ; какъ астрономъ (просимъ обратить вниманіе на это сравненіе задачи исторіи и астрономіи) изъ записанныхъ фактовъ выводитъ законы, по которымъ движутся небесныя тѣла, и потомъ примѣняетъ ихъ съ непогрѣшительною вѣрностью *къ пророчеству* будущихъ событій, такъ можетъ и историкъ, опирающійся на неизмѣняемость природы, предсказывать неизбѣжный путь, по которому должна идти нація.»

«На неизмѣняемость природы» — да, мы согласны: опираясь на нее историкъ, какъ и астрономъ, какъ и химикъ, могъ бы пророчествовать непогрѣшительно; но гдѣ, спросимъ мы, словами одного извѣстнаго французскаго критика, та реторта, въ которой мы могли бы помѣстить такую субстанцію, какъ человѣческая душа, или гдѣ пламя способное ее распустить? А безъ того едва ли историкъ будетъ счастливъ въ своихъ пророчествахъ.

---

*) См. т. II, отд. III, стр. 139.

Оставаясь на своей точкѣ зрѣнія, Дрэперъ поставилъ въ своихъ лекціяхъ задачею «опредѣлить дѣйствіе тѣхъ или другихъ законовъ природы въ отношеніи Америки; угадать будущія тенденціи республики, извлечь изъ сдѣланныхъ нами наблюденій правила для управленія націи — вотъ предметы, заключаетъ авторъ, которымъ посвящены слѣдующія страницы.»

Нельзя постановить интереснѣе историческаго вопроса, какъ это дѣлаетъ Дрэперъ; и, прибавимъ, знать будущія тенденціи республики хотѣли бы, конечно, не одни американцы, но и мы, европейцы.

Изъ принциповъ, которые указываютъ назначеніе народа и опредѣляютъ образъ его жизни, авторъ избираетъ четыре: 1) вліяніе климата, 2) вліяніе эмиграціи, 3) политическая сила идей, и 4) естественный ходъ народнаго развитія.

Мы замѣтили при разборѣ «Исторіи умственнаго развитія въ Европѣ», что физіологическія теоріи новѣйшей исторической школы, при всемъ почтеніи, которое онѣ возбуждаютъ къ труженикамъ мысли и дѣла, страннымъ образомъ приводятъ насъ къ результатамъ поэтическимъ и часто въ своихъ научныхъ выводахъ какъ бы служатъ оправданіемъ древняго мистическаго міросозерцанія. Можно подумать, что новѣйшая практическая наука не имѣетъ другой цѣли, какъ написать комментарій къ тому, о чемъ мечтали поэты. Въ нынѣшнемъ своемъ трудѣ Дрэперъ предоставляетъ наилучшее оправданіе сказанному нами прежде. Вотъ, дѣйствительно мастерская и художественная картина жизни природы въ человѣкѣ и человѣка въ природѣ, основанная въ тоже время не на фантазіи и поэтическомъ дарѣ, но на самыхъ строгихъ научныхъ наблюденіяхъ:

«Откуда появились всѣ эти зеленые листья и пестрые цвѣты, всѣ эти сѣмена, снабжающія людей пищею? — спрашиваетъ Дрэперъ. Не изъ земли, какъ думаютъ нѣкоторые. Всемогущее солнце, этотъ центральный управитель нашей планетной системы, добываетъ изъ воздуха необходимый для произрастанія матеріалъ, и подъ его благотворнымъ вліяніемъ въ воздухѣ происходитъ тончайшая химическая операція. Солнце извлекаетъ изъ невидимаго и вреднаго газа, выдѣляемаго изъ нашихъ легкихъ во время акта дыханія, тотъ образовательный матеріалъ, изъ котораго слагаются безчисленные, прекрасные органы растеній. По этому растенія суть не что иное, какъ сгущеніе атмосферы. Отдѣльныя части ихъ связаны извѣстною силою, происшедшей отъ солнца; эта заключенная въ нихъ сила всегда готова снова проявляться. Каждый годъ, такимъ образомъ, вслѣдствіе химическаго выдѣленія, накопляется запасъ силы и матеріи для міра животныхъ, потому что, посредственно или непосредственно, всѣ животныя живутъ на счетъ растеній. Даже, такъ называемыя хищныя или плотоядныя не могутъ составить исключенія: они питаются мя-

сомъ травоядныхъ. Мускулы, жиръ, нервы, даже самыя кости образовались изъ растительнаго царства....

«Животное представляетъ временную форму, принятую матеріей. Научное изслѣдованіе его жизни должно заключать два главные факта. Во-первыхъ, необходимо разсмотрѣть, какимъ образомъ произошла эта матерія, куда уходитъ ея потокъ; во-вторыхъ, такъ какъ сила не можетъ быть создана изъ ничего и по свойству своему неуничтожима, то изслѣдованіе должно указать, изъ какого источника получается сила, выказываемая животными, какимъ образомъ употребляется, и какое ея окончательное примѣненіе. Сила происходитъ отъ солнца, матерія изъ воздуха.

«Какимъ же образомъ вся эта матерія, совершивъ свои отправленія въ животныхъ, выдѣляется изъ нихъ? Большею частью чрезъ дыханіе, такъ что за малыми исключеніями, которыя необходимо здѣсь упомянуть, можно сказать, что дыханіе животныхъ необходимо для растеній. Мы отдѣляемъ, какъ не потребный для насъ матеріалъ, во время дыханія углекислоту. Растенія подъ вліяніемъ солнца, вбираютъ ее въ себя и выдѣляютъ сами газъ, который служитъ намъ на дыханіе. И тутъ-то мы придемъ къ тому заключенію, къ которому приходимъ, разбирая метаморфозы капли воды, т. е., что матеріальныя частицы, годныя для образованія организма, постоянно круговращаются. Сначала онѣ существуютъ, какъ неорганическія соединенія въ землѣ и воздухѣ; потомъ, какъ часть растеній и животныхъ, а потомъ опять переходятъ или въ землю, или въ воздухъ, чтобъ снова начать свои измѣненія. Метаморфозы, вымышленныя древними поэтами, находятъ себѣ опору въ дѣйствительномъ фактѣ: царство растеній, животныхъ, и міръ органическій и неорганическій тѣсно связаны между собой. Растенія создаютъ, животныя разрушаютъ.... Матерія, протекшая въ видѣ крови чрезъ сердце человѣка, дыханіемъ превратилась въ газъ и способствуетъ образованію деревьевъ и цвѣтовъ. Азіатцы, у которыхъ получили начало всѣ вѣроисповѣданія, извѣстныя на землѣ, неоднократно признавали переселеніе душъ. Они были бы гораздо ближе къ истинѣ, если бы вѣрили въ переселеніе тѣлъ.... Атмосферный воздухъ есть огромный бассейнъ, изъ котораго исходятъ и возвращаются живыя существа; онъ колыбель растительнаго и могила животнаго царства.... Въ эѳирномъ пространствѣ очень много такихъ частицъ, которыя нѣкогда цвѣли какъ цвѣты, или раздѣляли удовольствіе и страданія животной жизни. Совершивъ свое первое отправленіе, они ожидаютъ своей очереди перейти снова въ организацію, участвуя въ передачѣ разноцвѣтныхъ лучей солнечнаго цвѣта или двигаясь въ волнахъ музыкальныхъ звуковъ. Въ этой всеобщей могилѣ остатки животныхъ и людей скрываются до тѣхъ поръ, пока солнеч-

ные лучи не вызовутъ ихъ къ жизни и не дадутъ имъ какой нибудь формы».

Намъ рѣдко случалось—не исключаемъ даже Гердера—встрѣтить болѣе поэтическую и вмѣстѣ ученую картину міровой жизни. Самъ авторъ говоритъ, что въ древнихъ космогоніяхъ, опиравшихся на чутье великихъ поэтовъ, есть много родственнаго съ тѣмъ, къ чему приводятъ насъ строгія розысканія новѣйшей науки.

Но если справедлива теорія автора относительно того, что человѣкъ данной мѣстности и въ данное время есть продуктъ природы, въ полномъ смыслѣ этого слова, то какимъ образомъ такія обширныя страны, какъ Сѣвероамериканскіе Штаты, заключающіе въ себѣ огромное различіе климатическихъ и почвенныхъ условій, могутъ думать о единствѣ? Не превратятся ли Штаты современемъ въ безчисленное множество націй? другими словами, сепаратизмъ не есть ли результатъ неизбѣжныхъ вліяній климата на человѣка, не есть ли онъ законное послѣдствіе того, что подъ различнымъ небомъ люди должны быть различны, и намъ только кажется, что сепаратизмъ возбуждается интригами, страстью, разсчетомъ и честолюбіемъ отдѣльныхъ лицъ? Чтобы достигнуть политическаго единства въ большихъ размѣрахъ, надлежитъ, повидимому, достигнуть предварительно въ такихъ же размѣрахъ единства климатическаго и почвеннаго. Дѣло очевидно невозможное! Къ счастью, авторъ, поднявъ такой вопросъ, остался непослѣдовательнымъ въ своей физіологической системѣ. Онъ говоритъ, что человѣкъ, въ противность животному, можетъ *нейтрализировать* климатическія различія, т. е., другими словами, избѣгнуть вліянія климата и почвы, и не быть, слѣдовательно, ея голымъ продуктомъ, простою формою сгущеннаго воздуха и разлагающагося послѣ на свои составныя части. Но какъ нейтрализировать вліяніе климата и почвы? Какимъ образомъ противодѣйствовать сепаратизму — дару нашей животной жизни, влекущей насъ за разнообразіемъ климата и почвы — какъ достигнуть политическаго единства въ большихъ размѣрахъ?

«Я думаю, говоритъ авторъ, мы найдемъ отвѣтъ въ двухъ словахъ: *воспитаніе* и *сообщеніе* другъ съ другомъ».

Вотъ, дѣйствительно, короткій, но полный глубокаго смысла, отвѣтъ на вопросъ, который не лишенъ интереса и для мыслителя, и для практическаго человѣка. Впрочемъ, нашъ авторъ принадлежитъ англосаксонской расѣ и любитъ выражаться осязательно. «Но это мнѣніе—продолжаетъ онъ—не однихъ только теоретиковъ; на этой формулѣ четыреста милліоновъ людей, треть человѣчества, основали прочность своихъ учрежденій въ Китаѣ. Общественной системой школъ они образовали народный умъ; своей системой каналовъ соединили себя въ одинъ народъ, живя въ климатѣ, представляющемъ такія же различія, какъ и нашъ (американскій). Принципъ, на которомъ такимъ

образомъ основана ихъ политическая система, многія тысячелѣтія противостоялъ послѣдовательно всѣмъ человѣческимъ измѣненіямъ и пережилъ всѣ перевороты. Но что̀ ихъ народное воспитаніе, въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ можетъ быть наше? Что̀ ихъ система каналовъ, въ сравненіи съ нашими будущими желѣзными дорогами?»

Итакъ, государство, устремляющее всѣ свои усилія на народное образованіе и легкость передвиженія, вступаетъ въ вѣрную борьбу съ сепаратизмомъ, который служитъ всегда знàкомъ торжества мертвой природы надъ духовною жизнью человѣка; чѣмъ выше духовная жизнь, чѣмъ легче движется человѣкъ по землѣ, тѣмъ шире можетъ быть единство, въ противность всякому климатическому разнообразію. По поводу этого же вопроса, авторъ высказываетъ много интереснаго и полезнаго относительно политическаго бытія обширныхъ государствъ, и мы указываемъ нашимъ читателямъ въ особенности на конецъ первой главы этого описанія.

Предоставляемъ «Педагогической Хроникѣ» познакомить когда нибудь читателя съ американскими идеями о народномъ воспитаніи, какъ основѣ государственнаго единства, а въ заключеніе приведемъ только то мѣсто, гдѣ авторъ прямо и положительно рѣшаетъ свой главный вопросъ о будущей судьбѣ Америки. Этимъ будущимъ управляетъ идея.

«Какая же это идея? — спрашиваетъ авторъ. Идея та, что на этомъ (новомъ) материкѣ будетъ существовать единая республика, великая и нераздѣльная, которая затмитъ своимъ величіемъ Римъ въ самые блестящіе дни его славы; господствуя между земными властями, она будетъ управляться, основываясь на истинѣ, мудрости, правосудіи и силѣ, такъ что всякій человѣкъ, какого бы происхожденія и состоянія онъ ни былъ, найдетъ въ ней пріютъ и защиту; каждое правительство отъ Атлантическаго Океана къ востоку до Каспійскаго моря, какъ бы сильно оно ни было, будетъ со вниманіемъ слушать ея внушенія... Первый актъ драмы американской народной жизни миновался.» Слова въ высшей степени замѣчательныя: въ Америкѣ, первый актъ, когда эта страна заботилась только о томъ, чтобы не допускать у себя вліянія и вмѣшательства Европы, остается оконченнымъ; въ будущемъ, Америкѣ предсказываютъ близость эпохи, когда она приметъ на себя заботу о другихъ и заинтересуется тѣмъ, что до сихъ поръ ей оставалось совершенно чуждо.

Америка, ея жизнь и природа. *Путешествіе профессора Ю. Фрёбеля.* Въ пяти книгахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1866. Стр. 518.

Мы имѣли уже случай познакомить нашихъ читателей съ однимъ изъ послѣднихъ трудовъ Фрёбеля и его политическими убѣжденіями (см. т. III, отдѣл. III, стр. 105). Присоединимъ къ этому въ допол-

неніе краткое извѣстіе о его жизни: настоящій его трудъ, явившійся въ русскомъ переводѣ, есть только эпизодъ изъ біографіи автора, который былъ занесенъ судьбою въ Америку и поставленъ такимъ образомъ въ положеніе наблюдателя. Фрёбель родился въ 1806 году и кончилъ курсъ въ Берлинѣ, гдѣ послѣ вступилъ въ близкія отношенія съ знаменитымъ географомъ Риттеромъ и Александромъ Гумбольдтомъ, вліяніе которыхъ опредѣлило въ будущемъ направленіе и родъ его научныхъ занятій. Фрёбель утвердился въ Цюрихѣ, гдѣ занялъ каѳедру географіи и естественныхъ наукъ. Но личныя наклонности вели его на поприще публицистики, и въ 1839 г. онъ основалъ радикально-оппозиціонный журналъ: «Швейцарскій республиканецъ». Его дѣятельность публициста была дурно принята въ Пруссіи, куда ему былъ запрещенъ въѣздъ. Революція 1848 открыла Фрёбелю дорогу въ нѣмецкое національное собраніе во Франкфуртѣ. Въ октябрѣ 1848 г. его отправили съ депутаціею въ Вѣну, гдѣ онъ присутствовалъ при революціи и оставилъ описаніе ея (Briefe über die Octoberrevolution. Frankf. 1849). Когда дѣло либераловъ въ Германіи было проиграно, онъ удалился изъ Франкфурта. Въ самомъ началѣ 1849 года, Фрёбель перешелъ у Базеля нѣмецкую границу, путешествовалъ потомъ по Швейцаріи и чрезъ Францію и Англію отправился въ Америку. Въ ноябрѣ того же года онъ прибылъ въ Нью-Іоркъ. Съ того времени начинается странническая жизнь автора по Америкѣ до конца 1855 года: эти шесть лѣтъ и составляютъ содержаніе его мемуаровъ, описывающихъ Америку, ея жизнь и природу.

Предшествовавшая жизнь автора, его научная подготовка и несомнѣнный талантъ дали ему возможность сдѣлать цѣлый рядъ любопытныхъ наблюденій надъ большимъ обществомъ людей, поставленныхъ внѣ условій, которыя отчасти стѣсняютъ, отчасти облегчаютъ развитіе человѣка въ старомъ свѣтѣ. Автору не разъ приходилось самому проходить тяжелую школу американца, и потому составленная имъ картина американской жизни и природы даетъ наилучшее понятіе о бытовой сторонѣ переселенцевъ и ихъ отношеніяхъ къ туземному населенію.

Авторъ начинаетъ въ первой книгѣ описаніемъ первой поѣздки изъ Нью-Іорка въ Вашингтонъ и долго останавливается на вопросѣ о неграхъ. — Вторая книга посвящена путешествію въ Никарагуа къ предѣламъ Москвитіи, самому богатому по наблюденіямъ надъ образомъ жизни, религіозными вѣрованіями и языкомъ туземцевъ. Въ третьей книгѣ, Фрёбель останавливается на своемъ вторичномъ пребываніи въ Нью-Іоркѣ и пользуется этимъ случаемъ, чтобы объяснить намъ духъ и направленіе различныхъ политическихъ партій въ Америкѣ. Двѣ послѣднія книги заключаютъ описаніе двухъ новыхъ путешествій автора: къ предѣламъ Мехики и въ Санъ-Франциско.

Исторія цивилизаціи въ Англіи, *Бокля*. Новое изданіе, удешевленное исключеніемъ выносокъ съ цитатами. Переводъ съ англійскаго А. Н. Буйницкаго и Ѳ. Н. Ненарокомова. Спб. 1866. Т. I, стр. 685; т. II, стр. 436. Ц. 3 р. 50 к.

Окончивъ полное изданіе своего перевода, гг. Буйницкій и Ненарокомовъ выпустили вмѣстѣ въ свѣтъ особое изданіе, сокращенное въ отношеніи цитатъ, безъ сомнѣнія съ цѣлью сдѣлать свой трудъ болѣе общедоступнымъ по цѣнѣ. Въ матеріальномъ порядкѣ вещей удешевленіе товара есть важный подвигъ производства или торговли, такъ какъ оно всегда основано на новыхъ изобрѣтеніяхъ, новомъ торжествѣ мысли человѣка надъ природою, и даетъ цѣлымъ массамъ тѣ удобства жизни, которыя были доступны прежде немногимъ. Но и въ матеріальномъ порядкѣ вещей мы не назвали бы удешевленіемъ товара, если бы кто объявилъ о продажѣ сюртука безъ рукавовъ или сапога безъ подошвы. Еще осторожнѣе нужно дѣйствовать при удешевленіи въ книжномъ дѣлѣ, гдѣ это удешевленіе вовсе не бываетъ результатомъ какого нибудь изобрѣтенія, и достигается весьма просто при помощи ножницъ или красныхъ чернилъ въ корректурныхъ листахъ, какъ это сдѣлано и въ «новомъ» изданіи труда Бокля. Въ этомъ усѣченномъ изданіи Бокль является какимъ-то повѣствователемъ вмѣсто глубокаго и вооруженнаго громадными свѣдѣніями изслѣдователя, который напоминаетъ читателю каждую минуту, что онъ имѣетъ свое основаніе судить такъ или иначе, и вмѣстѣ открываетъ ему весь процессъ своего мышленія. Притомъ и въ настоящемъ ея видѣ, «Исторію цивилизаціи въ Англіи» нельзя назвать еще общедоступною книгою по своей цѣнѣ, а безъ выносокъ и цитатъ она сдѣлалась рѣшительно недоступною для строгаго и серьезнаго читателя. Мы совершенно въ пользу того, чтобы издатели считали своимъ долгомъ заботиться объ удешевленіи издаваемой ими книги, потому что это распространяетъ въ массахъ свѣдѣнія, которыя были доступны немногимъ, но только въ такомъ случаѣ, если оказывается возможность массамъ дать полную мысль автора со всею ея обстановкой. «Новое» изданіе Бокля напоминаетъ намъ прежній способъ издавать книги in usum Delphini.

Нашъ взглядъ на значеніе физіологическаго метода въ исторіи, какъ онъ понятъ и примѣненъ авторомъ «Исторіи цивилизаціи въ Англіи», былъ уже высказанъ нами неоднократно въ прежней Литературной хроникѣ. Теперь мы пользуемся окончаніемъ русскаго перевода, чтобы напомнить читателямъ цѣлость содержаніе всего труда Бокля, оставшагося по случаю смерти автора неоконченнымъ. Первыя шесть главъ перваго тома посвящены на изложеніе новаго историческаго метода, основаннаго на положительныхъ данныхъ, представляемыхъ опытными науками, въ противоположность метафизическимъ и теологическимъ основамъ этой науки, какъ ими пользовались до сихъ поръ. Осталь-

ныя восемь главъ анализируютъ сравнительно исторіи Англіи и Франціи до конца XVIII вѣка. Для второго тома авторъ избралъ изученіе исторіи другихъ двухъ странъ, Испаніи и Шотландіи, и дошелъ въ ней до новѣйшаго времени.

Основная идея автора о необходимости обставлять историческія изслѣдованія также точно, какъ давно обставлены опытныя науки, и освободить исторію отъ метафизическихъ оковъ, которыя въ сущности суть не что иное, какъ результатъ отсутствія лучшихъ средствъ, — не можетъ сама по себѣ вызвать возраженія; по крайней мѣрѣ, никто не скажетъ обратнаго. Тѣмъ же, которые полагаютъ, что авторъ имѣетъ притязаніе рѣшить свой вопросъ окончательно, онъ отвѣтилъ самъ на послѣдней страницѣ своего труда, говоря: «Нашъ вѣкъ, быть можетъ, не увидитъ этого освобожденія». Дѣйствительно, трудъ Бокля можетъ быть разсматриваемъ, какъ смѣлая программа, выполненіе которой лежитъ далеко впереди и ждетъ себѣ новыхъ такихъ же скромныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ, какимъ былъ Бокль.

Исторія Нидерландской революціи и основанія республики соединенныхъ провинцій, *Д. Л. Мотлея*. Переводъ съ англійскаго. Томъ II. Спб. 1866. Стр. 716. Ц. 2 р.

Мы уже имѣли случай*) говорить о первомъ томѣ перевода «Исторіи Нидерландской революціи» Мотлея, гдѣ авторъ остановился на началѣ терроризма въ Нидерландахъ, съ изданіемъ эдикта 24 мая 1567 года. Второй томъ содержитъ въ себѣ трагическую эпоху намѣстничества въ Нидерландахъ герцога Альбы (1567—1573), продолжавшуюся, по его удаленіи, подъ миролюбивою маскою Реквезенса (1573—1576); наконецъ, время полнаго хаоса для испанскаго правительства въ Нидерландахъ, въ промежуткѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ смерти Реквезенса, въ началѣ 1576 года, до прибытія новаго намѣстника, Донъ-Жуана Австрійскаго, подъ одеждою мавританскаго невольника, въ концѣ 1576 года.

До Мотлея, личность герцога Альбы, имя котораго сдѣлалось почти нарицательнымъ, вызывала время отъ времени защиту на томъ основаніи, что мы были принуждены почерпать доводы противъ него изъ однихъ источниковъ враждебныхъ ему. Но въ послѣдніе годы было обнародовано большое количество оффиціальныхъ документовъ и подлинныхъ актовъ. Мы имѣемъ теперь собраніе писемъ герцога въ симанкской перепискѣ и въ безансонскихъ бумагахъ; копіи съ оффиціальныхъ протоколовъ подъ названіемъ Sententien van Alva; наконецъ, Registre des condamnés et bannis à cause des troubles des Pays-Bas и протоколы изъ Conseil des Troubles въ сорока-трехъ томахъ, въ королевскихъ архивахъ въ Брюсселѣ. Воспользовавшись этими источниками, Мотлей

*) См. т. II, отдѣлъ III, стр. 136.

могъ освѣжить всѣмъ знакомое изображеніе Альбы новыми чертами, такъ сказать, засвидѣтельствованными собственною рукою оригинала. Время правленія Реквезенса изложено авторомъ съ необыкновеннымъ искусствомъ: задача для правителя была не легкая! Послѣ ужасовъ Альбы является человѣкъ прямо противоположной политики; казалось бы, все должно перемѣниться, оппозиція ослабѣть, а между тѣмъ именно эпоха Реквезенса была временемъ наибольшаго паденія испанскаго правительства въ Нидерландахъ. Дѣло въ томъ, что и при Альбѣ, и при Реквезенсѣ система оставалась та же, и благодушный правитель потому могъ быть для страны еще болѣе тяжелъ, нежели величайшій извергъ. Эта мысль развита у Мотлея и объяснена во всѣхъ ея подробностяхъ. Время междуправленія, нѣсколько мѣсяцевъ отъ смерти Реквезенса до прибытія Донъ-Жуана, обнаружило вполнѣ причину неуспѣховъ испанскаго правительства, выведя на наружу правительственный составъ. Испанское правительство боролось съ мятежниками, одерживало надъ ними верхъ, а между тѣмъ внутренніе враги — ни къ чему неспособные, своекорыстные государственные люди — издалека подготовляли успѣхъ мятежникамъ. Этою картиною правительственнаго состава въ Нидерландахъ и противоположнаго ему порядка вещей въ лагерѣ инсургентовъ и ихъ принца Оранскаго заключается второй томъ.

Человѣкъ и природа, или о вліяніи человѣка на измѣненіе физико-географическихъ условій природы, *Георга Марша.* Съ англійскаго перевелъ А. Н. Невѣдомскій. Спб. 1866. Стр. 587. Ц. 3 руб.

Вся исторія человѣчества представляетъ цѣлый рядъ безпрерывныхъ вліяній природы на человѣка и, обратно, человѣка на природу. Послѣднее вліяніе составляетъ такимъ образомъ цѣлую половину всемірной исторіи и, безъ сомнѣнія, самую важную. Слова англійскаго писателя Бюшнеля, избранныя Маршемъ вмѣсто девиза, безусловно справедливы: «Вѣтры, бури, землетрясенія и т. д. не произвели на землѣ столь великихъ измѣненій, какія произвелъ человѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ явился на ней и началъ господствовать». Знать характеръ предъидущей дѣятельности человѣка, направленной къ господству надъ природой, вывести изъ нея общіе законы и основать на нихъ надежду будущихъ нашихъ побѣдъ — все это составляетъ предметъ сочиненія Марша, предназначеннаго не для спеціалистовъ и техниковъ, но вообще для людей образованныхъ. Мы владѣемъ политически значительною частью всего земного шара, но намъ предстоитъ еще много трудовъ, чтобы подчинить своему вліянію богатства нашей природы, скрывающіяся въ нѣдрахъ ея и лежащихъ мертвыми массами на ея поверхности. Такая книга, какъ сочиненіе Марша, можетъ всего болѣе содѣйствовать къ распространенію правильныхъ понятій о нашихъ отношеніяхъ къ колоссальной, окружающей насъ

природѣ, гдѣ мы должны бороться не только съ переработкою грубыхъ ея матеріаловъ, но и съ самимъ пространствомъ. Эта книга представляетъ много интереснаго и для любителя исторіи, раскрывая предъ нимъ другой рядъ законовъ, управляющихъ событіями. Политическая исторія Рима временъ паденія, напримѣръ, рисуетъ намъ цѣлый рядъ возмутительныхъ картинъ упадка нравовъ, общественнаго разврата, и выводитъ на сцену кровожадныхъ честолюбцевъ и властолюбцевъ; но въ этой, такъ называемой, политической исторіи самое паденіе нравовъ, сами безнравственныя личности и являются причинами паденія государствъ; далѣе не ведетъ насъ политическая исторія. Въ исторіи же отношеній человѣка того времени къ природѣ мы восходимъ къ причинѣ тѣхъ явленій, которыя мы прежде принимали за причину.

Авторъ предпосылаетъ своему труду введеніе, гдѣ объясняется общее вліяніе человѣческой дѣятельности на земную поверхность и на жизнь ее населяющую, съ указаніемъ вѣроятныхъ послѣдствій этого вліянія. Далѣе слѣдуютъ четыре главы съ спеціальнымъ анализомъ вліянія человѣка: 1) на міръ животный; 2) на лѣса; 3) на воды, и 4) на пески. Въ заключеніи указываются возможные географическіе перевороты, какіе могутъ быть еще произведены разумною дѣятельностью человѣка.

Вслѣдствіе обилія матеріаловъ въ другихъ отдѣленіяхъ нынѣшняго тома, мы нашли себя вынужденными сократить въ Литературной Хроникѣ весь обзоръ иностранной литературы всеобщей исторіи и перенести его въ слѣдующій выпускъ нашего журнала.

ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ Г. АНДРЕЕВСКАГО:

Русское государственное право. Томъ I. Спб. 1866 г.

Болѣе чѣмъ когда нибудь чувствуется у насъ въ настоящее время потребность въ сознательномъ, научномъ знакомствѣ съ русскими государственными учрежденіями. Причинъ, объясняющихъ эту совершенно законную потребность, не мало. Прежде всего, вслѣдствіе пробужденія нашего національнаго сознанія, мы съ гораздо большимъ интересомъ стали относиться ко всему родному, отечественному. Уже по этому одно безусловное поклоненіе иностраннымъ формамъ и нѣсколько высокомѣрное отношеніе къ собственному нашему гражданскому быту должны были уступить мѣсто болѣе трезвому взгляду на послѣдній. Въ то же время, преобразованія, совершенныя въ послѣднее десятилѣтіе по всѣмъ частямъ государственной жизни и такъ во многомъ измѣнившія нашъ гражданскій бытъ, сильно пробуждали интересъ къ вопросамъ нашей государственности. Мы, современники, можемъ болѣе или менѣе ясно понимать весь размѣръ этихъ преобразованій, все значеніе ихъ для нашего настоящаго и будущаго, но только впослѣдствіи историкъ нашего времени въ состояніи будетъ опредѣлить самое дѣйствіе ихъ. Какъ бы однако многозначительно ни было постепенное дѣйствіе этихъ преобразованій, какъ бы велики ни были практическіе результаты, къ которымъ они должны повести,— для насъ, жившихъ въ періодъ зачатія и совершенія ихъ, болѣе прежняго выяснилась та истина, что государственный организмъ, какъ политическое тѣло, самъ есть нѣчто живое, цѣльное, имѣющее свои собственные, внутренніе и непреложные законы бытія, и что учрежденія существуютъ и дѣйствуютъ не для отвлеченныхъ цѣлей, а для людей и при помощи людей. Оттого преобразованія, совершенныя по какой-либо части и измѣняющія старыя учрежденія, или вызывающія къ жизни новыя, хотя бы они и не имѣли чисто политическаго характера и относились преимущественно къ быту экономическому или юридическому,—неизбѣжно и въ силу органической природы государства отзываются не только на *всемъ* государственномъ строѣ, но и на *всей* народной жизни. И дѣйствительно, къ какой бы общественной сферѣ каждый изъ насъ ни принадлежалъ, гдѣ бы ни жилъ и ни дѣйствовалъ— въ столицѣ или провинціи, въ городѣ или деревнѣ, съ какими бы интересами онъ ни былъ связанъ, на какой бы ступени общественной лѣстницы ни стоялъ, но онъ многое пережилъ въ послѣднее десятилѣтіе именно такого, что невольно и такъ сказать фактически должно было привести къ убѣжденію, какъ многое въ окружающей насъ гражданской средѣ измѣнилось. А это убѣжденіе въ свою очередь есть силь-

ный толчокъ къ политическому образованію. Мы далеки отъ того, чтобы считать успѣхи этого образованія черезъ чуръ быстрыми въ нашемъ обществѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что если мы мысленно перенесемся за десять лѣтъ назадъ, то убѣдимся, что вступили съ тѣхъ поръ въ несравненно болѣе зрѣлый политическій возрастъ и къ вопросамъ нашей государственной жизни относимся нѣсколько иначе, чѣмъ въ былыя времена. Десять лѣтъ мирнаго, безъ внѣшнихъ войнъ прожитого времени, въ теченіе котораго вниманіе живущаго поколѣнія главнымъ образомъ сосредоточено было на вопросахъ внутренней политики и на усиленныхъ трудахъ правительства и общества къ обновленію нашей внутренней государственной и земской жизни, это періодъ не даромъ прожитой, и онъ скажется въ исторіи нашей гражданственности. Совершенно естественно, что къ началу этого періода относится также зарожденіе нашей публицистики, которая въ интересѣ подготовительныхъ работъ для стоявшихъ на очереди преобразованій обращалась къ изученію иностранныхъ государственныхъ учрежденій: нуженъ былъ матеріалъ для сравненія. Очень не многое, конечно, сдѣлано въ этомъ отношеніи такого, что имѣетъ научное значеніе и останется, переживетъ наше время: много переводовъ и мало самостоятельныхъ трудовъ, — но, по крайней мѣрѣ, аппетитъ возбужденъ. Нельзя также пройти здѣсь молчаніемъ тѣхъ обширныхъ оффиціальныхъ трудовъ, которые составлялись въ различныхъ вѣдомствахъ, по большей части посредствомъ коммиссій, и въ которыхъ многіе вопросы нашего государственнаго устройства были обработаны съ замѣчательною полнотой. Наша наука о государствѣ не вправѣ будетъ пренебречь этими трудами. И казалось бы, что время для этой науки приспѣло, и что мысль, обогащенная знакомствомъ съ иностранными государственными учрежденіями и со всѣми трудами, предпринятыми въ интересѣ преобразованія нашихъ собственныхъ учрежденій, обратится къ научному построенію началъ нашего государственнаго, или на первый разъ по крайней мѣрѣ хотя только административнаго права.

Мысли эти вызваны въ насъ не столько книгою г. Андреевскаго о государственномъ правѣ, сколько важностію того предмета, которому она посвящена. И только во имя этого предмета мы считаемъ нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ трудѣ, который самъ по себѣ поучителенъ лишь въ томъ отношеніи, что служитъ примѣромъ вовсе не научнаго отношенія къ государственному праву. На сколько заглавіе книги въ состояніи возбудить интересъ въ каждомъ образованномъ человѣкѣ — государственное право необходимый элементъ образованія не для однихъ юристовъ, но для всѣхъ и каждаго — на столько же сама книга не удовлетворитъ этого интереса.

Г. Андреевскій не держится обыкновеннаго, изъ самаго существа

предмета вытекающаго дѣленія государственнаго права на государственное *устройство* и государственное *управленіе*, считаетъ это дѣленіе особенностію нѣмецкихъ публицистовъ, различающихъ Staatsverfassung и Staatsverwaltung, а потому онъ предпочитаетъ въ первой, теперь вышедшей, части своего труда разсмотрѣть вопросъ о *правительствѣ*, во второй — вопросъ о *народѣ*, и предполагаетъ «при изложеніи каждой изъ этихъ частей, соблюдая необходимую для учебника краткость (въ первомъ томѣ 500 страницъ, правда, весьма разгонистой печати!), съ подробностію остановиться на существеннѣйшихъ и важнѣйшихъ пунктахъ, дабы связь между этими двумя элементами государства, правительствомъ и народомъ, представилась бы сама собою и не потребовала особыхъ выясненій.» Такихъ выясненій въ первомъ томѣ дѣйствительно не встрѣчается, но въ немъ пока не видна и та необходимая и естественная связь между двумя элементами государства, которая должна оправдывать принятую авторомъ систему: эта связь, конечно, вся и цѣликомъ представится сама собой во второмъ томѣ. Итакъ, подождемъ и пока ограничимся только замѣчаніемъ, что, съ точки зрѣнія системы, дѣленіе государственнаго права, принятое авторомъ, представило уже ему нѣкоторое неудобство въ томъ отношеніи, что рядомъ съ органами правительственной власти, которыми собственно должна бы ограничиваться первая часть, существуютъ органы земскаго и общественнаго управленія. Гдѣ же объ нихъ трактовать? Помѣщеніе ихъ въ первую часть, которая посвящена была бы государственному устройству, было бы вполнѣ логично. Изъ этого затрудненія авторъ выходитъ такимъ образомъ, что вслѣдъ за обозрѣніемъ правительственныхъ органовъ мѣстнаго управленія Россійской имперіи, дѣйствующихъ по общему и по особымъ учрежденіямъ, а также по отдѣльнымъ вѣтвямъ государственнаго управленія (военнаго, церковнаго, по дѣламъ просвѣщенія, почтоваго и путей сообщенія), обращается, какъ значится на заголовкѣ (стр. 456), къ органамъ земскаго и общественнаго мѣстнаго управленія Россіи; но, представивши въ извлеченіи Положеніе 1 января 1864 года о земскихъ учрежденіяхъ, г. Андреевскій выражаетъ намѣреніе изложить общественное управленіе городовъ (и селъ) во второй части, при разсмотрѣніи состояній городского и сельскаго. Пусть авторъ и остается при увѣренности, что, разрывая органы земскаго и городского самоуправленія, онъ поступаетъ вполнѣ согласно какъ съ существомъ дѣла, такъ и съ системой. Впрочемъ, двумя частями, соотвѣтствующими двумъ главнымъ отдѣламъ государственнаго права, г. Андреевскій не думаетъ ограничивать своего учебника: въ третьей, хотя и въ отдаленномъ будущемъ обѣщанной, части предположено «помѣстить особенности относительно государственнаго права, представляющіяся въ принадлежащихъ Россіи великомъ княжествѣ Финляндскомъ и цар-

ствѣ Польскомъ.» Но въ такомъ случаѣ, въ интересѣ системы и полноты учебника, который очевидно долженъ объять государственное право всей Россійской имперіи, можетъ быть позволено спросить, куда же исчезли цѣлыхъ три губерніи, мѣстное управленіе которыхъ хотя и представляетъ менѣе значительныя особенности, чѣмъ въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ и царствѣ Польскомъ, но все еще весьма рѣзко отличается отъ административнаго порядка, существующаго въ чисто русскихъ губерніяхъ и областяхъ, управляемыхъ какъ по общему, такъ и по особеннымъ губернскимъ учрежденіямъ. Мы говоримъ о трехъ остзейскихъ нашихъ губерніяхъ. Авторъ пока посвятилъ имъ (стр. 421) нѣсколько строкъ, которыми, если позволено такъ выразиться, окончательно ассимилировалъ ихъ. Онъ именно не считаетъ необходимымъ останавливаться (въ отдѣлѣ о правительственныхъ органахъ мѣстнаго управленія Россійской имперіи, дѣйствующихъ по особеннымъ учрежденіямъ) «на разсмотрѣніи тѣхъ особенностей, которыя *до сихъ поръ представлялись* въ мѣстномъ управленіи трехъ остзейскихъ губерній, такъ какъ главнѣйшія изъ этихъ особенностей, установленія судебныя и сливавшіяся съ ними полицейскія установленія, за общею реформою судоустройства и судопроизводства въ Россіи, переходятъ въ область исторіи; существеннѣйшія же особенности устройства городовъ и городского управленія находимъ удобнѣе представить въ части второй.» Намъ кажется, что если для однихъ особенностей цѣлаго тома нѣсколько много — такъ какъ многія изъ нихъ, именно въ мѣстномъ управленіи царства Польскаго, за совершающимися тамъ реформами, въ самомъ дѣлѣ отойдутъ въ область исторіи — то для другихъ особенностей, именно судебнаго и полицейскаго устройства остзейскихъ губерній, уже нѣсколько мало того, что сказано авторомъ, тѣмъ болѣе, что самое переселеніе этихъ особенностей въ область исторіи кажется намъ нѣсколько преждевременнымъ, да едва ли и вполнѣ возможнымъ. Судоустройство въ остзейскихъ губерніяхъ и по введеніи тамъ судебной реформы — не общей для всѣхъ русскихъ губерній, а особенной, — все еще сохранитъ многія отличительныя черты даже и въ томъ случаѣ, если эти губерніи, въ судебномъ отношеніи, будутъ зависѣть, въ высшей инстанціи, какъ до сихъ поръ зависѣли, отъ нашего сената, и особый кассаціонной судъ для нихъ останется лишь pium desiderium. Точно также и адмистративное и полицейское устройство этихъ губерній, вслѣдствіе иныхъ общественныхъ основъ, имѣетъ и свои особенности. Мы не говоримъ уже о земскомъ строѣ. Всѣ эти особенности представляли любопытныя черты сравненія съ устройствомъ мѣстнаго управленія по общему губернскому учрежденію, и здѣсь являлся далеко не лишенный интереса вопросъ: почему, не смотря на весьма одностороннее сословно-выборное начало и, можетъ быть, благодаря ему, и судъ, и полиція находились въ

этихъ губерніяхъ въ гораздо болѣе удовлетворительномъ состояніи — этого отрицать нельзя — чѣмъ въ остальныхъ губерніяхъ?

Сказаннаго довольно объ общемъ планѣ сочиненія г. Андреевскаго, и мы можемъ перейти теперь къ обзору составныхъ частей перваго тома. Введенію посвящено не менѣе 124 страницъ. Это и слишкомъ много и слишкомъ мало, смотря потому, чѣмъ оно наполнено и что должно изображать собою. Для введенія въ учебникъ русскаго государственнаго права этого, очевидно, слишкомъ много, и иныя матеріи могли бы быть опущены потому, что не находятся ни въ какой связи съ послѣдующимъ содержаніемъ книги. Если же смотрѣть на это введеніе, какъ на такъ называемую общую часть государственнаго права или какъ на теорію государственнаго права, которая въ системѣ университетскаго преподаванія и на основаніи новаго устава нашихъ университетовъ должна составлять одну изъ трехъ составныхъ частей государственнаго права (остальныя двѣ: государственное право важнѣйшихъ иностранныхъ государствъ и русское государственное право), то содержаніе этого отдѣла далеко не соотвѣтствуетъ такой цѣли. Эти, такъ называемые, типы государствъ, которые должны бы заключать въ себѣ характеристическія особенности каждаго государственнаго устройства, вытекающія не только изъ политической исторіи, но и изъ бытовыхъ условій каждой національности, и въ особенности эти теоріи о государствѣ, изложенныя у г. Андреевскаго не въ связи ихъ историческаго развитія и въ объемѣ, не превышающемъ того, что обыкновенно содержится о нихъ въ любой энциклопедіи права, также мало могутъ составить теорію государственнаго права, какъ не замѣнятъ государственнаго права европейскихъ державъ и не дадутъ никакого цѣльнаго опредѣленнаго понятія объ устройствѣ какого бы то ни было современнаго государства тѣ отрывочныя свѣдѣнія и тѣ общія мѣста о различныхъ государственныхъ формахъ и порядкахъ, которыя вставлены въ книгу, якобы для сравненія.

Обыкновенно, чтобы не выставить ex abrupto готоваго, болѣе или менѣе произвольнаго опредѣленія государства, стараются вывести отдѣльные его элементы изъ тѣхъ предположеній, изъ которыхъ выходитъ всякая наука о государствѣ, въ особенности изъ общественной природы человѣка. Пріемъ этотъ имѣетъ за себя весьма добрые авторитеты въ наукѣ, и мы не понимаемъ, почему, на зло себѣ, г. Андреевскій пренебрегъ имъ. Или, можетъ быть, опредѣленіе, которое онъ безъ дальнѣйшаго даетъ въ первомъ параграфѣ своего введенія, такъ абсолютно вѣрно, что не нуждается ни въ какихъ преміссахъ и доказательствахъ? — «Общество свободныхъ людей, живущихъ на опредѣленномъ пространствѣ земли, подъ одною общею для нихъ властію (верховною), называется *государствомъ*.» Въ этомъ опредѣленіи есть и государственная территорія и верховная власть — два необ-

ходимыхъ элемента всякого государства; но вмѣсто третьяго элемента, политически самобытнаго народа, — авторъ ставитъ «общество свободныхъ людей» и тѣмъ невольно возбуждаетъ вопросъ: къ государствамъ какого именно времени относится его опредѣленіе, прошедшаго ли, настоящаго или будущаго? Въ прошедшемъ, мы въ самыхъ свободныхъ государствахъ, въ республикахъ древняго міра, встрѣчаемся съ рабствомъ, и самые геніальные ихъ люди, самыя свѣтлыя головы не въ состояніи представить себѣ государства, въ основѣ котораго не лежало бы рабство. Свобода не только нравственная и духовная, но и гражданская, для *всѣхъ* членовъ государственнаго союза, и при томъ какъ безусловное требованіе разума и вмѣстѣ, какъ необходимое предположеніе всякихъ правомѣрныхъ отношеній въ государствѣ,—выставляется вполнѣ опредѣленно, и безъ всякого двусмыслія, уже въ ученіяхъ естественнаго права, начиная съ XVI столѣтія. Однако въ дѣйствительности, мы видимъ, что въ большей части современныхъ государствъ еще очень недавно исчезли для народныхъ массъ слѣды крѣпостного права, а великая заатлантическая республика только что вела гигантскую борьбу, чтобы освободиться отъ такъ называемаго «домашняго учрежденія» южныхъ штатовъ. Очевидно въ такомъ случаѣ, что авторъ въ своемъ опредѣленіи имѣетъ въ виду преимущественно государство будущаго. И въ государственномъ правѣ, значитъ, можно быть послѣдователемъ Вагнера и его Zukunftsmusik, хотя и безъ его таланта. Опредѣленіе государства, поставленное такимъ образомъ на голой вершинѣ учебника и далѣе не развитое и не объясненное — такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ идетъ уже рѣчь о томъ, что государственное право есть наука юридико-политическая и, какъ таковая, есть вмѣстѣ съ тѣмъ наука историческая и философская и т. д. — это опредѣленіе, уже независимо отъ того, что цѣль государственной жизни идея государства, нисколько въ немъ не указана, имѣетъ еще для автора то неудобство, что съ самаго начала возбуждаетъ вопросъ объ отношеніяхъ общества и государства.

Вопросъ этотъ, получившій послѣ Роберта Моля право гражданства въ наукѣ, важенъ въ томъ отношеніи, что отъ такой или другой постановки и разрѣшенія его зависитъ большая или меньшая сфера самодѣятельности, которая теоретически можетъ быть признана за обществомъ. Относительною новостію этого вопроса объясняется, почему тѣ, которые прежде другихъ старались дать ему научное выраженіе, впадали въ крайность и указывали государству, изъ котораго общество выдѣлялось, весьма ограниченную роль. Аренсъ, напримѣръ, разграничивая общество и государство (Cours de droit naturel, изд. 1860 г. стр. 496 и слѣд.) доходитъ до того, что считаетъ государство, въ цѣломъ общественномъ организмѣ, лишь тѣмъ спеціальнымъ органомъ, на долю котораго приходится исключительно охраненіе правомѣрности

Р. Моль, стараясь установить, въ своей исторіи и литературѣ государственныхъ наукъ, взаимныя отношенія общества и государства, останавливается на тѣхъ общественныхъ группахъ и кружкахъ, которые образуются вслѣдствіе интересовъ религіозныхъ, національныхъ, экономическихъ, сословныхъ, общинныхъ, корпоративныхъ и т. д. Эти группы и кружки, которые образуются естественнымъ ходомъ развитія народной жизни, имѣютъ часто крѣпкое внутреннее существованіе. Вслѣдствіе одинаковыхъ интересовъ, около которыхъ группируются люди, у нихъ являются одинаковыя стремленія и желанія, одинаковое воззрѣніе на жизнь. Такъ какъ происхожденіе этихъ общественныхъ группъ имѣетъ свои естественныя причины, то Моль выводитъ отсюда, что онѣ вызываются не государствомъ, не положительными его законами, а силами, живущими въ самомъ народѣ и обществѣ. На жизнь этихъ органическихъ союзовъ государство иногда имѣетъ вліяніе и можетъ ими воспользоваться для своихъ цѣлей, но совершенно убить, уничтожить ихъ самобытное существованіе, — государство не можетъ, потому что какъ независимо отъ государства ихъ происхожденіе, такъ неоспорима ихъ внутренняя самостоятельность; свое содержаніе они получаютъ не отъ государства и не отъ его законодательства, которыя застаютъ ихъ уже готовыми, законченными фактами. Совокупность этихъ группъ и кружковъ называется обществомъ, и наука, которая занимается ихъ изслѣдованіемъ, — общественною. Затѣмъ Моль подвергаетъ анализу общины, сословія, группировку людей вслѣдствіе единства происхожденія и языка, и одинаковости расы, и наконецъ вслѣдствіе экономическихъ и религіозныхъ интересовъ. Это ученіе Моля объ отношеніяхъ общества и государства не осталось безъ отвѣта. Одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ публицистовъ современной Германіи, профессоръ Трейтшке, разбирая всѣ тѣ общественныя явленія и группы, которыя, по Молю, должны быть вовсе выдѣлены изъ ученія о государствѣ и должны наполнить новую общественную науку, показываетъ какъ тѣсно, неразрывно они связаны съ государствомъ, какое вліяніе имѣютъ на его устройство, но какъ въ свою очередь государство, стоя на стражѣ народныхъ интересовъ и національнаго единства, кладетъ на эти самыя явленія и группы свой мощный отпечатокъ и ставитъ условія для ихъ дальнѣйшаго развитія. Во всякомъ случаѣ, ни одно ученіе о государствѣ не вправѣ обойти этотъ элементарный и вмѣстѣ столь важный вопросъ. Что же, спрашивается, сдѣлалъ съ нимъ г. Андрееевскій? Упомянувши, въ заключеніе теорій о государствѣ, о школѣ общественной физіологіи и о томъ, что Аренсъ и Р. Моль указали на важное значеніе, какое имѣетъ для науки о государствѣ изученіе общества, авторъ (на стр. 79) говоритъ: «Причины индивидуальности и особенности каждаго общества *составляютъ* (?) слѣдующія условія: 1) индивидуальность каждаго его члена; 2) особыя условія, въ которыя

бросаетъ каждаго его судьба; 3) особенныя цѣли, которыя создаются вслѣдствіе того каждымъ и дѣлаются его жизненною задачею; 4) соединенія, рождающіяся вслѣдствіе того между людьми, имѣющими одинаковыя или близкія цѣли, и нуждающимися въ сложеніи своихъ взаимныхъ силъ для борьбы съ препятствіями и для возможности идти впередъ; 5) образующіеся вслѣдствіе такихъ соединеній общественные кружки, объемъ которыхъ въ различныхъ обществахъ весьма различенъ; 6) различія въ преслѣдованіи такими кружками ихъ жизненныхъ цѣлей, различія, зависящія отъ различныхъ причинъ, создавшихъ эти кружки (религіозныя, топографическія, экономическія и др.), и отъ различныхъ способовъ, посредствомъ которыхъ такіе кружки получили свою опредѣленную форму (общины, корпораціи, простой ассоціаціи и пр.); различіе той самостоятельной, болѣе или менѣе выгодной, *государственной* связи, которую получаютъ такіе кружки въ обществѣ. Такой анализъ общества, какъ понятія отдѣльнаго отъ государства, но находящагося съ нимъ въ натуральной связи, показываетъ, что каждое государство, развиваясь совершенно особенно, представляетъ отдѣльное самостоятельное цѣлое, но что вмѣстѣ съ тѣмъ какъ ни различенъ матеріалъ, составляющій отдѣльное общество и государство, всѣ общества имѣютъ много общихъ, сходныхъ сторонъ» и т. д. Очевидно, что все это не болѣе какъ слабый намекъ на дѣйствительное содержаніе вопроса объ отношеніяхъ общества и государства. Вся «суть» вопроса заключается именно въ анализѣ самыхъ общественныхъ кружковъ (общинъ, корпорацій, простыхъ ассоціацій и пр.), въ изслѣдованіи причинъ, создающихъ эти кружки, и той государственной связи, которую они получаютъ въ обществѣ; но этого-то именно авторъ не дѣлаетъ, и оттого обращающійся къ наукѣ государственнаго права, взявъ себѣ въ руководство разсматриваемое сочиненіе, останется при однихъ, крайне смутныхъ понятіяхъ о какихъ-то особыхъ цѣляхъ, условіяхъ и кружкахъ общества, вслѣдствіе которыхъ оно, находясь въ натуральной связи съ государствомъ, имѣетъ отдѣльное отъ него бытіе. Такое поверхностное обращеніе съ однимъ изъ коренныхъ вопросовъ государственнаго права не мѣшаетъ однако автору тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ поставить въ упрекъ переведенному теперь на русскій языкъ сочиненію Блунчли «Общее государственное право», что въ немъ подвергается «анализу государство и его учрежденія, безъ достаточнаго изученія самого общества и участія послѣдняго въ государствѣ и во всѣхъ проявленіяхъ государственной жизни.» Блунчли дѣйствительно остается очень часто на поверхности вопросовъ, но вѣдь, въ сравненіи съ г. Андреевскимъ, это — неизмѣримая глубина.

Показавши какъ древнія и новыя государства *вырабатывали* [1])

[1]) Къ этому выраженію авторъ питаетъ особое пристрастіе и употребляетъ его часто не безъ вреда для смысла. Для примѣра: «генералъ-прокуроръ мало по малу

себѣ свои типы, и, самъ выработавши вкратцѣ теоріи о государствѣ, авторъ чрезвычайно подробно останавливается на источникахъ государственнаго права и пособіяхъ для его изученія. Источники и литература должны въ каждомъ учебникѣ стоять на главномъ планѣ, и можно было бы быть очень довольнымъ тѣмъ, что авторъ посвящаетъ этому предмету не менѣе сорока послѣднихъ страницъ своего введенія (стр. 84—124), если бы и здѣсь авторъ не имѣлъ особаго дара поименовывать источники и книги, неимѣющія никакого отношенія къ государственному праву, и обходить много такого, что въ самомъ дѣлѣ можетъ служить пособіемъ при изученіи его. Самый первый источникъ государственнаго права, который рекомендуется намъ г. Андреевскимъ, это: Manava-Dharma-Castra, сборникъ, «представляющій составленную въ послѣдніе вѣка предъ Р. Х. компиляцію, записавшую (sic) рядомъ съ древними религіозными и государственными началами индусовъ, нравственные совѣты и отрывочныя философскія размышленія» и т. д. Послѣ характеристики этого и другихъ источниковъ законовъ индусовъ, а также перечисленія различныхъ изданій и переводовъ ихъ, авторъ обращается къ Конфуцію, потомъ къ Зендавестѣ и ея истолкователямъ, затѣмъ къ составнымъ частямъ Талмуда и наконецъ къ Корану; онъ этимъ заключаетъ перечисленіе источниковъ и литературы государственныхъ законовъ у народовъ древняго востока. Мы, конечно, ничего не имѣемъ противъ причисленія къ сонму публицистовъ гг. Коссовича, Мирзы Казембека и многихъ другихъ почтенныхъ оріенталистовъ, точно также какъ не поставимъ въ укоръ г. Андреевскому и того, что онъ вслѣдъ затѣмъ перепечаталъ съ нѣкоторымъ изобиліемъ, изъ энциклопедіи законовѣдѣнія Неволина и другихъ энциклопедій, труды очень многихъ археологовъ, филологовъ и историковъ-юристовъ—въ этомъ отношеніи замѣтна такая полнота, которую едвали встрѣтишь даже у Моля, исчерпавшаго литературу государственныхъ наукъ,—а также привелъ различные сборники и изданія источниковъ по древней русской исторіи. Но, въ виду этой полноты, да позволено будетъ спросить у автора: думаетъ ли онъ самъ, что сообщаемый имъ, къ тому же безъ критики, перечень именъ и сочиненій можетъ служить какою нибудь путеводною нитью для изучающаго государственное право, дабы онъ могъ найтись въ обширной его литературѣ и

выработалъ важнѣйшій государственный постъ» (стр. 210, примѣч.); «Историческое развитіе англійской государственной жизни, тѣсно связанной съ практическою *выработкою* мѣстнаго самоуправленія, создавшее на весьма прочныхъ и исключительно англійскихъ основаніяхъ парламентскую систему, составляетъ причину, почему въ Англіи не было необходимости *вырабатывать* строгой системы централизаціи и почему устройство министерствъ не представляло особой трудности для его парламентской *выработки*. Министерство въ Англіи *выработано* изъ прежняго статсъ-секретарства» (стр. 248).

не потратилъ даромъ много труда и времени? Что если бы въ самомъ дѣлѣ нашелся такой наивный человѣкъ, который бы сталъ изучать государственное право по приводимымъ авторомъ источникамъ и сочиненіямъ? Онъ бы узналъ очень многое, но только не государственное право, до котораго достигъ бы не скоро. А между тѣмъ литература, которая въ самомъ дѣлѣ относится къ этому предмету, весьма скудно представлена авторомъ какъ въ введеніи, такъ и въ примѣчаніяхъ къ тексту. Не претендуя на него за малое знакомство его съ богатой политической литературой Англіи, какъ вообще мало доступной, мы удивляемся, почему болѣе доступная нѣмецкая и французская литература послѣднихъ лѣтъ такъ мало представлена. Изъ болѣе крупныхъ сочиненій мы не нашли въ учебникѣ г. Андреевскаго ни исторіи государственнаго права и политики (съ XVI вѣка) Блунчли, (1864 г.), ни капитальнаго труда Л. Штейна «Die Verwaltungslehre» (1865 года), ни обширнаго сочиненія Batbie о публичномъ и административномъ правѣ,—не говоря о многомъ другомъ. Наконецъ, почему, при столь скудной литературѣ по русскому государственному праву совершенно обойдено сочиненіе барона Корфа: «Жизнь графа Сперанскаго»? А между тѣмъ въ немъ есть весьма важныя свѣдѣнія для исторіи образованія нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій.

Первая часть «Русскаго государственнаго права» изложена у автора въ трехъ раздѣлахъ, изъ которыхъ первые два посвящены основнымъ государственнымъ законамъ, а третій — устройству управленія высшаго, центральнаго и мѣстнаго, и въ заключеніе краткому обзору законовъ о службѣ государственной. Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ графъ Сперанскій, по окончаніи юридическихъ бесѣдъ своихъ съ августѣйшимъ слушателемъ, приступилъ къ начертанію того руководства къ познанію законовъ, начало котораго издано было потомъ въ 1845 году. Но и теперь, перелистывая эти немногія страницы, въ особенности тѣ, которыя посвящены объясненію существа основныхъ нашихъ законовъ (стр. 48 по 57 включительно), нельзя не удивляться возвышенному образу мыслей, который видѣнъ здѣсь въ государственномъ человѣкѣ. Съ какимъ достоинствомъ онъ умѣлъ касаться самыхъ коренныхъ основъ нашего государственнаго быта! Эти страницы невольно припоминаются при чтеніи первой главы перваго раздѣла разсматриваемаго сочиненія, но только потому, что онѣ посвящены одному и тому же предмету. Слѣдуя легальному порядку Свода въ изложеніи предметовъ, авторъ, непосредственно предъ ученіемъ о законодательствѣ долженъ бы былъ остановиться на тѣхъ статьяхъ нашихъ основныхъ законовъ (40 — 46), которыя касаются вѣры и вѣротерпимости. Но этотъ предметъ совершенно опущенъ авторомъ, безъ объясненія причинъ такого пробѣла. (Точно также и относительно устройства церковнаго управленія, мы не находимъ

вслѣдъ за сенатомъ, гдѣ бы оно должно быть, учрежденія святѣйшаго синода,—авторъ остановился только на мѣстномъ епархіальномъ управленіи). Между тѣмъ постановленія о вѣрѣ и объ отношеніяхъ господствующей религіи къ другимъ исповѣданіямъ, по важности этихъ постановленій для всего государственнаго права, не только у насъ, но и вездѣ помѣщаются въ отдѣлѣ основныхъ законовъ, опредѣляющихъ какъ коренныя черты государственнаго устройства, такъ и основныя права подданныхъ относительно свободы лица, обезпеченія имущества, платежа податей и т. д. Вслѣдъ за установленіемъ общихъ началъ о вѣрѣ и вѣротерпимости, наши основные законы опредѣляютъ тѣ условія, въ которыя у насъ поставлено производство самаго закона, т. е. какъ составляются и дополняются у насъ законы, въ какой формѣ издаются, какъ обнародываются, съ какого срока начинается ихъ дѣйствіе, какъ примѣняются, и, наконецъ, отмѣняются. Легальное, т. е. установляемое самимъ законодателемъ, ученіе о законахъ — предметъ крайне любопытный, такъ какъ въ связи съ нимъ находятся вопросы о понятіи закона, о лучшихъ способахъ законодательства, о кодификаціи, объ источникахъ права, т. е. признаются ли законодателемъ какіе либо другіе источники права, кромѣ положительнаго закона, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ предметъ, къ которому возможно критическое отношеніе, весьма благодарный: для ученія о законахъ существуетъ въ литературѣ очень много сочиненій по части такъ называемой политики законодательства. Но прежде всего, разумѣется, и здѣсь нужно историческое изслѣдованіе тѣхъ началъ, которыя выражены въ нашихъ основныхъ законахъ, и, главное, не со времени Русской Правды и даже не съ великаго княжества Московскаго, а съ Уложенія Алексѣя Михайловича, на которомъ зиждется наше дѣйствующее законодательство. Историческое изслѣдованіе въ этомъ отношеніи, конечно, очень многого дать не можетъ, потому что, напримѣръ, даже коренное начало, высказанное въ ст. 47, что наше государство управляется на основаніи положительныхъ законовъ, не восходитъ далѣе императрицы Екатерины II и перешло въ Сводъ изъ ея Наказа; но въ учебникѣ государственнаго права крайне важно указать, къ какимъ спеціальнымъ случаямъ относятся тѣ указы, изъ которыхъ, при составленіи Свода, извлечены и обобщены содержавшіяся въ нихъ рѣшенія. Въ историческихъ замѣткахъ нѣтъ въ этомъ отношеніи недостатка у г. Андреевскаго, точно также какъ не мало общихъ указаній о порядкѣ законодательства въ государствахъ, въ которыхъ существуетъ представительная система. Но и здѣсь, къ сожалѣнію, далѣе общихъ мѣстъ, въ которыхъ существенное смѣшано съ несущественнымъ и исторически только куріознымъ, авторъ нейдетъ, и, какъ вездѣ въ учебникѣ, видна какая-то непреодолимая боязнь сколько нибудь углубиться въ предметъ. Поэтому неудивительно, что одинъ изъ

наиболѣе крупныхъ вопросовъ, которые здѣсь представлялись — о различіи законовъ—административныхъ постановленій и совершенно обойденъ и о немъ не произнесено ни словечка. Почему же, спрашивается? Не потому ли, что о немъ говорится не въ особой статьѣ основныхъ законовъ, а только въ примѣчаніи къ ст. 51 [1])? Но это-то самое обстоятельство, что о такомъ капитальномъ вопросѣ упоминается здѣсь какъ бы вскользь, мимоходомъ, и заслуживало вниманія. Во всѣхъ современныхъ государствахъ установилось различіе между тѣми болѣе или менѣе постоянными нормами, которыми опредѣляются собственныя права, частныя или публичныя, и которыя установляются и отмѣняются не иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ, и тѣми болѣе или менѣе временными мѣрами, которыя принимаются не только законодательною, но и исполнительною властію въ интересѣ лучшаго примѣненія общихъ законовъ, или же для опредѣленія подробностей и частностей управленія. Тамъ, гдѣ это различіе не успѣло установиться, законодательство страдаетъ многозаконіемъ, такъ какъ въ немъ рядомъ съ самыми существенными опредѣленіями встрѣчаются les menus détails каждаго учрежденія. Именно этимъ смѣшеніемъ, главнымъ образомъ, объясняются наши слишкомъ 100 тысячъ статей Свода, изъ которыхъ очень значительная часть могла бы вовсе не помѣщаться въ книгѣ законовъ. И ни для кого не секретъ, что этотъ вопросъ объ отдѣленіи законовъ отъ административныхъ постановленій — съ ближайшею цѣлью очищенія Свода — занималъ въ послѣдніе годы, и, если не ошибаемся, еще занимаетъ нашу законодательную практику, и въ этомъ отношеніи, сколько извѣстно, сдѣланы нѣкоторыя подготовительныя работы. Но, положимъ, пишущій руководство по государственному праву не обязанъ знать о тѣхъ законодательныхъ вопросахъ, которые стоятъ на очереди и ближайшимъ образомъ касаются предмета его занятій (хотя мы не видимъ, что бы тому могло препятствовать). Въ такомъ случаѣ, на этотъ самый вопросъ могла бы его навести самая литература государственнаго права, за которою онъ уже обязанъ слѣдить. Не далѣе, какъ въ прошломъ году появилось то сочиненіе Штейна о государственномъ управленіи, на которое мы выше указывали и которое выходитъ изъ того совершенно справедливаго положенія, что различіе между закономъ и админи-

---

[1]) *Примѣч.* къ ст. 51 основ. зак. гласитъ: «Мѣры, пріемлемыя къ исполненію закона или учрежденія существующаго, и не отмѣняющія никакихъ законовъ предъидущихъ, но служащія къ единому разрѣшенію недоумѣній или затрудненій въ образѣ исполненія, также общія подтвержденія существующихъ постановленій, не составляютъ сами по себѣ новаго закона». Съ этимъ необходимо сравнить п. 4 ст. 23 учрежд. госуд. совѣта, на основаніи котораго къ предметамъ вѣдомства его относятся также: «Мѣры и распоряженія общія, пріемлемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій».

стративнымъ постановленіемъ — различіе, предполагающее установленіе болѣе точныхъ отношеній между законодательною и административною властію, лежитъ въ основѣ всего государственнаго, публичнаго права европейскихъ народовъ. Въ государствахъ съ представительною системой различіе это установляется путемъ чисто практическимъ; только то, что прошло чрезъ палаты, составляетъ дѣйствительный законъ. Понятно поэтому, что именно въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ за представительствомъ признаны наиболѣе обширныя права по отношенію къ законодательству, всего менѣе чувствовалась потребность въ легальной доктринѣ о предѣлахъ законодательства и административной регламентаціи. Власть англійскаго парламента абсолютна; извѣстно наивное выраженіе, что «парламентъ все можетъ, и не можетъ только превратить женщину въ мужчину и мужчину въ женщину». При этомъ всевластіи парламента, статутное право, выходящее изъ него, силится все обнять и заключаетъ въ себѣ часто такія подробности и частности, которыя во всякомъ другомъ законодательствѣ были бы опущены и предоставлены разрѣшенію властей, обязанныхъ приводить законы въ исполненіе. Рядомъ съ парламентскою властью («king in parliament») идетъ власть исполнительная («king in council»); гранью для нея служитъ дѣйствующее право (law), котораго она не должна касаться и не должна измѣнять. Точно также несомнѣнно, что и предоставляемое органамъ самоуправленія, на основаніи парламентскихъ актовъ, право регулятивы или опредѣленія нѣкоторыхъ административныхъ частностей посредствомъ такъ называемыхъ bye laws имѣетъ всегда своимъ предѣломъ опять тоже неприкосновенное дѣйствующее право, съ его девизомъ для всѣхъ и каждаго внѣ парламента: noli me tangere! Въ сѣверной Америкѣ вопросъ, который насъ занимаетъ, вовсе не существуетъ и не можетъ существовать, потому что, на основаніи конституціи, конгрессу принадлежитъ исключительное право не только издавать собственно законы, но и предпринимать всѣ тѣ мѣры, которыя признаны будутъ необходимыми для лучшаго выполненія ихъ по какой бы то ни было части управленія, — президентъ и его министры не имѣютъ въ этомъ отношеніи никакой власти. Послѣ многихъ мытарствъ, которыя этотъ вопросъ испыталъ во Франціи, гдѣ онъ породилъ цѣлую, весьма искусственную доктрину и обширную литературу, нынѣ дѣйствующая конституція 1852 г. разрѣшила его такимъ образомъ, что законодательная власть принадлежитъ коллективно императору, сенату и законодательному корпусу, но глава государства издаетъ (fait) регламенты и декреты, необходимые для выполненія законовъ. Разумѣется, даже въ этомъ видѣ и по отношенію къ спеціальному, занимающему насъ вопросу, конституція 1852 года — ложь, такъ какъ въ дѣйствительности регламентами, декретами, ордонансами, т. е. административными постановленіями, составляю-

щими въ современной Франціи цѣлый особый міръ, въ которомъ господствуетъ полный произволъ, права, обезпеченныя законами, ограничиваются и нарушаются по поводу лучшаго выполненія тѣхъ же законовъ. Въ Германіи, наконецъ, старались, при начертаніи государственныхъ уложеній опредѣлить самые предметы, которые должны быть разрѣшаемы не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ и при участіи сословій. Все другое предоставлялось исполнительной власти опредѣлять посредствомъ постановленій (Verordnungen).

Но возвратимся къ г. Андреевскому. Не одного только сейчасъ занимавшаго насъ вопроса не коснулся онъ въ своемъ изложеніи легальнаго ученія о законахъ. Обойдя ст. 69 осн. зак., которая опредѣляетъ значеніе судебныхъ рѣшеній, и устранивъ такимъ образомъ любопытный здѣсь вопросъ о res judicatae, авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, проглядѣлъ (стр. 189), что конецъ ст. 65 тѣхъ же основныхъ законовъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ судебнымъ мѣстамъ антикварованъ судебными уставами 20 ноября 1864 г. Именно: въ концѣ означенной ст. 65, однимъ только «высшимъ мѣстамъ» разрѣшается, въ случаѣ противорѣчія въ буквальномъ смыслѣ законовъ, слѣдовать общему духу законодательства. Это было выраженіемъ совершенно понятнаго недовѣрія законодателя ко всѣмъ не-высшимъ мѣстамъ, примѣняющимъ законы. Но на основаніи ст. 9 уст. гражд. суд. *всѣ* судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, а въ случаѣ ихъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія, основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ. Наиболѣе куріозовъ встрѣчается у г. Андреевскаго въ третьемъ, самомъ обширномъ раздѣлѣ — объ управленіи. Сказавши, что «одной законодательной дѣятельности недостаточно для государственной жизни», и что «необходимо, чтобы опредѣляемыя въ законѣ начала находили для себя самое точное и дѣйствительное примѣненіе», которое, какъ вслѣдъ затѣмъ оказывается, они и находятъ частію въ судебной, частію въ административной или правительственной дѣятельности государства, авторъ продолжаетъ: «Заключаясь въ проявленіи правительственной силы, дѣйствующей для доставленія обществу, составляющему государство, порядка и обезпеченія возможности развивать, какъ цѣлому обществу, такъ и отдѣльнымъ его частямъ и членамъ, ихъ силы, государственное управленіе или администрація можетъ проявляться въ различныхъ формахъ и различнымъ образомъ осуществлять свой призывъ и идею» (стр. 190). Раза два, три прочитавши эту верченную фразу, можно, наконецъ, уразумѣть, что администрація, заключаясь, по выраженію автора, въ проявленіи правительственной силы, сама можетъ различнымъ образомъ проявляться; все же, что внутри этого начала и конца фразы набрано словъ, вставлено больше ради глубокомыслія и красоты слога. И не совѣстно такимъ пусто-

словіемъ начинять учебникъ! Вѣдь подобныя мѣста, которыя сплошь и рядомъ встрѣчаются, своего рода précieuses ridicules, но только не въ свѣтской болтовнѣ, гдѣ они могутъ быть лишь забавны, а въ ученой книгѣ, посвященной одному изъ самыхъ серіозныхъ предметовъ. Авторъ собственно клонитъ рѣчь къ тому, чтобы назвать двѣ системы управленія: систему провинціальную и систему централизаціи, и показать сущность той и другой (1189—1951). Съ этого бы и слѣдовало начать безъ всякихъ изворотовъ вкривь и вкось. Замѣтимъ, что напрасно авторъ, безъ всякихъ оговорокъ, дѣлаетъ Англію представительницей провинціальной системы. Англійскій selfgovernment не совсѣмъ провинціальная система: англійскія графства никогда не имѣли никакой автономіи, англійскіе мировые съѣзды, quartersessions не имѣютъ ничего общаго съ провинціальными сеймами. А исконная, строго проведенная въ Англіи, централизація судебной власти и судебнаго устройства также не совсѣмъ отвѣчаетъ идеаламъ болѣе или менѣе замкнутаго провинціализма. Точно также намъ кажется, что авторъ поступилъ бы недурно, если бы съ нѣсколько бо́льшею точностью отнесся и къ системѣ централизаціи. Послѣ Токвиля необходимо различать между политическою и административною централизаціею, и напрасно авторъ не указалъ этого различія. Тогда то, что онъ говоритъ о выгодахъ централизаціи, выставляемыхъ ея защитниками (стр. 193), получило бы болѣе опредѣленный смыслъ. Обращаясь къ высшимъ государственнымъ установленіямъ, авторъ ведетъ такую рѣчь: «Въ государствахъ, допускающихъ народное представительство, имѣющихъ для того парламентъ, составляемый изъ одной или двухъ палатъ, коимъ совокупно съ монархомъ принадлежитъ власть законодательная и высшее направленіе государственной администраціи, нѣтъ надобности въ устроеніи какихъ либо особыхъ высшихъ государственныхъ установленій для управленія государственными дѣлами. Здѣсь государственная администрація ввѣряется избираемымъ монархомъ центральнымъ государственнымъ органамъ — министрамъ, составляющимъ одно цѣлое, могущее и формально выражающееся въ совѣтѣ министровъ. Но существуютъ мнѣнія, что и въ такихъ представительныхъ монархіяхъ, имѣющихъ парламентъ и дѣйствующихъ въ зависимости отъ него министровъ, весьма полезно имѣть еще особый государственный совѣтъ, составленный изъ назначаемыхъ монархомъ лицъ, извѣстныхъ по своему юридико-политическому образованію и опытности въ государственныхъ дѣлахъ. Такой совѣтъ находятъ весьма полезнымъ для общаго направленія цѣлой администраціи, для установленія гармоніи дѣятельности министровъ, для выработки цѣльной, постоянной системы администраціи, для предупрежденія скачковъ и быстрыхъ переходовъ отъ одного начала управленія къ другому, неизбѣжныхъ при могущихъ часто являться пе-

перемѣнахъ министерства....» (Стр. 200). Только поверхностный конституціонализмъ прежняго времени считалъ, что для короны, коль скоро введена представительная система, въ интересѣ государственнаго управленія ничего, кромѣ отвѣтственнаго министерства, не надо. Болѣе глубокое изученіе представительныхъ учрежденій и практическаго ихъ дѣйствія привело, напротивъ, къ убѣжденію, что для государства съ представительствомъ, точно также, какъ безъ представительства, одинаково необходимъ совѣтъ, состоящій не только изъ министровъ, но и изъ лицъ, которыя сами не заинтересованы въ администраціи текущихъ дѣлъ и которыя тѣмъ безпристрастнѣе могутъ къ ней относиться, и даже желательно, чтобы этихъ лицъ, т. е. членовъ, не по званію, а по назначенію короны, было большинство въ совѣтѣ. Этотъ совѣтъ, отличный отъ министерскаго, или такъ называемаго кабинета, имѣетъ весьма важную задачу: установлять основныя начала управленія каждою частію и блюсти за преемственностію этихъ началъ, чтобы эти начала не мѣнялись бы съ назначеніемъ каждаго новаго министра и чтобы въ государственной администраціи, выражаясь нашимъ стариннымъ языкомъ, не было «шатости». Для государства съ представительствомъ можетъ быть такой совѣтъ еще даже болѣе необходимъ, чѣмъ для государства безъ представительства, потому что министерство, при вполнѣ развитомъ парламентаризмѣ, дается коронѣ большинствомъ, временно господствующимъ въ выборной палатѣ, и корона не свободна въ выборѣ своего кабинета. Вѣдь это азбука представительныхъ учрежденій, и начиная читать приведенное выше мѣсто г. Андреевскаго, намъ представился вопросъ: знакомъ г. Андреевскій съ этою азбукой, или не знакомъ? Конецъ его разсужденій по этому предмету убѣдилъ насъ, что онъ только дѣлаетъ видъ, что знакомъ съ нею: «Справедливо замѣчаютъ, что тамъ, гдѣ парламентъ существуетъ не для одной только формы, гдѣ, какъ въ Англіи, по выраженію Гнейста, онъ составляетъ корпорацію корпорацій и можетъ давать надлежащее направленіе администраціи, находясь и посредствомъ оказываемой имъ поддержки министерству, и посредствомъ составляемой имъ оппозиціи, въ дѣйствительной, государственной связи съ правительствомъ, тамъ подобный совѣтъ представляется совершенно излишнимъ» (стр. 201). Это окончательный выводъ о вопросѣ. Прежде всего жаль, что авторъ не указалъ, кто это *справедливо* замѣчаетъ объ излишности совѣта. Далѣе тутъ встрѣчается имя Гнейста: онъ такого мнѣнія, или же онъ только выражается, что парламентъ въ Англіи — корпорація корпорацій? Въ дѣйствительности Гнейстъ діаметрально противоположнаго мнѣнія о совѣтѣ. Его сочувствія во всякомъ случаѣ не на сторонѣ того министерскаго совѣта (cabinet-council), который постепенно захватилъ себѣ права верховнаго тайнаго совѣта (privy-council). Онъ видитъ въ этомъ

даже опасное для Англіи нарушеніе въ равновѣсіи ея конституціи и повторяетъ это при каждомъ случаѣ [1]). То же самое, и опираясь на англійскіе авторитеты, говоритъ Фишель (стр. 143 и 483). Слѣдуетъ думать, что г. Андреевскій, цитуя и Гнейста и Фишеля, не читалъ ихъ, или читалъ очень небрежно, или наконецъ, не понялъ того, что читалъ. Иначе онъ не сказалъ бы того, что онъ говоритъ о значеніи государственнаго совѣта въ конституціонномъ государствѣ и поберегся бы сослаться на Англію.

«Имѣющіяся въ Россійской Имперіи министерства и главныя управленія и мѣста, имъ равныя, удобно представить, разсуждаетъ авторъ, въ пяти (слѣдующихъ) группахъ...» (стр. 288). «Къ первой группѣ центральныхъ установленій, завѣдывающихъ администраціею, по доставленію народу благосостоянія и внутренней безопасности, относятся: министерство внутреннихъ дѣлъ, министерство путей сообщенія, министерство почтъ, министерство государственныхъ имуществъ, главное управленіе коннозаводства и министерство народнаго просвѣщенія». Намъ кажется, что едва ли *удобно* принимать такую систему группировки министерствъ, по которой главное управленіе государственнаго коннозаводства, хотя оно и управляетъ, безъ сомнѣнія, необходимою отраслію если не народнаго, то государственнаго хозяйства, должно очутиться въ одной категоріи съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Было время, когда гг. Рождественскіе, Проскуряковы, Добровольскіе и др., не мудрствуя лукаво и не задаваясь требованіями системы, просто извлекали изъ Свода тѣ статьи, которыя относятся къ дѣйствующимъ учрежденіямъ. Изъ ихъ руководствъ все-таки можно было узнать то, что содержится въ сводѣ существеннаго объ учрежденіяхъ. И мы полагаемъ, что если, пользуясь текстомъ этихъ руководствъ, справляться вмѣстѣ съ тѣмъ съ примѣчаніями г. Андреевскаго, въ которыхъ содержатся историческія выписки изъ Полнаго Собранія законовъ, а также изъ сенатскихъ вѣдомостей о нѣкоторыхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ устройствѣ и въ наименованіяхъ составныхъ частей министерствъ, то получишь о нихъ гораздо болѣе полное и точное понятіе, чѣмъ изъ текста г. Андреевскаго. Впрочемъ, не смотря на означенныя примѣчанія, министерства у него изложены съ невѣроятною поверхностію. Относясь чисто внѣшнимъ образомъ къ министерствамъ, онъ не далъ себѣ труда познакомиться хотя съ наиболѣе крупными административными вопросами, надъ разрѣшеніемъ которыхъ министерства у насъ трудились и трудятся. Экономическая сторона учрежденій для нашего автора также не существуетъ. А между тѣмъ какой богатый матеріалъ представляетъ въ этомъ отношеніи, и именно для министерствъ,

---

[1]) Ср. *Гнейста*, т. I (изд. 1857), стр. 319 и слѣд., 684—689; 2-е изд. т. I (1866), стр. 637—642), и въ особенности т. II (изд. 1860), стр. 921—924, 952—961.

то приложеніе къ государственной росписи доходовъ и расходовъ, которое обнародывается во всеобщее свѣдѣніе при сенатскихъ вѣдомостяхъ. Что́ же, трудно было воспользоваться этимъ матеріаломъ для нашихъ учрежденій? Ко всему этому присоединяется особое искусство систематизировать. Одинъ образчикъ системы мы уже видѣли относительно министерствъ. Сказавши на стр. 288, что третью группу составляютъ *министерства*, коимъ поручены заботы о судѣ, авторъ, на стр. 306, убѣждается, что эту группу составляетъ одно только министерство юстиціи, «которому ввѣрено наблюденіе за правильными дѣйствіями всѣхъ судебныхъ мѣстъ въ Имперіи...» Казалось бы, что въ этомъ отношеніи была бы не лишней оговорка, въ чемъ послѣ судебной реформы это наблюденіе будетъ состоять, такъ какъ по новымъ судебнымъ уставамъ надзоръ за всѣми судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства въ Имперіи принадлежитъ кассаціоннымъ департаментамъ правительствующаго сената (ст. 249 учрежд. суд. устан.). Не дурной образчикъ систематическаго изложенія представляетъ и перечисленіе тѣхъ предметовъ вѣдомства, которые ввѣрены министерству двора и удѣловъ, какъ-то: «Управленіе нѣкоторыми установленіями, учрежденными для содѣйствія духовному благосостоянію народа: императорскими театрами въ обѣихъ столицахъ, академіею художествъ, ботаническимъ садомъ, археологическою коммиссіею, придворною медицинскою частію» (п. 9, стр. 314). Археологическая коммиссія—очень полезное учрежденіе, но она можетъ содѣйствовать только знакомству съ стариной. Точно также всякая медицинская часть, хотя можетъ существовать въ интересѣ физическаго благосостоянія народа, но едва ли духовнаго.

Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о сочиненіи г. Андреевскаго. Если дурно дѣлаютъ тѣ профессора, которые, долго сидя на каѳедрахъ, не издаютъ по своимъ предметамъ учебниковъ, то едва ли хорошо поступаютъ и тѣ, которые спѣшатъ издавать плохіе учебники. Плохой учебникъ—несравненно большее зло, чѣмъ плохая докторская диссертація. Государственное право, какъ заявляетъ самъ г. Андреевскій въ предисловіи, не есть его спеціальность, хотя онъ читалъ объ этой наукѣ лекціи. Обработанныя для печати, эти лекціи все еще могли бы быть полезны, если бы авторъ, ограничивши нѣсколько свою задачу, больше приготовился къ ней, сознательнѣе относился къ ней и, главное, говорилъ бы дѣло, безъ фразъ. Фразерство, вообще опасное для людей, совершенно губитъ человѣка ученаго, дѣлая его неспособнымъ къ мысли и мѣшая ему углубиться въ предметъ. Это такой органическій недостатокъ, который въ учебникѣ государственнаго права не искупается и постоянными ссылками на представительную систему. Эти румяна представительства дурно прикрываютъ жалкій образъ нищей духомъ, юродивой науки. В. О.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Т. Н. Грановскій о классицизмѣ и реализмѣ. — Современные вопросы о наукѣ и о народномъ образованіи въ Германіи.—Замѣтка о ремесленномъ образованіи у насъ и за-границею. — Пятидесятилѣтній юбилей доктората Леопольда Ранке.

Нашимъ послѣднимъ словомъ въ «Педагогической хроникѣ» будетъ первое, которымъ мы открывали ее въ нынѣшнемъ году. Мысли Т. Н. Грановскаго объ «Ослабленіи классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныя послѣдствія этой перемѣны», высказанныя имъ въ статьѣ, напечатанной въ № 97 «Московскихъ Вѣдомостей» 1855 года, и помѣщенной, какъ прибавленіе, во второмъ изданіи сочиненій покойнаго профессора, — эти мысли даютъ намъ поводъ возвратиться къ старой темѣ; притомъ, мы находимъ, что, судя по всему высказанному послѣ Грановскаго, какъ со стороны защитниковъ классицизма, такъ и со стороны его противниковъ, мысли его были забыты, а онѣ стоятъ того, чтобы остановиться на нихъ и привести ихъ себѣ на память.

Изъ изданной нами *) «Записки» Грановскаго о планѣ учебника всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ, мы могли убѣдиться, что авторъ лично принадлежалъ къ почитателямъ классическаго образованія, и противное было бы удивительно въ томъ, кто посвятилъ себя исторической наукѣ, въ которой немыслимы дальнѣйшіе успѣхи безъ успѣховъ классической филологіи и археологіи. Цѣль упомянутой нами выше статьи оставляетъ также внѣ всякого сомнѣнія взглядъ Грановскаго на классицизмъ. Въ своемъ заключеніи къ этой статьѣ онъ говоритъ весьма не двусмысленно: «До 1851 года (т. е. до того года, когда было отмѣнено преподаваніе греческаго языка въ нашихъ гимназіяхъ) русскія гимназіи шли медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ къ указанной имъ

*) См. 1866, т. III, отд. IV, стр. 13 и слѣд.

цѣли. Имъ предстояла задача осуществить идеалъ средняго заведенія, приготовляющаго своихъ воспитанниковъ не къ одному университету, *но и къ жизни*, не чрезъ поверхностное многознаніе, а чрезъ основательное и всестороннее развитіе способностей. Цѣль эта теперь (т. е. послѣ 1851 года) отодвинута на задній планъ!» Этихъ словъ достаточно, чтобы убѣдить читателя въ томъ, какъ смотрѣлъ Грановскій на значеніе классическихъ гимназій. Нѣчто похожее, повидимому, утверждаютъ и современные намъ радикальные защитники классицизма; но имъ всегда недостаетъ трезвости и спокойствія взгляда Грановскаго; они увѣряютъ, что въ послѣднее время у насъ разрушили превосходное и прочное зданіе народнаго просвѣщенія, устроенное семнадцатилѣтними усиліями графа Уварова. Грановскій не боится правды въ исторіи и потому сознаётся открыто, что, дѣйствительно, «семнадцатилѣтнее классическое направленіе» у насъ осталось безплоднымъ, что «состояніе древнихъ языковъ въ нынѣшнихъ (т. е. до 1851 года) гимназіяхъ неудовлетворительно». Другими словами, исторія классическаго направленія у насъ — весьма плохое доказательство его пользы. Грановскій отвѣчаетъ, почему такое прискорбное явленіе должно было у насъ имѣть мѣсто: «Полезное и плодотворное дѣйствіе филологіи возможно только при достаточномъ количествѣ хорошихъ, знающихъ дѣло и усердныхъ къ нему учителей....» Нѣтъ ничего справедливѣе! А въ чемъ состоитъ польза изученія классической литературы? «Гдѣ — отвѣчаетъ вопросомъ на вопросъ Грановскій — какъ не въ ея отборныхъ памятникахъ, найдемъ мы столь совершенное сочетаніе изящной формы съ благороднымъ содержаніемъ? Откуда вынесетъ юноша столь чистое понятіе о красотѣ и столь возвышенныя чувства нравственнаго долга и человѣческаго достоинства? Въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ Греціи и Рима было безмѣрно много ложнаго и непримѣнимаго къ быту новыхъ гражданскихъ обществъ; но умному (замѣтьте это) наставнику не трудно отдѣлить чисто-историческое, временное, отъ общечеловѣческаго, вѣчно истиннаго элемента въ твореніяхъ греческихъ поэтовъ и мыслителей. Вліяніе античныхъ политическихъ теорій могло быть опасно при незнакомствѣ съ исторіей; но въ настоящее время и эта опасность прошла, или по крайней мѣрѣ грозитъ уже совсѣмъ не съ той стороны.» Нельзя отвѣчать безпристрастнѣе, искреннее и честнѣе. Но что же мы должны заключить изъ этого? Учить склоненіямъ и спряженіямъ греческимъ и латинскимъ мы найдемъ охотниковъ не мало, но много ли у насъ людей, которые были бы способны сдѣлать изъ обученія классическимъ языкамъ то могущественное образовательное средство, на которое указываетъ Грановскій? Наконецъ, что у насъ сдѣлано, чтобы такіе преподаватели могли явиться? Прибавимъ къ этому замѣчаніе

французскаго министра Дюрюи *): «Классическій курсъ приноситъ пользу только для тѣхъ, которые имѣютъ время и деньги пройти его весь отъ начала до конца, т. е. сдѣлать значительное пожертвованіе временемъ и деньгами». Точно также, скажемъ и мы, классическое направленіе хорошо тамъ, гдѣ есть готовность и умѣнье пожертвовать деньгами предварительно для образованія хорошихъ учителей. Мы сказали: *умѣнье*, но умѣнье есть *время:* завтра нельзя еще имѣть такихъ преподавателей, какіе были бы желательны для истинныхъ успѣховъ классицизма, а намъ, именно, нужно ввести *завтра* классическое преподаваніе, потому что мы заботимся не о немъ, а о томъ, чтобы удовлетворить духу господствующей партіи и имѣть ее на своей сторонѣ. Если бы послѣднихъ результатовъ можно было достигнуть уничтоженіемъ классическаго преподаванія и введеніемъ реальныхъ наукъ, — мы, не колеблясь, уничтожили бы первое, какъ теперь поддерживаемъ его всею силою.

Какъ превратна судьба идей, доказательства тому можно видѣть у Граповскаго. Въ наше время стараются отыскать причину смутъ и волненій въ господствѣ и преобладаніи естественныхъ наукъ въ школѣ; не такъ было въ 1855 г., когда писалъ свою статью Грановскій. Въ то время вся французская революція, всѣ соціалистическія и коммунистическія теоріи выводились изъ того, что въ школахъ преподаютъ классическіе языки. Путемъ классической литературы и изученія исторіи древнихъ республикъ, говорили тогда друзья порядка, «проникаютъ республиканскія идеи въ незрѣлые умы юношества, отрываютъ ихъ отъ дѣйствительности и поселяютъ въ нихъ опасныя мечты свободы и равенства.» Тогда припомнили все; припомнили, что въ большую французскую революцію люди отказались отъ христіанскихъ именъ и называли себя Солонами, Брутами и Катонами; новые города въ Америкѣ назвались именами древнихъ республикъ, дѣло дошло даже до подражанія въ костюмѣ. Весь этотъ обвинительный актъ противъ классическихъ языковъ, какъ онъ составлялся въ началѣ 50 годовъ — приведенъ во всей подробности Грановскимъ, и съ большимъ достоинствомъ и знаніемъ дѣла опровергнутъ имъ же. Наши защитники классицизма, которыхъ приняли бы за революціонеровъ въ 1848 и 49 годахъ, составляютъ нынѣ такой же обвинительный актъ противъ естественныхъ наукъ, mutatis mutandis. Но они сдѣлали бы лучше, если бы повторили слова Грановскаго и его превосходныя мысли:

«Сохрани насъ Богъ, восклицаетъ Грановскій, отъ намѣренія заподозрить въ дурномъ какую либо науку. Наукъ вредныхъ нѣтъ и быть не можетъ. Каждая заключаетъ въ себѣ часть божественной

*) См. выше, т. III, отд. IV, стр. 6.

истины, открывающейся нашему разуму съ разныхъ сторонъ въ духѣ. Не естественныя науки (какъ и не классическія) произвели французскую революцію или нынѣшнія нравственныя болѣзни западной Европы. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ рѣшительное преобладаніе въ воспитаніи, какъ *всякая* односторонность, вредно и опасно.» Что справедливо въ отношеніи естественныхъ наукъ, того нельзя отвергать и по отношенію исключительнаго преобладанія классическихъ языковъ.

Съ такою же откровенностью сознаётся Грановскій, что «въ настоящее время Европа покрыта реальными заведеніями всякого рода отъ высшихъ до элементарныхъ, но на томъ же началѣ основанныхъ школъ.» Между тѣмъ насъ стараются увѣрить, что желаніе вводить у насъ реальныя школы могло придти въ голову только тѣмъ, которые имѣютъ затаенную мысль вредить распространенію у насъ классическаго обученія, съ тѣмъ, чтобы не дать возможности Россіи стать на ряду съ другими образованными странами. Не было ли бы справедливѣе заподозрить въ этомъ тѣхъ, которые знаютъ, что времена перемѣнились, что въ Европѣ не одни классическіе языки служатъ основою образованія, и скрываютъ это, чтобы затруднить для Россіи конкурренцію съ западными народами. Опытнѣйшіе люди въ западной Европѣ и столь привязанные къ классическому направленію, какъ Дюрюи, торжественно объявляютъ, что «время наступило торопиться; что въ мирной, но безпощадной борьбѣ, которая завязалась между промышленными народами, побѣда предназначена не тому, кто будетъ располагать наибольшимъ числомъ рукъ и капиталовъ, но той націи, среди которой трудящійся классъ будетъ имѣть болѣе благоустройства, смысла и познаній..... вотъ почему въ наше время успѣхъ промышленности тѣсно связанъ съ успѣхомъ школы, и вотъ почему вопросы, изучаемые министерствомъ народнаго просвѣщенія (во Франціи), пріобрѣли такую важность для матеріальнаго благосостоянія страны.» Но можемъ ли и должны ли мы сказать, что въ Россіи совсѣмъ другое дѣло, что у насъ министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ никакой надобности пріобрѣтать важность для матеріальнаго благосостоянія въ Россіи? Вѣрно одно, что во Франціи думаютъ иначе, что во Франціи понимаютъ опасность для націи увлечься теоріями, между тѣмъ, какъ сосѣди идутъ впередъ, не стѣсняясь схоластическими убѣжденіями.

Въ Германіи также не боятся идти къ народному благосостоянію новыми путями, и не желаютъ лучше умирать по всѣмъ правиламъ рутины медицинской науки, нежели поправиться въ противность ея предписаніямъ. Какихъ бы мы ни держались сами теорій воспитанія, намъ необходимо и полезно слѣдить за тѣмъ, какъ понимаютъ народное образованіе и его отношеніе къ прежней основѣ, т. е. клас-

сицизму, въ самомъ центрѣ классицизма. Въ послѣдней нашей хроникѣ мы слышали сознаніе французскаго министра Дюрюи, выраженное имъ въ циркулярѣ къ начальникамъ учебныхъ округовъ, гдѣ онъ откровенно и столь же громогласно сознаётся, что всякое упорство въ стародавнихъ теоріяхъ вредно для страны, и что Франція рискуетъ только отстать отъ другихъ націй, если ограничится однимъ классическимъ обученіемъ, которое требуетъ всегда огромнаго капитала времени и денегъ, чтобы оказать какую нибудь пользу. Обратимся теперь къ самому центру классицизма, къ Германіи, этой истинно классической почвѣ изученія греческой и римской литературы. Дѣйствительно ли тамъ, какъ увѣряютъ насъ, все народное образованіе построено тамъ на классицизмѣ? Уже Грановскій представилъ на двухъ-трехъ страницахъ обзоръ давнишней оппозиціи классицизму въ самой Германіи, начиная почти съ XVI вѣка и до нашего времени. Недавно одинъ нѣмецкій филологъ, д-ръ философіи Юргенъ Бона-Мейеръ, посвятилъ небольшой трудъ (*Jürgen Bona-Meyer*, Volksbildung und Wissenschaft in Deutschland während der letzten Jahrhunderte. Berl. 1866) спеціальному обзору развитія идей въ Германіи объ отношеніи, въ которомъ должны стоять въ жизни каждаго общества *наука* и *народное образованіе*. Авторъ показываетъ постепенный прогрессъ успѣховъ науки въ народномъ образованіи въ Германіи, начиная съ эпохи реформаціи. Выше этого подниматься нельзя: въ средніе вѣка наука стояла по отношенію къ народному образованію несравненно выше, нежели то мы видимъ въ настоящее время, то-есть, *наука не имѣла почти ничего общаго съ народнымъ образованіемъ;* массы народныя находились въ глубочайшемъ невѣжествѣ, а наука въ лицѣ своихъ немногихъ представителей и небольшого монастырскаго кружка развилась до высшихъ созерцаній и субтильностей. Такимъ образомъ, до реформаціи, въ Германіи не могло быть и рѣчи о народномъ образованіи; это былъ чисто періодъ латинской образованности. Что сдѣлала реформація или, лучше сказать, совпадающая почти съ нею эпоха возрожденія классической литературы? Она сдѣлала два дѣла: одно — чрезвычайной важности, другое — небольшой шагъ впередъ, на которомъ и остановилась. Первый результатъ «возрожденія» состоялъ вовсе не въ томъ, что, какъ иные думаютъ, съ того времени начали изучать древніе языки; древніе языки не переставали никогда быть предметомъ изученія, а латинскій языкъ былъ даже постоянно языкомъ литературнымъ среднихъ вѣковъ. Эпоха возрожденія воскресила свѣтскую литературу язычества, писателей золотого вѣка римской литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ ввела новый циклъ идей, давно забытыхъ и презираемыхъ эпохою монашеской цивилизаціи. Но эта революція, совершенная въ эпоху возрожденія, относилась къ исторіи наукъ; въ исторіи же народнаго об-

разованія она сдѣлала относительно весьма мало, такъ какъ и языкъ Цицерона для массъ былъ не болѣе доступенъ, какъ языкъ средневѣкового схоластика или богослова. По своей привлекательности, богатствѣ формъ и содержанію классическая латинская литература, конечно, расширила кругъ людей науки и далеко выступила за предѣлы монастыря, но она точно также не была разсчитана на народныя массы, какъ и средневѣковая цивилизація. Подѣйствовавъ могущественнымъ образомъ на успѣхъ наукъ въ кругѣ избранныхъ, она почти не сократила нисколько пропасти, отдѣлявшей въ средніе вѣка немногихъ образованныхъ людей отъ грубыхъ невѣжественныхъ массъ. По прежнему, можно сказать, различіе между образованнымъ и необразованнымъ было таково, что извѣстное выраженіе: *homo homini lupus est*— оставалось во всей силѣ. Въ то время, когда немногіе достигали самаго высокого развитія, владѣли превосходно цицероновскою латынью, писали на ней, какъ на родномъ языкѣ, вращались въ мірѣ высшихъ идей политическихъ, соціальныхъ, философскихъ, — рядомъ съ ними жила цѣлая масса, чуждая всякого образованія. Въ XVII вѣкѣ, Франція опередила Германію относительно сближенія науки съ народнымъ образованіемъ и только потому, что во Франціи прежде осмѣлились «профанировать» науку, т. е. говорить и писать на родномъ языкѣ. Для Германіи это имѣло тотъ результатъ, что высшее ея общество бросилось на французскій языкъ и французскую литературу, чтобы замѣнить ими классическое обученіе. «Такимъ образомъ, говоритъ Бона-Мейеръ, къ *латинскому злу* нашего народнаго образованія присоединилось еще *французское зло*, а знатныя и образованныя сословія нашли съ того времени новое и сильное средство къ уединенію себя отъ остальной массы народа».

Усилія сократить, если не совсѣмъ уничтожить, громадное разстояніе между наукою и народнымъ образованіемъ, вслѣдствіе котораго, по выраженію той пословицы, люди отличаются другъ отъ друга, какъ человѣкъ отъ волка,—эти усилія начались рано и образовали оппозицію классическому направленію наукъ, противоставивъ ему реальное, которое по цѣли своей можетъ быть также хорошо названо народнымъ. Народное образованіе можетъ быть только тамъ, гдѣ образована цѣлая масса; классическое же можетъ процвѣтать среди самаго грубаго и невѣжественнаго народа, какъ оно и процвѣтало на дѣлѣ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ у западныхъ народовъ, гдѣ массы еще не такъ давно стояли точно также низко, какъ высоко поднимались ихъ классически образованные представители въ высшихъ общественныхъ классахъ. По неволѣ можетъ иной подумать, что, вѣроятно, классическое образованіе и называется такъ потому, что оно можетъ быть доступно только одному *классу* въ народѣ. Впрочемъ, на дѣлѣ это всегда такъ и было.

Каково положеніе науки и народнаго образованія въ современной намъ Германіи? Намъ постоянно твердятъ, что въ Германіи никто и не думаетъ, чтобы народное образованіе могло быть устроено иначе, какъ на классическихъ основахъ, что классицизмъ тамъ вызываетъ тоже сочувствіе, какъ то было въ эпоху «возрожденія», что Германія ревностно слѣдуетъ опыту вѣковъ. Не знаемъ, съ какою цѣлью стараются насъ ввести въ такое заблужденіе, но мы думаемъ, что весьма полезно имѣть вѣрныя свѣдѣнія о новыхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ нашихъ сосѣдей; тотъ оказалъ бы намъ мало услуги, кто старался бы увѣрить, напримѣръ, въ томъ, что игольчатыхъ ружей не существуетъ на свѣтѣ, и что въ Пруссіи въ военномъ дѣлѣ употребляются старинные самострѣлы. Вотъ, отзывъ Бона-Мейера, нѣмецкаго педагога и притомъ не натуралиста, а филолога, о современномъ состояніи нѣмецкихъ школъ вообще:

«Мы знаемъ очень хорошо существующіе до сихъ поръ недостатки нашихъ школъ, мы не скрываемъ того, что наши народныя школы еще не нашли себѣ полнаго свободнаго развитія, котораго требуетъ справедливо наше время; мы знаемъ также, что наше высшее образованіе страдаетъ отъ изложеннаго нами выше латинскаго наслѣдственнаго зла (an dem geschilderten lateinischen Erbübelleides).»

Отъ такого болѣе тѣснаго соединенія науки съ народнымъ образованіемъ выиграетъ не только одно народное образованіе, но и самая наука. Исторія учитъ насъ постоянно тому, что чѣмъ менѣе пропасть между образованнымъ и необразованнымъ классомъ, тѣмъ почва самой науки прочнѣе и животворнѣе. Въ древнемъ обществѣ, страдавшемъ преимущественно неравномѣрностью распредѣленія познаній въ обществѣ, гдѣ на семь мудрецовъ можно было насчитать милліонами людей, стоящихъ въ своемъ развитіи немного выше животныхъ, не только наука, но и самая религія оставалась достояніемъ господствующихъ классовъ. Христіанство сдѣлало уже давно религію достояніемъ народовъ; но наука и до сихъ поръ продолжаетъ слишкомъ рѣзко раздѣлять людей между собою. Самое выраженіе *«народное образованіе»* у насъ является еще синонимомъ нисшаго образованія, весьма близкаго къ нулю; между тѣмъ, какъ подъ народнымъ образованіемъ слѣдуетъ разумѣть образованіе, необходимое для каждаго; оно также можетъ имѣть свою высоту и свои степени, но оно вовсе не должно быть само степенью по отношенію къ классическому образованію. И классическое, и народное образованіе должны имѣть свое собственное развитіе, соотвѣтственно духовнымъ и матеріальнымъ нуждамъ страны. Каждое изъ нихъ въ отдѣльности слабо, недостаточно и односторонне; по счастливому выраженію проф. С. М. Соловьева, и на западѣ классическое направленіе «умѣряется» матеріальнымъ развитіемъ общества; неужели мы находимся внѣ за-

коновъ развитія человѣческихъ обществъ, и не имѣемъ ли мы также семнадцатилѣтній опытъ, къ чему приводитъ классицизмъ, выдуманный и поддерживаемый изъ подражанія именно тѣмъ обществамъ, гдѣ существуютъ рядомъ и спасительные клапаны противъ увлеченій классицизма? Но мы сейчасъ слышали голосъ компетентнаго человѣка, очевидца, свидѣтеля, который находитъ, что въ Германіи, при всемъ развитіи народнаго, реальнаго образованія, это образованіе еще угнѣтается классицизмомъ; неужели то, что считаютъ опаснымъ уже и въ Германіи, будетъ безопасно для насъ, и неужели мы рѣшимся искоренить немногое, сдѣланное до сихъ поръ для народнаго образованія, когда нѣмцы считаютъ свое многое еще весьма малымъ? А какъ мало мы сдѣлали на этомъ поприщѣ, доказательствомъ того можетъ служить, между прочимъ, слѣдующая замѣтка о ремесленномъ образованіи у насъ и за-границею.

ЗАМѢТКА

О РЕМЕСЛЕННОМЪ ОБРАЗОВАНІИ У НАСЪ И ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

Недавно, именно 25-го октября, праздновалось пятидесятилѣтіе «Дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ», находящагося въ С.-Петербургѣ и состоящаго въ вѣдѣніи Императорскаго человѣколюбиваго общества. Будучи назначено для призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ мужескаго пола и для воспитанія и обученія ихъ полезнымъ ремесламъ, это учебно-воспитательное заведеніе пріобрѣло возможность достигать предположенной цѣли, только съ 1858 года, т. е. со времени вступленія въ званіе попечителя коммерціи совѣтника В. Ѳ. Громова, который обезпечилъ существованіе «Дома призрѣнія» весьма значительными пожертвованіями. Начавши въ октябрѣ 1816 года съ призрѣнія 10 бѣдныхъ сиротъ, въ октябрѣ 1866 г. «Домъ призрѣнія» заключалъ въ себѣ уже слишкомъ 160 бѣдныхъ дѣтей отъ 6 до 14-лѣтняго возраста, живущихъ и обучающихся въ заведеніи. Но самый существенный успѣхъ представляется здѣсь не столько въ увеличеніи числа воспитывающихся, сколько въ самомъ характерѣ воспитанія и обученія. Долгое время «Домъ призрѣнія» не могъ возвыситься далѣе простой школы грамотности: воспитанники, научившись начальнымъ основаніямъ закона Божія, чтенію и письму и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики, поступали затѣмъ, на основаніи устава, по достиженіи 13- или 14-лѣтняго возраста, для практическаго обученія ремесламъ къ разнаго рода ремесленникамъ и для пріученія къ торговлѣ — къ торговцамъ.

Находясь здѣсь, воспитанники «Дома призрѣнія» оставались подъ надзоромъ комитета «Дома призрѣнія» до совершеннаго наученія ремеслу. Срокъ такого надзора въ настоящее время опредѣляется достиженіемъ 21 лѣтняго возраста, когда воспитанникъ, съ полученіемъ званія подмастерья, пріобрѣтаетъ право свободно располагать дальнѣйшею своею судьбою.

Еще въ 1850 году общій учебный курсъ «Дома призрѣнія» получилъ значительное развитіе и правильное устройство; воспитанники были раздѣлены на три класса: приготовительный, младшій и старшій; число предметовъ ученія было увеличено введеніемъ грамматическаго изученія роднаго языка, географіи и исторіи Россіи, рисованія и церковнаго пѣнія; съ 1860 же года всѣ эти предметы стали преподаваться въ бо́льшемъ объемѣ и, кромѣ того, введены постепенно черченіе и ученье о строительныхъ матеріалахъ.

Но дѣло не ограничилось однимъ возвышеніемъ общаго образовательнаго курса: вмѣстѣ съ тѣмъ обращено было вниманіе на практическое подготовленіе воспитанниковъ къ будущему ихъ назначенію, на собственно ремесленное обученіе.

Инициатива этого важнаго дѣла принадлежитъ попечителю «Дома призрѣнія» В. Ѳ. Громову. При его содѣйствіи, въ 1860 г. въ школѣ введено было сначала обученіе ремесламъ: типографскому, литографскому и столярному; въ 1863 году присоединены къ нимъ два новыя мастерства: переплетное и токарное, и впослѣдствіи прибавлены еще обученіе рѣзьбѣ на деревѣ и на металлѣ, выпиловка изъ дерева и чеканное искусство. Ремесламъ обучаются только воспитанники старшаго класса, что весьма разумно, и притомъ во время свободное отъ ученія общимъ предметамъ. Воспитанники, окончившіе общій курсъ и достигшіе 14-лѣтняго возраста, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ избранномъ ремеслѣ, поступаютъ къ мастерамъ, но поступаютъ уже не такъ, какъ прежде, совершенными новичками въ дѣлѣ, а съ нѣкоторыми свѣдѣніями и навыкомъ къ работѣ. Обучающіеся же типографскому и литографскому ремесламъ причисляются для довершенія своего образованія въ этихъ мастерствахъ къ типографіи и литографіи, учрежденныхъ при самомъ «Домѣ призрѣнія». Молодые люди во все время продолженія ремесленнаго образованія, остаются, какъ сказано выше, подъ попеченіемъ «Дома призрѣнія бѣдныхъ» и только съ полученіемъ званія подмастерья и по достиженіи 21 года, дѣлаются вполнѣ самостоятельными.

Представивъ въ краткихъ чертахъ практическое значеніе «Дома призрѣнія бѣдныхъ», мы особенно важнымъ считаемъ здѣсь то обстоятельство, что это заведеніе, вмѣстѣ съ Дѣтскимъ пріютомъ Принца Ольденбургскаго, устроеннымъ еще на болѣе широкихъ основаніяхъ, но разсчитаннымъ не столько на сиротъ, сколько на дѣтей мало до-

статочнаго класса, — представляетъ въ нашей столицѣ единственный опытъ разумно устроеннаго ремесленнаго образованія. Всѣ мы давно жалуемся на недостатокъ у насъ въ русскихъ ремесленникахъ; всѣ почти вывѣски нашихъ мастерскихъ испещрены иностранными именами; всѣ важнѣйшія ремесленныя отрасли находятся въ рукахъ нѣмцевъ. Самостоятельные русскіе ремесленники составляютъ рѣдкость; русскій человѣкъ въ ремеслѣ остается большею частью простымъ рабочимъ и дѣлается много-много подмастерьемъ; руководство же работой, направленіе ея принадлежитъ преимущественно привилегированнымъ ремесленникамъ изъ иностранцевъ. Источникъ такого порядка вещей заключается, конечно, не въ неспособности русскихъ къ ремесламъ, а почти въ совершенномъ отсутствіи у насъ средствъ для сколько нибудь правильнаго ремесленнаго образованія. Говоря это, мы имѣемъ въ виду преимущественно С.-Петербургъ, гдѣ, по огромному числу ремесленнаго населенія, оказывается особенно ощутительнымъ этотъ недостатокъ.

Мы слышали, что здѣшняя городская Дума обратила уже вниманіе на этотъ предметъ и предполагаетъ изыскать средства къ развитію въ столицѣ ремесленнаго образованія.

Въ ожиданіи того, на что рѣшится Дума, мы считаемъ не безполезнымъ указать тѣ способы ремесленнаго образованія, которыми располагаетъ Германія и отчасти Англія, Бельгія и Франція, и которые доставили этимъ странамъ такое важное значеніе въ промышленномъ мірѣ, а также и тѣ затрудненія, съ которыми приходится тамъ бороться на этомъ поприщѣ, и вывести отсюда начала, которыя, по нашему мнѣнію, могли бы быть примѣнены съ успѣхомъ къ нашему ремесленному образованію.

Ремесленныя школы въ Германіи, какъ и всѣ вообще спеціальныя школы, имѣющія въ виду непосредственное приготовленіе учащихся къ опредѣленной практической дѣятельности (Berufsschulen), составляютъ продуктъ новѣйшаго времени. Начало ремесленныхъ школъ въ Пруссіи относится къ 1817 году: онѣ назначались первоначально собственно для образованія ремесленниковъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такъ Ахенская ремесленная школа, открытая въ 1818 году, имѣла сначала въ виду исключительно приготовленіе искусныхъ плотниковъ, строителей мельницъ, колодцевъ и фонтановъ, мастеровъ пожарныхъ трубъ, каменьщиковъ и каменосѣчцевъ, штукатурщиковъ, столяровъ, слесарей, комнатныхъ живописцевъ, мѣдниковъ и мастеровъ оловянныхъ и жестяныхъ дѣлъ.

Предметами ученія были рисованіе и математика въ различныхъ примѣненіяхъ къ тому или другому ремеслу. Ученіе было безплатное и производилось четыре раза въ недѣлю въ воскресенье и понедѣльникъ утромъ до обѣда, а въ среду и въ субботу послѣ обѣда, чтобы

такимъ образомъ школою могли пользоваться ученики, занятые въ остальное время ремесленною работою у мастеровъ. Для поступленія въ школу требовались возрастъ не менѣе 14-ти лѣтъ, умѣнье читать и писать и знаніе первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики. Скоро однако Ахенская школа и другія подобныя ей ремесленныя школы въ Пруссіи, по мѣрѣ все болѣе и болѣе усиливавшагося распространенія машинъ въ ремесленныхъ производствахъ, измѣнили свой первоначальный характеръ и сдѣлались чисто техническими школами для образованія механиковъ, химиковъ, техниковъ различнаго рода и управляющихъ заводскими и фабричными работами. Вмѣстѣ съ тѣмъ школы эти, извѣстныя теперь подъ названіемъ провинціальныхъ ремесленныхъ школъ (Provinzial-Gewerbeschulen), перестали посѣщаться собственно ремесленниками и начали наполняться преимущественно молодыми людьми болѣе достаточныхъ классовъ, посвящающими себя изученію горнаго, заводскаго и машиннаго дѣла.

Провинціальныя ремесленныя школы въ Пруссіи находятся теперь въ 25-ти городахъ. Для поступленія въ эти школы, при сохраненіи прежнихъ условій возраста не менѣе 14-ти лѣтъ, требуется уже высшее, сравнительно съ прежнимъ, предварительное общее образованіе. Поступающій въ школу долженъ не только бѣгло читать, но и совершенно понимать прочитанное, не выходящее изъ круга его понятій; онъ долженъ писать не только четко, но и безъ важныхъ орѳографическихъ ошибокъ; далѣе, отъ него требуется не только навыкъ къ скорымъ вычисленіямъ надъ цѣлыми и дробными числами, и умѣнье примѣнять эти вычисленія къ обыкновеннымъ ариѳметическимъ задачамъ, но и практическое умѣнье измѣрять плоскія прямолинейныя фигуры и призматическія тѣла. Сверхъ того, поступающій долженъ имѣть уже нѣкоторый навыкъ къ рисованію. Означенныя требованія, выставленныя въ уставѣ о провинціальныхъ ремесленныхъ школахъ, на практикѣ простираются еще далѣе. Всѣ эти школы наперерывъ стремятся имѣть у себя учениковъ, получившихъ возможно лучшее предварительное общее образованіе, а потому нерѣдко сюда поступаютъ ученики перваго (самаго высшаго) и второго (предпослѣдняго) класса реальныхъ училищъ, составляющихъ, какъ извѣстно, въ Пруссіи заведенія не спеціальныя, а общеобразовательныя, съ учебнымъ курсомъ, примѣненнымъ къ потребностямъ массы народа въ образованіи.

Будучи чисто спеціальными школами, прусскія провинціальныя ремесленныя школы, заключаютъ въ себѣ и предметы ученія исключительно спеціальные. Въ составъ ихъ учебнаго курса входятъ: чистая математика, физика, химія, минералогія, механика съ ученіемъ о машинахъ, строительное искусство, рисованіе и дѣланіе моделей. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ проходятъ эти предметы, укажемъ на

объемъ и способъ преподаванія, напримѣръ, математики съ ученьемъ о машинахъ. Вотъ программа математики. Изъ геометріи: планиметрія, плоская тригонометрія, стереометрія и начальныя основанія описательной геометріи вмѣстѣ съ математическимъ изложеніемъ главныхъ свойствъ коническихъ сѣченій. Межеваніе объясняется теоретически и въ главныхъ своихъ операціяхъ показывается также на практикѣ. Изъ ученья о числахъ: обыкновенная ариѳметика съ разнообразными упражненіями въ практическомъ счисленіи; алгебра до уравненій второй степени включительно, вмѣстѣ съ ариѳметическою и геометрическою пропорціями; особенное вниманіе обращается на логариѳмическія вычисленія. Приложеніе алгебры и тригонометріи къ рѣшенію планиметрическихъ и стереометрическихъ задачъ. Къ механикѣ и ученью о машинахъ относятся: изложеніе общихъ законовъ статики въ примѣненіи къ объясненію простыхъ машинъ, опредѣленіе центра тяжести, на сколько возможно, элементарное; законы движенія: законъ свободнаго паденія, паденіе на кривой плоскости, маятникъ; треніе, сопротивленіе воздуха; законы удара; простыя части машины; гидравлическое давленіе, водяныя колеса, мельница; воздухъ, какъ двигатель; паровая машина. Обученіе должно быть, по возможности, наглядным и особенно опираться на самое дѣло; пособіе моделей при этомъ считается необходимымъ. Ученье всѣмъ вышеозначеннымъ предметамъ въ прусскихъ провинціальныхъ ремесленныхъ школахъ распредѣляется на два класса съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ. Число учебныхъ часовъ составляетъ въ низшемъ классѣ до 35 и въ высшемъ до 36 въ недѣлю, то-есть, за исключеніемъ воскресныхъ дней, отъ 5 часовъ 50 минутъ до 6 часовъ на каждый день. Такимъ образомъ, школы эти имѣютъ характеръ ежедневныхъ обыкновенныхъ школъ и по одному этому уже, не говоря о другихъ, вышеуказанныхъ, причинахъ, дѣлаются недоступными для молодыхъ людей, занимающихся въ простые дни ремесленными работами. Но школы эти и не разсчитываютъ на такихъ молодыхъ людей, а преслѣдуютъ, какъ сказано выше, другую цѣль — образованіе механиковъ и техниковъ для разныхъ ремесленныхъ производствъ.

Въ Германіи, прусскія ремесленныя школы считаются образцовыми. Въ другихъ земляхъ, какъ напримѣръ, въ Виртембергѣ, Австріи и Баваріи соотвѣтствуютъ имъ отчасти реальныя училища, имѣющія тамъ совершенно другой характеръ учебныхъ заведеній, не общеобразовательныхъ, какъ въ Пруссіи, а преимущественно спеціальныхъ, гдѣ къ предметамъ общаго гимназическаго курса, за исключеніемъ, разумѣется, древнихъ языковъ, присоединяются предметы спеціальные, техническіе, какъ-то: химія, механика, технологія, дѣланіе моделей, лѣпное искусство и т. п. Дѣйствительно, нельзя не сознаться, что прусскія провинціальныя ремесленныя школы и въ педагогическомъ

и въ практическомъ отношеніяхъ имѣютъ рѣшительное преимущество предъ виртембергскими, австрійскими и баварскими реальными училищами. Выгода прусскихъ ремесленныхъ школъ заключается въ томъ, что вниманіе учащихся не разсѣевается въ нихъ, какъ въ означенныхъ реальныхъ училищахъ, на множествѣ самыхъ разнородныхъ предметовъ, но сосредоточивается исключительно на немногихъ спеціальныхъ предметахъ, а это необходимо ведетъ съ одной стороны къ бо́льшему успѣху въ избранной спеціальности и съ другой лучше содѣйствуетъ образованію характера въ учащихся, такъ какъ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что образованіе характера весьма много зависитъ отъ сосредоточенія на занятіи опредѣленнымъ предметомъ. При всемъ томъ и прусскія ремесленныя школы имѣютъ свои слабыя стороны: учащіеся въ нихъ страдаютъ недостаткомъ основательнаго общаго образованія и въ самомъ техническомъ образованіи не достигаютъ той высоты, какая необходима для настоящаго техникая, и какая пріобрѣтается только въ высшихъ техническихъ школахъ, подобныхъ политехническимъ институтамъ въ Парижѣ, Цюрихѣ, Карлсруэ, Ганноверѣ и др., представляющимъ, по выраженію Карла Шмидта, живые образцы современныхъ университетовъ реализма. Между тѣмъ, съ другой стороны, провинціальныя ремесленныя школы и подобныя имъ училища въ Баваріи, Австріи и Виртембергѣ и по учебному курсу и по распредѣленію учебнаго времени и по продолжительности ученья стоятъ такъ высоко, что оказываются недоступными для большинства ремесленнаго населенія. Слѣдовательно, подобныя школы не могутъ ни достигать цѣлей высшаго техническаго образованія, ни удовлетворять насущнымъ потребностямъ массы бѣднаго народонаселенія въ ремесленномъ образованіи. Ясно, что при такой обстановкѣ прусскія провинціальныя ремесленныя школы въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи должны, съ одной стороны возвысить для поступающихъ въ нихъ требованіе общаго образованія до уровня полнаго учебнаго курса реальныхъ общеобразовательныхъ училищъ, и съ другой — собственно техническое образованіе поднять до научной высоты высшихъ политехническихъ школъ. Необходимость первой изъ этихъ мѣръ сознается уже живо въ Пруссіи, что доказывается очевидно, указаннымъ нами выше, стремленіемъ провинціальныхъ ремесленныхъ школъ пріобрѣтать учениковъ съ возможно высшимъ общимъ образованіемъ и преимущественно изъ высшихъ классовъ реальныхъ училищъ. Съ приведеніемъ въ исполненіе первой мѣры, вторая мѣра, то-есть, возвышеніе прусскихъ провинціальныхъ ремесленныхъ школъ до степени высшихъ техническихъ училищъ, явится сама собою, какъ неизбѣжное ея послѣдствіе. Такова, по нашему мнѣнію, будущность, ожидающая прусскія провинціальныя ремесленныя школы; но въ настоящее время эти школы, равно какъ и соотвѣтственныя имъ

реальныя училища въ Австріи, Виртембергѣ и Баваріи являются только средними спеціальными училищами, приготовляющими техниковъ средней руки для практической дѣятельности, и при всемъ томъ оказываются недоступными для большинства ремесленнаго населенія, которое, какъ сказано будетъ ниже, пользуется другими средствами для своего образованія. Говоря это, мы не думаемъ впрочемъ отрицать пользу подобныхъ заведеній и въ настоящемъ ихъ видѣ; техники средней руки, конечно, ниже настоящихъ ученыхъ техниковъ, они не могутъ руководить дѣломъ, стоять во главѣ его, какъ ученые техники, но могутъ быть весьма полезными въ качествѣ второстепенныхъ дѣятелей, наблюдателей за дѣломъ и исполнителей чужихъ указаній; короче сказать, и техники средней руки имѣютъ свое несомнѣнное значеніе тамъ, гдѣ есть ученые техники.

Примѣняя вышесказанное къ ремесленному образованію въ нашемъ отечествѣ, мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ: было ли бы полезно для развитія ремесленнаго образованія устройство у насъ школъ, подобныхъ прусскимъ провинціальнымъ ремесленнымъ школамъ или австрійскимъ реальнымъ училищамъ?

Отвѣтить на этотъ вопросъ, кажется, не трудно. Для образованія большинства ремесленнаго населенія подобныя школы оказались и въ Германіи недоступными; тѣмъ болѣе можно ожидать, что явленіе это повторится и у насъ, такъ какъ наше ремесленное населеніе еще бѣднѣе и необразованнѣе германскаго, а прочія условія для посѣщенія школы ремесленнымъ населеніемъ и у насъ тѣ же, что и въ Германіи. Но, для образованія техниковъ нисшаго разряда изъ учащихся болѣе достаточныхъ классовъ, такія школы, безъ сомнѣнія, могутъ принести и у насъ несомнѣнную пользу и открыть доступъ къ занятію должностей нисшихъ техниковъ природнымъ русскимъ.

Въ образецъ устройства подобныхъ техническихъ школъ слѣдуетъ однако принять прусскія провинціальныя ремесленныя школы, т. е. наши нисшія техническія школы должны быть чисто спеціальными училищами и принимать въ число своихъ учениковъ только молодыхъ людей, имѣющихъ уже извѣстное общее образованіе; нормою такого общаго образованія могло бы быть поставлено знаніе полнаго курса нашихъ уѣздныхъ училищъ. Еще удобнѣе, подобныя спеціальныя училища могли бы быть устроены при самыхъ уѣздныхъ училищахъ въ видѣ дополнительныхъ классовъ съ двухгодичнымъ курсомъ и на первый разъ въ столицѣ. Удобство здѣсь заключалось бы въ томъ, что нѣкоторые предметы, требующіе долгаго упражненія, какъ напримѣръ, техническое рисованіе, могли бы быть начинаемы еще въ уѣздномъ училищѣ въ видѣ дополнительнаго предмета для желающихъ. Въ такомъ видѣ наши нисшія техническія училища имѣли бы значительное сходство съ прусскими провинціальными ремесленными школами.

Отчасти на этихъ основаніяхъ устроено уже у насъ обученіе въ С.-Петербургскомъ пріютѣ Принца Ольденбургскаго, гдѣ, послѣ обученія въ общихъ классахъ, переходятъ на два года въ практическіе спеціальные классы, между прочимъ, для техническаго черченія и обученія ремесламъ: столярному, токарному, слесарному и лѣпному.

Высказывая такое предположеніе, мы не можемъ однако не замѣтить при этомъ, кстати, что проектируемыя нами техническія школы не доставятъ намъ независимости отъ иностранцевъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ приготовляться у насъ настоящіе ученые техники. У насъ есть теперь высшія спеціальныя техническія училища, каковы горный институтъ, институтъ инженеровъ путей сообщенія и технологическій институтъ. Дальнѣйшій недостатокъ ихъ, состоявшій въ смѣшеніи цѣлей общаго и спеціальнаго образованія и вслѣдствіе того въ избраніи спеціальностей въ слишкомъ раннемъ возрастѣ и не по призванію, теперь уже устраненъ. Въ эти высшія техническія училища принимаются теперь молодые люди уже въ зрѣломъ возрастѣ и окончившіе полный курсъ общаго гимназическаго образованія. Все это — совершенно разумно и вполнѣ утѣшительно, если бы не представлялось въ будущемъ опасенія за то, что эти высшіе техническіе институты могутъ остаться безъ студентовъ. На классическія гимназіи они едва ли могутъ разсчитывать; и прежде изъ гимназій почти не поступали туда, а съ введеніемъ въ гимназіяхъ полнаго классическаго курса необходимо уменьшится число оканчивающихъ курсъ и въ этихъ заведеніяхъ; тѣ же, которымъ удастся это, будутъ имѣть другое направленіе и всегда предпочтутъ поступленіе въ университетъ для продолженія чисто научнаго образованія. Откуда же будутъ брать студентовъ наши высшіе техническіе институты? Лучшимъ и единственно вѣрнымъ источникомъ для нихъ могли бы быть реальныя гимназіи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ утверждены по послѣднему гимназическому уставу; но и на эти гимназіи плохая надежда, потому что ихъ *пока* почти не существуетъ. Если же реальныхъ гимназій вовсе не будетъ, что также можетъ случиться при теперешнемъ настроеніи въ пользу однихъ классическихъ гимназій, то нашимъ высшимъ техническимъ институтамъ едва ли не придется обратиться къ прежней дурной системѣ, то-есть, возстановить упраздненные при нихъ общіе гимназическіе классы. Въ томъ и въ другомъ случаѣ — результаты будутъ одинаковые; мы будемъ лишены возможности приготовлять своихъ ученыхъ техниковъ и останемся по прежнему въ рабствѣ у иностранцевъ, рабствѣ тѣмъ горшемъ, что въ настоящее время, при быстромъ развитіи техническихъ наукъ, всякая отсталость въ этомъ отношеніи будетъ тяжело отзываться на матеріальномъ благосостояніи всей Имперіи *).

*) Весьма было бы любопытно знать, къ какимъ результатамъ пришелъ Морской

Впрочемъ, признавая въ извѣстной мѣрѣ полезнымъ устройство у насъ при уѣздныхъ училищахъ нисшихъ техническихъ школъ, по образцу прусскихъ провинціальныхъ ремесленныхъ школъ, мы полагаемъ, что при уѣздныхъ училищахъ въ С.-Петербургѣ могли бы быть устроены также рисовальные классы, въ видѣ постоянныхъ ежедневныхъ рисовальныхъ школъ, для образованія съ одной стороны ткацкихъ и набивныхъ рисовальщиковъ и съ другой для приготовленія рисовальщиковъ, лѣпщиковъ и чертежниковъ по разнымъ искусствамъ и ремесламъ. Образцомъ при устройствѣ спеціальнаго курса въ такихъ школахъ могли бы послужить существующія уже въ Москвѣ двѣ рисовальныя школы, находящіяся въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Въ первой изъ нихъ преподаются, кромѣ общихъ предметовъ, рисованіе вообще, чистописаніе, черченіе, перспектива, техническое рисованіе съ практическими объясненіями, технологія, товаровѣдѣніе и химія въ примѣненіи къ ткацкому и набивному дѣламъ. Во второй школѣ обучаются общему рисованію карандашемъ, тушью, акварелью, гуашью и масляными красками, рисованію техническому, перспективѣ, черченію, чистописанію и лѣпленію. Если рисовальныя школы будутъ устроены при уѣздныхъ училищахъ въ видѣ дополнительныхъ классовъ, то, само собою разумѣется, что въ школахъ этихъ должны быть исключены всѣ общіе предметы и оставлены одни спеціальные.

Наконецъ, относительно дѣтей, имѣющихъ возможность учиться до окончанія курса, въ старшемъ классѣ уѣздныхъ училищъ было бы также практически полезно ввести въ свободное отъ ученья время обученіе какимъ нибудь ремесламъ, напримѣръ, токарному, столярному, переплетному, какъ это дѣлается въ С.-Петербургѣ въ «Домѣ призрѣнія бѣдныхъ». Польза пріученія еще въ школѣ учащихся, имѣющихъ въ виду ремесленную дѣятельность, къ нѣкоторымъ пріемамъ ихъ будущаго ремесла, не требуетъ доказательства, особенно если вмѣстѣ съ тѣмъ обращено будетъ вниманіе на развитіе вкуса учащихся посредствомъ упражненій въ техническомъ рисованіи или вообще на сообщеніе теоретическихъ свѣдѣній, имѣющихъ прямое отношеніе къ ремеслу.

Но и техническія и рисовальныя и другого рода ремесленныя школы, устраиваемыя при уѣздныхъ училищахъ, при требованіи отъ

корпусъ, въ которомъ произведены большія и весьма раціональныя преобразованія; нашелъ ли онъ, что учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, т. е. гимназіи, поставляютъ ему достаточный контингентъ молодыхъ людей съ общимъ образованіемъ? Мы опасаемся, что отвѣтъ будетъ отрицательный, и, конечно, причину того должно искать въ отсутствіи у насъ реальныхъ гимназій. Надобно, дѣйствительно, поставить себѣ задачею подорвать всѣ государственныя отправленія, чтобы настаивать на исключительномъ преобладаніи у насъ классическихъ гимназій. — *Ред.*

поступающихъ въ эти училища знанія полнаго курса уѣзднаго училища и при обыкновенномъ распредѣленіи учебнаго времени, требующемъ ежедневнаго посѣщенія школы, не могутъ быть доступными для большинства ремесленнаго населенія. Въ Германіи, гдѣ существуетъ обязательное ученье, еще можно требовать знанія общаго элементарнаго курса отъ каждаго мальчика-ремесленника, прежде нежели приступать съ нимъ къ собственно ремесленному образованію; но и тамъ это общее образованіе по разнымъ причинамъ оказывается часто недостаточнымъ и нерѣдко самымъ ничтожнымъ. У насъ же такое требованіе положительно невозможно, по крайней мѣрѣ, относительно дѣтей бѣднѣйшихъ ремесленниковъ; большинство ихъ безграмотно и остается такимъ на цѣлую жизнь. Сверхъ того, бѣдныя дѣти, въ самомъ раннемъ возрастѣ, нерѣдко съ восьми, девяти лѣтъ поступаютъ уже у насъ въ ученье къ какому нибудь мастеру и потому свободны отъ ежедневныхъ работъ по ремеслу только въ воскресенье и праздничные дни. Тоже явленіе, хотя и не въ такомъ рѣзкомъ видѣ, представляется и въ Германіи. И тамъ мальчикъ, отбывъ обязательное ученье, иногда кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ, начинаетъ обыкновенно съ 14-ти лѣтъ, а часто и ранѣе съ 12-ти лѣтъ практическое ученье ремесламъ.

Такая съ одной стороны недостаточность, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совершенное отсутствіе предварительнаго общаго образованія въ бѣднѣйшемъ ремесленномъ классѣ, и съ другой стороны вездѣ существующая невозможность для мальчиковъ-ремесленниковъ, занятыхъ ежедневно работами, посѣщать въ то же время ежедневныя школы, привели къ мысли устроить образованіе бѣднѣйшаго ремесленнаго класса на совершенно иныхъ основаніяхъ. Въ Германіи для этой цѣли воспользовались такъ называемыми воскресными школами, которыя существуютъ тамъ уже издавна, въ Виртембергѣ, напримѣръ, съ 1695 года, въ Баденѣ съ 1751 года, въ Пруссіи съ 1763, и въ Баваріи съ 1803 года. Цѣль воскресныхъ школъ въ Германіи, при общей обязательности ученья въ обыкновенныхъ ежедневныхъ школахъ, заключается въ томъ, чтобы съ мальчиками и дѣвочками, рано оставляющими народную школу, продолжать ученье до 16-ти, 18-ти-лѣтняго возраста, и такимъ образомъ повторять съ ними, укрѣплять въ нихъ и, по возможности, развивать еще далѣе пройденное въ народной школѣ. Опытъ показалъ въ Германіи, что, при раннемъ выходѣ изъ школы, для бо́льшей части учащихся, поступающихъ въ услуженіе или въ ученье ремесламъ, прекращается возможность не только продолжать образованіе, но даже и сохранить въ памяти пріобрѣтенное въ школѣ. Для нихъ съ выходомъ изъ школы наступаетъ чисто физическая дѣятельность, при которой духовная мало по малу ослабѣваетъ и исчезаетъ, а потому нельзя не признать въ высшей степени благодѣтель-

ными заведенія, которыя даютъ такимъ молодымъ людямъ возможность наверстать пропущенное и продолжать многое, только что начатое въ школѣ. Заведеніями этими и служатъ воскресныя школы, въ которыхъ ученье происходитъ только по воскреснымъ днямъ. Предметы ученья въ нихъ обыкновенно тѣ же, что и въ народныхъ школахъ: чтеніе, письмо, счисленіе, пѣніе, отечественный языкъ и другія общеполезныя знанія. Учатъ въ этихъ школахъ тѣ же учителя народныхъ школъ, имѣя при этомъ въ виду исключительно повтореніе учебнаго курса народныхъ школъ и усовершенствованіе учащихся въ предѣлахъ этого курса. По такой цѣли своей воскресныя школы, какъ продолжающія и довершающія начальное образованіе, относятся къ разряду школъ, которыя носятъ общее названіе Fortbildungsschulen, т. е. школъ продолжающихъ, дополняющихъ образованіе. Во многихъ такихъ школахъ къ вышеозначенному учебному курсу начали прибавлять сперва рисованіе въ примѣненіи къ ремесламъ, а потомъ и другіе предметы, и такимъ образомъ возникли ремесленныя воскресныя школы (Sonntagsgewerbeschulen), болѣе извѣстныя теперь подъ общимъ именемъ ремесленныхъ школъ, продолжающихъ образованіе (gewerbliche Fortbildungsschulen). Въ Пруссіи въ 1855 году было 232 воскресныя ремесленныя школы этого рода съ 20,000 учащихся; въ бо́льшей части изъ нихъ, сверхъ повторенія курса народныхъ училищъ, учатся одному рисованію и самое ученіе производится только по воскресеньямъ. Но между этими школами есть и такія, гдѣ, кромѣ воскресенья, на ученье удѣляется нѣкоторое время, обыкновенно вечерніе часы, и въ обыкновенные дни; въ такихъ школахъ курсъ учебный расширенъ прибавленіемъ геометріи, естествовѣдѣнія, сочиненія дѣловыхъ бумагъ, ремесловѣдѣнія (Gewerbekunde), законовѣдѣнія, бухгалтеріи, строительнаго дѣла (Bauconstruction) и др. Самыя значительныя изъ такихъ школъ въ Пруссіи устроены при существующихъ тамъ въ 25-ти городахъ провинціальныхъ ремесленныхъ школахъ, о которыхъ мы говорили выше. Въ Австріи подобныя школы явились очень недавно, и бо́льшая часть ихъ состоитъ тамъ при реальныхъ училищахъ. Старѣйшая изъ этихъ школъ и притомъ имѣющая самый обширный курсъ находится въ Брюннѣ. Она открыта въ 1752 г. и раздѣляется на приготовительное и спеціальное отдѣленія. Въ приготовительномъ отдѣленіи курсъ продолжается два года; первый годъ употребляется на укрѣпленіе въ первоначальныхъ знаніяхъ [1]); во второй годъ учатся: закону Божію (1 часъ), счисленію, геометріи, физикѣ и рисованію (2 часа); сверхъ того, желающимъ предоставляется слушать уроки бухгалтеріи, вексельнаго права, дѣлового слога (2 часа)

[1]) Имѣющіе достаточное первоначальное образованіе освобождаются отъ этого курса и прямо переходятъ къ предметамъ второго года.

и химіи (2 часа). Спеціальное отдѣленіе имѣетъ, въ свою очередь, три подраздѣленія: 1) для занимающихся строительнымъ дѣломъ (предметы: рисованіе, ученье о постройкахъ (Baukunde), начала геометріи и алгебра); 2) для механиковъ, и 3) для ткачей. Само собою разумѣется, что ученье въ этой школѣ происходитъ, кромѣ воскресенья и въ будни; но уроки такъ распредѣлены, что на каждое отдѣленіе приходится въ эти дни не болѣе трехъ вечернихъ уроковъ; рисованіе всегда бываетъ по воскресеньямъ утромъ, а въ отдѣленіи занимающихся строительнымъ дѣломъ иногда и въ будни, но непремѣнно при дневномъ свѣтѣ. Въ школѣ, кромѣ многихъ помощниковъ, обучаютъ 20 учителей; въ ткацкомъ отдѣленіи, въ числѣ учителей, находятся два ткацкихъ мастера съ лучшихъ мѣстныхъ ткацкихъ фабрикъ; за ученье не берется никакой платы и число учащихся весьма значительно.

Но самаго бо̀льшаго вниманія заслуживаетъ подобная школа въ Нюренбергѣ въ Баваріи. Въ школѣ этой сначала учили по воскресеньямъ, утромъ, рисованію, и два раза въ будни, по вечерамъ, начальной математикѣ, а потомъ присоединены были еще физика и химія. Въ 1836 году учителей для одного рисованія было семь, а учащихся 490, и между ними четвертая часть подмастерьевъ. Съ рисованіемъ соединяется лѣпленіе моделей; многіе занимаются также литейнымъ дѣломъ и рѣзьбою на деревѣ. Общее число учащихся въ Нюренбергской школѣ простиралось въ 1850 г. до 1,600, а въ 1858 г. возросло до 1,641 человѣка.

Весьма развиты также ремесленныя школы этого рода въ Виртембергѣ, гдѣ онѣ состоятъ, какъ и въ Австріи, при реальныхъ училищахъ. Особенно извѣстна въ этомъ отношеніи Штутгардтская воскресная ремесленная школа, гдѣ учатся рисованію, лѣпленію моделей, математикѣ (ариѳметикѣ и геометріи) и сочиненію дѣловыхъ бумагъ; кромѣ воскресенья, на ученье назначаются отчасти вечерніе часы въ будни. Въ школѣ 23 учителя (изъ нихъ 16 для рисованія), а учащихся въ 1858 году было до 1,000 человѣкъ, распредѣлявшихся на 29 отдѣленій. Кромѣ этихъ школъ въ Виртембергѣ есть еще вечернія ремесленныя школы, гдѣ учатся въ будни по вечерамъ. Такъ, ученье въ одной изъ такихъ школъ, находящейся въ самомъ Штутгардтѣ, слѣдующее: на рисованіе назначается, три раза въ недѣлю, вечеромъ, по 2 часа (отъ 7 ½ до 9½); одинъ изъ этихъ вечеровъ можетъ быть употребленъ и на изученіе другихъ предметовъ, которые указаны будутъ ниже; рисованіе съ орнаментовъ, фигуръ, рисованіе, примѣненное къ ремесламъ, и рисованіе машинъ, идутъ одновременно; каждый занимается однимъ изъ этихъ родовъ рисованія. Занимающіеся рисованіемъ предметовъ, относящихся къ ремесламъ и рисованіемъ машинъ, упражняются также въ геометрическомъ рисованіи (въ черченіи), кото-

рому учатся въ одинъ изъ трехъ рисовальныхъ вечеровъ; начинающихъ пріучаютъ при этомъ къ правильному обращенію съ рисовальною или чертежною доскою, съ циркулемъ и съ другими, сюда относящимися приборами. Рисованіе, примѣненное къ ремесламъ, имѣетъ въ виду научить принадлежащихъ къ различнымъ ремесламъ (слесарей, столяровъ, токарей и т. п.) изображать предметы ихъ ремесла и доходитъ до начальнаго рисованія машинъ. Къ собственно машинному рисованію, съ которымъ соединяется ученье о машинахъ, допускаются только такіе ученики, которые или работали уже нѣкоторое время въ какой либо механической мастерской, или оказали особые успѣхи въ ремесленномъ рисованіи, или прошли курсъ высшаго учебнаго заведенія. Ученики эти могутъ учиться начертательной геометріи (darstellende Geometrie). Далѣе въ школѣ занимаются лѣпленіемъ моделей два вечера, по два часа каждый вечеръ (отъ 7 ½ до 9 ½). Къ остальнымъ предметамъ ученья относятся ариѳметика, физика, химія, веденіе бухгалтерскихъ книгъ и французскій языкъ. Механика не проходится особо, потому что основанія механики излагаются въ физикѣ, а примѣненіе ихъ объясняется при ученьи машинному рисованію. Въ 1858 году, въ школѣ этой при 15 учителяхъ считалось 370 учащихся и между ними 112 подмастерьевъ. Ремесленныя школы Виртемберга каждые два, три-года представляютъ работы своихъ учащихся въ Штутгардтъ на всеобщую выставку; особая коммиссія производитъ оцѣнку работамъ, и лучшія изъ нихъ награждаются преміями. Тутъ обыкновенно выставляются рисунки разнаго рода, модели мельницъ, машинъ, крышъ, лѣстницъ и т. п. съ модельными и рѣзными работами, сдѣланными изъ дерева, глины, гипса, мрамора и металла. Такія же выставки бываютъ и въ Дармштадтѣ.

Подобныя ремесленныя школы, находящіяся почти во всей Германіи, имѣютъ, кромѣ научнаго педагогическаго значенія, и нравственное вліяніе: онѣ переносятъ механическую работу въ область духа, пріучаютъ учащихся къ употребленію умственныхъ силъ внѣ круга ихъ механическихъ занятій, и самое ремесло и вообще дѣятельность ремесленную проникаютъ и оживляютъ духомъ. Поэтому онѣ составляютъ существенный моментъ въ развитіи современной культуры. Успѣхи этихъ школъ однако значительно затрудняются разными неблагопріятными условіями. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ неравенство учащихся относительно предварительнаго общаго образованія. Далѣе, учебное время въ школахъ совпадаетъ съ тѣми часами, которые должны бы служить для учащихся отдохновеніемъ послѣ ежедневной работы. Затѣмъ у такихъ школъ, при разнородномъ составѣ учащихся разнаго возраста, при меньшей привычкѣ ихъ къ школьной обстановкѣ и меньшемъ развитіи въ нихъ корпоративнаго духа, гораздо менѣе средствъ для поддержанія дисциплины, чѣмъ у обыкновенныхъ

ежедневныхъ школъ, и наконецъ, школы эти особенно нуждаются въ учителяхъ, которые умѣли бы примѣняться къ понятіямъ учащихся. Справедливо замѣчено, что хорошее популярное преподаваніе есть рѣдкое искусство, которое до сихъ поръ удавалось вполнѣ только истинно ученымъ людямъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ Германіи обращено вниманіе на приготовленіе особыхъ учителей для ремесленныхъ школъ. Въ политехническомъ институтѣ въ Карлсруэ такіе учителя воспитываются на счетъ правительства: одни для обученія рисованію и дѣланію моделей, другіе — для естественныхъ наукъ, математики и черченія. Примѣръ этотъ заслуживаетъ подражанія. Недостатку равенства предварительнаго общаго образованія отчасти помогаютъ въ ремесленныхъ школахъ повтореніемъ предметовъ общаго курса и раздѣленіемъ учащихся на отдѣленія. Чтобы сдѣлать школу менѣе утомительною, стараются привлечь вниманіе учащихся поставленіемъ предметовъ ученія въ близкую связь къ предметамъ ихъ ремесла. Относительно способа ученія вообще въ этихъ школахъ всѣ согласны въ томъ, что предметы ученья не должны излагаться въ нихъ съ полнотою правильнаго и систематическаго курса; изъ каждаго предмета долженъ быть сдѣланъ осмотрительный, сообразный съ обстоятельствами выборъ, но за тѣмъ избранное не должно излагаться бѣгло и поверхностно. Въ естественныхъ наукахъ опытъ долженъ предшествовать теоріи; въ геометріи должно, какъ можно больше, заниматься задачами; при рисованіи, какъ можно ранѣе, слѣдуетъ начинать съ изображенія предметовъ и т. д.

Изложеніе состоянія германскихъ ремесленныхъ школъ показываетъ, что во всѣхъ этихъ школахъ на первомъ планѣ стоитъ общее, хотя бы и самое элементарное образованіе, что школы эти посѣщаются только лицами, получившими уже предварительное образованіе, что собственно ремесленное образованіе началось въ этихъ школахъ съ рисованія и въ большинствѣ ихъ остается въ такомъ видѣ и по настоящее время, что тамъ только въ меньшинствѣ школъ учебный курсъ расширенъ другими предметами, имѣющими примѣненіе къ ремесламъ, что ученье въ школахъ перваго рода производится только по воскресеньямъ, а въ школахъ второго рода, по необходимости, къ воскреснымъ урокамъ присоединены и вечерніе часы въ другіе, непраздничные дни, и что, наконецъ, школы того и другого рода быстро ростутъ относительно числа учащихся и пріобрѣтаютъ себѣ болѣе и болѣе сочувствія въ обществѣ и пользуются поддержкою со стороны правительства.

Ремесленное образованіе на низшей его степени въ Англіи, Бельгіи и Франціи, имѣя нѣкоторыя общія черты съ германскою системою ремесленнаго образованія, заключаетъ въ себѣ и особенности, которыя могли бы имѣть примѣненіе и у насъ, а потому мы считаемъ полезнымъ дополнить нашъ обзоръ краткимъ указаніемъ способовъ

образованія рабочаго и ремесленнаго класса въ Англіи, Бельгіи и Франціи.

Въ Англіи для образованія ремесленниковъ служатъ такъ называемые Mechanics Institutions. Основанное въ 1821 году въ Глазговѣ подъ этимъ именемъ заведеніе, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду образовать ремесленниковъ посредствомъ библіотекъ и собранія моделей; по временамъ въ вечерніе часы читаются въ немъ лекціи по математикѣ, механикѣ, химіи; рисованіе же здѣсь вовсе не преподается. По образцу его возникли такія же заведенія сначала въ Эдинбургѣ и другихъ городахъ Шотландіи, а потомъ и въ англійскихъ городахъ. Усвоивъ себѣ тоже имя, большая часть вновь устроенныхъ заведеній этого рода ограничивается обученіемъ чтенію, письму и счисленію. Въ 1853 г. во всей Великобританіи было 180 такихъ школъ съ 23,000 учащихся и столько же Mechanics Institutions безъ школъ, съ одними библіотеками и собраніями моделей; изъ числа этихъ школъ только въ 39 обучали рисованію и въ четырехъ математикѣ и естественнымъ наукамъ. Лондонская школа состояла изъ 400 учениковъ, Ливерпульская изъ 200 и Манчестерская изо 100. Въ Mechanics Institutions большихъ англійскихъ городовъ время отъ времени читаются для взрослыхъ лекціи по предметамъ относящимся къ національной экономіи и по различнымъ вопросамъ, касающимся промышленной жизни, и нерѣдко лекціи эти читаютъ извѣстныя знаменитости (въ Лондонѣ Brougham, Faraday, Bulwer, Dickens). Особенныя рисовальныя школы заведены только съ 1837 года; съ 1852 года онѣ раздѣляются на элементарныя рисовальныя школы (elementary drawing-schools) и орнаментныя школы (schools of ornamental art.) Число учащихся во всѣхъ такихъ школахъ простиралось въ 1854 году до 2,000. Кромѣ того для ремесленниковъ учрежденъ въ Лондонѣ въ 1857 году техническій Музей (Departement of practical art), гдѣ они подъ руководствомъ учителей могутъ заниматься копированіемъ моделей, рисунковъ, фабричныхъ произведеній и т. п. Учрежденное въ Лондонѣ въ 1838 заведеніе подъ именемъ: «Polytechnic institution» заключаетъ въ себѣ также богатое собраніе моделей; посредствомъ популярныхъ лекцій изъ естественныхъ наукъ съ производствомъ опытовъ оно приноситъ немалую пользу ремесленному населенію.

Бельгія имѣетъ также свои écoles industrielles для образованія ремесленнаго населенія. Значительнѣйшія изъ этихъ школъ въ Гентѣ (съ 1826 г.) и въ Люттихѣ (съ 1825 г.) обучаютъ ариѳметикѣ и алгебрѣ, геометріи, началамъ начертательной геометріи, механикѣ, физикѣ, химіи, рисованію; въ Люттихѣ, присоединяется къ этимъ предметамъ веденіе книгъ, гигіена и нѣкорыя отрасли строительнаго дѣла, въ Гентѣ, уроки о промышленномъ хозяйствѣ. Ученье въ этихъ школахъ происходитъ въ вечерніе часы (зимою отъ 5 до 8½ ч., лѣтомъ,

за исключеніемъ жаркихъ мѣсяцевъ, отъ 6 до 9½); за ученье не берется никакой платы, и самое ученье ни для кого не обязательно. Школы содержатся на счетъ городовъ съ пособіемъ отъ правительства. Въ Гентской школѣ въ 1852 году было до 600 учениковъ. Въ Бельгіи, въ Брюсселѣ есть тоже свой Musée de l'industrie, представляющій обширное собраніе машинъ, моделей, произведеній промышленности и т. п.; по вечерамъ въ немъ читаются лекціи изъ механики, технической химіи и физики.

Во Франціи обращено особенное вниманіе на рисованіе. Во всѣхъ значительныхъ промышленныхъ городахъ находятся тамъ ремесленныя рисовальныя школы. Всякій округъ (arrondissement) въ Парижѣ имѣетъ такую школу (école communale de dessin). Ученье происходитъ бо́льшею частью вечеромъ, а иногда и днемъ; предметы ученья— рисованіе и отчасти дѣланіе моделей; въ нѣкоторыхъ школахъ прибавляется популярная геометрія. Всѣ эти школы содержатся частными средствами; но въ Парижѣ есть заведеніе этого рода, состоящее на иждивеніи государства. Это — École imperiale et spéciale de dessin, de mathematique, d'architecture et de sculpture d'ornements pour l'application des beaux arts à l'industrie. Предметы ученья: элементарная математика, архитектурное и машинное рисованіе, рисованіе орнаментовъ, цвѣтовъ, фигуръ человѣческихъ и животныхъ, и дѣланіе моделей. Теоретическіе уроки даются всегда по вечерамъ; на практическіе удѣляется частію также вечернее время и частію предобѣденные часы отъ 8 до 12. Принимаются въ школу имѣющіе, при возрастѣ не менѣе 14 лѣтъ, общія элементарныя знанія, и обнаружившіе способность къ рисованію въ какой либо рисовальной школѣ. Число учащихся въ этой школѣ весьмо велико; и она, безспорно, имѣла огромное вліяніе на развитіе ремесленнаго искусства во Франціи. Заслуживаетъ также вниманія, по отношенію къ ремесламъ, находящаяся въ Парижѣ Conservatoire des arts et métiers. Важнѣйшую часть ея составляетъ галлерея (collections du Conservatoire), рядъ залъ, гдѣ въ систематическомъ порядкѣ расположены собранія моделей, машинъ, аппаратовъ, открытыхъ для публики по воскресеньямъ безденежно, а въ прочіе дни за небольшую плату. Въ простые дни по вечерамъ, въ особыхъ залахъ консерваторіи читаются безплатно первоклассными учеными популярные курсы физики, химіи, механики и т. д., сопровождаемые опытами и разъясненіями. Сверхъ того, здѣсь же и также безплатно излагается курсъ геометріи и рисованія, обнимающій элементарную и начертательную геометрію, машинное и архитектурное рисованіе, и рисованіе, примѣненное къ ремесламъ. Условіями для слушанія этого курса поставляются возрастъ не менѣе 14 лѣтъ и совершенное умѣнье читать, писать и считать. Курсы эти, также какъ и Консерваторія, посѣщаются огромнымъ числомъ ремесленниковъ.

Изъ этого краткаго очерка оказывается, что и въ Англіи, Бельгіи и Франціи общее, по крайней мѣрѣ, элементарное образованіе составляетъ необходимое и подлежащее прежде всего удовлетворенію требованіе при образованіи рабочаго ремесленнаго населенія. Затѣмъ, при большей или меньшей одинаковости учебныхъ спеціальныхъ предметовъ и при болѣе или менѣе одинаковомъ распредѣленіи учебнаго времени преимущественно на вечерніе часы, система англійская, бельгійская и французская отличается особенностію, заслуживающею подражанія, именно устройствомъ обширныхъ и богатыхъ собраній моделей, машинъ и т. п., собраній, дающихъ возможность наглядnаго изученія предметовъ различнаго рода ремеслъ и вообще промышленности. Ознакомленіе съ этими собраніями тѣмъ удобнѣе, что они вполнѣ доступны, и тѣмъ полезнѣе, если, какъ въ Лондонскомъ техническомъ музеѣ, учащіеся при такомъ ознакомленіи будутъ состоять подъ руководствомъ учителей.

Примѣняя опытъ Германіи и другихъ странъ относительно образованія ремесленнаго и вообще рабочаго населенія къ условіямъ быта нашего ремесленнаго населенія столицы и именно тѣхъ слоевъ этого населенія, которымъ занятія ежедневными работами не позволяютъ посѣщать обыкновенныя школы, мы полагаемъ, что первымъ шагомъ здѣсь должно быть безотлагательное принятіе мѣръ къ распространенію въ средѣ этого населенія общаго элементарнаго образованія посредствомъ обученія закону Божію, чтенію, письму и счисленію. При существующемъ у насъ обычаѣ отдавать дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ и совершенно безграмотныхъ въ ремесленное обученіе къ мастерамъ, учебное время можетъ быть назначено для нихъ только въ воскресные и праздничные дни, и, слѣдовательно, школы этого рода должны быть непремѣнно, по крайней мѣрѣ на первое время, воскресныя. Назначать на ученье для малолѣтнихъ дѣтей, кромѣ воскресенья и праздниковъ, еще вечерніе часы въ будни было бы теперь непрактично. Такое распоряженіе, слишкомъ утомительное для учащихся, возбудило бы противодѣйствіе и со стороны самихъ мастеровъ, которые увидѣли бы въ немъ для себя значительную трату рабочихъ силъ. Воскресныя школы удобнѣе всего устроивать при уѣздныхъ или еще лучше при приходскихъ училищахъ; но, чтобы не повторились неудобства прежнихъ нашихъ воскресныхъ школъ, достаточно обратить при этомъ строгое вниманіе на выборъ учителей. Извѣстно, что, не всякій можетъ и не всякій умѣетъ учить. Лучше по этому не разсчитывать вовсе на даровыхъ учителей, какъ прежде, а поручить обученіе въ воскресныхъ школахъ за особую плату тѣмъ же учителямъ приходскихъ училищъ. Изъ послѣднихъ едва ли кто не захочетъ учить и по праздникамъ, если будетъ имѣться въ виду особое вознагражденіе за трудъ. С.-Петербургская городская Дума, конечно, не откажется

удѣлить на этотъ важный предметъ часть той суммы, которую она предполагаетъ ассигновать на развитіе въ столицѣ ремесленнаго образованія.

Посѣтителями воскресныхъ школъ, безъ сомнѣнія, будутъ малолѣтніе рабочіе, находящіеся у разныхъ отдѣльныхъ мастеровъ, разсѣянныхъ по разнымъ частямъ столицы. Но тамъ, гдѣ скопленіе рабочихъ на одномъ мѣстѣ значительно, какъ напримѣръ, на большихъ фабрикахъ и заводахъ, воскресныя школы должны быть устраиваемы при самыхъ фабрикахъ и заводахъ. Устройство такой школы не можетъ стоить дорого, и благотворное вліяніе ея на нравственное улучшеніе рабочихъ вознаградило бы фабрикантовъ и заводчиковъ сторицею за небольшіе расходы на школу. Подобныя фабричныя школы существуютъ у насъ въ разныхъ мѣстахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ развились уже въ такой степени, что въ нихъ, кромѣ общихъ предметовъ, обучаютъ спеціальностямъ. Такъ, въ московскомъ ткацкомъ заведеніи г. Герасимова дѣти обучаются, сверхъ общаго курса, ткацкому рисованію съ практическимъ объясненіемъ заправки картоновъ для жакардовыхъ снарядовъ (la mise en cardes). Рисованіемъ и черченіемъ подъ надзоромъ фабричнаго рисовальщика занимаются также въ фабричной школѣ при шелковой фабрикѣ г. Кондрашева, Московской губерніи, Богородскаго уѣзда.

Сдѣлавши первый шагъ устройствомъ воскресныхъ школъ съ общимъ элементарнымъ курсомъ, можно потомъ твердою стопою перейти и къ дальнѣйшему развитію этихъ школъ постепеннымъ введеніемъ въ нихъ курса нѣкоторыхъ спеціальностей, относящихся собственно къ ремесленному образованію. Изъ такихъ спеціальностей, безъ сомнѣнія, самое видное мѣсто должно принадлежать такъ называемому техническому рисованію, примѣненному къ ремесламъ. Предметъ этотъ вездѣ стоитъ на первомъ планѣ въ ремесленныхъ школахъ не только потому, что рисованіе есть языкъ техники, и слѣдовательно представляетъ очевидное примѣненіе къ дѣлу, но и потому, что обученіе этому предмету, при доброй волѣ и исправномъ посѣщеніи школы, ни для одного ученика не остается безъ какого либо успѣха, а успѣхъ, какъ извѣстно, дѣйствуетъ поощрительно.

Нѣсколько такихъ воскресныхъ рисовальныхъ школъ уже существуетъ у насъ въ Москвѣ подъ именемъ воскресныхъ рисовальныхъ классовъ, и классы эти посѣщаются значительнымъ числомъ учащихся. При всемъ этомъ необходимо только держаться твердо одного правила, что спеціальныя занятія должны слѣдовать уже за пріобрѣтеніемъ предварительнаго общаго образованія. Нѣтъ сомнѣнія, что воскресныя рисовальныя школы, если только онѣ будутъ устроены, получатъ у насъ особенное развитіе. Введеніе же другихъ спеціальностей съ перенесеніемъ при этомъ учебнаго времени на простые

дни, на вечерніе часы, составляетъ дѣло болѣе отдаленнаго будущаго. Опытъ лучше всего укажетъ, какъ и что́ при этомъ дѣлать. Но чтобы дойти до такого опыта, надобно теперь же перейти изъ области теоріи и проектовъ на практическую почву, не опасаясь препятствій, которыя неизбѣжно встрѣтятся здѣсь. Пора, кажется, оставить слова и бумагу и перейти къ самому дѣлу.

Говоря о средствахъ образованія ремесленнаго населенія, мы желали бы отъ всей души, чтобы для болѣе полнаго содѣйствія скорѣйшему достиженію этой цѣли, позаботились у насъ также и объ учрежденіи музеевъ, подобныхъ существующимъ въ Лондонѣ, Брюсселѣ и Парижѣ, совершенно доступныхъ для всѣхъ ремесленниковъ, а также и о чтеніи въ этихъ музеяхъ публичныхъ популярныхъ курсовъ. Но выражая такое желаніе, мы не смѣемъ надѣяться на скорое его осуществленіе и будемъ вполнѣ довольны, если *пока* примутся у насъ за болѣе легкое и болѣе дешевое дѣло, то-есть за учрежденіе воскресныхъ ремесленныхъ школъ на указанныхъ нами основаніяхъ.

Все вышеизложенное приводитъ насъ къ слѣдующимъ окончательнымъ выводамъ. Намъ нужны ученые техники и для приготовленія ихъ мы имѣемъ уже высшія техническія училища, каковы Технологическій институтъ, Горный институтъ, Институтъ инженеровъ путей сообщенія; но чтобы эти и подобныя имъ другія высшія спеціальныя училища могли существовать прочно, необходимы приготовительныя къ нимъ общеобразовательныя учебныя заведенія, то-есть реальныя гимназіи, такъ какъ классическія гимназіи не могутъ удовлетворять этой цѣли. Далѣе, намъ нужны техники средней руки; къ образованію ихъ могутъ служить среднія техническія школы, которыя удобнѣе всего могли бы быть устроены при уѣздныхъ училищахъ въ видѣ дополнительныхъ классовъ; въ такихъ дополнительныхъ классахъ могли бы получать также образованіе техническіе рисовальщики и начинать спеціальное ремесленное образованіе будущіе мастера разныхъ ремеслъ. Наконецъ, собственно для нисшаго ремесленнаго класса, для бѣднаго рабочаго люда, занятаго ежедневною работою, единственнымъ средствомъ образованія остаются воскресныя школы, которыя должны быть такъ устроены, чтобы прежде всего въ нихъ было обращено вниманіе на общее образованіе, и за тѣмъ уже на развитіе спеціальнаго ремесленнаго образованія. Слѣдовательно, по плану, изложенному нами, ремесленное и вообще техническое образованіе должно обнимать у насъ, какъ и вездѣ, три степени: высшую (высшія техническія школы), среднюю (нисшія техническія и ежедневныя рисовальныя школы) и нисшую (воскресныя школы).

На всѣхъ этихъ степеняхъ общее образованіе должно предшествовать спеціальному, и чѣмъ выше спеціальное образованіе, тѣмъ выше должно быть и служащее ему фундаментомъ приготовительное общее

образованіе. Таковы требованія дѣйствительности, опирающіяся на требованіи разума, чтобы всякій человѣкъ, какой бы спеціальностію и на какой бы ступени онъ ни занимался, былъ прежде всего человѣкомъ, то есть существомъ, въ которомъ развиты человѣческія понятія и стремленія, основанныя на высокихъ нравственныхъ началахъ.

Только что кончили мы нашу замѣтку, какъ прочитали въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» извѣстіе объ открытіи въ С.-Петербургѣ, 9 ноября, Русскаго техническаго общества, на основаніи Устава, Высочайше утвержденнаго въ апрѣлѣ настоящаго года. Цѣль общества — содѣйствовать развитію техники и технической промышленности въ Россіи, а средствами для достиженія этой цѣли предположены, между прочимъ, чтеніе и публичныя лекціи о техническихъ предметахъ, содѣйствіе къ распространенію техническаго образованія, устройство выставокъ мануфактурныхъ и заводскихъ издѣлій, учрежденіе технической библіотеки и, по мѣрѣ средствъ, химической лабораторіи и техническаго музея. Итакъ, желаніе, выраженное въ нашей замѣткѣ, можетъ осуществиться къ близкомъ времени. Отъ души привѣтствуемъ такое начало, и надѣемся, что дѣйствіе техническаго общества не замедлитъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Что соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ времени, то не можетъ остаться одною безсодержательною формальностью и заглохнуть.

С. П.

Пятидесятилѣтній юбилей доктората Леопольда Ранке.

8 (20) февраля 1867 года, *Леопольдъ Ранке*, при имени котораго всякій эпитетъ оказался бы еще ничтожнымъ по сравненію съ его заслугами и научными подвигами, совершитъ 50 лѣтъ со времени полученія имъ докторской степени въ Лейпцигѣ.

Такія лица, какъ этотъ маститый нѣмецкій историкъ, не принадлежатъ какой нибудь отдѣльной странѣ: ихъ родина по отношенію къ нимъ не болѣе, какъ то, чѣмъ служитъ семья, въ которой родится каждый; цѣлое человѣчество — ихъ нація. Нѣтъ такой страны, которая не воспользовалась бы трудами Ранке, которой Ранке не послалъ бы своего ученика, и не передалъ бы великаго искусства критики, разумѣнія смысла прошедшихъ временъ. А потому всѣ образованные люди, какой бы народности они ни принадлежали, не могутъ не отнестись съ участіемъ къ тому семейному празднику, который готовитъ Германія въ началѣ будущаго года патріарху новѣйшей исторической науки.

Распорядители юбилейнаго торжества и ближайшіе ученики Л.

Ранке: Е. Дюмлеръ, Гизебрехтъ, Кёпке, Зибель, Тёке и Вайтцъ обратились съ увѣдомленіемъ о томъ, между прочимъ, и къ намъ, присоединивъ списокъ всѣхъ лицъ, обязанныхъ своимъ спеціальнымъ историческимъ образованіемъ Леопольду Ранке. Мы, съ своей стороны, считаемъ долгомъ заявить о томъ въ знакъ нашего глубокаго уваженія къ лицу европейскаго наставника; впослѣдствіи мы сообщимъ все, что будетъ касаться предстоящаго торжества исторической науки.

Вотъ содержаніе циркуляра:

«М. Г. Февраля 20 дня 1867 г. исполнится пятьдесятъ лѣтъ, какъ «Леопольдъ Ранке былъ въ Лейпцигѣ возведенъ въ докторскую «степень.

«Этотъ академическій актъ былъ точкою исхода той научной жи«зни, которая, по своему вліянію, выразившемуся въ преподаваніи и «въ литературѣ, и нынѣ, по истеченіи половины столѣтія, можетъ «быть, по справедливости, названа великою. Ранке доставилъ намъ «глубокій взглядъ на основы науки и широкій кругозоръ, раскры«вающійся съ ея высоты. Если въ новѣйшее время, ни одна наука, «вмѣстѣ съ естествознаніемъ, не достигла такого блестящаго развитія, «какъ исторія, то это — дѣло, по большей части, Ранке. Кому ближе «выразить это убѣжденіе громогласно, какъ не тѣмъ, которые въ са«михъ себѣ пережили это духовное обновленіе, и которые сами по«лучили изъ словъ и дѣлъ руководителя плодоносное сѣмя для сво«ихъ работъ и опредѣленное направленіе на всю жизнь? На комъ «больше лежитъ обязанность обратить это убѣжденіе въ выраженіе «признательности, какъ не на ученикахъ, которые имѣли счастье «знать этого наставника въ кругу его полнѣйшей научной дѣятель«ности? Но предъ всѣми могутъ гордиться принимавшіе участіе въ «его историческихъ упражненіяхъ *) которые для многихъ послужили «образцомъ, и на которыхъ сѣялась богатѣйшая жатва.

«Въ этомъ смыслѣ предположено сдѣлать 20-е февраля 1867 года «днемъ всеобщаго торжества.

«Нижеподписавшіеся сошлись выразить свое намѣреніе сообща, «какъ то теперь сдѣлано, и обращаются съ этимъ къ широкому кругу «тѣхъ, которые въ нынѣшнемъ поколѣніи принимали участіе въ тѣхъ «упражненіяхъ. Они убѣждены, что всѣ ученики Ранке, которые во «всѣхъ концахъ Германіи представляютъ собою его науку и нахо«дятся въ живыхъ, и всѣ различныя поколѣнія, какъ бы отдѣльныя

---

*) Въ нѣмецкихъ университетахъ профессора, сверхъ обычныхъ лекцій, называемыхъ публичными, учреждаютъ такъ называемыя *семинаріи*, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, какъ *разсадники*, въ которыхъ каждый профессоръ подготовляетъ будущихъ дѣятелей своей науки, своихъ преемниковъ. Такую же цѣль имѣютъ историческія упражненія слушателей Л. Ранке. — *Ред.*

«лица, по времени и собственнымъ обстоятельствамъ, ни были раз-«бросаны, всѣ соединятся въ одномъ и томъ же чувствѣ.

«Нижеподписавшіеся вслѣдствіе того предполагаютъ поднести высо-«копочитаемому наставнику почетный даръ въ знакъ признательности, «и считаютъ желательнымъ, чтобы съ этою цѣлью его ученики въ «вышеупомянутый день собрались бы еще разъ въ возможно боль-«шемъ числѣ. Но прежде всего необходимы къ тому матеріальныя «средства. Они просятъ всѣхъ, кто желаетъ поддержать это дѣло «любви къ наставнику, выразить свое согласіе, если возможно, къ «первому іюня, съ приложеніемъ точнаго ихъ адресса, обращаясь къ «г. Dr. Ѳ. Тёке (Dr. Theodor Toeche — Berlin, Kochstrasse, 69), на что «имъ немедленно будутъ сообщены дальнѣйшія подробности. Вмѣстѣ «съ тѣмъ они просятъ принять прилагаемый списокъ учениковъ Ранке, «съ просьбою сообщить всякую поправку и въ особенности указаніе «адрессовъ лицъ, имена которыхъ обозначены звѣздочкой.

«Галле, Мюнхенъ, Берлинъ, Боннъ, Геттингенъ.»

Подписали: *Е. Дюмлеръ*, *В. фонъ Гизебрехтъ*, *Р. Кёпке*, *Г. фонъ Зибель*, *Ѳ. Тёке*, *Г. Вайтцъ*.

Изъ приложеннаго «Списка тѣхъ слушателей, которые принимали участіе въ «историческихъ упражненіяхъ» профессора Д-ра Ранке» оказывается, что эти особенныя лекціи его, для весьма небольшого числа слушателей, иногда 3 или 4, и не болѣе 10, 15, были посѣщены, начиная отъ 1833 года и до настоящаго зимняго семестра въ 1866 году, слѣдовательно въ теченіе 33 лѣтъ, болѣе чѣмъ сотнею лицъ. Изъ старѣйшихъ учениковъ Ранке были: *Г. Вайтцъ* изъ Фленсбурга (лѣтн. сем. 1833); *М. Дункеръ*, изъ Берлина (зимн. сем. 1833); *Р. Кёпке*, изъ Берлина (лѣтн. сем. 1834); *В. Гизебрехтъ*, изъ Берлина (зимн. сем. 1834); *Г. Зибель*, изъ Дюссельдорфа (зимн. сем. 1834); *Г. Гнейстъ*, изъ Берлина (зимн. сем. 1835), оставшійся у Ранке до зимняго семестра 1838 г.; *В. Рошеръ*, изъ Ганновера (лѣтн. сем. 1839); *А. Гимли*, изъ Франціи (зимн. сем. 1842) и друг.

Изъ Россіи помѣщены въ этомъ спискѣ: *М. Касторскій* (лѣтн. сем. 1836); *Ад. Германнъ* (лѣтн. сем. 1837); *Т. Грановскій* (лѣтн. сем. 1837); *М. Стасюлевичъ* (зимн. сем. 1857); *Г. Штедеманъ* (лѣтн. сем. 1864); *В. Бистромъ* (зимн. сем. 1865).

При началѣ войны Пруссіи съ Австріею такъ мало надѣялись въ Германіи на скорое ея окончаніе, что комитетъ извѣстилъ насъ о вѣроятной отсрочкѣ юбилея на неопредѣленное время, но теперь думаютъ его отложить только до пасхи въ видахъ удобства для съѣзда въ Берлинъ, такъ какъ большая часть учениковъ юбиляра занимаютъ каѳедру и потому будутъ болѣе свободны на пасхѣ.

Юбилей доктората Ранке близко подходитъ къ столѣтнему юбилею нашего исторіографа. Почти въ самый годъ смерти Н. М. Карамзина, будущій историкъ Папства и Реформаціи открылъ свой блестящій научный карьеръ сочиненіемъ, которое съ перваго раза поставило его высоко въ ряду изслѣдователей исторической науки. Это было: «Критика новѣйшихъ историковъ» (Kritik neuerer Geschichtschreiber. Berl. 1824). На слѣдующій годъ, почти въ самую эпоху смерти Н. М. Карамзина, Ранке занялъ каѳедру исторіи въ Берлинскомъ университетѣ, на которой и служитъ своей наукѣ и обществу теперь уже слишкомъ сорокъ лѣтъ.

Мысль распорядителей юбилея собрать въ одинъ день около своего патріарха его огромную университетскую семью, нарожденную имъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ — превосходна! Нельзя при этомъ не отдать справедливости духу организаціи, которымъ такъ отличаются во всемъ наши западные сосѣди, и чѣмъ мы, славяне, вообще не можемъ особенно гордиться. При всемъ своемъ политическомъ разъединеніи, нѣмцы постоянно чувствуютъ свое народное единство. За годъ до дня юбилея, въ Берлинѣ уже составляется «Комитетъ юбилея Ранке»; къ нему могутъ всѣ обращаться съ своими предложеніями, идеями, и т. д. Едва ли бы подобнымъ образомъ дѣйствовали у насъ. Мы не уступимъ нѣмцамъ въ личномъ патріотизмѣ, но общественный патріотизмъ у насъ слабъ, или по крайней мѣрѣ онъ не пользуется каждымъ важнымъ случаемъ для своего проявленія. Юбилей Н. М. Карамзина не противорѣчитъ высказанной нами мысли. Мы не винимъ въ этомъ общество: общество, какъ и всякая сила, нуждается для проявленія въ извѣстныхъ органахъ; если же ихъ нѣтъ, или они почему нибудь не могутъ дѣйствовать, то обыкновенно обвиняютъ общество и указываютъ на его холодность и равнодушіе. Это несправедливо!

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Декабрь 1866 г.

Въ прошедшемъ столѣтіи, *шестьдесятъ шестой* годъ былъ самымъ знаменательнымъ въ правленіе императрицы Екатерины II. Въ шестьдесятъ-шестомъ году переживаемаго нами вѣка мы были также свидѣтелями событія, вошедшаго, сравнительно съ своею важностью, тихо, почти незамѣтно въ нашу общественную жизнь, но которое будетъ расти въ глазахъ потомства, по мѣрѣ удаленія его отъ нашего времени и будетъ свѣтить лучезарною звѣздою сквозь мракъ вѣковъ, когда давно забудутъ о многомъ другомъ, что въ эту минуту мы считаемъ своею временною славой.

Въ декабрѣ 1766 года, императрица Екатерина издала свой «Наказъ», призывавшій депутатовъ отъ дворянства, купечества, однодворцевъ, пахатныхъ и государственныхъ крестьянъ, а также инородцевъ—избрать депутатовъ, которые образовали бы коммиссію для составленія «Уложенія». Сто лѣтъ спустя, въ 1866 году, Россія получила судебный Уставъ, измѣнившій глубоко все наше гражданское существованіе.

Екатерина II сама понимала всю важность замышляемой ею реформы и смотрѣла въ вѣчность, когда, по окончаніи дѣла, думала дозволить своимъ депутатамъ внести въ гербы предполагаемую медаль, «дабы потомки узнать могли, къ какому великому дѣлу они участниками были». Послѣдующее не оправдало ея справедливыхъ ожиданій. Коммиссія открыла свои засѣданія въ іюлѣ 1767 года, а осенью 1768 года была уже распущена, не оставивъ по себѣ почти никакого слѣда. Объясняя причины преждевременнаго конца такого громкаго событія царствованія Екатерины II, одинъ изъ нашихъ историковъ полагаетъ, «что между лицами, окружавшими императрицу, было много несочувствовавшихъ законодательнымъ работамъ съ помощію выборныхъ людей, которые если и давали добрые совѣты правительству и доставили ему полезныя свѣдѣнія, то вскрыли и много безпорядковъ, обнаруженіе

которыхъ не могло быть пріятно начальствующимъ лицамъ.» Такимъ образомъ надпись на медали, выбитой по случаю открытія «Коммиссіи»: *Блаженство каждаго и всѣхъ* — оказалась въ практикѣ неудобопримѣнимою, ставъ въ прямое противорѣчіе съ блаженствомъ немногихъ.

Высочайшая власть, совершившая судебную реформу нынѣшняго года, сдѣлала болѣе прочное дѣло, историкомъ котораго останется самъ *стоустый* народъ, а нашъ годъ въ лѣтописяхъ народной жизни назовется годомъ, «откуда есть пойде наша правда». До сихъ поръ мы жили въ противорѣчіи съ извѣстною пословицею нашей народной мудрости: «вѣкъ живи, вѣкъ учись». Мы учились только въ школѣ, а за предѣлами школы, по вступленіи въ жизнь, насъ ничто не учило. Теперь гласный судъ, съ своими несмѣняемыми и не перемѣщаемыми членами, съ своими присяжными, съ устраненіемъ участія въ судѣ административнаго вмѣшательства,—сдѣлался настоящею школою народа, гдѣ нравственность преподается не въ однихъ поученіяхъ, но весьма практическимъ и осязательнымъ образомъ для нарушителей правды. Позднѣйшій историкъ будетъ съ любопытствомъ доискиваться въ памятникахъ нашего времени слѣдовъ того, какъ отнеслось общество къ этой послѣдней реформѣ. Одинокіе возгласы противъ нея послужатъ только къ тому, чтобы еще болѣе освѣтить благодѣяніе одного изъ торжественныхъ событій нашей исторіи, и укажутъ на другую истину, а именно, что ни одно преобразованіе не можетъ обойтись безъ того, чтобы не найти противъ себя своихъ «художниковъ ефесскихъ», ремесло которыхъ нѣкогда упразднилось съ новымъ ученіемъ, и напрасно они кричатъ: «велика Діана Ефесская!» Такіе люди уже успѣли указать на то, что новая судебная корпорація является у насъ не въ пользу охранительныхъ начàлъ.» Ничего не можетъ быть справедливѣе! но дѣло въ томъ, какъ мы доскажемъ ту неоконченную мысль. Да, новая судебная корпорація является у насъ не въ пользу охранительныхъ начàлъ въ томъ смыслѣ, какъ былъ въ пользу этихъ начàлъ господствовавшій до реформы судебный порядокъ; но за то новая судебная корпорація поможетъ охранительнымъ началамъ раціональнѣе, нежели прежняя, оказавшаяся несостоятельною опорою этихъ начàлъ, откуда явилась и потребность самой реформы.

Первые мѣсяцы существованія новаго судебнаго порядка доказали вмѣстѣ съ тѣмъ, что наше общество вовсе не такъ безлюдно, какъ на то ссылаются часто, желая доказать, что у насъ реформы преждевременны. Реформа сдѣлана чуть не вчера, а далеко не вчера родились люди, взявшіе на себя съ самоотверженіемъ и охотою тяжкія обязанности судей. Не служитъ ли это доказательствомъ, что такъ называемое безлюдье бываетъ часто не что иное, какъ отсутствіе возможности для людей честнаго характера и прямого ума обнаружить свою дѣятельность? Намъ не рѣдко говорятъ: «вы будьте прежде

сыты, а тогда мы вамъ дадимъ поѣсть»; между тѣмъ не замѣчаютъ того, что можно жить въ извѣстныхъ условіяхъ, которыя не дозволяютъ человѣку обнаружить своихъ достоинствъ. Итакъ, судебная реформа прежде всего доказала, что мы не совсѣмъ уже безлюдны; если мы сегодня еще не имѣемъ полнаго числа рукъ, то этому удивляться особенно нечего, при юности нашей эры. Но важно не то, чтобы въ настоящую минуту имѣть много людей; несравненно важнѣе вопросъ: есть ли надежда, что сама судебная реформа со временемъ сформируетъ орудіе для себя? Именно въ этомъ-то и состоитъ главное ея преимущество: она не втянетъ и порядочнаго человѣка въ общую рутинную колею, какъ то случалось безпрерывно при прежнемъ порядкѣ вещей; напротивъ, надобно думать, что она будетъ въ состояніи выпрямить и того, кто обнаруживалъ наклонность къ кривизнѣ. Erubuit, salva res est — покраснѣлъ, дѣло спасенное, говоритъ одна древняя пословица, и дѣйствительно, при новомъ судебномъ порядкѣ трудно, не покраснѣвъ, не встревоживъ до глубины своей совѣсти, нарушить правду. Многіе спѣшатъ указать на два или на три случая практики новыхъ судовъ, вызвавшихъ критику, но забываютъ то, что они не подвергали стараго порядка ни малѣйшей критикѣ, да и не могли при его негласности.

Намъ остается жить, чтобы убѣдиться, до какой степени судебная реформа будетъ въ состояніи измѣнить весь нашъ даже экономическій бытъ. Безъ правильнаго суда люди находятся въ безконечномъ военномъ положеніи по отношенію другъ друга. Ни чей трудъ не обезпеченъ; кредитъ слабъ; при правѣ сильнаго, слабый не увѣренъ, работаетъ ли онъ на себя. Совершенно перемѣняется сцена тамъ, гдѣ есть увѣренность, что насъ охраняетъ ежеминутно невидимая сила, къ которой мы можемъ обратиться, и что мы найдемъ у нея вѣрную защиту. Мы знаемъ, что эта сила не доступна ни нашему кошельку, ни ходатайству, ни внушеніямъ, почему ее и называютъ независимою.

Подчините эту силу какой нибудь другой силѣ, и общество, естественно, устремитъ свои взоры дальше; а тамъ, за предѣлами независимости суда, открывается снова прежнее обширное поприще произвола, которому въ людяхъ всегда соотвѣтствуетъ деморализація и война всѣхъ противъ каждаго, и каждаго противъ всѣхъ. Нѣтъ возможности подчинить судебную власть власти административной безъ того, чтобы и общество не приняло участія въ этомъ ея подчиненіи, безъ того, чтобы и общество не овладѣло своимъ судьею при помощи средствъ, извѣстныхъ подъ именемъ подкупа, протекціи и т. д. Судья, подчиненный въ одну сторону, непремѣнно и скоро подчинится также и въ другую. Таковъ моральный порядокъ вещей: если независимость судебной власти можетъ принести кажущійся ущербъ въ одномъ, то

въ безчисленномъ множествѣ случаевъ она будетъ полезна и тѣмъ которымъ могла быть непріятна однажды; и наоборотъ, мелкое удовольствіе въ одномъ отдѣльномъ случаѣ поведетъ къ тысячамъ неудобствъ, гораздо болѣе существенныхъ и прискорбныхъ. Администрировать въ обществѣ, знакомомъ съ судебной дисциплиной и испытывающимъ судебный страхъ, — несравненно легче и достойнѣе, нежели администрировать въ обществѣ, гдѣ боятся судью иногда только потому, что не имѣютъ возможности склонить его на свою сторону, гдѣ люди не знаютъ своего права, но за то не хотятъ признать его и за другими. Все это отошло въ вѣчность, и мы имѣемъ право, судя по высокому источнику, изъ котораго произошла новая судебная реформа, вмѣстѣ со всѣми другими преобразованіями нынѣшняго царствованія, надѣяться твердо, что старый судебный порядокъ выведенъ вовсе не для того, чтобы получить какую нибудь возможность войти къ намъ другою дверью. Такое возвращеніе поэты дозволяютъ одной «природѣ», которая, какъ ни гони ее въ одно окно,— съумѣетъ влѣзть въ другое; но нашъ прежній судебный порядокъ не можетъ имѣть притязаній на такое право, и, съ другой стороны, какъ замѣтилъ одинъ изъ нашихъ публицистовъ, «не обществу, не народу, новый судъ представляется какимъ-то страшилищемъ.... Народъ смотритъ на новый судъ съ чаяніемъ лучшихъ временъ, съ твердымъ ожиданіемъ осуществленія обѣщанныхъ Государемъ правды и милости въ судѣ».

ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

III. ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НАЧАЛА ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСТВА.

Въ дѣятельности каждаго добраго хозяйства годъ всегда начинается представленіемъ своего текущаго бюджета или обозрѣніемъ потребныхъ силъ для веденія дѣла, а заканчивается балансомъ или сравненіемъ и равновѣсіемъ прихода съ расходомъ.

Такимъ точно образомъ и мы намѣрены поступить въ нашемъ историческомъ обозрѣніи дѣятельности земскихъ учрежденій, стоя на рубежѣ минувшаго и наступающаго года. Намъ кажется, что не безполезно будетъ свести наши гражданскіе итоги.

Въ первыхъ двухъ статьяхъ*) мы старались представить и поясъ-

*) См. мартъ, отд. V, стр. 2, и іюнь, отд. V, стр. 4.

нить изъ какой потребности нашей гражданской жизни вышли наши земскія учрежденія, въ чемъ потому состоитъ ихъ задача, какъ выполнили ее первые выборные отъ земства, и, наконецъ, мы постарались опредѣлить кругъ дѣятельности земства и ея основы. — Теперь посмотримъ, что именно получилось изъ всего этого за прошедшее время, каковъ въ результатѣ первый балансъ.

Мы видѣли, что земскія учрежденія вызваны несостоятельностію прежняго порядка вещей и необходимостію хозяйства, основаннаго на новыхъ началахъ, болѣе современныхъ, болѣе раціональныхъ, — началахъ, отвѣчающихъ дѣйствительной потребности жизни.

Справедливость нашего мнѣнія, казавшаяся многимъ сомнительною, теперь подтвердилась уже неоспоримо. Несостоятельность стараго порядка сказалась уже не въ словахъ большаго или меньшаго числа гласныхъ отъ земства, но на самомъ дѣлѣ, въ неумолимыхъ фактахъ и въ положительныхъ данныхъ. Вездѣ, безъ исключенія, пришлось перемѣнять прежнюю систему хозяйствованія, которая была не только что неправильною, но крайне убыточною и тягостною для земства. Вездѣ пришлось поправлять старые грѣхи, и если земскіе органы не успѣли еще вполнѣ возстановить разрушенное хозяйство и наладить дѣло, какъ слѣдуетъ, то это потому, что правильная организація и порядокъ вводятся не вдругъ, не недѣлями и мѣсяцами, но годами, особенно когда является необходимость касаться самаго основанія.

Такимъ образомъ, въ настоящее время не подлежитъ болѣе сомнѣнію, какъ нѣкоторые думали въ началѣ, что земскія учрежденія не суть созданія произвольной фантазіи или почерка пера; что они не явились случайно, безъ связи съ прошедшимъ и безъ отвѣта на дѣйствительный спросъ настоящей жизни. Мысль о нихъ была необходимымъ и конечнымъ послѣдствіемъ силы обстоятельствъ. Теперь еще нѣкоторые могутъ пожалуй и не сочувствовать имъ, могутъ еще смотрѣть на нихъ съ предвзятымъ и преднамѣреннымъ опасеніемъ, но ни въ какомъ уже случаѣ нельзя не признать, что безъ земскихъ учрежденій обойтись не возможно; нельзя уже вычеркнуть ихъ изъ жизни.

Опытъ показалъ, на сколько это было возможно въ короткое время, — показалъ, говоримъ, каждому вглядывающемуся уму, что земскимъ учрежденіямъ принадлежитъ все будущее и что они должны пустить крѣпкіе корни въ почву общественную.

Дѣятели, призванные земствомъ и вступившіе на невѣдомое до тѣхъ поръ поприще, могли увлекаться и ошибаться. Но не въ томъ дѣло; мы уже не разъ имѣли случай говорить, что не ошибаются тѣ только, которые не мыслятъ и ничего дѣйствительнаго не дѣлаютъ; что не увлекаются тѣ только, которые уже отжили и одряхлѣли. Дѣло въ томъ, что заблужденія земскихъ дѣятелей не принадлежатъ къ числу опасныхъ, которыя совершаются въ тайнѣ или пользуются привиле-

гіей неприкосновенности, а потому и несутъ за собою неисправимыя послѣдствія, парализируя на долго народныя силы. Нѣтъ; всѣ дѣйствія земскихъ учрежденій проходятъ предварительно чрезъ пренія, въ которыхъ, такъ или иначе, но все же участвуютъ различные элементы сплошного населенія. Эти дѣйствія совершаются явно и гласно, обсуждаются свободно и во всеуслышаніе публичными органами печати. Слѣдовательно, малѣйшія ихъ ошибки не ускользаютъ отъ общаго вниманія, узнаются вездѣ, и потому могутъ быть ясно избѣгаемы и вовремя исправляемы.

Затѣмъ въ итогѣ нашемъ получилось, что земскія учрежденія служатъ не только лучшимъ органомъ добраго хозяйства, но еще и здоровой общественной школой, приготовленіемъ полезныхъ дѣятелей. Если въ нихъ появилось тамъ-и-сямъ фразерство или пустоцвѣтныя фантазіи, поверхностное отношеніе къ предметамъ или только внѣшнее формальное обращеніе съ дѣломъ, то эти недостатки не могли и не могутъ долго оставаться на этой дѣловой и практической почвѣ, имъ нѣтъ тамъ на долю удобнаго мѣста. Такимъ образомъ, наши слова, что если справедливо то, что люди рождаютъ дѣло, то можетъ быть еще справедливѣе было бы утверждать, что дѣло рождаетъ людей, — оправдались въ свою очередь.

Мы не разъ слышали сѣтованія, что у насъ нѣтъ способныхъ людей, а между тѣмъ земскія учрежденія вызвали вдругъ наружу и замѣчательные таланты и серьезный честный трудъ. Земскія учрежденія находили, что у насъ, кромѣ машинъ, есть и люди, когда на нихъ является дѣйствительный спросъ.

Въ началѣ нашего обозрѣнія мы высказали мнѣніе, которое имѣли случай не одинъ разъ заявить, что устройство и опредѣленіе земскихъ учрежденій носитъ на себѣ печать того порядка и той системы, которыми они составлялись. Мы утверждали, что въ эти новыя учрежденія внесены извѣстныя предвзятыя формы, не обличающія близкаго знакомства съ дѣйствительными потребностями жизни и солидарности съ общественными интересами, но доказывающія, напротивъ, господство у насъ вездѣ проходящихъ взглядовъ и разсчетовъ. Намъ возражали тогда много, на насъ сыпались даже упреки за наше слишкомъ смѣлое мнѣніе. Но что же показалъ опытъ, за который становились наши противники? Прошло съ тѣхъ поръ не много времени, и опытъ оправдалъ насъ совершенно. Вездѣ слышатся жалобы на несообразность и противорѣчія; вездѣ возникли затрудненія при примѣненіи, и пришлось уже не одно сдѣлать толкованіе, прибавленіе и примѣненіе. Въ итогѣ нашемъ однако отъ этого выходитъ не легче. Всѣ эти перемѣны происходятъ все тѣмъ же порядкомъ — умозрительнымъ, замкнутымъ, безъ спроса и совѣта непосредственно заинтересованныхъ сторонъ, безъ всякого внутренняго отношенія къ дѣйствительнымъ

нуждамъ и пользамъ. Не придется ли такимъ образомъ двигаться постоянно въ ложномъ кругѣ, измѣняя самопроизвольно завтра то, что было самопроизвольно сдѣлано вчера?

Такъ бы оно и было, если бы не существовала въ мірѣ, такъ называемая, сила вещей, естественный законъ человѣческаго развитія, который рано или поздно, тѣмъ или другимъ путемъ, но въ концѣ концовъ подчиняетъ себѣ всѣ временные, преходящіе разсчеты мелкихъ страстей, умоухищренія короткихъ взглядовъ и всѣ поверхностныя, легкія понятія и знанія.

Мы хотимъ вѣрить и вѣримъ въ будущее нашихъ земскихъ учрежденій, въ ихъ правильное и сильное развитіе и въ тѣ добрыя, благотворныя для Россіи послѣдствія, которыя необходимо явятся изъ нихъ. Но мы должны здѣсь сказать въ заключеніе, что ихъ, хотя и короткое, прошедшее доказало достаточно, что ихъ сила зависитъ только отъ нихъ самихъ, отъ того участія, которое приметъ въ нихъ само общество, и отъ тѣхъ дѣятелей, которыхъ общество имъ даетъ. Они должны и могутъ надѣяться только на самихъ себя и на свою самодѣятельность.

Итакъ, не будемъ искать первыхъ результатовъ начала дѣятельности нашего земства въ чемъ нибудь громкомъ; земство не могло и не должно было въ какой нибудь одинъ годъ измѣнить всего нашего хозяйственнаго быта; если намъ могутъ еще и теперь сказать, что и по открытіи дѣятельности земства многое въ нашемъ народномъ хозяйствѣ по прежнему не раціонально, то земство можетъ отвѣтить на это, что его первая задача состоитъ въ томъ, чтобы осмотрѣться, обдумать все, привести въ ясное сознаніе свою задачу. Тотъ, кто хорошо приготовляется къ дѣлу, иногда больше содѣйствуетъ этому дѣлу, нежели тотъ, кто прямо берется за него, а земство въ первый годъ своего существованія не могло сдѣлать ничего лучшаго, какъ хорошо готовиться къ своей дѣятельности. Н. КРУЗЕ.

II.

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГУБЕРНСКИХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ.

2) Пути сообщенія *).

Докладъ коммиссіи въ Смоленскомъ губернскомъ собраніи объ улучшеніи путей сообщенія начинается слѣдующими словами: «Главная причина упадка сельскаго хозяйства, торговли и промышленности

*) См. предъидущее въ т. III, отд. V, стр. 5, и въ т. II, отд. V, стр. 14 и слѣд.

Смоленской губерніи заключается въ томъ, что всѣ пути сообщенія удалены отъ нея, не смотря на то, что Смоленская губернія находится на прямой линіи отъ Москвы къ Пруссіи и къ царству Польскому и что потому черезъ нее пролегала главная дорога на западъ. При устройствѣ шоссе отъ нашей древней столицы къ Варшавѣ, оно проведено почти на 100 верстъ южнѣе прежней дороги, и, сдѣлавшись длиннѣе, не прошло ни чрезъ одинъ губернскій городъ, т. е. миновало всѣ центры администраціи и населенія.» Болѣе или менѣе въ такихъ же выраженіяхъ отозвалось о существующихъ путяхъ сообщенія, нисколько не приноровленныхъ къ мѣстнымъ промышленнымъ условіямъ, большинство земскихъ собраній, видя справедливо въ этомъ обстоятельствѣ одну изъ важнѣйшихъ причинъ слабаго развитія у насъ торговли и промышленности. Что же предприняли, чтобы помочь этому, сами земскія собранія?

На первомъ планѣ, въ вопросѣ о путяхъ сообщенія, стоятъ, безъ сомнѣнія, *желѣзныя дороги*. Вопросъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, особенно сильно былъ возбужденъ въ той срединной земледѣльческой полосѣ Россіи, которая расположена вдали отъ водныхъ сообщеній и линій желѣзныхъ дорогъ, а потому, одинаково при неурожаѣ и урожаѣ, страдаетъ отсутствіемъ сбыта и безъисходною бѣдностію своихъ жителей.

Особенное вниманіе на устройство путей вообще и на желѣзныя дороги обратило Воронежское земство. Оно вызвало вопросъ *о проведеніи желѣзной дороги съ Козлова на Воронежъ*. Гл. Сѣверцовъ такимъ образомъ объясняетъ значеніе этой дороги для Воронежской губерніи: «Первая верста, проведенная отъ Козлова, на долго рѣшитъ все будущее направленіе дороги. Проведутъ ее на востокъ: процвѣтетъ востокъ Тамбовской, западъ Саратовской губерніи и вся Пензенская. Туда обратятся всѣ капиталы, притокъ рабочихъ, обогащеніе, торговля, тамъ настанетъ желанный конецъ хозяйственнаго кризиса. Проведутъ ее на югъ, все это будетъ удѣломъ Воронежской губерніи, и жителямъ ея можно будетъ предвидѣть въ будущемъ соединеніе ихъ рынковъ съ портами Азовскаго моря, прочное вступленіе въ область всемірной торговли, и еще многое, о чемъ онъ умалчиваетъ, боясь поддаться увлеченію.» Представитель компаніи Московско-Козловской дороги, г. фонъ-Дервизъ, заявилъ согласіе принять участіе въ постройкѣ дороги, но подъ непремѣннымъ условіемъ образованія солидной компаніи изъ мѣстныхъ капиталистовъ, съ подпискою ихъ на одну треть стоимости дороги между Козловымъ и Воронежомъ, которая по разсчетамъ г. фонъ-Дервиза обойдется въ 9 милліоновъ руб. сер. Министерство путей сообщенія предпочитаетъ линію на Тамбовъ, какъ кратчайшую. При такихъ условіяхъ, предсѣдатель собранія предложилъ устройство дороги отъ Козлова на Воронежъ къ Харькову или

къ проектированной Харьково-Таганрогской дорогѣ, длиною около 380 верстъ и цѣнностію, полагая по 45,000 руб. за версту, до 17 милліоновъ рублей. Онъ предлагаетъ собрать этотъ капиталъ посредствомъ акціонерной компаніи съ гарантіею отъ земства въ $5\frac{1}{2}\%$ и разсчитываетъ, что земство Воронежской губерніи за 10 лѣтъ постройки и начальнаго движенія по дорогѣ затратитъ всего на уплату гарантій по 35 коп. съ десятины, или среднимъ числомъ въ годъ $3\frac{1}{2}$ коп. (не выше $6\frac{1}{2}$ коп. на пятый годъ). Воронежскій губернскій предводитель и градской голова сдѣлали уже представленіе правительству о необходимости устройства желѣзной дороги отъ Козлова до Воронежа предпочтительно предъ другими линіями; а самые крупные мѣстные землевладѣльцы (гр. Левашевъ, гр. Панинъ, гр. Орловъ-Давыдовъ, г. Казаковъ) изъявили готовность помочь этому дѣлу подпиской на акціи и даровой уступкой земли подъ дорогу, если она коснется ихъ дачъ. Собраніе, имѣя въ виду, что предположенная дорога только одною третью пролегаетъ по Воронежской губерніи, а двумя третями по Тамбовской, положило прежде всего снестись съ Тамбовскимъ земствомъ, имѣвшимъ одновременно свои засѣданія. Тамбовское земство увѣдомило, что оно сочувствуетъ проведенію линіи желѣзной дороги отъ Козлова до Воронежа, какъ могущей имѣть важное значеніе для Козловскаго, Липецкаго, Лебедянскаго и Усманскаго уѣздовъ. Такимъ образомъ, дѣло это остановилось въ первомъ собраніи на томъ, что Воронежское собраніе поручило губернской управѣ войти въ сношеніе съ правительственными мѣстами и частными компаніями, и если какая-нибудь компанія приметъ на себя устройство дороги съ извѣстнымъ пожертвованіемъ отъ земства,—то управа обязана предъявить такія условія или въ слѣдующую сессію или въ экстренномъ собраніи, куда пригласить, съ правомъ совѣщательнаго голоса, Воронежскаго городскаго голову и шестерыхъ капиталистовъ, занимающихся большими торговыми оборотами. Тамбовское же собраніе поручило въ этомъ смыслѣ своей управѣ содѣйствовать Воронежской. Послѣ того въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» сообщено было о составленіи Воронежскимъ земствомъ слѣдующаго проекта Воронежско-Козловской дороги:

«Впродолженіе шести мѣсяцевъ земство обязывается составить общество, которое устраиваетъ дорогу на свой счетъ. Концессія дороги продолжается 85 лѣтъ, считая со времени ея окончанія. Вся линія должна быть окончена и открыта для движенія чрезъ три года по приступкѣ къ работамъ. Земство проситъ, чтобы правительство гарантировало общество во все время 5%, и, сверхъ того, на все время дѣйствія концессіи прибавляло ежегодно одну часть процента со всего капитала для его погашенія. Казенныя земли, невоздѣланныя и несоставляющія оброчныхъ статей, а также и лѣса, отходящіе подъ линію

дороги, общество проситъ уступить на все время концессіи. Добываніе строительныхъ матеріаловъ въ казенныхъ земляхъ, не составляющихъ оброчныхъ статей, общество проситъ дозволить безплатное. Общество пользуется также правомъ законнаго отчужденія и занятія частныхъ и общественныхъ земель и зданій, необходимыхъ подъ дорогу. Все необходимое для дороги должно ввозиться безпошлинно, до срока окончанія работъ. Общество устраиваетъ телеграфъ, единственно для передачи депешъ, относящихся къ службѣ на дорогѣ; но въ случаѣ, если бы министерство почтъ и телеграфовъ сочло нужнымъ устроить свою телеграфную линію, то оно проводитъ свои проводы по столбамъ общества, которое обязано охранять ихъ. Работы по дорогѣ подчиняются надзору министра путей сообщенія. Общество обязывается перевозить войска, лошадей, аммуницію, а равно и арестантовъ съ убавкою 3% съ утвержденной таксы за провозъ, которая не должна быть выше принятой у прилегающей желѣзной дороги. Общество обязано безплатно перевозить почтовую корреспонденцію. По истеченіи срока концессіи, правительство вступаетъ безплатно во владѣніе дорогой.»

Корреспондентъ «Русск. Вѣд.» говоритъ, что земство опредѣлило расходъ на версту, на двойной путь, только 73,500 руб. сер. Желаніе земства состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе построить дорогу, такъ какъ при ея отсутствіи и при нынѣшнемъ экономическомъ бытѣ, каждогодно теряются огромные капиталы. Вотъ почему, представляя концессію на разсмотрѣніе и утвержденіе правительства, земство надѣется, что дѣло это будетъ одобрено и разрѣшеніе не замедлится.

Въ свою очередь, земство Пензенской губерніи признаетъ желѣзную дорогу самою насущною потребностію, главнымъ и единственнымъ средствомъ улучшить положеніе края и положить конецъ накопленію крестьянскихъ недоимокъ. Съ этою цѣлію оно поручило губернской управѣ войти немедленно въ сношеніе съ разными вѣдомствами и лицами по этому предмету, преимущественно съ директоромъ Козлово-Саратовской желѣзной дороги фонъ-Дервизомъ; и когда вопросъ достаточно будетъ подготовленъ и будетъ предвидѣться хотя малѣйшая возможность осуществленія его не безвыгодно для земства,—ходатайствовать для окончательнаго обсужденія этого дѣла о разрѣшеніи открыть чрезвычайное губернское собраніе.

Въ связи съ этими предположеніями находятся дѣйствія Харьковскихъ земскихъ учрежденій по проведенію желѣзной дороги *отъ Харькова къ Азовскому морю.*

Харьковское собраніе заявило: «Ознакомившись съ экономическимъ положеніемъ края, собраніе убѣдилось въ совершенномъ его разстройствѣ, преимущественно происходящемъ отъ того, что Харьковская гу-

бернія, по географическому своему положенію, разобщена съ моремъ и значительными торговыми центрами. Въ виду этого труднаго положенія народнаго хозяйства, производство котораго падаетъ съ каждымъ днемъ, нельзя не опасаться, что настанетъ время, когда платящія сословія не въ силахъ будутъ исполнять своихъ обязанностей. Поэтому Харьковское земское собраніе вмѣняетъ себѣ въ обязанность заявить правительству о настоятельной необходимости для Харьковской губерніи желѣзной дороги, составляющей для нея жизненный вопросъ.»

Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» мы встрѣчаемъ потомъ слѣдующее извѣстіе по этому предмету: «Губернская управа обратила особенное вниманіе на это важное дѣло. Управа объясняетъ, что кромѣ временныхъ вліяній, неблагопріятно дѣйствующихъ на производительность Харьковской губерніи, ее гнетутъ еще и постоянныя невыгодныя условія, вытекающія изъ характера ея, почти исключительно земледѣльческаго, и изъ ея неблагопріятнаго географическаго положенія. Громоздскія и сравнительно малоцѣнныя произведенія этого края находятъ себѣ сбытъ преимущественно въ портахъ Азовскаго моря, отдѣленныхъ сотнями верстъ отъ производителя, скудный барышъ этого послѣдняго поглощается дорогимъ извозомъ. Совокупность этихъ причинъ объясняетъ уменьшеніе въ послѣднее время производства, упадокъ торговли и промышленности, безотрадное состояніе кредита, громадную цифру недоимки. По мнѣнію Харьковской губернской управы, единственнымъ способомъ спасти край отъ угрожающаго ему экономическаго упадка представляется проведеніе желѣзной дороги, которая изъ Маріуполя, наивыгоднѣйшаго, по условіямъ нагрузки, порта Азовскаго моря, пройдя срединой каменоугольнаго бассейна, прорѣзала бы Харьковскую губернію чрезъ городъ Харьковъ до ближайшаго отъ него пункта проектированной Курско-Кіевской дороги.

«Въ то время, когда вопросъ о желѣзной дорогѣ особенно интересовалъ Харьковъ, однимъ изъ губернскихъ гласныхъ, г. Замятинымъ, представлена была въ управу записка, въ которой авторъ развивалъ мысль о необходимости участія земства въ построеніи и эксплуатаціи южной желѣзной дороги. По мнѣнію г. Замятина, южная желѣзная дорога тогда только принесетъ странѣ существенную пользу, когда тарифъ за провозъ по ней мѣстныхъ произведеній будетъ, сколько возможно, дешевле, а это возможно только въ такомъ случаѣ, если самое построеніе дороги обойдется наивозможно дешево. Для того, чтобы достигнуть этой послѣдней цѣли, нужно предоставить контроль при построеніи дороги земству, хорошо знакомому съ мѣстными средствами и цѣнами разныхъ матеріаловъ, а чтобы обезпечить правительство въ томъ, что контроль земства будетъ дѣйствительно зорокъ и бдителенъ, было бы совершенно справедливо, чтобъ земство приняло участіе въ гарантіи, которую непремѣнно потребуетъ отъ пра-

вительства компанія, желающая взять на себя построеніе дороги. За рискъ, которому при этомъ подвергнется земство, и за свои заботы по контролю оно вполнѣ будетъ вознаграждено правомъ опредѣлять тарифъ за перевозку произведеній страны. Такова, въ главныхъ чертахъ, мысль г. Замятина. Въ тоже время въ Лебединскомъ земскомъ собраніи читана была записка губернскаго гласнаго г. Іонина о построеніи желѣзныхъ дорогъ при участіи земства.

«Управа сочла своею обязанностію обратить на эту мысль вниманіе земства, и, сообщая записку г. Замятина въ уѣздныя управы, просила ихъ узнать и сообщить ей мнѣніе земства губерніи, признаетъ ли оно возможнымъ принять участіе въ гарантіи съ дѣйствительной стоимости версты, подъ условіемъ предоставленія ему права опредѣленія провознаго тарифа и контроля въ построеніи и эксплуатаціи дороги. Управа предваряла, что, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта отъ большинства уѣздныхъ управъ, она немедленно войдетъ съ представленіемъ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ (разумѣется, если правительству угодно будетъ допустить въ принципѣ мысль объ участіи земства въ гарантіи на означенныхъ условіяхъ) о разрѣшеніи экстреннаго губернскаго земскаго собранія, для того, чтобы рѣшить вопросъ: принимаетъ ли земство Харьковской губерніи гарантію, или нѣтъ, и если принимаетъ, то окончательно выработать условія и опредѣлить всѣ подробности этого дѣла. Такъ какъ большинство уѣздныхъ управъ выразило желаніе земства подробнѣе обсудить этотъ вопросъ на экстренномъ собраніи, то губернская управа 31-го марта вошла къ г. министру съ своимъ ходатайствомъ, въ которомъ указывала на проведеніе желѣзной дороги отъ Маріуполя до Харькова и отъ Харькова до ближайшаго отъ него пункта Курско-Кіевской дороги, какъ на единственное средство вывести Харьковскую губернію и прилегающія къ ней мѣстности изъ этого безотраднаго экономическаго положенія, въ какомъ, по недостатку сбыта для своихъ произведеній, находится теперь эта страна, одна изъ плодороднѣйшихъ въ свѣтѣ. По мнѣнію управы, только безотлагательное устройство желѣзной дороги къ Маріуполю можетъ спасти край отъ окончательнаго упадка, котораго послѣдствія могутъ потребовать отъ государства большихъ жертвъ въ будущемъ.

«Изъ сознанія, что такая дорога, при покровительственномъ для мѣстнаго производства тарифѣ, одна можетъ измѣнить къ лучшему безотрадное положеніе края, въ земствѣ Харьковской губерніи — говоритъ далѣе управа — слагается намѣреніе обезпечить за собой этотъ послѣдній жизненный шансъ, хотя бы то цѣной тяжелыхъ временныхъ усилій. Провозный тарифъ можетъ быть тѣмъ ниже, чѣмъ дешевле обойдется дорога, а послѣдняя обойдется тѣмъ дешевле, чѣмъ дѣйствительнѣе будетъ контроль по ея построенію.

«Непосредственно такимъ образомъ заинтересованное въ удешевленіи стоимости дороги земство можетъ служить правительству надежнымъ орудіемъ контроля по ея построенію и эксплуатаціи; орудіе это заключаетъ въ себѣ многія условія годности, ибо располагаетъ подробнымъ знаніемъ рессурсовъ края; оно обѣщаетъ всѣ условія дешевизны, ибо ничего не будетъ стоить правительству, и всѣ условія вѣрности, потому что ему невыгодно быть невѣрнымъ.

«Преслѣдуя спасительную цѣль пріобрѣтенія отъ правительства права участія въ опредѣленіи провознаго тарифа по главнымъ предметамъ своего сбыта и потребленія, земство Харьковской губерніи рѣшится, можетъ быть, принять на себя долю риска по гарантіи процентовъ съ дѣйствительной стоимости, если правительство признаетъ возможнымъ, въ видахъ удешевленія стоимости дороги, возложить на него обязанность контроля по постройкѣ дороги, а также и по опредѣленію дѣйствительнаго дохода ея.

«Если правительство признаетъ умѣстнымъ участіе земства Харьковской губерніи, на изложенныхъ основаніяхъ, въ построеніи названной желѣзной дороги, то опредѣленіе вида и размѣровъ участія и подробное обусловленіе его могутъ быть выработаны въ экстренномъ губернскомъ земскомъ собраніи, о разрѣшеніи котораго, для изъясненной цѣли, Харьковская губернская земская управа также проситъ г. министра, присоединяя, что все земство Харьковской губерніи съ нетерпѣніемъ ожидаетъ отвѣта на это ходатайство управы.»

Въ Курскѣ, ходатайство о желѣзныхъ дорогахъ мотивировано было слѣдующимъ образомъ: «Курская губернія, обладая большими запасами произведеній первой потребности, не имѣетъ *никакихъ путей сообщеній*; ибо сеймское судоходство, не принесшее никакой пользы и не могущее никогда существовать по недостатку водъ, закрыто; а шоссе отъ Москвы до Харькова доставляетъ только удобство переѣзда, безъ возможности двинуть по немъ сырые матеріалы. Губернское земское собраніе признало насущною потребностію для всѣхъ сословій ходатайствовать предъ высшею правительственною властію сдѣлать Курскую губернію узломъ желѣзныхъ дорогъ, направляемыхъ чрезъ Кіевъ на соединеніе съ желѣзными путями Европы, и отъ Курска чрезъ Харьковъ на Таганрогъ, для соединенія съ Чернымъ моремъ.»

Тульское собраніе признаетъ за самую настоятельную необходимость проведеніе желѣзной дороги отъ Ельца на Тульско-Орловскую линію, какъ главнаго пути, по которому двигаются лѣсъ и предметы первой необходимости. Было сдѣлано предложеніе, чтобы земство просило дозволенія составить акціонерную компанію съ гарантіею отъ правительства, такъ какъ заявленіе сочувствія со стороны земства можетъ подвинуть впередъ это предпріятіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы

земство ходатайствовало о дарованіи правительственной гарантіи, для привлеченія капиталовъ и о преимуществѣ, при равныхъ условіяхъ, земской компаніи предъ другими. Собраніе ограничилось заявленіемъ своего сочувствія проведенію желѣзной дороги въ этомъ направленіи.

Въ Черниговѣ вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ произвелъ самые оживленные споры и пренія. Здѣсь вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ возбужденъ былъ губернаторомъ, извѣстившимъ собраніе, что, по распоряженію правительства, изысканія производятся въ двухъ направленіяхъ, первое отъ Курска на Кіевъ черезъ южные уѣзды губерніи, второе отъ Кіева на соединеніе съ Витебско-Орловскою желѣзною дорогою, чрезъ сѣверозападные уѣзды, вслѣдствіе чего губернаторъ предложилъ, неугодно ли собранію, въ видахъ хозяйственныхъ интересовъ губерніи, ходатайствовать о проведеніи желѣзной дороги по одному изъ этихъ направленій предпочтительно.

Коммиссія, занимавшаяся разработкою этого предмета, предлагала собранію ходатайствовать о проведеніи желѣзной дороги по направленію отъ Курска на Кіевъ черезъ южные уѣзды, какъ наиболѣе выгодному для хозяйственныхъ нуждъ всей губерніи. Предпочтеніе же линіи отъ Кіева на соединеніе съ Витебско-Орловскою дорогою, по мнѣнію коммиссіи, представляетъ мало выгодъ для Черниговской губерніи, такъ какъ въ такомъ случаѣ желѣзная дорога должна будетъ пройти почти на разстояніи 80-ти верстъ между рѣками — Днѣпромъ и Десной, по узкой ненаселенной, лѣсной и болотистой части Остерскаго уѣзда, куда едва ли представится надобность въ подвозкѣ по желѣзной дорогѣ.

Гласный кн. Голицынъ предложилъ какъ самую выгодную для Черниговской губ. линію, по начертанному имъ направленію, отъ Кіева, черезъ южную часть Остерскаго уѣзда, черезъ Козелецкій уѣздъ, Носовку, Нѣжинъ, Сосницкій уѣздъ, Стародубъ, — на соединеніе съ Витебско-Орловскою дорогою между Брянскомъ и Рославлемъ. Этотъ путь, проходя съ самой сѣверной точки Черниговской губ. до крайней южной, черезъ тринадцать уѣздовъ, притомъ, не оставляя вдалекѣ и остальные два, даетъ возможность промышленнымъ уѣздамъ отправлять свои произведенія въ центръ Россіи и къ Балтійскому морю, а для юга губерніи, богатаго плодородными почвами, откроетъ сбытъ тѣхъ продуктовъ, которые, въ настоящее время, по недостатку сообщеній, не имѣютъ никакой цѣны. Предложеніе это было принято большинствомъ собранія и положено въ этомъ смыслѣ ходатайствовать предъ правительствомъ. Но очевидно, какъ возражали многіе несогласные члены собранія, что желѣзныя дороги строятся не для одной Черниговской губ., и что, слѣдовательно, едва ли возможно серьезно ходатайствовать передъ правительствомъ о приведеніи въ исполненіе

мѣстныхъ предположеній, измѣняющихъ или удлиняющихъ избранную главную линію въ интересахъ одной губерніи [1]).

Въ Скопинѣ (Рязанской губерніи) признано необходимымъ провести для соединенія города желѣзную дорогу отъ Кораблинской станціи къ Скопину. Собраніе положило учредить комитетъ по примѣру харьковскаго (?) и ассигновало на производство изысканій 1,500 руб., изъ которыхъ половину платитъ городъ, а другая должна быть заимствована изъ экономіи земскихъ суммъ. По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, комитетъ этотъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, открылъ свои дѣйствія.

Козельское земское собраніе, Калужской губерніи, обратилось къ министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ объ измѣненіи направленія Витебско-Орловской желѣзной дороги, уступленной баронету Моршонъ Пито такимъ образомъ, чтобы она проходила черезъ Козельскій уѣздъ. Причинами такого ходатайства собраніе выставило то, что Козельскій уѣздъ, а равно и вся Калужская губернія, будутъ черезъ нѣсколько лѣтъ окружены желѣзными дорогами, изъ которыхъ одна уже строится — изъ Москвы въ Орелъ, другая разрѣшена къ постройкѣ — отъ Витебска до Орла, между тѣмъ какъ ни одна изъ нихъ не коснется предѣловъ ни Козельскаго уѣзда, ни Калужской губерніи. Въ настоящее время Козельскій уѣздъ и Калужская губернія вообще страдаютъ отъ недостатка улучшенныхъ путей сообщенія, между тѣмъ какъ Витебскъ уже соединенъ съ Орломъ шоссейною дорогою, пролегающею черезъ уѣзды Рославльскій, Брянскій и Карачевскій; желѣзная дорога, въ случаѣ еслибъ она была проведена отъ Витебска черезъ Смоленскъ и уѣзды Мосальскій, Мещовскій, Козельскій, Бѣлевскій и Болховской къ Орлу, проходила бы черезъ мѣстности гораздо болѣе населенныя и касалась бы пунктовъ, имѣющихъ несравненно болѣе торговаго и промышленнаго значенія, нежели при проведеніи ея черезъ уѣзды Рославльскій, Брянскій и Карачевскій. По картѣ населенности Россіи, составленной въ 1862 году Шуберскимъ, она при первомъ направленіи прошла бы въ предѣлахъ Калужской губерніи черезъ мѣстности, имѣющія отъ 1,500 до 2,000 и отъ 2,000 до 2,500 жителей на квадратную милю, къ которымъ относятся и уѣзды Бѣлевскій и Болховской, между тѣмъ какъ при второмъ направленіи она будетъ проходить до Орловскаго уѣзда преимущественно черезъ мѣстности съ населеніемъ отъ 750 до 1,500 жителей, а лишь на не-

---

[1]) Въ Черниговскомъ собраніи возникъ еще 3 проектъ, совершенно уже измѣняющій направленіе проектированныхъ дорогъ въ пользу Черниговской губерніи, проектъ, по которому въ ней соединялись у г. Кролевца оба пути Московскій и Рижско-Витебскій. Хотя всѣ соглашались въ выгодѣ этого проекта для Черниговской губерніи, но онъ былъ отстраненъ большинствомъ, по вышеприведенной причинѣ.

большомъ протяженіи съ населеніемъ отъ 1,500 до 2,000 жителей. Хотя при выборѣ перваго направленія протяженіе дороги нѣсколько должно увеличиться, но это удлиненіе должно вознаградиться увеличеніемъ дохода отъ большаго движенія по дорогѣ, которое неминуемо произойдетъ, если она пересѣчетъ болѣе населенный край, въ которомъ торговля получила большее развитіе, вслѣдствіе чего должна облегчиться и уплата назначенной правительствомъ гарантіи дохода съ дороги. Собраніе приняло, наконецъ, во вниманіе и то обстоятельство, что можно надѣяться, что земскія собранія тѣхъ болѣе населенныхъ уѣздовъ, черезъ которые могла бы пройти желѣзная дорога при избраніи перваго направленія, не откажутся, вѣроятно, принять на себя часть расходовъ на устройство дороги, напримѣръ — вознаградить владѣльцевъ земель, нужныхъ подъ дорогу, имѣя при этомъ въ виду то важное вліяніе на усиленіе мѣстной промышленности и торговли, которое несомнѣнно окажетъ проведеніе черезъ ихъ уѣзды желѣзной дороги.

Въ докладѣ объ улучшеніи путей сообщенія въ Смоленской губерніи, значеніе ихъ, какъ мы видѣли, опредѣлено слѣдующимъ образомъ: Смоленская губернія находится на прямомъ пути отъ Москвы къ западнымъ государствамъ и отъ черноземныхъ хлѣбородныхъ губерній средней полосы Россіи къ Рижскому порту. Въ ней сходятся верховья всѣхъ большихъ водныхъ системъ, впадающихъ въ моря Балтійское, Черное и Каспійское. Такое географическое положеніе даетъ государственное значеніе путямъ сообщенія Смоленской губерніи, такъ что если Россія должна воспользоваться всѣми удобствами сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній, то вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе Смоленской губерніи должно улучшиться. Средняя полоса Россіи съ Рижскимъ портомъ должна быть соединена желѣзною дорогою отъ Витебска до Орла черезъ Смоленскъ и Рославль; слѣдовательно, остается довершить соединеніе Москвы съ западомъ черезъ Смоленскъ проведеніемъ отъ нея въ эту столицу желѣзной дороги на протяженіи около 350 верстъ. Эта дорога, прорѣзывая всю губернію съ запада на востокъ, — тогда какъ Витебская касается только ея окраины, — доставила бы для цѣлой губерніи удобства сообщенія и сбыта товаровъ, кромѣ того, она была бы путемъ, связующимъ Азію съ Европою и по ней направлялись бы сибирскіе и среднеазіятскіе товары (при помощи Волжскаго пароходства и Нижегородской дороги) и произведенія степныхъ губерній (по Рязанской желѣзной дорогѣ). Въ силу этихъ соображеній Смоленское земство поручило управѣ: 1) ходатайствовать предъ правительствомъ о принятіи мѣръ къ устройству этой дороги; 2) войти въ сношеніе съ обществомъ, получившимъ концессію Витебско-Орловской дороги и другими компаніями желѣзныхъ дорогъ, направляющихся къ Москвѣ; 3) изыскать тѣ облегченія и пособія, которыя земство могло бы

предоставить обществу, пожелавшему взять на себя постройку этой дороги, а для составленія такого общества войти въ сношеніе съ разными компаніями, капиталистами и банкирскими домами; 4) для соглашенія по этому дѣлу войти въ сношеніе съ Московскою губернскою земскою управою, дабы послѣдняя могла представить вопросъ объ означенной дорогѣ на заключеніе слѣдующаго очереднаго Московскаго губернскаго собранія; 5) въ случаѣ неудачи въ устройствѣ общества для построенія дороги, представить соображенія о средствахъ къ устройству ея на счетъ земства, по соглашенію съ Московскою управою; 6) всѣ сбереженія земскихъ суммъ отчислять на этотъ предметъ для составленія запаснаго дорожнаго капитала.

Къ вопросу о желѣзныхъ дорогахъ холодно отозвалось только одно Ярославское собраніе. Правленіе московско-ярославской дороги отнеслось въ первое Ярославское губернское собраніе съ просьбою объ оказаніи содѣйствія для продолженія желѣзнаго пути отъ Троицы до Ярославля. Коммиссія, разработывавшая этотъ вопросъ, не нашла достаточныхъ основаній, чтобы оказать обществу просимыя имъ льготы— уступить обществу всю отходящую подъ дороги и станціи землю безвозмездно и освободить общество отъ платы городскихъ повинностей въ городахъ, гдѣ устроены будутъ станціи. Коммиссія мотивировала свой отказъ тѣмъ, что уступка земель составляетъ лишь $^1/_8\%$ предполагаемаго основного капитала общества въ 19 милліоновъ и потому не можетъ чувствительно облегчить общество при составленіи капитала, а размѣръ платы, взимаемой обществомъ съ пассажировъ 3-го класса не доказываетъ, чтобы общество заботилось объ удешевленіи проѣзда для бѣднаго населенія, и теперь предпочитающаго движеніе и возку клади по шоссе на лошадяхъ. Такъ какъ правленіе ярославско-московской дороги связало свое ходатайство предъ земствомъ съ вопросомъ о проведеніи шоссе изъ Ярославля въ Вологду, то собраніе отвѣтило правленію только, что означенное шоссе признается совершенно необходимымъ для губерніи, но что самое дѣло находится еще въ разсмотрѣніи. Такимъ образомъ, большинствомъ 14 голосовъ противъ 10, вопросъ объ оказаніи содѣйствія обществу былъ устраненъ.

Такимъ образомъ, въ отношеніи къ желѣзнымъ дорогамъ, земство ограничилось одними только заявленіями и предложеніями, ибо само оно не имѣетъ капиталовъ для ихъ постройки. Въ смыслѣ болѣе дѣятельнаго средства къ ускоренію этого важнаго дѣла, весьма важно было бы, если бы правительство согласилось на круговую земскую гарантію, предлагаемую Воронежскимъ и Харьковскимъ земствомъ, въ пользу тѣхъ компаній, которыя получатъ отъ земства концессію на проведеніе желѣзной дороги въ извѣстномъ направленіи, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи срока, дорога поступила въ государственную соб-

ственность, а земство получило отъ государства всѣ приплаченныя по гарантіи суммы съ причитающимися процентами.

Гораздо важнѣе, по предвидимой пользѣ для земства при ближайшей возможности къ осуществленію, вопросъ *о желѣзно-конныхъ дорогахъ*.

Не менѣе важенъ вопросъ *о желѣзно-конныхъ дорогахъ* поднятый также на югѣ. Въ Херсонскую губернскую управу тираспольскій помѣщикъ Чижевичъ представилъ проектъ устройства желѣзно-конныхъ дорогъ на югѣ Россіи [1]). Сущность проекта г. Чижевича заключается въ слѣдующемъ: улучшенные пути сообщенія бываютъ желѣзно-паровые, шоссейные и желѣзно-конные. Паровыя желѣзныя дороги у насъ не вездѣ выносятъ проценты на затраченный капиталъ по сравнительно незначительному движенію грузовъ и пассажировъ по губернскимъ дорогамъ, недостатку въ машинистахъ и механическихъ заведеніяхъ, а на югѣ еще по недостатку воды въ степяхъ и дороговизнѣ топлива. Шоссейныя дороги на югѣ обходятся дорого по недостатку булыжнаго камня, обусловливающаго прочность полотна; перевозка волами по шоссе неудобна, а сухой фуражъ и шоссейный сборъ едва ли не болѣе возвысятъ стоимость транспорта, нежели устройство макадама его удешевитъ. Желѣзно-конныя дороги, составляя нѣчто среднее между шоссе и локомотивомъ, обойдутся не многимъ дороже нежели шоссе, требуютъ гораздо менѣе ремонта и издержекъ на исправное содержаніе, въ 10 разъ дешевле паровыхъ дорогъ, а принесутъ пользы на столько же какъ и паровыя. Возможность существованія желѣзно-конныхъ дорогъ на почтовомъ трактѣ очевидна изъ слѣдующаго простого вывода. Ежели нынѣшніе почтсодержатели, получая отъ земства 250—350 р. на пару лошадей и употребивъ эти деньги на содержаніе лошадей, повозки и т. п., получаютъ значительный доходъ отъ одного проѣзда пассажировъ по подорожнымъ, то, въ замѣнъ прогоновъ, уплативъ тѣмъ же почтсодержателямъ по 200 и 350 руб. за пару, земство получитъ въ чистомъ барышѣ отъ желѣзной дороги товарные поѣзды и пассажировъ низшаго класса, такъ какъ по желѣзно-конной дорогѣ лошадь повезетъ въ 8 разъ болѣе прежняго. Кромѣ того, про-

---

[1]) Проектъ г. Сиренко, объ устройствѣ паровой желѣзной дороги, отъ Николаева до Херсона и Елисаветграда. Собраніе, согласно мнѣнію комиссіи, отстранило, за неимѣніемъ въ виду средствъ къ осуществленію еще на многіе годы. Если, какъ полагаетъ г. Сиренко, могутъ найтись капиталисты, которые при гарантіи охотно согласятся выполнить этотъ проектъ, то нѣтъ причинъ предполагать, что правительство, не отказывавшее въ своей гарантіи другимъ желѣзнымъ путямъ, откажетъ въ своемъ содѣйствіи этому пути, безъ участія земства. Невозможность же гарантіи отъ земства на сумму, требуемую для осуществленія этого пути въ 200 верстъ, осязательно доказывается цифрою гарантіи около 60 коп. съ десятины, предполагая районъ въ 25 верстъ по обѣ стороны проектируемой дороги..

веденіе желѣзно-конныхъ дорогъ представляетъ легкое, правильное и дешевое средство сбыта товаровъ къ торговымъ пунктамъ и станціямъ желѣзныхъ дорогъ, удешевляетъ жизненные припасы въ городахъ, увеличиваетъ число рукъ для земледѣлія, привлекая людей, занимающихся теперь дальнею транспортировкою хлѣба и другихъ продуктовъ, прекращаетъ распространеніе скотской чумы уничтоженіемъ перевозки на волахъ и поддерживаетъ и улучшаетъ мѣстное коннозаводство. Средствомъ къ постройкѣ желѣзно-конныхъ дорогъ г. Чижевичъ предполагаетъ дозволеніе составить изъ среды землевладѣльцевъ компанію на акціяхъ для устройства желѣзныхъ дорогъ съ обычными привилегіями и выдавать имъ ежегодно по одному милліону рублей (на 10 лѣтъ), въ замѣнъ представленныхъ закладныхъ листовъ мѣстнаго Херсонскаго банка, по нарицательной цѣнѣ, на постройку дороги. Коммиссія, разсматривавшая проектъ г. Чижевича, нашла: 1) Что балтокременчугская желѣзная дорога, принося громадную пользу въ видахъ государственныхъ, отразится по Херсонской губерніи болѣе какъ транзитъ и притомъ только для весьма малой ея части, 400 верстное разстояніе Одесскаго порта отъ границъ Полтавской губерніи, когда на половинномъ пути находится другой, не менѣе удобный, портъ Николаевскій, что вѣроятно заставитъ направлять грузные товары этого рода преимущественно къ Николаеву и Херсону, оставляя желѣзную дорогу въ сторонѣ. На всемъ пространствѣ между Бугомъ и Днѣпромъ, дурное качество грунтовыхъ дорогъ, способъ перевозки на волахъ и отсутствіе всякого обезпеченія въ исправности доставки по прежнему будетъ тормозить торговлю и внутреннее развитіе, отрывая для перевозки земледѣльческія рабочія силы. Помочь этому бѣдствію можетъ только улучшеніе путей сообщенія. 2) Съ этой точки зрѣнія желѣзно-конныя дороги вполнѣ могутъ удовлетворить насущной потребности. Направленіе предполагается по главнымъ торговымъ путямъ: отъ г. Александріи черезъ Кривой Рогъ на города Берславъ и Херсонъ, и отъ Елисаветграда, черезъ Бобринецъ и Еланецъ на Вознесенскъ, Николаевъ, до Херсона и Одессы, на пространствѣ около 600 верстъ. 3) Верста желѣзно-конной дороги, по проекту г. Чижевича, должна обойтись въ 7,100 руб. съ накладкою рельсовъ въ одинъ путь, а въ два пути 11,000 руб. Цифра эта вполнѣ согласна съ тою, которая оказалась при разслѣдованіи пути изъ Одессы въ Ольвіополь, для желѣзно-конной дороги, предполагавшейся еще въ 1843 г. компаніею г. Марини и Понудо, опредѣлившей 10,000 р. за версту. Строящаяся нынѣ моршанская желѣзно-конная дорога, судя по опубликованнымъ о ней соображеніямъ стоимости равняется 11,408 руб. за версту. Такимъ образомъ, постройка 800 верстъ обошлась бы около 8,000,000 руб. 4) Согласно проекту г. Чижевича, позаимствованіе, съ дозволенія правительства, кредитными билетами необходимой суммы, подъ обезпече-

ніе закладными листами Херсонскаго земскаго банка, на условіи погашенія долга по тиражу въ 35 лѣтъ и съ уплатою 5½%, дало бы благодѣтельную возможность не только на осуществленіе этого, съ государственной даже точки зрѣнія, не только съ мѣстной, полезнаго предпріятія, но подѣйствовало бы и на возвышеніе поземельнаго кредита.

Собраніе, согласно заключенію коммиссіи, постановило: 1) собрать подробныя статистическія свѣдѣнія относительно промышленныхъ и торговыхъ средствъ края, по примѣрно предположенному направленію дорогъ и свѣдѣнія относительно матеріальныхъ средствъ къ выполненію проекта; 2) опредѣлить торговое значеніе предполагаемыхъ путей и, по важности этого значенія, послѣдовательность ихъ сооруженія; 3) составить, по собраннымъ свѣдѣніямъ, подробное разсчисленіе и смѣты о стоимости каждаго пути, дабы по этимъ даннымъ земство могло, по мѣрѣ надобности, ходатайствовать у высшаго правительства объ открытіи необходимаго кредита; 4) входить въ сношенія отъ лица губернскаго земскаго собранія и управы съ правительственными лицами и мѣстами, также съ капиталистами и съ кѣмъ надобность укажетъ для составленія компаніи, могущей получить концессію на осуществленіе предполагаемыхъ путей; 5) для исполненія сего составить особый комитетъ, куда пригласить непремѣннымъ членомъ г. Чижевича и на расходы комитета предоставить въ его распоряженіе примѣрную сумму въ 5,000 р. изъ остатковъ губернскаго сбора, съ тѣмъ, чтобы добытыя комитетомъ свѣдѣнія доложены были управою, въ будущую сессію собранія. Комитетъ, какъ видно изъ газетъ, давно уже открылъ свои дѣйствія.

Въ Калужскомъ губернскомъ собраніи, по случаю заявленія о необходимости устройства шоссе отъ Калуги на московско-варшавскій трактъ, гл. Гончаровъ изложилъ проектъ проведенія желѣзно-коннаго пути отъ Колочи на линію южной желѣзной дороги. Необходимость этой дороги гл. Гончаровъ доказывалъ тѣмъ, что Калуга, которую минуетъ линія желѣзной дороги, сдѣлается захолустьемъ въ 180 верстахъ отъ Москвы, тогда какъ желѣзная дорога подниметъ цѣны на лѣса въ Калужской губерніи и дастъ крестьянамъ средства, вмѣсто скуднаго дохода отъ хлѣбопашества, обратиться къ промысламъ и отхожимъ заработкамъ. Гл. Гончаровъ предлагаетъ построить эту дорогу *безъ денегъ*, съ тѣмъ, чтобы землевладѣльцы пожертвовали даромъ землю подъ нее и лѣсной матеріалъ, а крестьяне вывезли даромъ камень. Онъ разсчитываетъ, что на каждую ревизскую душу, живущихъ въ 7 верстахъ по обѣ стороны дороги, придется вывезти 12 возовъ камня, а за 14 верстъ 6. При такихъ пожертвованіяхъ, можетъ быть, нашлась бы компанія для проведенія дороги, согласная на уступку въ цѣнѣ поверстной платы за кладь и пассажировъ. Цѣна съ версты такой

дороги обошлась бы не болѣе 10,000 р., и акціи ея были бы можетъ быть разобраны съ удовольствіемъ землевладѣльцами, городскими и сельскими обществами, особенно если бы взносы оплачивались не только деньгами, но и матеріалами, по таксѣ. Гл. Гончаровъ указываетъ, что такъ строились десятки тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ мѣстными жителями въ Сѣверной Америкѣ. Собраніе постановило: 1) поручить управамъ собрать свѣдѣнія о лицахъ, желающихъ принять участіе въ подобномъ товариществѣ, о грузахъ идущихъ чрезъ Мало-Ярославецъ въ Москву и приблизительной стоимости предполагаемой дороги; 2) сообщить проектъ Калужскому дворянству и пригласить его не угодно ли ему 170,000 собранныхъ на проведеніе шоссе изъ Калуги обратить на желѣзную дорогу, съ правомъ быть пайщиками этого дѣла; 3) печатные экземпляры проекта разослать ко всѣмъ землевладѣльцамъ, въ города и волостныя правленія, приглашая къ участію.

Въ Новгородѣ Старорусскій почетный гражданинъ Четвериковъ предложилъ устроить желѣзно-конную дорогу для соединенія желѣзныхъ дорогъ Николаевской и петербургско-варшавской. Протяженіе этой дороги Севериковъ полагаетъ до 309 верстъ, крайнія точки ея: у Николаевской дороги въ 100 верстахъ къ сѣверу отъ Вышняго-Волочка, и у Варшавской близъ Пскова; направленіе ея на Зайцево, Новгородъ, Шимскъ, и Сольцу. Стоимость дороги предполагается среднимъ числомъ въ 5,000 руб. верста, что составляетъ на всю дорогу $1\frac{1}{2}$ милліона руб. Сумму эту предполагается покрыть сборомъ съ земли въ губерніяхъ Новгородской и Псковской съ 14,500,000 дес. по 10 к. съ десятины, съ разсрочкою въ 3 — 4 года. Выгода предполагаемой дороги состоитъ въ удобствѣ сообщенія съ Рижскимъ портомъ. Собраніе передало это дѣло въ управу, для разработки и представленія въ будущую сессію.

Въ Казанскомъ губернскомъ собраніи, по предложенію повѣреннаго гг. Шиповыхъ, возникъ вопросъ о проведеніи желѣзной дороги отъ Казани до Волжскихъ пристаней (около 7 верстъ). Земство, сознавая прямую оттого пользу для торговли и промышленности города Казани и всей губерніи, положило: на случай необходимости воспользоваться при устройствѣ этой дороги сооруженіями, устроенными и ремонтируемыми на счетъ земства (дамбою и каменною мостовою), уполномочить земскую управу заключить условіе на такое временное пользованіе сооруженіями земства, съ тѣмъ, чтобы учредители обезпечили залогомъ исправное содержаніе сооруженій, безпрепятственное сообщеніе по этому пути для экипажей, пѣшеходовъ и прогоняемаго скота, и возвратить въ цѣлости сооруженія съ передачею земству, послѣ опредѣленнаго срока, части подвижнаго состава, служившаго для сообщенія на пространствѣ желѣзно-конной дороги, устроенной на земскихъ сооруженіяхъ.

Такимъ образомъ, мысль объ устройствѣ желѣзно-конныхъ дорогъ въ видѣ промежуточныхъ или соединительныхъ линій между главными линіями желѣзныхъ дорогъ и торговыми пунктами заявлена была съ разныхъ сторонъ. Она заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что наши шоссейныя дороги имѣютъ главнымъ образомъ въ виду государственныя, а не торговыя цѣли, и во многихъ направленіяхъ нисколько не помогаютъ промышленному движенію, имѣющему свои привычные, хотя и совершенно неустроенные, пути; между тѣмъ шоссейныя дороги у насъ стоили болѣе 10,000 р. [1]) за версту, во что могутъ обойтись и желѣзно-конныя дороги, несравненно болѣе полезныя. Замѣтимъ мимоходомъ, что та же самая мысль о желѣзно-конныхъ дорогахъ высказана въ недавно появившейся брошюрѣ А. П. Шипова: «О средствахъ къ устраненію нашихъ финансовыхъ затрудненій.»

Земство обратило вниманіе также и на водяные пути.

Воронежское собраніе хлопочетъ *объ улучшеніи судоходства по р. Дону съ его притоками.* По заявленію Бобровскихъ гласныхъ, воронежское купечество, въ началѣ настоящаго года, принимая во вниманіе съ одной стороны важность судоходства по р. Дону для благосостоянія всей вообще губерніи [2]), — а съ другой жалкое его состояніе, вслѣдствіе засоренія донскаго фарватера и безуспѣшности доселѣ принимавшихся мѣръ къ его очисткѣ, опредѣлило: ходатайствовать о передачѣ завѣдыванія этою рѣкою земскимъ учрежденіямъ и просить дворянство присоединиться къ этому ходатайству. Дворянство не сочло себя вправѣ это сдѣлать, но опредѣлило передать вопросъ объ этомъ ходатайствѣ самимъ земскимъ учрежденіямъ. Разсматривая по такому поводу настоящій вопросъ, Бобровское уѣздное собраніе признало полезнымъ: 1) поручить особо избранной коммиссіи изслѣдованіе донскаго фарватера, размѣры и цѣнность судоходнаго движенія по Дону и причины вліяющія на него въ хорошую и дурную сторону, причемъ просить вѣдомство путей сообщенія командировать отъ себя въ составъ этой коммиссіи одного или нѣсколькихъ техниковъ для составленія соображеній и смѣтъ, по части самыхъ настоятельныхъ работъ;

---

[1]) Въ «Запискѣ объ устройствѣ въ Херсонской губерніи шоссе по главному почтовому тракту», переданной въ губернскую управу мѣстнымъ начальникомъ губерніи, стоимость шоссированной настилки отъ $2\frac{1}{2}$—3 саж. ширины, при толщинѣ щебня въ 8 дюймовъ ($4\frac{1}{2}$ вершка), съ каменными мостами, обойдется верста 1,350 р.; но собраніе признало такую ширину дороги и толщину насыпи неудовлетворительною для шоссейной дороги, — при ширинѣ же въ 4 сажени и насыпи въ 8 вершковъ, верста дороги, по предположенію коммиссіи обойдется 2,400 р. Любопытно сравнить эту цифру поверстной стоимости съ дѣйствительно израсходованною, при постройкѣ нашихъ шоссе!?

[2]) По заявленію гг. Клочкова, по Дону ежегодно отправляется болѣе 500,000 четвертей хлѣба (до 5 милл. пудовъ) и этотъ грузъ принадлежитъ почти весь Воронежской губерніи.

2) просить чтобы судохозяева и купцы, производящіе торговлю на Дону, а также земство прибрежныхъ губерній, имѣли голосъ чрезъ представителей въ предположеніяхъ объ улучшеніи судоходства по этой рѣкѣ и ея притокамъ, въ утвержденіи по сему смѣтъ и пріемкѣ и повѣркѣ отчетовъ и работъ. Губернское собраніе возложило исполненіе этого предположенія на губернскую управу, которой поручило собрать свѣдѣнія, указанныя Бобровскимъ земствомъ и кромѣ того о пристаняхъ, существующихъ уже на Дону и пунктахъ, гдѣ онѣ могутъ быть вновь устроены; а затѣмъ снестись съ вѣдомствомъ путей сообщенія и просить свѣдѣній какъ о судоходствѣ по Дону, такъ и о затратахъ, ежегодно употребляемыхъ на очистку гирлъ и поддержаніе Дона въ судоходномъ состояніи. Всѣ эти свѣдѣнія должны быть представлены въ будущую сессію собранію [1]).

Въ Тверскомъ земскомъ собраніи, по вопросу о путяхъ сообщенія, встрѣтился слѣдующій любопытный докладъ. Ржевское собраніе внесло ходатайство о передачѣ въ вѣдѣніе земства бичевника р. Волги въ Ржевскомъ уѣздѣ. Противъ этого ходатайства слѣдующее. Въ 1847 г. управленіе путей сообщенія испросило Высочайшее соизволеніе на установленіе $^1/_4\%$ сбора со стоимости товаровъ, отправляемыхъ по теченію Волги, съ цѣлію приведенія въ порядокъ ея фарватера. Съ того времени, сборъ этотъ продолжается уже 18 лѣтъ, но фарватеръ вверхъ отъ Твери, остается въ томъ же самомъ положеніи, несчастія съ судами, вслѣдствіе постепеннаго обмеленія, случаются все чаще и чаще. Поэтому ржевское купечество въ 1864 г. обратилось къ г. министру путей сообщенія и просило его сдѣлать распоряженія объ очисткѣ мелкихъ мѣстъ въ Волгѣ на счетъ $^1/_4\%$ сбора съ купечества гг. Ржева, Зубцова и Старицы, но никакого отвѣта не получило. Коммиссія, разсматривавшая этотъ проектъ, съ приглашеніемъ спеціалистовъ, убѣдилась: 1) что дѣйствительно часть р. Волги отъ Твери до ея верховья находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи; 2) для исправленія фарватера, съ цѣлію сдѣлать это пространство вполнѣ судоходнымъ, согласно прежде составленнымъ смѣтамъ, требуется устройство второго вспомогательнаго водохранилища на озерѣ Сели-

---

[1]) По *улучшенію судоходства*, приняты мѣры еще въ Смоленской губерніи. Для улучшенія судоходства отъ Порѣчскихъ, Бѣльскихъ и Верхне-Волжскихъ пристаней, Смоленское собраніе предположило ходатайствовать о передачѣ въ завѣдываніе земства сбора съ судовъ, сплавляемыхъ по Западной Двинѣ къ Ригѣ, предназначеннаго на улучшеніе судоходства отъ Порѣчскихъ и Бѣльскихъ пристаней, а равно сбора съ барокъ, отправляемыхъ съ Гжатскихъ и Ярыгинскихъ пристаней; а для усиленія отпуска съ Верхне-Волжскихъ пристаней, принять мѣры къ открытію пристани въ г. Сычевкѣ, и войти въ сношеніе съ владѣльцами мельницъ по р. Вазусѣ, ниже Сычевки, а также ходатайствовать объ уничтоженіи двухъ мельницъ, принадлежащихъ министерству государственныхъ имуществъ.

герѣ, съ израсходованіемъ на это сооруженіе около 164,000 р.; 3) вся сумма сбора, поступающаго съ грузовъ, составляетъ 385,672 р., въ томъ числѣ въ предѣлахъ Тверской губерніи около 9,800 р., такъ что, по смѣтѣ 1866 г., недостающая на поддержаніе водныхъ путей сумма 717,555 руб. [1]) будетъ отпущена изъ государственной казны. На этомъ основаніи коммиссія пришла къ заключенію, что не предстоитъ возможности принять на отвѣтственность земства ту часть государственнаго дѣла, которая превышаетъ мѣстныя средства и только можетъ вовлечь въ справедливый упрекъ, а можетъ быть и въ бо̀льшіе еще безпорядки въ судоходствѣ, чѣмъ тѣ, которые встрѣчаются въ настоящее время. Въ виду этихъ фактовъ собраніе приняло заключеніе коммиссіи: «Просить г. министра путей сообщенія обратить вниманіе дѣйствительно на самое грустное положеніе судоходныхъ путей, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ по Тверской губерніи.

«Верховье Волги, говоритъ коммиссія, брошено безъ вниманія, Вышневолоцкіе каналы,—наслѣдіе великихъ помысловъ Петра,—потеряли свое значеніе не потому, чтобы желѣзныя дороги могли мѣшать путямъ водянымъ, соперничающимъ съ ними во всѣхъ государствахъ къ взаимной выгодѣ возрастающаго торговаго значенія тѣхъ и другихъ, и не потому, чтобы улучшеніе путей Маріинскаго и Тихвинскаго каналовъ привлекало судопромышленность въ ту сторону, а потому, что водяные пути по Тверской губерніи и Вышневолоцкой системѣ не пользуются попеченіемъ объ нихъ. Тверь много отъ этого страдаетъ, а съ нею и всѣ сословія земства!»

Между тѣмъ, тоже собраніе нашло, что, по опубликованнымъ свѣдѣніямъ, на ремонтъ шоссейныхъ дорогъ министерство путей сообщенія издерживаетъ ежегодно по 526 р. на версту, что составитъ на 240 верстъ шоссе, пролегающаго по Тверской губерніи, 126,000 р. На этомъ основаніи гл. Балкашинъ предложилъ обратиться съ просьбою къ г. министру о передачѣ въ вѣдѣніе земства какъ шоссейной дороги въ Тверской губерніи, такъ и тѣхъ денегъ, которыя тратятся на ремонтъ ея, въ надеждѣ что земство не израсходуетъ всей суммы и остатокъ ея можетъ быть употребленъ на улучшеніе тѣхъ путей сообщенія, которые требуютъ капитальныхъ исправленій. Соглашаясь съ сущностью этой мысли, собраніе поручило управѣ разработать этотъ вопросъ къ будущей сессіи.

Если мы присоединимъ къ этимъ даннымъ намѣреніе Ярослав-

---

[1]) А между тѣмъ каждый дистанціонный начальникъ ѣздитъ по Волгѣ на самомъ изящномъ пароходѣ, величиною не менѣе пассажирныхъ пароходовъ «Самолета». Сколько стоило устройство такихъ великолѣпныхъ рѣчныхъ судовъ, для наблюденія надъ постепеннымъ засореніемъ фарватера одной изъ главнѣйшихъ судоходныхъ рѣкъ цѣлаго міра!

скаго земства провести шоссе отъ Ярославля до Вологды чрезъ уѣзды Ярославскій, Романово-Борисо-Глѣбскій, Даниловскій и Любимскій [1]), то этимъ мы можемъ закончить обзоръ дѣйствій земскихъ учрежденій по *устройству улучшенныхъ путей сообщеній*. По этому предмету въ Ярославскомъ губернскомъ собраніи состоялось слѣдующее распоряженіе: «Поручить губернской управѣ сдѣлать къ будущему собранію изысканія выгоднѣйшаго направленія Ярославско-Вологодскаго шоссе и смѣту его стоимости, а равно и предположеніе объ источникахъ для покрытія этого расхода; для этого ассигновать на расходъ 500 р. изъ остатковъ земскихъ сборовъ.»

Намъ бы слѣдовало теперь перейти къ не менѣе важному обзору, дѣйствій земскихъ учрежденій по устройству *обыкновенныхъ дорогъ*; но по сложности этого вопроса и обилію матеріаловъ, мы отлагаемъ его на будущее время. Н. КОЛЮПАНОВЪ.

III.

«НА КОВНУ ИЛИ НА РИГУ»?

(Корреспонденція изъ Либавы).

..... Что Либава — лучшій у насъ портъ на Балтійскомъ морѣ, это не подвержено сомнѣнію: Либава ближе всѣхъ другихъ балтійскихъ портовъ къ государствамъ западной Европы, съ которыми у насъ самыя дѣятельныя торговыя сношенія; навигація тамъ продолжается почти всегда круглый годъ; если же портъ и замерзаетъ иногда, то не болѣе, какъ недѣли на двѣ, тогда какъ первые по торговлѣ наши порты на этомъ же морѣ находятся подо льдомъ: рижскій три мѣсяца, а кронштадтскій полгода. Не говорю уже о дальности разстоянія ихъ отъ заграничныхъ береговъ; эта дальность, сильно увеличивая для Риги и Кронштадта фрахты за доставку товаровъ, требуетъ кромѣ того много лишняго (противъ Либавы) времени, благодаря неудобству нагрузки и выгрузки товаровъ въ обоихъ портахъ, а въ кронштадтскомъ еще и перегрузкѣ ихъ на малыя суда; между тѣмъ въ Либавѣ большіе корабли могли бы подходить вплоть къ пристани, отъ которой только въ нѣсколькихъ саженяхъ и параллельно ей тянется длинный рядъ складочныхъ магазиновъ, такъ что корабли, можно сказать, подходятъ къ самымъ магазинамъ. Наконецъ,

[1]) Мысль о постепномъ шоссированіи всѣхъ дорогъ въ губерніи изложена въ запискахъ гг. Васильева въ Ярославское губернское собраніе и Трубникова въ Тверское; оба эти предположенія, — не смотря на очевидную ихъ пользу, не могли получить хода, вслѣдствіе недостатка земскихъ средствъ.

и въ бурное осеннее время судну несравненно безопаснѣе пройти изъза границы въ Либаву и изъ нея назадъ, чѣмъ въ Ригу и Кронштадтъ и обратно. Не смотря однако на такія громадныя преимущества либавскаго порта, торговля его совершенно ничтожна въ сравненіи съ торговлею портовъ рижскаго и кронштадтскаго, и единственно оттого, что онъ вовсе лишенъ сколько нибудь сносныхъ путей сообщенія съ внутренними губерніями. Кто отъ этого теряетъ? Конечно, Либава, но ея потеря ничтожна по сравненію съ тѣмъ, что терпятъ отъ того наши внутреннія губерніи. Правда, Курляндія, по словамъ г. Орановскаго, обладаетъ *лучшими* въ Россіи грунтовыми дорогами *(Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Курляндская губернія. Спб. 1862 года, страница 68)*; но никакія грунтовыя дороги, хотя бы и превосходныя, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ искусственными путями сообщенія. Вотъ почему именно подъ самымъ, такъ сказать, носомъ Либавы проходитъ громадное количество грузовъ по Нѣману въ сосѣдственные съ нею прусскіе порты: Мемель, Кенигсбергъ, Данцигъ, Пилау и Штеттинъ. А эти грузы поставляетъ на Нѣманъ огромное пространство Россіи, крайніе предѣлы котораго составляютъ губерніи: Смоленская, Калужская, Орловская, Курская, Харьковская, Полтавская, Екатеринославская и Херсонская. Не мудрено по этому, что либавское купечество вотъ уже 30 лѣтъ хлопочетъ о желѣзной дорогѣ на Нѣманъ *), и особенно въ послѣднее время, когда проведеніемъ варшавской желѣзной дороги и ея вѣтви на Пруссію, мы еще болѣе увеличили количество нѣманскихъ грузовъ, оттянувъ въ пользу Пруссіи отъ Либавы и послѣдніе, болѣе дальніе подвозы къ ней. Вся эта несмѣтная масса разнообразныхъ предметовъ, большая часть которыхъ проходитъ по Россіи цѣлыя тысячи верстъ, въ самомъ концѣ своего по истинѣ многотруднаго плаванія (то есть именно тогда, когда пожинаютъ уже плоды понесенныхъ трудовъ и вознаграждаютъ разныя жертвы) поступаетъ въ полное распоряженіе прусскихъ таможенъ, которыя, такимъ образомъ, ни сѣявъ, ни жавъ, получаютъ львиную долю этихъ плодовъ, не неся однако никогда ни малѣйшей жертвы: не до того же великодушна въ самомъ дѣлѣ Пруссія, чтобы вредить своей торговлѣ и промышленности, не стѣснять нашей торговли всѣми возможными и невозможными средствами, и не высасывать изъ нея болѣе, кажется, нежели можно высосать... И вотъ доказательство тому, какъ невыносимъ для нашей торговли убійственный

*) Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи многочисленныя работы и добросовѣстныя изслѣдованія г. Улиха, которому Либава такъ много обязана своимъ внутреннимъ благосостояніемъ. Г. Улихъ составилъ проектъ желѣзной дороги изъ Либавы почти 20 лѣтъ тому назадъ. — *Ред.*

гнетъ прусскихъ таможенъ. Когда состоялось предположеніе соединить рѣку Виндаву съ Нѣманомъ, то въ царствѣ Польскомъ, чтобъ избавиться гнета Данцига, поспѣшили соединить Нѣманъ съ Вислою посредствомъ Августовскаго канала, предпочитая лучше отправлять грузы, едва ли не въ *четверо дальше*, въ Виндаву, нежели въ Данцигъ, не смотря даже и на то, что фрахты въ ней, по дальности порта ея отъ заграничныхъ мѣстъ доставки грузовъ, несравненно выше, нежели въ Данцигѣ: каковъ, значитъ, размѣръ этого гнета!... Къ сожалѣнію, соединеніе Виндавы съ Нѣманомъ не состоялось, и мы по прежнему продолжаемъ *таскать для Пруссіи каштаны изъ огня*, сплавляя товары по Нѣману и Вислѣ... Послѣ этого уже само собою понятно, какое громадное значеніе для нашей торговли и сельской промышленности могла бы имѣть желѣзная дорога *въ Либаву изъ Ковны*, гдѣ Нѣманъ пересѣкается желѣзною дорогою. А вслѣдствіе того само собою понятно уже и то, какимъ страшнымъ ударомъ могла бы быть эта дорога для упомянутыхъ прусскихъ портовъ, и вотъ почему именно *пруссаки*, а не кто нибудь другой, никогда не бравшіеся за постройку желѣзныхъ дорогъ въ другихъ государствахъ, такъ дѣятельно хлопотали о дозволеніи имъ соединить желѣзнымъ путемъ Либаву съ Ригой: они знали, что Либава сильно хлопочетъ о томъ; но знали они такъ же и то, что, если за удовлетвореніе этой необходимости возьмется *кто бы то ни было другой*, только не они, пруссаки, то дорога будетъ проведена непремѣнно на Ковну, а это было бы ударомъ для нихъ, и потому они рѣшились, во что бы то ни стало, отвести наши глаза, будто бы удовлетворивъ пользамъ Либавы проведеніемъ дороги на Ригу. Къ сожалѣнію ихъ усердныя хлопоты нашли сильное сочувствіе и дѣятельную поддержку въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ кружкахъ. Мы выразимся также въ пользу этой дороги, если намъ скажутъ, что она необходима для того, чтобы сплотить Курляндію съ Лифляндіею самымъ прочнымъ, *вполнѣ желѣзнымъ образомъ*, тогда какъ желѣзная дорога на Ковну можетъ, напротивъ, способствовать одному разъединенію ихъ. Но никто не хлопочетъ о болѣе тѣсномъ соединеніи Остзейскаго края, взятаго самого по себѣ, и кому оно можетъ быть нужно? Правда, Рига не мало положила здѣсь своего горячаго усердія, потому что для ея торговли и желать уже нельзя ничего лучшаго, какъ прямой дороги въ Пруссію, и вотъ въ прошломъ году производились уже, на счетъ нашей казны, изысканія о направленіи остзейско-прусской желѣзной дороги, а въ нынѣшнемъ уже просятъ концессіи на постройку ея. Между тѣмъ эта дорога, *дважды* вредная для Россіи, *дважды* же вредна и для торговли. Служа интересамъ противнымъ Россіи, эта дорога вредитъ и въ другихъ отношеніяхъ. Висла, протекая черезъ все царство Польское и притомъ почти посрединѣ его, и принимая въ немъ *девять*

судоходныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ, обнимаетъ своимъ бассейномъ *всю* поверхность царства: слѣдовательно, вся торговля и промышленная дѣятельность его устремилась бы опять на Данцигъ, какъ и теперь, а не на Ковну. Что же касается до двойного вреда этой прусско-остзейской дороги въ экономическомъ отношеніи, то, оставляя по прежнему нашу торговлю въ ежовыхъ рукавицахъ Пруссіи, она въ то же время совершенно убьетъ и безъ того уже ничтожную отпускную торговлю Либавы, страшно усиливъ, взамѣнъ того, привозъ.

Теперь всѣ понимаютъ, что самый жизненный вопросъ для Россіи увеличеніе, во что бы то ни стало, нашего отпуска, а уже никакъ не хлопоты объ усиленіи привоза, тѣмъ болѣе искусственнымъ образомъ и на счетъ отпуска; стараться о противномъ, было бы просто самоубійствомъ [1]). А что рижско-либавская дорога убьетъ отпускъ Либавы, то это ясно для каждаго: не Либавѣ же въ самомъ дѣлѣ тягаться съ Ригой, торговый оборотъ которой превышаетъ оборотъ либавской торговли почти въ 15 разъ. По этому та часть грузовъ, которая идетъ теперь въ Либаву съ сѣвера, повернетъ тогда на Ригу, гдѣ, при большемъ развитіи торговли, и сбытъ ихъ, разумѣется, удобнѣе и выгоднѣе; съ остальною же затѣмъ частію теперешнихъ отпускныхъ товаровъ своихъ Либава сдѣлается ничтожнымъ городомъ по отпуску, который не замедлитъ и совсѣмъ прекратиться. Но пусть не утѣшаются тѣмъ, что въ общемъ результатѣ все равно, одна ли Рига будетъ отпускать товары за два порта, или Рига и Либава: два порта всегда могутъ отпустить болѣе, нежели соединенный изъ нихъ одинъ. Пусть такъ же не утѣшаютъ себя и тѣмъ, что тѣ грузы, которые теперь не успѣваютъ отправить за-границу Петербургъ и Рига до закрытія навигаціи, и тѣ, которые необходимо было бы отправить изъ нихъ туда до открытія ея, пойдутъ тогда чрезъ Либаву: этого не будетъ, и вотъ почему. Судоходство при рижскомъ портѣ продолжается, какъ уже сказано, тремя мѣсяцами долѣе, нежели при кронштадтскомъ: пользуется ли же этимъ петербургское купечество для отправки своихъ товаровъ чрезъ Ригу? да или нѣтъ? А если нѣтъ, то еще менѣе пошлетъ свои товары въ Либаву Рига, которой переждать три мѣсяца и даже менѣе иногда едва ли не выгоднѣе, чѣмъ платить за провозъ на разстояніи 230 верстъ, платя также и за коммиссію. Такія отправки воз-

---

[1]) По этому желѣзныя дороги необходимо прежде всего направлять на тѣ порты, которые отличаются наибольшимъ, *сравнительно,* перевѣсомъ отпуска надъ привозомъ. Въ этомъ смыслѣ Ростовъ на Дону *первый* въ Россіи городъ. По свѣдѣніямъ *Государственной внѣшней торговли Россіи* за 1860, 1861 и 1862 гг. отпускъ Ростова, въ этотъ періодъ времени, простирался слишкомъ на 33 милліона руб. сер., а привозъ только на 13,000 съ небольшимъ; тогда какъ Таганрогъ, который споритъ съ нимъ о желѣзной дорогѣ, отпустилъ въ эти годы только на 20 милліоновъ съ небольшимъ, а самъ получилъ изъ-за границы почти на 8 милліоновъ — разница огромная!

можны только при исключительныхъ обстоятельствахъ; но вѣдь не для исключительныхъ же обстоятельствъ строятся желѣзныя дороги. Если же, наконецъ, допустить, что такія отправки могутъ быть постоянны, то даже и въ такомъ случаѣ не стоитъ строить дорогу для какихъ нибудь трехъ мѣсяцовъ. Такимъ образомъ, относительно отпуска, прусско-остзейская дорога не только безполезна, но вредна. Но она во сто разъ вреднѣе по отношенію къ привозу: все то, чего не успѣютъ получить Петербургъ и Рига изъ-за границы до закрытія навигаціи, и все то, чего бы имъ ни пожелалось до открытія ея—все это легко и скоро они получатъ чрезъ Либаву, благодаря этой дорогѣ. Этого ли хочетъ Россія (не Остзейскій край и не Пруссія)? Если этого, то начинать эту дорогу надо сегодня же... Скажутъ, быть можетъ, что все это придетъ къ намъ и безъ этой дороги, посредствомъ контрабанды или и законнымъ путемъ, но только не много позже. Придетъ конечно, но далеко уже не въ такомъ размѣрѣ: легкость и своевременность доставки увеличиваютъ требованіе, а затруднительность и несвоевременность уменьшаютъ его.

Наконецъ, рижско-либавская дорога вредна или, по меньшей мѣрѣ, безполезна и въ стратегическомъ отношеніи, идя почти по самой окраинѣ имперіи; тогда какъ либавско-ковенская совершенно противоположна ей и въ этомъ отношеніи, идя въ глубь страны и главное почти *перпендикулярно* границѣ, что особенно важно. Нѣтъ сомнѣнія, что пруссаки не упускали изъ виду этого обстоятельства, хлопоча о параллельномъ направленіи къ морю.

Но можетъ быть, кому нибудь мои доводы не покажутся убѣдительными; въ такомъ случаѣ взглянемъ на остзейско-прусскую желѣзную дорогу съ другой стороны. Спрашивается: нужна ли желѣзная дорога между городами, которые не имѣютъ даже пароходнаго сообщенія другъ съ другомъ, *не смотря на всѣ средства къ тому?* Петербургъ, Рига, и даже Митава имѣютъ свои пароходы, и первые два города даже въ большомъ числѣ, и однакожъ ни *одинъ* изъ этихъ трехъ городовъ ни *одного* изъ своихъ своихъ пароходовъ *ни разу* не послалъ въ Либаву въ послѣдніе годы *). А между тѣмъ въ Ригѣ, напримѣръ, даже перевозъ на Двинѣ содержится пароходами. Либава, и съ своей стороны, отвѣчаетъ тѣмъ же этимъ городамъ, имѣя тоже два или три парохода (собственно, впрочемъ, для цѣлей по устройству порта ея, который приводится теперь въ лучшее прежняго состояніе). Но мало того, что пароходнаго сообщенія, не только регулярнаго, но и случайнаго даже нѣтъ между ними и Либавой: *оно и*

*) Есть слухъ, что Либава устраиваетъ одинъ пароходъ, который будетъ ходить въ Ригу съ будущаго года. Въ нынѣшнемъ году ходилъ пароходъ «Ольга», но имъ можно было пользоваться, какъ мы слышали, не безопасно. — *Ред.*

быть не можетъ! Не можетъ потому, что уже была попытка къ нему и рушилась: значитъ, не нужно! Что можетъ быть убѣдительнѣе этого? что можетъ быть убѣдительнѣе того, что купечество Либавы, составляя четыре проекта о соединеніи ея желѣзною дорогою съ разными пунктами, ни одного разу не подумало о Ригѣ, и даже теперь уже, когда пруссаки выдумали эту Ригу и дали ей ходъ, оно не перестаетъ хлопотать о дорогѣ на Ковну? А кому же и знать какія либо нужды, какъ не тому, кто испытываетъ ихъ, какъ не либавскому купечеству?

И точно: даже съ Москвой имѣетъ Либава болѣе торговыхъ сношеній, чѣмъ съ Ригой [1]); у либавскихъ купцовъ преимущественно товаръ русскій, отъ мусатовской помады до ярославскаго полотна. Наконецъ, дорога изъ Риги на Либаву прошла бы вся по мѣстности и безъ того уже богатой хорошими путями сообщенія, состоящими, съ одной стороны, въ близости моря, открытаго для плаванія почти цѣлый годъ, а съ другой, въ превосходныхъ грунтовыхъ дорогахъ; тогда какъ на Ковну она почти вся прошла бы по Ковенской губерніи, дороги которой не лучше дорогъ прочихъ губерній.

Если же, при устройствѣ либавско-ковенской дороги, принять бы еще сообразныя таможенныя мѣры на прусской границѣ, чтобъ сразу повернуть грузы Нѣмана на Либаву, или, еще лучше, чтобъ убить контрабанду на западной границѣ нашей, объявить этотъ городъ порто-франко по крайней мѣрѣ лѣтъ на пять, пока окрѣпнетъ торговля его, то онъ просто уничтожилъ бы и Мемель и Кенигсбергъ, отлично отстроившійся на нашъ счетъ. Можно бы, впрочемъ, достигнуть всѣхъ этихъ результатовъ и другимъ путемъ, именно: если бы мы могли когда нибудь округлить нашу границу такъ, чтобы, обмѣномъ или покупкой, устья Нѣмана достались намъ, и мы такимъ образомъ достигли бы естественныхъ границъ. Европа находившая, что устьямъ Дуная не слѣдуетъ быть во власти Россіи, должна же быть послѣдовательною и согласиться, что также и устьямъ Нѣмана не слѣдуетъ оставаться въ рукахъ Пруссіи.

Можетъ быть, мы опоздали; можетъ быть, оствейская-прусская желѣзная дорога есть уже совершившійся фактъ. Но и въ такомъ случаѣ необходимость для Россіи имѣть просто русскую желѣзную дорогу къ Балтійскому морю въ теченіе круглаго года — не упраздняется, и даже, мы увѣрены въ этомъ, сдѣлается еще болѣе настоятельною и очевидною безъ нашихъ словъ. М. Х—ОВЪ.

---

[1]) Потому собственно, что Москва рискованнѣе кредитуетъ, чѣмъ Рига, а кромѣ того и товаръ московскій, будучи достоинствомъ ниже рижскаго, большею частію, дешевле и слѣдовательно доступнѣе для массы покупателей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ АВСТРІИ СЪ 1859 ГОДА.

Австрійскія партіи и причина колебаній австрійскаго правительства. — Федералистская система 1860-го года. — Централистская система 1861-го года и причина неуспѣшности ея. — Императорскій манифестъ 20-го сентября 1865-го года и паденіе парламентской системы въ Австріи. — Попытки австрійскаго правительства къ соглашенію съ Венгріей. — Отношеніе Трансильваніи и Кроаціи къ Венгріи. — Засѣданія венгерскаго сейма $18^{65}/_{66}$ года. — Переворотъ касательно общихъ дѣлъ Австріи и Венгріи. — Закрытіе засѣданій венгерскаго сейма, и возобновленіе ихъ съ 19-го ноября 1866 года. — Виды на соглашеніе.

Исторія Австріи, за послѣднія 6 — 7 лѣтъ, есть не что иное, какъ безпрерывная перемѣна системъ, которыя постоянно оказываются равно неудовлетворительными въ глазахъ вѣнскаго правительства и вызываютъ его все къ новымъ и новымъ экспериментаціямъ надъ подвластными ему народами. Съ 1849 до 1859 года абсолютистская система безраздѣльно господствовала на всей территоріи обширной австрійской монархіи, и никто изъ государственныхъ людей ея не думалъ ни о какихъ иныхъ системахъ, ни о какихъ экспериментаціяхъ. Но когда событія 1859 года ясно доказали австрійскому правительству, что эта система, считавшаяся дотолѣ единственно пригодною для обезпеченія счастія и благоденствія ея народовъ и силы государства, лишила Австрію всякой внутренней силы и привела ее на край погибели; когда вмѣстѣ съ итальянской войною обнаружились всѣ вопіющія злоупотребленія, въѣвшіяся во всю австрійскую администрацію; тогда въ Вѣнѣ рѣшено было перемѣнить систему внутренняго управленія съ тѣмъ, чтобы посредствомъ этой перемѣны доставить Австріи благоденствіе внутри и силу извнѣ. Но тутъ-то для австрійскаго правительства начались такія затрудненія, которыя не мыслимы для другихъ европейскихъ государствъ. Въ большей части государствъ существуетъ уже всѣмъ извѣстное раздѣленіе политическихъ партій; есть монархисты и республиканцы, легитимисты и революціонеры, абсолютисты и конституціоналисты, консерваторы и прогрессисты, реакціонеры и либералы. Конституціонализмъ есть отрицаніе абсолютизма, либерализмъ—реакціонерства, и т. д. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ одна политическая система является прямымъ отрицаніемъ другой, перемѣна системы не можетъ представить слишкомъ серіозныхъ затрудненій. Затрудненія, конечно, могутъ произойти и здѣсь, напр., отъ различнаго пониманія правительствомъ и народомъ конституціонныхъ правъ каждаго изъ нихъ, или напр., отъ желанія

правительства взять назадъ обѣщанное, или же отъ желанія народа получить еще большія права, сравнительно съ тѣми, которыми онъ уже пользуется. Но всѣ эти затрудненія происходятъ, какъ мы видимъ, отъ различныхъ способовъ примѣненія въ практикѣ разъ выбранной системы: въ самомъ же выборѣ системы не можетъ быть особенныхъ затрудненій, потому что въ каждомъ данномъ случаѣ приходится выбирать только между двумя системами, изъ которыхъ одна является непремѣнно отрицаніемъ другой. Оказалась вредною абсолютистская система—приходится обратиться къ конституціонализму; если факты доказали, что консерваторы и реакціонеры принесли странѣ болѣе вреда, нежели пользы, они отстраняются, и на первый планъ выдвигаются либералы и прогрессисты; и наоборотъ, въ случаѣ неудовлетворительности конституціонной системы и управителей-либераловъ, они замѣняются системой абсолютизма, реакціонерами и клерикалами. Образцовъ такого равномѣрнаго, какъ маятникъ, движенія новѣйшая исторія Европы представляетъ намъ очень много. Франція, Пруссія Италія, Испанія—всѣ они въ послѣднія десятилѣтія не разъ мѣняли систему и переходили отъ монархизма къ республикѣ—и обратно, отъ абсолютизма къ конституціонализму—и обратно, отъ реакціонеровъ къ либераламъ—и обратно. Всѣ эти переходы и перемѣны системъ имѣютъ довольно правильное, равномѣрное движеніе, потому что они совершаются между двумя извѣстными, опредѣленными точками. Даже въ такія смутныя времена, какъ въ 1848 и 1849 году, движеніе это не утратило своего относительно правильнаго характера, и не выходило за разъ обозначившіеся предѣлы. Совсѣмъ не то мы видимъ въ Австріи. Вмѣсто обыкновеннаго, примѣнимаго ко всей остальной Европѣ, раздѣленія политическихъ партій, мы встрѣчаемъ здѣсь совершенно особенное раздѣленіе, названія и отношенія политическихъ партій. Это является отчасти необходимымъ послѣдствіемъ разнокалибернаго состава австрійской монархіи, различія историческихъ основъ, легшихъ въ основаніе учрежденій каждой изъ входящихъ въ составъ ея народностей, и наконецъ несходства политическаго міросозерцанія и самыхъ интересовъ всѣхъ этихъ народностей. Вмѣсто обычнаго дѣленія и обозначенія политическихъ партій, мы встрѣчаемъ въ Австріи централистовъ, федералистовъ, дуалистовъ, автономистовъ. Каждая изъ этихъ партій опять подраздѣляется на нѣсколько видовъ; есть централисты—абсолютисты и конституціоналисты, дуалисты—легитимисты и революціонеры, федералисты—олигархи и демократы; во всякой изъ этихъ партій есть кромѣ того клерикалы и либералы, консерваторы, прогрессисты, и т. д. Къ тому еще нужно замѣтить, что большая часть изъ этихъ партій сами хорошенько не понимаютъ, чего собственно имъ нужно, и чего онѣ добиваются отъ правительства. Они чувствуютъ вмѣстѣ съ правительствомъ, что существовавшій до-

селѣ порядокъ вещей не можетъ долѣе существовать; но за исключеніемъ венгровъ, имѣющихъ твердую программу и твердую основу для своихъ требованій, остальныя народности бродятъ какъ бы ощупью съ своими федерально-національными и централистическо-конституціонными стремленіями, которыя у нихъ часто принимаютъ форму діаметрально-противоположную дѣйствительнымъ интересамъ народовъ. Изъ этого долженъ былъ произойти страшный хаосъ, какъ скоро австрійское правительство разъ вышло изъ колеи абсолютизма. Равномѣрнаго движенія тутъ не можетъ быть; тутъ можетъ быть только бросаніе изъ стороны въ сторону и эксперименты надъ различными комбинаціями, которыя составляются изъ всѣхъ этихъ дѣленій и подраздѣленій политическихъ партій Австріи. Австрійское правительство убѣдилось въ томъ, что нужно отказаться отъ системы Меттерниха, Шварценберга и Баха; но тутъ передъ нимъ открывалось такое множество системъ и партій, которыя претендовали на полученіе наслѣдства послѣ клерикально-абсолютистской системы, что никакъ нельзя было рѣшиться на то, которой изъ нихъ отдать преимущество. Отсюда и начались колебанія во внутренней политикѣ австрійскаго правительства, которыя и до сихъ поръ еще не кончились и которымъ даже трудно предвидѣть конецъ. Съ 1860 года до настоящаго времени наслѣдниками Баховъ и Шварценберговъ являлись и олигархи-федералисты, и буржуазно-либеральные централисты, и консерваторы-дуалисты, и опять аристократическіе федералисты; были также попытки сближенія правительства и съ дуалистами-либералами, съ другой стороны были и попытки возвращенія къ старой системѣ, находившейся въ полной силѣ съ 1850 до 1859 года. Однимъ словомъ, начиная съ 1860 года, мы видимъ во внутренней исторіи Австріи хаосъ и путаницу безпримѣрныя.

Итальянская война обнаружила передъ всѣмъ свѣтомъ то, что давно уже существовало въ Австріи, но что доселѣ тщательно скрывалось отъ чужихъ глазъ: совершенное разстройство австрійскихъ финансовъ, страшныя злоупотребленія администраціи, всеобщая деморализація въ чиновничьей сферѣ, всеобщее неудовольствіе и крайнее недовѣріе къ правительству, возбужденныя бюрократическими притѣсненіями и полицейскимъ произволомъ. Реакція, господствовавшая въ Австріи цѣлыхъ десять лѣтъ, выказала всю свою несостоятельность; приходилось думать о томъ, какъ бы вывести монархію изъ такого жалкаго положенія.

Въ манифестѣ, въ которомъ 15-го іюля 1859 года императоръ Францъ-Іосифъ извѣщалъ свои народы о заключеніи виллафранкскаго мира, сказано было между прочимъ: «Благодѣянія мира для насъ вдвойнѣ драгоцѣнны, потому что они дадутъ намъ возможность обратить все наше вниманіе и всѣ наши заботы къ разрѣшенію лежащей

на насъ обязанности, а именно къ упроченію внутренняго благосостоянія и внѣшняго могущества австрійской имперіи, посредствомъ разумнаго развитія ея нравственныхъ и матеріальныхъ силъ и посредствомъ необходимыхъ улучшеній въ законодательствѣ и въ администраціи». Итакъ, императоръ Францъ-Іосифъ доказывалъ этими словами, что онъ понялъ несостоятельность безраздѣльно господствовавшей доселѣ системы, и что онъ желаетъ вступить на иной путь. Всѣ недовольные господствовавшей въ Австріи системой возрадовались, потому что каждая изъ партій ожидала, что перемѣна произойдетъ именно въ томъ смыслѣ, какъ ей этого желалось. Но процессъ перехода австрійскаго правительства съ стараго пути на новый совершался весьма медленно и туго. Дѣло въ томъ, что въ сферѣ, окружавшей императора, не могло совершиться никакого внезапнаго перерожденія. Люди, вскормленные, воспитанные, возмужавшіе и состарѣвшіеся на политическихъ идеяхъ временъ реакціи, никакъ не могли въ одну ночь, par ordre de moupht, сдѣлаться полными прогрессистами. А такъ какъ ихъ всѣхъ сразу удалить считалось невозможнымъ, то и оказалось, что послѣ итальянской войны при дворѣ образовалось нѣсколько партій, изъ которыхъ каждая старалась склонить императора на свою сторону. Императоръ Францъ-Іосифъ, который тоже былъ воспитанъ въ тѣхъ же политическихъ идеяхъ, какъ и большая часть окружавшихъ его лицъ, долгое время колебался между различными, вліявшими на него партіями. Чувствуя природное отвращеніе ко всему, что враждебно абсолютизму, онъ въ этихъ колебаніяхъ своихъ не разъ склонялся на сторону совѣтниковъ, которые предлагали ему не губить Австріи и не измѣнять политической системы. Но постоянно увеличивавшіяся финансовыя затрудненія Австріи внушили императору желаніе поискать въ иной политической системѣ средства къ поправленію австрійскихъ финансовъ, и эти соображенія склонили его къ медленному и нерѣшительному вступленію на путь политическихъ реформъ. Сначала въ мартѣ 1860 года появился императорскій манифестъ объ учрежденіи усиленнаго государственнаго совѣта, въ которомъ, рядомъ съ обычными совѣтниками короны, должны были засѣдать представители различныхъ коронныхъ земель, по назначенію отъ правительства. Но въ усиленномъ такимъ образомъ государственномъ совѣтѣ, дѣло не пошло на ладъ, преимущественно вслѣдствіе сопротивленія венгерцевъ принимать въ немъ участіе. Представители же другихъ народностей, чехи, поляки, а также и нѣмцы заговорили въ совѣтѣ о необходимости общихъ конституціонныхъ учрежденій. Тогда императоръ Францъ-Іосифъ, рѣшился, опять таки не безъ нѣкотораго колебанія, ступить еще шагъ впередъ по конституціонному пути. 20-го октября 1860 года изданъ былъ извѣстный императорскій дипломъ, имѣвшій въ виду «болѣе правильное политическое устрой-

ство монархіи, опредѣленіе правъ и отношеній всѣхъ входящихъ въ составъ ея королевствъ и провинцій, и въ то же время укрѣпленіе политическаго союза цѣлой монархіи.»

Октябрьская конституція давала не Богъ-знаетъ какія права отдѣльнымъ народностямъ, входящимъ въ составъ австрійской монархіи. Министры, назначенные императоромъ, сохраняли за собою исключительное право назначенія и распредѣленія податей и безконтрольнаго расходованія народной казны. Этимъ агентамъ центральнаго правительства далѣе предоставлено было исключительное право завѣдывать всѣми военными силами страны, т. е. право содержать такую многочисленную армію, какая только понадобится центральному правительству, и организовать ее такъ, какъ ему заблагоразсудится. Народнымъ представителямъ не предоставлено было ни малѣйшаго права контроля въ финансовомъ управленіи, ни малѣйшей доли участія въ назначеніи податей, такъ что, до какой бы высоты ни достигли налагаемыя на народъ подати и повинности, народъ не имѣлъ ни малѣйшаго права протестовать противъ этого устами своихъ представителей. Значитъ, въ самыхъ существенныхъ, въ самыхъ жизненныхъ для массы народа вопросахъ народные представители были лишены октябрьскимъ дипломомъ права голоса. Не смотря на эти существенные недостатки октябрьской конституціи, очень многіе изъ входящихъ въ составъ австрійской монархіи народностей остались довольны тѣмъ, что она давала имъ. Чехи, поляки, кроаты, иллирійцы, словаки (въ Моравіи) и т. д. были довольны тѣми новыми правами, которыя были «имъ дарованы или воскрешены для нихъ» императоромъ Францомъ-Іосифомъ. Это явленіе объясняется неопредѣленностью политической программы большей части изъ этихъ народностей. Притомъ нѣкоторая самостоятельность во внутренней администраціи, въ дѣлахъ церкви, въ дѣлѣ народнаго образованія и юстиціи съ прежней регламентаціей и произволомъ центральнаго правительства, могли показаться народнымъ руководителямъ различныхъ славянскихъ народностей Австріи, при отсутствіи у нихъ разумной и основанной на твердыхъ началахъ политической программы, весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ. Федералисты-олигархи вполнѣ согласны были съ программою государственнаго министра графа Голуховскаго (назначеннаго въ эту должность въ октябрѣ 1860 года, вслѣдъ за изданіемъ диплома), который хотѣлъ, чтобы каждая провинція жила жизнью по возможности болѣе локализированною, и чтобы учрежденія въ нихъ были по возможности болѣе аристократическія.

Національныя стремленія венгровъ имѣли болѣе твердое и болѣе разумное основаніе, нежели національныя стремленія прочихъ народностей Австріи. У нихъ національная политика была, начиная съ 1848 года, вмѣстѣ съ тѣмъ и либеральною политикою. Поэтому политика,

дѣлавшая уступки стремленіямъ къ національной самостоятельности, но оставлявшая безъ малѣйшаго вниманія либеральныя преданія венгерской націи, и не воскрешавшая либеральныхъ учрежденій ея, не могла удовлетворить руководителей венгерской націи. Идея Голуховскаго раздѣлить австрійскую монархію на нѣсколько самостоятельныхъ аристократическо-федеральныхъ государствъ, безъ возвращенія венграмъ выработанныхъ ими либеральныхъ учрежденій, не могла удовлетворить лучшихъ людей Венгріи. Съ другой стороны, аристократическая и консервативная партіи въ Венгріи остались недовольны тѣмъ, что октябрьскій дипломъ не дѣлалъ никакихъ исключеній для венгерской національности сравнительно съ прочими національностями: они въ своихъ узко-сословныхъ и узко-патріотическихъ стремленіяхъ желали, чтобы венгерской аристократіи даны были такія права, которыми не пользовалась аристократія въ другихъ провинціяхъ, и чтобы въ ряду австрійскихъ національностей венгры занимали привилегированное мѣсто, не на основаніи большей политической зрѣлости и большаго политическаго развитія своего, но на основаніи различныхъ правъ, наслѣдованныхъ отъ феодальныхъ среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ, въ Венгріи всѣ сословія остались недовольны октябрьскимъ дипломомъ, хотя и по различнымъ причинамъ.

Императоръ Францъ-Іосифъ видѣлъ, что, вступивши на путь федерализма, отъ котораго прежніе совѣтники его обѣщали ему всего хорошаго, онъ не только не достигнулъ устраненія всѣхъ обнаружившихся затрудненій, но скорѣе вызвалъ новыя затрудненія для центральнаго правительства. Поэтому онъ рѣшился отказаться отъ системы федерализма и попытать счастья въ новой системѣ. Значительная часть окружавшихъ его лицъ совѣтовали ему немедленно отказаться отъ всякихъ конституціонныхъ поползновеній, и возвратиться опять къ безграничному абсолютизму, оставивъ всякія дальнѣйшія экспериментаціи. Стоявшія близко къ нему лица изъ венгерской аристократіи совѣтовали ему дать самостоятельную организацію землямъ короны св. Стефана и оставить всѣ остальныя земли австрійской монархіи въ прежнихъ отношеніяхъ ихъ къ центральному правительству, т. е. рекомендовали ему систему дуализма съ феодально-консервативнымъ оттѣнкомъ. Наконецъ, буржуазно-либеральная нѣмецкая партія, представителемъ которой былъ Шмерлингъ, совѣтовала ему расширить политическія права нѣмецкой части монархіи, и въ то же время, уничтоживши значеніе, данное октябрьскимъ дипломомъ провинціальнымъ сеймамъ, учредить центрально-представительное собраніе, рѣшенія котораго были бы обязательны для всѣхъ частей монархіи. Хотя личныя симпатіи императора вовсе не лежали на сторонѣ этой послѣдней партіи, хотя онѣ безраздѣльно принадлежали первой изъ трехъ названныхъ нами партій, однако надежда достиг-

нуть какимъ бы то ни было образомъ поправленія австрійскихъ финансовъ побудила его сдѣлать еще новую попытку въ смыслѣ конституціонно-централистическомъ. Слѣдствіемъ этого рѣшенія его было то, что Голуховскій былъ удаленъ, и государственнымъ министромъ сдѣланъ былъ Шмерлингъ. Императорскимъ патентомъ 26 февраля учрежденъ былъ общій государственный сеймъ, котораго главное назначеніе состояло въ томъ, чтобы противодѣйствовать развитію мѣстнаго, областного самоуправленія, и сосредочить управленіе всѣми австрійскими областями въ одномъ общемъ центрѣ, который притомъ долженъ былъ имѣть преимущественно нѣмецкій характеръ. Множество дѣлъ, отданныхъ октябрьскимъ дипломомъ въ вѣдѣніе областныхъ сеймовъ и рѣшаемыхъ каждою областью сообразно съ своими преданіями и интересами, въ силу новаго патента переходили въ вѣдѣніе общаго сейма. Не только сеймъ Кроаціи, Трансильваніи и другихъ земель короны св. Стефана, но и самый венгерскій сеймъ были поставлены на одну линію и совершенно сравнены правами съ сеймами Зальцбурга, Истріи, Силезіи и т. д. Патенты 26-го февраля установляли, что провинціальные сеймы должны заниматься только мѣстными дѣлами, т. е. общественными сооруженіями, производимыми на общественный счетъ, вопросами сельско-хозяйственными и т. д.; сеймы эти должны были состоять изъ духовныхъ сановниковъ, изъ извѣстнаго числа крупныхъ землевладѣльцевъ, изъ представителей сельскихъ общинъ. Провинціальнымъ сеймамъ предоставлено было также право избирать посредствомъ прямыхъ выборовъ представителей въ нижнюю палату общаго государственнаго сейма, члены котораго по октябрьской конституціи назначались императоромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ число членовъ его было увеличено до 343 человѣкъ. Такъ какъ Шмерлингъ считался либераломъ, то онъ счелъ своею обязанностью заявить о своемъ либеральномъ направленіи немедленно по вступленіи своемъ въ должность. Съ этою цѣлью объявлена была равноправность всѣхъ вѣроисповѣданій (которая однакоже и въ его управленіе de facto никогда не существовала). Печатное слово объявлено было свободнымъ (а между тѣмъ въ теченіе первыхъ же двухъ лѣтъ послѣ изданія новаго закона о печати почти всѣ редакторы независимыхъ газетъ перебывали въ тюрьмѣ, и процессы по дѣламъ печати происходили чуть не каждый день). Объявлено было о реформѣ вѣдомства юстиціи, о совершенномъ отдѣленіи ея отъ администраціи, изданъ былъ законъ о личной свободѣ (но личная свобода и улучшеніе юстиціи существовали только на бумагѣ). Объявлено было, что провинціальнымъ сеймамъ принадлежитъ право иниціативы, и что разсужденія ихъ должны быть гласными (но и гласность эта, и право иниціативы были примѣнимы только къ вопро-

самъ о путяхъ сообщенія, о благотворительныхъ заведеніяхъ и другихъ еще менѣе незначительныхъ вопросахъ).

Такова была въ общихъ чертахъ февральская конституція, которою нѣмцы думали облагодѣтельствовать всю австрійскую имперію; такова была централистическо-конституціонная система Шмерлинга. Нѣмцы торжествовали и радовались тому, что должное воздано должному, что центробѣжное направленіе въ австрійской политикѣ перемѣнено на направленіе центростремительное, что уничтожена система, нарушающая принципъ государственной цѣлости, и что цивилизующему германскому элементу предоставлено обширное поле дѣятельности. Но не такъ отнеслись къ созданію Шмерлинга ненѣмецкія національности австрійской имперіи. Враждебнѣе всего отнеслись къ нему, разумѣется, привыкшіе къ національной самостоятельности, венгры. Они были уже недовольны октябрьскимъ дипломомъ, потому что онъ не въ достаточно полномъ видѣ возстановлялъ автономію и связь земель короны св. Стефана и силу выработанныхъ представителями венгерской націи законовъ 1848 года. Тѣмъ большее неудовольствіе возбудилъ въ нихъ февральскій патентъ, ставившій венгровъ въ отношеніи политическихъ правъ на одну линію съ какимъ нибудь Форальбергомъ или Зальцбургомъ, и дававшій представителямъ всѣхъ австрійскихъ провинцій право вмѣшиваться чрезъ своихъ представителей на общемъ сеймѣ во внутреннія дѣла Венгріи и даже имѣть въ этомъ отношеніи преобладающее вліяніе, такъ какъ соединенное число представителей ихъ было гораздо многочисленнѣе, нежели число представителей Венгріи. Неудовольствіе мадъяровъ не замедлило обнаружиться съ первыхъ же поръ существованія новой конституціи. Венгерскій сеймъ созванъ былъ для того, чтобы, согласно съ идеей Шмерлинга, заняться мѣстными дѣлами и выбрать депутатовъ въ общій государственный сеймъ. Вмѣсто того, чтобы заняться осуществленіемъ программы Шмерлинга, сеймъ, какъ только собрался, сейчасъ же заговорилъ о возвращеніи Венгріи всѣхъ принадлежащихъ ей правъ: умѣренная партія, во главѣ которой стоялъ Деакъ, рѣшила вотировать адресъ къ императору съ изъявленіемъ просьбы о возвращеніи Венгріи всѣхъ правъ ея, а крайняя лѣвая партія требовала, чтобы просто постановлена была резолюція о томъ, что Венгріи должны быть возвращены всѣ права ея, и что до возвращенія этихъ правъ не слѣдуетъ признавать императора Франца-Іосифа королемъ Венгріи. (Отсюда происходитъ и названіе двухъ главныхъ партій венгерскаго сейма — партія адреса и партія резолюціи, Adresspartei и Resolutionspartei). Партія адреса одержала верхъ, и рѣшено было изложить желаніе венгровъ въ формѣ адреса. Но по содержанію своему этотъ адресъ весьма близко подходилъ къ резолюціи крайней лѣвой партіи, и разнился отъ нея только внѣшнею формою. Венгерскій сеймъ не

только отказывался посылать депутатовъ своихъ въ рейхсратъ, но онъ заранѣе протестовалъ противъ всѣхъ финансовыхъ и иныхъ мѣръ, которыя это собраніе могло принять относительно Венгріи. Слѣдствіемъ принятія сеймомъ и отправленія въ Вѣну этого адреса (сентябрь 1861 года) было, какъ извѣстно, распущеніе этого собранія. Въ сообщеніи, сдѣланномъ правительствомъ рейхсрату касательно распущенія венгерскаго сейма, Шмерлингъ въ очень строгихъ выраженіяхъ порицалъ поведеніе обѣихъ палатъ венгерскаго сейма, осмѣлившихся отвѣчать невозможными требованіями на дарованіе конституціонныхъ учрежденій всей австрійской монархіи. Онъ объявилъ, что правительство не беретъ назадъ ни одной изъ уступокъ сдѣланныхъ Венгріи, и что оно и впредь всегда готово будетъ сдѣлать Венгріи всѣ уступки, согласныя съ основными принципами конституціи 26 февраля 1861 года, но что отъ этихъ принциповъ правительство не отступится. Вслѣдъ за этимъ всѣ комитатскія собранія и муниципалитеты, присоединявшіе свои протесты и заявленія къ заявленіямъ венгерскаго сейма, были распускаемы одни за другими. Правительственные комиссары съ чрезвычайными полномочіями были назначаемы всюду, гдѣ мѣстныя власти выказывали наклонности, несогласныя съ видами министерства. Вся страна входила опять въ состояніе пассивнаго сопротивленія.

Но не со стороны одной Венгріи Шмерлингъ встрѣчалъ противодѣйствіе своей централизаціонной политикѣ. Другія ненѣмецкія земли Австріи тоже противились попыткамъ Шмерлинга навязять имъ свою quasi-конституціонную систему. Кроаты противились, правда, притязаніямъ венгровъ возстановить старинную связь Кроаціи съ Венгріей и распространить на Кроацію дѣйствіе своихъ законовъ, но они противились также и попыткамъ Шмерлинга законнымъ путемъ лишить ихъ автономіи и произвести болѣе тѣсное сліяніе ихъ страны съ цѣлой монархіей; они отказывались сами содѣйствовать этимъ попыткамъ Шмерлинга посредствомъ отправленія депутатовъ своихъ въ общій рейхсратъ. Кроатскій сеймъ былъ закрытъ вслѣдъ за венгерскимъ сеймомъ, и кроатскіе депутаты никогда не являлись въ Вѣнѣ для участія въ засѣданіяхъ общаго рейхсрата. Трансильванія тоже долгое время отказывалась посылать своихъ депутатовъ въ рейхсратъ, и только черезъ два года депутаты этой провинціи явились въ Вѣнѣ, да и то они были избраны только одною половиною трансильванскаго населенія: другая, мадъярская часть его такъ-таки и продолжала упорствовать до конца. Наконецъ, Богемія и Галиція хотя и посылали своихъ депутатовъ въ рейхсратъ, но эти депутаты ихъ не переставали протестовать тамъ противъ покушеній Шмерлинга на автономію ихъ родины.

Такимъ образомъ, система Шмерлинга потерпѣла полнѣйшее фі-

аско. Это фіаско было весьма чувствительно для вѣнскаго правительства. Оно могло бы быть вознаграждено (если не вполнѣ, то хотя отчасти) только блистательными результатами, достигнутыми этой системой въ другихъ отношеніяхъ, въ томъ, что касалось общихъ дѣлъ монархіи и нѣмецкихъ частей ея. Но и въ этомъ отношеніи февральская конституція не достигала своей цѣли. Она была, какъ извѣстно, создана затѣмъ, чтобы, во первыхъ, увеличить внутреннюю силу австрійской имперіи посредствомъ сплоченія въ одно стройное цѣлое всѣхъ составныхъ частей ея, и во вторыхъ, чтобы поправить въ высшей степени разстроенное финансовое хозяйство австрійской имперіи, и спасти ее отъ государственнаго банкрота. Первая цѣль, какъ мы видѣли выше, совершенно не была достигнута; оказалось, что столь же мало была достигнута и вторая цѣль, и на пятый годъ существованія февральской конституціи финансовыя затрудненія Австріи дошли до того, что ей нельзя было заключить внѣшняго займа иначе, какъ съ огромными процентами. Къ этому присоединилось и то печальное для Шмерлинга обстоятельство, что даже покорный въ началѣ и вполнѣ сочувствовавшій его системѣ нѣмецкій рейхсратъ въ послѣдніе годы началъ выказывать строптивость и непокорность. Между нѣмецкими членами его все болѣе стала усиливаться оппозиція, которая стала спорить съ центральнымъ правительствомъ за прерогативы власти; между самими нѣмецкими депутатами, явившимися сначала въ рейхсратъ съ самымъ искреннимъ желаніемъ поддерживать Шмерлинга въ его централистическо-германизаціонной политикѣ, начали все громче и громче раздаваться голоса, упрекавшіе Шмерлинга въ неспособности и называвшіе его управленіе антиконституціоннымъ. Было очевидно, что они не желали болѣе утверждать налоги и займы, если имъ не будетъ дано то, что они называли своимъ правомъ. Что же было дѣлать правительству съ такимъ ослѣпленнымъ политическимъ собраніемъ? Ему оставалось только устранить Шмерлинга, упразднить рейхсратъ и призвать къ управленію страною новыхъ людей, которые постарались бы исправить ошибки Шмерлинга.

Какъ скоро стало несомнѣннымъ всестороннее фіаско, претерпѣнное системою Шмерлинга, этому государственному человѣку не было уже ни малѣйшей возможности удержаться на своемъ мѣстѣ. Личными симпатіями императора онъ никогда не пользовался: напротивъ, императоръ по преданіямъ и по самому воспитанію своему чувствовалъ великое нерасположеніе ко всему, что только издали напоминало представительное правленіе, а Шмерлингъ былъ для него не что иное, какъ олицетвореніе австрійско-нѣмецкаго конституціонализма. Въ 1861 году, онъ обратился къ нему и къ его системѣ, конечно, весьма неохотно, какъ къ послѣднему средству для поправленія вну-

тренняго положенія Австріи. Тѣмъ легче и тѣмъ охотнѣе онъ разстался съ Шмерлингомъ, какъ скоро увидѣлъ, что непріятная для него конституціонная система не достигла желаемыхъ отъ нея результатовъ. Когда министерство увидѣло, что императоръ вопреки его совѣтамъ желаетъ непремѣннаго сближенія съ Венгріей, большая часть его подала въ отставку, и буржуазно-либеральный Шмерлингъ замѣненъ былъ аристократическо-либеральнымъ графомъ Белькреди.

Первымъ дѣломъ министерства Шмерлинга было изданіе одной общей для всей австрійской имперіи конституціи — февральской конституціи; очевидно было, что первымъ дѣломъ преемниковъ его будетъ устраненіе этой конституціи, которой не желали ни дуалисты, ни федералисты; которой также очень не благоволили императоръ и абсолютистская придворная партія. Трудно было предсказать, которая изъ австрійскихъ партій окончательно заступитъ мѣсто конституціонныхъ централистовъ. Правительственные органы ограничивались покуда темными намеками на то, что необходимо перемѣнить систему и искать уложенія всѣхъ существующихъ затрудненій въ дарованіи большей автономіи восточной половинѣ имперіи. Австрійскіе нѣмцы ясно увидѣли изъ этого, что любимой ими февральской конституціи, гарантировавшей имъ преобладаніе надъ всѣми прочими австрійскими національностями, угрожаетъ неминуемое паденіе. Эта опасность заставила ихъ забыть о всѣхъ поводахъ къ неудовольствію, которые подалъ имъ создатель февральской конституціи Шмерлингъ, и они принялись въ жалобномъ, элегическомъ тонѣ оплакивать его твореніе. И дѣйствительно имъ было о чемъ сокрушаться.

Новые министры рѣшили совсѣмъ покончить съ централизаціонной системой; это рѣшеніе ихъ выразилось въ императорскомъ декретѣ, которымъ было уничтожено, или, какъ въ немъ было выражено болѣе мягкимъ образомъ, временно прекращено дѣйствіе февральской конституціи. Основная идея этого манифеста, довольно близко подходила къ основной идеѣ, внушившей изданіе октябрьскаго диплома 1860 года; т. е. австрійская монархія должна была распасться на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, которыя сами должны были опредѣлить основаніе своей связи между собою въ одну общую монархію. Вслѣдствіе событій послѣднихъ пяти лѣтъ, императоръ пришелъ къ тому убѣжденію, что вмѣсто того, чтобы распространить на всѣ части имперіи конституціонныя учрежденія, которыя могли быть не согласны съ ихъ старинными правами и съ ихъ естественнымъ развитіемъ, слѣдовало прежде всего разъяснить эти вопросы и добиться по нимъ соглашеній. Поэтому венгерскому, кроатскому и трансильванскому сеймамъ слѣдовало предложить на разсмотрѣніе октябрьскій и февральскій дипломы, съ тѣмъ, чтобы тѣ согласовали ихъ предварительно съ своими основными законами и за

тѣмъ уже приняли ихъ. А такъ какъ невозможно, сказано было далѣе въ манифестѣ, чтобы одинъ и тотъ же законъ въ однихъ частяхъ имперіи разсматривался и обсуждался, а въ другихъ дѣйствовалъ и имѣлъ обязательную силу, то рѣшено на время совершенно прекратить для всей австрійской имперіи дѣйствіе основныхъ законовъ 1860 — 1861 годовъ. Измѣненія, предложенныя къ нимъ восточной половиной имперіи, если только они будутъ признаны полезными, и не будутъ противорѣчить единству и могуществу имперіи, будутъ впослѣдствіи предложены на обсужденіе сеймовъ остальныхъ провинцій монархіи, и затѣмъ уже, измѣненная такимъ образомъ и одобренная всѣми народами австрійской имперіи, конституція получитъ обязательную силу во всей монархіи. Такова была программа политическаго устройства Австріи, начертанная императоромъ въ манифестѣ 20 сентября 1865 г.

Изданіе этого манифеста произвело необыкновенно сильное впечатлѣніе какъ въ нѣмецкихъ, такъ и въ ненѣмецкихъ земляхъ австрійской имперіи. Впечатлѣніе это, понятнымъ образомъ, было весьма разнообразное. Нѣмцы вообще были огорчены этимъ новымъ поворотомъ въ австрійской политикѣ, за исключеніемъ только крайне реакціонерной придворной партіи, которая радовалась тому, что императоръ, наконецъ, развязался съ ненавистными ей конституціонными учрежденіями, и которая ожидала въ будущемъ благопріятнаго для реакціи поворота, т. е. возвращенія къ полному абсолютизму. Но болѣе либеральные изъ австрійскихъ нѣмцевъ замѣчали по поводу сентябрьскаго манифеста и замѣчали не безъ нѣкотораго основанія, что изъ распространенія по всей имперіи такого хаоса, какъ это дѣлалось манифестомъ, врядъ ли можно будетъ ожидать созданія какого нибудь стройнаго цѣлаго: какъ согласить мнѣнія и желанія представителей столькихъ народовъ — чеховъ, поляковъ, тирольцевъ, австрійцевъ, словаковъ, и пр. и пр., которые, безъ сомнѣнія, всѣ выскажутъ весьма разнообразныя мнѣнія и желанія; а тутъ явятся къ тому же венгры, съ своими еще болѣе значительными требованіями. Результатомъ такого хаоса, утверждали они, должно выйти непремѣнно нѣчто въ родѣ вавилонскаго столпотворенія.

Напрасно новые министры старались показать первыми дѣйствіями своими, что они и послѣ уничтоженія конституціи желаютъ и могутъ управлять страною либеральнымъ образомъ. Съ этою цѣлью они издавали различныя либеральныя постановленія относительно печати, съ этою же цѣлью они вскорѣ послѣ изданія сентябрьскаго манифеста сдѣлали въ обнародованномъ на 1866 годъ бюджетѣ всѣ сокращенія, которыя въ послѣднюю сессію рѣшены были рейхсратомъ, суммою всего на 27 милл. гульденовъ. Все это не спасло ихъ въ глазахъ разогорченныхъ нѣмецкихъ конституціоналистовъ, которые не пе-

реставали оплакивать уничтоженіе февральской конституціи и конецъ преобладанія своего во всей монархіи.

Въ славянскихъ и мадъярскихъ провинціяхъ австрійской имперіи будущность представлялась, напротивъ, въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Въ Прагѣ и въ Лембергѣ сентябрьскій манифестъ встрѣченъ былъ съ величайшею радостью, потому что чехи и поляки видѣли въ немъ возрожденіе любезной имъ системы федерализма. Но особенно велика была радость въ Пештѣ, и вообще въ Венгріи. Роли перемѣнились: послѣ удаленія Шмерлинга и изданія манифеста 20 сентября, въ Вѣнѣ стало господствовать уныніе и недовольство, а въ Пештѣ начались проявленія сильнѣйшаго энтузіазма къ императору и вообще къ габсбургамъ. Венгры, отличающіеся, подобно французамъ, очень сангвиническимъ темпераментомъ, сразу порѣшили, что вслѣдствіе послѣдняго шага вѣнскаго правительства вопросъ объ отношеніяхъ Венгріи къ Австріи долженъ получить удовлетворительное разрѣшеніе, какъ только соберется венгерскій сеймъ, который созванъ былъ на 10 декабря. Въ этой увѣренности сходились всѣ венгерскія партіи, и всѣ органы ихъ наперерывъ другъ предъ другомъ обѣщали правительству свое содѣйствіе для достиженія полнаго соглашенія. Въ этой увѣренности и въ этомъ энтузіазмѣ венгровъ было, разумѣется, много увлеченія, и легко было предвидѣть, что какъ скоро дѣло дойдетъ до дѣйствительнаго опредѣленія условій соглашенія, то между правительствомъ и венгерскими партіями окажется несогласіе, и послѣднія должны будутъ убѣдиться въ своемъ недавнемъ заблужденіи. Люди, болѣе хладнокровные, даже указывали на это своимъ соотечественникамъ, замѣчая, что въ самомъ манифестѣ указано на необходимость того, чтобы «народы доказали свою способность приносить жертвы для общаго блага, и готовы были принести ихъ.» Оффиціозныя газеты комментировали это мѣсто императорскаго манифеста въ томъ смыслѣ, что венгры должны сами начать съ уступокъ, а потомъ уже ожидать уступокъ отъ австрійскаго правительства. Но въ то время побѣда казалась несомнѣнною всѣмъ венгерскимъ партіямъ, и отсюда происходило великое ликованіе; въ то время никто не думалъ о возможности разочарованія; и это праздничное настроеніе духа шло постоянно crescendo въ первые мѣсяцы послѣ изданія сентябрьскаго манифеста. Между тѣмъ, новое министерство, смѣнившее министерство Шмерлинга, никакъ не могло согласиться на счетъ того, чѣмъ замѣнить систему Шмерлинга. Дѣло въ томъ, что оно состояло изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, которые случайно были сопоставлены вмѣстѣ, но которые никакъ не могли слиться до полнаго единогласія по важнѣйшимъ вопросамъ политической жизни Австріи. Вообще, это министерство могло служить представителемъ клерикально-аристократическаго направленія, съ нѣкоторымъ венгерско-національнымъ от-

тѣнкомъ; но у различныхъ членовъ его это направленіе выражалось весьма различнымъ образомъ.

Правительство исходило въ программѣ своей отъ того предположенія, что венгры, какъ и всѣ другія австрійскія національности, сдѣлаютъ въ интересахъ общаго соглашенія необходимыя уступки сравнительно съ прежними своими требованіями, и что тогда правительство съ своей стороны тоже отблагодаритъ ихъ тѣмъ, что возвратитъ имъ нѣкоторыя изъ прежнихъ ихъ правъ. Но венгры, не смотря на общую радость, возбужденную въ нихъ манифестами 20 сентября, не смотря на проявляемый ими династическій энтузіазмъ, не думали однако же отступаться отъ своихъ правъ, а объявили, напротивъ, съ самаго начала, высказанное въ адресѣ сейма 1861 года. Венгры, черезъ различные органы прессы, съ самаго начала ясно высказывали, что они сохраняютъ во всей силѣ всѣ свои прежнія требованія касательно отдѣльнаго отъ Австріи управленія не только по отношенію къ внутреннимъ и духовнымъ дѣламъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія, но и по отношенію къ управленію военными дѣлами и финансами; что, однимъ словомъ, они желаютъ имѣть общее съ остальной монархіей управленіе только по отношенію къ иностранной политикѣ.

Еще яснѣе обнаружились намѣренія, стремленія и требованія различныхъ венгерскихъ партій во время избирательной борьбы, начавшейся вскорѣ послѣ изданія императорскаго рескрипта о созваніи венгерскаго сейма. Политическія исповѣди кандидатовъ заключали въ себѣ программы различныхъ венгерскихъ партій. Уже во время избирательной борьбы ясно обрисовывались три главныя партіи, на которыя распался впослѣдствіи и самый сеймъ: партія аристократическая или старо-консервативная, партія умѣренно-либеральная, называемая также партіей Деака или партіей адреса, и крайняя лѣвая партія или партія резолюціи. Первая изъ этихъ партій, которая желаетъ возстановленія самостоятельности Венгріи съ возвращеніемъ къ средневѣковымъ феодальнымъ порядкамъ, не пользуется въ Венгріи никакой популярностью, имѣетъ очень мало представителей въ сеймѣ, и по этимъ причинамъ не можетъ имѣть особеннаго значенія, не смотря на политическое честолюбіе членовъ ея, и не смотря даже на то, что къ ней болѣе всего благоволитъ вѣнское правительство. Гораздо болѣе важное значеніе въ современной исторіи Венгріи имѣютъ остальныя двѣ большія политическія партіи ея, умѣренная и крайняя либеральная партіи. Обѣ эти партіи въ своихъ программахъ ссылаются для объясненія историческихъ правъ Венгріи на извѣстную прагматическую санкцію 1723 года и на законы 1848 года.

И та и другая партія требуютъ потому возстановленія связи земель короны св. Стефана, возвращенія къ муниципальной и комитатской автономіи, и признанія обязательности законовъ 1848 года. Умѣренно-

либеральная партія, точно также какъ и крайняя партія, стоитъ за полнѣйшій дуализмъ, и въ сущности тоже не допускаетъ иной связи съ остальной монархіей, кромѣ персональной уніи. Члены умѣренной либеральной партіи не такъ прямо высказывали это, какъ члены крайней лѣвой партіи, которые прямо говорили, что единственная связь между Австріей и Венгріей должна заключаться въ томъ, что король венгерскій можетъ быть въ то же время и австрійскимъ императоромъ. Предводитель этой партіи, президентъ венгерскаго сейма 1861 года, Коломанъ Гичи слѣдующимъ образомъ выражался объ этомъ въ своей программѣ: «Венгерскія земли съ одной стороны, и остальныя наслѣдственныя владѣнія е. в. съ другой стороны, хотя и соединены въ лицѣ общаго своего монарха въ одну монархію, образуютъ однако же два независимыя другъ отъ друга, самостоятельныя и совершенно равноправныя государства, которыя обязаны только жить въ мирѣ между собою и взаимно защищать другъ друга, и изъ которыхъ каждая въ свою очередь состоитъ изъ нѣсколькихъ провинцій». Во время прошлогоднихъ выборовъ въ сеймъ, въ Австріи съ большимъ интересомъ слѣдили за тѣмъ, которая изъ двухъ партій, умѣренная или крайняя, одержитъ верхъ на выборахъ, потому что полагали, что отъ этого будетъ зависѣть судьба будущаго сейма. Но при большомъ сходствѣ, господствовавшемъ въ мнѣніяхъ и требованіяхъ обѣихъ партій, дѣло не могло имѣть того важнаго значенія, которое ему придавали. Къ тому же органы обѣихъ партій, въ особенности же партіи Деака, горячо ратовали противъ распаденія венгерскихъ либераловъ на разные лагери, и призывали либераловъ всѣхъ оттѣнковъ къ согласію и единству.

При такомъ примирительномъ настроеніи, господствовавшемъ въ двухъ главныхъ венгерскихъ партіяхъ, и при крайней слабости третьей, старо-консервативной партіи, выборы не могли имѣть того бурнаго характера, который они имѣли въ прежнія времена: они были оживлены, но за весьма немногими исключеніями порядокъ почти нигдѣ не былъ нарушенъ, и крики: «да здравствуетъ конституція 1848 года», смѣшивались во время выборовъ съ криками: «да здравствуетъ король Францъ-Іосифъ». Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одержали верхъ кандидаты радикальной партіи, но вообще при нынѣшнихъ выборахъ перевѣсъ весьма замѣтнымъ образомъ склонился на сторону партіи Деака; разсчитывали, что сравнительно съ 1861 годомъ она выиграла отъ 50 до 60 голосовъ; а такъ какъ многіе изъ членовъ крайней лѣвой стороны тоже присоединились къ ея программѣ, то и оказывалось, что центръ состоялъ въ нынѣшнемъ сеймѣ не менѣе какъ изъ 250 членовъ; крайняя правая сторона, подъ предводительствомъ Аппони, Сечени и Барталя, состояла всего изъ 30—35 человѣкъ, а крайняя лѣ-

вая сторона, подъ предводительствомъ Тиша и Мадараша, насчитывала въ своихъ рядахъ отъ 60 до 70 человѣкъ.

Съ приближеніемъ времени открытія венгерскаго сейма (14 декабря) надежды венгровъ все болѣе и болѣе увеличивались, и увѣренность ихъ въ полномъ своемъ торжествѣ была главною причиною того энтузіазма, съ которымъ они встрѣтили императора, пріѣхавшаго въ Пештъ, для того, чтобы лично открыть сеймъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію занятій венгерскаго сейма въ сессію $18^{65}/_{66}$ года, бросимъ взглядъ на отношенія прочихъ австрійскихъ національностей къ центральному правительству.

По мѣрѣ того какъ возрастали надежды венгровъ, возрастало также негодованіе нѣмцевъ-централистовъ, и усиливались жалобы на стремленіе венгровъ къ подчиненію себѣ всѣхъ прочихъ національностей; по мѣрѣ того увеличивалось также и злорадство ихъ при видѣ всѣхъ затрудненій, съ которыми приходилось бороться министерству, смѣнившему Шмерлинга. Это негодованіе и недовольство ихъ обнаружилось между прочимъ на провинціальныхъ сеймахъ, открытыхъ въ концѣ прошлаго года. Еще до открытія этихъ сеймовъ, участвовавшіе въ нихъ депутаты-централисты условились между собою предложить каждому отдѣльному сейму къ принятію слѣдующую программу: во 1) протестовать противъ прекращенія февральской конституціи; 2) протестовать противъ всякого октроированія новой конституціи; 3) объявить провинціальные сеймы некомпетентными въ измѣненіи конституціи; 4) объявить компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ общій сеймъ; и въ 5) сообразно съ этимъ отвергать всякія предложенія отдѣльныхъ сеймовъ, клонящіяся къ измѣненію февральской конституціи. Съ открытіемъ 16 мѣстныхъ сеймовъ (всѣхъ провинціальныхъ сеймовъ по февральской конституціи полагалось 21; но за исключеніемъ сеймовъ 5 провинцій, лежащихъ по ту сторону Лейты—Венгріи, Трансильваніи, Кроаціи, Славоніи, Далмаціи — ихъ оставалось 16), депутаты-централисты предложили каждому изъ 16 сеймовъ выразить протестъ свой въ смыслѣ вышеприведенной программы; они предлагали, чтобы каждый сеймъ отправилъ къ императору адресъ, въ которомъ бы выраженъ былъ мотивированный протестъ противъ сентябрьскаго рескрипта, подвергающаго опасности цѣлость австрійской имперіи, и въ которомъ императора просили бы о прекращеніи неконституціоннаго порядка вещей, и о созваніи общаго сейма для разсмотрѣнія конституціонныхъ вопросовъ. Во время преній объ этихъ адресахъ отличались разные депутаты, прославившіеся въ вѣнскомъ рейхсратѣ своимъ либерализмомъ. Они и не думали доказывать необходимость взаимныхъ уступокъ и компромисса: они съ прежнимъ упорствомъ и самообольщеніемъ, съ прежней увѣренностью въ необходимости преобладанія нѣмцевъ надъ прочими національностями, настаивали просто на возвращеніе

централизаціонной системы Шмерлинга, не желая обратить вниманія на то простое обстоятельство, что нѣмцы пользовались цѣлыхъ 5 лѣтъ благодѣяніями февральской конституціи, и ничего не могли добиться съ ея помощью, и что тѣмъ смѣшнѣе дѣлаются теперь жалобы ихъ и настоятельныя требованія ихъ возвращенія къ этой конституціи.

Министерство Белькреди-Эстергази осталось, разумѣется, очень недовольно заявленіями, сдѣланными провинціальными сеймами нѣмецкихъ областей, и не только не исполнило просьбъ, заключенныхъ въ адресѣ, но еще сдѣлало строжайшіе выговоры всѣмъ правительственнымъ чиновникамъ, подписавшимъ эти адресы въ качествѣ депутатовъ.

Совсѣмъ въ другомъ отношеніи находились къ правительству славянскія провинціи австрійской монархіи. Мы говорили выше, что изданіе сентябрьскаго манифеста было встрѣчено изъявленіями радости какъ въ Пештѣ, такъ и въ Прагѣ и Лембергѣ. Чехи, поляки и пр. обрадовались удаленію правительства отъ системы централизма, и поняли сентябрьскій манифестъ, какъ возвращеніе къ любезному имъ федерализму. Но по мѣрѣ того, какъ росли требованія и надежды венгровъ, уменьшалась радость славянскихъ національностей Австріи, возбужденная въ нихъ манифестомъ 20 сентября. По мѣрѣ того, какъ венгры стали считать несомнѣнной побѣду въ борьбѣ своей съ централизмомъ и нѣмецкимъ унитаризмомъ, начиналась борьба между венгерскимъ дуализмомъ и славянскимъ федерализмомъ. Чехи, поляки, русины, словаки, сербы стали съ завистью и злобой отзываться о несправедливости правительства, которое слушается только венгерскихъ требованій автономіи, и не обращаетъ вниманія на подобныя же требованія другихъ національностей. Особенно громко раздавались эти жалобы между чешскими политическими дѣятелями, которые доказывали, что даже послѣ соединенія Венгріи, Трансильваніи и Кроаціи въ одно королевство, и послѣ достиженія соглашенія между этимъ королевствомъ и имперіей, этой послѣдней нельзя разсчитывать на улаженіе всѣхъ затрудненій своихъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ опредѣлены отношенія ея къ славянскимъ землямъ, и въ особенности къ Чехіи. Чешскіе политическіе дѣятели до сихъ поръ не забыли о коронѣ св. Венцеслава, какъ венгры не забыли о коронѣ св. Стефана. Они имѣютъ сильную претензію занять въ австрійской имперіи такое же мѣсто, которое заняли венгры, сгруппировать вокругъ себя всѣ славянскія національности, какъ венгры сгруппировали вокругъ себя провинціи по ту сторону Лейты, и играть между ними первую роль. Но во-первыхъ остальныя западнославянскія народности имѣютъ еще не менѣе желанія встать въ такія отношенія къ Чехіи, нежели трансильванцы и кроаты къ Венгріи, и если мы здѣсь уже встрѣчаемъ довольно сильное противодѣйствіе встать относительно Венгріи въ отношеніе подчиненныхъ провинцій, то тамъ это противодѣйствіе поляковъ, сло-

ваковъ, иллирійцевъ притязаніямъ чеховъ еще сильнѣе. Во-вторыхъ же, эти притязанія чеховъ тѣмъ менѣе основательны, что они кромѣ нѣкоторыхъ историческихъ воспоминаній и преданій, да еще языка своего, не могутъ ничего дать тѣмъ племенамъ, которыя пожелали бы стать въ подчиненное къ нимъ отношеніе. Они сами въ очень слабой степени сохранили свою національную особенность, и вовсе не умѣли сохранить своей религіи. А что еще важнѣе, они не выработали никакой прочной основы для своихъ стремленій къ составленію независимаго славянскаго государства; мы въ Чехіи не видимъ ничего подобнаго венгерскимъ законамъ 1848 года, которые дѣйствительно являются намъ самостоятельнымъ, рѣзко отличающимся отъ австрійскихъ учрежденій, политическимъ созданіемъ. Имѣя подъ ногами, кромѣ стародавняго историческаго права, да кромѣ хорошо сохранившихся національныхъ особенностей, еще такую твердую политическую основу, можно, подобно венграмъ, претендовать на то, чтобы занять совершенно независимое положеніе въ имперіи, и не быть обязаннымъ повиноваться законамъ, составленнымъ нѣмецкими или славянскими совѣтниками вѣнскаго правительства. Но племя, которое имѣетъ за собою только историческія воспоминанія о коронѣ св. Венцеслава и т. п., и не имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ никакихъ, особенно замѣчательныхъ политическихъ, гражданскихъ, соціальныхъ и экономическихъ учрежденій, которыя давали бы массѣ народа то, чего не давало и не даетъ ему вѣнское правительство—такое племя не можетъ претендовать на то, чтобы явиться вожакомъ всѣхъ или многихъ, сродственныхъ ему, племенъ. Пока чехи не будутъ въ состояніи предложить остальнымъ славянскимъ племенамъ, входящимъ въ составъ австрійской имперіи, чего-нибудь въ родѣ венгерскихъ законовъ 1848 года, до тѣхъ поръ они не будутъ имѣть ни малѣйшаго права претендовать на то, чтобы занять первенствующее мѣсто между прочими западнославянскими племенами, и до тѣхъ поръ всякія подобныя попытки ихъ останутся безплодными; до тѣхъ поръ они могутъ имѣть притязаніе на одну только исключительно провинціальную автономію, и до тѣхъ поръ негодованіе и зависть ихъ, относительно венгерскаго стремленія къ дуализму, будутъ совершенно неосновательны и несправедливы.

Но если Чехія и другія провинціи, въ которыхъ преобладалъ славянскій элементъ, были враждебны дуализму, и не желали слишкомъ большого усиленія Венгріи, если поэтому первоначальное удовольствіе ихъ по случаю изданія сентябрьскаго рескрипта значительно ослабѣло, то отсюда все-таки не слѣдовало, чтобы они желали присоединиться къ централистическимъ демонстраціямъ, къ которымъ приглашали ихъ нѣмцы. Поэтому изъ 16-ти провинціальныхъ сеймовъ, только половина, т. е. сеймы чисто нѣмецкихъ провинцій рѣшились произвести подобныя демонстраціи. Въ остальныхъ же, славянскихъ, нѣмецко-славян-

скихъ и нѣмецко-итальянскихъ провинціяхъ старанія нѣмцевъ не увѣнчались успѣхомъ. Напротивъ, сеймы Богеміи, Моравіи, Галиціи и Буковины (не смотря на всѣ усилія нѣмцевъ въ первыхъ двухъ) не только не присоединились къ централистическимъ заявленіямъ нѣмецкихъ сеймовъ, но вотировали даже благодарность императору за изданіе сентябрьскаго манифеста, и изъявляли надежду, что правительство возвратится къ октябрьскому диплому. Еще рѣзче, нежели во время преній объ адресѣ императору, антагонизмъ чешскихъ и нѣмецкихъ депутатовъ на чешскомъ сеймѣ выразился въ началѣ нынѣшняго года во время преній о введеніи употребленія чешскаго языка, рядомъ съ нѣмецкимъ языкомъ, въ пражскомъ университетѣ. Послѣ упорнаго сопротивленія нѣмецкихъ депутатовъ, предложеніе чешскихъ депутатовъ было принято на сеймѣ большинствомъ 120 голосовъ противъ 100. Такъ какъ объявленіе этого результата было встрѣчено громкими рукоплесканіями трибунъ, и такъ какъ при выходѣ изъ зала засѣданій сейма нѣкоторые нѣмецкіе депутаты, особенно горячо ратовавшіе противъ допущенія чешскаго языка, были встрѣчены свистками и шиканьемъ, то богемскіе, а вслѣдъ за ними и другіе австрійскіе нѣмцы, не замедлили поднять вопль о насиліяхъ, которымъ подвергается нѣмецкая часть населенія Богеміи со стороны «дикихъ чешскихъ ордъ.» А такъ какъ около того же времени въ нѣкоторыхъ чешскихъ городахъ и мѣстечкахъ происходили драки между чешскимъ и еврейскимъ населеніемъ, и преслѣдованіе послѣдняго со стороны первыхъ, то нѣмецкая пресса въ Австріи (въ томъ числѣ и газеты, считающіяся либеральными) не постыдилась найти связь между этими проявленіями насилія черни въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ и чешскими національными стремленіями. Эти почтенные органы не постыдились дѣлать такого рода инсинуаціи, что чешскіе патріоты, покончивши съ жидами, примутся за нѣмцевъ, и т. д. Такъ добросовѣстно нѣмцы ведутъ себя въ отношеніи къ другимъ національностямъ австрійской имперіи, и такимъ поведеніемъ они надѣятся утвердить свое преобладаніе надъ прочими «болѣе невѣжественными» національностями. Не мудрено, что дѣйствуя такимъ образомъ, во время пятилѣтняго существованія февральской конституціи, они успѣли только озлобить ненѣмецкія національности Австріи, и не добились никакого другого результата.

Итакъ, въ нѣмецкихъ земляхъ австрійской имперіи сентябрьскій манифестъ вызвалъ движеніе въ смыслѣ совершенно централистическомъ; въ западнославянскихъ земляхъ, и преимущественно въ Чехіи, движеніе это приняло направленіе федералистическое. Теперь, взглянемъ на то, какъ понимали свои отношенія къ цѣлой австрійской монархіи и къ Венгріи двѣ провинціи, которыя составляли прежде достояніе короны св. Стефана, и на тѣсную связь съ которыми венгры

поэтому и въ настоящее время предъявляютъ притязаніе: эти двѣ провинціи — Трансильванія и Кроація.

Для того, чтобы совершенно понять отношенія Трансильваніи къ Венгріи слѣдуетъ припомнить составъ ея населенія и главныя черты изъ предшествовавшей ея исторіи. Жители этой провинціи представляютъ смѣсь различныхъ національностей. Коренные жители ея суть валахи или румыны, которые и теперь составляютъ болѣе половины всего населенія Трансильваніи (ихъ считается болѣе 1,200,000), и распространены по всей провинціи; но они въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ играли роль весьма подчиненную, и даже назывались не иначе какъ «терпимою» національностью. Господствовавшими же здѣсь племенами были остальныя три племени, гораздо менѣе многочисленныя, чѣмъ румыны, а именно секлеры, мадъяры и саксонцы. Секлеровъ (ихъ считается теперь около 200 тысячъ) принимаютъ за потомковъ гунновъ, пришедшихъ въ Европу съ Аттилою, и удалившихся впослѣдствіи въ горы Дакіи. Они до сихъ поръ обитаютъ юговосточную гористую часть Трансильваніи, и сохранили совершенно своеобразную, родовую организацію. Мадъяры представляютъ въ Трансильваніи элементъ завоевательный: въ 1004 году, венгерскій король Стефанъ завоевалъ эту область, и съ тѣхъ поръ здѣсь стали селиться венгры, которые постоянно считали себя законными владѣтелями и господами Трансильваніи; теперь ихъ полагаютъ здѣсь до 350 тысячъ, и они занимаютъ преимущественно западную часть этой провинціи. Наконецъ, четвертое племя, обитающее въ настоящее время Трансильванію, состоитъ изъ потомковъ саксонцевъ, переселенныхъ сюда въ XII вѣкѣ изъ эльбской и рейнской областей, для защиты и для обработыванія провинціи (сначала эти переселенцы поселились въ семи укрѣпленныхъ городахъ, оттуда и нѣмецкое названіе этой провинціи: Siebenbürgen, встрѣчающееся въ переводѣ въ русскихъ лѣтописяхъ XVI вѣка: Баторій, князь семиградскій). Саксонцы, обитающіе отдѣльные округи, разбросанные оазисами по всей провинціи, считаютъ себя самою образованною и самою трудящеюся частью трансильванскаго населенія; численность ихъ простирается до 200,000. Съ XI до XVI вѣка Трансильванія составляла провинцію венгерскаго королевства, причемъ венгры были господствующимъ здѣсь племенемъ. Въ 1526 году, послѣ несчастнаго для венгровъ сраженія при Могачѣ, Трансильванія вмѣстѣ со всей Венгріей покорена была турками, и осталась подъ турецкимъ владычествомъ даже и послѣ того, какъ значительная часть Венгріи возвращена была Габсбургамъ. Со времени завоеванія Трансильваніи турками, она управлялась выборными князьями, находившимися въ васальныхъ отношеніяхъ къ Турціи (однимъ изъ нихъ былъ извѣстный Стефанъ Баторій); въ выборѣ князя и вообще въ политической жизни страны съ этихъ поръ принимали участіе не одни

только венгры, но и секлеры и саксонцы; всѣ эти три племени стали называться соединенными племенами, а валахи были исключены отъ всякого участія въ политической жизни страны. Въ 1687 году Габсбурги снова отняли Трансильванію у Турціи; но нѣкоторое время провинція эта все еще управлялась туземными князьями, находившимися въ васальныхъ отношеніяхъ уже не къ Турціи, а къ Габсбургамъ. Но въ 1713 г. вымеръ княжескій родъ въ Трансильваніи, и Трансильванія опять соединена была съ Венгріей, подъ непосредственною властью Габсбурговъ. Съ этихъ поръ мадъярскій элементъ опять сталъ преобладающимъ элементомъ на трансильванскихъ сеймахъ. Венгерскій сеймъ 1848 года рѣшилъ, что выработанная имъ конституція должна имѣть обязательную силу и для Трансильваніи, и мадъярская партія въ этой послѣдней провинціи готова была пристать къ этому рѣшенію. Но нѣмецкое и румынское населеніе Трансильваніи никакъ не хотѣли признать обязательными для себя законы, выработанные революціоннымъ сеймомъ, и вообще не хотѣли пристать къ революціонному движенію, охватившему Венгрію: поэтому эта часть трансильванскаго населенія упорно противилась тѣсному сліянію своей родины съ Венгріей, и это повело къ междоусобной войнѣ, въ которой мадъярская партія въ этой провинціи и венгерскія инсуррекціонныя войска, подъ предводительствомъ Бема, боролись съ антиреволюціонной партіей въ Трансильваніи, которую поддерживали вступившія сюда русскія вспомогательныя войска (корпусъ генерала Лидерса). Для того, чтобы ослабить Венгрію, вѣнское правительство рѣшило прервать всякую связь между Трансильваніей и Венгріей; съ этою цѣлью, 4 марта 1849 года, издано было императорское повелѣніе о томъ, что первая изъ этихъ провинцій совершенно отдѣляется отъ послѣдней, и вступаетъ въ рядъ самостоятельныхъ коронныхъ земель австрійской монархіи, получаетъ отдѣльнаго канцлера, и т. д. Это отношеніе Трансильваніи къ Венгріи не было измѣнено ни октябрьской конституціей 1860 года, ни февральской конституціей 1861 года, вопреки всѣмъ протестамъ и требованіямъ венгровъ. Такъ какъ политическими правами въ Трансильваніи пользовались только мадъяры, секлеры и саксонцы, съ исключеніемъ многочисленнаго румынскаго населенія, то на трансильванскомъ сеймѣ соединенная мадъяро-секлерская партія преобладала надъ партіей саксонской: этимъ объясняется то обстоятельство, что Трансильванія тоже принадлежала къ числу областей, не посылавшихъ своихъ представителей въ общій рейхсратъ въ первое время послѣ изданія февральской конституціи. Трансильванскій провинціальный сеймъ, въ которомъ значительное большинство составляли мадъяры и секлеры, требовалъ возстановленія прежней связи Трансильваніи съ Венгріей, и упорно отказывался приступать къ выбору депутатовъ въ вѣнскій рейхсратъ. Для того, чтобы сломить сопротив-

леніе мадьяро-секлерской партіи, Шмерлингъ въ 1863 году распространилъ политическія права и на валаховъ. Результатомъ этой мѣры его было то, что валахи въ союзѣ съ саксонцами и съ такъ называемыми регалистами (т. е. депутатами провинціальнаго сейма, назначенными отъ правительства) пересилили на германштадтскомъ сеймѣ мадъяровъ и секлеровъ, и рѣшили, вопреки противодѣйствію послѣднихъ, послать депутатовъ въ вѣнскій рейхсратъ. Тогда мадъярскіе и секлерскіе члены трансильванскаго сейма уклонились отъ выбора депутатовъ въ общій рейхсратъ, и явившіеся туда депутаты были собственно представителями только валахскаго и саксонскаго населенія Трансильваніи.

Въ такомъ положеніи находился трансильванскій вопросъ до сентября 1865 года. Въ министерствѣ Белькреди-Эстергази по трансильванскому вопросу происходило такое же разногласіе, какъ и по разнымъ другимъ вопросамъ, и это разногласіе обнаружилось, между прочимъ, въ колебаніяхъ его, предшествовавшихъ изданію рескрипта о созваніи венгерскаго сейма. Белькреди, какъ федералистъ, считалъ несогласнымъ съ системой федерализма тѣсную связь Трансильваніи съ Венгріей, и не желалъ поэтому, чтобы въ рескриптѣ упомянуто было о необходимости этой связи; венгерскіе же члены министерства настаивали на необходимости возстановленія тѣсной связи между всѣми землями короны св. Стефана. Такъ какъ въ первое время существованія новаго министерства вліяніе венгерскихъ членовъ его было преобладающимъ, то въ императорскомъ рескриптѣ о созваніи трансильванскаго сейма прямо указано было на то, что сеймъ этотъ прежде всего долженъ заняться пріисканіемъ средствъ къ возстановленію старинной связи Трансильваніи съ Венгріей; рѣшенія сейма, касающіяся этого предмета, слѣдовало предложить послѣ того пештскому сейму, и потомъ уже они получатъ императорскую санкцію. Было также опредѣлено, что сеймъ долженъ собраться не въ саксонскомъ городѣ Германштадтѣ, а въ венгерскомъ городѣ Клаузенбургѣ. Понятно, что различныя племена Трансильваніи отнеслись неодинаковымъ образомъ къ подобнымъ планамъ и распоряженіямъ вѣнскаго правительства. Между тѣмъ мадъяры и секлеры торжествовали и радовались, румыны и саксонцы, сочувствовавшіе системѣ Шмерлинга, остались очень недовольны новою политикою австрійскаго министерства. Предводители ихъ всячески старались склонить вѣнское министерство къ отступленію отъ того пути, на который оно вступило, подавали въ Вѣнѣ различные меморандумы, протестовали въ своихъ органахъ прессы противъ возстановленія прежней связи Трансильваніи съ Венгріей.

Можно было ожидать, что въ трансильванскомъ сеймѣ $18^{65}/_{66}$ года, румыны и саксонцы займутъ такое же положеніе, какое занимали мадъяры и секлеры въ сеймѣ 1863 года; можно было предположить,

что какъ послѣдніе отказывались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ отъ посылки депутатовъ въ вѣнскій рейсхратъ, такъ первые упорно будутъ отказываться теперь отъ посылки депутатовъ въ общій для всѣхъ венгерскихъ земель пештскій сеймъ. Но ожиданія эти не оправдались. Румыны дѣйствительно протестовали противъ возстановленія прежнихъ отношеній Трансильваніи къ Венгріи, и отказались принять участіе въ выборѣ депутатовъ въ пештскій сеймъ; но саксонцы, не смотря на прежніе протесты, предпочли присоединиться къ мадьярамъ и регалистамъ, и вотировали вмѣстѣ съ ними во всѣхъ вопросахъ, касающихся отношенія Трансильваніи къ Венгріи. Клаузенбургскій сеймъ, рѣшивши въ принципѣ возстановленіе исторической связи Трансильваніи съ Венгріей, выбралъ изъ своей среды депутатовъ, которые посланы были въ Пештъ, для того, чтобы условиться съ венгерскими депутатами на счетъ средствъ къ достиженію этой связи; и съ половины марта трансильванскіе депутаты засѣдали въ пештскомъ сеймѣ, принимая также участіе въ трудахъ коммиссіи, которая занимается точнѣйшимъ опредѣленіемъ отношеній Трансильваніи къ Венгріи; причемъ по настоянію Деака въ основу занятій этой коммиссіи положена была идея полной равноправности между венграми и прочими національностями, входящими въ составъ владѣній короны св. Стефана.

Не такъ легко и скоро достигнуто было согласіе между Венгріей и другой провинціей, составлявшей достояніе короны св. Стефана, а именно Кроаціей. Кроація была завоевана венграми съ конца XI столѣтія, и съ этихъ поръ оставалась подъ властію венгерскихъ королей. Но въ половинѣ XIV столѣтія она была соединена вмѣстѣ съ Славоніей и Далмаціей въ одно королевство (тріединое королевство), и получила самостоятельное управленіе подъ властью венгерскихъ королей. Съ конца XV до конца XVII столѣтія она не разъ переходила подъ власть турокъ и снова возвращалась подъ власть венгерскихъ королей (съ 1527 года изъ династіи Габсбурговъ), пока наконецъ по Карловицкому миру, 1699 года, турки окончательно отказались отъ притязаній своихъ на Кроацію. Съ начала XVIII до 40 годовъ XIX столѣтія, Кроація, Славонія и Далмація то соединяемы были вмѣстѣ (подъ названіемъ иллирійскаго королевства) и получали самостоятельное управленіе, то каждая изъ этихъ провинцій составляла отдѣльное королевство, то на нихъ смотрѣли, какъ на части венгерскаго королевства. Но кроаты постоянно выказывали сильнѣйшее нежеланіе играть второстепенную роль относительно Венгріи, и сильно настаивали на признаніи своихъ національныхъ правъ. Озлобленные противъ венгровъ вслѣдствіе желанія этихъ послѣднихъ навязать славянскимъ племенамъ свои учрежденія и свой языкъ, они постоянно стремились въ послѣднее время занять независимое отъ Венгріи положеніе. Наконецъ, изданіе венгерскимъ сеймомъ извѣстныхъ законовъ 1848 года,

которые показались руководителямъ кроатовъ слишкомъ радикальными, вызвало кроато-сербское движеніе 1848 и 1849 года, предводителемъ котораго былъ банъ Іеллачичъ, и которое, начавшись въ одно время съ венгерской революціей, имѣло такое важное и гибельное вліяніе на исходъ ея. Славянскіе историки (Палацкій, напримѣръ) доказываютъ, что печальное положеніе дѣлъ въ земляхъ короны св. Стефана, въ 1848 году, было слѣдствіемъ нежеланія венгровъ признавать равноправность всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ земель короны св. Стефана; венгры оставались при своемъ ошибочномъ взглядѣ на прочія національности до самой катастрофы при Вилагомѣ, говоритъ Палацкій; тогда они увидѣли свою ошибку, но они опоздали въ признаніи своей ошибки болѣе чѣмъ на годъ. Послѣ того, какъ кроаты помогли австрійскому правительству подавить венгерское движеніе, они были совершенно отдѣлены отъ Венгріи, и Кроація соединена (по конституціи 1849 года) вмѣстѣ съ Славоніей въ одну коронную провинцію, въ которой, какъ и во всей остальной монархіи, начала свирѣпствовать самая страшная реакція. Кроаты не хотѣли принять венгерскихъ законовъ 1848 года, потому что они показались имъ слишкомъ радикальными, и потому еще, что законы эти были выработаны безъ содѣйствія самихъ кроатовъ; поэтому они самымъ усерднымъ образомъ помогали австрійскому правительству въ низверженіи этихъ законовъ: теперь имъ пришлось испытать всѣ прелести бюрократическо-клерикальнаго управленія Шварценберговъ и Баховъ; да кромѣ того и національныя стремленія ихъ не были удовлетворены, такъ какъ самостоятельность тріединаго королевства не была возстановлена. Кроаты не могли поэтому послѣ 1849 года питать особеннаго расположенія къ австрійскому правительству; они чувствовали себя оскорбленными тѣмъ, что ихъ такъ плохо отблагодарили за великія жертвы, принесенныя ими въ 1848 и 1849 году, для сохраненія цѣлости монархіи, и для поддержанія императорскаго дома, такъ какъ они вполнѣ убѣждены въ томъ, что безъ помощи кроатовъ врядъ ли австрійская монархія пережила бы революціонныя смуты тѣхъ годовъ. Такимъ образомъ, кроаты занимаютъ совершенно особенное положеніе среди національностей австрійской имперіи. Они не желаютъ дуализма, т. е. распаденія австрійской имперіи на двѣ половины, причемъ въ восточной половинѣ ея Кроація относилась бы къ Венгріи какъ часть къ цѣлому. Они враждебны также централизаціонной и германизаціонной политикѣ въ томъ видѣ, какъ она была примѣняема во все время управленія Шмерлинга, и въ Кроаціи существуетъ такая же сильная ненависть къ австрійскому бюрократическому управленію, какъ и въ Венгріи. Но въ то же время кроаты не вполнѣ одобряютъ федерализмъ Голуховскаго или Белькреди, потому что эти федералистическія системы не возстановляютъ самостоятельности тріеди-

наго королевства Кроаціи, Славоніи и Далмаціи. Кроаты желаютъ быть независимыми отъ Венгріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не желаютъ находиться въ зависимости отъ нѣмецкихъ частей монархіи. Они желали бы, однимъ словомъ, стать въ такое же отношеніе относительно цѣлой монархіи, въ которое становились венгры въ своемъ адресѣ 1861 года. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они отказывались отъ венгерскихъ законовъ 1848 года, которые венгры хотѣли распространить и на Трансильванію и на Кроацію. Кроаты не переставали въ теченіе 4½ лѣтъ составлять оппозицію Шмерлинговой системѣ, отказываясь посылать депутатовъ въ общій рейсхратъ до тѣхъ поръ, пока Кроація, Славонія и Далмація останутся разрозненными; но не менѣе сильную оппозицію оказывали они впослѣдствіи дуалистской политикѣ Майлата и Эстергази. Однимъ словомъ, отношенія Кроаціи къ Венгріи съ одной стороны, стремленія ея къ національной автономіи и желаніе ея добиться возстановленія тріединаго королевства съ другой стороны, представляютъ такую комбинацію запутанныхъ обстоятельствъ и отношеній, которыя могутъ быть устроены и разрѣшены только послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ. Поэтому въ Вѣнѣ, въ Пештѣ, въ Аграмѣ и вообще во всей австрійской монархіи съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали открытія засѣданій перваго кроатскаго сейма послѣ изданія сентябрьскаго манифеста 1865 года. Въ рескриптѣ объ открытіи кроатскаго сейма сказано было, точно также какъ и о трансильванскомъ сеймѣ, что сеймъ этотъ долженъ поставить на первый планъ опредѣленіе отношеній Кроаціи къ цѣлой монархіи и Венгріи, и послать для этого изъ среды своей депутатовъ въ пештскій сеймъ (въ числѣ 18 человѣкъ). Въ то же время самые благоразумные изъ венгерскихъ государственныхъ людей, убѣдившись изъ событій 1848 года въ ошибочности прежней своей политики относительно Кроаціи, старались убѣдить кроатовъ въ томъ, что имъ слѣдуетъ дѣйствовать за одно съ венграми. Деакъ еще во второмъ своемъ адресѣ 1861 года утверждалъ, что венгры далеки отъ всякой мысли о несправедливости относительно Кроаціи; въ созданіи законовъ 1848 года, говорилъ онъ, представители этой страны принимали участіе наравнѣ съ венграми; онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить въ то, чтобы кроаты и впредь продолжали относиться враждебно къ конституціи, которая давала имъ хорошее управленіе, поставленное на широкую основу справедливости и свободы. Но не смотря на примирительныя рѣчи и примирительный образъ дѣйствія передовыхъ государственныхъ людей Венгріи, ярые приверженцы національной автономіи въ кроатскомъ сеймѣ продолжали отвергать все хорошее, что предлагала имъ Венгрія, потому только, что это исходитъ не отъ нихъ самихъ, а отъ венгровъ. Не смотря на то, что они сами не могли предложить своей націи ничего такого, что хоть издали напоминало бы дѣйствительно разумную и

хорошую венгерскую конституцію 1848 года, не смотря на то, что они являются передъ своимъ народомъ съ пустыми руками, и съ одними только безплодными разглагольствованіями о національной автономіи, на ихъ сторонѣ стояло большинство націи, которое было пріятно польщено перспективой полной національной самостоятельности. При различіи взглядовъ и направленій, выказываемыхъ на сеймѣ партіей національной и партіей мадъярской, засѣданія кроатскаго сейма (открытыя въ концѣ ноября прошлаго года) должны были имѣть весьма бурный характеръ. Такъ какъ и самыя силы партій были почти равны, то весьма не легко было достигнуть какого-либо соглашенія. Наконецъ, стараніями новаго канцлера Кроаціи Кусевича удалось устроить дѣло такимъ образомъ, что незначительнымъ большинствомъ 6 голосовъ вотированъ былъ адресъ, въ которомъ императора благодарили за изданіе сентябрьскаго манифеста, и выражалась готовность приступить къ изысканію средствъ для возстановленія прочной, согласной съ обоюдными интересами связи между Кроаціей и Венгріей съ одной, и между Кроаціей и остальной монархіей съ другой стороны. Но меньшинство аграмскаго сейма, т. е. національная партія, не захотѣла подчиниться рѣшенію большинства, и постановила отправить къ императору свой собственный адресъ, въ которомъ она просила его о возстановленіи національной автономіи соединеннаго тріединаго королевства. Оба эти адреса почти одновременно доставлены были императору Францу-Іосифу во время пребыванія его въ Офенѣ (въ февралѣ мѣсяцѣ). Императоръ, желавшій именно въ этомъ пунктѣ исполнить требованіе венгровъ, принялъ благосклонно адресъ большинства, не противорѣчившій этимъ требованіямъ, и далъ довольно рѣзкій отвѣтъ депутатамъ, представившимъ ему адресъ меньшинства кроатскаго сейма. Послѣ рѣзкаго отвѣта императора кроатскій сеймъ рѣшился наконецъ, не задолго передъ закрытіемъ своихъ засѣданій, выбрать изъ своей среды коммиссію изъ 12 членовъ, которая должна была отправиться въ Пештъ для опредѣленія въ совокупности съ венгерской коммиссіей, отношеній Кроаціи и Венгріи. Но при выборѣ членовъ этой коммиссіи, при обсужденіи инструкцій, которыя слѣдовало дать ей при отправленіи ея въ Пештъ, національная партія, потерпѣвшая недавно пораженіе во время преній объ адресѣ, одержала верхъ надъ соединенной партіей мадъяро-правительственной: въ члены этой коммиссіи были выбраны люди, принадлежащіе большею частью къ національной партіи и инструкціи, данныя членамъ этой коммиссіи, тоже составлены были въ духѣ этой же партіи. Когда кроатская депутація прибыла въ Пештъ, и приступлено было къ совѣщаніямъ, то при первомъ же свиданіи ея съ венгерскими депутатами представилось одно, довольно важное затрудненіе, а именно, предстояло рѣшить вопросъ, на какомъ языкѣ вести переговоры: изъ кроатскихъ депутатовъ очень

немногіе депутаты говорили по-мадъярски, а изъ венгерскихъ депутатовъ ни одинъ не говорилъ по-кроатски. Прежде, и еще въ недавнее время, оффиціальнымъ языкомъ въ Венгріи былъ латинскій языкъ; но въ настоящее время болѣе пожилые изъ депутатовъ сейма уже перезабыли этотъ языкъ, а болѣе молодые изъ нихъ вовсе и не учились говорить на немъ: такимъ образомъ, пользоваться въ переговорахъ этимъ средневѣковымъ, нейтральнымъ языкомъ оказалось невозможнымъ. Пришлось остановиться на другомъ нейтральномъ языкѣ—нѣмецкомъ, на которомъ большая часть депутатовъ все-таки изъясняются, хотя подъ-часъ и весьма худо. Итакъ, на первомъ же шагу и притомъ даже въ мелочахъ, оказывались величайшія затрудненія къ достиженію соглашенія между венграми и кроатами.

Возвратимся опять къ Венгріи, и прослѣдимъ ходъ венгерскаго вопроса отъ открытія засѣданій венгерскаго сейма до настоящаго времени.

Уже во время выборовъ въ сеймъ, происходившихъ въ Венгріи въ концѣ прошлаго года, ясно обнаружилось, что соглашеніе Венгріи съ остальной монархіей вовсе не такъ близко и не такъ легко, какъ то могло казаться обѣимъ сторонамъ въ первое время послѣ отмѣны неудачной февральской конституціи. Конституція эта теперь уже не являлась непреодолимой помѣхой къ соглашенію, но за то различное пониманіе обѣими сторонами непрерывности, права и потери права (Rechtscontinuität и Rechtsverwirkung) осталось во всей силѣ. Персональная унія, которой желали венгры, и полное признаніе венгерскихъ законовъ 1848 года, слишкомъ сильно разнились отъ того идеала союза Австріи съ Венгріей, который имѣли вѣнскіе министры, чтобы можно было считать соглашеніе близкимъ и несомнѣннымъ. Министерство Белькреди-Эстергази, правда, утѣшалось тѣмъ, что требованія венгровъ столь тверды и непоколебимы только въ теоріи, а что на практикѣ, въ виду императорскихъ предложеній, они значительно сбавятъ свои требованія. Но при сравненіи требованій, предлагаемыхъ венграми вѣнскому правительству, и требованій, относительно цѣлости имперіи, высказываемыхъ правительственными органами, нужно было прійти къ тому заключенію, что та или другая сторона должна сдѣлать весьма значительныя уступки для того, чтобы состоялось соглашеніе; нужно было, чтобы или Венгрія отказалась отъ теоріи непрерывности права, или вѣнское правительство отъ теоріи потери права. Нужно было, чтобъ или венгры отказались отъ законовъ 1848 года, на признаніи которыхъ они стоятъ съ такимъ упорствомъ, или чтобы вѣнское правительство признало во всей цѣлости это порожденіе венгерскаго революціоннаго сейма 1848 года. Безъ значительныхъ уступокъ дѣло не могло обойтись; весь вопросъ заключался только въ томъ, которая изъ двухъ сторонъ первая приметъ на себя иниціативу

уступокъ. Поэтому и въ Венгріи, и во всей Австріи съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидали тронной рѣчи, которою императоръ Францъ-Іосифъ долженъ былъ лично открыть засѣданіе пештскаго сейма, такъ какъ надѣялись найти въ ней отвѣтъ на интересовавшій всѣхъ вопросъ касательно уступокъ, которыя австрійское правительство намѣрено было сдѣлать. Но эта рѣчь, весьма искусно составленная канцлеромъ Майлатомъ, не давала никакого положительнаго отвѣта на волновавшіе всѣхъ вопросы, такъ какъ въ ней, въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ говорилось о главныхъ предметахъ разногласія между императорскимъ правительствомъ и венграми. Въ ней было сказано, что дѣйствительность законовъ 1848 года никѣмъ не оспаривается, но вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено, что они не могутъ быть утверждены императорскою санкціею и введены въ дѣйствіе до пересмотра ихъ. Въ рѣчи высказана была надежда, что теперь, когда страсти совершенно успокоились, венгры послушаются голоса разсудка, и согласятся на предварительный пересмотръ законовъ 1848 года. Вообще въ этой части тронной рѣчи высказано было, хотя и въ довольно примирительномъ тонѣ, желаніе имѣть прежде всего въ виду, при опредѣленіи отношеній Венгріи къ остальной имперіи, интересы общей австрійской монархіи, какъ великой европейской державы. Относительно же возстановленія связи земель короны св. Стефана въ тронной рѣчи высказаны были взгляды, согласные съ взглядами самихъ венгровъ, т. е. признана была необходимость возстановленія этой связи (вопреки постановленіямъ октябрьскаго и февральскаго диплома). Тронная рѣчь произвела болѣе благопріятное впечатлѣніе на венгровъ, нежели можно было ожидать, судя по сущности самой рѣчи. Мягкая форма и примирительный тонъ всей рѣчи, указаніе на уваженіе правительства къ прагматической санкціи, и на возможность существованія законовъ 1848 года, упоминанія о неудовлетворительности ненавистной венграмъ февральской конституціи, и наконецъ обѣщанія возстановленія историческаго союза земель короны св. Стефана—все это произвело чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на венгровъ, и заставило ихъ забыть о томъ, чего не давала имъ тронная рѣчь. Большія надежды, возбужденныя этою рѣчью въ сангвиническихъ мадъярахъ, выразились съ первыхъ же засѣданій, въ первыхъ же рѣчахъ, произнесенныхъ на сеймѣ, въ которыхъ соглашеніе съ Вѣною изображалось какъ будто уже состоявшимся; они выразились также въ восторженномъ пріемѣ, оказанномъ императору и императрицѣ во время ихъ прибытія въ Офенъ, въ различныхъ демонстраціяхъ и овацiяхъ, которыя не прерывались во все время пребыванія ихъ въ столицѣ Венгріи, и которыя свидѣтельствовали также о силѣ династическихъ привязанностей венгровъ, сохранившихся у нихъ, не смотря на событія сороковыхъ годовъ. Но вслѣдъ за первыми взрывами энтузіазма, вызваннаго

какъ личнымъ пребываніемъ императора въ Пештѣ, такъ и искусно составленною тронною рѣчью его, наступилъ періодъ критики и нѣкотораго охлажденія энтузіазма. Вчитываясь въ тронную рѣчь императора, Венгрія сама начинала убѣждаться въ томъ, что соглашеніе вовсе не такъ легко и близко, какъ то казалось имъ съ перваго взгляда, и что дѣло это не обойдется безъ большихъ затрудненій. А когда наконецъ сейму представленъ былъ проектъ адреса, составленный предводителемъ умѣренно-либеральной партіи, Деакомъ, то оказалось, что ни двукратная поѣздка императора и императрицы въ Пештъ, ни любезность, оказываемая ими магнатамъ и депутатамъ, ни признаніе вѣнскимъ правительствомъ юридической силы законовъ 1848 года, ни признаніе необходимости тѣсной связи земель короны св. Стефана, ничто это не заставило венгровъ отказаться отъ своихъ правъ. Въ этомъ отношеніи всѣ надежды вѣнскаго правительства и въ особенности венгерскихъ представителей его, Майлата и Эстергази, оказались тщетными и не осуществились. Проектъ адреса, составленный Деакомъ, отличался, какъ и адресъ 1861 года, необыкновенною длиною: чтеніе его продолжалось не менѣе часа. Онъ состоялъ изъ 48 параграфовъ, въ которыхъ исчерпывалась вся сущность требованій венгровъ и причинъ разногласія ихъ съ правительствомъ. Онъ составленъ былъ въ очень почтительныхъ выраженіяхъ и въ очень примирительномъ тонѣ, но по содержанію своему почти вовсе не разнился отъ адреса 1861 года. Онъ начинался съ изъявленія благодарности императору за выраженную имъ готовность взять за исходную точку при опредѣленіи отношеній Венгріи къ Австріи прагматическую санкцію 1723 года, и за выраженное имъ желаніе возстановить конституціонное право Венгріи, и неприкосновенность союза земель венгерской короны. Далѣе сказано было, что сеймъ безотлагательно долженъ будетъ заняться опредѣленіемъ интересовъ Австріи и Венгріи, и о результатахъ своихъ занятій по этому вопросу немедленно сообщить правительству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ проектѣ адреса выражалась невозможность принять за основу соглашенія октябрьскій дипломъ или февральскій патентъ. Октябрьскій дипломъ могъ имѣть важное значеніе для тѣхъ народовъ, которымъ онъ давалъ конституціонныя учрежденія; но Венгрія уже гораздо ранѣе изданія этого диплома пользовалась конституціонными учрéжденіями, и поэтóму приданіе октябрьскому диплому обязательной для всей имперіи силы, было нарушеніемъ венгерской конституціи. Между дипломомъ этимъ и прагматической санкціей существуетъ явное противорѣчіе, такъ какъ первый гораздо шире понимаетъ «общіе дѣла и интересы». Что же касается до февральскаго патента, то его венгерская нація еще гораздо менѣе можетъ принять, нежели октябрьскій дипломъ, такъ какъ онъ еще болѣе расширяетъ кругъ общихъ дѣлъ, и еще болѣе уклоняется отъ прагматической санк-

ціи. При небольшомъ сравнительно числѣ представителей Венгріи въ общемъ рейхсратѣ, интересы Венгріи были бы подчинены интересамъ другихъ государствъ. Сеймъ никогда не думалъ наносить ущерба общимъ интересамъ монархіи, сказано было далѣе въ адресѣ; онъ понимаетъ необходимость единства въ управленіи общими дѣлами монархіи, но убѣжденъ также въ возможности согласовать общіе интересы монархіи съ самостоятельностью Венгріи: интересы монархіи нимало не пострадаютъ отъ немедленнаго признанія и утвержденія законовъ 1848 года. Уже сеймъ 1861 года выразилъ готовность отступить кое въ чемъ отъ законовъ 1848 года, и настоящій сеймъ подтверждаетъ эту готовность. Если бы законы эти были приведены въ дѣйствіе, то практика не замедлила бы указать на недостатки ихъ, и на лучшія средства къ ихъ исправленію: но при пересмотрѣ ихъ, совершаемомъ прежде, нежели практика указала на достоинства и недостатки ихъ, могутъ произойти затрудненія, за которыя сеймъ не можетъ отвѣчать. Поэтому сеймъ и выражаетъ желаніе, чтобы императоръ короновался, какъ можно скорѣе, и прежде чѣмъ приступить къ коронаціи утвердилъ законы 1848 года въ томъ видѣ, въ какомъ они созданы были въ то время, предоставивши времени совершеніе въ нихъ необходимыхъ измѣненій. Переходъ отъ стараго порядка къ новому, сказано было въ адресѣ, будетъ сопряженъ съ затрудненіями; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы слѣдовало постоянно держаться старой системы. Самоуправленіе составляетъ отличительную черту всего общественнаго строя Венгріи; пока оно не будетъ возстановлено, правительство не можетъ ожидать конституціонной поддержки отъ народа. Отвѣтственное передъ сеймомъ министерство будетъ равно пользоваться довѣріемъ страны и императорскаго правительства; если же его не будетъ, то страна будетъ смотрѣть съ недовѣріемъ на всякія попытки къ соглашенію. «Основа нашей конституціи — законъ, сказано было въ заключеніе адреса, заключительное звено ея—престолъ короля; уваженіе къ тому и другому — высшая обязанность гражданина. Исполненіе этой обязанности было бы затруднительно только тогда, еслибы между закономъ и королевскою властью существовало противорѣчіе, постоянное и непримиримое. Но мы надѣемся, что отъ насъ не потребуютъ никакихъ жертвъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ требуютъ цѣли прагматической санкціи; мы съ своей стороны не откажемъ ни въ чемъ, что необходимо для достиженія этихъ цѣлей. Исторія показываетъ, что престолъ прочнѣе всего у тѣхъ націй, которыя всего непоколебимѣе въ защитѣ своихъ конституціонныхъ учрежденій.»

Самыми выдающимися пунктами этого длиннаго документа были требованіе введенія въ дѣйствіе законовъ 1848 года безъ всякихъ измѣненій, и учрежденіе отдѣльнаго, отвѣтственнаго передъ сеймомъ, венгерскаго министерства. Эти два требованія, въ которыхъ заключа-

лась вся сущность конституціонныхъ требованій Венгріи, ни мало не отличались отъ требованій, предъявленныхъ въ адресѣ 1861 года. Таково было впечатлѣніе, произведенное опубликованіемъ деаковскаго проекта адреса въ Венгріи. Поэтому большинство венгерскаго народа встрѣтило его съ радостью, и даже радикальная партія въ сеймѣ высказала ему свое одобреніе. Но совершенно иное впечатлѣніе этотъ документъ произвелъ въ вѣнскихъ правительственныхъ кружкахъ. Давно уже предводители старо-консервативной партіи Венгріи увѣряли императора, что достаточно будетъ сдѣлать только нѣсколько шаговъ на встрѣчу желаніямъ венгровъ, для того, чтобы склонить ихъ къ весьма значительнымъ уступкамъ отъ прежнихъ ихъ требованій. Императоръ повѣрилъ этимъ увѣреніямъ, и вполнѣ разсчитывалъ на уступчивость венгровъ. Теперь же, когда увѣренія и обѣщанія венгерскихъ магнатовъ не сбылись, императоръ остался очень недоволенъ. Равнымъ образомъ, вся венгерская пресса, либеральная и правительственная, федералистическая и централистическая, осталась очень недовольна венгерскимъ адресомъ, и въ одинъ голосъ твердила, что на этомъ полѣ не можетъ быть достигнуто соглашеніе. Оффиціальныя газеты поспѣшили объявить, что правительство не согласится ни на отвѣтственное венгерское министерство, ни на автономію муниципій и комитатовъ, въ томъ видѣ какъ она существовала въ Венгріи въ прежнее время. Централисты пришли въ негодованіе отъ того пренебреженія, съ которымъ адресъ отнесся къ февральской конституціи, а федералисты остались очень недовольны отверженіемъ октябрьской конституціи. Вообще и правительственные и независимые органы готовы были совершенно отчаяться въ возможности соглашенія. Обсужденіе адреса совпало съ пребываніемъ императора Франца-Іосифа въ Офенѣ; однако это присутствіе императора не имѣло ни малѣйшаго вліянія на ходъ преній; почти никто изъ ораторовъ, говорившихъ о проектѣ адреса, и не подумалъ требовать отъ венгровъ, чтобы они отступились отъ своихъ правъ; не только депутаты лѣвой стороны и центра, но даже нѣкоторые изъ депутатовъ правой стороны говорили въ пользу проекта адреса, представленнаго Деакомъ. Пренія объ адресѣ начались 15-го февраля. Изъ членовъ палатъ, пользующихся нѣкоторой извѣстностью, только одинъ говорилъ противъ деаковскаго проекта адреса, а именно Барталь, вице-президентъ намѣстничества и одинъ изъ предводителей консервативной партіи. Онъ внесъ также двѣ поправки къ адресу, въ которыхъ онъ, сообразно съ изложенными имъ мнѣніями, предлагалъ прежде опредѣлить общія дѣла Австріи и Венгріи, и пересмотрѣть законы 1848 года, а потомъ уже требовать отвѣтственнаго венгерскаго министерства. Изъ рѣчей ораторовъ лѣвой стороны, болѣе другихъ обратили на себя вниманіе рѣчи бывшаго президента сейма 1861 года Гичи, доказывавшаго, что прагматическая санкція не допускаетъ иной

связи между Австріей и Венгріей, кромѣ персональной уніи, а также рѣчь одного изъ самыхъ крайнихъ венгерскихъ радикаловъ Мадараша, доказывавшаго, что между Австріей и Венгріей нѣтъ, не можетъ и не должно быть никакихъ общихъ дѣлъ. Изъ рѣчей ораторовъ умѣренно-либеральной партіи можно упомянуть о рѣчахъ двухъ самыхъ извѣстныхъ преводителей этой партіи—Этвеша и Деака, доказывавшихъ при помощи общеизвѣстныхъ доводовъ, что адресъ слѣдуетъ принять безъ малѣйшихъ измѣненій, отвергнувши всѣ поправки.

Большое вниманіе обратила также на себя рѣчь самаго извѣстнаго предводителя правой стороны, графа Аппони, который говорилъ въ такомъ тонѣ, котораго почти никто не ожидалъ отъ него. Онъ утверждалъ, что дѣлаемыя венграми для сохраненія цѣлости имперіи уступки не должны служить препятствіемъ къ признанію непрерывности права венгровъ, къ возстановленію существенныхъ законовъ 1848 года, къ учрежденію отвѣтственнаго министерства и къ возвращенію муниципіямъ старинныхъ ихъ правъ; онъ утверждалъ также, что ревизія законовъ 1848 года, до утвержденія ихъ правительствомъ, есть политическая невозможность. Послѣ произнесенія этой рѣчи сильно упали надежды правительственной партіи Венгріи и Австріи на поддержку консерваторовъ нижней палаты, и на вліяніе, которое они могли бы оказать на ходъ преній. Дѣйствительно, пренія объ адресѣ въ нижней палатѣ кончились тѣмъ, что единственная поправка къ адресу, предложенная Барталемъ, была взята назадъ самимъ авторомъ ихъ, и затѣмъ весь деаковскій проектъ адреса былъ вотированъ почти единогласно: противъ него подали голосъ только Мадарашъ и четыре другихъ члена крайней лѣвой стороны. Послѣ того какъ сталъ извѣстенъ этотъ результатъ преній объ адресѣ, министры Менсдорфъ и Белькреди стали совѣтовать императору немедленно распустить сеймъ и созвать новый; но Майлатъ замѣтилъ, что при настоящемъ настроеніи умовъ въ Венгріи и отъ новаго сейма нельзя ожидать болѣе благопріятныхъ результатовъ, и императоръ рѣшился подождать еще. Не слишкомъ-то оправдались и надежды, возлагаемыя вѣнскимъ правительствомъ на верхнюю палату сейма, и на умѣренность требованій, которыхъ можно было ожидать съ его стороны. Въ верхней палатѣ консервативный элементъ былъ, правда, гораздо сильнѣе, чѣмъ въ палатѣ депутатовъ. Но именно это консервативное настроеніе и заставляло венгерскихъ магнатовъ настаивать на признаніи стародавнихъ правъ Венгріи; а опасеніе потерять всякую популярность въ странѣ не позволило имъ слишкомъ далеко отойти отъ конституціи 1848 года, которая, конечно, была имъ не слишкомъ по душѣ. Хотя верхняя палата и рѣшила представить правительству свой собственный адресъ, однако въ сущности этотъ адресъ ея былъ не что иное, какъ парафразъ адреса нижней палаты, такъ что, читая его,

трудно даже понять, зачѣмъ верхней палатѣ понадобился свой собственный адресъ, и отчего она не могла присоединиться къ адресу нижней палаты, будучи почти во всемъ согласна съ нею.

Оба адреса были вотированы почти въ одно время, и императоръ въ одинъ и тотъ же день принималъ въ Офенѣ депутаціи верхней и нижней палатъ, представлявшія ему свои адресы. Въ отвѣтной рѣчи своей онъ ограничился тѣмъ, что выразилъ имъ благодарность свою за выраженныя сеймомъ и всею венгерской націей вѣрноподданническія чувства; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ также и сожалѣніе свое о томъ, что во время преній объ адресѣ были высказаны такіе взгляды на отношенія Венгріи и Австріи, и такія сомнѣнія касательно предложенныхъ имъ средствъ для достиженія соглашенія, которыхъ онъ никакъ не можетъ допустить. Отъ дальнѣйшаго развитія своихъ взглядовъ, онъ впрочемъ, въ отвѣтѣ своемъ удержался, сказавши депутаціямъ, что онъ сообщитъ сейму подробный отвѣтъ на адресы обѣихъ палатъ въ особомъ рескриптѣ, который будетъ доставленъ въ скоромъ времени, и въ которомъ съ полною откровенностью будутъ высказаны воззрѣнія правительства на отношенія Австріи и Венгріи. Уже изъ этого сухого, устнаго отвѣта императора венгры могли увидѣть, что, не смотря на затруднительное положеніе австрійской имперіи во внутреннихъ дѣлахъ, и не смотря на компликаціи внѣшней политики, правительство однакоже не думаетъ идти по пути уступокъ далѣе того, что высказано было въ тронной рѣчи, и продолжаетъ требовать отъ венгровъ существенныхъ уступокъ, которыя сдѣлали бы возможнымъ полное соглашеніе. Въ этой неутѣшительной для венгровъ и несогласной съ недавними розовыми мечтаніями ихъ истинѣ, еще болѣе долженъ былъ убѣдить ихъ обѣщанный въ отвѣтной рѣчи императорскій рескриптъ, который сообщенъ былъ сейму нѣсколько дней спустя послѣ представленія адресовъ.

Рескриптъ этотъ снова долженъ былъ убѣдить венгровъ въ томъ, что имъ не дано будетъ ничего изъ того, что они ставили необходимымъ условіемъ для достиженія соглашенія съ Австріей; напротивъ, исполненіе ихъ требованій было подчинено предварительнымъ уступкамъ съ нхъ стороны. Полное возстановленіе неизмѣнныхъ законовъ 1848 года, и въ особенности тѣхъ параграфовъ ихъ, которые установляютъ отдѣльное и отвѣтственное венгерское министерство, объявлено было несовмѣстнымъ съ цѣлостью и интересами всей монархіи. Императорскій рескриптъ продолжалъ настаивать на томъ, что прежде всего нужно опредѣлить свойство и границы общихъ дѣлъ Венгріи и Австріи, и пересмотрѣть законы 1848 года, а потомъ уже настаивать на введеніи ихъ въ дѣйствіе. Не ограничиваясь общими указаніями на необходимость ревизіи законовъ 1848 года, рескриптъ входилъ въ болѣе обстоятельное указаніе тѣхъ именно параграфовъ

ихъ, которые должны быть измѣнены. «Статьи 2, 3, 4 конституціи 48 года, сказано въ рескриптѣ, должны быть отмѣнены уже потому, что нарушаютъ права нашей верховной, королевской власти.» (Статьи эти относятся: 2-я, къ опредѣленію власти палатина, 3-я, къ учрежденію независимаго, отвѣтственнаго только передъ сеймомъ, министерства, и 4-я, къ опредѣленію правъ сейма.) Императоръ требовалъ также измѣненія 16-й и 17-й статей конституціи, установляющихъ самостоятельность муниципій и отношеніе ихъ къ комитатамъ и къ центральной власти. Возстановленіе этихъ отношеній, въ томъ видѣ, какъ они были опредѣлены въ смутныя времена 1848 года, императоръ объявляетъ несвоевременнымъ и неудобнымъ въ настоящее время. Статью 22-ю конституціи 1848 года, установляющую національную гвардію, тоже требовалось измѣнить, такъ какъ учрежденіе это, по словамъ рескрипта, налагаетъ ненужныя тягости на народъ, и вмѣсто сохраненія порядка, достигаетъ совершенно противоположныхъ результатовъ. Кромѣ того указывалось на необходимость пересмотра избирательнаго закона 1848 года, и нѣкоторыхъ другихъ законовъ. Наконецъ, въ рескриптѣ было высказано также желаніе, чтобы венгры приняли на себя причитающуюся на ихъ долю часть долговыхъ обязательствъ, заключенныхъ австрійской имперіей послѣ 1848 года, отъ чего венгры до сихъ поръ постоянно отказывались, но что, по мнѣнію австрійскихъ государственныхъ людей, составляетъ существенное условіе цѣлости австрійской монархіи. Вообще въ императорскомъ рескриптѣ говорилось только объ уступкахъ, которыя венгры должны сдѣлать въ интересахъ цѣлости монархіи, а не объ уступкахъ, которыя сдѣланы будутъ венграмъ. Законы, торжественно утвержденные предшественникомъ настоящаго императора (11 апрѣля 1848 года), прямо объявлены были вынужденными и необязательными для настоящаго императора. Такимъ образомъ, императоръ оставался при прежней своей теоріи о потерѣ правъ (Rechtsverwirkung), и непрерывность правъ Венгріи признавалась только на словахъ, а не на дѣлѣ. Императоръ не хотѣлъ слышать о возстановленіи исторической самостоятельности венгровъ, и объявлялъ, что онъ въ силу Богомъ данной ему власти опредѣлитъ границы самостоятельности Венгріи. Отъ венгровъ требовали многихъ уступокъ, и въ награду за эти уступки имъ обѣщали — милость и амнистію. Что касается до автономіи ихъ, то они должны были удовольствоваться правомъ послать соотвѣтствующее число представителей въ общій рейхсратъ. Вотъ къ чему, по снятіи всѣхъ покрововъ риторики, сводилась сущность императорскаго рескрипта. Венгры не могли не понять этого, и потому обнародованіе этого рескрипта произвело въ странѣ еще болѣе неблагопріятное впечатлѣніе, нежели сообщеніе устнаго отвѣта императора

на адресы. Въ обѣихъ палатахъ чтеніе рескрипта было нѣсколько разъ прерываемо ропотомъ, возбуждаемымъ имъ въ слушателяхъ.

Однако, когда миновалось первое впечатлѣніе, самые разсудительные изъ предводителей венгерскихъ партій стали искать въ рескриптѣ утѣшительныхъ и примирительныхъ сторонъ и поводовъ къ продолженію переговоровъ. Такъ, напримѣръ, Деакъ подалъ въ палатѣ совѣтъ отвѣчать на рескриптъ новымъ адресомъ, и открыть такимъ образомъ путь для дальнѣйшихъ переговоровъ. По его предложенію назначена была новая адресная коммиссія для составленія отвѣта на императорскій рескриптъ. Въ этомъ второмъ адресѣ не было ни малѣйшаго отступленія отъ перваго адреса. Онъ точно также, какъ и первый адресъ, не касался опредѣленія общихъ дѣлъ, а занимался преимущественно вопросомъ о непрерывности права, который былъ рѣшенъ императоромъ неблагопріятнымъ для венгровъ образомъ. Составители адреса шагъ за шагомъ опровергали императорскій рескриптъ, и излагали тѣ же самыя просьбы требованія, которыя изложены были въ первомъ адресѣ, т. е. полнаго признанія законовъ 1848 года, отвѣтственнаго министерства, и пр. и пр. Тонъ этого адреса былъ столь же почтителенъ, и форма его столь же примирительна, какъ и въ первомъ адресѣ. Пренія нижней палаты о второмъ адресѣ были на столько же коротки, на сколько пренія о первомъ адресѣ были продолжительны: они окончились въ одно засѣданіе, и весь адресъ принятъ былъ единогласно. Затѣмъ нижняя палата препроводила этотъ адресъ въ верхнюю палату съ предложеніемъ тоже одобрить его, и послать его правительству, какъ выраженіе мнѣнія обѣихъ палатъ сейма. Послѣ довольно жаркихъ и продолжительныхъ преній, верхняя палата одобрила, наконецъ, адресъ нижней палаты крайне незначительнымъ большинствомъ 106 голосовъ противъ 102.

Соединенная депутація обѣихъ палатъ отвезла этотъ адресъ въ Вѣну, для представленія его императору. Венгерцы опять съ нетерпѣніемъ стали ожидать отвѣта императора, хотя не трудно было предсказать заранѣе, что императоръ не скажетъ ничего опредѣленнаго, а ограничится общими выраженіями о желаніи соглашенія съ Венгріей. Такъ оно дѣйствительно и случилось. 26 апрѣля, депутаціи верхней и нижней палатъ пештскаго сейма подъ предводительствомъ президента первой изъ нихъ Сеннiей и вице-президента нижней палаты, графа Андрасси, представили императору отвѣтный адресъ на рескриптъ 3 марта. Императоръ объявилъ, что онъ приметъ къ свѣдѣнію представленный ему адресъ венгерскаго сейма. Онъ не обѣщалъ венграмъ исполненія просьбы ихъ касательно признанія непрерывности права ихъ; но онъ выразилъ надежду, что представители Венгріи поймутъ важность выпавшей имъ на долю задачи, которая должна будетъ служить началомъ новой эпохи въ отношеніяхъ Ав-

стріи и Венгріи: задача эта состоитъ въ точномъ опредѣленіи общихъ дѣлъ Австріи и Венгріи; императоръ совѣтовалъ имъ поторопиться разрѣшеніемъ этого важнаго вопроса, отъ удовлетворительнаго разрѣшенія котораго равномѣрно зависятъ сила и благоденствіе, какъ цѣлой монархіи, такъ и венгерскаго королевства. Не смотря на любезный и мягкій тонъ императорской рѣчи, въ ней увидѣли однакоже положительный отказъ императора исполнить требованіе венгровъ до опредѣленія общихъ дѣлъ Австріи и Венгріи, и поэтому впечатлѣніе этой рѣчи не могло быть слишкомъ благопріятное. Однако вмѣсто того, чтобы предаваться отчаянію и тотчасъ же провозгласить о невозможности соглашенія, пештскій сеймъ на этотъ разъ рѣшился поторопиться выработкой программы касательно общихъ дѣлъ, которую императоръ объявилъ необходимою для всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ.

Коммиссія, которая должна была заняться этимъ дѣломъ составлена была, по предложенію Деака, еще раньше, вскорѣ по полученіи императорскаго рескрипта, отъ 3 марта. Тогда же сеймъ рѣшилъ составить коммиссію изъ 76 членовъ для обсужденія способовъ къ прочному установленію общихъ дѣлъ монархіи и земель короны св. Стефана. Въ составъ этой коммиссіи вошли всѣ 30 членовъ адресной коммиссіи, и кромѣ того еще нѣсколько другихъ членовъ пештскаго сейма, принадлежащихъ большею частью къ крайней лѣвой и правой сторонѣ; 15 членовъ этой коммиссіи должны были явиться въ коммиссіи представителями трансильванскаго сейма, а 9 представителями Кроаціи и Славоніи.

Такимъ образомъ, разрѣшеніе венгерскаго вопроса затянулось чрезвычайно на долго. Многочисленнымъ коммиссіямъ, на которыя распался венгерскій сеймъ, предстоялъ трудъ весьма обширный и продолжительный. Трудъ этотъ еще болѣе усложнялся вслѣдствіе того, что согласіе между венгерскою національностью и прочими національностями короны св. Стефана далеко еще не возстановлено, какъ мы имѣли случай видѣть изъ краткаго обзора отношеній Трансильваніи и Кроаціи къ Венгріи.

Но дѣло еще болѣе затянулось вслѣдствіе различныхъ непредвидѣнныхъ, неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а именно, несчастной для Австріи внѣшней войны, которую она вела въ теченіе нынѣшняго лѣта. Австрійское правительство нашло неудобнымъ вести переговоры съ венгерскимъ въ то самое время, когда въ сѣверныхъ предѣлахъ имперіи свирѣпствовала страшная борьба, и поэтому въ самомъ началѣ войны появился императорскій декретъ, прерывавшій засѣданія сейма и всѣхъ отдѣльныхъ его коммиссій, и отсрочивавшій засѣданія сейма на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, вопросъ объ окончательномъ соглашеніи Австріи съ Венгріей опять отложенъ былъ въ

долгій ящикъ, къ немалому огорченію и раздраженію той части венгерскаго сейма и венгерскаго общества, которая ожидала удовлетворительныхъ результатовъ отъ начатыхъ съ австрійскимъ правительствомъ переговоровъ.

При такихъ-то неопредѣленныхъ, невыясненныхъ еще отношеніяхъ къ Венгріи, австрійской имперіи приходилось бороться съ двумя сильными противниками, на сѣверѣ и на югѣ. Весьма понятно, что при этомъ всѣ взоры обратились къ Венгріи, и что самъ собою возникалъ вопросъ о томъ, какъ будутъ держать себя венгры въ виду внѣшней опасности, угрожавшей Австріи. Одни полагали, что Венгрія воспользуется смутными обстоятельствами, чтобы силою оружія добиться того, чего она такъ долго, и притомъ такъ тщетно старалась добиться путемъ мирнаго соглашенія. Другіе, напротивъ, вполнѣ были увѣрены въ томъ, что теперь непремѣнно послѣдуетъ повтореніе знаменитаго «Moriamur pro rege nostro!» Ни то, ни другое изъ этихъ предсказаній не оправдалось вполнѣ. Попытки Кошута и другихъ членовъ венгерской партіи «дѣйствія» возбудить въ Венгріи вооруженное возстаніе, остались безплодными; но за то съ другой стороны венгры были очень далеки отъ того патріотическаго энтузіазма, который они выказали слишкомъ 100 лѣтъ тому назадъ. Большинство націи не выразило ни малѣйшаго желанія жертвовать своею кровью и своими средствами для поддержанія настоящей династіи, противъ угрожавшей ему извнѣ опасности. Только нѣкоторые изъ членовъ высшей аристократіи рѣшились составить отрядъ волонтеровъ, а немногіе изъ членовъ высшаго духовенства изъявили готовность жертвовать своими деньгами, для доставленія вѣнскому правительству средствъ къ веденію войны. Большая же часть венгерскихъ патріотовъ осталась совершенно равнодушною къ войнѣ. Если они не желали воспользоваться ею, для того, чтобы поднять оружіе противъ Австріи, то они во всякомъ случаѣ были очень недовольны ею, потому что видѣли въ ней помѣху возвращенію Венгріи ея автономіи и ея старинныхъ правъ. Когда закрывались засѣданія сейма, члены лѣвой стороны предлагали заявить, что сеймъ не одобряетъ этой войны, что война является слѣдствіемъ неконституціоннаго образа дѣйствій австрійскаго правительства, и что поэтому на него падаетъ вся отвѣтственность за эту войну. Умѣренные либералы, т. е. партія Деака, выразились о войнѣ менѣе рѣзкимъ образомъ, но всетаки выразили сожалѣніе свое о томъ, что война явилась помѣхой мирному, конституціонному развитію Венгріи, и надежду, что война скоро кончится, и что тогда будетъ обращено должное вниманіе на развитіе конституціонной жизни въ Венгріи. Въ венгерской націи мы видимъ столь же мало энтузіазма въ пользу войны, какъ и въ венгерскомъ сеймѣ. Сначала мы замѣчаемъ въ ней полнѣйшее равнодушіе къ войнѣ, а впо-

слѣдствіи, когда Венгріи пришлось во второй разъ въ теченіе самаго непродолжительнаго времени нести тяжесть рекрутскаго набора, участіе націи къ войнѣ выразилось тѣмъ, что во всей странѣ началась сильнѣйшая агитація противъ набора; всюду составлялись и подписывались прошенія къ императору о томъ, чтобы Венгрія была освобождена отъ набора. Вообще Австрія не только не получила со стороны Венгріи никакой дѣйствительной поддержки, но напротивъ постоянно должна была ожидать, что ей съ этой стороны могла возникнуть весьма серьезная опасность.

Не смотря на то, что этотъ примѣръ съ достаточною ясностью могъ показать австрійскому правительству, какая для него можетъ заключаться опасность въ промедленіи удовлетворительнаго разрѣшенія венгерскаго вопроса, оно однакоже и послѣ окончанія войны не спѣшило приступать къ разрѣшенію этого вопроса. Оно не только не изъявило ни малѣйшаго желанія поскорѣе возобновить засѣданій сейма, прерванныхъ въ началѣ войны, но оно даже не побоялось раздражить венгровъ тѣмъ, что созвало засѣданіе всѣхъ прочихъ областныхъ сеймовъ австрійской имперіи, *за исключеніемъ венгерскаго.*

Между тѣмъ, какъ всѣ областные сеймы были созваны на 19 ноября, возобновленіе засѣданій венгерскаго сейма было отложено на неопредѣленный срокъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Пештѣ свирѣпствуетъ сильная холера. Но когда обнаружилось, что это распоряженіе не только вызвало сильнѣйшее раздраженіе въ Венгріи, но возбудило даже неудовольствіе въ либеральныхъ нѣмецкихъ кружкахъ, тогда вѣнское правительство, по совѣту вновь поступившаго въ министерство бывшаго саксонскаго министра Бейста, рѣшилось не медлить долѣе созваніемъ венгерскаго сейма, который и былъ созванъ, наравнѣ съ прочими австрійскими сеймами, на 19 ноября. Въ этотъ день дѣйствительно открылись засѣданія девятнадцати австрійскихъ областныхъ сеймовъ, а въ числѣ ихъ и пештскаго сейма, который еще разъ долженъ попытаться дать окончательное разрѣшеніе трудному вопросу объ установленіи прочныхъ и справедливыхъ отношеній между Австріей и Венгріей.

Императорскій рескриптъ, отъ 17 ноября, которымъ 19 ноября открыты были засѣданія венгерскаго сейма, значительно разнился отъ императорскаго рескрипта 3 марта, служившаго отвѣтомъ на адресъ венгерскаго сейма, хотя и тотъ и другой рескриптъ были составлены и подписаны тѣмъ же канцлеромъ Майлатомъ. Нынѣшній рескриптъ и по формѣ и по содержанію имѣетъ характеръ гораздо болѣе примирительный, нежели рескриптъ 3 марта. Онъ не отличается тѣмъ докторальнымъ тономъ, который можно замѣтить въ томъ рескриптѣ; въ немъ вѣнское правительство не берется поучать венгерскій сеймъ на счетъ тѣхъ статей закона 1848 года, которыя должны быть измѣ-

нены. Рескриптъ ограничивается заявленіемъ, что въ программѣ общихъ дѣлъ, составленной коммиссіей 15, заключаются весьма удовлетворительныя основы для соглашенія. Затѣмъ еще разъ дѣлается напоминаніе о тѣхъ сторонахъ государственной жизни Венгріи и Австріи, которыя, по мнѣнію австрійскаго правительства, должны составлять предметъ общаго управленія для Венгріи и Австріи, а именно войско, государственный долгъ, косвенные налоги и таможни. Когда состоится соглашеніе на счетъ программы общаго управленія, тогда императоръ обѣщалъ немедленно назначить венгерское министерство, и возстановить муниципальную самостоятельность Венгріи. Таково было въ немногихъ словахъ содержаніе пространнаго императорскаго рескрипта 17 ноября. Хотя, какъ мы уже замѣтили выше, онъ былъ гораздо благосклоннѣе для Венгріи, нежели рескриптъ 3 марта, однако первое впечатлѣніе, произведенное имъ, было далеко неблагопріятно. Венгры надѣялись, что онъ прежде всего возвѣститъ имъ о назначеніи венгерскаго министерства, а затѣмъ уже о продолженіи переговоровъ касательно общихъ дѣлъ, касательно ревизіи законовъ 1848 года, и т. д. Они обманулись въ этой надеждѣ, и результатомъ этого была крайне холодная встрѣча, сдѣланная императорскому рескрипту. Въ верхней и нижней палатѣ, чтеніе его было встрѣчено мертвымъ молчаніемъ. Не только органы крайней лѣвой партіи, но и органы умѣренной либеральной партіи, въ первые дни провозгласили его неудовлетворительнымъ. Нѣкоторое время можно было считать дѣло соглашенія окончательно несостоявшимся. Но когда миновалось первое впечатлѣніе, настроеніе большинства депутатовъ сейма нѣсколько измѣнилось, и они съ удивительнымъ терпѣніемъ снова принялись за изысканіе средствъ къ соглашенію. Крайняя лѣвая сторона, число членовъ которой возрасло до 90 или до 100 человѣкъ, правда по прежнему отказывается продолжать переговоры, до исполненія законныхъ требованій венгровъ. Но умѣренные либералы все еще не теряютъ надежды добиться чего нибудь посредствомъ переговоровъ. Они рѣшили, въ недавнихъ совѣщаніяхъ своихъ, продолжать переговоры съ вѣнскимъ правительствомъ. Деакъ замѣтилъ въ одномъ изъ этихъ совѣщаній, что нужно быть послѣдовательнымъ, что если переговоры не были прерваны послѣ полученія сеймомъ рескрипта 3 марта, то еще менѣе основанія прерывать ихъ теперь, послѣ полученія другого рескрипта, гораздо болѣе благопріятнаго для венгровъ, нежели рескриптъ 3 марта.

Согласно съ предложеніемъ Деака, умѣренная и либеральная партія рѣшила отвѣчать на послѣдній рескриптъ новымъ адресомъ, передать самый рескриптъ коммиссіи по опредѣленію общихъ дѣлъ, для принятія его къ свѣдѣнію и для согласованія его съ своей собственной программой, и т. д., и т. д. А такъ какъ партія Деака, все еще об-

ладаетъ значительнымъ большинствомъ на сеймѣ, то ея мнѣніе одержало верхъ надъ мнѣніемъ крайней лѣвой партіи, и такимъ образомъ переговоры между Австріей и Венгріей снова затянутся повидимому очень на долго.

Читатели могли видѣть изъ всей нашей статьи, что съ той самой поры, какъ австрійское правительство принялось за перестройки внутри австрійскаго государственнаго зданія, т. е. съ 1859 или 1860 года, до настоящаго времени оно успѣло сдѣлать весьма немногое. Оно больше все ломало и разрушало старое, а стройнаго цѣлаго изо всего этого хаоса все еще не выходитъ. Оно часто смѣняло строителей, но каждый изъ нихъ ограничивался тѣмъ, что ломалъ все построенное его предшественникомъ, увеличивалъ хаосъ, но самъ не могъ создать ничего прочнаго и краснваго. Самая капитальная передѣлка во внутреннемъ устройствѣ австрійскаго государственнаго зданія — прочное и разумное опредѣленіе отношеній Австріи и Венгріи, подвигается впередъ крайне туго, и все еще находится почти на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ оно находилось во время перваго созванія венгерскаго сейма, т. е. въ 1861 году. Не меньшія, и если не еще большія затрудненія, представляютъ намъ отношенія прочихъ частей австрійской имперіи къ общей монархіи. А когда мы вглядимся въ отношенія различныхъ національностей между собою, то намъ представится такой неизмѣримый хаосъ, при видѣ котораго можетъ закружиться голова самаго геніальнаго политическаго дѣятеля, такой запутанный гордіевъ узелъ, который врядъ ли удастся развязать самому искусному управителю. Австрійское правительство дѣлаетъ попытки къ сближенію съ Венгріей, а тутъ вся либеральная нѣмецкая партія не перестаетъ уже второй годъ сряду вопить о необходимости возстановленія централистической системы, основанной на попираніи правъ всѣхъ ненѣмецкихъ національностей австрійской имперіи. Правительство издаетъ рескриптъ 17 ноября, въ которомъ высказываетъ свой взглядъ на отношенія Австріи къ Венгріи. Венгры остаются не довольны рескриптомъ, потому что онъ не даетъ имъ всего, чего они требуютъ. А нѣмцы съ завистью и злобою начинаютъ доказывать, что правительство даетъ венграмъ слишкомъ много, что уступки, дѣлаемыя Венгріи, наносятъ ущербъ правамъ и интересамъ нѣмецкой національности въ Австріи; нѣмцамъ вторятъ въ этомъ отношеніи, хотя и менѣе громко, и славянскія племена, входящія въ составъ австрійской имперіи. Вѣнское правительство провозглашаетъ о возстановленіи связи земель короны св. Стефана, т. е. Венгріи, Трансильваніи и тріединаго королевства (Кроаціи, Славоніи и Далмаціи); а въ то же самое время кроатскіе патріоты во время національнаго праздненства (25 ноября) топчутъ ногами венгерское знамя. Правительство желаетъ найти опору въ польской національности въ Галиціи, и дѣ-

лаетъ нѣкоторыя уступки галиційскимъ полякамъ: эти уступки тотчасъ же получаютъ значеніе масла, подливаемаго въ огонь племенной вражды между галиційскими поляками и русинами. Первые дѣлаются вдвое болѣе надменными относительно послѣднихъ, нежели всегда бываютъ; послѣдніе отказываются участвовать въ засѣданіяхъ сейма, гдѣ поляки преобладаютъ, и т. д. Центральное правительство созываетъ богемскій сеймъ, для того, чтобы онъ совѣщался объ интересахъ, касающихся этой страны: въ первыхъ же засѣданіяхъ сейма чешскіе депутаты постановляютъ благодарить императора за отмѣну февральской конституціи, а нѣмецкіе депутаты, собравшіеся въ той же залѣ, постановляютъ настоятельно просить императора о немедленномъ возстановленіи этой конституціи, существованіе которой составляетъ жизненный вопросъ для всей австрійской имперіи.

Вотъ та картина, которая представляется намъ при бѣгломъ, поверхностномъ взглядѣ во внутреннюю, государственную жизнь Австріи. Если вглядѣться въ подробности этой жизни, то антагонизмъ между правительственными и національными видами, контрастъ между стремленіями и желаніями различныхъ національностей австрійской имперіи, дѣлаются еще болѣе поразительнымъ. Спрашивается, какое тутъ возможно соглашеніе, какое зданіе можно выстроить изъ такого матеріала, каковъ долженъ быть зодчій, который могъ бы выстроить изъ подобнаго матеріала прочное и красивое зданіе на томъ мѣстѣ, гдѣ господствуетъ теперь такой ужасный хаосъ. Австрійское правительство полагаетъ, что оно нашло такого зодчаго въ лицѣ новаго министра г. Бейста, который былъ 18 лѣтъ саксонскимъ министромъ, но не можетъ похвалиться тѣмъ, чтобы управленіе его привело эту страну къ особенному благополучію.

Въ циркулярѣ, которымъ г. Бейстъ возвѣстилъ о вступленіи своемъ въ австрійское министерство, онъ объявилъ, что Австрія намѣрена придерживаться впредь по возможности примирительной иностранной политики, что она намѣрена строго выполнять всѣ обязательства, налагаемыя на нее заключенными ею въ недавнее время трактатами, и что, относительно Германіи и Италіи, политика ея будетъ политикой строгаго невмѣшательства. Повидимому, г. Бейстъ намѣренъ сдѣлать нѣкоторое исключеніе изъ политики невмѣшательства только относительно восточнаго вопроса, на который онъ намѣренъ обратить особенное вниманіе. Вѣнскія оффиціозныя газеты доказываютъ, что Австрія, болѣе нежели какая либо другая изъ западноевропейскихъ державъ заинтересована въ томъ или другомъ способѣ разрѣшенія восточнаго вопроса, во первыхъ, какъ ближайшая сосѣдка Турціи, а во вторыхъ, потому, что между нѣкоторыми изъ подвластныхъ Австріи племенъ, и между турецкими христіанами существуетъ близкое племенное родство. Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что г. Бейстъ

настаиваетъ на скорѣйшемъ соглашеніи съ Венгріей и на окончательномъ прекращеніи всѣхъ внутреннихъ недоразумѣній и затрудненій, именно съ тою цѣлью, чтобы развязать австрійскому правительству руки, и дать ему возможность занять подобающее ему мѣсто при разрѣшеніи восточнаго вопроса. Но какъ бы то ни было, дѣятельное участіе Австріи въ разрѣшеніи восточнаго вопроса составляетъ болѣе отдаленную цѣль для настоящаго руководителя австрійской политики. Ближайшую же цѣль его, которая должна быть достигнута прежде, нежели возможно будетъ стремиться къ достиженію болѣе отдаленной цѣли, составляетъ устраненіе той внутренней неурядицы, которая господствуетъ въ настоящее время во всей австрійской имперіи. Для достиженія этой цѣли Австрія должна, по мнѣнію г. Бейста, устраняться по возможности отъ вопросовъ внѣшней политики, и употребить всѣ свои силы и средства на разрѣшеніе вопросовъ внутренней политики. Намѣреніе, безъ сомнѣнія, прекрасное. Такой образъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ, избавитъ Австрію отъ цѣлаго ряда ошибокъ во внѣшней политикѣ, подобныхъ тѣмъ, которыя представляетъ намъ исторія Австріи въ послѣднія 6 — 7 лѣтъ, и которыя имѣли постоянно такія печальныя для нея послѣдствія. Лучше совсѣмъ устраняться отъ внѣшней политики, нежели дѣлать такіе страшные промахи, какъ тѣ, которые были сдѣланы Австріей въ 1859 году (итальянская кампанія), въ 1863 году (дипломатическая польская кампанія ея и франкфуртскій конгрессъ государей), въ 1864 году (союзъ съ Пруссіей и участіе въ шлезвигъ-голштинской войнѣ), и наконецъ, въ началѣ нынѣшняго года. Со стороны г. Бейста очень похвально, что онъ желаетъ избавить Австрію отъ подобныхъ промаховъ во внѣшней политикѣ ея и обратить вмѣсто того все вниманіе свое на прекращеніе хаоса внутри государства. Но удастся ли ему достигнуть этой послѣдней цѣли, и избѣжать на этомъ поприщѣ тѣхъ промаховъ, которые предшественники его дѣлали и на этомъ поприщѣ, и на поприщѣ иностранной политики — это еще вопросъ весьма сомнительный. Судя по событіямъ послѣднихъ лѣтъ, краткій очеркъ которыхъ мы представили въ настоящей статьѣ нашей, судя далѣе по тѣмъ личностямъ, которыя принялись за разрѣшеніе этого вопроса, можно усомниться въ томъ, чтобы и въ настоящее время австрійскимъ государственнымъ людямъ удалось разрѣшить этотъ вопросъ удовлетворительнымъ образомъ. Не надобно при этомъ забывать, что многіе и изъ внутреннихъ вопросовъ современной исторіи Австріи поставлены такъ, что разрѣшеніе ихъ не безразлично для Европы, и потому Австрія всегда легко можетъ быть выведена изъ области внутренняго развитія во внѣшнюю борьбу. W.

II.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ВЕНЕЦІИ.

.... Третье октября 1866 года осуществило наконецъ мечту всего итальянскаго народа, загладило большую историческую ошибку, исполнило завѣщаніе великихъ мучениковъ Италіи, навсегда разорвало несчастный кампо-формійскій миръ, который закрѣпилъ за Австріей ея господство въ Италіи! Отъ Альпъ и до Этны, отъ Адріатики до Тирренскаго моря раздается одинъ радостный крикъ: нѣтъ болѣе австрійцевъ! Венеція, древняя царица морей, эта замученная, закованная въ тяжелыя цѣпи красавица, наконецъ, наконецъ, освобождена! Отъ сильнаго толчка, который она получила, отъ восторга, что она наконецъ избавлена отъ незаконнаго и суроваго супруга, она позабыла на минуты тяжелыя и глубокія раны, нанесенныя ей, забыла свое наболѣвшее тѣло, и во всей красѣ своей предстала предъ остальной Италіей. Видъ освобожденной Венеціи, сознаніе, что Италія принадлежитъ Италіи, что нѣтъ болѣе австрійцевъ, нѣтъ чужеземнаго господства, это сознаніе такъ ново, такъ сладко итальянцамъ, что они ему едва довѣряютъ. Не смотря на то, что съ той минуты, какъ Венеція была уступлена Франціи, они знали, что эта уступка равняется уступкѣ Италіи, не смотря на то, что впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они только и говорили объ ея присоединеніи,—въ ту минуту, когда имъ объявили, что миръ подписанъ, что Венеція свободна присоединиться къ Италіи, въ ту минуту, когда они узнали, что послѣдній австрійскій солдатъ отчалилъ отъ итальянскаго берега, что трехцвѣтное національное знамя развѣвается уже надъ св. Маркомъ,—сердце итальянцевъ забилось такъ сильно, какъ будто бы они не ожидали такого извѣстія, какъ будто бы оно было совершенно внезапно. Всеобщая подача голосовъ о присоединеніи или неприсоединеніи Венеціи къ Италіи была одною пустою формальностью; всѣ впередъ знали ея исходъ, и потому никого не удивило, когда былъ обнародованъ результатъ плебисцита, именно, что изъ 700,000 вотировавшихъ нашлось только 70 голосовъ, которые дали отрицательный отвѣтъ! Изъ всѣхъ городовъ посыпались адресы, поздравленія, выраженія сочувствія и любви, всѣ торопились привѣтствовать давножеланную, вся Италія праздновала и ликовала освобожденіе Венеціи!

Переѣздъ депутаціи, которая должна была представить королю результаты плебисцита, былъ однимъ тріумфальнымъ шествіемъ отъ самой Венеціи до Турина. На всѣхъ станціяхъ толпилась масса народа, которая повторяла всюду одно и то же восклицаніе: Viva Venezia! Пушечные выстрѣлы, раздавшіеся во всѣхъ городахъ Италіи, воз-

вѣстили ту минуту, когда депутація исполнила возложенную на нее обязанность, минуту, когда Венеція de jure вошла въ составъ итальянскаго государства. Флоренція, какъ столица, старалась особенно ревностно праздновать этотъ день; весь городъ съ утра украсился флагами, вечеромъ въ нѣсколькихъ частяхъ города играла музыка, зданія были иллюминованы, народъ толпился на всѣхъ углахъ, на всѣхъ площадяхъ, но особенно на piazza della Signoria, любуясь великолѣпно освѣщеннымъ Palazzo Vecchio. Всѣ жители не только Флоренціи но и всей Италіи раздѣлялись въ эти дни на два разряда: на счастливыхъ и несчастныхъ! Счастливые, которые ѣхали въ Венецію, которая всѣхъ приглашала къ себѣ, чтобы вмѣстѣ праздновать избавленіе отъ австрійскаго ига; несчастные, которые оставались на мѣстѣ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ я принадлежалъ къ счастливымъ, то въ этотъ самый день и отправился на желѣзную дорогу.

На дебаркадерѣ не трудно было уже понять, что ожидаетъ человѣка впереди, на мѣстѣ, въ самой Венеціи.... это было преддверіе, но гораздо скорѣе ада, нежели рая! Тьма народа, шумъ, говоръ, смѣхъ, возгласы, восклицанія, споры—невольно являлся вопросъ самому себѣ: да куда же это я? что они обезумѣли или нѣтъ?—«И ты здѣсь!» кричитъ одинъ. «Какъ, и ты!» восклицаетъ другой; «да, и мы!» доносится изъ дальняго угла. «Кондукторъ, дайте мнѣ мѣсто, мѣста нѣтъ!» слышишь тутъ; «виноватъ, я занялъ прежде это мѣсто, оно принадлежитъ мнѣ!» слышишь тамъ! «Это безпорядокъ, это ни на что не похоже, дирекція должна была позаботиться!» ворчитъ одинъ. «Я не понимаю, куда весь этотъ народъ ѣдетъ, чего онъ не видѣлъ!» говоритъ господинъ, взявшій билетъ до самой Венеціи! Но вся эта смѣсь восклицаній, споровъ, ворчаній покрывается все-таки смѣхомъ, весельемъ, жизнію! Всѣ ѣдутъ въ Венецію, одни, чтобы только взглянуть на нее, повеселиться на праздникахъ, другіе, чтобы повидать друзей, которыхъ не видѣли много лѣтъ, третьи возвращаются *къ себѣ*, на родину, въ среду своихъ родныхъ, своей семьи, которую должны были покинуть, чтобы избѣгнуть австрійскихъ преслѣдованій — всѣ ѣдутъ весело, на легкѣ, точно на часовую прогулку, всѣ между собою точно давно знакомы, между всѣми есть что-то такое, что ихъ связываетъ, что ихъ не дѣлаетъ чужими, что-то такое, вслѣдствіе чего всѣ смотрятъ другъ на друга не искоса, не изъ подлобья, не какъ враги, не какъ люди, которые боятся, опасаются другъ друга, а какъ друзья, какъ люди одной и той же семьи; это *что-то такое* есть ихъ общая идея, общее стремленіе, общая цѣль, общая радость, общее дѣло: Италія!

Наконецъ, кое-какъ всѣ усѣлись, и поѣздъ тронулся. Черезъ минуту былъ уже общій разговоръ, и, разумѣется, о Венеціи! Сначала всѣ предложили другъ другу вопросъ, какимъ образомъ Венеція помѣститъ въ себѣ всю эту толпу народа? за нѣсколько дней уже было

извѣстно, что всѣ квартиры заняты, объ отеляхъ нельзя и думать, у многихъ являлась въ головѣ мысль не ѣхать въ самую Венецію, а остановиться въ Падуѣ, за полтора часа отъ мѣста всѣхъ празднествъ. «Я слышалъ, замѣтилъ кто-то, что и въ Падуѣ почти все уже занято!» очевидный страхъ, боязнь, что прійдется ночевать на водѣ, выразился на лицахъ всѣхъ присутствующихъ. «Ну чтожъ такое, вскрикнулъ мой сосѣдъ, на водѣ такъ на водѣ, по крайней мѣрѣ до конца будетъ оригинально!» — «Всегда вѣдь говорятъ, что нѣтъ мѣста, и всегда находится!» произнесъ болѣе положительный господинъ. Боязнь такимъ образомъ прошла, и разговоръ упалъ на вѣчную спасительницу людей, на политику! Изъ сосѣдняго вагона все время долеталъ до насъ отчаянный шумъ, крикъ, но о чемъ такъ горячо спорили, разумѣется нельзя было знать; и только подъѣзжая къ какой-то станціи, мы услышали, какъ кто-то громко и рѣзко произнесъ «да вѣдь Персано .....» дальше мы не слышали, такъ какъ машина свиснула и мы полетѣли впередъ!

Но одного этого имени было достаточно, чтобы занять публику на часъ или на два! «Да, конечно, началъ кто-то (въ моемъ отдѣленіи были исключительно итальянцы), если бы не Персано, не Лисса, мы бы съ другимъ чувствомъ ѣхали въ Венецію!» — «Что же дѣлать, потеряннаго не воротишь, но все-таки у насъ есть убѣжденіе, что мы дрались хорошо, что мы своею кровью купили Венецію!» — «Я не спорю, возразилъ первый, но всетаки мы не должны забывать, мы, итальянцы менѣе чѣмъ кто либо другіе, что не мы сами вырвали Венецію, что намъ ее уступили, что мы войдемъ туда не какъ побѣдители, а какъ.....» онъ не докончилъ, очевидно ему тяжело было произнести послѣднее слово. На нѣсколько секундъ водворилось какое-то грустное молчаніе, всѣ задумались надъ недоконченною фразою..... «Еще загладимъ, загладимъ, снова началъ кто-то, можетъ быть это послужитъ намъ въ пользу, по крайней мѣрѣ у насъ не закружится голова отъ военныхъ побѣдъ, а мы между тѣмъ, мы все-таки подвигаемся, хотя и тихонько, а все же впередъ».—Разумѣется такъ, добавилъ я, лучше тихо двигаться впередъ, чѣмъ быстро пятиться назадъ, пословица на этотъ разъ права: chi va piano, va sano! «Ну нѣтъ, возразилъ первый, Персано не оправдалъ этой пословицы!» — Напротивъ, совершенно оправдалъ, отвѣчалъ я, развѣ онъ шелъ тихо, онъ бѣжалъ! — «Да! такъ!» вскрикнулъ онъ и разсмѣялся. За нимъ разсмѣялись и всѣ остальные, и такимъ образомъ исчезъ водворившійся было malaise. «Я себѣ далъ слово, закончилъ мой сосѣдъ, никогда не говорить обо всемъ, что случилось до послѣдняго заключенія мира, слишкомъ обидно, рѣзко произнесъ онъ, для меня исторія Италіи начинается съ 3 октября 66 года!» Эту фразу я слышалъ уже не отъ одного итальянца. Рано утромъ на другой день мы были на берегу По. Тутъ желѣзная дорога обры-

вается, и потому всѣ перешли въ дилижансы, кареты, коляски, которыя вытянулись въ одинъ безконечный рядъ. Подъѣхавъ къ мосту, всѣ вышли изъ экипажей, чтобы лучше видѣть одну изъ самыхъ красивыхъ рѣкъ Европы, и отправились пѣшкомъ. Когда мы перешли эту широкую, синеватую полосу воды, всѣ почти въ одинъ голосъ воскликнули: «нѣсколько дней тому назадъ здѣсь еще были австрійцы!» и я убѣжденъ, что не одному итальянцу въ эту минуту хотѣлось поцѣловать родную, вырванную изъ рукъ врага землю.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ экипажѣ мы увидѣли живые слѣды австрійцевъ. «Съ двухъ сторонъ дороги, по которой мы ѣдемъ, сказалъ мнѣ мой сосѣдъ, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, возвышались вѣковыя деревья, а теперь, посмотрите!» Я выглянулъ изъ окошка кареты и увидѣлъ на огромномъ протяженіи валявшіяся порубленныя деревья. «Что это?» спросилъ я. «Это тудески все вырубили, отвѣчалъ онъ съ грустью, здѣсь былъ ихъ лагерь, и они все, что было здѣсь, все уничтожили!» Въ самомъ дѣлѣ дорога представляла собою грустный видъ! тутъ поваленныя деревья, тамъ разрушенные дома, съ одной стороны навалена груда камней, съ другой полуразрушенное земляное укрѣпленіе, воображеніе дополняло эту невеселую картину, рисуя вдали обезображенные трупы, показывая гдѣ-то поднимающійся паръ еще теплой крови.... Тяжело, тяжело! читалъ я на всѣхъ лицахъ. Проѣхавъ часъ или полтора, мы увидѣли, наконецъ, какой-то маленькій городокъ, но здѣсь картина была уже другая! Все, что было жителей въ этомъ городкѣ или большой деревнѣ, все высыпало на улицу, въ праздничныхъ платьяхъ, съ праздничными лицами. Не было двери, не было стѣны, на которой не былъ бы приклеенъ листокъ, на которомъ напечатано большими буквами: Viva l'Italia una! и немножко ниже: noi vogliamo Vittorio Emanuele II per nostro re! Иногда эта надпись была нѣсколько измѣнена, такъ, напр., вмѣсто Viva l'Italia una, встрѣчалось часто: Viva unita italiana! Всѣ стѣны исписаны углемъ, мѣломъ, вездѣ восклицанія: Viva Garibaldi, viva l'Italia, viva, viva, безконечное viva! Много попадалось печатныхъ бюлетеней такого рода: vogliamo Vitt. Em. II per nostro re con Roma capitale. Въ другомъ мѣстѣ аршинными буквами на цѣлой стѣнѣ размазано: si, si, Roma capitale! Меня поразило при этомъ, что, не смотря на жажду писать всякія воззванія, всякіе виваты, всякія насмѣшки, я не встрѣтилъ буквально нигдѣ ни одного слова противъ угнетавшаго ихъ врага; его больше нѣтъ, они не хотятъ даже помнить о немъ, стараются забыть его, они всѣ отдались одной радости! Эта мелкая черта, но она обрисовываетъ цѣлый характеръ итальянцевъ! Мы въ Rovigo! тѣ же праздничныя лица, тѣ же объявленія, тѣ же восклицанія, съ тою только разницею, что такъ какъ городъ нѣсколько больше, жители богаче, то они

успѣли уже украсить свои дома трехцвѣтными флагами. Вмѣсто флаговъ попадаются иногда незатѣйливые лоскутки матеріи, наскоро сшитые; за неимѣніемъ краснаго куска является розовый, вмѣсто зеленаго встрѣчается иногда синій, но все сходитъ, всѣ понимаютъ, что эти цвѣта должны собственно обозначать: бѣлый, зеленый и красный! Здѣсь мы опять усѣлись въ вагоны, и полетѣли дальше. Стемнѣло, мы оставили за собою уже и Падую, въ вагонѣ всѣ начинаютъ безпокоиться, поминутно выглядываютъ изъ оконъ, разговоръ дѣлается отрывистѣе, очевидно на умѣ каждаго только и есть въ эту минуту одно слово, магическое слово — Венеція! Кто-то смотритъ изъ окна «посмотрите, что это, говоритъ онъ, кажется лагуны!» всѣ выглядываютъ, и подхватываютъ: «лагуны, лагуны!» Вдали, далеко заблестѣлъ огонекъ, всѣ молчатъ и каждый думаетъ про себя: это она, она, Венеція!

Конечно, ни одна красавица въ мірѣ не заставляла заразъ биться столько сердецъ, какъ эта вѣчная любовница прошедшей, настоящей и будущей молодости! Огоньки все ближе и ближе, и нашъ въ самомъ дѣлѣ безконечный поѣздъ наконецъ остановился — мы пріѣхали, мы въ Венеціи! Темная, густая масса народа толпилась на станціи, всякій встрѣчалъ или родныхъ или друзей, многіе никого не встрѣчали, а просто пришли посмотрѣть, кто пріѣхалъ, не увидятъ ли знакомаго лица. Отуманенный этою толпою, этимъ шумомъ, какимъ-то радостнымъ гуломъ, я вышелъ, прыгнулъ въ первую гондолу и поплылъ. Плавно, какъ лебедь, скользила моя гондола по большему каналу. Полное гармоніи движеніе веселъ, едва слышное колыханіе воды, отрывистыя перекликиванья гондольеровъ среди полной тишины, полнаго спокойствія, производили какое-то таинственное впечатлѣніе. Темная ночь набросила черное покрывало на все окружающее, но фантазія была сильнѣе тьмы, и едва видимыхъ контуровъ зданій было слишкомъ много, чтобы смотрѣть и любоваться мраморными дворцами выросшими изъ воды. Воображеніе работало, и много знакомыхъ тѣней проносило на своемъ лету. Вотъ подымается тѣнь несчастнаго Bravo, описаннаго мастерскою рукою Купера, вотъ Marino Faliero, пробирающійся на ночное собраніе заговорщиковъ, вотъ и исхудалая, измученная тѣнь молодаго Foscari, вырваннаго изъ объятій любимой женщины, для того, чтобы быть брошеннымъ въ подземелье, вотъ наконецъ и сама блѣдная тѣнь Чайльдъ-Гаральда, грустно стоящаго на «мосту вздоховъ» и думающаго о задавленной Венеціи..... гондола остановилась и я съ радостію вспомнилъ, что моя Венеція освобождена!

Когда на другой день я вышелъ, чтобы взглянуть на этотъ волшебный городъ, я былъ пораженъ его праздничнымъ видомъ! Буквально не было ни одного дома, да не только дома, ни одного балкона, пожалуй ни одного окна, изъ котораго не развивался бы націо-

нальный флагъ; всѣ балконы были покрыты или покрывались еще коврами, веевозможными матеріями, всякими украшеніями, и всюду одинъ неизбѣжный аттрибутъ: савойскій крестъ. Величественная площадь св. Марка представляла собою такое зрѣлище, которое увидишь не каждый день: люди бросались другъ другу въ объятія, цѣловались, со слезами жали другъ другу руки; на площадь стекались всѣ, которые пріѣзжали, и всѣ, которые дожидались пріѣзжихъ—здѣсь впервые послѣ десяти, послѣ пятнадцати лѣтъ разлуки встрѣчались опять люди, которые были разбросаны по разнымъ концамъ Италіи! Въ одну минуту одна и та же физіономія получала двадцать разныхъ выраженій! Спрашиваютъ объ одномъ, говорятъ умеръ, спрашиваютъ о другомъ, котораго оставили ребенкомъ, отвѣчаютъ женатъ, на вопросъ, что дѣлаетъ тотъ или другой несчастный—отвѣчаютъ, что богатъ, счастливъ; на вопросъ, что дѣлаетъ тотъ счастливый, отвѣчаютъ: въ отчаянномъ положеніи! Всѣ венеціанскіе эмигранты, которыхъ болѣе двадцати тысячъ, даже тѣ, которымъ это трудно, собираютъ послѣднюю копѣйку, чтобы пріѣхать хоть на нѣсколько дней, если не навсегда, лишь только бы взглянуть на возлюбленную Венецію! На всѣхъ лицахъ выражается такая радость, такое счастье, всѣ такъ добродушно улыбаются, что по неволѣ и самъ улыбаешься и самому хочется радоваться! Всѣ глаза точно спрашиваютъ другъ друга: да правда ли это? неужели нѣтъ болѣе австрійцевъ? неужели мы навсегда избавлены отъ ихъ ига, не такой же ли это сонъ, какъ и республика 48 года?

Избавленіе отъ австрійцевъ кажется имъ и началомъ и концомъ всѣхъ благъ, о другомъ они не хотятъ, да и не могутъ теперь думать! Частныя дѣла, частная забота, частное горе, частная радость, все на минуту позабыто, чтобы наслаждаться общею радостью — освобожденіемъ. Дѣти, юноши, взрослые, старики — всѣ на площади, всѣ принимаютъ участіе въ весельи, всѣ чувствуютъ, что тяжелый камень упалъ съ плечъ, что тѣсныя оковы раскованы и отброшены! Во время подачи голосовъ пришелъ или вѣрнѣе дотащился на площадь св. Марка одинъ глубокій старецъ, который конечно помнилъ еще послѣдняго дожа! «Ты за что вотируешь?» спросили его. «Я, отвѣчалъ онъ, снимая дрожащею рукою свою шапку, я, viva la republica! произнесъ онъ своимъ дряхлымъ голосомъ! — «Республики нѣтъ, есть Викторъ-Эммануилъ!—«Все равно, повторилъ онъ, не понимая, что можетъ быть что нибудь кромѣ австрійцевъ или республики, я все равно—viva la republica, viva St. Marco!» и былъ счастливъ старикъ, что могъ еще разъ въ жизни громко на площади произнести viva St. Marco! Я видѣлъ на площади нѣсколько такихъ стариковъ съ сіяющими лицами!

Не одна площадь св. Марка была оживлена: полонъ жизни былъ и большой каналъ! Я сѣлъ въ гондолу и поѣхалъ смотрѣть, на сколько моя вчерашняя фантазія соотвѣтствовала дѣйствительности; конечно,

она не обманула ее, скорѣе превзошла! Гондольеръ называлъ мнѣ дворцы, глаза мои разбѣгались, я не зналъ на что смотрѣть, о чемъ думать, все, все, начиная отъ послѣдняго камня, до любого дворца изъ чуднаго мраморнаго кружева, все имѣетъ свою исторію, все вызываетъ бездну воспоминаній! А дворецъ дожей! какъ ни восхитителенъ онъ, а все-таки морозъ пробѣгаетъ по жиламъ, когда думаешь, что въ этомъ самомъ дворцѣ собирался совѣтъ десяти, совѣтъ трехъ, и чего, и чего здѣсь не происходило. Всѣ эти дворцы точно также приготовлялись къ слѣдующему дню, къ 7 ноябрю, т. е. къ началу праздниковъ. Я смотрѣлъ на дворцы, смотрѣлъ на встрѣчавшіяся гондолы, и изъ каждой почти долетали ко мнѣ звуки смѣха и веселья! «Хороша наша Венеція, хороша вѣдь, спрашивалъ гондольеръ, и не дожидаясь отвѣта, потому что зналъ его впередъ, прибавлялъ: О, теперь мы ожили, а что было здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ назадъ... вы бы двухъ дней здѣсь не захотѣли остаться!» Я смотрѣлъ на него, и думалъ: да, по твоему лицу вижу, что вѣрно было нехорошо! «Поѣдемте на Лидо, снова началъ гондольеръ, которому я отдался въ распоряженіе, на наше бѣдное Лидо, которое растерзали тудески, для того, чтобы настроить тамъ укрѣпленій!» По одну сторону Адріатическое море, по другую видъ на Венецію, что же можетъ быть лучше Лидо? Лидо вызываетъ фигуру Байрона, сюда онъ укрывался отъ преслѣдовавшихъ его англичанокъ, здѣсь онъ проводилъ цѣлые дни, творя своего Донъ-Жуана, сюда онъ убѣгалъ отъ грустной Венеціи!... Возвратившись съ Лидо, я отправился бродить по городу, чтобы взглянуть, неужели вездѣ такая же жизнь какъ на большомъ каналѣ и на площади св. Марка. Узенькія дорожки, которыя называются улицами Венеціи, были покрыты народомъ, послѣ каждаго шага впередъ слѣдовала довольно значительная пауза—очевидно было, что весь городъ на улицѣ. И въ этихъ узенькихъ улицахъ, точно также какъ на площади, какъ на большомъ каналѣ, вездѣ флаги, ковры! здѣсь даже болѣе красиво, потому что флаги выставленные отъ противоположныхъ домовъ, скрещиваясь, образовывали изъ себя одну длинную арку! Какъ передать эту картину воскрешенія, я право не знаю! говоря, что люди въ толпѣ пожимали другъ другу руку, я ничего не объясню, а между тѣмъ въ этомъ пожатіи руки, съ которымъ встрѣчались два человѣка, цѣлая исторія 80 лѣтъ. Это пожатіе, сопровождаемое только молчаливою улыбкою, безъ словъ, безъ фразы, говорило мнѣ все, что они хотѣли сказать другъ другу, глаза ихъ выражали одно: мы свободны!! Сколько милыхъ словъ, сколько наивныхъ прелестей, которыя характеризуютъ эту радость! Такъ, напримѣръ, въ первый же день моего пріѣзда я услышалъ одно выраженіе, которое мнѣ чрезвычайно понравилось! Какой-то гарибальдіецъ покупаетъ журналъ, которыхъ съ 3 октября расплодилось огромное

количество; мальчишки, которые продаютъ, съ одного спрашиваютъ столько, съ другого столько, однимъ словомъ видно, что все это еще свѣжо, ново! Сколько стóитъ? спрашиваетъ гарибальдіецъ.—Шесть сольдовъ, отвѣчаетъ мальчишка. — Шесть сольдовъ! какихъ это? maledetti или benedetti?— Maledetti, maledetti, Signore! Понятно, что австрійскіе сольды называются maledetti, а итальянскіе benedetti, между ними есть небольшая разница! Но этотъ высшій градусъ радости, которой они отдаются въ эту минуту, доказываетъ прежде всего какъ велика въ самомъ дѣлѣ была степень ихъ страданій во время австрійскаго владычества! Что они претерпѣли до 1848 года, лучше всего показываетъ ихъ геройская защита 1849 года, ихъ желаніе, рѣшимость умереть скорѣй отъ голодной смерти нежели снова отдаться въ руки враговъ, доказываетъ ихъ безграничная любовь, съ которою они смотрятъ на одинъ изъ трехъ портретовъ, которые видишь здѣсь въ каждомъ магазинѣ, въ каждомъ домѣ, на любомъ перекресткѣ! Это портреты Гарибальди, Виктора-Эммануила и наконецъ того, котораго венеціанцы называютъ своимъ padre—Даніеля Манина, съ именемъ котораго связано послѣднее движеніе 1848 года *).

Объяснить причину френетическаго восторга венеціанъ значило бы написать исторію управленія австрійцевъ въ Венеціи. Короче будетъ привести нѣсколько цифръ венеціанскаго бюджета изъ той эпохи, чтобы заключить о тяжести пресса.:

Уже въ 1848 г. Ломбардо-Венеціанская область была обложена болѣе всѣхъ другихъ частей этой многочленной имперіи. Постоянные налоги давали 110 милл. австрійскихъ ливровъ, а расходы доходили всего до 85 милл., остальные же 25 милл. ливровъ шли на покрытіе дефицита другихъ провинцій! Съ 1849 же года начинаются всевозможные насильственные займы, произвольные таксы, экстренные налоги. Такъ, въ силу приказа Радецкаго отъ 11 ноября 1849 года назначалась произвольная такса, взимаемая военнымъ порядкомъ, со всѣхъ тѣхъ, которые принимали хотя косвенное участіе въ возстаніи. Венеціанцы измѣряютъ величину этой произвольной таксы въ 50 милл. ливровъ. Кромѣ этой таксы, Венеція заплатила 92 милл. ливровъ на покрытіе экстренныхъ расходовъ, вызванныхъ войною 1848 и 1849 годовъ. Поземельная собственность была обложена такъ, что весь доходъ съ земли шелъ на уплату налога—многіе не въ состояніи были продолжать обработку земель! Оффиціальныя данныя свидѣтельствуютъ, что поземельная собственность отъ 1848 до 1861 г. въ 2,260,000 гектаровъ заплатила Австріи 695,900,000 ливровъ. Несмотря на всю тяжесть существовавшихъ уже налоговъ, они все же продолжали расти,

*) Наши читатели найдутъ выше (Отд. I, стр. 255) всѣ подробности этого движенія въ статьѣ В. Г. Авсѣенко: «Борьба Австріи и Венеціи въ 1848 и 1849 годахъ».

и особенно увеличились въ 1859 г., — годъ, въ который, кромѣ того, указомъ 7 мая былъ сдѣланъ насильственный заемъ въ Ломбардо-Венеціанской области въ 35 милл. флориновъ. Когда же Ломбардія отошла къ Италіи, на долю Венеціи выпало заплатить 20 милл. флор., въ то время какъ Венеція входила въ составъ Ломбардо-Венеціанской области всего какъ $^2/_5$. Экстренные налоги, вызванные войной 1859 г., по указу 10 октября 1859 года перешли и на 1860 годъ, а по указу 28 октября 1860 года перешли и на 1861 годъ. Кромѣ того, въ 1861 году налоги возвысились еще на 16%. Такимъ образомъ, въ 1861 г. сумма всѣхъ общественныхъ тягостей въ Венеціанской области, въ которой считается 2,300,000 жителей, достигла цифры 92,000,000 фр., что составляетъ 40 франк. на каждаго человѣка. Если съ 1861 года налоги не увеличивались, то только потому, что страна разорена въ конецъ, торговля совершенно уничтожена, и не съ чего было брать... Вотъ изъ какого пресса освободилась наконецъ Венеція, какъ же ей было не радоваться, не радоваться до опьяненія, до экстаза.

Приготовленія кончились, народу наѣхало столько, что некуда его помѣстить, на одни флаги истрачено чуть не милліонъ франковъ; все украшено, вычищено, все приняло торжественный видъ — праздники начинаются! Чуть свѣтъ поднялась вся Венеція, еще не разсвѣло кажется, а на узенькихъ улицахъ толпится уже народъ, слышенъ шумъ, всѣ стараются бѣжать, и потому всѣ едва двигаются, у всѣхъ на лицѣ ожиданіе, нетерпѣніе, всѣ приготовляются насладиться какимъ-то новымъ зрѣлищемъ, и всѣ, не замѣчая сами того, уже наслаждаются ожиданіемъ! Всѣ маленькіе каналы покрыты гондолами, одна толкается объ другую, всѣ стараются поскорѣй пробраться на большой каналъ — вотъ и онъ! Что это? гдѣ мы? въ какомъ благословенномъ столѣтіи мы вдругъ очутились? какими судьбами, какими таинственными силами совершилось это превращеніе? Мы на блистательномъ венеціанскомъ праздникѣ XVI вѣка! Всѣ изящные, легкіе дворцы разукрашены красною, синею, голубою матеріею, на одномъ балконѣ разстилается великолѣпный гобленъ, на другомъ дорогая парча, каждое окно живая картина, въ красивой мраморной рамкѣ виднѣются веронезовскія головки съ улыбкою на лицѣ, на темномъ же фонѣ картины выдаются гордыя, великолѣпныя фигуры молодыхъ венеціанцевъ! Все движется, все живетъ, и одни только погруженные въ воду дворцы, эти старожилы столѣтій, эти молчаливые свидѣтели и ясныхъ и мрачныхъ дней, одни они стоятъ безстрастно и думаютъ про себя: пробудились! Весь каналъ покрытъ гондолами, одна скользитъ за другою, и всѣ онѣ сбросили съ себя свой мрачный, траурный видъ и одѣлись въ золото, серебро, бархатъ и шелкъ; молодые гондольеры разстались съ буржуазнымъ платьемъ, съ рубищемъ меркантильнаго вѣка и набросили на себя одежду ихъ праотцовъ! Вотъ вы-

плываетъ гондола, обтянутая вся отъ верху до низу розовымъ и лиловымъ шелкомъ, на одномъ концѣ золотой щитъ и на его фонѣ гербъ Венеціи; всѣ гондольеры въ красныхъ шелковыхъ чулкахъ, въ бѣлыхъ бархатныхъ шаравархъ, къ ихъ бронзовымъ лицамъ такъ идутъ красныя бархатныя блузы и шитыя золотомъ шапочки. За первою грандіозно плыветъ другая гондола, вся покрытая синимъ бархатомъ, съ большимъ золотымъ балдахиномъ, поддерживаемымъ легкими граціозными колоннами, съ которыхъ падаетъ прозрачная золотая матерія, всѣ гондольеры въ черныхъ бархатныхъ шаравархъ, въ блузахъ изъ золотой парчи, и въ круглыхъ шляпахъ съ бѣлыми перьями. За этою тянутся семь гондолъ, одинаковой формы, только разныхъ цвѣтовъ, всѣ покрыты шелкомъ, вмѣсто балдахина сдѣланы одни легкіе навѣсы въ видѣ раковины, и эти навѣсы обтянуты бархатомъ разныхъ цвѣтовъ — это гондолы семи провинцій Венеціанской области. За ними выплываетъ другая гондола, обтянутая бѣлымъ бархатомъ, на серебряныхъ столбикахъ поддерживается голубой шелковый балдахинъ съ серебряною рѣшеточкою, отъ которой падаютъ прозрачныя занавѣски изъ розоваго тюля, внутренность гондолы убрана цвѣтами, всѣ гондольеры одѣты въ черный и голубой бархатъ съ серебряными поясами. Ее обгоняетъ легкая, изящная, маленькая гондола, снаружи обитая чернымъ сукномъ, внутри розовымъ бархатомъ, и только мѣста, на которыхъ лежатъ веслы, сдѣланы изъ серебра. Четыре гондольера въ черныхъ блузахъ съ перетянутой таліей, съ большими кружевными воротниками и круглыхъ шляпахъ съ бѣлыми перьями. Вотъ еще летитъ небольшая гондола, удивляя всѣхъ своимъ вкусомъ; она обтянута сѣрымъ и розовымъ шелкомъ, съ розовыми шнурками, а гондольеры одѣты въ черный бархатъ, съ высокими бѣлыми чулками. Рядомъ съ нею плыветъ другая вся бѣлая, и внутри и снаружи обтянута бѣлымъ бархатомъ, перемѣшаннымъ съ шелкомъ. Вотъ еще нѣсколько роскошныхъ гондолъ, которыя принадлежатъ муниципіи, и всѣ онѣ разъѣзжаютъ взадъ и впередъ, стараясь освободить средину канала. Проѣхавъ отъ св. Марка до желѣзной дороги, которые на двухъ концахъ города, гондолы стали устанавливаться по бокамъ канала, оставляя между собою широкую полосу. Осталось еще полчаса до пріѣзда Виктора-Эммануила. Отовсюду раздается смѣхъ, веселый говоръ, остроты, выраженіе восторга, всѣ сами поражены этимъ величавымъ зрѣлищемъ, никто не ожидалъ такого блеска, такого великолѣпія! Всѣ взываютъ къ Аполлону и умоляютъ этого, чѣмъ-то разгнѣваннаго бога, но никакія мольбы не помогаютъ — туманъ не проходитъ! Одинъ изъ моихъ гондольеровъ, юноша лѣтъ двадцати, со злобою говоритъ, показывая на небо: «Какъ на зло точно! вчера цѣлый день свѣтило, а сегодня, когда нужно, такъ нѣтъ!» — «Все равно», отвѣчаетъ ему другой гондольеръ, почтенный

старикъ, «и такъ хорошо, сегодня и солнца не нужно! хорошо вѣдь?» добавляетъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Колоколъ св. Марка ударилъ, за нимъ начали звонить всѣ остальные колокола, раздался громъ пушекъ, гулъ пробѣжалъ по всему каналу, всѣ поднялись, засуетились, слова: «пріѣхалъ, пріѣхалъ!» въ одну секунду передаваясь отъ одного къ другому, пронеслись по всему каналу! Раздалось громкое viva, и весь народъ замахалъ своими платками. Изъ подъ краснваго моста, убраннаго зеленью и цвѣтами, показался сначала одинъ только крылатый золотой левъ, державшій въ своихъ лапахъ доску, на которой большими буквами было написано: «pax tibi, Marce, evangelista meus!» Наконецъ, выплыла и вся великолѣпная гондола, которую привѣтствовали громкими криками. Вся гондола была золотая. Великолѣпный балдахинъ поддерживался четырьмя фигурами, на одномъ концѣ стоялъ левъ, а на другомъ сидѣла золотая женская фигура, которая изображала собою Италію, а около нея стояла другая женщина, изображавшая собою Венецію, и эта послѣдняя надѣвала на первую золотую корону. Лишь только прошла эта гондола, тотчасъ всѣ остальныя гондолы слились вмѣстѣ, затерли проходъ, другія гондолы опередили золотую, на которой стоялъ Викторъ-Эммануилъ, лишая ее такимъ образомъ возможности быстро двигаться впередъ; все слилось въ одну массу и массой еле-еле, почти незамѣтно приближались къ св. Марку. Соединеніе этого золота, серебра, бархата, шелка, соединеніе всевозможныхъ свѣтлыхъ цвѣтовъ на темномъ фонѣ нѣсколькихъ тысячъ черныхъ гондолъ, этотъ протяжный звонъ св. Марка среди мелкаго звона остальныхъ колоколовъ Венеціи, этотъ неумолкаемый гулъ человѣческихъ голосовъ, заглушаемый только отъ времени до времени пушечными выстрѣлами, наконецъ, вся эта пестрая масса народа, наполнявшаго собою разукрашенные дворцы, все это вмѣстѣ производило такое впечатлѣніе, представляло такую роскошную картину, что едва ли ее можно живо себѣ представить. Все, что было въ гондолахъ, все вышло на площадь св. Марка, на которой черезъ нѣсколько минутъ сдѣлалась такая давка, что нельзя было сдѣлать ни шагу впередъ, ни шагу назадъ. Одинъ крикъ слѣдовалъ за другимъ, но трудно было понять, что кричали. Лишь только на минуту площадь притихла, какъ какой-то венеціанецъ, взобравшись на крышу дворца, громко крикнулъ: viva l'Italia! Взрывъ криковъ ему отвѣчалъ: viva l'Italia una! За первымъ крикомъ слѣдовалъ другой, третій и т. д. Когда не знали больше какой прокричать еще виватъ, кто-то забрался на крышу св. Марка, и, махая руками и всею своею фигурою, крикнулъ: viva Roma capitale.... взрывъ криковъ и аплодисментовъ заглушилъ послѣднее слово: d'Italia! Впродолженіе цѣлаго дня площадь св. Марка оставалась покрытою народомъ и оглушаемою всевозможными криками. Вечеромъ все бросилось опять

въ гондолы, на протяженіи всего большого канала должна была быть великолѣпная иллюминація. Она и была, но всѣ были крайне опечалены тѣмъ, что утренній туманъ, увеличившись, все покрылъ своею густою занавѣсою. По моему, туманъ ничего не испортилъ, а скорѣе придалъ всему какой-то волшебный характеръ. Уничтожая собою всѣ зданія, всю матеріальную основу иллюминаціи, онъ давалъ видѣть только одни огоньки, которые, казалось, падая съ неба, вдругъ остановились, не долетѣвъ до земли. Rialto былъ восхитителенъ. Онъ весь былъ залитъ огнемъ, и такъ какъ туманъ не давалъ различать моста, то видно было только, что надъ широкимъ каналомъ висѣла высокая огненная арка, не прикрѣпленная къ землѣ. Вдали виднѣлась посереднѣ канала между небомъ и землею бриллiантовая надпись: «Italia una!» Неизвѣстно гдѣ, неизвѣстно откуда раздавались звуки музыки, виваты, пѣніе. Послѣ иллюминаціи, опять на площадь св. Марка; тотъ же шумъ, та же жизнь, то же веселье, ни къ одному café нельзя пробраться, ни въ одномъ café нельзя ничего допроситься, все кишитъ народомъ, ночь не разгоняетъ людей, на площади также свѣтло, во всѣхъ café столько же народа, Венеція не хочетъ знать больше покоя, не хочетъ знать сна, ночь ей слишкомъ знакома, она устала отъ тьмы, нужно нагнать потерянное время. На другой день былъ спектакль-gala въ Fenice, въ лучшемъ венеціанскомъ театрѣ. Но такъ какъ этотъ спектакль походилъ на всѣ другіе подобнаго рода, то я не стану о немъ говорить — все прошло очень прилично, очень чинно! Гораздо интереснѣе было представленіе на слѣдующій день въ циркѣ, огромномъ зданіи, которое вмѣщаетъ въ себѣ по крайней мѣрѣ двѣ, три тысячи народа. Когда въ ложу вошелъ Викторъ-Эммануилъ, весь народъ поднялся, и впродолженіе нѣсколькихъ минутъ одинъ виватъ смѣнялъ другой. Представленіе началось, но лишь только одну лошадь увели, чтобы привести другую, весь театръ снова началъ кричать; когда крики успокоились, кто-то крикнулъ: «viva Roma capitale d'Italia!» всѣ подхватили этотъ крикъ, двадцать разъ его повторяли, покамѣстъ Викторъ-Эммануилъ не всталъ съ своего кресла и не раскланялся. Но крикъ этотъ не могъ утихнуть, онъ двадцать разъ возобновлялся въ разныхъ формахъ; раздалось громкое: Roma o morte! и тысячи si было отвѣтомъ на этотъ крикъ. Вообще, гдѣ бы ни появлялся король, тотчасъ раздавался крикъ въ пользу Рима. Итальянцы, собравшіеся въ Венецію со всѣхъ концовъ еще разъ подтвердили, что они не успокоятся, пока Римъ не будетъ имъ отданъ.

Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ, всѣ удавались какъ нельзя лучше за исключеніемъ одного — маскарада. Венеціанцы могутъ маскироваться, наряжаться, дурачиться только во время карнавала, перенести его нѣтъ возможности, что въ этотъ разъ и было доказано.

Съ трехъ, четырехъ часовъ на площади показалось множество замаскированныхъ, которые устроивали разныя процессіи, танцы, выкидывали всевозможныя штуки, фарсы, но не смотря на все это не было довольно жизни, видно было, что существовала какая-то натяжка, не было того entrain, которымъ славятся венеціанскіе карнавалы. Когда я спросилъ одного венеціанца: «Неужели и на карнавалѣ тоже самое»? онъ мнѣ отвѣчалъ: «Да, первый день такъ, но веселье начинается всегда на пятый, шестой день, когда всѣ войдутъ во вкусъ, когда всѣ будутъ увлечены общимъ весельемъ, когда тѣ даже, которые заранѣе рѣшаются не маскироваться, не могутъ устоять и одѣваютъ маски, а теперь кому охота дѣлать себѣ костюмъ на одинъ день; намъ нужно, прибавилъ онъ, что называется, разойтись!» Вечеромъ былъ маскарадъ въ Fenice, но онъ очень походилъ на парижскіе и петербургскіе маскарады, чтобы стоило о немъ говорить. Н того, что нигдѣ нельзя увидѣть кромѣ Венеціи, именно регаты, было дѣйствительно великолѣпно. Регата, это гонка нѣсколькихъ гондолъ на большомъ каналѣ. Съ одиннадцати часовъ утра всѣ дворцы, начиная отъ ступеней, покрытыхъ водою, до самой крыши усѣялись народомъ, весь каналъ былъ устланъ роскошными гондолами, но которыя на этотъ разъ казались еще великолѣпнѣе, потому что ихъ бархатъ и шелкъ покрылись золотымъ блескомъ яркаго солнца. Гондолы вытянулись опять въ два ряда, оставляя мѣсто для состязующихся, раздалось нѣсколько хоровъ военной музыки, сигналъ — пушечный выстрѣлъ, былъ поданъ, и семь крошечныхъ, легкихъ, вѣсомъ всего въ 30 фунтовъ, гондолъ полетѣли по большому каналу. Все время ихъ сопровождалъ громъ рукоплесканій! Когда они, сдѣлавъ назначенное пространство, возвратились къ дворцу Foscari, гдѣ раздавались небольшія преміи, состязавшіеся стали перебѣгать съ гондолы на гондолу, собирая по обычаю дань со всѣхъ присутствовавшихъ. Гондолы до того запрудили весь каналъ, что, по выраженію гондольера, можно было пройти пѣшкомъ по большому каналу отъ желѣзной дороги до св. Марка, ни разу не замочивъ себѣ ногъ. Когда вся эта масса гондолъ подъ звуки музыки и крики народа, привѣтствовавшаго Виктора-Эммануила, сидѣвшаго въ крошечной черной гондолѣ, терявшейся между всѣми другими, тронулась отъ Foscari къ св. Марку, видъ съ балкона, на которомъ я стоялъ, былъ единственный въ своемъ родѣ. Смѣшеніе богатыхъ костюмовъ, которые такъ шли къ красивымъ лицамъ гондольеровъ, роскошная пестрота изящныхъ гондолъ, которыя несли венеціанскихъ красавицъ, солнечные лучи, окрашивавшіе какимъ-то розоватымъ цвѣтомъ рѣзной мраморъ артистическихъ дворцовъ, тянувшихся въ два ряда, давали, мнѣ кажется, полное понятіе о венеціанскихъ праздникахъ лучшей эпохи республики.

Вечеромъ въ тотъ же день былъ праздникъ на площади св. Марка. Не тысячи, а милліоны пестрыхъ огней освѣтили, чтобы употребить выраженіе Наполеона I, эту бальную залу Венеціи! Оригинальная, смѣшанныхъ стилей, архитектура церкви св. Марка отлично поддавалась самой роскошной иллюминаціи. Всѣ куполы, впродолженіе нѣсколькихъ часовъ подъ-рядъ, освѣщались измѣнявшимися бенгальскими огнями, середина фасада была занята огромнымъ огненнымъ крылатымъ львомъ, а боковыя башенки были освѣщены контурными огневыми линіями.

Въ три часа ночи на площади раздавалось еще пѣніе. Вотъ мы и подошли къ послѣднему, можетъ быть, лучшему празднику, который я, впрочемъ, не берусь описать. Праздникъ этотъ состоялъ въ ночной серенадѣ на большомъ каналѣ. Около девяти часовъ вечера плыло нѣсколько тысячъ гондолъ, освѣщенныхъ всевозможныхъ цвѣтовъ фонарями, бенгальскими огнями, лампами, отъ св. Марка опять къ желѣзной дорогѣ, т. е. черезъ весь каналъ. Впереди всѣхъ гондолъ плыли двѣ громадныя барки, соединенныя между собою, роскошно освѣщенныя и убранныя коврами. На этомъ пловучемъ мосту помѣщался оперный хоръ и оркестръ струнной музыки. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой барки, плыла еще такая же махина, освѣщенная точно также разноцвѣтными фонариками; тутъ находился оркестръ военной музыки. Всѣ дворцы безъ исключенія были иллюминованы, но не снаружи, а внутри, такъ что на каналъ падалъ только мягкій полусвѣтъ. Цѣлое зданіе, плывшее впереди, на своемъ пути останавливалось въ нѣсколькихъ пунктахъ, и стройное пѣніе съ большого канала разносилось по цѣлой Венеціи. Въ антрактахъ, во время плаванія, воздухъ оглашался каждую секунду все тѣми же криками: «viva Vittorio-Emmanuel, viva Garibaldi, viva l'Italia, viva Venezia libera».

Далеко за полночь, на каналѣ раздавалось пѣніе и музыка. Далеко за полночь провожали венеціанцы свой праздникъ въ честь освобожденія Венеціи. Е. О.

Венеція, $^{9}/_{20}$ ноября 1866.

Всего 654 страницъ.

М. Стасюлевичъ.
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

ОПЕЧАТКИ

въ первыхъ двухъ отдѣлахъ третьяго тома.

Стран.	Строки:	Напечатано:	Вмѣсто:
239	7 сверху	другихъ	древнихъ
—	9 »	исторически	теоретически
252	12 »	къ нимъ	къ ней
255	19 »	ей	его
257	30 »	Нотръ-Дамѣ	Нотръ-Дамъ
260	2 »	проступка	преступной
266	17 »	въ дѣлѣ	въ бѣдѣ
268	30 »	сношенія	соглашеніе
270	15 »	росказни	раскаяніе

По указанію авторовъ, просятъ исправить: въ т. I, отд. I, на стр. 181, снизу строч. 2 и 9, важную ошибку: *Талызина*, вм. Голицына; и въ т. IV, отд I, на стр. 35, сверху строч. 16, *Кременецкій*, вм. Стадницкій.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТЫРЕХЪ ТОМОВЪ

ПЕРВАГО ГОДА.

Томъ I. — Мартъ.

I. Отъ Редакціи. — II. Письмо П. А. Плетнева. — III. Историческая наука въ «Вѣстникѣ Европы» до 1830 года.

I. — Смутное время Московскаго государства. — I. — Названый царь Димитрій. Глава первая. **Н. И. Костомарова.** — II. — Первая эпоха преобразованій императора Александра I. **М. И. Богдановича.** — III. — Русская колонизація сѣверовосточнаго края. **С. В. Ешевскаго.** — IV. — Средневѣковой историкъ и его отношеніе къ своему обществу. **М. М. Стасюлевича.** — V. — Пугачовщина. **Д. Л. Мордовцева.** — VI. — Ломоносовъ и реформа Петра Великаго. **О. Ѳ. Миллера.** — VII. — Новѣйшая исторія Австріи. Статья первая.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА. — Обзоръ книгъ и статей по русской исторіи въ 1865 году.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — О мѣстѣ классическаго образованія въ общемъ ходѣ народной образованности. — О методѣ и матеріалѣ историческаго преподаванія. — Новыя къ тому пособія: сборники историческихъ памятниковъ. — Споры о цѣли и значеніи историческаго преподаванія въ Пруссіи.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. — Земское обозрѣніе: О значеніи земства. Статья первая. **Н. Ѳ. Крузе.** — Экономическое обозрѣніе: Нашъ современный экономическій бытъ. **М. П. Колюпанова.** — Иностранное обозрѣніе: Результаты сѣверо-американской междоусобной войны. **W.** — Новѣйшая историческая сцена. **П. В. Анненкова.** — Археологическая замѣтка о постановкѣ «Рогнѣды». **В. В. Стасова.** — Библіографическій листокъ: Новыя книги.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Изданы съ прим. и указат. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866.

Это изданіе приготовлено, по порученію Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, ко дню столѣтней годовщины исторіографа и значительно пополняетъ собою всѣ извѣстныя до сихъ поръ письма его, какъ разсѣянныя въ журналахъ, такъ и изданныя отдѣльно. Переписка Карамзина съ Дмитріевымъ продолжалась цѣлыхъ сорокъ лѣтъ и заключаетъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы для біографіи и характеристики Карамзина. Только съ помощью писемъ его высокая личность становится вполнѣ понятною. Изданіе обогащено библіографическими и историко-литературными примѣчаніями, и украшено снимками почерка и портретомъ Карамзина. Въ «Приложеніяхъ» мы находимъ неизвѣстную доныне статью Карамзина о русской литературѣ, писанную въ 1797 г. по-французски, для гамбургскаго журнала Spectateur du Nord, и три изслѣдованія акад. Пекарскаго. При этомъ кстати будетъ указать на изданіе подъ заглавіемъ: *«Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина»*. Ч. I. Спб. 1862 года, которое до сихъ поръ мало обратило на себя вниманія, но оно, вмѣстѣ съ академическимъ трудомъ Я. К. Грота и П. П. Пекарскаго, заключаетъ въ себѣ весьма важные и любопытные документы для будущаго біографа Карамзина, и вообще для историка его времени.

Николай Михайловичъ Карамзинъ. Матеріалы для біографіи, съ прим. и объясн. М. Погодина. Въ 2 ч. Москва. 1866.

Этотъ трудъ, по своему назначенію, служитъ матеріаломъ для будущаго біографа Н. М. Карамзина, и примыкаетъ къ вышеупомянутому изданію. М. П. Погодинъ, отказываясь самъ отъ авторской чести, предоставилъ, такъ сказать, самому Карамзину изложить свою жизнь, а потому его трудъ можно назвать почти автобіографіею Карамзина. Теперь остается желать, чтобы всѣ эти важныя предварительныя работы вызвали въ нашемъ ученомъ мірѣ талантъ, который сдѣлалъ бы для біографіи Карамзина то, что въ эту минуту исполнилъ Е. П. Ковалевскій для жизнеописанія графа Блудова.

Графъ Блудовъ и его время. Соч. Ег. Ковалевскаго. Спб. 1866.

Удаленіе историковъ въ древнія эпохи часто бываетъ знакомъ того, что въ обществѣ есть еще много такого, что никому не дозволитъ научно обработывать близкое время безъ того, чтобы не поставить въ затрудненіе между истиною и еще живыми фактами. Потому появленіе трудовъ по новѣйшей исторіи всегда весьма утѣшительно, какъ доказательство того, что истину можно довольно близко пододвинуть къ тому, что еще существуетъ и живетъ. Почтенное имя автора должно ручаться намъ, что вышеуказанное нами затрудненіе разрѣшено въ настоящемъ случаѣ не въ ущербъ истинѣ. Жизнь гр. Блудова изложена Е. П. Ковалевскимъ въ тѣсной связи съ окружающею его эпохою, и это придаетъ труду еще болѣе значенія. Авторъ ограничивается нынѣшній разъ однимъ временемъ Александра I; впрочемъ, въ заключеніи, онъ обѣщаетъ продолжить начатое и доказать справедливость своихъ взглядовъ «дальнѣйшимъ описаніемъ жизни гр. Блудова и его гражданской дѣятельности». Но и того, что мы уже имѣемъ въ рукахъ, достаточно, чтобы вызвать полную признательность читающей публики за трудъ, который составитъ одно изъ замѣчательныхъ явленій исторической литературы въ настоящемъ году.

Высшая администрація Россіи XVIII ст. и Генералъ-Прокуроры. Соч. А. Градовскаго. Сп. 1866.

На должности Генералъ-Прокурора отражаются всѣ перемѣны, какимъ подвергалась наша государственная администрація со временъ Петра I и до самаго учрежденія министерствъ. Авторъ избралъ потому весьма удачно предметъ своего изслѣдованія. Знаніе дѣла и научные пріемы изслѣдователя обращаютъ вниманіе на этотъ трудъ, и мы постараемся сказать о немъ подробнѣе въ нашей Литературной Хроникѣ слѣдующаго тома.

Закавказье отъ 1803—1806 г. Соч. Н. Дубровина. Спб. 1866.

Авторъ ограничился небольшою, но весьма замѣчательною въ лѣтописяхъ Кавказа эпохою присоединенія Грузіи. Онъ останавливается преимущественно на главномъ управленіи въ этомъ краѣ кн. Циціанова, прерванномъ его смертью, вслѣдствіе измѣны. Множество документовъ, приведенныхъ авторомъ въ извлеченіяхъ и почерпнутыхъ большею частью изъ Арх. Мин. Ин. дѣлъ, обращаютъ особенное вниманіе на этотъ трудъ, независимо отъ интереса самаго предмета, еще не имѣвшаго для себя такой спеціальной разработки.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1867 ГОДУ,

слѣдуя своей прежней программѣ, выходитъ въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ, отдѣльными томами, отъ 500 до 600 страницъ каждый.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

1. Для *городскихъ* подписчиковъ въ *С.-Петербургѣ* и въ *Москвѣ:*

безъ доставки . . . . **8** руб.
съ доставкою . . . . **9** „

2. Для *иногородныхъ:*

съ пересылкою . . . . **9** руб.

3. Для *иностранныхъ*, съ пересылкою: въ *Пруссію* и въ *Германію — 11* руб.; въ *Бельгію — 12* руб.; во *Францію* и *Данію — 13* руб.; въ *Англію*, *Швецію*, *Испанію* и *Португалію — 14* руб.; въ *Швейцарію — 15* руб.; въ *королевство Италію* и въ *Римъ — 16* руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1. **Городскіе** подписчики въ С.-Петербургѣ — при книжныхъ магазинахъ **Д. Е. Кожанчикова, Я. А. Исакова,** и **А. Ѳ. Базунова;** и въ Москвѣ — **И. Г. Соловьева.**

2. **Иностранные** и **иногородные** подписчики высылаютъ подписную сумму русскими кредитными билетами, съ приложеніемъ точнаго адреса, **исключительно: Въ Редакцію «Вѣстника Европы» въ С.-Петербургѣ,** и только въ такомъ случаѣ Редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность за своевременную и точную сдачу экземпляровъ въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.

Желающіе получить полный экземпляръ журнала за 1866 годъ обращаются въ вышеозначенныя мѣста подписки.

М. Стасюлевичъ.
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

3 2044 014 589 154

se ref

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
SEP 2 6 1992

WIDENER
OCT 1992
BOOK DUE